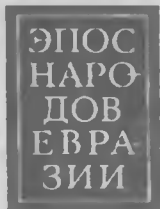

НАРТЫ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

•

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

•

КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКИЙ
НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ
И ЭКОНОМИКИ

«НАУКА»

НАРТЛА

МАЛКЪАР-КЪАРАЧАЙ
НАРТ
ЭПОС

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА
1994

НАРТЫ ²⁰⁰⁰

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
БАЛКАРЦЕВ
И КАРАЧАЕВЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА
1994

ББК 82.3(2)

Н30

Серия «Эпос народов Евразии»
основана в 1971 году (до 1992 г. —
серия «Эпос народов СССР»)

Редколлегия серии

Т. Ф. ВЛАДЫШЕВСКАЯ, А. А. ГОРЕЛОВ, У. Б. ДАЛГАТ,
Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ, А. С. МИРБАДАЛЕВА,
Э. Р. ТЕНИЦЕВ (главный редактор), Н. И. ТОЛСТОЙ

Ответственный редактор тома

А. И. АЛИЕВА

Научный консультант

У. Б. ДАЛГАТ

Составители тома

Р. А.-К. ОРТАБАЕВА (карач. тексты), Т. М. ХАДЖИЕВА,
А. З. ХОЛАЕВ (балк. тексты)

Вступительная статья, комментарии и глоссарий

Т. М. ХАДЖИЕВОЙ

Перевод текстов

Т. М. ХАДЖИЕВОЙ, Р. А.-К. ОРТАБАЕВОЙ

Редактор национальных текстов

А. А. ЖАППУЕВ

Редактор издательства

А. А. ЯНГАЕВА

**Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаев-
Н30 цев.** — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная ли-
тература». 1994.—656 с.—(Эпос народов Евразии).
ISBN 5-02-017455-6

Предлагаемый очередной том из серии «Эпос народов Евразии» — первое научное двуязычное издание нартского эпоса двух родственных по происхождению и языку народов Северного Кавказа — балкарцев и карачаевцев. Тексты сопровождаются переводом, комментариями, словарем и исследованием. Публикуются нотные записи эпоса.

4702010500-011
Н 013(02)-94 118, 119-93

ББК 82.3(2)

ISBN 5-02-017455-6

- © Вступительная статья и комментарии: Т. М. Хаджиева, 1994
- © Составление и перевод балкарских текстов: Т. М. Хаджиева, 1994
- © Составление и перевод карачаевских текстов: Р. А.-К. Ортабаева, 1994
- © Оформление: Издательская фирма «Восточная литература» ВО «Наука», 1994

613348
КАРАЧАЕВ-ЧЕРКЕССКАЯ
РЕСПУБЛИКА
НАУКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук совместно с другими научными центрами продолжает публикацию фольклорных произведений, представляющих богатое эпическое наследие народов Восточной Европы и Азии.

Эта серия выходила под названием «Эпос народов СССР». Ныне она получила название «Эпос народов Евразии». Серия охватывает издание эпических памятников славянских, тюркских, кавказских, монгольских, самодийских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и других народов. В серию включаются произведения разных эпических жанров в зависимости от того, как они представлены в эпической традиции каждого народа.

Книги серии содержат разделы: текст эпоса на языке оригинала и его перевод, выполненный с максимально достижимой адекватностью; краткое исследование, в котором даются историческая оценка и художественная характеристика издаваемого памятника; комментарии и словарь к переводу; сведения о вариантах и о сказителях, от которых записан текст эпоса; статью об особенностях исполнения эпических произведений; нотные записи и др.

Настоящий том является первым академическим двуязычным изданием балкар-карачаевской версии общекавказской Нартиады.

В том вошли эпические тексты, записанные на протяжении более ста лет, начиная с 1881 г. Составители включили в него все дореволюционные записи и публикации нартского эпоса балкарцев и карачаевцев. К сожалению, эти записи представляют эпические сказания двух народов только в переводе на русский язык — их оригиналы не были опубликованы и не сохранились. Однако специалистами уже давно установлены аутентичность этих текстов, их непреодолимая ценность.

Основное место в издании занимают нартские песни и сказания из архивов КБНИИФЭ и КЧНИИ. Большинство из них в научный оборот вводится впервые.

Из всех имеющихся вариантов каждого сюжета отобраны и включены в том наиболее научно достоверные и совершенные в художественном отношении. Тексты сгруппированы по циклам вокруг имен основных героев, а внутри цикла расположены по принципу биографической хронологии. Вслед за текстами на языке оригинала даются их переводы на русский язык. Трудности перевода обусловлены наличием в эпосе большого количества архаизмов и труднопереводимой лексики, смысл которой не всегда могут объяснить и сами сказители. Тем не менее переводчики стремились максимально точно передать не только смысл, но и художественную структуру и стилистические особенности эпоса и при этом старались избежать буквализма.

При переводе по мере необходимости причастные и деепричастные обороты заменялись различными глагольными формами, а сложные предложения разбивались на несколько простых. В тех случаях, когда делался смысловой перевод, в комментариях к текстам в квадратных скобках давался буквальный перевод.

В квадратных скобках даются и дополнительные слова, введенные в перевод для более точной передачи смысла оригинала.

Нартские песни переводились строка в строку. К перестановке строк переводчики прибегали лишь в тех случаях, когда без этого нарушались нормы русского языка.

Строфическое деление переводов нартских песен соответствует их разбивке в оригинале.

В комментариях к текстам приводятся паспортные данные (исполнитель, его возраст, место и время записи, собиратель) в той полноте, как они зафиксированы в полевых материалах (добавлены лишь сведения о публикации). Здесь же дается толкование идиом, этнографических и бытовых понятий, приводится перечень вариантов данного сказания.

Имена собственные, географические названия, отдельные термины, требующие пояснения, отмечены звездочкой и разъяснены в глоссарии.

В настоящее издание входят: вступительная статья Т. М. Хаджиевой, оригинальные тексты и перевод двенадцати циклов нартского эпоса балкарцев и карачаевцев, статья С.-А. Урусбиева «Несколько слов от собирателя и переводчика», статья А. И. Рахаева «О музыке нартского эпоса Балкарии и Карачая», нотные приложения, комментарии, глоссарий и список сокращений.

Издание подготовлено учеными Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук и Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики при Совете Министров КБР.

Переводы нартских сказаний из архива КЧНИИ осуществлены кандидатом филологических наук Р. А.-К. Ортабаевой. Все остальные эпические тексты переведены старшим научным сотрудником КБНИИФЭ Т. М. Хаджиевой; ею же составлены комментарии и глоссарий к переводам.

В работе над томом большую помощь составителям и переводчикам оказали научные сотрудники КБНИИФЭ В. М. Батчаев, А. М. Гутов, М. Ч. Журтубаев, М. Ч. Кучмезова, Х. Х. Малкондуев, М. З. Улаков, Л. Ж. Жабелова.

Ранее в серии «Эпос народов СССР» вышли:

1971 г.

Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос.

1972 г.

Украинские народные думы.

Русгамхан. Узбекский героико-романический эпос.

1973 г.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос.

1974 г.

Нарты. Адыгский героический эпос.

1975 г.

Кобланды-батыр. Казахский героический эпос
Лачплесис. Латышский народный эпос.

1977 г.

Башкирский народный эпос.

1983 г.

Гёр-оглы. Туркменский героический эпос.

1984 г.

Манас. Киргизский героический эпос. Книга 1.

1985 г.

Строптивный Кулун Куллустуур. Якутское олонхо.

1987 г.

Гуругли. Таджикский народный эпос.
Коми народный эпос.

1988 г.

Манас. Киргизский героический эпос. Книга 2.
Алтын Арыг. Хакасский героический эпос.

1990 г.

Манас. Киргизский героический эпос. Книга 3.
Нарты. Осетинский героический эпос. Книги 1-3.
Джангар. Калмыцкий героический эпос.

НАРТСКИЙ ЭПОС БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Балкарцы и карачаевцы (общей численностью около 250 тыс. — по переписи 1989 г.) — два близкородственных народа с единым языком и традиционной культурой. Они издавна населяют центральные и западные районы Северного Кавказа в верховьях Терека и Кубани, в современных границах Кабардино-Балкарской Республики и Карачая.

В антропологическом отношении они являются представителями так называемого кавкасионского варианта европеоидной расы. Карачаево-балкарский язык относится к западной группе тюркских языков, в которой вместе с кумыкским, крымско-татарским и караимским составляет особую (кыпчако-половецкую) подгруппу кыпчакских языков.

По вопросу этногенеза балкарцев и карачаевцев общепринятого мнения до сих пор нет. Ученые, выступавшие на Всесоюзной научной сессии «О происхождении балкарцев и карачаевцев» (Нальчик, 1959), пришли к выводу, что эти народы произошли «в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, черные булгары и в особенности одно из западнокипчакских племен» [111, с. 310].

В настоящее время можно говорить о двух основных направлениях в разработке проблемы этногенеза балкарцев и карачаевцев: по линии ориентировочных установок вышеуказанной сессии 1959 г. (Е. П. Алексеева, Л. И. Лавров, И. М. Чеченов, В. М. Батчасв и др.) и по линии пересмотра этих установок (У. Б. Алиев, К. Т. Лайпанов, Х.-М. И. Хаджилаев, М. А. Хабичев, И. М. Мизиев, А. М. Байрамкулов, С. Я. Байчоров, М. Ч. Журтубасв и др.).

За свою многовековую историю балкарцы и карачаевцы создали богатейший фольклор. Центральное место в их устном поэтическом творчестве занимает героический нартский эпос, который является одной из национальных версий общекавказской Нартиады.

Охарактеризуем кратко историю публикации и изучения балкарских и карачаевских сказаний о нартах, поскольку этот вопрос достаточно широко освещен в работах Б. А. Калоева [82], А. З. Холаева [172; 171], Ю. Гаглойти [42], А. И. Алиевой [13] и Х.-М. А. Сабанчиева [151].

Первая публикация балкаро-карачаевских сказаний появилась в 1879 г. Она принадлежит П. Острякову [129]¹.

Информаторами П. Острякова были князья Урусбиевы². Вот что писал о них П. Остряков: «...им дороги памятники родной поэзии, и они с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы, хотя бы в русском переводе, сохранил заветные песни» [129, с. 701].

¹ Тексты П. Острякова в нартоведении до недавнего времени рассматривались как кабардинские. А. З. Холаев, подробно проанализировав их, доказал, что они записаны от балкарских сказителей. Об этом подробнее см. [172; 42; 13].

² Балкарские таубии (князья) братья Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, как и их отец Исмаил, который был знаком с Вс. Ф. Миллером, М. М. Ковалевским, С. И. Танеевым, И. И. Иванюковым и неоднократно сопровождал их в поездках по Кавказу, отлично знали родной фольклор и вели большую работу по его собиранию (см. [13; 151]). С.-А. Урусбиевым много этнографического и фольклорного материала было сообщено и Г. Н. Потанину, который частично использовал его в своих работах [139, с. 711, 729, 732, 740, 742, 747].

Слева направо: С. И. Танеев, М. М. Ковалевский, И. Урусбиев, полковник Аглинцев, Н. К. Михайловский, И. И. Иванюков

В 1881 г. один из братьев Урусбиевых — Сафар-Али — в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» опубликовал на русском языке четыре нартских сказания своего народа: «Урызмек», «Шауай», «Рачикау» и «Сосруко»³. «В отличие от публикации П. Острякова — это развернутые тексты, по которым читатель мог составить более полное представление о карачаево-балкарском нартском эпосе» [13, с. 10].

Небольшое предисловие к этим сказаниям, «Несколько слов от составителя и переводчика», и комментарии положили начало научному изучению эпоса балкарцев и карачаевцев.

В 1883 г. учитель Карачаевского горского училища М. Алейников напечатал в третьем выпуске СМОМПК два карачаевских сказания — «Ачемез и Хубун» и «Эмегены». Автор публикации, отмечая широкое бытование нартского эпоса в среде карачаевцев, подчеркивал, что у карачаевцев «встречаются почти все сказания о нартах, записанные г. Урусбиевым у татар (балкарцев.— Т. Х.) Пятигорского округа, и имеют тот же самый характер, отличаясь от них только в деталях» [11, с. 138—139].

Это очень важное замечание собирателей свидетельствует о том, что в прошлом веке сказания о нартах были одинаково широко распространены как среди балкарцев, так и среди карачаевцев.

В 1896 г. в двадцать первом выпуске СМОМПК опубликован балкарский вариант нартского сказания о юном мстителе Ачемезе — «Богатырь Ецемей, сын Ецея», записанный учеником Закавказской учительской семинарии А.-Б. Боташевым.

В 1898 г. известный кавказовед А. Н. Дьячков-Тарасов напечатал шесть карачаевских сказаний — «Сосруко и эмеген пятиголовый», «Алауган», «Генджакешауай», «Смерть Орюзмека», «Чюэрдь», «Княгиня Сатана», — которые он записал во время путешествия по Большому Карачаю. Эти тексты, как и все

³ Имена нартских героев и в статье, и в эпических текстах нами приводятся в той огласовке, в которой они даются в публикациях дореволюционных издателей и в полевых материалах собирателей.

предыдущие, увидели свет в переводе на русский язык. В своей публикации А. Н. Дьячков-Тарасов так характеризует эпические тексты карачаевцев: «...можно сказать, что впечатление, получаемое при чтении карачаевских сказаний, однородно с тем, какое производит на нас чтение многочисленных великолепных переходных рассказов, издревле тянувшихся из Азии через Кавказ в Европу: тот же дуализм, та же борьба доброго и злого начала, света с тьмой, подземных богатырей с надземными, „нарттов“ с „эмегенами“» [65, с. 72].

В 1962 г. В. М. Гацак обнаружил в архиве академика Вс. Ф. Миллера рукопись под названием «Нарты (черкесские былины)» [121]⁴. Рукопись, помещенная 1901 г., включает стихотворные переводы четырех нартских балкаро-карачаевских сказаний: «Про первого нарта Дебета Золотого»; «Сыновья Дебета — Гу и Цехни»; «Как вошло зло в нартский род»; «Шевай, сын Алавгана» (к сожалению, текст незаконченный).

Следующая публикация (1903 г.) балкаро-карачаевских сказаний принадлежит Н. П. Тульчинскому [160]. В примечаниях к шести нартским текстам автор отмечает, что два из них («Орюзбек», «Созар Гезохов») были заимствованы из тетради Науруза Урусбиева⁵. Остальные («Орюзбек и Сатаной», «Сосук», нартская песня и сказание об Орюзбеке) записаны им в Верхней Балкарии и Хуламе.

К 1903 г. относится и публикация нартского сказания «Кто сильнее?», записанного одним из неутомимых собирателей и популяризаторов фольклора кавказских народов — журналистом Е. Барановым [26].

Как видим, уже к началу XX в. в балкаро-карачаевском фольклоре «были зафиксированы не только варианты общекавказских нартских сказаний, где выступают традиционные герои, известные и другим народам Кавказа, но и сказания, повествующие о героях, специфических для данной версии» [13, с. 13]. Все эти публикации говорят о широком бытовании и популярности нартских песен и сказаний в балкаро-карачаевской среде.

Большая работа по сбору, публикации и изучению эпоса балкарцев и карачаевцев, как и всего фольклора этих народов, велась и в советское время.

В 1924 г. украинский ученый М. П. Гайдай во время своей экспедиции в Балкарию записал более 100 песен и наигрышей балкарцев и карачаевцев, в том числе и несколько нартских песен. Все материалы его экспедиции под названием «Балкарские народные мелодии. Северный Кавказ. Июль 1924 г.» хранились в архиве Института истории, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского Украины.

Фонограммы же московской экспедиции 1929 г. (руков. К. Ф. Денисова), записанные в Верхнем Баксане (КБР), до сих пор не обнаружены.

В начале 40-х годов КБНИИ был подготовлен к печати сборник балкарских сказок, нартских сказаний и песен, в основу которого легли материалы лингвистической экспедиции института 1939 г. Выходу в свет этой книги помешала война. Рукопись сборника пропала во время оккупации Нальчика в годы Великой Отечественной войны.

В конце 50-х годов выяснилось, что часть материалов этой экспедиции сохранилась у ее руководителя проф. В. И. Филоненко. В силу ряда объективных причин они были опубликованы лишь в 1962 г. [109].

Три варианта сказаний о нарте Сосуруке, включенные в этот сборник, представляют особый интерес, так как являются одной из первых публикаций балкаро-карачаевских сказаний на языке оригинала.

⁴ В 1963 г. В. М. Гацак на Сухумской конференции нартведов сообщил об этой рукописи и высказал предположение, что ее переводы восходят к балкаро-карачаевским первоисточникам. Впоследствии А. З. Холаев [171], Ю. С. Гаглойти [42], А. И. Алиева [13] подтвердили его предположение.

⁵ К сожалению, о судьбе тетради Н. Урусбиева, в которой, как указывает Н. П. Тульчинский, все фольклорные тексты были записаны на «горском» (карачаево-балкарском) языке, нам ничего не известно. Предполагают, что она хранится в одном из архивов страны, однако до сих пор ее никому не удалось обнаружить.

К числу первых публикаций на карачаево-балкарском языке относится и сказание «Сосруко и эмеген пятиголовый», напечатанное в 1940 г. в книге «Къарачай фольклор». В этом же году был опубликован и вариант сказания об Ачемезе [22].

В годы депортации балкарского и карачаевского народов в Среднюю Азию (1944—1957), понятно, не могло быть и речи о собирании, а тем более о публикации произведений их народного поэтического творчества.

В КБНИИФЭ фольклорный фонд балкарцев и карачаевцев, как таковой, начинает свое летосчисление лишь с 1958 г. Первые записи нартских песен и сказаний также относятся к этому году.

В 1959 г. вышла «Антология балкарской поэзии», в которую были включены наиболее яркие, оригинальные фольклорные тексты, в том числе и пять нартских песен («Ерюзбек и краснобородый Рыжий Фук», «Ерюзбек и Ногайчик», «Сосрук и эмеген», «О том, как женился Алауган», «Пелиуан Карашауай»).

Наиболее полное научное издание нартских песен и сказаний на языке оригинала было осуществлено в 1966 г. [119]. Составитель тома, автор предисловия и комментариев А. З. Холаев — один из первых собирателей и исследователей балкаро-карачаевского эпоса в советское время. В издание вошли лучшие образцы нартских песен и сказаний, записанные в 1958—1965 гг.; многие из них были введены в научный оборот впервые.

Большинство сказаний издания в поэтическом переводе С. И. Липкина было включено в книгу «Дебет Златоликий и его друзья» (составитель, автор предисловия и комментариев А. З. Холаев).

В 1983 г. под грифом КБНИИФЭ вышла антология «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях». Ей предпослана вступительная статья А. И. Алиевой, в которой дается историография вопроса, приводятся сведения о первых собирателях и публикаторах балкаро-карачаевского фольклора, дается научная характеристика публикаций и их значения. Это первое критическое собрание фольклорных текстов, в том числе и нартских сказаний, опубликованных в различных дореволюционных изданиях, ценно тем, что сделало доступными материалы для широкого круга читателей, у которых всегда был и остается большой интерес к народному поэтическому творчеству как к неотъемлемой части своей духовной культуры, и облегчило труд исследователей, занимающихся проблемами фольклора.

С 1979 г. КБНИИФЭ приступил к составлению антологий песенно-музыкального наследия адыгов, балкарцев и карачаевцев. Подготовлены к печати первые два тома «Антологии народной музыки балкарцев и карачаевцев». Второй том включает 35 нартских песен на языке оригинала и в переводе на русский язык, комментарии и две статьи (фольклориста и музыковеда).

Нартские сказания, собранные в Карачае сотрудниками КЧНИИ, были опубликованы на языке оригинала в 1987 г. в книге «Къарачай-малкъар фольклор». Составление, вступительная статья и комментарии принадлежат Р. А.-К. Ортабаевой [94].

В 1988 г. КБНИИФЭ была издана книга «Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев. Нартский эпос. Мифологическая и обрядовая поэзия». Составитель, автор предисловия и комментариев — Т. М. Хаджиева [105]. В раздел «Нартский эпос» этого издания вошли не публиковавшиеся ранее нартские песни и сказания из архива КБНИИФЭ.

Изучение балкаро-карачаевского эпоса началось в конце прошлого столетия. Как уже отмечалось, начало ему в 1881 г. положила небольшая статья С.-А. Урусбиева, предпосланная его публикации эпических текстов [164, с. I—XIII].

В 1897 г. в 40-м томе словаря Брокгауза и Ефрона была напечатана небольшая статья «Нартские богатыри». «Основой для нее послужили... в первую очередь тексты С.-А. Урусбиева, которые приводятся в перечне литературы» [151, с. 178]⁶.

⁶ Об этом см. и монографию Ю. С. Гаглойти [42, с. 25].

Ценные наблюдения над балкаро-карачаевскими эпическими текстами содержат «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к выпускам 21, 23, 25 и 34 СМОМПК, где напечатаны эти тексты.

К балкаро-карачаевским сказаниям как к сравнительному материалу обращались известные ученые — Вс. Ф. Миллер [114, с. 13, 18], Г. Н. Потанин [138, с. 872—874], М. Халанский [169].

К сожалению, и в послереволюционный период ученые, занимавшиеся исследованием общекавказской Нартиады, привлекали балкаро-карачаевский эпос чаще всего лишь для сравнения с другими национальными версиями (см. [149; 63; 64; 1—5; 55—58; 78; 79; 12; 43; 49; 93] и др.).

В работах же балкарских и карачаевских фольклористов проблемы нартского эпоса долгое время освещались только в отдельных статьях или главах исследований, посвященных различным вопросам их фольклора и литературы (см. [119; 172; 85; 86] и др.).

В 1974 г. вышло монографическое исследование А. З. Холаева «Карачаево-балкарский нартский эпос». В нем дана общая характеристика балкаро-карачаевских нартских сказаний, их основных сюжетов, особенностей композиции, принципов описания главных героев. В ходе исследования А. З. Холаев на большом фактическом материале стремился показать самобытность и оригинальность данной версии эпоса.

Поэтике балкаро-карачаевского нартского эпоса посвящена кандидатская диссертация Т. М. Хаджиевой [168].

В статье А. З. Холаева «Народное устно-поэтическое творчество» [130], в работах Ф. А. Урусбиевой [165], Т. М. Хаджиевой [167], З. Х. Толгурова [157], А. М. Байчикуева [23], А. И. Рахаева [148] также исследуются некоторые вопросы нартского эпоса балкарцев и карачаевцев.

* * *

В результате сложившихся в течение веков тесных экономических, политических и культурных связей между кавказскими народами в разных версиях Нартиады много общего. Но при всей их близости «у каждого из народов Кавказа нартские сказания по содержанию и бытовым реалиям, форме, поэтике, стилю, манере исполнения несут черты национальной фольклорной традиции, национального колорита» [132, с. 61]. Так, в частности, в балкаро-карачаевской версии кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпической традицией тюрко-монгольских народов.

Если кавказские традиции объясняются кавказским субстратом и типологическим единством, то тюрко-монгольские параллели помимо типологического сходства обусловлены генетической общностью, этническим и языковым родством, общей эпической архаикой. При этом, если с эпическими памятниками народов Средней Азии исследуемый эпос роднят в основном языковые, стилистические особенности, ритмическая организация стиха, то с эпосом якутов, алтае-саянских народов, бурят, монголов — совпадения тем и сюжетов, сходство целого ряда мотивов, ситуаций, мифологических и религиозных образов и представлений.

Песенное бытование эпоса балкарцев и карачаевцев — одна из ярких, самобытных особенностей их эпической традиции⁷. Именно благодаря стихотворно-песенной форме существования в их эпосе произошла консервация многих архаических элементов⁸, которую отмечали и исследователи Нартиады. Так,

⁷ На широкое распространение нартских песен у балкарцев и карачаевцев указывают не только исполнители нартских песен, но и многие собиратели и исследователи нартского эпоса (см. [129, с. 701—702; 164, с. IV; 73, с. 96; 186, с. 64; 150; 171, с. 123—130; 58, с. 89] и др.).

⁸ Консервация архаических реалий эпоса балкарцев и карачаевцев способствовало и то, что эти народы на протяжении длительного времени жили высоко в горах в относительной этногеографической изоляции (см. [99; 97—98; 28]). Благодаря этому они сохранили и целый ряд архаических сюжетов, мотивов, образов, религиозных представлений, связанных с тюрко-монгольской древностью (об этом см. ниже).

С.-А. Урусбиев писал, что нартские сказания горских племен Кавказа, «переходя из уст одного поколения к другому... претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти (балкарские. — Т. Х.)» [164, с. 1].

М. В. Рклицкий же, говоря об инновациях в осетинском эпосе, писал, «что испорченные... несуразностями места сказаний (осетин. — Т. Х.) восстанавливаются до некоторой степени в наиболее сохранившихся от этих влияний сказаниях балкарцев» [149, с. 28].

Сохранность балкаро-карачаевских сказаний в свое время отметил и Б. К. Далгат [53, с. 85].

У балкарцев и карачаевцев, как и у других народов — носителей Нартиады, сказания составляют ряд больших и малых циклов. Каждый цикл — это группа небольших по объему сказаний и песен о появлении на земле нартского племени; о различных этапах и событиях эпической жизни героев (рождение, богатырское детство, первый подвиг, женитьба, борьба с мифическими чудовищами, с кровником и т. д.)⁹.

Одни циклы образуются из ряда сказаний, которые группируются вокруг имен нартских героев по биографическому принципу (Ерюзбек и Сатанай и др.), другие — по генеалогическому (Дебет — Алауган — Карашауай; Ачей — Ачез, сын Ачей, Бёдене — Рачыкау).

Малые циклы складывались из сказаний и песен о нартских героях, с именами которых связано небольшое количество сюжетов и чьи эпические «биографии» детально не разработаны.

Каждый цикл представляет собой достаточно самостоятельную и законченную группу сказаний, однако все циклы взаимосвязаны (а иногда даже взаимообусловлены). В целом же балкаро-карачаевская версия Нартиады — композиционно разработанный и завершённый эпос¹⁰: в нем воссоздана жизнь нартского племени от его появления на земле до гибели или переселения его на небо или в подземный мир.

Согласно балкаро-карачаевским сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью богов — Тейри Земли, Тейри Солнца и Тейри Неба, которые принимают самое активное участие в судьбе нартских героев.

В сказании «Тейри и нарты» говорится: «Тейри Солнца сотворил солнце, Тейри Земли сотворил землю. Моря были сотворены в третью очередь. Когда были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди». В сказании же «Про первого нарта Дебета Золотого», в котором подробно описывается эпоха Первотворения, бог из частей своего тела создает не только вселенную, но и первочеловека — нартского кузнеца Дебета. А в эпическом тексте «Тейри» нарты сами говорят о своем божественном происхождении:

В нартах течет твоя кровь, Тейри,
Нарты — часть твоей плоти.

Характеризуя балкаро-карачаевских нартских героев, С.-А. Урусбиев писал: «Нарты были народ огромного роста и необъятной силы, народ, закаленный в перенесении трудностей и лишений. Они проводили жизнь свою главным образом в искании опасностей и приключений, в набегах с целью добычи, а также в особых странствиях, называвшихся джортуулами... Все, что доставалось без особого труда, не соединялось с опасностями, было им противно... они искали

⁹ Отличительная черта балкаро-карачаевского нартского эпоса — отсутствие темы борьбы нартов с чужеземцами. Исключение составляет сказание «Сатанай и войско Темир-Капу». Но даже в нем подробно описываются лишь эпизоды борьбы нартского войска, возглавляемого Сатанай, с воинами-змегенами Темир-Капу (ср. с войском противников Манаса, состоящим из великанов, воинов-мангусов; с воинами-мангусами в монгольском эпосе [41, с. 124]).

¹⁰ С.-А. Урусбиев в своем «Предисловии» писал: «Сказания о нартах кажутся на первый взгляд не имеющими между собою ничего общего, но при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить внутренней связи между ними, как бы между частями одной эпической поэмы» [164, с. VIII].

таких приключений, в которых им можно было бы во всю ширь выказать свою удал и силу... В свободное от джортуулов время нарты устраивали увеселительные собрания, на которых предавались богатырским играм и танцам» [164, с. II].

Нарты — воплощение героизма и мужества. «Они не ведали, что такое страх, и не боялись смерти,— говорится в сказании „Рождение Сосурука“.— Того, кто умирал в битве с врагом, они считали родственником Тейри... Могилу героически погибшего нарта нарты не забывали... [У этой могилы] клялись именами Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня быть смелыми и не отступать перед врагом».

Специфика изображения нартских героев обусловлена героико-эпической эстетикой древнего эпоса. Идеализация большинства из них начинается уже с описания их рождения и детства. В исследуемом эпосе мотив божественного и чудесного рождения связан с образами всех основных нартских героев.

Так, в одном из вариантов сказаний о рождении Дебета он сотворен Богом, в другом, основанном на древнейших мифологических представлениях, он — сын Тейри Неба и Тейри Земли; Сатанай — дочь Солнца и Луны; Ерюзбек появился из хвостатай звезды, упавшей на землю; Сосурук — сын камня; Карашауай — внук Дебета, а мать его — эмегенша.

С мотивами чудесного рождения нартских героев связаны и другие постоянные архаические общенартские мотивы: фантастически быстрый рост, богатырское детство, первый подвиг и т. д.

Мотив божественного или чудесного рождения предопределяет и необыкновенность, исключительность героев (сердце и кровь Дебета из огня, он понимает язык огня, камней, зверей и птиц и т. д.; прекрасная Сатанай — чародейка и провидица; Карашауай подвластна стихии холода, он и его богатырский конь Гемуда могут менять свой облик и т. д.).

Нартские герои наделяются не только различными сверхъестественными способностями, они обладают и чудесными предметами: бочонок (чаша) Агуна, котел о сорока ушках, меч Ерюзбека, талисман Чюерды и т. д., а также имеют волшебных помощников (чаще всего это богатырский конь нартского героя).

Все эти качества героев и предметов, которыми они обладают, необходимы нартам в борьбе с различными враждебными существами — эмегенами^{*}, алмосту^{*}, агач киши^{*}, сарыуеками^{*}, желмаузами^{*}.

Спецификой исследуемой версии является то, что главная ее эпическая тема — борьба нартов с мифологическими чудовищами-эмегенами. «Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой благодаря своему умственному превосходству нарты всегда оставались победителями... Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо» [164, с. 111].

Эмегены — не только постоянные эпические враги нартов, они — источник зла и хаоса на земле. Быстро размножаясь (у эмегенши, жены Алаугана, дети рождаются через каждые три месяца; старая бабка эмегенов рождает по сто эмегенов), эти ненасытные чудовища пожирают все живое. И чтобы очистить от них землю, бог создает нартов, которые ведут с ними непрерывную борьбу [121, с. 10]¹¹.

Главным же истребителем эмегенов выступает нарт Ерюзбек. У него, как и у других подобных ему эпических героев (Гильгамеша, Тора, Амირани, Нюргун-Боотура, героев бурятских улигеров и др.), задача одна — уничтожение чудовищ, которые нарушают мирную жизнь его племени.

* * *

Значительное место в эпосе балкарцев и карачаевцев занимают сказания, посвященные нартскому кузнецу Дебету, его сыну Алаугану и внуку Карашауаю.

Сказания о Дебете наряду с сюжетной группой о рождении нартских героев

¹¹ Здесь, как и в фольклоре многих народов мира, «функция бога заключается в создании дуального мира, в превращении потенциального мира в мир реальный, где есть оппозиции света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла» [67, с. 18].

являются наиболее архаическим пластом рассматриваемой версии, так как они испытали сильное влияние языческой мифологии. В образе балкаро-карачаевского Дебета, как и осетинского кузнеца Курдалагона, адыгского Тлепша, абхазского Айнар-ижи, отразилась эпоха освоения кузнечного ремесла. Он, вероятно, может рассматриваться как развитие в эпическом контексте образа какого-то мифологического существа или божества древних балкарцев и карачаевцев. Подтверждение тому находим в самих сказаниях: согласно одним вариантам, он родился от священного брака неба и земли¹² («Рождение нартского кузнеца Дебета», «Песня о Дебете»), в других вариантах («Дебет и Ерюзмек», «Рождение Деуэт-батыра») его отец — небожитель, а мать — нартская красавица Ак бийче. В варианте из архива Вс. Миллера говорится, что бог создал его из части своего сердца и он начал «нартов род могучий». Первопредком Дебет выступает и в публикации П. Острякова [129, с. 702].

Во всех этих сказаниях Дебет — не только первый нарт, но и первый кузнец и оружейник на земле: бог, создав Дебета, поселил его у подножия Эльбруса и «обучил его хитрому делу — добывать железо. Из земли добывать, с углем в сталь обжигать. И оружие из стали ковать» [121, с. 3].

В балкаро-карачаевском эпическом памятнике Дебет, как и Сатанай, наделен универсальными функциями. В сказаниях постоянно подчеркивается роль Дебета-первотворца: он первый на земле изготовил различные предметы быта, оружие и доспехи, подковал нартских коней и т. д. Дебет является и учителем нартов: он обучил «своих соплеменников ковать железо», говорится в варианте П. Острякова [129, с. 702].

С именем Дебета связаны и такие космогонические мотивы, как появление звезд, звездопад («Дебет — небесный кузнец»).

Особенностью исследуемого эпоса является то, что в нем, как и в эпической традиции большинства тюрко-монгольских народов, наблюдается культ кузнечества (см. [128; 145; 161; 100а] и др.). Мастерство Дебета в эпосе ценится и воспевается не меньше подвигов нартских героев, ибо, как говорится в одном из сказаний о нем, «нарты не смогли бы победить своих врагов на земле без всеокрушающего оружия Дебета и боевых коней, которых он подковывал».

Только в балкаро-карачаевской версии Нартиады зафиксированы сказания и песни, посвященные нартскому кузнецу: «Нартская песня о кузнеце Дебете», «Про первого нарта Дебета Золотого», «Дебет — небесный кузнец». В них в образе Дебета органически сочетаются «черты бога, титана и человека» [165, с. 51], дается подробная характеристика его внешнего облика и при этом подчеркиваются его необычность, исключительность.

В эпосе описываются кузница Дебета, место, где она расположена, орудия его труда. Отличительная черта этих описаний — эпическая масштабность. Особенно ярко она проявляется в гиперболических картинах, изображающих процесс его труда.

Непобедимость и всеокрушаемость оружия Дебета объясняются и тем, что в выплавляемое железо он добавлял кусочки метеорита, из которого вышел Ерюзмек («Рождение Ерюзмека») ¹³.

Дебет для нартов изготавливает не только оружие и доспехи. В одном из вариантов сказаний говорится, что он выковал даже коня [121, с. 10] ¹⁴.

Мотив закалки нартских героев Дебетом в исследуемом эпосе не зафиксирован. Зато частично разработан мотив об «исправлении» героя после боя: когда Рачыкау отсек Злоязычному Гиляхсыртану полчерепа, Дебет сделал ему из меди недостающую часть головы ¹⁵.

¹² Мотив космического брака из всех национальных версий встречается только в балкаро-карачаевском нартском эпосе. Он характерен и для фольклорной традиции тюрко-монгольских народов (см., например, [117, с. 130]).

¹³ Мотив меча, выкованного из небесной руды, в Нартиаде встречается и в осетинском сказании «Меч нарта Ахсара» [122, кн. 2, с. 456—458].

¹⁴ Данный мотив характерен и для тюрко-монгольской эпической традиции [117, с. 56].

¹⁵ Этот мотив имеет место и в других национальных версиях Нартиады.

Балкаро-карачаевский Дебет, как и карело-финский Вяйнямейнен, после ряда культурных деяний уходит от своего народа: когда он «обеспечил нартов на земле всем, что им было нужно из железа, и нарты уничтожили с его помощью эмегенов, он... сделал железную арбу с крыльями и улетел на ней на небо». В представлении народа Дебет бессмертен, согласно сказанию, «Дебет — небесный кузнец», «он и сейчас там живет. На небе, как и на земле, он куёт железо».

В балкаро-карачаевском эпосе у Дебета девятнадцать сыновей, которых он женит, согласно обычаю, начиная с младшего.

Следование этому обычаю во многом определило судьбу старшего сына Дебета — Алаугана, который состарился, пока очередь дошла до него, и «сделался посмешищем для всего народа» [129, с. 702].

По другим вариантам, могучий исполин Алауган не может найти среди нартских женщин жену себе под стать. Поиски жены и его женитьба — основная сюжетная линия нартских песен и сказаний об Алаугане.

Во всех вариантах сказаний Алауган рисуется как богатырь фантастической силы, благодаря которой он выступает как неутомимый истребитель эмегенов ([121, с. 12]; «Сыновья Дебета и дочери эмегенши»).

Алауган отобрал у эмегенов и принес нартам волшебный котел о сорока ушках, в который

...мясо класть не надо,
Лишь воды налить да огонь разложить —
Сорока быков он наполнится мясом
[121, с. 17].

В цикле Дебет — Алауган — Карашауай, как и во всем эпосе балкарцев и карацевцев, персонажи составляют два враждебных племени — нартов и эмегенов. Одна из самобытных черт этого цикла состоит в том, что именно в нем получил яркую художественную разработку международный мотив брачных связей между племенами-антагонистами, чего не найдем ни в одной из других версий Нартиады.

Особый колорит, оригинальность сказаниям об Алаугане придают описания его борьбы с эмегенами, встречи с его будущей тещей, изображение облика эмегенши, их занятий, быта, жилья и т. д.

Женившись на дочери эмегенши (а в нартской песне «Алауган» говорится, что герой отобрал у эмегена его жену), он привозит ее в страну нартов. Но его чудовищная жена (есть варианты, где она изображается даже пятиглавой) пожирает не только своих детей, но и чужих. Опечаленный этим, старый Алауган по совету Сатанай сам (в некоторых вариантах Сатанай или мать Алаугана) во время очередных родов эмегенши выкрадывает ребенка и прячет его в ледниках Эльбруса, где он и вырастает, вскормленный его ледяными сосульками¹⁶.

В некоторых вариантах восприемницей, воспитательницей и наставницей Карашауай выступает Сатанай. Она часто приходит к леднику и присматривает за малышом. В один из своих визитов она смастерила Карашауаю лук и стрелы (по некоторым вариантам, он их делает сам), и маленький Карашауай, став искусным стрелком, не пропускал ни одной птицы в небе¹⁷. Сатанай испытывает силу и ловкость мальчика и только тогда приводит его в страну нартов, где он едва не был съеден родной матерью. Но юный нарт убил ее.

Сказания о женитьбе Алаугана на эмегенше, о рождении Карашауай и его

¹⁶ В варианте П. Дьячкова-Тарасова он вскормлен драконьим молоком [65].

¹⁷ Некоторые из этих мотивов имеют яркие параллели в эпосе тюрко-монгольских народов. Например, рождение будущего героя в семье старых бездетных родителей: «отец перед нависшей опасностью прячет сына на вершине горы» [156, с. 173]; герой проходит и своеобразную «учебу» — «из самодельного лука, сделанного ему духом — хозяйкой Алтая, пестунией его... стрелял в птиц и зайцев» [144, с. 31]; в публикации Н. Я. Никифорова будущий герой «бегает с луком... Не пропуская кверху летящую птицу... убивает» [126, с. 70]. «Во всех подобных случаях», — отмечает В. М. Жирмунский, — «владение луком, удачная охота считаются признаком возмужалости богатырского младенца» [70, с. 248].

воспитании на Эльбрусе относятся к самобытным эпическим текстам нартского эпоса балкарцев и карачаевцев.

Например, в осетинском сказании о рождении Суая [131, вып. 1, с. 27—37] его отцом является старый богач Чандз, а матерью — одна из его семи жен, которая родила сына, съев семечки волшебного яблока.

Относительно этого сказания Ю. С. Гаглойти пишет: «В осетинском варианте отсутствует упоминание о том, что матерью Саууа была эмегенша (великанша), пожирательница детей, которая ярко представлена в балкарском и карачаевском вариантах» [42, с. 110].

В варианте осетин в трещину «ледяных гор» Суая бросают по приказу самого Чандза, из-за того что малыш ему не понравился. Однако ребенок выживает, и отец забирает его домой. Но когда «кормившие его своим молоком женщины стали умирать»¹⁸, Чандз приказывает выбросить его уже на съедение волкам.

Как видим, в осетинском эпосе, во-первых, произошло перемещение функций одного героя к другому, т. е. мотив воспитания ребенка в расщелине ледника здесь прикреплён и к имени Батраза. Во-вторых, произошла рекомбинация традиционного балкаро-карачаевского сюжета о рождении и воспитании Карашауая: если Алауган (Сатанай, мать Алаугана) похищает ребенка у матери-людоедки и спасает его, спрятав в расщелине ледника, то Чандз (Сатана, Хамыц) бросает маленького Суая (Батраза) с целью погубить его.

В адыгском эпосе нарт Шаой характеризуется как «родительницы грозной сын», хотя ни в одном сказании не объясняется, почему родительница этого нарта — «грозная».

Как справедливо подчеркивал исследователь адыгского нартского эпоса М. Е. Талпа, «скрывающиеся под намеками кабардинского сказания данные могут быть лишь условно и частично восстановлены из балкарского сказания о Шауае, сыне людоедки-великанши (эмеген), и осетинского сказания Сауа» [80, с. 486]¹⁹.

Как видим, М. Е. Талпа считал адыгское сказание о Шауае вторичным по отношению к балкаро-карачаевскому, ибо в нем глухо звучат «лишь отголоски» [42, с. 110] традиционного мотива балкаро-карачаевского эпоса о матери-людоедке.

Аналогичное явление наблюдается и в эпосе вайнахов, где мать Кинда Шоа «была такой силачкой, что ломала у человека любую часть тела, стоило только ей прикоснуться к нему» [55, с. 319]. Поэтому Кинда Шоа, как и осетинский Суай [131, вып. 1] и адыгский Шауей, сын Канжа [120, с. 322—325], держит ее на привязи.

Сказания о рождении Карашауая зафиксированы и в Грузии, в Верхней Раче. «Хотя этот сюжет известен и осетинским, и балкаро-карачаевским сказаниям, — пишет Ю. С. Гаглойти, — источником проникновения его в рачинский фольклор следует, по-видимому, считать балкаро-карачаевский цикл²⁰, где мотив о рождении Шауая разработан наиболее полно» [42, с. 197].

Теперь обратимся ко второму традиционному мотиву балкаро-карачаевских сказаний о Карашауае: оборотничество Карашауая и его коня.

¹⁸ В осетинском эпосе этот мотив связан и с именем Батраза. В сказании «Как родился нарт Батраз», когда он оторвал кормилице грудь и «вмиг высосал» корову, у которой только «кожа да кости остались», Сатана сказала: «Нам на беду рожден, и надо погубить его», — и оставила его в расщелине ледника [122, кн. 2, с. 227—228]. В другом варианте о рождении Батраза его бросает в ледник Хамиц за то, что он у кормилиц вместе с молоком «еще и жир высасывал», и ребенка вскармливает своим молоком лань. Этот мотив популярен и в тюрко-монгольском фольклоре. Например, в «Олонхо», когда хозяйка — дух земли дала герою «пососать правую грудь — о за один дух вытянул столько молока, что у нее побледнели щеки. Дала она левую грудь — и у нее стали синеть губы» [145, с. 62].

¹⁹ По данным другого сказания адыгов о рождении Шауае, он — сын нарта Канжа, состарившегося бездетным, и женщины по имени Нарибгей [184, с. 221].

²⁰ В вариантах нартских сказаний, записанных в Грузии, имеется ряд ярких параллелей не только к циклу Карашауая, но и к другим циклам балкаро-карачаевского эпоса. Кроме этого у сванов некоторым нартским героям дается такая же характеристика, как и в анализируемой версии. «Так, Сатанай [у них. — Т. Х.] зовется чародейкой (Orxugw Satana), так же как и в балкарском: Obur Satana» [5, с. 304].

«Способность... коня к оборотничеству; столь характерная для тюрко-монгольского эпоса» [101, с. 53—57] — одно из постоянных свойств Гемуды.

В сказаниях о Карашауае, где часто используется мотив «предварительной недооценки» героя, он меняет свой облик, не только облачившись в лохмотья, но и перевоплощаясь. Так, в сказании «Батыр Карашауай и Гемуда», подъезжая к месту скачек, «Гемуда превратился в шелудивого безгривого коня, а Шауай — в хромого старика в желтой бурке». В других национальных версиях этот мотив подвергся некоторой деформации и переосмыслению. Например, в сказании, записанном в Грузии, Шавай из рода Генджекwa, «когда хочет, облачается... в лохмотья и скакуна выдает за хромого...» [61].

В адыгском эпосе, когда Шаой «собирался в поход, надевал... платье рваное, платье плохое» [80, с. 64]. А почему он это делал, не объясняется. В комментариях М. Е. Талпы относительно этого мотива читаем: «Этот мотив ясен только из балкарских сказаний о Шауае: там плохое одеяние Шауая и уродство его лошади... объясняются тем, что 1) он сознательно скрывает от нартов свою силу, притворяясь сыном бедной одинокой старухи, чтобы тем сильнее поразить их своими подвигами; 2) скрывает свое настоящее обличье, являясь как жених Оканды...» [80, с. 586—587].

Нам кажется, что данный мотив балкаро-карачаевского эпоса генетически восходит к традиционному для тюрко-монгольского эпоса мотиву появления героя на брачных состязаниях или в стане врага в образе грязного оборванца или «лысого паршивца» (тастаркая), а его «богатырского коня — в аналогичном образе “паршивого,,”, “шелудивого,,” или “лохматого,,” жеребенка» [70, с. 297]²¹.

Карашауай в балкаро-карачаевском эпосе наделен и магическими свойствами: он, например, выступает повелителем стужи (см. [164, с. 19, 20]; «Три нарта и три эмегена»; «Как Карашауай женился на дочери всемогущего падишаха»).

В других версиях Нартиады герой лишен этой магической способности. Так, в грузинской версии Шавай не насылает холод на воинов Верземека, а сталкивает на них снежную лавину [61, с. 103]. В осетинских и адыгских сказаниях он также лишен этого дара; вернее, в них повелителем стужи выступает Сосырыко, который насылает мороз на самого Суая/Шаойа²².

Специфическая особенность балкаро-карачаевских сказаний о Карашауае — подробные описания его верного коня: его быстрого бега, его укрощения, клятвы коня и всадника, испытания ими друг друга, богатырских скачек и т. д.

При этом ряд мотивов, связанных с вещим богатырским конем Карашауая Гемудой, имеют яркие параллели в эпосе тюркских и монгольских народов, в котором они традиционны и детально разработаны (подробнее см. [101, с. 124—241]). Чудесно и его происхождение — от морских коней²³.

Дар перевоплощения и яркие атрибуты морского коня в общекавказской Нартиаде типичны только для богатырского коня балкаро-карачаевского Карашауая.

²¹ См. также [60, с. 69, 139, 173, 205; 117, с. 80; 156, с. 213; 70, с. 189, 279—301; 133, с. 75; 103, с. 335, 351; 161, с. 133; 123, с. 105—107].

²² Здесь нужно отметить, что если в балкаро-карачаевском эпосе Карашауай насылает холод на возгордившихся нартов, чтобы проучить их и утвердиться в их глазах, и при этом сам же обогревает их и кормит, то в осетинской и адыгской версиях Сосырыко/Сосруко вызывает стужу с целью погубить юного героя [80, с. 63; 131, вып. 1, с. 29]. Осетинский Сосырыко, когда ему это не удается, вторично пытается убить его.

²³ Помимо варианта, записанного А. Н. Дьячковым-Тарасовым [65], в балкаро-карачаевском эпосе зафиксировано еще несколько сказаний, где говорится о морском происхождении Гемуды: «Нарт Карашауай и Гемуда», «Карашауай испытывает Гемуду» и др. В сказании же «Карашауай и Гемуда» подчеркивается, что у Гемуды около ушей были жабры и он, очутившись под водой, «дышал, как рыба, через эти жабры».

Морские кони традиционны и для эпоса тюрко-монгольских народов. Например, «в башкирском эпосе популярен древний мифологический сюжет о водяных конях... и об их жокее Ак-Бузате...» [101, с. 125]. Из морских коней произошел и крылатый конь Кёр-оглы — Гыр-ат. О чудесных морских лошадях-драконах, встречающихся в фольклоре монголов, упоминает в одной из своих работ и Г. Н. Потанин [139, с. 125] и т. д.

В отличие от других версий нартского эпоса, в балкаро-карачаевской наряду с прозаическими текстами имеется и ряд песен, посвященных Гемуде «трехногому, медноухому, булатнокопытному» («Карашауай и Гемуда», «Гемуда», «Песня Гемуде»), которые, возможно, восходят к жанру «хвалы коню», имеющему широкое распространение в эпической традиции тюрко- и монголоязычных народов [101, с. 228].

Этот богатырский конь предстает в исследуемом эпосе как птица-конь-рыба. «Ты — конь земли, воды и воздуха», — говорит ему Карашауай в сказании «Карашауай испытывает Гемуду». На самом деле для этого коня нет никаких пространственных границ: он связан с подземным (Алауган и Карашауай держат его в подземелье) и подводным миром («Нарт Карашауай и Гемуда»).

Многие сказания цикла о Карашауае повествуют о том, как он испытывает Гемуду: они имеют топонимический характер и содержат объяснение многих особенностей северокавказского ландшафта (двуглавость Эльбруса, появление ущелий, Голубого озера, водопадов и т. д.).

Значительное число сказаний в цикле о Карашауае посвящено его победе на скачках нартов. Варианты этой сюжетной группы и сказание «Как нарт Карашауай женился на дочери могущественного падишаха» обнаруживают разительное сходство с эпосом некоторых тюрко-монгольских народов (см. подробнее [70, с. 279—301; 156, с. 193, 194]). Особенно много параллелей к циклу Карашауая мы выявили в алтайском эпосе «Маадай-Кара» (см. подробнее [156, с. 166—217; 103]).

Если в сказаниях о Дебете отразились различные мифологические представления предков балкарцев и карацевцев, а для сказаний о женитьбе Алаугана характерна сказочно-мифологическая интерпретация, то в сказаниях о Карашауае преобладают богатырские мотивы.

Карашауай ведет непримиримую борьбу не только с эмегенами («Три нарта и три эмегена», «Шауай и Рачикау») — с его именем связана и классическая тема мирового фольклора — змеборство. Карашауай сражается с огнедышащим многоголовым драконом, который в эпосе символизирует засуху, выступает хранителем воды. Завладев истоками рек, он пускает воду нартским жителям только после человеческой жертвы («Песня о Карашауае») или сам выпивает всю воду [65]. Согласно сказанию, Карашауай, убив двенадцатиголового дракона, «всю страну освобождает от засухи» [65, с. 42].

В анализируемой версии Нартиады народная фантазия наделила своего любимого героя лучшими качествами. В его образе гармонически сочетаются не только богатырские достоинства (сила, отвага, ловкость и т. д.), но и высокие моральные качества (мужество, скромность, верность данному слову и т. д.). Его образу присущи также черты, соответствующие архаической форме идеализации героя (оборотничество, магия погоды, дар предвидения). К имени Карашауая в эпосе прикреплен и мотив Орфея.

Карашауай балкаро-карачаевских сказаний неуязвим²⁴, непобедим и бессмертен. В сказании «Карашауай не умер, он жив» повествуется о том, что Карашауай и Гемуда, уничтожив врагов, поднялись на Эльбрус и что они до сих пор там живут²⁵. Вечная молодость и бессмертие коня Гемуды и Карашауая объясняются тем, что они пьют воду из целебного родника на вершине Эльбруса.

Проведенный нами сравнительный анализ балкаро-карачаевского круга сказаний о Дебете, Алаугане и Карашауае и других версий Нартиады показал, что песни и сказания о Дебете и Алаугане (за исключением нескольких мотивов) бытуют только у балкарцев и карацевцев.

²⁴Согласно эпосу, Карашауай — железнотельный. В сказании «Три нарта и три эмегена», когда эмегены забросили его на середину громадного костра, «он не сгорел, а закалился, как сталь» [105, с. 99].

²⁵В адыгском и вайнахском эпосе не упоминается ни о смерти, ни о бессмертии Карашауая. В осетинской же версии он погибает при осаде крепости от волшебной стрелы сына Хиза [180, с. 18].

Традиционность, детальная эпическая разработанность данного цикла, многовариантность и самобытность его сказаний и песен, наличие значительного числа параллелей с эпосом тюрко-монгольских народов ²⁶ и, наконец, указания самих нартоведов на разработанность и завершенность этого цикла именно в балкаро-карачаевской среде дают нам основания говорить о его первичности в исследуемом эпическом памятнике.

* * *

Центральное место в системе образов балкаро-карачаевского нартского эпоса занимают Ёрюзек и Сатанай. Сказания и песни о них составляют самостоятельный законченный цикл, в котором различные эпизоды из их «эпических биографий» разработаны во всех деталях.

В адыгском эпосе Ёрюзеку в основном отводится пассивная роль: он упоминается, но действует крайне редко. Это отмечал и М. Е. Талпа: «Озырмес — совершенно бесцветная фигура...» [80, с. 633]. Осетинский Урызмаг — «герой могучий, но часто изображаемый в несчастье или в старости» [66, с. 19], — занимает «скромное положение» [114, с. 15—16]. Народная традиция не приписывает ему «боевых воинских подвигов», и он одерживает победу над своими врагами «с помощью мудрости и хитрости» [112, с. 63].

В исследуемом же эпосе Ёрюзек предстает не только как «вождь, муж и старец» [66, с. 51], но и как могучий богатырь — предводитель нартских воинов: «Нарты перед джортууулами (походами. — Т. Х.) собирались у Урызмека и уж тогда оттуда отправлялись в странствия под его предводительством» [164, с. 18]. В нартских песнях и сказаниях его устойчивые эпитеты: «деу» — «могучий великан»; «алф» — «богатырь»; «тебе санлы» — «курганоподобный»; «пелиуан» — «богатырь» и т. д. Постоянно подчеркивается его богатырство, физическая мощь, стремительность:

От его крика горы и скалы дрожали,
Дыханием своим он туманы разгонял.
Он головы рубил, как траву косил...
На вороной лошади с гибкими подпругами,
Крылатей могучего орла,
С молнией равный всадник

[160, с. 120] ²⁷.

В сказаниях о борьбе Ёрюзмека с эмегенами, в которых наиболее полно реализуется основная тема Нартиады — тема борьбы и подвига, он выступает отважным и неутомимым воином: «Дни и ночи, в которые Ёрюзек не встречал, не убивал эмегенов, считал несчастливими» («Нарт Ёрюзек и эмегены»).

В одних сказаниях о детстве Ёрюзмека он предстает сиротой («Дебет и Ёрюзек», «Как Ёрюзек пришел к нартам»), в других указывается, из какого рода ²⁸ [164, с. 1; 119, с. 23].

²⁶В цикле Дебет — Алауган — Карашауай помимо указанных выше параллелей с эпосом тюрко-монгольских народов перекликается целый ряд архаических мотивов, связанных с религиозно-мифологическими представлениями балкарцев и карачаевцев. Например, в «Олонхо» и «Маадай-Кара» герой «вырастает и набирает силу, питаясь соками матери-земли» [144, с. 31]. В исследуемом же эпосе, когда родился Дебет, Мать воды вместо груди направила в его рот бурные реки. А Карашауай вырос, питаясь ледниками Эльбруса. «Ты и я вскормлены одной матерью — водяною», — говорит конь Карашауая Гемуда, из породы морских лошадей. В данном цикле встречаются и реликты мотива изначальности жизни на земле и связанного с ним мотива первоначального одиночества героя, «принадлежащего к древнейшим в эпосе тюрко-монгольских народов» [144, с. 59]. (Эти мотивы традиционны и для цикла Ёрюзмека и Сатанай.)

²⁷В балкаро-карачаевском эпосе в сказаниях об Ёрюзмеке (в основном в сказаниях о его борьбе с эмегенами) воссоздается «особый портрет богатыря, находящегося в гнев...» [145, с. 67], характерный для эпической традиции тюрко-монгольских народов (об этом подробнее см. [44, с. 25—32]).

²⁸В осетинском эпосе отец Урызмага один из сыновей-близнецов старого Уархага, а мать — дочь Донбеттиров. В других национальных редакциях Нартиады сказаний, повествующих о рождении Ёрюзмека, нами не обнаружено.

В варианте же Н. П. Тульчинского Ёрюзек «в горах родился, на плоскости воспитан» [160, с. 268].

А в сказании «Рождение Ёрюзема» говорится, что кузнец Дебет в горах увидел, как с неба на землю упала большая хвостатая звезда. Когда он пришел к месту ее падения, то увидел расколовшийся надвое большой синий камень: между этих обломков лежал младенец-богатырь, который, «крепко схватив за шею громадную волчицу, сосал ее молоко».

Ёрюзек уже «с малых лет... обращал на себя внимание всех, отличаясь всегда в детских играх со своими юными сверстниками, и нарты всегда при виде его говорили, что из этого юноши выйдет настоящий нарт» [164, с. 1].

Первый подвиг юного Ёрюзема — победа над божеством нартов «всемогущим Пуком» (Фуком)²⁹. Спасаясь от преследования Ёрюзема, Пук улетает на небо³⁰. «Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла сильная засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время» [164, с. 4]. По варианту же Тульчинского, Пук поселился между «небом и тучами... дождь и росу на небо снес и начал согреть землю» [160, с. 297]. По совету Сатанай Ёрюзема зарядили в пушку (в одном из вариантов Ёрюзек попадает в небесное жилище Пука при помощи бурдюка, наполненного воздухом, — «Как Ёрюзек сражался на небе с Фуком», а в другом при помощи желим топа — «воздушного шара» — «Как Ёрюзек победил Фука»), выстрелили в небо³¹, и он очутился в небесной крепости (замке, доме) Пука. Здесь, по одним вариантам, он хитростью легко убивает врага, по другим — побеждает в трудной богатырской схватке.

В публикации же Тульчинского Пук, увидев Ёрюзема, «от страха и ужаса лопнул». После смерти Пука «семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил берекет — довольство: хлеба начали цвести, деревья принести плоды, животные размножаться, женщины — рожать детей» [164, с. 6]. Ёрюзек возвращается на землю на коне-ветре³², которого к нему прислала Сатанай. Нарты устраивают в честь него большой той и поют величальную песню, в которой прославляют Ёрюзема и его подвиг. А в варианте Урусбиева «Урызек за свой подвиг был сделан главою нартов, стал общим любимцем и женился на прекрасной всезнающей княжне Сатаной» [164, с. 6].

В цикле Ёрюзема и Сатанай особое место занимают и варианты нартских песен и сказаний о том, как Сатанай спасла Ёрюзема от расправы нартов во время «пира с западной» (об этом подробнее см. ниже).

Как и во всех версиях Нартиады, в сказаниях балкарцев и карачаевцев, где фигурирует жена Ёрюзема Сатанай, подчеркивается ее исключительное место в нартском обществе.

Несмотря на то что Ёрюзек выступает предводителем нартов почти во всех сказаниях, он ничего не делает без совета и благословения Сатанай. Не только Ёрюзек, но и все жители нартской земли — «лишь исполнители ее воли и советов» [165, с. 48].

²⁹Во всех вариантах нартских песен и сказаний о борьбе Ёрюзема с Рыжим Пуком очень четко проявляется гетерогенность образа Пука: наряду с древним мифологическим образом метеорологического божества нартов выступает и его феодальная ипостась.

³⁰Сюжет о том, как герой или враг героя улетает в небо от преследования, характерен и для тюрко-монгольской традиции. Так, в «Повести о Хан-Харангуе» герой поднимается на небо, чтобы расправиться с небожителем Эрхем-хар, который является его соперником и врагом, а «один халх-монгольский баатр поднялся на небо, спасаясь от своих врагов» [117, с. 108].

³¹Спецификой балкаро-карачаевских сказаний с мотивом нарт-ядро является и то, что, когда из нартов «никто не решается выстрелить» Ёрюзема из пушки, это делает сама Сатанай.

³²В некоторых вариантах сказаний на этот сюжет Ёрюзек возвращается на землю при помощи орлиных крыльев.

По балкарской версии «Солнце — отец Сатанай³³, Луна — родившая ее любимая мать»³⁴.

В балкарско-карачаевском эпосе чудесное рождение³⁵ Сатанай, ее детство разработаны подробно. Так, в нартской песне «Прекрасная Сатанай», в которой отразились архаические мифологические представления древних балкарцев и карачаевцев, повествуется о том, что маленькую Сатанай похитил у ее родителей Тейри Моря — Суу Желмаууз — и спрятал ее в своем царстве³⁶.

Вс. С. Миллер [115, т. 2] и Н. Дрягин [63] обращали внимание на связь осетинской Сатаны с водной стихией. Но если у осетин Сатана по матери внучка Донбеттиров и отдает на воспитание к водяным своего сына, то в балкарско-карачаевском эпосе маленькая Сатанай сама является их воспитанницей [105, с. 157; 119, с. 30].

В нартских сказаниях и песнях балкарцев и карачаевцев постоянно подчеркивается лучезарная, ослепляющая красота Сатанай («Прекрасная Сатанай», «Нарты-сибины»). Светящееся тело Сатанай — не просто эпическая условность. Образ связан с соляренным происхождением героини.

В других национальных версиях о светящемся теле Сатанай речь идет только в абхазском эпосе. Вот что пишет об этом З. В. Абаева: «В ряде сказаний говорится о чарующей белизне тела Сатаны. Но в осетинских (и адыгских) сказаниях тело ее никогда не светится (это качество здесь отдано другим героиням)³⁷. В абхазском же эпосе постоянно подчеркивается, что Сатана может даже заменить нартам Солнце» [6, с. 376].

В исследуемом эпосе божественным происхождением Сатанай обусловлен и ее культ как матери-прародительницы нартов. Выйдя замуж за нартского героя Ёрюзмека³⁸, она «стала матерью нартов», говорится в песне «Прекрасная Сатанай». А по сказанию, записанному Н. М. Дрягиным в Балкарии, Сатанай — «славная прародительница Шауая, Алаугана и Сосурука» [63, с. 28].

Помимо культа матери-прародительницы в ее образе, несомненно, прослеживается и культ какой-то астральной богини предков балкарцев и карачаевцев, связанной с их солярными и лунарными мифами. Кроме этого мы считаем, что в ее образе нашли отражение и их представления о матери-земле. Наверное,

³³В осетинском эпосе дочь Солнца — одна из жен Созырыко [122, кн. 2, с. 113—118, 176—187], а в группе сказаний о смерти Сосурука дочь Солнца, отвергнутая им, насылает на него Бальсагово колесо [122, кн. 2, с. 185]. В дигорских вариантах [122, кн. 2 с. 262—268] Батраз женит своего деда на дочери Солнца Хорческе. В эпосе осетин дочь Солнца выступает и в роли жены врага нартов — Бибица, брата богатыря Мукары [122, кн. 2 с. 131—135].

³⁴«Отношения между луной и солнцем (которые могут воплощать в различных мифологических системах и мужское, и женское начало) часто представляются либо как кровно-родственные... (брат и сестра...), либо как супружеские» [118, т. 2, с. 78]. В Нартиаде только в анализируемом эпосе Солнце и Луна выступают в роли мужа и жены.

³⁵О рождении Сатанай говорится в эпосе осетин и вайнахов. У осетин мать Сатаны (Ахсины) — дочь морского Донбеттира (Менагорта), а отец — Уастырджи (небожитель). В ингушском сказании она — дочь мифического бога грома и молнии Села [52, с. 122, 123] или дочь бога Дэла и возлюбленной Сеска Солсы [63].

³⁶В прозаическом балкарско-карачаевском сказании «Как нарты и Сатанай переселились на небо» Сатанай также дочь Солнца и Луны. Но здесь помимо кражи Сатанай Богом Моря присутствует и другой мотив: «У неба попросил и взял ее к себе на воспитание Тейри Земли и стал ее аталыком (воспитателем. — Т. Х.)»

³⁷В общекавказской Нартиаде мотив лучезарной красоты (иногда просто светозарной руки, пальца) у осетин связан с образом Агуаны, у адыгов — с Адиюх, у абхазцев — с Гундой Прекрасной и с женой Сасырквы. В балкарско-карачаевском эпосе этот мотив традиционен по отношению к образу жены Сосурука Акбилек («Сосурук и Акбилек») и образу жены эмегена («Ёрюзбек и беляя оленуха»)

³⁸О женитбе Ёрюзмека на Сатанай повествуется и в других вариантах: в урусбиевском Ёрюзбек, победив Рыжего Фука (Пука), становится «главою нартов» и женится на всезнающей Сатанай. А традиционный мотив осетинского эпоса «женитба брата на своей сестре» в исследуемой версии встречается только в варианте Острякова: «Сатанай... приходилась ему (Ёрюзмеку. — Т. Х.) сестрою и была первая волшебница в крае» [129, с. 705].

Мотив женитбы героя на дочери Солнца и Луны встречается и в эпосе других народов. У тюрко-монгольских это один из традиционных мотивов их эпики: «Мотив женитбы богатыря на дочери Неба, Солнца, Месяца относится к глубокой древности. Он имеет место не только в алтайском эпосе, но и в эпосе якутов, бурят и других тюрко-монгольских народов» [156, с. 139].

поэтому функции этой мудрой, вещей чародейки универсальны: она и покровительница, и советчица³⁹, и помощница всех нартов, восприемница и воспитательница (Сосурука и Карашауя) и даже исцелительница⁴⁰.

В сказаниях на сюжет о рождении Сосурука один из постоянных эпитетов Сатанай — «каратон» («бездетная»). Нам кажется, что ее «знаковость» — бездетность — эпически предопределена: в силу того что Сатанай сконцентрировала в себе ряд культов древних балкарцев и карачаевцев, она должна заботиться о всех нартских героях и покровительствовать им всем. Свидетельство тому — отсутствие в рассматриваемом эпосе сказаний, где бы она причинила зло кому-нибудь из нартского племени. В отличие от других версий Нартиады, мы не находим здесь «момента снижения образа Сатаны» [6, с. 96, 100—102, 108—119; 108, с. 127—130, 154—156; 152, с. 398].

Помимо названных функций, в эпосе балкарцев и карачаевцев очень ярко обозначена культурно-цивилизующая роль Сатанай: она научила нартских женщин прясть, шить, готовить бузу (в осетинской версии появление пива также связано с именем Сатанай), выпекать хлеб и т. д. При этом она сама сделала ткацкий станок, чесалку, казан, ручную мельницу. «Не было дня, чтобы Сатанай не научила жителей страны чему-нибудь новому», — говорится в сказании «Как нарты и Сатанай переселились на небо». Кроме того, она научила нартских женщин гадать на фасоли, а мужчин — на бараньей лопатке. В эпосе подчеркивается, что не только Ёрюзбек, но и все нарты «мудрости у нее набирались».

Балкаро-карачаевская Сатанай, как и в других национальных версиях, является чародейкой: создает иллюзию звездного неба, может не только сама перевоплощаться в иной образ, но и делает это с другими, владеет магией слова и т. д.⁴¹.

В эпосе балкарцев и карачаевцев все нарты, кроме Ёрюзбека, в борьбе со своими врагами часто прибегают к хитрости и используют свои магические и колдовские способности⁴². Наверное, это объясняется тем, что всеми этими функциями обладает Сатанай, которая в нужный для Ёрюзбека момент использует их. Вероятно, это тоже своего рода эпическая закономерность: если бы Ёрюзбек был наделен волшебными-магическими свойствами, то помощь и роль Сатанай в их супружеской паре не имели бы такой эпической значимости: в эпосе акцентируется, что Ёрюзбек в большинстве случаев одерживает победу над своими врагами благодаря советам и помощи своей мудрой и вещей жены.

«Сатана одинаково мудра во всех национальных версиях» [6, с. 92], дар же провидения — не во всех версиях ее постоянный знак. Так, в абхазском эпосе Сатаней-Гуаша чаще не предвидит, а предчувствует беду («Сасырква убивает дракона»). Мудрая Сатана и в большинстве осетинских сказаний лишена пророческого дара («О борьбе нартских фамилий Асхартагата и Бората»; «Как собрались убить старого Урызмага»; варианты сказаний о том, как Урызмаг и Сатана спасли нартов от голодной смерти; «О Сосрыко») ⁴³. У адыгской Сатаней-гуаши устойчивые эпитеты «колдунья» и «фасоли собеседница» встречаются лишь в определенных сюжетах, но они непостоянны в поэтической системе всего их эпоса.

³⁹Если функция пророчицы и советчицы в балкаро-карачаевском эпосе отведена Сатанай, то в осетинской версии кроме Сатанай ее выполняет Сырдон, а у вайнахов — Боткий Ширтка.

⁴⁰В исследуемой версии одна из особенностей Сатанай — дар целительницы, как и у жены убийцы отца Ачемеза. В осетинском эпосе этим даром наделены Тизмуда, жена Субалца, жена Тогус алдара, а в адыгском — жена кровника Ашамеза.

⁴¹В эпосе осетин чародейскими функциями наделены и другие герои. Так, например, иллюзию звездного неба может создавать и Агунда [180]; даром испрошения обладают и старуха Кармагон («Урызмаг и кривой великан»), и жены Хамица («Болат-Хамиц» [131, вып. 2]) и т. д.

⁴²В осетинских сказаниях встречается перемещение чародейских функций Сатаны и на Урызмага. Так, в вариантах о безмянном сыне Урызмага он сам насылает на мальчика холод [115, т. 3, с. 170], задерживает заход солнца.

⁴³В осетинском эпосе пророческий дар Сатанай более ярко выражен в дигорских вариантах. Но и в некоторых дигорских вариантах этот дар у нее также отсутствует («Тизмуда и бесподобный танец нартов», «Сатана и балц Оразмага»). У осетин пророческая функция постоянно прикреплена к имени Сырдона.

В балкаро-карачаевской же версии Нартиады ясновидение Сатанай — ее обязательный знак, о чем свидетельствуют и такие ее постоянные определения, как «вещая», «ведунья», «всезнающая», «ясновидящая», «провидица» (*билгич, куртха, хар затны биллучу, обур*).

В отличие от других национальных версий, в балкаро-карачаевской Сатанай выступает и защитницей нартской страны: приняв облик Ёрюзмека, она ведет нартских воинов против войска эмегенов («Сатанай и войско Темир-Капу») ⁴⁴. Здесь безусловно в образе Сатанай отразились черты воинственных амазонок, на наличие которых в Нартиаде указывают в своих работах В. И. Абаев, У. Б. Далгат, Е. М. Мелетинский, Б. А. Калоев, Н. К. Мамиева, Ш. Д. Инал-Ипа. Но если в других национальных версиях нартского эпоса и в фольклоре многих народов «образ богатырь-девицы эпизирован в нормах архаической эстетики, когда в основном восхваляются физические богатырские качества героини» [55, с. 242], то в балкаро-карачаевских сказаниях Сатанай побеждает благодаря своей мудрости, хитрости. При этом на первый план выступают такие ее сверхъестественные свойства, как ясновидение, знание языка зверей, растений, колдовство, оборотничество.

Универсальность функции Сатанай и ее культ в балкаро-карачаевском эпосе, как мы уже отметили выше, predeterminedены ее небесным происхождением. Ее деятельность, как и деятельность нартского кузнеца Дебета, имеет общенартское значение: в большинстве сказаний подчеркивается, что нарты уничтожили всех своих врагов на земле благодаря советам и помощи Сатанай и мастерству кузнеца Дебета.

В балкаро-карачаевском цикле об Ёрюзмеке и Сатанай значительное место занимают нартские песни и сказания об их супружеской жизни. Они составляют две сюжетные группы ⁴⁵:

1. Как Ёрюзек хотел жениться на бесовке. 2. Как хотели соблазнить Сатанай.

Популярность, разработанность, многовариантность нартских песен и сказаний первой группы у балкарцев и карачаевцев и наличие в других национальных версиях лишь одного аналогичного, дигорского варианта, в осетинском эпосе («Сатана и балц Оразмага» [122, кн. 2, с. 39, 40] ⁴⁶) дают нам основания говорить об их исконности для круга сказаний балкаро-карачаевского эпоса.

Приведем еще ряд доводов в пользу нашего предположения. В дигорском сказании Ахсина и Оразмаг лишены эпико-героических черт: Оразмаг со слезами на глазах рассказывает Ахсине о дзинах; узнав о намерении Оразмага вернуться к дзинам, она причитает, испугавшись потерять мужа. Кроме того, Ахсина, в отличие от балкаро-карачаевской Сатанай, лишена пророческого дара: если «колдунья Сатанай уже все знала о приключениях его» [160, с. 299], то героиня осетинского эпоса узнает обо всем лишь после рассказа Оразмага.

В балкаро-карачаевской версии черти говорят Ёрюзмеку, отправляющемуся ночью домой за советом к Сатанай: «Покуда роса не высохнет, мы здесь будем, а потом мы исчезнем, и нас не найдешь» [160, с. 299]. Сатанай же, ведая обо всем этом, создает иллюзию звездного неба, и Ёрюзек опаздывает к назначенному чертями сроку.

В дигорском варианте дзины не ставят Оразмагу никаких условий, он сам дает клятву вернуться к ним через десять дней. Однако наличие у дигорцев мотива звездного неба и то, что Ахсина будит Оразмага в полдень, говорят о том, что здесь отсутствие сюжетобразующего мотива «возвращение героя к определенному времени суток» (в балкаро-карачаевском — «покуда роса не высохнет») ведет к потере связи между отдельными частями сказания, и поэтому мотив звездного неба в данном сказании не работает.

У дигорцев отсутствуют и такие традиционные для балкаро-карачаевских

⁴⁴О борьбе Сатанай с эменами упоминает в своей работе и Н. М. Дрягин: «В балкарском сказании, записанном мною со слов А. Байгулова, Сатана — первая пионерка, пришедшая под Эльбрус со стороны Кубани, разогнавшая чудовищ эмегенов» [63, с. 28].

⁴⁵В некоторых вариантах встречается контаминация обоих сюжетов (см. [160, с. 298—301]).

⁴⁶В комментариях к этому сказанию [122, кн. 3, с. 13] указывается, что в ОРФ СОНИИ имеется еще один вариант этого сказания: «Кадаг о том, как Урызмаг вторично женился...» (ир. д., зап. 1941 г.).

сказаний данной сюжетной группы мотивы, как пляски нечистой силы и участие Ёрюзмека в этих плясках, волчья шуба Ёрюзмека, намерения нечистой силы обессилить Ёрюзмека и т. д.

Зато некоторые из названных мотивов популярны в фольклоре тюрко-монгольских народов. Так, в «Джангаре» «шулмусы выступают... обычно в образе красивых девушек... которые своими чарами пытаются отвлечь богатыря Джангара...» [127, с. 112]. Шулмусы намеревались обмануть и обессилить и другого героя Джангариады — Хонгора⁴⁷.

Мотив участия героя в веселье с нечистой силой имеет место и в фольклоре алтайских народов [126, с. 230].

Если дигорское сказание отличает от балкаро-карачаевского композиционная фрагментарность (отсутствие ряда мотивов), то иронское сказание «Как Урызмаг отослал Сатану домой» — яркий пример тематической фрагментации: в большинстве балкаро-карачаевских вариантов, а также в дигорском тексте о встрече Ёрюзмека с нечистой силой мотивировкой для его развода с Сатаной служит то, что она помешала его женитьбе на бесовке (в дигорском — то, что он по вине Ахсины нарушил свою клятву). В иронском же варианте эта мотивировка отсутствует и сказание сразу начинается с решения Урызмага развестись с Сатаной.

Кроме этого, как известно, в осетинском эпосе жена Урызмага (Оразмага) Сатана (Ахсина) приходится ему сестрой по матери, и, согласно большинству вариантов о ее рождении, она живет и воспитывается в доме Урызмага. В силу этого сюжет о том, как Урызмаг отсылал Сатану в родительский дом, — для осетинского эпоса алогичен⁴⁸.

О балкаро-карачаевских сказаниях «Как хотели соблазнить Сатаной» подробно говорится в монографии А. З. Холаева [171, с. 44—51]. Поэтому остановимся на тех моментах, которые им затронуты частично.

В данной сюжетной группе в карачаевских вариантах (см. [65; 64]) мужем Сатаной выступает не Ёрюзбек, а Сосурук⁴⁹.

Несмотря на «следы позднейшей обработки» [42, с. 172], в этих сказаниях присутствуют некоторые архаические реалии. Например, в варианте Н. М. Дрягина Сосурук, не поверивший в верность Сатаной, «уходит из ее башни (по контексту повествования видно, что „владелицей царства“ была Сатана, а Сосуруку бывал наездами)» [64, с. 194].

На общность балкаро-карачаевских и осетинских сказаний о том, как Сатаной хотели соблазнить при помощи «чудесного ножичка» (ножичков), указывалось такими исследователями, как Л. Г. Лопатинский [102, с. II—VII], Н. К. Мамиева [108, с. 93], Ю. С. Гаглойти [42, с. 171—172]. Однако «общность их сюжетной линии... не исключает... национального своеобразия каждого из них» [171, с. 51]. Так, одной из отличительных черт балкаро-карачаевских сказаний является то, что в них Сатаной вместо себя послала к своему соблазнителю служанку, которой она «придала... свой образ» [160, с. 300]⁵⁰.

⁴⁷В варианте Тульчинского, когда черти сказали Ёрюзмеку, какой калым они возьмут за прекрасную бесовку, он сразу же «смекнул... что черти хотят его обезоружить и обессилить, чтобы легче закабалить его» [160, с. 299].

⁴⁸Вот что пишет относительно этого мотива в эпосе осетин Ж. Дюмезиль: «Подобное применение к нарским героям темы (St. Thompson. Motif — Index, j.1545), которая известна также в баснях Востока, является явно вторичным: Сатана, сестра, жена Урызмага, не имеет другого „материнского дома“, кроме дома своего мужа» [189, с. 43].

⁴⁹Примеры таких нетипичных отношений встречаются и в других национальных версиях. Так, в осетинской редакции, в публикации А. Шифнера, говорится, что Сатана — жена Хамыца [183, с. 51], а в адыгском эпосе «Сатаней-гуаша выступает в разных (а иногда в одних и тех же) циклах женой разных мужей» [184, с. 203].

⁵⁰В одной из версий киргизского эпоса «Сейтек» жена эпического героя Семетея Айчурек достается его врагу Кыясу «как военная добыча... Чтобы сохранить верность Семетею, Айчурек кладет на ложе Кыяса другую женщину, которой силой волшебства придает свои черты» [70, с. 108]. Н. М. Дрягин пишет относительно того, что карачаевская Сатаной «посылает вместо себя» свою прислужницу, что это «напоминает эпизод с Брэнжиэной, на ложе короля Марка заменявшей Исольду» [64, с. 194].

Итак, спецификой балкаро-карачаевских сказаний о супружеской жизни Ёрюзмека и Сатанай является то, что даже в этих текстах, которые, вероятно, были созданы в период утверждения патриархальных отношений в семье, так как в них Сатанай выступает в роли хранительницы домашнего очага и при этом идеализируются ее преданность, верность Ёрюзмеку, мифологическая интерпретация ее образа не ослабевает (чародейство, ясновидение, универсальное оборотничество). Благодаря этим качествам она помогает Ёрюзмеку и выручает его из самых безвыходных положений. Так, в нартской песне «Ёрюзбек и белая оленуха», когда муж светящейся красавицы — эмеген ударом войлочной плети превращает Ёрюзмека в гончую собаку, Сатанай, обернувшись черной лисицей, приходит к нему и помогает ему обрести свой прежний облик⁵¹.

Своеобразие героев балкаро-карачаевского эпоса Ёрюзмека и Сатанай заключается в том, что ни в одном из сказаний они не теряют эпической природы⁵². Ёрюзбек даже в глубокой старости продолжает оставаться идеалом воинской доблести. «Хотя я стар, но я нарт», — говорит он в сказании «Нарт Ёрюзбек и эмегены» и отправляется в поход, чтобы уничтожить оставшихся в живых эмегенов.

Если осетинский Урызмаг «влачит долгую старость, о конце которой ничего не говорится» [66, с. 217], а в других национальных версиях вообще не упоминается ни о смерти, ни о бессмертии Ёрюзмека, то в исследуемом эпосе он, уничтожив на земле всех своих врагов, улетает с частью своих воинов на ветрокрылых конях в небо.

В варианте же А. Н. Дьячкова-Тарасова, в котором Ёрюзбек умирает [65, с. 83—84], «общее с традиционным героем карачаевского эпоса — лишь имя. Ёрюзбек лишен тех богатырских качеств, которыми он обладает в традиционных сюжетах карачево-балкарского эпоса» [13, с. 22]. Здесь он пастух — обладатель бесценных отар. Он умирает оттого, что нарушает запрет избегать женщин: его нижняя часть тела из свинца расплавилась после того, как его соблазнила красавица Шаулук Инджи, чтобы завладеть его «несметными богатствами»⁵³.

Что же касается Сатанай, то, в отличие от осетинской («Озеро ада»), абхазской [118, т. 2, с. 415; 152, с. 400] и адыгской [118, т. 2, с. 414] героинь, в балкаро-карачаевском эпосе она бессмертна. Согласно сказаниям, она улетела вслед за Ёрюзмеком и нартами на небо и «сейчас жива и живет на небесах и является советчицей нартов» («Как нарты и Сатанай переселились на небо»).

* * *

Рассматривая балкаро-карачаевский цикл сказаний о Сосуруке, мы остановимся только на тех сюжетах и мотивах, которые имеют свою оригинальную интерпретацию в исследуемом эпосе или неизвестны другим версиям.

⁵¹В осетинском эпосе обладательницей войлочной плети является хозяйка крепости (дома), а вернуть герою человеческий облик помогает купец (Афсаты, ворожея, бывший наездник). У вайнахов же мотив превращения нарта в собаку прикреплен к имени Патараза Хамчи. В собаку он превращен вдовой, а выручает его своим советом старый волк.

⁵²В осетинском же эпосе Урызмаг и Сатана в ряде сказаний изображаются плачущими и даже впавшими в крайнюю нужду слабыми стариками («Сказание о нарте Созырыко»; «Сатана и балц Оразмага»; «Озеро ада»; «Как Батраз, сын Хамыца, отомстил за смерть отца»). В образе старухи Сатанай предстает и в одном из адыгских сказаний [75, с. 35].

⁵³Мотив потери жизни (могущества) после общения с женщиной характерен и для других национальных версий. В вайнахском эпосе пастух Колой-Кант избегает женщин, чтобы не потерять «телесную силу» [55, с. 313]. В осетинском эпосе в одном из вариантов о смерти Созырыко от колеса герой говорит дочери Солнца, пытающейся его соблазнить: «Поменьше со мной разговаривай, от разговора с женщиной мой булат в черное железо превращается». Далее уязвимость его ног объясняется тем, что из-за этого разговора «[булатные] ноги его ниже колен превратились в черное железо» [122, кн. 3, с. 44].

В адыгском эпосе рассматриваемый мотив связан с именем Бadyноко, но выражен здесь имплицитно [184, с. 215]. Как видим, у носителей Нартиады один и тот же мотив имеет разную интерпретацию и разработку.

Так, в балкаро-карачаевской редакции о рождении Сосурука довольно своеобразно трактуются действия Сатанай. Извлекая Сосурука из камня⁵⁴ и перерезая ему пуповину, она совершает магический обряд и при этом заклинает Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня: «Сделайте его настоящим нартом: пусть его не берут ни меч, ни стрела! Пусть всегда побеждает он своих врагов!»⁵⁵.

Набрав воды из родников семи гор и полоща ею рот малыша, она говорит: «Эти семь гор твои матери, я прополоскала их молоком твой рот».

Данные мотивы (пуповины, заклинания, семи гор и т. д.) характерны только для балкаро-карачаевского сказания.

У балкарцев и карачаевцев сказания на сюжет о рождении Сосурука не только рассказываются, но и поются («Сатанай и Созук»)

Помимо традиционного сказания о рождении Сосурука из камня, где, как и в других национальных версиях, фигурируют Сатанай, нартский пастух и нартский кузнец, в Балкарии зафиксировано повествование о том, что у одной могучей реки на глазах у нартов, возвращавшихся из похода, раскололся большой камень — состар (гранит; речной валун) и оттуда появился богатырь-младенец («Как нарты нашли Сосурука»). Одной из особенностей балкаро-карачаевских вариантов на этот сюжет является и то, что в них, в отличие от других версий, описывается внешний облик новорожденного [164, с. 38].

В варианте же П. Острякова дается и описание юного Сосурука, впервые появившегося среди нартов [129, с. 705].

Другой особенностью балкаро-карачаевских сказаний из цикла Сосурука является подробное описание его богатырской силы, которую он проявляет уже в детстве, когда спасает Ёрюзмека во время нартского «пира с западной» (об этом см. ниже).

Анализ всей совокупности вариантов сказания о добывании Сосуруком огня показал, что в них основные сюжетные звенья совпадают с аналогичными произведениями других национальных версий. Однако в некоторых вариантах встречаются и существенные отличия. Например, помимо сказаний с традиционной мотивировкой выезда Сосурука за огнем (нартских воинов в пути настигает лютой мороз⁵⁶, они не могут развести костер, и им грозит гибель) имеется вариант («Как Сосурук добыл огонь для нартов»⁵⁷), в котором эта мотивировка носит локальный характер, т. е. если в других национальных редакциях Нартиады Сосурук спасает от гибели только находившихся в походе нартских воинов, то в данном сказании он сохраняет жизнь всему племени нартов⁵⁸. Поэтому здесь его подвиг имеет общенартское значение.

Нетрадиционен и финал этого уникального сказания: нарты после возвращения Сосурука с огнем устраивают пир в его честь и передают ему чашу героя — Агуну, которая до этого принадлежала самому сильному и храброму нарту Ёрюзмеку, и поют величальную песню, прославляющую его подвиг. Отсутствие

⁵⁴Мотив петрогенеза характерен не только для кавказской Нартиады. Так, в хетто-хурритском эпосе бог Кумарби порождает каменного богатыря Улликуммена, в иранских мифах из камня рождаются Митра и его сын. Об этом см. и работу Э. Церена «Лунный бог» [173, с. 264]. Мотив «рождение из камня» популярен и в фольклоре тюрко-монгольских народов (см. [117, с. 130, 131; 145, с. 139; 16, с. 301] и др.). Однако в их фольклоре мотив оплодотворения камня отсутствует.

⁵⁵В эпосе тюркоязычных народов формула неуязвимости героя, пишет В. Жирмунский, встречается не только при описании различных качеств богатыря. Так, например, в казахской богатырской сказке «Хан Шентей» «формула повторяется в благословении героя матерью; в „Эркем-Айдаре“ — в заклятии его сестры-волшебницы: „Если стреляют — пусть ружье не пронзит тебя, если мечом ударят — пусть не пронзит тебя“. Такое же заклинание произносит над одноглазым циклопом Деле-Гёзом и в огузском эпосе его мать, сказочная дева-пери» [70, с. 243]. Об этом см. и работу И. В. Пухова [145, с. 62—63].

⁵⁶В адыгской и абхазской редакциях зафиксированы варианты, в которых холод на нартов насылают Сатаней-Гуаша или Сосурука/Сасрыкwa.

⁵⁷См. текст 35 настоящего издания.

⁵⁸А в одном из карачаевских вариантов Сосурука «освободил карачаевский народ от чудовища» — пятиглавого эмегена [65, с. 73—75].

мотива величания героя в других версиях и наличие его также в варианте сказания о борьбе Ерюзмека с Фуком (Пуком) позволяют предположить, что он восходит к древним тюрко-монгольским славословиям (магталам) в честь героя.

Своеобразную трактовку получил в балкаро-карачаевском эпосе эпизод со спинным мозгом (кишкой, жилой и т. д.) эмегена. Увидев, какой способностью обладает пищевод эмегена, Сосурук забирает его с собой и по совету Сатанай делит пищевод между Дебетом и нартскими воинами («Пищевод эмегена»). Закаленные или смазанные им мечи и стрелы становятся ядовитыми⁵⁹ и всесокрушающими. Непобедимость нартского оружия в сказании объясняется использованием нартами и Дебетом этого ядовитого пищевода эмегена.

Следует отметить, что сюжетообразующие мотивы рассматриваемого сказания — игры Сосурука с великаном, смерть от своего оружия, предсмертная хитрость великана — традиционны не только для общекавказской Нартиады. Они широко представлены в эпической традиции некоторых тюрко-монгольских народов (см. [147, с. 29—58; 126, с. 107—127; 156, с. 41]).

А в публикации В. В. Радлова «Ак-Кобэк» помимо мотива предсмертной хитрости великана встречаются яркие параллели к мотиву игр Сосурука с великаном: «Из войска Кидэна выходит на бой с Ак-Кобэком богатырь Салар-Казан. Ак-Кобэк не открылся ему, выдал себя за повара Ак-Кобэка (здесь и далее разрядка наша.— Т. Х.). Салар-Казан узнает от него, на какие чудотворства способен Ак-Кобэк, и два указанных чуда тотчас же исполняет: жует раскаленные стрелы и выплевывает, принимает на голову скатанный с горы камень. Третье чудо мнимый повар описал так: Ак-Кобэк входит в воду, я замораживаю воду, образуется лед в шесть сажен толщиной, Ак-Кобэк поднимает лед и относит на вершину горы.

Салар-Казан садится в воду по шею, Ак-Кобэк замораживает лед и только тогда открывает Салар-Казану свое имя; Салар-Казан не может поднять льда. Ак-Кобэк отрубает ему голову» (цит. по [134, с. 669]).

В своем примечании к этому тексту Г. Н. Потанин писал: «В кавказской сказке о Сосырыко великан глотает раскаленное железо, катает камень в гору и замерзает в озере [180, с. 53]. Сосырыко на месте Ак-Кобэка, великан отвечает Салар-Казану (вар. „Самыр-Казан”)» [134, с. 670].

В работе «Тангутско-Тибетская окраина Китая» Г. Н. Потанин, отметив параллель между Сосуруком и Ак-Кобэком, приводит еще несколько параллелей к циклу Сосурука и к другим циклам нартского эпоса из сказаний степного фольклора [139, с. 121—125].

Обращаясь к работам Г. Н. Потанина, мы, конечно, учитываем, что в его довольно обширных параллелях нартского эпоса с эпическим творчеством тюрко-монгольских народов встречаются случаи, когда ученый для «доказательства влияния и заимствования» [124, с. 196] прибегал и к общекавказским мотивам, сюжетам и т. д. Однако в целом мы думаем, использование в качестве сравнительного материала богатого фольклорного наследия народов Южной Сибири и Центральной Азии, опубликованного Г. Н. Потаниным (см. [137—139] и другие работы), а также труды В. В. Радлова, Н. Я. Никифорова, Б. Я. Владимирцова и др. лишь поможет «в деле выявления тюрко-монгольских элементов в нартском эпосе» [122, кн. 1, с. 45].

И в осетинском, и в адыгском эпосе значительное место занимают сказания о женитбе Сосурука. «Как и в осетинском цикле о Сослане, Сосуруко (адыгский.— Т. Х.) женится не раз» [7, с. 144]. Но если осетинский Сосырыко имеет сыновей-близнецов Кайтара и Битара, то адыгский Сосуруко бездетен. Рожденный из камня герой имеет жену и детей и в эпосе абхазцев и вайнахов. У последних он выступает и женолюбцем («Сказание о нарте Сеска Солсе и Охкыр Канте»,

⁵⁹В данном сказании, как и в сказаниях «Как Сатанай победила войско Темир-Капу», «Три нарта и три эмегена», мотив ядовитых стрел и мечей вполне соотносим со столь характерным для тюрко-монгольской эпической традиции мотивом отравленного оружия (см. [101, с. 73]).

«Любимая Альбике», «Две дочери, мать и Сеска Солса», «Предание о Сеске Солсе»). В роли оболыстителя красавиц он изображен и в эпосе адыгов («Аканда», «Смерть Сосуруко») и осетин («Сказание о Деденаге», «Как Сослан отправился в царство мертвых» и др.)⁶⁰.

В балкаро-карачаевском эпосе функция соблазнителя красавиц принадлежит Ёрлузмеку, а тема поиска жены и женитьбы героя разработана в сказаниях об Алаугане и Карашауае. Неразработанность же этой темы и мотив бездетности⁶¹ в цикле о Сосуруке сказителями объясняется его каменной (железной) природой («Сосурук и Акбилек»).

В цикле о Сосуруке кроме упомянутого выше сказания «Пищеvod эмегена» есть несколько сюжетов, которые в Нартиаде зафиксированы только в эпосе балкарцев и карачаевцев. Например, в сказании о Сосуруке и пауках-людоедах Сосурук выступает как избавитель нартов от огромных пауков, пожирающих людей. С его именем в этом сказании связывают и гибель эмегенов. Неутомимым истребителем многоголовых эмегенов, нарушающих мирную жизнь страны нартов, изображается Сосурук и в сказании «Три нарта и три эмегена».

В отличие от адыгской и абхазской версий, в которых «значительное место... отведено борьбе Сосуруко (Сасырквы.— Т. Х.) против самих нартов» [184, с. 20] из-за того, что нарты «не признают его своим» [79, с. 100], в балкаро-карачаевском эпосе мотив антагонизма между Сосуруком и нартами разработан очень слабо.

В других национальных версиях Нартиады Сосурук погибает от колеса Бальсага Ойнона (осет.), жан-шерха (адыг.), в анализируемом же эпическом памятнике смертельно раненного нарта спасает вещая Сатанай.

У балкарцев и карачаевцев бытуют также свои локальные версии о смерти Сосурука. В песне «Сосурук и Акбилек»⁶² он темной ночью тонет во время переправы через бурную реку.

Другая версия содержится в сказании «Смерть Сосурука»: герой, преследуемый своими братьями, взбирается на высокую скалу. Когда он оттуда начинает угрожать и братьям и нартам, те с проклятиями желают ему превратиться в камень. И тут же на их глазах Сосурук становится каменным изваянием⁶³. Здесь, нам кажется, налицо мотив, столь характерный для тюрко-монгольской эпической традиции: «Умерший богатырь возвращается туда, откуда пришел» [123, с. 92].

В некоторых сказаниях цикла о Сосуруке, как и в эпосе в целом, наблюдается переплетение мифологических, героических и сказочных элементов («Сосурук под землей», «Пищеvod эмегена» и др.), но и в этих сказаниях его «мифологическая природа... органически синтезирована с его эпической сущностью» [55, с. 154].

* * *

В балкаро-карачаевском эпосе цикл Рачыкау (аналогичен осетинскому Арахцау, сыну Бедзенага, адыгскому Пши Бадыноко, абхазскому Нарджхеу) составляют всего несколько нартских песен и сказаний.

⁶⁰В эпосе осетин соблазнителем женщин выступает и Хамыц, обладающий чудесным зубом Аркыза (ср. зуб Аркыза с камнем жены короля Карла Великого [134, с. 147] и с ожерельем Шамирам [187, с. 48]).

⁶¹Исключение составляет сказание из цикла о Карашауае, в котором говорится, что «Шевай сделался мужем дочери Сосуруко» [129, с. 705]. Вероятно, это ошибка переводчика, ибо во всех остальных вариантах (от публикации С.-А. Урусбиева до сказаний, зафиксированных в настоящее время) Карашауай сватается (женится) к дочери Ёрлузмека.

⁶²Аналогичные сказания имеются у абхазцев («Светящийся мизинец») и адыгов («Аканда»). Но, в отличие от балкаро-карачаевского варианта, в первом из них умирает не Сасырква, а его жена, а во втором — мужем Аканды является соратник Сосуруко. Сосуруко же выступает в роли ее соблазнителя.

⁶³В эпосе осетин в каменное изваяние (по собственному желанию) превращается один из близнецов Сосырыко [122, кн. 2, с. 186]. В адыгской версии в сказании, записанном в Турции, колдунья превращает «в белый камень товарища Сосуруко» [12, с. 57]. В абхазском эпосе мотив окаменения связан с именем Нарджхоу, которого прокляла Сатаней-Гуаша [142, с. 245]. По ее проклятию окаменевают и братья Сасырквы [79, с. 28].

Впервые сказание о нем зафиксировал в 1879 г. С.-А. Урусбиев. В нем рассказана вся эпическая жизнь Рачыкау от его рождения до смерти (рождение, приезд к нартам, состязания перед чудесным бочонком «агуна» и в танцах; осада крепости Гиляхсыртана; смерть). В этом сказании и в вариантах, записанных позднее, Рачыкау — сын служанки княгини (Сатанай, Ак бийче, Кырс-бийче). Отцом его, по варианту Урусбиева, является русский рыбак Бёдене, по другим вариантам — пастушонок (Бёдене) нартского пастуха Созукку (Соджук) ⁶⁴.

В балкаро-карачаевских сказаниях Сатанай не строит никаких козней против Рачыкау ⁶⁵. И она и нарты довольно доброжелательны к нему (за исключением Злоязычного Гиляхсыртана). Если в тексте Урусбиева богатырские деяния героя не описываются, а только упоминаются (когда Рачыкау вырос и стал «главным нартом... вести про его джигитство разнеслись по всем нартским селениям»; «бочонок „агуна“ после его рассказа наполнился и перелился через край три раза»), то в сказаниях «Нарт Рачыкау» и «Ёречыкау» повествуется о богатырских подвигах Рачыкау и его коня.

В отличие от других национальных версий, в эпосе балкарцев и карачаевцев Рачыкау борется с семиглавым эмегеном, иссушающим нартские реки, и побеждает его («Нарт Рачыкау»).

Во всех вариантах Рачыкау изображается могучим нартом-исполином. Под стать ему и его богатырский конь и доспехи (их тяжести не выдерживает даже железный крюк в доме Сатанай) ⁶⁶.

В эпосе колоссальная сила, могущество Рачыкау проявляются в мгновенном поедании им большого количества еды (хлеб из четырех мешков муки; туша лошади). Он одним разом выпивает содержимое кувшина, который с трудом поднимают сорок юношей («Ёречыкау»). А в «Песне о Рачыкау» он осушает несколько раз кувшин с бузой, который под силу поднять девяти мужчинам ⁶⁷.

В балкаро-карачаевском эпосе Рачыкау кроме аппетита превосходит всех нартов и в богатырстве, и в танцах. Зато в силе он уступает Карашауаю, который в состязаниях довольно легко побеждает его.

Локальным мотивом балкаро-карачаевского цикла о Рачыкау является и то, что теща Рачыкау, дав Карашауаю прикоснуться губами к своей груди, усыновляет его и делает этих двух богатырей побратимами («Ёречыкау и Карашауай»).

В цикле Рачыкау основная коллизия обусловлена конфликтом Рачыкау со Злоязычным Гиляхсыртаном из-за его «незаконного» (иноэтнического) происхождения. После неудачной попытки убить своего обидчика Рачыкау, отстаивая свое достоинство и не желая терпеть унижение, принимает решение умереть [164] ⁶⁸. В сказании же «Мсть Карашауая» Рачыкау убивает безмянный богатырь.

В анализируемом эпическом памятнике зафиксировано сказание, согласно которому Рачыкау не умирает: после ссоры с хозяином дома, где пируют нарты, он уезжает, но его возвращают, и он женится на одной из дочерей хозяина дома («Как женился Ёречыкау»).

* * *

«Образ ребенка-мстителя чрезвычайно типичен для архаической эпике различных народов» [77, т. 2, с. 471]. И в балкаро-карачаевской версии Нартиады песни и сказания, посвященные юному мстителю Ачемезу, сыну Ачея, очень популярны и бытуют по настоящее время. Во всех вариантах Ачемез мстит убийце своего отца (в некоторых вариантах — всего его рода) — алчному, злому Кубу (Губу, Тюклюскану, Тюклешу).

⁶⁴В балкаро-карачаевском эпосе Соджук (Созук) — отец Сосурука.

⁶⁵Ср. с адыгск. Сатаней-гуашей и Бадиноко (подробнее см. [21, с. 30]).

⁶⁶Мотив тяжести оружия героя очень популярен и в тюрко-монгольской эпической традиции (см. [133, с. 42, 75; 101, с. 65]).

⁶⁷В калмыцкой версии «Джангара» Джангар разом осушает пиалу, которую «семьдесят и один человек поднимают... с трудом» [60, с. 52, 58, 195, 220]; в монголо-ойратском эпосе герои пьют вино из чаш... (78 раз), «в которых уместилось бы мясо тысячи баранов» [41, с. 186], и т. д.

⁶⁸Мотив добровольной гибели самого героя встречается и в тюркском эпосе [101, с. 83].

Герой обычно рождается после смерти своего отца. Эпическая отмеченность и предназначенность Ачемеца обнаруживаются с самого его рождения (чудесный рост, богатырское детство). Как и все нартские герои, он обладает сверхъестественной физической силой (с легкостью пускает по льду мельничный жернов; укрощает коня; переплывает бурную реку, которую не могли одолеть богатырь Насран и его воины; угоняет многочисленный табун лошадей Кубу и т. д.). Во всех вариантах этого сказания наличествует мотив «незнания» об убийстве отца. Открытие тайны происходит случайно, во время игры героя с детьми. Началом конфликтной ситуации является выведывание у матери имени убийцы отца (прижигание руки матери горячей кукурузой/бульоном/халвой). Он узнает у матери и местонахождение богатырского коня и оружия отца. Далее в сказаниях широко используются мотивы, связанные с конем: знакомство героя с конем; диалоги коня и героя; наезживание коня и т. д.

Несмотря на опасения матери, юный герой укрощает боевого коня и, надев на себя тяжелое оружие отца, отправляется на поиски своего кровника.

Храбрость, богатырская сила юного мстителя особенно ярко проявляются в его поединке с Кубу. Сам Кубу поражен отвагой и мощью своего юного врага [34, с. 84]. В длительной борьбе Ачемез убивает своего кровника и увозит с собой его прекрасную жену⁶⁹. В балкаро-карачаевском эпосе Ачемез умирает лишь в варианте А. Б. Боташева [34].

Сюжет о мальчике-мстителе характерен и для эпоса осетин и адыгов.

Л. Г. Лопатинский в своем «Предисловии» к 21-му выпуску СМОМПК показал, что в Нартиаде варианты сказания о юном мстителе во многом совпадают (ряд сюжетобразующих мотивов, характеристика героев).

Однако нужно отметить, что сказания данной группы совпадают лишь в основных звеньях сюжета, а в целом они обнаруживают довольно большое число локальных особенностей. Вот, например, что пишут исследователи адыгского фольклора М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова о цикле Ашамеза в среде адыгов: «Об отсутствии давних устойчивых общеадыгских традиций, связанных с Ашамезом, красноречиво свидетельствует тот факт, что в ряде сказаний Ашамез оказывается двойником Батараза... Сюжетные линии Ашамеза и Батараза во многом тождественны; кроме того, Ашамез не имеет устойчивой генеалогии... О позднем оформлении сказания об Ашамезе свидетельствует также и тот факт, что наиболее полный вариант атажукинской записи с композиционной точки зрения существенно отличается от традиционных сказаний... в сказание об Ашамезе перенесены также некоторые элементы из пшинатлей (песен) о Сосруко и Бадыноко» [93, с. 135].

Относительно же осетинских вариантов Ю. Гаглойти отмечает, что для них «несколько непривычен... Ацамаз в роли воина, мстящего за своего отца». По его мнению, «это своеобразное изменение „функций“ героя (в большинстве осетинских вариантов Ацамаз выступает в роли замечательного певца нартов) следует отнести за счет влияния кабардинского или балкарского фольклора» [42, с. 109].

Своеобразие же балкаро-карачаевских вариантов об Ачемезе заключается в том, что они в среде балкарцев и карачаевцев бытовали и бытуют в основном как нартские песни. Трактовка некоторых образов, мотивы, связанные с богатырским конем и угоном Ачемезом табуна Кубу, поэтика, стиль этих песен имеют большое число параллелей с фольклорными произведениями тюрко-монгольских народов на сюжет о юном мстителе (см. [147, с. 22—26; 139, с. 8; 39, с. 149—150; 70, с. 120—140; 27, с. 179; 101, с. 45—52; 156, с. 65] и др.).

В эпосе балкарцев и карачаевцев Ачемез выполняет только функцию кровомстителя. Мотив же Орфея у них прикреплен к имени Карашауая.

⁶⁹Почти во всех вариантах данного сказания говорится о том, что мальчик Ачемез женится на взрослой женщине. Нам кажется, что этот мотив восходит к тюркскому миру. Как известно, в прошлом у многих тюркоязычных народов «обыкновенно женой малолетнего домохозяина являлась взрослая женщина» [158, с. 186].

В балкаро-карачаевском эпосе бытуют сказания, которые связаны с именами так называемых «местных» героев (Злоязычный Гиляхсыртан, Созар, Шырдан, Нёгер, Чюерди, Бора-Батыр и др.). В них обычно развернут один сюжет.

Особенность этих сказаний — наличие некоторых традиционных мотивов, связанных с тюрко-монгольским миром. Таков, например, мотив заставы и умилоствления стражей в вариантах о Шырдане и Нёгере (см. [135, с. 9—11; 136, с. 142—143; 126, с. 53] и др.); в группе сказаний о Чюерди — это мотив матери-изменницы и связанный с ним мотив закапывания или придавливания врага (чудовища) огромным камнем ([117, с. 153; 156, с. 63, 128, 146—147; 133, с. 78] и др.); мотив о чудесном росте жеребенка во время его седлания героем ([126, с. 162; 88, с. 73, 163; 101, с. 194] и др.), а также некоторые другие мотивы [139, с. 133—135].

Существование в эпосе балкарцев и карачаевцев двух эпических традиций — общекавказской и тюрко-монгольской — особенно ярко проявляется в сказаниях, повествующих о судьбе нартского племени после того, как оно уничтожило на земле всех своих врагов. Наряду со сказаниями, в которых, как и у других носителей Нартиады, речь идет о гибели нартского рода⁷⁰, имеются сказания, в которых говорится, что нарты, истребив всех чудовищ на земле, по велению Тейри покинули землю: одни из них улетели на небо на «ветрокрылых конях», другие ушли в подземное царство Тейри Земли. Конечно, «легенды о своеобразном бессмертии любимых народных героев имеют широкое распространение в мировом фольклоре» [70, с. 110], но здесь и в ряде других случаев, когда мы рассматривали тюрко-монгольские параллели в балкаро-карачаевском эпосе на уровне сюжетики, мы учитывали, что некоторые из них общефольклорные, и старались оперировать только такими, которые наиболее излюблены в тюрко-монгольском эпосе и имеют своеобразную специфическую трактовку в их эпической традиции.

На «нетрагичность» большинства эпических произведений тюрко-монгольских народов указывают многие ученые ([70, с. 109—110; 123, с. 86] и др.). И в балкаро-карачаевском эпосе, в отличие от других версий Нартиады, почти все герои бессмертны.

Обращает на себя внимание и то, что, хотя речь идет о переселении на небо половины нартов, в исследуемом эпосе конкретно называются только имена Дебета («Дебет — небесный кузнец»), Ёрюзмека («Как нарты покинули землю») и Сатанай («Как нарты и Сатанай переселились на небо»). И это, конечно, не случайность, а логически вытекает из связи героев с небом: они пришли на землю из верхнего мира и, как это присуще мифо-эпической традиции многих народов, по завершении своего краткого пребывания в земном мире «они возвращаются в собственный — верхний мир» [118, т. 1, с. 233].

При этом мотивировка переселения этих героев не только четко определена, но и взаимосвязана со всем сюжетно-тематическим комплексом эпоса балкарцев и карачаевцев: они покидают землю после выполнения своих миссий — Дебет и Сатанай, с именами которых связано время «первопредметов» и «перводействий», исполнив свои цивилизующие функции, а Ёрюзбек — уничтожив зло на земле («культурные деяния богатырского плана»).

В сказании «Карашауай не умер, он жив», в котором повествуется о том, что Карашауай, истребив врагов нартов, покинул нартскую страну и поселился на Эльбрусе, читаем: «Почему же Карашауай вернулся туда, на Эльбрус? — Он вернулся потому, что, когда был маленьким, ледники (сосульки) Эльбруса были для него материнской грудью, он вскормлен ими.

⁷⁰В отличие от других национальных версий нартского эпоса, в этих сказаниях совершенно отсутствуют богоборческие мотивы: гибель нартов почти во всех этих вариантах связывается с именами эмегенов («Нарты и эмегены», «Гибель нартов и эмегенов», «Песня-плач по нартам» и др.).

Говорят, что, где бы человек ни был и ни скитался, его к старости тянет туда, где он вырос. Вот поэтому он и вернулся на Эльбрус» [105, с. 94].

Нам кажется, что, согласно именно этому представлению балкарцев и карачаевцев, их нартические герои (причем герои, связанные только с архаическим слоем эпики) «возвращаются туда, откуда пришли»: Дебет, Сатанай и Ёрюзбек — в небо, Сосурук — в камень, а Карашауай — на Эльбрус.

* * *

В эпосе балкарцев и карачаевцев есть оригинальные, самобытные песни и сказания, не имеющие параллелей ни в одной другой национальной версии Нартиады⁷¹. Они относятся в основном к архаическому слою эпики, так как в них преобладают мотивы, связанные с тотемистическими, анимистическими, магическими и религиозными представлениями этих народов, у которых вплоть до XIX в. наряду с исламом бытовали некоторые пережитки первобытных форм религии и христианства [150; 98; 10; 99].

Один из первых исследователей балкарско-карачаевской мифологии, Л. И. Лавров, указал и на параллельное существование в их религиозных верованиях «древнетюркских, аланских и кавказских пластов». При этом он на большом фольклорном и этнографическом материале убедительно показал, что доминирующим у них является тюркский пласт. В поддержку этого взгляда высказываются К. Г. Азаматов [10] и В. М. Батчаев [28].

Так, в религиозных верованиях балкарцев и карачаевцев главенствующее положение занимал Тейри (Тенгри) — верховное божество всего тюрко-монгольского мира (см. [76; 50; 153; 89; 140; 118, т. 2, с. 537; 178; 106; 24] и др.).

В начале XIX в. Г. Ю. Клапрот писал, что «балкарцы и карачаевцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тенгри, в качестве подателя всякого добра» [9, с. 245]. И даже в начале XX столетия карачаевцы считали, что «в жизни и смерти человека волен один Тейри» [73, с. 53]. Вероятно, поэтому они в своих алгышах (благопожеланиях) и каргышах (проклятиях), которые относятся к древнейшим жанрам тюркской поэзии, всегда апеллировали к его имени [105, с. 161—194].

То, что балкарцы и карачаевцы продолжительное время поклонялись небу, огню, воде, небесным светилам, животным, деревьям, камням и т. п. и что, по их представлениям, каждое явление, предмет имели своего Тейри⁷², нашло отражение и в их нартском эпосе.

В сказаниях Тейри выступает как «творец и податель добра и блага». Когда появились нарты, «Тейри Неба, Тейри Солнца, Тейри Земли и Тейри Воды посоветовались [и решили]: Тейри Воды будет давать роду человеческому воду для питья; Тейри Земли взял на себя растить урожай и кормить человека; Тейри Солнца — светить; Тейри Неба — посылать дожди».

Тейри покровительствует и помогает эпическим героям во всем⁷³.

⁷¹ «Тейри и нарты»; сказания и песни о рождении Дебета, Сатанай, Ёрюзмека; «Как Сатанай победила войско Темир-Капу»; «Пищеvod эмегена»; «Как нарт Сосурук истребил пауков-людоедов»; «Элия»; «Волшебная палка нартов»; «Откуда появились алмосту»; «Три нарта и три эмегена»; ряд сказаний и песен из цикла Дебет — Алауган — Карашауай; сказания об исчезновении нартов с земли и др.

⁷² В начале века музыковед Дм. Рогаль-Левицкий, собиравший народные песни карачаевцев, писал, что у них «боги живут в горах, метелях, снежных облаках. Духи вызывают гром, молнию, бурю. Тайные и невидимые существа наполняют леса, реки и скалы... Суровая жизнь и непрерывная борьба за существование идут рука об руку с феерией гор и их обожествленными обитателями» [150, с. 42].

⁷³ «Тенгри представляют собой олицетворение различных природных явлений» и в эпосе других тюрко-монгольских народов; например, у бурят «фигурируют Тенгри солнца, луны, есть Тенгри-громовержец, Тенгри-туман, Тенгри-дождь и т. д.» [116, с. 113] (см. также [161, с. 143]). «В ойратских эпосах для „тенгри“... характерна покровительствующая и созидательная функция... Тенгри в нужный момент помогает эпическому богатырю...» [33, с. 4—5].

В одной из нартских песен эмеген говорит Сосуруку:

Мы нартв страну уничтожили бы,
Потушили бы их очаги.
Но Тейри нам мешают:
Стране нартв они помогают.

Предки балкарцев и карачаевцев, как и многие тюрко-монгольские народы, устраивали Тейри специальные моления с жертвоприношениями. Гимнические молитвы — песнопения в честь Тейри — были главной составной частью этих мистерий. Эпический текст «Моление нартв Тейри», вероятно, фрагмент одной из таких культовых песен.

В нем нартв не только клянутся именем Тейри, взывают к нему о помощи и славословят его, они даже подчеркивают, что в их жилах течет кровь Тейри и что нартв — часть его плоти. При этом они называют себя «слугами Тейри», выказывают ему глубокое почтение и преклонение перед ним. В этом тексте, видимо, умиловительная образность связана с внесением подобных языческих гимнов в эпос на более поздних этапах его развития, когда сознание людей уже отрицало императивное общение с божеством.

Одной из специфических черт балкаро-карачаевского эпоса является отсутствие в нем (кроме нартских песен и сказаний о борьбе Ёрюзмека с Фуком/Пуком) богоборческих мотивов. Это мы объясняем тем, что христианство, а позднее и мусульманство были приняты предками балкарцев и карачаевцев формально. Они не допустили «догматику ислама в недра своего духа. Религия осталась внешне общественной формой, а ее культовая сущность заполнилась пережитками далекого прошлого, стройной системой целого ряда старинных адатов и свободной фантазией в области художественных образов, своеобразных обрядов и верований» [150, с. 63]. А так как «старые мифологические традиции прочнее удерживались там, где было минимально (или отсутствовало) влияние мировых религий» [125, с. 185], то у балкарцев и карачаевцев произошла консервация различных древнетюркских верований и Тейри остался в их религиозных представлениях «божеством божеств» не только тюркских, но и их аланских и субстратных (кавказских) божеств⁷⁴.

После полного же утверждения мусульманства в Балкарии и Карачае имя Тейри стало у них одним из 99 эпитетов Аллаха [178, с. 161].

Многовековой культ Тейри и обусловил, вероятно, отсутствие в анализируемом эпосе богоборческих мотивов, так широко представленных в осетинской версии⁷⁵.

В эпосе балкарцев и карачаевцев сохранились и реликты, связанные с почитанием другого божества древних тюрков — Умай [141; 62].

Нам кажется, что нартская песня «Умай-бийче» представляет собой фрагмент одного из ритуальных величаний этого божества. Возможно, что раньше она исполнялась во время охотничьих обрядов, а со временем стала частью сказания (песни) из охотничьей жизни нартв.

В эпосе балкарцев и карачаевцев нашел отражение и культ Суу анасы — Матери воды, известной и некоторым другим тюркским народам [118, т. 2, с. 471]. В эпосе Суу анасы выступает и воспитательницей маленькой Сатанай, приемницей и воспитательницей Дебета.

Судя по функциям божеств Тейри Воды и Тейри Земли, в мифологии балкарцев и карачаевцев, вероятно, произошло раздвоение древнетюркского божества Йер-Су, которое, как и Тенгри, имело широкое бытование у всех этнических групп древнетюркского общества [141; 89; 118, т. 1, с. 599].

⁷⁴Это наиболее наглядно отразилось в обрядовой лирике балкарцев и карачаевцев. Так, в обрядовой песне, обращенной к полифункциональному божеству Чоппа, поется: «Ойра, Чоппа, после Тейри ты — Тейри!» [105, с. 198].

⁷⁵Это явление у осетин исследователи Нартиады объясняют тем, что в их религии шла острая «борьба старого язычества с христианством» [3, с. 51], которая и получила такое яркое отражение в их эпической традиции.

В сказаниях Тейри Земли во всем помогает и содействует нартам («Тейри и нарты», «Три нарта и три эмегена»). В цикле Дебета Тейри Земли олицетворяет женское начало, она — мать нартского кузнеца. Тейри Воды (Моря) также покровительствует нартам. В сказании о юной Сатанай он изображается всемогущим, грозным существом, которого бояться даже Тейри Солнца и Тейри Луны.

В эпосе балкарцев и карачаевцев сохранились и яркие реликты почитания солнца, которое выступает не только как любящий отец Сатанай, но и как всемогущий предводитель всех Тейри, один из создателей земли и космоса.

В анализируемом нартском эпосе наряду с тюрко-монгольскими божествами соседствуют и субстратные божества кавказских народов: Апсаты и Элия⁷⁶.

Одним из главных средств существования у балкарцев и карачаевцев в прошлом была охота. Видимо, поэтому в их верованиях, обрядах, фольклоре Апсаты, богу охоты и покровителю гор, лесов и благородных животных (оленей, туров и др.), отводится значительное место. Как и у других кавказских народов, этот образ в течение веков значительно трансформировался. Вероятно, в начале Апсаты был тотемным животным (белый олень)⁷⁷. Потом он получает облик хозяйки оленей (об этом свидетельствует образ дочери Апсаты Фатимат/Байдымат), а затем предстает в образе красивого седобородого старца.

Древние балкарцы и карачаевцы, как и другие кавказские народы, глубоко чтили и культ Элии⁷⁸. «Они (балкарцы.— Т. Х.), — писал академик Г. Ю. Клапрот, — утверждают, что он часто является на вершине самой высокой горы; они приносят ему с пением и танцами в жертву ягнят, молоко, сыр и пиво» [9, с. 245].

В нартской песне «Элия» это божество выступает покровителем нартов во всех их делах (в охоте на зубров, в походах и т. д.) и грозным, всесокрушающим патроном нартских воинов, который одним легким ударом может испепелить врагов нартов⁷⁹.

В мифологической системе балкарцев и карачаевцев, как и у многих народов мира, особое место занимали священные деревья, которые манифестировали сакральный центр обряда [166, с. 129—159; 38; 177; 72; 96 и др.]. Судя по тому, что к этим культовым деревьям (Раубазы — в Балкарии; Жангыз терек — Одинокое дерево⁸⁰ — в Карачае) обращались с разными испрошениями, им приписывались универсальные функции. Как и у древних тюрков, деревья посвящались Тейри [118, т. 2, с. 537] и были как бы посредниками между ним и людьми [105, с. 200—202].

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев реликты, связанные с культом дерева, встречаются в песне «Волшебная палка нартов». В ней говорится о том, что у нартов была палка, излечивавшая нартов от всех болезней, а между

⁷⁶На субстратное происхождение культа Апсаты указывают В. И. Абаев и Е. И. Крупнов. Популярность Элии у многих кавказских народов дает нам основание и его считать явлением субстратного порядка.

⁷⁷В народе до последнего времени бытовало поверье, что мясо оленя (особенно белого) обладает очищающими и целебными свойствами. Рога оленей вешали во дворе и в доме над очагом, веря, что они принесут счастье.

⁷⁸У балкарцев и карачаевцев до Элии его функции выполняло полифункциональное божество Чоппа. «„Чоппа“, по объяснению карачаевцев, был каким-то богом, к которому обращались во всех важных случаях жизни» [176, с. 57]. С приходом христианства произошла контаминация языческого Чоппы с Элией (Илья-пророк): Эллери-Чоппа. Со временем стали употреблять только первую часть имени, вследствие чего имя и функции Чоппы постепенно стали забываться.

⁷⁹Относительно этой нартской песни В. Батчаев пишет: «Жанровая специфика песни „Элия“ наводит на предположение о принадлежности ее древней основы к категории боевых гимнов, исполнившихся перед битвой» [30].

⁸⁰И у киргизов священные деревья назывались «одинокое дерево» — «жангыз агач». Такое название бытовало и в Монголии: «ганцханmodo» — «одинокое дерево» [126, с. 280].

эмегенами сеявшая мор. «Однажды нарты вышли на борьбу с эмегенами и истребили их этой палкой»⁸¹

О древности мотива, лежащего в основе этой песни, свидетельствуют ее величально-гимнический характер и то, что основу ее составляют традиционные заклинания и пожелания, характерные для культовых алгышей и каргышей, широко представленных в фольклоре балкарцев и карачаевцев.

В анализируемом эпосе семантическим эквивалентом мирового дерева выступают цепи («Как Ёрюзбек сражался на небе с Фуком») и веревка («Как нарты и Сатанай переселились на небо»), спущенные с небес. В эпосе они — одно из средств коммуникации нартов с Верхним миром.

В нартских песнях и сказаниях нашел отражение и культ гор и камней — они одушевляются и даже обладают даром речи («Рождение нартского кузнеца Дебета», «Как вошло зло в нартовский род»).

В одном из вариантов сказания о рождении Сосурука Сатанай обращается к горам, как к живым всемогущим существам, и просит их покровительствовать ее сыну («Рождение Сосурука»)⁸².

Культ камня перекликается и с космогоническими представлениями древних балкарцев и карачаевцев, веривших в небесное происхождение камней, золота, серебра, в то, что железо, камни и звезды — родственны («Ёрюзбек и эмегены»; «Дебет — небесный кузнец», «Тейри и нарты»).

Как известно, волк был одним из тотемов тюрко-монгольских народов⁸³. В их эпосе «волк выступает то родоначальником, то кормильцем и воспитателем...» [100, с. 120]. Реликты почитания волка мы находим и в эпосе балкарцев и карачаевцев, предки которых глубоко чтили волка: Ёрюзбек, по некоторым вариантам, вскормлен волчицей; одним из его постоянных атрибутов является волчья шуба (см. [164, с. 38; 160, с. 260] и др.)⁸⁴.

Волчья шуба Ёрюзбека, вероятно, выступает не только символом его власти, силы и знаком, отличающим его от других нартов как предводителя нартов,

⁸¹Палки, обладающие чудесными свойствами, встречаются и в фольклоре тюрко-монгольских народов и, вероятно, и у них являются реминисценцией культа дерева. Так, «Гесер рассекает палкой море и загоняет в него чертей. Особенно популярен миф о шерстобитном прутике — хабай Манзан Гумэ — бабушки... Она дает этот прутик герою сказания... и тот забивает им до смерти чудовище... которого нельзя было победить ни мечом, ни стрелами» [162, с. 112]. Г. Н. Потанин в IV томе своих «Очерков...» приводит сказание, герой которого — охотник — находит палочку и берет ее с собой, подумав: «Годится огонь растопить». Палочка оказывается волшебной — она на расстоянии убивает и животных и людей; когда же охотник помахал «палочкой над неприятельским войском... все оно легло мертво» [138, с. 402].

⁸²Этот мотив встречается и в эпосе ряда тюрко-монгольских народов. «Культ хозяина горы и связанного с ним обряда и представления,— пишет П. А. Трояков,— нашли отражение в мотиве чудесного рождения, а также в целом сюжетном ответвлении, которое можно назвать чудесным покровительством. Эти мотивы наиболее выразительно и ярко представлены в героических сказаниях хакасов» [159, с. 140]; «И в бурятских улигерах героиня обращается к горе как к чудесному покровителю, доверяя ему своего брата — богатыря» [92, с. 87] и т. д.

⁸³Об этом подробнее см. работу Р. С. Липец [100, с. 120—133].

⁸⁴В адыгском эпосе «шубу из шкуры волка» носит Насрен-жаке [21, с. 51]. В осетинской версии, как и в анализируемом эпосе, непременным атрибутом Урызмага кроме посоха является шуба, однако в качестве постоянных эпитетов к ней используются определения «большая», «длинная», «старая», «короткая» и т. д. Упоминание же о волчьей шубе в сказаниях, включенных в академическое издание осетинских «Нартов», встречается только в одном дигорском варианте сказания «Сослан и сын Татрадза Алибег». Во всех же остальных вариантах, посвященных борьбе Сослана с Татрадзом, как и в адыгских сказаниях на этот сюжет, Сатана увешивает коня Сослана колокольчиками или разноцветными лоскутками (ср. с шаманским плащом). А в сказании «Как убили Хамыца, Батразова отца» [115, т. 1] по совету колдуньи волчью шубу на шею своего коня вешает один из врагов нартов — малик из города Тынта, чтобы испугать «Хамыцева коня — чертово отродье».

У осетин с именем Урызмага мотив волка связан еще в двух сказаниях: «Сослан, рожденный из Сос-камня» (дигор.) и «Как нарты убили золотую лисицу». В первом Урызмаг, боясь быть растерзанным, не решается даже подойти к волкам, во втором же (во всех вариантах) он при хорошем обращении с ним хозяев отары уничтожает волков, при плохом — позволяет им перерезать всех баранов.

патриарха племени⁸⁵. Здесь, нам кажется, нашли отражение и реликты культа волка.

Волчья шуба, которую всегда носит внакидку Ёрюзбек, — и символ причастности его к волкам. Ведь в сказании «Рождение Ёрюзбека» на это указывается прямо: «...Он (Ёрюзбек. — Т. Х.), пососав молоко волчицы, породнился с волками», — говорит нартский пастух Дебету.

Древние верили, что человек, облаченный в шкуру тотемного животного, как бы перевоплощается в него. Ярким свидетельством этому служат нартские песни и сказания о встрече Ёрюзбека с шайтанами. Предки балкарцев и карачаевцев считали, что шайтаны при желании могут быть невидимыми для всех живых существ на земле, кроме волков, и что последние всегда подстерегают и съедают новорожденных шайтанов («Откуда появились алмосту»). Поэтому у балкарцев и карачаевцев любые атрибуты с тела волка — главного врага шайтанов — самый действенный оберег от нечистой силы⁸⁶. Вот почему при встрече Ёрюзбека с шайтанами его шуба наводит на них неопиcуемый ужас. Их страх настолько велик, что они даже слова «волчья шуба» табуируют и называют шубу «желпегей» («то, что внакидку»), и, «настаивая на том, чтобы Ёрюзбек снял ее, они добиваются, чтобы нарт снова обрел свою человеческую сущность, а следовательно, и уязвимость» [28, с. 122].

В анализируемой версии помимо культа волка обнаруживаются и следы почитания ворона («Элия»), который был одним из орнитоморфных тотемов древних тюрков и монголов (см. [155, с. 99; 8, с. 68—69] и др.).

Как мы отмечали выше, основными эпическими врагами балкаро-карачаевских нартов являются эмегены. Если в сюжетах, которые известны и другим носителям Нартиады, великан рисуется в русле общенартских традиций, например, в вариантах об ослеплении Ёрюзбеком (Сосуруком) циклопа-великана⁸⁷, то в сказаниях, которые значительно отличаются от других версий или зафиксированы только в данном эпосе, налицо разительное сходство, а иногда и совпадение образа и функций балкаро-карачаевских эмегенов со сказочными и эпическими чудовищами тюркских и монгольских народов — якутским абаасы, монгольским мангусом, якутским мангадхаем, калмыцким мусом и мангысом и т. п. (см. [133, с. 43—52; 94; 16, с. 161—168, 182, 198—200; 123, с. 111—124] и др.).

Как справедливо заметил А. И. Лавров, у балкарцев и карачаевцев «представления об... эмегенах... по своему происхождению... являются тюркскими» [98, с. 109].

В пользу такого предположения свидетельствует и этимология балкаро-карачаевского слова «эмеген», которое восходит к старомонгольскому «эмеген» — «старуха»⁸⁸.

С.-А. Урусбиев в своем «Предисловии» так характеризует эмегенов: «Наряду с нартами предания упоминают о великанах-эмегенах, отличающихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью,

В цикле же Ахсара и Ахсартага нами не обнаружено даже малейшего упоминания о волках. Утверждение же о том, что «в основе сказаний об Ахсаре и Ахсартаге лежит тотемический миф о происхождении от волка» [3, с. 15], строится лишь на лингвистическом анализе имени Уархаг — «Волк» (Ж. Дюмезиль возводит это имя к слову «широкий» [66, с. 177]). Что же касается осетинского Сауая, то он вскормлен не молоком волчицы («подобно римским близнецам»), а волки «пригоняли к нему [самок] ланей, коз, туров и прочих животных, а он их ловил... и сосал их молоко. После же того волки их съедали» [122, кн. 2, с. 429].

⁸⁵ Если в древности изображение волка было на знаменах тюркских племен, то позднее изображение волчьей головы стали носить вожди племени, ханы и т. д. Этот знак был символом их власти, избранности [100].

⁸⁶ «Когти волка и рыси, — писал Г. Чурсин, — привешивают к колыбели карачаевцы — для отогнания злых духов» [174, с. 9].

⁸⁷ Подробный анализ этой группы сказаний и образа одноглазого великана-людоеда в эпической традиции кавказских народов см. в работе У. Б. Далгат [56, с. 119—134].

⁸⁸ В комментариях к четвертому тому «Очерков...» Г. Н. Потанин пишет: «В алтайском и дербютском „эмеген“ значит „старуха“... на языке северо-кавказских татар-горцев (балкарцев. — Т. Х.) эмеген — старуха-людоедка, соответствующая алтайскому джельбеген и киргизской джалмаус» [138, с. 703].

у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу...» [164, с. 11].

Более подробную характеристику этих чудовищ находим у Е. Баранова: «В мифологии горских татар (балкарцев.— Т. Х.)... злые и жестокие... эмегены... отличались необыкновенной прожорливостью и особенно любили лакомиться человеческим мясом... Эмегены были от одноголовых до тысячеголовых. Отрубленные головы их имели свойство сейчас же прирастать к туловищу; точно такое же свойство имели и остальные части их тела. Поэтому, чтобы лишить жизни эмегена, отрубленную часть его тела следовало немедленно сжигать⁸⁹. Жизнь эмегенов зависела также от разных предметов... если эти предметы человеку удавалось уничтожить, то эмеген немедленно умирал⁹⁰. По преданиям горцев, за несколько сот лет до нашего времени в честь эмегенов пред их изваяниями приносились жертвы, чтобы расположить их к людям» [25, с. 45].

Балкаро-карачаевские сказания о борьбе нартов с эмегенами состоят из следующих сюжетов:

1. Эмегены — хранители огня и воды.
2. Нарты случайно встречаются с эмегенами.
3. Нарты преднамеренно ищут встречи с эмегенами.
4. Воспользовавшись отсутствием нартов, эмегены совершают опустошительные набеги на их страну, и разгневанные нарты отправляются для уничтожения своих извечных врагов.

Если первые три сюжета о борьбе с великанами встречаются во всех национальных версиях, то сказания четвертой группы наиболее характерны и разработаны в рассматриваемом эпосе⁹¹.

В балкаро-карачаевском эпосе страна эмегенов обычно локализуется за пределами нартского Космоса (чаще всего на Севере). В ряде сказаний говорится, что эмегены живут на горе Каф (Куф, Куфские горы), находящейся на краю земли. Обитают же они в основном в пещерах, в ущельях, покрытых лесом.

Эмегены живут и в подземном царстве («Сосурук под землей»), а в сказании «Нарт Карашауай и Гемуда» речь идет и о морских эмегенах.

В некоторых сказаниях говорится, что «нарты живут на одном берегу реки, а эмегены — на другом». Иногда пограничной заставой между этими двумя враждебными мирами выступают горы.

В сказаниях подчеркивается, что от эмегенов исходит зловоние. В пещерах, где они обитают, всегда грязь, груды костей и нечистот.

В отличие от других национальных версий, в эпосе балкарцев и карачаевцев подробно описывается внешность эмегенов: «...рот ее (эмегенши.— Т. Х.) был в один аршин, нижняя губа отвисла до груди, на лбу у нее один глаз, а на затылке ярко блестел другой глаз, величиной с человеческую голову. На красной, как медь, голове не было волос. Она была громадной, словно девять буйволов вместе. Ногти ее были длинными и острыми, как клюв орла» («Алауган и Зинзиуар») ⁹². В сказании «Сосурук и Сибилчи» у эмегена «рот в длину — пять аршин, зубы — как железные ломы; от дыхания его деревья качались».

В эпосе часты подробные описания жилищ эмегенов, их занятий и орудий труда. Так, железное веретено эмегенши, «огромное, как столб, прясло... величиной с мельничный жернов» ⁹³; сито эмегенши такой величины, что в нем смогли бы бегать три лошади.

⁸⁹Почти во всех эпических сказаниях тюркских и монгольских народов герой после уничтожения врага-чудовища всегда разрубает и сжигает его труп.

⁹⁰Мотив внешней души — один из излюбленных мотивов в эпической традиции тюрков и монголов.

⁹¹На традиционность и обязательность четвертого сюжета и эпической традиции тюркских и монгольских народов в своих работах указывают многие исследователи (см., например, [70; 117; 123; 156]).

⁹²Во всех эпических текстах балкарцев и карачаевцев эмегенши изображаются огромными, уродливыми существами. Исключение составляет сказание «Как вошло зло в нартовский род» [121, с. 8—17], где дан образ прекрасной девы-эмегенши.

⁹³В абхазском эпосе огромное веретено — традиционный атрибут Сатаней-Гуаши.

У многоголовых эмегенов, как и у мифологических чудовищ тюрко-монгольских народов, одна голова главная, а остальные второстепенные; когда Сосурук «отрубил у эмегена четыре неговорящие головы», тот не умер, так как его душа заключалась в пятой, говорящей голове, которую можно было отрубить только мечом самого эмегена. Здесь мотив «главной головы» неразрывно связан с мотивом «условной неуязвимости» [123, с. 119].

У эмегенов в цикле Дебет — Алауган — Карашауай, как и у чудовищ-людоедов эпических произведений некоторых тюрко-монгольских народов, «проявляются черты матриархального уклада жизни» [45, с. 48].

При описании женщин-чудовищ в обеих сравниваемых эпических традициях «подчеркиваются отвисшие груди, закинута за спину» (см. [123, с. 116; 164, с. 12]).

Как и женщина-чудовище джарутско-хорчинского эпоса Гилбан Шар [123, с. 118], как мифологический персонаж монголов ада [170, с. 44], женщины-эмегенши пожирают своих новорожденных детей (жена Алаугана, старая бабка эмегенов).

Если в других национальных версиях Нартиады матриархальные черты при-сущи только Сатанай, то в эпосе балкарцев и карачаевцев эти черты характерны также для эмегенш. Только в исследуемом эпосе фигурирует образ старой бабки эмегенов («Как нарты покинули землю»). Архаические черты образа бабки эмегенов, подробное, впечатляющее описание других эмегенш (жена Алаугана и ее мать, эмегенша из сказания «Сыновья Дебета и дочери эмегенши»), характерное только для балкаро-карачаевского эпоса, дают основания считать их трактовку реминисценцией древней тюрко-монгольской эпика, так как «мать чудовищ — обязательный персонаж в эпосе бурят, якутов, алтае-саянских народов» [77, т. 3, с. 696].

На более ранней стадии развития эпоса эмегенам присущи черты и атрибуты фантастических чудовищ (гигантские размеры, циклопическая сила, каннибализм; они говорят на своем, «эмегенском», языке; их приближение всегда сопровождается стихийными явлениями природы. Съев мясо или выпив кровь эмегена, нарты приобретают его силу, чудесные свойства⁹⁴: «Кто съест хоть один кусочек мяса эмегена, тот и в стужу не будет мерзнуть...» («Три нарты и три эмегена»)⁹⁵.

Со временем архаический, хтонический облик эмегенов меняется, они приобретают антропоморфные черты, правда гипертрофированно уродливые. Эмегены уже владеют человеческой речью, варят пищу, ездят верхом, им приписываются коварство и спесивость.

Совершенно иную интерпретацию теперь получает и мотив волшебной силы мяса (крови) эмегенов: даже после смерти части их тела обладают сверхъестественной силой и смертельны для нартов (варианты сказания о добывании Сосуруком огня; «Карашауай и один юноша»).

В более поздних редакциях балкаро-карачаевских сказаний мифологические образы эмегенов постепенно трансформируются в образы реальных врагов нартов (соперник, кровник, социальный враг).

Рассмотрев разновидности эпических великанов-чудовищ в других национальных версиях Нартиады (осетинских уаигов, адыгских иныжей, абхазских адауи, вайнахских гарбашей), мы обнаружили, что мотив людоедства и мотив многоголовости эпических чудовищ наиболее разработан в эпосе балкарцев и карачаевцев. Кроме того, в сказаниях всех носителей Нартиады господствуют чудовища-мужчины. В них не встречаются великанши, аналогичные эмегеншам — традиционным персонажам балкаро-карачаевского нартского эпоса.

⁹⁴И в «алтайском эпосе те или иные атрибуты чудовища (родинка, молоко, мозг, клыки) являются целебными средствами» [156, с. 41]. Несомненно, этот мотив относится к общефольклорному фонду. Например, в «Эдде» Сигурд, чтобы приобрести магическую неуязвимость, съедает сердце и купается в крови убитого им змея Фафнера, но в тюрко-монгольской эпической традиции это один из излюбленных мотивов и имеет свои специфические особенности.

⁹⁵Ср.: «Жена Гэсэра советует ему выпить кровь убитого им мангыса: он не будет бояться мороза» [134, с. 563].

Если в других национальных версиях сообщение о том, что на земле до нартов жили мифические чудовища и что они исчезли с лица земли после появления нартов⁹⁶, «передается в форме констатации эпического факта» [54, с. 49], то в балкаро-карачаевском эпосе бог создает нартов для уничтожения эмегенов, и поэтому основная миссия нартов на земле — борьба с многоголовыми чудовищами-каннибалами.

«Миссия очищения земли от чудовищ — своеобразная, характерная для архаической стадии героического эпоса форма выражения коллективного пафоса» [77, т. 1, с. 47]. Эта тема встречается в нартских сказаниях всех носителей Нартиады. Особенностью же балкаро-карачаевской версии является то, что почти все ее эпические герои — Ёрюзбек, Сосурук, Алауган, Карашауай, Чюерди, Рачыкау и даже Сатанай ([63, с. 28]; «Как Сатанай победила войско Темир-Капу») — ведут постоянную борьбу с этими чудовищами до полного их истребления.

В рассматриваемом эпическом памятнике балкарцев и карацевцев, как и в других национальных версиях, помимо религиозно-мифологических воззрений создателей эпоса отразились также их общественные институты (тёре, куначество, аталычество и т. д.), обряды, некоторые реалии материальной культуры, элементы хозяйственной деятельности и т. д.

* * *

В процессе анализа циклов балкаро-карачаевского эпоса мы могли убедиться в их самобытности и национальном своеобразии. Семантика эпических произведений, обилие в них мифологических элементов позволяют говорить об их архаичности. Однако еще с прошлого века в нартоведении периодически утверждалась мысль о заимствованном характере этого эпоса. Наиболее развернутое обоснование она получила в недавней работе Ю. С. Гаглойти [42], на которой мы считаем необходимым остановиться подробнее. Ее автор доказывает, что все носители нартского эпоса заимствовали его у осетин. Но, говоря словами самого же автора, это, пожалуй «слишком упрощенное» [42, с. 52] решение невероятно сложной проблемы. Например, одним из главных доказательств заимствования балкарцами и карацевцами нартского эпоса у осетин Ю. С. Гаглойти считает то, что в их версии якобы слабо прослеживаются «традиции тюркского фольклора». Но, во-первых, в действительности все обстоит как раз наоборот: «Уж если говорить о заимствованиях, то правомернее было бы иметь в виду в первую очередь всё тюркское — начиная с самого языка. Но даже в этом случае „заимствование“ — понятие довольно условное, ибо тюркская речь балкаро-карацевцев есть явление не количественного, а качественного порядка, определяющее их особенность как определенного этноса вообще» [30]. Во-вторых, в нартском эпосе балкарцев и карацевцев (как и в их материальной и духовной культуре в целом) тюрко-монгольских элементов намного больше, чем это принято считать в нартоведении. При этом они характерны не только для исследуемой версии эпоса.

На наличие значительного количества тюрко-монгольских параллелей в обшечкавказской Нартиаде указывают в своих работах Вс. Ф. Миллер, Г. Н. Потанин, В. И. Абаев, П. У. Аутлев, Т. А. Гуриев, А. З. Холаев, ибо, как известно, она «в какую-то эпоху» испытала на себе тюрко-монгольское влияние. «Сомнительно, — утверждает В. И. Абаев, — чтобы это влияние ограничилось только несколькими собственными именами. Вместе с именами могли быть заимствованы отдельные сюжеты и мотивы» [3, с. 56].

Из числа сказаний, которые Ю. С. Гаглойти считает заимствованными (полностью или частично) у осетин, мы остановимся лишь на двух сюжетных группах: а) «пир с западней»; б) «борьба Ёрюзбека с Фуком», так как исследователь подвергает сомнению даже варианты С.-А. Урусбиева на эти сюжеты.

Прежде чем приступить к сравнительному анализу сюжетной группы «пир с

⁹⁶Об этом см. [122, кн. 2, с. 6; 113, с. 43; 17, с. 325].

западной», мы вынуждены процитировать довольно большой фрагмент из монографии Ю. С. Гаглойти:

«Некоторые из балкарских и карачаевских сказаний обнаруживают столь поразительную близость к осетинским, что кажутся копиями последних (здесь и далее разрядка наша.— Т. Х.). К их числу относятся в первую очередь сказание о Сосуруко, „Княгиня Сатана“, „Шауай“ и „Рачикау“, опубликованные С. Урусбиевым...

Одно из них, описывающее попытку умерщвления состарившегося „главы нартов“, идентично по своему содержанию осетинским вариантам сказания о желании нартов Бората умертвить Урызмага на пиру у Алагата (ПНТО, I, с. 72—74; Юго-осетинское народное творчество, с. 139—141; 172—175; Осетинское народное творчество, с. 67—68; 239—242). В основе обеих версий лежит сюжет, „пира с западной“ (В. И. Абаев. Нартовский эпос, с. 44). Характерно, что в обоих случаях „основанием“ для убийства „главы нартов“ служит несколько завуалированное указание на старость последнего, что дает повод видеть в этом рассказе отдаленный отзвук скифского обычая умерщвления стариков, осложненный в некоторых осетинских вариантах мотивом кровной мести.

Обращает на себя внимание, как Сырдон и мальчик приглашают на пир Урызмага буквально в одних и тех же словах: „Пришел Сырдон к Урызмагу, сел перед ним на корточки и сказал: „Устраивают Бората пир в своем большом доме клятвы... и приглашают на этот пир тебя. Захочешь, придешь, а не захочешь, не придешь“ (Нарты кадджытæ, с. 204; Осетинские нартские сказания, с. 253),— говорится в осетинском сказании. Мальчик же в урусбиевском тексте говорит следующее: „Урызмек, меня послали к тебе нарты, они приглашают тебя на пир в доме Алиговых: хочешь — иди, а не хочешь — не ходи“ (С. Урусбиев. Сказания о нартских богатырях, с. 39)» [42, с. 170—171].

Во-первых, сказание «Княгиня Сатана», опубликованное А. Н. Дьячковым-Тарасовым [65, с. 87—91], Ю. С. Гаглойти называет в числе сказаний С.-А. Урусбиева.

Во-вторых, для сравнения Ю. С. Гаглойти привлекает разновременные записи, причем для доказательства периферийности, вторичности балкаро-карачаевского сказания, напечатанного в конце XIX в., обращается к осетинским сказаниям, опубликованным только в середине XX в. Известно, что сказание «Сосуруко» опубликовано Урусбиевым в 1881 г. [164], сборник же «Нарты кадджытæ» (на осет. яз.) вышел в свет в 1946 г., а сказание «Как Батраз спас Урызмага», которое цитирует Ю. С. Гаглойти, было напечатано в 1948 г. («Осетинские нартские сказания». Перевод Ю. Либединского).

В-третьих, одним из главных аргументов Ю. С. Гаглойти в доказательстве «прямого заимствования» балкарцами и карачаевцами сказания на сюжет «пир с западной» у осетин служит формула-приглашение Сырдона (осет.) и мальчика (балк.-карач.)⁹⁷. При этом в качестве примера цитируется формула-приглашение из осетинского сказания в литературном переводе, который, как известно, не может быть использован для научной аргументации⁹⁸.

⁹⁷Мы хотим подчеркнуть, что если в формуле-приглашении Сырдона опасность, грозящая Урызмагу, выражена имплицитно, то в варианте Урусбиева Сосурук предупреждает Ерюзмек открытым текстом:

«Урызмек, меня послали к тебе нарты; они приглашают тебя на пир в дом Алиговых: хочешь — иди, а не хочешь — так не ходи; мне кажется, что они зовут тебя скорее на зло, чем на добро, но поступи по своему усмотрению» [164, с. 39].

⁹⁸В трехтомном академическом издании нартского эпоса осетин формула-приглашение на пир встречается лишь в сказании «Старый Урызмаг и Батраз» (джавский говор осетинского яз., записано в 1929 г.). «Бората кувд устроили в большом доме Алагата и приглашают тебя, если хочешь — пойдём, если не хочешь — оставайся»,— говорит Сырдон Урызмагу [122, кн. 2, с. 235]. В остальных четырех вариантах [122, кн. 2, с. 89—92, 237—241], включенных в это издание (даже в варианте Шанаева), ее нет. Общеизвестно, что в общекавказской Нартиаде имеется значительное количество общих мест и типических формул (см. работу У. Б. Далгат [57, с. 213—234]). Но если и допустить, что формула-приглашение на «пир с западной» является одной из типических формул нартского эпоса осетин, доказывать приоритет какой-либо национальной версии при помощи типической формулы — нонсенс.

Сравнимый материал показывает, что спецификой балкаро-карачаевской версии является:

а) четкое указание на то, что Ёрюзек — глава нартов;

б) в варианте Урусбиева против Ёрюзема «составили заговор» все нарты⁹⁹, тогда как в шанаевской версии старого Урызмага хотят умертвить «постыдною смертью — попойкой» только молодые нарты;

в) в отличие от варианта Шанаева, мотивировка убийства Ёрюзема у Урусбиева выражена эксплицитно: нарты хотят отравить его на пиру, недовольные тем, что «во главе их находится старик»;

г) из пяти осетинских вариантов на сюжет «пир с западной», которые мы привлекли для сравнения, ни один не «осложнен» мотивом кровной мести. Балкаро-карачаевские же сказания показывают, что это специфика рассматриваемой версии, ибо во всех вариантах этой группы одним из зложделателей Ёрюзема на пиру выступает его кровник — сын Пука¹⁰⁰.

В эпосе осетин в рассматриваемой сюжетной группе сказаний, в отличие от балкаро-карачаевской версии, наблюдается характерное перемещение одних и тех же мотивов от одного персонажа к другому, отмеченное некоторыми исследователями Нартиады [115, т. 1, с. 65; 149, с. 6—7; 54, с. 220—221; 20, с. 99—101].

Если в балкаро-карачаевском эпосе функцию спасителей постоянно выполняют Сатанай и Сосурук, то у осетин (в иронских вариантах) Сатана призывает на помощь Батраза, а в дигорских ее помощником является Сослан. В сказании же «Как собрались убить старого Урызмага» (ирон.) в роли спасителей старого нарта выступают Созырыко, Сослан и Батраз. У осетин бытует также сказание, в котором мотив «пира с западной» связан с именем Хамыца («Смерть Хамыца» [122, кн. 2, с. 278, 279])¹⁰¹.

В обеих версиях Нартиады по-разному интерпретируются и образы эпических героев.

Так, в балкаро-карачаевских вариантах Ёрюзек, несмотря на свою старость, еще силен¹⁰² и внушает нартам страх. В сказании подчеркивается, что никто из нартов не отважился пойти пригласить его на пир [164]. В осетинском же (вариант Шанаева) Урызмаг из-за старости перестал бывать на пирах, и нарты не знают, «как заставить старика прийти на веселый пир молодых».

В балкаро-карачаевских вариантах Ёрюзек на пиру полон чувства собственного достоинства, и нартам так и не удалось опить его. В осетинской версии нарты чуть ли не силой заставляют его пить, и он от ощущения немощности своей «наполняет кубок слезами» («Как собрались убить старого Урызмага»).

В балкаро-карачаевских вариантах Ёрюзек со своими зложделателями правляется сам [164, с. 41]. Функция же Сосурука исчерпывается тем, что он взламывает запертые двери (или сокрушает стену), чтобы попасть к пирующим, и выносит наружу Ёрюзема [164, с. 42].

Осетинский же Урызмаг/Оразмаг только в одном из сказаний помогает своему

⁹⁹В сказаниях более поздних редакций заговор против Ёрюзема готовит не все племя нартов, а только нарты, невзлюбившие его, и сын Пука (Фука).

¹⁰⁰Если в урусбиевском варианте мотивировкой для пира является умерщвление состарившегося главы нартов, то в сказаниях, зафиксированных в более позднее время, эта мотивировка трансформировалась в мотив кровной мести. Она подверглась переосмыслению и в осетинской версии: желание одного рода завладеть добром другого [122, кн. 2, с. 234—237]. В дигорских же вариантах осетин мотивировка вообще отсутствует.

¹⁰¹Есть и такие перемещения, которые встречаются только в осетинском эпосе; например, в сказании «Старый Урызмаг и Батраз» (джав. гов., зап. 1929 г.) на хатиагском языке на пиру говорят враги Урызмага — молодежь Бората, в варианте же «Как собрались убить старого Урызмага» на хатиагском переговариваются на пиру Созырыко, Сослан, Батраз и Урызмаг, которые в этом сказании уже сами выступают представителями рода Бората.

¹⁰²В некоторых вариантах балкаро-карачаевских сказаний в отличие от осетинских Ёрюзек, придя в дом Алиговых, прежде чем зайти к пирующим, участвует в состязаниях нартов (стрельба из лука, испытание меча) и побеждает их.

спасителю Батразу («Старый Урызмаг и Батраз»), в остальных же вариантах он пассивен.

По-разному обрисован в названных версиях и образ Сатанай (Сатаны). Балкаро-карачаевская Сатанай предстает «всезнающей» и ясновидящей. Сам Ёрюзмек говорит нартам на пиру: «Я знаю, что вы хотели со мной сделать, но я муж Сатанай, которая больше вас знает» [129, с. 706]. А в варианте Урусбиева постоянным для Сатанай является эпитет «вещая». Она не только ведаёт о пире с западной, но и предвидит, чем все закончится.

В осетинской версии только в дигорских вариантах Ахсина ведаёт о пире с западной и в минуту опасности посылает на помощь Оразмагу Сослана.

Анализ рассматриваемой сюжетной группы в обеих национальных версиях показал, что деформация, переосмысление (порой и забвение) некоторых традиционных мотивов, атрибутов, деталей иногда несущественны для сюжета. Но чаще всего это вызывает появление новых мотивов, что ведет к иной интерпретации последующего эпизода и соответственно к изменению дальнейших композиционных ходов.

Так, например, отсутствие пророческого дара у Сатаны¹⁰³ в иронском и джавском вариантах обусловило появление в них устойчивого эпического места: вручение Сатанай уходящему на пир Урызмагу волшебного платочка (сокола¹⁰⁴; в одном из вариантов он сам берет с собой ручного голубя). Далее эти предметы играют роль посредников между Сатанай и Урызмагом (как знаки опасности): Сатана узнает об опасности, грозящей Урызмагу, только после их появления и только тогда призывает на помощь Батразу.

Во многих вариантах балкаро-карачаевских сказаний о пире с западной одним из сюжетобразующих мотивов является мотив трубки: Сатанай, ведающая, что Ёрюзмека хотят умертвить отравленным питьем, вставляет ему в горло трубочку (в вариантах П. Острякова и С. Урусбиева указывается, что она медная).

Мотивы отравленного питья и трубки в осетинской версии встречаются только в дигорских вариантах. Но и в них утрачены или забыты некоторые существенные детали: в частности, здесь трубка не продевается в горло Оразмага (как в балкаро-карачаевских вариантах), а прячется им под его большой шубой. Это ведет к тому, что Сырдон, сразу же разгадав хитрость Оразмага, вынуждает его пить, и старца опаивают так, что он «ослабел от напитков». В балкаро-карачаевских же вариантах подчеркивается, что Ёрюзмек благодаря вставленной в его горло трубке не только трезв, но и не отравлен.

Традиционным в балкаро-карачаевских сказаниях является и наказ Сатанай Ёрюзмеку, как вести себя на пиру.

Если в осетинских вариантах только в сказании «Старый Урызмаг и Батраз» (джавский говор) Сатана предупреждает Урызмага сесть не во главе стола, а у порога¹⁰⁵, то в балкаро-карачаевских сказаниях Сатанай велит Ёрюзмеку ни за что не садиться на почетное место, куда его будут усиленно приглашать, и, сославшись на старость, сесть на пуховики.

На первый взгляд может показаться, что этот наказ, как и в дигорском варианте осетинского эпоса, мотивирован тем, чтобы жидкость из трубки выливалась в пуховики. На самом же деле наказ связан с мотивом ямы. Об этом

¹⁰³О пире с западной она догадывается лишь в варианте «Старый Урызмаг и Батраз», и то после приглашения-предупреждения Сырдона. В сказании же «Как собрались убить старого Урызмага» Урызмаг сам предчувствует, что нарты затеяли против него зло, и притворяется больным. Сатана здесь вообще не выступает спасительницей старого мужа. А то, что Сатана лишена дара провидения, подчеркивает и тот факт, что она узнает Созырыко, Сослана и Батразу, вернувшихся после долгого отсутствия, только в финале сказания.

¹⁰⁴С соколом связан и мотив «кровь с молоком», по которому Сатана узнает об опасности, грозящей Урызмагу.

¹⁰⁵В варианте Шанаева и в сказании «Как собрались убить старого Урызмага» (ирон.) этот мотив отсутствует вообще. В них даже подчеркивается, что нарты посадили его на самом почетном месте. А в одном из дигорских вариантов Оразмаг пошел и сел «за их стол», в другом же Ахсина советует ему сесть на шерстяные тюфяки, чтобы жидкость из трубки вытекала туда.

свидетельствует сказание «Ёрюзбек и Кайтмырза», в котором часть нартов во главе с сыном Фука (Пука) Кайтмырзой копают глубокую яму под самым почетным местом в доме, где будет проходить их пир, и готовят отравленную бузу¹⁰⁶.

Такие мотивы, как отравленное питье и яма на пиру, конечно, относятся к так называемым мировым мотивам. «Тема пира-западни вполне обыденна и... в старом фольклоре народов Кавказа» [66, с. 55]. Но наиболее разработанны и излюбленны они в фольклоре тюрко-монгольских народов (см. [138, с. 135, 178—179, 375; 126, с. 384; 133, с. 81; 182, с. 115; 161, с. 72; 117, с. 381; 101, с. 33] и др.).

Как отмечает Г. Н. Потанин, «отравление или опаивание особенно сильным... вином в сказках и былинах (тюрко-монгольских.— Т. Х.) часто соединяется с низвержением в яму» [138, с. 805].

Вышеприведенный материал показывает, что к балкаро-карачаевским сказаниям наиболее близки дигорские варианты осетинской версии. Укажем более подробно на их общие моменты:

1) контаминация анализируемого сюжета с сюжетом о рождении Сосурука/Сослана¹⁰⁷;

2) пророческий дар Сатанай/Ахсины;

3) спаситель Ёрюзбека/Оразмага — юный Сосурук/Сослан;

4) финал сказания (диалог между Ёрюзбеком и Сатанай).

Однако, в отличие от балкаро-карачаевских сказаний, в дигорских наблюдается не только деформация некоторых мотивов (мотив ямы, трубки), но и выпадение ряда сюжетных звеньев: описание богатырского детства Сосурука¹⁰⁸, путь в дом Алиговых, состязания во дворе Алиговых и т. д.

Наличие ряда важных традиционных мотивов варианта Урусбиева только в дигорских сказаниях осетинской версии и при этом ярко выраженное явление редукции этих сказаний — «упрощение, усечение традиционного повествовательного контекста, в котором план содержания „преобладает над планом выражения“» [54, с. 49], — свидетельствуют о первичности балкаро-карачаевского варианта Урусбиева. В пользу нашего тезиса говорит и то, что такой традиционный атрибут балкаро-карачаевских сказаний, как трубка, непосредственно связанный с мотивом отравленного питья¹⁰⁹, до конца непонятен и «не работает» у дигорских сказителей¹¹⁰. У балкарцев и карацевцев мотив трубки последовательно разработан и, несомненно, относится к числу тех, которые их предки принесли из тюрко-монгольского мира. Так, трубочки для отвода отравленного питья

¹⁰⁶Ср. с монгольской былинной «Батыр-Чонун-бель», в которой богатырь Чонун-бель убивает двадцатипятилетнего Хара-мангыса. Сын Хара-мангыса, чтобы отомстить за отца, выкопал в своей юрте яму, приготовил много питья, положил яд в «баранью голову и пригласил на пир Чонун-беля» [138, с. 384].

¹⁰⁷Согласно академическому изданию осетинского эпоса, первый такой текст в Дигории зафиксирован в 1902 г. [122, кн. 3, с. 25].

¹⁰⁸В варианте Урусбиева подробно описаны все три эпизода из эпической жизни Сосурука: 1) рождение; 2) богатырское детство; 3) первый подвиг юного героя.

Мальчик Сосурук уже в самом начале повествования выступает как посланец нартов и наделен эпико-героическими чертами: отвагой, мужеством (он один отважился пойти пригласить Ёрюзбека; выдергивает одной рукой стрелу, которую не могут вытащить нарты; взламывает без труда двери дома Алиговых). На разработанность мотива богатырского детства в сказаниях о спасении престарелого отца именно в балкаро-карачаевской версии Нартиады указывают и некоторые исследователи нартского эпоса (Алиева [12, с. 73], Холаев [171, с. 37]).

¹⁰⁹Во всех национальных версиях нартского эпоса мотив отравленного питья связан с мотивом стальных усов. Мотив же трубки, традиционный и разработанный в сказаниях балкарцев и карацевцев, у других носителей Нартиады встречается только в двух дигорских вариантах осетинского эпоса (см. об этом в примеч. 110).

¹¹⁰В сказании «Как Сослан спас Оразмага» (зап. 1941 г.) Ахсина дает Оразмагу полый стебель растения, а в сказании «Как Бората наполнил допьяна Оразмага» (зап. 1910 г.) — трубку. В комментариях к этому сказанию относительно этой трубки пишут: «„Хæтæл“ — „труба“, „трубка“, „ствол“; возможно, здесь ствол ружья, тем более что на языке охотников „хæтæл“ — это „ружье“» [122, кн. 3, с. 25].

В сказании же «Смерть Хамыца» (ирон.), в котором «пир с западной» устраивают зложелатели Хамыца, Хамыц сливает питье в волчий мочевого пузырь, который ему дала Сатана.

упоминаются и в архаических улигерах бурят. А. Уланов в работе «Бурятский героический эпос» пишет: «В улигерах встречаем хоруур, хобооол — трубочки. Когда героев угощают мангадхайки ядовитым чаем, то они отводят его при помощи этих трубочек» [161, с. 72].

Помимо медной трубки для отвода отравленного питья к тюрко-монгольской традиции в анализируемой сюжетной группе относится и «котел о сорока ушках»¹¹¹, в котором собравшиеся на «пир с западной» зложелатели Ёрюзмека варят мясо сорока быков. В вариантах этого сказания упоминается и общетюркский обычай, по которому при дележе мяса на пиру ноги забитых животных давали детям.

Итак, сравнительный анализ сказаний сюжетной группы «пир с западной» в балкаро-карачаевской и осетинской версиях свидетельствует о самобытности балкаро-карачаевских песен и сказаний, которые популярны и разработаны в их среде, и о том, что ряд мотивов и образов в них генетически связан с эпическими памятниками других тюрко-монгольских народов.

Относительно же вариантов сказаний о борьбе Ёрюзмека с Фуком, Ю. С. Гаглойти, рассматривая данный сюжет, говорит, что кабардинское сказание «Как Уазырмес спас нартов от голода» «повторяет балкарское сказание». Ссылаясь на одного из первых исследователей адыгского эпоса, М. Е. Талпу, он пишет: «По словам М. Е. Талпы, балкарская тема: Урызмок — богоборец, преследующий бога Пука на небе и поражающий его при помощи хитрости, „в кабардинском эпосе в отношении Озырмеса (Уазырмеса) не затронута“». Далее Ю. С. Гаглойти подвергает сомнению самобытность уже и балкарских вариантов сказаний на эту тему: «...необходимо отметить, что само балкарское сказание насыщено мотивами¹¹² осетинского (разрядка наша.— Т. Х.), существующего в нескольких вариантах сказания о взятии нартами (Батразом и Сосланом)¹¹³ вражеской крепости с помощью чудесной „мортиры“¹¹⁴, роль которой в балкарском варианте выполняет „большой мяч Аликовых“...» [42, с. 145].

Сравнительный анализ мотива «нарт-ядро (стрела)» в общекавказской Нартиаде подробно дан в работах Б. А. Алборова [18, с. 235—256], А. И. Алиевой [12, с. 96—105], Ш. Д. Инал-Ипы [79, с. 43].

Мы же обратимся только к балкаро-карачаевской и осетинской версиям, чтобы показать ошибочность вывода Ю. С. Гаглойти о «насыщенности» балкаро-карачаевских вариантов «мотивами осетинского».

Во-первых, в балкаро-карачаевской версии мотив «нарт-ядро» встречается в вариантах сказаний на тему «Борьба Ёрюзмека с Фуком». В осетинском же эпосе этот мотив встречается в сказаниях двух тематических групп: 1. Кровная месть. 2. Добывание или возвращение похищенной жены (невесты).

При этом, если в обеих группах крепость (укрепление, город), в которую стреляют Батразом (Сосланом, Ерахцау), находится на земле (даже та, где обитают зэды и дауаги), то в балкаро-карачаевской редакции во всех вариантах Ёрюзмека выстреливают в небо.

Во-вторых, сам пафос балкаро-карачаевских сказаний глубоко отличен от осетинских вариантов, разрабатывающих мотив «нарт-ядро (стрела)». Можно сказать, что подвиг Ёрюзмека в исследуемом эпосе не менее значителен для жителей нартской страны, чем подвиг Сосурука, добывшего огонь у эмегена для замерзающих нартов. Убив злого Пука, наславшего на нартов засуху, голод и бесплодие, Ёрюзмок возвратил жизнь нартской земле, и поэтому можно сказать, что его подвиг имеет общенартское значение.

¹¹¹ В «Маадай-Кара» мясо варят в стоухой бронзовой чаше [103, с. 343, 348]; в фольклоре алтайских народов встречаются чугунные котлы о шести, семи, семидесяти ушках [39, с. 140]; в монголо-ойратском эпосе говорится о бронзовом котле с пятью ручками [41, с. 172] и т. д.

¹¹² Отметим, что далее Ю. С. Гаглойти касается лишь мотива «нарт-ядро (стрела)».

¹¹³ В осетинском эпосе помимо Батраза и Сослана мотив «нарт-ядро» связан и с именем Ерахцау («Сын Деденага Ерахцау и нарт Сослан» (диг.) [122, кн. 2, с. 403—409].

¹¹⁴ Что же касается «чудесной мортиры», то, по данным академического издания осетинского эпоса, и Батраза, и Сослана, и Ерахцау выстреливают из пушки, а о взятии вражеской крепости Батразом при помощи «чудесной мортиры» речь идет лишь в варианте Шифнера [122, кн. 2, с. 300].

В осетинских же сказаниях о кровной мести Батраза, где мотив «нарт-ядро» является традиционным, «поражает жестокость, с которой мстил Батраз нартам, и этот мотив красной нитью проходит через все варианты сказания, найдя наиболее яркое выражение в... публикации Газира Шанаева» [42, с. 105]. Нарты не знают, «где скрыться от немилосердного, алчного до крови Батраза... который старается довести нартов до окончательной гибели» [179], «не разбирая правого и виноватого» [66, с. 256].

Мы вполне согласны с В. И. Абаевым, что «идея мести является важнейшим сюжетным и композиционным элементом многих памятников мирового эпоса» и что «действия Батраза продиктованы не прихотью, а идеей долга. Его месть — это торжество справедливости, как она понимается в родовом строе» [3, с. 55]. Однако, как известно, «для эпоса сама задача, поставленная герою, далеко не безразлична. Она predeterminedена пафосом восхваления подвига» [54, с. 40]. Для эпоса существенна и мотивировка подвига героя. Так, если в сказаниях, повествующих об эпической жизни Батраза до мести за своего отца, он выступает как защитник нартов, готовый в любую минуту помочь им, отвести от них беду, и все его подвиги носят ярко выраженный общественный характер, то в сказаниях, где им движут личные мотивы морали и чести, он превращается в «малодушного мстителя и угнетателя» нартов [146, с. 167] и противопоставляется всему нартскому племени¹¹⁵.

Балкаро-карачаевский же Ёрюзбек не только не противопоставляется нартам, а становится «любимцем нартов» [164, с. 6].

Ж. Дюмезиль, рассматривая осетинского Батраза как грозное божество, пишет: «Батраз, почти неизвестный балкарцам¹¹⁶, уступает место, а заодно и черты своего характера и свои похождения Урызмеку... в сказании „Урызбек“ (см. [164, с. 1—6].— Т. Х.) отчетливо натуралистического толка именно Урызбек вызывает благодатную грозу, он обезглавливает злого духа — причину засухи и голода, и на землю выпадает дождь вперемешку с кровью, что и вызывает повсеместное изобилие» [66, с. 61].

Однако если у осетин Батраз «дух молнии и урагана Батраз — естественный бич сельского хозяйства» и эпические коллизии в сказаниях на тему Батраз-богоборец завязываются потому, что «он развлекается тем, что уничтожает не только шестерых „уацилла“, но также и отца „Хлебного духа“¹¹⁷ (в наказание последний целые семь лет не дает произрасти у нартов никакому злаку...» [66, с. 61]), то в балкаро-карачаевской версии Ёрюзбек вызывает проклятие Фука (Пука), наславшего засуху, тем, что пытался спасти нартов от «непосильной дани» и издевательств Фука над всем нартским племенем.

Если в балкаро-карачаевских вариантах Фук (Пук) хочет известить нартов, наслав засуху и голод, а Ёрюзбек, убив его, «вызывает благодатную грозу», то в осетинском эпосе «часть нартов, избежавшая меча Батраза, погибла от голода, наведенного на нее» самим же Батразом [179].

¹¹⁵ Даже Сырдон, который приносит столько зла каждому нарту в отдельности, когда грозит опасностью всем нартам, самыми невероятными способами выручает их. Охарактеризовав Сырдона как «злого гения нартов», Ж. Дюмезиль отмечает, что, несмотря на это, «нарты часто прибегают к его советам, и не напрасно: он тысячу раз выводит их из затруднительного положения...» [66, с. 92]. Вот и тогда, когда Батраз, «объятый неугасимым гневом... обрушивается... на свое племя — мужчин, детей, женщин» [66, с. 256], их выручает Сырдон: «неизвестно, что стало бы с нартами, если бы хитроумный Сырдон не обратил в последний момент его ярость против небесных сил...» [2, с. 61].

¹¹⁶ Во всех национальных версиях за время их бытования некоторые нартские герои и сказания, связанные с ними, были забыты и утеряны безвозвратно. Так, например, и С.-А. Урусбиев [164, с. IV] и С. И. Танеев [74, с. 96] в свое время указывали на бытование в эпической традиции балкарцев и карачаевцев сказаний и песен о Хамыце и Батразе. К сожалению, сказаний о них в дореволюционных публикациях нами не обнаружено. Довоенные архивные материалы по балкаро-карачаевскому фольклору погибли во время фашистской оккупации Нальчика, а в записях эпоса 1957—1988 гг. об этих нартах, кроме нартской песни «Болат-Хымыч», других сказаний пока не зафиксировано.

¹¹⁷ В других вариантах Батраз уничтожает небожителей в отместку за смерть своего отца.

С Фуком и Батразом связан еще один общий мотив. В осетинских сказаниях «Борьба сына Хамыца Батраза с богами», «Из сказаний о Батразе» Батраз в упорной борьбе с Елиата «не смог заставить их замолчать... [и] лопнул от гнева». В балкаро-карачаевском сказании «Ёрюзбек» [160, с. 296—298] Пук, увидев в своем небесном жилище Ёрюзбека, лопнул «от страха и ужаса».

Нужно отметить и то, что осетинский Батраз в группе сказаний на сюжет о кровной мести, как и балкаро-карачаевский Фук, не только держит нартов в повиновении и страхе, но и угрожает их уничтожить¹¹⁸.

Что же касается мотива «человек-ядро (стрела)», то он известен и другим народам. Например, он популярен и разработан в фольклоре тюрко-монгольских народов.

Так, в дербютском варианте сказания «Ирин-Сайн-Гунын — Настай-Мекеле» герой Мекеле, «доехав до горы, достигающей вершиной до неба... вынул лук, на лук положил стрелу, а к стреле привязал морду Хангила (коня.— Т. Х.)... Стрела перелетела через гору и перенесла на себе Хангила и сидящего на нем Мекеле» [138, с. 473]¹¹⁹.

В одном из бурятских преданий женщина, спасая своего младенца от преследований мужа, привязывает железную люльку с ребенком к концу стрелы и пускает ее с одного берега Байкала на другой [71, с. 95—101].

А в сказке черневых татар «Алтын-кан» «стрела унесла Алтын-кока (героя сказки.— Т. Х.) за 70 небес...» [138, с. 563].

Как видим, в фольклоре тюрко-монгольских народов данный мотив сохранился в своем архаическом (стрела)¹²⁰, а не модернизированном (ядро) варианте.

Проведенный нами сравнительный анализ рассматриваемой балкаро-карачаевской сюжетной группы выявил ряд особенностей, которые отсутствуют в других национальных версиях Нартиады, что дает нам основания говорить о связи балкаро-карачаевских вариантов сказания о борьбе Ёрюзбека и Фука (Пука) с тюрко-монгольской традицией.

Во-первых, мы хотим подчеркнуть, что большинство сказаний на этот сюжет имеют стихотворно-песенную форму и бытуют в таком виде по настоящее время.

Во-вторых, само божество Фук (Пук), которое относится к «местным», специфически балкаро-карачаевским, нартским персонажам, генетически восходит к архаическому пласту мифологии тюрко-монгольских народов: у монголов — буг, у тувинцев — пук (кара бук) — злой дух, божество [118, т. 2, с. 540]. «Пук — это бесчисленное множество духов... окружающих человека и делающих ему всякие пакости» [136, с. 108].

В сказании, где фигурирует Пук, упоминается также его конь-дракон. Мы

¹¹⁸Перенесение функций отрицательного персонажа балкаро-карачаевских сказаний Пука (Фука) на осетинского героя-нарта Батраза (только в группе сказаний о мести Батраза за смерть своего отца) не ограничивается этими двумя мотивами. Так, в балкаро-карачаевском эпосе есть несколько мотивов, которые связаны лишь с именами смертельных врагов нартов, а в осетинских сказаниях они прикреплены к имени Батраза:

а) в сказании «Как нарт Батраз мстил за смерть Хамыца» Батраз ловит зубами стрелы, пущенные в него семью сыновьями Бурафарныга. В балкаро-карачаевском эпосе (да и в других национальных версиях: «Сосруко приносит огонь» [120, с. 203]; «Как Созырько убил богатыря Мукару, сына Пара» [131, вып. 1, с. 77]) это делает эмеген (иныж, богатырь Мукара — владелец огня/пастбища). Между прочим, у осетин в одном из вариантов этой сюжетной группы «великана — хозяина пастбища зовут Батразом» [36, с. 451];

б) Батраз, превратившись в черную лисицу, убивает (высасывает кровь) маленьких детей нартов [146, с. 168; 131, вып. 1, с. 50]. В балкаро-карачаевском эпосе нартских детей и своих новорожденных пожирает эмегенша — жена Алаугана;

в) от мертвого Батраза распространяются зловоние и мор между нартами [179; 115, т. 1]. В эпосе балкарцев и карацевцев, когда нарты истребили эмегенов, трупы этих чудовищ превратились в червивые курганы, и от их зловония в стране нартов начался страшный мор.

¹¹⁹В примечаниях к сказанию Г. Н. Потанин, рассматривая этот эпизод, в качестве параллели к Мекеле приводит осетинского Батраза [138, с. 917].

¹²⁰В общекавказской Нартиаде мотив «нарт-стрела» встречается только в одном осетинском [183, с. 459—470], в одном абхазском [142, с. 224—227] и в одном балкаро-карачаевском («Три нарта и три эмегена») сказаниях.

не исключаем того, что в сказании речь идет о мифической породе превосходных пестрых морских лошадей — драконов, встречающихся в фольклоре и летописях монголов [139, с. 125].

К архаической эпике тюркских народов относится и то, что помимо общекавказского «нарт» с именем Ёрюзмека (во всех вариантах) широко используются эпитеты «алп» («богатырь»), «деу» («могучий»), «эр» («муж», «герой»), которые относятся «к наиболее активной и частой лексике тюркского эпоса» [124, с. 235].

К числу тюркских в вариантах данного сказания можно отнести и «алмосту» [118, т. 1, с. 58]; «тёре» [37, с. 123]; традиционное эпическое число тюрк «сорок», меру веса «батман» и т. д.

Итак, пафос самого подвига Ёрюзмека-богоборца, тюрко-монгольские параллели не только к образу его врага — Пука (Фука), но и к ряду реалий, художественно-выразительные средства, характерные для древних тюркских памятников, и, наконец, бытование сказаний в песенной форме позволяют говорить о своеобразии и самобытности анализируемых вариантов сказаний о борьбе Ёрюзмека с Фуком с мотивом «нарт-ядро». Они не «насыщены мотивами осетинского» [42, с. 145], а относятся к числу специфических, балкаро-карачаевских, нартских песен и сказаний.

Мы считаем, что в нартоведении при исследовании такой сложной проблемы, как генезис нартского эпоса, нужно всегда учитывать, что «общекавказская „Нартиада“ представлена исторически сложившимися на общей основе национальными традициями» [58, с. 89] и что при образовании «эпической общности... рождается возможность диффузии отдельных фольклорных элементов, креолизации, взаимообмена и заимствований» [123, с. 259].

В. И. Абаев еще в 1933 г., рассматривая осетино-балкаро-карачаевские языковые параллели, писал: «Языковые и культурные схождения Осетии с Балкарией и Карачаем не являются результатом одностороннего процесса заимствования от осетин к балкаро-карачаевцам. Позволительно вообще усомниться, существуют ли где-либо в природе или обществе односторонние процессы, процессы, действующие только в одном направлении, при полном отсутствии встречных процессов. Вряд ли такие процессы где-либо возможны. Более основательный анализ общих элементов осетинских и балкаро-карачаевских заставляет нас признать, что перед нами три различные категории явлений: элементы, усвоенные из осетинского в балкаро-карачаевском, элементы, усвоенные из балкаро-карачаевского в осетинском, и, наконец, элементы, воспринятые теми и другими из общего местного, яфетического субстрата» [4, с. 72].

Это наблюдение, безусловно, приемлемо и для нартского эпоса. Сравнительный анализ эпических текстов осетин, включенных в трехтомное академическое издание [122], и нартских сказаний и песен балкарцев и карачаевцев, составивших настоящий том, показал, что дигорские варианты нартских сказаний намного ближе к балкаро-карачаевским, чем к иронским и другим диалектным вариантам осетинского нартского эпоса.

В доказательство приведем несколько примеров:

1) у балкарцев и карачаевцев довольно популярны нартские песни и сказания о Ширдане и Нёгере. В осетинской версии единственный вариант этого сказания «Елехсардатон и Нёгер-алдар» [131, вып. 2] зафиксирован в Дигории.

Песенное бытование этой сюжетной группы, ее разработанность и традиционность в среде балкарцев и карачаевцев дают нам основания говорить о первичности балкаро-карачаевских вариантов;

2) в академическом издании осетинского эпоса [122, кн. 3, с. 14] в комментариях к циклу «Саууай, сын Кандза» указано, что у осетин зафиксировано на данный момент всего восемь сказаний. Из них семь — дигорские варианты (зап. с 1910 по 1963 г.).

Дигорские сказители в сюжетах и мотивах, связанных с именем Саууая, не передают ему функций, свойственных другим нартским героям. Например, в

иронском сказании «Алагата» [180, вып. 5] Малый Сауа погибает от волшебной стрелы при взятии крепости. В дигорском же варианте на этот сюжет («Осада крепости Гори» [131, вып. 2]) этого мальчика зовут Зимайхуа;

3) только в Дигории, как и в Балкарии и Карачае, имя Сатанай упоминается в трудовой песне «Уонай»/«Инай» («Онай», «Анай») ¹²¹;

4) сюжет балкаро-карачаевской нартской «Песни о Болат-Хымыче» также зафиксирован в Осетии лишь у дигорцев («Болат Хамиц» [131, вып. 2]);

5) весьма популярны в репертуаре балкаро-карачаевских сказителей песни и сказания о том, как Ёрюзбек хотел жениться на бесовке. Впервые этот сюжет у балкарцев был записан П. Тульчинским в 1900 г. [160]. У осетин единственное аналогичное сказание зафиксировано только в Дигории: «Сатана и балц Оразмага» (зап. в 1937 г.) ¹²²;

6) в эпосе осетин есть ряд циклов, которые в среде дигорцев не бытуют вообще. Так, по данным академического издания [122, кн. 3], цикл «Сослан ищет супротивника» составляет пять иронских вариантов. В цикле «Игры Созырыко» все пять сказаний — иронские, а из семи вариантов цикла «Последний поход Урызмага» нет ни одного дигорского.

Все эти циклы отсутствуют и в балкаро-карачаевской версии ¹²³;

7) балкаро-карачаевские сказания и дигорские варианты осетинской версии близки не только по сюжетике, но и по тематике. В осетинском эпосе «меж-фамильные распри отличаются такой же беспощадностью, как и войны, набеги на соседние племена: Сослан шьет шубу из скальпов самих же нартов, хотя и другой фамилии, а Урызмаг приводит с собой войско соседнего владетеля и с его помощью громит другую нартскую фамилию» [36, с. 452].

Эта характерная черта осетинского эпоса, однако, не свойственна дигорским вариантам, в которых, как и в балкаро-карачаевской версии, нет такого ярко выраженного антагонизма и проявления жестокости между родами и нартскими героями.

Так, в цикле «Борьба Ахсартагата и Бората» [122, кн. 2, с. 350—370], в иронском варианте, рассказывается, как Урызмаг вместе с войском алдара уничтожает «между нартами род Ахсартагата» («О борьбе нартских фамилий Ахсартагата и Бората») ¹²⁴, а в сказании «Как Урызмаг отомстил за кровь своего сына», записанном на джавском говоре осетинского языка, говорится, что Ахсартагата никого не оставили из Бората, «кроме детей и женщин». В дигорской же редакции «Гибель Айсаны» Урызмаг отпускает войско и убивает лишь одного юношу из рода Бората. Нет мотива беспощадности в уничтожении и в другом дигорском сказании на тот же сюжет «Зеваг и красавица Ауар».

В иронских и джавских вариантах сюжетной группы о краже коровы Хамыца (Урызмага) Сырдоном Хамыц (Урызмаг) мстит ему тем, что убивает его детей, а в единственном дигорском варианте на этот сюжет «Печальные дни Нарты» [131, вып. 2, с. 31—32], в котором Сырдон крадет быка Субалца, мотив страшной мести отсутствует ¹²⁵.

¹²¹ В академическом издании осетинских «Нартов» в комментариях к песне «Уонай» говорится, что «это трудовая песня, исполняющаяся группой женщин во время валяния бурок. „Уонай“ — припев песни; значение неясно (разрядка наша. — Т. Х.). „По предположению В. И. Абасева, это, возможно, обращение к св. Иоанну как солнечному божеству“» [122, кн. 3, с. 14]. У балкарцев и карачаевцев же песни «Инай» («Анай», «Онай»), которые пелись во время изготовления войлочных ковров (кийизов), бурок, при тканьи и валянии сукна, относятся к числу их древнейших трудовых песен [105, с. 217—220]. Инай (Анай, Онай) — это обращение к покровительнице шерсти и ткачества, функции которой со временем забылись, а имя стало восприниматься как песенный рефрен. У многих тюркских народов «анай», «инай» («мать», «матушка») — уважительное обращение к матери, к старшей женщине.

¹²² Сравнительный анализ этого сказания см. выше.

¹²³ Исключение составляет сказание «Орюзбек» [160, с. 298—301], в котором Ёрюзбека от беды спасает мудрая Сатанай.

¹²⁴ В сказании же «Сослан и Урызмаг» Урызмаг и войско алдара «перебили Бораевых».

¹²⁵ Сказания на этот сюжет зафиксированы и в балкаро-карачаевской среде. Однако в них мотивировкой для убийства детей является кровная месть.

В дигорских вариантах тенденция к гуманизации четко прослеживается и в цикле Хамыца и Батраза: все варианты сказаний на сюжет о мести Батраза нартскому племени за смерть своего сына — иронские.

Зато почти все сказания сюжетных групп о споре нартов за Уацамонга и о симде (пляске) нартов, в которых Батраз не приносит никакого зла нартскому племени, зафиксированы в Дигории.

Вероятно, той же тенденцией к гуманизации, столь характерной и для балкаро-карачаевского эпоса, можно объяснить отсутствие среди дигорцев вариантов сказаний на мотив «Игры Созырыко», в которых Созырыко не только издевается над нартами, но и проявляет к ним беспредельную жестокость.

Этим мы объясняем и то, что в осетинской версии только в дигорских вариантах бытуют сказания на сюжет «Как Сослан спасал Сатану из озера Ада»¹²⁶, в которых дается этическая оценка поступков Ахсины и Сослана;

8) мы уже говорили, что в балкаро-карачаевской версии сказания бытовали и бытуют в основном в стихотворно-песенной форме. В нартском же эпосе осетин превалируют прозаические сказания, а немногие песенно-стихотворные варианты зафиксированы в основном в Дигории.

Объем настоящей статьи не позволяет продолжить этот ряд дальше. Но мы думаем, что и этих примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, что эти параллели не случайны и их нельзя объяснить только культурными связями народов, в частности взаимодействием их эпической традиции. Мы не исключаем того, что это еще одно свидетельство этнического родства балкарцев, карачевцев и дигорцев (об этом см. [5; 84; 29] и др.).

Мы считаем, что с исчерпывающей полнотой на этот вопрос можно ответить только после всестороннего сравнительного комплексного изучения балкаро-карачаевских и дигорских вариантов специалистами различных наук (археологами, историками, лингвистами, этнографами и фольклористами).

Итак, проведенный нами сравнительный анализ говорит о том, что перед нами самобытная версия общекавказской Нартиады. На ее формирование влияние оказали не только традиции фольклора кавказских народов: балкарцы и карачевцы, придерживаясь своих эпических принципов, подвергая даже заимствованные мотивы и образы переосмыслению, реализовали и аккумулировали в нартских песнях и сказаниях многие религиозно-мифологические образы и представления, которые принесли из тюрко-монгольского мира.

О наличии в балкаро-карачаевском эпосе значительного количества параллелей с эпической традицией тюрко-монгольских народов свидетельствует и анализ поэтики рассматриваемого эпического памятника.

* * *

Нартские песни и сказания балкарцев и карачевцев, как и сказания других версий Нартиады, могут быть сгруппированы по циклам. Каждый цикл представляет собой ряд небольших и в основном «одноконфликтных» сказаний о различных этапах и событиях эпической жизни героев.

Основные темы этих сказаний: чудесное рождение героев; борьба нартов с эмегенами; походы нартов; богатырское соперничество нартов друг с другом; поиск жены; кровная месть; бытовые коллизии; гибель нартов.

Сюжетной экспозиции и завязке в сказаниях предшествует зачин. Особенность балкаро-карачаевской версии нартского эпоса состоит в том, что именно в традиционных зачинах наиболее полно сохранились реликты этиологических и космогонических мифов древних балкарцев и карачевцев. В них чаще всего

¹²⁶ «Путешествие в загробный мир... — пишет В. И. Абаев, — сближает Сослана с Кухлианом, а также с Гавейном из цикла короля Артура» [3, с. 43]. Мы же хотим добавить, что в Нартиаде этот сюжет имеет немало параллелей с путешествием героев тюрко-монгольского фольклора в царство Эрлика [138, с. 482—484; 156, с. 197].

указывают на время действия, которое относится к мифологическому прошлому (хронологический зачин).

В некоторых зачинах фиксируются одновременно и время и место:

В давние-давние времена
Около Минги тау
Нарты жили.

Ряд хронологических зачинов балкаро-карачаевских нартских песен и сказаний известен еще по раннетюркским памятникам: «Бурун заманда» («В давние времена»); «В век нартвов жил один богатырь...» (ср. «В век огузов жил один разумный муж» [90, с. 63]); «Когда Тейри сотворил небо и землю, между ними появились нарты» (ср.; «Когда было сотворено... вверху голубое небо и внизу темная... земля, между ними обоими были сотворены... сыны человеческие...» [107, с. 36]).

В экспозиции сказаний при помощи различных эпизодов (предварительных мотивов) дается описание событий (иногда очень подробное), предшествующих завязке и позволяющих глубже раскрыть тему, характеризующих условия, при которых возникает конфликт.

Конфликтность — неперенное условие сюжетного действия в эпических сказаниях. Она выражается чаще всего в противопоставлении персонажей сказаний. Конфликтность всегда мотивирована, а характер мотивировки определяется темой сказания.

В сюжете сказаний помимо основного (конфликтного) мотива есть и второстепенные, «свободные мотивы», которые могут варьироваться или вовсе выпасть из повествования, не нарушая его сюжетную линию.

Для повествовательной системы эпоса характерна традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия.

Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов могут меняться от простого к сложному.

В некоторых нартских сказаниях и песнях отмечаются различные отклонения от основного хода сюжета: случайная встреча героя с кем-либо, препятствие на его пути и т. д. Преодоление препятствий не только служит дальнейшему движению сюжетного действия, но и показывает исключительность героя, его смелость и силу.

Ввиду того что в большинстве случаев сказания представляют собой небольшое повествование об одном эпизоде из жизни нартского героя, они обычно заканчиваются развязкой действия без концовки, констатацией или ухода героя с места совершения им подвига или его возвращения домой.

Некоторые песни и сказания имеют концовки, характерные для эпических памятников тюркоязычных народов. Это утверждение о правдивости рассказанного; восхваление героя или подчеркивание значимости его подвига; описание последствий подвигов героя и т. д.

В следующем за экспозицией изложении событий действия героя реализуются в определенном пространстве и времени. В нартских сказаниях и песнях помимо событийного времени существует время между происходящими событиями — промежуточное время.

В некоторых сказаниях встречаются и ретроспективные описания (чаще всего воспоминания героев).

О грядущих событиях слушатели узнают от всезнающей Сатанай, которая предвидит и предсказывает судьбу нартских героев.

В эпическом повествовании большой интерес представляет моделирование пространства, которое имеет ряд специфических особенностей.

Пространство в балкаро-карачаевском эпосе, как и время, почти всегда носит универсальный характер: «Исходящий из пещеры свет костра освещал всю вселенную».

В эпосе большое значение приобретает схематическое разделение пространства.

Так, эпический герой постоянно попадает в ситуацию пространственного выбора. Разделение пространства носит дробный характер типа «небо — земля», «туда-сюда» и т. п. Ёрюзбек сражается с Фуком в его небесном жилище, а результаты боя («кровавый дождь») осознаются на земле. На землю падает и голова Фука. Ёрюзбек же остается в небесном жилище. Таким образом, пространственная соотнесенность событий имеет символическое значение, эпическая же география настолько объемна (небо — земля), что лучше всего реализует универсальность пространства.

Другой важной повествовательной особенностью балкаро-карачаевских нартских песен являются общие места (*loci communes*). Такими общими местами являются: 1. Портретные характеристики персонажей эпоса, в основном главных врагов нартов — эмегенов. 2. Стереотипные описания догоняющего героя противника, чье приближение нередко уподобляется стихийным силам природы. 3. Единоборство нартского героя с эмегеном. 4. Коварство эмегенов. 5. Гибель врага только от своего оружия. 6. Богатырское детство будущего героя. 7. Пребывание богатырского коня героя в подземелье, где также в черном сундуке спрятано оружие. 8. Богатырство коня. 9. Укрощение и испытание коня. 10. Вызов противника (угон лошадей). 11. «Предварительная недооценка героя» (А. П. Скафтымов). 12. Магические действия нартских героев (закливание природных явлений, универсальное оборотничество) и т. д.

Для балкаро-карачаевского нартского эпоса весьма характерно такое языково-повествовательное явление, как прямая речь. Она может встречаться в художественной структуре всего повествования. Некоторые песни и сказания почти полностью построены на прямой речи.

Прямая речь — средство эпической динамики, которое движет повествование. К ней чаще всего прибегают при описании встречи героя с новым персонажем.

Когда диалог ведется в вопросо-ответной форме, прямая речь носит информационный характер. Иногда информационный диалог (монолог) имеет предупредительный характер, т. е. героя предупреждают о грозящей ему опасности, о которой слушатель знает уже заранее.

Большая эмоциональная выразительность достигается в эпосе при помощи монологов-приказов, монологов-заклинаний, монологов-наказов.

В балкаро-карачаевских сказаниях встречаются и монологи-клятвы, которые играют значительную роль в развитии сюжета (сказания о борьбе Ёрюзбека с Фуком, о кровной мести Ачемеца).

В некоторых эпических сказаниях клятва имеет форму диалога (такова, например, клятва в верности между Карашауаем и его богатырским конем Гемудой).

Прямая речь в нартских сказаниях нередко включает в себе элементы иносказания и аллегории. Иногда в ней используются и деминутивы, которые встречаются в приеме «предварительной недооценки героя».

В анализируемом эпосе, как и в других национальных версиях, индивидуализация речи героев не имеет яркого выражения. Как правило, положительные черты характера героев (ум, смекалка, сила, отвага и т. п.) констатируются в речи повествователя либо проявляются в действиях героя, в то время как прямая речь в основном включает в себе негативную характеристику (самохарактеристику) персонажей.

Сама величественная и суровая природа Кавказа способствовала тому, что в устной поэзии балкарцев и карачаевцев встречаются постоянные описания пейзажа. Но в нартском эпосе эти описания не очень часты. Для них характерны схематичность и как бы закодированность. Однако, несмотря на свою немногословность, эти описания содержательны и поэтичны.

Большую роль пейзажные зарисовки и микропейзажи играют в сюжетно-композиционной организации сказаний. При помощи пейзажа в них показывается, какие большие трудности и препятствия должен преодолеть герой во время похода, охоты (непроходимые горные тропинки, глубокие ущелья, отвесные скалы, темные, дремучие леса и т. д.). Чем более сложен эпический пейзажный антураж, тем более героическими предстают усилия нартов в преодолении трудностей и достижении цели.

Например, в нартской песне «Карашауай испытывает Гемуду» описание природы не носит характера лирического отступления, этот пейзаж-панорама имеет этиологические функции (происхождение Голубых озер, двуглавой вершины Эльбруса и т. д.), он способствует показу могущества и силы нарта Карашауая и его коня. С помощью этого эпического пейзажного описания раскрываются величие, торжественность изображаемой картины. Кроме того, описание, входя в сюжет и способствуя его дальнейшему развитию, является и элементом композиции.

Для поэтики нартских песен и сказаний балкарцев и карачаевцев весьма характерны повторы — повторения слов, нескольких строк (предложений), эпизода или мотива, повторение одного и того же действия и т. д.

В художественно-образительной системе балкаро-карачаевского нартского эпоса гипербола — основной художественный прием; она носит здесь универсальный характер.

Гиперболизируются персонажи сказаний, окружающие их предметы, явления природы. Но наиболее часто гиперболизируется физическая сила, которая проявляется в поступках и действиях героев.

В нартских сказаниях помимо гиперболизации силы и способностей героев, которые предстают как сверхъестественные, встречаются и гиперболические описания их роста и размеров их аппетита и т. п.

При помощи гиперболы подчеркиваются незаурядность, исключительность героев. Так, Ёрюзбек «своим дыханием тучи разгоняет, эмегена одним ударом разит». Голос разгневанного героя подобен грому.

Гиперболизируются и предметы быта эпических героев — они, как правило, наделяются необыкновенными качествами и величиной.

Так, главным оружием нартов являются меч (сырпын) и лук (садак). Гиперболически характеризуются их свойства: сырпын даже железо и камень режет, «как курдючное сало», а в бою может удлиняться. Гиперболично и описание изготовления нартского оружия и доспехов кузнецом Дебетом.

Боевой конь — постоянный спутник героя-нарта. Одним из художественных средств его описания также является гипербола. Конь героя, как и сам герой, обладает огромной силой и необыкновенными качествами. Гиперболизируется и скорость передвижения богатых коней:

На земле ни один зверь не мог догнать [Гемуду],
На небе птица не могла обогнать его.

При описании же испытания Карашауаем коня Гемуды дается высокопоэтическая гиперболизированная картина бега и мощи богатых коней: Карашауай и Гемуда

Доскакали до громадной горы,
[Гемуда] грудью [ее] ударил,
Громадную гору на две части расколел.
Голубые озера — следы его копыт,
От его дыхания вековые скалы рушились.
Одним прыжком [они] у Минги тау оказались,
Через него туда-сюда перепрыгнули.

Гипербола, используемая при описании поступков героев, их отношений с другими персонажами, влияния на окружающий мир, выступает как одно из главных изобразительных средств создания образа.

При создании образов нартских героев поэтическая гипербола используется для воспевания и идеализации, а при создании образов их врагов с помощью гиперболы показываются их нечеловеческая сила и величина, уродство и глупость — одним словом, изображаются все их низменные качества, т. е. чаще всего используется гипербола-гротеск.

Так, с помощью поэтического гротеска в балкаро-карачаевском нартском эпосе раскрываются все отрицательные черты врага, вызывается к нему отвращение и презрение. При описании эмегенов гипербола почти всегда статична. Гротескно изображаются прозорливость и сон эмегенов, их тяжеловесность, малоподвижность.

Необыкновенно огромные и сильные эмегены на первый взгляд кажутся непобедимыми благодаря своему физическому превосходству, и тем не менее они терпят поражение, что способствует еще большей поэтизации деяний героев.

Весьма характерно для балкаро-карачаевского нартского эпоса сочетание гиперболы и сравнения. Такая гипербола-сравнение в основном служит для изображения чего-нибудь необычного, величественного в облике героя или, наоборот, для гротескно-карикатурного изображения величины, уродства эмегенов.

Если в изображении нартов преобладает гипербола качества, то в обрисовке эмегенов в основном употребляется количественная гипербола. При этом она, как и гипербола-сравнение, чаще всего служит для характеристики величины, внешнего вида, т. е. опять статичных состояний персонажей.

Излюбленные эпические числа балкаро-карачаевского эпоса — три, семь, девять, сорок¹²⁷, шестьдесят, триста, семьсот. Они в большинстве случаев являются элементами гиперболических описаний (герой после трех дней и ночей боя непробудно спит столько же времени; семь дней и семь ночей льет ливень после смерти Рыжего Фука; эмегены живут семьсот лет и т. д.).

Другим наиболее употребительным средством художественного изображения в балкаро-карачаевском эпосе является эпитет.

По составу эпитеты делятся на простые (где одно определение: «жарыкъ суу» — «светлая вода»), сложные (с несколькими определениями: «эрши, сылыкъ эмеген» — «некрасивый, безобразный эмеген»), развернутые эпитеты (несколько сочетаний с эпитетами, которые характеризуют разные детали или особенности персонажа, предмета, того или иного явления): «алтын жалкъалы, жез табанлы жылкъы» — «табун с золотыми гривами и медными копытами»; «жютю акъыллы, уста амалчы Сосурукъ» — «остроумный, хитроумный Сосурук»).

Эпитеты указывают на характерные типические признаки предметов (название цвета, указание на материал, существенный признак и т. д.).

В карачаево-балкарском языке в роли эпитета часто выступают определительные существительные: «алф Ёрюзмек», «батыр Ёрюзмек», «кузнец Дебет» и т. п.

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев помимо общекавказских эпитетов типа «нарт», «джигит», которые составляют часть имени всех эпических героев, как и у других тюркоязычных народов, широко используются особого рода «титулы-эпитеты»: «эр», «деу», «алп», «батыр» и т. п.

Наряду с постоянными эпитетами «нарт», «батыр», «тулпар», «деу» и т. д., которые показывают «общераспространенные представления об идеальном герое» [14, с. 20], имеются и индивидуальные эпитеты (чаще всего развернутые), которые применяются для определения черт, присущих только данному персонажу. Они обычно характеризуют боевые, нравственные, бытовые, физические и другие отличительные качества героев. Так, например, с именем Сосурука употребляются обычно такие индивидуальные эпитеты: «темир санлы» — «железотелый»; «состар ташдан туугъан» — «рожденный из гранитного камня»; «ташдан туугъан, нартланы кичи къарындашлары» — «рожденный из камня, младший брат нартов» и т. д.

Индивидуальные определения Карашауая — «ёхдем» — «гордый»; «эки деуден туугъан» — «рожденный от двух людей-великанов», «эмеген къыздан туугъан» — «рожденный дочерью эмегенши»; «Алауганны деу жашы» — «богатырский сын Алаугана». В эпизодах, где описывается, как Карашауай и его боевой конь

¹²⁷У тюркских народов сорок — эпическое число. К примеру, «на 40 дней тянулась пустыня» [15, с. 208]; «40 джигитов мы увели, его жену и с ней стройных дев мы увели» [90, с. 23]; «через сорок дней Огуз вырос, ходил и играл» [185, с. 100]; у Гороглы, Алпамыша, Юсуфа в дружине сорок джигитов; в эпических текстах кумыков — сорок братьев-нартов и т. п.

Гемуда скрывают до поры до времени свой настоящий облик и предстают перед нартами в самом невзрачном виде, имя Карашауая сопровождает эпитет «зык-кыл» — «оборванец».

С именем Алаугана в эпосе употребляются постоянные индивидуальные эпитеты «деу» — «великан», «богатырь» и «курганоподобный».

Ачеза сына Ачея характеризуют эпитеты «жаш» — «юный»; «батырлыкъгъа туугъан» — «рожденный для геройства»; «субай санлы, кенг жауурунлу Ачезез» — «тонкостанный, широкоплечий Ачезез».

С именем главной героини нартского эпоса Сатанай связано много эпитетов: «бийче»; «ариу» — «красивая»; «къуртха» — «ведунья»; «билгич» — «веща»; «хар затны билиучю Сатанай» — «всезнающая Сатанай»; «кёпню кёрген» — «много видевшая» и т. п. При описании ее красоты употребляются постоянные эпитеты «даммырлыкъ» — «удивительная, невиданная»; «кёз къаматхан, чыммакъ къоллу» — «ослепительно белорукая» и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что эпитеты могут выступать как поясняющие, оценочные и характеризующие.

Наделенные яркими эпитетами, нартские герои воспринимаются как живые и реальные личности. Некоторые постоянные эпитеты переходят от сказителя к сказителю и поражают своей стабильностью и живучестью. «Эпитет выражает отношение народа к окружающему его миру, выражает народное мнение, его суд и оценку», — писал В. Я. Пропп. Эпитеты нартских богатырей чаще всего выступают как идеализирующие, ибо все, «что певец в жизни любит и принимает», изображает «как превосходное, лучшее...» [143, с. 390].

При изображении же врагов нартов их характеризуют эпитетами, которые передают ненависть, пренебрежительное и ироническое отношение к ним. Об убийстве отца Ачезеза говорится: «оггур тюгю болмаган, кюйсюз Къубу» — «лишенный человечности, злой Кубу»; враг нартов Фук — «рыжий», «краснобродый», «трусливый», «козлинобородый».

При описании же внешнего вида эмегенов употребляют специфические для данных образов определения: «трехглавый», «пятиглавый», «одноглазый», «плохой», «безобразный». Для подчеркивания их глупости применяют эпитет: «мангырау» — «глупый». За то, что эмегены едят все без разбору, нарты их называют «чийбыдыр» — «сырое брюхо», «толстопузый».

В балкаро-карачаевских нартских песнях и сказаниях, когда речь идет о богатырских конях, в основном акцентируются их боевые качества, но наряду с этим, хоть мельком, указывается и то, что конь красив.

Быстроту коня характеризуют эпитеты: «къушжETER ат» — «конь, догоняющий [при беге] орла»; «жел ат» — «конь-ветер» или «аягы жерни тутмагъан ат» — «конь, [при беге] не касающийся копытом земли».

В эпосе кроме показа различных боевых качеств, красоты коня всегда дается ему определенная характеристика: происхождение, кличка, физические недостатки или особенности: «салпы къулакъ ат» — «конь с большими ушами, лопоухий»; «жабагылы тай» — «неказистый, облезлый жеребенок»; «чубур» — «куцехвостый»; «тарпан» — «морской конь» и т. д.

Эпитеты, обозначающие масть коней: «боз» — «серый», «акъ» — «белый», «тор» — «гнедой», встречающиеся в различных древнетюркских памятниках [154, с. 96], широко употребляются и в балкаро-карачаевском эпосе.

Некоторые эпитеты в нартских сказаниях характеризуют материал, из которого сделан предмет: «багыр» — «медный», «темир» — «железный».

Мотив «железного тела» героя в эпосе балкарцев и карачаевцев, как и в других национальных версиях, связан с именем Сосурука. Железготелым у них является и Карашауай.

Эпитет «золотой», как и эпитет «железный», в балкаро-карачаевском нартском эпосе является средством эпической идеализации героев и выступает как украшающий эпитет.

В изобразительных средствах исследуемого нартского эпоса значительное

место принадлежит сравнению. Источником поэтических сравнений служат реальные явления природы, космоса, образы из мира животных, птиц, растений. Самое же большое число приходится на сравнения этнобытового характера, связанные с народной жизнью и бытовыми предметами и орудиями производства.

Эти сравнения в основном бывают гиперболическими, они служат для показа необычного, величественного или, наоборот, для гротескно-карикатурного изображения и выполняют снижающую (отрицательную) сатирическую функцию.

Очень часты яркие сравнения с бытовыми предметами при описании силы эмегенов. При этом циклопическая сила и огромность эмегенов в балкаро-карачаевских нартских песнях и сказаниях характеризуются косвенно, через предметы и явления, которые имеют отношение к эмегенам (например, камень, который эмегены толкают во время своих игр, огромный, как стог сена).

С помощью простых сравнений, которые переплетаются с метафорическими, показывается необычность кузнеца Дебета.

Дебет ест камни, как хлеб; железо для него словно тесто; мечи, которые он делает, режут камни, как курдючное сало, и т. д.

Сравнения в балкаро-карачаевских нартских песнях и сказаниях бывают краткие (простые) и распространенные (сложные). Из них доминирующими, как и в эпосе других тюркоязычных народов, являются краткие сравнения (и объект сравнения, и образ сравнения — один).

Большинство сравнений образуется при помощи сравнительных послелогов «вшаш», «кибик» — «похожий», «подобно», «как», «вроде», «словно» и аффиксов *-ча* и *-лай/лей*.

Часто встречаются сравнения, которые образуются при помощи аффикса *-дан/-ден* — он служит для обозначения превосходства признака или качества объекта сравнения над образом сравнения. Например, когда краснобородый Фук садится на своего коня, то «барады желден кьаты» — «скачет быстрее, чем ветер».

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев широко используется антитеза. Она является сюжетообразующим, композиционным и стилистическим приемом. Как мы уже говорили, сюжет некоторых песен строится на столкновении и борьбе нартских героев с многоголовыми одноглазыми эмегенами. И можно сказать, что в их основе «почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» [55, с. 19].

В нартских песнях и сказаниях герои предстают богатырями, обладающими большой физической силой, но рядом с огромными эмегенами они ничтожно малы. Эмегенам присуща огромная циклопическая мощь, но они страшно глупы и неразумны. Силе, коварству эмегенов противопоставляются ум, находчивость нартских героев.

Особенно наглядно это представлено в песне «Сосурук и эмеген», где основные функции Сосурука — добывание огня и уничтожение эмегена — строятся на антитезе: хитрость и находчивость Сосурука — сила, глупость и коварство эмегена. Здесь контраст используется для воспевания и идеализации героя.

Нартские герои противопоставляются не только эмегенам и другим врагам, но и друг другу. В этом случае антитеза используется для выделения героя среди других нартвов, показа его богатырской силы, мощи и т. д. Например, в цикле о Карашауае антитеза служит для более яркого показа превращения невзрачного оборванца Карашауа в могучего нартского богатыря, а его паршивого жеребенка Гемуды — в чудесного боевого коня.

В некоторых песнях и сказаниях антитеза используется для воспевания величия, значимости подвига героя.

Антитеза иногда употребляется и в традиционных формулах; например, когда встречаются противники, то на приветствие одного из них: «Эй, кюнюнг ахшы

болсун!» («Да будет твой день добрым!») — другой отвечает всегда: «Ой, кюнюн аман болсун!» («Чтоб день твой был недобрым!»).

Антитеза лежит в основе сюжета многих нартских песен и сказаний и реализуется в столкновении «добра» и «зла», «тьмы» и «света». В основном она служит воспеванию и идеализации героя и вместе с другими художественными средствами играет важную роль в создании поэтического единства нартских песен и сказаний.

Как и у всех других носителей Нартиады, сказания балкарцев и карачаевцев по форме бывают прозаическими, стихотворными и смешанными. Поэтому они и исполняются по-разному: прозаические тексты (нарт тауурухла, нарт хапарла) сказываются, стихотворные (нарт жырла) — декламируются или поются.

Карачаево-балкарский язык входит в число агглютинативных языков, и поэтому стихосложение балкарцев и карачаевцев относится к силлабической системе стихосложения.

Для нартских песен характерны два типа стиха: короткий — семи-восьмисложный и длинный — от одиннадцати до четырнадцати слогов, а иногда и шестнадцатисложный (превалирует одиннадцати-двенадцатисложный стих).

На древность некоторых песен указывает и семисложный стих с трехсложной клаузулой, который является одной из архаических форм тюркского стихосложения:

Нартда барды беш батыр.— 2 + 2 + 3

Бара, жорта кетдиле,— 2 + 2 + 3

Узакълагъа жетдиле,— 4 + 3

От жарыкъла кёрдюле.— 1 + 3 + 3

Цезуры в эпическом стихе располагаются в зависимости от количества слогов в песенной строке. Постоянное место они имеют обычно в односложных стихах.

Нартские песни имеют стюфическое (преобладают двустихные строфы) и тирадное строение (до десяти и более стихов).

В ритмической организации нартских песен большую роль играют рифмы, аллитерации, ассонансы, эпифоры, рефрены и т. д.

В эпическом стихе рифма в основном грамматическая. Она, как и у других тюркских народов, обусловлена ритмико-синтаксическим параллелизмом¹²⁸. В основном используется глагольная и глагольно-именная рифма.

По месту расположения рифма в песнях не только конечная, встречаются и начальные и срединные рифмы.

Особую ритмичность и музыкальность эпическому стиху придают составные рифмы и редиф:

Жерде жаныууар жеталмагъанды аны

Кёкде къанатлы озалмагъанды аны

.....

Ёрюзмек дегенинг а ёзден эди, дейди.

В метрической организации эпического стиха немаловажную роль играет и аллитерация, которая является одним из «отличительных признаков древнетюркского народного стиха, в частности эпического» [68, с. 46].

В песнях широко представлена как междусловная, так и междустиховая (строфическая) аллитерация. Она бывает полная или неполная, смежная, перекрестная, опоясывающая и т. д. Междусловная и междустиховая аллитерация встречается в более архаических песнях:

¹²⁸См. об этом подробнее [69].

Сказитель Дауут Малкондуюв

Сказитель Алий Этшев

Сказитель Хамзат Биттиров и исследователь и собиратель нартского эпоса балкарцев и карачаевцев А. З. Холаев.

Сказитель Абуғали Узденов

Сказитель Гитче Текаев

Жерден ала жарыкъларын тыядыла,
Жылап ала жулдузланы жыядыла.
Жерге ала бийик кёкден къарайдыла.

У балкарцев и карачаевцев нартские песни называются «нарт жырла», а исполнители нартских песен — «нарт жырчы» или просто «жырчы» («певец»).

Первые сведения о балкарских певцах в дореволюционных публикациях принадлежат перу П. Острякова: «Со званием певца, — пишет он, — соединялась идея справедливости, и певцом мог быть только безукоризненно честный человек. Я имел возможность встретить такого певца. Старик со смуглым открытым лицом, одет весьма бедно; но нужно видеть, с каким почтением относятся к нему окружающие, чуть не боготворят его. Князя У-[рус]-Б-[ие]-вы доставили мне случай. Нужно было видеть и их, образованных, объехавших чуть не всю Европу, с каким уважением и почтением относились они к старцу» [129, с. 701].

И в наше время народные певцы пользуются всеобщим уважением. Имена талантливых исполнителей нартских песен и сказаний, таких, как Дауут Малкондуев, Алий Эттеев, Хамзат Биттиров, Амий Башиев, Абуғали Узденов, Магомед Алботов, Хамзат Узденов, Мухаммат Махараев, Гитче Текаев, Жашыу Айтеков, Каншаубий Гаждонов, Шамшюдин Бегиев, Ахмат Аппаев, Каит Жабелов, Каншаубий Журтубаев, Абдулла Гергоков, Хамид Тогузаев, широко известны в Балкарии и Карачае.

В дореволюционных публикациях нартского эпоса балкарцев и карачаевцев мы находим сведения и о манере исполнения нартских песен и сказаний. Отметив, что у балкарцев «поэма (о нартах.— Т. Х.) разделена на песни» и «каждая песня исполняется на совершенно особый мотив», П. Остряков пишет, что жырчы пел эти песни «под звуки дудки и зурны, а то и просто под мерные удары палочек» [129, с. 701—702].

Более подробное описание форм музицирования и анализ песенно-сказовых повествований балкарцев и карачаевцев даны в работе С. И. Танеева (об этом подробнее в статье А. И. Рахаева в настоящем издании).

Ценными нам представляются и наблюдения Н. М. Дрягина о характере исполнения нартских произведений: «Строго и свято соблюдается „размер по-

Сказитель Каншаубий Гажонов

Сказитель Жашыу Айтсеков

длинника“: старший из рассказывателей молча следит за отдельными выражениями, даже словами, коими передают сказания его более младшие собратья» [63, с. 20].

Что же касается собирательской работы, то благодаря Исмаилу Урусбиеву, его сыновьям Сафар-Али и Нарuzu и передовым, прогрессивным представителям русской интеллигенции — П. Острякову, М. М. Ковалевскому, И. И. Иванюкову, С. И. Танееву, Н. П. Тульчинскому, А. Н. Дьячкову-Тарасову, Е. З. Баранову и др.— до нас дошли многие прекрасные образцы устно-поэтического творчества балкарцев и карачаевцев, в том числе и их нартские песни и сказания.

Если в дооктябрьский период сбор и публикация фольклорного материала были делом только одиночек-энтузиастов, то в советское время этим стали заниматься сотрудники КБНИИФЭ.

Как мы отметили выше, записи балкаро-карачаевского нартского эпоса, сделанные в первой половине XX в., практически не сохранились.

В 1959 г. в КБНИИ состоялась научная сессия, посвященная проблеме периодизации, отбора и публикации адыгского и балкаро-карачаевского фольклора. Начиная с этой сессии, проведение ежегодных фольклорных экспедиций по сбору адыгского и балкаро-карачаевского фольклора в КБНИИ стало традиционным.

Особое место среди собирателей балкаро-карачаевских эпических текстов принадлежит Народному поэту КБР Сагиду Османовичу Шахмурзаеву (1886—1976) и поэту Саиду Аубекировичу Отарову (1903—1975), которым мы обязаны записями многих нартских песен и сказаний, составивших настоящее издание.

Большую работу в деле собирания нартского эпоса проделал и фольклорист А. З. Холаев. На протяжении многих лет он возглавлял фольклорно-этнографические экспедиции КБНИИ по Балкарии и Карачаю, в ходе которых вместе с научными сотрудниками С. Б. Настаевым, Х. И. Суюнчевым, А. М. Теппесвым им было записано значительное количество нартских песен и сказаний.

На современном этапе сбором балкаро-карачаевского фольклора, и в частности нартского эпоса, успешно занимаются в Балкарии научные сотрудники КБНИИФЭ Х. Х. Малкондуев, А. И. Рахаев, М. Ч. Журтубаев и учитель Д. М. Таумурзаев, а в Карачае — Р. А.-К. Ортабаева.

Собиратель эпоса Народный поэт
КБР С. О. Шахмурзаев

Собиратель эпоса С. А. Отаров

Выдающийся памятник коллективного творчества — «Нарты», воплотивший в своих лучших образах представления народа об идеальном герое — защитнике родной земли, во все эпохи имел огромное воспитательное значение. Не случайно уже в одной из первых публикаций балкаро-карачаевских текстов отмечалось, что «название „нарт“ в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним „удалого, доброго молодца“» [164, с. II].

В народном сознании до наших дней сохранилось представление о нартах как о реально существовавших людях. Так, в Балкарии и Карачае названия многих мест связывают с их именами¹²⁹. Еще до недавнего времени у этих мест совершали различные общественные обряды. Например, в Чегемском ущелье есть большой длинный камень, который называют Нарт таш (Камень нартов). Жители ущелья приносили к этому камню новорожденных детей, резали жертвенных баранов и устраивали там угощение. Нарт таш обливали водой, а воду, стекавшую с камня, собирали и в ней купали ребенка.

Если новорожденный был мальчиком, при этом произносили такой алгыш — благопожелание:

Будь таким же кузнецом [умелым], как Дебет,
Будь таким же мужественным, как Шауай,
Как Сосурук, будь светочем¹³⁰ [для людей],
Чтобы тебя любил и почитал твой народ.

А если это была девочка, говорили:

Будь такой же луноподобной, как Сатанай,
Будь такой же мудрой,
Пусть всегда будет изобилие в твоём доме и ауле
[105, с. 212].

¹²⁹См. об этом [164; 171].

¹³⁰Вероятно, здесь имеется в виду то, что Сосурук раздобыл замерзающим нартам огонь и спас их от смерти.

В сознании людей с нартами ассоциируется не только понятие о воинской доблести. С их именами связываются и определенные категории духовной культуры. Показательно, что такие образцы народной мудрости, как пословицы, поговорки, афоризмы, у балкарцев и карачаевцев называются «нарт сёзле» — «нартские изречения».

В современном карачаево-балкарском языке слово «нарт» имеет не только значение «нарт», «герой», «богатырь», но и «старый», «древний». Пожилые балкарцы и карачаевцы царство мертвых называют «нарт дуния» — «мир нартов». По их представлениям, нарты, которые при своей жизни помогали людям и охраняли мир и покой на земле, даже из «мира нартов» стараются помочь роду человеческому: «они смотрят на нас из мира мертвых, и, когда нас ожидает какое-нибудь несчастье», их «священные души... обратившись в орлов, воронов, в образы разных зверей», врываются с громким криком в ночные аулы и «оповещают людей о предстоящей беде», — говорится в сказании «Нарт кьопхан» («Воскресение нартов»).

Л и т е р а т у р а

1. *Абаев В. И.* Из осетинского эпоса. М.-Л., 1939.
2. *Абаев В. И.* Нартовский эпос.— ИСОНИИ. 1945, т. X, вып. 1.
3. *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982.
4. *Абаев В. И.* Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев.— Язык и мышление. 1933, № 1.
5. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949.
6. *Абаева З. В.* Сатана — Сатаней— Гуаша (эпический образ и художественный контекст).— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
7. *Абаева З.* Этюды по нартовскому эпосу. Цхинвали, 1978.
8. *Авляев Г. О.* Этнонимы-тотемы в этническом составе калмыков и их параллели у тюркских народов.— Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981.
9. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.
10. *Азаматов К. Г.* Пережитки язычества в верованиях балкарцев.— Из истории феодальной Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.
11. *Алейников М.* Карачаевские сказания.— СМОМПК. 1883, вып. 3, отд. 2.
12. *Алиева А. И.* Адыгский нартский эпос. Москва — Нальчик, 1969.
13. *Алиева А. И.* История записи и публикации фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX в.— Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.
14. *Алиева А. И.* Эпитет в адыгском героическом эпосе.— УЗ КБНИИ. Серия филол. 1967, т. 24.
15. Алпамыс-батыр. А.-А., 1961.
16. Алтын-Арыг. М., 1988.
17. *Альбов Н. М.* Этнографические наблюдения в Абхазии.— ЖС. 1893, вып. 3.
18. *Алборов Б. А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
19. Антология балкарской поэзии. Нальчик, 1959 (на карач.-балк. яз.).
20. *Аншба А. А.* Абхазский фольклор и действительность. Тб., 1982.
21. *Атажукин К.* Ашемез.— СМОМПК. 1891, вып. 12, кабардинские тексты.
22. Ачемез. Старинное карачаевское сказание. Пер. Карачаева. Ворошиловск, 1940.
23. *Байчикуев А. М.* Слово о музыке. Нальчик, 1988 (на балк. яз.).
24. *Балканский Т., Хашхожев Э.* К вопросу о протоболгарском Тагра (Тангра, Тенгри).— Болгарская этнография. София, 1984, кн. 3.
25. *Баранов Е. З.* Балкарские сказки.— СМОМПК. 1897, вып. 23, отд. 3.
26. *Баранов Е. З.* Сказки горских татар.— СМОМПК. 1903, вып. 32, отд. 2.
27. *Баскаков Н. А.* Северные диалекты алтайского (ойратского) языка. М., 1965.
28. *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
29. *Батчаев В. М.* Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев. Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986.
30. *Батчаев В. М.* О нартах балкарцев и карачаевцев. Рукопись хранится в КБНИИФЭ.
31. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
32. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1954.
33. *Борджанова Т. Г.* Проблемы поэтики монголо-ойратского героического эпоса. Автореф. канд. дис. М., 1979.
34. *Боташев А. Б.* Богатырь Ецемей, сын Ецея.— СМОМПК. 1896, вып. 21, отд. 2.

35. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941.
36. Бязиров А. Х. К вопросу о круге осетинских сказаний.— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
37. Валитова А. А. О некоторых терминах в «Кутадгу билиг». — КСИНА. 1963, № 63.
38. Вейденбаум Е. Г. Священные рощи и деревья у кавказских народов.— ИКОИРГО. 1878, № 3.
39. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893.
40. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
41. Владимирицов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пб.—М., 1923.
42. Галгойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
43. Гадагатыль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967.
44. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. М., 1989.
45. Гомбоин Д. Д. Образы зоантропоморфных врагов в эрхит-буллатских улигерах.— Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982.
46. Гордлевский В. А. Из османской демонологии.— Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.
47. Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»).— ИАН СССР. 1947, т. 6, вып. 4.
48. Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М., 1960.
49. Гутов А. М. Поэтика адыгского нартского эпоса. Канд. дис. М., 1975.
50. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
51. Гуриев Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса (о монгольских влияниях). Орджоникидзе, 1971.
52. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев.— ТС. Кн. 2. Вып. 3. Владикавказ. 1893.
53. Далгат Б. К. Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса.— ЭО. М., 1901, № 1.
54. Далгат У. Б. Вопросы научного анализа и критической оценки эпических текстов в эдичионной работе.— Фольклор — издание эпоса. М., 1977.
55. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
56. Далгат У. Б. Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах.— Сказание о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
57. Далгат У. Б. Типовые черты нартского эпоса.— Типология народного эпоса. М., 1975.
58. Далгат У. Б. Эпический историзм в развитии.— Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988.
59. Дебет Златоликий и его друзья. Балкаро-карачаевский эпос. Нальчик, 1973.
60. Джангар. Калмыцкий народный эпос. М., 1958.
61. Дзидзигури Ш. В. Грузинские варианты нартского эпоса. Тб., 1971.
62. Длужневская Г. В. Еще раз о «Кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков).— Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
63. Дрягин Н. М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с емечь.— Яфетический сборник. Л., 1930, вып. 6.
64. Дрягин Н. М. Любовные мотивы нартовского эпоса горцев Северного Кавказа.— ТИЯМ. 1932, т. 2.
65. Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах.— СМОМПК. 1898, вып. 25, отд. 2.
66. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
67. Елизаренкова Т. Я., Сорокин А. Я. К анализу индийского свадебного гимна.— ТЗС. 1965, № 2.
68. Жирмунский В. М. Некоторые проблемы теории тюркского народного стиха.— Тюркологический сборник. М., 1970.
69. Жирмунский В. М. Ритмико-синтаксический параллелизм в древнетюркском стихе.— Вопросы языкознания. № 4, 1964.
70. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
71. Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии. Иркутск, 1890, т. 1, вып. 2.
72. Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л., 1937.
73. Иваненков Н. С. Карачаевцы.— ИОЛИКО. Екатеринодар, 1912, вып. 5.
74. Ивановов И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса.— ВЕ. М., 1886, № 1.
75. Из адыгского нартского эпоса. Нальчик, 1987.
76. История аван Мойсея Каганкатваца, писателя X в. СПб., 1861.
77. История всемирной литературы. Т. 1—4. М., 1983—1985.
78. Инал-Ипа Ш. Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов.— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
79. Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977.
80. Кабардинский фольклор. М.—Л., 1936.
81. Кайтмазов А. Сказания о нартах.— СМОМПК. 1889, вып. 7, отд. 2.
82. Калоев Б. А. История записи и публикации нартского эпоса.— Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
83. Калоев Б. А. Некоторые этнографические параллели к осетинскому нартскому эпосу.— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
84. Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели.— СЭ. 1972, № 3.

85. *Караева А. И.* О фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1961.
86. *Караева А. И.* Очерки истории карачаевской литературы. М., 1966.
87. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.
88. *Киреев А. Н.* Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970.
89. *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках.— Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
90. Книга моего деда Коркута. М., 1962.
91. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
92. *Кузьмина Е. Н.* Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск, 1980.
93. *Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985.
94. Къарачай-малкъар фольклор. Черкесск, 1987.
95. Къарачай фольклор. Микоян-Шахар, 1940.
96. *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.— Исследования и материалы по вопросу первобытных религиозных верований. М., 1959.
97. *Лавров Л. И.* Из поездки в Балкарию.— СЭ. 1939, № 2.
98. *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.— Кавказский этнографический сборник. М., 1969, т. 4.
99. *Лайпанов Х. О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
100. *Липец Р. С.* Лицо волка благословенно.— СЭ. 1981, № 1.
- 100а. *Липец Р. С.* Меч из редкостной бронзы.— СЭ. 1978, № 2.
101. *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
102. *Лопатинский Л. Г.* Предисловие к публикации А. Н. Дьячкова-Тарасова «Заметки о Карачае и карачаевцах».— СМОМПК. 1898, вып. 25.
103. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.
104. Малкъар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959.
105. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары (Нарт эпос. Миф эм жашау-турмуш поэзия). Нальчик, 1988.
106. *Малкондоев Х. Х.* Отголоски тентрианства в карачаево-балкарском фольклоре.— Тезисы Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг. Таш., 1986.
107. *Малов С. Е.* Памятники древне-тюркской письменности. М.—Л., 1951.
108. *Мамиева Н.* Сатана в осетинском нартском эпосе. Орджоникидзе, 1971.
109. Материалы и исследования балкарской диалектологии, лексики и фольклора. Нальчик, 1962.
110. Материалы научной сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института по проблемам периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора. Нальчик, 1960.
111. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
112. *Мелетинский Е. М.* Место нартских сказаний в истории эпоса.— Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
113. *Михаев М. И.* Образ иныжа в адыгском нартском эпосе.— Вопросы фольклора народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.
114. *Миллер В.* Кавказско-русские параллели.— Экскурсы в область русского народного эпоса. I—VIII. Приложение. М., 1892.
115. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. I—III. М., 1881—1887.
116. *Михайлов Г. И.* Мифы в героическом эпосе монгольских народов.— КСИНА. М., 1963, № 3.
117. *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971.
118. Мифы народов мира. Т. 1—2. М., 1980—1982.
119. Нартла. Малкъар-къарачай нарт таурухла. Нальчик, 1966.
120. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
121. Нарты.— Государственный литературный музей. Фонд акад. В. Миллера, ф. 11, оп. 144, инв. № 11.
122. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1—3. М., 1989—1990.
123. *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М., 1984.
124. *Неклюдов С. Ю.* Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе.— Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
125. *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов.— Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
126. *Никифоров Н. Я.* Аноский сборник.— ЗЗСОРГО. 1915, т. 37.
127. *Овалов Э. Б.* Идеи и основные образы поэмы «О поражении свирепого Хара-Кинеса».— Вестник Калмыцкого НИИ. Элиста, 1976, № 14.
128. *Окладников А. П.* История Якутии. Т. 1. Якутск, 1949.
129. *Остряков П.* Народная литература кабардинцев и ее образцы.— ВЕ. 1879, т. 4, кн. 8—9.
130. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981.
131. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1925, вып. 1; 1927, вып. 2.
132. *Петросян А. А.* История народа и его эпос. М., 1982.

133. *Поппе Н. Н.* Халха-монгольский героический эпос. М.—Л., 1937.
134. *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
135. *Потанин Г. Н.* Греческий эпос и ордынский фольклор.— ЭО. М., 1894, № 21.
136. *Потанин Г. Н.* Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Томск, 1916.
137. *Потанин Г. Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки.— «Живая старина» за 1916 г. Пг., 1917.
138. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Ч. 4. СПб., 1883.
139. *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 2. СПб., 1893.
140. *Потапов Л. П.* Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов.— Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
141. *Потапов Л. П.* Умай — божество древних тюрков.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
142. Приключения нарта Сасырквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос. М., 1962.
143. *Пропп В. Я.* Язык былин.— УЗ ЛГУ. 1954, № 133, вып. 30.
144. *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия.— Типология народного эпоса. М., 1975.
145. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. М., 1962.
146. *Пфафф В. Б.* Путешествие по ущельям Северной Осетии.— ССК. 1871, т. 1.
147. *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. СПб., 1866.
148. *Рахаев А. И.* Песенная эпика Балкарии. Нальчик, 1988.
149. *Рклицкий М. В.* К вопросу о нартах и нартских сказаниях.— Известия Осетинского НИИ краеведения. Владикавказ, 1927, вып. 2.
150. *Розаль-Левицкий Дм.* Песенное творчество карачаевцев.— СИ. М., 1928, № 3.
151. *Сабанчиев Х.-М. А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989.
152. *Салакая Ш. Х.* К вопросу об эволюции эпического образа.— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
153. *Стеблева И. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
154. *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы. М., 1976.
155. *Сумаруков Г. В.* Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983.
156. *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М., «Наука», 1985.
157. *Толгуров З. Х.* Движение балкарской поэзии. Нальчик, 1984.
158. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1989, кн. 2.
159. *Трояков П. А.* От этнографических реалий к сказочному мотиву.— Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
160. *Тульчинский Н. П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области.— ТС на 1904. Вып. 6. Владикавказ, 1903.
161. *Уланов А.* Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963.
162. *Уланов А. И.* Об этапах развития бурятского фольклора.— Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975.
163. *Урманчиев Ф.* По следам белого волка.— СТ. 1978, № 6.
164. *Урусбиев С.-А.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области.— СМОМПК. 1881, вып. 1, отд. 2.
165. *Урусбиева Ф. А.* Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979.
166. *Фрэнгер Д.* Золотая ветвь. М., 1980.
167. *Хаджиева Т. М.* Некоторые повествовательные особенности карачаево-балкарского нартского эпоса.— Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1979.
168. *Хаджиева Т. М.* Поэтика балкаро-карачаевского нартского эпоса. Канд. дис. М., 1980.
169. *Халанский М.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.
170. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ, 1960.
171. *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974.
172. *Холаев А. З.* К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе.— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
173. *Церен Э.* Лунный бог. М., 1976.
174. *Чурсин Г.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.
175. *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.
176. *Чурсин Г. Ф.* Осетины. Тифлис, 1925.
177. *Чурсин Г.* Почитание деревьев на Кавказе.— Кавказ. Ил. прилож., 1903, № 5.
178. *Шаманов И. М.* Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии.— Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.
179. *Шанаев Г.* Из осетинских сказаний о нартах.— ССКГ. 1876, вып. 9, отд. 2.
180. *Шанаев Дж.* Нартовские сказания.— ССКГ. 1871, вып. 5, отд. 1.
181. *Шанаев Дж.* Нартовские сказания.— ССКГ. 1873, вып. 7, отд. 2.
182. *Шаракшинова Н. О.* Героический эпос бурят. Иркутск, 1968.
183. *Шифнер А.* Осетинские тексты.— Прилож. к XIV т. ЗИАН, 1868, № 4.
184. *Шортанов А. Т.* Героический эпос адыгов.— Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.

185. *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.
186. *Щукин И. С.* Материалы для изучения карачаевцев.— Русский антропологический журнал. М.—Л., 1913, № 1—2.
187. *Эмин Н.* Моисей Хоренский и древний эпос армян. М., 1881.
188. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 40. СПб., 1897.
189. *Dumézil J.* Le livre des heros. Legendes sur les Nartes. P., 1965.

1. НАРТЛАНЫ ЖАРАТЫЛГЪАНЛАРЫ

1. ТЕЙРИЛЕ БЛА НАРТЛА

Кюн Тейриси кюнню жаратханды. Жер Тейриси жерни жаратханды. Ючюнчюге тенгизле жаратылгъандыла.

Кёк бла жер жаратылгъандан сора экисини ортасында адам улу жаратылгъанды. Кёк, Кюн, Жер, Суу тейрилери оноулашып, Суу Тейриси адам улусуна ичерге суула берирге бойнуна алгъанды; Жер Тейриси да юсюнде берекетле битдирип, ашатыргъа, адам улуну кечиндирирге кесине жюкге алгъанды; Кюн Тейриси жылытыргъа; Кёк Тейриси жауунла жаудуругъа дегендиле.

Кюн Тейриси тейрилени башыды, оноучусуду. Ол сууланы, кёклени, жерлени къудуретли бегими. Кюн Тейриси учсуз, бужакъсыз узакъдады. Ол къайнайды, жайда жерге къаты жылыу береди, къышда, бизден жылыуун Ёксюзле дуниясына иеди, аланы жылытады.

Кюн Тейриси, ачыуланса, жерни кюйдюреди, тенгизлени къурутады. Эртте заманланы биринде Кюн Тейрини туманла ачыуландыргъандыла. Туманла, жерни юсюне жатып, кюн жарыгын иймей тохтагъандыла.

Кюн чамланнганды, ачыуланып, жерге айланып, ахсынып, кюкюрегенди, къуханды. Кюнню ёзегинден ташла, учхунла жерге жаугъандыла. Ма алтын, кюмюш, темир ташла аладан болгъандыла. Ала кюнню къусханындан болгъандыла.

Кюн Тейрисини баш аты Къайнар-тейри болгъанды. Къайнар-тейри бла Жер Тейриси тауланы, жерлени, сууланы, жулдузланы да жаратхандыла, болдургъандыла дейдиле. Ала жерни жаратханда, жер къалтырауукъ, тенгизле чайкъантылы, толкъунду болгъандыла. Нарт улулары, баш уруп, Тейрилеге жети жылны жилягъандыла, айтхандыла:

Жерни жаратхансыз — къалтыратмагъыз,
Сууланы болдургъансыз — чайпалатмагъыз! —

деп тилегенлеринде. Къайнар-тейри, тауланы жаратып, жерге чойле этип ургъанды. Андан сора жерни къалтырагъаны, тенгизлени чайпалулары тохтагъанды.

Адам улуну башы нартла эдиле, эм алгъа ала жашап башлагъандыла. Нартла жайылырдан алгъа нартла бла бирге жер юсюнде бек эрши, не эселе да, айтыргъа унутханма, «харрала» болур дейме, ала жашагъандыла. Ала бла нартланы кюрешлери тохтамагъанды. Харрала адамлагъа ушайыракъ, уллу, къызыл тюклюле болуп, хар затны айырмай ашагъандыла. Ала Кюн Тейрини исси кюнлерин бек суйгендиле. Къайнарны жерге къусуп атхан сары ташланы жыйып, бир бирлерин ургъандыла.

Деует нарт Кюн Тейрини къусханын билип, ташдан темирни айырып сауут этгенден сора, нартла харраланы жер юсюнден думп этгендиле.

2. НАРТ ТЕМИРЧИ ДЕБЕТНИ ТУУГЪАНЫ

Эртте-эртте, дорбунлада тургъанда,
Таш тегене, агъач элек болгъанда,

Кёк Тейриси Жер Тейрисин алгъанды,
Кёк кюкюреп, бу Жер бууаз болгъанды.

- 5 Тогуз жылны, тогуз кюнню бууаз болуп турганды,
Жер жарылып, сора Дебет тууганды.
- Суу анасы алып аны жууаганды,
Череклени аны ауузуна бурганды.
- Суу анасы эмчек ана болганды,
10 Ол ёсдюрюп, акъыл бла толганды.
- Ол Дебетни отдан болганды жюреги,
Къурчдан болганды санларыны кереги.
- Сингирлери, жыя кибик, созулганды,
Керек болса, ол ызына жыйылганды.
- 15 Хар бир жиги, безги кибик, ачылганды,
Сюймесе уа, артына жыйылганды.
- Жаны, къаны отдан болганд къуралып,
Къолу жетсе, таш эригенд, къызарып.
- От Тейриси отну тилин билдиргенди,
20 Жер Тейриси ташла тилин билдиргенди,
Суу Тейриси ашын, сууун ийгенди.
- Дебет бир кюн нарт таулагъа барганды,
Ташла бла сёлеше, анда къалганды.
- Ала бла оноу, кенгеш этгенди,
25 Ташла алып, ол элине жетгенди.
- Ол ташланы къолу бла эзгенди,
Хар бир ташда не болганын сезгенди.
- Ол ташланы, гыржын кибик, ашаганды,
Кёп ташлада не барлыгын сынаганды.
- 30 От Тейриси болушханды Дебетге —
Кёп ташладан не суйсе да этерге.
- Темир анга тылы кибик болганды,
Къалай суйсе, алай ары бурганды.
- Отну, сууну, жерни тилин билгенди,
35 Ол, нарт болуп, темирчиге киргенди.
- Хар бир ташда не болганын кёргенди,
Ол ташланы, бузла кибик, эритгенди.
- Кюбелени, къалкъанланы ишлегенди,
Усталыкъны ол эбине тюшюннгенди,
40 Тау ташланы, шишлик этип, биширгенди.
- Ол ишлегенди алгъа тери кёрюкню,
Ол чыгъарганды жер юсюне темирни,
Ол башлаганды, жандырып ташкёмюрню.

Гюрбежисин салып Тырмы тауну жолунда,
45 Темирлени, чайыр кибик, созганды кьолунда.

Ол Дебетни чемерлигин билгендиле,
Жюз-жюз нартла сапаришле бергендиле.

Тырмы таудан магъаданын тюшюргенди,
Садакь окъла, кюбе этип кийдиргенди.

50 Дебет бу жанында темирлени созганды,
Усталыгъы хар бир нартны озганды.

Хар кюн сайын жюз кылычны битдиргенди,
Нарт аскерге кеп затланы этгенди.

Кылычлары ташланы, сапынныча, кесгендиле,
55 Окълары уа Минги таудан этгендиле.

Кюбелерин кылыч алмагъанды,
Садакь окъ да андан этюп болмагъанды.

Дебет мында, бу жанында тауланы,
Кеп сауутла этип тапдыргъанды.

60 Таула башы бла ол жанына узалып,
Къара тенгизге сугъуп къатдыргъанды.

Чий темирни болат этип бергенди,
Нарт аскерге кеп садакьла этгенди.

Генже тайгъа кюбе этип бергенди,
65 Садакь бла уруп аны кергенди.

Кылыч бла атны уруп сынагъанды,
Ол, кесмей, ауузу сынып, къамагъанды.

Садакьлары Минги таудан этгендиле,
Окълары Къара тенгизге тюшгендиле.

70 Нарт аскерни сауут кючу ёсгенди,
Кылычлары къаяланы кесгенди.

Нарт халкъы кеп жигитликле этгенди,
Хар керекни Дебет этип бергенди.

Дебет болгъанды темирлени чыгъаргъан,
75 Темир ишге юйренирге буюргъан.

3. ДЕУЭТ-БАТЫРНЫ ТУУГЪАНЫ

Дуниялагъа чыкъмагъанды ариу Акъ-бийчеча.
Бир кюнледе, бир жыллада быстыр жууа чыкыгъанд да,
Тобугъуну жаланы да кекге ачылгъанд да.

- Кёкден къарап, салымчыла кёрген элле,
5 Была мынга сукъланнгандан ёлген элле.

Экиси да эки кёк кёгюрчюн болуп келген элле,
Экиси да эки тобугъуна кьоннган элле.
«Жуужуучукъла, жуужуучукъла»,— деп да, сыйлай эди.

- Ой, орира, ариу Акъ-бийче салымчыдан бууаз болду,
10 Бу да кьозлагъанды энди, жаш тапды.
Атына атадыла Салымчы улу Деуэт-батыр.

Жерни барса, бир жаныуар жетмей эди аны,
Кёкню да барса, бир кьанатлы жетмей эди аны,
Ой, ойра, Салымчы улу Деуэт-батыр!

4. АРИУ САТАНАЙ

Кюндю Сатанайны атасы,
Айды аны тапхан татлы анасы.

Айдан аны Тенгиз Тейри урлагъанды,
Аны аты Суу Желмаууз болгъанды.

- 5 Тенгиз Тейри айрыкамда жашыргъанды,
Жашыргъанлай, ненча жылла ашыргъанды.

Ай, тутулуп, кёзю, бети къаралгъанды,
Ачыундан жюрегинден таралгъанды.

- Ай да, Кюн да тутулалла аны ючюн,
10 Титирейле, кълтырайла аны ючюн.

Жерден ала жарыкъларын тыядыла,
Жиляп, ала жулдузланы жыядыла.

Жерге ала бийик кёкден къарайдыла,
Сатанайны кълдагъысын сурайдыла.

- 15 Не болгъанын, кълдагъысын табалмайла,
Желмауузгъа сорургъа ала базалмайла.

Ай жиляса — кёзлеринден жауад жауунла,
Кюн кызыдырса — жерде жанад къланданла.

- Сатанайны Суу Желмаууз букъдургъанды, бермейди,
20 Айрыкамда аны киши кёрмейди.

Айрыкамны юсюн туман бла жапханды,
Кеси кирип, тенгиз тюпге жатханды.

Сатанайгъа Суу Анасы къарагъанды,
Алтын чачын кёлу бла тарагъанды.

- 25 Не болса да, кюню аман бла батханды,
Тенгиз тангы аман бла атханды.

- Бёлек жылла жилий-жилий турганды,
Бир кечеде кьачаргъа ал бурганды.
- Бетин бояп, чыкыгъанд тенгиз жагъагъа,
30 Излей, барып, мингенд кьайын кьангагъа.
- Бутун, кьолун, кьалакъ этип, тартханды,
Желле, сюре, кьара жерге атханды.
- Алмостула, кёрюп, аны алгъандыла,
Кьара орманнга элтип, ашла салгъандыла.
- 35 Алмостула тамыр ашла бергендиле,
Сатанайны сыйлы, ариу кёргендиле.
- Алмостула сёлеше билмей элле,
Сатанайны бир да эриши кёрмей элле.
- Бир кюн была чаба, жорта кетдиле,
40 Билмегенлей, бир төбеге жетдиле.
- Ол төбеден ас-мус ийис уруп башлады,
Кьарт алмосту бирден эсин ташлады.
- Кьалгъанлары бирден артха кьачдыла,
Кьара орманнга тюк-тюк болуп учдула.
- 45 Уллу төбе кьарт эмеген болгъанды,
Жети жюз жыл ол орманда турганды.
- Ол Сатанай кьачалмайын кьалгъан эди,
Кьарт эмеген, тутайым деп, баргъан эди.
- Ол кезиуде Сатанай, бетин ачып, кьарагъан эди —
50 Бирден эмегенни жангыз кёзю кьамагъан эди.
- Жангыз кёзю жукъ кёрмейин кьалгъан эди.
Ачыуланып кьая ташла алгъан эди.
- Жукъ кёрмейин, ташла бла ата эди,
Жерден, сермеп, топуракъла жута эди.
- 55 Келе келип, тик кьаядан жыгъылгъан эди,
Төбе чархы суу ташлагъа жагъылгъан эди.
- Къыз Сатанай кьалды кеси жангызлай,
Кьара орманда кеси аллына, жаланлай.
- Кёп айланганд кьара орманда абына,
60 Амалсыздан Жер Тейриге табына.
- Ариулугъу ташны, тауну жарыта,
Хар бир затны ол кесине кьарата.
- Сатанайны кёргенде, тохтай элле суула да,
Кечеледе да жарый эдиле тюзле, таула да.

65 Ол Сатанай кѣп айланганд, эл тапмай,
Ашарына бир бурху гыржын кѣапмай.

Келе келип, ол нарт элге киргенди,
Эл кыйырда кѣуртха кѣатын кѣргенди.

Кѣуртха кѣатын Сатанайны алганды,
70 Тутуп келип, гумусуна салганды.

Жашыртынлай, кѣуртха аны ѳсдюргенди,
Ерюзбекке кѣызны алай сездиргенди.

Кѣатынлыкѣга Ёрюзбекке бергенди,
Ёрюзбек да андан акѣыл билгенди.

75 Ол Сатанай болганды нартла анасы,
Ёрюзбек да болуп нарт аскерни атасы.

5. ДЕБЕТ БЛА ЁРЮЗМЕК

Орайда, атларына миннген эдиле нартла бирден, ашыгып,
Орайда, узакѣ жолга чыкѣган эдиле, излей хайыр, ахшылыкѣ.

Орайда, бек алларында баргѣан кѣарт Дебетди быланы,
Орайда, кѣарт Дебетни уа бар эди онтогуз уланы.

5 Орайда, нарт аскери Нарт уядан чаба, жорта кетдиле,
Орайда, кѣп тауладан да, кѣп сууладан да, уой, ѳтдюле.

Орайда, бара-жорта, жолда уа бир сейирден ѳлдюле:
Орайда, бир жашчыкѣ да бир бѣрюню эме тургѣанын кѣрдюле.

Орайда, ол бѣрю ычхыналмай бу жашчыкѣны кѣолундан,
10 Орайда, нарт аскери тохтап кѣарайд бара тургѣан жолундан.

— Орайда, жашчыкѣ, кимсе, не адамса? — деп да соргѣан эди нарт Дебет.

— Орайда, Ёрюзбекме, мен бир ѳксюз ѳсгенме.

Орайда, сабийликден бѣрю сют а ичип ѳсгенме,
Орайда, кийиклени, маралланы да кѣуууп, тутуп, жетип, кесгенме.

15 Орайда, атам кимди, анам кимди — танымайма, билмейме,
Орайда, жер-жерледе излейме да, адам халы кѣрмейме.

Орайда, ол заманда айтхан эди нарт Дебет да, ашыгѣа:
— Орайда, нарт атасы Дебет деген менме,— деген эди жашчыкѣга,—

Орайда, барды мени онтогуз а уланым,— деген эди,—
20 Орайда, жыйырманчылары болурса сен аланы,— деген эди.

Орайда, алай айтып, алып кетген эди ол Ёрюзбекни,
Орайда, болгѣан эди ол а кѣартлыкѣ жашы Дебетни.

Орайда, Ёрюзбек да болгѣан эди нартла батыр уланы,
Орайда, кѣп зулмудан, кѣп палахдан кѣутхаргѣан эд ол нартланы.

6. ЁРЮЗМЕКНИ ТУУГЪАНЫ

Бир жолда, нартланы ёмюрлеринде, нарт Дебет таулагъа темир ташла жыяргъа кетгенди. Кече ол бир дорбунда къалгъанды. Кече ортада дорбунну тешигинден бир сейир кёк жарыкъ уруп, дорбунну ичин кюнча жарытханды. Дебет, сейир-синип, тышына чыкъгъанды. Битеу дунияны, кёз къаматырча, жарытып, кёде бир уллу узун къуйрукълу жулдузну учуп баргъанын кёргенди.

Ол жулдуз учуп барып, бек узакъда эки уллу тауну арасында тауланы зынгырдатып, дунияны къалтыратып, тюшдю.

Дебет, кече болгъанына къарамай, ары атланды.

Ары Дебет юч кюн бла юч кечеден сора жетгенди. Ол эки тауну арасы къап-къара болуп, куююп тура эди. Къарагъанында, бир бек уллу терен чунгурну ортасында эки жарылгъан бир уллу кёк ташны кёрдю. Аны ичинде уа бир тулпар жашчыкъ. Ол сабийчик бир мазаллы бёрюню бойнундан къаты тутуп эме эди.

Битеу ол тийрени къанатлылары, жаныуарлары жыйылып, ол сейирге къарап тура эдиле. Дебет алагъа хапар соргъанда, бир къарт къуш алай айтды:

— Биз кече жукълап тургъанлай, кёкден бир къуйрукълу жулдуз учуп келип, битеу бу тегерекни кюйдюрюп, ма бизни бу уллу кёллюбюзге тюшгенди. Кёлню сууу къайнап къуругъандан сора, биз аны тубюнде бу жашчыкъны кёргенбиз. Ол жияп, къычырып кёп тургъанды, алай аны къатына барыргъа бирибиз да базынмагъанбиз. Бу бёрюню уа бусагъатда гитче балалары барды да, ол ашдан иги тоймайды. Ол, баям, аны ашайым деп баргъан болур эди къатына. Алай бу жашчыкъ сермеп, аны бууаргъа аздан къойгъанды. Амалсыз этип, аны эмип башлагъанды.

Нарт Дебет ол жашчыкъны къатына баргъанда, ол ёсюп, ючжыллыкъ болуп тура эди. Аны Дебет биргесине алып, нарт элге тебирегенди. Ала элге жетерге, жашчыкъ ёсюп, жетижыллыкъ болгъанды.

Жолда бара, Дебет нарт къойчуланы къошларына къайтханды. Ол алагъа жашчыкъны хапарын айтханда, ала: «Сени кесинги онтогъуз уланынг барды. Не этериксе бу бёрю эмчекни? Андан эсе бизге бер,— деп тилегендиле.— Бёрюню эмип, бу сабий бёрюле бла жууукъ болгъанды, энди бу болгъан къошха бёрюле чабарыкъ туюлдуле»,— дегендиле.

Нартла бир бирлеринден жукъ тилеселе, анга «угъай» деген тере болмагъанды. Дебет ол жашчыкъны деу пелиуан боллугъун кёрюп, темирчи этип, анга не усталыгъын да юретирге мураты болгъанды. Алай нарт къойчула тилегенлеринде, жашчыкъны алагъа къойгъанды.

Жашчыкъгъа нартла «Бёрю эмчек» деп тургъандыла. Артда ол ёсюп, керти нарт болгъанында, Ёрюзбек деп къойгъандыла.

Темирчи Дебет а ол кёкден тюшген ташны эки сыныгъын да эритип, темир этгенди. Андан битеу нартха айтылгъан къулач-къулач созулгъан сырпынны ишлеп, нарт Ёрюзбекге нартланы жаулары Къызыл Фук бла сермеширге бергенди.

Темирчи Дебет ол кёк темирни къалгъанын а нартлагъа сырпынла, садакъла эм башха сауутла этгенде, андан бир азын жер темирге къошуп болгъанды. Ма аны ючюн болгъандыла алай кючлю Дебет ишлеген сауутла.

7. ЁРЮЗМЕК НАРТЛАГЪА КЕЛЕДИ

Ёрюзбек, жетижыллыкъ жашчыкъ болуп,

Ёксюз къалгъанды.

Кеси, таулада айлана,

Башына мадар эте тургъанды.

Бир кюн Ёрюзбек, айлана-жюрюй кетип, бир жерде от тютюн чыкъгъанын кёрюп, къоркъмай, буюкъмай, тюзюнлей алайгъа келгенди. Келип къараса — бир элни нартлары къолташ ата, кёкге бир кюзпочюкню салып, илишан ата, тутуша, чабыша, къарыуларын сынар ючюн, ташланы кётюре тургъанларын кёрдю.

Нартла къатхан зыккыл тончугъу, садагъы бла муну кӛргенлеринде: «Кимни жашчыгъыса, къайдан келесе, къайры бараса?» — деп сордула. Ол башдан аякъ хапарын айтханда, «Ач болур», — деп, аш ашатдыла. Жашчыкъ: «Илишаныгъызы мен да бир атайым, къайры атайым?» — деп сорду. Нартланы таматасы Дебет: «Ма, анда Темир-Къазыкъ жулдузну ортасында жылтырагъан кюзгю кесекни эслеяла эсенг, аны бир айдан бери атабыз — киши уралмайды. Ма, ол ташны кӛремисе? Аны киши жеринден тепдиралмайды. Ма, ол жассы ташны киши тобугъу бла басып сындыралмайды. Ма, бу къолташны кӛремисе? Бу сабанны бир жанындан экинчи жанына киши атып жетдиралмайды. Донгат къаяны башындан Къапчагъай къаяны башына киши секирип атлаялмайды. Къач кешенеде жортханын бузмай, Бердибий ташына киши жеталмайды», — деп ишни англатды. Сора жашчыкъ, тилеп, нартланы оюнларын этерге таукел болуп,

Тюз сыртындан жатды.

Темир-Къазыкъ жулдузда жылтырай тургъан

Кюзгю кесекни садагъы бла атды.

Тюз ортасындан уруп, ууатды.

5 Ууалгъан кесеклери кӛкден келип,

Адамланы юслерине тюшдюле.

Экинчи, киши кӛтюралмагъан

Ёре ташны кӛргюзтдюле.

Жаш, барып, тюз белинден кӛтюрюп, элтип бир кюнлюм къабыргъагъа сюеди, ма бюгюн да Огъары Чегемде тургъан Нарт ташы олду. Ючюнчюсю, ол жассы ташны тобугъу бла басып, гыржынны сындыргъанча, сындырды. Тӛртюнчю, гебен кибик къолташны алып быргъады. Сабанны бир жанындан угъай, сабандан да оздуруп, бара тургъан суугъа атды. Бешинчи, Донгат къаяны башына чыгып, Къапчагъай къаяны юсюне атлады. Алтынчы, Къач кешенеге барып, чапханын бузмагъанлай, Бердибий ташына жетип, юсюне минди. Эки аягъын, эки къолун, эки тобугъун салгъан жерле батып, чунгурла болгъандыла. Бюгюн да ол ташда ол ызла да турадыла деп, халкъ хапары алайды. Таш Огъары Чегемдеди. Къач кешене, Донгат, Къапчагъай къаяла да, Тихтенген тауу да андадыла.

Сора нартла бу ёксюз жашчыкъны къарыулу, батыр, пелиуан боллугъун билгендиле. Ол кюнден башлап, жашны атына Ёрюзбек-пелиуан атагъандыла.

Ол ёсюп, уллу болгъанында,

Бир къала ишлеп,

Нарт элге тамата болгъанды,

Къатыннга да ариу Сатанайны алгъанды.

II. ЁРЮЗМЕК БЛА САТАНАЙ

8. ЁРЮЗМЕКНИ КЁКДЕ ФУК БЛА СЕРМЕШГЕНИНИ ЮСЮНДЕН

Ол алай болганды. Аны юсюнден мен, билгенимча, айтайым. Нартланы заманында аты да Къызыл Фук деп, бир тюрлю зат жашаганды. Ол къайда жерде, къайда кёкде жашаганды. Кёкде Фукну къуш къанатладан ишленип, кесини къаласы болганды. Фук жерде турган кезиуюнде нартла бир кесек заманны анга бойсунгандыла. Ол аланы бийлери болганды. Нартла Фукга жасакъ тӛлегендиле: эт, мирзеу, бергендиле.

Фук кёкде болган заманда, ол андан, кёкден, темир сынжырлагъа тагып, уллу къазанла жибергенди жерге. Нартла уа, аланы ичлерин тюрлю-тюрлю азыкъладан толтуруп, ызларына къайтаргандыла. Алай аланы ичлерин толтургунчу, сынжырла ызларына къайтмагандыла. Жерлеринден къымылдамай: «Нартла, хайдагъыз, къымылдагъыз, бизни сакълатып турмагъыз!» — дегенча, тагылып тургандыла. Ол къазанланы аллай тӛрелери болганды.

Сора, бир кюн, нартланы белгили къартлары ныгышха жыйылгандыла. Ол жыйылыуда Ёрюзек да болганды. Анда нартла Фукга жасакъ бериуюн тыяргъа оноулашхандыла. Алай, айтханымча, къазанла ызларына къурулай къайтмагандыла. Аны себепли, нартла Фукну бедиш этип, къазанланы ташладан толтуруп жибергендиле.

Къазанла кёкге чыгып, Фук къаласыны къатына барып, анда бедишли жасакъны кӛргенде, ол кемсиз ачууланады. Аны ызы бла уа — Фук нартлагъа жанып, кӛкден былай билдиреди:

Энди,— дейди ол,— къыз, жаш жасакъ да салырма,
Сайлап бек сауларын, ариуларын, ёлчеу тутханларын алырма.

Ахырзаман боран жиберип, аш къыстырыкъларыгъызны чачарма,
Башыгъызны палахлагъа къоярма.

- 5 Кюн таякъла, жилтинле болуп юсююзге жауарла,
Нарт батырла ол жилтинледе жанарла.

Тюбююзден жалын отла тамызырма,
Кӛкден къан жауунла жаудурурма.

- 10 Къууурурма, кюйдюрюрге жашаган жеригизни,
Жыйырма, къартайтырма бетлеригизни.
Къурушуп, сӛдегейленирле аякъларыгъыз!

Фукну ол жаныуларын нартла билдиле,
Кюрешни мадарын излей, ныгышха келдиле.

- Ол мадарны Сатанай табар,— дедиле.
15 Аны чакъырыгъа Сосурукъну жибердиле,
— Нартланы тӛрелерине келсин,— дедиле.

Сатанай чапханлай келди нартлагъа.
— Бу не къайгыды?— деп, сорду ныгышда къартлагъа.

20 — Къайгыны башы Фукду,— дедила ала.
Кёремисе, ол къалай жаныды бизге!— дедила,—

Аны бла ёлюм сермешге кирликбиз,
Оноу эт деп чакъыргъанбыз,— дегендиле.

— Алай эсе, сиз бери тынгылагъыз,
Аны амалын мен айтайым сизге:

25 Аланы душманны садакъ огъу бла сырпыны тешалмазча,
Дебет аллай кюбе бла такъыя хазырласын,
Садакъ окъланы жилин уу бла къатдырсын,

Ишленген окъ илишандан жазмасын.
Сырпын, созулуп, баш кесиучю болсун.

30 Андан сора сиз Тёбен элге жыйылыгъыз,
Жер тюбюнден жел гыбытны чыгъарыгъыз.

Саутланып, Ёрюзмек анга минер,
Анга минип, учуп барып, Фукну уясына жетер.

35 Фук, къуш уясындан къарап, Ёрюзмекни кёргенлей,
Ёлюм сермешиюню юсюнден билир.

Ол заманда аны гетмен тишлери от чагъарла,
Аууз тылпыуундан жилтинле агъарла.

Ачуланып, кёз къаплары кёберле,
Ёрюзмек бла Фукну арасында эрча сермешию башланыр.

40 Къалада къуш къанатла чачылырла,
Къылыч сермешию хауада от жандырыр.
Ол кюн алайда нарт жигитлик танылыр.

Саут бла сермешиюде Фук амалларын тауусса,
Тиши бла къабыу болур аны амалы.

45 Ол кезиюде нарт къылычы тамагына батар,
Ызы бла башын, чалып, жерге атар.

Сора тынчлыкъ болур нарт элине,
Нартны адети да келир орнуна,— дегенди.

50 Темирчи Дебет кече узунуна саутла ишлегенди,
Хар саутну жилин уу бла къатдыргъанды.

Андан сора нартла Тёбен элге баргъандыла,
Жерни къазып, жел гыбытны чыгъаргъандыла.

Ёрюзмекни ол гыбытха миндиргендиле,
Ёрюзмек гыбыт бла учуп, булутлагъа чыкъагъанды.

- 55 Къарап, Фукну къанатладан ишленген къаласын кѳргенди.
Марап, къаланы къабыргъасына садакъ окъну атханды.
Садакъ огъу къаланы бирси жанына ѳтгенди.
Фук да, къоркъуп, кесини къабындан чыкъгъанды.
- Мен нарт Ёрюзмекме, учуп санга келгенме,
60 Сени бла сермешиуню кюсегенме.
- Нартны къанын бюгюн мен сенден алырма,
Болала эсенг, кюреш, башынгы чалырма!
- Суйсенг, къылычла бла урушайыкъ,
Угъай десенг, садакъла бла атышайыкъ,— дегенди Фук.
- 65 — Садакъ бла атышуу — ол батырлыкъны иши туююдю,
Къылыч бла сермешиу — олду батырлыкъны — нартны юлюшю.
- Къылычланы къынларындан чыгъарып башладыла,
Жютю къыйрлары бла къаланы ууатып.
- Силдегенде, Ёрюзмекни къылычи созулгъанды,
70 Сырпын, жетген жерни барын бузгъанды.
- Солдан эм да онгдан сермешдиле,
Фукну къолундан сырпыны чартлагъынчы.
- Ол чакъда Фук тишлери бла къабаргъа чапды,—
Табалмады Фук батырны хорлар кюч.
- 75 Нарт кесини къылычын Фукну тамагына бекледи,
Фукну башын кесип, жерге атды.

9. ЁРЮЗМЕК БЛА КЪЫНА САКЪАЛЛЫКЪ КЪЫЗЫЛ ФУК

- Ёрюзмек саулай нартны башыды,
Усхуртукланы Усхуртукну жашыды.
- Къонгур мыйыкълы, къой кѳзлю,
Ётюрюксюз, кеси тамам бир сѳзлю.
- 5 Ёрюзмек дегенинг нарт ѳзденди,
Ол кѳп къыйынлыкъгъа тѳзгенди.
- Къызыл Фукну залимлигинден безгенди,
Сабийликден аны хар зорлугъун сезгенди.
- Онеки жылында къойчу болгъанды,
10 Къызыл Фукга демлешиуню салгъанды.
- Гитчеликден Фукга къоркъуу бергенди,
Нартха этген залимлигин барын кѳргенди.
- Фук баргъанды Ёрюзмекни къошуна:
— Къойла бер!— деп, борч салгъанды башына.

- 15 Ёрюзмек бир осал кьойчукъ бергенди,
Къызыл Фук а анга бюсюремегенди.
- Къамичи бла бир-эки тартханды,
Онеки кьоюн зор бла алгъанды.
- 20 Сабий Ёрюзмек аны дертге салгъанды,
Унутмайын, жюрегинде сакълагъанды.
- Тёбе санлы, арслан кёллю Ёрюзмек,
Сермегенин сытарча, ёсгенди бек.
- Къуртха Сатанайны алды къатыннга,
Фукну хапарларын айтханды анга:
- 25 — Кьойла бер,— деп келген эди манга,
Бир осал кьой берген эдим мен анга.
- Ол мен берген кьойгъа бюсюремеди,
Къызып, къамичи бла сыртыма берди.
- 30 Жыйыны бла келген эди юсюме,
Мен сабийем эдим, базыннга эди кючюне.
- Мен жаш эдим, ол зорлукъну этген эди,
Нартны онеки кьоюн алып кетген эди.
- Энди манга ол кюнню бедишлейди,
Нарт аллында масхара бла шишлейди.
- 35 Къызыл Фукга мен да аны унутмам,
Нартны дертин мен да анга кьурутмам.
- Къызыл Фукну барды желмаууз аты,
Анга минсе, барады желден къаты.
- 40 Ачуланса, кёзю, отча, жанады,
Силкинсе уа, жели къая жонады.
- Ёрюзмекге Сатанай юйретгенди:
— Энди Фукга ма былай эт,— дегенди.—
- Бир алмосту барды, къамишледеди жашауу,
Хар бир кюнде бир кьоянды ашауу.
- 45 Ол къамишде терен уру къазарса,
Кьоян тутуп, тюз къатында тагъарса.
- Кесинг кирип, ол уруда бугъарса,
Келсе, алмостуну, тутуп, бууарса.
- 50 Алмостуну союп, терисин киерсе,
Барып, Фукну аякъ жолуна кирирсе.
- Андан ары этеригинги билirse,
Сора къара, не болгъанын кёрюрге!

- Алф Ёрюзмек кьамишлеге баргъанды,
Жарашдырып терен уру кьазгъанды.
- 55 Къуууп, къоянладан бирин тутханды,
Уруну тюз къатында такъгъанды.
- Кеси, кирип, уру ичинде букъгъанды,
Алмостуну келирин сакълагъанды.
- Алмосту, келе келип, къоянны тапды,
60 Ол къояннга кесин атды.
- Ёрюзмек урудан секирип чыкъды,
Сермеп, алмостуну жыкъды.
- Сол къолу бла чачындан тутханды,
Эрлай, тыш къабын сыдыргъанды,
65 Барып, Фукну аякъ жолуна букъгъанды.
- Танг алада Фук келди аякъ жолгъа,
Ёрюзмек, алмостуча, алды къолгъа.
- Къызыл Фукну эси аууп къалгъанды,
Бармагъында алтын мухуру болгъанды.
- 70 Алтын мухурун Ёрюзмек алгъанды,
Сатанайгъа, хапар айтып, баргъанды.
- Кына сакъал Къызыл Фук жинли эди,
Нартха ауур жасакъла сала эди:
- Жылгъа алтмыш ирик, алтмыш сый къанга,
75 Алтмыш къакъ къабыргъа баргъанды анга.
- Деу Ёрюзмек къызып баргъанды даугъа:
— Энди жасакъ бердирмем,— дегенди,— санга.
- Мен Ёрюзмек болмам, сен жасакъ алсанг,
Нартны юсюнде андан кёп ойнасанг!
- 80 Фук чыдамай, къоркъуп, кёкге, учханды,
Ёрюзмекге къаны къайнай, къачханды,
Саулай нартха аман аууз ачханды:
- Тамычы таммай, кюн къууурсун!— дегенди,
Айтхан сёзю къабыл болуп кёргенди.
- 85 Нарт жыйылып, уллу оноу этгенди,
— Ёрюзмекни Фукга иейик,— дегенди.
- Элде къуртхаланы жыйып, сордула,
— Бир мадар!— деп, алагъа баш урдула.
- Эл къуртхала нартха оноу этдиле:
90 — Аликлада эски топ барды,— дедиле,—

Жер тюрюнден аны кызып алыгыз,
Сампалына Жамболатны салыгыз.

Топха кыркъ батман отну кыюгыз,
Топ атылса, деу Ёрюзмек кетер,
95 Кызыл Фукну кыуш уясына жетер.

Къуртхаланы оноун нарт толтурду:
Алф Ёрюзмек топ быргыгъа олтурду.

Топ атылды — Ёрюзмек кёкге минди,
Кызыл Фукну юйюне учуп кирди.

100 Деди: «Кюнюнг ахшы болсун, Кызыл Фук!
Сен кетгенли кюн кысханды, битмейди жукъ.

Байталла тай, кытынла жаш этмейле,
Жер кыругъанды, сабанла баш этмейле,

Баш кётюрюп, халкынгга бир кырачы,
105 Ауруунгу алайым, жашауна жарачы!»

— Нарт Ёрюзмек, сени кюнюнг аман болсун!
Сени мыллыгынга аман кыуш кыонсун!

Нартны юсюнде жашаууму кыймадын!
Мени сюргенден сен жердедамы тоймадын?—

110 Деп, сюелип кёкден жерге кырады,
Деу Ёрюзмек уруп башын тайдырды.

Кызыл Фук да, башы кесилип, ауду.
Ол кюн тышге дери кызыл кыан жауду.
Тюшден сора таза жауун жаугъанды,

115 Нарт халкына уллу кыуанч салгъанды.
Деу Ёрюзмек а кыуш уяда кыалгъанды.

Обур Сатанай да ол ишни билгенди,
Ёрюзмекге жел атын жибергенди.

Нарт Ёрюзмек жел атына мингенди,
120 Кёкча кюкюрөп, ол нартха келгенди.

Нартны Кызыл Фукдан азат этгенди,
Ёрюзмек нартны кёлюне жетгенди.

10. ЁРЮЗМЕК КЫЗЫЛ ФУКНУ ЁЛТЮРЕДИ

Орайда, орайда, орайда, орайда, райда, орайда,
Орайда, райда ра, орайда!
Ой, Ёрюзмек дегенинг а нарт ёзденледен болуп келгенди,
Ол кёп кыыйынлыкылагъа тёзгенди.

5 Кыргъаны-кыузгунну тиллин да билгенди, ой, билгенди!

Аны кялын кяшлары да ма гелпегей,
Ол да бёрю тонун кийиучю эди желпегей, ой, желпегей.

Ой, онекинчи жылында уа сюрюу кютген кьойчу эди, ой, кьойчу эди,
Онбеш жылында уа керти нарт эди, ой, нарт эди.

10 Онсегизинчи жылында уа ол Фук бла кюрешди, о, ой, кюрешди,
Аны залимлигин кьуртургъа демлешди, ой, демлешди, ой, демлешди.

Ёрюзмек дегенинг а ма сабий эди, жаш эди, ой, жаш эди,
Къызыл Фук а нарт элlege баш эди, ой, баш эди, ой, баш эди.

Фук бара эди нарт элlege, кьошлагъа, ой, кьошлагъа, ой,
15 — Мирзеу! Мал!— деп борч сала эди нартлагъа, ой, нартлагъа,
ой, нартлагъа.

Эй, кьартны, жашны да тьойюп сынсыта, ой, сынсыта, ой, сынсыта,
Нартны да элин кьалмагъанлай, кьоркьута, ой, кьоркьута,
ой, кьоркьута.

Ой, тебе санлы, арслан кёллю Ёрюзмек,
Сермешгенде кимни да бюгерча, ёсгенди бек, ой, ёсгенди бек.

20 Эй, обур Сатанайны алгъан эди ол кьатыннга, ой, кьатыннга,
ой, Сатанайны кьатыннга.
Ой, Фукну хапарларын да айтхан эди ол анга, ой, ол анга:

— Мен сабий эдим, Фук келген эди кьошума, ой, кьошума,
Эй, ол да жылкъымы сьурген эди, жукъ бермейин, бошуна,
ой, бошуна, ой орайда.

Эй, керекме мен да дерт жетдирирге анга, ой, анга, ой, анга,
25 Нартны дертин мен да анга унутмам, ой, унутмам, ой, унутмам.
Къызыл Фукну, тейри, мен да кьутултмам, ой, кьутултмам,
ой, Фукну кьутултмам!—

Ой, Ёрюзмекге Сатанай да юйретген эди, ой, юйретген эди,
ой, юйретген эди.
— Энди Фукга ма былай эт!— деген эди, ой, деген эди, ой, деген эди,—

Атышып, тутушуп да сен Къызыл Фукга хорлатма, ой, хорлатма,
ой, хорлатма,
30 Тутушханда уа Фукну атын кесинге жууукъ жанлатма,
ой, жанлатма!

Эй, Ёрюзмек къызып баргъанды анга, ой, анга, ой, анга,
— Энди жасакъ бердирем,— дегенди,— санга, ой, санга,

Ой, мен да Ёрюзмек болмам, сен энди жасакъ салсанг, ой, салсанг,
ой, салсанг,
Нартны юсюнде андап кёп а ойнасанг, ой, ойнасанг!

35 Къызыл Фук а сьойсе кёкге учады, ой, учады, ой, учады,
Булутланы жел ургъанлай чачады, ой, чачады, ой, чачады.

Ёрюзмек а кылычы бла уруп, ташдан эшик ачады, ой, ачады, ой,
Ой, Фук да, андан кьоркьуп, кёкге учады, ой, учады.

Къызыл Фукну барды желмаууз аты, ой, аты, ой, аты,
40 Анга минсе, ол барады желден да къаты, ой, къаты, ой, къаты.

Ачыуланса, кёзю отча жанады, ой, жанады, ой, жанады,
Силкинсе уа, жели бла къая жонады, ой, жонады.

Ой, Ёрюзмекге къаны къайнай учханды, ой, учханды, ой, учханды,
Нарт элине аман аууз ачханды, ой, ачханды, ой, ачханды:

45 — Жауун жаумай, кюн къурутсун!— дегенди, ой, дегенди,
ой, дегенди,
Этген къаргышларын къабыл болуп кёргенди, ой, кёргенди,
ой, кёргенди.

Эл къуртхала оноу этдиле, ой, этдиле, ой, этдиле.
— Ой, Ёрюзмекни Фукга иерге,— дедиле, ой, дедиле, ой, дедиле.—

Жер тюбюнден эски топну къазып алыгъыз, ой, алыгъыз, ой, алыгъыз.
50 Ой, сампалына тогъуз арба отну салыгъыз, ой, салыгъыз,
ой, салыгъыз!

Къуртхаланы оноуларын толтурду, ой, толтурду, ой, толтурду:
Алф Ёрюзмек да топ быргыгъа олтурду, ой, олтурду, ой, олтурду.

Топ атылды, Ёрюзмек да кёкге мингенди, ой, мингенди,
Къызыл Фукну, учуп, юйюне киргенди, ой, киргенди, ой, орайда.

55 — Ой, кюнюнг ахшы болсун, Къызыл Фук! Сен кетгенли,
кюн къысханд, битмейд жукъ, ой, битмейди,
Байталлагъа тай, къатынлагъа сабий туумайла, ой, туумайла,
ой, туумайла,
Жер къуругъанды, сабанлада гысты буумайла, ой, буумайла,
ой, буумайла.

Эй, Фук къаргыш этди: «Сени кюнюнг аман болсун,
мыллыгынга къушла къонсунла, ой, къонсунла!
Мени сюргенден сен жерде да тоймадын, ой, тоймадын.
60 Эй, нартны юсюнде жашаууму къоймадын, ой, къоймадын!»

Къаргыш эте, жерге учаргъа умут этди, ой, этди.
Ёрюзмек да уруп башын кетерди, ой, кетерди, ой, кетерди.

Оноу этип, Ёрюзмекге жел атны жибердиле, ой, жибердиле,
ой, жибердиле.
Кёк кибик, кюкюрете, ол нарт элине къайтды, ой, къайтды.

11. УСХУРТУК УЛУ ЁРЮЗМЕК БЛА ФУК

Ёрюзмек, Къызыл Фукну хорлап,
Нарт элине эркинлик келген эди.
Къызыл Фук, Ёрюзмекден къоркъуп,
Кёкге учуп кетген эди.

5 Къызыл Фукну къуш къанаты болуучу эди,
Ол, къайда суйсе да, учуп жүрюучю эди.
Къызыл Фукну хар тилеги къабыл болуучу эди.
Кёк юйюнден жерге къарап,

- Кызыл Фук кьаргыш этди:
- 10 — Нарт элин кюн кыссын!— деп кьаты тиледи.—
Нартны сабанлары баш этмесинле,
Келинлери жаш этмесинле!
Маллары кырылсынла,
Неде да кьытлыкь болсун!
- 15 Тиледи эсе, тилегине жетди,
Нартлагьа уллу кьыйнлыкь этди:
Сабанла баш этмей эдиле,
Келинле жаш этмей эдиле.
Малла кырыла эдиле,
- 20 Адамла суугьа тарала эдиле.
Ёрюзмек нартланы жыйгьанды:
— Не этейик?— деп соргьанды.
— Сенсе Кызыл Фукну хорларыкь,
Аны учхан жерин табарыкь,—
- 25 Деп бир аууздан айтдыла.
Дебетге желим топ ишлетген эди Ёрюзмек,
Желим топ бла кесин кёкге
Атдыргьан эди Ёрюзмек.
Кызыл Фукну юйюне,
- 30 Мычымай, жетген эди Ёрюзмек.
— Кюнюнг ахшы болсун, Кызыл Фук!—
Деп саламлашды Ёрюзмек.
—Кюнюнг аман болсун!— деди
Ёрюзмекге Кызыл Фук.—
- 35 Сен мени жерде кьоймадынг.
Мени бла кюрешгенден бир тоймадынг,
Энди манга эркин тьуйюлмюдю кёк?
Нартха бийлигими, жерими алдынг,
Энди уа нек кьууаса, нек кьоймайса мени?
- 40 — Кызыл Фук,— деп башлады Ёрюзмек,—
Мен санга келгенме жарашыргьа.
Нарт кьыйналады, ангыла,
Жукь тапмайды ол ашаргьа.
Сабанла баш этмейдиле,
- 45 Келинле жаш этмейдиле.
Бу терезенгден кьарачы энишге,
Нартлагьа жетген юлюшге.
— Аха, была менсиз болалмайдыла,
Энди кьайт деп менден тилейдиле!— деп,
- 50 Кьууанып, Фук терезеден кьарады,
Ёрюзмек аны сырпыны бла урду.
Фукну башын кетерген эди Ёрюзмек,
Кёкню жауунун эркин этген эди Ёрюзмек.
Кызыл Фукну кьуш кьабына кирип,
- 55 Учуп, жерге тьушген эди Ёрюзмек.

Ёрюзмек жерге тьушгенден сора, нарт эли жыйылып, уллу той этип, Ёрюзмекни алгышлап, анга махтау жыр этгендиле:

Ой, Ёрюзмек а нарт элни жарытхан кюндю, хей!
Ётюрюксюз да, бир сёзлюдю да, хей!

Аны бёрю тону да желпегей, хей!
Эки мыйыгы да, кёрпелей, хей!

- 5 Таулагъа чыкъса — чыпчыкъ аякълы, хей!
Тёреде сёлешсе, багъыр жыякълы, хей!
- Кёкде чыпчыкъны оздурмаз, хей!
Аман шайтанлагъа кесин алдатмаз, хей!
- 10 Эмегенле андан къоркъалла, хей!
Аны кёрселе, узакъ къачалла, хей!
- Нартла ючюн, къурч къылышча, турад да, хей!
Жауну кёрсе, аслан кибики урад да, хей!
- Ой, Ёрюзмек а нарт элни жарытхан кюндю, хей!
Ётюрюксюз да, бир сёзлюд да, хей!
- 15 Бизни къутхарды Къызыл Фукдан, хей!
Энтда сакълар бизни палахладан, хей!

12. ЁРЮЗМЕК БЛА КЪУРТХАЛА

Эртте заманлада, нартлагъа бийлик этип тургъан, Къызыл Фук деп биреу болгъанды. Аны алгъышы, къаргъышы да къабыл болуп къала эдиле. Ол себепден нартла, анга бойсунуп жасакъ телеп тургъандыла.

Жашай кетгенлеринде, нарт Ёрюзмек Фук бла ёрелешеди, аны хорлай тебирейди. Иш тапсыз болгъанын кёргенде, Къызыл Фук, нартлагъа къаргъыш этип, кёкге учуп кетгенди.

Ол кёкге учуп кетгенден сора жер юсюнде къатынлагъа сабий туумай, ажирле кишнемей, бугъала ёкюрмей, сабанла баш къусмай, макъа кёлледе таууш эшитилмей, къозула макъырдамай, улакъла къычырмай — алай болады.

Нартла, къуртхала да жыйылып, былай оноу этедиле: «Къалай да болсун, бир амал этип, жер юсюнде адамла къырылып къалмазча, Къызыл Фукну нарт элине келтирип, анга баш уруп турургъа», — деп. Жашауу келген къуртхаладан бири уа былай айтханды:

— Къынасакъал Къызыл Фукну ол заманда хорларыкъды нарт Ёрюзмек, — дегенди, — аны биргесине Фукну тогъуз тамгъалы жюзюгю болса. Андан сора да, бурун кёкден тюшген жулдузну кесегинден Дебет Ёрюзмекге къама ишлеп берсе. Андан сора, Къызыл Фукну кёкде къаласын сакълагъан тогъуз сюлесинни терилерин алып, аладан Ёрюзмек кесине тон этип кийсе, — деп, тишлери да болмагъан, кёзлери да иги кёрмеген къарт къатын алай айтады.

Фукну кёкде къаласын тогъуз бёрю бла тогъуз сюлесин сакълап боладыла. Ёрюзмек, учуп, Къызыл Фукну кёкде къаласынны арбазына къоннганлай, тогъуз сюлесинни да къамасы бла башларын кетереди. Терк окъуна терилерин алып, белине тагъады. Бёрюлеге уа тиймейди, бёрюле да анга чапмайдыла. Сора, Фукну сейир тоханасына кирип, анга былай айтады:

— Жер юсюнде суула къуруп, ачлыкъ киргенди,
Мени санга нартла эли ийгенди.
Онгунгу, къарыуунгу нартла бары билгенбиз,
Энди сени ариу кёрюрге суйгенбиз.

Фук а, анга айланып, кёп ачы къаргъышла этеди, сора кеси учуучу къанатларын жайып тебирейди. Ёрюзмек да къылычын чыгъарады да, сермеш башланады. Фукну къылычы, кёп да бармай, сынады. Ол заманда Фук, къол аязы бла тутуп, Ёрюзмекни къылычын сындыргъанды. Алай нарт улу Къызыл Фукну тюпге ургъанды, ёлтюрген а этмегенди. Аны къанатларына илинип, жер юсюне тюшеди. Фукну уа терен уругъа атып, бир къауум заман тутады.

Жер юсюнде суула чыгып, сабанла битип, адамлагъа, маллагъа да тѣлю кѡшулуп тебирейди. Алай берекет, ырысхы аз болады, кюлкю, кѡбуз, сырыйна тауушла жер юсюнде хазна эшитилмейди.

Ол заманда нартла сыйлы кѣрген кѡуртхаладан бирлери Ёрюзмекге:

— Терк окъуна Къзыл Фукну башын кетер, — деп тилейди. — Алай этмесенг, жер юсюнде жангы палахла тууаргъа боллукъдула, — деп ийнандырады.

Ёрюзмек да ол кѡарт кѡатынны айтханын этеди. Андан сора жер юсюнде берекет, ырысхы, кюлкю да кѣп болады. Тынчлыкъ, ырахатлыкъ да жер юсюне жангыдан келедиле.

13. ЁРЮЗМЕК БЛА ФУКНУ КЮРЕШЛЕРИ

Эртте-эртте, нартланы бир заманында жерни иеси, таматасы Ёрюзмек эди, кѣкню таматасы, тейриси уа Фук эди. Ала бир бири бла кюреше тебирейдиле да, Ёрюзмек, кѣкге чыгып, Фукну хорлайды. Андан ол жерге Фукну кючю бла энеди, аны кѡнатларына минип. Кѣкде ѳлтюрмей, жерге алып келеди да, терен уругъа атады.

— Мен — кѣкню иеси, Ёрюзмек а — жерни иеси. Мен анга кѡалай хорлатдым, не мадар бла хорлады мени Ёрюзмек? — деп, Къзыл Фук кѣп оюмла, сагышла этеди, ачыудан кюйюп, бишип болады.

Ёрюзмекни бир жауу Фукга кѡачаргъа болушады, кѡайдан эсе да биледи да Ёрюзмек Фукну уругъа байлап атханын. Фукну эркин болгъанын билгенде, Ёрюзмек аны ызындан кѡуады. Ол заманда Фук Ёрюзмекни суугъа батдырады да, бузлатады. Фукга хорлатханын билгенден сора, Ёрюзмек анга:

— Кесими кѡылычым бла ур да башымы кетер, мени былайда термилтип кѡйма да, — деп тилейди.

Ёрюзмекни кѡылычы уа сейир болгъанды: Фук аны бла урса, ол Ёрюзмекге болушлукъ этерик эди. Ёрюзмекни кѡылычы алай болгъанды: кесинден башха адам аны алып урама десе, ол адамны кесин уруп болгъанды. Фук аны билгенди да тиймегенди ол кѡылычха:

— Сени кѡылычынг санга жан берликди, мени уа жанымы аллыкъды! — деп, Ёрюзмекни андан да бек бузлатып кетеди.

Ёрюзмекни бузлап тургъанын билип, нѣгерлери анга болушлукъ этип, ычхындырадыла. Фук а, кѣкге барыргъа да кѡоркѡуп, жерде бугѡуп айланады. Алай Ёрюзмек, аны жангыдан излеп, табып, ѳлтюрюп кѡойгъанды.

14. ЁРЮЗМЕК БЛА КЪЫЗЫЛ ФУК

- Ёрюзмек, дегенинг, ѳзден эди,
Кѣп кѡыйынлыкълагъа тѣзген эди.
Кѡонгур мыйыкълы, кѡой кѣзлю,
гтюрюксюз, кеси тамам бир сѣзлю.
- 5 Ёрюзмек онекижыллыгъындан нартны кѡойчусу эди.
Къына сакъалы Къзыл Фук
Жыйыны бла айлана барып,
Ёрюзмекден кѡой тилеген эди.
- 10 Бир кѡой бергенде, анга бюсюремей,
Къамичи бла тартып, онеки кѡюю кесген эди.
Андан артында Къзыл Фук Ёрюзмекге бедеш эте эди:
— Кесинге къамичини сюрттюрдюнг, кѡойларынгы
да онекесин кесдирдинг, — дей эди.
- Андан сора Ёрюзмек, андан ыйлыгып, аны кѡатына басмай эди.
Ёрюзмек кѡатыны Сатанайгъа айтхан эди.
- 15 — Фук манга бу бедешни этип кѡоймайды, — деген эди.

- Къатыны Сатанай юйретген эди:
— Ол жерде къамишде бир алмосту барды,
Аны тыш къабын алсанг, Фукга бир амал этерсе,— деген эди.—
Аны хар кюнден бир къоян ашауу болады.
- 20 Ол къамишде, терен уру къаз,— деди,—
Топурагын бир жанына ат,— деди,—
Бир къоян тут да къатында такъ,— деди.
Ёрюзмек бир къоянны келтирип такъды,
Алмосту, излей келип, аны тапды.
- 25 Алмосту аны ашай башлагъанлай, Ёрюзмек, секирип, чыкъды,
Сермеп алмостуну, сол къолу бла чачындан тутуп, жыкъды.
Сатанай юйретгенча, сыдырып, тыш къабын алды,
Аны бла Ёрюзмек юйюне барды.
— Энди билгенинглеи эт,— деди Сатанай.
- 30 Ёрюзмек алмостуну жубу къабына кирди,
Къына сакъаллы Фукну аякъ жолуна кирди.
Эртденликде Фук аякъ жолгъа киргенед,
Эси аууп, жыгъылгъанед.
Къына сакъаллы Къызыл Фукну орта бармагынды
- 35 Алтын жюзюгю, мухуру бар эди.
Ёрюзмек бармагын артындан кесип, ол мухурну алгъанед.
Къына сакъаллы Къызыл Фукну къатыны ол келмегенде,
Халкъгъа къуугъун этгенди.
Танг алагъа, битеу халкъ къуугъуннга кетгенди.
- 40 Ёрюзмек а нагъышда: «„Ха-ха“,— деп кюле эди —
Бу халкъгъа сейир этеме, къайры бара болурла,
Къатынына да бир сормай, не акъыл эте болурла?»
Биреу барып, катындан сурады:
— Бий эртденликде къайры кетгенед? — деди.
- 45 Къатын айтды: «Аякъ жолгъа чыкъгъанед,
Андан бери къайтмагъанд, билмейме».
Барып къарагъандыла: эси жайыкъмай тура эди.
Экинчи кюн Фук ныгъышха чыкъды,
Хурметли жерине барып чёкдю.
- 50 Ёрюзмек барып, къатында турду,
Аны этегин, тубюне жайып, олтурду.
Къызыл Фук Ёрюзмекни кезюне къарады,
Къойларын сыйыргъанын айтып, масхаралады.
Ёрюзмек деди: «Мен санга андан да бек кюлеме,
- 55 Аякъ жолда эсинг аууп къалгъаненг,
Бюгюн а былайда кёреме».

* * *

- Къына сакъаллы Къызыл Фук
Элден жасакъ ала эди:
Алтмыш къаракъулакъ акъ ирик,
60 Алтмыш къакъ къабыргъа, алтмыш хант къанга
Бере эдиле хар жылдан анга.
Ёрюзмек, дертлеп, аны юйюне барды,
Не этерин тинтип, сынап марады.
Эшик артында, таягъына таянып, тохтады.
- 65 Фук Ёрюзмекге не олтур, не да аша, демеди.
Хар би ашарыкъдан бирер къабып, ёрге салдырды.
Ёрюзмек деди: «Мен Ёрюзмек болмам,
Быйылдан сора мен аланы барын санга бердирсем!»

- Экинчи жыл, жасакъ жыяр кезиуде,
70 Ёрюзмек жолну сакълагъанед.
Алтмыш ирикден отузун кесине алгъанед,
Алтмыш къабыргъадан отузун кесине алгъанед,
Алтмыш къангадан да отузун кесине алгъанед.
Фук: «Быйыл былай этген, кели жыл жукъ да бермез»,— дегенед.
- 75 Къуш къабына кирип, къуш къаласына кетгенед.
— Жауун жаумай, кюн къысып, бир палах бер нартлагъа —
деп Аллахдан тилегенед.
Дуасы къабыл болуп, элге къыйынлыкъ келгенед.
Элде къуртхаланы жыйып сордула,
Ала айтдыла: «Аликланы уллу топлары бар эди,
80 Къазсагъыз, топ чыгъарыкъды, бузулмагъанлай сауду.
Анга жети батман от куюгъуз,
Ёрюзмекни окъ орнуна салыгъыз,
Жамболат мараучуну сампалына къаратып,
Къуш къалагъа айландырып атсагъыз,
85 Ёрюзмек анга бир амал этер».
Къазып, топну тапханелле,
Анга жети батман от къуйгъанелле,
Ёрюзмекни анга салып атханелле.
Ёрюзмек, учуп, къуш къалагъа тийген эди,
90 Эшик ачылып, юнню бирси къабыргъасына тийген эди.
— Кюнюнг ахшы болсун, аурууунгу алайым! — деди.
— Ай, кюнюнг аман болсун! Мени жерде къоймадынг,
Энди бери уа къайдан келдинг? — дегенди Фук.
— Да не этейим, аурууунгу алайым,
95 Жауун жаумай, кюн къысханды.
Байталла тай этмейле,
Къатынла жаш этмейле, сабанла баш этмейле.
Башынгы кетюрюп, туурадан элинге би къара,— дегенди.
Къына сакъаллы Къызыл Фук, эшикни ачып, къарады эшикге,
100 Ёрюзмек, къылыч бла башын кесип, тюшюрдю энишге.
Тюшге дери ол кюн къызыл къан жаугъанды,
Тюшден сора ариу жауун жаугъанды.
Нарт къууанч болду: «Жауун жауду!» — деп
Ёрюзмекни къатыны, обур Сатанай
- 105 Жел къамичи бла жел ат ишлеп, къуш къалагъа жиберди.
Ёрюзмек, анга минип, кекден тюшюп келди.
Аны кёргенде, нартланы бир къаууму бушуу этген эди.
Кекден тюшгенине хыйла къурманлыкъ этдиле.
Боза чыккырлагъа жылан, макъа атып,
110 Аны Ёрюзмекге ичирирге оноу этдиле.
Ёрюзмекни чакъырыргъа киши базмайды,
Ныгъышда ашыкъ ойнагъан бир жашчыкъ:
— Мен барырма,— деди,—
Къурманлыкъны ашыкъ илигин, аягын да берсегиз,— деди.
- 115 Ала жашха берирге сёз бердиле.
Жаш Ёрюзмекге: «Кюнюнг ахшы болсун!
Былай-былай айтып, нарт чакъырады»,— деди.
Ёрюзмек жашха, ачыуланып, таякъны жиберди.
Жаш ёрге секирип, таякъ тюбю бла ётдю.
- 120 Ёрюзмек юйге барды. Сатанайгъа хапарлады.
— Нартла нек чакъыргъанын билемисе? — деп сорду анга.
— Ала сени ёлтюрюрге оноу этдиле,— деди,— санга.

- Сатанай бир жез быргы ишлетди,
Тамагын тешип, бир кыйырын анга сукъду.
- 125 — Кирсенг, ёрге ётме, чиргилеге олтур,— деди,—
Андан ары этеригинги кесинг билirse,— деди.
Ёрюзмек сыйга бырырга Къоланына минди.
Жолда бара, чакъырган жашына тюбеди.
— Кел, ахшы улан, чакъырган жерге барайыкъ,— деди,—
- 130 Атыма мин, бирге барырбыз,— дегенди.
— Да мен къалай минейим? — деп сорду.
— Къолунгу тутдур, аягынгы ёзенгиге сал,— деди.
— Мен кесим минерме,— деп, чабып, къумучуна илинди.
Ала барып, уллу сыйга кирди.
- 135 Ёрюзмекге уллу намыс, хурмет берди.
— Ёрюзмек,— деди,— бир сауут сынашайыкъ,
Кимни огъу бек киририн кёрюшейик.
Аликланы уллу юде темир чигинжиге
Садакъланы тартып-тартып атдыла.
- 140 Ёрюзмекден сора кишини огъу кирмеди.
Огъун тартып чыгарырга кишини онгу келмеди.
Жашчыкъ деди: «Мен да тартып кёрюем,
Къолум жетмейд, ансы алып берирем».
Садакъ окъну тартып алды жаш жигит,
- 145 Ташлап атды бир жанына, сындырып.
— Бычакъланы да бир сынашайыкъ,— деп,
Ёпке шишни отжагага чанчдыла.
Къызыл Фукну жашы болганд жыйында.
Ёрюзмек анга айтды:
- 150 — Эй, итден туугъан, атангы башын бу къылыч кетерген эди,
Къылычым аны азыу тишине жетген эди,
Тиши къылычымы аузун кез этген эди.
Ёрюзмек шишни эки кескелеп алды,
Сора къылычын сылап, къынына салды.
- 155 Ёрюзмекге: «Тёрде олтур»,— деди,
Ол а аны унамады, чиргилеге олтурду.
Иги бозаны кеслери ичеелле,
Ёрюзмекге жиян, макъа бозадан берсеелле.
Ёрюзмек быргы бла жиберди,
- 160 Боза агып, юйню тюбюн жибитди.
— Ёрюзмек эсирип, тюбюне сiedi,
Энди ёлтюрейк,— деп халкъ сюелди.—
Аман тилли Гиляхсыртаннга алгыш аякъ берейик,
Ол алгыш этсин, сора ёлтюрююню кёрейик.
- 165 Гиляхсыртан аякны алып, от жагага келгенди:
— Къабан тишлини къабан тиши къайырылсын,— дегенди,—
Къабан гумулжукладан айырылсын,— дегенди.
— Эй, Аллах! Къабан тиши къайырылмасын,
Къабан гумулжукладан айырылмасын! — деп, Ёрюзмек,
- 170 Секирип туруп, эшиклени къылычын салды,
Къылыч бла сермеп, башларын алды.
— Ый, къырды,— деп жашчыкъ кесин эшикге урады,
Юйню къабыргъасын ёрге алады.
Акъган къанга Ёрюзмек белине дери батды,
- 175 Чыгалмайын, кесин ары-бери атды.
Жашчыкъ, жетип, аны, къучакълап, алды,
Элтип барып, сууну ичине салды.
Къанын-къунун жууду, тазалады,

- Атына миндирип, юйюне ашырды.
- 180 Сатанай сурады Ёрюзмекден:
— Не кёрдюнг сый-адетден?
— Ой, кьой-кьой бир кьан ауузлу бар эди,
Нартны барындан да ол залим эди.
— Ол сени кьарындашынг болса сюеменг? — деп сорду Сатанай.
- 185 Анга Ёрюзмек дегенед: «Угъай,
Сен андан онглу болсанг — кьарындашды,
Онгуз болсанг — кьанлы башды».
— Сора жашынг болса, сюеменг?
— Айхай, манга аллай насып кьайда?
- 190 Билемисе, ол сени жашынгды,
Кьартлыгынгда сени тутар ашынгды.

15. ЁРЮЗМЕК БЛА КЪАЙТМЫРЗА

Бурун, нартлагъа бийлик этип, Къызыл Фук деп бир адам болгъанды. Ол адамны хар кюнден нартлагъа кьыркъ кьой къабыргъа ашауу болгъанды. Да аланы элде ол кьыйынлыкны кёпле ауурлугъун билселе да, Фукдан кьоркьуп, кишини къабыргъа ашауну тыярча кьолундан келмегенди.

Бир жол, нартла Фукга эт жасагын элтип баргъанлай, Ёрюзмек сырпынын чыгъарып: «Элтсегиз ёлтюрлюкме!» деп, адамланы Фукга иймегенди. Ол кюн Къызыл Фук нартлагъа атлы жибергенди: «Нек келтирмедигиз ашаууму?» — деп. Нартла айтхандыла: «Биз Къызыл Фукга жиберген ашауну Ёрюзмек жолдан кьайтаргъанды».

Бар ол хапарны Къызыл Фук эшитгенлей, чамланып, айтханды: «Сиз барыгъыз да бирге тилленип этгенсиз. Мен Къызыл Фук тьойюлме, сизни сабанларыгъызга баш этдирсем, кьатынларыгъызга уа жаш этдирсем!»

Алай бла, Къызыл Фук нартла бла эришип, тьойюшюп, бир терс жанына кетгенди.

Къызыл Фукну айтханын да кьулакьга алмай, нартла кёп сабанла да этгендиле, Фукга ашау бериуню да тьыйгъандыла. Болса да нартланы сабанлары кюз артына битмегенди. Ол себепден Ёрюзмекге ачыу тийгенди да, салып, ол болган жерге былай айтып тебирегенди:

— Не Фук ёлсюн, не мен ёлейим, ансы дуняда экибизден бирибизге жашау жокьду.

Келсе, Фук юйюнде жатып. «Эй, салам алейкум, Къызыл Фук!» — дегенди Ёрюзмек. Фук да айтханды: «Кюнюнг аман бла кетсин, Ёрюзмек! Санга кьойган эдим ашауну, жашауну да Нартда, энди мени мындадамы кьоймайса?»

«Да билсенг керек эди, Къызыл Фук, мени санга аман бла келмегеними. Алай ол терезени алай кьалай туталаса сен?» — дегенлей Фукга, ол терезеге кьарагъанды. Ол кезиуде Ёрюзмек сырпынын чыгъарып, Къызыл Фукну бойнуна ургъанды да, баш токьмагъын, хобусталай, чартлатханды.

Аны бла Фук ёлгенди да, Ёрюзмек Фукну орнуна оноу этиучю ташха олтургъанды. Алай бла Ёрюзмек нартлагъа оноу эте жашагъанды.

Бир бёлек Къызыл Фукну ортадан кьоратхандан сора, Ёрюзмек бир жангы тере кьурагъанды: бир жылдан бир жылга асырап, «кьыркъ бугъа» деп, мирзеуню иги битдирир ючюн, хар жылдан, сабанла жыйылгъандан сора, бир тёртлю бугъа кесип тургъанды.

Ёрюзмек не кюрешсе да халкьга иги болурга, элдеринде бир кьауум адам, Фукну жашы Къайтмырзаны баш этип, Ёрюзмекни ёлтюрюрге мурат этип болгъандыла.

Бир жол Къайтмырза адамлары бла келгенди да, от башында терен уру кьаздыргъанды. Ол уруну башын ариу, киши билмезча, тёш этгенди, бозаны да эшек мыйы бла сюздюргенди да, хазыр этгенди. Ёрюзмекни уругъа атып ёлтюрюрге, не да «кьыркъ бугъаны» кесген кюнде эшек мыйы ичирип, ёлтюрюрге оноу этгенди.

Хар затны тынгылы этгенден сора, Къайтмырза бугъаны кесдиргенди да, Ёрюзмекни кьонакьга чакьыргъанды.

Да Ёрюзмек да, айтыуга кёре, тели киши болмаганды. Ишни сезип, кьатыны обур Сатанай бла кенгешгенди. Сатанай айтханды эрине: «Баргъан эт, алай сакъ бол! Зат ичирселе, башындан кеслерине урглатмай, ичме. Олтуртхан жерлерине олтурма, ашатхан ашларындан, кеслерине ашатмай, ашама».

Ёрюзмек сырпынын да такъганды да, кьонакъга Фук улу Къайтмырзага барганды. Къайтмырза жарыкъ болганды, Ёрюзмекни ол уру башында жарашдырылгъан жерге олтуртурга мурат этгенди. Алай болгъанлыкъга, Ёрюзмек алайны кьююп, башха жерге олтурганды.

Уру тузакълары жукъга жарамагъанда, эрлай окъуна Къайтмырзаны шапасы Жантараз, гумугъа кирип кетип, эшек мыйы бла жарашдырылгъан бозадан аякъны толтуруп, Ёрюзмекге узатханды. Ёрюзмек, биягъы аякъны да алыргъа унамаганды. «Алгъыш этип, башындан ичип беригиз» — дегенди.

Ишни болмазлгъын танып, Жантараз элтип ол бозаны гумугъа тегюп жангы боза келтирип, алгъышны башлады:

«Къабан кирди арагъа,
Тёзмесин салынган жарагъа,
Къабан къачыучу болсун,
Кючюкле кьууучу болсунла!»

Алгъышдан сора Жантараз, бозадан да тартып, Ёрюзмекге аякъны кезиуюн берди. «Да,— дегенни айтды Ёрюзмек,— Жантараз, алгъыш этгенсе,

Алгъышынг къабыл болмасын,
Эки кёзинг къандан толсун,
Ажалынг, мычымай, болсун!
Обанга къаргъа кьонсун!
Къабан да кьууучу болсун,
Кючюкле да къачыучу болсунла!»

Алай бла, аякъда бозасындан тартып, сырпынын къабындан чыгъарып, Ёрюзмек эшикден киши жибермей, юй ичинде болгъанланы кьырып, арып, ёрге сюелгенди.

Олсагъатда бир жашчыкъ, чырдыдан секирип, Ёрюзмекни билегине жабышып: «Апчыгъанмы этдинг, Ёрюзмек?» — деп, Ёрюзмекни юйден эшикге чыгъарды.

Ёрюзмек ол жашчыкъны тирилегине, кьоркъмагъанына сейир этди, бир-эки сырпынына да жабышды: «Уруп кьояйым, ансы бу жетсе, манга кюн бермез», — деп. Алай, не да болсун, мажарып ол да ургунчу, Ёрюзмекни юйюне жетдирип, юйге да кирмей, аны бла, жилянча сыпдырылып, жаш думп болду.

Ёрюзмек, сейир-тамаша болуп, юйге киргенлей, жашчыкъ бла болгъан ишлерин кьатыны Сатанайга айтды. Сатанай эрини жашха жүрегин билир ючюн: «Киши, ол жашчыкъ кьарындашынг болса сюерменг?» — дегенди. Ёрюзмек унамаганды. Экинчи да: «Жашынг болса уа?» — дегенде, Ёрюзмек: «Бек ыразы эдим», — деп билдирди. Ол заманда Сатанай айтды Ёрюзмекге: «Ма ол сен жортууулгъа кетип айланганда туугъанды. Уллу болгунчу деп, мен аны башха адамлагъа берип асыратхан эдим». Аны эшитгенде, Ёрюзмек кьууанч болганды. Ол жашчыкъ а Сосурукъ эди.

16. САТАНАЙ ЁРЮЗМЕКНИ ЁЛЮМДЕН КЪУТХАРАДЫ

Фукну жашы, ёлмей, нарта къалганды,
Ёрюзмекни жояргъа оноу салганды,

Кеси кибик бир кьауумну тапханды,
Уу ичирип, ёлтюрюк жол алганды.

- 5 Обур Сатанай аны сезген эди,
 Ёрюзмекге айтып билдирген эди.
- Богъурдагъын тешип, быргъы кийирди:
 — Боза ичсенг, муну бла ич,— деди.
- Ёрюзмекге барыргъа адам базмады.
- 10 Сабий Сосурукъ деди: «Мен барырма,
 Тулпар Ёрюзмекни мен чыкъырма,
 Учагъыздан къулакъ, аякъ алырма».
- Нартны сёзюн Ёрюзмекге бергенди,
 Алф Ёрюзмек нарт учагъа келгенди.
- 15 — Садакъ атып сынашайыкъ,— дегенди.
 Демлешиуде уллу къоркъуу бергенди:
- Аликлада темир чыпынны атханды,
 Анга жалан аны огъу батханды.
- Тартып огъун киши чыгъаралмады,
 20 Жаш Сосурукъ а тартып алды,
 Таплап, бюгюп бир жанына атды.
- Деди Ёрюзмек: «Сырпынланы сынайыкъ».
 Сора темир ёпке шишни чанчдыла.
- Къызыл Фукну жашы болгъанд жыйында,
 25 Ёрюзмек, анга къарап, айтханды:
- Фукну башын бу къылыч кетергенди,
 Къылычымы аны азыу тиши кез этгенди.
- Ёрюзмек шишни эки кеселеп алды,
 Къылычын да, сылап, къынына салды.
- 30 Ёрюзмекни чакъыргъан элле тёрге,
 Ол да унамады ёрге, ётерге.
- Ахшы бозаны кеслери ичелле,
 Уулусун а Ёрюзмекге берелле.
- Бозаны ол быргъы бла бардырады,
 35 Боза, саркъып, жерде кёл-кёл болады.
- Ёрюзмек, эсирип, тюбюне сиеди,—
 Деп, бир бёлек нарт ёлтюрюрге сюследи.
- Аман тилли Гиляхсыртанны чакъыртдыла,
 Алгъыш аякъны анга узатдыла.
- 40 Гиляхсыртан былай алгъыш этеди:
 — Къабан тишлини тишлери къайырылсын,
 Къабан тишли гумулжукладан айырылсын!

- Ёрюзмек да былай жууап береди:
— Эй, Аллах, къабан тиши къайырымасын,
45 Къабан гумулжукъладан айырымасын!—

Деп, ол эшикни къылычын бек салды,
Къылыч бла сермеп, башларын алады.

Деу Ёрюзмек адам къаннга батханды,
Сосурукъ, аны билип, кесин юйге атханды.

- 50 — Эй, къырды,— деп, кесин эшикге урады,
Юйню къабыргъасын ёрге алады.

Ёрюзмекни жашчыкъ, къучакълап, алады,
Элтип барып, сууну ичине салады.

- Къанын-къунун да, жуууп, тазалады,
55 Атха миндирип, юйюне ашырды.

Обур Сатанай сурады Ёрюзмекден:
— Не болдунг, не кёрдюнг сый-адетден?

— Ой, къой, бар эди анда бир къан ауузлу,
Уллу болса, болур ол бир тауушлукъ.

- 60 Сорду: «Ол къарындашынг болса, сюерменг?»

— Угъай. Онглу болсанг — къарындашды,
Онгуз болсанг,— дегенди,— къанлы башды.

— Жашынг болса уа сюерменг? — дегенди.
— Айхай, аллай ырысхы къайда! — дегенди.

- 65 — Билемисе, ма ол сени жашынгды,
Къартлыгъынгда сен таяныр ташынгды.

17. ЁРЮЗМЕК БЛА ФУК УЛУ ЖАНПАРАЗ

Кюнлени биринде Фук, бир бёлек атлыны алып, жолгъа чыкъды. «Барып, ол хужу мурдар Ёрюзмекден бир малла сюрейик»,— деди.

Бираз барып: «Эй, къойчу, кёп болсун!» — дейдиле Ёрюзмекге. «Ха, жууукъ болугъуз, келигиз!» — дейди.

— Угъай, биз санга жийиргенмей къонакъ бола турмайбыз,— деди.— Бир бёлек мал бер да, кетмеге къой.

— Мен не берейим? Мен эл къойларын кютеме, кесими бир къоюм барды, аны элтигиз,— деди.

— Тутчугъуз,— деп, ол берген къойну тутдурады Фук. Энине къарап, аллай энлери болгъанланы, сюрюуню ичине къаратып, бир он къойну тутдурады. Сора, Ёрюзмек, къойларын бермезге деп, Фугка сюеледи. Фук жаш Ёрюзмек бла былайда тюйюшеди, къамичи бла уруп, къойланы алып кетеди.

Бу ишни юсю бла экисини арасында жаулукъ башланады. Ёрюзмек былайдан эл къоюн кютгенин къояды.

Кюнлени бир кюнюнде Ёрюзмек элге келеди. Алай эл ичине чыгъа келгенлей, бир кёп къатынланы, къолларында чырчала, имбашларында ёре къошунлары, аланы ичинде бозалары бла, алларына тюбеди. Сора: «Кюнюгюз ахшы болсун! Къайры барасыз?» — деди.

— Фукга барабыз,— деди.
— Была уа недиле?
— Боза, хычинле.
— Нек элтесиз, не болгъанды? — деп сорду.
— Да не этейик, хар кюнде берген жасагыбызды, бермей мадар жокъду,— деди.

— Угъай, къайтарыгъыз артха,— деди.

— Ай, ауруунгу алайыкъ, сени юйюнге къайтарайыкъ,— деди къатынла.

— Угъай, хар ким кеси юйлеригизге къайтарыгъыз,— деди.

Къатынла кеси юйлерине къайтдыла. Ол заманда Фук: «Мени жасагымы нек келтирмедигиз?» — деп кычыргъанды. Къатынла: «Ёрюзбек тыйдырды»,— деди.

Кына сакъаллы Къызыл Фук

Элни кесине бой салдырып бийлик эте эди.

Айтхан сёзю элге төре, адет бола эди.

Фук Ёрюзбекден кюркьуп, кёклени башында кёк ишлеп, ары учады.

5 Ёрюзбекге ачууланып, жауунну нартладан тыяды.

Сора Ёрюзбек Фукга чыгъаргъа умут этеди.

Ол элде Аликланы нарт топларын кьурдурады,

Илишанны кёкге тюз бурдурады,

Топну быргысына жюз сах аякъ от кьуйдурады.

10 Ичине окъ орнуна кеси киреди.

Болса да топну къабындырыгъа, атдырыгъа нартладан адам табылмайды. Бары да кюркьадыла. Алайда Ёрюзбек Фук улу Жанпаразгъа: «Сени атанг бла мен татлы тенглебиз. Къулакъ отну къабындырыгъа мен санга ышанама, атанга барыгъа сюеме»,— деп тиледи. Сора, Фукну уланы Жанпараз, ийнанып, топну къабындырды.

Аликланы нарт топ атылды, кёкле, къаяла гюрюлдеп, жер титиреди, тюзюнлей Ёрюзбек кына сакъаллы Къызыл Фукну уясына тюшдю. Салам берип: «Кюн ахшы болсун, кына сакъаллы Къызыл Фук»,— деди. «Кюнюнг сени аман болсун, жерде да кьоймадын, мында уа менден не излейсе?» — деди. «Мени излегеним буду!» — деп, Ёрюзбек уруп Фукну башын тайдырды.

Ол заманда нартла элини башындан къызыл къан жауады. Аны артындан ариу жауун жауады. Кёкде Къызыл Фукну кьуш кеби болады. Аны алып, аны кийип, Ёрюзбек жерге учуп тюшеди.

Бу кёкледен къайтып келгенден сора Къызыл Фукну жашы Ёрюзбекни жоар мурат ла: «Хар бир юй боза, сыра этсинле, той этерге керекбиз»,— деп буйрукъ береди.

Эл жыйылып, Аликланы кьыркъ бугъаларын соядыла. Ол асыры уллудан, аны бир къабыргъасында кьыркъ тууар салкъынлыкъ этгенди.

Эл бу тойда, къан боза этип, ичине жылян уу салып, Ёрюзбекке ичирирге умут этгенди. Былай бла, бары да хазыр болгъандан сора, Ёрюзбекни тойгъа чакъырыгъа керек болгъанды. Ёрюзбек а чекде, кыйырда, узакъда болгъанды. Сора: «Ёрюзбекни чакъырыгъа мен барама»,— деп, чыгыр башлы бир малкъарлычыкъ чыгъады.

Алай бла чыгыр малкъарлы жолгъа чыгып кетеди. Бара, излей кетип, туманда, кьырпакъ этип тургъан бир сыртны юсюнде бир терек бутакъны кёреди. Барса — ол а Ёрюзбекни мыйыкълары, ол сырт да — Ёрюзбек кеси. Юсюнде бёрю тону, кьолунда, чынар терекча, темир таягы. Сора, чыгыр малкъарлы, кюркьаракъ болуп, тохтамай кетип баргъанча: «Сени эл чакъырады»,— деп, озуп кетди.

Алайда Ёрюзбек: «Манга келирге базынган бу кимди?» — деп, кюкюрөп, ачууланды, артындан таягын сызды. Алай атханлай, таякъ, табанына тийип, эки сынды. Ёрюзбек таяктын сыннганын кёргенинде: «Э-э, бу менден да къарыулу кёреме да»,— деп Сатанайгъа барады.

Сора Сатанай Ёрюзмекге: «Сен кьоркъма, бар, кьан [уу] бозадан ич. Ёнгечинги ичи бла сыбызгы сал, ичгенинги аны ичи бла барыргъа кьой»,— деп юйретди.

Бираздан Ёрюзмек кьан бозагъа баргъанды. Баргъанда, Сатанай айтханча, Он-полезни бернесини юсюне олтурду. [Онгюлез ол юйню эрге бара тургъан кызы болгъанды, кьан бозаны ол юйде ичгендиле]. Сора, Жанпараз, Фукну уланы, гоппанны ичгиден толтуруп, Ёрюзмекге алып келди. Алай келгенде, ичгини берирден алгъа: «Ёрюзмек, бу жанынгадыгы неди,— деп, кылычын хиликгя этип кёргюзтеди,— бир кёргюзтчю»,— дейди. «Угъай, кьой муну, не зат эсе да. Бу Зулпагъарды»,— дейди. Ол заманда ол Ёрюзмекни чакъыра баргъан чыгыр малкъарлы алайда болады. «Мен чыгъарсам, бу ызына къуру кирмез»,— дейди Ёрюзмек. «Кьойчу-кьой, къуру кирмей а, не этерикди»,— деп кьоймайды Жанпараз. Ол заманда Ёрюзмек сырпынын тартып чыгъарды. Чыгъаргъанда аузу кез болуп кёрюндю.

Фукну уланы Жанпараз: «Бу кез нек болгъанды?»— деп сорады. «Кёкде сени атанг Къызыл Фукну ургъанда, аны азыу тишлери болатдан эди да, анга тийгенде болгъанды»,— деп, алайда Жанпаразны уруп башын тайдырды.

Былайда, бу юйде жауларын уруп башлады. Ёрюзмек, жауларын кыра кетип, кеси кьаннга батып кьалды. Ол заманда ол юйню эшигини юсюнден ол чагыр жашчыкъ къарайды. Ол Ёрюзмекни кёрюп: «Кьолунгу манга узат!»— деп, тартып чыгъарады.

Чыкыгъандан сора, болгъаны кьан болуп, къатыны Сатанайгъа барады. Былай бла нартла элине кеси ие болуп къалады.

18. ЁРЮЗМЕК БЛА АНЫ БЁРЮ ТОНУ

Беш къарындаш болгъанды бир нарт юйюрге — Ёрюзбий, Эльбуздукъ, Таубий, Тауас, Къарашауай. Ала Алауганны жашларыдыла. Мында, Ынчытты бла Ылгъыбасны арасында, Кёрюкле сыртында Къарашауайны кьол тирмени да барды, дейдиле.

Ол беш къарындаш, Ёрюзмек бла жарашмай, аны ёлтюрюр амал излейдиле, алай оноулашадыла: «Той этейик, Ёрюзмекни ары чакъырап, ичирип, кеф этип, ёлтюрейик»,— деп. Адет бла аны тойгъа чакъырыргъа тамата жаш, Ёрюзбий барыргъа керек эди. Алай ол тилсиз болгъаны себепли, биргесине Къарашауай барады. Чакъырадыла.

Айтхан заманларына уллу той къурайдыла. Ёрюзмек да келип, арбазгъа кирип, атдан тюшеди, ат тизгинин а бермейди. Олтуртадыла Ёрюзмекни. Ашайдыла, ичедиле, жыр айтадыла. Ёрюзмек кеси да уста жырчы болгъанды.

Олтургъан заманда да бёрю тонун тешмей олтургъанды. Ол тон анга, не хыйла этселе да, билдирип, сездирип болгъанды. Бу жол да нартла аман къууум этгенлерин билдиргенди. Болса да, Ёрюзмек, жукъ да айтмай, берген сырларын женгине къуюп турду.

Иче келгенлеринде, сора айтды нартлагъа: «Келигиз энди ат оюн къурайыкъ»,— деп.

Атын келтиредиле. Той баргъан заманда Ёрюзбий, барып, Ёрюзмекни атыны айылларын кесген этген эди, былай бир азчыкъ тутуп турурча. Секирип минеди атына Ёрюзмек, оюн башланганда уа сакъ ойнайды. Бир кесекден а бёрю тонуну женглери ол айылланы кесилген жерлерин тутуп кьалгъандыла. Ёрюзмек да атын ёрге, энишге, ары да, бери да чапдырып, кызыу оюн кёргюзтдю. Аны атыны туякъ тюплеринден чартлагъан дуккулла адамланы кьоркъута эдиле. Сора нартла, ол беш къарындаш, анга жукъ эталмазлыкъларын ангыладыла.

19. ЁРЮЗМЕК БЛА ЖАНГЫЗ КЁЗЛЮ ЭМЕГЕН

Кюнлени биринде Ёрюзмек, ныгъышха барып, мудахланып олтурду. Ныгъышдагыла аны мудахлыгъын эследи. Кесине сорургъа базынмай: «Ёрюзмек нек эсе да мудахды, бир тынгысыз болгъан иши барды»,— деп бир бирлерине алай айтдыла.

Аны мудахлыгын кесине сормай бир адам да билялмады.

— Ёрюзбек, аругъанынгмы барды, нек мудахса? — деп сорду Сибилчи.

— Энди, — деди Ёрюзбек, — мен къарт болганма, ёлюр заманым жетип келеди. Ёлюп кетгинчи, жаш заманымы эсеме тышюрюп, энгда бир жортууулгъа айланып келсем эди деп, аны сагышын этеме.

«Къарт болсам да — нартма!» — деп, Ёрюзбек экинчи кюн жолгъа атланды. Айлана-жюрюй кетип, эчкиле кюте тургъан, эмегенлени бек таматарлары, бир кёзлю къарт эмегеннге тубеди.

— Кюн ахшы болсун, чийбыдыр! — деп саламлашды.

— Хыйлачы адам улу, не айланаса, не жюрюйсе? — деп сорады Ёрюзбекге эмеген.

— Угъай, мен ол сен айтхан хыйлачы адам улуларындан туююлме, — деди.

Сора, эмеген эркечине: «Эчкилени тас этмей сюре кел», — деп, кеси уа Ёрюзбекни да биргесине алып, дорбуннга барады.

Эмеген, чийли, ийисли этле ашатып, Ёрюзбекни юч кюн тутду. Сора, тёртюнчю кюн эмеген сюрюуден келип, от этерге тебирегенинде, отлары ёчюлюп тургъанын кёрдю.

— Адам улу, сиз хыйлагъа уста боласыз, от тамыз, — деп къысды эмеген.

— Мен жаш заманда, бизни отубуз ёчюлсе, нарат терекни къобарып, кюнню кёзюне тутуп, къабындырыучу эдик. Не да, садакъ бла уруп, жулдузну кёкден тышюрюп, аны бла от тамызып тургъанбыз. Энди мен къарт болганма, ол затланы этерге къаруум жетмейди, — деди Ёрюзбек. — Алай бир амал этейик, — деп, ол, сермеп, къаядан, черенча, бир уллу сыныкъ къобарды. Терек бутакъла жыйды. Ол къая сыныкъ бла къаяны сермеди. От жилтинле чыгъартып, дунияны кёк жашнагъанча жарытып башлады. Жилтинлени кёкге учханлары жулдузла болгъандыла, тубюне акъгъанлары отунланы жандыргъандыла.

Отха къазан асдыла.

— Эт бишгинчи эмегенлени жашауларындан бир хапар айтсанг а, — деп тиледи Ёрюзбек эмегенден.

— Биз, эмегенле, — деп башлады ол, — сизнича кийим киерге билмейбиз. Дорбунлада жашайбыз. Аругъаныбыз болса, юсюне, тубюне чырпы, салам, башына таш жастыкъ этип жатдырабыз. Дарманнга адам къанын жылылай ичиребиз. Не да адам этни шорпасын ичирип багъабыз. Алай бла эркин жашап турганбыз. Энди уа бизни ол гитче адам улулары къырып, тауусуп барадыла. Бу арт кюнледе бизге нарт улулары келечиликге келгенбиз деп, алдап, бир бирибиз бла туююшдюргендиле, бир бирибизни къырдыргъандыла. Энди аладан, жаралы болуп, жангыз кесим къалганма. Эмегенлени эм арты менме, энди менден сора, эшта, жер юсюнде эмеген къалгъан болмаз. Кесим да кёп жашагъанма, кёп ачы сынагъанма.

Сора Ёрюзбек:

— Эмегенле ненча жыл жашайдыла? — деп сорду.

— Орта эсеп бла юч жюз жыл, — деп, эмеген кеси да сорду:

— Ёрюзбек алай къарыулу, батыр болганмыды?

— Угъай, ол аллай бир батырладан, тулпарладан да болмагъанды.

Ёрюзбек аны айтып бошагъанда, эмеген жукълады. Кёзю къып-къызыл болгъанда, Ёрюзбек къызгъан шишни эмегенни жангыз кёзюне сугады.

Эмеген дорбунда, эчкилени ичинде, кесин ары-бери ата, танг атхынчы Ёрюзбекни излеп турду. Ол да эчкилени ичинде кесин тапдырмады. Эмеген ачууланып:

— Мен кесим да: «Сен Ёрюзбек болурса», — деп ишекли болгъан эдим. — Алай мен сени табарма, — деп эчкилени аякъларыны арасы бла тийип кёрюп, дорбундан бирем-бирем тышына жиберип башлады.

Ол заманда Ёрюзбек, башчы эркечни тутуп, терисин ариу сыдырып, терини ичине кирип, дорбундан чыкъды.

Эмеген а, Ёрюзбекни къутулуп кетгенин билмейин, дорбунну эшигине къая гыйыны салды. Ёрюзбек а тышыннан:

— Энди мени дорбунда табаллыгъынгы бир кёр, — деп къычырды.

— А, адам улу, сен этген муратынга жетдинг. Энди уа муратынг неди? — деп сорду эмеген.

Ёрюзмек айтды:

— Мен эмегенлени барысын да тюп этерме деп, алай чыккыган эдим жолгъа. Сен да адам улусун жокъ этерик муратынгы айтхан эдинг манга, сёзюне ким кертичи болгъаны ачыкъ болду.

Эмеген Ёрюзмекден тиледи:

— Мени бир къара эркечим барды, аны кес да ётюк кесинги кёзлеринге сюрт. Аны сюртсенг, жерни тубюнде не болгъанын кёрюрсө. Мени кёзюме уа жүрек къанын сюртюрча, мен табарча, аны терини юсюне салып кет.

Ёрюзмек, терини юсюне ётню салып, жүрекни кесине къояды. Эмеген келе келип, эркеч терини юсюнде ётню алып, кесини кёзюне сюртеди. Ол а аны кюйдюрюп, мыйысына жетеди.

Эмегенни ол ёт алай кюйдюргенинде, ол не этерин билмей, кесин ары-бери атып, бир къаядан башха къаягъа урады.

— Манга дертинги жетдирдинг. Сен адам улуну бек хыйлачыларындан болур эдинг, — деди эмеген. — Сен мени ёлтюрмесенг да, мен кесим ёллюкме. Алай сенден энтда бир тилеригим барды. Кесген эркечинги чегисини бир къыйырын кесинги белинге, бирси къыйрын а къара текени мюйюзлерине такъсанг, малла сени ызынгдан тизилип барлыкъдыла.

Ёрюзмек, эмеген айтханча этмей, эркечни чегисин терекге къысады. Терек чыккыр-чукъур этип тебирейди. Чыккырдагъанны Ёрюзмек сунуп, эмеген ары чабады. Чабып баргъанлай, кесин къаягъа уруп, къаядан кетип ёледи.

Алай бла Ёрюзмек, эмегенлени артларын юзюп, малларын нарт эллегө сюрюп кетеди.

20. НАРТ ЁРЮЗМЕК БЛА ЭМЕГЕНЛЕ

Нарт улу Ёрюзмек нартланы ичинде хар не затда да: атышыуда, тутушууда, тюрлю-тюрлю оюнлада — аты айтылгъан нарт болгъанды. Ол кесини энчи жигитлигин, батырлыгын да кёп кере кёргюзтюп тургъан белгили нартланы бири болгъанды.

Муну къарыууну, саныны уллулугъу да нартлагъа белгили киби, нартланы жаулары эмегенлеге да туура болгъанды. Эмегенле Ёрюзмек бла сермешген заманда, ол аланы кёбюсюн ёлтюргенди. Нарт улу Ёрюзмек жортууулгъа чыгып, мураты толмай къайтхан кезиую бир да болмагъанды. Тюрлю-тюрлю амалла къурап, ол не уллу къоркъууладан да чырмаусуз къутулуп тургъанды. Аны себепли нартланы ичинде Ёрюзмекни даражасы ёседен ёсе баргъанды.

Ёрюзмек кёп кере эмегенле бла, кёбюсюнде жашыракълары бла, нарт нёгерлери биргесине болуп да, кеси жангыз тубеген заманда да аланы къырып тургъанды.

Ёрюзмекни да, нёгерлерини да садакъладан башха сауутлары болмагъанды. Садакъ атышыуда эмегенле аны жеталмазлыкъларын Ёрюзмек бек уста биле эди. Эмегенле бла тубемей къалгъан кечесин бла кюнюн Ёрюзмек бек жарсыулу кезиуге санай эди.

Къалай эсе да ушкок деген сауут нарт Ёрюзмекни къолуна биринчи тюшюп, ол кеси аны сынап кёргенде, ушкокну юсюнден эмегенлени хапарлары болмагъанын билип, ол кеси бла ойлаша кетип, къарындашларына, нарт нёгерлерине да билдирмей, бёлек душманла бла окуна сермешсе да, азлыкъ этмезча окъла да алып, ушкогун да имбашына атып, кеси жангыз жортууулгъа чыккыгъанды.

Бара барып, бир къалын агъачдан ётюп, бир ёзеннге кирип, анда кийикледен кёп ёлтюргенди. Алайдан бир сыртха чыгып, тегерегине къарап, жол кёрмей, алайда кечге дери мычыгъанды.

Ёрюзмек кеч болгъанда, эки агъачны бирин бирине ышый кетип, от тамызып, этлеринден шишлик этип, ашап жукълагъанды. Экинчи кюн, танг атханлай, отну кёмюп, бир башха уллу ёзеннге тюшгенди.

Езен ичи бла суу ызны ёрге бара барып, кюн батаргъа жууукълашханлай, Ёрюзмек, сауутун-сабасын тешмегенлей, отун жыйып, от къайгылы болуп башлагъанды. Тамам ол заманда аны къулагына бир мурулдагъан таууш эшитилгенди. Ёрюзмек, арлакъгъа кетип, къая кибиб бир уллу ташны артында бугъуп, ол мурулдагъанны излеп къарагъанды.

Бир замандан Ёрюзмек, жыйгъан отунлары таба бара тургъан, юч башлы бир къарт эмегенин кёргенди. «Бу не этерик болур, былайлада тохтарыкъмы болур, огъесе кетерикми болур, жангызмы болур, нёгерлери бламы болур?» — деп сагъыш эте тургъанлай, ол юч башлы эмеген, бек арыгъанын таныта, отунлагъа жете-жетмез, келтирип келгенин атып: «Ох-ох-ох», — деп жерге чёкгенди.

Былайда Ёрюзмек: «Ох-ох-ох-ну сен къайдан билесе? Ол менме. Не болгъанды, харип? Не керекди? Мени атымы, бек онгсуз болмаса, киши да сагъыныр амалы жокъду. Айт, не болгъанды?» — деп, юсюне чыкъгъанды.

— Эй, адам улу! Бу тийреге адам аягъы басмаучу эди. Сен къайдан чыкъдың? Бу къолунгдагъы уа не затды? — деди эмеген. Бу соруулагъа тюз жууап бермей, эмеген бла тюбешгенине къууанып, Ёрюзмек:

— Эй, шуёхум, манга соруула бергенин къой да, мени атымы нек сагъындың, аны айт. Кереклинг бар эсе, менден уялма, къоркъма, — дегенди.

Эмеген Ёрюзмекни сауутларына къарап, жууап берирни орнуна биягъы:

— Бу не затды? — деп ушкокну кёргюзтгенди.

— Бу, — дегенди Ёрюзмек, — ким да болсун арыгъанны арыгъанын кетереди, не кереклиси болса да тапдырчыучу дарманды, муну иеси менме, атым да Ох-ох-ох-ду. Мени атымы ким сагъынса, ма муну алып келип, атымы айтханнга бир кере ёкюртеме. Аны эси тайып, сора, эс жыйып, минг жыл жашаса да, къарт болмай, арымай-талмай, кыйынлыкълагъа да тюбемей, тюбесе да, не ключю душманын да хорлагъанлай ёмюрюн алай ашырады. Ма муну аты «тешиклиди». Къарайма да, сен муну бла шагъырей туююлсе, да аны ючюн арыгъанса да, кесинг да билмей, менден болушлукъ излейсе. Къарыусуз болгъан эсенг, айт, мен санга бу тешиклини ёкюртюп, къарыулу этейим.

— Да, — дегенди эмеген, — мен керти да, сен айтханча, къарт болгъанма, юч жюз жылны жашайма, амал, мадар да кёп билеме, алай а бу сен айтханланы эшитмегенме. Мени эки тамата къарындашым барды, ала да, мен да кёп хазна да жыйгъанбыз, бек байбыз, тёртюшер жашыбыз да барды. Биз ючюбюз да, жашларыбызны юйретирге деп, чыгъып айланганлы тамам жюз жыл болады. Ийнан, ючюбюз да аз болгъанды. Сен бизни къартлыгъыбызны кетерип, ёмюрюбюзню узакъ этип, жашларыбызны да алай этсенг, ёмюрюнде бир затдан кыйналмай турурча хазна берирбиз.

— Эй, шуёхум, сен мени айтханымы тюз а ангыламадың. Мени атымы эскергеннге болушургъа деп жашайма. Алай болмаса, мен санга да тюбемез эдим. Манга хазнагъызын кереги жокъду. Алай къарындашларынг бла жашларыгъыз къайдадыла? Ала кыйналып жюрюй эселе, мени атымы бир нек сагъынмайдыла? Энди, сен алагъа жолукъсанг, болумну айтырса, Мен а биреуге болмаса, талайгъа угъай, экеуге да жолукъмайма, — дегенди Ёрюзмек.

— Ай, Ох-ох-ох, бу сени бу сёлешген заманыма окъуна солудум, санларыма кюч кирди, анга мен къууанама. Бу тешиклини манга бир екюртюп, къартлыгъымы, арыгъанымы да кетерсенг эди, — деп тилегенди эмеген.

— Энди, сен мени айтханыма керти ийнандың эсе, мен санга бусагъатдан арыгъанынгы кетерип, кюч-къарыу берсем, сен, кесинг да билмей тургъанлай, кесигиз жашагъан жерге ашыгъырыкъса. Сиз, эмегенле, ёлгюнчю душманыгъызын, артыкъ да нартланы хорларгъа жаратылгъансыз. Ол манга туурады. Сизни кетип айланганыгъызын биллип, кёп жыйын болуп, нартла сермеширге деп келе турадыла, ол да манга туурады. Алай а сизни жашагъан жеригизни мен арталлы да билмейме, аны айт, андан сора сени къарындашларынг бла сени да, аланы да жашларыгъыз къалайтын жюрюйдюле? — деп соргъанды Ёрюзмек.

— Кёп айланып, жюрюп, арыгъан да, талгъан да этип, мен былайгъа келгеними кёресе, мен ачыкъ айтайым: биз барыбыз да ма былайчыкъда тюбеширге

оноулашып, мен, от этерге деп, алгыракъ келгенме, ала да кѣп турмай жетерикдиле. Уугъа айланып, ѳлтюрген кийиклерибизни мен этген отда шишлик этип, ашап, тоюп, былайдан бир кюн бла бир кече жюрюп, юйге алай жетерикбиз. Ала келир болжал кѣп къалмай жетеди. Энди сен бу тешиклини манга ѳкюрт да, тири жюрюрча эт, къартлыкъдан да къутулт, бир жукъ да къапдыр, этлеринг кѣп кѳрюнеди,— деп тилегенди.

Ўрюзмек ушкогун бир кере атдырганды, алай бла эмегенни тынгылы элгендиргенди. Эмеген асыры ийнаннгандан, керти да тири кибик болуп кѳлленди.

Аны алайлыгын кѳрюп, Ўрюзмек:

— Да энди, сен айтханда, сиз онбеш эмеген боласыз. Бир ѳкюртген бла болуп къалмаз. Мен айтханымча, талайгъа, экеуге бирден кѳрюнмейме. Андан эсе ма, этле ашап той да, нѳгерлеринги келген келгенин ашатып, болумну да къысха айтып, бирем-бирем мен баргъан жолну жибер. Ал ѳкюргенин эшитирса, айтама да, келген келгенин алайгъа, ол ѳкюрген тауушха, айландырып жибер,— деп кетгенди Ўрюзмек.

Кюн ортасы болгъунчу окъуна Ўрюзмек айтхан жерине барып кесин бегитгенди. Эмегенле да от этилген жерге, керти да бек арып, онбешишер кийик кѳтюрюшюп жетгендиле. Алайгъа алгъа келген эмегеннге:

— Ай, сен бизден эсе жигит болуп, отун этип, от этип, кийikle да ѳлтюрюп, эт хазырлап тура кѳреме,— деп махтагандыла.

Къарт эмеген нѳгерлерин тынгылы сыйлап, тойдургъандан сора, Ўрюзмекни юсюнден айтханды:

— Былайда бизни къайсыбыздан да уллу, ариу сѳзлю, бек акъыллы биреулен тюбеп, алапат затла айтханды. Да кѳресиз отун да жыйганды, от да этгенди, бу къадар кийикни да манга къоюп, сизни тойдур деп кетгенди. Ай, аны бир ѳкюртючю тешиклиси барды. Ол аны жангыз бир кере ѳкюртген эди да мени арыгъаным да кетип, тири болдум, кѳресиз, къалай болуп къалгъаным. Энди, ол айтханнга кѳре, сизни хар биригиз бирем-бирем ма былай ары барлыкъсыз. Тюбегенигиз: «Ох-ох-ох»,— деп къычырса, ол чыгып, тешиклisin ѳкюртюп, хар бирибиз не къарт болмазча, не кѣп жюрюсек да арымазча, не тилегибиз да болуп барырча, алай этерикди,— деп Ўрюзмекден эшитгенича хапар айтханды.

Бары да былайдагъы къарт эмегенни сѳзлерин къабыл кѳрюп, кеси да ыразы болуп, тириликке да сейир эте, бир жашыракъ эмегенни Ўрюзмекке жибергендиле.

Ол Ўрюзмекке келип, «Ох-ох-ох», — деп къычырганды. Ўрюзмек чыгып, терк окъуна жерленип тургъан ушкогун аны юсюне жандырганды. Жаш эмеген алайда окъуна сойланнганды. Эмегенле ушкокну тауушун эшитип, элгеннгендиле да арыгъанлары кетгенча кѳрюннгенди. Ол себепден, къауум-къауум барыргъа тилеселе да, къарт эмеген унамай, аланы бирем-бирем жиберип, бек артада кеси къалганды.

Ўрюзмек а келген келгенин уруп ѳлтюрюп барганды. Аланы бири да артха къайтмаганды.

Онбешинчи юч башлы эмеген кеси къалганды, ашны къалгъанындан да иги тоюп, ушкок «ѳкюрген» жерге бара тургъанлай, Ўрюзмек аны аллына чыгып:

— Сен керти да, эмегенлени биз суйгенча жюрютгенсе, тап ѳсдюргенсе, энди жашларынг да, къарындашларынг да, аланы жашлары да жерлерин тапхандыла. Сен да жеринги табарыкъса, ийнан. Кѳресе, сизни себепли мен кѣп къыйналдым эсе да, сизге къолумдан келгенин аямадым. Энтда да аямазлыгъыма сен да ийнан, алай а жангыз кесинги жибермейме. Ол нѳгерлеринги да сау-саламат къайтханларын кѳрийик да, сора хазнагъызгъа да къарайым, кѳрейим да, сени бла да, ала бла да саламлашып кетерме, бирге барайыкъ,— деп уллу къалаларына жетгенлеринде, алайда эмегенлени тапмагандыла. Ўрюзмек сейирсиннген кибик этип:

— Сизни дагъыда бу тийреде, не да арлакълада нѳгерлеригиз бармы эдиле? Сени нѳгерлеринг ары кетген болурламы? — деп сорганды.

— Угъай,— дегенди эмеген,— бу жерлеге жууукъда эмегенле жашамайдыла. Ма былай ары барып, он кюн бла он кече жюрюсенг башха эмегенлени къалаларына тюберге боллукъду. Ала, чабыууллукъ этип, къыйнай туруучудула деп, уллу белгили

тулпарладан хапарла эшите турганбыз,— деп башлаганлай, Ёрюзмек анга: «Ол тулпарладан сен кесинг кѳргенинг а болганмыды?» — деп сорганды.

— Хо,— дегенди юч башлы эмеген,— кѳплерин кѳргенме, сермешген да этгенме, кѳбюсюнде ала хорлап келгендиле. Ма, мени, кесим кибик бары да менден тамата болуп, онтогуз кѳарындашым бар эди. Бизни тукъумубузну нартла юзерге жетишдиргендиле. Кергисин айтсам, мен билип, тулпарла бла бизни тѳбешгенибизден сора биз хорлап кѳутулган заманыбыз болмаганды. Ахырында уа биз бир жерде юч кѳарындаш кѳалган эдик да, санлап бир кере уугъа чыгып, кийик ѳлтюрсек да, аны этин тансыкъгъа ашап, бир заманыбызда уа адам эти бла кечинингенбиз. Энди уа, кѳресе, кѳуру онбешибиз кѳалганды. Кѳалганларыбыз ма нартла бла сермешгенде кѳырылгандыла,— деп, хапар айтды. Сора: «Ёкюртчю, бир кѳрейим, кѳалай ёкюреди тешиклинг»,— деп тилегенди.

Ёрюзмек артхаракъ секирип:

— Боллукъду энди юргенинг, сиз тукъумдан артха кѳалган сен болганынги билдим, бирсилеригиз да кѳалайда болганларын табарма, энди хазналарыгъызыны да кѳрдюм,— деп, ушкогун аны юсюне айландыргъанында, кѳарт эмеген кѳоркъуп, титиреп, кѳалтырап, терлегени терен кѳл болган эди. Ала алай эте турганлай, Рачикъау бла Сибилчи Ёрюзмекни излей алайчыкъгъа келгендиле.

Ёрюзмек, болумну былагъа айтып, тѳшюндюрюп, ол кѳарт эмегенни да алайда уруп, болган хазналарын да атларына жюклеп, элтип нартлагъа юлешгендиле. Кѳп турмай, ала ол кѳарт эмеген айтхан жерни излерге жортууулгъа чыгып кетгендиле, деп хапарда айтылганы алайды.

21. НАРТЛА ЭМЕГЕНЛЕНИ КЪЫРАДЫЛА

Нартла, жорта, Кѳсе таугъа жетдиле,
Тѳбелеча, эмегенле кѳрдюле.

Нарт батырла садакълагъа болдула,
Садакъларын алагъа терк бурдула.

5 Нарт батырла тѳгерекни алдыла, Эмегенле кѳаяланы ойдула.

Гыйыланы алып атдыла,
Нарт батырла кѳауум-кѳауум чапдыла.

10 Эмегенле, ачууланып, кѳая ташла кѳапдыла, Кѳсе таудан кѳула тѳзге кѳачдыла.

Деу Ёрюзмек кѳычырганды, хахайлап:
— Эмегенни тауусугъуз! — деп, туайлап.

Нарт Ёрюзмек сырпынын булгъай эди,
Аууз жели булутланы чача эди.

15 Сырпыны да элияча чакъганды, Эмегенни бир ургъанлай жыкъганды.

Сырпыны да кѳулач-кѳулач созулганды,
Керек болса, ол ызына жыйылганды.

Алф Ёрюзмек токъсан кюнню урушханды, 20 Тейри, бары кѳалмай анга болушханды.

Эмегенни кѳоймай, артын этгенди.
Нарт элине сора тынчлыкъ келгенди.

22. ЁРЮЗМЕК БЛА НОГЪАЙЧЫКЪ

Ногъайчыкъ Ёрюзмекге баргъанды,
— Эй, юйде ким барды? — деп соргъанды.

Ёрюзмекни жашы эшикге чыккъанды.
— Къонакъ аламысыз? — деди Ногъайчыкъ.

5 — Айхай, алабыз, тюш атынгдан! — деди жашчыкъ,
Эй, жууукъ бол, къонакъ! — деп айтханды.

— Да, мен сизге жыл къонакъгъа келгенме,
Журтугъузгъа хурметими береме.

Хар кюн сайын бир ирик ашарыкъма,
10 Атым кюнден бир гебенни бошарыкъды.

Жаш, къайтып, юйлерине киргенди,
Ногъайчыкъны хапарын билдиргенди.

Нарт Ёрюзмек къонакъны аллына чыкъды,
— Кел, жууукъ бол! — деп, къонакъгъа къууанды.

15 Ногъайчыкъны ол юйнюне чакъырды,
Саутларын илкичге такъдырды.

«Айтханыча ашармы», — деп сынады,
Ирикни биширип аллына салды.

Атына да гебен биченни берди,
20 — Ашаялырламы, кёрейим, — деди.

Сау ирикни Ногъайчыкъ ашагъанды,
Алашасы гебенни бошагъанды.

Ол багъыуда бир жылны сакълагъанды,
Бир кюн Ёрюзмек къонагъына баргъанды.

25 — Къалайса, эригемисе? — деп соргъанды.
— Сен аман эрик суула ичгин! — дейди къонакъ.

— Ай таланган! Ачмы болгъанса, къонакъ?
Не къозудунг, не болгъанды да санга?
Не айыбынг барды къонакъбайынга?

30 — Мен ашарыкъ излей келмегенме,
Не да кийим тилей да келмегенме.

Нарт батырса деп, андан келгенме санга.
Сени бла суйгенме айланьргъа.

Алай эсе, айхай, къонагъым, кёзюм,
35 Айланьрбыз, болмаз ол затха сёзюм.

Эки батыр жортууулгъа чыкъдыла,
Муратха терк жетерге ашыкъдыла.

Узакъ, кыйын эди аланы жоллары,
Батырланы темир юзген кьоллары.

40 Ат тылпыулары туман бола эди,
Туяклары жерни сыдыра эди.

Эки батыр жорта, чаба кетдиле,
Ат солутур бир кьонушха жетдиле.

Нарт Ёрюзмек айтды: «Энди тюшейик,
45 Къапхынланы бу жерледен сюрейик».

Унамады Ногъайчыкъ: «Угъай,— деди,—
Къатынладан гютдю урлагъанча»,— деди.

Ёрюзмек Ногъайчыкъгъа былай айтды:
— Шагъырей жерлени тауусдум энди!

50 Ногъайчыкъ Ёрюзмекге жууап берди:
— Алай эсе, ызымдан келчи! — деди,
Алып барып, жылкы кьошха тиреди.

Тегереги темир буруу этилип,
Ачылмазча, эшиги кьаты бегитилип.

55 Сора ала къапхын оноу этдиле.
Ёрюзмекге Ногъайчыкъ былай деди:

— Мында барды юч къарындаш эмеген,
Барды алада кьуш жетер бир ажир.

Эмегенлени бирин сен ёлтюрсенг,
60 Экинчисин ол ажир алып жетер.

Аны да ёлтюрсенг, ючюнчюсюн алып жетер.
Ючюнчюсюн да ёлтюрсенг, ол ажир,
Кишнеп келир да, жылкыгъа кьошулур.

Ёрюзмекге къарап, Ногъайчыкъ айтды:
65 — Темир бурууну эшигин ач кери!
Кёп сыгъынды Ёрюзмек, ачалмады.

Ногъайчыкъ табаны бла эшикни урду,
Эшикни кылычы чыртлады да кетди.
Ногъайчыкъ жылкыны кьатына жетди.

70 — Энди, Ёрюзмек, суюсенг жылкыны кыста,
Суюсенг а эшикден жолгъа айландыр.

Нарт Ёрюзмек эшикни сакълап турду,
Ногъайчыкъ жылкыны кьууду.

Ала жылкыны жолгъа терк салдыла.
75 Ызларындан жауун, жел жетгенди.

— Аха,— деди,— душман жетип келеди!
Энди, Ёрюзмек, ызыбыздан жау жетер.

Мени кѳанжыгѳамда кебинлик барды.
Ёлсем, мени ол кебиннге салырса.

- 80 Атыма байлап, кѳыстап кѳоярса.
Алай эталмасанг, жерге салырса.

Бу ургѳан жел — душманны ат тылпыууду,
Жаууну уа — бурун тешик шытысыды.
Юсюндеги болур биркѳез эмеген.

- 85 Алай аны ёлтюрсенг, ажир кетер,
Дагѳыда ол бирин алыр да жетер,
Алай этгенлей турур ол тохтамай.

Ёрюзмекни жауну сакѳларгѳа кѳойду,
Кеси уа жылкѳыны аяусуз кѳууду.

- 90 Алай Ёрюзмек а тенг болалмады,
Ажирни желине чыдаялмады:

Аллай ахырзаман уллу жел жетди,
Ёрюзмекни учуруп жылкѳыгѳа элтди.

Ногѳайчыкѳ айтды: «Аха, Ёрюзмек, нек келдинг?»

- 95 — Да, тейри, жели бла сюргенде ажир,
Аякѳларым бир да туталмадыла жер.

— Алай эсе, осуятымы унутма!
Сен жылкѳыны сюр, мен а жауну сакѳларма,—

- Деп Ногѳайчыкѳ келген жауну сакѳлады.
100 Эмегенни жангыз кѳзюнден урду.

Ажир, кѳутулуп, ызына терк кетгенди,
Экинчи эмегенни да алып жетгенди.
Эр Ногѳайчыкѳ аны да ёлтюргенди.

- Ажир ючюнчю кере да келгенди,
105 Кичи эмегенни да келтиргенди.

Туякѳлары жерни кѳыртыши бла сыдырып,
Шытылары сакѳ жауунла жаудуруп,

Тылпыуу бла тереклени аудуруп,
Ногѳайчыкѳгѳа жетди эмеген, кѳутуруп.

- 110 Деменгили сермешиге кирдиле,
Эки батыр бир бирге бой бермелле.

Кюкюретип сауут-саба тартдыла,
Садакѳланы бир бирине атдыла.

- Эмегенни садакѳ кирди кѳзюне,
115 Ногѳайчыкѳны чанчылды киндигине.

Деу эмеген аууп тюшдю дыркѳыгѳа,
Ажир, кишнеп, чабып келди жылкѳыгѳа.

Ногъайчыкъ да тартып алды башлыгын,
Окъну алып, къаты байлады къарнын.

- 120 Ёрюзмекге ёлмей-къалмайын келди,
Жетер-жетмез мычымагъанлай ёлдю.

Айтхан осуятын Ёрюзмек этди:
Кебин салып, атха байлап жиберди.

- Андан нарт Ёрюзмек тебиреди,
125 Жылкъыны да сюрюп, юйюне кетди.
— Ол Ногъайчыкъ ким болур эди,— деди.—

Аны бир билмей къоймам,— деп, жол алды,
Кёп заманны айланды, узакъ барды.

- Бир кюн бир эски юйге кирди,
130 Жаппа-жангыз бир къарт къатынны кёрдю.

— Кюнюнг ахшы болсун,— деп саламлашды,—
Кимсе сен, жангыз нексе? — деп сурады.

- Къатын айтды: «Юч уланым бар элле,
Эмегенле суу, жашау бермей элле.
135 Жашла ала бла кюреше элле.

Аланы бир ажирлери болгъанды,
Аны аягын жер да тутмагъанды.

Жашла эмегенле бла кюрешгендиле,
Ишексиз, эмегенле ёлтюргендиле.

- 140 Эки абадан хапарсызлай ёлгенди,
Кичилери уа сал болуп келгенди.

Батыр Ёрюзмекни излей кетген эди,
Андан бир болушлукъ умут этген эди».

- Анам, менме ол Ёрюзмек дегенинг.
145 — Излегеними тапдым, кесинг келдинг!

Тарыкъгъанды къарт къатын, къучакълагъанды,
Жылагъанды, сытылгъанды, ийнакълагъанды.

Ёрюзмекни кёргенде, жарыгъанды,
Балалары келген кибик, болгъанды.

- 150 Нарт Ёрюзмек анга ашау бергенди,
Сора къайтып юйюне келгенди.

23. САТАНАЙ ТЕМИР-КЪАПУНУ АСКЕРИН ХОРЛАЙДЫ

Сатанай нарт Ёрюзмекни къатынды. Кеси — ариуланы ариуу, акъыллыланы акъыллысы, жигерлени жигери, усталаны устасы болгъанды. Аны ёсдюрген, нарт эллени баш къуртхасы, Тохана деген къатын болгъанды.

Сатанайга деричи нарт элени тиширыулары тигиу-бичиу эте билмегендиле. Андан сора да, нарт эллери этни ачыкъ отха салып, шишлик этип ашагъандыла. Аны орунуна Сатанай къазан этип, сууда къайнатып ашатыргъа юйритгенди. Мирзеуню тегерек бюртюклей ашагъандын башха затны билмеген нартлагъа, къол тирмен бла ун этип, нарт бюртюкден гыржын биширип ашаргъа жарарыгъын кѳргюзтгенди.

Сатанай хар кюн сайын, элге чыгып, бир жангы зат юйретмей къоймагъанды. Кюнлени биринде, Сатанай чепкен сокъган тауат, урчукъ, жыя, таракъ этип, нартланы тиширыуларына кѳргюзтгенди.

Обур Сатанай жер юсюнде чыкъган кырдыкланы, хансланы, терсклени тиллерин билгенди. Аны себепли, ауругъан нартлагъа кырдыкладан дарманла этип болгъанды. Сатанай, адам улу ашаса, ёлмезча, аллай кырдык тапханды, алай аны кеси да ашамагъанды, башха адамгъа да ашатмагъанды деп, айтадыла.

Бир жол кечени ушхууур заманында нарт элине ачы къуугъун келгенди. Сатанай аны билгенди. Болса да киши келип: «Иш былайды, не этебиз?»— деп сормагъанды.

Сатанай, нарт аскерни азыгъы болса да, къылычлары, садакълары аз болгъанын билгенди. Кийимлери андан да осал болгъанын сезгенди.

Ёрюзмек келип бир зат айтмагъанына бютюн да ачыуу чыгып, темирлени бузча, жауча эритген Дебет устагъа чабып, минг къылыч, минг садакъ, жыйырма минг садакъ окъ, бир кече бла кюннге битдирирге сапариш этгенди. «Садакъ окъланы уу бла къатдыр»,— дегенди. Дебет: «Мен уу не зат болгъанын билмейме»,— дегенди. Сатанай: «Алай болса, мен кесим уу табарма, мен ууну келтиргинчи, ишлегенлеринги къатдырмай тур»,— деп къула тюзге ашыгъышлы кетгенди.

Ол къула тюзде дарман, уу чапыракъла жыйып, аланы сууларын алгъанды.

Андан сора да, тенгиз жагда къамышли кёллесе барып, уу жилинланы тутханды. Аланы, боюнларындан буууп, ууларын жыйгъанды. Къысха алып келип, Дебет темир устагъа бергенди.

Дебет ишлеген окъларыны, къылычларыны ауузларына ол ууладан сюртюп къатдыргъанды. Ол окъладан, къылычладан не аз да жара тюшген зат, кѳбюп, кѳгерип, къаралып ёлурча этгенди. Сатанай берген сапаришлени Дебет кече бла кюннге хазырлагъанды.

Сатанай, аланы хазырлатып, кеси аскерге кийимле этерге олтургъанды. Кече бла кюннге бир тюмен аскерге кийим тикгенди. Аланы этип, Ёрюзмекни аскерлерине бергенди.

Сора Ёрюзмекни излерге къара къобюрден обур, къуртха Тохана аналыгъындан къалган жекни алгъанды. Аны жерге салып къарагъанды. Кюнчыгъыш жанында Темир-Къапуну аскерлери жолгъа чыгъа тургъанларын кѳргенди. Андан жекни тюзлеге айландырып къарагъанды, Ёрюзмекни кѳрмегенди. Дагъыда таулагъа айландырып, къарай кетип, бир дорбунда ауруп, амалсыз болуп тургъанын кѳрюп, тамата жашын жибергенди. Абадан жашы желкъанат ат бла атасын алып жетгенди. Сатанай дарман чапыракъладан дарманла этип: «Мен келгинчи, юйден чыкъма, мен аскерни кесим алып чыгъайым»,— деп, Ёрюзмекни кийимлерин кийгенди, атына мингенди, сауутун-сабасын такъгъанды, кесин Ёрюзмекке ушатып, быргы бла къычырып, аскерлерин жыйгъанды. Сора аскерлеге айтханды: «Нарт батырла! Бизге кюнчыгъыш жанындан Темир Къапуну аскери келеди. Сиз керти нарт улулары болсагъыз, аланы нарт элине иймезсиз!»— деп, душманны аллына атланганды.

Аскерлери бла бара барып, Хазна сууна жетгенди. Алайда аскерлерин тохтатып солутханды. Сора, дагъыда, аскерлени алып, Аргъын сууну жагъасында чек салып тохтагъанды.

Танг атып, кюн тиерни аллы бла, Темир-Къапуну эмеген аскерлери кѳрюндюле, ала онушар къулач узунлукълары болган узун къурукъланы бирер жанларын жарып, сыйыртхычла этип, алагъа жютю ташланы къапдырып, сыртларында да бирер тууар тулукъ жюклерин, ичлери да ташдан толуп, аман ийис этип, бирер кѳзлерин жандыргъанлай келе эдиле.

Къарап, нарт аскерни кѳргенлей, узакъдан къурукъ сыйыртхычлары бла таш жауунну нарт аскерлени юсюне жаудуруп, къырып башлагъандыла. Нарт аскерле, садакъла бла не къадар атып кюреселе да, ала болгъан жерге жетдиралмай, амалсыз болгъандыла. Сора Сатанай: «Хазна сууну жагъасына жыйылыгъыз, бир тогъай аскер мени бла къалыгъыз, къалгъаныгъыз кетигиз»,— деп буюргъанды.

Аскерле алай этгендиле. Сатанай, кеси бла къалгъан нартла бла бир агъач къолгъа кирип, жюз къазанны асдыргъанды. Къазанлада этле, ашла да биширтип, ашлагъа уулу тамырланы салдыртханды.

Уруш кибик эте, эмеген аскерни алдай, ала уа алайгъа жетгенлей, бир тохтаусуз, Хазна сууну жагъасына къачып келип, нѳгерлерине къошулдула.

Темир-Къапуну эмеген аскерлери, ол къайнай тургъан къазанланы юслерине келип: «Хазыр аш тапдыкъ»,— деп, урушну унутуп, ашап, къырылып къалдыла.

Сора аланы артындан Темир-Къапуну адам улу аскерлери, эмеген аскерлени къырылгъанларын кѳрѳп тохтадыла, нарт аскерле бла урушургъа базмай, алайда даулаша тургъан кезиуде, Сатанай жек бла аланы къоркъгъанларын билгенди. Сатанай аскерлерине ишни болумун айтханды. Аланы ызларындан сюре, бара, къууа кетип, жетгендиле.

Жетип, уулу садакълары бла Темир-Къапуну аскерлерини жартысын къырып, жартысын да жесирге алып, тоноуларын да жыйып, нарт эллерине эсен жыйылып къайтхандыла.

24. ЁРЮЗМЕК БЛА АКЪ МАРАЛ

Айт-айт, батыр Ёрюзбек атланып чыкъгъан эди, дейди.
Бара-бара ол бек арыды, сорукъду, дейди,
Жол юсюнде бир акъ маралгъа жолукъду, дейди.

Къоланындан тюшѳп: «Атарем»,— дегенде, дейди,
5 Ол бир сыртха ёрлеп кетди, дейди.

Ызындан къууп: «Атарем»,— дегенде, дейди,
Дагъыда бир сыртха ётѳп кетгенди, дейди.

Алай эте, узайып, ол бир акъ къалагъа кирип кетгенди, дейди,
Ёрюзбек да, чабып, ызындан жетгенди, дейди,
10 Анда бир тамаша акъ бийчени кѳргенди, дейди.

— Кюнѳнг ахшы болсун!
— Ай, кюнѳнг, кеченг да аман болсун!

Бюгѳнлю тынчайтмадынг, отларгъа да къоймадынг,— дегенди, дейди.
Сора тапханын ашатханды, ичиргенди, дейди.

15 — Тур, кет! Бир огъурсуз эрим барды,
Келсе, сени да, мени да ёлтюрѳр,— дегенди, дейди.

— Угъай! Онг жауурунумда къачым барды,— дейди,—
Ариу тишируугъа тѳбеп, тутмай къоймазгъа антым барды, дейди.

Ол алай тургъанлай, бир улуу таууш эшитилди, дейди,
20 Тышына къарагъанында бир деу эмегенни кѳрдѳ, дейди.

Мангъылайында жангыз кѳзю жылтырай, дейди,
Имбашиында тамыры, бутагъы бла эмен терек чайкъала, дейди,
Къолтукъ тѳбюнде бутакълы бир буу къычыра, дейди.

- Акъ бийче, энди уа не этейим? — дейди Ёрюзмек.
25 — Къач да, ундурукъ тюбюне кир,— деди акъ бийче.

Эмеген къалагъа киргенди, дейди,
— У-уу-ф! Ас ийис, мус ийис!
Къатын, мында ким барды? — дегенди, дейди.

- Угъай, киши, ас-мусдан айланып сен келесе,— дейди,—
30 Алай: «Ачдан ёлеме»,— деп бир нарт улу келгенди,— дейди,—
Сени кёргенде, ол, къачып, ундурукъ тюбюне киргенди,— дейди.

— Эй, нарт улу! Мен ашамам этинги,— дейди,—
Бери чыкъ, кёрейим бир бетинги,— дейди.

- Ёрюзмек, чыгъып, эмегенни аллына сюелди, дейди,
35 Эмеген а, анга къарап, былай кюкюреди, дейди:

— Бир аман улакъчыкъ келтиргенме,— аны сен а бир сыдыр,—
дейди,—
Бир гитче терекчик келтиргенме, аны да бир сындыр,— дейди.—
Мен а аш бишгинчи солуюм бираз,— дейди.

- Ёрюзмек, эрлай, бууну сыдырып, дейди.
40 Терекни да туурап от этди, дейди.

Ёрюзмек, этни биширип, тегенеге алгъанды, дейди,
Элтип, аны эмегенни аллына салгъанды, дейди.

- Ха, энди къарын гюняхынг кесингиди,— деди эмеген.
Ёрюзмек ашыкъ иликни кесине алгъанды, дейди,
45 Бууну къалгъанын анга къойгъанды, дейди.

Ашагъандан сора эмеген бла акъ бийче, дейди,
Ундурукъгъа жатдыла, дейди,
Ёрюзмекге уа юй тюбюнде жер салдыла, дейди.

- Ол ёхтем нарт улуну кёзюне жукъу кирмейди, дейди.
50 — Не мадар этейим? — деп, ол амал излейди, дейди.

Бир заманда акъ бийче жууурган тюбюнден аягъын къаратды, дейди,
Битеу юйню ол, кюнча, жарытды, дейди.

— Хей, эмеген, жанып кетебиз! — деп, Ёрюзмек къычырды, дейди.
— Къоркъма, алай мени къатынымы саны жанады,—
деп, хурулдады эмеген, дейди.

- 55 Ёхтем Ёрюзмек кече узуну жукъламады, дейди.
Акъ бийче юч кере аягъын узатды, дейди,
Хар кере къаланы ичин, кюнча, жарытды, дейди.

Ёрюзмек тынчаймады, тынмады, дейди,
Эмегеннге жукъу бермеди, дейди.

- 60 Эмеген ачыуланды, кюкюреди, дейди:
— Жукълатмадынг, тынчайытмадынг сен мени! — дейди.

Ундурукъ къулагъындан къамичини алды, дейди:
— Кёкде баргъан къанатлы болмаса,
Жерде баргъан жаныуарны иймезча, эгер бол! — деп,

65 Жатхан Ёрюзмекни урду, дейди.
Ёрюзмек, сынсып, эгер болуп къопду, дейди,
Эмеген да, элтип, аны эгерлерине къошду, дейди.

Ёрюзмекни обур къатыны Сатанай аны билгенди, дейди,
Ол, къара тюлкю болуп, эртденликде, дейди,

70 Къаланы аллына келгенди, дейди.

Эмеген: «Юст-юст!»— деп, анга эгерлерин юсгюртдю, дейди,
Тюлкю къачханда, эгерле къуудула, дейди,
Алай, жеталмай, артха къайтдыла, дейди.

Ёрюзмек а, тохтамай къууа кетди, дейди.

75 Тюлкю, чаба барып, думп болуп кетди, дейди.

Сатанай кесини адам сыфатын алды, дейди:

— Ай, ёхтем Ёрюзмек а, артынг не аманнга къалды! — дейди.

Сора не этерин эрине юйретгенди, дейди:

— Баргъанынглай, эмеген тегенеге аш къуяр,— дегенди, дейди,—

80 Сен а, ичмей, аягъынг бла тюрт да, тёк аны,—дегенди, дейди,—
Ол тюер, туйсе — сынсы, улу,—дегенди, дейди.—

Ол заманда къатыны: «Къой харипни, ол да адам улуду,
ёчюксюннген эте болур», —дер, дейди.—

Сора санга: «Юйге кир да, ундурукъ тюбюнде жат!»— дер, дейди.—

Ала жукъласала, ундурукъ къулагъында кийиз къамичиге тийерсе,—
дейди.—

85 «Уллу Тейри! Мени бурунгу Ёрюзмек эт!»— деп, айтырса, дейди,—
Андан сора этеригинги кесинг билirse,— дейди.

Ёрюзмек, Сатанай айтханча, хар затны этгенди, дейди,
Биягъы нарт улу Ёрюзмек болгъанды, дейди.

Сора, эмегенни кийиз къамичи бла сермеди, дейди,

90 «Уллу Тейри! Сен муну бир мазаллы алаша эт!»— деп тиледи, дейди.

Деу эмеген, алаша болуп, кишнеп къопханды, дейди.
Ёрюзмек андан дертин алай алгъанды, дейди.

25. ЁРЮЗМЕК НАРТЛА ТОЮНДА БЛА ШАЙТАНЛА ТОЮНДА

Ёрюзмекни Сатанай деп обур къатыны болгъанды. Дунияда ол билмеген зат жокъ эди.

Бир кере Ёрюзмекни боза ичерге чакъырадыла. Ол заманда нартлада аллай тёре бар эди: нарт жашла жыйырма бла он арба чыгъана отунну келтирип, аланы бирге къалап, жалан аякъ этип, аны юсюнде, аланы кюл этгинчиге дери тепсерге керек болгъандыла.

Дагъыда жыйырма бла он арба суу ташны келтирип, аланы тёбе этип, аны

юсюне минип, аны жерге батдыргынчыгыа дери тепсеп болгандыла. Ол тепсеуледе нарт жашла кеслерини къарыуларын сынагандыла.

Бир кюн Ёрюзмек арбазындан ол нарт оюнлагъа къарап болады. Къатыны Сатанай айтады:

— Сен ары бараса,— дегенди.— Сен ары барсанг, сени эсиртмей амаллары жокъду. Ичмегенлей, кесинги ичинге жибермегенлей, тюбюнге жиберип къояр кибик тамагынгдан бир быргычыкъ сал,— дейди. Сора бозаны аузуна алган заманда ол быргы бла энишге кетерча, тамагына дери быргычыкъ салады.

— Къалайда да, кёл боллукъ эсе да болсун, сен бозаны ичинге жиберме! — деп, къатыны алай айтады.

Барады Ёрюзмек тойгъа. Тойда: «Ёрюзмек келди!»— деп ёрге къобадыла, ариу кёредиле, кёлуна боза аякъны тутурадыла. Ол заманда, ичген аякъларына кирген боза бусагъатда челекге сыйынганча бир болады.

Кесин хорлатмай болады Ёрюзмек. Иче кетелле, иче кетелле да, эртденликде той башланады. Ол чыгъананы кюл этгинчи дери тепсейдиле.

Ол тойдан къутулгъандан сора Ёрюзмек дагыда бир тойгъа барыргъа тюшеди. «Бюгече тойгъа келмей амалынг жокъду»,— деп, анга нартла буйрукъ бередице. Къатыны Сатанай алай айтады:

— Чакъырылган жерге бармай къалсанг, айып этерле, киши сени адамгъа санамаз, бир киши да сени адам кибик да кёрмез. Бар, къоркъма! — дейди.

Ёрюзмек Къоланына минеди да кетеди. Ол айтхан жерге жетгинчи окъуна, башындан уллу тойла, фыйтонла келедиле. Уллу сый, къобузла. Ала шайтан тойла боладыла. Ёрюзмек быланы, кёргенлей окъуна, шайтанла болганларын биледи.

— Ёрюзмек келеди, Ёрюзмек келеди той этмей амалыбыз жокъду! — дегенни айтып, шайтан той тегерегин алды. — Атын тагъыгъыз алай! — дедице. Ёрюзмек а: «Атымы кесим тагъарма!»— деп, къатыны айтханлай, кеси тагъады.

Энди шайтанла бла тепсерге киреди тойгъа, къобузчу къызны тутады абезеххе. Танг ата тебирегенде была кетерге кёл алдыла.

— Ёрюзмек, къызны жибер! — дейдице.

— Угъай, мен муну жиберлик туююлме, мен муну жаратхан этгенме. Мен муну алмай амалым жокъду, муну юююме элтирикме! — дейди.

Барыда кетедице да, кёлунда ол къыз къалады. Къыз айтады:

— Энди мени жибер, жибермесенг, мени дуниядан къоратаса сен. Ма, бу бёркню кий да, не тукъум жерде да не шайтанла, не сени жауларынг сени кёрмезле, тёрде, тойда да,— деп, бёркню берип ычхынады.

Андан сора Ёрюзмек, къалайгъа барса да юлюшюн алып жашаганды, дейдице.

26. ЁРЮЗМЕК БЛА ЖИНЛЕ

Нарт улу батыр Ёрюзмек а, дейле,
Нарт Ёрюзмек а, дейле.

Нартланы башы да Ёрюзмек а, дейле да,
Нартланы башы да Ёрюзмек а, дейле да.

5 Ёрюзмек да къыйналып да ёсгенди, дейле,
Кёп къыйынлыкълагъа да тёзгенди, дейле.

Ёрюзмек атланып тебирегенди, дейле,
Мал-Хушту арагъа да кетгенди, дейле.

Ол ура, бере да кетгенди, дейди,
10 Бийик сыртлагъа да жетгенди, дейди,

Бийик сыртладан да, ой, къарады да,
Уллу ёзенде бир от жарыкъла кёргенди, дейди.

— Бараман да не этейм?
Бармайман да не этейим? — дейди,—

- 15 Барама да — кесим тас,
Бармайма да — бетим тас,— дейди.—

Онг жауурунумда къачым бар,
Быллай жерлеге, кьоркьуп,
Бармай кьалмазгъа да антым бар!

- 20 Ол ура, бере кетгенди, дейди,
Ол от жарыкылагъа да жетгенди, дейди,
Ол уллу ёзенде бир уллу тойну кёргенди, дейди.

— Ёрюзмек дегенинг а келмезед? — дейле,—
Ёрюзмек дегенинг а келеди! — дейле.

- 25 Къалын къашлары да, кёрпелей, дейди,
Ол бёрю тону да желпегей, дейди.

— Ёрюзмекни атын а тагъыгъыз! — дейди.
— Ёрюзмекни атын а тагъайыкъ! — дейле.

- Мен кеси атымы да кесим тагъарма,— дейди,—
30 Суйген кызчыгъымы да кесим табарма,— дейди.

Кеси атында кеси такъгъанды,
Жин патчахны кызын да кеси тапханды.

Бир уллу ёзенде да аны бла кьалгъанды, дейди,
Да муну бла да бир ойнай-кюле кетгенди, дейди,

- 35 Алайда олтуруп а ашадыла, дейди,
Жыр да этип, жырладыла, дейди.
Андан голлугъа да барып тепседиле, дейди.

Ёрюзмек да андан сора баргъанды, дейди,
Атыны айылларын а къаты уа тартханды, дейди.

- 40 Секирип атына уа мингенди, дейди,
Тойгъа бек кьаршы уа келгенди, дейди.

Патчахны кызчыгъын а сермеп алып а, дейди,
Атына салып а, къачып кетгенди, дейди.

- Атына да миндирип, нарт элине кьутулгъанды,
45 Юйюне элтирге уялып, агъач ичинде дорбунда тургъанды.

Аны обур Сатанай сезгенди, дейди,
Акъ марал болуп, агъач ичине киргенди, дейди.

- Аны ызындан Ёрюзмек, кёп кьууп, арыйды, дейди,
Жукъусу келип, бутлары жүрюмей, апчыйды, дейди,
50 Къара агъачны ичинде, аууп, жукълайды, дейди.

Обур Сатанай а алайгъа арбасы бла келеди, дейди,
Сора, Ёрюзмекни арбагъа салып, алып кетеди, дейди.

Батыр Ёрюзмек бир жол
Шайтанланы тоюна тубегенди.

Аланы таматасы Ёрюзмекден:
— Бизге кьошул,— деп тилегенди.

5 — Кел,— деп, бирсиле да кьадалдыла,
Барып, Ёрюзмекни кьолтукъ тубюнден алдыла.

— Терс айтыуунгу айтма,— дедиле,—
Бёрю тонунгу теше кел,— дедиле.

Ёрюзмек аланы шайтанла болгъанын билмеди,
10 Аланы кьынгыр аякъларын, мкюйзлерин кёрмеди.

Ёрюзмек шайтанла бла тепсейди:
«Онгча»,— деселе, онг жанына барады,

«Солча»,— деселе, сол жанына барады.
Бир ариу кьыз да: «Мени ал»,— деп кьадалады.

15 — Мен юйюме барып келейим,—
Дейди батыр Ёрюзмек,—

Анга бир амал этейим,— деп
Айтды батыр Ёрюзмек.

Алай айтып, ол юйюне тебиреди.
20 Шайтанла аны иймезге болдула,
Ёрюзмек да кьалмаздан болду.

— Кьатыныма сормай, амалым жокъду,— деди.
Танг атаргъа, кьайтып келирге сёз берди.

Ёрюзмекин кьатыны обур Сатанай эди.
25 Ёрюзмек, кече ортада келип,
Эшикни кьакъгъан эди.

Ёрюзмекни кьатыны — обур Сатанай —
Эшиклени терк ачхан эди:
— Кел-кел, кир юйге,— дей эди.

30 Ёрюзмек да: «Мен юйге кире турмайма,
Мен бусагъат артха кьайтама»,— дей эди.

Обур Сатанай да ишни биле эди:
— Кир юйге, ауузлана бар,— деп тилей эди.

Ёрюзмек юйге кирди, ауузданды,
35 Сатанай а сёзге-ушакъгъа болду.

Тышына чыгып кьарагъанында уа,
Танг атып тура эди.

Ёрюзмек, шайтанланы излеп,
Ёрге-энишге жортхан эди.

- 40 Мудахланып, юйге кьайтды.
Сёлешмейди, жеринде олтурмайды.
Сора кьатынына былай айтды:
— Сайлагьанынгы алып, юйюмден кет,— деди,—
Ай, бир ариу кьыздан кьалдым! — деди.
- 45 Обур Сатанай да: «Мен кетерме,— деди,—
Сен айтханны этерме,— деди.
Алай, бирге олтуруп, ичейик, ашайыкъ,— деди,—
Ариу халда айырылышайыкъ»,— деди.
- Олтуруп, ашай-иче кетип,
50 Ёрюзмекни жукьлатхан эди.
Ёрюзмек жукьлагьанлай,
Аны да арбагьа салдырып,
Биргесине алып кетген эди.
Жолда кетип бара, ол уянган эди:
55 —Эй, тохта, обур Сатанай,
Мени кьайры элтесе? — деген эди.
Обур Сатанай да:
— «Сюйгенинги ал да кет»,— деген эдинг сен,
Сенден сюйгеним жокь эди да,
60 Ма сени алып, юйюме барама мен.
— Сен хорладынг,— деди Ёрюзмек,—
Мычымайын юйге кьайтайыкъ,— деди.—
Аллай акъылсызлыкьны энди мен эттем,
Быллай терсликни энди кесиме кечтем.
- 65 Юйлерине ала эрлай кьайтдыла,
Ариу жашап, айырылмай кьалдыла.
28. САТАНАЙ ЁРЮЗМЕКНИ КЪАЛАЙ АЛДАГЬАНДЫ
Ёрюзмек дегенинг а ёзден эди, дейди,
Кёп кьыйынлыкьлагьа тёзген эди, дейди.
Аны бёрю тону-желпегей, дейди,
Эки да мыйыгы-кёрпелей, дейди.
- 5 Батыр Ёрюзмек Кьоланына минип а, дейди,
Кетип бара эди уллу тюзде, дейди.
Ол уллу тюзде бир от жарыкьла кёрдю, дейди.
— Алайда уа адам жашап билмейме,— дейди,—
Мен алайгьа бир барайым,— дейди,—

- 10 Ким болгъанларын билейим,— дейди,—
Не этгенлерин кёрейим,— дейди.

Ол от жарыкълагъа уа жетди Ёрюзмек, дейди.
— Терк къорагъыз, къынгыраякъладан кёреме,— дейди,—
Шайтанланы тойларына тубедим,— дейди.

- 15 — Иш къолай болсун, аманла!
— Сау бол, сау кел, Ёрюзмек!

Юсюндеги — желпегей, желпегейни къоймасанг,— дейди,—
Бизни мында тапмазса,— дейди.

- Терк къорагъыз, аманла! Бёрю тону не этеди?
20 Желпегейни тешгенди, тойларына киргенди, дейди.

— Онгча,— деселе, онг жанына бара эди, дейди,
— Солча,— деселе, сол жанына бара эди, дейди.

Ёрюзмек шайтанланы тойларында ойнайды, дейди,
Къобузчуларын сайлайды, дейди.

- 25 — Энди сайлагъанынг — сеникиди,— дейле,—
Муну алмай а кетме,— дейле.

— Сатанайдан сормай бир ишими да этмейме,— дейди,—
Аны ыразылыгъын а алып келейим,— дейди.

- Танг атхынчы сени сакъларбыз,— дейле,—
30 Ол заманнга келмесенг — бизни мында тапмазса,— дейле.

Ёрюзмек салып обур Сатанайгъа баргъан эди, дейди.
Ёрюзмекни къатыны къуртха Сатанай, дейди,
Эшикни терк ачхан эди, дейди.

- Мен юйге кире уа турмайма,— дейди,—
35 Бир сорлугъум барды да, бир тынгылачы,— дейди.

Обур Сатанай а ишни билип тура эди, дейди.
Ёрюзмекни, къоймай, юйге кийирди, дейди.

Аны алдаргъа обур Сатанай, дейди,
Терезеден жулдузла кёрюнюп турурча этгенди, дейди.

- 40 Кеси уа танг атхынчы, дейди,
Ёрюзмекни ашатып, ичирип, булжуханды, дейди.

Ёрюзмек: «Не узун кече эди»,— деп къарай эди терезеге,
дейди.
Эшикге чыкъгъанда, танг эртде атып тура эди, дейди.

- Мудахланып юйге къайтды, дейди,
45 Обур къатынына былай айтды, дейди:

— Сени ючюн бир ариудан къалдым,— дейди,—
Энди суйгенинги алып, юйюнге кет,— дейди.

- Сатанай: «Да, мен кетерме,— дейди,—
Алай жууукъну, тенгни жыйып а,— дейди,—
50 Аладан ыразылык алып, алай кетейим»,— дейди.

Сатанай кѣп боза, сыра да этгенди, дейди,
Нарт элни битеу да жыйганды, дейди.

Олтуруп, ашай-иче кетип а, дейди,
Ёрюзмекни ол а жукълатды, дейди.

- 55 Сора, аны арбагъа салдырып, дейди,
Биргесине алып кетгенди, дейди.

Жолда, кетип бара, ол уянды, дейди:
— Эй, къуртха Сатанай, бу не ишди? — дейди,—
Мени къайры элтесе? — деп, сейирсинди, дейди.

- 60 — Да, «Сюйгенинги ал да кет!» — деген эдинг,— дейди,—
Сенден суйгеним жокъ эди да,— дейди,—
Сени алып юйюме барама мен,— дейди.

— Къайт, къайт, сен хорладынг,
Аллай акъылсызлыкъны энди этмем,— дейди Ёрюзмек.

29. ЁРЮЗМЕК ШАЙТАНЛАНЫ ТОЮНДА

- Нартда барды беш батыр,
Ори, орада!
Бири артыкъ бск батыр!
Ори, орада!
Жолда ала от жарыкъла кѣрдюле.
Ори, орада!
— Барыр эдик — эл жокъду,
Ори, орада!
5 Къайтыр эдик — къош да жокъду,
Ори, орада!
Энди алайгъа барыргъа,
Ори, орада!
Ёрюзмек, сенден алф жокъду.
Ори, орада!
Ары кетди Ёрюзмек,
Ори, орада!
Кѣзюдюреуюк бар эди.
Ори, орада!
10 Аны тартып къарады:
Ори, орада!
«Къынгыраякъла кѣреме!»
Ори, орада!
Къатларына къысылды.
Ори, орада!
— Айхай, айхай, Ёрюзмек,
Ори, орада!
Желпегейинги къоя кел, маржа,
Ори, орада!
15 — Желпегей деген не затды?
Ори, орада!

- Алай айтыргъа къоркъалла.
Ори, орада!
Бирлери да айтды аны:
Ори, орада!
— Юсюнгдеги тонунгду!
Ори, орада!
— Терк къорагъыз сиз, аманла!
Ори, орада!
- 20 Бёрю тери сизге не этед?
Ори, орада!
Андан да узакъгъа къачдыла.
Ори, орада!
Желпегейни тешди Ёрюзмек,
Ори, орада!
Ичлерине кирди Ёрюзмек.
Ори, орада!
— Атанг антлы жууугъубуз эди,
Ори, орада!
- 25 Сени да жууукъ этейик,
Ори, орада!
Къыз керек эсе да, берейик.
Ори, орада!
Тепсей эди Ёрюзмек.
Ори, орада!
Къызладан да бирин алып,
Ори, орада!
Тепсей тургъан заманда,
Ори, орада!
- 30 Танг да атып башлады.
Ори, орада!
— Жибер, Ёрюзмек,— деп тилейле.
Ори, орада!
Бу да аны жибермейди.
Ори, орада!
Кёп ариу затла кёргюзтдюле.
Ори, орада!
— Бу алтынланы берейик,—
Ори, орада!
- 35 Къызны энди жибер,— дейле.
Ори, орада!
Жибермейди Ёрюзмек.
Ори, орада!
Танг атды, кюн тийди,
Ори, орада!
Тауушларын эшитеди,
Ори, орада!
Кеслерин а кёрмейди Ёрюзмек.
Ори, орада!

30. ЁРЮЗМЕК БЛА ШАЙТАНЛА

Нартны бии нарт Ёрюзмек,
Ори-ори-рау!
Тиши тюшген къарт Ёрюзмек,
Ори-ори-рау!
Ёрюзмек деген ёзденед,

- Ори-ори-рау!
 Белибауу джезденед,
 Ори-ори-рау!
- 5 Кёнчеги да маймёзденед,
 Ори-ори-рау!
 Ёрюзмек а бир къарангы кече
 Атланыб тебрсгенед
 Ори-ори-рау!
 Бир узакъ джерде бир от джарыкъ кёргенед.
 Ори-ори-рау!
 Салыб ол от джарыкъгъа баргъанед,
 Ори-ори-рау!
- 10 Ёрюзмекни чычхан сыртлы сары аты,
 Ори-ори-рау!
 Эки кюулагъын аллына тутуб тохтагъанед,
 Ори-ори-рау!
 «Ай, аман ат»,— деб, эки джамызына къамчи бла
 Кючлю-кючлю ургъанед,
 Ори-ори-рау!
 Барса уа, тегерек тутуб тургъан
- 15 Бир уллу тойгъа баргъанед,
 Ори-ори-рау!
 «Ёрюзмек келди, Ёрюзмек келди!» — делле дейд,
 Ори-ори-рау!
 «Къайдан чыкъдыңг, нартны бии нарт Ёрюзмек?» — деб,
 Аллына чабыб, атдан тюшюрдюле,
 Ори-ори-рау!
 Атын элтиб ат илкичге такъдыла,
 Ори-ори-рау!
- 20 «Кел, кел, кел, джууукъ бол»,— деб,
 Кесин тойгъа тартдыла,
 Ори-ори-рау!
 Эки джанына эки ариуну салдыла,
 Ори-ори-рау!
 «Онгнга, онгнга!» — деселе, онг джанына барасед,
 Ори-ори-рау!
 «Солгъа, солгъа!» — деселе, сол джанына барасед,
 Ори-ори-рау!
- 25 Андан сора Ёрюзмекни олтуртдула,
 Ори-ори-рау!
 Аллына да къазандан чыгъарыб исси этлени салдыла,
 Ори-ори-рау!
 «Бисмилля»,— деб, къарт Ёрюзмек узалгъанлай,
 Джыйылгъан миллет тас болду,
 Ори-ори-рау!
 Аллында тургъан исси этле ат бокъ болду,
 Ори-ори-рау!
- 30 Аты тагъылгъан темир илкич эски къаура болду,
 Ори-ори-рау!

III. СОСУРУКЪ/СОСУРКЪА

31. СОЗУК БЛА САТАНАЙ

Уллу Адилни да кюнлюм жагъасында,
Ой, оймат, оймат а кьойнунда, дейле,

Ой, нарт кьойчусу да Созук да, дейле,
Ой, нарт кьойчусу да Созук да, дейле,

- 5 Уллу Адилни да кюнлюм жагъасында, дейди,
Кьоланбаш кьойла да кюте тургъанлай, дейдиле,
Кьоланбаш кьойла да кюте тургъанлай, дейле,
Акъ ташха олтуруп кьарай тургъанлай, дейле,
Ариу Сатанайны да сууну бирси жанында кьргенди, дейле,
10 Ариу Сатанайны да сууну бирси жанында кьргенди, дейле,
Ой, анга сукъланнгандан а ёлгенди, дейле,
Ой, анга сукъланнгандан а ёлгенди, дейле.

Уллу Адилни да кюнлюм а жагъасындан а, дейле,
Уллу Адилни да кюнлюм а жагъасындан а, дейле,

- 15 Созукну урлугъу да, огъу уа атылды, дейле,
Ол Сатанай олтургъан а состар ташха чачылды, дейле.
Ол Сатанай олтургъан а состар ташха чачылды, дейле,

Къарт Созук да ма алай айтып а кычырды, дейле:

— Эй, бийче, ол состар ташны биргенге алып бар! —
дегенди.—

- 20 Ол состар ташны биргенге алып бар! — дегенди.

Сатанай бийче да къарт кьойчуну да айтханын а этгенди,
дейле,

Ол состар ташны да юйюне алып а кетгенди, дейле.
Ол состар ташны да юйюне алып а кетгенди, дейле,

Ол таш, таууш эте, кымылдай болгъанды, дейле.

- 25 Къаратон Сатанайны жюреги да кьууанчдан толгъанды, дейле,
Къаратон Сатанайны жюреги да кьууанчдан толгъанды, дейле.

Таш тогъуз айны бууаз болуп а тургъанды, дейле,
Таш жарылып а Сосурукъ андан туугъанды, дейле,
Таш жарылып а Сосурукъ андан туугъанды, дейле.

Хапарлада айтыла, ата-аналадан эшитиле келгенге кёре, нартла Къыркъ-сууну бойнунда, айтыргъа, Минги тау бла Терк тауну арасында жашагъандыла. Ала къоркъакълыкъны, ёлмню билмегендиле. Жаулары бла урушда ким ёлсе да, ол Тейрини жууугъу болгъанды. Жер Тейриси аны обасын жай да, къыш да сууукъ не да исси, къарангы этмегенди. Аллай батыр нарт ёлсе, аны обасын нартла унутмагъандыла. Хар бир нарт, мал сойсала, аны эт юлюшюн, элтип, обасына салгъандыла. Беш жылга деричи хычауман айында, анга эркек ат союп, обасыны къатында от этип, этин биширип, ашагъандыла. Обасыны тегерегине, гюрен айланып, тепсегендиле. Батыр болургъа, жаудан артха турмазгъа Кёк, Жер, Суу, От тейриле бла ант, тоба этгендиле.

Нартланы заманында Эдил сууну жагъасында нартланы бир къалалары болгъанды. Аны ичинде, алагъа акъыл юйретген, Къырс-бийче деген бир тиширмю жашагъанды. Аны биргесине да, жумушун этип жүрюген, Кюн-бийче атлы бир къыз болгъанды. Ол къыз, кереклисине кёре, эрттен-ингир сайын, ёре къошуну бла суугъа жюрюй тургъанды.

Бир кюн, ингир ала, суу алыргъа баргъанда, сууну экинчи жанында къойла кюте тургъан нартланы бир къойчусун кёргенди. Къойчу да Кюн-бийчени кёргенди. Къойчуну эки кёзю кесине жютю къарагъанын эслеп, Кюн-бийче, къачып, бир состар ташны артына букъгъанды.

Олсагъатда сюрюучюню аткъысы, атылып, ташха киргенди,
Ташха алайдан аны бла бууазлыкъ тюшгенди.
Кюн-бийче, чачы-башы тозурап, кеси да кечге къалып,
Къалагъа къайтханды, сууун да алып.

Къырс-бийче: «Къайда айланаса, не кёп къалдынг, чачынг, башынг да тозурап, санга не болгъанды?» — деп соргъанды.

Ол заманда Кюн-бийче суу жагъада кёрген, жолукъгъан ишни болгъаныча айтды. Уланы, къызы болмагъан Къырс-бийче олсагъат, адамларын ийип, ташны къаласына келтирди.

Ташны бир къарангы, суукъ отоугъа салдыргъанды,
Тогъуз ай бла тогъуз кюнню сакълагъанды.
Таш акъырын-акъырын кёбе тургъанды.
Тогъуз ай бла тогъуз кюнню жетгенде,
5 Таш жарылып, андан жашчыкъ чыкъгъанды.
Къырс-бийче кеси, марап туруп, аначылыкъ этгенди,
Кёк, Жер, От тейриледен былай айтып тилегенди:
— Сиз муну къылыч кесмеген нарт уланладан этигиз,
Окъ кирмеген, жауларын хорлагъанладан этигиз! —

деп, киндигин кесгенди. Жети да таудан суу алдырып, аны аузун жуугъанды. «Жети да тауну нартлары сени аманатынгдыла, жети да тау сени анангдыла, аланы сютлери бла аузунгу чайкъагъанма. Мен сени алагъа аманат этеме, ала санга болушлукъ этерле!» — дегенди.

Сосурукъ ташдан, ышара-кюле, туугъанды,
Къашлары, оракъла кирик, кёзлери, танг чолпаныча, жаннгандыла.
Аны ол заманда тюз аты Состар улу болгъанды.
Ол атны ол заманда Нарт, жыйылып, атагъанды.
5 Бара баргъанда уа Сосурукъ деп къойгъандыла.
Сосурукъ тогъуз айны тогъуз кюннге ёсгенди,
Темир ылытхынладан чалыла эшгенди.
Темир къангаладан чабырла этип кийгенди.
Ол бирси нартладан акъыллы, къарыулу болгъанды.

33. СОЗУКНУ ЖАШЫ

Сосурукъ былай туугъанды. Сосурукъну атасы Созук деп болгъанды. Бу Созук телиракъ эди. Ол кёмюрню кьойла этип, хуна тюрбуне барып: «Кьойла кютеме»,— деп жашагъанды.

Сора, барып, усталагъа соргъанда, ала: «Муну жети жол айырылгъанга элтгиз,— дегендиле,— жети къарт кьой да беригиз, бир атылмагъан ушкок да беригиз, бир юрмеген ит да беригиз, жанмагъан отун да беригиз,— дегендиле,— мынга».

Элтгендиле да ол жети жол айырылгъан жерде жети кзулач бау этгендиле, жети къарт кьой, атылмагъан ушкок, бир юрмеген ит, жанмагъан отун да бергендиле да кетгендиле.

Бу алайгъа баргъанлай, ырысхысы аллына келип, кзуранып башлагъанды, дейдиле. Артда муну сау минг кьюю болгъанды алайда.

Эки ити да болгъанды Созукну: бири — Жетер, деп, бири — Тутар, деп. Сора ол итлери бла ойнап болгъанды. Сыбызгыгъа уа бек уста эди Созук. Ол Жетер деген ити аякъ бюге, Тутар деген ити уа сюзюлюп бара эди, дейдиле, ол сыбызгы сокыгъанда.

Сора бир уллу сууну жагъасына барады да Созук, обур Сатанай деген бир ариу тиширууну сууну ары жагъасында быстыр жууа тургъанын кёреди. Суудан ары ёталмай бу, аны ариулугъуна сукъланады. Созук жашагъан да иги этгенди, ёмюрюнде тиширууны кёрмей алай жашап тургъанды. Алайда, Сатанайны жанында бир уллу таш бар эди, дйдиле. Созук сууну бу жанындан окъуна ол ташха жангылады да, таш къалай эсе да мындан бууазлыкъ алады.

Сатанай да аны билип тургъанды. Тууар заманында уа, устала элтп, адырла да элтп, жондуруп, ташны жукъартхан заманда, усталаны да юйлерине ийип, ташны ичинден ол сабийни кеси алады, состар ташны ичинден. Ол сабий состар ташдан жаратылганы ючюн анга Сосурукъ деп атагъандыла. Сатанай Сосурукъну Ёрюзмекте кёргюзтмегенлей ёстюргенди. Танытхан а артда, ол уллу болгъанында этгенди.

34. НАРТЛА СОСУРУКЪНУ КЪАЛАЙ ТАПХАНДЫЛА

Бир жол нартла, жортууулдан къайтып келе, бир уллу сууну айрыкамында жаш сабийчикни эледиле. Ол жашчыкъ, нартла къарап тургъанлай, бир уллу состар таш жарылады да, аны ичинден чыгъады.

Нартла алайда ат солтургъа тохтадыла. Суу айрыкамгъа — жашчыкъгъа барыргъа: «Сен кир, мен кир,—» дерге кълдыла. Ахырында нартладан бири таукелленди. Аны атына Ёрюзмек дей эдиле. Ёрюзмекни белине аркъан кысып, суугъа ийдиле.

Ёрюзмек айрыкамгъа жетгенлей, аркъанны белинден тешип, ташха байлады, кеси уа жашчыкъны болгъан жерине барды. Барып къараса, бир топал, семиз балачыкъ. Ёрюзмек жашчыкъгъа балан бармагъын узатды. Жашчыкъ, сермеп алып, бармагъындан тутду. Ёрюзмек бармагъын ычхындырыргъа кюрешеди, болса да сабийден кюлун ычхындырыр ючюн кесини бармагъын чыгъарды. Бармагъыны чыкыгъанын да салып, жашчыкъны айрыкамдан нартлагъа ётдюрдю.

Нартла бир айдан эллерине жетдиле. Сабийни хапары битеу нарт элlege жайылды. Сора нартланы акъыллы къартлары жыйылып, ол жашчыкъгъа Сосурукъ деп атадыла.

Ким биледи, аланы алай нек атагъанларын. Атамы атасыны айтханына кёре, бир жанындан, ол жашчыкъ чыкыгъан — туугъан таш состар болгъаны себепли, аны ючюнмю, огъесе уа башха магъана бла айтылыргъа болур.

Жашчыкъны кесине да, Ёрюзмекни анасын чакъырып, анга ёшюн салдыргъандыла. Ол кюнден башлап, Сосурукъ Ёрюзмекни гитче къарындашына саналгъанды. Кесине уа «Сосурукъ» деп кьоймай, «нарт Сосурукъ» дегендиле.

Жылла озадыла, нарт Сосурукъ батыр нартлагъа билеклик этип башлайды. Бир жол нартлагъа заран берген эмегенлеге нарт элле къажар чыкъдыла. Бу жортууулда нарт Сосурукъ кесин керти да чынтты батырча кѣргюзтдю.

35. СОСУРУКЪ НАРТЛАГЪА ОТ КЕЛТИРЕДИ

Эртте заманлада нартла от тамызабыз деселе, уллу къуру тереклени тамырлары бла къобарып, аланы кюнню кѣзюне тутуп къабындыргъандыла. Не да кѣкден садакъ бла жулдузну тюзюрюп, алай от этип тургъандыла.

Ма ол заманлада, бир сууукъ къышланы биринде, нарт элни битеу батырлары жортууулгъа кетгендиле.

Нартда жангыз онгуз къартла, тиширыула эм сабийле къалгъанларын билип, эмегенле нарт элlege чабыууллукъ этгендиле. Бек кѣп адамны, малны ашап, нартланы межамларын чачып, отларын ёчюлтюп кетгендиле.

Нарт батырла жортууулдан къайтханда, нарт элдеде от болмай, ол къалгъан нарт улула да сууукъдан къырыла тура эдиле.

Эмегенле, нартланы отлары болмагъанларын билип, ала кюнден, не жулдузладан от тамызмасынла деп, жел кѣрюклерин басып, битеу нарт элени жел алып кетеди дерча, боран этген эдиле.

Ол заманда нартла, жыйылып, кенгешдиле. «Эмегенледен от урламасакъ, башха мадарыбыз жокъду, — дегенди Сатанай-бийче. — Бу ишни жаш Сосурукъ болмаса, киши эталлыкъ туююлду», — дегенди ол нартлагъа. Сора нарт Сосурукъ жолгъа атланды. Эмегенле жашагъан Къуф таулагъа жетип, аланы бирлери жашагъан бир уллу дорбундан тютюню чыга тургъанын кѣрдю.

Ол эмегенни дорбунуна Сосурукъ арсарсыз кирип барды. Кирип барып къараса: эмеген уллу отну тѣгерегине чулгъанып, жатып жукълап тура эди. Сосурукъ, эмегенни уятмай, от алып кетерге мурат этди. Алай ол отдан сермеп кесеу алып чыгъаргъа тебирегенлей, эмегенни жангыз кѣзюне кесеуден от тюздю. Эмеген уянып, сермеп Сосурукъну аты бла бирге къолуна алды. «Не затса, не этесе мында?» — деп сорду.

«Нарт элден келгенме, от алыргъа келгенме», — деди Сосурукъ. Ол заманда: «Сен нарт Сосурукъну таныймыса?» — деп сорду эмеген. «Таныйма», — деди Сосурукъ.

«Да аны оюнларын билемисе?» — деп сорду эмеген. «Айхай, билеме», — деди Сосурукъ. «Алай эсе, аны оюнларын манга юйрет», — деди эмеген.

Сосурукъну мураты эмегенни ёлтюрюп, от алып кетерге эди.

Сосурукъ эмегенге: «Сен манга бир уллу темир ылытхын бер да, мен аны бла къаядан ташла оярма, сен а, къаяны тубюнде туруп, мен ойгъан ташланы башынг бла уруп, ёрге-ёрге атарса. Ол Сосурукъну бир оюнуду», — дейди.

Сосурукъ темир ылытхынны алып, къаягъа чыгып, уллу ташланы оюп, энишке жибереди. Эмеген аланы, къая тубюне жетгинчи, башы бла уруп, къаяны башы бла аудуруп, Сосурукъну къоркъутхан окъуна этди.

Болса да, Сосурукъ, этген мураты болмазын кеси ангылап, бир башха амал этейим деп, ойлады: «Экинчи оюну — кѣлню бузлатыуду».

Эмеген кѣлге киреди. Сосурукъ Тейриден тилеп, кѣлню бузлатып, къысыр буз этгенде, эмеген, сыгынып, бузну кѣтюралмай къалды. Эмегенни алайдан чыгъалмазын билгенде, Сосурукъ: «Энди сени башынгы кесейимми? — деп сорду. — Ма нарт Сосурукъ — менме», — деп билдирди.

«Да, менден темир ылытхынны алып, къая башына ташла ояргъа ёрлеп тебирегенинде, ызынгдан къарап, Сосурукъ болурмуса деп, ишекли болгъан эдим. Айтыугъа кѣре, бутларынгы, тобукъларынгы энишгеси къынгырды деп эшитген эдим да, андан, — деди эмеген. — Сени сырпынынг мени сѣлешген башымы кесмез. Мени кесими сырпыным барды да, барып, аны алып келип, аны бла кес».

Сосурукъ дорбунга барды, анда эмегенни сырпынын кѣрдю: «Алай мында муну бир тюрлю антсызлыгъ болмагъа эди», — деп, жалан къолу бла болмай, сырпынга бир тыякъ бла узалып жетгенде, сырпын олсагъат окъуна уллу таууш бла «зынг» деп, алайдан чартлап, темир чигинжини кесип, жерге тюздю.

Сосурукъ, сырпынны къолуна алып, эмегенге барды.

Алай эмеген, кесини башы кесилгинчи, Сосурукъгъа: «Да энди ёлтюресе да, ёлтюресе, мени башымы кесгенден сора аркъа сюегими жилигин чыгъарып алсанг, ол санга не жерде да, не затха да жарар»,— деген эди.

Сосурукъ кеси кесине: «Бу муну манга не ючюн айтхан болур? Мында бу эмегенни биягъы бир антсызлыгъы болмагъа эди»,— деп, жиликни чыгъарып, бир уллу терекни бутагъына тагъады. Ол аркъа жилик ол терекге чулгъанып, терекни, сырпын бла кесгенча, къыркъып къояды. Эмеген, айхай да, аны алайлыгъын билип, Сосурукъну жояргъа мурад этгенди.

Энди Сосурукъ эмегенни юйюне эркин болуп, от да алып, нарт элине къайтып, юшюй тургъан нартланы ёлюмден къутхарды.

Бёлек кюнден сора Сосурукъ, нарт нёгерлеринден тёрт адам элтип, эмегенни дорбунуна барып, болгъан хазнасын тинтип, жыйып, нартлагъа алып келтирди.

Нартла нарт Сосурукъгъа эрлик аякъ Агунаны берип, уллу къууанч этгендиле. Сосурукъну алгъышлап, бу жырны жырлагъандыла:

Ойра, ойра, нарт улусу Сосурукъ!
Ойра, ойра, нарт жигити Сосурукъ!

Эмегенни алдап, отун сыйыргъан Сосурукъ,
Нарт эллени палахдан къутхаргъан Сосурукъ.

5 Ойра, ойра, нарт улусу Сосурукъ!
Ойра, ойра, нарт жигити Сосурукъ!

Нарт эллени отсуз бир да этмеген Сосурукъ,
Жигитликде бир нарт улу жетмеген Сосурукъ.

Ойра, ойра, нарт улусу Сосурукъ!
10 Ойра, ойра нарт жигити Сосурукъ!

От келтирип, нарт эллени жылытхан Сосурукъ,
Нарт эллени кёп палахдан къутхаргъан Сосурукъ.

Ойра, ойра, нарт улусу Сосурукъ!
Ойра, ойра, нарт жигити Сосурукъ!

36. СОСУРУКЪ БЛА ЭМЕГЕН

Нарт батырла жортуулгъа чыкъдыла,
Ала жолда отсуз, къуусуз къалдыла.

Сосурукъ да ол жыйында болгъанды.
— Бир от алып келейим,— деп жортханды.

5 Бир дорбунда от жарыкъны кёргенди,
Жукълап тургъан эмегенни эслегенди.

Ат юсюнден узалды кесеюне,
Жинки тюшдю эмегенни кёзюне.

Жукъусурагъан эмеген узалды,
10 Сосурукъну, атны да къолгъа алды.

Аланы эмеген кёзюне салды,
Сосурукъ кюрешди, андан чыгъалмады.

Деу эмеген жукъ да сезмей жукълайды,
Кёзюнден а от жилтинле чартлайды.

- 15 Бир заманда, ол, уянып, суюлди.
Кёз ичиндеги атлыны сермеди.

Сейир болду: «Кимсе, къайдан келгенсе?
Мени кёзюме уа къалай тюшгенсе?»

— Биз,— дегенди,— нартла, чыкъгъанек жолгъа.

- 20 Отсуз къалып, келгенме от алыргъа.

Сен а сермеп кёз ичинге салгъанса,
Уянгынчы барамталап къойгъанса.

— Сизде,— дегенди,— Сосурукъ деп бармыды,
Аны оюнларындан билемисе?

- 25 — Айхай, барды, уста таныйма аны,
Кёп кёргенме ол этген оюнланы.

— Сора айтчы, оюнлары кёпмюдюле?
— Оюнларын айтсам а, бек кючдюле,
Алай санга кереклиси ючдюле.

- 30 Бири буду: мен таугъа чыгыучу эдим,
Уллу къаяланы оюп ийиучю эдим.

Ол ырбында къаяланы сакълаучеди,
Башы бла уруп, артха адуруучеди.

Эмеген: «Хайда, сора, бир кёрейик!» — дегенди,

- 35 Нарт Сосурукъ тау башына мингенди,
Эмегенге къаяны оюп ийгенди.

Ол а, башы бла уруп ташланы,
Жангыз бирин да жибермей башлады.

Ташла, къушла кибик, учдула,

- 40 Сосурукъну тёппеси бла адула.

— Аха,— дейди,— Сосурукъча ойнаймамы?
— Айхай,— деди,— андан да иги ойнайса.

— Экинчи оюну уа къалайды?— деп сорду.
— Ол а,— дегенд,— алтмыш сабан темирни

- 45 Отха салып, къып-къызыл къыздырады,
Жутады да, ызына чыгъарады.

— Ол да жарайд, жый да, къыздыр, хазыр эт,
Энди аны да бир кёрейик!— дегенд.

Сосурукъ темирле жыйып къыздыргъанд,

- 50 Сора эмегенге: «Жут»,— деп буюргъанд.

Деу эмеген темирлени жутханды,
Сууутуп, ызына чыгъарганды.

— Ай, бу уа нечик ахшы оюн эди,
Сууукъ кърным бир кесек жылынды!

- 55 Ючюнчюсю уа къллай оюнд? — дегенди.
— Ол а,— дегенд,— къамиш кълге кирирсе.

Баш токъмагъынг суудан тышында болур,
Кългъанынг а суу тюрюнде турур.

- Анда, кыш чилледе, беш кюн ётдюрюрсе,
60 Кёл бузласа, къамиш бузну кётюрюрсе.
Сосурукъ да алай этип ойнаучед.

Деу эмеген къамиш кёлге киргенди,
Айтхан болжалына дери тёзгенди.

- Кыш чилледе къамиш кёл бузлагъанды.
65 Сора эмеген тюрюнден кётюргенди,
Кёлню бузун чыкър-чыкър этдиргенди.

Ол заманда уа Сосурукъ къркыгъанды:
— Жангылгъанма, энгда да беш кюн керекди,—

- Деп, Сосурукъ эмегенни алдады,
70 Мондай эмеген да анга ийнанды.

Нарт Сосурукъ къамиш башланы ташыды,
Бузну жарылгъанларын да жашырды.

Сора Сосурукъ Тейриден тиледи:
— Беш жылны сууугъун беш кюннге эт! — деди.

- 75 Келди аллай бир сууукъ, ахырзаман,
Кёл бузлады, къатды ташдан да аман.

Сора айтды: «Ха, эмеген, силкинчи!»
Кымылдады, силкинди, болалмады,
Кысыр бузгъа милдеу да эталмады.

- 80 — Ай, медет а, адам улу, болалмайма,
Сосурукъну бу оюнун эталмайма!

— Къарт эмеген, Сосурукъ деген менме,
Энди уруп башынгы кетереме!

- Сен кыаягъа чыгъа туруп, сезгенем,
85 Сен Сосурукъса деп, ишекли болгъанем!

Ай, байтамал! Энди кесмей кьоймайса,
Сени сырпынынг эмегенни кесмейди.

Ал чачымы тюрюнде кылычымы,
Аны бла кесалырса башымы.

90 — Бу аман гадур хыйла этер,— деп кьоркьгъанды,
Сосурукъ къазыкъ алып узалгъанды.

Кылыч къазыкъгъа секирип башлагъанды,
Жетген жерин кесип, юзюп ташлагъанды.

Кесе келип, къол тутумгъа жетгенди,
95 Сосурукъ да сермеп сабындан тутханды.

Эмегенни чачындан сермегенди,
Башын кесип, от алып кетгенди.

37. НАРТ СОСУРУКЪНУ БЛА ЭМЕГЕННИ ЖЫРЫ

Эй, нарт батырлары да жортууулгъа чыкъдыла, ой, чыкъдыла,
Ала да жолда отсуз, къуусуз къалдыла, ой, къалдыла.

Сосурукъ да ол жыйында болгъанды, ой, болгъанды.
— Бир от алып келейим,— деп, ол да жортханды, ой, жортханды.

5 Эй, узакъ къарап от жарыкъла кёргенди, ой, кёргенди,
Атын буруп а, от жарыкъгъа тебирегенди, ой, тебирегенди.

Атдан тюшмей, от кесеуню алгъанды, ой алгъанды,
Атын буруп а, ол да ызына тебирегенди, ой, тебирегенди.

Эмеген а, уянып, узалгъанды, ой, узалгъанды,
10 Чабып баргъан, нарт батырны аты бла къолгъа алгъанды, ой, алгъанды.

Сейир этди: «Кимсе, къайдан келгенсе, ой, келгенсе?
Мени юйюме къалай бла киргенсе?»

— Нарт батырла жортууулгъа чыкъгъанек, ой, чыкъгъанек,
Узакъ жолда отсуз, къуусуз къалгъанек, ой, къалгъанек.

15 Кенгден къарап, от жарыкъны кёргенем, ой, кёргенем,
Отсуз къалып, от алыргъа келгенем, ой, келгенем.

— Нартла ичинде Сосурукъ деп а бармыды, ой, бармыды,
Аны оюнларындан не билесе, ой, билесе? — деп соргъанды.

— Айхай да барды, уста таныйма аны, ой, таныйма,
20 Аны оюнларындан санга кереклисин айтайым а, ой, айтайым.

Бир оюну олду: мен къаягъа миниучем, ой, миниучем,
Къаяланы юсюне, ой, оюучем, ой, оюучем.

Ол ырбында къаяланы сакълаучу эди, ой, сакълаучу эди,
Башы бла уруп артха аудуруучу эди, ой, аудуруучу эди.

25 Эмеген: «Хайда, сора бир кёрейик!» — дегенди, ой, дегенди,
Нарт Сосурукъ тау башына миннгенди, ой, миннгенди.

Эмегенге къаяланы оюп ийгенди, ой, ийгенди,
Мангылайы бла уруп ташланы, ой ташланы,
Жангыз бирин да жерге жибермей къайтарды, ой, къайтарды.

30 Ташла, кѳушла кибик, учуп, тау башына чыкѳдыла, ой, чыкѳдыла.
Сосурукѳну башы бла аудула, ой, аудула.

Эмеген Сосурукѳну бирси оюнун соргѳанды, ой, соргѳанды.
— Ол а,— дегенд,— кѳыш чилледе кѳамиш кѳлге кирирсе, ой, кирирсе,
Башынгдан энишге суу тѳбюнде беш кюн турусса, ой, турусса.

35 Кѳл бузласа, аны жарып чыгѳарса, ой, чыгѳарса.
Деу эмеген кѳл ичине киргенди, ой, киргенди.

Андан чыкѳмай беш кюн бла беш кечени тургѳанды, ой, тургѳанды,
Сууукѳ келип, кѳамиш кѳлю бузлагѳанды, ой, бузлагѳанды.

Деу эмеген силкинди, кѳымылдады, болмады, ой, болмады,
40 Кѳысыр бузгѳа кѳарыуу жеталмады, ой, жеталмады.

— Ой, адам улу, бу жол а болалмайма, ой, болалмайма,
Эй, бу оюннга арталлы да кѳюч эталмайма, ой, эталмайма!

— Айхай, эмеген, Сосурукѳ деген менме, ой, менме.
Энди уруп башынгы кетереме, ой, кетереме!

45 Эмегенни бойнундан сермегенди, ой, сермегенди,
Башын кесип, от алып, ызына кетгенди, ой, кетгенди.

38. СОСУРУКѳНУ ЖЫРЫ

Нарт батырла Гезам таудан атландыла,
Нарт батырла, отсуз кѳалып, апчыдыла.

Сосурукѳ да Кѳараторгѳа миннгенди,
— Ким биледи, от тапсам а,— деп, кетгенди.

5 Бара кетип, тар чегетге жетгенди,
Бирси кѳолда от жарыкѳла кѳргенди.

Нарт батыры алай таба келгенди,
Жукѳлап тургѳан эмегенни кѳргенди.
Отну сермеп, ол ызына тебирегенди.

10 От жилтини тѳшген эди эмегенни кѳзюне,
Мени жауум тынгылагѳыед аны айтхан сѳзюне:

— Нарт улусу, кѳалай келдинг жукѳлап тургѳан жериме?
Базынып, кѳалай кирдинг эмегенни элине?

Умут барды нарт элдеде асылланы кѳоймазгѳа,
15 Умут барды нарт эллени этлеринден тоймазгѳа.

Умут барды асылланы кѳанларындан ичерге,
Умут барды сабийлерин кѳул этерге, жегерге!
Ёрюзмек а нарт элlege башмыды?

— Ёрюзмек а нарт эллени башыды,
20 Нарт эллени таянырыкѳ ташыды!

— Нарт элени биз артларын этерек,
Тыпырларын, отларын ёчюлтюрөк!

Тейриледиле онгубузну алгъанла,
Нарт элlege къарыу-кючню салгъанла.

25 Кёк Тейрисиди жаубузгъа болушхан,
Нарт элlege ариу кёзден къарагъан!

Адам улу, Сосурукъну сырпыны уа жютюмюдю?
— Къаяланы, эт жауунлай, кеседи!

— Адам улу, Сосурукъну гебоху уа жютюмюдю?
30 — Къаяланы, къош бишлакъллай, тешеди.

— Адам улу, Сосурукъну садагъы уа жютюмюдю?
— Садагъы уа жулдузлагъа жетеди,
Андан къайтып, кълаланы тешеди.

39. ЭМЕГЕННИ ЁНГЕЧИ

Эртте, узакъ чакъллада, эмегенле, нартла деп болгъандыла. Эмегенле бийикле, базыкълыкъллары да, анга кёре, бек базыкъл болгъандыла. Эмегенле адамлагъа ушайыракъл, эриши, ийисли, акъллысыз, анкъау, менгиреу, эссиле болуп, агъачлада, дорбунлада жашап, ханс, тамыр, не жаныуар тапсала да, ашап жюрюгендиле.

Нартла уа адамла болгъандыла. Кълаллай адамла десенг: къарыулу, батыр, кеслери да уллу санлыла, акъллы, оюмлу, баш адамла болгъандыла. Алай а хар заманда ол аман ийисли эмегенле бла суулары сюзюлмегенди. Хар заманда эмегенле, нарт элlege чаба да, малларын ашай, анда-мында сабийлерин кёрсселе, къаба тургъандыла.

Кюнлени бир кюнюнде нарт Сосурукългъа эмегенлени бирлери бла, от кююн, сынашыргъа тюшгенди. Ойнай келип, эмегенни сууда бузлатып, башын кесерге башлагъанда, эмеген Сосурукългъа айтханды: «Мени ёлтюресе, алай ёлтюргенден сора ичимден ёнгечими ал да белинге байла, ол сени хар затынга жарар»,— дегенди.

Сосурукъл буздан чыгълмай кългъан эмегенни башын тайдыргъандан сора, бойнун жарып, ёнгечин алгъанды. «Бу не затха жарарыкъл болур?» — деп, биринчи эмен, чынар тереклеге кысып кёргенди,— ол ёнгеч аланы кесип, юзюп аудургъанын кёргенде, алып барып, Сатанайгъа хапарын айтып кёргюзтгенди.

Ол заманда Сатанай: «Эй, Сосурукъл, биз излегеибизни тапханбыз. Аны бир кесегин темирчи Дебетге темир къатдырыргъа берейик. Темирле уулу, кесгин, ёткюр сырпынла болурла. Садакъл окъллары таулары тешерле, уу жайылып, жауланы ёлтюрюрге. Ол ёнгечни кългъанын бирер бармакъл узунлугъу къадар бир нартха бер. Ала урушха киргенде сырпынларыны ауузларына ол ёнгечни бир кере тартсынла, уруш этген заманда аладан, элияча, отла атылып, душманларыбызны гунч этерле»,— деп юрөтди.

Сосурукъл, ол айтханча, юлшип тамамлагъандан сора, келе келип, бир къланы тубюнде тохтап, сырпынын чыгъарып, ол эмегенни ёнгечинден кесине жетген кесекни, сырпыныны аузуна бир тартып, къланы сермегенди. Кълылыч, элия отла чачып, къланы белинден эки этди. Андан, айланып, бир эмегенле тургъан дуппурну сермегенди. Аны да аныча этгенди.

Андан, айланып, бойнунда жыясын алып, садакъл окългъа ёнгечни тийирип, бир тауну атханды. Садакъл окъл таудан ётюп, жаннганлай, тенгизге кёмюлгенди. Ол садакъл окълну уундан тенгизде кёп чабакъл кълмагъанды.

Ма темирчи Дебетни сауутлары ол ёнгеч бла къатдырылгъанлары кююн уулу, кълты, кесгин болгъандыла.

40. СОСУРУКЪГЪА МАХТАУ ЖЫР

Сосурукъ — нарт батыры,
Орира, орира, орира!
Сосурукъ — нарт ийнагъы!
Орира, орира, орира!

Кимниди алтын сюнгу?
Орира, орира, орира!
Кимниди къурч къалкъаны?
Орира, орира, орира!

5 Алтын бёркю жылтырайды.
Орира, орира, орира!
Нартла, жыйылыгъыз!
Орира, орира, орира!

Сосурукъ — алф батыры!
Орира, орира, орира!
Сосурукъ — нарт ийнагъы!
Орира, орира, орира!

Бюгюн нартлада байрам,
Орира, орира, орира!
10 Келигиз сиз байрамгъа!
Орира, орира, орира!

Сосурукъ — бизни батыр,
Орира, орира, орира!
Анга къууанч этейик!
Орира, орира, орира!

Барыгъыз да келигиз,
Орира, орира, орира!
Сосурукъ от келтирди!
Орира, орира, орира!

41. СОСУРКЪА

Эртде заманлада Сосуркъа деб бир Аллах суйген джигит адам болгъанды. Ол заманлада адамла къыйын, къарангы джашауда джашаб, неден да къоркъа, буюгъа тургъандыла. Эмегенле деб бир затла болгъандыла, кишиге тынчлыкъ бермей тургъан. Ол эмеген деген затладан сора дагъыда сарубек, алмасты деб да ол заманлада кёб затла адамланы онгларын алыб, инджитиб тургъандыла.

Сосуркъа бек кёб джерде, кёб аман затланы хорлаб, алагъа болуша тургъанды. Сосуркъаны хапары джетмеген, аны юсюнден эшитмеген адам болмагъанды. Бир джолда саулай эки-юч элни ашаргъа бегиб тургъан эмегенни да ёлтюргенди.

Былайда, Къумушну бери джанында, бир уллу таш бар эди да, ол ташны юсюнде аны атыны, кесини да аякъ ызлары тюшюб тюрленмей тургъанын кёзюм бла кёргенме. Биз Азияда да айланыб келгеникде да, ол таш ма алай тюрленмегенлей тура эди. Энди ма, былтыр, ким эсе да, бу юй ишлегенлени бири болур, ол ташны ууакъ таш этгенди да къойгъанды. Ол да къайсы ассы болгъан эсе да, аллай сыйлы ташны къурутхан? Андан сора таш къуруб къалгъанча! Ма, мен билгенча, Сосуркъаны хапары алайды.

Сосуркѡа бурун Къартджурт элге баргъан этеди. Барыб анда джашайды.

Бир заманда бир эмегенни хапары чыгъады: элге джууукъ джерге орналыб, халкъны малын, адамын да ашайды,— деб. Аны халкъны инджитгенине тѣзалмай, Сосуркѡа:

— Мен ол эмегенни кѣрмейин мадарым джокъду! — деб, тебрейди. Излей барыб, Хурла кѣлде табады.

— Эй, адам улу! — дейди эмеген, муну кѣргенлей.

— Сен ким боллукъса? Сени атынг неди? — дейди Сосуркѡа.

— Мени атым — Чолакъ Юнус,— дейди эмеген.— Сени атынг а неди?

— Мени атым джокъду. Мен сени излеб келгенме, кючюнго кѣрюрге,— дейди Сосуркѡа.

— Мен Сосуркѡа деб бир адамны кѣб излеб айландым. Адам улунда андан кючлю адам джокъду, деб эшитгенме. Сен Сосуркѡаны таныймыса?— деб сорады эмеген.

— Таныйма, бек таныйма.

— Аны оюнлары къалай болуучан эдиле?

— Сосуркѡаны бир оюну былайды: ма бу таудан сенича бир уллу эмеген ташны тѣнгеретсе, къаяны тюбюнде сакълаб туруб, ол ташны башы бла уруб, чартлатыб, ызына чыгъарады.

— Мен да этейим алай, аны неси барды сора?!

Сосуркѡа, тикге чыгъыб кетиб, башында бир къаяны къобарады. Чолакъ Юнус да тюбюнде сакълайды. Сосуркѡа ол мазаллы къая ташны тѣбен тѣнгеретеди. Эмеген, ташны башы бла уруб, ызына чыгъарады. Ташны ууалгъанларындан Сосуркѡа кесин кючден сакълайды.

— Сосуркѡаны дагъыда бир оюнун айтайым,— деди Сосуркѡа.

— Айт, айт, ол этген оюнланы мен да этерикме! — деб махтанады эмеген.

— Сосуркѡа, тогъуз къаладжюкню темирин отха салыб къыздырыб, ауузун ача эди, аланы ауузун атыра эди.

— Сосуркѡа алаймы этеди? Ол а бош затды! Аны мен да этейим!

Тогъуз къаладжюкню темирин отха салыб къыздырыб, ауузун ачыб, ичине джутады, алай а Чолакъ Юнусгѡа не аз да хата болмай къалады.

Эмегенни бу лагъымла бла ѣлтюралмазлыгъын ангылаб, Сосуркѡа сагъыш этди.

— Сосуркѡаны дагъыда ючюнчю оюну да барды, сен аны этелмезге болурса,— дейди Сосуркѡа.

— Къайда, айтчы, мен аны да этмей къыймам,— дейди Чолакъ Юнус.

— Сосуркѡа алай этеди: Хурла кѣлге киреди да, иги бузлагъынчы, андан чыкъмай турады. Тамам иги бузласа уа, бузну да ууатыб чыгъады.

— Ашхы, аны да кѣрейим,— деб, эмеген Хурла кѣлню арасына киреди.

Сосуркѡа, эки къышны сууугъун тилеб, Хурла кѣлню бузлатханды.

Эмеген Хурла кѣлню ичинде джети кюн бла джети кечени турады.

— А, Чолакъ Юнус, чыкъ энди! — дейди Сосуркѡа.

Эмеген, бузну башы бла уруб, ууатыб, башына чыгъыб тебрейди.

— Эй, сабыр бол, Сосуркѡа алай этмей эди, мен джангылгъан этгенме. Сосуркѡа, бузну кѣтюрюб, аны тюбюне агъач, таш, бичен сала эди. Агъачны, ташны, биченни келтир да къуй кѣлге! — дегенди Сосуркѡа.

Эмеген, барыб агъач, таш, бичен келтириб, бузну тюбюне салыб, дагъыда джангъдан бузгѡа киргенди. Тогъуз кюн бла тогъуз кечени дагъыда бузну тюбюнде тургъанды. Он къышны сууугъун тилегенди Сосуркѡа. Суу, бузлаб, эмеген чыкъмазча, бегигенди. Сора Сосуркѡа келиб:

— А, Чолакъ Юнус, заман болгъанды, тур! — дегенди.

Эмеген башы бла бузну урады. Буз къымылдамай къалады.

— Энтда бир ур! — дейди Сосуркѡа. Экинчи кере урады бузну эмеген. Буз джарылады.

— Эй, энтда бир ур! — дейди Сосуркъя. Ючюнчю кере да урады бузну эмеген. Бузну сындырыб, баш токъмагъы чыгъады...

Кёб кюрешеди эмеген, алай а буздан тёнгеги чыкъмайды. Сора, алайдан чыгъарындан тюнгюлюп, айтханды:

— Эй, сен, хыйлачы адам, меннге этерни этдинг, сен кесинг да бош адам тюлсе, Сосуркъаса. Мен сени хапарынгы эшитген эдим. Сени эки балтырынгдан да къалай танымадым?! Сен менден не зат излейсе, ёлтюрюргеми башлагъанса?

Сосуркъя айтханды:

— Керти айтаса, сени кибик, халкъны инджитгеннге ёлюм керекди! — деб, Сосуркъя къылычын алыб эмегенни сегиз сёлешмеген башын кесгенди, сёлешген башына къылыч не аз да илинирге унамагъанды.

Сора эмеген айтханды:

— Сени бычагъынг мени бу башыма къарыу этеллик тюлдю. Кесинги, мени да мындан кёб къыйнама. Андан эсе, бар да мени дорбунумда уллу къара кюбюрюмден мени къара къылычымы ал да кел. Ол къылыч болмаса, мени бойнуму башха бир джукъ да кесмез.

Сосуркъя барады. Барса, ол кюбюрню аллына бир темир багъана салыныб тура. Къурукъ бла бир джанындан узалыб, Сосуркъя кюбюрню башын ачады. Ол кюбюрню былай ачханлай, бюклениб тургъан мазаллы къылыч, чартлаб чыгъыб, темир багъананы уруб, кесиб, джерге тюшгенди.

Къылычны алыб баргъанды Сосуркъя. Эмегенни башын кесерге тебрегенлей:

— Къашыкъ бла къанымдан бир ич: ол сеннге къарыу берир, — дейди эмеген. — Ичегилеримден да бир белибау этиб къыс белинге. Алай этсенг, мени къарыуум санга кёчерикди.

Сосуркъя эмегенни башын кеседи. Маскеге эмегенни къанын ичиреди. Ол олсагъатлай ёледи. Ичегилеринден алыб терекге чырмайды. Терек да ичегиле чырмалгъан джерлеринден кесилиб-кесилиб оюлуб тюшеди.

— Э, сенде уа керти да къарыу бар кёре эдим, — деб, аны къылыч бла ууакъ-ууакъ туурагъанды. Сосуркъя, алай бла, кесини халкъын тогъуз башлы эмегенден къутхаргъанды.

Алайды Хурла кёлде Чолакъ Юнус деген эмеген бла Сосуркъяны тюбешген-лери.

43. СОСУРУКЪ ЭМЕГЕНЛЕ БЛА ТУТУШАДЫ

Нартла, айлана барып, бир уллу агъач талада юч къатлы бир къалагъа тюбейдиле. Къаланы темир эшиклери, адам бузуп болмазча къалын къабыргъалары.

Нартланы таматарлары, къаланы къатына къаршы барып:

— Эй, къалада ким барды? — деп къычырады.

Къаланы эшиги ачылады. Андан бир мазаллы эмеген къарайды. Нартла нартланы малларын сюрген эмегенлени таныйдыла, аны юсюнден эмегеннге билдиредиле. Бир кесекден дагъыда бир эмеген кёрюнеди. Экиси да оноулашадыла, сора нартлагъа айланып:

— Алай эсе, таматагъыз ким эсе да, чыкъсын бери, тутушууда ким хорласа, ол айтханлай болур, — дейди.

Ол кезиуде нартланы таматарлары ыразылыгъын билдире, сауутун-сабасын тешип, тутушха хазырлана башлайды. Тамата эмеген жангъдан эшик юсюнде кёрюнеди.

Сосурукъ анга къарап туруп, женгил окъуна сауутларын тешип, нарт таматагъа:

— Мен бу эмегенни хорларма деп умут этеме, андан сора да, сен къартса, мен а къарыууму, акъылымы сынаргъа сюеме, — деп, эмегенле да къарап тургъанлай, алай тилейди. Нарт Сосурукъну ол халын нартла бек жаратадыла, аны бла бирге уа Сосурукъ жынлы боладыла. Сосурукъ эмегенлеге айланып:

— Бизни таматабыз сизни бла тутушургъа асыры багъалыды, алгъа мени бла тутушугъыз да, мени жыкъсагъыз, ол заманда тутушур, — дейди.

Эмегенле, харх болуп, кюледиле. Болса да, ыразылыкъларын билдиредиле.

— Тутушууда, — дейди эмеген, — бир болум — хар эки сагъатдан, ким къалай бир суйсе, суу ичерге, бетин, къолун жууаргъа. Суу, экибизге эки чыккыр, былайда, къалада отоудады. Мен кёргозтюрме.

— Ахшы, болсун, — дейди нарт Сосурукъ. Эмегенле, кийимлерин тешип, башха кийимле киерге кетедиле.

Олсагъатдан къаланы бир жанындан бир ариу нарт къыз чыгъады да, Сосурукъну къатына келип:

— Къарындашым, мен сизни сёлешгенигизни эшитип тургъанма. Санга болушургъа сюеме: сен хайт де, къоркъгъан этме, биринчи эки сагъатда кючюнго аяма, экинчи тутушууда уа суу ичерге тебиресенг, сол жанында чыккырдан ичсенг, къарыуунгу тас этерсе, онг жанында чыккырдан ичсенг а — къарыуунга къошхан этерсе, аны ючюн а эмеген сол чыккырдан ичерча, сиз тутуша туруп, мен чыккырланы жерлеринден алышындырма, — деп, къыз чыккъан эшигине кирип кетди. Дагъыда бир кесекден, чыгып келип:

— Эсингде тут — сени ол тутушуп хорлаямаса, аны ташны кесген бир бычагъы барды, жаны болгъан затны кесерге тебиресе созулгъан этеди, ол а эки чыккырны ортасында къабы бла болур, — дейди.

Эмеген тутушуучу кийимлерин, къол къапларын да кийип, тигелеп келеди. Экиси да къаланы аллында къыртишде тутушадыла. Экисини да тютюнлери кёкге барады, ариу, гелеу къыртишни къара топуракъгъа бурадыла. Нарт Сосурукъ кючюн таусургъа жетеди, эмеген да жерде, букъусу кёкге жете, олтурады. Бир кесекден экиси да суу ичерге къалагъа киредиле.

Нарт Сосурукъ алгъа кирип тебирегенде, эмеген кесин алгъа урады, къалада суула тургъан чыккыргъа кесин атады. Эмеген онг чыккыргъа жапланып, нарт Сосурукъ сол чыккырдан чолпу бла алып ичедиле. Экиси да, ичип, солуйдула. Эмеген чыккырны белине тюшюрген эди. Сосурукъ а чолпуну толтура да, иги суймеген кибик эте, иче болгъанды.

Эмеген аны алай жийиргенип ичгенине къарай:

— Бир кесек ичмей туруп къалмагъа эди, — деп, кёлюне келе эди. Алай Сосурукъ, къобар къайгъы этмей:

— Ярабий, бир кесек къарыу кирген болмазмы? — деп сагъышлана, эки жийырманчы чолпусун иче эди.

Терленгенлери кетгенлей, экиси да жууунургъа къаланы жанында жылы суугъа киредиле. Алай нарт Сосурукъну жууунур къайгъысы жокъ эди. Эмегенни айтхылыкъ къылычы аны эсинден кетмей эди.

— Мен жылы суу бла жылыннгандан эсе, баргъан сууда жууунургъа сюеме, эркин эт, — дейди Сосурукъ, эмеген башын, кёзлерин кёмюкден толтургъанлай.

— Бар, терк бол, — дейди эмеген.

Сосурукъ женгил окъуна чыгып нартлагъа барып, бычагъын тагып, эшикни сакълагъан эмегенге уа:

— Бир суу ичейим, — деп, суула болгъан отоугъа киреди.

Чолпу бла суудан иче, кесини бычагъын чыгарып, эмегенни бычакъ къынына, эмегенни бычагъын а кесини къынына салады. Олсагъатдан чыгып, суу бойнуна барып, жуууннган этгенча, тешинеди. Эмегенни бычагъын суу ташлагъа уруп кёрсе, хар ургъан ташын, сапын кесгенлей, юздюреди. Олсагъатдан окъуна, къайтып, эмегенге келеди. Экиси да биягъынлай тутушуп башлайдыла.

Бир бёлек сагъатдан Сосурукъ эмегенни хорлайды, сыртындан салады.

— Энди, — дейди эмеген, — сени хорлагъанынга сёз жокъду. Тутушууда сен хорладынг, кел энди бычакъла бла сермешейик. Мында да сен хорласанг, сен айтаханны мен берирме.

— Болсун сен айтханлай, алай бу къалада адам ауазла чыгъадыла, ала кимледиле, къайдандыла? Ол биринг. Экинчиси уа, аланы бусагъатдан, сёлеш да, бери чыкъма къой, — деди Сосурукъ.

Эмеген эшикден кърап тургъан эмегенге Сосурукъну буйругъун бередиди.

Кѣп да бармагъанлай, эмегенле кеслерине къарауашха тутханханлары не да сояргъа семиртгенлери — бары да чыгъадыла.

Эмеген бла Сосурукъ бычакъ оюн этип башлайдыла. Нарт Сосурукъ хар сермегенден къайда чачын, къайда этегин, женгин юздюрте келип, бычакъны эмегени бойнуна салып тохтайды.

— Да, — дейди эмеген, — бу мени бычагъыма бююн не болган эсе да билмейме. Аллахдан аман тап, не сюе эсенг да, аны берейим, сен сойгенни этейим, жанымъ къой, — деп тилейди.

— Сен айтхан бу жол да болсун, — дейди Сосурукъ, — алай ол кезиуде эки кюлунга бла эки аягъынга бугъоу салыргъа эркин эт.

— Сал, — дейди эмеген. — Бугъоула кваланы сол къабагъындадыла.

Бугъоулагъа къаладан келген нартладан бирин иедиле. Алай бла эмегени аягъына, кюлуна да бугъоула салып, Сосурукъну хайырындан, къалада болган тутмакъ нартланы башларына эркин этедиле. Эмегенледен а, нартлагъа тиймезге деп сѣз алып, тынчнлай, эллерине къууанч бла жырлай къайтадыла.

Ол кюнден артында уа Сосурукъну нартла бек жигитге санап, олсуз жортууул оноу болдурмагъандыла. Андан артында да Сосурукъ кѣп кере нартланы эмегенледен къутхарганды. Къарыуу жетмеген жерде акъылы бла, батырлыгъы бла да кѣп кере жарагъанды.

Аны бирси нартладан не уллудугъу, не да бет сыфаты башха болмагъанды. Жалан да аны бирси нартладан былай къарагъанда аякъ балагъыны бийиклигинден таныгъандыла. Аягъыны балагъыны тюбю бла тауукъ балала ѳтюп болгъандыла.

Адамгъа болушлукъ излегенди. Аны къой, жауларына да зорлукъ жюрютмегенди. Батырлыкъ бла, халаллыкъ бла, чынтты тюзлукъ бла баш болуп тургъанды.

Эмегенле уа нарт Сосурукъдан бек къркъгъандыла. Аны ол белгисин, ол шартларын кѣбюсю билгенди, алай аны бир угъай, беш башлы эмегенле да хорлаялмагъандыла. Эмегенлени ол созулган ташкес бычакълары Сосурукъну кюлуна тюшгенден сора уа, аны бир эмеген да хорлаялмагъанды.

44. НАРТ СОСУРУКЪ БЛА ЖАНГЫЗ КѢЗЛЮ ЭЧКИЧИ ЭМЕГЕН

Нарт Сосурукъ эмегенге баргъанды. Сосурукъну эмеген къонакълыккъгъа алды, эмегенин жашагъаны дорбунда болгъанды. Къонакълыккъгъа эмеген бир эчки кесгенди.

Эрттенликде эмеген, туруп, эчкилерин кыстап кетди, Сосурукъ дорбунда къалды. Сора кеч-ахшам болгъанда, эчкилени алып келип, кеси салып кетген уллу гыйыны дорбунну эшигинден алып, ичине жыйды. Аллына биягъы гыйыны салып бегитди.

Экинчи кечесинде экиси да, биягъыча, эчки кесип, ашап жатадыла. Танг атады. Сосурукъ жолуна кетерге эмегенден эркинлик излейди. Эмеген: «Санга кетиу жокъду», — деп, дорбунну аллына бир уллу гыйы къаяны сюеп, сюрююуне кетди. Сосурукъ ол кюн кѣп сагъышла, мадарла этип, ингирге дери дорбунда тургъанды. Биягъыча, ингирде эмеген, эчкилерин сюрюп келип, дорбуннга уруп, биягъы гыйы бла алларын бегитди. Сора Сосурукъ эмегенге:

— Сен жат, жукъла, мен эчкини кесип, жарашдырып, биширгенлей, сени уятырма, — деди да, эмегенин тынчайтды.

Эмегени мангъалайында жангыз бир кѣзю болгъанды. Эмеген хур-хур этип жукълагъанлай, Сосурукъ, жана турган отдан, бир уллу чынар терекча, шишни алып, кѣзюне сугъады. Эмеген кычырыкъ этип туруп, танг атып кетгинчи, дорбунну ичинде, кѣзю кѣрмегенлей, Сосурукъну ары-бери къуууп айланганды, туталмагъанды. Сора эмеген: «Эчкилени сен кыста», — деп буюрады. Алай бла, эчкиле кетселе, тутарма, деп ойлашханды. Эмеген, эшиклени кеси излей барып, ачып, хар чыкъган эчкини сыртын сылап ие эди. «Сосурукъ эчкини къарын тюбюне кирип, эшикге кутулду», — деп, Сосурукъ кеси эмегенге билдиреди.

Эмеген: «Сосурукъ, ма бу бармакчыгъымда алтын жюзюкню ал. Бу сени кыйынлыкъладан кьутхарыр», — деп, аны аллына атды.

Сосурукъ, алып, бармагына салды. Алай салгъанлай, алтын жюзюк жызылдап башлады. Аны тауушу бла эмеген да Сосурукъну ызындан сюрюп тебиреди.

Сосурукъ, арып онгсуз болгъанда, жюзюкню чыгъаралмай, бармагын кесип, жюзюк бла бармагын жерге ташлайды. Алай бла Сосурукъ кьутулады, эмеген да алайда, кыйры барырын билмей, хайран болуп кьалады.

45. НАРТ СОСУРУКЪ АДАМ АШАУЧУ ГУБУЛАНЫ КЪЫРАДЫ

Нартланы заманында четенлеца, уллу губула болгъандыла. Ала кеслери да бу Тызыл жанында Кердеуюкле деген жерде болгъандыла. Анда, алайда, дагыда уллу, бийик Шаушюгют сырт барды. Ол сырт тикди, эки жаны терен кьолду.

Ма алайда, жолланы юслеринде, кьол ичлеринде четенлеца ол губула, аркъанлаца ауларын тартып, алайланы озгъан адамланы ауларына тюшюрюп, байлап, къанларын эмип, халек этип тургъандыла. Шаушюгют Сыртны эки жаны терен кьоллада ол губула ашагъан адамланы сюеклери, башлары бюгюн да турадыла.

Нартланы оноучулары Сатанай, ол жерде четен губула адамланы жолларын кесип, ауларына адамланы тюшюрюп, къанларын эмедиле деп эшитгенди. Аны эшитгенлей, нарт Сосурукъга айтханды. Сосурукъ нарт аскери бла губула жанына кетгенди. Ары жетгенлей, терен кьолда губулану ауларын кьргендиле. Губула да быланы кьрюп, уруш башлагъандыла.

Нартланы бир къауамлары кырылгъандыла. Болса да, губулану кырып, нартла хорлагъандыла.

Нарт Сосурукъ Сатанайга: «Губулану хорладыкъ!» — деп хапар бергенди. Сатанай, келип, ол сейирлик четен губулану кырылып тургъанларын кьргенди.

Сатанай ол губулану ауларын жыйдырып, атлагъа жюклетип, нарт элге келтиргенди. Ол ауладан нарт аскерге чепкенликле сокьдургъанды. Ол губу аудан этилген чепкенлеге суу ётмегенди. Ала тутумлу, сууукъда — жылы, жылыда — салкъын болгъандыла. Ол чепкенледен садакъ окъ ётмегенди, аланы кылыч кесмегенди. Губу аудан этилген чепкенле кёз къаматхан жылтырауукъ болгъандыла.

Нартны аскери бир жолда, жортуулгъа бара, уллу эмеген жыйыннга тюбегенди. Эмегенле быланы кьрюп, тебинирге итингендиле. Болса да, кьолланы, жолланы жарытып баргъан жылтырауукъ чепкенлени жарыгъындан кёзлери къамап, болалмай къачхандыла. Алайдан нартла, эмегенлени сюре, къууа, ол губулану кыргъан Шаушюгют кьолгъа элтип ургъандыла. Анкъау эмегенле, нартла кыргъан губулану ашап, кырылгъандыла.

Ол кюнден сора эмегенлени киши кьрмегенди. «Алай бла эмегенлени артлары жер юсюнден юзюлгенди», — деп, атам Наннакъдан сабий заманында эшитгенме, нартланы хапарларын айтханда.

46. СОСУРКЪА БЛА СОКЪУР МАЗАЛЛЫ АДАМ

Эртде-эртде, нартланы заманында Сосуркъа деб бир тулпар джаш болгъанды. Сосуркъа артыкълыккы кётюрмегенди, онгсузланы сакълагъанды. Хыйлалыкыга да уллу усталыгы болгъанды. Хаман кетиб айланыб, кыйынлыкъ джеткен адамланы кыйынлыкъдан кьутхарыб, болушуб айланганды.

Бир кюн Сосуркъа, биягынлай атына да миниб, айланырға кетгенди. Иги кесек айланыб, бара барыб, бир уллу тюзде бир уллу акъ къаяны кьргенди. Джууукъ барыб къараса — ол къая тюл, бир адам джан сюек, ортасында да бир тешиги бла.

Сосуркѡа ол кѡая тенгли мазаллы джан сѡекге бек уллу сейирсингенди. Атына миниб, адам джан сѡекни тешигинден секириб бу джанындан ѳтѡб, ол джанына тѡшгенди.

Сора андан арлакѡ барыб, бир кѡара сууну кѡатында тохтаб, Тейриден тилегенди: «О Тейри, бу сѡекни сау этиб манга бир кѳргѡз!»

Тейриден алай тилегенинде, ол джан сѡек дѡмп болуб, алайдан ѳрге кѡобуб, Сосуркѡаны кѡатына бир мазаллы адам келгенди. Ол адамны эки кѳзѡ сокѡур болгѡнды. Ол хауагѡа чыкѡгѡанына: «Тоба-тоба!» — деб сейирсингенди.

Сосуркѡа уа, аны уллулугѡуна сейирсиниб, кѡоркѡаракѡ болгѡнды.

— Былайда адам бармыды? — дегенди мазаллы.

— Мен барма! — дегенди нарт Сосуркѡа.

— Тоба-тоба, адаммыса? Не болгѡнды манга, кѡайры чыкѡдым?! Ёлгеними уа унутмагѡанма, — дегенди мазаллы адам.

— Сен хауагѡа чыкѡгѡанса, сени мен Тейриден тилеб чыгѡардым дуниягѡа. Мен сени кѡобардым, энди мени сенден тилерим барды. Мени сорууларыма дѡуаб бер!

— Сора сор! — дегенди мазаллы адам.

— Сизни заманыгѡызда адамла былай уллumu болгѡндыла, сенича?

— Менден уллу адамла да болгѡндыла, мен орта бойлу адам эдим, — дегенди Сосуркѡагѡа ол адам.

— Сора сизни заманыгѡызда адамла неллай бир заманны дѡашай эдиле? — деб соргѡанды Сосуркѡа.

— Дѡети-сегиз дѡѡз дѡыл дѡашай эдиле.

— Да сора сизни заманыгѡызда кѡазауат этемегиз?

— Айхай, этеек! — дегенди мазаллы адам.

— Да сауутугѡуз-сабагѡыз кѡаллайла эдиле? — дегенди Сосуркѡа.

— Сауутубузну кѳргѡзѡур эдим, кѡатыбызда чегет болса, — дегенди ол адам.

— Ол джанынг чегетди, — дегенди Сосуркѡа.

Сора ол адам узалыб бир уллу нарат терекни, бир чѳбно алгѡанча, тынч тартыб алгѡанды.

— Ма быллай эди бизни сауутубуз! — дегенди.

Сосуркѡа, сейирсиниб, сакѡалын сылагѡанды. Алай сылагѡанлай, биягѡы киши кѡабырына кѡѡулуб, ол биягѡы джан сѡек биягѡынлай ѳрге туруб кѡалгѡанды.

47. СОСУРУКЪ ЖЕР ТЮБЮНДЕ

Бир жол Ёрѡзбек, айлыкѡ жортууулдан кѡайтып, бираз ауруйма деп жатды. Сатанай уллу кѡайгѡылы болду, кѳп тѡрлѡ дарман этди, бири да жарамады.

— Атанг ауруйду, не амал этерге билмейме, — деп, ол Сосурукѡгѡа жарсыды. — Аны жанын кѡалдырлыкѡ бир дарман барды. Тауладан, тенгизледен ѳтѡп, бир уллу кѡара агѡачны ичинде тала барды. Ол талада акѡ мермерден ишленген ѡй болур. Ол ѡйде бир ариу кѡыз болур, аны ундуругѡуну аллында алтын гуллада алтын чабакѡла жѡзе турадыла. Ма ол алтын чабакѡладан бирини этин ашаса, сау боллукѡду, — деди Сатанай Сосурукѡгѡа.

Ол кѡон Сосурукѡ эки нарт кѡарындашы бла алтын чабакѡны излерге жолгѡа чыкѡды. ѡчѡсю да, бара кетип, ѡч жол айырылгѡан жерге жетдиле. Алайда Сосурукѡ кѡыбыла таба, бирси эки нарт а кѡнбатыш таба атландыла.

Сосурукѡ айлана-жѡрѡѡ кетип, бир уллу агѡачны ичинде сай талагѡа чыкѡды. Анда бир кѳп жылкѡыны кѳрдѡ. Бир заманда агѡачдан бир киши чыкѡды. Сосурукѡ анга нек айланганын айтды. Ол киши анга жылкѡыдан бир жабагѡылы тай тутуп берди.

Сосурукѡ, жабагѡылы жары тайгѡа минип, аны тарт-соз этип, кѡамичини жетдирди. Ол заманда жабагѡылы жары тай адам тил бла:

— Ай, жигит, сен мени тарт-соз бош этесе, ургѡан да бош этесе. Сен кишилик этсенг, мен атлыкѡ этерме! — деди.

Сора состар ташдан тууган Сосурукъ, жылкычыгыга да алгыш этип, атха да хыны-хуну этмей, жолуна кетди. Бара кетип, къара агъачны ичинде дагыда бир талачыкыга тубеди. Ол талачыкыда бир къара шауданны бойнунда юйчюкде къарасакъл кишиге тубеди. Нек айланнганын башдан аякъ хапарлады. Къарасакъл киши Сосурукыга былай айтды:

— Да мен санга юйретейим. Сен а кесинге сакъ бол. Биз юч къарындаш болабыз. Бирибиз бирибизден он кычырым узакълыкыда жашайбыз. Бек кичибиз ол сен излеген алтын чабакълары болгъан кыздан он кычырым узакълыкыда жашайды. Кыз тынгысыз этгенден, ол чыммакъ-акъ сакълаллы болгъанды. Ортанчы къарындашыбыз, кичибизден он кычырым узакълыкыдады да, ол да чал сакълалды, мен а, аланы таматалары болгъанлыкыга, ортанчыдан он кычырым узакълыкыдама да, алыкъа къара сакълаллай турама. Энди сен кесинги атынгы мени атыма алышындыр. Сора аны ортанчы къарындышыбызны атына, ортанчыны атын да кичибизни атына алышындыр. Ызынга къайтып келе туруп да, атланы бирин бирине алышындыра, къачарса, ансы ол кызны кълундан кѣпле жоюлгъандыла. Ышанма. Ол кыз юч кюн бла юч кече жортууулда жюрюп, уруш этип турады. Юч кюн бла юч кече уа тоханасында бир да уянмай жукълайды.

Сосурукъ, къарасакъл киши айтханча эте келип, алтын чабакъ тургъан мермер къалагъа жетди.

Сосурукъ, атын тышында такъды, шош барып, къалагъа кирди. Къаланы ичинде пил сюекледен ишленген ундурукыда кюнча жарытхан бир тамашалыкъ ариу кызны тѣше-мѣшеледе жатып жукълап тургъанлай кѣрдю. Аны алтын чачы ундурукыдан энишегѣ тѣгюлюп эди. Ундурукъ аллында уа, алтын гулланы ичинде жылтырауукъ сууда, алтын чабакъла жоже болгъандыла.

Сосурукъ шош барып, кызны чачын ундурукъ къулакълагъа байлады. Чабакъладан бирин тутуп, къойнуна салды. Чабып чыгып, секирип атына минип, къаладан чыгъа тебирегенлей, кыз уянды. Тереклени, тауланы сибирип кетеди дерча, бир уллу жел урду. Таш-топуракъ жерден ѳрге кѣтюрюлдюле.

Нартны ызындан:

— Ай, итден туугъан, къутулуп а кетмезсе, — деп, кызны ачы кычырыгы жууукълаша тебиреди.

Ол заманда Сосурукъ кичи къарындашны атын ортанчыныкына алышындырды, аны бла кыздан узайды. Дагыда, кыз жетип тебирегенде, ортанчы къарындашны атын таматаныкына алышындырды. Аны бла бираз баргъанлай, тамата къарындашны атын кесине берип, жабагылы жары тайгъа минди.

Къарасакъл къарындаш Сосурукыга айтды:

— Атынга бу къара шауданны суундан ичир.

Бир заманда, кыз жетип тебирегенлей:

— Ай хомух! «Сен кишилик этсенг, мен атлыкъ этерме!» — деген эдинг да, — деди Сосурукъ атына.

— Жыгълмазча бек тут. Къоркъма. Жалкъамдан къаты тут! — деди ат.

Кыз къуйругъундан тута тебирегенлей, ат, сюзюлюп, жерден кѣкге кѣтюрюлдю, булутланы башларына чыкъды. Кыз жерде къалды. Жабагылы жары тай, уллу къара агъачны, тенгизлени, терен тарланы, таракъ-таракъ къаяланы башлары бла, акъ булутланы ичлерин ары-бери жыра, келе келип, бир дорбунну аллында шош тюшдю.

Сосурукъ атын отларгъа бошлап, кеси да жатып солуй тургъанлай, бир заманда нарт къарындашлары да алайгъа жетдиле. Ала хапар сордула. Сосурукъ алагъа къууанып хапар айтды, алтын чабакъны да кѣргюзтдю. Сосурукъну къарындашлары аны жояргъа, чабакъны да сыйырыргъа жашырын оноу этдиле.

— Баштакъ туугъан, бу бизни къуру бетибизни жоюпму турлукъду. Халкъ бизни хар заманда деменгили батырлагъа санап келгенди. Ма санга! Барыбыздан да кичи, кимден туугъаны белгисиз, бизни аякъ тюрп этип къоярыкъды, — деди.

Аладан бирлери: «Елтюрюп, жерге басдырайыкъ». Бирси уа: «Угъай, жер башында къоймай, андан эсе тюрпсюз тешике атайыкъ», — деди.

Ала Сосурукъну тутуп тешикге атдыла, чабагъын сыйырдыла. Атын тутаргъа кюрешдиле: дорбунну аллында тыйсала, ол секирип, дорбун къаяны башына чыгъа эди, къая эриннге тыйсала уа, секирип, тюбюне тюше эди. Не кѣп кюрешселе да, болалмадыла.

Сосурукъ, жер тешикни къабыргъаларына кезиу тие, ташларын оя, къолу-бети сдырыла, барып жерге тийгенди. Аны узакъдан чыкъгъан тауушуна тынгылап, къарындашлары уллу къууанч бола эдиле.

Сосурукъ жер тюбюнде, бара кетип, бир талагъа чыкъды. Алайда тургъанлай: «Хайда кел! Этегими тутханлай кел, дейме да», — деп, бир сабийни къолуна алып, бирси сабийни уа ашыкъдыра келген бир къатынны кѣрдю.

Ол къатын алайгъа жетип, тешикге атылгъан Сосурукъгъа жолукъду да, аны ары къалай тюшгенин сорду:

— Кѣремисе? Мен да, къоркъуп, бу абадан жашчыкъгъа уруша келеме. Ол мюйюз тауушланы эшитемисе? Ала къочхарладыла. Экиси да мюйюзлери бла сермеше, уруша, къагъыша келедиле. Сен а, ала къагъыша келгенлей, сермеп акъ къочхарны мюйюзюнден туталсанг, ол сени силдеп, сен тюшген тешикден жерни башына чыгъарыр. Алай къара къочхарны мюйюзюнден тутсанг а — силдеп, мындан да энишгеден бир дуниягъа сызарыкъды.

«Зарх-зурх! Зарх-зурх!» — деп бир-бирини башына къагъа, къочхарла алайгъа жетдиле. Сосурукъ секирди да, акъ къочхарны мюйюзюнден тутама деп, къара къочхарны мюйюзюнден тутду. Нартны къочхар силдеди. Ол тешикни ичи бла уча бырып, жерни тюбюнде бир башха дуниягъа тюшдю. Анда бара кетип, эл къыйырында бир юйге кирди.

Ол юйде эки къызы бла бир къатын жашай эди. Сосурукъ къайдан, нек келгенин айтды. Ол нартладан болгъанын билдирди.

Суусап тилегенинде уа:

— Суу жокъду. Элни халкъы къырыла турады. Сууну башын тогъуз башлы эмеген алып, сууну тыйып, элге мылысын да жибермейди. Къатына жанлагъанны уа ашап къояды. Анга бир киши да бир зат эталмайды. Халкъны ашап, тауусуп барады. Кѣп элле тюп болуп къалгъандыла, — деп къызланы аналары жууап этди.

— Да, алай эсе, анам, сен манга сегиз топпан этчи, — деди Сосурукъ. Нарт батыргъа къылыч, садакъ тапдыла. Къатын Сосурукъгъа — ана, къызла — эгеч болдула. Сосурукъ тѣрт топпаны онг имбашына, тѣрт топпаны да сол имбашына тикдирди. Барысына да бѣркле кийдирди. Къылычны билеп, къылкъыяр этип, жанына алды, садакъны бойнуна атды, окъланы да къалчаннга жыйды.

Андан сора эмеген бла сермеширге кетди. Бара барып, эмегенни болгъан жерине жетди.

— Уф, ийис! Ас ийис! Мус ийис! — деп, эмеген эрнин-бурнун жыйырып башлады. Сора, келге къоба келип, жашны кѣрюп:

— А-а-а-а, келдингми? Атышмы, тутушму? — деди.

— Бек алгъа — атыш, андан сора — тутуш, — деп ташдан туугъан алай айтды.

Ала атышып башладыла. Сосурукъ атып эмегенни онг бышын тайдырды. Эмеген атды да, батырны онг топпанын тайдырды. Сосурукъ дагъыда атды — эмегенни сол башын тайдырды. Эмеген атды да, нартны сол топпанын агъызды. Алай эте, атыша кетип, Сосурукъ эмегенни тогъуз башын да тайдырды. Эмегенни ѳлтюрюп, сууну элге ийди. Эл суудан къанды. Сыр — сырына, суу ызына айланды.

Элни халкъы жыйылды, Сосурукъгъа алтын къала ишлерге, бек ариу къызны берирге оноу этдиле.

Сосурукъ:

— Манга бир зат да керек туююлдо. Манга не алтын, не кюмюш керек туююлдо. Мен нартма, халкъыма къайтыргъа сюеме, андан багъалы манга зат жокъду, — деди.

Халкъ анга не ахшылыкъ эталлыгъын да аямады. Къартла жыйылып, Сосурукъгъа айтдыла:

— Ол жерде, ол жерде бир кѳуш хар жыл сайын балала чыгарады. Бир желмаууз а кѳуш тауладан кѳайтхынчы, аны балаларын ашап, уясын да чачып, кетип турады. Аны балаларын ол желмаууздан кѳутхарсанг эди, ол кѳуш санга этмезлик ахшылыкѳ болмаз эди, — деди.

Сосурукѳ, сауутун-сабасын алып, ол кѳушну уясыны кѳатына барды. Кѳуш балала алгѳа буюкѳдула, алай алагѳа хата этмезин кѳргенде, кѳууандыла, аны бла шагѳырей болдула.

Бир заманда, жерни башын кѳызыулукѳ алып, терек чапыракѳла, кырдыкла да хууерилип, саргѳалып, ылыкѳым болуп башладыла. Бир кесекден а, аууздан да отла чыгѳа, желмаууз келе кѳрѳндю. Кѳуш балала кѳоркѳуп, уяларына кѳысылдыла. Сосурукѳ а, садагѳын кѳолуна алып, хазырланды. Марап туруп, желмауузну ѳшѳюн аллындан урду. Желмаууз чулгѳанды. Кѳаны тѳгерекге жайылды, кѳѳйнагѳан сууча, болгѳанны тылпыу этдирди. Жарты ѳлген желмауузну Сосурукѳ кѳылычы бла туурады.

Кѳуш балала Сосурукѳну уяларына чакѳырдыла, ийнакѳладыла.

Сора, кѳн тутулгѳанча, жерге уллу ауана тѳшѳуп, тѳгерек кѳарангѳ болду — Бу неди? — деп, нарт батыр, уллу сейир болуп, кѳуш балалагѳа сорду.

— Бу уа бизни анабыз келе турады да, аны ауанасыды. Анабызны кѳанатлары кѳннѳу тыякѳларын жерге тиерге кѳѳймагѳанлай, алларын жабадыла, — деди.

Мычымайын жылы тамычылары бла сакѳ жауунчукѳ жауду. Сора ол тохтап, жарыкѳ кѳнчѳук тийди. Батыр дагѳыда сорду:

— Бу уа неди?

— Жауунчукѳ бизни анабызны: «Балаларымы биягѳы желмаууз ашагѳан болур», — деп жиягѳан жыламукѳларыды. Кѳнча жарыкѳ а: «Ким биледи, балаларым сау болурла», — деп кѳууаннганын кѳргѳюзтеди.

Бир кесек замандан уллу жел келди, тереклени ары-бери бѳкѳдѳ. Кырдыкла жерге салындыла. Бѳгѳюлмегенлей жалан да ол кѳушну уясы болгѳан мазаллы терек кѳалды.

— Бизни анабыз сени кѳрсе, билмей бир хата этер, — деп, кѳуш балала Сосурукѳну алып, кеслерини кѳанат тѳюлерине жашырдыла.

Кѳуш, жетип, балаларыны сау тургѳанларын кѳрѳуп кѳууанды да, балаларына сорду:

— Жыл сайын сизнича чыгѳара эдим балала. Жыл сайын аланы бир желмаууз ашап кете эди. Бу жол сизни сау табарма деп эсимде жокѳ эди. Сиз саулай кѳалай кѳалгѳансыз? Сизни ким кѳутхарды? Сизни сау кѳалдыргѳаннга не ахшылыкѳ да этер эдим!

— Да бизни сау кѳалдыргѳан бу адамды, — деп, кѳуш балала Сосурукѳну кѳанат тѳюлеринден чыгѳарып кѳргѳюзтѳюле.

Ол заманда кѳуш жигит жашны кѳанат тѳюѳне кѳысыды, ауузу бла жутуп, бурну бла чыгѳарды. Кѳуш бир талай кере алай этди, ийнакѳлады:

— Мен санга не ахшылыкѳ этейим? — деп нарт батыргѳа сорду.

Сосурукѳ кесини хапарын айтды.

— Да сора, — деди кѳуш, — сен бар да, тогѳуз геммеш сойдур. Аланы терилеринден эки гыбыт этдир да, бирине геммешлени кѳанларын, бирине уа этлерин салдыр. Ол гыбытланы мени сыртыма орнатдыр. Сен а бойнума минип, «кѳаркѳ» десем — эт кѳапдырып, «кѳуркѳ» десем а — кѳан уртлатып келирсе.

ѳлге кѳѳйтып, Сосурукѳ кѳушну айтханын адамлагѳа билдирди. Халкѳ, жѳйылып, кѳуш айтдыргѳанын толусунлай этдиле. Этни, кѳанны да кѳушха жѳкледиле. Сосурукѳ минди. Нарт улуну жолгѳа атландырдыла. Битеу халкѳ анга кесини ыразылыгѳын билдирди.

— Ахшы жолгѳа бар! Сени ахшылыгѳынгы биз ѳмѳурде да унутмабыз! — деп ызындан кѳарап, ашырдыла.

Кѳуш, тѳгерек айлана, бийикден бийикге чыгѳа, кѳзден ташайды. Кѳп да турмай, кѳуш Сосурукѳ кетген тешикке жетип кирди. Аны ичи бла ѳрге чыгѳып тебиреди. Сосурукѳ да анга эт кѳапдыра, кѳан уртлата барды.

Тюз да энди башына чыгъаргъа тебирегенлей, къуш «къаркъ» деди, къапдыр-ыргъа уа — эт жокъ. Дагъыда «къуркъ» деди, уртлатыргъа уа — къан жокъ. Андан сора къуш энишге энип тебиреди. Къанатлары къарыусузландыла. Тёзе кетип, дагъыда «къаркъ» деди. Сосурукъ терк окъуна кесини бут шаугютюн кесип, къушха къапдырды. Къушха къарыу кирип, ёрге айланып, чыгып тебиреди.

Тейри жарыгъы кёзге илине башлагъанлай, биягъы къуш «къуркъ» деди. Батыр бутундан акъгъан къанны уртлатды. Алай бла Сосурукъ кесини нарт къарындашларндан айырылгъан жерге жетди. Къуш да аны кесини бойнундан тюшюрдю.

Къуш сора:

— Ол артда къапдыргъан этинг бла уртлатхан къанынг бир бек татыулу эдиле. Кесинг да жерде жюрюгенинги иги унутмай тура эсенг, атлап бир кёрчю, — деди.

Сосурукъ акъсап-акъсап, кючден-бутдан эки атлады. Къуш жашны жарасын кёрдю. Артха айландырып, артда къапхан этни бла уртлатхан къанны жашны бут жарасына къусду. Жалады да, жарасын сау этди.

— Хайда, санга — саудукъ, манга — эсенлик, — деп, къуш ызына айланып кетди.

Сосурукъ, айлана-жюрюй кетип, дорбун аллында талагъа чыкъды. Жабагъылы жары тай, агъач ичинден чыгып, кишнеп, иесини къатына келди. Экиси да бир бирни ийнакъладыла.

Жабагъылы тайгъа да минип, элине келе тургъанлай, эл къыйырында бир сюрюучю жашха тюбеди. Ол а бирде жылай, бирде уа жырлай тургъанды.

— Ой, жаш, кёп болсун! — деди Сосурукъ.

— Ой, сау бол, жууукъ бол! — деди жаш.

— Мен, къарайма да, сени ангылаялмайма. Бирде жылагъан, бирде уа жырлагъан этесе. Алай нек этгенинги айтсанг а?

— Бизни элде нартланы бек кичилери, алай а бек батырларындан бирлери, атасына дарманнга алтын чабакъ излей кетгенлей, тас болуп къалгъанды. Бу ингирде, Уллу Тейриден болушлукъ излеп, ашын юлеширикдиле да, манга да бир къабын жетер деп, бирде аны ючюн жырлайма, бирде уа ол батыргъа жаным ауруп жылайма.

— Аны ючюн жарсыма. Ким биледи, сау къайтыргъа да болур, — деди Сосурукъ.

— Угъай, аны агъач жаныуарла сюегин да къалдырмай, ашагъандыла.

Ташдан туугъан, нартланы кичи къарындашлары, эл жыйылып, отлада къазна къайнай тургъанлай, элге кирди.

Жыйылып тургъан халкъ Сосурукъну танып, къууанды. Хар ким сейир-тамаша болду.

Ёрюзмек, Сосурукъну къатына чакъырып:

— Ай хомух! Нартны бетин жоуп къойдунг да. Сени тамата къарындашларын алтын чабакъ табып, мени ёлюмден къутхардыла, сен а бу аман жабагъылы жохарны алып келдинг, — деди.

— Керти керек эсе, алтын чабакъны ма бу жабагъылы жары тайны болушлугъу бла мен тапханма. Сени ийнандырып ючюн не этейим? — деп, Сосурукъ ишни къалай болгъанын айтды.

Быланы къайсы тюз, къайсы терс болгъанын билер ючюн, обур Сатанай былай айтды:

— Юч батырны да халкъ гюренни арасында олтуртугъуз. Къолларына бирер садакъ бла бирер окъ беригиз. Алларына бирер жауурун салыгъыз. Садакъларын кёкге айландырып атсынла.

Халкъ гюрен тохтады, ортагъа жашланы олтуртдула, алларына бирер жауурун къалакъ салдыла.

Сосурукъну садакъ огъу келип жаууруннга тийди. Бирси экисини окълары келип, бирини — имбашындан, бирсини уа — тёппесинден тийдиле. Алай бла иш белгиле болду.

Нарт батырланы арасында Сосурукъ асыры бек къарыулу болмагъанды. Болса да, Сосурукъ жютю акъыллы, уста амалчы батыр болгъанды. Аны ючюн нартладан Сосурукъну суймегенле болгъандыла, аны ёлтюрюр амал излегендиле. Ол мурат бла чарх оюн этерге оноулашхандыла.

— Чарх оюн боллукъду; ол оюннга къатышыргъа суйген Чынгыл тауну къатына келсин, — деп билдиргендиле.

Кеслерине базынган нарт жашла барысы да алайгъа жыйылгъандыла. Ары Сосурукъну да чакъыргъандыла.

Оюн былай болгъанды: нартла Чынгыл тауну башындан бек ауур, бек уллу, узунлугъу кычырым болган, тегерегине жантау жетмеген темир чархны эниште тёнгеретген заманда, биреулен, тюбюнде туруп, тёнгереп келген чархны алгъа мангылайы бла, аны ызындан къоллары бла, бек артда уа кёкюреги бла уруп, ызына къайтарыргъа керек болгъанды.

Оюн башланганда, жашла, кеслерин сакълап, алгъа чыгъаргъа унамадыла. Аланы аман акъылларын билмей, Сосурукъ алгъа чыкъды.

Сосурукъну ёлтюрюрге кюрешген нарт къауумну жашлары тауну башына чыкъдыла, чархны да ары чыгъардыла. Сосурукъ тауну тюбюне барды, аякъларына къаты тиреди, мангылайын чарх келлик жанына айландырып тохтады.

Чархны башындан тёнгеретдиле. Ол, окъ атылганча, терк келе эди — от чакъдырып, къаяланы оюп, ууатып, ташланы ун этип. Сюелип турган Сосурукъ, мангылайы бла уруп, чархны артха къайтарды. Экинчи кере уа къоллары бла къайтарды, ючюнчю кере кёкюреги бла уруп, тауну башына чыгъарды. Нартла сейир-тамаша болдула.

Оюнланы бошاپ, жол бла кетип барганлай, Сосурукъ бир алтын жюзюк тапды. Аны алып хуржунуна салды. Юйге келип, оюнда хорлагъаныны юсюнден хапарны бардырады:

— Чарх мени къатмагъан тобукъларыма тиймесин ансы, ол оюн бла мени бир киши хорламаз, — дегенлей, жолда тапханы эсине тюшюп, — мен бюгюн бир ариу жюзюк тапханма, къарачы бери, — деп, Сатанайгъа кёргюзтюрге умут этип, хуржунуна узалды.

Сатанай:

— Угъай, ол жюзюк туююлдо, сен жюзюк тапмагъанса — сен кесинги башынга палах тапханса, — деди Сосурукъгъа. Сора — Чыгъар да кёргюзт, къаллай жюзюк эсе да бир къарайым, — деди.

Сосурукъ аны чыгъарып, Сатанайгъа кёргюзтеме десе, ол а хуржунундан думп болуп къалды. Ол обур эди.

Сатанай Сосурукъгъа былай айтханды:

— Энди сен нартланы чарх оюнларына барсанг, эки аягъынгы да кырккырыкъдыла.

Сосурукъ:

— Бир заманда къоркъуп, затдан артха турмагъанма. Мен андан къоркъсам, нарт тукъумну бетин жоарма, тамбла башыма жаулукъ кысып, орамгъа алай чыгъарча болурма, — деди.

Сосурукъну дагъыда чарх оюннга чакъырадыла. Сосурукъну къоркъуулу, къарыусуз жери тобукълары болганлары билгенде, нартла: «Энди чарх оюн алай боллукъду дедиле: чархны тобукъла бла уруп, артха къайтарыргъа керекди».

Чархны тёнгеретгенлени ичинде Сосурукъну хуржунуна тюшген обур да болгъанды.

— Энди чархны эки тобугъуна тиерча жибермесегиз, аны къалган саны битеу къурчду, жукъ да этерик туююлсюз, — деп юйретген эди ол.

Чархны жиберген нарт жашла:

— Сосурукъ, энди тобукъларынг бла уруп тый, — деп, кычырдыла.

Чарх, аллындагъы къая жукъланы оя, ташланы, юзmezча ууата, келип Сосурукъну тобукъларына тийди, Сосурукъну эки тобугъун сындырды. Чархны тёнгеретгенле аны алайда къоюп кетдиле.

Учуп бир уллу кѳуш келди. Сосурукъ андан:

— Сатанайгъа бар да, мени былай болуп тургъанымы айт. Аны этсенг, санга нартла суйген ашынгы ашатып, дуняда алай кѳубултуп жашатырла, — деп тиледи.

— Бармам. Сен агъачда жаныуарланы кѳырып, манга бир аууз кѳабын кѳоймай алып китиучюнгю унутханмы этгенсе, жигит Сосурукъ? — деп жууап этди.

Аны ызындан кѳоян келди. Сосурукъ:

— Кѳоянчыкъ, сен да жаныуарладан кѳоркъа айланыучу бир жарлыса. Барып, нартлагъа мени былайда бутсуз болуп тургъанымы айт. Мен сени жаныуарладан сакъларма, — дегенди.

— Угъай, мен кѳоркъгъан этеме, бѳрю ызымдан жетип ашап кѳояр, — деп, алайдан кѳачып кетгенди.

Бек ахырында кѳѳюрчюн келди.

— Кѳанатлыланы бек сыйлыларынданса сен, мени тобукъсуз болуп тургъанымы барып Сатанайгъа билдир, — деп тилегенди Сосурукъ.

— Мен сизни алтын алмала битген терегигизге кѳонуп, алмаларын жерге кѳп кере агъызгъанда да, сен мени садакъ бла атмагъанса. Сен нарт батыр Сосурукъ болгъанынгы мен билеме, — деп, кѳк кѳѳюрчюн желден эсе терк учуп, Сатанайгъа жетди да, былай айтды:

— Тѳгюледи Сосурукъну кѳаны, ёзен кѳандан толгъанды, кѳанатлыла жуба-надыла аны кѳанында.

Кѳуртха Сатанай Сосурукъну кѳатына мычымайын жетгенди.

Аны жаралы тобукъларын тили бла жалагъанды,

Ууалгъан тобукъ сюеклерин бирге жамагъанды.

Сора, биргесине нарт элlege алып кетгенди.

49. СОСУРУКЪ БЛА АКЪБИЛЕК

Кѳырс-бийче нарт Сосурукъну анализгы болуп, аны батырлыкъгъа, жигитликге, кертичиликге, чыдамлыкъгъа, чабаргъа, атаргъа юйретгенди.

Аны элинде Акъбилек атлы бир ариу кѳыз болгъанды.

Акъбилекни ариулугъу нартла элине жайылгъанды.

Кеси да, ёгюзню мюйюзюне жабышса, аны хорлагъанды.

Акъбилек Экижюрек деген бир нартны кѳызы болгъанды.

5 Экижюрек, нарт пелиуан, кеси жангыз, бир урушха кетгенди,

Ичи кюйюп, жюз адамны ёлтюрюп, ёлгенди.

Ол кѳызны Кѳырс-бийче, Сосурукъгъа алып, кесине келин этгенди. Сосурукъ Акъбилекни алгъанлыкъгъа, аны бла бир тѳшекде жатмагъанды, нек десенг, ол — таш улу, бу кѳыз а — адам кѳызы болгъаны ючюн.

Бир кюн нарт Сосурукъ айлана, жюрюй кетгенди,

Киши ёталмагъан Кѳыркъ суудан ётгенди.

Эмегенlege баргъанды, ичлерине тюшгенди,

10 Эмегенлени кѳп жылкыларын кѳргенди.

Эмегенлени, хыйла этип эсиртгенди,

Мыннгыланла ашатып, тели этгенди.

Сексен эмегенни башларын кесгенди,

Жылкыларын, сюрюп кетип, кѳаласына жетгенди.

15 Кече къарангы, суу уллу болгъанды,
Къарангыда кечу тапмай, кѣп айланганды.

Атланы кишнеген тауушларына
Акъбилек къаланы башына чыкыгъанды,
Билегин суу таба айландырып, ачханды.

20 Билегини акълыгъындан сууну юсю жарыгъанды,
Сосурукъ алай бла кѣчиуню тапханды.

Жылкыны къалагъа сюрюп келгенди.
Былай эте, бир ненча жыл ѳтгенди.

Сосурукъа бир кюн къатынына
25 Кесини жигитлигине махтанганды.

Къатыны Акъбилек ичинден:
— Сени ким болгъанынгы мен санга
Белги этерме,— деп дертге алганды.

Сосурукъ, биягъыча, жортуулгъа кетгенди,
30 Бир заманда мал, жылкы сюрюп,
Ол сууну жагъасына жетгенди.

Акъбилек, къаланы башына чыгып, билегин ачханды,
Суу юсюн, кечени да жарытханды.

Ол заманда Сосурукъ жылкыны суугъа ургъанды.
35 Ол сууну ортасына жетгенлей,
Акъбилек билегин жапханды.

Кече, бютюн да къаралып, къарангы болгъанды,
Мал, жылкы да, ажашып, суугъа батханды.

Сосурукъ да мал да батып,
40 Артда алай табылгъанды.

Сосурукъну асырагъандан сора,
Акъбилек кеси жангыз тургъанды,
Бир кюн а ол нарт Ёрюзмекге жолукъгъанды.

Ёрюзмек а озгур нарт болгъанды,
45 Батырлыгъы кючлю болгъанды.

Хычауман айда чыгъа болгъанды,
Ол айда жортуул эте болгъанды.

Бир жол да бара-баргъанды,
Бир тѣбе адамлагъа жолукъгъанды.

50 Алайда аны жауун жетгенди,
Ёрюзмек атындан тюшгенди.

Жауун жетгенде, Акъбилек келгенди,
Ёрюзмекни жамычы тюбуне киргенди.

Акъбилек алайда Ёрюзбек бла бирге къалды. Ёрюзбекге алдангандан сора, Акъбилек Сосурукъга ачуланып,

Алайдан жугар алып,
55 Сосурукъну къабырына баргъанды.
Ачыуу бла, юч жугар аууз атханды.

Ёрюзбек жетип, къаздырмай тыйгъанды.
Алайдан аны къабыры кез болгъанды.

50. СОСУРУКЪНУ ЁЛГЕНИ

Нартланы бѐлегини жашагъан жерлери, мен эшитгеннге кѐре, Бахсан ауузунда Эл Журту деген жерде болгъанды. Аланы бек таматалырына Сосурукъ деучю эдиле.

Сосурукъ Алауганны тамата уланыды. Аны онбир къарындашы болгъанды. Была, онеки къарындаш, бир бири бла бек кюрешгендиле. Кюреш башлары: «Ким жигитди он эки къарындашдан?» — деп аны ючюн эди.

Он еки къарындашны бек кичилери Сибилчи эди. Бу Сибилчи онэки къарындашдан кесин бек жигитге тергей эди да, бирси къарындашла муну былай кесин махтауун ушатмай: «Къой, къой, сенден жигитле да болурла», — деучю эдиле.

Бу Сибилчи, къарындашларыны айтыуларын ушатмай, суюген да этмей, быланы бир бирине жау этерге мураты бла, бирем-бирем махтай эди. Бегирек а Ёрюзбекни махтай эди: «Да, сиз не жигит болсагъыз да, Ёрюзбекге уа жеталмайсыз», — деп, бирси къарындашлары жанларына тийгенди.

Сибилчини ол айтыуун, жалан да Ёрюзбекни махтап къоюуун жаратмай, хар ким кеслерин жигитге санай: «Сибилчини да, Ёрюзбекни да артыкъ жигитликлери жокъду», — деп, жүреклери алагъа да, бир бирге да ыразы болмай, кюреш да къурумай, бѐлек заманнга барады.

Была бир бири бла келишмей, Эл Журтундан чачылып кетип, ахырлары Тебердиге жыйылдыла. Была онэкиси да Тебердиге жыйылгъандан сора да, биригалмай, сѐз бла кюрешген угъай да, бири бири бла туююше, халкъны да бѐлюм-бѐлюм этип, къауум-къауум болуп, сауут бла окъуна урушуп башлайдыла. Ол заманда халкъ бек тынгысыз болады.

Быланы таматалары Сосурукъну жыйыны асламыракъ эм къарыулуракъ болады. Аны себепли къарындашла, биригип, кеслерини къауумлары бла Сосурукъну жоаргъа мурат этедиле.

Сосурукъ, быланы хар бирини ол ниетлерин сезип, былагъа эталгъан палахларын да этип, къачып къаягъа чыгады. Аны къачып чыкыгъан къаясыны атына Чууана деп айтылады.

Бу Сосурукъ Чууанагъа чыгып, башындан къарап, ачуланып, бычагын чыгарып: «Сизни биригизни къоймай мен къырып къояйыммы?» — дегенде, халкъ тюбюнден къарап: «Сен бизни къыргынчы, сын болуп къал», — деп, къаргъады да, бу Сосурукъ былайда керти да сын болуп къалды.

Хапаргъа кѐре, ол сын бюгече да Тебердиде Чууана деген къаяны башында сюелип турады.

IV. ДЕБЕТ — АЛАУГАН — КЪАРАШАУАЙ

51. НАРТ ТЕМИРЧИ ДЕБЕТНИ ЖЫРЫ

Эмегенле нартла бла эрише элле,
Уллу заран этер ючюн кюреше элле.

Нарт батырла жортуулда болгъанда,
Юйледе къартла, къатынла къалгъанда,

- 5 Таудан келген таза сууланы тыя элле,
Нарт эллени жашауларын буза элле.

Нарт уланла залимликни унамайла,
Аллайланы къырмагъанлай къоймайдыла.

- 10 Жигитликден кем болмагъан деу нартла,
Тюплеринде, къурч темирча, нарт атла.

Сан салмай, къыралла эмегенлени жигитликде,
Ёзенледе не да тау тикде.

* * *

Эл ныгъышда олтурадыла къартла,
Ташны, къысып, сууун чыгъаргъан нартла.

- 15 Акъсакъалла оноу-кенгеш этедиле бирге —
Эмегенлени артын къалай юзерге.

Ахырында бу оноугъа келдиле:

— Атлагъа минип, нарт жигитле, тамбла жолгъа атла-
ныгъыз,

Темир уста нарт Дебетни табыгъыз.

- 20 Аллаи къылыч ишлетигиз Дебетге:
Ауурлугъу доммай тенгли болгъан,
Узунлугъу узун болгъан тау къолдан,
Кенглиги уа кенг болуп чана жолдан.

- 25 Танг атханлай, нартла чыкъдыла жолгъа,
Алдыла бек керекли ишни къолгъа.

Ала барадыла, кече-кюн тохтамай,
Ат арыугъа, ач болуугъа къарамай.

Узун, узакъ жол жүрюй кетип, аш къапмайла,
Къартла айтхан Дебетни уа тапмайла.

- 30 Бир кюн жашла, айлана кетип,
Минги тауну да тюз тюрбуне жетип,

- Тохтадыла суу кьатында солургъа,
Оноулашдыла алайда кьалыргъа.
- 35 Жолда арыгъан, ач болгъан нарт атла,
Кишенленип, чыкъ кырдыкда отлайдыла.
- Кёп кечеле жукъламагъан нартла,
Жамчылагъа чулгъанып, жукълайдыла.
- Эрттен бла жолларына кетдиле,
Излей барып, бир дорбуннга жетдиле.
- 40 Ол дорбунда ала нартны кёрдюле,
Кёрдюле да, анга салам бердиле.
- Къарасала: билеклери темирден,
Тишлери уа таш окъуна кемирген.
- Он бармагъы турчдан бла къурчдан,
45 Хар бармагъыны кыйыры — сап-сары —
Ол а Дебетни доммакъ тырнакълары.
- Темир билекледе болгъанды нарт къарыу,
Бошду анга кесеулени къолгъа алыу.
- Къоллары тёзелле къызгъан темирге,
50 Барды амал жана тургъан темирлени бюгерге.
- Кьалтыратады жерни, ашыгъып атласа,
Жумдурукъ этип а ол темирни урса,
- Жилтинле, жулдузлача, учадыла,
Тауушундан эмегенле къачадыла.
- 55 Темирчини барды мазаллы саны,
Кёкюреги къая кибикди аны,
- Пилде окъуна кёрмезсе сен аллай санланы:
Бойну — эмен тюккюшча, тегерек,
Ише уа болады бек чёрчек.
- 60 Отха салып, темирни къыздырып,
Жана тургъан темирни къолгъа алып,
- Ауур жумдуругъу бла урады,
Жютю кылыч, жиянча, созулады,
Узалып аны тенгизге сугъады,
- 65 Сууугъан кылыч къатады алай,
Хазырды иш сынаргъа бусагъатлай.
- Темирчи, нартладан артхаракъ туруп,

Кёрдю тауну тик башын уруп —

Аны башы, мычымай, чачылды,
70 Мазаллы тау экиге жарылды.

— Бу кылыч болсун нартлагъа саугъагъа,
Элия болсун эмеген аманлагъа! —

Деп, темирчи сауутну кьонакылагъа узатды,
Нартланы кьолун тута кьаты.

75 — Темирчи Дебет ишлеген кылыч кьолубузда,
Энди душман турмаз жолубузда!

Жашау жылларынг, Дебет, узакъ болсунла! — деп нартла,
Атлагъа минип, жолгъа чыкъдыла.

* * *

Дебет деген — темирчиле атасы,
80 Бу таулада болгъанды аны кьаласы.

Ол нартлагъа темирлени биширгенди,
Темирледен кюбе этип кийдиргенди.

Усталыкъ бла кесин нартха суюдюргенди.
Нарт аскерге садакъ окъла этгенди,
85 Этген огъу ташдан, таудан ётгенди:

Жер юсюнде Дебет кибик ёсмегенди.
Кьалкъанларын кылыч кесмегенди.

Кылычлары, тауну урсанг, жаргъанды.
Алгъа атха налла Дебет салгъанды,
90 Андан халкъгъа төре болуп кьалгъанды.

Наллагъанды нарт аскерни атларын,
Кьюандыргъанды жашын, кьызын, кьартларын.

Темирни ол ташдан айыргъанды,
Нарт дунягъа темирни ол бергенди,
95 Халкъ а, кёрюп, барын андан билгенди.

52. ДЕБЕТ УЛУ АЛАУГАН

Пелиуан Алауган кыая дорбунда жашайды,
Ой, алай жашайды,
Апсатыны кийик малларын, кесини маллары кибик, ашайды,
Ой, алай ашайды.

Алауган батыр, анасындан тулпар туугъанды,
Ой, алай туугъанды,
Доммай сюрюулени, ызларындан болуп, кьюугъанды,
Ой, алай кьюугъанды,

5 Аягъындан сермеп, мазаллы доммайны буюгъанды,
Ой, алай буюгъанды.

- Алып келеди, сауутсуз-сабасыз ёлтюрюп,
 Ой, алай ёлтюрюп,
 Доммай мыллыкны саулай аркъасына кётюрюп,
 Ой, алай кётюрюп.
 Ол садакъ окъну да бир шашдырмайын атады,
 Ой, алай атады,
 Тийген жеринде белине дери батады,
 Ой, алай батады.
- 10 Арсланны тутуп, къырккылыккъ къойлай, байлайды,
 Ой, алай байлайды,
 Тереклени юзюп а, зыкала кибик, сайлайды,
 Ой, алай сайлайды.
 Къаплан териледен тонла тикдирип, кийгенди,
 Ой, алай кийгенди,
 Эмеген къатынын а ол бек залим суйгенди,
 Ой, алай суйгенди.
 Союм ёгюзню эти анга ушхуургъа жетмейди,
 Ой, алай жетмейди,
- 15 Уку кёзлери кече сууда тюкню кёрелле,
 Ой, алай кёрелле,
 Аны къолундан кёп жаныуарла ёлелле,
 Ой, алай ёлелле,
 Къаяны оюп, баргъан сууну аллын тыяды,
 Ой, алай тыяды,
 Анда чабакъланы къол аязына жыяды,
 Ой, алай жыяды.
 Узун сакъалы аны кёкюрегин жабады,
 Ой, алай жабады,
- 20 Кийиклени ызындан ол атдан женгил чабады,
 Ой, алай чабады.
 Чынар тереклени, кырдыкла кибик эзеди,
 Ой, алай эзеди,
 Кийик сюрюулени жыйыларындан сезеди,
 Ой, алай сезеди.
 Ой, аллай нарт улуду тулпар Алауган,
 Сен чючгюрсенг, къаяла таула тебелле,
 Ой, алай тебелле,
- 25 Аны эшитселе, эмегенле, къоркъуп, жерге чёгелле,
 Ой, алай чёгелле.
 Къар ысхындыкла, юзюлюп, энишге агъалла,
 Ой, алай агъалла,
 Халкъ сени юсюнгден жырла, жомакъла тагъалла,
 Ой, алай тагъалла.
 Эмегеннге тюбеп, атыш-тутуш болгъанса,
 Ой, алай болгъанса.
 Сен аны хорлап, къатынын, сыйырып, алгъанса,
 Ой, алай алгъанса.
- 30 Ол а санга тамаша улан тапханды,
 Ой, алай тапханды,
 Алай эмеген къатын жашынгы къапханды,
 Ой, алай къапханды.
 Душманым тюбесин ол Алауганны аллына,
 Ой, алай аллына,

- Аллай кюн келсин суймегсниме, кьанлыма,
 Ой, алай кьанлыма.
 Алауган жылайды, тауну-ташны таралтып,
 Ой, алай таралтып,
 35 Эмеген кьатынынь сокьгьанды, кьабыргьаларын кьаралтып,
 Ой, алай кьаралтып.
 Алауган а тьоп болурма деп кьоркьады,
 Ой, алай кьоркьады,
 Жыламуькьлары узун сакьалындан саркьады,
 Ой, алай саркьады.

53. ДЕБЕТНИ ЖАШЛАРЫ БЛА ЭМЕГЕН КЪАТЫННЫ КЪЫЗЛАРЫ

Эртте заманда Дебет деп бир пелиуан болгьанды. Ол кеси нарт болгьанды. Ол кеси кюн чыкьгьан жанында Темир-Кьапугьа, кюн батхан жанында Буз тенгизге баргьанды. Аны аты тауланы юслери бла атлагьанды. Таула аны кьарын тьобюнде, тьбечиклеча, кьалгьандыла. Суулагьа, тенгизлеге жетгенде, атыны бир бурун тешигинден ургьан жел, бузлатып, кеси ётерча кёпюр этгенди. Экинчи бурун тешиги бла туманла чыгьарып, бузланы эритип, жауун жаудуруп, жай этдиргенди.

Нарт Дебетни онтогьуз жашы болгьанды. Ол жашларына кичилетип кьатын алыргьа, онтогьуз кьызы болган юйдегини излей, жашлары бла узакь жолгьа чыкьгьанды.

Бара, айлана, жюрюй кетип, Кьуф тауланы ичинде бир эмегенле элине киргенди. Ол элге кире баргьанлай, Байрым кьызы атлы кьуртха кьатыннга тьобеп, элден хапар сурагьанды. Кьуртха:

— Эмеген тукьумдан элни башында онсегиз кьызы бла бир юйюр жашайды. Аланы аналары кьызларын эрге берирге онсегиз жашы болган адам улун излейди, ол сени кьонакьгьа алыр. Алай ол юйюр кьызларын таматалатып эрге берликди,— деди.

Нарт Дебет:

— Аллахдан аман тап, мен а кичилетип кьатын алыргьа муратым бар эди,— деп, кеси кесине сагьыш эте, ол юйюрге барды.

Ол онтогьуз жашны атасы Дебет:

— Хей, ким барды? — деп ат юсюнден ол дорбуннга кьычырды.

Мангьалайында, дорбун кибиьк кьаралган бир кёзю бла, бууунунда темир юзмелт миделлери, кьолунда, чигинжи кибиьк, темир урчугьу бла, башы да урчугьуну тирмен ташыча болуп, бир эмеген кьатын чыкьды.

— Хей, адам улулары, не айланасыз, не жюрюйсюз? Келигиз,— деп селёшди.

— Ма бу жашларыма кьатын, кьыз излей чыкьгьанма,— деди.

— Да, алай эсе, келигиз, жаратсагьыз, менде онсегиз кьыз барды. Аланы хар бирисини бирер оюнлары барды, демлешгенде жашларынг хорласала— кьызла аланы болурла, хорлатсала— бизге бирер татлы кьабын болурла. Бираз сабыр этигиз, дорбуннга кирип чыгьайым,— деп кьара дорбуннга кирди.

Дорбундан, кьаяланы тепдире, аналарыча, жангыз кёзле болуп, эринлери эмчек башларына тьошюп, онсегиз эмеген кьыз чыгьып, тамата кьыз-кичилерин, бирсилери да ол ыз бла, таматалары, Алауганнга жетгинчин, атларындан тьошюп, дорбуннга кийирдиле.

Нарт Дебетни тамата жашы Алауганны атдан тьошюрюрге эмегенлени саны жетмеди. Болса да, эмеген кьызланы анасы кьарап туруп, нарт Дебетни эки

бармагы бла алып: «Кесимисе»,— деп хуржунуна атды. Сора Алауган кеси жап-жангызлай эшик аллында, ат юсюнде кьалды.

Алауган, барырын да билмей, бир бийик таула таба бара тургъанлай, ол алгын жолукъгъан кьуртха кьатынны келе тургъанын кёрюп:

— Мени атам Дебетни эки бармагы бла алып, эмеген кьатын аты бла хуржунуна сукъгъанды. Онсегиз кьарындашымы онсегиз кьызы атлары бла дорбуннга алып киргендиле. Энди атама, кьарындашларыма не этейим?— деп сорду.

— Да, адам улу, энди сен аланы тапмайса, Дорбунну ала аллына кьаяланы салып бегитгендиле. Ала аны он жылдан бир ачадыла. Ала дорбунну ачып, жылны сууукъ кезиуюнде жортууулгъа чыгъадыла. Ол заманны марап туруп, Минги тауну башында сегиз аякълы, эки башлы, кьарыш кьулакълы, алты кьулачлы, темир туякълы бир ат барды. Ол ат кюнлюк жанына узалып, суусабына Къара тенгизни ичеди. Чегет жанына айланып, жалпакъланы отлап къара топуракъ этеди. Кьуйругъу бла туманланы, булутланы чачады. Сийген заманда дуняны ыркы элтип, тарлада кёпюр кьалдырмайды. Ма сен ол атны табып, нартланы аталарындан кьалгъан болат кьылычны тагъып келип урушалсанг, атангы, кьарындашларынгы кьутхараллыкъса, алай этмесенг, кьайда болсанг да жек бла ала сени табып ашарла,— деди.

— Да, Байрым кьызы кьуртха, мен атны эм ол болат кьылычны кьалай табайым?

— Аланы уа, мен айтханны сен этсенг, табар мадарын юрретирме,— дейди.

— Этерме,— деп, Алауган ол айтханны этерге ант этеди. Сора Байрым кьызы айтханды:

— Алауган, манга киеу болсанг, мени кьызымы алып, бизни бла жашасанг, ол заманда атангы, кьарындашларынгы кьутхарырча, атны табып минерча, кьылычны табарча этерме,— деп айтды. Алай бла Алауган Байрым кьуртханы кьызын алады.

Алауган кьатыны бла бир бёлек заманланы жашайды. Бир кече жатып жукълайдыла. Кечени ортасында кьатыны кьобуп, от жагъагъа барды. Акъырын тыпыр ташны кьобарып, тюбюнден бир кьошунну чыгъаргъанын эследи. Сора кьатын кьошунну ичинден бир къара затны чыгъарып, кёзюне-башына сюртдю. Акъырын гумугъа кирип, андан бир кьуш кьапны алып юсюне кийди. Бираз тынгылап туруп, ожакъ бла кёкге чыгъып кетди.

Алауган:

— Бу не сейир ишди?— деп кече эшикге чыгъып кьарагъанында, кьатынын кёкде уча барып, булутла ичине ташайгъанын кёргенди. Алай бла тамаша, сейир болуп, кьайтып жерине жатханды. Кечени бир заманында кьатыны келип, эрини аягына акъыртын кирип жатханды.

Танг атханда, кьатыны отха аш-суу этерге кьазан асханды. Кьазаннга эт салып, аны биширип, эрини бла анасыны аллына салгъанды. Анасы этни, жутланып, ашагъанды. Алауган а:

— Бу мен билген, мен ашагъан этлеге ушамайды,— деп жюреги арсар болуп, ашамай, кьатынына:

— Бизни этибиз жокъ эди, этни ким бергенди?— деп сорады.

Кьатын:

— Бюгече сен жукълагъандан сора кьоншуларыбыз ийгендиле,— дейди.— Не сора тураса, аша, иги шаугютдю,— деп, эри Алауганны кьоркьутду.

Алауган амалсыз болуп къабады. Кьапса — аллай этни кьапсын дуняда болмагъанча, аллай татлы эт болгъанды. Алай этден адам улуну сют ийиси бурнуна урду. Ол заманда Алауганны кёз жилимукълары бетин жибите, ёрге туруп, сермеп, кьатынын бойнундап буууп ёлтюреди. Экинчи — кьайын анасы Байрым кьызын сермеп кьолгъа алады. Кьуртха:

— Алауган, мени ёлтюрме, сен не зат айта эсенг да, этерме,— деп тиледи.
Алауган:

— Алай болса, мен сени ёлтюрмей кьояйым, сен мени атамы, кьарындашларымы эмененлени кьолундан кьалай кьутхарлыгымы юйрет,— деди.

— Да не этейим, аллахдан аман тап. Кьара гумуда Таурус кьушну кьабы болур. Аны алырса. Экинчиси, Кьуф тауну агьачындан сабы болган, жети жазу жыл жашаган жети башлы эмегени сырт терисинден этилген, кьамичи бауу болган бир кьамичи— чырахтанны башында болур, аны да кьолунга алырса. Ючюнчюсю, от жагьаны тыпыр ташыны тьобюнде бир кьара кьошун болур. Аны ичинде кьара жау болур. Ол жаудан кёзюнге-башынга сюртюп, кьуш кьапны кийсенг, сьуйген жеринге, кёзню жумуп ачхан чакьлы бирге, жетдирир. Тёртюнчюсю уа, нартланы Налмас тауну темиринден ишленген кьылычлары кьара кьобюрге болур. Ол кьобюр санга кеси ачылыр. Ол кьылыч, жайсанг-жайылыр, урушда созулур, кьаяланы, тауланы, кьуйрукьча, кесер. Аны кесинги табан тьобююнде жюрютюрсе.

Ма, сен учуп жолгьа чыкьганлай, аллынга, кьушлагьа минип, юч минг кёк аскерле тьоберле. Сени ала тутуп, ашаргьа чабарла. Ол заманда не кьылыч, не кьюнчюг алагьа жукь да эталмаз. Бар, аман сагьатлы бол, мени жатхан жеримде, жастыгымы тьобюнде, хуржунда, эмеген сюекледен кьюдюрюлюп этилген кьул барды. Ол ууду. Аны жанынга ала бар. Кьушлагьа минип келген аскерле санга тьобеселе, аланы алларына себерсе. Ол тьютюн, туман болур. Ол заманда ала, кьайры барырларын билмей, кеслерин кьаялагьа уруп кьырырла,— деп юйретди.

Алауган, Байрым кьызы кьарт кьуртха айтханча, барып, кьара гумудан Таурус кьушну кьабын алды. Экинчи, Кьуф тауланы агьачындан сабы болган кьамичини чырахтандан алды. Налмас тауну темиринден ишленген нарт аталадан кьалган кьылычны кьара кьобюрден чыгьарып, жети бюклеп, табан тьобюне салды. От жагьаны, тыпыр ташыны тьобюнден, кьара жауу бла кьошунну чыгьарып, кёзюне-башына сюртдю. Сора, ол хуржунну да алып, кьуш кьапха кирип, хауагьа кьалкьды.

Хауагьа кьалкьган заманда, кьанатлары асыры кьаты кьакьгьандан, жерни юсюн букьу этдирди. Ол заманда эмегенле дорбунда тургьанлай, бир уллу жел тереклени, ташланы учуруп жетди. Эмеген кьызланы анасы, билгич мьойюзюн алып, кёкню желин ийисгейди. Дорбундан бир быргьы бла дуниягьа кьарадыда, ачыуланып, онсегиз кьызына:

— Кёкден ас-мус ийис келеди, дорбунлада аскерлеригизге айтыгьыз, ала кьуш кьапларына кирсинле, сауут-саба табханларын алсынла, биз да аскерчилерибизни башчылары болуп, жолгьа чыгьайыкь. Мен кесим а аллыгьызда барырма,— деп кьычырды. Дебетни жашлары бла дорбунда бегитип, эмегенле, кьуш аскерлени алып, кёкге учдула.

Келе келип, Алауганны узакьдан учуп келгенин кёрдюле. Эмеген кьатын кьуш аскерине:

— Чабыгьыз, Дебет улу Алауган Таурус кьуш кьабына кирип келеди,— деп кьычырды.

Кьуш аскерле, кьанат кьагьып, дунияны жел этдирип, Алауган таба чапдыла. Уруш башланды. Алауган, кьанатлары бла аланы кьара келип, арыды. Сора кьылычын чыгьарып, сермей, кьара келгенлей, кьуш аскерни таматасы — эмеген кьатын, жетип, билегинден кьабып, жаралы этди. Сора Алауган иги кьарьусуз болуп, «Ай, энди хорлайдыла»,— дегенде, кьуртха берген эмеген сюеклени кьюлю эсине тьюшюп, аны хауагьа сепди. Ол тьютюн, туман болду. Кёзлери сокьур болуп, кьайры учарларын билмей, эмегенле бла аланы аскерлери кеслерин кьаялагьа уруп кьырылдыла.

Алауган аладан кьутулуп, атасы Дебет, кьарындашлары тургьан дорбуннга келди. Келсе, дорбунну аллында бир уллу кьара кьая салынып тургьанын кёрдю.

Къуш къабындан чыгып, къылычы бла къаяны сермеди. Дагыда-дагыда бир ненча кере сермеп, дуккул этди. Къаяны, къуйрукча туурап, кесек-кесек этип ташлады.

Къаяны къылычы бла сермеген заманда, от чагып, ол от жилтинледен агачча от тюшюп жанганды. Дорбунну ачып, ичине киргенди. Алай бла Алауган атасын, къарындашларын нартла элине алып келгенди.

54. АЛАУГАН ТАЙНЫ КЪАЛАЙ ТУТХАНЫНЫ ЮСЮНДЕН

Нарт элден узакъ болмай бир уллу кёл болганды. Ол кёлден кюн къушлукъ заманда эки тай чыгыучан эдиле. Чыгыб, тегереклерин сымарлаб, сора кёлге кириб, тѣп-тегерегине джюзюб, арысала, ызларына, кёлге, ташайыб кетгенди.

Нарт элде эркишиле, ол тулпар тайлагъа кѣзлери къараб, къалай тутаргъа билмей, кѣб сагыш этгенди. Бир кюн элде эркиши къалмай, бирер кючлю аркъан да алыб, кёлню джагъасына баргъандыла да, бирери бирер чунгур къазыб, алагъа кириб, букъгъандыла. Алауган а ол кюн элде болмагъанды. Тайла чыгъар заманны аллы бла эркишиле аркъанларыны учларын къолларына чырмаб, тайла кёлден чыгыб, тегереклерине къарай тебregenлей, аркъанларын тайланы боюнларына мараб атхандыла. Атханлыкъгъа уа, бир деб бири да аркъанын тайланы боюнларына тюшюралмай, тюнгулюб кетгенди.

Бу хапарны эшитиб, экинчи кюн тюш заманда къылдан эшилген, кючлю аркъанны да биргесине алыб, Алауган кёлню джагъасында букъгъанды. Бир чунгургъа кириб, сакълай тургъанды да, заман джетгенлей, кёлден бир тору тай бла бир кѣк тай чыкыгъанларын кѣрюб, башын энишге букъдуруб, аркъанын алда баргъан тору тайгъа силдегенди, алай а аркъан артдан келген кѣк тайны бойнуна тюшгенди.

Алауган не къаруун да салыб, тартыб, тайны кесине джыйгъанды. Тайны кесине джууукъгъа келтиргинчи, базыкъ къылдан эшилген аркъаны созулуб, халыча, ингичке болганды. Тайны алай чыгъаргъаны бла эрлай сермеб, бир къолу бла къулагындан тутханды да, бирси къолу бла да джюгенни тайны башына кийдиргенди. Джюген бла тартыб, юйюне джетгенди да, къарнашларындан къалгъан ат джерни тайны сыртына салгъанды. Юч айылын да къаты къысыб, къамчисин да къолуна алыб, секириб, тайгъа мингенди.

Минсе, аллай тайгъа минсин, элдеги атланы бир айгъа джюрюгенлери чакълы бир джерге бу тай бир атлаб кыйгъанды, джылгъа джюрюгенлерине уа — бир сагыат да турмай баргъанды. Чынгагъаны да тюз атланы джыл джарымгъа джюрюгенлери тенгли болганды. Аллай джюйрюк, дюлдюр тай болганды Алауган кёлден чыгъаргъан кѣк тай. Тайны кесине юретгинчи, аны иги сылыт этиб, джууаш этиб, элине къайтыб келгенди. Тайны атына Гемуда атагъанды.

Нарт элни адамлары джыйылыб, Алауганга эшитдире:

— Бу санча муну къалай тутду, джамагъатдан кючлю къалай болду?! — деб, бек сейир-тамаша болгъандыла.

— Мен эркишиме! — деб джууаб бергенди Алауган да.

Алауганга эришиб, сау элни эркишиси джыйылыб, биягънлай, кёлде къалгъан тору тайны тутаргъа мурат этиб, аркъанларын да алыб, кёлню джагъасында бугъуб, марагъандыла, алай а тору тай кёлден чыкмай къалганды.

55. АЛАУГАН АЛТЫН ТОННУ ЭМЕГЕНДЕН КЪАЛАЙ УРЛАГЪАНДЫ

Бир кюн Алауган, Гемудагъа да миниб:

— Бир кѣз ачыб келейим! — деб, джолоучу болганды. Ингир къарангы бол-

гъунчу баргъанды да, бир джерден от жарыкъ чыкъгъанын эслегенди. «Бу къуру джерде не эл, не къош болмаучан эди, арабий, бу жарытхан не зат болду экен?» — деб, Алауган сагъышха киргенди.

Ол не айтырға да билмей тургъанлай, миннген аты — Гемуда — адам тил бла былай айтханды:

— Алайда джети башлы джети эмеген джашайдыла. Къырккъулакъ къазаннга бешджыллыкъ ёгюзню этин салыб, аны тюбюнден аямай от этгендиле да, ол отну жарыгъыды алай жарытхан, — дегенди. — Ол джети эмегенни бир алтын тонлары барды. Алтын болгъаны бла да къалмай, ол тонну джагъасы джырлай, эки дженги харс ура, этеклери да тепсей турадыла... Къоркъа эсенг, кенгнге къач, алай тюл эсе, юслерине барайыкъ. Мен айтханны этсенг, тонну алырса да къайтырса, алай болмаса, кесинги эмегенлеге ашатыб къоярыкъса. Былай баргъанлай: «Уу, Алауган, къайдан чыкъдың? Кел, кел!» — деб, алдырланьрла, тамадалары: «Къонакъны атын тагъыгъыз!» — дерикди. Сора сен: «Атым огъурсуз атды, хата этдирмегиз, марджа, табаны бла да, ал аякълары бла да урлукъду таб ауузу бла да къабарыкъды, атха чырт тиймегиз!» — дерсе. Сора эмегенлени эм ёхтемлери чыгъыб: «Бу тайчыкъ бизге не истем!» — деб, сенден джюгенни алырға умут этер, мен къысха бурулуб, табанны бир джетдирсем, эмегенни къайда тюшгенин кёрюрсен. Эмегенле анга, ёлюбюмю къалды деб, ары чабышханлай, къазанда къайнай тургъан шорпадан челек кирген чолпу бла юслерине бюркейсе, ол заманда ала: «Ой, Алауган, алыныбмы айланаса! Кюйдюрюб къоя эдинг да!» — деб, тонларын да унутуб, къачарла. Сора сермеб, алтын тонну алыб, мени юсюме дженгил миналсанг, къутуллукъса. Алай болмаса уа, ала сени эзерле! — дегенди аты Гемуда.

Алауган, Гемуданы акъыл сёзюне эс бёлюб, къоркъмай эмегенлени юслерине баргъанды.

— Кече ашхы болсун, бурунгулу къартла! — деб, Алауган эмегенлеге салам бергенди.

— Ой, сау бол, Алауган, тюш атдан, джууукъ бол! — деб, эмегенле бири бирине ышаргъандыла. Алауган, атдан тюшер-тюшмез, аты айтхан къырккъулакъ къазанда эт къайнай тургъанын эслегенди.

— Туругъуз, къонакъны атын тагъыгъыз! — деб, тамада эмеген буйрукъ бергенди.

— Ай, къоюгъуз, бу бир огъурсуз, аман атды, ачытырыкъды! Арты, аллы бла да сермейди, аны бла да къалмай, ауузу бла да къабады. Тиймегиз, марджа! — деб тилегенди Алауган.

Сора эмегенлени ичлеринден бир ёхтем эмеген чыгъыб: «Бу тайчыкъ кимге не этерикди!» — деб, Гемудагъа джууукъ баргъанлай, ат табанны беклегенди да, эмегенни узакъгъа чартлатыб, сойландырыб къойгъанды.

— Ой, ёлтюрюбюмю къойду экен? — деб, эмегенле аны таба чабышхандыла.

Ала ары чабхан заманда, Алауган уллу чолпу бла къайнай тургъан шорпадан юслерине къуйгъанды. Шорпаны алай къуйгъанлай, алтын тон, джашырылгъан джеринден бери ачылыб, Алауганны аллына тюшгенди.

Алауган, секириб Гемудагъа миниб, сермеб, алтын тонну къолтукъгъа алыб, эмегенле аязыб, бери айланыб чабхынчы, алайдан думп болуб кетгенди.

Юйюне барыб, атын да баугъа тагъыб, алтын тонну юйню тёрюне такъгъанды. Олсагъат алтын тонну джагъасы къобуз согъуб, дженглери харс уруб, этеклери да тебсеб тебрегендиле. Алтын тонну терезеден тышына ургъан жарыгъына бютеу нарт эл сагъайыб, къарт, джаш къалмай, бютеу джамагъат Алауганны юйюне басыныб:

— Бу сейир зат неди?! — деб, ауузларын ачыб, сейир-тамаша болгъандыла.

Алауган, эшигин кенг ачыб, алтын тонну джамагъат кёрюрча этгенди. Къа-

расала, алайгъа къарасынла, алтын тонну джагъасы къобуз согъа, дженглери харс ура, этеклери да тепсей тура!

56. АЛАУГАНЫ КЪАТЫНСЫЗ КЪАЛГЪАНЫ

Алауганлары онтогъуз къарнаш болгъандыла. Эм тамадалары — Алауган. Барысы да юйленмей тургъандыла. Алауган барындан да уллу сюекли болгъанды. Кесин сант кирик этиб джюрютгенди. Эки ёгюз терини ийлеб, созуб, эки аягына эки чабыр этиб, чабырларыны ичлерине бирер гебен биченни салыб, алай кийгенди.

Бир кюн джашла аталарына айтхандыла:

— Бир кишини, бир къатынны онтогъуз кызы болгъанланы табыгъыз бизге.

Ала джашагъан элде алай юйдеги болмагъанды да, аталары джолгъа чыкъгъанды. Бек кёб айланыб, алай а алай юйдеги табалмай, ызына келе тургъанлай, бир дуппурну башында бир къатынны кёргенди. Сора анга кюнашхы бергенди да:

— Айыб этме, не излейсе? — деб соргъанды.

— Да нек айыб этеме, амалсыздан джолоучу болгъанма, онсегиз кызым барды да, бир къатынны, бир кишини джашлары болуб, онсегиз джаш излей айланама.

— Хы! Мен да сенича болуб айланама, алай а мени джашларым онтогъуздула. Ким билсин, барыб джашлагъа бир сорайым. Ала разы болсала, онсегиз кызынгы да келин этейим,— деб, юйюне баргъанды.

Былай-былай деб, джарашдырыб, хапар айтханды. Къалгъанла тынгылагъандыла. Эм гитчелери уа:

— Алауган къалса да, хата болмаз, биз, къалгъанла, ол онсегиз кызыны алайыкъ,— дегенди.

Аталары да, джашла да огъай демегендиле. Барыб, ол онсегиз эгечни келтириб, уллу той-оюн этгендиле. Алауган а къатынсыз къалгъанды.

57. АЛАУГАН БЛА ЗИНЗИУАР

Алауган Минги тауда темирчи Дебетни уланы болгъанды. Ол гитче заманындан окъуна пелиуан боллугъу белгили болгъанды. Эки жюрскли, иегисиз къанга къабыргъалы, къулач жауурунлу болуп, бууунлары, балдырлары, орталыкъ иликичлеча, базыкъ болгъанды. Темир ылытхынны бууунуна, чий чыбыкъны чёр-гегенча, чёргенди. Гебен кирик суу ташланы къолташ этип атханды. Атла бла, ёгюзле бла демлешип, къарыуун, кючюн сынагъанды. Бечеу бла скойретген уллу суйремелени бир къолтугъуна, имбашына алып кетгенди. Уллу тереклени тамырлары бла тартып къобаргъанды. Ашагъанда бир сайлама ирик, тирмен ташлача эки гыржын, он челек сыйынган бир къазан шорпаны ашагъанды, ичгенди.

Алауганни кесинден сора да онсегиз къарындашы болуп, эм таматалары нарт улу нарт Алауган кеси болгъанды. Алауганни атасы кичилетип, уланларына къатын алгъанды. Алауган къатынсызлай бир бёлек жыл жашагъанды. Къартха айланып башлагъанды. Элни аузуна: «Алауганлай къатынсызлай къарт болгъун!» — деп тюшгенди.

Алауган алай айтханларын эшитгенде:

— Хей-а... мен кесим жукъ да билмей тургъанымлай, халкъ кюлкюлюгю болуп турама да,— деп, оюм этип, атына иерин салып, сауутун, сабысын тагып, Къаф таулагъа айланып кетгенди.

Айлана-жюрюй барып, бир уллу черекни бойнунда бир къара дорбундан къап-къара бир тютюн кюнню бетин къаралтып, къаяланы юсюн туманча басып

турганын кѳргенди. «Бу сейир, бу алапат не зат болур, мында не да болсун бир тамаша, сейирлик барды»,— деп барганды. Дорбунну тѳбюнде атын тагып, кылычын кѳлуна алып, акырын барып, дорбунну ичине кыраганды. Кыраганда, бир эмеген, эки эмчегин да имбашлары бла жауурун кылакларына атып, ичинде юч ат чабарча бир элекни да алып, бир таш тегенеге дуняны букы этдирип, юзмез бла унну бирге кыатышдырып ун элсй, отда жюз челек кирген кыазаны кыайнай, оту эмеген кирледен этилген, аман ийисли кыыйн жана.

Эмегени уллулугуна кыраганда: ауузуну уллулугу бир кыулач, тѳп эринлери эмчек башларына дери салынып, мангылайында бир кѳзю, желкесинде да, адам башыча, экинчи кѳзю, чолпан жулдузча, кѳм-кѳк жылтырай. Чачы болмай, башы, доммакыча, кызарып, уллулугу тогуз геммешни бирге кыошханча, болуп, борбайларыны, бутларыны, кѳолларыны уллулугу, чеги болмагъанча, алай. Тырнаклары, кыушну бурнуча, узун жютюле кѳрюнедиле.

Былай бла Алауган сейирликге кырап туруп, акырын артындан барып, эмегени эмчегин ауузуна салганды. Эмеген, чибин кыонган сунуп, кѳлу бла узалганды. Ол заманда кѳлуна бир башха зат тийгенин сезгенде, артына кыраганды. Кыараса, ол а адам улу, нарт улу Алауган болганды.

— Ой, балам, балам, билмегенлей балам болуп кыалдын ансы, нечик татлы кыабын боллукъ эдинг,— деди.

Алауган да:

— Ай, билмегенлей мен да санга киеу болуп, сени кызынг болуп, манга берип кыойсанг эди,— дегенди.

— Кыонакы, сен нарт улуладан болурса, ала бизни кѳрюп болмайдыла. Алай сен жаратсанг, менде бир ариу кыыз барды, аты Зинзиуарды, кел, кѳр,— деп, экинчи бир дорбунга чакырды.

Эмеген кыатын аллында, Алауган аны ызындан ол дорбунга бардыла.

Дорбунну эшиклери уллу кыангала бла ишленип эди. Эмеген кыатын алгыаракъ кирип:

— Кызым, жаратсанг, нарт улуладан санга улан алып келеме, ариу кыубул,— деп билдиргенди.

Алауган дорбунга кирип, Зинзиуарны кѳргенди. Зинзиуар эмеген кыыз болса да, атасы нартла кыатышладан болганы себепли, башха эмеген кыызладан аз ушагыулуракъды дерча кѳрюндю: кѳзлери чѳмючлеча, ѳшонлери улакы гыбытлеча, бели антау гебенча, кыарны сыра кыазанча, билеклери, бутлары чигинжилеча, ауузуну жарылганы беш кыарыш чакылы болуп, кыулакы артларына жете, башы тѳксюз, кыызгъан багырча, кѳрюндю.

Не болса да, Алауган кызыны деу, пелиуан болганын кѳргенде, алыргыа жаратды, анасы да Зинзиуарны берирге ыразы болду.

Кыыз да, анасы да Алауганга бу шартланы салгандыла: кюнде бир ашагъанда, тирмен ташча, бир тары гыржын, бир сау кыой эти, юч челек шорпа ашатыргыа. Аякларына айда бир тууар тери, юсюне-башына буу, марал териледен тон кийдирип, жашатыргыа, тууганын кызыны эркинлигине берирге, деп, бегим, шарт этгендиле.

Былай бегим этгенден сора, Алауган кыатынын элтирге киеу жѳнгерле жыаргыа кесине нарт элине кетгенди. Нартладан кырап,— ол игиди, бу ахшыды, ол жигитди деген адамладан эки жюз атлы жыйганды. Ол кюннге боллукы аш, суу, ичгилерин, сауут-сабаларын да алып, жолгыа чыкыгандыла. Келинни миндирирге темир арба, аны тартдырыгыа Гемуда, Генжетай атланы тукыумларындан тогуз ат, ала арысала, аланы алышындырыгыа да тогуз ат хазырагандыла.

Алауган кеси, Гемудагыа минип, киеу жѳнгерлени алларында чыкыганды. Кыолунда жюз кыулач узунлугу болгъан кыуругу болганды. Байракы орнуна кыурукыгыа эмегенлени баш суратларын, кеслерича этип, такыганды. Мында

муратлары: эмегенлени кьоркьутургъа, тохтамасагъыз, башларыгъызны кесип, этеригибиз былайды,— деген магъанада болгъанды.

Алауган атлылары бла жюз кюнлюк жолгъа юч кюннге жетгенди. Эмегенле нартланы келир кюнлерине тогъуз жюз тохсан къазан асхандыла. Хар къазаннга да ючюшер буу, марал салып, хар бир къазанга тохсан тогъуз челек суу къуйгъандыла. Кюнчыгъыш жаны тенгизни тузундан хар бир къазанга бирер челек туз къуюп биширгендиле.

Киеу жёнгерле, барып, эмегенлени уллу тюзлерине тюшгендиле. Эмегенле аланы, атларындан тюрюрюп, уллу тюзде аш ашатыу, ичги ичириу башланганды. Эмегенле кеслери ичип эсириучю кендирашдан, къундушдан, андыздан этилген ичкилени сыра къазанлагъа къуюп, уллу илкичле бла кётюрюп, келип алларына салгъандыла. Алауган къарап туруп, нартлагъа кёзю, къашы бла: «Ичмегиз, ичсегиз да малхунияла, телиле боллукъсуз,— деп билдиргенди. Нартла кеслери этип келтирген къара сыраларын доммай гыбытладан алагъа да къуюп, кеслери да ичип башлагъандыла. Алай нартла эмегенлеге, хыйла этип, алагъа ичирген сыраларына шайтан сют бла бюшкери сууланы къошуп, ичиргендиле. Алайдан эмегенле къутуруп, бир къауумлары агъачлагъа къачхандыла. Бир-бирлери бла туюш да чыгъаргъандыла.

Сора, алай эте келип, нартла бла эмегенле бир бирлери бла демлешиуге, бир бирлерин сынашыргъа чакъырдыла. Сора эмегенлени таматасы:

— Нарт улулары, сиз айып этмегиз, бизни адетибизге кёре, алгъа къонакъла бир иги юлгю кёргюзтедиле,— деп тилейди.

Нартла мынга ыразы болуп, азыкъ арбаларындан ичи тытыр суудан толуп тургъан, бир гыбытны келтиртип, бир сыртны башында жерге басдырадыла Араларында эм гитчелеринден бирлерин юйретип:

— Бар жерни тобукъларынг бла уруп, къарын жауун тышына чартлат,— деп иедиле. Нарт барып, ёрге секирип, гыбытны тобукълары бла урады. Бучхагъы тешилип тургъан доммай гыбытны тытыр сууу сыртны башындан чыммакъ агъарып, энишге саркъгъанын эмегенле кёредиле.

Дагъыда эмегенле:

— Эй, нарт улулары, энтда бир сейирлик зат кёргюзтюгюз,— деп тилейдиле.

Нартла азыкъ арбаларына барып, хуржунларын акъ арпа ундан толтуруп, сора башларына бирер акъ ташны кётюрюп, Алауганга келедиле. Алауган:

— Ха, нарт уланла, ол алып келген акъ ташларыгъызны ол сыртны башына чыгъып, къолларыгъыз бла ун этип, хауагъа суууругъуз,— деп буюрады. Нарт уланланы ючюсю чыгъып, хуржунларында унланы хауагъа атып, букъу этдиредиле.

Бу затланы кёрген менгиреу эмегенле:

— Эй-э... нарт улулары уруп, жерни жауун чыгъарадыла, ташланы къысып ун этедиле, была бла демлешиу этерге къолубуздан келлик туююлдо,— деп, кьоркъадыла. Нарт улулары не айтсала да, бой салып, ыразы болуп, Зинзиуарны атландырыргъа башлагъандыла.

Аны юсюне жюз марал териледен тон этип кийдергендиле. Аякъларына бир доммай териден башмакъла этгендиле. Башына жюз бла жарым къарыдан кендираш халыладан жаулукъ къысып, къулакъларына тогъузлу жугъутурну мюйюзлеринден сыргала этип, такъгъандыла. Бууунлукълары доммакъдан болуп, жетижыллыкъ сабий ичи бла ётерча аллай тогъайла болгъандыла.

Сора киеу жёнгерле ашап, ичип бошагъандан сора, тогъуз ат жегилген темир арбаны жегип, келинни анга олтуртхандыла. Арбаны темир чархлары жерге батып, атла тарталмай тохтагъандыла. Сора нартланы бири Генжетайны бечеуге къошханда, атла тартып, жолларына чыкъгъандыла. Жолда суулагъа жетселе, кёпюрлени жангъдан ишлеп, алай ётдюргендиле. Алай бла Алауган, къатын алып, Минги таугъа келтиргенди.

Бир кюн Алауган, Гемудагъа миниб, джолгъа чыкъгъанды. Бара барыб бир чегетге киргенди. Чегетни ичинде — бир мазаллы юй. Юйню ичинде — бир эмеген къатын. Къатын джюн тарай тургъанды, эки эмчегин артына атыб. Алауган: «Ой, анай, анай»,— деб, чабыб эмчегин ауузуна алгъанды.

— О балай, балай! Дженгил балай болдунг, ансы сеннге этерими биле эдим мен,— дегенди эмеген къатын.

— Дженгил анай болдунг, ансы сеннге этерими мен да биле эдим,— дегенди Алауган да.

Отда бир уллу эт къазан къайнайды. Эт бишгенден сора, къатын тынгысыз болгъанды, эт аман болуб къалады деб, алай а къазанны тюшюралмагъанды.

— Ким тюшюрлюкдю къазанны? — деб соргъанды Алауган.

— Джашларым.

— Мен тюшюрейим.

— Тюшюр.

Алауган эт чоюнну отдан тюшюргенди.

— Джашла келселе, сени ёлтюрлюкдюле,— деб, эмеген къатын Алауганны джашыргъанды. Кеч бола аны джашлары юйге джыйылгъандыла.

— Уф, пуф! Адам ийис, адам ийис,— деб къычыргъандыла.

Аналары джукъ айтмагъанды. Сора ала бери айланыб:

— Къазанны къалай тюшюрдюнг? — деб соргъандыла.

— Мени сизден сора да джашым барды.

— Къайдады да ол?

— Анга джукъ этмезге сёз беригиз, кёргюзюрме.

— Березиз, березиз.

Къатын Алауганны чакъыргъанды.

Эмеген къатынны джашлары сейир болуб — не айланаса, не адамса? — деб соргъандыла.

— Кесим келечи болгъаным ючюн кечигиз, мен сизни эгечигизни тилей келгенме,— деб, джууаб этгенди Алауган.

Эмеген джашла къуш-муш болгъандыла, тюрлю-тюрлю оюнлада Алауганны сынаб кёргендиле. Сора бары да ыразы болуб, эгечлерин бергендиле.

59. АЛАУГАН БЛА БЕШ БАШЛЫ ЭМЕГЕН КЪЫЗ

Нарт Алауган бир уллу тенгизни жанында бир элде жашагъанды. Ол тенгизде эки ат болгъанды. Эл аланы туталмай тургъанды. Алауган барады да биргесине сынжыр элтеди. Атла адамны кёргенде, тенгизге секиргендиле, адам кетгенлей, тенгизден чыкъгъандыла. Бир жол, атла чыкъгъанлай, сермеп, бирини бойнуна сынжырны салды. Атны тутду, юйюне элтди. Жарашдырып, кесине ат этди. Атны атына Гемуда атады.

Атха минип, кесине къатын излерге чыкъды. Кетип бара тургъанлай, бир чегет талада бир эриши къарелди кёрдю. Аны кёргенлей, къоркъуп, тохтады.

— Къоркъмазгъа ант этген эдим, антыма ёлдум,— деди.

Ат тилленип:

— Къоркъма, бар, ол жер жамай тургъан беш башлы эмегенди,— деди.— Энди тюш, чабып, эмчегинден эм,— деди.— «Ой, балам балам»,— дер, сен да: «Анам, анам»,— дерсе,— деп юйретди.— Андан ары жумушунгу кесинг айтырса,— деди.

— Не излей келгенсе бери? — деп сорду. Ол къатын излей келгенин айтды. Мени эки къызым барды. Къайсын суйсенг, да аны алырса,— деп эмеген къатын Алауганны юйюне алып барады. Алауган къызларын кёрдю, жаратды.

Бир кызын алып кетерге тебиреген заманда, сыйладыла. Алауган ёгюз этден бир кесекчик ашады. Кызы а барын да тауусады. Алауган «Муну кылай кечиндирликме?» — деп кыоркыду. Кызыны, Гемудагга миндирип, элине алып барады.

Эли адамлары:

— Алауган кыатын алып келеди, — деп, аллына чапдыла. Барсала — ол а бешбашлы бир эмеген. Ала ызларына кыайтып кыачдыла. Адамла юйлерине кыайтадыла, ол да кыатынын юйюне элтеди.

Эмеген тапхан сабийин ашап турганды. Алауганны журеги кыыйналып, Сатанайгга не этерин сорады.

— Анга бир ит кючюк хазыр эт, — дейди. — Кыозлаганлай ит кючюкню ат, сабийни ал да кет. Бир жерде асыра. Атасы Алауган, анасы эмеген деп, дуниягга айтылган бир жаш болур, — дейди.

Эмеген кыатын кыозлаганда Алауган ит кючюкню атып, сабийни алып кетеди. Кыатынына:

— Мен бир ыйык турургга болурма, — деп, таугга алып кетеди.

Бара турганлай, тауда аяггы тайып, сабийни бугейге ийип кыояды. Кёп саггыш этип, кыайтып юйге, уруп кыатынын ёлтюреди. Алауган бушуудан, кыл кыобузну да согга, Гемуданы да отларгга ийип кыояды.

Сабийчиги уа бугейни ичинде буз сюммеклени эмип ёседи. Бугсийден чыгып, кымыжалай, келе келип, Шауешик чегетге киреди. Кесине да Шауай атайды. Садак этеди. Жаныуарланы ёлтюреди, аланы ашап жашайды.

Алайдан элге тышеди. Алауганны юйю эли бек кыыйырында болганды. Атасыны юйюне, кымыжалай, салып келеди.

— Сен кымыжалай нек келесе, сен кимсе? — дейди Алауган.

— Да келдим былай, айлана-айлана, — дейди. — Мен гитче заманымда атам бугсийге ийип кыойганды, — деп жауаплайды.

Хапар айтханда, Алауган жашын танийды, кыууанады кийим кийдиреди. «Алауганны жашы Кыарашауай», — деп, дуниягга айтылган бек жигит, кыарыулу бир жаш болады.

60. АЛАУГАН БЛА ЭМЕГЕН КЪАТЫННЫ КЪЫЗЫ

«Алауганлай кыатынсыз кыарт болгун!» — деп сёз барды. Алауган нартды. Тогуз кыатын алганды. Алауганга кыатын чыдамаганды.

Анасы бек акылы кыатын болганды. Ол жашы Алауганга кыатын чыдамай, сабийи болмай кыалганына бек жарсыганды. Сора анасы биреуню чакырып: «Бу мени жашым халкыдан айырылып, кеси жангыз нек олтурады? Не саггыш эте болур, бир бил», — деп ийгенди.

Ол киши: «Сени кыатында олтурургга боллукымду?» — деп, Алауганны кыатына барады. Ол а: «Да олтур, ахшы улан», — деп, аны олтуртады. Барган а сынчылай: «Кыатын а аллыкмыса?» — дегенде, Алауган а: «Мени саггышым кыатын, кызы туююлду, нартланы эмегенледен кыутхарырггады», — деди.

Сора Алауганны кыатындан ол киши кыайтып, Алауганны анасына келди, керти хапарны айтды: «Сени жашынг кыатын кыайгылы туююлду, ол: „Нартланы эмегенледен кыалай кыутхарайым?“ — деп саггыш этеди», — деди.

Ол заманда Алауганны анасы, айланып, элден ашыккыла жыяды. Кыалмай ашыккыланы кыурум бла бояйды. Сора сабийле чакырып, ашыккыланы алагга берип: «Сабийле, Алауганны кыатында, ойнап, бедеш этигиз: „Сабийсиз, Алауганлай, кыарт болгун!“ — деп айтыгызы», — дейди.

Сабийле, ол айтханча, ойнай келип, даулашып: «Сабийсиз, Алауганлай, кыарт болгун!» — деди. Ол заманда ёхтем Алауганга ол сёзле ётедиле. «Оллох, оллох, мен эли эмегенледен сакылайма деп турганлай, сабийле кюлкюсю болуп

кьалдым да,— деп, секирип туруп, юйюне барып, Гемуда атына иер салып, сауут-сабасын алып,— нартла элинде манга кьатын чыдамайды, эмегенледен алайым»,— деп, эмеген элге кетеди.

Бара баргъанда, тебе кибик, бир затны узакъдан окъуна эследи. Иги кьарагъанда: бир эмеген кьатын, жуккаларын артына атып, кьолунда жюз кьулач болгъан бир гетмени бла жерни тешип, жауун иче тургъанын кёрдю.

Алауган, актырын барып, эмегенни эмчегин аузуна салды. Ол заманда эмеген кьатын артына къарап: «Ай, адам улу! Билмей тургъанлай балам болуп кьалдынг да,— деди.— Нек жюрюйсе?» — деп сорду. «Да жау болсакъ да, сизни бла жууукъ болургъа излейме. Сизден кьыз алып, юйдегили болургъа деп, муратым олду»,— деди Алауган. Эмеген кьатын анга: «Да мен сизге иги ышанмайма,— дегенде, Алауган: «Мен тутхан Кёк, Жер, Суу Тейрилери бла ант этеме, дагъыда От Тейриси бла кьаргъанама сизге, жаулукъ тутмайма»,— деди.

Сора эмеген: «Сен от Тейрисинми тутаса? — деп сорду.— Муну магъанасы неди?» — деп кьайтарып сорду.

«Нартны бир элине от тюшюп, кюйюп кетгенди. Аны ючюн От Тейриси болгъанын билебиз»,— деди.

Сора эмегенге сорады: «Сиз кёпмюсюз?» — деп.

«Биз, эмегенле, кёп эдик, бу тюзле, таула эмегенледен толу эдиле. Энди уа биз кесек болуп кьалгъанбыз. Бизни эллерибизни уллу жауун алып кетгенди. Ма азлыгъыбыз ючюн сиз энди бизни бла кюреширге базынасыз,— деди.— Болса да „Эр согъушмай танышмаз“,— дейдиле, айып этме, ол сен излеген ариу кьыз бизни юйде барды».

Экиси да эмегенни юйюне бардыла. Эмеген кьыз юйде кьурмач эте тургъанды, анасы: «Эй, кьызым, санга эр алып келгенме, букъ»,— деп кьычыргъанда, ол кьачама деп, ёшюню бла уруп, юйню бир жанын аудурду.

Былайдан, Алауган Гемуданы юсюне минип, эмеген кьызны ат бойнуна алгъанда, атны темир сынжырлы айыллары юзюлюп кетдиле.

Ол заманда эмеген кьатын: «Сиз, кьарыусуз нартла, ат айылларыгъыз да тал кьабукъла кибик»,— деп, юч айыл чыгъарып берди. Айылла уллу базыкъ тогъайладан этилип, тышлары да гаммеш тери бла чёргелип. Алайдан Алауган, атланып, кьатынын да алып, нарт элине кетди.

Элде нартла: «Алауган эмегенледен кьатын алып келгенди, эмегенле бла жууукъ болдукъ, уруш аз болур»,— деп, уллу той этдиле.

Эмеген кьатын хар юч айдан бир сабий табып башлады. Хар тапханын ол ашап тургъанды. Сора Алауган эмеген кьатынын алдап, сабийни урлар ючюн, анга: «Эй, кьатын, кьозлагъан сенича кьозламайды»,— деп, аны уллу юйню баш тешигине ийгенди. Кьатыны кьозлагъанлай, сабийни орнуна от жагъагъа бир улакъчыкъны атып, сабийни алып кьачханды. Элтип, Кьуф тауда бир дорбунда букъдуруп, аузуна буз суммекни салып кетгенди.

Бир айдан барып кьарагъанында, сабийчик туура ючжыллыкъ жаш болуп тура эди. Бираздан дагъыда баргъанында, ол атха минерча жаш болуп тура эди. Ол заманда Алауган аны алып биргесине нарт элге келтирди. Нартланы жыйып: «Бу мени жашымды»,— деди.

Нартланы кьартлары анга «Къарашауай» деп атадыла, уллу той, оюн этдиле.

Алауган бек кьартайгъандан сора: «Къарашауай, мен тутхан ишни тут, эмегенле бла кюреш, нартланы сакъла»,— деп, нартланы анга аманат этгенди деп айтадыла.

61. КЪАРТ АЛАУГАНЫ ЖАШЫ

Нарт улуларынг а, Тейри, кьуллерынг да,
Нарт балаларынг а — ёз балаларынг,

- Къара тюлкю — тон жагъалары.
 Нарт удуларынг а онсегиз атлы,
 5 Онтогъузунчулары уа къыз эди, маржа.
 Таматалатып а туугъан этдиле да,
 Кичилетип а къатын ала элле.
 Къонгур мыйыкълы, къой кёзлю, дейди, Алауган,
 Болуучед, харип а, бир сёзлю, дейди.
 10 Алауган, харип а, бек артха къалды,
 Бу къатынсызлай а не къартха къалды.
 Обур Сатанай а бир аман акъыл а:
 Уууакъ жашланы кёбюн жыйганды.
 — Ауруугъузну алайым а,
 15 Ашыкъ ойнай ныгъышха барыгъыз а,
 Алауганны аллында ашыкъ ойнагъыз.
 Ашыкъла юсюнде уа сиз тюйюшюгюз а:
 — Ах, сенден, а ол ашыкъны алгъан,
 Алауганлай, къатынсыз къартайсын! —
 20 Эшитдирип а былай айтыгъыз а,
 Киминнге кёлек а, киминнге кёнчек,
 Аллай, быллай, саугъала этермен.
 Жыйыла, къуюла уа ныгъышха кетдиле да,
 Ашыкъла юсюне уа ма тюйюшдюле:
 25 — Ах, сенден а ол ашыкъны алгъан,
 Алауганлай, къатынсыз къартайсын! —
 Алауган харип а мунуму эшитди:
 — Эшигим жабылгъан а, отум ёчюлген,
 Жашлагъа бедишлик а мен бола ушайма! —
 30 Секирип туруп а, юйге баргъанды.
 Гемуданы, тартып, жерин салгъанды,
 Саутун, сабасын, къагъып, алгъанды,
 Атланнганды, чыкъгъанды, маржа.
 Бир уллу тюзде уа бара болгъанды да,
 35 Кёз таныгъанда уа бир къарелдиле да.
 Былагъа салып а баргъанды да, маржа!
 Эмегенле муну кёрелле:
 — Ой, Аллах берди бизге кёнчеклик!
 — Аты — сени, жамычысы — мени!
 40 — Кёлеги — сени да, кёнчегеи — мсни!
 Юлешелле, тамам этелле.
 Бир таматалары алай айтды да:
 — Ай, бизни уланла, алай айтмагъыз!
 Быллай уллу тюзде кеси айланнган а залим болады.
 45 Келме къоюгъуз а, ташны берип кёрюгюз! — дейди.
 — Иш къолай болсун а, ой, чийбыдырла!
 — А, сау бол, сау кел а, ой, нарт а!
 — О, не айланаса, не жюрюйсе уа?
 Бизни оюнубузгъа уа бир къошулсанг а!
 50 Алауганнга ташны берелле.
 Сауту, сабасы алай тургъанлай,
 Сансызыракъ а атып иеди да,
 Эмегенлени да онсегиз аякъ узунлугъу озад, дейд, алгъа.
 Экинчи кезиу а мынга жетед да,
 55 Саутун-сабасын алай къояд да,

- Табыракъ жыйылып а, ташны иед да,
 Кёк бла булут арасында уа таш тас болад да.
 — Эшигим жабылгъан а, отум ёчюлген!
 Биз хариплени уа бу къырып къояд да!
- 60 А, къонагъыбыз а, жаныбыз,— дейди,—
 Ой, не айланаса, сен не жюрюйсе?
 — Мен не айланайым а, ой, не жюрюйюм а?
 Къартлыгъыма уа къатын излейме,
 Ой узун чашлы уа, бир къара къашлы.
- 65 — Ай, узун тишли уа бир къызым барды да,
 Жаратсанг, санга аны берейим.
 — Ой Аллах, Аллах а, нек жаратмайма?
 Экиси да ма жарашалла.
 Къалымыгъыз а не болучуд да?
- 70 — Къалымыбыз а юч болуучуду.
 Ючеулен юйге уа кирип кетдиле да,
 Бир уллу къазанны алып жетдиле да.
 — Ой, харам, халал а биз айырмайбыз.
 Ма бу къазанны уа юч толтурурса.
- 75 Гемудагъа минип а, алды да кетди, къазанны
 Ёре ёресине а ма толтуруп жетди да.
 Ючюнчю къазаны жартыракъ къалды.
 Эмеген къыз къарап а аны кёред да:
 — А, тукъумунгу уа Тейри шау этсин!
- 80 Ол суу бойнунда ташланы уа сен кёремисе?
 Андан ёргесин ташдан толтур да.
 О, сёлешдиле а, ма жарашдыла.
 Эмеген къызны уа алып кетгенд да.
 Нарт эллеринде уа хапар болгъанды:
- 85 — Ой, Алауган а къатын келтирди!
 Тийреде, къызла, жашла баралла,
 Келин кёребиз деп а эмеген къызгъа келелле.
 Отоугъа киргенни къабып барад да.
 О, бу тапханын а къабып барад да —
- 90 Мындан сабий а бир да къалмайды.
 Обур Сатанай а бир аман акъыллы уа:
 — Ай, эндиги келинле не аман этелле,
 Бизни заманыбызда уа алай этмеучек:
 Юйню башындан а энишге тууучек а.
- 95 — Аны уа мен да эталлыкъма уа!
 Эмеген къатын а ёрге чыккыгъанды,
 Юйню ожагъыны башындан а жашчыкъ табады.
 Обур Сатанай а бир ит кючюкню,
 Келтирип, кюлге булгъап къояд да.
- 100 Жашны алып а къутулуп кетед да,
 Тауну башына уа чыгъарып кетди,
 Буздан бешик, жукка, этип,
 Барын да къурап а къоюп кетед да.
 Муну атына уа Къарашауай атады.
- 105 Къарашауай анда ёсюп барады,
 Иги жаш болду, уллу жаш болду.
 Сатанай бир садакъ ишлеп а бсрип къойгъанд да.
 Къанатлы ётдюрмей, атып барады.

- Къарашауай энди хайт деп болганда,
 110 Обур Сатанай бла уа нарт элге келед да.
 Анасы мынга чабады, маржа!
 А, кюрешелле уа, ма, тутушалла.
 Анасын алып жерге урад да,
 Тобукъгъа дери жерге батдырады.
 115 Къарашауай, уруп, башларын кетерип къойду.

62. АЛАУГАННЫ ЖАШЫ КЪАРАШАУАЙ

- Дебетге тууду да онтогъуз улан да,
 Дебетге тууду да онтогъуз улан.
 Кичилешдирип а къатын алдыла да,
 Алауган харип а, ой алгъа туууб а, ой, артха къалды,
 5 Ол къатынсызлай а къартха къалды.
 Аны анасы уа алай айтханды:
 — Энди, бу харип, къарт болуп къалады,
 Мынга къалай амал да этейим? — дейди.
 Ныгъышха барып а, сабийлени бир къауумун чакъырып келгенди,
 10 Жашланы алып келди да, бирер къап бла да ашыкъла берди.
 Кеслерин да тойдуруп, былай айтды, дейди:
 — Алауганны къатына барып, ойнагъан кибик этигиз.
 Биригиз биригизден ашыкъны алып, ой, алай айтыгъыз:
 «Ой, ол ашыкъны мен алдым эсе, ой, ол ашыкъны да кёрдюм эсе,
 15 Алауганлай, къатынсызлай, къартха къалайым!» — деп айтыгъыз, дейди.
 Жашла, чабып, ашыкъ ойнайла ол халда, дейди.
 Ашыкъланы бири да биринден букъдуруп а, была даулаш да болдула, дейди:
 — Ой, ол ашыкъланы да мен алдым эсе, не ол ашыкъланы да мен кёрдюм эсе,
 Алауганча, мен да, къатынсызлай, къартха къалайым, — деп айтды бир жашчыкъ.
 20 Алауган да аны уа эшитгенде, дейди,
 Жашланы къуууп а тебиреди, дейди,
 Атып, гулоч таягъы бла да бирин аякъларындан да ургъанды, дейди.
 Жашла къутулуп да кетдиле, дейди.
 Алауган алайдан кетгенди, дейле.
 25 Атасы Дебет а темирчи эди, дейди.
 Анга гюрбежиге уа баргъанды да, ол а:
 — Ой, атам, манга бир сырпын ишле,
 Урсам а, темир кесерча.
 Аягъыма да темирден эки чурукъ ишле,
 30 Дагъыда узун а таякъ ишле, — деп айтды, дейди.
 Алауган юйюне баргъанды да, дейди, юйюнде ашап, тоюп чыкъгъанды.
 Биягъы гюрбежиге баргъанды, дейди.
 Къараса уа — сырпыны да битип, дейди,
 Таягъы да алай ары салынып турады, дейди,
 35 Эки чурукъ да битип туралла, дейди.
 Гулочну да, тартып а, къолуна да алгъан эди, дейди.
 — Сырпыным а темирни кесерик болурму? — деп, тешню уа, сермеп а,
 кёргенди да, дейди,
 Тешню уруп, эки этдиргенди, дейди.
 Алайдан, ант этип, атланды бу уа:
 40 — Бу темир таякъ да бир тутумгъа дери тауусулгъунчу, — дейди, —
 Эки темир чурукъ да, тауусулуп, аягъымдан тюшюп кетгинчи, — дейди, —

- Къайтып юйюме уа кирмес а,— дейди,—
 Не къатын алып къайтырма! — дейди.
 Бу бара-жорта кетгенди, дейди,
 45 Бир уллу аулакъда жорта да кетгенди да, дейди.
 Бир эмеген къатынны кѳргенди, дейди.
 Аны ийнеси да — чынар терек,
 Аны халысы да — къыл аркъан.
 Ары сугъуп, бери айландырып, жарны жѳрмелеп, жамау эте эди, дейди,
 50 Эмчеклерин аркъасына атып да, алай ишлей эди да, дейди.
 Алауган къысыла бара, ол билмей тургъанлай, дейди.
 Эмчегини къыйырындан къапханды, дейди.
 — Иш-иш да, Аллах къаргъарыкъ!
 Бу чибинмиди, ургъуймуду? — деп Алауганны алгъа тартханды.
 55 Тартып, Алауганны белинден аллын а эмеген къатына, жутханды, дейди.
 Алауган тобукъларын быдырына уруп, кесин артха чыгъартды, дейди.
 — Аллах, Аллах, балам болдунг,— дейди,—
 Ансы, бир татлы къабын болуп а къаллыгъенг,— деп айтды уа дейди,
 — Ой, Аллах, Аллах, не татлы анам болдунг! — дейди,—
 60 Ансы бу уллу сырпын бла бир иги сермерем! — деп айтды Алауган, дейди.
 — Не айланаса, балам, не жюройсе? — деп а эмеген соргъанды, дейди.
 — Бир къатын кибик а сурап айланама,— деп айтды, дейди.
 — Ой, алай болса уа, балам,— деп айтды, дейди,—
 Барды менде бир къыз кибик, жаратсанг,— дейди.
 65 — Ой, алай болса, не этейик? — деди Алауган.
 — Ингирде юйге да барайыкъ да, дейди,— къызны жаратсанг а кѳрюрсе, дейди,—
 Жаратмасанг да, жууабынгы берирсе,— деп айтды, дейди.
 Ала ингирликге да юйге жыйылдыла.
 Бир заманда къызы да келгенди муну.
 70 Ол бир кийикни да, бир турукъну да кѳтюрюп келгенди да, дейди,
 Ол турукъну отха уа салгъандыла, дейди.
 Кийикни биширип а алдыла отдан.
 Эмеген къатын бла Алауган ол этни ашап башлалла,
 — Къзынгга уа нек эт бермединг? — деп, сорду Алауган.
 75 — Къой-къой, къызгъа не эт керскди?
 Сюек бла жубанса да болур,— деп айтханды.
 Элтип сюсклени уа къызына къуйду да.
 Чыкъар-чукъур этип, ууата эди ол аланы, дейди.
 Аны бла танг да атханды, дейди.
 80 Бу мынга уа соргъанды, дейди:
 — Не айтаса? Къызымы уа жаратдынгмы? — дейди.
 — Да къзынгга дауум а жокъду.
 Къалындан а не айтырыкъса? — дсба сорду, дейди.
 — Бир къазаным барды да,
 85 Ол къазан бла эки уа эт толтурурса,— деп айтды, дейди.
 Бу башлап этни уа жыйып тебиреди,
 Бир къазанны да толтурду, дейди,
 Экинчи къазанны уа белине жетдирди да, дейди.
 — Ой, анам, мындан ары уа кючюм жетмейди,
 90 Не айта эсенг, да, айтханынгы этейим,— деп айтды, дейди.
 — Ой, къалынны артына ким этеди? — дейди.—
 Юйюнгде адамынгы жыяргъа кюреш,— деп, айтды, дейди.
 Бу андан юйюне къайтып кетгенди, дейди,
 Киеу нѳгер жыйып а, къайтып жетгенди, дейди.

- 95 Къызны алып а тебирелле, дейди,
Хар ат бойнуна алгъанны, дейди,
Атны бели бурулуп, жерге тюшеди, ууалып,— дейди.
— Аллах, Аллах, быланы сиз былай къырмагъыз,
Атларыгъызгъа минигиз, ол а жаяулай барсын! — деп айтды Алауган.
- 100 Муну ат аллына этип а, сюрюп баралла, дейди,
Эллерине жете уа башлагъанда уа, дейди.
Ёрюзмекни Къоланыны да бейнуна салды да, дейди,
Ат аякъла жерге-жерге батылып, ой,
Кючден-бутдан юйюне жетдирип, атдыла, дейди;
- 105 Ай, элтип а мюйюшге, жабыу артына салдыла, дейди.
— Бу къаллай къатын алып келди? — деп,
Кёре баргъан къызла бла жашла отоудан чыкъмагъанлай къала башладыла.
— Не болду жашым? — деп бири келеди, дейди,
Не болду къызым? — деп дагъыда бири келеди, дейди.
- 110 — Эй, къуруп а къалгъын, Алауган!
Эй, дунияны жутхан эмегенни алып келип! — дейди.—
Халкъны тауусдуруп а барады да бу уа! — деп айтдыла, дейди.
Алауган темир токъмакъны алып, дейди,
Тюе башлады къатынын, дейди.
- 115 Хар ургъандан бир къыз чартлап чыгъа эди, дейди,
Экинчи урса, бир жаш чартлап бара эди, дейди.
Быланы барысын да саулай чыгъарды, дейди,
Аны бла алай а къалдыла, дейди.
Ой, бу эмеген а сабий таба да башлады, дейди.
- 120 Тапханын къабып да къояды, дейди.
Тапханын къабып а къояды бу уа.
Анасы обур Батчалыу былай айтханды:
— Алгъыннгы келинлеча туююлдюле, эндигилени Тейри къоратсын!
Биз алгъын ожакъны башындар къозлаучек,
- 125 Эндигиле уа олтуруп къозлап къоялла.—
Деп, алайда эмеген келинине уа алай айтханды.
Эмегенни къозлар заманы уа жетгенде, дейди,
Чыгъып ожакъны башындан энишге да къозлады,— дейди.
Къозлагъанлай, Батчалыу сабийни алып а, дейди,
- 130 Аны орнуна бир ит кючюкню уа тюртгенди, дейди,
Сабийни уа алып, къачып а кетгенди, дейди.
Эмеген а секирип тюшюп а, келип а, дейди,
Кючюкню къабып а жутханды, дейди.
Къапса уа, башха сабийлерича, татыу этмеди, дейди.
- 135 — Ай, бу къалай этди эсе да, бирле уа этгенди! — деп,
Батчалыуну ызындан а болгъанды, дейди.
Къачханда, ийнеси, таракъны, кюзгюню, оймакъны алгъанед Батчалыу, дейди.
Эмеген жете башлагъанда, таракъны атып, алай айтады:
— Аллах, муну темир агъач сен эт!
- 140 Таракъ темир агъач болуп къалгъанды, дейди.
Алай, эмеген къатын, кюреше кетип, дейди,
Кемирип, темирден ётгенди, дейди,
Дагъыда къуууп, ызындан жете башлады, дейди.
— Я Аллах! Муну темир сенек эт! — деп ийнесин атды.
- 145 Ол темир сенек болуп, ёталмай къалды, дейди
Кюреше кетип, муну да ашап, ётюп кетди, дейди.

Батчалыуну ызындан кыуа да, сюре кетип а, дагыда жете башлады,
дейди.

- Я Аллах! Муну темир чалдыш сен эт,
Эталмай кыалсын! — деп, оймагың атды, дейди.
- 150 Чалдышны да кемирип, тешип этгенди, дейди,
Дагыда, кыуу а, ызындан жетип башлады.
— Я Аллах, муну аягың тутмазча,
Сен бир буз тау а эт! — деп, кюзгуюн атды, дейди.
Эмеген, андан а эталмайың а, кыайтып кетди, дейди.
- 155 Батчалыу а сабийни алып, дейди,
Минги тауну бир кыаясыны туюне элтгенди да, дейди,
Бузладан да бешик а этгенди, дейди,
Буздан а эмчек этип, аузуна салганды, дейди,
Алайда кыюуп а кетгенди, дейди.
- 160 Бир садакчык да ишлеп а, дейди,
Экинчи кыайтып да барганды, дейди.
Жашчык садакчыгың да алып, а, дейди,
Ууга ары-бери да бара башлады, дейди.
Дагыда кыайтып барганда, дейди,
- 165 Бу ызындан а тебирерге башлады, дейди.
— Ай, балам, сен алыкың иги уллу болмаганыңа,— дейди,—
Алай, тутушайык да, мени жыкысанг, сора андан сора элтирме,— деп алай
айтханды.
- Тутушханда, бу кыарт анасын а жыкыганды, дейди.
Андан сора Батчалыу жашчыкыны алып, юйюне барганды.
- 170 Жашчыкың кыргенинде, эмеген чапханды, дейди.
Была экиси уа сермешедиле, дейди,
Бир бирин булгый да башладыла, дейди.
Анасы булгып жашын урса уа,
Бир да жук а эталмай эд, дейди,
- 175 Жашы, кетюрюп а, анасын урса, ашыкларына дери уа батдыра эди, дейди.
Была алай, бири бирин батдыра, кюрешдиле, дейди,
Кыарашауай анасын бойнуна дери батдырды, дейди.
— Энди уа кыалай а этейим? — дейди.
— Энди суюгенинглеи эт! — деп айтды, дейди.
- 180 Уруп, башың алып а кыойду, дейди.

63. АЛАУГАН БЛА АНЫ ЖАШЫ КЫАРАШАУАЙ

Эртте заманда, нартланы кезиуюнде, Дебет деп бир нарт жашаганды. Дебетни онтогуз жашы болганды. Жашла, ёсюп жетгенден сора, бир бирине: «Онтогуз кызы болган бир киши тапхынчы, кыатың алмазга»,— деп ант этедиле. Алай бла жашла башха-башха кыатың алмай турадыла. Жашланы эм таматаларыны аты Алауган болады.

Жашла уллу болуп, заманлары жетгенде, бары да бирге онтогуз кызы болган киши тапсак деп, излей чыгадыла. Кёп жерлеге айланып, кёп жерледе сурагандан сора, бир элде бир кишини онсегиз кызы бла бир жашы болганың эшитип, алагы барып тюшедиле.

Кызыла жашланы бирине жетмейдиле, жашланы уа антлары барды: бары да тууганы эгечлени алыргыла. Алай бла не этерге билмей турадыла. Кёп сагыш этгенлериден сора, жашланы кичиси: «Мен барыгыздан да кичиме, мен тёзерме, алыгыз!» — дейди. Алауган, жашланы таматалары: «„Угый, кыатың бла суусап алгы кичиге“,— деген сёз барды. Биз быланы кыойсак, башха жерде табалмазбыз

да, антыбызны бузарбыз, мени ючюн ант бузулмаз. Андан эсе сиз барыгыз да алыгыз, мен сизни бир кыуанчыгызны кёрсем, манга ол жетерикди?» — деп, кырындашларына кёл этдиреди.

Андан сора жашла кызланы аталарына барып, муратларын айтадыла. Кызланы аталары ыразылыгын билдиреди. Алай бла Дебетни онсегиз жашы кытын аладыла, Алауган а кытынсыз кылады.

Онсегиз жашы да юйлю, юйюрлю болуп, тамата жашлары былай кытынсызлай кыалганына атасыны бла анасыны жүректери бек кыйналып турады. Алауганнга: «Кытын ал!» — деп кёп кюрешедиле, алай ол алыргыа унамайды. Алай бла кёп заман ётеди. Алауган да кыартха тартады. Кырындашларыны сабийлерин кёргенде, жүреги да кыйналады, алай кытын а алмайды.

Бир кюн Алауганны анасы ойнап айланган сабийчиклени чакырып, алагыа саугыачыкыла да береди да: «Барыгыз да, ныгышда Алауганны кытында ашыкь ойнай келип, бир биригиз бла даулашыгыз. „Ётюрюк айта эсем, Алауганлай кытынсыз кыалайым“, — дегиз», — дейди.

Жашчыкыла келип, ныгышда Алауганны кытында ашыкь ойнай башлайдыла. Ашыкь ойнай келип, жашчыкыланы бири кытады. Экинчиси уа: «Кытмагбанса, харамлыкь этесе», — дейди. Алай эте келип, жашчыкыланы бири, Алауганнга эшитдирип: «Мен кытмагбан эсем, Алауганлай кытынсыз кыалайым!» — дейди. Алауган аны эшитгенлей, алайдан туруп юйюне кетеди да: «Энди мени гитче сабийчикле окыуна хыликке эте башлагандыла. Халкыгыа былай хыликкелик болмайым да, башыма бир мадар этейим», — деп терен сагышха кетеди. Алай бла Алауган кытын излей чыгыады.

Кёп жерлеге айланып, жүреги жаратхан тиширыу тапмайды. Бир кюн келе тургъанлай, темир ылытхын ийнеси, чынды аркыан халысы болуп, жерни жарылгъанларын жамай тургъан бир эмеген кытыннга жолугады. Эмеген кытын эслегинчи чабып барып: «Анам, анам», — деп, эмеген кытынны жуккасындан кыабады. Эмеген кытын: «Ай, адам улу, менден алгыракь болуп, жашым болдунг ансы, эки кыолуму жарылгъанларына жау мылы бола эдинг, — дейди да, — не айланаса, нек жүрүйсе бу аман жолла бла?» — деп сорады. Алауган: «Былай-былай, кытын излей айланама», — деп муратын айтады. Эмеген кытын: «Мени бир кызым барды, аны ал!» — дейди. Алауган, этер амалы болмагъанлай: «Ахшы, алайым», — деп ыразылыгын билдиреди.

Эмеген кытын Алауганны юйюне алып келеди. Юйюне кире келип: «Ары букь, эки кёзюнгден кыан тамарыкь, киеулюк келеди!» — дейди кызына. Кызы кюлю да ыз этдирип, жалан аякылай, кыачып бугады. Киеулюкню олтуртуп: «Кызыны алыр ючюн мени бир кыазаным барды да, аны эки кере этден толтур!» — дейди. Алауган бир жылны уугыа жүрүп, тапхан этин келтирип, кыазаннга атып, кючден бир кере толтурады. «Экинчисин кызыны юйюме элтип, келин этсем, толтурурма», — деп, кызын алып кетеди.

Кызыны да ат бойнуна алып келе тургъанлай, элни сабийлери: «Алауган кытын алып келеди», — деп, аллына чабадыла. Ол заманда эмеген кыыз, сабийлени алып, бир-бир кыаба башлайды. Алауган: «Хей, хей сабыр эт! Бийче алай этмейди!» — деп кючден тыяды. Эмеген кызыны юйюне келтирип, Алауган алай бла кытын кыоллу болуп жашай турады.

Кыатыны хар тапхан сабийин жутуп барады. Алауган не амал этерге билмей турады. Бир кере кыозларыгы жетгенлей, Алауган Ёрюзекни кыатыны обур Сатанайны алып келип: «Бир амал этип, сабийни саулай кыалдыр», — дейди. Сатанай келип, эмеген кытыннга: «Бизде бийчеле юйде кыозламаучудула, ожакьдан энишге кыозлаучудула», — дейди.

Эмеген кыатын барып, ожакыны башындан энишге кыозлагъанлай, обур Сатанай этегин тутуп, этегине тышюредиде да, кюлге бир кючюкню атып, сабийни этегине

чѳргеп, чыгып кетеди. Эмеген кѳатын, чабып энип келип, от орунда тургѳан кючюкнѳу жутуп кѳояды.

Алауган сабийни Минги тауну бир чыраныны тѳюбѳуне салып, ауузуна да буз кѳыйырчыкѳны салып, эме турурча этип кетеди. Бир жылдан сора: «Не болгѳан болур?» — деп, кѳарай барса, жаш ёсюп, уллу жаш болуп тура эди. Алауган жашчыкѳны юйѳуне алып келеди. Юйде ёсюп, уллу болады. Атына Кѳарашауай атайдыла.

64. ЭМЕГЕН КѳАТЫННЫ ЖАШЫ

Алауганнга кѳатын чыдамагѳанды, ёлюп тургѳандыла. Алауганнга эмчек анасы: — Эмегенден энди бир кѳатын ал,— дегенди.

Алауган кеси да, аты да тулпар болгѳандыла. Кѳатын излей, эмегенле жашагѳан бир ёзеннге баргѳанды. Барып сабан сѳуре тургѳан эмегенлеге тѳобегенди.

— Не айланаса, Алауган?— деп соргѳандыла.

— Сизден кѳатын излеп келгенме,— дегенди.

— Да, мени бир кѳызым барды да, жаратсанг, ал,— дегенди бир эмеген.

Алауган эмеген кѳызыны алып, элине баргѳанды. Элге киргенлей, сабийлени жолда сермеп, кѳабып тургѳанды. Сабийлени кѳаба тебирегенде, жер юйге салгѳандыла.

Алауганнга сабий табып, ашагѳанды. Экинчи кѳарны болгѳанында сакѳлап, ашатмагѳандыла. Алауганны эмчек анасы сакѳлагѳанды, атына Кѳарашауай атагѳанды.

— Мен кѳарт болгѳанма, асыраялмайма, асыраугѳа бер,— дегенди.

Алауган быстырлагѳа чулгѳап барып, сабийни кѳая дорбуннга салып кѳойгѳанды. Кѳайтып барып: «Бердим асыраугѳа»,— дегенди.

Онбеш кюнден сабийге баргѳанды. Сабий буздан акѳгѳан суучукѳну эме, бетчиги кѳызарып тургѳанын кѳргенди.

Дагѳыда беш айдан баргѳанды. Ол заманда садакѳ этип, кийиклени ёлтѳюрѳп, ашап тургѳанын кѳргенди. Тутханды да юйге алып келгенди. «Асырагѳан жерде тутаргѳа унамагѳандыла»,— деп. Сора аны эмчек анасы асырагѳанды. Бир кюн жашчыкѳ анасы тургѳан жер юйге киргенди да, анасын кѳргенди. Келип эмчек анасына:

— Бу эриши адам кимди?— деп соргѳанды.

— Ол сени тапхан анангды,— дегенди ол.

— Манга аллай ана керек тѳуйюлдо,— деп, Кѳарашауай башын кесгенди да ёлтѳургенди.

Жашчыкѳ уллу болгѳанда:

— Атам, сауутунгу, атынгы манга бер,— деп тилегенди. Атасы атына миндирип, ариу жѳрюгенин кѳргенде;

— Мен кѳарт болгѳанма, энди ат да, сауут да сени болсун,— деп, аланы жашына бергенди.

Бираз ары-бери айлана, Кѳарашауай дуниягѳа белгили болгѳанды. Алауган улу Кѳарашауай деп, таурух чыкѳгѳанды.

65. КѳАРАШАУАЙНЫ ТУУГѳАНЫ

Эртте заманда, Алауган деп, бир уллу адам болгѳанды. Аны тиширѳула бла жолу болмагѳанды. Юч кере кѳатын алгѳанды. Кѳатынлары, тѳэмей, ёлгендиле. «Энди кесиме ушагѳан бир адам кѳалай тапмазма»,— деп, Гемуда деген атына минип, жолгѳа тебирегенди. Андан сора аны башха ат да кѳѳюрмегенди.

Сора тебирегенди бир ёзенни энишге. Бара тургъанлай, жолда бир эмеген къатын жерни жарылгъанын жамай тургъанын кёргенди.

— Ый, анам, анам,— дегенди да, кесине къоркъгъандан къучакълагъанды къатынны.

Сора эмеген къатын:

— Ый, женгил бала болдунг ансы, санга этерни мен билирем!— дегенди.

— Сен да женгил ана болдунг ансы, санга этерни мен да билирем,— дегенди Алауган.

— Балам, не айланаса, не жюрюйсе?— деп, эмеген къатын хапар соргъанды.

Алауган къатын излей келгенин айтханды.

— Да кел сора, мени юч ариу къызым барды да, сайла да, бирин ал.

Бардыла эмеген къатынны юйюне. Барса, юч эмеген къыз. Алауган къайтып кетерге къоркъгъанды да, къарап гитчелерин алгъанды.

Келгенди Алауган элине. Жашай тургъандыла да, ол эмеген къатын бир сабий тапханды. Сабийни эмегенча болмай, адамча туугъаны ючюн, Алауган да билмегенлей, ашагъанды да къойгъанды. Андан сора да эмеген къатын элден бир сабийни къапханды. Аны амалтын ол эл алайдан кечгенди да кетгенди.

Дагъыда бир бёлек замандан эмеген къатынны къарны болады. «Энди бу сабийни къалай къутхарайым, дуниядан тюп болуп къалама»,— деп, аны жатар заманына Алауган сабийге дыгалас этгенди. Бир къарт къуртхагъа баргъанды да айтханды:

— Дунияда манга бир мадар болмазмы эди?

— Эки ит кючюкчюк тап да кел манга,— дегенди къарт къуртха. Келтиргенди Алауган ит кючюкле. Аланы да ал ботасына атып, къарт къуртха эмеген къатыннга тебирегенди.

Келсе, эмеген къатын сабий табаргъа ауруп жатып тура эди. Киргенди.

— Ый, балам, киши да къарамай, атылыпмы къалгъанса? Мен санга болушайым, сени ананг бла мен жууукъ эдик,— деп, къарт къуртха аначылыкъ этип тебирейди. Алауганнга уа:

— Артым бла жашыртын келип, сакълап тур,— дегенди да, ол да сакълайды.

Эмеген къатын сабийни табады. Къарт къуртха жашыртын сабийчикни Алауганнга береди. Алауган аны алып къачады. Сора къарт къуртха эмеген къатыннга:

— Ит кючюкле тапханса,— деп, кёргюзтеди.

Эмеген къатын аланы эзеди да атады, къарт къуртха да къачады.

Алауган сабийчикни алып, алайдан кечген элге барады.

— Муну асыра,— деп, кёп адамладан тилейди, алай киши асыраргъа унамайды: «Эмеген къатынны баласын ким асырарыкъды!»— деп къоядыла.

Сабийчик жылап, Алауганни башын суугъа атырыкъ этеди. Алып барып: «Атып къояйым, ёлсе, келтирirme да, къабырлагъа салырма»,— деп, буз жарылгъаннга атады.

Бир ненча замандан Алауган ол жерге къайтып келседи. Жууукълаша тебирегенлей, бир сыбызгъы таууш эшитеди. Иги арлакъ барып тынгыласа:

— Атасы Алауган болуп, анасы эмеген болгъан жарлы Къарашауай,— деп, ким эсе да ауузу бла жырлайды, сыбызгъы бла да согъады.

Келип къараса, сабий былай иги добар жашчыкъ болуп, эрип келген суучукъдан да иче, жырын да жырлай тургъанын кёрседи.

— Ый, Алауган къурман болсун жаныннга,— деп, жетип аны къойнуна алады да, элге барады, жашчыгъына кийимле этеди.

Жашчыкъ ёсюп, иги уллу болуп, сабийле бла ойнап тебирейди. Бир кюн ойнай келгенди да, бир сабийни жылатханды. Эркин ёсген Къарашауайны къолу,

аягы артыкъ уллу болган болур, аны: «Эмеген къатындан туугъан»,— деп хыликка этгендиле.

Сора Къарашауай келип, атасына сорады:

— Мени анам къайдады?

Алауган айтырга да суймейди, алай болса да, къоймагъанында айтады:

— Ананг эмеген къатынды, ол сени ашап къоярыкъды, аны къатына биз бараллыкъ туююлбюз.

Сора жашчыкъ къоймай, хаман:

— Жюр анама барайыкъ,— деп турады.

Бир кюн барадыла. Жашчыкъ айтды Алауганнга:

— Мени жокълагъанлай, манга къарагъанлай тур. Ол мени къабып жутуп ийсе, ичинде ёпкесинден, жүрегинден бууарма кючлю, сора ол: «Ёлеме!»— деп жыгылыр, эрлай ичин жарып, мени женгил ал.

Жашчыкъ ойнай былай эшикден тюшгенлей, эмеген къатын аны тылкъ деп жутады. Алауган да келип, къатыннга сорады:

— Жашчыкъ не болду?— деп.

— Былай ойнай эшикке чыкъгъан эди,— дегенди да, алайлай,— ы-ы-ы-й, жүрегим,— деп, жыйрылып тебирейди да, жыгылады. Алауган эрлай аны ичин жырып, Къарашауайны бери алады, жаны саулай. Эмеген къатын ёледи. Ол кёчюп кетген эл да биягы орунуна къайтады.

66. КЪАРАШАУАЙНЫ САБИЙЛИГИ

[Алауган бла аны эмчек анасы Матчалыу эмеген къатындан Алауганни сабийин урлагъандан сора, аны Минги тауну бузларында ёсдюрюрге оноу этедиле.]

Матчалыу сабийге буздан бешик ишлейди, бешикни буз тешикни аллында орнатады. Бешикни башындан чыран суучукъ сабийни тюз ауузуна тама эди. Чыран суу бла багып, Матчалыу жашны уллу этди.

Жашха тишле чыкъгъанда, Матчалыу аны чертлеуюкле, къозла бла бирге, жумарукъ эт бла багъа башлады.

Жылла озуп, Алауган улу хайт деген жаш болганды. «Жашым,— дегенди Матчалыу,— энди сен киши болганса, буздан чыкъ да, Нарт ёзеннге да бир къара. Жайлыкъда отлагъан жылкъыдан сайлагъанынгы тут да, мин да, нарт болгъанынгы бир сынаим».

Алауган улу жоенни алып, жылкъыгъа чыкъды. Уллу жылкъыдан бир атны тутуп минеди. Къамичини жетдирип, ёзеннге бошлагъанлай, Алауган улу атдан жыгылады. Матчалыу жашны чакъырып: «Алыкъа сен нарт болмагъанса, энтда да бузда бираз жашаргъа керексе»,— дейди.

Къоз бла кийик этден ашап, энтда бир жыл озады. Алай жигит алыкъа да къанат къатдырмагъанын кёргюзтеди.

Дагыда бир жыл ётеди. Матчалыу жашны жигитлигин сынаиды. «Жашым, нарт болган ёсенг, бир кёрейим»,— дейди. Алауган улу атха минип, къамичини алай жетдиреди, жазыкъ ат асыры секиргенден, Минги тауну башына аягы жетмей ётеди. Бир таудан бирси таугъа секирип, нарт жигитлигин танытады.

Матчалыу жашны алып, нарт элине келеди. Нартла, къууанып, жигитни аллына чыгъадыла. Анасы— эмеген къатын, жашыны къаруун сынаиды, сермеп къолун туттады да, аямай къысады. Жаш а ышарып къояды. «Къой, анам, къой! Мен ол сен къолун къысып, жерге чёкдюрюочюледен туююлме, мени бла сагыракъ сёлеширге керекди»,— дейди.

Матчалыу аны кёргенде:

«Жашым, керти да нарт болганса, санга Алауган улу хорланмаз Къарашауай атайма»,— деп, аны къаты къучакълады.

Эртте ёмюрледе Генжокъланы Алауган деп бир мазаллы нарт болгъанды. Ол кёп кере юйдегили болса да, анга къатын чыдамагъанды. Ол себепден, къатын алмай кёп заманланы айланганды.

Алауган бир жол атына минип, жолгъа чыккыгъанды. Бара барып, сабийле ойнай тургъан бир жерни юсю бла ётюр бар, «Алауганлай, къатынсыз къарт болгъун!» — деп эшитгенди.

— Бу сабийлени быллай сёзлери Алауганнга ётгенди. Сора сагъыш эте кетип: «Манга адам удуланы къызлары чыдамайдыла, эмеген къыз алайым», — деп, эмегенле элине кетеди.

Былай бла, эмегенлеге барып, аланы бир таула ичинде, бир дорбунлада табады.

Алауган эмегенле бла кюрешеди, аланы къоркъутады. Сермеп, бир уллу чынар терекни тартып, къобарып, эрлай бутакъларын къолу бла ариулап, къыл аркъандан бау этип, эмен терскледен окъ этип, кюн чыккыганда кюн кёзюне къара кёмюрню салып, атып урады. Муну кёрген эмегенле Алаугандан къоркъуп, сайлагъан эмеген къыз береди.

Алауган эмеген къызны элине алып келгенде, аны ау тюрюне салып, келин этедиле. Алауганны къатынын кёрюрге тийре, къоншу келеди. «Келинни бир кёрейик», — деп отоугъа киргенни сермеп къабып, ачытып башлайды. Бир сабийни жутуп башлагъанда уа, Алауганны анасы, сабийни аузундан тартып алып, келинин тюрюди. Сора эмеген келин адам ашагъанын къояды. Алай бла, ач болуп, кечиналмай башлагъанда, хар ыйыкъ сайын бир сабий табып, аны ашап башлайды.

Алай этгенин Алауганны анасы Гоммахан кёргенде, бир жол сабий табар заманын марлап, этегине эки ит кючюкню атып баргъанды. Эмеген къатын сабий тапханлай, ит кючюклени аны тюрюне атып, сабийни алып къачханды. Юйюне элтирге къоркъуп, бир таулары ичине элтип, бир бугъей жарылгъаннга салып кетеди.

Бу кезиуде Алауган уугъа кетип болгъанды. Ол уудан къайтып келе, бугъей жарылгъанда ол сабийни табып, доммай териге чулгъап, алып келип, анасы Гоммаханнга береди.

Алауган бу сабий кимники болгъанын билмегенди. Анасы жашы Алауганнга ол сабий аны кесини уланы болгъанын, алып кетип, букъдургъанын айтады. Адам удуланы сабийлери бир жылгъа ёсгенни бу сабий бир кюннге ёсгенди. Атына Къарашауай атагъандыла.

Алауган, Къарашауайгъа беш жыл болгъанда, нартланы жылкъысындан бир атны тутуп бергенди. Атны аты да Гемуда болгъанды. Гемуда адам тилли болгъанды. Гемудагъа Къарашауай иер салгъан кюн, Гемуда: «Сенден башхагъа иер салдырмам, сыртыма адам къондурмам», — деп ант этгенди. Къарашауай да: «Мен сенден башха атха кёз къаратмам, сенден башха атны да суймем», — деп ант этеди.

Кюнлери бир кюнюнде Къарашауай атасы Алауган бла, атына да минип, уугъа чыгъады. Уудан кёп кийикле ёлтюрюп келтиредиле. Сора кеслери биширип ашасала да, чийлей этлени бир юйге Гоммаханни элтгенин Къарашауай эслеп: «Бу юйде мен кёрмеген, билмеген не барды», — деп къарайды. Къараса, адам къоркъурча, бир боюнну юсюнде эки баш токъмакъ, мангылайында бир кёз жана. Эринлери эмчек башларына тюрюп, эмчеклери тобукъ башларына тюрюп, чачы юй тюрюнде, баласча, сюрелс. Тишлери уа, къабан тишлеча, эки жанына чыгъып, бир эрши затны кёрдю. Къарашауай, къоркъаракъ да болуп, юйден тышына чыгъып, атасына, къарт анасына хапар сорады. Сора: «Мен аны ёлтюреме», — деп тохтайды. Атасы: «Сени анангды, мени юйдегимди», — десе да. «Мен санга юйдеги табарма», — деп, эмеген къатынны уруп ёлтюреди.

68. АЛАУГАН КЪАЛАЙ КЪАТЫН АЛДЫ

Нарт улулары — Тейри къуллары,
Нарт улулары — эл багъалары.

Алтын Деуетни онтогъуз уланы,
Таматалары — Алауган быланы.

5 Ала таматалашып туудула,
Кичилешип юйдегили болдула.

Алауганнга кезиу терк жетмеди,
Алауган да ашыгъышлыкъ этмеди.

10 Деу Алауган кесича деу тапмайды.
Деу болмагъан къатын анга бармайды.

Ол себепден къатынсызлай турады.
Бир кюн «Алауганлай къатынсыз къал!» — деп,
Халкъ къаргъышда айтылгъан,

15 Сёзлени Алауган эшитгенди.
«Бу уа уллу бедишди да!» — дегенди.

Гемудагъа эски жерни салгъанды,
Къатын излей, узакъгъа атланганды.

Кете бара, бир тебе эслегенди,
Тебе туююл, ол а эмегенди.

20 Жууукъ барып, тамашагъа тирелгенди,
Не этерин билмейин, сирелгенди:

Илкич кибик, къолундагъы ийнеси,
Ийнесинде, жантау кибик, халысы,

25 Жангыз кёзю мангылайында жылтырайды,
Жерге тийсе, тюбюнде жер къалтырайды.

Къымыжалай, къарын жауу салынып,
Эмчеклери имбашларына атылып.

Адам кёрмегенча, сылыкъ жапысы,
Жамай эди ол жерни тешилгенин, жеписин.

30 Томуроу кибик ийне бла тутдура эди терисин жерни
Къаты къысып эки эрнин.

Алауган аны къатына шош баргъанды,
Эслетмей, эмчегине аузун салгъанды.

35 Артха къарап, эмеген къатын нартны кёргенди,
Алауганнга былай дегенди:

— Билмегенлей балам болуп кьалгъанса,
Эмчегими сен аузунга салгъанса.

Нечик татлы кьабын боллукъ эдинг,— дегенди,
Алауган да анга былай жууап бергенди:

- 40 — Эмчегинги намысы болмаса эди,— дегенди,—
Нечик ахшы сермешир эдик,— дегенди

Эмеген кьатын Алаугандан хапар соргъанды,
Алауганны эмеген бек жаратханды.
Киеу болурун суююп, кьызы болгъанын айтханды:

- 45 — Ариу кьызым барды, сен ал аны,— дегенди.
Сора аны дорбунларына, кьууанып, элтгенди.
— Кьызым, санга эр алып келдим,— дегенди.

Алауган, тебе кибик, уллу болгъанды,
Доммай бугьаланы, байлап, сойгъанды.

- 50 Эмеген кьыз, томуроулай, добарды,
Юйге кире, эшик жанларын кьобарды.

Деу Алауган эмеген кьызын алгъанды.
Гемудагъа миндирип, жолгъа чыкьгъанды.

- 55 Томуроубел эмеген кьыз ауур эди,
Ол Гемуданы белин бюге эди,
Аякларын тобукъгъа дери жерге батдыра эди.

Нарт элдеде аллай келин болмагъан эди,
Эмегенни кьызы нартха келин болгъан эди.

- Хар тапханын, таймай, жутуп тургъанды.
60 Алауганга ол бек кьыйын болгъанды.

Бир кюн, мудах болуп, юйге кьайтханды,
— Нек мудахса? — деп кьатыны соргъанды.

- Алауган да анга былай айтханды:
— Сен бизде кьатынлача кьозламайса,
65 Жашла табып, мени кьууандырмайса.

Тапхан сабийлеринг сау кьаламайла,
Алауганны жүрегин жапсармайла.

Бизде келинле ожакъгъа минелле,
Сабийлерин кьозлап, андан иелле.

- 70 Эмегенни кьозлар кюню жетгенди,
Юйню тепдире, ол ожакъгъа мингенди.

Деу Алауган а тюбюнде кьалгъанды,
Ол сабийни тюшерин сакьлагъанды.

- Ит кючюклени буууп, отжагъагъа салганды.
 75 Туугъан сабийни терк а сермеп алганды,
 Алып, къачып, Минги тауда букьдурганды.
 Буз эмчекле эмип ёсерча, кьойганды.
 Эмеген ожакъдан тюшюп барганды,
 Жашы сунуп, ит кючюклени жутханды.
- 80 Ачыудан жүреги толганды,
 Жер тепдире, юнню урчукъ кибик бурганды.
 Алауган уланына кьууаннганды,
 Атына Къарашауай атаганды.
 Уланыны нарт боллугъун билгенди,
 85 Ол ёсгенде, нарт Алауган кюбе,кьылыч бергенди.
 Алгъыш бла Гемудагъа миндиргенди,
 — Нарт эллени сакъларса! — деп ийгенди.

69. ШАУУАЙНЫ ТУУГЪАНЫ

- Бурун нарты нарт болду,
 Алауган къатынсызлай къарт болду.
 Алауганнга къатын чыдамай эди.
 Орамда сабийле ашыкъ ойнай:
 5 — Алауганлай, къатынсыз къарт бол! — дей элле.
 —Бу манга уллу бедиш кёреме да! — деди Алауган.
 Аны эшитип, бурулуп кетди.
 Алауган, къайытып, юйюне барды, атланыргъа кёл ол алды,
 Гемудагъа эшек жауурлукъ, эшек иер салды.
- 10 Алауган, къатын излей, кетип бара эди,
 Бир эмеген, жуккаларын артына атып, жер жамай тура эди.
 Илкич кибик, ийнеси, жантау кибик, халысы.
 Алауган, шош, артындан барып, жуккасындан къапханды.
 Эмеген къатын, артына айланып, аны кёргенде:
 15 — Эй, балам болдунг,
 Ансы не татлы къабын боллугъенг! — деди.—
 Не айланаса, не жүрюйсе? — деп, сорду.
 —Къатын излей айланама,— деди Алауган.
 — Инжи тишли, къамичи белли бир ариу къызым барды,
 20 Аны ал,— деп, эмеген аны юйюне алып барганды,
 Элтип, къызыны аллына салганды.
 Къызы эшик аллында тура эди.

— Къач, уялмагъан, санга эр алып келеме! — дегенди эмеген.

Къыз андан къачып, юйге барды,
25 Имбашы тийип, эшик башын къобарды.

Эшик къангала кибик, тишлери,
Томуроу кибик, бели.

Алауган къызны ат бойнуна салып, юйюне атланды,
Аны къатыннга алып, нарт элге барды.

30 Эмеген къатын кѐп сабий тапханды,
Алай, бирин да къоймай, аланы жутханды.

Бир кюн Алауган мудах болгъанды.
Къатыны: «Нек мудахса?» — деп, соргъанды.

— Да сен бизни къатынлача къозламайса,— деди.
35 — Сизде къатынла къалай къозлайла?

— Бизни къатынла юйню башына минелле,
Тюбюне таз салып, ожакъдан къозлайла.

Къатынны къозлар кезиюу жетгенди,
Ол, барып, ожакъгъа мингенди.

40 Тюбюне уа тазны салып кетгенди.
Алауган ит кючюкню хазыр этгенди.
Къатын къозлап, ожакъдан сабий тюшгенди.

Алауган, ит кючюкню тазгъа салып, сабийни алып кетгенди.
Сабийни, урлап, къая жарылгъаннга элтгенди,

45 Аузуна тамычы тама турурча этгенди.

Бир бѐлекден барып кѐргенди.
Жашчыкъ ёсюп, садакъ окъ бла кийикле ёлтюрюп,
Ашай тургъанын кѐргенди.

Жашны алып, Алауган юйюне келгенди,
50 Къатыны, тутама деп, сермегенди.

Тутама деп, жашны аузуна къапханды,
Жаш да муну, сермеп, тамагъындан тутханды.

Жашны олсагъат ауузундан алгъанды,
Андан сора къатылмайын къалгъанды.

70. АЛАУГАН БЛА ЭМЕГЕН КЪАТЫН

Алауган белгили тулпар болгъанды. Ол къатын алмай кѐб тургъанды.

Бир кюн эл, джыйылыб, Алауганнга: «Энди сен къатын алмасанг, боллукъ тюлдю, сени джашынг болуб, сен ёлгенден сора, бизге тамада болмаса, биз джашаялмабыз»,— деб, бютеу бирден тилегендиле.

Сора Алауган баргъанды да, беш башлы эмегенни къызын алгъанды да

келгенди. «Барыгъыз, келин келтирдим, юйге кийиригиз!» — дегенди. Адамла барсала — эмеген кыз кьубуллуб тура. Не этерик эдиле, келтиргендиле да Алауганны юйюне салгандыла.

Сора эмсеген кьатын хар джыл сайын бир сабий табханды. Алай а, не келсин, хар табхан сабийин ашаб баргьанды. Бир кесекден, кесини сабийлерин ашагьаны бла кьалмай, элде сабийлени да ашаб тебирегенди.

Эл, тэзе туруб, бир кюн адамла, джыйылыб, Алауганнга: «Да энди сен кьатынны кьоратмасанг, бизге джашау жокьду», — дегендиле.

«Да, кьорат дей эсегиз, кьоратайым, не этерикме, алай а энтда бир кесек тэзюгюз, сылтаулуду, бу джол сиз айтханча, бир джаш табарыкъ эсе уа», — деб, Алауган кьатынына тиймей кьойгьанды. Алай айтыб, Алауган, кьатыны сабий табар кюнню сакьлаб тебрегенди.

Тогьуз ай кетиб, кьатынны сабий табар кюню джетгенлей, гезеннге кириб букьгьанды. Сора кьатыны, бир алтынкекел джаш табыб, былай ашай тебирегенлей, Алауган, чабыб кириб, кьатыныны тишлерин бычагьы бла сындырыб, джашын сыйыргьанды.

Сыйырыб, аны да эмчек анасына элтиб: «Анам, ма муну асыра!» — деб бериб, кьатынын да, ала барыб, чегетде кьоюб келгенди.

71. АЛАУГАН БЛА ЖАШЫ

Усхуртукланы Тотурбийни онтогьуз жашы болгьанды. Тотурбийни атасы уа темирчи Дебет эди. Ол жашланы таматалары Алауган болгьанды. Тотурбийни жашларын, ала кьатын алгьандан сора, барын да Ёрюзмек кьыргьанды. Алауганны уа: «Ол кьарт болгьанды, кьатын да алмагьанды, тьуп боллукьду», — деп, ёлтюрмей кьойгьанды.

Алауганны эмчек анасы обур Сатанай эди. Бир жол Алауган кьартла болгьан ныгьышха бара болгьанды. Сатанай аны озуп кетип, ашыкъ ойнай тургьан жашчыкьлагьа барады. Сатанай жашчыкьлагьа: «Мен сизге саугьала берирме, Алауган былайгьа жетгенлей, даулашып: „Алауганлай, алгьа туууп, артха кьалайым, кьатынсызлай кьалайым“, — деп айтсагьыз», — дегенди.

Алауган алайгьа жетгенлей, жашчыкьла даулашхандыла. Алауган: «Мен сабийлеге окьуна кюлкю болдум», — деп юйге кьайтды. Гемудагьа иерни салды. Тебиреди кьатын излеп.

Сыртха чыкьганда, жерни жарылгьанын жамай тургьан бир эмеген кьатынны кёрдю. Аны ёшюнлери имбашына кьысылып болгьандыла. Алауганнга Гемуда: «Мен киштик жоргьамы этейим, сен а артындан барып, жуккасындан кьап», — деп юйретди.

Алауган эмеген кьатынны жуккасындан кьапды. Эмеген кьатын аны тартып кьолуна алып: «Ох, балам болдунг, ансы не татлы кьабын боллукь эдинг», — деди.

Алауган а: «Сен да мени бычагьыма бир урум боллукь эдинг, алай анам болдунг ансы», — дегенди. Алауган кьатын излей баргьанын айтды. Эмеген кесини кьызын Алауганнга берирге деди.

Алауганнга кьызын кёргюзтюрге элтип баргьанда, кыз отоуда болгьанды. Эмеген кыз отодан чыгьа тебиресе, ауузун ачып, эшик башны бла босагьа тьубюн тенг этип, алай тургьанды. Анасы анга аш элтип баргьан сунуп, бу жол да алай этди. Анасы уа: «Мен санга эр келтиреме, кет былайдан», — деп кьызын артха отоугьа кьайтарды. Кьайта туруп, ол тишлери бла кьысып, эшик жанланы бирге жабышдыргьанды.

Алауган кьызын кёрдю, анга бюсюреди. Эмеген кьатын Алауганнга бир уллу кьазанны кёргюзтдю: «Муну этден юч толтур», — деди.

Алауган Гемудагьа минип, эки кьазанны толтурду, ючюнчюсюн жартылай

кьойду. Къыз Алауганнга: «Терк баргъандан кьуй да толтур»,— деди. Алауган суудан кьуюп толтурду. Эмеген кьызны элтирге болжал салып, юйюне кетди.

Сора юч жыйырма киеу нёгери бла темир арба да алып, кьызны келтирирге барды. Киеу нёгерле, келинни кёребиз деп, отоугъа кирирге тебирегенлей, кьызны аузуна ташайып кетди. Алауган эмеген кьызны кьамичи бла бойнуна урады да, киеу нёгерлерин ызына къусдурады.

Эмеген кьызны чыгарып, арбагъа миндиреди. Арбаны ууатып, чёкдюрю. Андан сора Алауган сермеп, аны Гемуданы бойнуна алды. Ат да ал аякълары бла итинсе, арт аякълары жерге бата, арт аякълары бла итинсе, ал аякълары бата баргъанды.

Юйге элтди, жабыу тюбюне салдыла. Бу, аны кёрюрге келгенлени кьабып, жутуп тургъанды. Тас болгъанланы изледи, тапмадыла. «Жабыу тюбюне ташайгъанны ташайтханлай»,— деп, хапары жайылгъанды.

Эмеген хар къозлагъандан эки жаш табып, тапханын а ашап тургъанды. Сатанай, аны билеп: «Алауган ёлгюнчю турлукъду, андан сора уа халкъны битеу ашап тауусурукъду,— дегенди.— Бир амал этерге керекки»,— деп, ол эмеген кьатыннга барады.

«Алгъын келинле бла эндиги келинле тенг туююдюле,— дегенди.— Алгъын келинле ожакъ башындан къозлаучу эди. Эндигиле уа юйде жатып къозлайдыла»,— дегенди.

Эмеген кьатын: «Айыплы болдум, ушайды да»,— деп, къозларгъа ожакъ башына мингенди. Тапхан жашы келип ожакъда кюлге тийгенди. Аны орнуна Сатанай кючюкню салып, жашны кьутхаргъанды. Эмеген кьатын а экинчи жашын тапханлай, чабып тюшгенди да, аны да, ит кючюкню да къапханды. Чартлап: «Ой, ол ит обур бир итлик этди»,— деп, Сатанайны ызындан чыгады.

Сатанай а, жашны алып, Минги таугъа элтип, буз сюммеклени аузуна салып, буз бешикге байлап, кьайтды.

Бармай бир ыйыкъ турады. Сора аш да алып баргъанда, сабий, бешикден чыгып, олтуруп тура эди. Ашатып, тойдуруп, жипле бла бешикге кьысып кетеди.

Дагъыда бир ыйыкъдан барады. Баргъанында, бешик бауланы да кьыркып, айлана тургъанлай табады. Ашатып-ичирип, сынжырла бла байлап, ызына кьайтады. Бармагъанлай онбеш кюн турады. Баргъанында, сынжырланы кьыркып, тышына чыгып тура эди. Ол сабий сейирлик ёсюп баргъанды.

Сора Сатанай: «Бир тутушайыкъ»,— дейди. Ала тутушадыла. Сатанай аны жыгады. «Алыкъа бек кьарыулу туююлсе»,— дейди. Аш ашатып, бёлеп, сынжырла бла кьысып кетеди.

Бир ай туруп баргъанында, аланы хурттаклап, тышына чыгып тура эди. Дагъыда тутушдула. Жашчыкъ Сатанайны хар булгагъанындан жыгып турду.

«Энди мен айтхан муратха жетдик. Энишге бир энейик»,— дегенди Сатанай. Атына да Кьарашауай атайды.

Минги тауну тюбюне тюшгенлей, эмеген анасы аны кёрюп, таныды, ашаргъа чапды. Кьарашауай анасын ёлтюрдю.

Алауган Кьарашауайгъа айтды: «Мен кьарт болгъанма, Гемуданы айыллары эски болгъандыла. Айылла ишлет, мен энди аны бла жюрюню кьояма, сен кесинге жарашдыр»,— деди.

Кьарашауай, Дебетге барып, жангы айылла ишлетгенди.

Ол кезиуде нартланы чариш этиучю заманлары жетип болгъанды. Ёрюзмекланы атлары, сегизкюнлюк жолгъа чабып, Минги тауну башына чыгып тургъандыла.

Чариш болур заманнга акъсакъ Гемудагъа минип, Кьарашауай: «Мени да чаришге кьошугъуз»,— деп барды. Аны ким болгъанын билмедиле. Болса да чаришге кьошдула.

Чариш башлангынчы нартла атланы бир уллу талагъа уруп отлатхандыла.

Алайгъа Къарашауай Гемудасын алып барды. Бир кечеге Гемуда ол таланы отлап, къурутуп чыкъды.

Ала экинчи кюн къуру жерге бардыла,

Къайгъы болдула, алтмыш атны буруу ичине урдула.

Эрттен бла нартла чаришге кетдиле, Къарашауай алайда жатып къалды. Ала кетип, бир кюнден ызларындан жетди.

Чаришчиле Минги таудан къайтып келе тургъанда, нартланы обуру — Мичилиу тынгылап, къайсы ат алгъа келгенин билип болгъанды. Тынгылады да: «Усхур-тукланы атларыны аякъ тауушу келеди», — деди.

«Биз аланы къырып бошагъанбыз, энди Алауган санга чаришгеми келликди?!» деп, ийнанмагъандыла.

Къарашауай Гемуда бла жетди да: «Кюнюгюз ахшы болсун!» — деп нартла бла саламлашды. Анга кѣп къаргъыш этдиле: «Биз а сизни къырып тауусханбыз деп тура эдик да, сен къайдан чыкъгъан налат болдунг?» — дедиле.

Къарашауай алагъа: «Кѣлюгюзгеми тийдим?» — деп ызына къайтып, Шырданны атын ат кѣтуне къысып, Ёрюзmekни атын бойнуна салып, Минги тауну башына чыгъарды.

Нартла Къарашауайгъа уллу къайгъы боладыла: «Аны ѳлтюрюрге къолубуздан келлик туююлду», — деп. Обур Мичилиу: «Мен анга бир амал этерме», — деди.

«Не этериксе?» — деп сордула нартла. «Да Ёрюзmekни ариу къызын анга берейик, киеу болса, бизге хата этмез».

Къарашауайны чакъырдыла. Къызын арбазда къоюп, Къарашауайны алып, юйге кирип, Мичилиу аны сыйлай болгъанды. Сора: «Къарашауай, къатын нек алмайса?» — деп сорду.

«Тапсам, алыр эдим, — деди ол. — Ол арбазда къыз а кимни къызыды?»

«Къыз бизникиди, жаратсанг, санга берсбиз», — деди Мичилиу.

Къарашауай къызын жаратды, нартла бла жууукъ болду.

72. ДЕБЕТ БЛА КЪАРАШАУАЙ

Къарашауайны къарт атасы Дебет бек уста темирчи болгъанды. Нартла уста ишленнген адыр кѣрселе: «Бу Дебетни къол ызына ушайды», — дегендиле. Осал ишленнген адыр кѣрселе уа: «Ай, муну уа Дебет ишлерге керек кѣре эдим», — деп, бюсюремегенлерин билдиргендиле. «Темирчилик Дебетден башланганды», — деп алай да айтадыла.

Дебетни къартлыкъ жылларында Къарашауай иги маркъа жашчыкъ болгъанды, алай Къарашауай къарт атасын алыкъа танымагъанды. Дебет, аны къарыуун сынаргъа суююп, кюнлени биринде кесине чакъырады. Дебетни гюрбежисине Къарашауай салып келеди. Дебет кесини темир салтасын аны къолуна бередиди.

— Ма, муну бла тѣшню юсюнде темирни ур! Сени атанг — Алауган, муну бла эки ургъанлай, балтагъа ауузлукъ чыгъарыучу эди, — деди.

Къарашауай, салтаны алып, тѣшню юсюнде темирни азыракъ урду. Дебет: «Бегирек ур!», — деди. Къарашауай керилип урду. Салта тѣшге, тѣш да жерге кирдиле. Гюрбежини чырдысындан къурумлары акъдыла. Салтаны сабы сынып, къолунда къалды.

Дебет къачып, гюрбежиден чыгып тсбиреди.

Къарашауай: «Къайры къачаса?» — деди.

— Да, кѣремисе, юй оюлуп келеди, — деп жууап этди.

— Юй оюлмайды, салта тѣшге, тѣш да жерге киргендиле, деди. Дебет къайтып келип, Къарашауайны, эркетип, къучакълады. Жашны тулпарлыгъы аны кѣлюне жарады.

— Сен атанг Алауганны уланы болгъанынга, атауулунгу бетин чыгъарлыкъ

нарт пелиуан болурунга да энди ийнандым,— деди. Ол арада тебе санлы деу Алауган, Дебетни муратын билир ючюн, сынчылай, юслерине келеди.

— Да, атам, къалай къарайса, бу жаш сени жумушунгу тындыраламыды? — деп сорду.

— Да, къалай тындыргъанын ма, салта бла тѣшден сура! Бирини ууатды, бирин да батдырды, мени да, гюрбежиден къачып чыгъарлай, гузаба этдирди, — деп жашха къарады. — Сен аталыкъ эталсанг, ол балалыкъ этерикди, — деди.

Алауган, онгсунуп, ышарды.

— Алай нек этгенсе? — деп сорду уланына.

— Мен билмедим. Алгъа аз урдум. «Бегирек ур!» — деди. Кѣлюне жетеме деп, ургъанымда, салта тѣшге кирди, тѣш да жерге кирди, салтаны сабы да къолумда къалды, — деп жууаплады Къарашауай.

— Ай, хомух! Бу жолдан сора сакъ ура тур. Ала бизге дагъыда керекдиле. Энди къарт атангъыда таныдынг, бар юйге, — деп ашырды.

73. КЪАРАШАУАЙ БЛА ТЕМИРЧИ

Кюнлени биринде Къарашауай Гемудасына минип, жолгъа чыкъгъанды. Аз-мы-кѣпмю жюрюдю, аны ким билсин. Ол жолда бир бек батмакъ жерге жетгенде, Гемуда андан ары бармай тохтайды. Къарашауай къамичини жетдирди. Алай Гемуда батмакъгъа кирмеди. Ол экинчи ургъанда, бут шаугютлеринден къан агъызды. Гемуда секирип, ары жанына ѳтѳп тохтады. Секиргенде айылла юзюлдѳле, Къарашауай иер бла бирге батмакъгъа кѣмюлдѳ. Иерни сѳйрей, батмакъдан чыгъып, атны къатына барды.

— Эй, сен, адам улу, мен да сени сынадым. Манга айтхан сѳзюнгю айны тѳзмей буздунг. Мени ѳпкелетир зат этмем деген эдинг. Уруп, бут шаугютюмден къан агъыздынг. Мен секирсем, айылла юзюлюп, сен да жыгъылып къаллыкъ эдинг. Мен аны билип тирелген эдим. Сен манга кенгешинги бермей, къамичини бердинг. Мен — хайыуан, сен а — адам. Мен сени аягъан чакълы сен мени аямадынг...

Къарашауай бек чогъежленди. Шургу этди. Гемуданы сермеп бойнундан къысып, жаякъларын уппа этди. Ызы бла ат жерин сыртына кѳтѳрюп, Гемуданы башындан тартып тебиреди. Гемуда бармады.

— Кел сыртыма мин! Сен алыкъа жашса, мен кечеме, жарашайыкъ, — деди.

Къарашауай жайракълай минди. Иерин да къолуна алып, юйге барды.

— Не болгъанды, нек былай келесе? — деп Алауган сорду. Къарашауай хапарын айтды.

— Алай эсе, атны, иерни да къой да, кесинг Сатанайгъа бар да, хапарынгы айт, — деп жиберди.

Обур акъыллы, билгич Сатанай Къарашауайны несин да уста билип эди. Кѳргенлей, эркелетди, ийнакълады.

— Нартланы тулпар уланы, нек келгенсе, не жумушунг барды? — деп сорду. Къарашауай не ючюн келгенин билдирди.

— Да алай эсе, ахшы улан, сен былай тур, мен бусагъатдан келейим, — деп башха юйге кирди. Тазгъа сийди, сийдигин бир къошунчукъгъа къуйду. Алып келип, Къарашауайгъа берди.

— Ахшы улан, ма. Бу къошунчукъну алып темирчилеге бер да: «Сатанай муну бла къатдырып, эки айыл ишлегиз», — деп жибергенди де! — деди.

Къошунчукъну алып темирчилеге барды да:

— «Муну бла къатдырып, эки ат айыл ишлегиз», — деп, Сатанай жибергенди, — деди.

Темирчи айыллыкъ темирни алып, отха салды. Кѳрѳкчю кѳрѳкню басды. Темирни къыздырып, отдан алды. Къарашауай къарап турду да, иги бюсюремеди.

Къызгъан темирни жалан къолу бла къысып алды. Бюгюп кёрдю. Темир сынып, эки кесеги эки къолуна келип къалды.

— Эй, улан, не этесе, таланган? Шашханмы этгенсе, къолларынгы биширип къояса да,— деп гузаба этди темирчи.

— Сени темиринг бишсе, мени къолуму ол заманда биширикди, темир биш-мегенди,— деп, сыныкъланы аны аллына атды Къарашауай.

Темирчи, кёрюкчю да къоркъуп, бир бирине къарадыла. Жангыдан темир алдыла. Ахшы биширип, эки-юч кере да къошунчукъда «дарман суудан» къюп къатдырдыла.

— Энди бир кёрчю,— деп, къолуна узатдыла.

Къарашауай айылланы алды. Къаты чулгъап бошлагъанында, жайылып, чыбыкъча тюзелип къалдыла.

— Хайда, энди сау болугъуз,— деп, айылланы алып кетди.

Ала да: «Кимсе?» — деп сорургъа базмай, ызындан къарап къалдыла.

74. ГЕМУДА

Гемуда — нарт Къарашауайны минген атыды. Ол ат Къыркъ сууну бойнунда жашагъан нарт эллени ичинде угъай, битеу дунияны эллеринде да айтылгъанды.

Гемуда Минги тауну башында

Къыш Тейрисини ажиринден,

Жай Тейрисини байталындан туугъанды.

Ол байтал тогъуз жылдан бир тай тапханды,

5 Гемуда ючюнчю тайы болгъанды.

Эки тайны Анкъар къуш ашагъанды,

Ючюнчю тайын, марап туруп, Къарашауай алгъанды.

Атына уа ол Гемуда атагъанды.

Гемуда юч аякълы, жез къулакълы,

10 Болат туякълы болгъанды.

Бир кёзю кёкде не затны да кёргенди,

Экинчи кёзю кечеледе сууланы, тенгизлени тюрюнде

Баргъан тюркню кёргенди.

Ол Минги тауну башы бла узалып,

15 Ал Кавказны отлауларын отлагъанды.

Бойну бла ышый-ышый, Минги тауну башын кез этгенди.

Таула аллында кырдык къуруса,

Чегет Кавказны Минги тау жалпакъларын

Отлап, къара топуракъ этгенди.

20 Кири уа битеу нартны сабанына жетгенди.

Ол кишнегенде, бууаз байталла ташлап,

Къысыр байталла бууаз болгъандыла,

Ажирле къоркъуп, къуруп-къуруп къалгъандыла.

Гемуда чапханда, ташла от чагъып,

25 Кёкде жулдузла болгъандыла.

Бир бурун тешигинден ургъан тылпыу — жай,

Экинчисинден ургъан — къыш этгенди.

75. КЪАРАШАУАЙ БЛА ГЕМУДА

Нартланы ёмюрюнде Дсбет деген бир нарт болгъанды Аны онтогъуз уланы болгъанды. Алагъа, кичилетип, къатын алгъанды.

Ол уланланы эм таматалары Алауган болгъанды. Анга къатын алыргъа кезиу

жетгинчи, ол къртайгъанды. Халктыны аузуна тышюп, уллу, гитче да: «Алауганлай, къатынсыз кърт болгъун!» — дегендиле, сыймегенлерин къргъасала.

Аны эшитип, Алауган, кетип, айлана, излей барып, бир эмеген къызын алгъанды. Ол эмеген тиширыу хар тапхан сабийин ашап тургъанды. Сора обур Сатанай, къозлар заманын марлап, сабий туугъанлай, алып къачып, Минги тауда чыранланы ичинде букъдургъанды, Къарашауай деп атагъанды. Ол чыран бузла эмип ёсгенди. Аны ючюн аны кёз гинжилери суулада да, бир башхасы болмай, балыкча кёргендиле, ол чабакъча да жюзгенди. Къара жерде нартла бла жюрюгенде, къыркъ суукълагъа, состар ташча, тёзгенди.

Къарашауай, онеки айгъа ёсюп, нарт батыр болгъанды. Садакъ алып, аулакълагъа баргъанды. Анда бир кёл кёрюп, ол кёлде бир тай тапханды. Ол тай суу атладан туугъанды. Къарашауай аны атына Гемуда атагъанды. Алып, нарт элине келтиргенди, ёсдюргенди. Гемуда адам тилин да билгенди. Туякълары, темирча, къаты, кёзлери, балык кёзлерича, жылтырауукъ, токъ болгъандыла. Кирпиклери да болмагъанды, тюгю суу тутмагъанды, тенгизледе, кёлледе кюулакъ орталары бла, чабакъча, солугъанды.

76. КЪАРАШАУАЙ ГЕМУДАНЫ СЫНАЙДЫ

Къарашауай, суу атладан тууп, анасындан ёксюз кългъан бир тайны бир кёлден тутуп, алып келгенден сора, аны сылап, сыйпап ёсдюргенди. Хар кюнде маралланы саууп, бир челек сют ичиргенди. Ичирген сютюне женгил учхан лячинни жумуртхаларындан бешисин, бир чёмюч эмеген сют кшоша эди. Жемине Минги тауну жалпакъларыны кюнлюмлеринде битген тау зынтхыдан бергенди. Сусабына Нарт Борада битген арпадан бла Хумалан орамында битген кючлю хуммалакъдан этилген сыраны къашхюсюн ичиргенди.

Бир кече бугъейле, чыранла ичинде, бузла юсюнде жатаргъа, экинчи кече баргъан суулада, терен кёлледе жатаргъа юйретгенди.

Къарашауайны атына кърт атасы Алауган «Гемуда» деп атагъанды. Гемуданы сынаргъа Къарашауай андаш эркинлик алгъанды.

Къарашауай — пелиуан нарт уланы,
Ким да, демлешип, онгламагъанды аны.

Гемуданы кёп затлагъа юйретгенд,
Тёбелени тагъып, тюзге суйретгенд.

5 Къарашауай Гемуда бла атланды,
Ычхынмазгъа иерине къапланды.

Ура, бере кёз кёрмезге бардыла.
Тик къаягъа жетип, ёшюн урдула.

10 Тик къаяны жарып, эки этдиле,
— Черек аууз ма бу болсун,— дедиле.

Туягъы бла Чирик кёлню ачды,
Солууу бла къадау тауланы чачды.

Чегем тарны аны кючю жаргъанды,
Чынгылындан чучхурла тамдыргъанды.

15 Ызы бла Тихтен таугъа келдиле,
Суу агъарча, эки юлюшге бёлдюле.

Сыртха чыгып, Минги таугъа къаралла,
Юсю бла секирирге маралла.

Гемуданы туякъларын билелле,
20 «Жер Тейриден болушлукъ!» — деп тилелле.

Бир секирип Минги таугъа жетдиле,
Юсю бла ол жанына кетдиле.

Тёппеси бла ызларына ётдюле,
Туякълары тийип, айры этдиле.

25 Къарашауай Гемудагъа къууанды.
Суусабына гараладан суу алды.

Сылап, сыйпап терлегенин кетерди,
Буздан гулла ишлеп, гара суу берди.

Экиси да оноу, кенгеш этдиле,
30 Алайдан да Къазман таугъа кетдиле.

Къазман тауну булутларын чачдыла,
Ызы бла къаяларын ачдыла.

Олтурдула, бойсундуруп, жарашып,
Тёппесинден кенг къырлагъа къарашып,

35 Къазман тауну быгъынларын ойдурду.
Гемудасын тау кырдыкдан тойдурду.

Къурчдан кючлю болгъанды жаякълары,
Турчдан къаты эди туякълары.

Къарашауай минди Гемудасына,
40 Иер бла жабышды аркъасына.

Гемудасы, жыйырылып, сскирди.
Жюрексинип, от жалынла кекирди.

Гемуда бла кюн чыгышха кетдиле,
Жорта, чаба бир тенгизге жетдиле.

45 Тенгиз юсюнде чаришни кёрдюле.
Ала къачып, была артдан сюрдюле.

Ала къоркъуп, суу тубюне сингдиле,
Къоркъуп къачханларын была билдиле.

Къум аулакъгъа чыгып солуу алдыла,
50 Тёгерекге къарай, бироз къалдыла.

Узакълада от тютюнле кёрдюле,

— Ол от жин от болур,— дедиле.

Къарашауай деди: «Энди не этейик?
Ол отдан да күймей къалай ётейик?»

- 55 Гемудасы деди: «Манга тынгыла.
Къалай сүйсенг, мен этерме, ангыла!»

— Эй, Гемудам,— деди,— антлы нёгерлебиз,
Сен сау болсанг, от тауунуда женгербиз.

- Жерни, сууну, хауаны да атыса,
60 Санга къаршы жукъ чыдамаз, къатыса!

Мен барырма, теринг кибик, юсюнде,
Отдан ётер болсун сени эсингде.

Атламларын чакъырымгъа салып,
Таугъа жетди, Къарашауайны алып.

- 65 Гемуда бурун тылпыуун таугъа юфкюртдю,
Жанган отну, суу күйгъанлай, ёчюлтдю.

Атны сынап, Къарашауай Алауганнга келгенди,
Хапарларын къарт Дебетге бергенди.

- Къарт Дебет а алгъыш этди жашына:
70 — Нарт эллени къайгъы келмез башына.

Жортууулгъа нартла аллында чыгъарса,
Нарт эллени хар палахдан сакъларса!

77. КЪАРАШАУАЙ БЛА ГЕМУДАНЫ ЖЫРЛАРЫ

Гемуда жаз башында Тотур айда туугъанды,
Бек сүйгени Къарашауай болгъанды.

Туугъанынлай, адам тилни билгенди,
Тейри да аны ариу кёргенди.

- 5 Бир жаныуар жеталмагъанды аны,
Къанатлы да озалмагъанды аны.

Къурчдан болгъанд Гемуданы туягъы,
Турчдан болгъанд аны эки жыягъы.

- Ол атласа, Къазман тауу титирегенд,
10 Кёсе тауну доммайларын ёкюртгенд.

Бек сүйгенди таудан таугъа секирирге,
Нарт элинде хар бир жерни билирге.

Ол ёрлегенд ал бурун, Къазман таугъа,
Ол чыкыгъанды андан сора Минги таугъа.

- 15 Садакъ огъу ётмегенди терисинден,
Сырпынла да кесалмагъанд белинден.

Къарашауай Гемудагъа жабышханд,
Жыгъылмазча, иерине къапланганд.

- Ура, бере, кёз кёрмезге бардыла,
20 Уллу таугъа жетип, ёшюн урдула.

Тауну жарып эки этдиле:
— Малкъар аузу ма бу болсун! — дедиле.

Чирик кёлню аны туягъы ачханды,
Солууу бла турч къаяланы чачханды.

- 25 Тенгизледе, чабакъ кибик, ойнагъанд,—
Жулдузланы бек бийигинде учханд.

Чегем тарны аны ёшюню жаргъанды,
Къайтып, сора, Бахсан таулагъа баргъанды.

- Бир секирип, Минги таугъа жетдиле,
30 Юсю бла ары, бери ётдюле.

Туякълары Минги таугъа тийдиле,
Минги тауну, сора, айры этдиле.

Къарашауай Гемудагъа къууанганды,
Тау кырдыкны игисинден тойдургъанды.

- 35 Жорта, чаба, кюнбатышха, кетдиле,
Уллу Адылны толкъунларын кёрдюле.

Экиси да нарт элине къайтдыла,
Хапарларын къарт Дебетге айтдыла.

Нартла бары къууандыла алагъа,
Къууанч келди нарт эллени барына.

78. КЪАРАШАУАЙНЫ ГЕМУДАСЫ

Нарт Алауганнга къатын чыдамагъанды. Артда эмеген къатын алгъанды. Ол эмеген къатын хар тапхан сабийин ашап тургъанды.

Алауган бир къартха:

— Мынга къаллай мадар этейим? — деп соргъанды. Къарт айтханды:

— Бир ит кючюкню, тюз сабий туугъанлай, къатынны тюрбюне ат, сабийин а бери ал.

Алауган ол айтханча этгенди. Шауайны алып къачып, буз таулагъа элтгенди.

— Аллах, сен муну анасыны уузу эт, мынга болуш,— деп, Шауайны ауузуна бузну салып, бузну жарылгъанына салып кетгенди. Шауай бузну жарылгъанында

ёсенди. Шауай ёсюп нартха келгенден сора, Аллах анга Гемунданы бергенди. Гемуда уа дуния жаратылганлы кьарт болмай, бюгон да жашап турган ат болганды.

Гемуда адам кёрсе акьсагьан этиучю эди, андан тащайса лау, Шауай этген муратда айлана эди.

— Ёрюзмекни Кьоланы жюйрюкдю,— дегендиле бирле.

Бирле уа:

— Гемуда жюйрюкдю,— деп, бир бирлери бла даулашхандыла.

Даулашны тыяр ючюн, нартла Алапа таудан Минги таугьа чариш салгьандыла. Жолда Гемуданы айыллары юзюлгендиле. Кьарашауай кьайтып, Гемудагьа кьанжал айылла ишлетгенди. Дагьыда Гемуда Кьоланны жетип, озуп, Минги таугьа алгьа жетгенди.

79. КЪАРАШАУАЙНЫ ЖЫРЫ

Нарт улулары — Тейри кьуллары,
Нарт улулары — эл багьалары.

Алтын Дебетни онтогьуз уланы бар эди,
— Таматалашып биз туугьанбыз,

5 Кичилешип биз кьатын алайык.

Аланы бары да кьатын алгьанды,
Жангыз Алауган алалмайын кьалгьанды.

Алай, болса да, ол кёп кьатынны сынады,
Анга уа бир кьатын да чыдамады.

10 Ма ол себепден Алауган кьатынсыз кьалып турады.
«Алауганлай, кьатынсыз кьалгьын!» — деп халкь кьаргьышха айтады.

Алауган, аны эшитип, кьатын излей кетгенди,
Эмегенле жашагьан жерге жетгенди.

Эмеген кьатыннга ол хапарын айтханды.
15 Эмеген кьызны кьатыннга алып кьайтханды.

Алауганны эмеген кьатыны добарды,
Юйюне кире, эшик жанларын кьобарды.

Ол, жашай туруп, бек кёп сабий тапханды,
Хар тапханын татлы кьабыннга кьапханды.

20 Кьайын анасы былай айтып ант этеди:
— Эндиги келинлени Тейри урсун, ала юйню ичинде кьозлайла.

Алгьын биз а ожакьдан энишге кьозлаучек.
Эмеген келин ожакьдан энишге кьозлады.

Сабийни кьайын анасы букьдургьанды,
25 Аны орнуна уа ит кючюк салып кьойгьанды.

Сабийни, элтп, Минги тауда буз ичинде кьойдула,

Ол анасындан къарыулу болгъунчун, анга кѣргюзтмейин турдула.

Къарашауай, терк ёсюп, уллу пелиуан болгъанды,
Юйге келгенде, анысын кюч бла хорлагъанды.

- 30 Минги тауда бир хора байтал хар жылдан бир тай тапханды.
Къуш да, юйрснип, аланы бирин къоймай къапханды.

Къарашауай бирин а, сакълап, алгъанды,
Анга Гемуда алаша атагъанды.

- 35 Гемуда алашаны къайиш айыл тутмайды,
Аны айылларын сора Дебетге темирден этдирдиле.

Обур Сатанайны сийдиги бла къатдырып,
Айылланы тышындан къабукъ чѣргелле.

Къарашауай жюрюйдю, сары жамычысын кийгенлей,
Гемуда алаша да ахсайды, къулакъларын ийгенлей.

- 40 Аланы кючюн киши билмегенди, Усхуртуклада уллу чариш болгъунчу,
Гемуда, асхай кетип, чариш атларын барын озгъунчу.

Бий чамланнганд: «Бу аман къайдан чыкъды?
Бу болмаса, мени атларым озар эдиле!» — дегенди.

- Къарашауай зат демегенд, кюлгенди.
45 Бийни атларын, бир-бир алып, ат бойнунда келтирип, бийге бергенди.

Ол кюнден башлап халкъ аланы билгенди,
Ёмюрге болмагъанча, пелиуан кючлерин кѣргенди.

80. КЪАРАШАУАЙ БЛА НАРТЛА

А, Къарашауай, ма, Гемуда алаша!

Нартланы чаришлерине бардыла.

Къарашауай, барып, Ёрюзмекден тилейди:

— Аурууунгу алайым а, къорунг болайым,

- 5 Мени да чаришге къошсанга,— дейди.

— Ой, ала кетгенли юч кюн болады,

Да акъсакъ ат бла уа сен не этериксе?

— Да, артларын кѣре уа барырма,— дейди,—

Да, артларын кѣре мен да келирме,

- 10 Бир да болмаса уа, бир кѣлек тюшер а.

— Ой, ол кѣлскни мен берирме уа.

— Тилеп сенден а барыргъа сюсме!

Ой, Къарашауай а кетгенди, маржа,

Чаришчиле бери айланыргъа уа ары жетгенди,

- 15 Экинчи кюн андан ызларындан тсбиреди уа.

Гемуда алаша сюрюп келед да.

Биринчи — Ёречыкъауланы уа бир акъ атлы келет да.

Ныгъышда нартла уа къарап туралла.

— Ёречыкъауланы акъ атлы келликди бек алгъа,— дейди Ёрюзмек,—

- 20 Ай, Ёречыкѡулары акъ ат а аз озат,— дейди.
— Муну аякъ тауушу уа башхады, маржа,— деп,
Бир сокъур къарт Ёрюзмекге,—
Ёречыкѡулары акъ атлы уа болмаз,— дейди.
Гемуда жетгенин оза, жетгенин оза,
- 25 Гемуда алаша алгѡа чыкѡгъанд да,
Къарашауай Ёречыкѡулары акъ атны сермеп а бойнуна алгъанд да,
Алай келип а ныгъышха атханд да.
Ай, Гемуда алаша, ай, да, Къарашауай!

81. КЪАРАШАУАЙ ЧАРИШДЕ

Нартланы заман-заманда тюрлю-тюрлю чаришлери болгъанды. Бир кере он-бешкюнлюк узакъ жолгѡа чариш салгъандыла. Сайлама атланы жыйгъандыла. Атланы ичинде Ёрюзмекни кѡлан алашасы, бир акъ ат, дагъыда бир чычхансырт ат да болгъандыла. «Энди ёчно ол юч атдан бири аллыкъды»,— деп мурат этгендиле.

Къарашауай чаришни хапарын эшитгенди. Гемуданы да ала бла бирге чаришге салыргѡа суйгенди.

Чаришчиле атлагѡа минип, атланырыкъ жерлерине жыйыладыла. Эсирик атла, аякъ юсюнде тохтамай, пырхылдап, бирер жанлары бла тепсейдиле. Хар бириси, ёчно алып, жигитлиги бла Ёрюзмекни ариу кѡзы Агунданы тилерге деп умут этеди. Халкъ ол жерге тул-туман болуп жыйылгъанды. Ол кезиуде зыккыл Къарашауай да маштакъ Гемудасына минип, аты да сынчыкѡлай, алай келеди.

— Ой, чаришге барлыкъ а энди келди. Ант юйюн кѡруутха энди, аны аллына уа къанатлы да ётсе,— дедила, масхарап, бир кѡаумла.

— Эй, жашла, жуйрюкде сын жокъду, кюлмегиз,— дегенле да болдула.

— Чаришге барыргѡа манга да эркинлик беригиз,— деп, Къарашауай тиледи. Масхара этип, кюлдюле:

— Ой, харип, сен а не этеме дейсе, кѡй, аякъ тюпде кѡалып эзилirse,— дедила.

Къарашауай тохтамады. Барып Ёрюзмекден тиледи. Ёрюзмек эркинлик берди:

— Барма кѡюгъуз, жашды, мудах этмегиз, ол да чабалгъанына кѡре келир,— деди.

Чаришчиле чабар жерлерине кѡз туурадан жокку болуп ташайдыла. Къарашауайны Гемудасы да аланы ызларындан гуппур болуп, сынчыкѡлай, сыртдан ауду.

— Ай, зауаллы, кѡшжетерни барыууна кѡрачы! — деп, харх болдула.

Гемуда, кѡз туурадан ташайгъанлай, желча тебиреди. Чаришчилеге кесин кѡргюзтмей, бир жанлары бла озуп, чабар жерине жетип тохтады. Бир бѡлек замандан сора ала да жетдиле. Тамаша-сейир болдула.

— Аха, улан, сен бери кѡайдан чыкѡгъанса, бизден анда кѡалкъаненг да? — дедила.

— Мен да сизни ызыгъыздан аяусуз чабып келгенме, сизни уа кѡрмегенме,— деп, сансыз жууап кѡйтарды.

— Ыхы, биз аулакѡда кѡаукѡалакъ эте, акѡырын келгенбиз, бу жигит а жетеме деп, кѡысха жолну чабып маштагъын тюгендиргенди. Энди ызына кѡалай баралыкѡды? — деген лахорланы этдиле. Къарашауай лахорланы эшитди, болса да жукъ айтмады.

Атланы сорукъдурдула, сора, айылланы кѡаты тартып, чаришге бошладыла. Къарашауайгѡа аз да акѡыл бѡлмедиле.

— Кѡачан болса да, бир заманда келир,— деп кетдиле.

Къарашауай да аланы ызларындан сюрдю. Жетип алгъа ётдю, дагъыда артха къалды. Экинчи кере да жетип, алларына ётдю. Дагъыда артха къалды. Алай эте, эм ахырында барын да артда къююп, чекге жетди. Анда аны тегсерегине басындыла.

— Жигит, сен къалайдан къйтып келесе, ала бла бармагъанмы эдинг? — деп олсагъатчыкъдан сордула.

— Мен ала бла баргъан эдим, ала бла да къайтханма, — деген жууап берди.

— Да ала къайда къалгъандыла?

— Ала да келе къалгъандыла, — деди.

Болса да ийнанмадыла:

— Бармай, къалайдан эсе да къайтып келгенди, — деп къойдула.

Бир бёлек замандан сора чаришчиле узакъдан кёрюндюле. Халкъ бири бирин тюртюп, къарайды. Акъ атны белинден ал жаны къолан атдан эсе чекден алгъа ётдю. Ючюнчюге чычхансырт ат келди.

Энди ёчню юсюнден даулаш болдула. Бир къаууму Къарашауайгъа, бир къаууму да акъ атлыгъа берирге дедиле.

Акъ атны иеси чурум этди:

— Ол мындан бизни бла кетмегенди, баралмай жолдан къайтып келгенди, — деп тохтады.

— Баргъанмы эди? — деп чаришчилеге сордула.

Чаришчиле ары баргъанын, бери озуп кетгенин да жашыралмадыла. Сюймеселе да, болумун айтдыла.

Акъ атны иеси дагъыда дау илиндирди:

— Биз аны чаришге къошмагъанбыз, ол кеси кесин къошуп айланганды. Анга ёч берирге тийиншли туююдо, — деп сёз салды.

Ол заманда Къарашауай Гемудагъа секирип минди. Акъ атны тартып, Гемуданы бойнуна салды. Ары-бери да бир эки жагъалап, сора, келтирип, иссини аллына атды. Халкъ, тамаша болуп, къарс урду. «Ёч, ёч, ёч!» — деп бирден къычырдыла.

Къарашауай ёчню алмады.

— Мен сизге ёч салып чапмагъанма, алай бош, нартланы сынаргъа, эрикгенден, кёз ачаргъа чапханма, сизни ёчюгюз манга керек туююлдо, — деп, Гемудагъа минип, кетип къалды.

82. КЪАРАШАУАЙ БЛА ГЕМУДА АЛАША

Къарашауай, Гемуда алаша!
Алашагъа жер салгъанма,
Атланыргъа кёл алгъанма.

5 Алашаны жез къулакълары,
Буруу къысхач-жаякълары,
От чагъады туякълары.

Таугъа чыкъса — чана алаша,
Тюзге кирсе — арба алаша.

10 Алаша бла тебиредим,
Уллу ёзенде бара эдим.

Уллу ёзенде къарелдиле,
Къарелдиле уа эмегенле.

— Аты мени! — деп а бири,
— Кеси мени! — деп а бири,

- 10 — Иери мени! — деп а бири.
 Къарт эмеген алай айтды:
 — Уллу ёзенде жүрюген адам,
 Кесине да базынмаса,
 Мында, тейри, жүрүө болмаз!
- 20 Къамчиледи, къаршы келди.
 Эмгенле, оюн ойнай.
 — Оюнлары не зат эди?
 — Оюнлары имбаш ташды.
 — Ташлары уа не кибикди?
 25 — Эки ёгюзню арасында
 Жүрюген а гебен кибик.
 — Ауурлугъу несен болур?
 — Ауурлугъу турчдан ауур.
- 30 Къарашауай къоркъаракъ болду,
 Гемуда алаша, тилленип, айтды:
 — Нек къоркъаса, Къарашауай?
 Сен атмасанг — мен атарма!
 Къарашауай кёл этгенди,
 Алашаны къантаргъанды.
- 35 — Келтиригиз а, бир кёрсейим.
 Ташны алып келдиле да.
 Къарашауай ёрге турду,
 Эки женгин артха этди,
 Эки этегин ёрге этди.
- 40 Къыйналыракъ кётюрген кибик,
 Кюченирек алгъан кибик,
 Къысылыракъ жибергенди.
 Эмгенле къуш-муш этдиле:
 Аллахдан аман тапхын!
- 45 — Ычхыныракъ кетген эди,
 Барып алып келчи,— деди.
 Бир эмген баргъан эди,
 Ташны, излеп, тапмагъан эд.
 Къарашауай кеси барды,
 50 Чурукъ а табаны бла уруп,
 Жерни эки къатысындан
 Ташны чыгъарып, алып келди.

Экинчиде жибергенде,
Кёз кёргенден аудургъанды.

55 Эмегенле къуш-муш этдиле,
Къарт эмеген а алай айтды:

— Ючюбюз да аманбыз да,
Сарыкъулагъынга тамамбыз да!

— Биригиз а атны алып,
60 Келигиз да,— деди Шауай —

Биригиз а ёзенгисин тутугъуз,
Биринг, кётюрюп а, атха салсын.
— Сау бол, адам улу! — деди къарт эмеген.

Бири атны алып келди.
65 Бири ёзенгисин тутду,
Бири, кётюрюп а, атха салды.

Къарашауай къамичиледи,
Къамичисини учасы уа,
Бирини барып кёзюн чыгъарды.

70 Гемуда алаша секиргенде,
Аягъындан чыкъгъан зылды,
Бирини барып бойнун юздю.

— Адам улу, тилейбиз — делле,—
Бизни артыбызны этме!

75 — Барчы ахшы жолгъа! — деди къарт эмеген,
Тебиреп а жолгъа кетди.

* * *

Донну да бойнунда, дейди,
Бир уллу чариш анда барды.

Къарашауай ары барыргъа,
80 Гемуданы къурай эди.

Бир къая тюбюне барды,
Бир темирчи анда жашайды.

— Атыма эки айыл, маржа,
Темирден а сен а этчи.

85 — Кёмюрюм да жокъду,— дейди,—
Темирим да жокъду,— дейди.

— Темирчик да мен табарма,
Кёмюр да мен табарма.

- Донну да бойнунда,— дейди,— .
90 Нарт батырла, кьалмай,
Жыйылып а, уллу чариш.
Анда барады,— дейди Кьарашауай.
— Ол чаришде не саугдады?
— Ханны кызы — Алтын Кьочхар.
- 95 — Ол чаришде аны аллыкь —
Рачыкьауда сары алаша,
Ол чаришледе озуучуду.
Кьарашауай ары барыргьа,
Темирчигин отха салды,
100 Кёмюрчюгон отха салды.
Кьарашауай баса кетип,
Ол кёрюкню уа бузгьанды.
Кёмюрчюгон чачдыргьанды,
Темирин да атдыргьанды.
- 105 Темирчи да алай айтды:
— Мен ойлагьан жаш тьююлсе,
Алашаракь бас кёрюкню!
Айылланы ишлетгенде,
Ол чаришге кетди Шауай,
- 110 Донну бойнунда, дейди,
Нарт батырла,
Келмегенни сакьлай элле.
Кьарашауай гебенегин,
Сары гебснегин кийип,
115 Атыны да бойну мырхыкь.
Былай бир аман болуп.
Ол нартла анга кюле:
— Не эте болур, бу харип жаш? — дейле.
Чакьырып а, сора элле.
- 120 — Мен да кьощдан келдим,— деди,—
Маллагьа бир туз тьюшюралсам,
Бу чаришден умут этеме.
Была мынга кюле элле.
Нарт батырла, бири кьалмай,
125 Жыйылып а озуп кетдиле.
Кьарашауай артха кьалды,
Гемуда алаша алай айтды:

— Атлыкъ этсем, кишилик этермисе?
— Атлыкъ этсенг, кишилик этерме! —

130 Деп а, была тебирелле,
Нарт эллиле къалмай къарай элле.

Къарашауай чыкъгъан эди,
Озуп, озуп келе эди.

135 Рачыкъау а, сары алашада,
Бек а алгъа ол келеди.

Къагъып алды Шауай аны,
Рачыкъауну атын, кесин.

140 Бойнуна кенделен салып,
Нартны ортасына
Ол чаришден алып келди.

Нартла умут этген элле,
Рачыкъау келеди деп.

Ол а Рачыкъау болмай,—
Гемуда алаша, Къарашауай.

145 Келип тохтагъанды анда,
Бир да къалмай сейир этдиле.

83. КЪАРАШАУАЙ

Къарашауай, Гемуда атына минип, нартла элине нарт уланла чаришге хазырланадыла деп келгенди. Гемуда атындан тюшюп, багушха къыстады. Къарашауай нартланы, чаришге хазырлана, атларын юйлени башлары бла ары-бери секиртгенлерине къарайды.

Ёрюзмекни Къоланы, Сосурукъну буу башлы сары аты, Сибилчини юч аякълы къара аты, Рачыкъауну жюйрюк тору атына сукъланып къарагъанды. Сабийле Гемуданы ары-бери къуйругъундан, башындан тартып созадыла. Тал къабукъдан айыллары, бузоу териден кепчеге.

Нартла чаришге чабаргъа башладыла. Чабар жерлери Тонгуз орундан Гумгъа чабаргъа болгъанды. Къарашауай аланы ызларындан тебирегенди. Нартла: «Бу уа не эте болур»? — деп, хиликге этип, кюлгендиле. Къарашауай: «Эй, нарт уланла, мен да бир къазан къайнатыргъа жарарма»,— дейди.

Былай бла чабар жерлерине, Тонгуз оруннга, жетдиле. Алайдан тогъуз кюлюк жолгъа чабаргъа башладыла. Атла чабып тебирегенлей, Гемуда, чочуп, Къарашауайны жыкъды. Гемуда къуйрукъну чыкъ этип, тутдурмайды. Тилей, жалына кетип, тутду. Сора, минип, жипни къарын тюбю бла айландырып, аякъларын къысды. Дагъыда, жипни юзюп, чочуп жыкъды. Дагъыда, бутларына желим этип, минди. Болса да, бутлары жабышып, этлери да къобуп, жыгъылды. Сора, олтуруп, жыляды. Гемуда ат, тилленип, сёлешди: «„Мен терс туююлме, сен терссе“,— деди. Экибиз ант этишген эдик, алай сен антынга тюз болмагъанса. Мен адамгъа, сен атха сукъланмазгъа деген эдик. Сен а нартланы атларына сукъланганса. Алай бла ол антыбыз чиригенди, энди жангыдан ант бегим этейик»,— деди Гемуда ат.

Сора арадан юч кюн кетгенди, чаришчиле уа чабышып кетгендиле. Юч кюнден сора, Къарашауай, Гемуда атха минип, ызларындан чабып тебирегенди.

Бираздан нартла, артларындан къоркъуулу аякъ таууш эшитип, артларына къарагъандыла. «Ол неди?» — деп, къара къайгыгъа къалгъандыла. «Жол болсун, нарт уланла! Жоргъагъыз къалайды?» — деди Къарашауай. Элия таууш этип: «Сау келе туругъуз», — деп, алларына ётдю.

Юч кюн артха къалып тебиресе да, юч кюн алгъа белгиге жетди. Озгъанны ёчу уа тогъуз жаш, тогъуз да къыз жесир болгъанды. Озгъан Къарашауай болса да, жесирлени: «Ёрюзмекни къызы ючюн къалыннга болсунла», — деп къойду. Нек десенг, Ёрюзмекни къызын Къарашауай кесине тилеп болгъанды.

84. НАРТ КЪАРАШАУАЙ БЛА ГЕМУДА

Хапаргъа кёре, Алауган мазаллы, тынч, жууаш адам болгъанды. Къарашауайдан сора баласы болгъанды деп билинмейди. Ол жангыз баласын Алауган бек суйгенди. Артыкъ да, гитчелигинден окъуна, Къарашауайны пелиуанлыгына къууанганды.

Кюнлени биринде Алауган, Къарашауайны биргесине алып, Гемуда тургъан жер юйге баргъанды. Киритин ачып, киргендиле. Гемуданы кёргюзтгенди: «Бу мени минип жюриген атымды. Сен кишилик этсенг, бу санга хар заманда да атлыкъ этерикди. Эт дегенинги билликди, айтхан сёзюню ангыларыкъды, бюгюнден арысында экигизни жашауугъуз бирди, бири биригиз бла танышыгъыз», — деп, кетеди.

Къарашауай къууанды, Гемуданы сыртын сылады. Бойнундан къысып къу-чакълады: «Мен ёмюрюмде сени мудах эттем. Кесими суйген кибик, сени да сюерме», — деди. Гемуда да, тилленип: «Сен кишилик этсенг, мен да санга атлыкъ этерме», — деп, экиси да антлы нёгерле болдула.

Бир кюн Къарашауай атасыны зыккыл ат жауурлугъун, эски ангырчагъын да Гемуданы сыртына къаплады. Къатхан айылларын да къаты тартып, минди да жолгъа чыкъды. Элден ташайгъанлай, желча тебиреди. Туякъ тауушу жерни тепдирди, къуйругъу къуйрукълу жулдузча созулду. Узакъ тюзле жыйырылып, аякъ атламларына жыйылдыла. Гемуданы къара жерде аякъ алышын сынады.

Айлана, къыдыра барып, Адыл суугъа тюбедиле. Теренлиги тохсан тогъуз къулач, кенглиги тогъуз жюз тохсан тогъуз атлам болгъан суугъа киргенде, Гемуданы къулакълары сууну юсюнде кёрюнс, туякълары бла сууну тюбюнде ташланы ууатып, ары жанына ётдю.

Экинчи ызына айланып киргенде уа, суу, толкъун болуп, жагъаларына тёгюлдю. Суудан чыкъгъанда, тюгю, жибимей, къургъакълай тура эди. Гемуданы сууда да сынады.

Азмы, кёпмю жюриюду, аны ким билсин, ызына къайтып келе, эки жаны бийик эгур, кенглиги къыркъ атлам болгъан бир батмакълы эки арагъа жетди. Алайда тохтады. Атны къыртишге бошлап, кеси уа бирбири юсюне минип тургъан деменгили таулагъа сейирсине жайылды.

«Мен Гемуданы сууда, къуруда да сынадым, ол манга атлыкъ этди. Энди кесими да бир сынаим», — деп, лыппыр чакълы бир ташны сермеди. Ташны кётюргенде, бутлары тобукъгъа дери жерге батдыла. Ташны силдеп, эгурну юсюне атханда уа, къаты суу ташла ун болуп къалдыла.

Сора Къарашауай Гемудагъа минди, Гемуда батмакъгъа кирмеди. Къамичини жетдирди, дагъыда кирмеди, экинчи ургъанында, бут шаугютлеринден къан агъызды. Гемуда, секирип, ары жанына ётюр тохтады. Секиргенде айылла юзюлдюле.

Къарашауай, Дебетге барып доммакъ бла темирни бирге биширип, жангы ат керек этдиргенди. Айыл бауларын, башха къаиш керегин, суу жаныуарланы терилеринден этдиргенди, къурч бла бирге къатдыргъанды. Ол себепден ат кереги сууда, къуруда да тутхучлу болгъанды.

Къарашауай, Дебет ишлеген кереклерин салып, атланыр кёл алгъанды. Ана-лыгы, обур Саатанай: «Жаным, энди атланьргъа акъыл эте эсенг, атынга мин, ары бери жортул кёр, сени тилинги ангылай эсе, бир кёрейим», — деп айтханды. Ол, Гемудагъа, сылап, сыйпап, жер салгъанды.

Сатанайны аллында атын чынгатыргъа, секиртирге суююп, тогъуз къулач жез къамичини алгъанды. Сора минип, атын къамичи бла тартханды. Гемуда ол заманда тилленгенди, кишнегенди:

— Урма мени, — дегенди.

Сен манга эрлик этсенг,

Тенгизледе чабакъча жюзюп, чабакъланы озарма,

Ёшюном бла уруп, анда суу къаяланы чачарма.

5 Къара кёгде, къушча, учарма.

Алай жерде, Генжетайча, болалмам.

Тенгизледе, кёлледе уа алчылыкъны Генжетайгъа бералмам, — деди. —

Генжетай къыр атладанды, мен а суу атладанма.

Аны ючюн мен суулада озама,

10 Ол да къырлада хар бир атны озады.

Сора Гемуда Минги таугъа ёрледди.

Юсю бла ол жанына секирди,

Эки аягы жетип, аны башын кез этди.

Ол жанындан, экинчи бу жанына секирди.

Къайтып келип, Гемуда Сатанайгъа былай айтханды: «Кёремисе, мен, Генжетайча, къыр ат болсам эди, Минги таугъа аягъымы жетдирмей секирирге керек эдим. Къара жерде, къуруда къушча учама, Генжетай а желден алгъа барлыкъды, жерине менден алгъа жетерикди», — деп, адам тили бла болушун ангылатханды.

Сора, Къарашауай, Гемудагъа минип, бир башха тауну юсю бла секиртип, тауланы артында Къара тенгизге тюшгенди. Тенгизде, суюсе башы бла, суюсе тюбю бла жюзе, жюрюй кетип, «Усхуртукланы чаришлери барды», — деп, анасы Сатанайны айтханы эсине келди.

Къамичи бла Гемуданы къагъып, тенгиз тюбюне кёмюлдю. Жол излей, тапмай, бара, жюзе кетип, суу тюбюнде суу эмегенлеге тюбегенди. Алагъа: «Усхуртуклагъа жол къалай барады?» — деп сурагъанды. Эмегенле: «Былайны, жерни тюбю бла, бу тешикни суу ол жанында Хазар тенгизинде чыгъады. Агы жагъаларында Усхуртуклары жашайдыла, алай биз былайны бир жаныуарны да иймейбиз».

«Нек иймейсиз?» — деп соргъанды Къарашауай.

«Ала нарт улуларыдыла, бизни тенгизни къыйырына чыгъып кёрселе, бизни: „Суу тонгузлары, суу адамлары“, — деп ёлтюрөдиле. — Сен да алагъа ушайса», — деп, ауузларын ачып, кёзлерин жандырдыла. Ол заманда Къарашауай, къылычына узалып, аны бла къырыргъа деген акъылгъа келгенди. Аны Гемуда билип, Къарашауайгъа: «Сен аланы къылычынг бла къыраллыкъ туююлсе, аланы этлери жокъду. Аланы сууда жюзген къанатларындан къалгъан тёнгеклери сюекдиле. Ол сюеклени садакъ окъла тешмейдиле, не да къылыч кесмейди, кёз жылтырагъанлары да налмас тащдан къатыдыла, ич хантлары уа, бир башхасы болмей, балыкълагъа ушайды», — деп билдиргенди.

«Да алай эсе, биз не мадар этейик?»

«Сен эрлик эт, мен атлыкъ этейим. Сен мени юсюмде чыда, къоркъма. Мен тенгезни ичинде ары-бери чабайым, тенгизни чайкъайым, алай бла ол бокъланыр, къаралыр, ол заманда аланы кёзлери жукъ да кёрмезле, биз а урурбуз да, суу жол бла Хазар тенгизине чыгъарбыз», — деп юйретди.

Бираздан Къарашауай, атха кесин иги бегитип: «Серме, серме, тенгизни

чайкьалт, чайпалт. Къара тенгиз жагъаларын, къаяларын, чайкъап, жуууп, ичинс къуярча этдир!» — деп буюрду.

Гемуда Къарашауай айтханча тенгизни юсюнде, тубюнде тёрт жанына чабып, секирип тебиреди. Тенгиз къаралды, бокъланды, эки жаныуар бири бирин кёрмезча болду деген заманда, Къарашауай бла Гемуда Къара тенгизден Хазар тенгизге баргъан жер тубю суу жолгъа атланып чапдыла. Гемуданы туякълары алайда суу эмегенлени бир ненчасыны чегилерин чыгъарып, ёткуп кетдиле.

Иги кесек баргъандан сора, ол жанына чыкъгъан тешикни бузлап, буз буштукъ болуп бегитилип тургъанын кёрюп, тирелдиле. Гемуда Къарашауайгъа, Къарашауай да Гемудагъа къарады. Сора Гемуда: «Къарашауай, мен суу тукъумдан жаратылгъаным себепли, ата, ана кылыгъымы унутмай, тенгизде борчуму этгенме. Энди сен, айтханынгча, бузлада ёсген, пелиуан Алауганны уланы нартладан эсенг, эрлик эт, бузланы уат, чач», — деди. Сора Къарашауай Гемудагъа: «Гемуда, сен артха кет, дагъыда алгъа чап, мен ол заманда эки бутуму алгъа узатып, бузланы аякъ табанларым бла урурма», — деди.

Гемуда Къарашауайгъа: «Къарашауай, сен эрлик этсенг, мен атлыкъ этерге дегенбиз. Хайда, кесинги иги бегит!» — деп, артха кетип, чапды. Къарашауай табанлары бла уруп, буз буштукъну, бугъей жарылгъанлача, чачып, тенгизни башына чыгъарды.

Ол заманда Хазар тенгиз, чайкъалып, тёрт жанында Усхуртукланы нарт эллерин элтирге аздан къойгъанды.

Нартла: «Бу не сейирди, не алааматды?» — деп,

Къайгъыгъа къалгъандыла,

Барып, эллеринде обурла таматасы

Жанханайны, чакъырып,

Беш таш салдыргъандыла.

Ол айтханды: «Бюгюн бизге, нарт элге,

Минги таудан бир жюйрюк атлы келликди,

Ол жолдады, узакъ бармай жетерикди», —

деп билдирди.

Усхуртуклары, ол бош къонакъ болмагъанын билдиле да, оюнларына юч кюн хазырландыла. Аладан бириси — садакъла бла уруп, бир уллу къара къаяны бир жанындан экинчи жанына кимни садагъыны огуу чыгъарыкъды, деп, ол болгъанды. Экинчиси — узакъгъа къолташ атышыу болгъанды. Ючюнчюсю уа — къула тюзге чыгып, ючкюнлюк жолдан чабышыргъа деп, бичим этгендиле. Быланы ючюнчюсюн а ким этсе, нартла элинде Усхуртукланы баш къызлары, ариу Агунданы анга берирге деп, бичгендиле.

Бираздан, тенгизни толкъунларында бир кёрюне, бир ташая, Къарашауай жетгенди. Тенгиз жагъасында, атындан тюшюп, Усхуртукланы нарт жыйыннга салам бергенди. Саламын алып: «Нарт улу, не айланаса, не жюрюйсе?» — деп соргъанларындан сора, Къарашауай: «Сизни чариш, оюн, жигитликлени айыргъан байрам кюнюгюзню кёрюрге, сизден да бир батырлыкъ, жигитлик юйренип кетерге, деп, атам Алауган ийгенди», — деп, хапарларын айтханды.

Усхуртуклары да оюнларын, оюнлада хорлагъан нартха не бериллигин айтып, ангылатхандан сора, алгъа илишан атхан жерге баргъандыла. Кезиу-кезиу къара къаяны ура тебирегендиле. Бир-бирлени садакъ окълары къаягъа ташайсала да, экинчи жанындан чыкъмай къалгъандыла. Эм артда: «Къонакъ, сен да бир кёрюмю эдинг?» — деп, Къарашауайгъа буюргъандыла. Къарашауай, садагъын тартып, юч окъну бир бири ызларындан учургъанды. Окъла къаяны экинчи жанындан, къып-къызыл жинклекча, жилтинле болуп чыкъгъандыла.

Экинчи оюнда, къолташ атаргъа чыкъгъандыла. Къолташ атханда, тохсан тогъуз нарт атханды. Эм артда Къарашауай атханды. Ол аланы хар бирисин тохсан тогъузшар атламгъа озгъанды.

Ючюнчюсю — чариш оюнлары эди. Чаришлери да тохсан тогуз кюнлюк узакъдан чабаргъа болгъанды.

Сора нартла чариш ташха жыйылышхандыла. Чариш ташдан чаба туруп, жолларыны жартысы кёк тенгизни юсю бла болгъанды. Сора алайдан чабышып башлагъандыла. Къарашауай бла Гемуда да артларындан тебирегендиле. Гемуда, бир секиргенлей, алларына ётгенди. Бурунундан чыккыган тылпыуу, тюзлени тул-туман этгенди, ызындан келгенле, къайры барлыкъларын кёрмей, жолдан ажашхандыла. Ала жетгинчи, Къарашауай кёк тенгизни жагъасына жетип, ырахат жукълагъанды.

Иги кесек замандан нарт чаришчиле жетип, тенгизге кирип, чабышып, жүзюшюп тебирегендиле. Гемуда бла Къарашауай да ызларындан жүзе барып, тас болуп къалгъандыла. Усхуртукланы нарт чаришчилери, аланы батханларын кёрюп, хиликке этип, къууангандыла: «Кесибииз озсакъ, ол игиди, Минги тауну нартлары, къуруда, къарада озгъанлыккыгъа суугъа бизнича къайда?» — деп, тенгизде, бир бирлерин оза, чабышдыла.

Ала билмегенликге, Гемуда бла Къарашауай, кёк тенгизни туюбу бла, ура, жүзе, бере кетип, алларына чыккыдыла. Алайдан да тенгизни юсюнде жүзюп, аланы оза Гемуданы

Аякъларындан чачылгъан суу
Усхуртукланы нарт эллерине
Жауун болуп, жаугъанды,
Бурунундан ургъан тылпыу,
Туман болуп, ол эллени басханды.

Гемуда аладан тогуз жүз тохсан тогуз минг къулач алгъа тенгиз жагъагъа чыккыгъанды. Алайдан да, биягъы Гемуда, секирип, чабып тебирегенде, нартла элинде жер тебингенди. Сора нартла обурларыны башчыларына соргъандыла: «Ол туман — Гемуданы бурнундан чыккыган тылпыууду, ол сакъ жауун а — Гемуданы туякъларындан чачылгъан тенгиз сууду, жерни тебиннгени уа, кёресиз, жете тургъан заманыды, жерни, секиргени сайын, тепдиреди», — деп, хапар берди. Гемуда бла Къарашауай да жетип, белгиден ётюп, Усхуртукланы нарт эллерине салам берип, алай тохтадыла.

Усхуртуклары салгъан ёчлерин, баш къызларын Къарашауайгъа бергендиле. Къарашауайны ол жигитлиги ючюн Усхуртуклары таматагъа салгъандыла.

85. БАТЫР КЪАРАШАУАЙ БЛА ГЕМУДА

Нартланы аналарыны аты Сатанайды, Сатанайны жашы Алауганды. Алауган къатын алмай къарт болады. Сора Сатанай этер мадар тапмай, ашыкъ ойнай тургъан ууакъ сабийлени къозутады: «Жашла, Алауган къатыгъызгъа жетгенлей, ашыкъла ючюн туююшюгюз да: „Бу ашыкъ меники туююл эсе, Алауганлай къарт болуп, къатынсызлай тую болайым“, — деп, даулашыгъыз», — дегенди.

Алауган ол сёзлени эшитгенде, ачыуланып, анасы Сатанайгъа баргъанды. Сора Алауган анасына айтады: «Мен, анам, къатын алыргъа атланама».

Сора саууту-сабасы бла бара барып, жолда уллу, бек уллу бир аждахай къатынны жол ишлей тургъанлай кёреди. Къатына барыргъа къоркъуп, сагъыш этип тохтайды. Болса да, таукел этип, тебирейди. Аждахай къатын эки эмчегин да имбашлары бла аркъасына атып ишлей тургъанлай, жетип, Алауган аны эмчегин ауузуна салады. Сора аждахай (эмеген) къатын артына узалып, Алауганни ауузуна къабады. Сора, чючгюрюп, къолуна туюшюреди да айтады: «Ой, балам, балам, билмегенлей балам болуп къалдынг ансы, нечик татлы къабын боллукъ эдинг», — деди. Алауган да: «Ой, анам, анам болуп къалдынг ансы, къылычыма бир силдем боллукъ эдинг», — деди. Сора аждахай: «Адам улу, не айланаса, не жюрюйсе?» — деп сорду. Алауган: «Да мен а къатын излей чыккы-

гъанма»,— деди. Аждахай а: «Да кел, мени бир кызым барды, жаратсанг»,— деп юйюне чакъырды.

Юйюнде биширип, тирмен ташлача, жети гыржын салды. Бешли бугъа союп, биширип, экиси да ашадыла. Сюеклерин: «Къыз адам сюеклени бек сюеди»,— деп, гёзеннге атдыла. Ол заманда къыз гёзенде болгъанды.

Эрттен болду, кызыны кийиндирип, Алауганнга бердиле. Алауган сора алып, юйюне келтирди.

Сора къатын жети ыйыкъдан бир къозлап, хар къозлагъанда жети бала табып, тапханын кеси ашап болгъанды.

Сора къайын анасы Сатанай келинине урушуп: «Сен кийизде, мулжарда къозлайса, ол айыпды, биз ожакъдан къозлаучу эдик»,— деп юйретди.

Заман заман бла Сатанайны келини, Алауганны къатыны, ожакъ башына чыгып, къозларгъа барады. Сатанай да ожакъны тубюне барып, бир ит кючюкню букъдуруп туруп, къатын ожакъдан сабий табып атханлай, ит кючюкню салып, сабийни алып кетип, букъдурады. Эмеген келип, ит кючюкню ашап къояды.

Сатанай сабийни бешик бла Минги тауну башына салып, анда ёсдюреди. Минги тауну башына Сатанай минип, жүрюп болгъанды. Анда бир ат да болгъанды. Атны аты Гемуда болгъанды. Минги тауну башында бир терен кёл болуп, ол ат андан чыгып, тегерегинде кырдыкны отлап, кёлге кирип кете болгъанды, бугъуп. Ол кёлню суу дарман суу болгъанды, андан ичген къыяма кюннге дери ёлмейди дегендиле.

Шауайны къарт анасы Шауайны Минги тауну башында ёсдюргенди. Шауайны кечеги къарангылыкъ бёркю болгъанды, Гемуданы да ол тутуп кесине алгъанды. Шауайны тилин — Гемуда, Гемуданы тилин а — Шауай билгендиле. Гемуда суйсе — кичиу, суйсе — семиз ат сыфатха кире эди. Ат Шауайгъа айтханды: «Мен жохар да, арыкъ, кичиу, жалкъасыз да болама. Сен да мен къаллай болсам, аллай бол. Кечеги бёркюнгю кий, сен эрлик этсенг, мен атлыкъ этерме»,— дегенди.

Сора ат бла Шауай ойнап, Минги тауну юсю бла Къара тенгизге секирип, ызы бла артына, Четет тенгизге секиргендиле. Шауай ол заманда къылычы бла Минги тауну уруп, эки жаргъанды. Аны кёрюп, ханны кызы аны суйгенди.

Бир кюн Гемуда айтады: «Шауай, кечеги бёркюнгю ал, Дебет-темирчиге иер ишлет, юч къанжал айыл да ишлет да — мин. Мен къара жалкъалы, сен да субай санлы, аслан кирик, боллукъса. Энди мен ючкюнюк, ючкечелик жолгъа секирликме, жер манга жыйыллыкъды, сен а кёзлеринги къыс»,— дегенди. Шауай нени да ол айтханлай этгенди.

Шауай Дебет темирчиге барып, Гемудагъа ишлетген иерин, жерин салып, бир тюзге чыгъады. Ол тюзде ханны кызын алыргъа жыйылгъан жашла боладыла. Алайда Гемуда кичиу, жалкъасыз ат болады. Жаш да сары жамычылы акъсакъ къарт киши болады.

Была чариште ючкюнюк жолгъа кетедиле. Шауай чаришчилени ызларындан жетгенди. Чабуюлда ол да чапханды да озганды. Озганды да ханны кызын алгъанды. Аты да, кеси да биягъы жангы сыфатха киргендиле.

86. ЁРЮЗМЕКНИ ЖЫЙЫНЫ БЛА КЪАРАШАУАЙ

Къарашауай — Алауганны деу жашы,
Чыран бузла болдула суу, ашы.

Ол болгъанды нартны пелиуан баласы.
Томуроулай, эмеген кызды анасы.

5 Юч жыллыкъны ол юч кюннге ёсгенди.
Акъ маралланы, тутуп, 'кесгенди.

Анасындан жашырдыла ёсгюнчюн,
Тулпар болуп, пелиуан кюч келгинчин.

Къарашауай маркъа ёсюп юйге келгенди,
10 Деу кючю бла анасын женгнгенди.

Алауган базынды тулпар жашына,
Адам тенглешалмаз кючюн ол кёрдю,
Кёкюрегин, санын, кирпичдеп, кёрдю.

«Къарашауай» атап, ол кюн атына,
15 Алып барды Гемуданы къатына.

— Сен нарт болсанг, ма бу ат болур,— деди,—
Танышыгъыз! — деп, алгышлап, берди.

Танышдыла, бир бирге сёз бердиле:
— Ёлсек — къалсакъ да, бирденбиз! — дедиле.

20 Суугъа кирип, таугъа ёрлеп кёрдюле,
Тюзде да жюрюп, бири бирин билдиле.

Гемуданы айыл тутмайд, керилсе,
Юзюлелле, толкъун кибик, тебинсе.

Болат айылла ишлетди, жарашдырып,
25 Сатанайгъа хыйны бла къатдыртып.

Къарашауай жюрюйд, жамычысын кийгенлей,
Гемуда да асхайд, къулакъларын ийгенлей.

Аланы кючлерин киши сезмейди,
Къарап кёрген а, кюлмейин тёзмейди.

30 Усхуртуклада уллу чариш болгъунчу,
Тергемелле, ат чариште озгъунчу.

Къарашауай тиледи чаришге барыргъа,
Масхаралап, унамалла биргелерине алыргъа.

Жангыз Ёрюзмек Къарашауайгъа изми берди:
35 — Сакъ бол, аякъ тюбюнде къалырса! — деди.

Къарашауай барындан да кеч кетди,
Къайтханда, чакъырым алгъа жетди.

Ёч алыргъа базгъан биреу бар эди,
Хорлатханда: «Бу зыккыл а кимди? — деди.—

40 Бу жыйындан туююлдю».— деп, дау этди,

Ол сёз Къарашауайны мыйысына ётдю.

Махтанчакъны атын кётюрюп алды,
Жуммакъ эте келип, аллына салды.

— Ма, атынгы, ёчюнгю да ал энди! —
45 Дёп, танытмай, ишан кёюп кетгенди.

* * *

Ёки деуден тууду ол пелиуан жаш,
Къарыуу бла болгъанды ол нартха баш.

Къарыусузну кёрсе — ариу сёлешгенди.
Ёхтемлени кёрсе — оспар демлешгенди.

50 Пелиуан Къарашауай татлы сёзлю болгъанды,
Ачы сёзлюлге да тёзюп къалмагъанды.

Гитчеликден Гемуданы алгъанды,
Ёски жауурлугъун анга салгъанды.

Жашны жюрегине кёркёуу келмегенди,
55 Ёталмам дёп, бир затдан элгенмегенди.

Бир кюн Къарашауай Ёрюзмекден тилегенди:
— Сен мени да жортууулгъа элт,— дегенди.

— Да, харип, сен сабийсе, болалмасса,—
Жашса, нартла бла айланалмасса.

60 Нарт жортууул, жел ургъанлай, барады.
Юч—тёрт кюнню ашсыз, жукъусуз къалады.

— Угъай,— дейди,— жаш болсам да, жюрюрге.
Сиз айтхан жумушну мен да этерме.

Нёгерлери суймедиле барырын,
65 Онгсундула аны бармай къалырын.

— Да, харип, кел, биз болгъанлай болурса,
Болалмасанг а,— деди,— кёшда солурса.

Тебиредиле, хауаны жел этдире,
Туякъ тауушлары жерни тепдире.

70 Гемудасы кёз туурада сынчыкълайды,
Ташада уа, илячинча, сылжырайды.

Чаба-жорта бир талагъа жолукъдула,
Агъач талада бир кесек солудула.

Къапхынлагъа барыр оноу этдиле,

- 75 Къарашауайгъа уа: «Былай къал,— деп кетдиле.—
Биз келирге отун жыйып тур»,— делле,
Кеслери да бийик сыртха ёрлелле.
Къарашауай, аслан кибик, тебинди,
Уллу тереклени ташып тебиреди.
- 80 Къош ишледи, отун жарды, от жакъды.
Угъа барып, бёлек маралны тапды.
Атып-атып ол аланы ёлтюрдю.
Жыйып, барын бирден кётюрдю.
Маралланы сыдырды терилерин,
85 Ала бла жапды къошну хар жерин.
Нартла, жукъ да тапмайын, кеч келдиле.
— Алан, улан, бу къош кимнид? — дедиле.
— Ма бу къошда бёлек адам турдула,
Мен келгенде, сизден хапар сордула.
- 90 Сизден хапар айтханымда алагъа,
Думп болдула,— деди,— агъач талагъа.
Нарт батырла керти да ийнандыла,
Махтауну да кеслерине алдыла.
Къарашауай аны эталыр деп билмелле,
95 Ол оюмгъа арталлы да келмелле.
Экинчи кюн башха жерге къондула,
Къарашауайны да, биягъыча къойдула.
Тулпар Къарашауай, тюненеча этгенди,
Кюн да батып, къарангылыкъ жетгенди.
- 100 Нёгерлери къуппа-къурлай келдиле.
Марал териледен къошну кёрдюле.
— Муну уа къайдан тапдын? — деп сордула.
Къарашауай алдагъанда, керти сундула.
— Сизни кючюгюзден тапдым аны да! —
105 Деп айтханда, ийнандыла дагъыда.
Алай эте бир бёлек кюн ётгенди.
Сора Къарашауай быллай сынау этгенди:
Биягъыча къошну ол жарашдырды,
Ингирикге хар затны къурашдырды.
- 110 Минги таудан жан чыдамаз бир бузлауукъ тиледи,

Этген тилегине кёзю бла тубеди.

Сууукъ уруп, жетди аллай тул туман —
Кёз ачдырмай, басды бузлауукъ, боран.

Нартла бёлек атчыкъ сюрюп келдиле,
115 Кючден-бутдан от жарыкьны кёрдюле.

Боран урса, бир бирге сюрюшелле,
Жол тапмайын, тирелип, тюртюшелле.

Къарашауай къарайд сейирликге туурадан,
— Бери, бери! — деп кычырады буруудан.

120 Нартла, бузлап, кёпчеклеге жабышхандыла,
Тюшалмайла, юшюп къабышхандыла.

Къарашауай, жетип, айылларын бошлады,
Ат жерле бла къошха ташып башлады.

Атланы да сюрюп, тогъайгъа урду,
125 Нартланы да жылы ашдан тойдурду.

— Аха,— дейди,— сизден азмы кючюм бар?
Бу бурчакъдан жунчуймуду жигит нарт?

Иймендиле, тынгылалла бары да,
Къарашдыла бир бери, бир ары да.

* * *

130 Къарашауай сюдю барыргъа жигитликге.
Экинчи кюн айтды ол Ёрюзекге:

— Изми берсенг, бир кыдырып келир эдим,
Сыртны, тюзню, дунияны бир кёрюр эдим.

— Да, харип, бар, нек бармайса, эригесе,
135 Айлан, жюрю, алай сакъ бол! Сабийсе.

Гемудасын тартад, иер салыргъа,
Ол эринед аны ызындан барыргъа.

Гемуданы салынад къулакълары,
Эти арыкъ, асхайды аякълары.

140 Нартла аны хыйлалыгъын билмейле,
— Аны бла къалай барлыкьды? — дейдиле.

Деу Сосурукъ Ёрюзекден тиледи:
— Жашха сен къолан атынгы бер,— деди.

Къарашауай Ёрюзекни атына минди,
145 Маштагъын да адеж тартып тебиреди.

Узайгъанлай Гемуданы бошлады,
Ол а жюйрюкюгюн, къуш учханча, башлады.

- Кёз жумгунчу, жетди ол узакъ жерге,
Талай жылкыны жыйды бир ёзеннге.
- 150 Мажалларын, къабып, жаралы этди.
Жылкы къошну сюрюп, Къарашауайгъа жетди.
— Аха, энди сен сёзюме къулакъ сал,
Бу жаралы атланы кесинге ал!
- Сау атланы сен нартлагъа берирсе,
155 Жукъ сорсала, бёрю талагъанд,— дерсе.
— Ахшы,— дед да, Къарашауай буруу ишледи,
Жылкыны, сюрюп, буруугъа бекледи.
Сора ол барды да нартлагъа айтды:
— Бир жылкы бард, къарагъыз,— деп къайтды.
- 160 Ала, барып, къапхынланы кёрдюле:
— Эй-хей, бу уа уллу ырысхыды,— дедиле.
Жигит Къарашауай сюргенди деп, билмелле,
Жылкы бла къайтыр оноу этдиле.
Къарашауай тиледи Ёрюзмекден:
165 — Юлюшюмю бер,— деп,— жылкы бёлекден.
Нёгерлери аны унамадыла:
— Элге сюрсек, алырса,— деп, къойдула.
Ёхтем Къарашауай жууапха бюсюремеди.
Мычымай Гемуданы иерледи.
- 170 Чартлап чыкъды агъачха ол алайдан.
Къарашдыла зыккыл жашны ызындан.
Чынарланы, къауураныча, ууатды,
Дагъыда бир агъач буруу орнатды.
Ызы бла, уруп, жылкыгъа кирди,
175 Къойланыча, тутуп, атып тебиреди.
Жаралы атланы кесине алды,
Жарасызла нёгерлерине къалды.
Нарт батырла тамашагъа къарайдыла,
Жукъ да айтмай, не этерин марайдыла.
180 — Аха,— деди,— жылкыны эки бёлдюм.
Жаралы атланы кесиме алдым.
Бу сау атланы айырдым мен сизге.
Дауу болгъан бармыды энди бизге? —
Деп, юлюш алып, аллына этди,

185 Сюрюп, кёз туурадан ташайып кетди.

Нартла аны ким болгъанын билмелле.
— Танымай иерге жарамаз,— делле.

Эки кере келечиле ийдиле,
Жылы жууап алалмайын келдиле.

190 Ахырында Ёрюзмек кеси кетди,
— Эй, жигит! — дей, ариу сёз айта, жетди.—

Улан, кимсе, айт, сюеме билирге,
Ант этеме, Агунданы берирге! —

Дегенинде, Къарашауай бурулду анга.
195 Деди: «Мени жууабым олду санга:

Нарт Дебетни жашы Алауган — атам,
Эмегени кызыды мени анам.

Минги тауда буз тешике ёсгенме,
Сютюм болмай, буз сюммекле эмгенме»,—

200 Деп Ёрюзмекге жууап этди.
— Бу жылкы да сени болсун,— деп кетди.

87. ШАУАЙ БЛА РАЧЫКЪАУ

Шауай жылкыдан юлюш да алмай, юйуне кетип бара, аллында бир суку келген атлыны кёргенди. Ол атлы ат аяклары бла жерден къобарып атхан зылдыла, чаукалача, кёкге уча эдиле. Атлы Рачыкъау болгъанды. Ол Шауайгъа жетгенде:

— Жол болсун, ахшы улан! — деди.

— Сау бол! — деди Шауай.

— Къайдан келесе?

— Да былай нартдан келеме.

— Ёрюзмек, Сосурукъ, Сибилчи жылкы сюрген хапарлары барды, аладан не хапарынг барды?

— Да ала уа, жылкы сюрюп, юлеше турадыла,— деди.

Шауайны къолунда къадамасы болгъанды. Ол, ол къадаманы алып:

— Бу темирчикни жолда тапханма, не затды? — деп сорду.

Рачыкъау:

— Да ол а сени кибик жашчыкъланы къолларын байлап, ат бойнуна салып кетген къадамады,— деди.

— Къалай салынады, Аллах ючюн, мени къолума салып бир кёрчю!

Рачыкъау:

— Ахшы улан, ма былай салынады,— деп кёргюзтдю.

Шауай:

— Сала биллик эсем, мен да салып кёрейим,— деп, Рачыкъауну къолларына къадаманы салады.

Ызы бла кётюрюп, ат кёпчекге бауурундан къаплайды, эки аягын да атны къарын туюбу бла келтирип, къаты къысады, жүгенин да иер къашха къантарып, атны сауурусуна къамичини бир-эки да тартып, аллына этип сюреди. Рачыкъауну элтип барып:

— Ма, Ёрюзмек, бу да кёнчек жесиринг болсун,— деп береди.
Ёрюзмек сермеп Рачыкѡауну атдан алды. Кѡолларың тешиди. Ол заманда Рачыкѡау жюрексинип тебиреди.

Ёрюзмек:

— Кѡайры бараса, Рачыкѡау? — деп сорду.

Рачыкѡау:

— Ол итден туугѡан жашны ёлтюрмей кѡоймам,— деди.

— Кѡой, Рачыкѡау! Анга аллахдан сора киши жукъ эталыры да жокъду, жылкыны сюрген да олду,— деп, Рачыкѡауну тыйды.

88. ЖИГИТ ШАУАЙ БЛА ГЕМУДА

- Шауай атланыргѡа кёл алды,
Гемудагѡа эшек иер, эшек жауурлукъ салды.
Гемудагѡа минип, кетип бара эди,
Атлагѡаны сайын эски быстырлары силкине эди.
- 5 Нартны тууарчысына барып: «Кёл болсун!» — деди
— Ай атангы, анангы башы болсун, кесим кёлден
Жыйышдыралмай турама! — деди.
— Ый, суусапдан ёлеме, бир айран ичир,
Аурууунгу алайым! — дегенди Шауай.
- 10 — Аллахха ийнан, айран ичиргенни кѡой,
Кѡазан агѡач бла бойнунга уруп эдим!
Мен сени кибиклеге айран ичирмейме, — дегенди.
— Ол тууарла ортасында уллу кѡара неди,
Аурууунгу алайым? — дегенди.
- 15 — Схуртукланы уллу кѡара бугѡа деген олду,
Аны кѡабыргѡа узуну юч кѡулач болады,
Арт омуруу он кѡулач болады,
Мангылай кенги беш кѡулач болады,— дегенди,—
Аны ауанасында жюз ийнек салкѡын этеди.
- 20 Ёрюзмек, Сосурукъ, Сибилчи кѡыш
Атларың асырайла, жазгѡа жараулу этелле,
Жаз болса уа, келип, ол бугѡаны юсюне уруп ойнайла.
Ёрюзмек Кѡоланны эки ал аялгѡын
Бугѡаны сыртына салады.
- 25 Секирип тѡшюп, сермесе, Сосурукъ
Эки ал аягѡын жерден ёрге алады.
— Келчи, аурууунгу алайым, аны кѡатына бир барайыкъ.
— Ай, итден туугѡан ит кимилди, аны кѡатына
Сени кибиклеми барадыла?! Аллахха ийнан,
- 30 Кѡазан агѡач бла бойнунга уруп эдим!
Шауайны аты адам кѡатында акѡсай эди,
Ташагѡа тѡшсе, бир кюннге жерни
Тёп-тёгерегине айланыучу эди.
Алашасы, акѡсай-акѡсай, бугѡаны кѡатына баргѡанды.
- 35 Атына аягѡы бла кѡатылып, босагѡадан атлагѡанча,
Кѡарашауай бугѡаны сырты бла аугѡанды,
Дагѡыда айланып, сырты бла бери жанына да аугѡанды.
Ызы бла, секирип атдан тѡшюп, бугѡаны
Бутундан кѡагѡып алып, булгѡап жерге уруп,
- 40 Эки жапхагѡыңдан алып жерге кёмгенди.
— Ый, не аузум кѡуруду, не аман адамгѡа кѡатылдым,—

- Деп, тууарчы, къазан агъачны да алып,
 Къолну энишге къачханды.
 Сора Шауай, кеси эркин къалып,
- 45 Къошха барып, айран ичип, кесини суусабын къандырганды.
 Ингирде Шауай бузоуланы ийнсклеге къошханды.
 Айыргъанда уа: «Гемуда, ийнеклеге сюйгенинглей эт»,— дегенди.
 Гемуда ийнеклени къуйрукъларын чайнап юзгенди.
 Кеслерин, сюрюп, бир терен къолгъа ургъанды.
- 50 Шауай ийнеклени къуйрукъларын къалдырмай жерге чанчханды.
 Аны бла, атына минип, алайдан, желча, учханды.
 Экничи кюн тууарчы, сынчылай келип,
 Тууар къуйрукъланы жерге чанчылып тургъанларын кѳргенди
 — Ярабий, жерге батыпмы къалгъандыла,— деп,
- 55 Ингирде дери ыстауатны къазгъанды.
 Ингирде ийнекле къалмый чубурла болуп
 Келгенлерин кѳргенде: «Ай, мени аузум къурурукъ»,
 Не аман адамгъа аууз ачханем!» — дегенди.

89. НАРТ КЪАРАШАУАЙНЫ ЮСЮНДЕН

Бурун заманлада Къарашауай деп бир ахырзаман пелиуан киши болгъанды. Ёмюрде да анга киши базып къатылалмагъанды, ол алай пелиуан болгъанлыкъгъа, кишиге артыкълыкъ этмегенди. Тынч, жууаш адам болгъанды. Аны атасы — нарт Алауган, анасы уа — эмеген къатын болгъандыла. Ол, къалгъан сабийлеча, анасыны сютюн ичип ёсмегенди. Ол анасындан туугъанлай, аны атасы элтип Минги тауда буз чыраннга салып кетгенди. Ол анда, гитчечиклей, бузланы эмип ёсгенди, деп айтадыла.

Анга бир ай болгъанда, уугъа айланырча жаш болгъанды. Тереклени сындырып, садакъ ишлеп, хансладан садакъ бау этип, маралланы ёлтюрюп тебирегенди. Анга эки ай болгъанда, атасын, анасын да хорлагъанды.

Къарашауайны адам акъыллы бир аты болгъанды. Ол ат не этерге суюсе да, къолундан келгенди. Жаш бла аны ол адам акъыллы аты бир бирине кертичи болургъа, бир бирни ётюрюксюз сюерге ант этгендиле.

Къарашауайны кесини атына минип, нарт элдеде айланган адети болгъанды. Аты уа, адамланы туурасында акъсап, кесин аман кѳргюзтюп, ташагъа тюшсе уа — желча жюрюгенди.

Бир кюн Къарашауай, атына минип, ана къарындашлары — эмегенле жашагъан жерлеге атланганды.

Бара-барып, узакъ бир танымагъан жерине жетгенде, къолташ ата тургъан тогъуз эмегенни юслерине чыкъгъанды. Эмегенле, аны кѳргенде, къууангандыла. Бирлери: «Къол жагъыуу боллукъду»,— дегенди. Бирлери: «Кѳнчеклик боллукъду», бирлери уа: «Бюгече жау шорпа болур»,— дегенде, таматалары: «Тынч туругъуз, алгъа къолташ атдырып кѳрейик, ызы бла оноуну этербиз»,— деп тохтагъанды.

Къарашауай эмегенлеге, жете келгенлей, масхара этип: «Иш къолай болсун, ой аман арыкъла!» — деп, араларына киргенди.

— Ой, сау бол, адам улу, алчы кесинг да, бир къолташ ат! — дедиле.

— Ой, аман арыкъла, ата келигиз, кезиу манга жетсе, мен да атарма,— деп, атын кырдыкга бошлады.

Къолташлары уа къоргашинден, гебен чакълы бир уллу. Ата келип, Къарашауайгъа Жетгенде, тогъуз эмегенни тогъуз атламгъа озгъанды. Къарашауай экинчи кере атханында, ол, гебен кибик къаоргъашин, шуууддап барып, жерге кирип кетгенди.

«Ой, аман арыкъ эмегенле, къолташны жерден чыгъарыгъыз, ючюнчю да бир атайым»,— дегенде, эмегенле Къарашауайны эркелетип, къоллары бла ёрге-ёрге кётюргендиле. Нарт Къарашауайны пелиуанлыгъын кёргенлеринде, жангызкёз деу эмегенле аман къоркъдула. Тёгерегине басындыла. Бири: «Эгечими ал да, киеу бол»,— деди, бирлери да: «Къызымы ал»,— деди. Къарашауай а бирин да этмеди. Эмегенлеге кесини пелиуанлыгъын кёргозтюп кетди.

90. КЪАРАШАУАЙ БЛА БИР ЖАШ

Къарашауай, атланып, жортуулгъа чыкъгъанды. Жолда бара тургъанлай, саууту-сабасы бла анга бир жаш жолукъгъанды. Салам бергенди, хапар соргъанды.

— Иги жаш,— дегенди ол,— эртдеден бери мен санга тюберге суююп тургъанма. Иги болду бюгюн тюбегеним.

Экиси да бара барып, жылкыны отоулагъа [орунлагъа] тюбегендиле. Жаш Къарашауайгъа:

— Была не затладыла?— деп соргъанды.

— Была эмегенлени жылкыны отоулары болгъандыла. Быланы мен чачханма,— дегенди.

Алайдан ётюп бара тургъанлай, кенген къарап, кёп жылкылары, дагъыда бир къалаланы кёргендиле. Ол жаш Къарашауайгъа:

— Бу жол мен биргенге чыкъгъаным себепли, мен айтхан жерге барайыкъ,— дегенди.

Ол кёрген къалаларына жетедилс. Жылкыны сюрюрге оноулашхандыла. Жаш:

— Мен барайым да жылкыны иеси — эмегенни ёлтюрейим,— деп тилегенди.— Мени хорлай тебиресе: «Къарашауай!»— деп бир къычырырма,— дегенди.

Къарашауай, алай ыразы болмаса да, «Угъай»,— деп айтмагъанды.

Жаш къаланы ичине киргенди. Жаш бла эмеген сермешгендиле. Эмеген, жашны хорлай тебирегенинде, жаш Къарашауайгъа къычыргъанды. Ол, чабып жетип, аны бойнуна нохта салгъанды.

— Энди бу жылкыда алтын къуйрукълу бир ажир барды, жылкыны аны ызындан барлыкъды,— дегенди жаш.— Ол ажирни тутаргъа керекди. Ол бек къыйын ишди.

— Ол ажирни мени салпыкъулакъ сары атым бла сермешдирирге керекди,— дегенди Къарашауай.

Ала жылкыны туурасына баргъанлай, ажир ала таба чапханды. Къарашауай да атын бошлагъанды. Ала бири бири бла жагъалашхандыла. Кёп кюрешгенден сора, Къарашауайны аты ажирни тюпге басханды. Ол заманда Къарашауай, жетип, аны бойнуна нохта салгъанды.

Атына минип тебирегенлей, жылкыны ажирни ызындан төгюлгенди. Алай бла, ала жылкыны сюрюп жолгъа чыкъгъандыла.

Къарашауай жашха:

— Ызынга бир къарачы,— дегенди.

Жаш ызына къарагъанында, бир эмегенни ат бла чабып келгенин кёргенди. Жаш аны бла сермеширге къалгъанды.

— Ой, Къарашауай!— деп къычырсам болушурса,— дегенди.

Эмеген жетгенди:

— Урушууму, тутушууму?— деп, эмеген жашны аллын алгъанды.

Жаш:

— Сен суюгенни этербиз,— дегенди.

Эмеген анга:

— Кишиле тутушхан этедиле. Биз да тутушхан этейик, дегенди. Ала тутушуп тебирегендиле.

Эмеген жашны хорлай башлаганда, ол Къарашауайгъа кычырганды.

Эмеген Къарашауай бла сермешгенди. Ала бири-бирин уруп, талай кере жерге батдыргандыла. Эм ахырында Къарашауай, уруп, эмегенни башын кетергенди.

Жаш, чабып барып, къанжыгагысындан суулугъун алып, аны эмегенни къанындан толтурады. Кеси да чѣмюч бла бир къан ичеди.

Къарашауай, жашха:

— Сен, быллай ариу жаш, бу кирли къандан къалай ичдинг? — дегенди.

Жаш Къарашауайгъа:

— Айып этме, Къарашауай, мен жаш туююлме, кызма, — деп, бѣркюн алып, узун, къалын къудас чачын кѣргюзтгенди. — Мени тѣрт къарындашым бар эди да, аланы барысын да бу эмегенле ѣлтюргендиле. Мен да, быланы ѣлтюрюп, къанларындан тояргъа деп ант этген эдим да, аны ючюн ичгенме. Мен да ѣллюкме, эмегенлени къанларын ичип сау къалган болмаганды, — дегенди.

Бу хапарны айтып бошап, кыз Къарашауайдан:

— Мени атымы айылларын тап къысарса, жүгенин башына тап салырса, саурусуна къамичи бла уруп къоярса, ат барып жерин билир, — деп тилегенди.

Кыз ѣлгенди. Къарашауай аны алайда басдырганды. Атны да, кыз тилегенча этип, жибергенди. Сора жылкыны сюрюп кетгенди.

91. АГУНДА БЛА КЪАРАШАУАЙ

Нарт Ёрюзекни дунягъа айтылган ариу кызы Агунданы кѣп нарт жигитле тилегендиле. Агунданы, ѣчге салып, уллу чаришле этгендиле. Кишиликлерин кѣргюзтюр ючюн, эришип, къоркъуулу жортуууллагъа баргандыла. Тутушуу, секириу, къолташ атыу оюнла этип, ѣчешгендиле.

Малыны кѣплюгю жерни юсюн жапхан ѣхтем бай Шырдан да Агунданы тилегенди. Болса да, жумуртха ичинде тюк излеген, айтхылыкъ Агунда аланы бирине да бюсюремегенди.

Нарт жигитле, къарагъан кѣзню кесине тартып къоярча, жарашдырылып жүрюгендиле. Ала Къарашауайны пелиуан кишилигин сезалмагандыла. Тозурагъан юс кийими бла зыккыл ат керегине къарап, сансыз этип тургандыла.

Агунданы анасы, билгич Сатанай, Къарашауайны айырма пелиуан кишилигин уста билгенди. Айтхылыкъ кызы Агунданы берип. Къарашауайны кесине киеу этерге да суйгенди. Алай а ачыкъ айтыргъа базынмаганды. Тап заманны сакълап турганды. Кызы бла бирге тубетип, муратын билирге да суйгенди.

Къарашауай сыбызгыгъа къан уста болганды. Пил сюекден ишленген сыбызгысы бар эди. Кюнлени биринде, факъырача кийинип, нарт элдеде сыбызгысын согъуп айланнганды. Ол, сыбызгыны тартып тебиресе, адамла кѣз къакъмай къарагандыла, солумай тынгылагандыла. Ким болганын билмегендиле. «Жарлыды», — деп, садакъа бергенлеринде, ол алыргъа унамаганды.

Айлана, къыдыра, Агунданы элине барганды. Сыбызгы согъуп, халкны къалдырмай юсюне жыйганды.

Нартла, тамаша этип, тынгылагандыла. Андан-мындан да кызла кѣп саугъала келтирип бергендиле. Ол бирини да алыргъа унамаганды. Ол кезиуде аны Къарашауай болганын жаппа-жангыз Сатанай билгенди.

Сатанай олсагъатдан Агунданы юйге чакъырды.

— Ол сыбызгычы Къарашауайды. Отоуну иги жарашдыр да, аны юйге чакъыр. Бирге олтуругъуз. Кесинге шагъырей эт. Ахшы хант жарашдырып сыйла, сора муратын бил! — деди.

Агунда, аны эшитгенде, бек суйгенди. Олсагъатдан отоуну бек ариу жарашдырды. Кеси да омакъ кийинди.

— Чакъырып кел, — деп, Къарашауайгъа адам жиберди.

Чакъырлган къонакъ келди. Агунда бла саламлашды. Сыбызгысын терезеге салып, эшик артында шинтикге олтурду.

— Къонакъ, ёрге ётюп олтур!— деди Агунда.

Къарашауай унамады.

Шапа бир къойну биширип, сай табакъгъа салып келтирди. Къарашауай, жугъун да къоймай, ашады. Ызы бла: «Суусапма, бир ичер зат келтиригиз»,— деди.

Агунда кесини къолу бла берирге суйюп, Ёрюзмекни чыккырда жыллыкъ бозасындан бир гоппанны келтиртип берди.

— Энтда келтир,— деди Къарашауай.

Дагъыда келтирди. Аны ичип бошагъанлай, дагъыда тиледи. Дагъыда келтирди. Алай эте боза чыккырны ичип тауусду.

— Энди жокъмуду? Къанмагъанма,— деди.

— Къалгъанын энди келиринге къойгъанма,— деп жууап этди Агунда.

— Да, «Асырагъан — артха асыу» дегендиле. Ахшы юй бийче боллукъса, сау бол!— деди.

Аш бошалгъандан сора ушакъ башланды.

— Къонакъ, сен сыбызгыгъа уста кибик, жырлагъа да уста болурса, бир жырласанг эди, тынгыларгъа сюеме,— деп тиледи Агунда.

— Угъай, мен жырлай билмейме. Жыр бла айтырыгъымы сыбызгы бла айтсам да ангыларыкъса,— деп, былай айтып сокъду:

Ата юйюнг ахшы юйдю,
Болса да, тюбю чунгурду.
Башы да тап жабылгъанды,
Алай ожагъы къынгырды.

5 Эшигине да сёз жокъду,
Бираз къыйсыкълыды, тарды.
Чюйре салыннганды ансы,
Терезелери да барды.

Агунда Къарашауайны чурумларына былай жууап къайтарды:

Ожакъ къынгыр болса да,
10 Тютюн къынгыр чыкъмайды.
Юй тюбю чунгур эсе да,
Жюрюгенни жыкъмайды

Эшик къыйсыкъ болса да,
Къонакъ, тюшюп, киреди.
15 Терс салыннган терезе да
Кюн жарыгъын береди.

Къарашауай секирип турду. Сыбызгысын алды:

— Берекет берсин, сау бол!— деп саламлашып, Гемудагъа минип кетди.

Сатанай Агунданы чакъырды:

— Не болдугъуз, не айтды?— деп сорду.

Агунда аны сёзлерин, кесини жууабын да айтды. Ол заманда Сатанай чогъежленди:

— Ыхы, биз жангылыч иш этгенбиз,— деди.— Къонакъны намысын кёрген адетде, олтурган жерине барып, саламлашмагъанбыз. «Юй тюбю къынгырды»,— деп аны ючюн айтханды. Жангыз бир къонакъны суусап бла къандыралмагъанбыз.

«Ожакъ къынгырды»,— деп аны ючюн айтханды. Жууукълукъ жюрютген адет бла, юйюнден чакъырмай, къонакълыгында чакъыргъанбыз. «Эшик къыйсыкъды, тарды»,— деп аны ючюн айтханды. «Эки терезе да чюйре салыннгандыла»,— деп а, экигиз бир юйюр боллукъ туюкулсюз да, аны билдиргенди.

Сатанай Къарашауайны киеу этиуден тюнголдю.

92. КЪАРАШАУАЙНЫ СЫБЫЗГЪЫСЫ

Къарашауай, факъыра кийимле кийип, акъ сюекден этилген сыбызгъысын да алып, нарт элдеде айланганды. Ол сыбызгъыны согъуп тебиресе, агъачда къанатлыла, жаныуарла тохтап тынгылагъандыла. Сыбызгъыны ариу тауушу нарт эллегле эшитилгенди.

Нартла аллай уста сыбызгъычы ким болгъанын танымагъандыла. Уллу сейирге, тамашагъа къалгъандыла. «Бар да, аны ким болгъанын бил да кел»,— деп Сибилчини жибергендиле.

«Мени анам чыран бузду, аны сютюн ичгенме, темир бешикте ёсгенме. Атам а нарт Алауганды»,— дегенди къонакъ.

Сибилчи келип, Къарашауайны жуабын нартлагъа айтханда, ала анга бек сейир, тамаша болгъандыла. «Бузну сютю болмайды, буз сабий тапмайды, бу не адам эсе да, бизге тапсыз келгенди»,— дегендиле.

Ёрюзмекни къызы, сыбызгъыны тауушун эшитгенинде, бара тургъан жеринде сын болуп къалгъанды. «Барып, ол факъыра сыбызгъычыны бери алып кел»,— деп, адам жибергенди.

«Сени Ёрюзмекни къызы чакъырады»,— деп баргъанды ол адам.

Къарашауай келгенде, къыз: «Сен сыбызгъыны алай ариу сокъгъан, жыр айта да биле болурса, бир жырласанг эди»,— деди. «Мен жыр айта билмейме, андан эсе сыбызгъыны согъулгъанына иги тынгыласанг, жырны сёзлерин ангыларса»,— деди.

Сыбызгъы бла: «Юйню ожагъы къынгырды, терезелери терс жанында ишленгендиле»,— деп сокъду. Къыз алай сокъдургъанын ангылады, факъырачы болмагъанын билди.

«Юйню ожагъы къынгыр болса да, тютюню тюз чыгъады, терезеле терсинден салынган эселе да, юйню жарытадыла»,— деп жууаплады.

Къарашауай къызны ол жуабын жаратды. Сора: «Мен суусапма»,— дегенди. Къыз, Ёрюзмекни жыллыкъ бозасын чыгъарып, аллына салды. Къарашауай тасханы билип, юйюне къайтды.

93. НАРТ КЪАРАШАУАЙ ХУНКЕР ПАТЧАХНЫ КЪЫЗЫН АЛАДЫ

Гемуда бла Шауай, нартла жаз башы сюрюге хазырлана тургъанлай, Дебетни гюрбежисине келгендиле.

— Бу жаш къарыулу кёрюнеди, нартланы бурундан къалгъан салталарын бир берейик,— дегендиле гюрбежиде тургъан нартла Дебетге.

Ала, эшик артында сюелип тургъан темир токъмакъны Шауайгъа кёргюзтюп, ол аны кётюрмазлыкъ сунуп, масхара этгендиле.

Токъмакъны узунлугъу он къулач, кенглиги да он къулач болгъанды. Сабы да темирден болгъанды.

Шауай салтаны алып ургъанда, тёшню да, темирни да, уруп, кюл этди. Нартла къачып чыкъдыла. Дебет а Шауайгъа:

— Аллах, Аллах, адамланы нек къыраса?— деп сорду.

Багыр айылланы мен айтханча ишлемгенсе, къарыусуздула,— деди Шауай.
— Мен билгенимча ишлегенме, сен айтсанг, айтханынгча ишлерме,— деди Дебет.
— Ишлеген а, айылланы кенгликлери юч къарыш, жасыллыклары бир къулач болуп ишлерсе,— деди.

Дебет айылланы, Къарашауай айтханча, ишледи.

Нартла уа Шауайны юсюнден кенгеш болдула:

— Кеси да алай уллу да тьююлдю, андан биз уллубуз, бу къайры бара болур?— дедиле. Алай анга сорургъа базынмадыла.

— Бу бизни барыбызны да къырып къоярыкъды. Нарт Ёрюзмек, не да амалчы Сосурукъ мында болсала, ала муну бла сёлешир эдиле,— дедиле. Оноулашдыла да: «Экисин да келтирейик»,— дедиле. Ёрюзмекни да, Сосурукъну да чакъырдыла.

Ала:

— Бизден не зат излейсиз?— деп, келдиле.

— Биз танымагъан бир жашчыкъ келгенди,— деп, болгъан ишни айтдыла.— Аны нек айланнганындан бир жууап алыгъыз деп, аны ючюн чакъыргъанбыз.

— Барыгъыз да, аны бизге да бир туура этигиз,— деди Ёрюзмек.

Сосурукъ:

— Ол жангылычды, ол къонакъ болуп тургъанлай, аны бери чакъыртхан тюз тьююлдю. Сен былай тур, андан бир жууап алалсам, бир кёрейим,— деди.

Ол барып:

— Иш къолай болсун, аланла,— деп, гюрбежиге кирди.— Мен танымагъан бир къонагъыгъыз да барды да, аны манга бир танытыгъыз,— деди.

— Биз кесибиз да сорургъа базынмай турабыз,— дедиле нартла. Сора ол заманда Шауай:

— Аллах, Аллах, «Къонакъ къойдан жууаш» дейдиле, мен адам этми ашайма, менден аллай бир нек къркъдугъыз?— деп сорду.

Нартла:

— Бизни къркъбутхан ол эшик артында тургъан темир токъмакъ болгъанды,— дедиле.

— Да эндиге дери нартладан кългъан темир токъмакъны кёрмсейми тургъансыз? Андан нек къркъбасыз?— деп соргъанды Сосурукъ.

— Токъмакъны кесинден а къркъмай эдик, алай бу жашчык бир затла этгенди да, андан къркъгъанбыз,— дедиле.

— Да бу сизге не зат этгенди да, бир айтыгъыз,— деди Сосурукъ.

— Алып салтаны ургъанды, тёшюн, темирин да кюл этип къойгъанды. Биз да къачып, тышына чыкъгъанбыз,— дедиле.

Сосурукъ хыйлачы айтды:

— Да сиз къонакъгъа, аны атына иги къарагъан болмазсыз. Ол андан ачыуланган болур,— деди.

— Да атын сабан биченибизни юсюне ургъан эдик, кесин а сыйларгъа хазырлана турабыз,— дедиле.

— Къонакъны ашатып, сыйлап, хапар алай сорургъа керекди,— деди Сосурукъ. Ашатдыла, сыйладыла. Сосурукъ айтды:

— Аманла хапар сора билмей эдиле, ахшыла уа хапар айтмай эдиле. Ахшы улан, не айланаса, не жюрюйсе?— деп сорду.

— Хункер патчахны кызын тилей барама да, кисеу нёгерле излейме,— дегенди Шауай.

Нартла айтдыла:

— Бизни сен излеген батырларыбыз барысы да мындадыла,— дегендиле.

Шауай:

— Кимлени бересиз, батырларыгъыз кимледиле?— деп сорду.

— Ёрюзмек бла Сосурукъдан батырыбыз жокъду,— дедиле.

— Алай болса, мен аланы нёгерге алама,— деди Шауай.— Андан сора, кисеу нёгерге эмегенледен да аллыкъма,— деди.

Шауай Ёрюзмекни бла Сосурукъну нёгерлериклерин къабыл этди, атланды. Ючюсю да бара кетип, Гамар кёпюр къулагъна жетдиле. Шауай Ёрюзмекни бла Сосурукъну бир таш артында кёйюп:

— Мен кесим барайым эмегенлеге,— деди.

Гамар кёпюр къулакъдан ётгенлей, эмегенле къолташ ата тура эдиле. Къолташлары уа бир уллу къая болгъанды. Ол къаяны бир аулакъдан бир аулакъгъа атхандыла. Ол къолташлары, тийген жерин, кёй сюрюулерица, къаралта эди. Гамар кёпюр къулагъна Къарашауай жетгенлей, эмегенле: «Мен ашарма»,— деп бири, «Угъай, мен»,— деп башхасы, даулаш болдула. Эмегенлени таматалары, тогъузбаш эмеген:

— Ашыкъмагъыз, асыры женгил боласыз,— деди.— Къарашауай деген ол эсе да, билмейсиз,— деди.

— Уллу кёрюнмейди, гитчечикди да,— дедиле эмегенле.

— Да ол уллу туююдю, гитчечикди,— деди тогъузбаш эмеген.

— Алай болса, аны къарыуун къолташ атып сынарбыз,— дедиле. Шауай кёпюрден ётүп, эмегенлеге:

— Иш къолай болсун, чийбыдырла!— деди.

— Сау бол, сау кел, адам улу, къайдан чыкъдынг сен?— деп жууапладыла эмегенле.

Шауай:

— Кесигизни да не ахшы оюнугъуз барды,— деди.

Эмегенле:

— Санга да къолташ атдырайыкъ,— деп, къаяны къолуна бердиле. Шауай къаяны бир аулакъдан бир аулакъгъа атды. Ол, ала атхан жерден арлакъгъа тийип, жерни къаралтды.

— Атханымда таш бираз терсине кетгенди, бери бир келтирчигиз,— деди Шауай.

Ташны, келтирип, къолуна бердиле. Экинчи атып башлагъанында:

— Энди ташны барлыкъ жерине иги къарагъыз,— деди эмегенлеге. Эмегенле къарап тургъанлай, ташны кёкге атды. Бираздан таш, ызына келип, эмегенлени ортасына тюшдю. Эмегенле, къачып, букъдула.

— Аллах, Аллах, не бек къоркъдугъуз, нек къачасыз?— деп сорду Шауай.

— Энди сени Шауай болгъанынгы билдик. Сен бизни къырыпмы къоярыкъса? Не керек эсе да, этейик,— дедиле эмегенле.

— Мен сизден биригизни киеу нёгерге элтирикме, алай кёп кыйнарыкъ туюлме,— деди.

Сора алайдан тогъузбаш эмеген да, Шауай да, Ёрюзмек да, Сосурукъ да, киеу нёгер болуп, жолгъа чыкъдыла. Хункер патчахны къаласына окъ атым кемине къысылдыла.

— Энди хункер патчахха хапар билдирирге ким барады?— деп кенгеш болдула.

Шауай айтды:

— Мен хункер патчахха жууукъ болургъа деп келеме, манга барыргъа тийиншли туююдю. Сосурукъ, сен жууаплыракъ кёрюнесе, сен барырма эдинг?— деп сорду.

— Быллай иште бир зат къорамай болмайды. Алай, болса да, мен барайым,— деп, Сосурукъ хункер патчахха кетди.

Бара барып, патчахны къаласына жууукълашханлай, бир жаланганч жашчыкъны кийимлерин кеси кийди, кесини кийимлерин а анга кийдирди. Къаланы жанында бугъуп тохтады.

— Къаланы жанында бир жашчыкъ бугъуп, кишиге да сёлешмей турады,— деп хункер патчахха хапар жетди.

— Аны бери келтиригиз, ким эсе да,— деп, адам жиберди.

Сосурукъ барып, эшик артында бнягъыча бугъуп тохтады.

— Нек буюгъаса, нек къоркъсас?— деп сорду хункер патчах.

— Ызымдан, жерни тепдирип, бир затла кѳуудула, кѳайры жиберлик эдиле, тутдула,— деди Сосурукъ.— Жюрегим да дып-дып этип, сѳлешалгѳан да эталмай: «Мени не этесиз?» — деп сордум. «Кѳюркѳма, ахшы улан, биз сени былайдан узакъ болмай жумушка иебиз»,— дедиле манга. Ала манга бу акъ кѳаланы кѳргюзтѳюп: «Барып, бизни баргѳаныбызны: „Кѳонакѳла келедиле“ — деп билдирмесенг, башынгы кетерирбиз»,— дедиле. Ол мен кѳргенле келселе, сизни да сау кѳоймазла, мени бугѳар жерими айтыгѳыз,— деди.

— Сен, ахшы улан, ызынга кѳайт да: «Сиз-сиз эсегиз, биз а биз-биз», деп айт,— деди хункер патчах.

Сосурукъ, кѳайтып барып, патчах айтханча айтды. Ол заманда киеу нѳгерле кѳаланы кѳатына бардыла.

— Кѳонакѳла келдиле,— деп, хункер патчахха хапар бердиле.

— Кѳонакѳланы нек келгенлерин билигиз,— деп, патчах адамла ийди.

— Хункер патчахны жууукѳлугѳун излеп, аны кѳызын тилей келгенбиз,— деп, жууап бердиле.

— Мени жууукѳлугѳуму излегенден мен кѳачмам,— деди патчах.

— Мени юч башым барды,— деди сора хункер патчах.— Мен айтханланы тамам этсегиз, жууукъ кѳолугѳуздан кѳачмам.

Шауай:

— Жыллыкъ жолну кѳыйналып келгенбиз, жууукѳлугѳунгу излеп. Сени ол юч башынг, не кѳыйын эселе да, толтурургѳа кѳюрширбиз. Аллай юч кѳыйын затынг не зат болгѳанларын айт,— деди.

Хункер патчах:

— Мени бир багѳыр печим барды да, танг атхынчы, аны ичинде туругѳуз,— деди.— Экинчи башым: мени бир кѳуртхам барды да, аны чабып озугѳуз. Ючюнчю башым: мени бир бугѳам барды да, аны хорлагѳыз.

Киеу нѳгерле:

— Этербиз,— деп жууап бердиле.

Сосурукъ ол затны эшитгенде:

— Ы-ых,— деп ахтынды.

— Нек ахтындынг, Сосурукъ?— деп сорду Шауай.

— Сиз билемсиз, ала барысы да бек кѳыйын затладыла,— деди Сосурукъ.— «Багѳыр кѳызгѳанлай» деп эшитмегенмисиз?

— Аны эшитгенбиз, алай ол не затды?— деп сорду Шауай.

— Ол а багѳырдан ишленген бир юйдю. Ол юйню кѳыздырып, кѳып-кѳызыл этип, бизни аны ичине жѳярыкѳдыла, тѳзген кѳалай этерикбиз ансы,— деди Сосурукъ.

— Анга не амал, не оюмугѳуз барды, нѳгерле?— деп сорду Шауай. Тогѳузбаш эмеген айтды:

— Суу отну ѳчюлте эсе, мен тенгизни бир уртлагѳанлай, эниште чѳкдююрме,— деди.

Сора Сосурукъ тогѳузбашны:

— Бар да тенгизни суундан уртлап кел,— деп ийди. Ол барып, бир уртлап, тенгизни суун чѳкдюреди. Келип, багѳыр юйню ичин суудан толтурду. Эки такѳыйкѳадан кѳызгѳан печ сууну кѳурутду.

Ол заманда Кѳарашауай ары кирип:

— Мени ѳсдюрген буз сѳммекле, болушугѳуз!— деп юфгюргенде, юйню тѳрт мюйюшюнде буз тѳбеле болдула. Андан сора ол багѳыр юйге Шауайны киеу жѳнгерлерни кирдиле. Ол буз тѳбеле да эригенлей, юй да сууугѳанлай тургѳанды.

Хункер патчах:

— Кѳонакѳланы кѳрюп келигиз,— деп, адамларын жибереди.

— Кѳонакѳла ашай-иче турадыла,— деп келедиле ала.

— Мени печимде ала эндиге дери кѳалай чыдарла?— деп, патчах, уруп, бир кѳарауашыны башын кетерди.

Бираздан сора башха къарауашын жиберди. Ол да, барып, кёрюп келди да эм кьоркъаракъ болуп, жууукъ бармай:

— Манга ийнанмай эсенг, бар да кесинг къара,— деди.

Хункер патчах, алагъа барыргъа ыйлыгып, къаланы башындан къарап, сау-саламат тургъанларын кёрюп:

— Биринчи иш тамам болду. Энди уа чабып, къуртхамы озсунла,— деп, къуртхасын чабаргъа жиберди. Нартла да чабаргъа Ёрюзмекни жибердиле.

Ёрюзмек дегенинг-къаялада кийик аякълы эди,

Сёлешгенде — багъыр жаякълы эди.

Ёрюзмек дегенинг — ёзден эди,

Кёп кыйынлыкълагъа тёзген эди,

5 Бели бауу да жезден эди.

Къуртха бла кетди чабаргъа,

Къуртха Ёрюзмекни алдар мурат этди.

Къуртханы хуржунунда суулукъ бар эди,

Къуртха айтды:

10 — Хункер патчахны кызы да эрге чыкъмай кълсын,

Къарашауай да къатын алмай кълсын!

Ашайыкъ, ичейик,

Къол тутушуп, тынч-тынч бара барайыкъ,

Белгиге да тенг чыгъайыкъ,

15 Биз да аланы халларына къарайыкъ!

Къуртха сыраны Ёрюзмекге ичирди,

Къуру суулукъну къулагъына салып,

Ёрюзмекни жукълатып кетди.

Аны бла къуртха муратына жетди.

20 Сосурукъ тенгизлени тюбюнде юзмезлени санаучу эди.

Ол кёзден бек жютю болуучу эди.

— Хей! Шауай, къуртха Ёрюзмекни жукълатып кетди,

Кеси да муратына жетди, бизге этерин этди.

Сосурукъ дегенинг, атхан огъун жерге салмаучу эди,

25 Кишиликке жетсе, бир адамдан да

Артха кълмаучу эди.

Сосурукъ уллу садагъын алып а тартды,

Ёрюзмекни къулакъ тюбюнде суулукъну атды.

Ёрюзмек уянып, секирип къопду,

30 Бир секирип, жеталмады къуртханы,

Экинчи секиргенде — къуртха бла тенг болду.

Къуртха батмакъгъа батды,

Ёрюзмек белгиге алгъа жетди.

Хункер патчах:

35 — Мени къуртхам къайда кълды?— деген сорууна

Ёрюзмек анга жууап берди:

— Жолларыгъыз кыйын жолладыла,

Къуртхагъыз батмакъгъа батды,— деди.

— Аха,— деди патчах,— экисинден къутулдугъыз.

40 Энди, барып, бугъаны тутугъуз.

Бугъа жер юйден, гюрюлдеп, чыкъды,

Къарашауай аны, эки мюйюзюнден сермеп, жыкъды.

Къарашауай, тартып, бугъаны бойнун юздю,

Бугъаны башын патчахны аллына сызды.

45 Киеу жёнгер сора патчахны кызын алып кетди.

Къарашауай жортууулгъа кеси жангызлай барыргъа бек суйгенди. Бир эртенликде, ол, эртте къобуп, атасы Алауаннга келди.

— Атам! Сен мени къагъанакълай элтип кетип, тауда бузда къоюп кетген эдинг. Мен анда бир-бирде буз эмизикле эмип, бир-бирде уа акъ маралны сютюн ичип, алай ёсгенме. Андан бери кёп заманла озгъандыла. Алай анамы жанындан жууукъланы кёрюрге, аланы таныргъа бир жангыз да тюшегенди. Къайда жашагъаларын билмейме, барыр жолну танымайма. Сени ол тийрследе бола тургъанынгы хапарын манга къарт атам Дебет айтханды. Сен эркин этсенг, ана жанындан жууукъланы бир таныр эдим,— деди.

— Эй, жашым, мен сени ары барырынга угъайлыгъым жокъду. Алай ол сен барлыкъ жерледе адам улу жашамайды. Ол тийрелери тауладыла, тар ауузладыла, терен къолладыла, къалын агъачладыла. Аланы ичинде «Элхур» деп, жангыз бир ёзен барды. Анда эмегенлени тукъумлары эм желмауузла жашайдыла. Нартладан да ол жерлени кёпле танымайдыла. Жолу къыйынды, ахырзаманды. Бармай болмайма дей эсенг, сакъ бол! Эмегенлени къолуна тюшсенг, ала санга бир да бет этмезле,— деди Алауан.

Къарашауай атасына бек ыразы болду, къуанды. Гемуданы жер юйден чыгъарды, сылады, темир бурхуладан тойдурду, къылычын биледи, садагъын хазырлады, азыгъын артмакълагъа жыйды.

Экинчи кюн танг аласы бла жолгъа чыкъды. Азмы, кёпмю барды, аны ким билсин, кечиулери болмагъан эки — юч черекден Гемуда секирип ётдю. Андан бир ёзеннге чыкъдыла.

— Атам «Элхур» деген ёзен бу болур,— деди.

Эслеп къарагъанында, ёзенни ортасында юч тёбе кёрюндю.

Къарашауай ол ары-бери кёче тургъан тёбслеге жууугъуракъ баргъан заманда, ала тёбеле туюл — юч мазаллы эмеген. Бир нарат терекни, тамырлары бла къобарып, бир бирлерин аямай сопакълай тургъанлай, юслерине барды. Нартны кёргенлеринде аланы жагъалашыулары тохтады. Эмегенле бир аууздан:

— Ой, бизге къол жагъым келеди!— деп къууандыла.

Къарашауай ат белинде тургъанлай, къатларына жанлап:

— Ишигиз къолай болсун, арыгъан чийбыдырла! Не аман кюн келгенди сизге, бу ариу ёзенни, баргъан сууланы къызыл къан нек этгенсиз?— деп соргъанды.

— Адам улу, биз бир юйюрденбиз — къарындашлабыз. Бири биринден багъалы болуп, атабыздан юч зат къалгъанды. Биз аланы юлешалмай, даулашка, туююшге къалгъанбыз. Сора арабызны къолташ атып айырыргъа умут этдик. Къолташ атып, ким озса, ол затладан бек сыйлысын анга берирге оноулашдыкъ. Хар бирибиз ючюшер кере атдыкъ да, бирибиз да хорлаялмадыкъ,— деп, эмегенле уллулугъу гебен чакълы болгъан, алайдан танг кесек узакълыкъда бир ташны кёргюзтдюле.

— Ол сиз юлешалмай, сизни аллай бир туююшдюрген, алай багъалыла не затладыла?— деп, сорду Къарашауай.

— Аладан бири сибил бёркдю. Ол бёркню башына кийген, не къарангы кече да, кёкде, жерде, тенгиз тубюнде, къалын агъачны ичинде, тау къоллада не болгъанын кёреди. Эмегенлеге душман чабыууллукъ этерге тебирсе, ол затны алгъадан билдиреди,— деди эмегенлени таматалары.

— Экинчи зат а неди?— деп сорду нарт.

— Экинчиси — жантауду,— деди ортанчы къарындаш.— Ол жантау къолунда болгъан бир да апчымай жашарыкъды. Аны бир къыйырын къолунг бла тутханлай, узунлугъу жетгинчи атып къойсанг, ол тийреде болгъан битеу кийик жаныуарла жыйылып къаладыла. Жугъутурла, кийикле алай жыйылгъанлай, садакъ бла ат да, къаллай бирин аудурсанг — ала сенидиле,— деди ортанчы эмеген.

— Да, ол да иги затды. Аны да ангыладым. Ючюнчюсю уа неди? Ол а не хайыр берликди?— деп сорганды Къарашауай.

Кичи эмеген айтды:

— Ол кийиз къамичиди. Не улуу ырысхыны да, аны бла кысып, «Элт ары, келтир бери!» — дегенингей, айтханынги этип кыояды.

Эмегенлени айтханларына тынгылап туруп, Къарашауай айтды:

— Мен сизни ыразы этип, арагъызны айырайым. Къолташ атып, биригиз биригизни хорлаялмагъаныгъызны кесигиз манга айтдыгъыз. Энди сиз чабышыгъыз да, алгъа келген юч затдан сайлагъанын алсын, экинчиге келген — экинчисин, артха келген а къалгъан затны алсын,— деп, эмегенлени юч кюнлюк жаяу жолгъа жиберди.

Ала кёзден ташайгъанлай, Къарашауай аланы затларын жыйды, Гемудагъа салды, Элхур ёзенни тегерегине да бир чапдырды. Сора, келе, жантауну кыйырын тутханлай, жерде сюркеди, къадар кийик жаныуарла жыйылдыла. Аладан бир къауумун ёлтюрюп, кийиз къамичи бла кысып: «Элт нартлагъа»,— деди. Къарашауай Нартха къайытды. Къарашауайны къайытханына улуу той-оюн къурадыла.

95. КЪАРАШАУАЙ ГЕМУДАДАН КЪАЛАЙ АЙЫРЫЛГЪАНДЫ

Къарашауай бла Гемуданы кёп хапарлары барды, аланы барысын да айтып бошаргъа бек кыйынды. Ала бирге кёп жигитликле эте келип, ахырында Минги тауну тюрбюне баргъандыла да, Гемуда:

— Мен былайдан энди ёрлеп кетеме,— дегенди.— Аллах алай буюргъанды. Минги тауну башына чыгъарыкъма. Хайда, сен а энди къайт, Къарашауай, суйгенингей жашарса,— деп, алайда саламлашып, жилип экиси да, Гемуда учуп кетеди.

Минги тауну тёппесинде айрысы барды. Аны Гемуданы туягъы тийип этген эди, дейдиле. Минги тауну башында шауданчыкъ болгъанды да, дей эдиле. Энди жокъду ол шауданчыкъ. Шауданны эки жанында эки жипи топалчыкъ болгъанды. Гемуда бирин ашап тауусхунчу, бирси жанында кырдык чыгъа эди. Ол бир талай заманга дери шаудандан да иче, кырдыкдан да отлай, алай тургъанды. Ол эки топалчыкъла аны ач этмегендиле. Ол суудан ичгенге къартлыкъ жетмей эди деп, алай айтадыла. Алай жашай тургъанды да, андан артха Аллах билсин, къалай болгъангды, Гемуда да жокъду алайда. Энди ары чыкъмагъан адам да жокъ. Ол Къарашауай бла Гемуданы ахыр хапарыды.

96. КЪАРАШАУАЙНЫ КЪАРА СУУУ

Алауган улу Къарашауай Минги тауну башында жашагъанды. Минги тауну айрысында жерни къазып, бир ариу чокъуракъ суу чыгъаргъанды. «Минги тауну ёлмез къара сууу»,— дегенлери олду.

Къарашауай, Минги тауну бузларын бузуп, ууакъ томуруп, башха амалы болмай, буз гыртланы гыржын орнуна ашап, ызындан къара суудан ичип, алай жашагъанды.

Мардасыз кёп жашагъан адамны кёрселе, бюгюн да анга: «Минги тауну сууун ичген болур эди»,— дейдиле. Учуп барып, бюгюн да къанатлыла ёлмез суудан ичип турадыла. Алагъа тауну башына чыкъгъан, адамлагъача, кыйын тюрюлдю да. Ол себепден кёп жашай болурла ала.

Къартланы айтханларына кёре, Къарашауай, кесини нарт нёгерлери бла бирге,

- Кёп кере жортууллада болгъанды,
 Кёп кыйынлыкъга тюбегенди,
 Эмегенле бла сермешгенди,
 Аланы хорлап келгенди.
- 5 Кесини игилиги бла, батырлыгы бла
 Нартланы бек игилеринден
 Бирине тергелгенди.
 Ол хар бир тюрлю кыйынлыкъдан да
 Хорлап чыкыгъанды.
- 10 Эмегенле нартладан къарыулу болсала да,
 Ол аланы хорлап тургъанды.
 Ала бла кюреше кетип,
 Аланы барын да къыргъанды.

Ол нарт элlege, нарт жерlege чапхан жаула бла да кюрешип келгенди.

Хапарга кёре, жылланы биринде: «Къыбылама жанындан нарт жерlege жаула киргендиле»,— деп къуугъун келгенди. Нартла алагъа къажу атлангандыла. Къарашауай да ала бла болгъанды.

Жауланы излей, айлана-жюрюй баргъанда, Къарашауай, къалай эсе да, нёгерлеринден айырылгъанды. Бара барып Доммайлы башы таулада, чаука сюрюуча, кёп санлы бир затланы эслеп, ала таба баргъанды. Барса, ала уа ол хапарлары чыкыгъан жаула болгъандыла.

Къарашауай бла аланы арасында уруш башланганды. Ол аланы кёбююн къыргъанды, къалгъанлары къачып тебиргендиле, ол да аланы ызларындан къуугъанды.

Ол аланы ызларындан къуууп баргъан заманда, Гемуда бир таудан бир таугъа секиргенди. Ол секирип, бирси таудан жерге тюшгенинде, ал аягы бла уллу къара жассы ташны басханды. Гемуда асыры залымден, кючю бла келип ташха тийгенинде, аны ал аягы ташха батханды. Ол аны тартып, андан чыгъаргъандан сора, аны туякъ ызы ташда къалгъанды, аны себепли ол ташха «Къарашауайны Гемудасыны ташы» дейдиле. Ол бусагъатда да Доммайлы деген кышлыкъда турады. Къарашауай, жауланы ызларындан жетип, аланы къырып бошاپ, Минги тау таба кетгенди.

Къарашауай да, Гемуда да ёлмегендиле, саудула деп, хапар алайды. Айтыугъа кёре, ала Минги тауну тийресинде жашайдыла. «Къарашауай ары нек баргъанды?»— десегиз а, ол сабий заманында Минги тауну бугъейлери анга эмчек болуп, ол аланы эмип ёсгени ючюн баргъанды. Къайда, къалай айланса да, къартайып тебиресе, адам туугъан, ёсген жериге тартынады, дейдиле.

Айтыугъа кёре, Минги тауну тёппесинде, бугъейле ичинде дарман шаудан барды. Жайны чиллесинде аны тегерегинде кём-кёк кардык чыгъады. Ол кезиуде Гемуда ол шауданнга барып, андан ичип, аны тегерегинде отлап, бир къауум кюн турады. Сора андан кете тебирегенинде, ол дарман суудан элтип, Къарашауайга да ичиреди. Алай бла, ала экиси да, къарт болмай, не ёлмей, Минги тауну тийресинде жашайдыла.

V. ЭКИ-ЮЧ НАРТ БАТЫР БЛА БАЙЛАМЛЫ ТАУРУХЛА БЛА ЖЫРЛА

98. ЮЧ НАРТ БЛА ЮЧ ЭМЕГЕН

Эртде заманлада юч нарт къарындаш болгъанды,
Быладан бири нарт Сосурукъ Коштан тауда жашагъанды.
Экинчи нарт Дых тауда туугъанды,
Муну аты Къарашауай болгъанды.

5 Ючюнчю нартны аты пелиуан Ёрюзмек болгъанды,
Кеси да Тихтеннген тауда туугъанды.

Была ючюсю да юч тауну нартлары эдиле. Коштан тауну кюнлюм жанында эки башлы бир эмеген жашагъанды, аны аты Желбыдыр болгъанды. Дыхтауну кюнлюмюнде да юч башлы бир эмеген жашагъанды. Аны аты Менгиреу Ючлеме эди. Тихтеннген тауну артында ючюнчю эмеген жашагъанды. Ол тёрт башлы эмеген эди, аты Тёртлеме болгъанды.

Нарт Сосурукъ бла Желбыдыр эмеген, бир бирлери бла жау болуп, кюреше башлагъандыла. Желбыдыр, Жел Тейриси бла антла болуп, суйген заманында Коштан тауну артындан желин ийдирип, нартланы сабанларын, ёсе келгенлей, жерге жатдыра, къыш болса, топурагъын сибире да, ташларын, зыгырын кюя, нартланы амалсызлыкъгъа кюйгъанды. Былай бла нартлагъа ачылыкъ киргенди. Кеслери гыржынсыз, маллары биченсиз кългъандыла.

Сора, нартла, жыйылып, оноу этгендиле. Амал тапмагъанларында, Сатанайны чакъырып, анга соргъандыла. Ол айтханды: «Желбыдырны хорлагъан бек кыйынды. Ол Жел Тейрисини шуёхуду. Тотур айында ол Жер Тейрисине, жел тилей, Апсатыгъа мал тилей, барлыкъды. Жел Тейрисинден кёрюк аллыкъды, аны басып, тауланы жел, боран этдирликди. Аны бла, биягъыча, бизни сабанларыбыз битмезча, топурагъын сибиртирикди, юйлерибизни бузарыкъды. Апсатыдан а, ол кезиуде ач болады да, мал тилей чыгъады, мал бермесе, кёрюкню басып, тауланы боран этдирип, къауданланы жандырып, Апсатыны малларын кырады.

Сиз а ол кезиуге: «Апсаты ийгенд,— деп, бир бёлек кийик малла сюрюп: „Апсаты быланы санга жыллыкъ жасакъгъа ийгенди“,— деп, дорбунуну аллына барыгъыз».

Нартла Желбыдыргъа барыргъа Сосурукъну айыргъандыла. Сосурукъ биргесине жети нарт уланнны алгъанды. Алагъа, союп, бир буу, бир доммай, бир жугъутур, бир тууар, бир къабан, бир гаммеш, бир да айыу тулукъла бергенди. Быланы бергенден сора, Сосурукъ, Сатанай юйретгенча, былай айтханды: «Биз атланып жортууулгъа, жолубузгъа чыгъайыкъ. Барлыгъыбыз — Коштан тауну аууп, аны кюнлюм жанында Желбыдыргъады. Хар биригиз кылычларыгъызны, садакларыгъызны алыгъыз. Эмеген Желбыдырны чегине жетгенде, хар ким кесини ол мен берген жаныуар къапларыгъызгъа кирирсиз, кесигиз, ол жаныуарлача, тауушла этерсиз. Мен а, сюрген кибик, тыйгъан кибик эте, барырма. Алай, Желбыдыр эм алгъа къайсыгъыз болса да, биригизни жутмай кюймаз, аны ичине киргенде не тели этерча, не да жукълатырча, не да ёлтюрюрча бир ууну жаныгъызгъа алыгъыз, жутханлай, ууну не аш орнуна не да жюрегине кююгъуз»,— деп юйретди.

Бу оноудан сора, Сосурукъ айтханыча этип, жортууулгъа чыкъдыла. Ура,

бара кеп, Коштан таудан кюнлюм жанына аудула. Алай ауушдан ауа туруп, желден ауалмай, бек кыйналдыла. Ол заманда Желбыдыр, нартланы сабаннга чыгьаргьа жуууклашханларын, жерни эрип бошаучу заманын билип, Жел Тейрисини кёрюгю бла юфгюртюучю заманы болгьанын нартла билдиле «Теркирек барып, Желбыдырны жоймасакъ, юйсюз, элсиз этеди»,— деп, аны чегине жетдиле. Айтханларыча, нарт жашла жетиси да, жаныуар, хайуан кьаплагьа киргендиле. Кими буу, доммай, жугьутур, тууар, кьабан, гаммеш, кими да айыу болдула. Сосурукъ, быланы сюрюучюлери болуп, кютген кибик эте барып, Желбыдыр эмеген жашагьан дорбунну аллына жетерге, Желбыдырны Коштан тауну башында кёрюкню, нартла элине буруп, баса тургьанын эследи. Сосурукъ сагьыш эте кетип, кьалай этерге билмей, бираз шургуланды. Болса да, Сосурукъ суу тауушун эшитмеген сыбызгьысын алып, Коштан тауну башында кёрюкню басып, дунияны жел этдире тургьан Желбыдыргьа:

«Нарт Сосурукъдан келечиге келгенме,—
Малларындан юлюшонгю ийгенди.
Санларына кетмез ауруу тийгенди,
Нарт эллери жел от бла кюйгенди»,—

деп, сыбызгьыны согьуп чакьыргьанды. Желбыдыр, сыбызгьы тауушну эшитип, гур-гурдан кьыра, эки башын эки жанына санлай, дорбуннга жуууклашханда, тюрлю-тюрлю малланы кёрюп, аууз суулары агьа, Сосурукъгьа кьарады. Сора: «Адам улучугьу, кьайданса, бу гумулжукла кибик, малчыкъланы кьайры сюресе?» — деп сорду.

«Жел Тейрини шуёху, мени нартла келечиге ийгендиле. Желинг эллерибизни бузгьанды, сабанларыбыз топуракъсыз битмегендиле. Биченлерибизни желинг бла чачханса, малларыбыз арыкьдан кьырыладыла. Апсатыдан ёнкюч алып, бу малчыкъланы санга нартланы таматасы саугьагьа ийгенди, жасакъ малларыны уа семиртип, кьан-кьун киргенден сора иерикдиле»,— деди.

Былай сёлеше, экиси да Желбыдырны дорбунуна, малланы да сюрюп, кирдиле. Дорбуннга киргенлей, Желбыдыр дорбунну эшигине бир уллу кьаяны келтирип, киши чыгьалмазча бегитди. Ингирикде дорбун кьарангы болуп башлагьанлай, онг башында, мангьалайында жангыз кёзюн жандырып, дорбунну жап-жашил жарытханды. Дорбунну бир жанына узалып, беш уллу нарат терекни отха салып, отну уллу жакьгьанды. Юсюне беш бугьа сыйынган кьазанны салгьанды. Сора дорбунну артына кирип, андан бир адам учаны, бир ат мыллыкьны, бир да эшек мыллыкьны чыгьарып, кьазаннга салды. Быланы кьазаннга салып бошагьандан сора, Сосурукъгьа айланып:

«Адам улу, не айланаса, не жюрюйсе? Бу мал кибиклеринг ас-мус, адам ийис нек этедиле?» — деп сорду.

«Да мени нартла санга ийгендиле деп айтхан эдим да. Жазлыкьда малла арыкь боладыла. Ас-мус ийис а айыу этеди. Алай барындан да айыуну эти татлы болады. „Ол иги болур, муну эти татлы болур“,— деп нартла даулаш болгьандыла. Аны ючюн хар малдан бирер тюрлюсюн санга жибергендиле. „Ашап кёрсюн да, кьайсын жаратса, малла семирген заманда, аллай малла жасагьы ючюн иербиз“,— деп ийгендиле. Экинчи сенден нартланы тилегенлери уа: „Кёрюгюнг бла жел этдирме, эллерибизни бузма, жауун туманланы желинг бла чачма“,— деп тилеп ийгендиле»,— деди.

Сора, Желбыдыр, ачуланып: «Сосурукъ кеси кьайдады?» — деп сорду. «Ол ит ауруудан ауруйду. Санларында ит, бёру кючюкле сынсыгьан тауушлары эшитиле, жатады, ол узакъ бармай ёллюкдю»,— деди.

Ол заманда Желбыдыр: «Сен кьазанны кьайнат, мен ол ас-мус адам ийис этгенни кьабып, бир аууз кир этейим»,— деп узалып, айыу кьапта тургьан нарт

улуладан бирин жутду. Бир кесек тургъанлай экинчиге «бууну» жутду. «Жюрегими шор тарагъаны кетди, энди мен бир кесек жукълайым»,— деп, сыртындан тышдю. Сора, жатып бир кесек тургъанлай: «Ой, аш орунумдан, жюрегимден ёлеме»,— деп тыпырдап башлады. Эмегенни дорбунну жап-жашил жарытхан, кече кёрюучю кёзю ёчюлдю.

Эмеген алай онгсуз болгъанын кёргенлей, жаныуар къаплагъа кирип тургъан нарт уланла, къапларындан чыгып, Желбыдырны тегерегинден кими садакъ бла, кими да къылычлары бла уруп ёлтюрдюле. Негерлерин чыгырыргъа ичин жардыла. Кёп излей кетип, бирин жюрек тамырыны ичинде, экинчи негерлерин а, бек кёп излеп, бир бурун тешигине жабышып тургъанлай, сауут-сабалары бла сау-саламат тапдыла.

Танг атып дорбуннга къарагъанларында уа, адам, мал сюекледен бир жаны агъарып, эмегенни эшикге чыккъан жеринде уа кирлерини ичинде алтын, кюмюш уруш сауутладан топпа-толу эди. Сосурукъ, быланы нарт негерлерине жыйдырып: «Кетейик, барып Желбыдырны ёлтюренибизни нарт элибизге айтайыкъ»,— деп тебиредиле. Болса да, Желбыдыр дорбунну эшигине салгъан къаяны аудуралмадыла. Не этерге билмей, ач да болуп, бир бёлек кюн турдула.

Бир заманда дорбунну тыш жанында мур-мур тауушла эшитиле башлагъандыла. «Маф-таф-уф-къуф»,— деп, эмеген тил бла бир бирлерине бир затла айтханларын эшитдиле. Нарт уланладан бири эмеген тилни билгенди. Ол нарт улан: «Кёрюкню юфгюртюучю къайда болур?» — деп айтадыла, деди, нарт тилге кёрююп. Былай эте келип, эмегенле дорбунну эшигинден къаяны жанына алып салдыла. Дорбунну эшиги ачылып эмегенле ичине кирдиле. Киргенлей, Желбыдырны ёлгенин кёрюп: «Мында ас-мус, адам ийис барды»,— деп излеп башлагъанлай, нартла эмегенлени мангылайларында жангыз кёзлерине садакъла бла уруп, сокъурла этдиле. Бир эмегеннге алтын, кюмюш сауут-сабаларын жюкледиле. Экинчи эмегенни юсуне миндиле. Башларына сынжыр жюгенле салып, эллерине келдиле.

Болгъан хапарларын нартлагъа айтып, той, оюн эте тургъанлай, Дых таудан Къарашауай деген нартдан къуугъун жетгенди. Нартлагъа къуугъун келгенлей, оноу, кенгеш болдула.

* * *

Коштан тауну нартлары, Къарашауайдан келген къуугъунну кёре, бир терен агъач къолну таласына жыйылдыла. Коштан тауну нартларыны башчысы Сосурукъ ол талада, кёп малла сойдуруп, жетмиш жети къазан асдыргъанды. Хар къазанда жетмиш жети малны этин биширтгенди. Ол Коштан таудан алып келтирген эки кёзсюз сокъур эмегенлени да сойдуруп, кеслерин бир уллу къазанда биширтгенди. Этлеринден хар аскерге барлыкъ нарт уланнга бирер къабын къабаргъа буюргъанды. «Шорпасындан экишер урлагъыз, къышда сууукъ болдукъ туююлсюз, къанларындан хар биригиз хазырны ичи бла бирерин жаныгъызгъа алыгъыз, атхан огъугъуз жазмаз,— дегенди.— сюеклерин атмагъыз, хар биригизге онушар садакъ болдукъду. Садакъ окъла этип, жепханыгъызгъа салыгъыз. Ол окъланы атсагъыз, къаллай ташдан да ётерикдиле.

Кёз чунгур жауларындан алып, кёзлеригизге сюртююз. Бир кёзюгюз кече сууда баргъан тюкню кёрюп, кёкге къарасагъыз, Темир Къазыкъ жулдуз да не барын, не жогъун танытыр, жерге къарагъанда, жер къарнында не сейирлик болгъанын кёргозтюр.

Экинчи кёзюгюз кюнде къамамаз,
Сууукъда бузламаз,

Кече жукъуну унамаз,
Илишанны тюз тутдуруп,
5 Садагъынгы огъун тюз урдуруп.
Дагъыда эмегенлени терилеринден чабырла этигиз.
Ала жылтырмазла, чачылмазла,
Ташда, къаяда, тауда, бузда учмазла,
Тенгизге, суугъа киргенде батмазла»,—

деп, юйрестип айтханыча, кѣп аскерни хазырлап, Дых тауда эмегенле бла уруш эте тургъан Къарашауай деген нартха кетди.

Келе келип, Дых тау тарыны аякъ жанында аскерлери бла тохтап, Къарашауайгъа: «Келгенбиз нарт аскерле»,— деп келечи ийгенди. Ийген келечиси: «Къарашауай Ючлеме эмеген бла Дых тауну артында урушдады. Ол ары кетгенли бир бѣлек заман болгъанды, андан бери кесинден, не да аскеринден хапар жокъду»,— деп, хапар алып къайтды.

Сора, Сосурукъ аскерлеринден бирине: «Кѣзюнге ол эмегенни жауундан игирек сюрт да, Дых тауну артында не бар эсе да къарап, манга айт»,— деди. Ол аскерчиси, эмегенни кѣз жауундан сюртюп, къарады да: «Дых тауну артында къанлы уруш барады»,— деп хапар берди.

«Дагъыда, иги къарачы, ким кимни хорлайды?» — деп буюрду. Ол аскерчи дагъыда иги тинтип къарады да: «Къарашауайны эмен терекледен от этип, анга атхандыла. Отну уллулугъундан Дых тауну артында чыранлары къалмай эригендиле, къаялары, ташлары ачылгъандыла. Чыранладан келген ырхыла тереклени, ташланы элтедиле.

Къарашауайны аскерлерин хорлап, бир дорбуннга жыя турадыла. Къарашауайны уа ол жаннган отну ортасына дорбасын бла атхандыла. Алай ол, отда кюймей, къатып, къурч темирча бола турады», — деп хапар берди.

Олсагъат Сосурукъ аскерлерин хазырлап, Дых тауну артына тебиреди. Тюбюнде миннген аты Дулдур ат болгъанды. Дулдур Гемуда атны эгечинден туугъанды. Дулдур да, суйсе — эки аякълы, суйсе — алты аякълы, керек заманда — адам тили болгъанды. Кишнесе — кишнеген тауушундан ууакъ ажирле къырылгъандыла, бууаз байталла ташлап, къысыр байталла бууаз болгъандыла. Кесини узунлугъу тогъуз къулач, бийиклиги беш къулач, къулакълары бирер къарыш болгъанды.

Сосурукъ аскерини аллында бара, Дых таугъа жетдиле, кече чыранла тюбюнде къалдыла. Не аз да сууукъ болмай, бузламай, танг атдырдыла. Алайдан да атланып, тауну ауушуна чыгъаргъа, къарангы кече болду. Кюндюз кѣрюучю кѣзлерин къысып, кечеги кѣзлерин жандырып, тауну арт жанына ауа барып, уллу суугъа тюбедиле. Андан да, батмай, жибимей, ётдюле. Кюн исси болуп башлагъанда, ол эмеген жауну болушлугъу бла исси да, сууукъ да болмай, Менгиреу Ючлемени чегине кирдиле. Ол заманда Сосурукъ аскерлерине: «Садакъ окъларыгъызгъа эмегенни къанындан сюртюп хазырланыгъыз, кѣзлеригизге, къылыларыгъызгъа да ол жаудан сюртюп хазырланыгъыз», — деп буюрду.

Аскерлери, ол айтханча, хазырландыла. Сосурукъ алагъа кѣкде Темир Кызыкны атдырды — жаздырмай урдула. Кылычлары бла эмен, чынар тереклени, уллу къая ташланы серметип кѣрдю — къуйрукънуча, сапынныча, кесдиртдиле, от этдирип, отха атдырып кѣрдю, алай от аланы кюйдюрмеди. Ол заманда: «Аскерлерим тамам хазырдыла», — деп, Ючлеме бла урушха тебиреди.

Кѣп терен агъачладан, къолладан ёте, жорта барып, Менгиреу Ючлеме эмегенни жашагъан къаяларыны ичинде бир дорбунну кѣрдюле. Дорбунну аллында тау киби от жана тура эди. Отну ортасында, тѣгерегине къарап, кюле тургъан бир нартны эслегендиле. Къатында да юч башлы бир эмеген, отну ышырып, жандыра тургъанын кѣргендиле. Сора нарт Сосурукъ аскерлерине айтханды:

«Алгъа мен, барайым да, Менгиреу Ючлеме бла саламлашайым. Алай ол сангырауду, жукъ ангыламаз, ким биледи, манга чабаргъа болур. Чапса, сиз къоркъмагъыз, мен аны юч башын бирден кетерирме, Къарашауайны отдан алып ат артына миндирирме. Ол заманда Ючлемени аскерлери манга чабарла, сиз да ол кезиуде аны аскерлерине чабыгъыз, кылычларыгъыз бла сермегиз, бир жартыгъыз да, садакъладан тартып-тартып, окъланы юслерине жаудуругъуз», — деп, Дулдур атына минип, от таба тебиреди.

Жолда Сосурукъну Дулдуру. «Сен менден тюш, мени былайда къой, мен кесими кишиге тутдурмам. Ючлемени къатына мени бла барсанг, аны ийиси, тылпыуу манга ургъанлай, ёллюкме», — деп, адам тили бла сёлешди. Сора, Сосурукъ, Дулдуру айтханча этип, эмегенни къатына барыргъа кюрешсе да, отну кызыулулугъу жуукълашыргъа къоймады. Ол заманда отну ичинде тургъан Къарашауай, жана тургъан отну турушунлай, къып-къызыл от шинли буз этип къойду. Кеси уа эрип, бузлугъу кетип, темир киши болуп чыкъды.

Менгиреу Ючлеме уа, Сосурукъну кёргенде, юч аузун да ачып: «Къайсы аузума кирирге ыраыса, тишлериме бир жагъым боллукъса», — деп, ауузларын ачып, кёзлерин жумду. Ол заманда Сосурукъ, кылычы бла уруп, юч башын да бирден тайдырды. Ючлемени хырылдап аугъанын кёрюп, эмеген аскерле, ташланы алып, атып, ауузларын ачып былагъа чапдыла. Сосурукъну аскерлери да, былагъа айланып иймей, юч кече бла юч кюн уруш этгендиле.

Уруш баргъан заманда, Къарашауайны кёрюмдюсю гитчерек болгъаны себепли, жетип-жетип, эмегенле муну жутхандыла. Къапхан-къапханын кимини ичин бузлатып, кимини да жюрегин, ашхынын кюйдюрюп чыкъгъанды. Сосурукъну аскери, эмегенлени хорлап, дорбунда бекленип тургъан Дых нартны аскерлерин чыгъаргъанды. Алай бла Дых тауну бу чегет жанында жашагъан нартла эллерине сау-саламат къайтхандыла.

* * *

Бир бёлек жылла кетгенден сора, Тёртлеме, Тихтенген таудан аскери бла пелиуан Ёрюзмекни эллерине чабыууллукъ этгенди. Ол кезиуде пелиуан Ёрюзмек нарт жыйыны бла жортууулгъа кетип болгъанды. Аны ызындан къуугъун этип билдирирча нартладан адам табылмагъанды. Сора, Ёрюзмекни обур къатыны Сатанай жек бла Тыхтенгеннге хапар ийгенди: Ёрюзмек хар затны тюшюнде кёрюрча этгенди.

Пелиуан Ёрюзмек жортууулда жукълагъанда элин ач къаргъала басып, ырхыла талап, Жер Тейрисин хорланып кёргенди. Эртденлигинде уянып: «Тюшюм жюрегими булгъайды, акылымы чайкъайды. Элибизни Кёк Тейриси ургъанды, эллерибизни бир жау басханды, артыбызга кетерге керекбиз», — деп, аскери бла ызына айланды.

Келе келип, Сосурукъну, андан да бери ауа келип, Къарашауайны аскерлерин да алып, Бештамакъ тюсюне жыйылдыла.

Алайда, аскерлерин сынар ючюн,
Кёкге садакъларын атып кёрдюле,
Кёкден садакъ окъла къанга боялып тюшдюле.
Садакъларын жерге-жерге урдула,
5 Окълары жерни бириси жанындан,
Кюмюшча жылтырап, чыкъдыла.

Тергеп къарагъанда: «Эмегенлени кёкде тейрилерин ургъанбыз, энди жауунла жауарла, жели туманланы чачмаз. Жер Тейриси сауду — окъла таза жылтырап чыкъгъандыла, жер кырдык берликди», — деп къууандыла.

Бештамакъдан атланып пелиуан Ёрюзмек аскерле бла элине тебиреди. Ура,

жорта, келип элге кирди. Элге жетгендей, секирип, атындан эл ныгышында тюшгенди. Тёрт жанына къараганды. Жангыз да адам кёрмегенди элинде. Ожакъла тютюнсюз, тыпырла да адамсыз, орамла сабийсиз, отоула келинсиз, баула малсыз, ындырла, сабанла черенсиз болуп, къуругъан тыпырла, сууугъан босагъала болуп тургъанын кёрдю. Тюшюнде тюшлери жюрегин булгандыргъанларын, акылын чайкъагъанларын эсине тюшюрдю. Аскерлерин алай Бердибий ташында кююп, тегерекке къарай-къарай, элни ал жанында Нарт ташына барганды. Нарт ташны башына кюноп, алабоюн къаргъаны, терсине айланып, ачы-ачы кычыргъанын эслегенди. Ачыуу чыгып, чабып кваласына къараганды. Къарагъанында, кваласында кююп кетген ариу Сатанайы жокъ. Аны алтын чачыны бир жартысы юзюлюп, кваласыны кьадаууна кысылып тургъанын кёргенде, эки кезюне кван чабып, элине эмегенле кирип, болганны сюрюп, ашап кетгенлерин билгенди. Терк окъуна ызына, аскерлерине къайтып, къаргъа айланып кычыргъан жанына атланды.

Келе келип, бир уллу тауну тюбюне жетди. Асыры къарангылыкъ кысхандан, кезню кезге урсанг кёрюнемезча болду. Ол заманда ол ёлтюрген эмегенлерини кез жауларындан кезлерине сюртдюле. Кезлери, чолпан жулдузлача, жылтырап, жанып, алларын, кюнча жарытдыла.

Жолда аскерле ач болуп, жюрюялмай башлагъандыла. Аскерини ач болуп, амалсызгъа квалгъанларын кёрюп, нарт Ёрюзмек нартланы Тейриси Жер Тейрисине жал барганды. Эмеген жауундан кезлерине сюртюп, жерни теренине къараганды. Жерни теренинде Тейрини жукълап тургъанын кёргенди. Сора жанындан узакъгъа кычырыучу къулакъ мюйюзюн алып, Жер Тейрисине.

«Аскерлерибиз ачдыла, улоуларыбызны да отлаулары болмай, ачдан баралмайдыла. Кёк Тейриси айны, кюнню жарыгын тыйып, жолубузну тыйганды, болуш, аш бер, жал барабыз!» — деп кычырды. Ол заманда Жер Тейрисинден: «Аскерлеринг кёкге садакъладан бирер окъ атсынла. Садакъларыны окълары кваннга боялып тюшселе, кюн да тиер, ай да чыгъар, танг да атар, жауун да жауар, ол заманда эмегенлени Тейрилери ёлгенин билигиз. Мен да жерни жумушатырма, кырдыкны бошларма, сабанланы битдирирме, тереклеримден кегетле берирме. Апсатыны малларын берирме, этлерин ашарсыз, терилерин аскерчиле юслерине киерле, ол заманда уруш жолугъузгъа барырсыз, душманларыгъызны хорларсыз, он кюнню сабыр этигиз», — деп, жерни тюбюнден таууш келди.

Бу тауушдан сора Ёрюзмек нарт аскерлерине жолгъа чыкъмазгъа, он кюнню алайда солургъа буйрукъ берди. Ол кече алайда танг атдыргъандыла. Танг атханлай, кёкге садакъларын тутуп бирер атдыла. Окълары кызыл кваннга боялып, бары да ызларына тюшдюле. Окъланы жапыларындан эмегенлени Тейрилери ёлтюргенлерин бидди.

Алгъа кёкню бети кван кибик къазарды, аны ызы бла кван жауун жауду. Арадан бираз озгъандан сора, кёк кюкюреди, жер бууаз болду, терекле чагып, кегет этди, сабанла баш къусуп, мирзеу этди, кырдыкла ёсюп, бичен чалынды. Апсатыны маллары семирди, терилерин аякъ, юс кийим этди, этлеринден тоюп, шорпасындан ичди.

Сора, пелиуан Ёрюзмек, кёкде кюнню кезюне ийнени салып: «Ким атып урса да, мени орнума нартлагъа башчы ол боллукъду, урушубузда биз хорласакъ, Тёртлемени хазнасы да аны боллукъду», — деди.

Былай бла Къарашауайны, Сосурукъну, Ёрюзмекни аскерлерини ортасында атышыу барды. Бир киши да уралмады. Эм ахырында пелиуан Ёрюзмек кеси, уруп, ийнени агъызды. «Таматалыкъ сеникиди», — деди нартла.

Аш да, суу да, кийим да хазыр этип, нартла эллерин къурутуп кетген Тёртлеме эмегенни жерине тебиреди. Бара барып, Тихтенген тауну ауушунда, Бий къачы деген жерде тохтап, Тихтенген таудан кимни садакъ огъу ётерикди

деп, юч нарт да сынашханда, Сосурукъну садакъ огъу тауну бир жанындан ётюр, экинчи жанындан чыгып, бир дорбунну аллында кюннге кесин кыздыра турган Тёртлеме эмегенни бек мажал кёзюне тийгенди. Ол кёзю кыяулу болганды. Къалган юч кёзюнден бириси кече, экинчиси кыш жараган, ючюнчюсю уа бирине да жарамган, бош жылтырауукъ болганды. Сора, экинчиге Къарашауай атды. Огъу тауну ол жанына бурнун къаратып кьойду. Ючюнчюге пелиуан Ёрюзмек урду, огъу доммакъдан болганы себепли, тауну ортасындан ары бармай, гуппуш болуп къалды. Бу иште башлыкъ нарт Сосурукъга берилди.

Алайдан бара барып, Тёртлемени жерине жетгендиле. Тёртлеме эмегеннге жууукълашханда, пелиуан Ёрюзмек Тёртлемеге аскерлеринден бирин: «Нарт улулары аскер бла урушурга келебиз, жигит эсенг, хазырланып тур», — деп ийгенди. «Мен келечиме», — деп келгенди ол Тёртлемеге. «Да, адам улу, келген эсенг, игиди, алай тюненеден бери кёзюме бир шинжи чанчылганды да, кёзюм алас-булас кёрюп турады, ичигизде кёз устагыыз жокъмуду? — деп сорду эмеген. — Мени аскерлерим бу ыйкъда мында жокъдула, нартла элинден келтирген малланы, адамланы тегереклерин бегите турадыла. Бу бизни тауланы ташлары жумушакъды да, Минги таудан таш ташыргъа жартысы да ары кетгендиле. Аскеригиз, ала келгинчи, сабыр этсин, угъай дей эсегиз а, аскерим келгинчин, юч жигитим барды, ала бла жигитликни сынаша турайыкъ», — деп келечини ызына къайтарды.

Келечи келип нарт улуларына хапарны ангылатды. «Сора, алай эсе, сиз былай туругъуз, биз ючюбюз да барайыкъ да, не жигитлери, не оюнлары бар эсе да, кёрейик!» — деп, Тёртлемеге кетдиле.

Тёртлеме, саламлашып, Сосурукъну, Къарашауайны, пелиуан Ёрюзмекни къонакъга алды. Ашатып, ичирип бошагъандан сора, кесини юч жигитин чакъырды. Сора, Тёртлеме, садакъ окъ тийген кёзюм кьолу бла тутханлай, кеслерини ойнаучу жерлерине элтгенди аланы. Алгъа: «Атышмы, тутушму, нарт улулары?» — деп сорганды. «Сюйсенг атыш, сюйсенг тутуш», — деп тутушдан башладыла. Алгъа Ёрюзмек чыкъды. Ёрюзмекни белинде сынжыры, юсюнде кубеси, кьолунда кьол къаплары болгандыла. Тёртлемени да тюз аныча темир кийимлери болуп, тутушуп тебирегендиле. Алгъа эмеген, сермеп, кётюрюп жерге урганды да, тобукъларына дери жерге батдырганды. Экинчи Ёрюзмек, сермеп алып, урганды да, эмегенни белине дери жерге батдырганды. Артда эмеген сермеп, Ёрюзмекни жерге урганды, ол да аны белине дери жерге батдырганды. Сора, кезиу Ёрюзмекге келип, Жер Тейрисинден тилеп, эмегенни жерге урганды. Жер Тейриси, нарт, жанлы болуп, жерни тылы кибик жумушакъ этгенди. Эмегенни тёрт башын да боюнларына дери жерге сукъганды. Олсагъат Жер Тейриси, таш кибик къатып, эмегенни кысып, аузундан, бурнундан къанын келтирип, ёлтюргенди.

Ёрюзмекни пелиуанлыгъын кёргенде, къалган эмегенле къоркъгандыла. «Бу былай этген, ол артха аяп турган экиси оюнларын этселе, бизден къаллыкъ жокъду?» — деп, айтханларын этерге бой салгандыла.

Алайда нартланы малларын, адамларын кеслерине къайтаргандыла. Адамланы, малланы аскерлерине берип, алгъа ашырып, юч нарт да кеслери артха къалып къалган эмегенлени кырып, эллерине алай къайтхандыла.

99. ЁРЮЗМЕК БЛА СОСУРУКЪ

Нарт Ёрюзмек бла Сосурукъ бир кюн къоркъакълыкъны бла батырлыкъны юсюнден сёлеше келип, Ёрюзмек Сосурукъга: «Дунияда адам неден къоркъа болур, мен анга сейир этеме. Игисаган, ол „къоркъган“ деген зат къалай болур?» — дегенди.

Бу сёзле Сосурукъну жүрегине тюшюп, эсинде къалгандыла. Бираз заманда озгъандан сора Сосурукъ:

«Ёрюзмок, кел былай жортуулгъа чыгъайыкъ»,— деп, сѐлешгенди. Былай бла экиси да, нартладан да алты жѐнгер алып, сегизеулен болуп кюнбатыш жанына кетгендиле. Къолладан, къулакъландан ѳте, барып бир черекге жетгендиле.

Ёрюзмок алайда, атындан тюшюп, бауурланып сууну ийисегенде, бурнуна эмеген этни ийиси ургъанды. Бармагъын сугъуп, аузуна, тилине жетдирип кѳргенди. Бармагъындан тамгъан тамычы, тилин саргълалтып, тишлерин къаматханды. Сора Ёрюзмок сууну татыуун, болумун нѳгерлерине айтханды. Ол заманда Сосурукъ:

«Эй, Ёрюзмок, сууну башында эмегенле жашайдыла. Ала хар заманда сууланы бокълайдыла, сиедиле. Ала сууланы, нартла ичмезча ичселе уа, ауруу берирча этедиле. Атларыбызгъа, кесибибизге да бу сууладан ичерге жарарыкъ туюкдю. Атларыбыз ичселе сокъур боллукъдула, кесибиз ичсек — кесибизге келепен ауруу тиеркиди. Эмегенле адам, мал ашагъан бла къалмайдыла. Ала уу жилянланы, макъаланы ашайдыла. Ашларына къундуш къошмай ашасала, ашагъанларын — ашха санамайдыла. Атларыбыз бла суугъа кирирге жарарыкъ туюкдю, андан эсе бир жаны бла бара барып, эмегенле жашагъан дорбунланы мен билеме, аланы огъары жаны бла ѳтербиз»,— деп алайдан озуп, ура-бере кетдиле.

Бара-барып, ахшамны юсюнде, эмегенле жашагъан бир къара дорбуннга жетдиле. Жетгенде — тогъуз эмеген. «Кюн ахшы болсун, сиз акъыллыла, эслиле, эсепчиле, тергеучюле»,— деп Сосурукъ саламлашды.

«Сау болугъуз, сау келигиз, хыйлачы нарт улулары!» — дедиле. Ол кече эмегенле нарт улуларын бир аман ийис этген бир эт бла сыйладыла. Эртденлигинде дорбунну аллына бир уллу къаяны адуруп, нартла чыкъмазча этип, кеслери агъачла ичлерине, жайылышып, кетдиле. Ингирликде, бирер жаныуар ѳлтюрюп, биягъы дорбуннга жыйылдыла. Эмегенлени таматасы нартлагъа айланып:

«Ха,— нарт улулары, бюгече сыйларгъа сизни борчугъузду. Бизде адет — бир кече биз, экинчи кече сиз сыйларгъады»,— деп тохтадыла. Сора нартла, тутуп, бир атларын кесдиле. Бир кече эмегенле, экинчи кече нартла, кезиу-кезиу къонакълыкъ эте, нартланы бир жангыз къолан атлары къалды. Къолан ат Ёрюзмокни болгъанды. Ол ат, нартла элинде айтылгъан, къурч туякълы, темир жаякълы, къарыш къулакълы, жел бла тенг жетген, адам акъыллы Генжетай эди. Ёрюзмок аны, жаны кибик, кѳргенди. Сосурукъ Ёрюзмокке: «Энди сени къоланынгдан башха ат къалмагъанды, аны кесмесек»,— дегенди.

Ёрюзмок: «Угъай, андан эсе кесими кесигиз»,— деп тохтагъанды. Сора эмегенле аны эшитип: «Алай эсе, кесинги кесейик. Бизге адам эти бютюн да татлыды, биз адам эти ашамагъанлы бир ай болады»,— деп тутуп, байлап, бир уллу гыйы ташны юсюне салдыла. Эмегенлени бирлери, къып-къызыл, юч къары узунлугъу болгъан бир багъыр бычакълны, экинчи эмеген да къылкъайракълны алып, бычакълны билеп тебиредиле.

Сора, Сосурукъ, терен сагъышха кирип: «Ха, эслиле, эсепчиле, кече узунду, ашагъан да, ичген да этербиз, бизни нарт эли сизге келечиге ийгенди. „Нек келгенсиз?“ — деп сормагъан сиз, айтмагъан биз»,— деп тохтады.

Эмегенле: «Алай эсе, келечилигигизни айтыгъыз»,— деп, Сосурукълну кѳзюне къарадыла.

Сосурукъ: «Да нарт элде уллу кюреш, туююш болгъанды. Даулаш къайгъы тохтамайды. Тѳшден, чѳгючден, къысхачдан къайсы тамата,къайсы алгъа ишленнгенин билалмай, айыраламайдыла. Энди сиз муну кесигиз, келечиликни жуауабын нартлагъа ким элтирикди — жангыз сѳз ангылагъаныбыз олду?» — деди.

Ол заманда эмегенле къолларын бир бирге уруп, аякъларын къагъып тауланы, къаяланы, кѳк кюкюрегенча, къалтыратып харх болдула. Тамата эмеген:

«Ол телиле къалай билмейдиле, къысхач тамата болгъанын»,— деди. Экинчи эмеген: «Угъай, таматабыз, андан эсе чѳгюч таматады»,— дегенди. Ючюнчю

эмеген: «Сынагъанмы этесиз, огъесе кёлюгюз бламы айтасыз? Барындан да төш тамата болгъанын нек билмейсиз?» — деп, даулаш башланды. «Ол алгъа болгъанды, бу алгъа ишленгенди, ол таматады, бу таматады», — деп, даулашны ахыры къатыш, уруш, туююш болду. Силдешип, сермешип башладыла. Жагъалаша келип, дорбунну эшигине салынган къаяны аудурдула. Дорбунну къатында битип тургъан чынар тереклени тамырлары бла къобарып, бир бирлерин ура, бир уллу терен къолгъа къуюлдула. Ала ары къуюлгъанлай, дорбунда кёзлери химил этип, къартлыкъ хорлагъан бир эмегенни, эмегенлени бир уллу темир арбаларына жегип, анга олтуруп, нартла эллерине къайтхандыла.

Къайтхандан сора — Сосурукъ:

«Ёрюзмок, къоркъгъан не зат болгъанын энди билдингми?» — деп, соргъанды.

Ол заманда Ёрюзмок: «Билдим, кёзюм бла кёрдюм», — дегенди.

«Да алай болса, эндиден сора „Къоркъакълыкъны билмейме, менден батыр, мени хорларыкъ жокъду“, — дей турма», — деди Сосурукъ.

100. СОСУРУКЪ БЛА СИБИЛЧИ

Эртде, бурун заманлада эки нарт къарындаш болгъандыла. Аланы атлары Сосурукъ бла Сибилчи болуп, нарт элlege атлары эшитилди. Кюнлени биринде Сибилчи: «Сосурукъ, кесинг хар заманда жортуулгъа жорюйсе, айланаса, мени да биргенге айландыра, эрликге, батырлыкъгъа, чыдамлыкъгъа юйретсенг а», — деп тилегенди.

Сосурукъ: «Айтханынг тюздю, игиди», — деп, бир жолда биргесине тогъузоуланнны алып, жолгъа чыкъгъанды. Орманладан, сууладан ёте барып, ийис ургъан бир уллу къара төбени къатына жетгенди. Сосурукъ, кесини нарт жыйынын алып, тюзюней ол төбеге баргъанды. Барсала — сыртында, кёкюрегинде тюклери шинжи тереклеча, мыйыклары — лёкъу чырпылача, бири — кече, экинчиси уа — кюндюз кёрген, бурун сыртында эки кёзю, аузуну уллулугъу беш къулач, тишлери да темир ылытхынлача болуп, солугъаны тереклени жел этдирген бир эмегенге тубегенди. Сосурукъ, жете барып, ол залим эмегенге салам бергенди. Ол, салам алгъандан сора, Сосурукъну нёгерлери бла къонакъ этеди.

Къонакълыкъгъа тогъузуна тогъуз къазан асханды. Хар къазаннга уллулугъу төбе кибик болгъан, къурум бетли, бир доммай этни салгъанды. Эт бишип бошайды деген заманда, уугъа кетип тургъан эмеген нёгерлери маралла, буула, доммайла ёлтюрюп келди. Ала да нарт улулары бла саламлашхандыла.

Хапарла, таурухла айтыша, тогъуз кече озду. Онунчу кече эмегенле: «Эй нарт улулары, энди бюгече сиз бизни сыйлар кезиу жетгенди. Сиз къонакълыкъ этерге керексиз», — дегенди.

Сора, Сосурукъ: «Да элибизде, жерибизде болсакъ, биз да мал кесер эдик, былайда небизни кесейик?» — дегенди.

Ол заманда эмегенлени таматасы:

«Сизни уа атларыгъыз барды, аладан бирин кесигиз, ат эти татыулу болады, бизге не эт да бирди», — деп атларындан бирин сойдургъанды. Алай бла бир кече эмегенле, экинчи кече нартла ушхуур эте, нартла атларын тауусхандыла.

Алай эте келип, атларын бошагъандан сора кезиу биягъы нартлагъа жетгенди. Нартланы таматасы Сосурукъ кёп сагъышлагъа, ойлагъа къалгъанды. Эмегенле: «Хайдагъыз, союм этерге кезиу сизникиди, ашатыгъыз!» — деп тохтагъандыла.

Сосурукъ: «Да не этейик, атларыбызны бошадыкъ, сояр затыбыз жокъду», — деди.

Ол заманда эмегенле: «Атларыгъызны тауусхан эсегиз, биз адам эти да ашайбыз, ол бютюн да татыулу болады», — деп тохтагъандыла.

Ол заманда нарт улулары сагъыш этип: «Ма муну кесигиз», — деп Сибилчини кёргюзтедиле.

Эмегенлени башчысы, мур-мур эте, жеринден ёрге кьопду. Узакъ болмагъан бир дорбундан беш къарыш узуну, юч къарыш эни болгъан, кьып-къызыл багъырдан ишленген бир бычакъны алып келип, къл кълракъгъа билеп башлады.

Эки эмеген да, Сибилчини алып келип, союм ташха жатдырып геммеш чындыла бла кълун — аягъын байладыла. Сора, Сосурукъ, кёз кълйырлары бла Сибилчиге къркба болурму деп, къарап туруп, нарт тил бла: «Сибилчи, бект къркъамамыс? Алай бек да къркъама»,— деп билдирди.

«Къалай къркъмазса, кълунгу-аягъынгы байлап, бир бычакъны да алып, аны да къл кълракъгъа билей, союм ташха жатдырсала?» — деди.

«Затдан къркъмам деучю эдинг, эндиден сора алай айта турма»,— деп билдирди Сосурукъ.

Была сёлеше тургъан кезиуде эмеген, женглерин артха кълйырып таш таба атлап башлагъанда, Сосурукъ, эмеген таба бурулуп: «Хей, акъллыла, эслиле, бир сабыр этигиз, кечеле узундула, эт бишер, ашарсыз, тоярсыз. Сиз тергеучюле, эсепчилесиз, биз сизге сорургъа келгенбиз, сормагъан сиз, айтмагъан биз»,— деди.

Эмегенле бу сёлени эшитгенде бир кълуумлары: «Алгъа союп сорайыкъ», башхалары: «Угъай, сойгунчу сорайыкъ»,— деп, даулаш болсала да: «Сойгунчу къларайыкъ»,— деп алайгъа тюзеледиле да, Сосурукъгъа сёз береди.

Сосурукъ айтханды: «Да бизде бир сюрюучю болгъанды. Ол элни юч минг кълуюн бойнуна алып кютгенди. Бир кюн ол кълйланы Минги тау жалпакъларында кюте тургъанлай, кёлню бетин кълара туманла басхандыла. Кёл къларалып, жашнап, кюкюрөп, таулары зынгырдатып, жерни титиретип тебирегенди. Алай эте келип, не хапарлада, не таурухлада эшитилмеген уллу бир буз жауун жетгенди. Ол заманда: „Элни кълуюн бузгъа кълрдырмайым“,— деп, ол сюрюучю къл сюрюуюн аллында жюрюучю башчы эркечни сакъл тълуюне жълйып, кеси да аны тълуюне киргенди. Алай бла, элни кълуюн буздан сакъллагъанды.

Сора, таулары башында бугълейден, чыранладан суу ичип, салкълун этип, тюзледе чибинлени кълйругъу бла кълругъан, асыры уллудан тау тарларына кюдөн сълйынган бир бугъа болгъанды. Ол бугъа Минги тауну жалпакъларыны биринде жатып, ышныр эте тургъанлай, бир кълара кълш жетип, бугъланы кёлюрөп, ала келип, къл сюрюуюн аллында жюрюген башчы эркечни мълюзлерини арасына салып ашай тургъанлай: „Ярабий, буз тохтай болмазмы?“ — деп, сюрюучю кюн кёлуюне къларайма дегенлей, сюрюучюню бир кёлуюне кирчик тълшгенди. Ингирге дери кёлуюн ууа, сюрюуюн юълуюне жълйгъанды. Сюрюуюн жълйгъандан сора, юълуюне келип, анасына, „Анам, бълуюн кёлуюме бир кирчик тълшгенди, къларап бир тил айландырсанг эди“,— дегенди. Анасы уа: „Угълй, кече тил айландыргъан ырысды. Андан эсе эл ичинде Сандыракъ деген уста кълатыннга бар, не этсе да, ол бир мадар этер“,— деп, жашны ары ийгенди.

Жаш нартлары Сандыракъл усталарына баргъанды. Ол сюрюучю жашны кёлуюне къларагъанды. Кълараса, Кълуфу таулары сыртларыча, бир акъл сыртны, кълар жаугъланча, бир акъл тълуюн кёлгенди. Агълч, темир ылытхынлары, кюрө клери, сибиртилери бла токъсан тогълуз адам сюрюучюню кёлуюне киргендиле. Ала кюрөше, тюрте, тебере кетип, бир жауурун кълалакълны кёлуюн ичинден алып, тышына атхандыла.

Эртденликде бир сабийчик бузоуларын кълыстай барып, ол жауурун кълалакълны кълуу бла алып бир жанына атып кетгенди. Талай заман озгъландан сора, ол жауурун кълалакълны юълуюне топуракъл, букълу кълна кетип, кълртыш, кылдык чыкългъанды да, алайда уллу эл орналгъанды. Кёл жылла, ёмюрле кетгенден сора, хар кече сайын, ол элни терезелери, эшиклери башха жанына айланып чыгъл башлагъандыла. Эл уллу кълйгългъл, къркълуугъл кълалгъанды. Кими — эмегенле этедиле, кими — жерни тебиреннгенинден болады деп, тёлрей болгъландыла.

Ахырында, элни төгерегине мараучула, къараучула салгъандыла. Сора, кечелени биринде, бир тюлкючюк келип, элни кыйырында жардан къарап тургъан бир төгerek ташны кемире тургъанын кѳргендиле. Сакълаучула, садакъла бла атып, ол тюлкюню ѳлтюргендиле. Эл жыйылып, тюлкюню бир жаныны терисин сыдырып алгъандыла. Экинчи жанын сыдырырга онг тапмагъандыла, тюлкюню бир жанындан бирси жанына аудурургъа онг тапмагъандыла, тюлкюню бир жанындан бирси жанына аудуралмагъандыла. Алай бла, тюлкючюкню терисини экинчи жанына соялмай, кѳюп кетгендиле.

Тюлкю терини жартысындан элни эр кишилерини барысына да бирер бѳрклюк чыкыгъанды.

Бир кюн а кѳншу эллеринден бир къатын эртденликде ийнек, бузоу кыыстай, кѳлунда урчугъун бура, келе келип, бир жаныны териси союлуп, экинчи жаныны териси уа союлмай тургъан тюлкю мыллыкка жолукыгъанды. „Ярабий, муну экинчи жанын нек соймай кетгендиле?“ — деп, урчукъ сабы бла тюлкюню бирси жанына аудуруп, жашыма бѳрк кыйырлыкъ чыгъаргъа болур деп, союп юйюне элтгенди.

Ол къатын, тюлкю терини жартысына балата этип, ийри агъач бла ийлегенди. Ийлегенден сора, не кюрешип, жашына бѳрк кыйырлыкъ чыгъаралмагъанды.

Энди быладан бугъамы, кышму, эркечми, сюрюучюмю, къатынмы, аны урчукъ сабымы, не да битеу элге бѳрк чыкыгъан тюлкюмю, не да барысындан да ол жашны башымы уллуду деп, нартла даулаш болуп, ахырында араларында туйюш-уруш чыгып, бир бирлерин кырадыла.

Да сора нартланы къартлары оноу этип: „Эмегенлеге барыгъыз, ала терен акъыллыладыла, ала айырыла“, — деп, бизни келечиге жибергендиле. Сормагъан — сиз, айтмагъан — биз“, — деп бошады хапарын Сосурукъ.

Ол заманда эмегенле къашларын-башларын туйюп, бир бирлерине къарашдыла. Ол уллу, бу уллу деп, кызадан кыза, бир бирлери бла туйюшюп башладыла. Была бу заманда нартланы да беклеп, Къуф таулада бир дорбунда болгъандыла. Нартла къачарла деп, кѳркъуп, дорбунну аллына бир кыая жартыны сюеп тургъандыла. Туйюше, жыргыша, талаша келген кезиуде кыалай эсе да бирлерини аягы тийип, дорбунну эшигинден кыая жартыны бир жанына чартлатып, тышына тѳгюлдюле. Тышында, сермеп тереклени тамырлары бла кѳбарып, бир бирлерин ура, аудура, жардан бир терен кѳлгъа кыюлушдула. Ол кезиуде нартла, эмегенлени хазнаралын да алып, кыайгысыз эллерине кетгендиле.

101. СИБИЛЧИ

- Ой, нартла чыкыдыла, кыууаныб,
Борсукъ этлеге да джубаныб.
Туруб джолгъа чыгыб кетдиле,
Бир тууар сюрюуге джетдиле.
- 5 Джокъду былайда сюрюучю,
Кимди, билмейдиле, кютюучю.
Ингирге дери отлалла,
Дорбуннга айланыб башлалла.
Негерлерин кѳюб алайда:
- 10 «Тахса билейим, аланла,
Джашай эселе адамла,
Бизни да кѳонакыгъа алырла», —
Деб, кетди кѳошха Сибилчи,
Чыкыды юч башлы эмеген,
- 15 Мангылайында — бир кѳзю,
Кукадан толуб, айтхан сѳзю.

- Муну дорбунга джыйды,
 Аллына кыаяны сюеди,
 Отну шынкъарт джакъды,
 20 Бир темир тишни табды.
 Учу джити, чой кибик...
 «Тейри берди, деб, адам тишлик!»
 Тиш да кып-кызыл болургъа,
 Эмеген бурулду отун салыргъа—
 25 Сибилчи, сермеб, алды кызгъан тишни,
 Дженгил урду эмегенни кезюне.
 Эмеген сокъур болду,
 Тангнга дери дорбунда кърмаб-излеб турду.
 Сибилчи да къутулду эмеген къркыуудан.
 30 Табмады тышына эшикни.
 Энди къалай ачсын кыая тешикни?
 Танг атды. Кюн тиер заманда
 Тууарла ынгыраб башладыла.
 Эмеген кыаяны азчыкъ ачды,
 35 Хар малын кърмаб, сылаб джиберди.
 Сибилчи кълды ичинде,
 Эмеген этди тинтиуле.
 Ашхам кърангы болургъа,
 Отха отунла салды.
 40 Биягъы тишни Сибилчи,
 Кёргюзмей, отха салды.
 Тиш да кып-кызыл болду —
 Эмеген эшикни ачды.
 Сибилчи, артындан барыб,
 45 Кызгъан тишни чанчды.
 Кыаяны ийиб, Сибилчиге чабды,
 Кезюн мараб уруб, ол да эшикге къачды.
 Эси да эмегеннге кетиб,
 Тюзелиб сюреди деб, къркыуб,
 50 Кеси да, джан солуу этиб,
 Келди нёгерлерине, къутулуб,
 Ач ауузу да суусабдан тутулуб.
 Ол ёзенден къачдыла, кетдиле,
 Кече кългъан джерлерине джетдиле.
 55 Кюлю бери ачдыла:
 От да кюйюб, джукъланыб,
 Къарынны ичинде этлени табдыла.
 Аламат татлы бишиб, джутланыб,
 Адам ашарча, сукъланыб.
 60 Тангны сакъламай, джолгъа чыгъыб,
 Чаба-джорта, бек кыйналыб,
 Айю къакъгъа джетдиле:
 Джартысын къанатлыла ашаб,
 Кългъан-кългъанны кёрдуле.
 65 Къакъ этни тишлик этиб,
 Чабырлары да джылтырыб, тешилиб...
 Къатхан айю терини джибитдиле,
 Тюклю чабырла этдиле.
 Бир кюнню алайда солуб,

70 Кеслери да арыб, тозуб,
Нарт эллерине келдиле,
Сау-эсен джамагъатны кёрдюле.

102. НАРТЛА ЭМЕГЕНЛЕДЕН КЪАЛАЙ
КЪУТУЛГЪАНДЫЛА

Бир жол Ёрюзек, Сосурукъ, Алауган, Ногъайчыкъ деген нартла къалай эсе да эмегенлеге жесирликге тюшедиле. Аланы бир терен уругъа атадыла, къачалмазча тегереклерин иги бегитедиле. Зат ашамай, ичмей, нарт батырла юч кюн бла юч кече ол уруда олтурадыла. Тёрткюнчю кюн Ёрюзек былай айтады:

— Биз не амал этейик да? Урудан кесибиз чыгъаллыкъ туююлбюз, эмегенлени алдамасакъ,— дейди.— Алай мени сёзюме ийнанырыкъ туююлдюле эмегенле. Мен аланы къанларын кёп бузгъанма, кёплерини къарынларында сынагъанма сюнгюмю жютюлюгюн,— дейди.

— Мени сёзюм да жарашырыкъ туююлдю алагъа,— дейди Сосурукъ.— Кёплерини боюнларында сынагъанма къылычымы жютюлюгюн, тыпырларындан отну алып кёп кере къачханма, кёп кере сюргенме кюз артында малларын,— дейди.

— Манга да ийнанырла деп айталмайма. Къызларын ала, къоя да тургъанма. Уучу жерлерине да кёп кере киргенме. Кёплерин терекге байлап кетгенме,— дегенди Алауган да.

Бек ахырында Ногъайчыкъ сөлешгенди да, былай айтханды:

— Эсима бир зат келгенди. Манга ийнансала эмегенле, бизге къутулургъа жол ачыллыкъды,— дейди.

Нартла: «Айт, айт!» — деп къычырадыла.

— Айтырыгъымы жауларыбызны кеслерине айтырма,— дейди Нойгъайчыкъ.

— Угъай, алгъа бизге айт да, биз бир тынгылайыкъ,— дейди Ёрюзек.

— Охо сора, айтайым,— деп Ногъайчыкъ айтады оюмун.— Ала къобуз, сыбызгъы, къарс тауушланы бек сюедиле. Биз алагъа, былайдан чыгып, бир ариу той-оюн кёргюзтейик. Алай андан ары не амал эталсагъыз да, этер амал излегиш,— дейди.

Эмегенле нарт тойгъа къараргъа ыразы боладыла. Была да жер башына чыгъадыла. Алауган терк окъуна балдыргъан къаурадан кесине сыбызгъы этеди. Ёрюзек, къара ажирлени къуйрукъларындан тюкле алып, кесине къыл къобуз этип, согдады. Сосурукъ, эки ташны алып, бир бирге урады. Ногъайчыкъны тепсегенине асыры сейир этип къарагъандан, эмегенле кеслери къарс къагъып тебирейдиле. Сора аланы таматалары:

— Былагъа аш берип ашатыгъыз,— дейди.

Бир кесекден, той да бара, къарангы болгъанлай, тойгъа шайтанла да келип къошуладыла, бек ариу тепсеп тебирейдиле. Эмегенлени къарс ургъанлары уа кёк кюкюрегенча эшитиле эди.

Ол заманда Ёрюзек, къыл къобузун да къоюп, шайтанланы орталарына киреди да, бир ариу шайтан къызны тутады. Аны бла тепсей, хапарларын айтады, болушлукъ тилейди. Ол бек ариу, акъыллы да къыз болады, нартлагъа болушургъа айтады.

— Алай а сиз тангнга дери тоюгъузну тохтатмагъыз,— дейди.

Тангнга жууукъ болгъанда, шайтанла Ёрюзекни, Сосурукъну, Алауганны, Ногъайчыкъны сыфатларына киредиле, нартла этген той-тепсеуню андан ары бардырадыла. Нартла уа ол заманда алайда бара тургъан суугъа кирип, жюзюп суудан ётедиле да къутуладыла.

Эрттенлик болгъаны бла шайтанла да алайдан думп болдула. Эмегенлени ичинде уллу къазауат башланады, бир бирлерин урадыла, туююш башланады. Нартланы излерге уа базынмай къоядыла.

- Юч нарт батыр тюлкю уугъа баргъандыла, дейди.
 Ала барысы да сауут-саба алгъандыла, дейди.
 Аланы таматалары уллукёз Ёрюзмек болгъанды, дейди,
 Ортанчылары — бир сёзде турмаучу Сибилчи болгъанды, дейдиле,
- 5 Кичилери уа темир санлы Сосурукъ эди, дейди.
 Ючюсю да тюлкю уугъа баргъандыла, дейди,
 Къара тюлкюню ызларындан излегендиле, дейди.
 Аны кече жатхан жерин сакъладыла, дейди,
 Аны жюрюген жолун марадыла, дейди.
- 10 Ол жюрюген жолну сакъладыла, дейди,
 Ол жюрюген жерле — къая ыранла, дейди.
 Ол кече къалгъан жерле — къая тапкала, дейди,
 Ол жюрюген жолла — тау ауузла, дейди.
 Нартла жюрюдюле, жортдула, изледиле, дейди,
- 15 Къара тюлкюню ызына тюшдюле, дейди.
 Кёп айландыла, кечикдиле, дейди,
 Ингир кечге дери къалдыла, дейди.
 Къарангы тюшдю, кеч болду, дейди,
 Къарангыдан тюлкю ыз кёрюнмейди, дейди.
- 20 Къайры, къалай барырларын билмейле, дейди,
 Нарт батырланы къарангы къоркъутмады, дейди.
 Узакъ жол аланы талдырмады, дейди,
 Кече алайда къалыргъа оноу этдиле, дейди,
 Кёзлерин къакъмай, тангнга чыкъдыла, дейди.
- 25 Тау ташла тёшеклери болдула, дейди,
 Жууургъанлары кёкдеги акъ булутла болдула, дейди.
 Садакъларын къая жухлагъа такъдыла, дейди,
 Аланы жюрек къайгъылары къара тюлкюдю, дейди.
 Жукълаялмайла жигитле, эрттенлик болурун сакълайла, дейди,
- 30 Ашыкъмайын, дагъыда бир тёгерекге къарайла, дейди.
 Бек ахырда, тау жухда къара тюлкюню эслейдиле, дейди,
 Ючюсю да бирге аны ызындан тебирейдиле, дейди.
 Ючюсю да бир кезиуде садакъларын тартдыла, дейди,
 Ючюсю да бир кезиуде кёзюне марап атдыла, дейди.
- 35 Сора къара тюлкюге чапдыла, дейди,
 Юч садакъ окъну да тюлкю кёзюнде тапдыла, дейди.
 Эрлай аны терисин сыдырдыла, сойдула, дейди,
 Алайда окъуна нартла уллу даулаш болдула, дейди.
 Къалай юлеширге билмегенлей, нарт элине келдиле, дейди,
- 40 Терини юлеширге эркинликни билгич Сатанайгъа бердиле, дейди.
 — Бир бёрклук тери ючюн даулашыргъа жарамаз,— деди,—
 Аны ючюн нарт адетни бузаргъа жарамаз,— деди.—
 Тюлкю терини нарт мюлкде къояйыкъ,— деди,—
 Сизни арагъызда даулашны аны бла бошайыкъ,— деди.
- 45 Юч нартдан да анга ыразылыкъ алды, дейди,
 Багъалы зат нарт мюлкде къалды, дейди.

104. НАРТ РАЧЫКЪАУ

Нартны малы чалманладан чыгып, кёчюп келе, Адил сууну бойнунда тохтагъан эди. Къырс-бийче, эки къарауашы бла, гёгенлени алып, Адилге келиучю эди. Нартны къойчусу Ёребаш айтхан эди нёгер жашлагъа: «Ол жанына ким ётюп, Къырс бийчени къарауашын тутуп, этерин этип, ким келсе, юч минг къаракъулакъ ириклени саугъагъа берирме»,— дейди. Сора Ёребашны жыллыкъ жалчысы, эки гыбытны кёпдюрюп, эки къолтугъуна салып, къыз келирге Адил суугъа секирди. Ол жанына ётюп, бугъуп, Къырс бийчени къыз къарауашы келгенде, сермеп къолгъа алды. Жаш ишин тамамлап, нарт Ёребашха ётдю.

Алайдан Къырс-бийчени къыз къарауашы къайтып барды. «Ай, аман къыз, чачынг-башынг а нек тозурагъанды?» — деди Къырс-бийче.

— Охо, бийче, бир жаныма, ай,
Экинчи жаныма кюн тийгенди,
Этегиме къойчу ит сийгенди,—

деди къарауаш.

Сора, кюнюн, айын санап, ол къарауаш бир улан тапханды. Къырс-бийчеден къоркъуп, мелте бла чулгъап, бир къюбюрчекге салып, Адил суууна атханды.

Шубадина улу Бадинат чабакъчы эди. Сууда бара тургъан къюбюрчекни Шубадина улу Бадинат тутады. Сора нёгерлери бла чабакъла юлеширге башлагъанда: «Къюбюрчек сениди, къаратон къатынынг ийнесин, халысын сала туруп, юйюнге элт»,— деп буюрдула.

Юйюне элтип къарагъанда — бир ариу жаш. «Энди бизге Тейри насып берди», — деп къууанч болдула. Сора алайда, къатыны аны бла бир оноулу болуп, сабийни кишиге билдирмей, белине быстырла салып, быдырын чыгъарып, къатынны атын бууазгъа чыгъарды. Бир заманда: «Нарт Бадинатны къатыны улан тапханды»,— деген хапар жайылды. Жашчыкъгъа Рачыкъау деп атадыла.

Ёсе келип, Рачыкъау иги улан болгъанды. Бир жолда: «Мен атланмай болмайма»,— деп, атасы Бадинатдан тиледи. Атасы ыразы болмай атланды.

Аны жолда келгенин кёрюп, Къырс-бийчени къарауашы былай айтып барды:

«Охо, бийче, ёзенде бир атлы келеди,—
Аягъындан чыкъгъан топуракъ
Тауну, ташны жабады.
Кёкде къанатлыла башлары бла учадыла,
5 Къарын тюбю бла къоянла къачадыла,
Бурун тешигинден ургъан тылпыу, жел болуп,
Тереклени, орманланы аудурады».

«Бар да, алай эсе, аллын сакъла, ол: „Кюнюнг ахшы болсун!“ — дер, сен а: „Сау бол, сау кел, жууукъ бол! Къайтсанг — алгъышым, къайтмасанг — къаргъышым, экиси да тенг жетсин“,— де»,— деп, юйретди анга бийче.

Рачыкъау къарауашха: «Бир суусап берсегиз эди, къайтыр эдим»,— деди. Сора мынга улду гоппан бла чыгъарып, къара сыраны бердиле. Аны ичип бошагъанда: «Экинчи да бир берсегиз эди, суусабым бираз къанар эди»,— деди. «Экинчи гоппан сыраны энди биз анга берсек, ыстауат олтургъанча, хар затны

кзурутур, жокъду дегиз, бермегиз»,— деди Къырс-бийче. Экинчи аякъ бермедиле. Сора Рачыкъау озуп нартлагъа кетди.

Кетип бара, жолда юч эмеген къолташ ата тургъанлай юслерине барды. «Хей, адам улу, кел,— деп чакъырадыла.— Ма, ат»,— деп гебен кибик бир ташны бердиле. «Бу а ташмыды?» — деп, бир уллу къаяны алып, таулары юсю бла атып, ол жанына аудурду. Аладан кетип, Рачыкъау нартланы элине киргенди. Киргенде, нартла ач, суусуз, сабийсиз, малсыз тургъанларын кёрдю. Нартла анга тарыкъдыла: «Баш жаныбызны эмегенле алгандыла. Сабансыз, малсыз, сабийсиз этгендиле. Жети башлы эмеген суубузну башын кесгенди. Сугъарыргъа, ичерге суу бермейди. Хар кюнде бир сабий, бир ат, бир тууар бермесек, суу да бермейди. Мурулдагъаны, хурулдагъаны бла жукълатмайды. Къарнындан желин жиберсе, юйлерибизни аудурады. Жел ийген тауушу къаяланы зынгырдатады. Ийиси, кир этгенде, дунияны кюкюретеди».

Рачыкъау, нарт эли тарыкъгъанын эшитип, къылкъыяр къылычын къыл къайракъга биледи. Кёкге къарап, Кёк Тейриден, жерге къарап, Жер Тейриден, суугъа къарап, Суу анадан тилекле тилеп, бир къаразыгъыр, суусуз къолну бойну бла тебиреди.

Бара кетип, бир уллу къая жарылгъандан сууну акъгъанын кёрдю, Дагъыда, эс этип къарагъанында, жети башлы эмеген тарны толтуруп жатханлай, жети башын кезиу-кезиу салып, къая жарылгъандан бир тамычысын да къоймай, сууну иче тургъанын кёргенди.

Сора, эмеген да, муну келгенин кёрюп: «Адам улу, нек келесе, жасагъымы нек алмай келесе?» — деп чамланнганды. Ол заманда нарт улан Рачыкъау: «Эй, жети башлы эмеген, халкъны желмаууз кибик сермеген, тай былайдан!» — деди. Бу: «Угъай!» — дегенди.

«Сора алай эсе, атышмы, тутушму?» — дегенди Рачыкъау.

«Сюйсенг атыш, сюйсенг тутуш!» — деп, эмеген атышып тебирегенди. Алгъа эмеген атып, Рачыкъау башында бёркюнден садакъ огъун ётдюргенди. Экинчи, Рачыкъау атып, аны бир башында жангыз кёзюнден ургъанды.

Алай бла, атышны къюп, тутушха айланнгандыла. Алгъа эмеген сермеп, кётюрюп, Рачыкъау тобукъгъа дери батдыргъанды. Экинчи Рачыкъау сермеп алып, ургъанда, белине дери жерге сукъгъанды. Андан сора, эмеген, сермеп, Рачыкъау кёкюрегине дери батдыргъанды. Арт кезиу Рачыкъау болуп, кючюн, къаруун жыйып ургъанда, эмегенни тюз боюнларыны хурмустукъларына дери жерге сугъуп, онгсуз этгенди. Къылычын, сууруп, ургъанда, жети башын бирден къыйпагъанды.

Жети кече, жети кюн, къолну толтуруп, къан ырхы келгенди, нартла эли къууанч болуп, сора ариу суу ичгендиле.

105. НАРТНЫ КЪОЙЧУСУ СОЗУККУ БЛА БЁДЕНЕ

Эй, нарт элинде жашай эди Созукку,
Нартны да къойчусу болуп а тургъан эди Созукку,
Эй, бек да чомарт да болуучу эди да Созукку.

- Жети жылны уа жалчыда туруп а Созукку,
5 Жети жылгъа жети кый алып а чыкъгъан эди да Созукку.
Эй, жети да жол айырылгъанда къош да салгъан эди Созукку,
Жети жылы уа жетгенде, кыйларын санагъан эди да Созукку.
Эй, жети минг а этген эди да Созукку,
Эй, алайдан а Адил сууну бойнуна кёчген эди да Созукку.
10 Адил сууну бойнунда жетмиш чалман этип,
Къойланы къозлата эди Созукку.

- Нартны элинден а бир къарауаш кыз а
 Къолунда да эки жез къумганы бла уа,
 Аллында къара сууладан алмай а,
 15 Келип Адилден а суу алычу эди.
 Эй, къойчулагъа къол булгъап, аланы ачыудан а жарыучу эди.
 Эй, бир кюн а, эрттенликде жауун болуп а,
 Къойчула да, къозу ийип а, къощда эдиле.
 Эй, биягъы кыз а, эки жез къумганын а алып а,
 20 Адилни бойнуна келип а, къойчулагъа къол булгъай эди.
 Эй, Созукку да, кызны кёрюп, айта эди:
 — Эй, бу кызны уа хар кюнден да кёреме,
 Эй, этерге амал билмей, ачыудан а ёлеме.
 Эй, Адилден а ким ётсе да,
 25 Эй, кызны уа ким тутуп
 Экинчиден къайтмазча уа ким этсе да,
 Эй, ишекледен сайлап жюз ишек берир эдим а,— дейди Созукку,
 Эй, Созукку да, не берсе да, Адилге да киши базынып а киралмай эди.
 Эй, ол заманда, арлакъда уа олтуруп,
 30 Айран иче уа тура эди бир чыгырчыкъ:
 — Эй, Созукку! Жюз ишеки да манга берсенг эди,
 Къутуруп а келген Адилден а мен а ётер эдим а,
 Эй, ол кызгъа уа мен сен айтханны уа этер эдим.
 — Эй,— деди Созукку,— сен а асыры жашса, Бёдене,
 35 Эй, Адил суудан ёталмазса, кызгъа да бир хата да ёталмазса!
 — Эй, Созукку! Ёталмасам — кёрюрсе,
 Ёталсам а — жюз ишеки берирсе!
 Эй, Бёдене да, Адил суууна кирип,
 Ары жанына бек кыйналып ётеди.
 40 Ол кызны да Адил бойнунда жетеди,
 Ол къарауаш кызгъа этерин этип, ызына уа ётеди.
 Къарауаш а, сууну да алып, Къырс-бийчеге баргъанды,
 Къырс-бийче: «Ай, уялмагъан,
 Быллай бир нек къалдын?» — деп соргъанды.
 45 — Да, бийче, мен эрттенликде
 Къонакъ юйде къонакъны жерин жыйгъанда,
 Бир эшикни ары ачyp, бир эшикни бери ачханда,
 Этегиме кюн таягъы тийген эди,
 Юсюме уа къойчу ит да сийген эди.
 50 Къарауаш кыз бууаз болгъан эди,
 Кезиуюнде бир ариу жашчыкъ тапхан эди,
 Ариу мелтелеп, жашны мамукъгъа чулгъап,
 Кюбюрчюкде аны Адил суугъа атхан эди.
 Нартны тамата уланы Чюмедийни къатыны къаратон эди, дейди,
 55 Ол айлана кетгенде сууну жагъасы бла, дейди,
 Къушла къаркъ-къркъ эте эдиле, дейди.
 Ыргъай къармакъны атып,
 Чюмедий кюбюрчюкню чыгъарды, дейди,
 Ачса — ичинде кёзю жаннган бир жашчыкъ, дейди.
 60 Зат айтмайын нёгерлерине,
 Кюбюрчюкню башын жапханды, дейди,
 Нёгерлерине былай айтханды, дейди:
 — Кюбюрчюкню къарт къатыныма халы-хулу жыяргъа мен алайым, —
 дейди.

Сары Чюмедий юйюне келип:

«Къатын, къарнынг аурумай сабий тапханса энди: „Бууаз болгъанма“, де да, къарнынга быстырла байла»,— дегенди. Сора: «Чюмедийни къатыны бууаз болгъанды»,— деп нартха суйюнчюню жибергендиле. Суйюнчю нартха барып кый-тхынчы, ызындан экинчи суйюнчю барганды: «Чюмедийни къатыны жаш тапды»,— деп. Дуния сейир болганды.

Жашчыкны атына «Рачыкъау» деп атагъандыла. Ол сабий ёсюп, жашла бла ашыкъ ойнап башлагъанды. Аланы ашыкъларын кытса: «Атанг Чюмедий ёлмесин, ашыкъларыбызны бер»,— деселе, жашчыкъ: «Кытып алгъанма, атам Бёдене ёлмесин, бермем!» — дей эди.

106. НАРТ БЁДЕНЕ

Нартланы заманында Чабакчы Бёдене деб болганды. Юйдегиси, ёзгеси болмагъан киши. Чабакчы Бёдене къармакъ бла чабакъ тутуб турганды Терк сууну бойнунда. Чабакъ тутаргъа Бёдене кюру да бир нёгери бла барыб турганды — арбачы джаш бла. Эртденбладан кюнортагъа дери Чабакчы Бёдене къармакъ салыб, арба бла бир чабакъ тутуб, сора ол нёгери да аны арбагъа джюклеб, алыб юйге кете эди.

Дагъыда тогуз къарнаш болгъандыла Чабакчы Бёдене чабакъ салгъан джерде джашагъан — Терк сууну бойнунда. Аланы бир джангыз эгечлери болганды. Дунияны башында ала ол эгечлерине келтирмеген зат болмаганды, асыры бек суйгенден, кийик сют ичириб джашатхандыла кесин да. Къыз да, кюн таякъча, бир сейирлик джан болганды.

Сора бир кюн барганды Чабакчы Бёдене ол къыз тургъан юйню туурасына, чабакъ тутаргъа къармакъ атар мурат бла.

Къармагын салыб, чабакъ тута башлагъанды ол юйге туурада. Сейирсиниб, джумушчусун ийгенди ол къыз:

— Бар да ал да кел манга ол адамны. Къоркъмай, былайгъа келиб чабакъ тутхан, мени къарнашларымдан джигит ким эсе да, ол тутханларын да алыб келсин,— деб. Салыб барганды джумушчу Чабакчы Бёденеге, бийчеге тутханын да алыб кел, деб.

— Бийчени анга къарыуу джетмез, ол аллай багъалы затды! — деб, накъырда этиб иеди Чабакчы Бёдене.

— Тобаста, мен бир билейим, не затды ол, ол мени къарыуум джетмезлик заты? Бар, ол адамны тутханын ал да кел! — дегенди бийче биягъы джумушчугъа. Унамаганды биягъы чабакчы тутханын берирге. Дагъыда бир барганды, дагъыда унамаганды.

— Манга,— дегенди чабакчы,— бийче тюймесин, кямарын берсин. Берсе, кесим да барыб, элиб кёргюзтейим.

Барганды да джумушчу бийчеге айтханды чабакчыны айтханын.

— Чакъыр да кел, берейим айтханын,— дегенди бийче.

— Алгъы бурун аланы бери ал да кел,— дегенди Чабакчы Бёдене.

Сора барыб юй джумушчусу ол къызны эм белгили затларын: тюймесин, кямарын келтириб бергенди Бёденеге.

Чабакчы Бёдене алыб барганды төрт-беш чабакчыны; юч айры тиш этиб, тишлегенди, къып-къызыл этиб. (Ол сапыран чабакъла уа татлы боладыла.) Къыз джаратыб ашагъанды. Ашагъанды да сорганды Чабакчы Бёденеге:

— Мени къарнашларымдан къоркъмай, былайгъа чабакъ тутаргъа къалай келгенсе?

Чабакчы Бёдене:

— Сен кесинги къарнашларынгдан джигит джюкъду,— деб тургъанса, алай а мен аладан джигитме. Сен меннге кел! — дегенди къызгъа. Къыз аны керти да

джигит адам болганын таныганды. Дуниягъа айтылган тогуз къарнашны джангыз эгечлери Чабакъчы Бёденеге къачханды да кетгенди.

Алай багъалатыб турган эгечлерини чабакъчыгъа къачыб кетгенине къарнашлары чамлангандыла да къызны харам этгендиле. Ол тогуз къарнашны эм тамадаларыны аты Соджук болганды. Джюреги эгечини ол ишине асыры жарылгъандан, (андан акъыллы джокъ эди дейдиле дуния башында) акъылындан тайышыб къалганды. Сора, эгечлерин унутуб, джашла анга дарман излеб тебргендиле. Дунияда ала бармаган джер къалмаганды.

Соджук а, эртденбла эртде туруб, акъ ташланы акъ къойла этиб, къара ташланы къара малла этиб, ала бла ингирге дери ойнаб турганды. Ууакъ ташчыкъланы къозула этиб, «къойланы» эмизгенди...

Сора, излей баргандыла да, къарнашла бир къарт къуртханы табхандыла.

— Не зат бла ойнайды? — деб сорганды къарт къуртха. Да, былай деб, хапар айтхандыла къарнашла. Алагъа къарт къуртха:

— Терк бойнунда, жети минг къой сыйынырча, джети чалман этигиз. Сора ол чалманлагъа алтышар къой атыгъыз, бир къудрет къочхар да атыгъыз. Къош да ишлегиз, он джылгъа ашар азыгъын да салыгъыз. Бир юре билмеген кючюкню да, бир джангы тилленген джашчыкъны да къатына атыгъыз, бир он джылгъа дери сиз алайгъа басмай туругъуз... Соджук алайда он джылны кеси джашаб турсун. Сабий бла кючюк ёсе, эс кире барса, анга да акъыл къайта барыр.

Этгендиле къарт къуртха айтханча. Джети чалман эшиб къош этгендиле, азыкъ ташыгандыла. Юре билмеген кючюкню да, джангы тилленген джашчыкъны да атхандыла алайгъа. Соджукну алайгъа элтиб, кетиб къалгандыла.

Сора он джылдан, ол къатын тюз айтдымы, терсми айтды, не къудрет — аламат иш болду бу, деб, джыйылыб салыб баргандыла. Барсала — бир къайыр ит чыкъганды алларына. Ит, быланы алларын алыб, не къошха, не ызларына джибермей турганды. Сора бир джашчыкъ чыкъганды къошдан, ариу, бойлу джашчыкъ. Ол итни такъганды.

Кирселе — Соджук, хайт деб бираз эс кириб, чалманланы ичлери къойдан толуб, хар зат джарашыб тура. Къысырла бла саулукъланы бир-биринден айыра билмегендиле да къошдагыла, — къысыры, саулугъу да бирге.

Джашла къысыланы, саулукъланы айыргандыла. Сора ол кюн, ала болган заманда, Соджук Терк башында Къайын башы деб бир джерге кютерге къыстаганды къысыланы. Кеси да ызларындан кетгенди, ити да биргесине.

Ол заманда уа, Терк башында. Соджукну къошундан огъары барыб, нартла деб бир залимле джашагандыла.

Бир нартны къатыныны юч джыйырма къарауашы бар эди дейдиле. Аланы бирин нарт къатын суугъа джибергенди. Ол суугъа тебргенлей, маскеси да ызындан тебргенди.

Сора итле ол маскени эслеб, джетиб анга басынганлай, Соджукну ити джетгенди да, итлени кау-куу этиб чачыб, маскени кесине энчилегенди. Аны эслеб, Соджук суудан уруб ётгенди да къарауашны сермеб алыб, кёлтюрюб барыб бир дорбуннга кириб кетгенди. Сора чачылгандыла бары да алайдан.

Нарт къатынны билгичлиги бар эди. Ол налат къатын Соджук бла джумушчусуну ол ишлерин билиб турганды.

Сора ол тиширыучукъну къарны болганды Соджукдан. Тура-турганды да, ол бир сейир сабийчик табханды. Алай а сабийчикни къайда тутаргъа билмегенди. Не этерге билмей, элтиб суугъа атханды. Алай айтыб атханды суугъа:

— Ий, мени джаратхан Аллах, бу сабийни Чабакъчы Бёденени къармагъына джаз! — деб, ууузундан да тойдуруб, кюбюрчюкге салыб, Терк суууна атыб ийгенди. Барыб-барыб, кюбюрчюк ингирде Чабакъчы Бёдене къармагъына илингенди:

— Ярабий, бир зат а барды! — деб тартыб чыгарса — бир кюбюрчюк! Эрлай ачыб кьараса — сабий. Кьюуанч тыбырлы болуб, Бёдене алай айтханды:

— Джаратхан Аллах, мен сенге не игилик этгенем? Тогъуз кьарнашны джангыз эгечин алдым да, ол да кьаратон болду... Тюб болама деб, джылау аллы болуб тураем. Кьарачы, аллах меннге сабий берди.

Кьойнуна кысыб, юйюне элтгенди сабийни, кьатынына хапар айтыб, кьюуанч тыбырлы болганды.

Сора кьатыны айтханды:

— Эй, бу кьюуанчды, алай а баш аурууду!

Атына Рачыкьау деб атагьандыла. Кьатын сабий кесини кьарнашындан тургьанын билмейди. Асырай-асырай тургьандыла да, ол кечеден кюннге ёсюб, эрлай огьуна хайт деген джаш болганды. Аны тенгиле огьай, андан уллула да бютеу бирге басыныб да анга тенглик эталмагьандыла, онглаялмагьандыла. Аллаи кьарыулу сабий болганды Рачыкьау.

Сора бир кюн ол бир ачыаууз кьатынны джашын джылатханды да, ол алай айтханды:

— Нек джылатдын джашымы, сен сууда табылган, кьармакьдан алынган?!

Ол алай айтханлай, салыб келгенди Рачыкьау анасына:

— Анам, ашдан ёлеме, бир джукь ашат!

— Не зат ашарыкьса? — дегенди анасы.

— Манга кьурмач эт нартюхден, — дегенди.

Сора анасы, кьурмач кьюууруб, иссилей бир чын табакь бла салганды джашчыкьга.

— Огьай, алай этме, кьолунг бла алыб ашат, — дегенди джашы.

Кьолу бла кьурмач алыб бергенлейине, анасыны кьолун кысханды (исси болады да кьурмач, тёзген кыйынды).

— Мен кьайда табылганем, тюзюн айт! — дегенди джашчыкь.

— Да сени уа атанг сууда табыб келгенди, джангы туугьан заманында, — дегенди кьатын.

— Атамы аты, джери бармыды?

— Барды! Майна юч аякьлы кьолан ат.

Анасын тили бла джалагьанды, ийнакьлагьанды: «Кьурмач бла кюйдюргениме ыразы бол», — деб.

— Айтырса атама, мен сууну былай ёрге барыб, дунягьа бир кьарайым. Кьайтыр гьа буюрулган эсе, кьайтырма. Ол, мени сыйындыралмай, суугьа атханла не затла болганларына да бир кьарайым. Кьайгы этмегиз, — дегенди джашчыкь. Айтханыча, джол гьа чыкьганды. Чабакьчы Бёдене юйюне келгенлей:

— А-а, кесибизден туумагьан баш аурууду, дегенимде, унамагьан эдинг... Джашын атынгы да, джеринги да алыб кетгенди, — дегенди кьатын Бёденеге.

— Кьоркьма, кьайтыр! — дегенди Бёдене.— Кьушну баласы учхан уясын джокьлайды, эрни баласы ёсген тыбырын сакьлайды. Адам эталган эсек, ёсген юйюне кьайтыр, осал этген эсек, тойгьан джеринде кьалыр. Алай болса да кьалай гьа кетди?

— Ма былай ары кетгенди! — деб кёргюзгенди кьатын.

Сора хайда сургенди, дейдиле, Чабакьчы Бёдене джашыны ызындан.

Танг атар гьа джетгенди. Кьараса, джашчыкь эртден салкында джукьлаб тура. Аны аузундан чыкьган тылпыу Чабакьчы Бёденени ёрге-ёрге учургьанды, дейдиле.

Аны алай кёргенинде, Бёдене бу джашчыкь алай бош сабий болмагьанын да, аны кибик бир тюз чабакьчы кишини арбазына сыйыныб джашар джаш болмагьанын да, уллу джигитликле этерге джаратылган джан болгьанын да ангылагьанды. Аны джол гьа асыры сабийлей чыкьгьанына да кыйналгьанды. Сора уятханды, акьыл-балыкь болгунчу юйде турса деб. Уяныб:

— Ий, атам, атыңы, джеринги сыйырыргымы келгенмисе? — дегенди Рачыкбау, мыдахланыб.

Аны бир айланыб джер-суу кёрмей кьайтмазлыгын ауазындан ангылаб, Бёдене:

— Огьай, атымы, джерими сыйырыргыа келмегенме. Мен кьарт болгъанма, кёрюшебизми, кьалабызмы, ким биледи. Осият этерге, саламлашыргыа келгенме. Нартлагыа бараса, ичги джюрюген джерге бараса, «Кел, туз-дамым барды!» — дегенден джанлама, «Кел, джууукь бол, аша-ич!» — дегеннге барма, алданма! — дегенди Бёдене.

— Болсун! — дегенди Рачыкбау.

Джырыдаб баргъанды нартлагыа. Бир нартны кьатыны, билгичи болгъан, аны келлигин билиб, нартланы джыйыб тургъанды. Чыкьгъанды, дейдиле, кьатын Рачыкбауну аллына.

— Кел, балам, кел юйге! Аллах бла тилейме, хазыр ашым барды, бир ашай бар! — дегенди.

Джашчыкь, атасыны осиятын эсине тюшюрюб, алагыа кьайтханды.

Кьайтса уа — нартла бир эки-юч джыйырма чакьлы бир адам болуб джыйылыб тура.

Сора ашау-ичиу башланганды. Боза аякьла келгендиле.

Нартлада уа келген кьонакьны адамлыгын, кючюн ичги бла сынагъан адет болгъанды. Джашчыкьны да сабийге кёрюб, ойнарлары келгенди да, мазаллы гоппан аякь бла бир сыраны келтириб тутдургъандыла. Тамадалагыа огьай деялмай, сыраны эрлай тогьуб ичиб:

— Ашхыды, азды ансы! — дегенди Рачыкбау.

Джашчыкьны тюрленмегенин кёрюб, кьарыулу адам болгъанын да билиб, ол кьатын бла эри аны кеслерине улан этерге суйгендиле.

— Бизге джаш бол да бираз тур, солу, узакь джолоучуса. Джаныбыз санга кьурман болсун, туугъан балабыздан кем кёрлюк тюлбюз,— деб тилегендиле экиси да.

Джашчыкь, огьай деб мыда эталмагъанды да, хо деб, бир талай заманны алада тургъанды. Алай а аны, кьара кючюне кёрс, акьылы да, кесине базгъаны алай уллу болгъанды. Бир талай замандан тамадалагыа сёз бермей башлагъанды.

Ол кьылыгын бир кьауумла джаратмагъандыла, алай а былай деб джукь айтмагъандыла.

Кьаллайла эсе да сёз арт бла, ал бла джайыла баргъанды да, Рачыкбауну кьарауашдан туугъаны билингенди, кесине уа киши джукь айтмагъанды.

Нартланы ол эллеринде уа Ачы тилли Гилястырхан деб, кьаргышы да кьабыл, алгышы да кьабыл болуучу бир ачыаууз болгъанды. Ол кимге эсе да хыны сёлешгенлей, Рачыкбау анга джууаб этгенди. Ачы тилли Гилястырхан, мынга да чамланыб:

— Кьайда кьарауашдан туугъан да келиб, кесин ким эсе да бир этиб, бизге сёз бермейди! — дегенди.

Аны эшитгенлей, Рачыкбау да, чамланыб, сюрюб тебрегенди Гилястырханны.

Бу да сюрюб, ол да кьачыб, Ачы тилли Гилястырханны кьаласына джетгендиле. Ол кьаласына киргенди да кетгенди, эшик-терезе табханын бегитгенди, Рачыкбау а кирирге эшик, терезе табмагъанды. Алайда Рачыкбау эшик аллында тылпыуу тыйылыб, сойланганды. Ашсыз, суусуз, ёлюсюн-сауун да киши билялмайын, толу юч айны тургъанды алайда.

— Чыкь, ёлгенди! — деб кьычыргъандыла Ачы тилли Гилястырханнга джумушчулары.

— Ой, ол ёлмегенди, табанын кесигиз да, джилиги кёгерген, эсе, чыгьайым, — дегенди Ачы тилли Гилястырхан.

— Сен бизге нек ийнанмайса?! Эти чириб турады,— дегендиле джумушчулары.

Ачы тилли Гилястырхан, кьаласындан тюшюб, Рачыкьауну ёлюсюне джууукь келиб, аны юсюнден кюбесин тешерге тебрегенлей, Рачыкьаугьа джан кириб, секириб ёрге туруб, кьылычын чыгьарганды. Ачытил Гилястырхан да, ызына айланыб, кьаласы таба кьачканды. Рачыкьау кьуууб, ачытил Гилястырхан кьачыб, джетиб эшикден кире тебрегенлей, Рачыкьау аны, кьылычы бла сермеб, баш чырчасын тюшюреди. Алай болса да Ачы тилли Гилястырхан кьачыб кьутулады.

— Элия урду, элия урду, элия урду! — деб кьычырыкь этеди Гилястырхан. Рачыкьау Ачы тилли Гилястырханни ол сёзлерин эшитиб:

— Элияны кючю чакьлы бир кюч менде джокь эсе, мен былайда ёлюб огьуна кьалайым! — деб джыгылады да алайда огьуна ёлюб кьалады.

Ачы тилли Гилястырхан, башына кьылыч кесиб тюшюрген джерине багьыр джамау салдырыб, андан сора да кёб джылны джашагьанды, дейдиле.

107. ЁРЕЧЫКЬАУ

Шубадина улу нарт Ёречыкьау нарт улусуду,
Нартла ичинде чынтды кьарыулусуду.

Мыйыкьларын, гырмыкьлача, бургьанды,
Душманларын, элияча, ургьанды.

5 — Ох-ох, дедиле, ма сейир атлы,
Келеди бизге бир чынтды нарт.

Онг жанында кюн тийгенлей,
Сол жанында кьоянла ойнай.

Кьоянла дегенинг, шулай, не дейим —
10 Чилле кьамичесини учусуду,
Кюн кёзю дегенинг — кийген кюбеси.

Атыны аллында алаша туман кьайнай,
Туманла ичинде чаукала ойнай.

Туманла дегенинг, шулай, не дейим —
15 Бурун тешигинден чыкьган тылпыуду.

Чаукала дегенинг, шулай, не дейим —
Аягьындан чыкьган зылдыладыла.

— Кюнюгюз кьолай болсун, ахшы нарт улулары!
— Сау бол, сау кел, ахшы жигит!

20 Темир ылытхынла салып, тюшюре тебиредиле —
Темир ылытхынланы бюгюп тюшеди.

Атын элте барып, темир таханнга такьдыла,
Ол темир таханни булгьап башлады.

— Ой, аманла, кючюнюмю сынайсыз муну?!

25 Мужурамы уруп, анга тагып кьоюгуз.

Кереклерин алып, чуйге такдыла,
Зынгар-зунгур деп, жерге акдыла.

— Кьонакълыкыга не керекди? — дедиле.
Тогъузоулан нарт жылкыга кетдиле.

30 Туу байталны тутуп ала жетдиле,
Союп, уллу дугосукга асдыла.

Ушхол кыйырын кыймай, ашап башлады,
Ашап бошап, белин бираз бошлады.

Токъсан улан юйге кетдиле,
35 Эки кьулакълы кьошун алып жетдиле.

Нарт кьошунну, бирден тартып: «Ох-ох», — деп, кьаплап бергенди,
Тогъуз улан кьуру кьошунну суйреп кетгендиле.

Ашап бошагъанлай, секирип атына мингенди,
Кьонакълбай а атны башына илингенди:

40 — Энди сен ашадынг бир туу байталны,
Сора ичдинг токъсан улан келтирген кьошунну.

Тюш, бир кесек селейсин ашагъанынг,
Санга жетер атха этген гюняхынг.

— Жерге жетер атны гюняхы, — деди,
45 Кьылычын сууруп: «Келмегиз, — деди, — кьатыма!»

Ат юсюнде кьала кибик кёрюндю,
Кёкге айланып, аузун ачып керилди.

Атын жыйып, тебиндирди таулагъа,
Кьоркьуу салды ол жерледе жаулагъа.

50 Ёшюн уруп, ачханд кьая тарланы,
Бурун жели эритгенди кьарланы.

Ол кьарладан черек суула агъадыла,
Кёк тенгизле ол суула бла толадыла.

Атны аякълары батды инчиклеге дери,
55 Ат чапханда зылдыла чыкдыла кёкге дери.

108. РАЧЫКЪАУНУ ЮСЮНДЕН ЖЫП

Рачыкъау атланды, атына минип,
— Нарт элге барад, — деп, — кьаралла, билип,

Ох-ох, кёрдюле бир сейирлик атлы,
— Келеди, — дейдиле, бир жигит нартлы.

- 5 Кюн тийген чыранча, юсю жылтырай,
Төгерегинде да кьоянла ойнай.
- Атыны жели туманны чача,
Туманны ичинде чаукала уча.
- Чыран дегенибиз — темир кюбеси,
10 Толкьунча тебиннген — тулпар тѣбеси.
- Кьоянча кѣрюннген — кьамичи учусу,
Жер тепдире, келед нарт улусу.
- Туман дегенибиз — тылпыу шытыла,
Чаукала уа — туякъдан учхан зылдыла.
- 15 — Кюн ахшы болсун,— деди,— эй, нарт уланла!
Жел кьатыш жетдиле зылдылы боранла.
- Ой, сау бол, сау кел, жууукъ бол, алан!
Бурулмайын кетме, эй, жигит улан!
- Кьайта барсанг, санга болур алгышла,
20 Алай, озуп кетсенг, жетер кьаргышла.
- Айтханынг тѣреди, кьайтмай болмаз,
Нартланы адетин бузуу жарамаз.
- Атыны жоюенин сермеп тутдула,
Рачыкьау жерге тюшгенде, ташла сындыла.
- 25 Атны бир жаш темир илкичге такьды,
Ат темир илкични кьобарып атды.
- Улан, сен атымы сынаргьа суйсенг,
Бошлап кьой, ол кетмез, халжаргьа ийсенг.
- Ат кереклерин да чюйге такьдыла,
30 Ала чюйню сындырып, жерге акьдыла.
- Эй, кьонакь, иеринги атынгдан ауур,
Ол басса, этмеймиди сыртын жауур?
- Ауур болмаса атымы иери,
Аны туягьы тутмайд басхан жерин.
- 35 Жылкыгьа тогуз жаш болуп кетдиле,
Кьысыр туу байталны алып жетдиле.
- Битеулей кьазаннга туурап салдыла,
Биширип, кьазанны отдан алдыла.
- Рачыкьау барын да этни ашады,
40 Сюек-мюегин да жерге ташлады.

Аш юйге тогъуз жаш бирден кетдиле,
Деу къошун бозаны алып келдиле.

Бир гоппан жетгинчи, бирин ичеди,
— Сиз айып этмегиз, суусапма,— дейди.

- 45 Бозасыз ол къошун ючеуге жүгеди,
Бозасы бла уа, тогъузгъа кючеди.

Байталны ашады, бозаны ичди,
Сора, саламлашып, кетерге тюшдю.

- Къонакъбайы тутду атны жүгенин,
50 Билдирирге сюдю анга жүрегин:

— Сен,— деди,— бир байталны ашадын,
Эки къулакълы къошунну бошадын.

Атынгы гюняхы жетмезми санга,
Жат, тынчай бир кесек, тынгыла манга!

- 55 — Жер атны кетюрсе, ат элтеди мени,
Сау къал, къутлайма сени! —

Деп, кез жумгунчу минди ат иерге,
Атны туякълары батдыла жерге.

- Жол излемей ётдю, къаяладан, сууладан,
60 Садакъ окъча, ташайды кез туурадан.

109. ЁРЕЧЫКЪАУ БЛА КЪАРАШАУАЙ

Къарашауай бла Ёречыкъау бир бирлерин танып болмагъандыла. Къарашауай: «Мен маржама, бу Ёречыкъау ким эсе да, танымай къойсам!» — деп, жолгъа чыкъгъанды. Къарашауай атланып, жолгъа чыгып, келе, Ёречыкъау да, аны излеп, жолгъа чыкъгъанды. Келе келип, экиси да бир кёпюр къатында тубешгендиле. Къарашауай бла Ёречыкъау саламлашхандыла.

Экиси да бирге сёлеше келип, Къарашауай тюзде батыр Ёречыкъауну излей, Ёречыкъау да тауда батыр Къарашауайны излей чыкъганларын айтдыла.

Сора Ёречыкъау айтды: «Тюзню батыры Ёречыкъау менме». Къарашауай а: «Тауну батыры уа менме», — дейди. «Сора, алай болса, экибиз эки батыр, сен тауда, мен тюзде», — деди Ёречыкъау. Сёлеше келип, ол: «Атышмы, тутушму?» — деди.

Алайдан имбаш таш атышып башладыла. Ёречыкъау атады, Къарашауай да атады. Болса да, Къарашауай бир бла жарым атламгъа Ёречыкъауну озады.

Тутушханда Ёречыкъау, бир булгъам болмай, хорланады. Былай эте, кюреше келип, Къарашауай Ёречыкъауну къолларын, аякъларын къысып, кесини миннген атыны белине байлады. Сора, ол кёрюп барса хапар айтыр ючюн, Къарашауай къылычын чыгъарып, къылычы бла бир уллу ташны сермейди. Къылычы ол гебен кибик ташны кесип эки этди.

Алайдан Къарашауай Ёречыкъауну къанжыгъасына къысып, кесини юйюне атланады. Атын илкичге тагып, юйге киреди. Юйге киргенден сора, Къарашауай сууукъ этген мадары, амалы бла эшикте сууукъ, бузлауукъ болурча этеди. Алай

бла Ёречыкѡауну бузлатады. Сора обур Мичиуаннга Къарашауай: «Эмчек анам, ат къанжыгѡамда от этерге, отун жарыргѡа жарар, бар, анда бир адам улугѡа ушагѡан бир зат келтиргенме»,— дейди.

Алайдан Мичиуан барып, тешип къарагѡанында: «Да, Къарашауай, бу не ишди, бу мени эмчек уланымды,— дейди.— Мен сени эмеген жууукѡларынгѡ жыйып тюйдюрюрге»,— деп, Къарашауайгѡа чамланады.

Сора Мичиуан барып, биргесине он эмеген алып келеди. Ала бара барып, Къарашауай къылычы бла ташны кесген жерге жетедиле. Къарашауай да ол таш болгѡан жерге келеди.

Къарашауай келгенде, эмегенле имбаш таш ата тура эдиле.

«Иш къолай болсун, эмеген сюрюю!» — дейди.

«Сау бол, сау кел, къарыусуз адам улу!» — дейдиле. Сора эмегенле ауур, антау гебен кибик, турчдан, къоргѡашинден ауур бир ташны «Ат»,— деп, Къарашауайгѡа береди.

Къарашауай, ташны къолуна алып, атып, бир тауну башы бла аудуруп, барын да озады. Болса да Къарашауайны хорлагѡанына эмегенле ыразы болмай, орталарында уруш-кюреш башланады. Ол заманда Къарашауай Къуф тауланы болат магѡданындан ишленген къылычын сермеп, эмегенлени къырады. Къылычы кюн чыкѡгѡандан бла кюн батханнга созула эди.

Ахырында Къарашауай Ёречыкѡауну юйюне келеди. Келген заманда Ёречыкѡауну къайын анасы, чыгѡарып, эмчегин Къарашауайны ауузуна салады: «Ма, сени, Къарашауай, мени жашым Ёречыкѡау бла къарындаш этеме бюгюнден ары»,— деп.

110. КЪАРАШАУАЙНЫ ДЕРТИ

Нартланы заманында Рачыкѡаудан кючлю адам Капказда болмагѡанды, ол кеси да ма бу тийреледе жашагѡанды. Сора, тура келгенде, Капказда энтда да аллай бир къарыулу, залим адам чыгѡады. Рачыкѡауну хапарын эшите тургѡанды да, кюнлени биринде аны ёлтюрюр мурат этип, жолгѡа чыгѡады. Ачыкъ сермешде онгламазлыгѡын билип, келе-келип, Рачыкѡау намаз эте тургѡанлай кёреди да, артындан жууукѡлашып, къама бла уруп ёлтюреди. Алайдан: «Аха, энди Капказ манга къалды»,— деп, юйюне кетеди.

Тура тургѡанды да, сора Капказда Къарашауай деп да бир бек кючлю адам чыкѡгѡанды деп, эшитеди. «Аха, энди аны да ёлтюрюрге керекди»,— дейди да, атланады, салып анга барады. Баргѡанда муну тапмайды. Сорады адамлагѡа да: «Да ол а эки айгѡа къайры эсе да кетип турады, андан алгѡа келлик тюйюлдю»,— дейдиле. «Ахшы, бу эркек эсе аллай кишилиги болгѡан адам эсе, адамын излемей къоймаз»,— дейди да кеси кесине, муну жылкъычысын ат бойнуна атып, алып кетеди, ёлтюрюп, суугѡа атып къояды.

Аз, кёп тургѡан эсе да, Къарашауай къайытады. «Не болгѡанды жылкъычым?» — деп соргѡанда, адамла: «Биреулен ат бойнуна атып, былайдан алып кетгенди»,— дегендиле. «Мен да эркек тюйюлме, аны тапмагѡанлай къойсам!» — дейди бу.

Айланып, айланып, болмайды, бир жерде тапмайды. Келип, былайда, бу сын ташла болгѡан жерде жатады кече. Къыбыргѡа: «Бюгече мен санга Тейри бла къонагѡынгѡа»,— дейди, жата туруп.

Жукѡлайды да, сонгура, тюш кёреди, тюшюнде: «Уоу, Рачыкѡау!» — деп къычырадыла. «Уоу?» — деп да бир ауаз.

«Нартла сакѡлайдыла сени, кел»,— деп айтады.

«Тейри бла къонагѡым барды, бюгече мен бармайма»,— деп айтады ол.

Ючюнчю кере къычырадыла: «Къонагѡынгы да ал да, кел»,— деп. Барадыла. Барсала, нартла бары да бир юйде олтуруп, къарт нартла ашай, иче. Эшикден кирген жерде хар ким, тигим этип, экиси да ашайдыла.

Тоюп, жайылып, артха кьайтадыла. «Кёрдюнгомю? — деп айтады тюшюнде биягы,— Ма мында адет алайды. Сен жалчынгы излеп айланаса. Аны уа ма алайда, алайда биреулен туурап кёлге атханды. Барып, сен аны ашын, ташын, адетде болгъаныча этип келсенг, мен санга айтырма, ким этгенин да, сен кьалай этеригинги да. Ары дери уа айтырыкь тьююлме,— дейди.— Алай, кёзюнг кьыйып, кьызганмай этсенг, Рачыкьау ючюн да бир кьой союп, бир четен локьум юлешсенг, ол да бек иги боллукь эди»,— дейди.

Уяннганлай, кьайытып кетеди да, бу ол айтхан жерде кьармайды ол кёлню табады, андан жылкычысыны тууралып тургъан ёлюгон чыгъарады. Ариу, адет бла асырайды, ашын, ташын да этеди. Ызы бла Рачыкьау ючюн деп, кьой сояды, ашарыкь этип, адамлагъа юлешеди.

Кьайтып келип, кече биягы кьабырда: «Тейри бла кьонакьма санга»,— деп, жатады жукьларгъа. Тюшюнде кьычырадыла: «Нартла сакьлайдыла, кел»,— деп. Юч кере кьычыргынчы бармайды. Ючюнчю кере: «Кьонагьынгы да ал да кел»,— дейди ол ауаз. Барадыла. Алгын кече, салам бергенлеринде, ёрге кьопмагъан эди бири да. Бу жол а ол кьартла бары да ёрге кьобадыла, салам берип киргенде. Тёрге ётдюрюп олтуртадыла да, алгын кече ала тигим этген эдиле, ол кече уа барысын да Рачыкьау сыйлайды.

Кьайтып, биягы жерге келгенден сора, айтды ол ауаз: «Кёрдюнгомю? Бююннге дери мен садакьа ашап тургъан эдим. Ол сен берген аш а энди манга бу дунияда боллукьду, сен кьызганмай этген эдинг да. Ма мында адет алайды. Энди сен ол адам жашагъан жерге бар. Атынгы да сат, кийимлеринги да кетер, жыртылгъан кийимле кий. Барып, эртденликде былай орамгъа чыгып тур. Ол адам чыгъар, танг атханлай, эки кьолун да былай аркьасына салып, ол чыкьганлай, орамда эркек, тиши болсун, битеу кьачарла, кьычырыкь этип. Жетгенин а табаны бла уруп, тёнгеретип барыр. Келе келип, санга: „Нек тураса?“ — деп сорса, „Жалчыгъа келгенме“,— дерсе. „Неге жарарса?“— дегенинде: „Жылкычы болурма“,— деп айт. Жылкылагъа салыр сени, кёлуне ушасанг, биргесине нёгер этер. Ол заманда кьалай этеригинги кесинг билirse. Кесини бычагы бла ур, алай бирден сора урма»,— деп бошады.

Айтханыча, барып тохтаиды Кьарашауай орамда. Чыгъады ол адам, эки кьолун да аркьасына тутуп. Адамла кьачадыла, жетгенин уруп тёнгеретеди. Жетеди да Кьарашауайгъа сорады: «Нек келгенсе, неге жарарыкьса?» — деп. «Жылкычыгъа, не атчыгъа тохтарыкьма»,— дейди.

Элтеди да жылкысына салады. Анда бир ай чакьы турады. «Тейри, бу манга нёгерликге жарар, былай биргеме айланса»,— деп, ол адам Кьарашауайны кесине нёгерге алады, шапалыкь этдирир, жумушларына чапдырыр мурат бла.

Азыкь да аладыла да, бир кюн атлагъа минип чыгъадыла. Бир элни кьыйырына жетедиле. Ол элни кьыйырында сарай болады. Кьарашауайны ол сарайда кьояды, кеси уа элге кетеди. Элде болгъан дауур, кьычырыкь болады. Бир заманда ол адам, бир кьызны кьолтугьуна алып келеди ат бла. Тюшюреди аны алайда. Кьыз: «Мени тукьумуму артын этдинг. Аллах тукьумунгу артын этсин!» — деп, кьычырыкь этип, жылайды. Анга да эс бурмай, Кьарашауайгъа: «Азыкьланы бери ал, ашайыкь»,— дейди. Экиси да ашайдыла. Сора ол адам айтады: «Мен бир жукьлайым, сен а бу кьызгъа ышанмай, кьарап тур». «Ахшы»,— дейди Кьарашауай.

Кьыз ол адамны кьатында болады. Кьарашауай да арлакьда тохтап турду. Бу жукьлагъанда, кьыз кёзю бла кёргюзтеди: «Бычагьын алып берир эдим, урсанг»,— деп. «Бер»,— деп бу да билдиреди.

Сермейди Кьарашауай ол адамны кесини бычагы бла. Олсагъат секирип туруп: «Ой, Аллах ююнго кьурутхан, экинчи да бир ур, термилмей ёлме кьой!» — деп кьычырады.

«Атамы осуяты барды: „Бирден сора урма“,— деп, айтады Кьарашауай.

«Ай, нажас, Рачыкѡауну кѡабырына барып тюбеген кѡре эдим»,— деп ол алайда ёледи.

Кѡарашауай кѡызны элине, юйюне элтеди.

111. ЁРЕЧЫКѡАУНУ КѡАТЫН АЛЫУУ

Ёречыкѡау уллу, мазаллы адам болгъанды. Аты да, асыры уллудан, нарт сыртладан бири тенгли болгъанды. Ол бара, жюрюй кетип, бир уллу тойгѡа жолугъады. Тойчула: «Кел, тойгѡа кѡшул, тепсе»,— демегендиле. Алай халларын кѡргенде, кѡамичи бла уруп, тойну ортасына киргенди. Тойдан тепси, кѡанга алмай чыкѡмазын билип, жюз аякѡ кирген нарт гоппанны бозадан, сырадан толтуруп, тогѡуз доммай этни биширип, учалай салып, аллына чыгъардыла.

Атыны жюгенин сол билегине кийдирип, гоппанны, учаланы да кѡлуна алып, эки кѡапханлай этни, бир тартханлай жюзаякѡлы гоппанны тартып бошады. Тепсини, аякѡны ызына ашырып: «Мен муну бла боллугѡум жокѡду»,— дейди.

Ол заманда юйню иеси: «Кѡайда болса хаулеле бери келедиле да, мында кѡаладыла»,— дейди. Бу сѡзлени эшитгенде: «Мен маржама, мында турсам, бу хыликке иш мени ёлтюрдю»,— деп жолгѡа чыкѡды. Аны кетгенин тойну иесини юй бийчеси эшитип: «Бюгюн мени абадан кѡзымы тоюду. Алай Ёречыкѡауну жолундан ким кѡайтарса да, мен анга он ат жюгю алтын берирме, кичи кѡзымы да аны кѡайтаргъаннга кѡалынсыз берирме»,— дейди.

Алайдан бир жигит Ёречыкѡауну ызындан сюрюп тебирегенди. Алай ол жигит аны жолда сюрюп бара, аллына бир кѡуртха жолукѡгъанды. Хапарлашхандан сора: «Сен аны жетсенг: „Кѡайытсанг — алгѡышым, кѡайытмасанг — кѡаргѡышым“,— дерсе».— деп юйретди аны кѡуртха. Жетип алай айтхандан сора, «Сени алай юйретген тюр болсун!» — деди Ёречыкѡау.

Ала кѡайытып келгенлеринде, уллу юйню, хан бийчеси кичи кѡзын кѡайтаргъан жигитге, ортанчы кѡзын а Ёречыкѡаугѡа береди.

112. ШЫРДАН БЛА НЁГЕР

Нёгер кюндюз, зыккыл кийимле кийип, багушлада жата, кече болса уа бешкъарыш жесирлени сатып жүрюген, аман акъылы киши болгъанды. Шырдан аны ол къуртха акъылын билмегенди. Зыккыл кийимлерин кёргенде: «Болумсуз жарлы»,— деп, масхара кёз бла къарап къойгъанды.

Нарт Шырданни байлыгыны учу, къыйыры табылмагъанды. Малы, жери, харакети чексиз кёп болгъанды. Кеси да бек хыйлачы, гынтдылы, башына даражаны кёп тартхан, махтанчакъ киши да болгъанды. Ёчешип, ёч алыргъа, аны бла кесини адамлыгын танытыргъа да бек суйгенди.

Кюнлени биринде Шырдан нартлагъа баргъанды. Нартны халкъын жыйгъанды:

— Мен сизни бла ёчеширге келгенме,— дегенди.

— Да, ёчюнгю айт, эштейик,— дедице нартла.

— Мен ёчге жашымы саллыкъма. Сиз мараучуларыгъызны къалдырмай жыйыгъыз. Танг аласында садакъны илишанын кёз тутмагъаннга деричи атарла. Ёлтюргенге жашымы къанын къурутама. Ёлтюралмасала уа — хар мараучу бешкъарышладан бешишер жесир берирле. Ургъан мангылайындан этерикдиле. Жаш ёлмесе, ингирде кеси былайгъа келир. Ёлсе уа, ол болгъан жерге менден башха адам бармаз,— деди. Ол нартла бары да хо дедице.

Шырдан жашын илишаннга салыр жеринде уру къаздырды. Жашы бла тенг суратын ишлетди. Сора, танг аласына жашын да, аны суратын да алып барды. Жашын суратны артына олтуртду, суратны да жашны аллында сюеди. Битеу жашырын хыйласын тындырып, мараучуланы сакълады.

Мараучула жыйылдыла. Шырдан: «Атыгъыз!» — деди. Эртденден ингирге деричи атдыла, уралмадыла.

Нёгер, багушладан жашырын къарап, Шырданни жашы суратны артында чёгюп тургъанын кёргенди. Тынгысыз болгъанды:

— Мараучула жашны ёлтюралмагъандыла. Энди бешкъарыш жесирлени Шырдан алып кетсе манга жукъ да къалмайды. Мен да барып бир атайым,— деди.

Къысыла келип:

— Шырдан, эркинлик берсенг, мен да бир атар эдим,— деди.

— Уой, зауаллы сен, ант этдир, сен а жюз кере да ата бер! Тап ёлтюрмесенг да, сенден а жесир да алмам,— деп, оспар сёзле айтып кюлдю Шырдан.

Нёгер атды да, жашны агъызды. Шырданни буруну салынды, къашлары туююдюле, бети къаралды. Жукъ айтыргъа амал тапмады. Палахны башчысы кеси болду. Алай болур деп а умуту жокъ эди.

Халкъ чачылды, Шырдан да жашыны ёлюгюн алып, юйюне кетди. Шырданни бла тохтап къалалмады. Жашын басдырды, ызы бла жашыны къанын алмай къоймазгъа ниет этди. Нёгерни ёлтюрюрге деп тюзюнлей жатыучу жерине келди, тапмады. Тёгерек айлана, къарай тургъанлай, шууулдап келген бир атлыны кёрдю. Кесин эслетмей, атлыны къайры баргъанына къарап турады. Атлы барып, бир жер юйге кирди. Атын жер юйде къоюп, кеси уа бир зыккыл кийимлени кийип чыгъады да, барып бир багушда жатады. Шырдан аны кёргенде, демлеширге базмай, жашыртын кетип къалады. Сора Шырдан быллай акъылгъа келди:

— Нёгер мен умут этгенча Нёгер тьююлдою. Анга тууралашып кьатылырга да жарарык тьююлдою. Энди мен андан жашымы кьанын башха тюрлю амал бла алырга кереклиме,— деп, тюш заманда Нёгерни жатхан жерине салып келди.

- Ай, гяур Нёгер, керти да ит Нёгер,
Ахыратда тонгузла кют, сен Нёгер!
Сени кишилигинги мен билгенме,
Аны ючюн салып санга келгенме.
- 5 Кюндюз болса, багушлада жатаса,
Кече болса, бешкьарышла сатаса.
Кьарнынга жарашкан бир аш кьапмайса,
Кёлюнге жарагьан бир ат тапмайса.
Нёгер Шырданни хыйласын билмеди:
- 10 — Юйрет мени, кьалай этейим? — деди.
— Сени энди этер ишинг алайды —
Мен айтханни этсенг, санга жарайды:
Индилада барды хора бир акь ат,
Жер юсюнде жокьду андан ариу зат.
- 15 Сууну, жерни баргьан аны жетмейди,
Андан алгьа илячин да ётмейди.
Тогьуз кьатлы кьурч кьалада жашайды,
Алтын гулладан будай ашайды.
Тогьуз кьала кирит аллындады,
- 20 Тогьуз садакьчы аны сакьлайды,
Тогьуз ит да акь атны сакьлайды,
Тогьуз хораз да сакьлайды.
— Шырдан, анга не амал этейик?
Акь атны кьалай бла урлайыкь?
- 25 — Анга этеригинг, Нёгер, алайды:
Чынг аллын хоразлагьа барлыкьса,
Алагьа тары ала бар.
Хоразла сени кёрселе, кьыстау кьычырып башларла,
Кьанатларын да уруп, тары чачсанг,
- 30 Ала анга басынып, тохтарла.
Андан озсанг, итлеге барлыкьса.
Итле кьарап, Нёгер, сени кёрселе,
«Хап-хап» этип, юрюп башларла.
Тогьуз итге тогьуз тауукь баш берсенг,
- 35 Кьуйрукьларын булгьап, ала тохтарла.
Итле юрмей, санга адам уянмаз.
— Киритлеге уа, Шырдан, не амал этейим?
— Алагьа этеринг алайды:
Эгечинг — ариу Агунда, Индилада келинди.
- 40 Ачхычлары Агунданы кьолундады.
Нёгер, Агундагьа салып сен барсанг,
Баш тёбен болуп, тохтасанг,
Сора айтырыгьынгы кесинг билирсе.
Салып Нёгер Агундагьа баргьанды,
- 45 Баш тёбен болуп тохтагьанды.
Агунда Нёгерге соргьанды:
— Нёгер, санга бююн не болгьанды?
Ачмыса, ауруунгу алайым, сууукьмуса?
— Ач тьююлме, сууукь да тьююлме,— дегенди,—

- 50 Кюндюз болса, багушлада жатама,
Кече болса, бешкъарышла сатама,
Багъаларын санга алып келеме.
Жаныма жарагъан ата а тапмайма.
Агунда, сен аны уста билесе.
- 55 Индилада барды ариу бир акъ ат,
Кёкню, жерни баргъан аны жетмейди.
Аны ачхычлары сени къолунгдады,
Аны менден жашырып тураса,
Аны ючюн мен санга мудахма.
- 60 Агунда сыйыт этип башлады:
— Нёгер, аны санга ким айтханды?
Ким эшигими жапханды?
Аны юсюнде, Нёгер, сени жоярла,
Ызынгдан термилте мени къоярла.
- 65 Нёгер ачхычланы алгъанды,
Салып акъ атха баргъанды.
Чынг алгъын хоразлагъа баргъанды,
Алагъа тары чачханды.
Анга басынып, ала тохталла.
- 70 Андан озуп, итлеге баргъанды.
Итле Нёгерни кёргенде,
«Хап-хап»,— деп, юрюп башлалла.
Тогуз итге тогуз тауукъ баш бергенде,
Ала, къуйрукъларын булгъап, тохталла.
- 75 Итле юрмей, адам уянмады.
Киритлени Нёгер къалмай ачханды,
Ол акъ атха ычхыннганды:
Алтын гулласы аллында,
Иери тагъылып жанында,
- 80 Кийиз къамичиси къатында.
Нёгер атха иер салгъанды,
Кийиз къамичини алгъанды,
Киритлени къалдырмайын салгъанды,
Агундагъа ачхычланы элтип баргъанды.
- 85 — Ажал жетип, ёлсем да талада,
Бу иш къалсын, жайылмайын арада,— деп,
Тебинди, кёк кюкюреп, от чакъгъанча,
Кёзден ташайды ол, жулдуз учханча.

113. ЖЁНГЕР БЛА ШЫРДАН,
ЭМ АМАН ТИЛЛИ ГИЛЯСТАН

.....
Кечелени бир заманы болгъанды.
Жёнгер акъ атха ычхыннганды.

-
Акъ атха Жёнгер иер салгъанды,
Кийиз къамичисин алгъанды,
5 Киритлени Жёнгер къалдырмайын салгъанды.
Акъ атха минип, Жёнгер кетгенди,
Агундагъа ачхычларын элтгенди.

- Эрттенбласы болгъанда,
 Атха къараучу келип,
 10 Агундадан ачхычланы алгъанды.
 Салып барса — къалауурла, киритле жерлеринде,
 Ачып къараса — акъ ат жокъ.
 Атылып андан кетгенди,
 Битеу нартха хапар этгенди.
- 15 Нарт къалмай жыйылгъанды,
 Сейир-тамашагъа къалгъанды:
 Киритле, къалауурла жерлеринде —
 Акъ ат а жокъ.
 Индиланы киеулери,—
- 20 Аман тилли Гилястан эди.
 Гилястан атны излеп тебирегенди.
 Жыл озгъанды,
 Бир затын билмегенди.
 Къыркъны заманы болгъанды,
- 25 Нарт къыркъ бугъаны да кесип,
 Аликланы уллу юйге жыйылгъанды.
 Ол заманда Шырдан салып нартха баргъанды
 Гилястан аллына барып, Шырданга соргъанды:
 — Шырдан,— дегенди,—
- 30 Индиланы акъ ат тас болгъанды,
 Жыл болады, бир затын да билмейме,— дегенди.
 — Гилястан,— дегенди,—
 Сен айтдың да, эшитдим,— дегенди.
 Алай хар кечеден
- 35 Темир кёпюр гюрюлдейди,— дегенди,—
 Ол акъ атны аякъ тауушуна ушайды,— дегенди.—
 Садагъынги иги жарашдыр,— дегенди,—
 Ол сен айтханланы этип,
 Акъ атны алып кетгенни,
- 40 Урмай жиберсенг, санга да
 Ахшылыкъ этмез,— дегенди.
 Гилястан садакъны жарашдыргъанды,
 Кёпюр къулагъында бетчанны хазырлагъанды.
 Кечени бир заманы болгъанды,
- 45 Кёпюрню онг жанындан
 Акъ ат келе болгъанды.
 Юсюне келгенлей,
 Садагъын атханды,
 Акъ атны юсюндеги кетгенди.
- 50 Акъ атны атын айтып,
 Гилястан акъ атны тутханды.
 Элтип Индилагъа бергенди.
 Танг атып, «Ол ким болур эди?» — деп къарагъанда—
 Ол а Жёнгер болгъанын кёргенди.
- 55 Жёнгер бла Гилястан бир жукканы ичип ёсендиле.
 — Аха! — дегенди Гилястан,—
 Кёзюмю аузума къапдырды Шырдан!
 Шырданга аны жетдирмей,
 Мен нартда жашамам.
- 60 Жёнгер Шырданны жашын ёлтюрген эди,

- Бу ишлени барын да этген Шырланды.
Ол жыл кьалгъанды.
Экинчи жыл, кьыркъ бугъаны кесип,
Нартла Аликланы уллу юйге жыйылгъанда,
65 Биягъы Шырданда нартха келгенди.
Гилястан а, жашыртын, Шырданны атына минип кетгенди.
Жюгенге тиймей, атны ургъанды,
Ат Гилястанны Шырданны юйюне алып баргъанды.
— Хей! — дегенде, эшик ачылды,
70 Гилястан да ол юйге кирди.
— Мени Шырдан ийгенди,— дегенди,—
Кьыркъ кьазанны асынла,
Ичин суудан толтурсунла,
Сен да болуш да,
75 Кьыркъ кьазанны кьайната туругъуз.
Элтиригими кесим элтирме.
Бюгон нартны сыйларыкъма,— дегенди.
Кьыркъ кьазанны асхандыла,
Ичин суудан толтургъандыла.
80 Гилястан от этгенди.
Кьазан кьайнай башлагъанды.
Гилястан, тутханды да, кьазаннга
Шырданны кьатынын ургъанды,
Ызы бла Шырданны кьызын ургъанды,
85 Дагъыда Шырданны кьарауашын ургъанды.
Гилястан, отну да иги ышыргъанды,
Шырданны атына минип, кьайытып,
Нартха келгенди,
Аликланы уллу юйде
90 Бир кьара мюйюшге чёкгенди.
Барды, келди деп да
Киши билмегенди.
Кьыркъ бугъаны да ашагъандыла,
Ичгилерин да ичгендиле.
95 Тилеклерин да Тейриден тилегендиле.
Танг да атып, кюн да тийгенди,
Шырдан атына миннгенди,
Минип, юйюне кетгенди.
— Хей! — дегенди,— хей! — дегенди,
100 Киши чыкъмаганды.
Юйге кирип барса —
Кьыркъ кьазан асылып,
Юйде киши жокъ.
Кьалакъны алып, кьазаннга ургъанды,
105 Кьатыныны чачы чыкъгъанды.
Анда ишни билип,
Нартха кьайтып келгенди,
Нартны жыйып, айтханды:
— Мени юйюм кьырылгъанды,
110 Энди манга да жашау керек туююлдою,— деп,
Кеси кесин ёлтюргенди.
«Хыйлачыны эки юлюшю башына»,
Деген нарт сёз андан чыкъгъанды.

Ёрюзмекни кызы Агунданы ариулугу нарт калкына жайылганды, аны ауузларындан кетермей тургандыла. Агунданы алтын чачы табанларына жетгенди. Къап-къара кёзлери жауун кюнден сора кюн таяклагы ушагандыла. Хар къолгы алган ишин терк, тынгылы, къарап-къарагынчы битдиргенди. Эртденликде жезден ишленген гёгенни алып, суугы барып тебиресе, аны ариу жорюшюне бла саныны ариулугуна, кече ай жарытханча, чырайлы бетине къарап тоймаз эдинг. Нарт жашланы кёплери аны ызындан кёп заманланы айлангандыла, келечиле жибергендиле. Ол а бирине да барыргы унамаганды.

Агунданы аман акылы Шырдан да тилегенди. Кыалыннга минг ат, минг тууар, минг кый, жюз арба элталлык хапчук берирге дегенди. Алай Агунда унамаганды. Сора Шырданны эсине аман акыл тюшгенди.

Нартланы жыйып: «Мен кесими жашымы илишаннга салама. Аны атып ёлтюргеннге, жук айтмазгы сёз береме. Уралмай квалсала уа, Агунданы манга кыатыннга берирсиз»,— дегенди. Нарт уланла жыйылдыла, садаклары жарашдырдыла, илишанны атаргы хазырландыла.

Шырдан жашыны суратын ишлетди, кёз аз тутхан жерде, бек узакда, уллу уру кыздырды. Жашына былай юйретди: «Садак атылганда, кесинг уругы кирирсе, суратны кьолунг бла ёрге тутарса, садак окь суратха тийгенлей: „Уралмагъансыз мени!“ — деп, урудан тышына чыгарса»,— деп юйретгенди.

Юч кюнню кюрешгендиле. Ала атып бошагандан сора, Шырданны жашы: «Мен саума, бир адам да мени ёлтюралмаганды! — деп, урудан тышына чыкганды. Нарт жашла бир бирлерине къарадыла, уллу бушуугы, кыйгыгы квалдыла. Шырдан, Агунданы алып кыояды, деп, кьоркьдула.

Мычымай алайгы Сибилчи жетди. Сибилчи мудах болуп турган жашлагы: «Сиз Шырданны жашын ол: „Уралмагъансыз мени!“ — дегенде атыгыз»,— деп юйретди. «Энтда да бирер атайык»,— деп тиледиле жашла. Шырдан эркин этди. Жашы: «Уралмагъансыз!» — дегенде, атып урдула. Шырданны жашын ёлтюрдюле. Шырдан жашындан бошады. Агунданы да алалмады.

115. ЖЁНГЕР БЛА АЧЫ ТИЛЛИ ГИЛЯХСЫРТАН

Эрте заманда нартлада Жёнгер деп бир нарт болганды. Ол, кече болса, жел атлагы минип, кюндюз болса уа, «Жел ауруудан ауруйма»,— деп багушка кирип, ол этмеген палах, ол этмеген хата, ол жетмеген жер квалмаганды. Аны былай болганын билип, Ачы тилли Гиляхсыртан аты бла келип, аны багушунда ат ойнатып тебирегенди. Сора, Жёнгер Гиляхсыртанга: «Мен ауруп турганлай багушумда ат нек ойнатаса?» — деп, ачуланып сорганды.

Гиляхсыртан айтханды: «Мен сени ауругъанынг бла сауунгу билмесем, мен да Гиляхсыртан туюлме. Ит итлигин этер, багуш багушка ушайды. Адам эсенг, Жетиланы акь ажирге чыксанг а!»

Сора Жёнгер айтханды: «Жетилары жети кьарнашдыла, байрым кече болмаса, ала анга жети кере жер саладыла — мен аны кыалай урлайым? Жети бурууу, жети кьарауулу, жети да ити бардыла,— мен аны кыалай урлайым?» — деди.

Ачы тилли Гиляхсыртан: «Сени эгечинг Гошаны кьарны иги ауруса, аны кыалай урларыгынгы ол санга юйретир»,— деди.

Алайдан Жёнгер эки таякны эки кьолтугуна салып, ахсай-ахсай, эгечи Гошагы барганды. Гоша, аны кёргенде, кыйгылы болуп: «Не болганды санга, нек келгенсе?» — деп сорганды.

«Да не этейим, Жетиланы акь ажирин кыалай урлайым деп, санга сора келгенме»,— деп, жууап бергенди.

«Жети баппушну бир атханлай ёлтюрсенг, къалай урларыгъынгы айтырма»,— дегенди Гоша.

Сора, алайдан Жёнгер излеп, болат темирден садакъны алып, жерлеп, чыгъ-анакъгъа баргъанды. Атып, жети баппушну да бирден ёлтюргенди. Аланы алып келгенди. Сора эгечи Гоша, баппушланы жыртып, жарашдырып бошагъандан сора: «Бар, Жёнгер, итлеге кесинги кёргюзтмей, бир терен уру къаз,— деп, байрым кече анга уру къаздырады.— Башха кечеледе ажирни жери юсюнден кетмейди»,— дегенди. Жёнгер ол айтханча этгенди да, байрым кече, уру къазгъандан сора, урудан чыгып, акъырын, итлеге от ата, итле да ашагъаны-ашагъаны ёле барып, жети къарауулну ёлтюргенди, жети бурууну да бузуп, темир багъанагъа байланып тургъан акъ ажирни алып кетгенди.

Танг атханлай, Жетилары эшикке чыкъгъандыла. Къарасала, итле ёлюп, жети буруу да бузулуп, къарауулла да кырылып, акъ ажир да кетип. Кече къаладан тышына чыгъалмагъан Жетилары, жыйыу болуп, ант бла, жетиси да жети жанына айланыргъа, излерге кетгендиле. Жети къарындаш да излеп, дуняда жети жылны айлангандыла. Таякъларыны учуларын, аякъларыны бармакъларын тауусуп келгенди, тапмагъандыла.

Ачы тилли Гиляхсыртан Жетиланы, айланып, тапмай келгенлерин билгенди. Сора, Жетилагъа баргъанды да: «Не эте турасыз?» — деп соргъанды. «Этип а не этейик, акъ ажир урланганды, аны жер юсюнде адам элтмегенди»,— дегенди. Ачы тилли Гиляхсыртан: «Эй, аманла, сиз билмейсиз ансы, аны жер юсюнде адамла элтгенди. Жетигиз да барып, кече нартла кёпюрюню тюбюне киригиз, садакъланы тартып, хазыр тутугъуз»,— дегенди.

Дагъыда, Ачы тилли Гиляхсыртан алай айтханды: «Сиз билигиз, бюгече ол алтын жылкыны, жез табанлы жылкыны кёпюрге урлукъду».

Кечени бир заманында Жёнгер жылкыны кёпюрге ургъанды. Жылкыны арты кёпюрден ётдю дегенлей, бирча буйрукъ бла, Жетилары, садакъланы Жёнгерге айландырып атхандыла. Алайда Жёнгер акъ ажирден жыгылгъанды. Жетилары, чабып, аны кесерге кюрешгенди, алай а сауутлары, кылычлары кесалмагъандыла. Суугъа атабыз деп кюрешгенди да, кётюралмагъандыла. Жетилары сора, ишни не болгъанын билмей: «Ай, бизге Гиляхсыртан бир сыйлы адамны ёлтюртгенди, андан эсе кёрмегенибиз бу болгъа эди»,— деп, ажирни алып кетгенди.

Эртденликде, хапар жайылып, андан-мындан келген жолоучула келип, алайгъа жыйылгъандыла. Халкъ, не къадар кюрешди эсе да, аны кётюралмагъанды. Сора, алайгъа Ачы тилли Гиляхсыртан келгенди. Ол халкъгъа айланып: «Сиз муну танымаймысыз?» — дегенди. Дагъыда Гиляхсыртан: «Танымай эсегиз, бешикде сабий, элде адам, тёшекдеде къарт—къурт кьоймай, былайгъа жыйыгъыз»,— дегенди. Халкъны, ол айтханча, алайгъа жыйгъандыла. Гиляхсыртан: «Энди Жёнгерден къалгъанланы барын да жыйгъанбыз»,— дегенди.

Гиляхсыртан: «Да сора, алай эсе, барыгъыз да, аны да келтиригиз»,— деп, буюргъанды. Халкъдан адамла, багушха барып: «Жёнгер жокъду»,— деп къайтхандыла. «Да, жамауат, жокъ эсе, ма бу жатхан Жёнгерди»,— дегенди. Халкъ кётюрюге кюрешгенди, не аз да кётюралмагъанды. Ол заманда Гиляхсыртан айтханды:

«Барыгъыз, эгечи Гошаны келтиригиз, ол бир кюу этип, бир чуу этсин, ол заманда кётюрюге болурсуз».

Халкъдан адамла барып, Гоша эгечин алып, алайгъа келтиргенди. Ол, келгенлей, кюу, чуу этгенди, ол заманда ёлген Жёнгерни кётюрюп, алып кетгенди.

Сора, Жёнгерни къарындашы Турту аны Гиляхсыртан ёлтюртгенин, аны палахы болгъанын билгенди. Алай бла Турту анга дертли, ачыулу болгъанды.

Нартланы жыл байрамлары жетип, жыллыкъ бал бозалары болуп, ичгиге жыйылгъандыла. Сора, алайда Жёнгерни къарындашы Турту, ичги ичилип башлангандан сора: «Ичинден тышына, тышындан да ичине жибермезге, эшиклени,

терезелени бегитирге эркиндик беригиз»,— деп нартладан тилегенди. Алай бла эшикни сакъларгъа кеси бойнуна алып тохтагъанды.

Ачы тилли Гиляхсыртан — бир чубур аты, бир да чубуркъуйрукъ ити бла нартланы эллеринде айланган бир киши болгъанды. Жёнгерни къарындашы, эшик юсюне бир тенг жашын салып, Гиляхсыртанны къара атына да минип, сауут-сабасын алып, ол келиучю жолгъа чыкългъанды. Сора, мингнген къара атына адам тил бла: «Туруучу, барыучу жеринг къалайда эсе да, ары элт»,— дегенди. Ат, элтип, бир ариу дуппурну юсюнде тохтагъанды. «Ачыл, дуппур!» — деп къычыргъанында, бир эшик ачылгъанды. Ичине кирсе — ачы тилли Гиляхсыртанны къатыны да анда, эки жашы да анда. Турту, аланы къоркъгъанларын кёрюп: «Къоркъмагъыз, мени Гиляхсыртан ийгенди,— дегенди. — „Халкъгъа чыгъармай, мен юйдегими аллында гюняхлы болгъанма, бир иригим барды да, аны кес. Ашны, сууну хазыр этсин юй бийчем. Нартланы алып барлыкъма“,— деп ийгенди»,— деди.

Жёнгерни къарындашы ирикни кесгенди, къазанны отха асханды. Къазан къайнагъынчы, муркку эте, ирикни соя тургъанды. Гиляхсыртанны къатынын да, эки жашын да ёлтюрюп, къазаннга салып, нартлагъа баргъанды.

Ачы тилли Гиляхсыртан а, ол ишлени барын да сезип, тынгысыз болуп тургъанды. Нартла бозаны ичип бошагъанларында, атына минип, ызына айланып чапханды. Къазанда къатынны, сабийлерин кёргенинде, кеси да, аты да, ити да, жел туюмчек болуп, кёкге учуп кетгендиле.

Ма кёкде айны ичинде ол ат сурат бла адам сурат аладыла, дей диле къартла.

116. НАРТ УЛУ БОРА-БАТЫР БЛА ЧЮЕЛДИ

Нартла бла эмегенле сермешиучю заманлада была, жыйын болуп да, бирем-бирем да, бири бирине чабыууллукъ этип жюригендиле.

Ол заманда Бора-Батыр деген бир кючлюню алтмыш сарыуек къалаууру бар эди, аладан къоркъуп, анга чапмай, тонамай, алай а кеслерин хазыр этип тургъан алтмыш эмеген да болгъанды.

Бора-Батыр деген нартланы бийлеринден бири эди. Аны уа нартладан болуп да бир жылкычысы бар эди, аты да Чюелди деп.

Жылкычы Чюелди, оту жукъланганда, тегерегине къарап, кенгде бир от жарыкъ кёрюп, атланады. Атыны атлагъаны айлыкъгъа, секиргени жыллыкъгъа болгъанды.

Бу жылкычы, от алыргъа барып, от болгъан бир уллу къалагъа жолугъады, къаланы арбазындан ичине: «Эй, ким барды мында?» — деп сёлешгенде, беш башлы алтмыш эмеген санады, уллу отда алтмыш къазан, этден толуп къайнайдыла. Алтмыш къазанны хар бирини ичинде бир ёгюз бишеди.

Эт бишип бошагъанда, эмегенле, хар бири бирер къазанны алларына салып, ашап, тойгъан да этмей, бири биринден этле урлай эдиле. «Энди, — деди Чюелди, — сиз алтмыш къазан асмай, бир уллу къазан асып, бирге ашасагъыз болмаймыды?» — деп сорду.

Эмегенлени таматасы: «Эй, ахшы улан, сен айтханлай этсек, биз алтмыш ёгюзню бирибиз окъуна тауусур эдик, биз кёп ашайбыз. Хар кимни юлюшю белгили болгъанлай окъуна, бир бирден сермейбиз, кёрмеймисе?» — деди. Ол заманда, биягъы нарт улу жылкычы Чюелди: «Сиз эт биширгенде, туз атамысыз?» — деп сорду.

«Туз дегенинг неди? Биз аны билмейбиз», — дедиле. Ол заманда Чюелди, эмегенлени ашагъанларына да сейир этип, бек да къоркъуп, аладан къутулайым деп: «Эй, акъыллы тёбеле! Кюнден быллай бир да ашамай, ол туз деген затны келтирсем, аны ашыгъызгъа салып ашасагъыз, бир уллу къазанны да тауусалмай тоярыкъсыз», — дейди.

Ол заманда Чюелди бу эмегенледен от тиледи да, от да алып, къоркъуп артына къарай кетди. Жылкысына жетип, от тамызып, экинчи кюн, къоркъса да: «Ётюрюкчю болмайым», — деп бир сай туз алып келип, эмегенлеге жолукъду.

Ала бла саламлашып: «Бир ёгюз кесигиз», — деп, кесдирип, къазанга салдырып, ол сай тузну ичине куйдуруп, къайнатып, эмегенлеге: «Ашап башлагъыз», — деди. Ала бары да жангыз ёгюзню ашап бошайлмай, Чюелдиге да юлюш бердиле. Чюелди кесине берилген юлюшден ашады, тауусалмады.

Эмегенле сейир этдиле. Чюелдиге ыспас этип, кеслери алларына кенгешип, Чюелдини амалын башларына жаратыргъа келишдиле. Айхай да, Чюелдини бу амалын билгинчи, ол жолукъганда, ашаргъа эди муратлары, болса да, кеслери билмеген хантны тапханы себепли, ашамай: «Нарт улу Бора-Батыргъа чабыууллукъ этиуде жаратайыкъ», — дедиле да, Чюелдиге айтдыла:

«Энди, сен адам улуса, болса да, бизге нёгер бол, биз санга бир тюрюлю къыйынлыкъ жетдирмейбиз, бизге болуш», — дедиле. «Да, — деди Чюелди, — мен сизге не къаруу бла, не акъыл бла болушалмам, сиз акъыллы, кючлю тёбелесиз. Алай а къолумдан келгенича болушурма». «Да алай эсе, — дейдиле эмегенле, —

биз алтмыш эмегенбиз. Нарт улу Бора-Батыр бек байды, мюкю, харакети кёпдү. Аны тонаргъа, ёлтюрюрге таматабыз бизге буюргъанды. Чабыуулдукъ этер заманыбызгъа жалан да жыйырма кюн къалгъанды. Бора-Батырны алтмыш саруек сакълайды жерде, жюз желмаууз да кёкде сакълайды. Биз аладан къоркъабыз да, Бора-Батыргъа жетиширча мадар-амал тап деп, тилейбиз».

Нартладан болса да, ол Чюелди нарт улу Бора-Батырдан кёп къыйынылыкъла кётюрген эди, аны себепли, анга ачыулу эди. Экинчиси, анга эмегенле тиймей, акъыллы киби кёргенлерин да жаратып: «Нарт улу Бора-Батырны да, эмегенлени да къачан болса да сынарыкъ болурма, къарууум, атым да бек кючлюдю,— деп, эмегенлени бир кере ыразы этейим да, ала манга аманлыкъ этмеселе, насыбымды, сора Бора-Батырны къолгъа алырма»,— деп тебиреди.

Эмегенледен, саламлашып атланып, аты бла бир-эки атлагъанлай, саруеклеге тюбеп, барын да къырып, экинчи кюн а желмауузглагъа тюбеп, аланы да къырып, Бора-Батырны арбазындан юйюне сёлешди.

Бора-Батыр адам тауушну эшитип: «Да эркинликсиз бу жерге жан кирмегенди, мынча саруекден да, желмаууздан да къутулуп келген адам къайдан чыкъды, бу не алапатды?» — деп, сейирсинип, эшикге чыгъаргъа къоркъуп, терезеден башын къаратып: «Не затса, бери къалай келдинг?» — деп сорду. «Да бери уа келмей а, сен да адамса. Нарт болуп, нарт халда жашамайса, нартланы да къыйнайса. Нартланы эмегенледен къорууламайса, къорууларгъа да кюрешмейсе. Ма аны себепли, мен Тейриден тилеп, къаруу-кюч алып, сени сакълагъан жердеги саруеклеринги алтмышын да къырдым, кёкдеги желмауузланы жюзюсюк да къоратып, энди муратынгы билирге келгенме. Айт, не айтырыкъ эсенг да. Сен бек белгили нарт болсанг да, нартла санга ыразы болмагъанларын билирге керексе!»

«Эй,— деди нарт улу Бора-Батыр,— сен мени халек этдинг, хорладынг, эшта да, мен жангылгъан болурма, тобагъа къайтайым. Болса да, мени да, жер юсюнде болгъан нартланы да къоратыргъа деп бёлек жылны ичинде кеслерин хазырлап тургъан алтмыш эмеген барды да, аланы къырсанг, нартланы барын да ыразы этериксе. Энди сен кёресе, мен да къартайгъанма, жангыз къызым барды да, эмегенлени къырсанг, мен къызымы санга берирме, кесинг да мени орнума тамата болурса»,— деди.

«Да, кёрейим»,— деп, Чюелди, артха айланып, эмегенлеге жетип сёлешгенде, эмегенле: «Не этдинг, къалай болдунг? Барып, нарт улу Бора-Батырны биз къоратыр амал тапдынгмы?» — дегендиле.

«Ай, Бора-Батырны къоратыргъа амал, сиз айтханча, тынч болуп къаллыкъ туюкдю. Болса да, мен аны табаллыкъма. Манга ийнана эсегиз, сиз сабырлыкъ этигиз, бир эки-юч кюнден сиз Бора-Батырны тонарча эталлыкъма, мен кесим да сизден болдум. Алай сиз, мен Бора-Батырны хорлагъандан сора, манга тиймезге, мени ашамазгъа ант этигиз»,— деди.

Эмегенле ант этдиле. Чюелдини кеслерине жаш этдиле да: «Юч кюнню сакълап турурбуз»,— деп, Чюелдиге ийнанып жибердиле.

Ол юч кюнню ичинде Чюелди Бора-Батырны къызын алып, анга киеу болду. Ючюнчю кюн ингирикде атына минип, эмегенлени жангызын да къоймай къырып, тауусуп, аланы жаратылгъанлы жыйгъан кёп ырысхыларын эм багъалы хазналарын алып, Бора-Батыргъа келип, битеу бу тийреде болгъан халкъ жыйылып тургъан жерде, Бора-Батырны аллына салды.

«Ма энди бу мени киеуюмдю, мен сизге артыкылыкъ этген да болурма, жюрегигизни къыйнагъанларым да болур. Къарт эсем да, кечигиз, бу мени киеуюм Чюелди сизге нёгерлик эталлыкъды,— деди нарт Бора-Батыр.— Кертиси бла да, бу сизни душманладан сакълаялыкъды. Энди анга да, сизге да кереги бирлешиудю. Сиз бирлешигиз, маханчакъ болмай, жаугъа кёлюгюз бла къажау сюелигиз, жауну хорларсыз, нартны аты ол заманда айтылгъанлай, кюн суу-

угунчу барлыкды. Алай болмаса, кёзюгюз сокъур, къулагъыгъыз сангырау, къолугъуз чолакъ, бутугъуз акъсакъ болурла». Ма былай Чюелди Бора-Батырны орнуна нартлагъа тамата болуп къалды деп, хапар айтылады.

117. ЧЮЕЛДИ

Къубу бла Губу нартланы заманында болгъандыла. Быланы аталары бош адам улуладан болсала да, экисини аналары да Тихтеннген тауну нартларыны къызларындан туугъандыла. Тихтеннген тауну нартлары артыкъ къарыулу болмасала да, хыйлагъа, аман-такъалагъа бек хунерли, устала болгъандыла. Бу экиси Къуб жанында жашагъандыла.

Къубу нарт бай болгъанды, сыйыннгысыз жылкъысы асыры кёпден жалпакъланы къаралтханды. Кеси бек чомарт болуп, адамлагъа артыкълыкъ этип жүюгенлеге жау болгъанды. Губу уа урлаучу, адамлагъа артыкълыкъ этиучю бир аман зат болгъанды.

Бир кюн Губу нарт Къубуну жылкъысын урларгъа барып, садакъ бла атып, тюз кёзюнден уруп, желкесинден чыгъаргъанды. Къубу ёлгенди. Губу сыйген атларын сюрюп, алып кетгенди.

Къубу кеси ёлсе да, бир уланыгъы къалгъанды. Аны аты Чюелди болгъанды. Атасы ёлгенден сора Чюелдини онбеш жылына жетгинчи асыраргъа, юйретирге, Чюелдини анасы Сарасан Тихтеннген тауда жашагъан нарт къарындашларындан Къурша деген бир нартха бергенди. Ол аны къарангы, сууукъ, бийик жерлеге элтип, уугъа, жаныуарланы кёргюзтүп, чыранладан, бугъейледен ёткерип, аркъан бла къаяладан салындырып, аладан къалай этип къутулургъа боллукъду, садакъны къалай ойнатыргъа керекди, деп, кёп затланы юйрете келгенди. Алай Къурша, сууда, тенгизде кеси жүзе билмегени ючюн, Чюелдини да жүзерге юйреталмагъанды. Ол себепден Чюелди уллу сууладан къыл аркъан бла ётерге керек болгъанды.

Ашатырдан алгъа ары-бери чапдыргъанды. Уллу ташланы кётюргенди. Чийли-бишли этлени да чайнатханды, жутдургъанды. Аз жукъларгъа да юйретгенди. Кёзлери ахшы кёрюрге, къара дугъум ашатханды, къулакълары шыхыртны иги эшитир ючюн жумарукъ, бёдене жаула жакъдыргъанды, къулакъларына къулакъ мыйюзле салдыргъанды.

Алай эте, Чюелди онбеш жылына киргенди,
Андан сора Къурша келтирип анасы Сарасаннга бергенди.

Аны анасы, къууанып, алгъанды.

Уланы анасына: «Сен кимсе?» — деп, соргъанды.

Анасы: «Сен мени уланымса, мен да сени тапхан анангма», — дегенди.

— Да алай эсе, мени атам кимди, ол къайдады?

— Ой, жашым, ол эртде ауруп ёлгенди. Аны несин сораса, ол энди бери къайтырыкъ туююлду.

— Угъай, амам, сен аны нек жашыраса? Мени атамы адам ёлтюргенди, деп эшитгенме, андан не зат къалгъанды?

Анасы биягъы айтыргъа унамай тохтады. Ол заманда Чюелди, анасыны сермеп бууунундан тутуп, къазанда къайнай тургъан жаулу шорпагъа къолун сугъуп:

— Айтамыса, айтмаймыса? Айтмай эсенг, бу къайнай тургъан эт бла бирге биширеме, — деп, тохтады.

Ол заманда анасы:

— Тейриден аман тапсын, санга аны юйретген, ий, айтайым, — деп, сёзюн былай башлагъанды: — Сени атанг бек бай болгъанды. Аны къанлысы Губу

болгъанды. Атангы ол ёлтюргенди. Атангы кылычы, садагъы, солтанжиясы, аты Къуркъур тауунда бир дорбунда сакъланады,— деди.

Чюелди алайдан, атланып, жолоучу болуп, Къуркъур таугъа баргъанды. Анда нарт Бораны тапханды да, нарт Бора аны кьонакъ этгенди. Кьонакълыкъгъа мангырамаз кьочхар сойгъанды. Ашатып, ичирип бошагъандан сора нарт Бора:

— Иги жаш, не айланаса, не жюрюйсе? — деп соргъанды.

Жаш атасыны ким ёлтюргенин, аны атын, сауутун-сабасын излей чыккыгъанын айтханды.

— Алай эсе, сен нарт улуладан болурса, сени ким ёсдюргенди?

Къурша деген нартны таныймыса? — деп соргъанды нарт Бора.

— Таныйма, ол мени аталыгымды, ол ёсдюргенди,— деди Чюелди.

— Да, алай эсе, мен ол дорбунну таныйма, кёзлеринги иги жандырып кьарачы, анда-анда, ол жерде, узакъда, ол тауланы ичинде ол кьара ташны кёремисе? Ол дорбундады сени атангы солтанжиясы, садагъы, саууту-сабасы, аты,— деп, кёргюзтдю.

Къарап кёзю бла кёрдю. Андан сора, кьулакъ мюйюзлерин жерге салып, тынгылады. Атны жерге аягын кьаккыгъан тауушун эшитди. Алайдан ол дорбуннга баргъанды.

Дорбунну эшигине кьапланып тургъан кьара гыйы ташны аудуруп, ичине киргенди. Кирсе, аллай дорбуннга кир, ат анда. Дорбунну бир жанында — солтанжиясы, садагъы, аланы кьатында — атасыны кылычы, кылычны сабында асланны, кьапланны суратлары салынып тапды. Чюелди садакыны, солтанжияны бойнуна такъды. Сора, атасыны кылычыны аузундан юч кере уппа этип, юч кере Кёк, юч кере Жер Тейрисине ийилип: «Мени бу аслан, кьаплан кибик жигит, батыр, кьарыулу этигиз»,— деп тиледи.

Андан сора, атха минерге умут этсе да, ат минерге кьоймай, кёп кюрешди. Болса да: «Мен атам миналгъан атха кьалай миналмам?» — деп, сермеп кьулакъларындан тутду. Бирден, аслан секиргенча, сыртына кьонду. Кьамичи бла уруп, дорбундан чыккыды.

Кьолладан кьоллагъа, кьанатлыча, ёте келип, бир кьутуруп келген сууну кёпюрюн сакълагъан эмегеннге жетгенди. Эмеген кёпюрден иерге унамай тохтагъанды. Ол заманда атасыны кылычын, суууруп чыгъарып:

Кёпюр юсюнде деу эмегенни сермегенди,
Эмегенни, тюз тёппесинден уруп, эки бёлгенди.

Кылычы, эмегенден да ётюп, кёпюрню да эки кесип, барын да суугъа кьуйгъанды. Сора кеси, ачыуланып, аты бла сууну экинчи жагъасына жюзюп чыккыгъанды.

Алайдан бир тюзню чабып тебирегенди. Атыны аягыннан чачылгъан зылдыла, кёкде учхан кьара чаукалача кёрюне, жолда бир уланнга жолуккыгъанды. «Жол болсун», «Сау бол»,— деген сёзледен сора:

— Мени атам Къубуну ёлтюрген Губуну жылкысы кьалайда болур? — деп соргъанды.

— Ала уа Чууанала жанында, жети да кьолну толтуруп, анда отлайдыла,— деди.

Чюелди, чаба, жорта кетип, жылкыны тапханды,
Кычырыкъ этип, жибек аркъанны атханды.

Жылкы, аркъанны жерге тийген тауушундан элгенип, энишге айланды. Алай, жылкыдан бир ат, айырылып, башха бир терс жанына кьачды, Сюрдю,

кюрешди, жетип ызына кьайтаралмады. Болалмагъанында, жылкыны сюре келип, ол биягы сууда ол кёпюр болгъан жерге жетгенди.

Къараса — кёпюр ишленип, бел агъачлары, суудургъучлары агъачдан болмай, доммакъдан, турчдан ишленип, кёпюрню эки къулагында — эки эмеген. Къолларында тамырлары бла къобарылгъан бирер нарат тереклери. Мангылайларында, къара миялача жылтырагъан, жумдурукълача, бирер кёзлери, къуш тырнакълача, къынгыр ёсген тырнакълары. Ауузларыны, эринлерини эки жанына чыкъгъан, къабан тишлеча, тишлери. Къулакълары уа, бир башхасы болмай, биттиркочну къулакъларыча, гитче, тюкю къулакъчыкъла.

Чюелди жетип:

— Кёпюрчюле, акъыллыла, эслиле, кюнюгюз ахшы болсун! — дегенди.

— Нарт улу, адам улу, сени жолунг аман болсун! Къатыбызгъа келме, жылкынг алай турсун, кесинги да иерик туююлбюз,— деп, тохтадыла.

Чюелди бла эмегенле арасында къаты уруш, туююш башланды. Эмегенле къолларында таякъ орнуна жюрютген тамырлы чынар терекле бла Чюелдини кесин сермеп, жылкысын артха юркютюп эрттенден ингирге дери урушдула. Экинчи кюн да алай кюрешдиле. Ючюнчю кюн Чюелди: «Мен нарт улусу туююлме, былагъа хорлатсам»,— деп, юслерине айланып, чапханды. Биягы эмегенле терекле бла, бу да къылычы бла кюрешип башладыла. Бираз кюрешгенден сора, Чюелди эмегенлеге:

— Мен Къубу улу туююлме, мен нартла къызы Сарасандан да туумагъанма, бир къыйпагъанлай сизни аудурмасам,— деп, эмегенни сермеди да, аны къолунда береги бла бирге эки бёлдю.

Экинчи эмеген, нёгерини жыгылгъанын кёрюп, кёпюрню юсюн гыллыулатып чапды. Ол терек бла, бу къылыч бла кёпюрню къулагында сермешдиле. Чюелди муну асыры жюрексинип ургъандан, кесин да къолунда терек таягын да, доммакъдан, турчдан ишленген кёпюрню да, эки юздюрюп суугъа къуйду.

Алайдан, жылкыны суу бла уруп ётдюргенди. Жылкыны аллына этип бара тургъанлай, къыртчыгъылача, башы бла аууп-аууп зылдыланы, ташланы жылкыны юсюне тийгенлерин кёргенди. Ызына къарап: «Ярабий, бу не затды?» — десе, ол жылкыдан айырылып къачхан атха да минип, биреулен чабып келгенин кёргенди.

Бу келген Чюелдини атасын ёлтюрюп, жылкысын сюрген Губу эди. Былайда Чюелди, жылкыны алгъа къыстап, кеси аты бла бир бийик сыртда, солтанжиясын тартып тохтады.

Бир бирлерин атып тебиредиле. Губуну садакъ окълары уллу сыртны ортасына дери кире эдиле. Чюелдини солтанжиясыны окълары, жилтинле чыгъарып, сыртны экинчи жанындан чыгъа эдиле.

Садакъла бла, солтанжия бла эки кюн, эки кече кюрешгендиле, бир бирни ёлтюралмагъандыла. Сора, атышынуу къоюп, къылычла бла силдеширге киришгендиле. Юч кюн ашамай, ичмей кюреше кетип, ахырында Жер, Кёк Тейрилерине жалбарып, Чюелди ахыр кючю бла сермегенди. Къылычы Губуну тюз тёппесинден тийип, андан ётгени сыртны эки жырганды, Губу да алайда ёлгенди. Чюелдини къылычы эки этген ол сырт Чууанала жанындады.

118. НАРТ ЧЮЕРДИ БЛА ЁРЮЗМЕКНИ КЪЫЗЫ

Эрте заманда нарт Чюерди деп бир нарт болгъанды. Бу, атадан ёксюз къалгъанда, халкъ муну бырнак этип башлагъанды. Ол заманда Чюерди, къачып, ана къарындашларына барады. Ана къарындашлары, аны къабыргъасын киши жерге салмасын деп, тилсим этип, аны бууунуна темир чыбыкъ бла байлагъандыла.

Сибилчи бла Ёрюзмек Чюердиге тынчлыкъ бермей башлагъанда, ана къа-

рындашлары: «Бар да, жылкыдан сайлаган атыңгы тут, сора анангы да ал да, къайры болса да кет»,— дейдиле.

Алай бла жылкыгъа барып, аркъан атып, атланы кезиу-кезиу тутуп, беллеринден энишге басып кѳреди. Кѳрген-кѳрген аты чыдаялмиды. Беллеринден басхан атыны белин бюгюп, къарнын жерге жетдирип къояды. Ахырында сары кичиу бир атчыкыны тутуп, белинден басып кѳреди. Бели бюгюлюрге унамады. «Бу жарар»,— деген муратда алып келди. Иерин салып, анасын да алып, бир къара орманда кете-жорюй барып, бир къала болган жерге чыкыгъанды.

Нарт Чюерди къалагъа кычырады.

Мангылайында жангыз кѳзю бла бир эмеген чыгъады.

Нарт Чюерди, эмегени кылычы бла уруп, башын тайдырады.

Аны артындан экинчи эмеген чыгъады.

5 Чюерди аны да уруп, башын тайдырады.

Ючюнчю да бир эмеген чыгъады,

Аны уа алача этмей, жаны саулай бир уругъа атады.

Къаланы эмегенледен тазалап,

Анасы бла жашап, уугъа жорюп башлады.

Кюнлени бир кюнюнде, нарт Чюерди уугъа кетгенлей, анасы, барып, эмеген турган уруну башында гыйгыга минеди. Урудан бир ынчагъан тауушну эшитеди. Былайда къатын: «Бу не болур?» — деп кеси кесине айтды. Сора ол заманда эмеген, тюрюнде урудан: «Мени мындан чыгарсанг, санга жаш болурма»,— дейди. Къатын: «Жашыма къор бол! Манга жаш, улан керек тюрюлдю»,— дейди. Сора, урудан дагыда: «Эр болурма»,— дейди. Къатын тынгылайда. «Къалай чыгъарайым?» — дейди. Ол заманда эмеген къатыннга: «Ол жер юйде темир таякъ барды, аны бла кѳр»,— дейди. Аны алып келип, жаралы эмегени чыгъарады. Алайда ала эр, къатын боладыла. Чюерди уудан келсе, эмеген бугъады.

Тура туруп, къатын бууаз болады. Биягъы жашы уугъа кетип, доммай ѳлтюрюп, бир имбашына чынар терек кѳтюрюп, экинчи имбашына доммайны кѳтюрюп, жол бла келе турганлай, къабукыгъа чѳргелип бир сабийни табады. Юйге алып келип [жашы уугъа кетгенлей, аны ол келлик жолгъа, къозлап, анасы салганды], анасына: «Асыра, ѳсдюр»,— деп береди. Анасы сабийни ыразы болуп алады, бир талай заманны ичинде сабийни ѳсдюрюп, уллу жаш этеди.

Алай, эмеген, мындан букыгъандан таза безеди. Къатыны бла Чюердини ѳлтюрюрге эсине тюшеди. Была оноулашадыла да, эмеген къатынына: «Ичине уу салып, хычинле эт»,— дейди. Къатын эки къауум хычин этеди: бир къауумуну ичин таза эт, экинчи къауум хычинлени ичине уа уу салып этеди. Аны жаш сезеди. Анасы эшикге чыкыганлай, Чюерди кѳмюлюп турган хычинлени алышындырып, ол жанындагы бу жанына, бу жанындагы ол жанына кѳмеди.

Хычинлени биширип, отдан алгандан сора, анасы уу салынмагъан хычинлени нарт Чюердиге салып ашатадыла. Жашха жукъ да болмай къалады. Сора, жашха жукъ болмаганын кѳргенде кеслерине квалган хычинлени уулу болганларын билип ашамадыла.

Былайдан жашны ѳлтюрюрге башха оноу этдиле. Анасы Чюердини алдап: «Жашым, мен ауруйма, манга дарман керек болады. Сен бар, ол жерде, ол жерде бир эмеген барды. Ол эмегени солуу кюнню кѳзюн туман этип жабады. Тауушу, кѳк кюкюрегенча, тауланы зынгырдатып, атлаганы жерни тепдиреди, дарман анда табылыр,— деп юйретеди.— Сау келсенг, насыбынгды»,— деп иеди.

Жаш атына минип, сауутун-сабасын алып, атланып жолгъа чыгъады. Барып, бир бѳлек кюнден эмегени дарманлары болган юйюне киреди. Кирсе — эмеген жокъ, алай кюн, ай кибик бир ариу кызыны кѳрдю. Сора кызы айтды: «Хей,

адам улу, кьайдан келдинг, кьайдан чыкьдынг? Сен кьач, кет, эмеген кёклени кьаралтып, жерлени тепдирип жетер, келгенлей, сени жутар»,— дейди.

Жаш кьызгья: «Сен кимсе, кьайданса? — деп сорады. «Мен кьыз тенглерим бла кёзерге чыкьгьянымлай, кёкден бир кьара булут эне, тюше келип, алып кетгенди. Келтирип ма бу юйге атханды. Эмеген а кюндюз уугья кетеди. Манга уа: „Сен дунияны хорлап айланган нарт Ёрюзmekни кьызыса, манга не зат аталлыкь эсе да бир кёрейим“,— деп махтанады».

Сора жаш кьызны: «Кел»,— деп, алып тышына чыгьарды. Олсагьат кёкню кьаралтып бир зат келди, сора, булут келип жерге тюшдю. Кьараса — эмеген. «Хей, адам улу, кьабып кьояйыммы?» — деп, аузун ачды. Ол заманда: «Сен чакьырма, мен кесим барып аузунгу кёрейим»,— деди. Сора жаш бара барып, кьылычны чыгьарып сермейди. Бир сермегенлей башын тайдырды. Эмегенни бойнунда акьгьан кьан кёкню бетин кьызыл булутча кьызартды. Чюерди кьызны алайдан алып жолуна кетди.

Жолда келе келгенде, бир бёлек атлыгья жолукьдула. Бу атлыла Сибилчи, Ёрюзmek, Сосурукь эм башха нартла болдула. Ала, кьызны кёрюп: «Сени алып айланган бумуду?» — деп, Чюердини тутуп ёлтюрюрге башлагьанда, кьыз: «Угьай, атам, сен аны ёлтюрме, бу мени жанымы кьутхаргьанды»,— деп, хапарын башдан аякьгья айтады. Дагьыда: «Сизни хорлап тургьан эмегенни бу хорлагьанды»,— деди. Ол заманда Ёрюзmek айтды: «Алай эсе, бу мени кьызым сениди, ал»,— деди.

Жаш: «Сау бол, нарт Ёрюзmek, мени анам ауруп, тёшекдеди, кетмей амалым жокьду»,— дейди. Алайда кьыз кесини бармагьында алтын жюзюгюн жашны кьолуна, жаш да алтын мухурун кьызны кьолуна салып: «Бир бирни табарбыз»,— деп, жолуна кетеди.

Нарт Чюерди юйюне сау-саламат жетди. Анасына эмегенни юйюнден алгьан дарманланы берди. Алай бла, бу ётюрюкге сау болуп кьопду.

Нарт Чюерди уугья кетди. Ол заманда эмеген кьатынына айтды: «Энди жашынг бла тутушхан кибик эт. Ол, уялмай, сени жыгьып тьобюне салалмаз. Ол кесин санга жыкьдырып, мен а ол заманда бугьуп туруп, секирип, тьобюме салып, бууарма, ёлтюрюрге»,— деди.

Ол халда тутушуп, жаш жыгьылгьянлай, бууунунда ол темир чыбыкь бла байланып тургьан тилсимин алдыла. Кесин а ёлтюрмей: «Бар, кет»,— деп кьыстадыла.

Нарт Чюерди алайдан жюзюгюн берген нарт Ёрюзmekни кьызыны юйюне барды. Бу ары тилеучю факьырачы халда баргьанды. Ол кезиуде суугья барыргья деп юйден бир кьызчыкь чыгьады. Ол, суу алып, юйге кирирге алгья, Чюерди: «Кьумгьянынган суу ичир»,— деп тилейди. Ол кьызчыкь кьумгьянны мынга береди. Жаш сууну кьумгьянны быргьысы бла ичмей, башы бла иче, аузундан ол кьыз берген жюзюкню кьумгьянны ичине атады.

Бир кесек замандан Ёрюзmekни кьызы, ол суу бла башын жууа келгенлей, жюзюк тюшгенде, сермеп кьолуна алып, келген кьызчыкьгья «Сен кимге жолукьгьянса?» — деп сорду.

«Быллай, быллай бир адам кьумгьянны башы бла суу ичгенди»,— деп хапар айтды. «Сора, бар, ол адамны табып, алып кел»,— деп ийди. Кьызчыкь, кьыз болгьан тоханагья, жашны алып кирди. Бир-бирни кёрюп, тансыкьлашып, кьучакьлашып жыладыла. Хапарларын айтдыла.

Сора кьызны атасы нарт Ёрюзmek, эшитип келип, адетлериндеча, кьызны жашха берди. Алайда бир бёлек заман жашагьандан сора Ёрюзmek нарт Чюердиден анга этилген артыкьлыкьланы билди. Алайдан: «Анам бла эмегенни алай кьалай кьояйым?» — деп, атланып башлайды. Нарт Сосурукь, Ёрюзmek, Сибилчи да: «Биз да биргенге барайыкь»,— деп тиледиле.— Ол сени халек этер, жутар»,— дедиле. Болса да ол унамай, кеси кетди.

Анасы бла эмегенни кьаласына киреди. Садакья тилеп, кесин, жарлыча,

кёргюзтеди. Ала уа: «Къурусун эки кёзюнг, небизни берликбиз?» — деп ачыу-ландыла. Сора, ол, бууунундан тартып сыйырып алган темир чыбыкь бла байланып тургъан тилсимин, бычагъын, кылычын кыабыргъада тагъылып тургъанларын кёреді. «Ол тилсим тагъылып тургъан темир чыбыкьны манга сатыгъыз», — деп тилейди. Сатып алып, бууунуна тагъады. Сора: «Кылычны сатамысыз?» — деп сорады.

Багъасына жарашып, кылычын да алады.

Ол тилсимни, биягъыча, бууунуна такъгъанда, къарыуу, тулпарлыгъы жерине келеди. Сора, анасына, анасыны эри эмегеннге: «Чюерди менме!» — деп, башларын уруп тюшюреди, кесини къарындашчыгъын да алып кетеди. Алай бла батыр пелиуан Чюерди нарт Ёрюзмекни, Сосурукъну, Сибилчини киеулери болуп къалады.

119. ЧЮЕРДИ

Эртде заманлада нартла-гуртла джашагъан бир элге кыйынылыкь джетгенди да, ала кёчюб кетгендиле. Элде бир къарны болгъан къатынны заманы джетиб къачалмагъаны себепли, бир уллу уру къазыб, ашарын-ичерин да салыб, аны ары букьдургъандыла да кетгендиле. Кете туруб къатыннга сауут-саба да къойгъандыла: «Улан тууса, берирсе!» — деб. Ала кёчюб кетгенден сора бир талайдан къатын улан табханды, атына да Чюерди атагъанды.

Абадан болгъанлай, анасы анга эл къойгъан сауут-сабаны бергенди. Чюерди алапат учу болгъанды. Ол уугъа барыб, кийиклени ёлтюрюб, анасы, кеси да алай бла джашаб тургъандыла.

Бир кюн, Чюерди уудан къайтыб келе, бир уллу чегетни ичинде бир къаланы кёреді. Къаланы ичине кириб, тинтиб къарайды. Кёлюне былай келеди: «Анамы да алыб, бери кёчюб келсем, былайдан джууукь боллукь кёре эдим уугъа джюрюрге...»

Ол алай сагъыш эте тургъанлай бир эмеген джетиб джашны буугъанды. Экиси да кёб джагъалашхандыла. Чюерди эмегенни хорлаб, бир уллу терен уругъа атыб, башына да бир уллу ташны кыаблаб кетгенди. Талай кюнден анасын да алыб, кёчюб келиб, ол кыалагъа тюшгенди. Сора Чюерди уугъа айлана кетеди. Анасы юйде джашны кереклисине къараб турады. Алай эте джашаб турадыла.

Бир кюн къатын бир мурулдагъан таууш эшитгенди. Джууукь барыб, ол таууш келген джанына иги къарагъанында, башына да бир уллу таш кыабланыб, уру, уруну ичинде да эмеген. Эмеген, аны эслеб:

— Хы, мени ары чыгъар, атанг болурма! — деб тилегенди къатындан.

— Атама къор бол!

— Ананг болурма!

— Анама къор бол!

— Къарнашынг болурма!

— Къарнашыма къор бол!

— Юй тамаданг болурма!

Къатын тынгылаб туруб:

— Да мен сени къалай чыгъарайым? — дейди.

— Къара кюбюрде аркан барды, аны алыб кел да, ташны кыйырын чучху да, арканны меннге джибер.

Къатын ол айтханча этеди. Эмеген, ташны да башы бла уруб, тышына чыгъады. Алай бла кёб заманны бирге джашаб турадыла. Чюерди уудан келир заманда анасы эмегенни джашырады, ол кетсе уа эмеген юйге бош болады.

Бир талай заман кетгенден сора Чюерди сезгенди, алай а джукь сагъынмагъанды. Арадан джылгъа джууукь кетерге къатын сабий табады да, атына да Аллахберди атайды.

Чюерди бек кыйналыб, анасын да къоюб кетерге тебрейди, алай а кёлю

бармайды. «Къой, не этейим, не ант этсенг да, анады, сютюн бергенди»,— деген акъыл бла тѣзерге кюрешиб, джашаб турады.

Бир кюн эмеген къатыннга:

— Сен джашынгы ѳлтюрмесенг, мен сени бла джашарыкъ тюйюлме! — дейди.

— Да къалай ѳлтюрлюкме?

— Ашка от сал да ашат, аны бла ѳлюр.

Ол кезиуде джашчыкъ абадан болгъанды. Аланы сѣзлерин эшитиб тургъанды да джашыртын Чюердиге айтханды.

Къатын джарашдырыб хычынла этгенди, ичине ѳлюр от салыб Чюердини аллына салгъанды.

— Аша, ач болурса, айланыб, арыб келгенсе,— дегенди.

— Огъай, анам, ач тюйюлме, эгерлерим ачдыла! — деб, эки эгерине атханында, ала хычынланы ийисгеб ашамай къойгъандыла.

— Анам, итле ашамагъанны адам къалай ашарыкъды?

Ала мурат этгенча болмагъанында:

— Энди уа не этебиз? — дегенди къатын эмегеннге.

— Тар кийимле эт да кийдир, эки сахтиян чарыкъ да эт. Ол барында кийгенден сора мен джетиб бууарма. Ол заманда юйню тубюне тарыны тѣгерсе,— дегенди эмеген.

Къатын барын да этиб джашха кийдиргенлей эмеген, джетиб, джашны буугъанды. Ол алай буугъанлай къатын тарыны юй тубюне тѣгуб джиберди.

Чюердини аякълары тайыб, доп деб, олсагъатдан эмегенни тубюне тюшеди.

— Къара кюбюрде бычакъны бери чабдыр,— дейди эмеген къатыннга.

Къатын бычакъны алыб келгенлей, мен урама деб, Аллахберди бычакъны анасыны къолундан алады, сора эмегенни бойнуна уруб башын учурады. Чюерди ѳрге туруб, бычакъны джашчыкъны къолундан алыб анасыны бойнуна керилгенлей — джашчыкъ анасыны аллына турады. Чюерди анасын уралмай туракълайды. Сора Уллу къарнаш гитче къарнашха къоргъашын окъ бериб былай айтады:

— Мен ѳлсем ма бу окъдан къан чыгъар. Сют чыгъыб турса — анам бла тур, къан чыкъса — мени излей кел... Мен бу ананы кѣзюне къараб мындан ары туралмайма.

Алай айтыб, Чюерди кетеди. Кѳб джолланы тауусуб, бир мийик сыртны юсюнде тохтаб, тѳрт джанына, сымарлаб, къарайды. Узакъдан, аз-буз эшитиле, бир тунакы таууш келеди. Иги тынгылаб ол таууш келген джанына барады. Барса — сыртны тубюнде бир уллу дорбун, аны ичинде бир къыз бир ѳлюкню аллына алыб джылай тура.

— Не джылайса, не болгъанды? — дегенди Чюерди.

— Джети къарнашым бар эди, эмегенле бла уруш этедиле, бирин ма кѳресе не этгенлерин! — дейди къыз.

—Къалайда къазауат этедиле ала?

Къыз юретди да, Чюерди алагъа тебрейди.

— Къой, сеннге да бир хата этмесинле,— дейди къыз, алай а джаш тохтамайды.

Кетиб барады ол, узакъда эки къауум адам кѳреди. Бир къаууму кѳбюрек, бир къаууму азыракъ. Чюерди ол аз къауумгъа барыб къошулады. Саламлашыб, олтурады. Заман джетгенлей туруб бары да джолгъа тебрейдиле. Ол кюн ала эмегенлени иги кесегин агъызадыла. Джаш уста болады урушха. Экинчи кюн алайын эмегенледен тазалаб, къайтыб ол къызгъа келедиле. Джаш алайда кѳб мычымай, кетерге ыразы болады.

Джашла:

— Сен бизни эгечибизни ал! — деб, къадаладыла.

Чюерди анга огъай демейди. Алайда юленеди. Бир джолда аны юй бийчеси кеси аллына терен ахсынады.

— Нек ахсынаса, не болгъанды? — деб сорады Чюерди.

Юй бийчеси аллында айтыргъа унамаса да, ол айтдыргъынчы къоймайды.

— Да ахсыныб а нек ахсынмайма: бу эмегенлени энди бир джерде бирлери къалгъанды, ол къораса сора биз тынч бола эдик...

— Къайдады, биле эсенг, джашырма да айт.

Билгенича юй бийчеси айтыргъа кюрешди. Сора эртденбла джаш, атына да миниб, таукел атланыб тебрейди. Узакъ джолланы тауусуб бир ёзенни аягъындан айланады. Ол ёзенни башында бир къала кёреди. Бир ажымсыз, ол эмегенни къаласы болур деб, тартыб, ол къалагъа барады. Къалагъа тюгел да джетгинчи бир эмеген чартлаб аллына чыгыб:

— Атышыуму, тутушууму? — деб къычырады.

— Атышхан къатынла да этедиле, тутушуу! — дейди Чюерди, сора экиси да бирбирлерине чабышадыла. Эм алгъа эмеген уруб Чюердини ышым бау къысхан джерине дери джерге киргизеди. Чюерди урады да аны инчикден ёргерегине дери джерге киргизеди.

Эмеген экинчи урады да — тобукъгъа дери киргизеди, Чюерди урады да — ышым бауну белгисине дери киргизеди. Алай бла эмеген джашны богъурдакъгъа дери ташайтады. Сора эмеген аны башын кесе тебирегенлей, бир джанларындан эмегенни къызы джетиб:

— Муну кесерик эсенг, мени кес, — деб, атасыны къолундан бычакъны алады.

Аллахберди окъну сыгдады да, сют къатыш къан чыгдады. Бир ажымсыз, къарнашым къыйынлыкъгъа тюшгенди деб, анасына да айтыб, излей кетеди. Кёб джолланы тауусуб бир сыртлыкъгъа чыгдады. Ол сыртлыкъны тюбюнде бир сёлешген тауушлагъа къулакъ салады. Тюшюб барса, бир ариу тиширыу дорбунда бир джылай, бир тохтай тура.

— Нек мыдахса, нек джылайса? — деб Аллахберди къайгылы болуб сорады.

Къыз, эмегенле бла къарнашларыны къазауат этген хапарларын айта келиб:

— Бир джигит джаш келиб, мени къарнашларыма къошулуб эмегенлени артларын этген эди, алай а бири къалгъан эди да, анга кетген эди. Энди къайтмай, кёб къалыб кетди. Мени къарнашларым анга берген эдиле мени! — деб, хапарын толу айтады.

— Хы, сен келин болуб чыгъа айланаса, ол мени къарнашым болса керекди, — дейди джаш.

Сора, алайда кёб мычымай, Чюерди кетген джанына тебрейди. Къыз айтханча къарнашы кетген ёзеннге айланады. Эмегенни къаласын эслеп, сау, шау эсе да, къарнашым мында болур деб ашыгдады. Алайына эмеген джетиб аны бууады. Тебрейле сора экиси да бири бирлерин джерге уруб. Эмеген кёлтюрюб алыб джерге урады да, аны тобукъ тюбюне дери джерге киргизеди, Аллахберди эмегенни тобукъ башына дери джерге киргизеди. Алай эте келиб, уруб эмегенни джерге ташайтады.

— Къарнашым не этгенсе? Айтмасанг, башынгы алама! — деб юсюне ёрге сюеледи.

— Башым алма! — деб, эмеген къарнашыны тургъан джерин айтды.

Эрлай Аллахберди барыб къарнашын тартыб алады, къайтыб келиб эмегенни да башын тюшюреди. Эки къарнаш да къууанч тыбырлы болуб, кетиб тебрегенлей, эмегенни къызы ызларындан къараб:

— Мени былайда къоюб нек барасыз? — дейди.

Чюерди, ызына айланыб:

— Сен этген ашхылыгъынгы мен ёмюрге да унутмам, алай а сен эмегенни къызыса, мен сени адамлагъа алыб къалай барайым? — дейди.

— Огъай, мен эмегенни къызы тюлме, ол мени сабий заманымда урлаб, ма бу къалагъа келтирген эди, бюгюн мени оналты джылым толады, ол бюгюн мени алыргъа деб тура эди. Энди мен баш эркинлик табдым, эмеген ёлдю, бу къала да энди сизникиди, — дейди.

Аллахберди ызына къайтыб ол къызы алады, Чюерди да барыб юй бийчесин алыб келеди.

120. АЧЕЙ УЛУ АЧЕМЕЗ

- Ачемезлары тогъуз нарт батыр болалла,
Кече болса, тогъузусу да тогъуз тоханагъа кирелле,
Кюндюз болса, тогъузусу тай хоралагъа минелле.
- 5 Тогъузусу Къубу бла тогъуз къазауатха баргъанды,
Быланы барысындан да бир бууаз къатын къалгъанды.
- Бууаз къатын къозлады да, жаш тапды,
Къарт анасы жашны, сермеп алып, алтын тоханагъа атды.
- Жашчыкъны кёзлери, дугъум кибик, къарады,
Анасы аны хар кюнден бир жангы бешикге салады.
- 10 Юч айында мынга бир бешик да жарамай къалды,
Жети айында ашыкъланы бу къолуна алды.
- Бузгъа чыкъса, ашыкъ-къашыкъ къоймайды,
Жетийайлыкъ жаш, жетижыллыкъча, ойнайды.
- Бир кюн, ныгъышха чыгып, сабийле бла ашыкъ ойнады,
15 Чыгыр башлы ёксюз жашчыкъны Ачемез ашыкъ оюнда хорлады.
- Кюн батханды, кече болгъанды, муну анасы, сурап, келмейди,
Чыгырбаш жашчыкъны бу ашыкъларын бермейди.
- Ёксюз жашчыкъ да, жылап, анасына кетгенди.
Бир заманда, ачыуланып, аны анасы жетгенди.
- 20 — Ашыкъ бла байыкъмай, итден туугъан, башха ырысхыдан тол-
санг а!
Мени жашыма киши болмайын, атангы ёлтюргеннге киши болсанга!
- Ашыкъланы чыгъарып бу къатыннга атханды,
Жюрексинип, таралып, буз юсюне жатханды.
- Анасы излей барып, муну бузда тапханды,
25 Зорлукъ бла жашын алып, ол юйюне къайтханды.
- Не болгъанды, балам, санга? Жюрегинги ачсанг а,
Бир зат ашарыкъ болурму эдинг, сен ананга айтсанг а?
- Анам, къарным ауруйду, манга къурмач этсенг а,
Иссилей, сууутмайын, манга аны берсенг а.
- 30 Къурмач этип, анасы табакъ бла бергенди,

— Кесинг ашат,— деп, жаш анасындан тилегенди.

Исси кѳурмачны кѳатын ууучуна алганды,
Ол заманда уа жашы кѳолун кѳаты кѳысханды.

— Не этесе, балам, сен? Сен тобагѳа кѳайтсанг а!
35 Жарлы ананг не этгенди? Аны манга айтсанг а!

— Мен тобагѳа кѳайтырем, сен да тобагѳа кѳайтсанг эд,
Мени атамы тукѳумун ким юзгенин айтсанг эд.

— Атангы тор жылкѳысы Уллу Адилге кетгенди,
Сени атангы тукѳумун Кѳубу уа жокѳ этгенди.

40 Ол уялмагѳан тиширыу а башына ау салмасын,
Аны санга ким айтхан эсе да, эл тѳреге бармасын!

— Атамы жатхан кѳабыры турамыды, жокѳмуду?
Мени атамы мюлкюнде ат, сауут-саба бармы эди?

— Атангы жатхан кѳабыры бусагѳатда да турады.
45 Минг гѳренке ташны тѳбюнде аты, саууту бар эди.

Сени атанг, Ачемез, кюнде кѳазауатха барыучед,
Бу минг гѳренке ташны уа тогѳуз адам бла атыучед.

Жашчыкѳ, кѳючсѳюнюп, ахтынып, атасыны кѳабырына барганды,
Минг гѳренке тартхан ташны бир кѳолу бла алганды.

50 Ат орунга киргенде, сауутланы санады,
— Тор ажирге минсем эд,— деп, аны сыртына кѳарады.

Муну анасы, сейир этип, керти тобагѳа кѳайтханды,
Мингнген аты, тилленип, адам сѳз бла айтханды:

— Кѳызыл будай бермесенг, башха жемден мен тоймам,
55 Жылкѳыдан барып ат тутмасанг, сени сыртымда кѳоймам.

— Анам, ажирге минсем а, тюзге чыгѳып чабарма,
Жылкѳыбызны излесем, кѳайсы тюзде табарма?

— Жылкѳыбызны табаргѳа Адил сууну бойнунда ѳзеннге уа барырса,
Ат тутуучу сюек жюгенни, сермеп, кѳолунга алырса.

60 Адам бармаз, ѳчешип, тѳре жюрюген Тотургѳа,
Секирип, минип тохтарса уллу кѳамишни арасында готургѳа.

Жылкѳы чыгѳып тебиресе, уллусун, гитчесин тенг санарса,
Жюгенни зынгырдатып, кѳайсы келгенине кѳарарса.

Уллу кѳамишни ичинде кѳонгур сыртха барганды,
65 Экижашар жабагѳылы тай, юч кере келип, башын жюгеннге сал-
ганды.

— Энди, төртюнчю кере кыстасанг а, кенг тюзлеге кетерме,
Сен юсюмде кишилик этсенг, мен да атлыкь этерме.

Сюек жүгенни салып, тайны алып кетгенди,
Тамам бир жылны ичинде кызыл будайны бергенди.

70 Тайны керти ат этип, сауут-саба алганды,
Чоюн-къазан, желимни къанжыгысына салганды.

Атланып, жолгъа чыгып, Уллу Адилге барганды,
Атасыны жылкысыны къатында ол бир кече къалганды.

Желимге юзmez салып, къайнатып, атыны юсконе сюртгенди,
75 Къалауурланы туюп, чачып, Уллу Адилге ётгенди.

Къубу салган тогуз къалауурну башларын кесип алганды,
Жылкыны кютген ажирни къатына аты бла барганды.

Къума атын къантарганда, ол кесин жылкыгъа атханды,
Къубуну акъ ажири атыны юзmez сыртындан къапханды.

80 Тарта кетип, юзmezден ажирни аузу толганды,
Ачей улу Ачезе ажирни къатына барганды.

Атына кюч жетmezин бюгюн былайда билгенди,
Акъ ажирни адежге тартса, мында ат къалмазын сезгенди.

Акъ ажирни адежге салып, кеси атына мингенди,
85 Къубуну да битеу жылкысын аллына сюрюп кетгенди.

Къубу мурдарны жылкысын сюрюп, Ачезе жылкысына барганды.
Садакъ окъланы жүзюсюн ишлеп, ол жанына алганды.

— Къубу, жылкынгы сюрдюле! — деп анга къуугъун келгенди,
Къубу къара Боракъгъа иер, жүген салып мингенди.

90 Ачейден урлукъ къалганын къуугъунну кёргенде билгенди,
— Къайдан чыкыган жашса сен? — деп, душманны аллына кел-
генди.

Къубу аны жаш, сабий болганын кёргенди,
Азыкны эки юлешип, жартысын Ачей улу Ачезеге бергенди.

Къубу айтады: «Азыкны да, сауутну да экибиз тенг этебиз,
95 Онгу болган — башда болур, аны уа урушда билирбиз...»

Сермешип тутушхандан Къубу атышханны суйгенди,
Жашчыкыгъа бюгюн былайда жүз садакъ окъ тийгенди.

Ачезезни санлары садакъ окъдан толганды,
Кюн да батып, энди бюгюн керти кеч да болганды.

100 Кеч болгандан сора Къубу да кетерге суйгенди,
Бакъкыч къатынына бакъдырмаса, сау къалмазын билгенди.

Ашхам къарангы болганда, ол юйюне жетгенди,
Дарман къара билеуню алып, къатыны усталыкъ этгенди.

105 Бу халда была, кюрешип, юч кюн къазауат этгендиле.
Ёксюз Ачемезге юч жюз окъ да жетгенди.

Уруш бла кюрешип, Къубу арып, талгъанды,
Жашны кванжыгъагъа атып, юйюне элтип баргъанды.

Кюнде къазауатдан барса Къубу, юсю садакъ окъдан тола эди,
— Мынча кюнню къазауат этген сени бла ким эди? — деп къатыны сейир
бола эди.

110 — Акъ жылкыны, бири кълмай, Адил суугъа баргъанды,
Ачейни урлугъундан энтда бир зат кългъанды.

Ачемезни кѳргенде, садакъ окъну тартханма,
Кюрешген затымы, бар да кѳр, эшик артына атханма.

115 Къара билеуню чыгъарып, Къубуну юсюне атханды,
Арып келген къарт Къубу ундурукъгъа жатханды.

Къубу, ундурукъгъа жатханда, кеси кесине кюлгенди,
Къубу жукълагъанда, къатыны жашчыкыны барып кѳргенди.

Жюрек тылпыуу болганын, къулагын салып, тынгылап сезгенди.
Жашны тазда жууундуруп, къара билеуню салгъанды.

120 Жаш сау болуп, ѳрге кѳбуп кългъанды,
Сырпынны, сермеп, ол кѳлуна алгъанды.

— Сырпынны нек аласа? Энди тобагъа кълйтсанг а!
Жукълаганны ургъан — кишиге айыпды, Къубуну атын айтсанг а!

125 — Къубу! — деп уллу кычырды, Къубу ѳрге тургъанды,
Сырпынны алып, аны бла Ачемез бойнуна ургъанды.

Ачей улу Ачемез керти муратына жетгенди,
Къубуну мюлкюн алып, Уллу Адилге кетгенди.

121. АЧЕМЕЗ БЛА КЪУБУ

Ачейлары Ташлы Сыртда жашай эдиле, дейди,
Алада юч жыйырма атлы бола эди, дейди.

Юч жыйырмасын да Къубу деп бир адам кыргъанед, дегенди,
Ол тукъумдан Ачей улу Ачемез деп а бир жашчыкъ а кългъанед, дейди.

5 Ачей улу Ачемез да, ашыкъ ойнай барып, бир жашчыкыны ашыкъларын
кыятханед, дейди.

Ол жашчыкъ да, жылап, анасына барып а:

— Ачей улу Ачемез ашыкъларымы утханды,— дегенди.

Ачей улу Ачемезге анасы да келип а:

— Мени жашчыгъыма киши болмай, атангы ѳлтюргеннге киши болсанг а,—
дегенди, дейди.

- 10 Ачей улу, жашчыкыны ашыкыларын да берип, анасына былай айтып келгенди,
дейди:
— Ой, анам, кыарным ауруйду!
— Не этейим, балам, не зат керенди? — дегенди.
— Ой, анам, исси кыурмач этип, бир-эки кыаптырсанг, кыабарем, — дегенди.
Анасы да, кыурмач этип, мияла табакъ бла бергенди, дейди.
- 15 — Ой, анам, сен мени мияла келлююю сунаса? — дегенди.
Анасы агъач табакъ бла бергенди.
— Ой, анам, сен мени агъач келлююю сунаса? — дегенди.
— Ой, жаным, кезюм, не этейим, не бла берейим? — дегенди.
— Ой, анам, иссилей, уучунга алып тутсанг, бир-эки кыабарем, — дегенди.
- 20 Анасы да исси кыурмачны уучуна алгъанлай, исси кыурмач бла кыолун
кыаты кыысханды.
Ой, анасы: «Не этесе, балам? Нартны элинде менден сора тиширью жокъмуду?»
— дегенди, —
Ий, кыолуму, койдюресе!» — дегенди.
— Мени атам ким ёлтюрсенин айтмасанг иерик туююлме? — дегенди.
— Ий кыолуму, кюеди! Санга аны айтхан сени атанглай болгъуед, дегенди, —
- 25 Атангы тукъумун Кыбу деген бир кыан ичген губу кыырганды.
— Мени атам аты, жери, сауутлары кыайдалла? — дегенди Ачемез.
— Атын, да, сауутларын да санга берейим, — дегенди, — сен Кыбу бла
кыорешме!
— Угъай, анам, атам кыанын алмай мен бу дуняда жашамам, — дегенди.
Анасы, тохтамазын кёргенде, Ачемезге былай айтып башлагъанды, дейди:
- 30 — Балам, отну, окъну эркин ал, хайда, ахшы жолгъа бар, — дегенди, дейди. —
Сени тукъумунг бу атны юсюнде тауусулганды, — дегенди, дейди. —
Элден чыкысанг, мингген атынгы айтханын унутмай эсинге тут, дегенди,
дейди.
Ачемез да элден чыкыгъанлай, минген аты, адамча селешип, былай айт-
ханды, дейди:
— Ой, Ачей улу Ачемез, мени айтханымы акылынга ал, — дегенди, дейди, —
- 35 Аллыбызда темир кёпюр бла ётерикбиз, дегенди, дейди, —
Темир кёпюрге минсек, темирни зынгырдагъанындан Кыбу уянып чыгъа-
рыкыды, — дегенди, —
Аллыбызда Кыбуну кыалаууру барды — чыгыр башлы кыара кыуш, — деген-
ди, —
Аллыбызгъа чыкыгъанлай, кыутулсакъ, — дегенди, —
Ол кыушну да атып уралмасанг, Кыбугъа барып, хапар берликди, — деген-
ди, —
- 40 Кыушну ёлтюрсенг, биз да Кыбуну жайлыгына ётерикбиз, — дегенди. —
Жайлыкыда мен бийик сыртда тохтарыкыма, — дегенди, —
Сыртда уа сен кесинг кирир юч да уру кыазарса, — дегенди. —
Мени иерими алып, мени юсюме юзmez бла желим сюртюп жагъарса, —
дегенди, —
Кыбу жылкысын кютген алтын кыуйрукылу сары ажир барды, дегенди, —
- 45 Мен туурагъа чыкысам, чабып келип, мени бла талашырыкыды, — дегенди, —
Ол мени желимимден кыапса, мен а аны этинден кыабып, кыаруун алып,
жыгъарма, — дегенди, —
Ол заманда, бир урудан бир уругъа секире келип, аны сыртына минерсе, —
дегенди, —
Ол заманда мен Кыбуну жылкысын сюрюп кетерме! — дегенди.
Ачемез да темир кёпюрден, Кыбу уянмайын, ётгенди, дейди.
- 50 Алай ётюп, кыара кыушха жетгенди, дейди.

Къара къуш да, учуп кетюрюлгенлей а, атып ургъанды, дейди,
Бийик сыртда юч уру да къазып жарашдыргъанды, дейди.
Сора атын да юзmez бла сюртгенди да, айтханыча желим этгенди, дегенди,
Аты, алтын къуйрукълы сары ажирни туурасына чыгып а, кишнегенди,
дегенди.

- 55 Бир заманда ол, чабып келип, анга уа кесин атханды, дегенди.
— Сары ажир мени атымы желиминден къапханды, дегенди,
Мени атым а этинден къабып тебирегенди, дегенди,
Алай эте, сары ажирни къарыусуз этип жыкъгъанды, дейди.
Ол заманда жерими салып мингген эдим, дегенди,
- 60 Мени ажирим Къубуну жылкъысын сюрюп кетгенди, дейди.
Мен да жолну кетип баргъанлай, аллыма Къубу чыгып соргъан эди, дейди:
— Жашчыкъ, жылкъы кёрмеймисе? — деп соргъан эди.
— Жылкъы былай ары кетди,— деп, терс жанына кёргюзтгенем, дегенди.
Экинчи аллыма тюбеп:
- 65 — Жашчыкъ, атла кёрмеймисе? — деп а соргъан эди, дейди.
Мен да, биягъы терс жанына: «Бусагъатда былай кетдиле»,— деген эдим,
деди.
Ючюнчю кере, Къубу келип аллыма: «Сен шайтанмыса, жинмисе? — деп
соргъан эди, дейди.
— Мен шайтан, жин да туююлме, мен Ачей улу Ачезме,— дегенем,
дейди.
— Алай болса, атышмы, тутушму? — деп соргъан эди, дейди.
- 70 — Тутушхан къатынланы ишиди, атышыула этейик,— дегенем.
Ачей улу Ачезме, кечге дери атышханда, кёп жарала тюшген эди, дейди.
— Киши болсанг, эртден бла былайда болурса,— дегенди Къубу.
Ачезме а: «Садакъ окъланы энчи этмезмисе?» — дегенди, дейди.
Жаш Ачезме, жараларындан къан кёп кетип, ашсыз, отсуз, сууукъ да кече
жатхан эди, дейди.
- 75 Къубуну къатыны къолу бла жарагъа тийсе, ол сау бола эди, дейди.
Къубуну къатыны уста Аймёлек, эрини жараларын багып, иги этип ийгенди,
дейди.
Эртденликде Къубу, келип, окъланы жамычыгъа къуюп:
— Хайда, энди эки тенг эт да, юлюшюнгю ал! — деп айтхан эди, дейди.
Биягъы, атышып, ингирге дери тургъан элсе, дейди.
- 80 Ачезмени къаны кёп кетип, жыгъылгъанын кёргенде, дейди,
Къубу, келип, Ачезмени ат къанжыгъагъа салып а, юйюне келтирип, уллу
уругъа атханед, дейди.
Къубу къатынына былай айтханед, дейди:
— Ачейланы юч жыйырма кишилери бла кюрешгенем,— дейди,— быллай
къыйынына уа тюбемедим,— дейди.
Къубуну жараларын байлап, къатыны, ашатып, жукълатханед, дейди,
- 85 Къубу жукълагъанлай, Ачезмени барып кёргенед, дейди, Къубуну къатыны
Ачезмени жараларын жылы суу бла жуууп, аланы байлап, сау этгенед, дейди,
Ачезмени аязгъанын кёрюп: «Ахшы улан, душманынг жукълады, не суйсенг
да эт»,— дегенед, дейди.
Ачей улу Ачезме да сырпын бла уруп, башын кетергенед, дейди.
— Энди, суйсенг — эгеч болайым, суйсенг — ана болайым, мында атып
кетме мени,— деген эди Аймёлек, дейди.
- 90 — Мени анам да, эгечим да бардыла,— дегенед, дейди,—
Ыразы болсанг, мени анама сени келин этерме,— дегенди Ачезме.
Къубуну къатыны Ачезмеге былай айтханед, дегенди:
— Ит бол десенг да, не десенг да — сен айтханны этерме,— дегенди, дейди,—

- Мен жаным аямай, сени жанынг ючюн сени сакъларгъа кюрешдим,—
дегенди,—
- 95 — Сени алдасам, анам берген сютноу къан бла тегейим! — дегенди, дейди.—
Ачемез элине келип, хапарны айтып, барып элге билдиргенед, дейди.
Нартны эли, къалмагъанлай жыйылып, Къубуну юйюне келгенелле, дейди.
Къубуну жылкъысын, малын нартны эли Ташлы Сыртха келтиргенед, дейди,
Ачейланы Ачемез, эли жыйып, къалмай малны, ырысхыны юлешгенед,
дейди.
- 100 Ачемезни анасы да тогъуз кюнню кърманлыкъла, тойла этип, Аймелекни
келин этгенед, дейди,
Андан сора Ачейлары, биягъыча, уллу тукъум болгъан элле, дейди.

122. АЧЕЙНЫ ЖАШЫ БЛА ХУБУН

- Ачей бла Хубун жандан жаннга шуёх элле,
Ачей бла Хубун бир бири бла жау болдула Къарачайда жылкъыны юсюнден.
- Ачей, баргъанда да, Хубунну жылкъысын сюргенди,
Сюрюп келе, тыялмайын, ол хужу ажирни къачырып ийгенди.
- 5 Ажирни келгенинден Хубун жылкъыны кетгенин билгенди,
Атха минип, жылкъыны ызындан сюргенди.
- Сюре-сюре, жылкъыны ызындан жетгенди.
— Атышыууму, тутушуууму? — дегенди.
- Жагъалышыу, жыртышыу — ол къатынланы ишиди,
10 Эркек эсенг — атышайык, — дегенди.
- Ачей атханды да, Хубун ёрге секиргенди,
Окъну бут арасы бла чыгъарып ийгенди.
- Хубун атханды да, тамам киндигинден ургъанды,
Ачейни тукъумундан тукъумлукъ къоймай къыргъанды,
- 15 Бууаз къатынланы къарынларын тартханды,
— Гяуур тукъум къоймадым, — деп, юйюне барып олтургъанды,
Ачейни къатыны уа билинмеген къарны бла ата юйюнде къалгъанды.
- Сабий табып, эмчек анагъа бергенди,
Кюнден кюнге бу сабийледен башха тюрлю ёсгенди.
- 20 Бир кюнлени кюнюнде бир азирейли сары къатынны сабийин жиятханды.
- Ол къатын жашчыкъгъа: «Ёлгенинг ит боллукъ, алай жигит эсенг,
Атангы тукъумун кзурутхан бла кюрешсенг а», — дегенди.
- Ол заманда жашчыкъ сын болуп къалгъанды,
Юйюне келип: «Аурууйма, ёлеме», — деп, жиягъанды.
- 25 — Кърманынг болайым, жангыз балам, не жараред, не ашаренг?
— Кърным ауруйду, кърмач этсенг, ашарем.
- Женгил окъуна анасы кърмач этип, табакъ бла салгъанды.
Жашчыкъ: «Мени табакъ кибики кёресе?» — деп, ашамайын къойгъанды.

- Анасы, исси кѳурмачны кѳолу бла алып, жашчыкѳга узатханды,
 30 Сермеп, кѳолундан буууп:
 — Мени ата тукѳумум кѳайдады? — деп сорѳанды.
- Аны санга юйретген алай тѳоп болсун, кюйдюм, жибер,— дегенди.
 Жашчыкѳ: «Айтмасанг, иерик тѳююлме»,— дегенди.
- Аллах жюкдю, жибер, айтырма,— дегенди, жилягѳанды.
 35 Башдан аякѳ, болгѳаныча, хапарын айтып ангылатханды.
- Атамы саууту-сабасы кѳайдады? — деп сорѳанды.
 — Атангы аты жер юйде темир ашап турады,
 Саууту-сабасы кѳара кюбюрдеди.
- Жашчыкѳ анасына: «Манга бир ыйыкѳга азыкѳ эт»,— дейди.
 40 Жашчыкѳ, атха минип, сауутун-сабасын алып, кетип кѳалады, дейди.
- Жашчыкѳ, барып, Хубунну жылкѳысын сюреди,
 Алай, не кюрешсе да, ажирни тѳялмайды.
- Ажирни келгенинден Хубун жылкѳыны сюрюлгенин биледи.
 Хубун, атына жерин салып, жылкѳыны ызындан сюреди.
- 45 Хубун ёзенде бир жашчыкѳга жолукѳгѳанды,
 Жашчыкѳ, кѳымыжа этип, кѳумда ойнай болгѳанды.
 — Жашчыкѳ, жылкѳы сюрген кѳрме эдингми? — деп, сорѳанды.
- Бу ёзенни сюрюп кетдиле,— деп, терсин юйретди,
 Хубун ол ёзеннге кетип, излеп, жылкѳыны табалмай, кѳайтып келди.
- 50 — Жашчыкѳ, бери жылкѳы бармагѳанды,— деп кѳайтды.
 — Ий, жангылдым, ма бери бар,— деп башха жанына ийди.
 Ол ёзеннге да кетип, жылкѳыны табалмай кѳайтды:
- Ий, жашаусуз боллукѳ, нек алдадынг, сен гяуур тукѳумдан болурмуса?
 — деп сорѳанды.
- Тап атангы аман кѳёюне, мен ол тукѳумданма,— деп
 55 Сауутланып, казырланып болгѳанды.
- Хубун: «Жашчыкѳ, атышмы, тутушму?» — деп сорѳанды.
 Жашчыкѳ: «Эркек эсенг, кел атышайыкѳ!» — деп, тохтагѳанды.
- Ол кюн ингирге дери экиси да толу кѳазауат этгендиле.
 Ингирде Хубун юйюне, ариу Боюнчакѳга кетгенди.
- 60 Боюнчакѳ, тангнга дери дарманла этгенди,
 Хубунну жараларын сау этгенди.
- Жашчыкѳ а ингирде, ай чыкѳганлай, силкиннгенди,
 Садакѳ окѳла юсюнден тѳюшюп, жаралары сау болгѳанды.
- Эртден бла биягѳы экиси кѳазауатха киришдиле.
 65 Ингирге дери кѳазауат этдиле.

Ингирде Хубун Боюнчакъгъа кетгенди.
Боюнчакъ дарманла этип, биягъы муну сау этгенди.

Жашчыкъ а биягъынлай, ай чыкъгъанлай, силкингенди,
Садакъланы агъызып, жараларын сау этгенди.

- 70 Ючюнчю кюн да атышдыла ингирге дери,
Жашчыкъ тамам болмазлыгъын билип,
Ёлгенча этип, артына аууп къалгъанды.

Хубун келип, жашчыкъгъа: «Ёлюп турады»,— деп, аягъындан байлагъанды,
Атны къуйругъуна тагъып, юйюне алып баргъанды.

- 75 Боюнчакъгъа да: «Ол гяуур тукъумдан ма бу къалгъанды»,—
Деп, жашчыкъны арбазгъа атханды.

— Юч кюнден бери бу сабий бламы кюрешесе? — деп,
Боюнчакъ Хубуннга айып этгенди.
Жашчыкъны Боюнчакъ, эшик артына салып кетгенди.

- 80 Кече, жукълап тургъанлай, Хубун элгенип уянды, дейди,
Боюнчакъгъа ол а къычырды, дейди:

— Ол гяуур мени башымы кесди, къылычым къайдады?

— Ажалынг андан болсун, чычхакъ сабийден къоркъуп,— деди Боюнчакъ,—
Ачхычла тёшек арасындадыла, къылычынг къюбюрдеди,— деди Боюнчакъ.

Ала жукълагъандан сора, жашчыкъ, туруп, тёшек арасындан ачхычны алып,
къюбурден къылычны алып, Хубунну башын кесип, къанындан шешагъа тамызып,
башын артмакъгъа салып, макъамын башха этип, Боюнчакъгъа: «Тур, алан,
бизге боллукъ болгъанды»,— дегенди. Боюнчакъ, гузаба этип, ызындан тебире-
генди.

Жолда кетип бара, Боюнчакъ жашха бурулуп: «Сен кимсе? Макъамынг
башхады»,— деп соргъанында, жашчыкъ артмакъда Хубунну башын кёргозтюп:
«Дауурсуз кел»,— деп, къылычны кёргозтюп къойгъанды. Танг атып юйюне
келгенди. «Ма келин»,— деп, Боюнчакъны анасына кёргозтюп, Хубунну башын
аны аллына атып, къанын къолуна тутдургъанды.

123. АЧЕЙ УЛУ АЧЕМЕЗ БЛА ТЮКЛЕСХАН

Таматалары да Къобалбатыр,
Органчылары да Ачыбатыр,
Бек гитчелери да Кичибатыр,
Была ючюсю да бир кибик батырла.

- 5 Ай, къыш къарангъада бир иш этерге уа эртде турдула да кетдиле,
Бир адамгъа да ала жетдиле да.

Ол адамны да, тартып арагъа да алдыла.
Кимден болгъанын туура таныдыла.

— Ой, Аллах берди да узакъ бармай а бизге кёнчеклик! — делле,

- 10 А, алай болса да, мыйыгъын, сакъалын а таза жюлюлле да.

Ой, аны ногъайлы атчыгъа да ала сатдыла да,

Ой, андан ётюп а, не бара кетип а, бир уллу суудан а ала ётдюле да.

Бир уллу суудан а ала ётдюле да,

Сансыз, санаусуз а бир кёп жылкъыгъа да ала жетдиле да.

- 15 — Ой, Аллах а, бу кёп а жылкъы да кимни жылкъысыды? — делле.

- Ой, сау болугъуз а, сау келигиз а, ахшы кишиле! — дегенди жылкычы.
 — Бу кѣп а жылкы да кимни жылкысыды? — деп сурадыла да.
 — Тюклесханны жылкысыды — дегенди жылкычы.
 — Не ахшы болду, ол бизни жууугъубуз а болады! — делле, —
- 20 Арлагъыракъгъа да биз ѳтерикбиз а, атларыбыз арыгъанды, бир хаух ат берчи, — дедиле.
 — Ой, Аллах, Аллах а, мен ѳтгеннге — сѳтгеннге
 Хаух атла бере да барсам эди да,
 Бу кѣп жылкыны да мен кютмез эдим! — деди.
 — Бермесенг а, кесибиз да ала билебиз! — дейдиле.
- 25 Хахайла этип а, ол кѣп жылкыны да сюрюп башлалла.
 Юч жанларындан а ала сюрдюле да,
 Ой, сюре кетип а, юч айырылгъан а жолгъа жетдиле да,
 Кеслерини бары жолларына ала кетдиле да.
 Жылап, улуп а, ол жылкычы жаш Тюклесханнга барды.
- 30 Ол алты аякылыгъа Тюклесхан жер салгъанды да,
 Атланыргъа да кѣл алгъанды да.
 Юч айырылгъан а жолгъа жетгенди.
 — Къайры бараса? — деп соргъанды Ачыбатыр.
 — Мени жылкымы да ким сюрдю, билмейме! — деди Тюклесхан.
- 35 — Ма, былай ары да озгъанды, — деп а терс жолну ол а кѣргюзтгенди, дейди.
 Эрикгинчи дери Тюклесхан а къууулгъанды, дейди.
 Ой, артха айланып а, андан келгенди да:
 — Аллах алдарыкъ, нек алдадынг мени? — дегенди да.
 — Ма былай ары да кетгенди, — деп, ол а дагъыда терс жолну юйретеди,
- 40 Эрикгинчи дери аны бла да баргъанды.
 Андан да къайтып а къурлай келгенди:
 — Аллах алдарыкъ а, Тейри къаргъарыкъ а, нек алдайса мени? — дейди.
 — Жылкынгы сюрген а ма менме! — дегенди Ачыбатыр.
 — Да, не сюесе: атышмы, тутушму? — деди Тюклесхан.
- 45 — Къатынламы болгъанбыз тутушургъа? — дейди.
 Экиси да тѣбеледе тохталла, дегенди.
 Бир бирлерин а атып башлалла,
 Алайчыкъда уа Тюклесхан а Ачыбатырны да ѳлтюргенди.
 Ючюнчю жолну да къууулгъанды да,
- 50 Ачыбатырны эки къарындашын а Тюклесхан а анда жетгенди.
 Жетгени бла да аланы ѳлтюрюп кетгенди.
 Жылкысын да ол а сюрюп кетгенди.
 Ачыбатырны да жууугъу да Насран батыр
 Аланы ѳлгенине да, аскер жыйып а, анга барады да.
- 55 — Бир онгу болгъан а не биреу келсин!
 Эки онгу болгъан не экеу келсин!
 Юч онгу болгъан а ючеу келсин!
 Ахыры да болмагъан а жарсыгъан этсин!
 Атлангандыла да, кетгендиле да,
- 60 Уллу суугъа да ала жетгендиле да,
 Суудан ѳталмай а, ѳрге бла энишге жорюю къалдыла.
 Ачыбатырны да къатыны андан а бууаз къалгъанды да,
 Бууаз къалгъанды да, жаш тапханды да,
 Анга атны да жыйылып атайла да,
- 65 Ачѳй улу Ачемез дейле.
 Ол кичи батыр а ѳсе кетди да,
 Онеки жылдан а ѳрге ѳтдю да,

- Хатаны-хайырны билип башлады да,
Бир кюнледе уа жылап, улуп, анысына баргъанды.
- 70 Анасы анга алай айтханды да:
— Ой, не болгъанды да, нек жылайсан, ачмы болгъанса?
— Да ачыракъ а мен да болгъанма!
— Не ашарыкъсан а, не этейим?
— Къурмач этсенг а, къурмач ашарыкъма.
- 75 Къурмач этип а, табакъгъа къуюп, ол бергенди да.
— Къолунг бла бер, къолунг бла ёсдюргенсе!
Къолу бла бергенде, анасыны да къолун къысханды.
Ол анасына да къыйын тийгенди да.
— Ай, умутунг сени да къысха боллукъ а! — дегенди.
- 80 — Ой, анам, бир зат сорлукъман а,
Сен аны манга да айтмасанг, жиберлик тъююлме! — дегенди.
— Да билгеним болса уа, мен да айтырма!
— Мени атам а бармы эди, жокъму эди?
— Атанг а нек жокъ эди, атанг а бар эди, алай ёлгенди.
- 85 — Мени атам а ахшы киши эсе,
Аны сауут-сабасы уа къайдады? — дегенди да.
Аны аты, сауут-сабасы жер юйде уа туралла,— дегенди.
Ачемез а атасыны атына да салып баргъанды да
Белине дери да бокъга да батып а тургъанлай, атны чыгъаргъанды да.
- 90 Сауут-сабасын, ат жерни да, кереклерин да, барын да алгъанды да,
Атына да жер салгъанды, минип, ёрге да, не энишге чапханды.
— Энди уа, анам, къалай этейим? — дейди.
Атасыны да хапарын, Насран-батырны аскерини хапарын да анасы айтханды.
Атасыны башлыгына Ачемез чулгъанып кетгенди,
- 95 Ол уллу сууну да бойнунда Насранны аскерине жетгенди.
Ачемез а, аскерни юсюне да жетгенди да,
Къыйналгъанларын а кёргенди да,
Айлана кетип а, агъач ичинде кийиклени къыргъанды.
Аскерге боллукъ а азыкъ этгенди да,
- 100 Насранны аллына барып, а, тургъанды.
Насран-батыр а, къарап тургъанды да:
— Ой, Аллах, Аллах а, сен къайдан чыкъдыңг а, кимни уланыса? — дегенди.
Ол жашчыкъ да андан алай соргъанды:
— Сени жууугъунгу аты ким эди?
- 105 — Мени жууугъум а Ачы эди,— дегенди.
— Аны къатыны уа бармы эди?
— Аны къатыны да бар эди.
— Да мен аны къатынындан туугъанма,— дегенди.
Насран, аны да ийнакълап, уппалап, къууаннган эди.
- 110 Тюклесханна эки жыйырма бла он аскери алайда бар эди да,
Атасы ючюн да ол Ачемез аланы къыргъан этгенди да,
Сансыз-санаусуз а, биягъы жылкъыгъа ол жетгенди да,
Жылкъыны сюрюп а башлагъанды.
Сюре кетип а, юч айырылгъан а жолгъа жетгенди,
- 115 Жылкъычы жашчыкъ жылап, улуп а, Тюклесханнга кетгенди.
— Ой, не болгъанды? — дегенди Тюклесхан.
— Биягъы жылкъынгы да сюрдюле! — дегенди.
— Да ала юзюлген элле да, энди ким сюрдю? — дегенди ол,—
Бюгюн атланычу да кюнюм тъююлдю! — дегенди ол.
- 120 Эртденликде уа алты аякълы атына жер салгъанды,

- Атланьргъа да ол кёл алгъанды, юч айырылгъан а жолгъа баргъанды.
 Ачемез а аны алайда уа сакълап тургъанды:
 — Къайры бараса? — деп а соргъанды.
 — Жылкыныгы да сюрген а ма менме, — дегенди Ачемез, —
 125 Сюйсенг — атышайыкъ, сюйсенг тутушайыкъ! — дегенди Ачемез.
 — Сора атышыу этейик, — дегенди Тюклесхан, —
 Тутушургъа да къатынла тюйюлбюз!
 Бир бирлерин а атып башладыла.
 Атыша кетип а, кюреше кетип а кетгенде уа,
 130 Ачемезни эсине да аман акъыл а тюшгенди:
 Ёлген кирик а болуп, ол а сойланып къалгъанды да.
 Тюклесхан а, жылкысын да сюрюп а, жашчыкыны,
 Атыны къуйругъуна тагып а, къайтханды,
 Юйюню аллында атып къойгъанды, кеси уа жатып жукълагъанды.
 135 Ай, жукълагъанды да, тюшюнде ол жашчыкъ сау болуп кёргенди.
 — Барчы бир къара! — деди къатынына.
 Барып къарагъанда жашчыкъ сау болуп тура эди.
 — Угъай, угъай, угъай а, тюшюнде кёрюнед!
 Тишлери ачылып а турады, — деди къатыны.
 140 Тюклесханны уа окъдан ёлюрге амалы жокъ эди,
 Аны жалан да кесини сырпыны ёлтюрлюк а эди, дейди.
 Отоуну эшиги юсюне келгенде жашчыкъ,
 Ай Тюклесхан а секирип уянганды:
 — Къатын, сау болду жаш! — дегенди,
 145 Ундурукъну къулагында жашчыкъ а сырпынны кёргенди.
 Чабып, сырпынны да алгъанды,
 Мычымайын а, Тюклесханны да бойнуна салгъанды!
 Олсагъатда окъуна аны туурап а, уругъа къуйгъанды да,
 Жылкыны сюрюп а Насранны аскери болгъан а жерге баргъанды.
 150 Орунла этип а, аскерлеге жылкыны юлешгенди,
 Къалгъанларын а Насран-бийге бергенди.

124. АЧЕМЕЗ БЛА ХУБУН

Ачей бла Хубун экиси эки тенг болгъандыла, кеслери да эки ёзенде джа-шагъандыла. Аланы джылкылары кёб болгъанды.

Бир кюн Хубунну джылкысы Ачейни туз бурууларына келеди. Ачейни къатыны Хубунну джылкысын, къаргъаб, къыстайды. Андан сора эки татлы тенг джау боладыла. Алай бла тура тургъандыла да, сора бир кюн Хубун Ачейни джылкысын кесиникине къошады да кетеди. Мычымай Ачейге ол хапар билинеди. Чычхан сыртлы сары аджирни джерин салыб, сауутларын тагыб, Ачей Хубунну ызындан суреди. Экинчи кюн джети джол айырылгъан джерде джети кёчюуден ётуб, джети тёбеге джууукълашыб баргъанлай, ызындан джетиб:

— Эй, джаулабмы сюресе, эркелебми сюресе? — деб къычырады.

— Джаулаб сюреме, атангы аман кёзюне! — деб Хубун тохтар акъыл этмейди.

— Алай эсе, атышмы, тутушму? — деб къычырады Ачей.

— Атышхан къатын ишди, биз тутушургъа керек эдик, алай а бюгюн былайда тутуша турургъа мени заманым джожьду! Атышыу! — дейди Хубун.

— Ат сора! — дейди Ачей.

— Огъай, сен ат, мал ачыуунг бурнунгда болур! — дейди Хубун.

Сора Ачей садакыны туура киндигине тутуб тартады. Хубун ёрге секиреди да, садакыны чаты бла чыгъарады да джибереди. Хубун а садакыны Ачейни мангылайына тутуб атады. Ачей, Хубун этгенча этеме дейди да, ёрге секиреди,

садакъ да барады да тюз киндигине тиеди. Алай а Ачей атдан джыгъылмайды, атны джалына къадалады. Ат ызына айланыб, аны юйюне джыяды. Атын да баугъа джыйыб, юйюне киреди. Юйюне сау джыйылгъанлыкъгъа, ол кюн огъуна Ачей ёледи. Ачейни къатынчыгъы къарны бла къалгъанды. Ол сабий табады, Ачейни атына да Ачезе деб атайдыла.

Ачезе уллучукъ болгъанында, сабийле бла бузгъа ойнаргъа барыб, алайда бир джашчыкъны джылатады. Джашчыкъ анасына барады. Анасы, къаргъаб, Ачезеге джетеди да:

— Муну бла кюрешмей, атангы ёлтюрген бла кюрешсенг а, алай джигит эсенг,— дейди.

— Сора мени атамы ким ёлтюргенди, бир айт! — дейди Ачезе. (Атасын адам ёлтюргенинден Ачезезни хапары болмагъанды).

— Мен нек айтама, ананга сорсанг, ананг айтыр! — дейди къатын.

Ачезе анасына келеди да:

— Анам, не эсе да мен ауруйма,— деб, джатады.

— Не ашарыкъса, ненг ауруйду? — деб, анасы баууруна къысады.

— Бир зат да огъай, алай а къурмач этиб, кесинг къолунг бла къабдырсанг, ашаргъа да болурма.

Анасы эрлай, къурмач этиб, аны аллына салады.

— Къолунг бла къабдыр! — дейди джашы.

Анасы къурмачны къолуна алгъанлай, аны къолун къысыб:

— Бир сорурум барды, аны айтмасанг, иерик туююлме! — дейди джашчыкъ.

— Къолуму кюйдюрдюнг, ий да къой, айтырма! — деб анасы ант этди. Джашы анасыны къолун ол заманда бош этеди.

— Айт, не дейсе?

— Мени атамы ким ёлтюргенди?

— Сени атангы Хубун деб бир киши ёлтюргенди. Мен аны сеннге айтырыкъ эдим, алай а бир кесек абадан болсанг деб тура эдим.

— Атамдан меннге не зат къалгъанды?

— Чычхан сыртлы сары аджир темир бауда темир ашаб, темир кир этиб турады. Садагъы, бычагъы да бардыла чардакъда.

Джаш, анасы бла бирге барын тинтиб кёрюб, къарай келиб, садакъда бир къараллыкъ зат табады. Аны алыб, темирчиге чыгъады. Темирчи балта ишлей тура. Джаш темирчиге: «Мени садагъымы бир ишлеб берсенг!»— дейди.

Темирчи джашны сёзюне асыры джууаб бермейди. Балтаны ишлей келиб, джашха:

— Ур балтаны,— дейди.

Джаш:

— Къайсы токъмакъ бла урама? — деб сорады.

Темирчи:

— Уллу токъмакъны сен кёлтюраллыкъ туююлсе, гитче токъмакъ бла ур! — дейди.

Джаш, уллу токъмакъ бла уруб, балтаны да, ташны да — барын да джерге ташайтады.

— Тоба, тоба, джашаусуз, сен бурун адамланы урлугъу кёреме,— деб, темирчи, тамам сейир болуб, садакъны эрлай ишлеб, къолуна тутдурады.

Садакъгъа да къууана, джаш юйге къайтады. Келсе, бир къауум адам атны аллындан джаралы Ачей сюеген ташны алыргъа кюреше тура. Ачезе кеси, аны да бир джанына алыб атыб, атны баудан чыгъарады. Джерни салыб, атха минеди, ары-бери да бир кесек джюрютюб, сауутларын да алыб, джолгъа чыгъады. Анасы уа, кёзюн кёлтюрмей, джылайды. Алай бла анасы джылай къалады, Ачезе а атланыб тебрейди.

Кетиб бара, джолда бир кышлыкыга бурулуб, атындан тюшюб, джерин алыб, кишен салыб, джамчыны да юсюне атыб, джукылайды.

Бир заманда бир адам келиб уятады да, анга былай айтады:

— Сени бу кышлыкны иеси чакырады, мен а кышлыкны кыруган адамма.

Кыркмай-юркмей Ачемез салыб барады. Кышлыкны иеси, былай кыраб аны кыргенлей, кычаклаб джылайды. Ол а ким болады? Ол а атасыны кырнашы Ёрюзбек. Ачемезни ол атындан таныганды.

Алайда той этиб, юч кюнню тепси джыйылмай турады. Той тохтагандан сора, Ёрюзбек хапар сорады. Ачемез а джарашдырыб хапар айтады.

— Атамы ёлтюрген Хубуннга барама,— дейди.

— Э-э-э, джаш, ол бек хыйла кишиди, анга кырыу эталмазса. Кыой, бир бёлек джылны кырайык! — дейди Ёрюзбек джашха. Алай а бир да айтханын этдиралмады. Дагыда Ёрюзбек айтады:

— Сени джашлыкынг, мени кыартлыкым, кырыу эталмазбыз!

Джаш унамайды:

— Огъай, Ёрюзбек, бармай кыаллык тюлме!

— Алай эсе,— дейди Ёрюзбек,— мен сени кесинги иялмайма. Экибиз да барайык.

Алай айтыб, Ёрюзбек анга нёгер болады. Экиси да тебрейдиле. Бара-барыб, джети джол айырылган джерге джетерге, Ачемезни аты тиллениб, былай айтады:

— Сиз меннге джети кыат мелте чырмагызы, мен Хубунну аджири бла талашхан этерикме. Мен аны тобукъландырсам, башына нохта салыгызы. Ол кыайры барса, Хубунну джылкысы ары кетерикди.

Ала да мелтени этиб бошарга, алайга бир аджир джетеди. Эрлай экиси да талашыб тебрейдиле. Чычхан сыртлы сары аджир аны сыртындан тери кыобарган заманда, ол аджир муну мелтесин кыобарады, Алай эте келиб, айтханыча, чычхан сыртлы сары аджир ол аджирни тобукъландырады. Ол заманда Ачемез джетиб эрлай башына нохтаны салады. Кесини атын да, аджирни да Ёрюзбекге бериб:

— Энди сен эки кыауум джылкыны да алда кыайт,— деб, Ёрюзбекни ызына кыайтарады. Джылкы аджирле кетген джары кетеди.

Ачемез кеси алайда кыалады. Ол кюл тебеле этиб ойнай турганлай, Хубун джетеди.

— Джашчык, былай ары джылкы барыб кёрдюнгю? — деб, ашыгыш сорады.

— Ма бу кыулакны бара эдиле,— дейди ол. Хубун эрлай кыулакны башына чыгыб, джукь да кёрмей, кыайтады.

— Алдамай тюз айт! — деб кыдырайды.

— Мен ёмюрде да алдамаганма, алай а кыулакла ушашдыла, джангылган эте болурма, энтда ма бу кыулакыга да бир кыара,— деб, ол Хубуннга тогуз кыулакыга джол салдырады. Ол заманнга Ёрюзбек да узаяды. Ахырында Хубун кыайтыб келиб:

— Джаш, сен мени алдаыннг, уруб ичинги бузарма, тонгуз кибик,— дейди. Ачемез, аллына таукел атлаб:

— Атангы аман кёзюне, менме джылкыны сюрген, эталлыкынгы кыалдырма,— дейди.

— Атышмы, тутушму? — деб, Хубун ачюдан тарс деб атылырга джетеди.

— Кыайсын сюйсенг, ол! — дейди джаш.

Экиси эки эгиз тебени джанына сюелиб, садакь тартып башлайдыла. Алай бла беш кюнню кызауат этедиле. Ингир сайын Хубун, джашны биргесине алыб юйге элтиб, кесине кыонакь этеди. Эртденбла да бирге келиб, атышыб тебрейдиле. Экиси хар кюнюне 100-шер садакь атадыла, бири да джерге тюшмейди, этлерине чанчыладыла. Хубун джюз садакыны кёлтюралмайды. Кыатыны хар кюн сайын

дарман-дары салыб аны сау этиб джибереди. Ачемез а, беш кюнде тийген беш, джюз садакны кёлтюралмай, кьонакь юйде эсин ташлайды.

Хубун:

— Сизни болуугъуз былайды,— деб, аны атны кьуйругъуна тагъыб, бир кьулакьга элтиб атады. Аны бла ишине кетеди. Хубунну кьарауашы, айлана барыб, бир кюн аны кёреди. Сора ызына кьайтыб келиб, Хубунну кьатынына — бийчеге — хапар айтады. Экиси да барыб, джашны алыб келиб, юйде джатдырадыла, бийче Хубуннга этиучю мадарланы этиб, джашха джан киргизедиле. Ол заманда джаш, кёзлерин ача:

— Хубун мени джюз ёлтюрсе да, мен аны джанын саулай кьоймазлыкьма,— дейди.

Бийче, сейирсиниб:

— Нек сора? — деб сорады.

Джаш айтады.

— Сен аны ёлтюраллыкь тьойюлсе, аны кьой да, меннге тынгыла. Сен мени алсанг ёмюрлюк джашауунга, ол заманда сен Хубунну керти да ёлтюресе,— дейди. Ачемез бийчеге сёз береди, бийче да анга юретеди:

— Эшикни башында аны гидасы барды, ол гидады аны джанын аллыкь. Сен кьонакь юйден бери тебрегенлей, ол мында билиб турлукьду. Алай а мен аны ыйлыкьдырыб, ёрге кьобармай турурма. Гидагъа кьолунг бир джетсе, болду.

Ингирде келеди Хубун, бийчеси аны тёрегериге айланыб джатдырады. Бир заманда Хубун секириб орундукъдан джерге тьушеди.

— Не болгъанды, джанымы аласа да! — дейди бийче.

— Кьонакь юйде джаш тешине тургъанча кёрдюм.

— Оу-оу, аны ючюнмю джанымы аласа? Кьалай келликди, тура эди кьулакьда сойланыб. Алайдан башха джары сьойреген эди кьарауаш,— дейди. Алай бла ол да джатдыра, ол да тура, джаш да эшикге джетиб, гиданы алыб юйге киргенинде, Хубун кьычырыкь этеди да, аны бла кьычырыгьы тохтайды. Бийчени кесин да, мюлкюн да алыб, Ачемез Ёрюзмокге келеди. Ёрюзмок бир ыйкькны тепси джыймай турады. Андан сора Ачемез юйюне кьайта тебрейди, Ёрюзмок ашыра чыгъады. Сора Ачемез бийче кьатыннга:

— Мен сени элтмейме, нек десенг, сен ёмюрлюк джашаб тургъан эринги манга ёлтюртдюнг, мени андан джигитге санаб. Джетген кюн сен меннге да алай этерге огъай дерик тьолсе, Андан эсе ма былай атамы кьарнашы Ёрюзмокни джумушуна кьарай тур,— деб, кеси джолгъа атланыб кетеди.

125. АЧЕМЕЗ БЛА ТЮКЛЕШ

Нартланы ичинде Ачей улу Ачемей деген бир киши жашап болгъанды. Аны бла бирча ол тийреде бир эмеген жашап болгъанды. Аны аты Тюклеш эди. Тюклеш келе да, Ачемейни малларын сьуре да кете, Ачемей да кьуууп, жете да сыйыра тургъанды. Алай эте келип, бир жол Тюклеш Ачемейни ёлтюреди. Кёп заман озгъандан сора Ачемейни гитчелей кьалгъан жашчыгьы Ачемез ёсюп, уллу болады.

Бир кюн жашчыкь нёгерлери бла ойнай тургъанлай, ала бла тьойюшеди. Нёгерлери уа анга: «Сен бизни бла тьойюшмей, атангы ёлтюрген бла тьойюшсенг а»,— дейдиле. Жашчыкь, мудах да болуп, юйге келгенде, анасы: «Не болгъанды?»— деп сорады. Ачемез анасына: «Мени атамы бир саууту кьалмагъанмыды?»— деп сорады да, нёгерлери бла болгъан хапарын айтып, атасын ким ёлтюренин, соруп, биледи. Анасы ол заманда Ачемезге айтады: «Атангы садагьы тот болуп, акь аты кир болуп жер юйде турады».

Ачемез атасыны садагьын да ариулап, атын да чыгъарып, тазалайды. Ол заманда атха, тил битип, Ачемезге: «Мен кёкге юч кере чыгьып, юч кере

тюшерме, ол заманда сен жыгылмай кьалсанг, мен санга атлыкъ этерме, сен а манга кишилик этерсе»,— дейди. Ат жашны юч кере кёкге арып чыгып, юч кере жерге тюшеди, алай Ачемез жыгылмайда да, атасыны акъ аты анга атлыкъ этип кьалады.

Кёп заман ётмей, Тюклеш келип, биягъы жылкыны сюреди. Ачемез акъ атха да минип, ёмюрде жан жетмеген Тюклешни ызындан кьуууп жетеди. Ол заманда Тюклеш: «Атышмы, тутушму?»— дейди. Ачемез: «Мен кьая кибики сени бла кьалай тутушайым, атыш»,— дейди.

Экиси да эки тёбеге чыгып, атышып тебирейдиле. Тюклешге окъ ётмейди. Аны окъдан ажалы жокъду. Ачемез асыры кёп ургъандан, Тюклешни ичи окъдан толады, ёлген а ётмейди. Тюклеш атып, Ачемезни мангылайын урады. Ачемез алайда ёледди.

Тюклеш Ачемезни ёлюгюн атыны кьуйругуна тагып, суйретип, юйюне алып келеди.

Къатыны Тюклешге: «Быллай бир окъ жараны кьайда тюшюргенсе, бир уллу аскерни ичинде болгъан болурса дейме»,— дейди. Тюклеш къатынына: «Уллу аскерни кёрген да этмегенме, аны тёппе кекели, чюйчюк кибики, эки аягъы бизчик кибики бир жашчыкъ этгенди. Мен алыкъа аллай асылсыз урушхан жаннга тюбемегенме, не тюрю зат эсе да»,— дейди. Къатыны: «Жашчыкыны ёлюгюн не этгенсе?»— деп сорады. Тюклеш: «Итни ёлюгюн кибики, суйретип келгенме да, юй аллында жатады»,— деп жууап береди.

Къатыны эшикге чыгады да, Ачемезни ариу сыфатын кёрюп, сукъланады. Къатына келип: «Ай, сен ариу сыфатлыны ёлтюрген сенлей болсун»,— деп бетин сылагъанлай, Ачемез сау болуп кьалады. Ол сау болгъандан сора къатын анга: «Къара кюбюрню ичинде жюлгюч барды, Тюклешни андан сора бир зат ёлтюрлюк туююлдо. Бусагъатда эмеген жукъларгъа жатханды. Не эталлыкъ эсенг да, эт»,— дейди.

Къатын кюбюрден жюлгючню алып береди. Ачемез ол жюлгюч бла Тюклешни бойнун тартады. Ол бойнун тартхан заманда аны аягына бир кьанчыкъ чачылады да, ол кьан тамычы аны аягын инчикден алгъасын кьурутуп кьояды. Алай къатын анга да дарман этип, сау этеди.

Ачемез къатыннга: «Манга этген игиликлеринг ючюн мен санга борчлума»,— деп, къатынны кесине къатыннга алады. Алай этип, Ачемез атасыны кьанын эмегенден алады.

Х. ЖЫЙЫМДЫКЪ ТАУРУХЛА

126. СИБИЛ НАРТЛА

Бурун, сибил нартланы заманында, Минги тауну тубюнде, Накъут-Дорбун деб, сау эл ичине сыйынган, накъуту, налмазы, джези, инджиси, алтыны, темири болган, ичи кече-кюн да джым-джым джылтыраб, джаныб, кёзю алдаган бир джасанма дорбун болганды.

Ол дорбунну байлыгын нартла хайырландырыб, нарт устала дорбунда иштенек къураб, темиринден, джезинден нартлагъа сауут-саба этиб, накъутундан, инджисинден а нарт сибил къызлагъа тьюме-тюек, джасанма керек этиб тургандыла.

Накъут-Дорбунну байлыгын нартла, кишиге билдирмей сакълар ючюн, дорбунну эшигин нартланы эм акъыллысы къарт Дебекге ышангандыла. Кеслерине джашаргъа уа Минги тауну кёкюрегинде, Накъут-Дорбундан иги кесекни ёрге чыгыб, Къала тау деб сослан ташдан бир уллу къала ишлеб, аны да накъутдан джасаб, анда джашагандыла.

Ол кёзюледе уа, Тарыкъ джеринде бий джеклик эте джашаган, бир кёсе Бурунгук болганды.

Кёсе Бурунгук, Накъут-Дорбунну хапарын нени да эшитиучю, билиучю, кёрюучю оналы къулакълы, сегиз айры башлы, сегиз кёзлю отджаудур Джелмаууздан эшитиб: «Ол байлыкъ меники болса, джер джюзюне бийлик этерем»,— деб, сукъланганды. Нартладан аны къалай сыйырыргъа билмей, амал, лагъым излей, нарт Дебекни терилтсем, дорбун меники боллукъ эди дей, нартладан джашыртын Дебекге тилекчилерин ийиб:

— Сен меннге сыйыныр бол, бюгонден ары джер юсюнде экибиз да биргелей бийлик этербиз,— деб билдиргенди.

Алай а Накъут-Дорбуннга кетген тилекчиле да ызларына къайтмай да къал. Бурунгукну да аузу алагъа от чагъа, ачыулана, дагъыда джангы тилекчиле ие, ала да, алгыннгылача, къайтмай да къал, не этерге билмей, амалсыздан Джелмауузну чакъырганды.

— Къалай этейик, не мадар табайыкъ, нартланы къалай туб этейик, аланы джуртларындан къалай къуруттайыкъ, Накъут-Дорбунну кесибизге къалай алайыкъ? — деб сорганды.

Кёсе Бурунгукну джурту, джери къалайда болганын, не кесин киши билмегенди. Аны киши танымагъанлыккъа, ол отджаудур Джелмауузуна джер джюзюн аулатыб, отджаудур да, суйсе джертин джюрюб, суйсе суутун джюзюб, суйсе кёктюн учуб, нени да эшите, кёре, кишиге кёрюнмей, боранлаб, къалайгъа да джетиб, огъурамаган джерин кюдюрюб, эшитгенин, кёргенин кёсе Бурунгукга айта, ол да бий джеклик эте, алай джашаганды.

Кёсе Бурунгук, сибил нартлагъа да ол умутун этиб, отджаудурну аны ючюн чакъырганды. Джелмаууз да анга былай айтханды:

— Сибил нартла дегенинг кюймез, эримез, ёлмез гыйы батырладыла. Аланы кючлерини хорланмаз тутуругу не болганын билир ючюн, биз алагъа мени юзюгюмден юч айры башлы, бир отджаудурну иейик. Ол, кеси джангыз барыб, болумларын билсин, таб тюшсе уа, сибил нартланы туб этсин. Къарыу джетмез болса уа, къайтыб, бизни хапарлы этсин,— дегенди.

Бурунгук да деу Джелмауузну айтханын къабыл кёреди. Юч айры башлы бир отджаудур да, Минги тауда сибил нартлагъа барыргъа джолгъа чыгыб, учуб, кёзден ташайыб, узайганды. Ол, Минги тауну мийикден басхан булутла

бла келиб, Минги тауну төппесине кьонуб, кьаугьа ачарлы болуб, андан төбен кьараб, сибил нартланы Кьонуш Джурту — беккич, уллу Кьала тауну кьргенди. Сибил нартланы кимле болгъанларын да билгенди.

Сонгура, кёб арам-кьарам этмей, бир чьрчеклик этейим деб, нартла бла сермешир кьан алыб, кьонинган джеринде бегимли болур ючюн, тау башында мьнгю гыйылыны кьазыб, ары-бери тьнгеретиб, кесине бегеюл джарашдыра башлайды.

Алай а ол кьобаргъан бир уллу сослан гыйы төбен тьнгереб, таугьа, ёзеннге таууш сала, киришлеге, кьаялагьа тие, дьонгюрдей, нарт Кьонуш Джуртда Кьала тауну кьаты бла тьнгерей, шын тура, дагьыда тьнгерей, кьпюр бола, Уллу Камгьа кьенделенине келиб тьшгенди.

Нарт Сибилчини тоюна джыйылыб тургъан сибил нартла да, бу кюкюреген, дуня сагьайтхан тауушха сагьайыб, нарт санлары мьнгюрлениб, Кьала тауундан сабыр чыгыб, Минги тауну төппесине кьарам атыб, юч айры башлыны кьаугьагьа хазырлана тургъанын кьрюб, Сибилчиге оноу соргъандыла.

Деу батыр, нартланы батыры, нарт Сибилчи да, ючючар садагьын джерлеб, юч садакь окьну тик ёрге — Минги тауну төппесине буруб, юч айры башлыны юч башын мараб учургъанды.

От солургьа хазырлана, ауузу ача башлагъан отджаудурну юч ауузуна да садакь окьла учуб-учуб барыб, тьнгылауукьларына терен-терен чанчылгъандыла.

Отджаудурну кьычырыгьы, джер джюзюн уятыб, Минги тауну төппесинден ёлю болуб, кьуюлуб, тьнгереб келиб, Кьонуш Джуртха тьшеди. Нарт Сибилчи Джелмауузну ичин джарьыб, от солутхан ыркымларын чыгьарыб, кьбдириб, кюкюрт бла ийлеб, нартлагьа керек кюннге окьла болурча, кьуу этгенди, отлу садакь атарча этгенди.

Джер джюзюн сагьайтхан юч айры башлыны кьычырыгьын-сыйытын эшитген кёсе Бурунчук бла сегиз айры башлы отджаудур, сибил нартланы такьыр тьб этейик деб, юч айры башлы отджаудурладан джюзюсюн хазырлаб:

— Сибил нартланы кюл-кёмюр этиб, Минги тауну юслерине аудуруб кьайтыгьыз! — деб ашыргъандыла.

Джюз отджаудур да, кюкюрей, дауур эте келиб:

— Сибил нартланы джурту Минги тауну, саудан кьуршалаб, кюйдюрейик, джалын ийислери чыкьмазча, тауну юслерине аудурайыкь, — дей, гюрюлдей, демлешиб кьычыра, нартлагьа даулу кьарагъандыла.

Деу сибил нартла да, кьаугьа кёллю болуб, алагьа тьберге, уллу-гитче кьалмай, чыкьгъандыла. Батыр нарт Сибилчини отоуна киргенли эки кюню толгъан бийчеси, ариу Кюнкьыз келинчик да чыкьгъанды. Ол, кюнча тийиб, нартланы джуртуна джылыу бериб, нартлагьа кьарыу, тин бергенди. Джелмауузла уа, Кюнкьызны кьргенлей, аны ариулугьундан кьзлери кьамаб, тиллери тартыныб, джюреклери кьалтыраб, уюб-уюб, орунларындан тебалмай кьалгъандыла.

Нартла да алгьын Сибилчи атыб ёлтюрген отджаудурну отлукь ыркым кьуундан, ючатар садкьларын джерлеб, уюб тургъан джюз Джелмауузну атыб-атыб джандырыб, кюйдюредиле. Минги тауда ала уюб кюйген джерде кьызгьыч тыбырла болуб, бююнлюкде да алайлагьа не кьар кьонмайды, не чёб чыкьмайды деген айтыу да барды.

Джюз отджаудурну хорлам бла кьайтырына ийнаныб тургъан Бурунчук бла деу Джелмаууз, сакьлай-сакьлай тьзюмлери тауусулуб, кьыйынлаша:

— Не болду экен, барчы, кьараб кел! — деб, ючюнчю кере Байчыны джибедиле.

Байчы, барыб Минги таудан төбен кьараб, нартланы тойларын, хорлам кьуанчларын кьрюб, отджаудурланы да кьызгьыч кюл болуб кюйгенлерин кьрюб, дженгил ызына кьайтыб, Бурунчук бла деу отджаудургьа билдиргенди. Ол ачы хапарны эшитген Бурунчукну джаны кьыйылыб, ачийды. Джелмаууз да андан

бек ачыб, джюреклери чанчады, хыйла-хыйыкъ излей, бир бири бла кенгешиб, дагыда бир амал табыб, хош болуб, джюреклерин, былай деб, басадыла:

— Сизге джерни Кюн батхан кыйырындан отджаудурланы ийиб турган, алайыны бий джеги Бурунгукду, энтда иерикди, ол ийгинчи, ары барыгъыз, аны бла сермеширге, сиз керти нартла эсегиз де да, Минги тауну тѣппесинден энишге аман кюнлерин кычыр. Ала ары кетселе, къайтмазча болурла, биз да накъут джуртну иеси болурбуз,— деб, биягъы Байчыны джибердиле.

Байчы да, мычымай, танг аласы бла сибил нартлагъа келиб, Бурунгукну хыйласын айтыб, ачы-ачы кычырыб, уллу тойюкундан сонгура соругъуб джукълагъан нартланы уятханды, сѣзюне тынгылатханды.

Деулюклери, батырлыкълары селеиб, джукъгъа терилмеген алчадакъ сибил нартла Байчыны къуугъун сѣзюне териледиле, джуртну Дебек нартха аманат этедиле. Кеслери уа, кѣсе Бурунгукну излей:

Нарт Сибилчи башчылыкъ этиб бара,

Сибил нартла джортууулгъа чыкъдыла.

Узакъ, кыйыр джоллагъа хорламлы джетиб,

Андан ары барыр джер болмай тохталла.

5 Ала, джыл джарымны алайын къонушсунуб,

Кѣсе Бурунгукну табмай, мычый турдула,

Кюнню да суугъа чѣге батханына къарай,

Дагыда излей, табар умутлу джашадыла.

Кюлени биринде уа сыйлы Кюн, бата тебреб,

10 Нарт Сибилчиге сюйюмчю айта, къууанчлы батды.

Сибил нартла Сибилчиге улан туугъанын билдиле,

Танг да, аланы джол тартаргъа чакъыра, атды.

Сибил нартланы Кюн батханнга кетгенлерин эшитген кѣсе Бурунгук, къууанч тыбырлы болуб, оналты къулакълы, сегиз кѣзлю, сегиз айры башлы отджаудур Джелмаузгъа:

— Тебре, кесим барлыкъма! — деб, Джелмаузгъа миниб келиб, Накъут-Дорбунну аллында джерлениб, Джелмаузгъа да: «Сен а Минги тауну тѣппесине миниб, къараб тур, бу джуртда къалгъан нарт юзюкден бир хата чыкъмасын»,— дей, кеси Накъут-Дорбунну эшигин сакълагъан Дебекге барыб, анга даулу сѣлешиб: «Эшикни ач, мени ары кирме къой, Накъут-Дорбун меникиди энди. Мен Бурунгук бий джекме, дорбунну накъутун, алтынын, ъзге байлыгъын кѣрейик»,— дегенди.

Нарт Дебек да, сѣз салмай, Накъут-Дорбунну эшигин ачыб, Бурунгукну ары кирме къоюб, дорбунну бекгичкъадама эшигин бегеуюл джабханды. Накъут-Дорбунну байлыгъына эси кетген Бурунгук, несин да билмей, несин да унутуб, дорбун ичинде айлана, къарай туруб, бир алада эсин джыйыб, эшик таба мыллык атханды.

Алай а чыгълмазын ангылагъан Бурунгук узун гук бурну бла сызгырыб, Минги тауну тѣппесинде чѣкген, нени да эшитиучю деу Джелмаузгъа эшит-диргенди. Ол да сау дунияны сагъайтыб, ъкюрюб, сау джан кыймай джутама, джуртугъузну кюйдюреме, джерни джюзюню бий джеги Бурунгукну бошатыгъыз, айтханына сыйыныгъыз, олду энди Накъут-Джуртну иеси! — деб, гюрюлдей, от джаудуруб, бир къауум джерлени кюйдюрюб, тютюнлете, къоркъуу салгъанды.

Сибилчиге туугъан,

Эмчек эме турган,

Бѣккюр нарт улан

Болуб ърге турган.

Джелмауузну ачы ауазына сагъайыб, джюрексиниб, созулуб-керилиб, мазаллы бир деу нарт болуб, секириб тургъанды. Анасына — ариу Кюнкъызгъа: «Анам, бир сауут-саба этерем!» — дегенди. Сегизатар садакъ джаяны шынтагысын къаты тартыб, джыйгъанды. Садакъ окъларын да ырым къуу бла джерлеб, Къала тауундан эшикге чыкъгъанлай, анасы да ызындан чыгъады.

Ала, Минги тауну тѣппесин къазыб, белкъау этиб, ачыуланыб, гыйы-гыйы къаяланы къобара тургъан Джелмауузну кѣредиле. Ариу Кюнкъыз, нюр чырайын тийириб, Минги тауну ортасын айры эте, от солуй тургъан Джелмауузну уютуб, къарышдырыб, солугъан отун сууутханды. Нарт уланы да сегиз атар садагъындан сегиз окъну учургъанды. Отлу окъла тийген Джелмаууз кѣбюб дингиз болуб, къызыб, атылыб джарылгъанды.

Минги тау да андан бери эки башлы болуб къалгъанды дейдиле.

Сибил нартла да, чаба-джорта, Сибилтиге джетгендиле,

Сибилтиде къонушлары Минги таугъа келгендиле,

Тауну айрысын кѣрюб, нек болгъанын билгендиле,

Къууанч тоюн къура, Къала таууна киргендиле,

5 Туугъан нарт уланнга Ерюзмек аталыб,

Бир кюннге ёсюб, деу нарт болгъанын кѣргендиле.

Ерюзмекни да ким болгъанын ол алайда билгенди,

Ерюзмекден джанына джашау турукъ тилегенди,

Тарыкъ джерими да сеннге берейим дегенди,

10 Аны кѣлюн чапырыр дыгаласла излегенди.

Алай а Ерюзмек аны да хош, табу кѣрмегенди.

Кѣсе Бурунгук да, аны ангылаб, Тарыкъ таулада Бугъоулу Дорбунда джашырылыб тургъан, дуня сейири ариу Аргуну да берейим деб, дагъыда джалыннганды. Ерюзмек да сибил нартланы бир бѣлеги бла Тарыкъ таулагъа баргъанды. Бугъоулу Дорбунда кюн кѣрмей джашагъан ариу Аргугъа бошлукъ бериб, алайда аны бла джашай, тарыкъ сибил нартланы ёрюзю болгъанды.

Кѣсе Бурунгукну уа сибил нартла, накъутдан тойсун деб, Накъут-Дорбунда иштенекле ишлетир ючюн, сау къойгъандыла. Нартланы джурту Къала тауну уа Къонуш Джуртда къала тѣбю бюгюнлюкге деричин сакъланнганды, дейдиле.

127. БОЛАТ-ХЫМЫЧНЫ ЖЫРЫ

Болат-Хымычны мен айтайым,

Уой, уорайдара,

Жауурун кенгин мен айтсам,

Уой, уорайдара.

Жети къулач бола эд

Уой, уорайдара.

Белини кенгин мен айтсам,

Уой, уорайдара.

5 Эки къулач бола эд,

Уой, уорайдара.

Эки ариу къатыны бар эди,

Уой, уорайдара,

Ала жамычы этелле,

Уой, уорайдара.

Атха миннген заманда,

Уой, уорайдара.

- Къыйналмаз кибик жамычычыкъ,
Уой, уорайдара.
- 10 Бир чѳргеми пуд тартхан,
Уой, уорайдара.
Алайдагъы да жюз жюнден.
Уой, уорайдара.
Ала тыпыл басалла,
Уой, уорайдара.
Алар тыпыл басалла,
Уой, уордара.
Алар «Ийнай» айталла,
Уой, уорайдара.
- 15 Хымыч а таянып тура эди,
Уой, уорайдара.
Ала жукълап а сундула,
Уой, уорайдара:
— Хымыч а бизни къойса да,
Уой, уорайдара.
Ауар ханга барлыкъды,
Уой, уорайдара.
Ауар ханны къызын аллыкъды,
Уой, уорайдара.
- 20 Жюз атлы да нѳгери,
Уой, уорайдара.
Жюз арба жюгю да къумачы,
Уой, уорайдара.
Ехтем киши болур эд,
Уой, уорайдара.
Секирип ѳре уа тургъанды,
Уой, уорайдара.
— Атым Хымыч болмасын,
Уой, уорайдара.
- 25 Ауар ханга бармасам,
Уой, уорайдара.
Ханны къызын алмасам,
Уой, уорайдара.
Ол атланып кетгенди,
Уой, уорайдара.
Ауар ханга баргъанды,
Уой, уорайдара.
Анда илишан аталла,
Уой, уорайдара.
- 30 Къызын ѳчге салгъанды,
Уой, уорайдара.
Кюзгюню башына ийне чанчып,
Уой, уорайдара.
Анда илишан аталла,
Уой, уорайдара.
Илишанны киши урмайды,
Уой, уорайдара.
Болат Хымыч атханды,
Уой, уорайдара.
- 35 Ийнени белинден къыркъгъанды.

- Уой, уорайдара.
 Жюз атлы да нёгери,
 Уой, уорайдара,
 Атланып, ала тебирелле,
 Уой, уорайдара.
 Арбаланы уа аллары,
 Уой, уорайдара.
 Хымычны кьабагына киргенде,
 Уой, уорайдара.
- 40 Къатынлары артха бурдула,
 Уой, уорайдара.
 — Бизни Хымычны тьююлдю,
 Уой, уорайдара.
 Кимни эсе да Хымычны тьююлдю,—
 Уой, уорайдара.
 Деп а артха бурдула,
 Уой, уорайдара.
 Алай эте тургъанлай,
 Уой, уорайдара,
- 45 Болат-Хымыч жетгенди,
 Уой, уорайдара.
 — Сен бурдунг,— деп да бири айтды,
 Уой, уорайдара.
 — Сен бурдунг,— деп а бири айтды,
 Уой, уорайдара.
 Бири алды эшик кылычны,
 Уой, уорайдара.
 Бири алды кюрекни,
 Уой, уорайдара.
- 50 Бир бири башын жардыла,
 Уой, уорайдара.

128. АЛМОСТУЛА КЪАЙДАН ЧЫКЪДЫЛА

Алмоштула бурун да болгъандыла. Ала бюгюн жокъ болургъа жетгендиле. «Ала кеслери нартланы бла эмегенлени бирге къатышхан къауумларындандыла», — деп, атам Къочхардан алай эшитгенме. Нартлада Алауган деген бир мазаллылары болгъанды. Ол адам улуларындан къатын алса, ол къатынла аны жашаууна жарамагъандыла. Хапарлагъа кёре, ол эмеген кызны къатыннга алгъанды. Ол, Алауганны къатыны болуп, жашап башлагъандан сора, хар эки айдан сабийле тапханды, хар тапханда да эки — тёрт тапханды. Алай тапхан сабийин ашап къоя болгъанды.

Сора, бир жолда, Алауганны эмеген къатынын алдап, ожакъны башындан от жагъагъа къозлатхандыла. Ол, ожакъны башындан юч сабийни къозлап, энишге от жагъагъа атханлай, нартладан бир тиширыу сабийлени алып къачханды. Ол, сабийлени Минги тау жынына алып бара, жолда арып, эки сабийни алай бир жерде атып, бирин а Минги тауда бу таракъла ичине салып кетгенди. Ауурдан элталмай атып кетген ол эки сабийни уа бир бёрю алып кетип, къайда эсе да бёрюле ичине элтип, анда кеси сютю бла ёсдюргенди.

Ма кёремесе, ол бёрюле ёсдюрген сабийледен алмоштула жаратылгъандыла. Ол себепден, ала чачлы, тьюклю, мазаллы болгъандыла. Ала сёлеше билмегендиле, алай а ала адам улусуну тилин ангылагъандыла. Ала отну, сууукъну да артык айырмагъандыла. Чий-бишгенни да билмегендиле. Ала ыстауатлада, къара до-

рбунлада, адамла жашамагъан эски, кир, къарангы жерледе, адамладан тюшюп къалгъан-къулгъанланы ашап жюригендиле.

Бизни аталарыбыз бурун да алагъа, нартланы хатерлеринден, юйледе ашны, къазанны башындан алып, юлюш къойгъандыла. Ол юлюшню элтип босагъа тюбюне не да малла жыйылгъан бауну бир жерине мюйюшюне, хуна тешигине салгъандыла.

Алмосту барып аны ашагъанды, ашап, тоюп, кёлюне жараса, былай айтып, алгъыш этгенди:

Тыпырынг, Темир къазыкъ жулдузча, бегисин,
Тейринг берсин Апсатыны малларындан игисин, кёбюсюн,—

дегенди. Аш бермей къююп, ачыландырсанг а, къаргъыш этгенди. Къаргъышында былай айтханды:

Арбазынгда мулхар, аш болмасын,
Обангда топуракъдан башха таш болмасын.

Алмостуну тилеги, къаргъышы алдаусуз къабыл болгъанды. Алмосту болгъан жерге шайтан кирмейди. Нек десенг — шайтанланы жангыз алмостула кёредиле, сора бёрю кёреди. Алмостула шайтанланы адамгъа заран этерге кюрешгенлерин билип, аланы къууадыла. Бёрю уа шайтан къозлагъан заманда шайтанны баласын алып къачады, элтип бир жерде ашайды.

129. ЭМЕГЕНЛЕНИ ЮСЮНДЕН

Эмегенлени мен атамдан эшитген хапарлары былайды. Ала эртте, бек эртте жашагъан бир тюрлю жанла болгъандыла. Кеслери бек мазалы, къарыулу, адамла бла жиянлагъа, унамасанг, тап айыулагъа да ушагъандыла.

Аланы бир тюрлюсю — беш-алты къуйрукълу, жиянлача, узун, базыкъ, андан огъарасы адамгъа ушагъан, терилери жылтырауукъ, жиян терисича, жылтырап, сора алайдан эки, юч, төрт, беш баш айырылып, боюнлары узун болгъандыла. Башлары, бир башхасы болмай, къадыр башха ушайыракъ болуп, кёзлери, тишлери, тиллери уа — жиянланыча.

Экинчи тюрлюсю — орталыкъ дуппурлача уллула, эриши, сылыкъ, ийисли, кёзлери, ауузлары, жаякълары макъалагъа ушап, эки аякъны юсюнде, адамлача, жюригендиле. Юслери тюкю, терилери жаркъма-жаркъма, къаты, жарылып болгъандыла. Жашагъанлары чегетледе, батмакълада, дорбунлада болуп, тойумлары болмагъанды. Тамыр, эт, көгет ашап жашагъандыла. Акъылсызла эдиле, аз-маз сёдеше да билгендиле.

Ючюнчю тюрлюлери — алты-жети бармакълы, тырнакълары, бир башхасы болмай, борсукъну тырнакъларыча, жютюле болуп, айыуну аякъларына ушагъандыла аякълары да. Была да эки аякъларыны юсюнде жюригендиле. Юслери, текеленича, узун тюкю болгъандыла. Башлары уллу къапла тенгли болуп, тар мангылайлы, бурунсуз, бирер кёзлери, ол да кече, Чолпанча, жылтырап, кюндюз а къып-къызыл, хымил басып, алай болгъанды. Ауузлары къулакъ артларына дери айырылып, баш тишлери тюп жаякъларындан, тюп тишлери уа баш жаякъларындан ёрге чыгып болгъандыла. Бу къауум эмегенле нарт адамла бла бек къаты кюрешип болгъандыла. Бек суйген ашлары адам, эшек этлери болгъанды. Быланы къарыулары нарт адамладан он кереге уллу болгъанды. Алай не файда, хыйлалары, усталыкълары жокъ эди. Бир тоюп жукъласала — бир ыйыкъ, бир уянсала уа, аш излеп, жыйырма кюн айлангандыла.

Бу кыауум эмегенле сууккыгъа чыдамсыз болгандыла. Ол себепден кыш жер тюбюнде куркаларында беш айны жукълагандыла. Жазгъа арыкъла, кырыусузла болуп чыкыгандыла. Жангы кырдыкны айырмай отлап жашагандыла.

Хапарлагъа кёре, эмегенлени кёбюсюн нартла кырып тауусхандыла. Андамында кълганлары да, бир бирлерин ашап, ахырында, ачлыкъ кирип, кырылгандыла, деучю эдиле.

130. БЁРЮЛЕ БЛА ИТЛЕ

Бёрюле алгын итле бла бирге шуёх болуп жашагандыла. Аланы артда бир бирге эмегенле бла нартла жау этгендиле. Итле нартла жанлы, бёрюле уа эмегенле жанлы болгандыла. Эмегенле кырылганда, бёрюле тышында кългандыла, Нартла тауусулганда — итле адамлагъа кёшулгандыла.

XI. НАРТЛАНЫ ЖЫРЛАРЫ.

131. НАРТЛАНЫ ТЕЙРИГЕ ТАБЫННГАН АЛГЪЫШЛАРЫ

Тейри, сени кьулунгма, кесим да нарт улума!
Суу Тейриси, суудан салгъанса кьанымы,
Кёк Тейриси бергенди жанымы.
Жер Тейриси, ашла бла тойдурдунг,
5 Апсатыдан малла берип сойдурдунг.
Нартла бары жаратылдыкь, Тейри, кьанынгдан,
Нартха ётдю хар бир жигинг санынгдан.
Баш урама, тал чыбыкьлай, ийилип,
«Тейри!» — дейме, хар заманда, сьуюнюп.

Бу дуады. Нартланы кезиунде бу тилеклери болгъанды. Нартла сыйлы батырла болгъандыла. Эмегенлени кырып, кеслери да не болгъан эселе да, жер юсюнден тауусулуп кетгендиле.

132. УМАЙ-БИЙЧЕ

Нарт улулары — Тейри кьуллары,
Нарт улулары — жигит балалары,
Нарт улулары — бёрюд аналары,
Бек сьуйгенлери — Умай-бийчеди.
5 Умай-бийче уа — Тейрини кызыды.
Умай-бийче уа — бир сейир-тамаша:
Аны санлары — марал сыфатлы,
Аны жюрюшю — жулдуз учханлай,
Аны мьуюзю — ай жабышханлай,
10 Аны кёзлери — танг жулдузунлай.
Юч аякьлы, тамаша Умай,
Юч аякьлы, акь марал Умай.

133. ЭЛИЯ

Кёкге къарап, нарт батырла жырлайдыла, Элия!
Бери къарап, бир тынгылачы, санга айтабыз, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нарт элинде, адам кьалмай, жыйылгъанды, Элия!
Халкь термилед баш уругьа, бир кёрюнчю, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

5 Хурс-Халында сенсиз кьууанч эталмайбыз, Элия!
Сенсиз доммай уугьа да баралмайбыз, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Сенсиз кече жолубузну ким жарытыр, Элия?
Сенсиз кече жолгъа ким атланыр, Элия?

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Сенсиз кече садакъ окъну ким аталыр, Элия?
10 Сенсиз атхан огъун а, ким тийдирир, Элия?

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Сенсиз татлы сыраны да тарталмайбыз, Элия!
Сени кёрмей, тангыбыз да аталмайды, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Къартларыбыз жан берелле, санга айланып, Элия!
Тилек тилей, ёледиле, санга къарап, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

15 Тейри бла кёк башында жашайса сен, Элия!
Нартла бла доммай шишлик ашайса сен, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нартла бары баш урабыз санга айланып, Элия!
Барыбыз да къууанабыз санга къарап, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нарт элинде уруш барад кёп заманны, Элия!
20 Атларыбыз арийдыла, не этейик, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нартла садакъ атадыла, тохтамайын, Элия!
Садакъ окъла къуюлалла, буз ургъанлай, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Ала таууш этедиле, къуш къанатлай, Элия!
Ала барып, жау кубеге чанчылалла, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

25 Гебохлары къаяланы тешедиле, Элия!
Сырпынлары жаула башын кеседиле, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Кёк кюкюрөп, тейри эшиги ачылырмы, Элия?
Жау аскери, къуш тюгюнлей, чачылырмы, Элия?

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Санга къарап, кюч, къарыу да тилейбиз биз, Элия!
30 Сени кибик кишини да сюялмайбыз, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нарт элине от салыргъа умут барды, Элия!
Нарт элини халкъы кълмай кзуугъундады, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Адыл суудан жау келеди бизге айланып, Элия!
Сен болушмай, тыярбызмы биз а аны, Элия?

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

35 Тау башында нартла къала ишлейдиле, Элия!
Нарт кълала сюелелле, Дых тауунлай, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нартла бюгюн къазауатха киргендиле, Элия!
Аланы уа къатынлары сакълайдыла, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нарт батырла къазауатдан кълтырламы, Элия?
40 Нарт элине тынчлыкъл келип, солурламы, Элия?

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Къара кълргъа жол нёгерлик этерикди, Элия!
Хапар берирге, санга айланып, кетерикди, Элия!

Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

134. НАРТЛАНЫ ТАЯКЪЛАРЫ

Эртте нартла болгъандыла. Аланы баш таматалары Деует болгъанды. Ол кеси ташланы сыгъып, аладан темир этгенди. Ол уста темирчи жаныуарланы, хансланы да тиллерин билгенди. Бир кюн Деует нартлагъа бир таякъ ишлеп бергенди. Ол таякъны агъачы кызыл болгъанды.

Ол таякъны эмегенле сюймегендиле, аны ийисинден кълчхандыла. Нек десенг, мен эшитгеннге кёре, ол таякъ эмегенлеге ауруу жукълдургъанды. Ол алагъа уу, нартлагъа уа дарман болгъанды.

Нартла ол таякъ бла чыгъып, эмегенле бла сермешгендиле. Эмегенле ол таякъны ууундан ёлгендиле, дейдиле. Урушха уа нартла былай айтып чыкългъандыла:

Кызыл таякъ, уу таякъ,
Эмегенни жыкъ, таякъ,
Жаны чыкъсын, сен тийгенлей,
Ууунгу ий анга, жетгенлей.
5 Сен нарт Тейрини таягъы,

- Дулдур атны туягы,
 Къарт маралны жаягы.
 Эмегенле, сизни ёлюм тауусун,
 Тукъумугъуз къурусун!
 10 Нарт эллери сизден солусун,
 Тамырыгъыз къурусун!
 Къызыл таякъ, тий таякъ,
 Эмегенлени къыр, таякъ!

Нартланы ол таякъга алгъышлары да болгъанды:

- Къызыл таякъ, алгъыш таякъ,
 15 Нарт элине алгъыш таякъ,
 Нарт элlege болушхан таякъ!
 Ёлетлени къурутхан,
 Къыйыналадан солутхан!
 Жауларыбызны къурутхан!
 20 Эмегенле суу башындан къурусунла!
 Тейрибиз берген таякъса,
 Нарт элине ийнакъса.
 Ауруланы кетерген
 Жандан суйген жан таякъса,
 25 Нарт халкъына сен ийнакъса!

135. НАРТЛАНЫ АЛГЪЫШЛАРЫНДАН

- Тюйюш-тюйюш тюйюше,
 Нарт шекелинг мюйюше.
 Санга келген абынсын,
 Нарт кылычдан къабылсын!
 5 Жау эшиги жабылсын!
 Тутуй къышунг жырласын,
 Арбазында нартлыкъ сабий ойнасын!

136. ЖОРТУУУЛДАН КЪАЙЫТЫУ

- Къарачыгъыз, нартла элине узакъдан,
 Кёре эсегиз, уллу къууум къууанчла.
 Аланла, биз а жортууулдан келебиз,
 Жолукъганлагъа кысха салам беребиз.
 5 Сёлешсек а, элгендирмей, кетебиз.
 Жюрюшюбюз а, мамукъ кибик, жумушакъ,
 Керек болса уа, эрлен кибик, жортабыз.
 Къыйынлыкъдан арталлы да къоркъмайбыз,
 Жолубуздан гауел, жел да тыялмаз,
 10 Сермешледе санларыбыз кыйналмаз.
 Тобулгъуданд бизни къамичи сабыбыз,
 Жугъутур тикгичден — садакъ бауубуз.

Чабырларыбыз — сарыуек териден,
Ат жер кышларыбыз да — элме терекден.

- 15 Биз нартлабыз, Сары-Аркыадан аугъанла,
Кийиклени тутуп, кыйланыча сойгъанла.

Нёгерликни жүрекледе жүрютебиз,
Кыарыусузгъа кыарындашлыкъ этебиз.

- 20 Жоргъалашып, кыанатлылача, барабыз,
Тёрт кюнлюкню-жангыз кюннге салабыз.

Тартып, атдан аудурмайбыз иелерин,
Душманланы уа, уруп, атабыз тюеледен.

Кеч болса уа, кыая ыранда жатабыз,
Кёкге тутуп, садакъланы атабыз.

- 25 Нартла уа кюн батарны сакълайдыла,
Элге жууукъ—ашыгъышлы чапмайдыла,
Таматасыз хапарларын айтмайдыла.

137. ДОММАЙ УУДА

Усхуртук элден чыгып барабыз,

Ойра, рирара, ой!

Нарт Ёрюзмек а аллыбыздады,

Ойра, рирара, ой!

Аны ёхтемлиги барыбыздады,

Ойра, рирара, ой!

Аны жүреги кыаныбыздады.

Ойра, рирара, ой!

- 5 Кыарлы таулагъа биз жетерикбиз.

Ойра, рирара, ой!

Доммайла кырып биз келтирликбиз.

Ойра, рирара, ой!

Элия болсун бизге кюч берлик!

Ойра, рирара, ой!

Кыара кыаргъа болсун бизге жол берлик!

Ойра, рирара, ой!

Нарт атла жерни титиретелле,

Ойра, рирара, ой!

- 10 Жулдузлу кёкге учуп кетелле,

Ойра, рирара, ой!

Элия кыанаты башыбыздады,

Ойра, рирара, ой!

Нарт жолубузну ол жарытады.

Ойра, рирара, ой!

Нарт къалалары ёхтем туралла,
Ойра, рирара, ой!
Нарт эллилени жаудан сакълайла.
Ойра, рирара, ой!

15 Нарт садакълары кюбе тешелле,
Ойра, рирара, ой!
Нарт сырпынлары ташны кеселле,
Ойра, рирара, ой!

Доммай ууунда атынг тоймайды,
Ойра, рирара, ой!
Доммай ууунда солуу болмайды.
Ойра, рирара, ой!

Къолан туякъгъа жер чыдамайды,
Ойра, рирара, ой!
20 Къолан туягъы жерге батмайды.
Ойра, рирара, ой!

Чууана сыртда садакъ атарбыз,
Ойра, рирара, ой!
Итиль бойнунда сыра тартырбыз,
Ойра, рирара, ой!

ХИ. НАРТЛАНЫ ЖЕРДЕН КЕТГЕНЛЕРИ

138. НАРТЛА БЛА ЭМЕГЕНЛЕНИ КЪЫРЫЛГЪАНЛАРЫНЫ ЮСЮНДЕН

Минги тау бла Къазман тауну арасында
Келгендиле нарт улулары, уллу Тейрини къуллары,

Къыркъ да сууну боюнларында жашап,
Къыр кёгетлени, Апсатыны малларын ашап.

- 5 Кюнчыкъгъандан, кюнбатхандан жерлерин,
Нарт батырла сакълай элле эллерин,

Сырпынланы, садакъланы къолларында тутханлай,
Нарт элени эмегенледен къоруулай.

- Эмегенле Къыркъ сууланы башларын алдыла,
10 Нарт жерлери суусуз къуруп къалдыла.

Къыркъ да сууну нарт эллери къозгъалдыла, къопдула,
Ачыуланып, эмегенле бла уруш этерге чыкъдыла.

Нарт Дебет да кёрюк отла жандырды,
Темир алыргъа ол кёп ташла сындырды.

- 15 Ол нарт аскерни кереклисин билгенди,
Нарт аскерге сауутла этип бергенди.

Эмегенле къара орманладан чыкъгъан элле,
Нарт аскерге ала чапхан элле.

- Нарт аскер да чыкъгъан эди алагъа,
20 Азыкъларын жыйып состар къалагъа.

Эмегенле тереклени сермей элле,
Чий кёзлери нарт аскерни кёрмей элле.

Тереклени тамырлары бла быргъай элле,
Жарланы оюп, сууланы, биямукъ кибик, булгъай элле.

- 25 Нарт аскерле, къара орманланы жырып,
Битдирдиле сылыкъ эмегенлени, къырып.

Къыркъ суулары эмегенсиз болдула,
Къузгъун-къаргъала аланы ёлюклерине къондула.

- Эмегенле къурт тёбеле болдула,
30 Ма аладан саскыла, чибинле болдула,

Ол гадур эмегенледен ала туудула.

Эмегенле, чирип, ийис этдиле,
Нарт эллери ауруп, ёлюп башлалла,

Нартла, къачып, жерлеринден къопдула,
35 Кюнчыгышха, кюнбатышха къачдыла,
Ол жанлада тенгизлеге акъдыла.

Къыркъ суулары, къуруп, хужу къалдыла,
Ол жерлени ассы халкъла алдыла.

139. НАРТЛА БЛА ЭМЕГЕНЛЕ

Эртте-эртте заманлада, нартла болгъандыла. Ала батырла, тулпарла эдиле. Аланы жер юсюнде жаулары эмегенле эдиле. Нартла Ырхыз, Эки башлы эм Къазман тауланы, Къыркъ сууларыны къолларында, эмегенле бла къатыш жашагъандыла.

Эмегенле къарыулула, улдула, эришиле, акъылсызла, анкъаула болгъандыла. Жилиян, макъа, кийик жаныуарла тутуп, тамырланы къазып, агъач кёгетлени ашап жашагъандыла. Бек суйген ашлары адам эти болгъанды. Ач болуп жайылсала, къыркъ кюнню жукъламай, къара орманлада гюр-гюр этип айлангандыла. Ач болсала, бир бирлерин да, талап, ашагъандыла, нарт элlege чапхандыла.

Бир тоюп жукъласала, жауун, жел, исси деп къарамай, юч ай жукълагъандыла. Жарланы оюп, сууланы тыйып, кеслери да суулагъа жатып, кир этип, нарт элlege къыйынлыкъла берип, ачыуландыра болгъандыла.

Бир жолда, заманланы бир заманында, «Акъ жылла» деп юч жыл болгъанды. Ол юч жылда, жауун жаумай, кюн къысып, нарт эллерине, эмегенлеге да ач къытлыкъ жетгенди. Ачлыкъ жетген эмегенле, нарт элlege чабыуулдукъ эте, кёп къыйынлыкъла жетдире тургъандыла.

Бир жолда нартла ачлыкъ кирген эллерин ачлыкъдан къутхарыр ючюн, аскер болуп кюнбатыш бла кюнчыгышха, эки бёлюнюп, кетгендиле. Эллени эмегенледен сакълар ючюн Батырбаз деген сынаулу, алай а бек къарт болгъан бир нартны къойгъандыла. Батырбазны аскери кёп эди. Садакълары болса да, бир-бир окълары жютю отлукъ ташладан, бир бирлерини уа жумушакъ доммакъдан болгъанды. Садакъ бауларын доммай сингирледен этгендиле.

Эмеген жыйынла, тёбеле кибик, жерлени, тауланы тепдирип, нарт элlege тохтаусуз чабыуулдукъ этип башлагъандыла. «Нарт элlege табылгъан сабий, къарт, мал тапханларын ашайдыла»,— деп, Батырбаздан нартлагъа къуугъун баргъанды.

Болса да, бир къара орманлада нартла бла эмегенле бир бирлерине тюбешип, орталарында къаты уруш, кюреш башланганды. Уруш кёп заманны баргъанды. Ачлыкъ къутуртхан эмегенле, тереклени, ташланы сермеп, нартланы артха ыхтыра башлагъанда, нартланы садакълары эмегенлеге тийселе да, бюгюлюп, не да артха чартлап кете больгъандыла.

Сора, акъыллы нарт Батырбаз, элlege хапар берип, эт къазанла асдырып, къундуш къыйдуруп, этсиз шорпала къайнатдырып, ичлерине туз орнуна кёрдеуюк бла кукуртну, андызны къошдуруп асдыргъанды. Къазанларын, ала келлик жоллада, къайнай тургъанлай къоюп, кеслери артха къачхандыла. Ачлыкъ къутуртхан ач эмегенле: «Ха, аш тапдыкъ!»— деп, бир бирге ал бермей, бир бирлерин ары-бери тюрте, жюзюшер челек кирген жюз къазан шорпаны ичгендиле. «Ох-охо, энди бираз солуюкъ»,— деп бир уллу кюнлюм къолгъа жайылып, жукъларгъа, солургъа жатхандыла.

Бираздан, къарынлары ауруп, ётюр башлагъандыла. Къарынлары ауругъан бла къалмай, кёзлери, башлары тели айланып, къаты эсиргендиле. Тентек болуп, бир бирлерин тюрюр, къырып башлагъандыла. Этлери кёгерип, тюрклерин тюрюр, ёлет кирип, къырылып, артлары болгъанды.

Кюнчыгъыш, кюнбатыш жанларына кетген нарт аскерле да, эмегенле бла уруш хапарны эшитип, жетгендиле. Жетселе, кёп нарт эллери бузулуп, чачылып, бир талай нарт тишируну, сабийлени эмегенле ашап тапхандыла. Ачыулу нарт аскерле: «Ашау алай тюрюрдю, ма былайды», — деп. эмегенлени этлерин шишлик этип ашагъандыла.

Къырылгъан эмегенлени мыллыклары бир бёлек кюнден чирип, дуняны аман ийис альгъанды. Андан нарт элге къара ёлет киргенди. Къарынлары ауруп, башлары тели айланып, юч кюнден кёп жашамай, къырылып башлагъандыла.

Андан Ырхыз, Эки башлы, Къазман тауларында нартлагъа къачмакълыкъ тюрсенди. Жерлеринден къобуп, бир къауумлары кюнчыгъыш жанында Хазна тенгизге, кюнбатышда Азау тенгиз жагъаларына жетип, кеслерин тенгизлеге атхандыла.

Жоллада, къоллада, тапханларын ашап, бузуп баргъандыла. Ол кезиуде болмаса, нартла кишиге артыкълыкъ этмегендиле, артыкълыкъны да унамагъандыла. Былай бла нартла, жерлеринден къобуп, тауусулуп кетгендиле деп, къарт атам Исхакъдан эшитгенме.

140. НАРТ КЮЙ

Эртте, эртте заманлада,
Минги тауну къатында,
Ойта, ой, орира!

Нартла алайда жашай элле,
Ташны, тауну ашай элле,
Ойта, ой, орира!

5 Ёлет кирген кюнде,
Минги таудан къачдыла.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Бир бирлерин къыра элле,
Тапханларын чача элле,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Алф таугъа бардыла,
10 Дарман излеп Алф таудан,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Къылычларын къайракълагъа билелле,
Кюн Тейриден: «Ёлетинги ал!» — деп тилелле.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Кюн Тейриси болушмады алагъа,
Ёлет къырыну тохташмады нартлагъа.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

15 Алайдан нартла, чыгъып, кетдиле,
Бара кетип, бир дорбуннга жетдиле,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Ол дорбундан чыгъа элле жилтинле.
Кёкню, жерни кече этген тютюнле,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Жыладыла, Кёк Тейриге, жалбарып,
20 Тиледиле, От Тейриге, жалынып,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Кёк Тейриси болушмады нартлагъа,
От Тейриси болушмады алагъа,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Ёлет бла тауусулдула ол нартла,
Минилмейин къалгъан элле нарт атла.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

25 Ёлет бла нартла ёлюп кетдиле,
Таурухлары бабаладан бизге жетдиле.

141. АЛТЫН ЧОЛПУ

Нартланы заманы адамланы насыблы заманлары болгъанды. Кавказда джашагъанла кийик джанууарлагъа бла юй хайыуанлагъа тиймегендиле, ханс джылны узуну джашлай, кёклей тургъанды, ауруула, адамны къабыб ачытхан сокъур чибинле болмагъандыла. Чырайлы, джигит, огъурлу, ишни суйген нартла киши халкъгъа джутланмагъандыла, кеслерини малларын, жерлерин, юйдегилерин сакълагъандыла.

Таулада эталгъан аманлыгъын этиб айланнган уллу байлыкъны иеси Иблис нартланы къыралын чачыу-къучуу этерге ууланнганлай тургъанды. Буздан, къардан ауурланнган къара булутланы башларыннан ийгенди, от садакъланы — кёк джашнауланы чакъдыргъанды. Уллу джеллени, ачы суукъланы, къургъакълыккыны келтиргенди. Алай болса да, нартлагъа жукъ эталмагъанды. Нартла не къыйынлыккы да хорлаб баргъандыла.

Кюн иссилиги бла сабанны, хансны, чегетлени кюйдюре тебирегенлей, нартла, илипинле къазыб, ала бла суу ийиб сугъаргъандыла. Къыйын къыш маллагъа толу джетерча бичен хазырлагъандыла. Суула къобсала, дорбунлада джашагъандыла, сууукъдан сакъланыр ючюн а отну къурутмагъандыла.

Нартлагъа къарыу бериб тургъан алтын чолпу болгъанды. Ол чолпугъа къуюлгъан суу аны ичгенлеге къарыу, кюч, оюм бериб тургъанды. Ичинде суу бла ол чолпу кеси аллына ёрге, хауагъа чыгыб, сора, тюз сёлешген адамны аузуна кеси барыб, ётюрюк сёлешгенни уа къатына да къоймай тургъанды.

Сейир чолпуну юсюнден хапар төрт дунягъа джайылгъанды. Аны къолгъа джыаргъа кёбле дыгалас этгендиле. Киши джерледен джаула къуюлюб-къуюлюб келиб, ат аякъ тауушла ёзенни титиретгендиле, садакъ окъла, къылычла къымылдагъандыла. Джау киргенлей, нартла къаладжюклени, башха ишлени да атыб, къолларына сауут алыб сермешуиге киргендиле.

Алтын чолпуну къолгъа джыаргъа излегенлени саны азаймагъанды, ол себебден сермешуилени да учу-къыйыры болмагъанды. Ол чолпуну дуняда бир джан тапмазлай, нартла алай джашырыргъа излеб, Амгъата суу башланнган джерде, тик къаяны эрнинде къала ишлерге оноулашхандыла. Ол къалагъа басхычла бла ёрлегендиле. Басхычла салыннган джерни уа кече, кюн да къарауулла кирпик джапмай сакълагъандыла.

Къалада джашаргъа уа нартла аты Ай болгъан кызыны орнатхандыла. Чолпуну кызы, темир кюбюрге салыб, кече аны юсюнде джатханды, кюндюз аны юсюнде олтуруб алтын къочхарны джюнюнден этилген билезиклени ийиргенди. Алтын халыла бла кызы нартланы байрамгъа кийиучю кийимлерине тукъум тамгъала тикгенди. Кызы кюбюрню юсюнден, суугъа барыб джюнюнню джууар ючюн болмаса, чырт да къобмагъанды. Къалада башха тиширыу болмагъаны ючюн Ай бир бирде иги окъуна эрикгенди. Алай бла кёб джыл ётгенди. Киши аягъы тиймеген къаланы хапары дюн-дуниягъа джайылгъанды. Сейир чолпуну къолгъа джыаргъа излеген энди болмагъанды. Таулагъа тынгы келгенди. Алай а фитначы, джут Иблис не да этиб, ол чолпуну къолгъа джыар акъылгъа киргенди.

Ай бир джолда Амгъатагъа эниб, джюн джуууб башлагъанды. Иблис бу кезиуде суу джагъа бла келе тургъанды. Кызыны эслеб, ол джууугъуракъ барыб, ташны джанына бугъуб, кызыны ариулугъундан кёз айыралмай талай заманны къарагъанды. Кызыгъа джаны киргенди. «Урлармы эдим?» — деб кёлуне келиб, сора: «Огъай, ол мени сюерча этерге керекди, алай этсем, кызыны юсю бла алтын чолпу къолума тюшерикди», — деген оюмгъа келишгенди.

Иблис, кесин ташха уруб, къараб-къарагъынчы бир ариу джаш болуб къалгъанды. Ай, аны кёргенлей, къоркъуб, кетерге не да къарауулну чакъырыргъа тебирегенди. Джаш ариу, адебли сёзлени айтханында, кызы, мычыб, биразны сюелгенди.

Кете туруб, Ай хар кюн орта сайын былайгъа джюн не да кийим джууаргъа келиучюсюн джашха сездиргенди.

Ол кюнден башлаб Иблис, ариу джашны къабына кириб, суу джагъада кызы бла тюбшиб тургъанды, бираздан а кызыгъа кесини сюймеклигин айтыб тебирегенди. Ай анга ал кезиуде тынгыламагъанды, андан сора къулакъ не башлагъанды, ардан артха уа сёлеширин асыры онгсуннгандан, бошайды деб, къоркъгъанды. Андан айырылыр-айырылмаз, дагъыда тюбериклерине ашыкъгъанды. Танг атар-атмаз, Ай къаланы аллына чыгъыб, ариу джаш къачан кёрюнеди деб, ашыгъыб сакълагъанды.

Бир джолда тюбешгенлеринде джаш тамбла кюндюз былайгъа келамазын, ингирде тюбюнде болурун айтханды. Ай анга къаланы къабакъ эшиклерин бегитиучюлерин, кюн батарны аллында басхычланы ёрге джыйыб къоюучуларын, ол себебден къаладан тышына киши да чыгъаргъа болмагъанны айтханды. «Къайгъырмаз, сен къаланы къабыргъасына чыкъ да, эшмелеринги энишге ий, мен ала бла ёрлерме», — дегенди джаш.

Кызы ол айтханча этгенди. Къалада хар не шум болгъанлай, Ай эшимелерин энишге-энишге ийгенди. Иблис, чертлеуюк терекден агъашчыкъла кесиб, аланы эки эшмени араларына чанчыб, басхычлача этиб, къаланы къабыргъасыны башына ёрлегенди. Ала экиси да Ай алтын билезикле ийриучю юйге киргендиле. Джаш алтын чолпу бла суу ичерге сюйгенин айтханды. Ай анга нартланы сейир сууун келтиргенди. Иблис, ол суууну тогъуб, эрлай кесини къабына кириб, чолпуну белибауна сугъуб, кызыны, сермеб, къаланы къабыргъасындан чынгаб тюшюб, къанатлары болгъан тулпар атха секириб миниб думп болгъанды.

Къаяланы къараууллары къозгъалыб, хотну ангылаб, атларына джер салгъынчы, Иблис узакъ кетгенди. Аны тулпарыны аякъ ызы да къалмагъанды. Насыбха, Айны къолунда алтын тюкюлю къочхарны жюнюнден бир кесек къапыб, Иблис аны къалай ары алыб баргъанын нартла билер ючюн, устукку-устукку ата баргъанды.

Джерден башлаб кёкге дер джолну барыб алтын къочхырны джюню джарытыб баргъанды. Сокъур адам болмаса, аны кёрмеген къалмагъанды. Алай болса да, нартланы атлары кёкге чыкъгъандыла, деуле джерде къалгъандыла.

Алай садакъла учургъандыла, алай а садакъ окъла Иблисге жеталмагъандыла, ала кёкню кёгюне тийиб-тийиб, къобарыб, ол къобханла джерге-джерге тюшюб,

кем-кёк кёлле болгандыла. От садакыла да атхандыла, алай а Иблисге джетгинчи, кыарулары бошалыб — джерге-джерге тюшгендиле.

Ай, быллай джазыуна асыры ачыгъандан, кесин тыялмай джылганды. Иблисни аны кесине юй бийче этерге деб мураты алай болганды. Кыыз андан эсе ёлюрге ыразы болуб, башын терен ёзеннге атханды, алай а Иблис аны, джерге тюшюрмей, тыйыб, кёкде Ай этиб кёйгъанды.

Чолпуну уа Иблис кёкде асырагъанды. Алтын чолпу кёкню тёппесинде Джетегейле джуддузладан ат бла джети кюнлюк джолдады.

Алтын чолпусуз кыалыб, нартла кеслерини кыаруларын бошагъандыла. Иблис аланы орталарында джутлукъну, эринчекликни, фитналыкъны джайгъанды. Нартла бу затлагъа кеслерин хорлатмазгъа кюрешгендиле, алай а хорлангандыла. Аланы хар бири, не да этиб, джерни, малны кёбюн кесине тартыргъа кюрешгенди, алай бла тиклик бла айырылыкъ терен болуб баргъанды. Бир бири бла сермешуледе кыарулары бошалыб, кёбюсю кыырылганды, бир бирлери уа таула болуб кыалыб бюгюн да атлары айтылады: Машукъ, Минги тау, Мусса-Ачитара, Тегин, Казбек, Ушта.

Къартла айтханнга кёре, эм ариу таулу тиширугъа бир тулпар джаш тууарыкъды. Ол Амгъата кыаланы оюлган кыабыргъаларыны тубюнден нартланы садагъын чыгъарыб садакъ окъла бла алтын чолпуну кёкден тюшюрлюкдю. Ол джерге тюссе, адамла аны бла нарт сууну ичиб, бир бирин билиб, ангылаб, ырахатлыкъда джашарыкъдала, дейдиле.

142. НАРТ КЪОПХАН

Хапарлада келгенге кёре, нарт къопхан, эл, халкъ тынчайгъандан сора башланады. Халкъгъа кыыйнлыкъла, палахла келлик болса, ол аланы илишаны болады.

Ала, бурунлада жашап-ашап кетген деу нартланы жанларыдыла. Ала кеслери да артыкылыкъ этген кыужур эмегенле бла кюреше келгендиле. Мен эшитгеннге кёре, нартла эмеген мыллыкладан жайылган ийисли, чирик аурууладан кыырылып тауусулгандыла. Ма энди ала, ёксюзле, дуниясындан кыарап, бизге келлик палахланы кёрюп, кыуш, кыаргъа, тюрлю-тюрлю жаныуарланы суратларына, жапыларына кирип,

Оу-шау этип, кече элlege, тийрелеге киредиле,
Халкъгъа алай бла кыуугъун белги бередиле.
Ала ол батыр нартланы сыйлы жанларыдыла.

143. НАРТЛА ЖЕРДЕН КЪАЛАЙ КЕТГЕНДИЛЕ

Эртте, бурун ёмюрледе нарт батырла болгандыла. Ала Минги тауда жашагъандыла. Ала кыаруудула, батырла болгандыла, эмегенле бла бир заманда да суулары сюзюлмегенди. Ала Минги тау бла Кыазман тауну арасында, Кыркъ суулары боюнларында жашагъандыла. Кыара орманлада, таулада эриши, анкыау эмегенле бла кюрешип келгендиле, артыкылыкъны не аз да унамагъандыла.

Бир жол нартла минишдиле атларына, жерлешип,
Нарт Ёрюзмек нарт жыйыннга кычыра,
Уланларын батырлыкъгъа чакъыра.

Кыркъ сууланы бойларындан ётдюле,

- 5 Ура-жорта Уллу Дыхха жетдиле.
Уллу Дыхда нарт эллени кёрдюле, барып,
Тапдыла Дых нартланы, кырылып.
- Нарт Ёрюзмек хапар сорур нартладан адам тапмайды,
Ачыуундан сууну, ашны кяпмайды.
- 10 Аркъан атды Уллу Дыхны башына,
Аркъан тюшдю башында кяя ташына.
- Ёрлеп чыккыды аркъан бла башына.
Ол кярады Минги таугъа айланып,
- Турбин бла Минги таугъа кычырды,
15 Нарт адамла, кьобугъуз! — деп чакъырды.—
- Эмегенле нарт эллени кыргъандыла,
Адамларын, малларын да жутхандыла.
- Дых эллени эшиклерин жапхандыла,
Нарт эллеге кяра ёлет жайгъандыла,
20 Малларын да сюрюп, кяра орманлагъа жыйгъандыла.
- Кюн чыгышда Къазман таугъа кярады,
Барны -жокъну кёзлери бла марады.
- Ангылатды Уллу Дыхда халлени:
— Эмегенле чачхандыла,— деп,— нарт эллени.
- 25 Къазман тауда жан кьоймайын жыйыгъыз,
Учхун кьадариш, аш кьоймайын, тулукълагъа кьуюгъуз.
- Кюндюзледе ачыкълагъа чыкмагъыз,
Кечеледе жолда отла жакмагъыз.
- Аллыгъызда кьузгъун, кяргъа кычырмасын,
30 Жер Тейрисин жаныгъызны кёрге чакъырмасын!
- Минги таудан, Къазман таудан кьопдула нартла,
Жылкылада кьоймадыла минилмеген атла.
- Нарт жыйынла тюмен-тюмен кетдиле,
Уллу Дыхны кьолларына, туман кибик, кирдиле.
- 35 Нарт Ёрюзмек кычырды Уллу Дыхны башындан:
— Эмегенле жыйын болуп, Дыхха буруп алларын,
- Ичгендиле Дых эллени кяанларын.
Нарт эллери, жыйылгъанбыз былайгъа,
- Хей батырла, кьобугъуз нарт улулары!
40 Кёк Тейриден жаратылгъан, аны ёхтем кьуллеры!
- Эмегенле кьурусунла жерни юсюнден,
Бу зат кетмесин нарт улуну эсинден! —

Былай айтып, нарт Ёрюзмек кылычын булгъайды,
Аууз жели булутланы чулгъайды.

- 45 Кылычы бла тауланы сермей эди,
Ачыуланса, кёзлери жукъ кёрмей эди.

Кылычы бла туурагъанды тауланы,
Тёбеле болуп къалгъанды жонгурччалары аланы.

- Кылычы бла кёклени жашнатханды,
50 Кычырыгы, аууз жели туманланы чачханды.
Керек кюнде кюнню кёзюн ачханды.

Уллу Дыхдан энишге, къуш кибик, учханды,
Нарт жыйынына ашыгышлы чапханды.

- Эмегенлени кырыргъа излей элле,
55 Кылычларын чыгъаргъанлай келе элле.

Алларына тюшген тереклени ура элле.
Бир ургъанлай тереклени кыра элле.

Нарт Ёрюзмекни кылычы от чагъады,
Кёк жашнагъанча, жарыгы дунягъа чыгъады.

- 60 Ол кычырса, къалтырайдыла таула, къаяла.
Ташлайдыла бууаз къатынла, оюладыла уяла.

Ура-бере, нартла Къуф таулагъа киргендиле.
Тёбелеча, эмегенлени кёргендиле.

- Нарт батырла садакълагъа болдула
65 Жартылары атларына къондула.

Ол кезиуде эмегенле адам этледен
Шишликле этип ашай тура элле,

Тапхан жерде, жан кьоймайын, кыра элле,
Нарт элlege келепен ауруу жая элле,

- 70 Ёлгенлерин обаладан къазып, жыя элле,
Шишлик этип, аланы да ашай элле,
Эмегенле алай бла жашай элле.

Нарт батырла төгerekни алгъан элле,
Эмегенле да къаяланы ойгъан элле.

- 75 Эмегенле дуппурланы, алып-алып, ата элле,
Асыры ачудан, кыя ташла кыба элле.
- Нарт Ёрюзмек онга, солгъа кычыргъанды, хахайлап,
«Эмегенлени тауусугъуз!» — деп тууайлап.
- Сермешгенде кылычы, элия кибик, чагъа эди,
80 Эмегенлени, бир ургъанлай, жыгъа эди.
- Кылычы кзулач-кзулач созулгъанды,
Кесе тауну аны кылычы бузгъанды.
- Ёрюзмек баргъанды, къара орманланы жырып,
Бошагъанды алайда эмегенлени кырып.
- 85 Нарт Ёрюзмек токъсан кюнню урушханды,
Кек да Жер Тейриси да анга болушханды.
- Къан ырхыла Кесе тауну кызартхан элле,
Кюнню кезюн тозуратхан элле.
- Кырып бошап, айландыла ызларына,
90 Келе келип, тирелдиле Кесе тауну бузларына.
- Нарт Ёрюзмек чыкыгъан эди, къарай жолгъа,
Жыйыны бла кирген эди бир наратлы кволлагъа.
- Къарап кердю кволну толтуруп бир жатханны,
Тереклени юзюп, кетюрюп юслерине атханны.
- 95 Ол болгъанды эмегенлени улду анасы,
Терен кволла болгъандыла аны кваласы.
- Аууз тылпыуу Кесе тауну туманы, болгъанды,
Кесе тауну ол башына жастыкъ этип салгъанды.
- Онг кзулагъын тюбуне тешек этип жатханды,
100 Сол кзулагъын юсуне, жууургъан этип, жапханды.
- Нарт эллени кшошуп ашагъанды ол ашына.
— Олду,— дегендиле, эмегенлени жаманы.
- Хар юч айдан жюз эмеген тапханды,
Ач больгъанда, жартыларын кпапханды.
- 105 Бир бирлерин агъач кволлагъа атханды,
Нарт эллени да кеп адамын жутханды.
- Жангыз кезю жанганды кечеледе, ай кибик,
Чючкюргени жауун болуп жаугъанды, жай кибик.
- Къарап аны нарт Ёрюзмек кергенди,
110 Садагъын тартып, кылычы бла бергенди.

Садакъ бла жаннган кёзюнден ургъанды,
Эмегенлени чынг арты ма бу болгъанды.

Эмегенлени артын кёрутуп алай къалгъандыла,
Адам улуна сора тынчлыкъ салгъандыла.

Нартла эмегенлени артларын юзгенден сора, жер башындан кетерге оноу этгендиле.

115 Нарт табынла жел атлагъа минггендиле,
Кёклеге ёрлеп, урходук болуп, кетгендиле.

Жаяулары жер къарнына киргендиле,
Жер къарнында Жер Тейрисин кёргендиле.

Жер къарнында да тапхандыла жауланы,
120 Ала бла урушсала, тепдиргендиле жерлени, тауланы.

Кёк анасын кёкде тапханды Ёрюзмек,
Хапар сурай олтургъанды бир кесек.

Кёк анасы аны, къонакъ этип, алгъанды,
Жел эмчегин аны аузуна салгъанды.

125 Ёрюзмек Кёк Тейрини анасына улан болгъанды.
Ол кесини атлы жыйыны бла кёкде бюгюн да жашайды,
Кёкню, жерни шайтанладан сакълайды.

Кёк кюкюреген — аны кычыргъаны,
Туманла — аууз тылпыууну чыккыгъаны.

130 Терлегени, жауун болуп, жауады,
Аркъанын душманлагъа атса, элия болады,
Ол, ычхынып, жерге да тиеди.

Сырпынын, суууруп, жауларын сермесе,
Ол заманда да кёк жашнагъан этеди.

Ма нартланы артлары жер юсюнден былай юзюлюп кетгенди, деп, эшитгенме ныгышда къартладан.

144. ДЕБЕТ КЁКДЕ ТЕМИРЧИ БОЛУП ТУРАДЫ

Жулдузла кюз арты Абустолну эки айында кёп учадыла. Ала нарт темирчи пелиуан Дебетни темир тюйген жилтинлеридиле.

Кёкде алгын жулдузла болмагъан заманла болгъандыла. Ол заманланы, чакъланы кечелери бек къарангы болгъандыла. Ол аллай къарангы кечелеге «Асууат» кечеле деп айтхандыла. Ол ёмюрлени чакъларында нарт улулары жер ючюнде асланла, къапланла бла, эмегенле бла, агъач кишиле, алмостула бла талаша, кюреше айлангандыла. Тереклени, къаяланы аудура, ташланы кётюре, къарыуларын сынагъандыла.

Нартланы ичинде пелиуаннга айтылган Дебет атлы бир нарт болганды. Ол хар затны тилин билгенди. Хапарлагъа кёре, Дебет, нартла бла оноулашып, Къармур таулагъа кетгенди. Ол анда ташланы хар тюрлюсюн алып, къолу бла сыгып, сынай келип, бир къаралдым ауур, жылтырауукъ ташны сыкъгъанда, андан темир тамычыла акъгъандыла. Дебетге Кюн Тейриси темир ташланы тылы кибик жумушакъ этгенди.

Дебет къайтып келип, нарт элинде нартлагъа хапар айтып, алагъа ол темир ташланы ташытханды, жыйдырганды. Сора, жерде уру къазып, къолу бла ол ташланы къысып, сыгып, анга агъзып, бир ёре теш этгенди. Экинчи айланып, темирни тюрча бир токъмакъ этгенди. Ол токъмагъы чёгюч болганды.

Эки жылан бир бирлери бла кюреше тургъанларындан ушатып, темирни тутаргъа къычхач этгенди. Доммай темирден кёрюк этип, юфкюртюп, кёмюр отну къызыу жандырып, ташланы от бла эритгенди. Ташланы отда эритип, темирни айыргъандан сора, нартлагъа къылычла, садакъ окъла, уруш балтала, кюннге жюз сырпын этгенди. Аланы таудан чыкъган бир къызыл шауданны сууу бла къатдырганды. Ол шауданнга Бора шауданы дегендиле.

Дебет темирлени туйгенде, аны темир учхунлары (жилтинлери) кёкге-кёкге жабышып, жулдузла болгандыла. Асууат кечеле жарыкъгъа айлангандыла.

Дебет жер юсюнде нартланы темир керекле бла тамамлап, нартла иш тапмай тохтагъанларында, ол: «Мен ишсиз-кючсюз жер юсюнде туралмам»,— деп, къанатлы арба ишлеп, кёкге кетгенди, дейдиле.

Ол анда кюн, кёк адамлагъа темирчи болуп, бюгюн да турады, сауду, дейдиле. Ма, жерде кибик, кёкде да темир ишлейди. Ол темир туйген заманда учхунлары, келип, жерге тюшедиле. Алагъа биз «жулдуз учхан» дейбиз. Дебет сауду, кёкде темирчиди.

145. НАРТЛА БЛА САТАНАЙНЫ ЖЕРДЕН КЁКГЕ УЧХАНЛАРЫНЫ ЮСЮНДЕН ТАУРУХ

Сатанай нартланы анасыды. Андан ариу, андан акъыллы дунягъа жан жаратылмагъанды. Сау дунягъа акъылны, намысны ол юлешгенди. Сатанай, болуп озгъан бола тургъан, боллукъ ишлени билгенди. Сатанайны атасы — Кюндю, анасы — Айды, кеси кёкде туугъанды. «Кёкден Жер Тейриси тилеп эмчекге алып ёсдюргенди»,— деп айтадыла. Бир бирле уа: «Угъай, аны Желмаууз урлагъанды, аны ючюн Ай бла Кюн да тутуладыла. Кюнню эсине Сатанай тюссе, Кюн къыздырады, дуняяны саргълтады, сууланы къурутады, тенгизлени таркъайтады,— дейдиле.— Ай тутулса, жауунла жауадыла, ырхыла келип, черекле къу-турадыла».

Жер юсюнде Сатанайны Суу Анасы ёсдюргенди. Ол Сатанайны бек суйгенди, анга кеси къарагъанды. Сатанай деп да анга ол атагъанды дейдиле. Ай бла Кюнню гитче къызчыкълары, аланы эсине тюшюрюп жыласа, Суу анасы анга кесини ариу накъут-налмас ташчыкъларын ойнаргъа бере тургъанды. Сатанай аланы ичинде барындан да бек къызыл сата ташчыкъла бла ойнаргъа суйгенди. Ма аны ючюн Суу анасы анга Сатанай деп атагъанды.

Сатанай, Желмаууздан къачып, нарт элине келгенди, анда ол нартланы бек жигит эм къарыула батырлары Ёрюзмекни кхатыны болганды.

Сатанай нартлагъа оноу этип кёп чакъла озгъандыла. Нартла, жер юсюнде жаулары бла кюреше, халкъны къоймагъан эмгенлени артларын этгендиле. Заранлы сарыуеклени да къурутхандыла. Эм артында, нартла, жауларын тау-усхандан сора, Кёк Тейрисинден буйрукъ келип, къуш къанатлы жел атлагъа минип, хауагъа, кёкге учуп кетгендиле. Ма жер юсюнден нартланы артлары алай болганды.

Нартла, кѣчюп, кѣкге кетгенден сора, Сатанай жер юсюнде кеси, нартсыз халкъла бла къалгъанды. Бу жашау Сатанайгъа къыйын эди. Болсада, Сатанай жер адамлагъа кѣп затланы юйретгенди. Алагъа мирзеу берип, гыржын бла боза этерге юйретгенди. Отлукъ ташла берип, от этерге юйретгенди. Къа-тынланы таш салыргъа, эр кишилени уа жауурун къалакълагъа къараргъа юйретгенди.

Сора Сатанай Кѣк, Жер Тейриледен: «Мени нартсыз дунядан алыгъыз, энди жер юсюнде артыкълыкъ жокъду»,— деп, тилек тилегенди. Сора, бир кече тюшюнде бир таууш эшитгенди: «Таулада нарт чууанагъа чыкъ, Кѣк Тейриси кѣкден санга аркъан иерикди, сени аны бла кесине аллыкъды»,— деп. Обур Сатанай ол тюшюнде кѣрген, ол кесине айтылгъан тауну башына чууанагъа чыкъгъанды. Аркъан келип, къыйырында къуш уяча бир зат тагъылып тургъанлай кѣргенди. Мычымай, анга кирип олтургъанды. Алай олтургъанлай, аркъан аны кѣкге алып кетгенди. Сатанай бюгюн да кѣкде сауду, къуш къанатлы атлагъа минип, хауада учхан нартлагъа оноу этип турады.

1. НАЧАЛО НАРТОВ. РОЖДЕНИЕ НАРТСКИХ ГЕРОЕВ

1. ТЕЙРИ * И НАРТЫ

Тейри Солнца сотворил солнце. Тейри Земли сотворил землю. В третью [очередь] были сотворены моря.

После того как [Тейри] были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди. Тейри Неба, Тейри Солнца, Тейри Земли и Тейри Воды посоветовались [и решили]: Тейри Воды будет давать роду человеческому воду для питья; Тейри Земли взял на себя растить урожай и кормить человека; Тейри Солнца — светить; Тейри Неба — посылать дожди.

Тейри Солнца — глава, предводитель [всех] Тейри. Он мощный держатель мира. Тейри Солнца находится в бесконечной, бескрайней дали. Он [все время] кипит: летом дарует свою жару земле, зимой же посылает [часть] этого тепла в Мир сирот¹ и согревает их.

Когда Тейри Солнца гневается, он выжигает землю, иссушает моря. Однажды, в древние времена, туманы рассердили Тейри Солнца: они, обложив всю землю, не пропускали солнечного света.

Солнце рассердилось, разгневалось и, обратившись к земле, загрохотав, начало извергаться. Из сердцевины солнца на землю дождем посыпались искры и камни. Вот откуда появились на земле золото, серебро, железная руда. Все это — извержения солнца.

Главным именем Тейри Солнца было Кайнар Тейри². Говорят, что когда Кайнар Тейри вместе с Тейри Земли сотворил землю, земля [все время] дрожала, а моря волновались. Племя нартвов, поклоняясь Тейри, семь лет плакало и молило:

Землю сотворили вы — не сотрясите [ее],
Воды явили вы — не волнуйте [их]!

И тогда Кайнар Тейри создал горы и как клинья вбил их в землю. Вот после этого прекратились колебания земли и волнения морей.

Первыми людьми на земле были нарты. В те времена, когда еще нартское племя было малочисленным, на земле кроме них жили какие-то существа, вот только я их имя запомнила, кажется, их называли «харрала»³. Между ними и нартами шла непримиримая борьба. Харрала немного походили на людей. Они были огромные, [тело их было покрыто] рыжими волосами. Они ели все без разбору. Они очень любили жаркие дни Кайнар Тейри. Собрав желтые камни — извержения Кайнар Тейри, они швыряли их друг в друга.

Когда нартский кузнец Дебет из извержений Тейри Солнца — железной руды — выплавил железо и изготовил из него нартам оружие, нарты истребили весь род харрала на земле.

2. РОЖДЕНИЕ НАРТСКОГО КУЗНЕЦА ДЕБЕТА

Давным-давно, когда [люди] в пещерах обитали,
Когда корыто из камня, [а] сито из дерева было,

Тейри Неба женился на Тейри Земли,
Загрохотало небо — и земля зачала.

- 5 Девять лет и девять дней она тяжелой была,
Потом земля разверзлась, и родился Дебет.
- Суу анасы * приняла его и искупала.
[Вместо груди] бурные реки ему в рот направила.
- Суу анасы стала [его] молочной матерью,
10 Она вырастила [его], научила мудрости.
- Сердце Дебета было из огня,
Из стали были части его тела.
- Сухожилия его растягивались, словно тетива,
Когда нужно было, они снова сокращались.
- 15 Каждый сустав его, [когда Дебет хотел], раздвигался,
как [дверная] петля,
А когда [он] не хотел — обратно сдвигался.
- Душа и кровь его были созданы из огня,
От прикосновения его руки [даже] камни раскалялись и плавилась.
- Тейри Огня [его] языку огня научил,
20 Тейри Земли языку камней научил,
Тейри Воды [ему] пищу и воду посылал.
- Однажды Дебет в нартские горы пошел,
Беседуя с камнями, [ночью] там остался.
- [Долго] советовался с ними,
25 [Потом] набрал камней и в свой аул вернулся.
- Эти камни руками раскрошил
[И] узнал, что в каждом камне содержится.
- Он ел камни, как хлеб.
Чтобы узнать, что есть в каждом камне, испробовал [много камней].
- 30 Тейри Огня помогал Дебету
Делать из камней все, что он пожелает.
- Железо для него было словно тесто,
Как хотел, так и гнул [он] его.
- Он знал язык огня, воды и земли,
35 [Возмужав, настоящим] нартом став, в кузнецы пошел.
- Что есть в каждом камне, [он] познал,
Он камни, как льдины, плавил,
- Кольчуги и щиты изготовлял,
Овладел [всеми] секретами [кузнечного] мастерства,
40 Горные камни жарил, как шашлык.
- Он первым [на земле] сделал кузнечный мех,
Он первым на земле добыл железо,
Он первым стал жечь каменный уголь.

Поставив свою кузницу на пути к горе Тырмы,
45 Он железо руками, словно смолу, растягивал.

Прознав о мастерстве Дебета,
Сотни нартов заказали ему [оружие].

С горы Тырмы он спускал руду,
[Делал] стрелы для луков, [нартов] в кольчуги одел.

50 Дебет по эту сторону [горы] железо ковал,
Своим мастерством всех нартов превзошел.

Каждый день он по сто мечей выковывал.
Для нартского войска много [оружия] изготовил.

Его мечи камни, словно мыло, рассекали,
55 Его стрелы Минги тау * пробивали.

Его кольчуги меч не брал,
И стрелы их не пробивали.

Дебет здесь, по эту сторону гор,
Много оружия выковав, предоставил его [нартам].

60 Над вершинами гор, [через горный хребет] протянув,
Закалял [его], в Черное море погрузив.

Сырое железо [он] в булат превращал,
Для нартского войска много луков смастерил.

Для Генжетай * броню выковал,
65 Пустив стрелу, испытал ее.

Испытал [броню], ударив коня мечом,
Но меч [ее] не взял — лезвие зазубрилось, затупилось.

Стрелы [Дебета] Минги тау пробивали,
[Его] стрелы до Черного моря долетали.

70 Сила оружия нартского войска росла,
Мечи [Дебета] скалы рассекали.

Нартский народ много подвигов совершил,—
Все, что [нартам] было нужно [для этого], Дебет изготовлял.

Дебет был первым, кто железо добыл,
75 [Он] кузнечному делу велел [других] учить.

Приложение I

ПРО ПЕРВОГО НАРТА ДЕВЕТА ЗОЛОТОГО ⁽¹⁾

Господин над богами, Тха ⁽²⁾ великий, всемогущий,
Так сказал-подумал, озирая мир, им сотворенный:
«Вот, мной создано небо — оно вышло из уст моих дыханья;
А по небу бродят тучи — то дым моей трубки;

И сквозь дым выются искры блестящие, чистые звезды;
 Вот — кругом земли — беспредельное море.
 Повелел я — и быстрые реки зашумели,
 Разлились по земле, что я сделал из клочка моей кожи,
 Прорвались сквозь горы, что я создал из осколка моей кости. .
 Дал земле я травы, из волос моих выросли деревья.
 Вот летают птицы, рыщут вольные звери.
 Неужели все это я оставлю эмегенам?
 Все отдам на радость тем злым великанам,
 Что из моей желчи против моей воли народились,
 Против воли моей народились, назло мне по земле расплодились?»
 Так говорил-думал Тха великий, всемогущий,
 Озирая с грустью мир земной, цветущий.
 И тогда у бога в сердце, что печалью омрачилось,
 Новое создание для земли родилось;
 Нартов род могучий тот начал человек,
 Для него своего сердца часть великий Тха отсек.
 Золотым Деветом назвал он того первого нарта
 И его поселил у подножья великой горы Ошхомахо³,

Обучил его хитрому делу — добывать железо.
 Из земли добывать, с углем в сталь обжигать
 И оружие из стали ковать.
 И сработал тот вечный коваль Царехову кольчугу,
 Еще выковал дивный шелом, что Бидасовым назван,
 Да и шашка — сырпын — тоже старого Девета изделие.
 Под шеломом тем витязь ужасен врагу,
 В непробивной той кольчуге сердце труса к бою рвется;
 Той шашкой я, старый слепец, рассеку
 Великана-гору, что Гурджишь⁴ зовется.

Приложение 2

(О ТОМ, КАК ВОИНСТВЕННОЕ ПЛЕМЯ НАРТОВ ПОСЕЛИЛОСЬ У ПОДНОЖИЯ ЭЛЬБРУСА)⁽¹⁾

Как только Творец создал Кавказ и лучший его перл — величественный Эльбрус, то и дозволил у подножия этой горы селиться людям; первыми поселенцами были Ной со своим семейством, ковчег которого после всемирного потопа остановился на Эльбрусе².

Мало-помалу селения разрослись, и у подножия Эльбруса поселилось самое честное и воинственное племя, представителем которого был маститый старец Дебет, обучивший своих соплеменников ковать железо.

3. РОЖДЕНИЕ ДЕУЭТ-БАТЫРА

На свет не являлась красавица, подобная Ак-бийче.
 Однажды [она] белье стирать вышла,
 Колен ее нагота небу открылась.

С неба глянув, салымчы* ее увидели,
 5 Они от вожделения чуть не умерли.

Двумя сизыми голубями обернувшись, [они] прилетели,
 И оба [на ее] колени сели.
 «Птенчики, птенчики», — говоря, [она их] ласкала.

Ой, орира *, красавица Ак-бийче от салымчы забеременела,
10 И от него она сына родила.

Назвали его сын Салымчы Деуэт-батыр.

Когда [он] по земле шел, ни один зверь не мог догнать его,
Когда по небу летел ¹, ни одна птица не могла догнать его,
Ой, ойра *, сын Салымчы Деуэт-батыр!

4. ПРЕКРАСНАЯ САТАНАЙ

Солнце — отец Сатанай,
Луна — родившая ее ласковая мать.

У Луны ее Тейри Моря похитил,
Его имя было — Суу Желмаууз *.

5 Тейри Моря [ее] на острове спрятал
И много лет держал [ее] втайне.

Луна затмилась, лик ее почернел,
Печалилась, горевала [она].

Из-за [Сатанай] бывают затмения Луны и Солнца:
10 Из-за нее [они] дрожат, содрогаются,

Свой свет на землю не посылают.
На их плач звезды собираются.

Они на землю с высокого неба смотрят,
Спрашивают, где находится Сатанай.

15 Но что с ней, где [она] — не могут узнать,
[А] у Желмаууза не решаются спросить.

Когда Луна плачет, из ее глаз льются дожди,
Когда Солнце [от горя] раскаляется, на земле травы горят.

Суу Желмаууз спрятал Сатанай, не отдает,
20 На острове ее никто не видит:

Остров туманом [он] окутал,
Сам [же] опустился и лег на дно морское.

За Сатанай Суу анасы ухаживала,
Золотые ее волосы ¹ она своей рукой расчесывала.

25 Но [в горе] день Сатанай проходил,
Рассвет над морем не радовал [ее].

Несколько лет [она] в слезах провела,
[И] однажды ночью решила бежать.

Размалевав лицо ², вышла на морской берег,
30 Набрела на березовую доску и села на нее.

Превратив руки и ноги в весла, начала грести,
Ветры, подгоняя [ее], на черную землю вынесли.

Ее алмосту * увидели и с собой забрали,
Отвели в дремучий лес и еду подали.

- 35 Алмосту [ее] кормили пищей из кореньев,
Оказывали Сатанай почет и уважение.

Алмосту разговаривать не умели,
[Но] к Сатанай [они] были доброжелательны.

- Однажды они [все] бегали, носились,
40 Неожиданно на какой-то холм наткнулись.

От этого холма чуждым запахом несло,
[От этого запаха] старая алмосту потеряла сознание.

Остальные [алмосту] назад убежали,
По темному лесу рассыпались, разбежались.

- 45 Большой холм старым эмегеном оказался,
Он в этом дремучем лесу семьсот лет прожил.

А Сатанай не смогла убежать,
[И] старый эмеген решил [ее] поймать.

- Тогда Сатанай, открыв лицо, взглянула [на него] —
50 Вмиг единственный глаз эмегена ослеп,

Его единственный глаз видеть перестал³.
Разъярившись, [эмеген] огромные камни схватил.

Ничего не видя, [эти] камни стал швырять,
[От бессилия] комья земли стал глотать.

- 55 Вот так шел [он] и с крутой скалы свалился,
Его огромное тело о речные камни разбилось.

[А] юная Сатанай осталась одна-одинешенька,
В дремучем лесу одинокая, сама с собой.

- Долго бродила она в дремучем лесу, спотыкаясь,
60 Взывая о помощи, молилась Тейри Земли.

Красота [ее] камни и горы озаряла,
Всех заставляла на себя глядеть.

Сатанай увидев, [даже] реки останавливались,
И даже ночью были светлыми равнины и горы.

- 65 Так Сатанай долго бродила, не находя людей,
Чтобы поесть, не было [у нее] ни крошки хлеба.

И, так блуждая, она в страну нартов пришла.
На окраине аула [ее] ведунья [нартов] увидела.

- Ведунья Сатанай [с собой] взяла,
70 Привела [домой] и в чулане поселила.

Втайне [от всех] ведунья ее вырастила ⁴,
[Потом] Ёрюзмеку о девушке намекнула.

Отдала [ее] в жены Ёрюзмеку,
Ёрюзек у нее мудрости научился.

- 75 [Так] Сатанай стала матерью [рода] нартов.
Ёрюзек же стал отцом воинов нартов.

5. ДЕБЕТ И ЁРЮЗЕК

Орайда, на своих коней нарты вскочили поспешно,
Орайда, [и] в дальнюю дорогу в поисках добычи и подвигов выехали.

Орайда, впереди всех старый Дебет скакал,
Орайда, а у старого Дебета девятнадцать сыновей было.

- 5 Орайда, нартские воины, из Нарт Уя * выехав, помчались,
Орайда, много гор, много рек, ой, они одолели.

Орайда, в пути одно удивительное зрелище увидели:
Орайда, увидели — один мальчик волчицу сосет.

- Орайда, [а] волчица, [как ни старается], не может из
его рук вырваться,
10 Орайда, нартские воины остановились и [на это] смотрят.

— Орайда, мальчик, кто ты, что ты за человек? —
спросил [его] нарт Дебет.
— Орайда, Ёрюзек я, я — сирота.

Орайда, меня волчица вскормила,
Орайда, оленей, маралов преследуя, ловлю и разделяваю их.

- 15 Орайда, кто мой отец, кто мать — не ведаю, не знаю,
Орайда, всюду ищу людей и не нахожу.

Орайда, тогда старый Дебет так сказал мальчику:
— Орайда, отцом нартов называемый Дебет — это я!

- Орайда, у меня есть девятнадцать сыновей,
20 Орайда, а ты будешь двадцатым.

Орайда, так сказал он и Ёрюзмека с собой увез,
Орайда, стал он младшим сыном Дебета.

Орайда, Ёрюзек вскоре настоящим нартским батыром стал,
Орайда, от многих бед, от многих несчастий он [страну] нартов спас.

6. РОЖДЕНИЕ ЁРЮЗЕКА

Однажды, в век нартов, нартский кузнец Дебет отправился в горы собирать железные камни. Ночью [он] остался в одной пещере. В полночь по пещере разлился какой-то необычный голубой свет и озарил всю пещеру, как солнце. Удивленный Дебет вышел наружу и увидел, что посреди неба летит огромная хвостатая звезда, ярко освещающая весь мир.

Эта звезда, пролетев [по небу], упала очень далеко, между двух огромных гор. От ее падения содрогнулся весь мир, зазвенели горы.

Дебет, несмотря на ночь, отправился туда. Через три ночи и три дня он дошел [до того места] и [увидел, что] между этими двумя горами все сгорело и стало черным-черно. Огляделся [Дебет] и увидел огромную яму, а в середине ее — расколовшийся надвое большой синий камень. Внутри его [лежал] младенец-богатырь. Этот младенец, крепко обхватив шею громадной волчицы, сосал ее молоко.

Птицы и звери со всей округи собрались окрест [ямы] и смотрели на это удивительное зрелище. Дебет стал их расспрашивать, один старый орел сказал: — Ночью, когда мы спали, вот в это наше большое озеро, сжигая все вокруг, с неба упала хвостатая звезда. Когда вода в озере выкипела, на дне мы увидели этого мальчика.

Он долго кричал и плакал, но подойти к нему никто из нас не отважился. А вот эта волчица кормит маленьких волчат, [поэтому она ходит] голодная. Наверное, она подошла к нему, чтобы съесть его. Но этот мальчик схватил ее [за шею] и чуть не задушил. Осилив [волчицу], он начал сосать ее [молоко].

Когда нарт Дебет подошел к этому мальчику, тот вырос и стал [как] трехлетний. Дебет взял мальчика и отправился в страну нартов. В пути мальчик вырос и стал [как] семилетний.

По дороге Дебет завернул к нартским пастухам. Когда он поведал им историю мальчика, они сказали:

— У тебя есть девятнадцать сыновей. Зачем тебе этот волчий выкормыш, лучше отдай его нам. Ведь он, пососав волчицу, породнился с волками, и на кошару, где он будет, никогда не нападут волки.

У нартов не было принято говорить «нет», если кто-то у кого-то что-нибудь просил. Нарт Дебет, зная, что из мальчика вырастет могучий богатырь, хотел сделать его кузнецом и научить его всему, что умел сам. Но когда нартские пастухи попросили, он оставил мальчика им.

Сперва нарты называли мальчика «Волчий выкормыш» — «Бёрю эмчек», а со временем, когда он вырос и стал настоящим нартом, его стали называть Ёрюзмеком.

А кузнец Дебет [принес и] выплавил оба обломка камня, упавшего с неба. Когда Ёрюзмек собрался сразиться с врагом нартов Рыжим Фуком, он из этого железа выковал известный [потом] всем нартам, знаменитый, удлиняющийся в бою сырпын Ёрюзмека¹.

А оставшуюся от [этого] небесного железа часть кузнец Дебет понемногу добавлял в железо, которое выплавлял из земных камней, когда ковал для нартов мечи, стрелы и другое оружие. Вот потому оружие, сделанное Дебетом, было таким непобедимым.

7. КАК ЁРЮЗМЕК ПРИШЕЛ К НАРТАМ¹

Мальчик Ёрюзмек в семь лет

Остался сиротой.

Он сам по себе бродил в горах,

Добывая себе пропитание.

Однажды он увидел вдали дым костра и без страха пошел прямо туда. Когда пришел [туда], увидел, что нарты одного аула собрались и испытывали свои силы в метании камня, в стрельбе по зеркалу, прикрепленному к небу, в борьбе, в беге, в поднятии тяжелых камней.

Когда нарты увидели мальчика, одетого в рваный тулупчик, с луком в руках, они спросили:

— Чей ты сын? Откуда идешь и куда путь держишь?

Когда он рассказал [им] о себе, они, сказав:

— Наверное, он голоден,— покормили его.

[Потом] мальчик попросил:

— Можно, и я один раз стрельну в вашу мишень? [Только] скажите, куда нужно стрелять?

Глава нартов Дебет стал объяснять ему:

— Вон видишь в середине Полярной звезды осколок зеркала, мы [все] стреляем в него уже больше месяца и не можем попасть. Видишь вон тот камень? Его никто [из нас] не может сдвинуть с места. Вот этот широкий камень никто не может расколоть, надавив коленом. А видишь вот этот колташ *? Его никто не может перебросить с этой стороны пашни на другую сторону. [Кроме того], никто [из нас] не может прыгнуть с вершины скалы Донгат * на вершину скалы Капчагай *; никто не может пробежать без отдыха от Кач кешене * до Камня Бердибия *.

[Услышав это], мальчик попросил разрешить ему попробовать поиграть в игры нартов. [Когда ему разрешили],

[Он] лег на спину,

И в блестевший на Полярной звезде
Осколок зеркала свою стрелу метнул.

Прямо в середину попав, вдребезги [зеркало] разбил.

5 Осколочки [его] с неба

На людей посыпались.

Потом [Ёрюзмеку] на высокий камень указали,

Который никто поднять не мог.

Юноша подошел, поднял [его], понес и прислонил к южному склону [горы]. Это и есть тот Камень нартов *, который по сей день стоит в Нижнем Чегеме *. Потом он надавил коленом тот широкий камень и разломал его, словно гыржын *. После этого он взял колташ величиной со стог [сена] и метнул [его]. Камень полетел и упал намного дальше той стороны пашни, в реку. Затем он взобрался на вершину скалы Донгат и оттуда перешагнул на вершину скалы Капчагай. Потом он пошел к Кач кешене и оттуда бегом, без отдыха, добежал до Камня Бердибия и взобрался на него. [После этого] на камне остались глубокие следы от прикосновения его рук, ног, коленей. В народе говорят, что и сегодня видны эти следы на том камне. Камень находится в Нижнем Чегеме. Кач кешене, скалы Донгат, Капчагай и гора Тихтеннген * тоже находятся в его [окрестностях].

После всего этого нарты поняли, что этот мальчик-сирота будет настоящим батыром. С того дня стали называть мальчика нартский пелиуан * Ёрюзбек.

Когда он вырос и стал большим,

Построил себе крепость

И стал главой страны нартов,

А в жены себе взял прекрасную Сатанай.

II. ЁРЮЗМЕК И САТАНАЙ

8. КАК ЁРЮЗМЕК СРАЖАЛСЯ НА НЕБЕ С ФУКОМ

Было это так. Я расскажу об этом, как знаю. Во времена нартов жило некое странное существо, и звали его Рыжий Фук. Он жил то на земле, то на небе. На небе у Фука была крепость из орлиных крыльев. Когда Фук жил на земле, нарты некоторое время подчинялись ему. Он был их бием *. Нарты платили ему дань: давали мясо, зерно.

Когда Фук находился на небе, он спускал на железных цепях оттуда, с неба, на землю большие котлы. А нарты наполняли их разнообразной снедью и отправляли обратно. Пока котлы не наполнятся, [они] не поднимались назад. Они висели неподвижно, словно говоря: «А ну-ка, нарты, пошевеливайтесь, не заставляйте нас ждать!» Такое свойство было у этих котлов.

Однажды уважаемые старцы нартов собрались на ныгыше *. Среди них был и Ёрюзбек. Там нарты решили больше не платить дань Фуку. Однако, как я говорил, котлы не возвращались назад пустыми. Поэтому нарты в издевку над Фуком отправили котлы, наполнив их камнями.

Когда котлы поднялись на небо и Фук увидел эту позорную для него дань, он очень разгневался. И так пригрозил нартам с неба:

— Теперь,— сказал он,— я буду брать дань девушками и юношами, Я выберу и возьму самых здоровых, красивых, дородных.

Нашлю сильный буран и ваши съестные припасы смету,
Вас на бедствия обреку.

- 5 Солнечные лучи станут искрами и посыплются на вас,
Нартские батыры от этих искр сгорят.

Под вами [под землей] дымные костры разведу,
С неба кровавые дожди пролью.

- Опалю, сожгу земли, на которых вы живете,
10 Сморщу, состарю ваши лица.
Скрючатся, искривятся ваши ноги!

Нарты, об этих угрозах Фука узнав,
Собрались на ныгыше, чтобы придумать, как с ним бороться.

- Способ избежать кары Фука найдет Сатанай,— сказали.
15 За нею Сосурука послали.
— Пусть придет она на төре * нартов,— сказали.

Сатанай к нартам прибежала.

— Что тревожит [вас]? — спросила стариков на ныгыше.

— Виновник [нашей] тревоги — Фук,— отвечали они.
20 Видишь, как он грозит нам!

Мы вступим с ним в смертельную схватку,
[Тебя же] пригласили, чтоб дала нам совет,— сказали.

— Если так, послушайте,
Я научу вас, что надо делать:

25 Пусть Дебет изготовит такую кольчугу и шлем,
Чтобы вражеская стрела и меч не могли их пробить.
Пусть стрелы в змеином яде закалит.

Пусть изготовленные [им] стрелы не минуют цели.
Пусть [его] меч, удлинясь, сам отсекает головы.

30 После этого в Нижнем ауле соберитесь ¹,
Из-под земли воздушный бурдюк извлеките ².

Пусть Ёрюзек вооружится и на него сядет,
Сев на него, [он] полетит и достигнет гнезда Фука.

Фук посмотрит из своего орлиного гнезда [и], увидев Ёрюзема,
35 Догадается о предстоящей смертельной схватке.

И тогда его зубы-кетмени [начнут] высекать огонь,
Так что от его дыхания искры посыплются.

От ярости веки его вздуются,
Между Ёрюзеком и Фуком богатырская схватка начнется.

40 [И] рассыплются орлиные крылья, [из которых сделана] крепость,
От ударов мечей в воздухе огонь вспыхнет.
В этот день там нартскую отвагу познают.

Когда в битве с оружием силы Фука иссякнут,
Он бросится загрызть [Ёрюзема] зубами.

45 В это время нартский меч в его горло вонзится,
[Ёрюзек] снесет [Фуку] голову и на землю ее сбросит.

После этого наступит мир в стране нартов
И нартский обычай восстановится ³,— сказала [Сатанай].

Кузнец Дебет всю ночь оружие ковал
50 И закалял его в змеином яде.

После этого нарты в Нижний аул пошли,
Выкопав из земли, воздушный бурдюк извлекли.

Посадили на этот бурдюк Ёрюзема,
Бурдюк взлетел и Ёрюзема к облакам поднял.

55 Огляделся [Ёрюзек] и крепость Фука, построенную из крыльев,
Прицелился, пустил стрелу в крепостную стену. увидел.

Стрела, пробив стену, с другой стороны крепости вышла.
Фук испугался, из своего убежища вылез.

— Я — нарт Ёрюзмек, прилетел к тебе,
60 Жажду сразиться с тобой.

Отомщу тебе сегодня за издевательства над нартами.
Если можешь — сопротивляйся, не то снесу тебе голову!

— Хочешь — сразимся на мечах,
Не хочешь — из луков будем стреляться, — предложил Фук.

65 — Метать [стрелы] из луков — это не удел отважных,
Сражение на мечах — вот это удел храбрых нартов.

Стали [они] вытаскивать мечи из ножен,
Разрушая крепость их остриями.

Меч Ёрюзмека при взмахе удлинялся,
70 Чего бы ни касался [его] меч — все разрушал.

Справа и слева рубились [они],
Пока не выпал меч из рук Фука.

Тотчас Фук кинулся [на Ёрюзмека], чтобы загрызть [его],
Но у Фука не было сил победить батыра.

75 Нарт свой меч в горло Фука вонзил,
Снес Фуку голову и на землю сбросил.

9. ЁРЮЗМЕК И КРАСНОБОРОДЫЙ РЫЖИЙ ФУК

Ёрюзмек — глава всех нартов,
Схуртука Схуртукова [он] сын.

Темноусый, с глазами [большими], как у барана ¹,
Правдивый, верный своему слову.

5 Ёрюзмек — нартский уздень ²,
Он много трудностей пережил.

Бесчинства Рыжего Фука ему надоели,
[Еще] в детстве он их все испытал на себе.

В двенадцать лет [Ёрюзмек] пастушонком стал,
10 С Рыжим Фуком решил сразиться.

Уже с малолетства он страх Фуку внушал,
Видел все насилия, чинимые [им] над нартами.

[Однажды] Фук приехал к нему на кош ^{*}.
Обложил [его] данью, приказал: «Дай баранов!»

15 Ёрюзмек ему одну плохую овцу дал,
Рыжему Фуку это не понравилось.

Несколько раз [он его] плетью огрел
[И] двенадцать его баранов силой забрал.

- 20 Юный Ёрюзмек решил за это [ему] отомстить,
Не забывая [обиду], в сердце ее хранил.

Ёрюзмек вырос сильным и могучим,
Ростом с курган³, с душою, как у льва.

Куртха* Сатанай взял в жены.
Поведал ей о бесчинствах Фука:

- 25 — Приехал [Фук] ко мне и потребовал: «Дай мне баранов!»
Я дал ему одну плохую овцу.

Овца, которую я дал, ему не понравилась,
Разгневавшись, он меня плетью по спине ударил.

- 30 Приехал [же он] ко мне со своей свитой,
Был я ребенком, потому [и] понадеялся он на силу свою.

Я был юн, и он насилие учинил —
Двенадцать нартских баранов забрал и уехал.

Теперь позорит меня, напоминая о том дне,
Издевается надо мною при нартах.

- 35 Я этого не забуду Рыжему Фуку,
Как нарт, я отомщу ему за это.

У Рыжего Фука есть конь-дракон,
Когда на него садится, мчится быстрее ветра.

- 40 Когда [конь] свирепеет, глаза его огнем горят,
А когда встряхивается, ветер от его [движения] скалы обтесывает.

Сатанай так поучала Ёрюзмека:
— Вот так поступи с Фуком.

Есть одна алмосту — она живет в камышах,
Каждый день [она] съедает одного зайца.

- 45 В тех камышах глубокую яму выкопаешь,
Поймаешь зайца, рядом привяжешь.

Сам спустишься в эту яму и спрячешься,
Когда придет алмосту, схватишь [ее] и задушишь.

- 50 Сняв с алмосту [шкуру], накинешь [ее] на себя,
Пойдешь и в отхожем месте Фука спрячешься.

Что делать дальше, сам догадаешься,
Потом увидишь, чем это кончится!

Алф* Ёрюзмек в камыши пошел
И глубокую яму выкопал.

- 55 Погнался и одного зайца поймал,
Рядом с ямой его привязал.

Сам же спустился в яму, спрятался в ней
[И] стал ждать появления алмосту.

- Алмосту набрела на зайца,
60 [Когда] она на зайца набросилась,

Ёрюзмек из ямы выскочил,
Поймал алмосту, повалил.

- Левой рукой за волосы ее схватил,
Быстро содрал с нее шкуру,
65 Пошел и в отхожем месте Фука спрятался.

На рассвете, [когда] Фук туда пришел,
Ёрюзмек, в шкуре алмосту, схватил его.

[От испуга] Рыжий Фук лишился сознания.
[У Фука] на пальце золотая печатка была.

- 70 Ёрюзмек его золотую печатку забрал,
Вернулся к Сатанай и обо всем [ей] поведал.

Краснобородый Рыжий Фук был жинли ⁴,
[Он] нартов тяжелой данью облагал:

- В год шестьдесят валухов, шестьдесят обильных столов,
75 Шестьдесят вяленых боков [животных] отдавали [они] ему.

Деу * Ёрюзмек, разгневанный [этим], к нему пошел,
— Теперь не позволю [нартам] платить тебе дань,— сказал.—

Не быть мне Ёрюзмеком, если ты еще [от них] дань получишь,
Если ты будешь еще над нартами измываться!

- 80 Не выдержал Фук, испугался, на небо улетел,
Сбежал и, кипя злобой на Ёрюзмека,
Всех нартов он проклял:

— Пусть не выпадет [на землю даже] капля дождя,
[пусть все] спалит солнце!
И сказанное им сбылось.

- 85 Нарты собрались и держали большой совет:
— Пошлем к Фуку Ёрюзмека — решили [они].

Созвали [они всех] вещуний аула,
Попросили их: «Придумайте что-нибудь!»

- Вещуньи аула [так] посоветовали нартам:
90 — У Аликовых есть старинная пушка.

Из-под земли ее откопав, возьмите,
У запала Жанболата * поставьте.

В пушку сорок батманов * пороха засыпьте,
Когда пушка выстрелит, деу Ёрюзмек полетит
95 [И] достигнет орлиного гнезда Рыжего Фука.
Нарты сделали [так], как посоветовали вещуньи:
Алф Ёрюзмек сел в жерло пушки.

Пушка выстрелила, Ёрюзмек в небо взлетел
[И прямо] в небесный дом Рыжего Фука залетел.

100 — Пусть будет добрым твой день, Рыжий Фук!
С тех пор как ты улетел, наступила засуха, ничего не растет.

Кобылы не жеребятся, а женщины не рожают сыновей,
Земля засохла, на пашнях не колосится хлеб.

Подними голову и взгляни на свой народ,
105 Да перейдут твои болезни ко мне ⁵, избавь его от беды! —
сказал [он].

— Нарт Ёрюзмек, пусть твой день недобрым будет!
Пусть твой труп добычей стервятника будет!

[Ты] не дал мне властвовать над нартами!
Что, не насытился преследованием меня на земле?

110 Сказав это, [Фук] встал и с неба на землю посмотрел,
В этот момент деу Ёрюзмек [мечом] ему голову снес.

Обезглавленный Рыжий Фук [на пол] рухнул.
В тот день до полудня кровавый дождь лился.
После полудня чистый дождь пошел,

115 Нартскому народу [он] большую радость доставил.
А деу Ёрюзмек [в это время] в орлином гнезде [Фука] находился.

Обур * Сатанай, ведая это,
Послала к Ёрюзмеку его коня-ветра.

Нарт Ёрюзмек на своего коня-ветра сел
120 [И], гремя, как гром, к нартам вернулся.

Он страну нартов от Рыжего Фука освободил,
Нарты были Ёрюзмеком довольны.

10. ЁРЮЗМЕК УБИВАЕТ РЫЖЕГО ФУКА

Орайда, орайда, орайда, орайда, орайда,
Орайда, райда, ра, орайда!
Ёрюзмек — нартский уздень,
Он много трудностей испытал, ой, испытал,
5 Он мудрым был, ой мудрым был ¹.

А брови его — густые и лохматые,
На нем волчья шуба нараспашку, ой, нараспашку.

Ой, в двенадцать лет он был пастушонком, ой, пастушонком,
А в пятнадцать лет настоящим нартом стал, ой, нартом стал.

- 10 А в восемнадцать лет он с Фуком сразился, ой, сразился,
Его бесчинства искоренить решил, ой, решил, ой, решил.

[Когда] Ёрюзбек был ребенком, юным был, ой, юным был,
Рыжий Фук в стране нартов был главой, ой, главой был,
ой, главой был.

- 15 Фук приезжал в страну нартов, в коши, ой, в коши, ой,
Зерно, скот требовал, обложив нартов данью, ой, нартов данью.

Ой, старых и молодых [он] избивал, терзал, ой, терзал, ой, терзал,
Всю страну нартов устрашал, ой, устрашал, ой, устрашал.

Ой, огромный, как курган, с душой как у льва, Ёрюзбек
В поединке мог победить любого, [он] вырос сильным, ой,
вырос сильным.

- 20 Ой, обур Сатанай взял он в жены, ой, в жены, ой, Сатанай в жены.
Ой, и о делах Фука он поведал ей, ой, ей:

— [Когда] я был маленьким, Фук приехал в мой кош, ой,
в мой кош.

Ой, тогда он угнал мой табун, ничего не заплатив, задаром,
ой, задаром, ой, орайда!

Ой, я должен за это отомстить ему, ой, ему, ой, ему.

- 25 Его оскорбление я не забуду, ой, не забуду, ой, не забуду,
Клянусь Тейри! Рыжему Фуку я это не прошу, ой, не прошу,
ой, Фуку не прошу!

Ой, [выслушав Ёрюзбека], Сатанай поучала его, ой,
поучала его, поучала.

— Теперь с Фуком поступи так,— сказала [она], ой, сказала,
ой, сказала,—

В поединке ты Рыжему Фуку не уступай, ой, не уступай, ой,
не уступай,

- 30 Во время поединка коня Фука к себе близко не подпускай,
ой, не подпускай!

Распаленный Ёрюзбек отправился к Фуку, ой, к Фуку,
ой, к Фуку.

— Теперь не позволю нартам платить дань тебе, ой, тебе, ой, тебе.

Ой, и я Ёрюзбеком не буду, если ты теперь [их] данью обложишь,
ой, обложишь, ой, обложишь,

Если ты еще над нартами поизмываешься, ой, поизмываешься!

- 35 Рыжий Фук мог летать, ой, летать, ой, летать,
Облака, как ветер, разгонять, ой, разгонять, ой, разгонять.

А Ёрюзбек ударом меча мог в горах проход прорубать,
ой, прорубать.

Ой, Фук, его испугавшись, на небо улетел, ой, улетел.

У Рыжего Фука есть конь-дракон, ой, конь, ой, конь,

- 40 Когда он на него садится, он несется ветра быстрее, ой, быстрее,
ой, быстрее.

Разъярится [конь] — глаза его, как огонь, горят, ой, горят, ой, горят.
А встряхнется — ветер от его [движения] скалы стесывает,
ой, стесывает.

Ой, разгневавшись на Ёрюзмека, Фук на небо улетел, ой,
улетел, ой, улетел.
Проклял [оттуда] страну нартов, ой, проклял, ой, проклял:

45 — Пусть не будет дождей, пусть солнце все сожжет! — сказал,
ой, сказал, ой, сказал.
Его проклятия исполнились, ой, исполнились, ой, исполнились.

Ведуны страны нартов решили, ой, решили, ой, решили:
— Ой, Ёрюзмека надо послать к Фуку, — сказали, ой, сказали,
ой, сказали.—

[Для этого], из-под земли старую пушку выкопав, возьмите,
ой, возьмите, ой, возьмите.
50 Ой, в ее жерло девять арб пороха насыпьте, ой, насыпьте,
ой, насыпьте.

Решение ведуний [Ёрюзмок] исполнил, ой, исполнил, ой, исполнил:
Алф Ёрюзмок в пушечное жерло сел, ой, сел, ой, орайда.

Пушка выстрелила, и Ёрюзмок на небо взлетел, ой, взлетел,
ой, взлетел,
В [небесный] дом Рыжего Фука он влетел, ой, влетел, ой, орайда.

55 — Ой, да пусть будет добрым твой день, Рыжий Фук! С тех пор
как ты улетел, наступила засуха, ничто не растет,
ой, не растет,
У кобыл жеребята, у женщин дети не рождаются, ой, не рождаются,
ой, не рождаются,
Земля иссохла, на нивах снопов не вяжут, ой, не вяжут, ой, не вяжут.

Ой, а Фук [в ответ] стал проклинать [его]: «А твой день
пусть недобрым будет! Пусть твой труп добычей
стервятников будет, ой, будет!

И на земле ты [меня] в покое не оставлял, ой, не оставлял.
60 Ой, властвовать над нартами мне не дал, ой, не дал!»

Прокляв [так], слететь на землю хотел, ой, хотел.
Но Ёрюзмок ударил и голову ему снес, ой, снес, ой, снес.

Посоветовались нарты и к Ёрюзмеку коня-ветра послали, ой,
послали, ой, послали.
Гремя, как гром, он в страну нартов вернулся, ой, вернулся.

11. ЁРЮЗМЕК, СЫН СХУРТУКА, И ФУК

Ёрюзмок Рыжего Фука победил
[И] страну нартов освободил.
Рыжий Фук, Ёрюзмека испугавшись,
На небо улетел —

5 У Рыжего Фука орлиные крылья были,
Он мог летать везде, где хотел.

- Все пожелания [проклятия] Рыжего Фука сбывались.
Из своего небесного жилья на землю взглянув,
Проклял [нартов] Рыжий Фук:
- 10 — Пусть страну нартов солнце испепелит,
Пусть пашни нартов перестанут колоситься,
Пусть их снохи не будут рожать сыновей!
Пусть их скот погибнет,
Пусть их нужда одолеет!
- 15 Проклял, и проклятия его сбылись,
На нартов он большую беду накликать:
Пашни перестали колоситься,
Снохи перестали [рожать] сыновей.
Скотина началадохнуть,
- 20 Людей жажда мучила.
Ёрюзмек нартов созвал:
— Что будем делать? — [их] спросил.
— Ты — [один], кто сможет Рыжего Фука одолеть,
Кто найдет место, куда он улетел,—
- 25 Ответили [нарты] в один голос.
У Дебета сделал желим топ¹ Ёрюзмек,
На желим топе себя в небо
[Велел] забросить Ёрюзмек.
До [небесного] дома Рыжего Фука
- 30 Вмиг долетел Ёрюзмек.
— Да будет добрым твой день, Рыжий Фук! —
Приветствовал его Ёрюзмек,
— [А] твой день пусть недобрым будет! — ответил
Ёрюзмеку Рыжий Фук.—
- 35 Ты [и] на земле мне покоя не давал.
Что, не насытился, преследуя меня?
Что, теперь мне и небо неподвластно?
Ты же стал вместо меня предводителем нартов,
Ну, а теперь зачем преследуешь меня?
- 40 — Рыжий Фук! — начал Ёрюзмек,—
Я пришел к тебе помириться.
Поверь, нарты бедствуют,
[У них] нет пищи, они голодают.
Нивы не колосятся,
- 45 Снохи не рожают сыновей.
Взгляни-ка вниз из своего окна,
Посмотри, какая участь постигла нартов.
— Да, значит, они без меня не могут,
Просят меня вернуться! — подумал Фук
- 50 [И] радостно выглянул в окно.
Ёрюзмек [тут же] его мечом ударил.
Фуку голову снес Ёрюзмек,
Небесный дождь освободил Ёрюзмек.
Облачившись в орлиный кап * Рыжего Фука,
- 55 На землю слетел Ёрюзмек.

После того как Ёрюзмек вернулся на землю, жители нартской страны собрались, устроили большой той * в честь Ёрюзмекса и посвятили ему [эту] величальную песню:

Ой, Ёрюзмек — солнце, освещающее страну нартов, хей!
Правдивый, верный своему слову, хей!

Его волчья шуба внакидку, хей!
Его усы подобны мерлушке, хей!

- 5 В горах он ловок и проворен, хей! ²
На тѣре — красноречив и безустанен, хей! ³

[Он меток] — и птичку в небе не пропустит, хей!
Негодным шайтанам не даст себя обмануть, хей!

- Эмегены его боятся, хей!
10 Увидев его, обращаются в бегство, хей!

За нартов он встает, как булатный меч, хей!
На врага, как лев, бросается, хей!

Ой, Ёрюзмек — солнце, освещающее страну нартов, хей!
Правдивый, верный своему слову, хей!

- 15 Он спас нас от Рыжего Фука, хей!
И впредь защитит нас от бед, хей!

Приложение 1

ОРЮЗМЕК ¹

Орюзмек был из узденей,
Много труда перенес ²,
Сила его не уступала силе нартов.
Кто же он, Орюзмек?
В горах родился, на плоскости воспитан,
Он головы рубил, как траву косил;
Пулями камни пробивал ³.
Темно-русые усы, карие глаза,
Безобманный, однословный.
Волчья шуба внакидку,
Две брови, как курпей *.
Брезгуя тѣре, он его не посещал,
От сабли головы не отворачивал,
От пуль глазом не моргал,
С двумя совет не держал.
Ой, да кто же был храбрый Орюзмек?
На тѣре — с железной палкой,
В скалах — на птичьих ногах ⁴,
На вороной лошади с гибкими подпругами,
Крылатей летучего орла,
С молнией равный всадник.

Приложение 2

УРЫЗМЕК

Урызмок принадлежал к простому сословию из фамилии Схуртуковых и был сыном Схуртука. При рождении ему было дано это имя, и рос он между храбрыми нартами. С малых лет он обращал на себя внимание всех, отличаясь всегда в детских играх с своими сверстниками, и нарты всегда при виде его говорили, что из этого юноши выйдет настоящий нарт.

Однажды во время игры с товарищами Урызбек увидел, что все жители нартских селений идут по одному направлению, неся с собой разные съестные припасы: один ведет барана, другой несет копченое мясо, третий — кувшин с напитком и т. п. В особенности же его поразило, когда одна бедная женщина несла в чашке что-то съестное, и за нею бежали оборванные, голодные малютки, ее дети, с плачем крича: «Мама, мы голодны, дай немного!»

Урызбек забыл об игре, оставил своих товарищей, побежал к толпе взрослых и пристал к ним с вопросами: «Куда несут все это? Зачем?» Ото всех он услышал одно и то же, именно, что нарты несут дань своему князю Пуку.

Эти слова произвели на Урызбека глубокое впечатление. Он оставил игры, ходил некоторое время молчаливым и печальным и даже изменился в лице.

На общественные игры, устраиваемые нартами в свободное от джортууулов * время, собирались и нартские дети для упражнения в бегании взапуски, в борьбе между собою, в играх в альчики, в бросании камня и других. Все привыкли видеть на этих играх Урызбека первым между детьми, поэтому отсутствие его было сразу же замечено; начали спрашивать о причине его отсутствия и опасались, не болен ли он. На расспросы о том, что с ним случилось, Урызбек отвечал так: «У меня нет никакой телесной болезни, но меня смущает то, что храбрые нарты платят дань козлинобородому трусливому Пуку и считают его каким-то божеством». Урызбек выражал свои мысли сперва только между близкими к нему людьми, а потом и в народе. «До тех пор,— говорил он,— пока нарты не прекратят эту постыдную для них дань, я не могу оставаться среди них: сердце мое не может переносить мысли о том, что храбрые нарты подчиняются козлинобородому трусливому Пуку, и я не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю нартов свободными».

Родители и родственники Урызбека были сильно перепуганы такими речами его. Они со слезами уговаривали его выкинуть из головы эти мысли, указывая ему на то, что если Пук узнает об этом, то всех их сотрет с лица земли. Но на Урызбека не действовали ни увещания, ни советы родителей; он остался непреклонен в своем намерении. И вот он собирает однажды нартов и во всеуслышание объявляет им: «Не будь я молодым нартом, если не отрублю голову этому трусливому козлинобородому Пуку, если не сделаю всех нартов свободными и не стану сам во главе их».

Нарты не придали важного значения его словам и думали только о том, какое наказание наложит на них Пук, когда проведает о намерениях Урызбека. Храбрый молодой Урызбек, не обращая ни на что внимания, приступил к исполнению своих замыслов. Прежде всего он явился к отцу своему Схуртуку и сказал: «Отец! Я твердо решил исполнить свои намерения относительно Пука; и не думай уговаривать меня, а лучше подай совет, как мне совершить все мною задуманное: нет у меня ни лошади, ни вооружения».

— Если уж так твердо решился ты на свое предприятие,— сказал Схуртук,— то возьми мою пегую лошадь, скрытую в подземелье; там же в черном сундуке ты найдешь седло с металлическими подпругами и мой меч (сырпын).

Урызбек вывел из подземелья пегого коня, оседлал его и, надев меч сырпын, уехал из дому.

При первом ударе плетью пегий конь три раза поднялся с ним на небо и опустился на землю; Урызбек сидел не шевельнувшись.

Затем он направился по той самой дороге, по которой жители нартских поселений носили Пуку дань. Засев на этой дороге, Урызбек отнимал у проходящих все, что те несли к Пуку, и возвращал их назад в селения, никого не пуская вперед. Бедные нарты, боясь, с одной стороны, Урызбека, с другой — Пука, стали ходить к последнему тайком, окольными дорогами, и донесли ему о том, как молодой Урызбек не пропускает их прямой дорогой и отнимает все, что они несут ему в дань. Нарты в страхе ждали, что всемогущий Пук уничтожит Урызбека каким-нибудь чудом, но, к их удивлению, Пук ничего не сделал с Урызбеком.

Последний продолжал отнимать все, что нарты несли к Пуку, и, собрав своих товарищей, угощал их. Наконец, видя, что Пук не обращает на него внимания, Урызбек решил сам явиться к нему. Подъехав ко дворцу, он грозным голосом стал вызывать Пука.

Когда донесли об этом Пуку, то он притворился больным и велел сказать о том Урызбеку. А этот, услышав такой ответ, направился к дверям со словами: «Если он болен, то я совершенно здоров» — и, войдя прямо в покои, обратился к Пуку с приветствием: «Добрый день, князь наш Пук!»

— Ай кюнюн яман еосу ¹⁾, — ответил тот.

При этих словах Урызбек схватился за свой сырпын, чтобы отсечь голову Пуку, но тот успел выпрыгнуть в окно и пустился бежать. Урызбек за ним. Пук, видя, что от Урызбека не укрыться ему на земле, улетел на небо и остался там жить, построив себе стеклянный дворец.

Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время, и они стали упрекать молодого Урызбека, говоря ему:

— Вместо добра ты сделал нам одно только зло, рассердив Пука: ну, как мы будем жить теперь? Сам и поправляй теперь беду!

Урызбек был в затруднительном положении, не зная, каким образом поправить дело, и наконец решил обратиться за советом к всеведущей Сатаной ²⁾.

Он рассказал ей обо всем случившемся, о ропоте нартов и затруднительном своем положении.

Вещая Сатаной дала ему такой совет: чтобы достали пушку, которая хранилась в доме Алиговых, засыпали в нее сорок сапеток пороху, чтобы сам он залез в жерло вместо ядра и чтобы затем из пушки выпалили.

Все это было в точности исполнено: пушка была заряжена, как сказано, но никто не решался выстрелить.

Тогда Сатаной сама взяла горящую головешку и приложила к припалу. Раздался громовой выстрел, и Урызбек полетел на небо. С шумом влетел он в стеклянный дворец Пука и обратился к нему с обычным приветствием:

— Добрый день, князь наш Пук!

— Ай кюнюн яман еосу, — отвечал Пук, — не дал ты мне покою на земле, неужели и на небе не оставишь в покое? Неужели ты хочешь моей крови?.. Что я тебе сделал?

— Мне без тебя было скучно на земле, — сказал Урызбек, — и я пришел побеседовать с тобой о наших храбрых подвигах. Самый славный из совершенных мною подвигов следующий.

Однажды, выехав из дому с целью сразиться с первым же встречным, я наткнулся на сто белых всадников, в белых одеждах и при белых лошадях; сразившись с ними, я убил всех их до одного и, привязав к седлам доспехи убитых, пригнал к себе на двор сто белых лошадей. Расскажи же ты самый замечательный в своей жизни подвиг.

Пуку было не до рассказов: у него сердце замирало, чуя грозу, и он торопливо рассказал:

— Я отправился раз на охоту, встретил сто оленей и убил в один день тоже всех до одного.

Как только Пук кончил свой крошечный рассказ, Урызбек, посмотрев из окна вниз, на землю, с ужасом воскликнул:

— О боже мой! Что это за громадное войско приближается к нартским селениям? Взгляни-ка вниз, на землю, князь наш!

Пук, на этот раз ничего не подозревая, подошел к окну и начал смотреть вниз. А Урызбек только того и ждал: он выхватил свой сырпын и, со всего размаху ударив им Пука в затылок, разом отсек ему голову.

После этого семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил

берекет — довольство: хлеба начали цвести, деревья приносить плоды, животные размножаться, женщины — рожать детей. А Урызбек за свой подвиг был сделан главою нартов, стал общим любимцем и женился на прекрасной, всезнающей княжне Сатаной.

Приложение 3

ОРЮЗМЕК ¹

Однажды, когда старые люди сидели на «нагише» ⁽²⁾ и рассуждали о разных делах, в это время богатые и зажиточные люди вели в дань по одному быку по третьему году (трехгодовалые).

Менее зажиточные — белого с черными ушами по второму году валуха (выложенный баран).

У кого не было того и другого — по кувшину пива.

Не имевшие всего этого — копченые бока или просоленные безрогие головы кочкарей (тоже выложенный баран) ⁽³⁾.

Все это и несли в даць нартскому князю, волшебнику Пукку.

Позади шествующих с данью шел хромым старик.

— Старый человек, остановись, я хочу тебе что-то сказать и спросить, — так сказал Орюзбек.

— Что же хочешь сказать?

— Куда несут это подаяние?

— Твоему князю, князю нартов, Пукку, несут, — так сказал старый человек.

— Да не будь мое имя Орюзбек, если я все это не возьму и не сделаю князем над нартским народом, — так сказал Орюзбек.

Затем Орюзбек отправился к Пукку и сказал ему, что, если «тёре» ⁴ не уничтожит этот обычай, он ему, Пукку, серпом голову снесет. Сказавши это, он от Пукка удалился.

Люди начали осуждать нартовское «тёре».

Пукк от страха стражу расставил.

Не доверяя страже, он сам вышел посмотреть. Он увидел ехавшего Орюзбека. От страха Пукк скрылся и в своем доме спрятался и затворился.

Орюзбек вошел в дом к Пукку. Пукк успел выбежать и очутился между небом и тучами. Здесь Пукк из орлиного крыла устроил башню и из стекла сделал окна, дождь и росу на небо отнес и начал согревать землю.

От этого колосья на пашнях не созревали, женщины перестали рожать, овцы и козы перестали котиться. Нарт стал голодать и ослабевать.

Нартские старики и молодые единогласно стали Орюзбека упрекать: «Ой, Орюзбек, ты стал нашим князем, и у нартов голод настал. Когда же Пукк был нашим князем, пашни наши созревали, женщины рожали, овцы и козы котились».

Аликова большой мяч ⁽⁵⁾ был покрыт горными заносами. Собрав всех нартов, Орюзбек раскопал его. Очистили и обтерли мяч. Наполнили мяч девятью сапетками пороху, а сам Орюзбек вошел туда вместо пули. Дулом мяч повернули к небу. Орюзбек приказал клеврету Пукка, Батмурзе, впустив искру, стрелять. Батмурза не осмелился стрелять.

Не было того, чтобы колдунья Сатанай этого не знала. Она, взяв с огня головешку, ударила ею по мячу, и он выстрелил. Орюзбек вылетел, исчез и пропал.

В окно башни Пукка вцепился Орюзбек.

— Счастливый день, наш князь Пукк! — так сказал Орюзбек и вошел к Пукку в башню.

Пукк от страха и ужаса лопнул.

С тех пор у нартов колосья на пашнях стали созревать, женщины рожали, овцы и козы котились.

12. ЁРЮЗМЕК И ВЕДУНЬИ

В древние времена был человек по имени Фук, который властвовал над нартами. Все его алгыши * и каргышы * сбывались, и поэтому нарты повиновались ему и платили ему дань.

Со временем нарт Ёрюзбек вступил с ним в борьбу. И когда он начал притеснять Фука, тот, поняв, что его дела плохи, проклял нартов и улетел на небо.

После того как он улетел на небо, на земле нартов женщины перестали рожать, жеребцы перестали ржать, быки перестали мычать, пашни перестали колоситься, затихли лягушачьи озера, ягнята и козлята перестали блеять.

Нарты и ведуньи собрались и решили: чтобы на земле люди не погибли [от голода], надо постараться как-нибудь вернуть Рыжего Фука в страну нартов и опять жить, преклоняясь перед ним.

А одна очень старая, беззубая, полуслепая ведунья так сказала:

— Нарт Ёрюзбек победит краснобородого Рыжего Фука, если он займет перстень Фука с девятью печатками и если Дебет изготовит ему меч из осколков звезды, упавшей [с неба] в прошлом. И еще — если он, убив девять рысей, стерегущих небесную крепость Рыжего Фука, сделает из их шкур шубу и наденет ее на себя¹.

На небе крепость Фука охраняли девять волков и девять рысей. Когда Ёрюзбек приземлился во дворе небесной крепости Рыжего Фука², он снес головы девяти рысям. Быстро содрал их шкуры и опоясался ими. А волков он не тронул, и волки его не тронули³.

Потом [Ёрюзбек] вошел в чудесную комнату Фука и так ему сказал:

— На земле реки высохли, голод наступил,
Я к тебе от имени страны нартов пришел.
Все нарты убедились в твоём могуществе,
Мы все желаем поклоняться тебе.

Фук в ответ произнес много страшных проклятий и, распустив свои крылья, [собрался улететь]⁴. Тогда Ёрюзбек вытащил свой меч, и между ними начался бой. Меч Фука очень быстро поломался. И тогда Фук схватил [голыми] руками меч Ёрюзбека и переломил его. Сын нартов все равно одолел Рыжего Фука, но убивать его не стал. Зацепившись за его крылья, он спустился вместе с ним на землю и, бросив его в глубокую яму, продержал там некоторое время.

На земле поменьку стали течь реки, заколосились пашни, и у людей и у животных начало появляться потомство. Однако богатства, довольства не было ни в чем. [Вот поэтому по-прежнему] на земле почти не были слышны смех и звуки кобуза * и сыррыны *.

И тогда одна из почитаемых нартами ведуний попросила Ёрюзбека:

— Отруби быстрее голову Рыжему Фуку. Если ты не сделаешь этого, на земле могут появиться новые беды.

Ёрюзбек выполнил просьбу старухи. После этого на земле опять наступило богатство и изобилие [во всем], смех [и радость] вернулись [к нартам]. И снова на землю пришли мир и покой.

13. О БОРЬБЕ ЁРЮЗМЕКА И ФУКА

Давным-давно, во времена нартов, хозяином, главой земли, был Ёрюзбек, а главой неба, [его] Тейри, был Фук. Когда между ними началась вражда, Ёрюзбек поднялся на небо и победил Фука. Он не стал убивать Фука, а вместе с ним на его орлиных крыльях спустился на землю и бросил его в глубокую яму.

— Я — хозяин неба, а Ёрюзбек — хозяин земли. И как же я дал себя осилить, как это Ёрюзбеку удалось победить меня? — сокрушался Фук. Кипя злобой, он придумывал пути избавления.

Один из врагов Ёрюзмека откуда-то проведал, что Ёрюзек, связав, бросил Фука в яму, и помог Фуку бежать. Ёрюзек, узнав, что Фук бежал, бросился в погоню. [Когда Ёрюзек догнал Фука], Фук столкнул его в реку и заморозил воду¹. Когда Ёрюзек понял, что Фук победил его, он попросил его:

— Не оставляй меня здесь мучиться, а снеси мне голову моим же мечом.

А меч Ёрюзмека волшебным был: если бы Фук ударил Ёрюзмека им, он бы только помог ему. Меч Ёрюзмека обладал таким свойством: если его мечом пользовался чужой — меч убивал того самого². Фук знал об этом и не стал трогать его.

— Твой меч тебе жизнь спасет, а у меня жизнь отнимет! — сказал он и ушел, еще крепче вморозив Ёрюзмека в реку.

Товарищи Ёрюзмека, узнав, что Ёрюзек вморожен [в реку], пришли и помогли ему выбраться оттуда. А Фук, боясь [Ёрюзмека], не стал улетать на небо, а спрятался на земле. Однако Ёрюзек все-таки разыскал его и убил.

14. ЁРЮЗЕК И РЫЖИЙ ФУК

Ёрюзек из узденей был,
Он много трудностей испытал.

[Он был] темноусый, с глазами [большими], как у барана,
Правдивый, верный своему слову.

5 Ёрюзек в двенадцать лет стал нартским пастушонком.

[Однажды] краснобородый Рыжий Фук
Приехал со своей свитой

И у Ёрюзмека баранов попросил.

[Ёрюзек] дал ему одну овцу, [Фуку] это не понравилось,

10 [И он], огрев Ёрюзмека плетью, двенадцать баранов зарезал.

После Рыжий Фук все время насмеялся:

— Ты дал себя плетью отстегать и позволил двенадцать
своих баранов зарезать,— говорил он,

И Ёрюзек, стыдясь, стал его сторониться.

[Женившись], Ёрюзек поведал все это жене Сатанай.

15 — Фук все время позорит меня этим,— закончил он свой рассказ.

Его жена Сатанай так посоветовала ему:

— В камышах живет одна алмосту,

Если ты, [убив ее], снимешь с нее шкуру, сможешь Фуку отомстить.

Алмосту в день одного зайца съедает.

20 Ты в этих камышах глубокую яму выкопай,
Землю [только] на одну сторону выбрасывай.

Поймай зайца и рядом с ней привяжи.

Ёрюзек, [яму выкопав], рядом зайца привязал.

Алмосту [в поисках пищи] на него наткнулась.

25 Когда алмосту собралась его съесть, Ёрюзек [из ямы] выскочил,

Схватил ее левой рукой за волосы и повалил.

Как велела Сатанай, шкуру с нее содрал,

Взял ее и домой отправился.

— А теперь поступай, как считаешь нужным,— сказала Сатанай.

30 Ёрюзек в мохнатый кап алмосту влез

И спрятался в отхожем месте краснобородого Фука.

Утром, [когда] Фук туда зашел,

[Испугавшись «алмосту»], он лишился чувств.

У краснобородого Рыжего Фука на среднем пальце

35 Золотая печатка была.

Ёрюзек отрезал его палец и печатку забрал.

Жена краснобородого Рыжего Фука, когда тот не вернулся,

- Дала людям знать, что он пропал.
И на рассвете весь народ [аула] на его поиски отправился.
- 40 [А] Ёрюзмек на ныгыше хохотал, говоря:
— Удивляюсь я этим людям, куда это они собрались,
Даже не расспросив обо всем его жену? О чем они думают?
[Тогда] один [из них пошел и] спросил у его жены:
— Куда утром бий отправился?
- 45 Женщина ответила: «Он вышел по своим делам
И с тех пор не вернулся, не знаю, [где он может быть]».
Пошли [в отхожее место Фука], смотря:

Фук там без сознания лежит.

- На второй день Фук на ныгыш пришел,
Пошел и на свое почетное место сел¹.
- 50 Ёрюзмек подошел и возле него встал,
[Потом] сел, расстелив под себя полу [шубы] Фука.
Рыжий Фук, глядя ему в глаза,
Напомнил, как он отобрал у него баранов, и стал над ним насмехаться.
Ёрюзмек [на это так] сказал: «А я над тобой еще больше смеюсь,
55 [Я же оставил] тебя в отхожем месте в обмороке,
А сегодня смотрю: [ты] здесь!»

* * *

- Краснобородый Рыжий Фук
Страну [нартов] данью облагал.
Шестьдесят черноухих белых валухов,
60 Шестьдесят вяленых боков [животных], шестьдесят обильных столов
[с яствами]
Платили ему каждый год.

[Однажды, когда Фук с нартов очередную дань собрал],

- Ёрюзмек, затаив [на него] злобу, к нему домой пошел,
Посмотреть, как он себя поведет.
[Придя], у его дверей встал, на посох опершись.
- 65 [Фук] Ёрюзмека за стол не пригласил, даже сесть ему не предложил.
Попробовав все блюда, убрать их велел.
[Тогда] Ёрюзмек воскликнул: «Я не буду Ёрюзмеком,
Если теперь хоть раз позволю [нартам] платить тебе все это!»
На следующий год, когда время сбора дани подошло,
- 70 Ёрюзмек подкараулил
[И] из шестидесяти валухов тридцать себе забрал,
Из шестидесяти боков тридцать себе забрал,
Из шестидесяти столов тридцать себе забрал.
Фук, сказав: «Если в этом году он так сделал,
то в будущем году вообще ничего не даст»,
- 75 Влез в свой орлиный кап и в свою орлиную крепость улетел.
[Улетев на небо], он [так взмолился]: «О Аллах!
Нартов покарай: прекрати дожди и засуху пошли»².
Его мольба сбылась — и в страну нартов беда пришла.
[Нарты], всех ведуний страны собрав, спросили, [как им быть].
Те ответили: «У Аликовых большая пушка была,
80 Она целая, [но находится под землей], откопайте -ее,
В нее семь батманов пороха засыпьте,
Вместо ядра туда Ёрюзмека посадите,
У запала охотника Жамболата поставьте.
Когда вы выстрелите Ёрюзмека в орлиную крепость [Фука],
85 Он там что-нибудь придумает».

- [Нарты] пушку выкопали,
В нее семь батманов пороха засыпали
И выстрелили из нее Ёрюзмека.
Полетел Ёрюзбек и, достигнув небесной крепости [Фука],
90 Влетел в открытую дверь и ударился о стену комнаты.
— Да будет добрым твой день, аурууунгу алайым³! —
приветствовал [он Фука].
— Твой же день пусть будет недобрым! [Ты] и на земле
не давал мне покоя,
А как ты здесь очутился? — спросил [его Фук].
— А что [мне оставалось] делать, аурууунгуа лайым? [Как ты улетел],
95 Прекратились дожди, наступила засуха.
Кобылы не жеребятся,
Женщины сыновей не рожают, пашни не колосятся.
Удели внимание, посмотри-ка сверху на свою страну.
Краснобородый Рыжий Фук, открыв двери, на землю взглянул,
100 Ёрюзбек [тут же] отрубил мечом ему голову и вниз сбросил.
[На земле] в тот день до обеда кровавый дождь шел,
После обеда чистый дождь пошел.
Нарты были очень рады дождю.
Жена Ёрюзмека обур Сатанай
105 Сделала коня-ветер и плеть-ветер⁴ и в небесную крепость послала.
Ёрюзбек сел на него и [на землю] вернулся.
Увидев его [живым и здоровым], часть нартов огорчилась.
[Задумав Ёрюзмека убить], они в честь его возвращения
с неба хыйла курманлык⁵ устроили.
В бочки с бузой змей, лягушек побросали,
110 Ёрюзмека [этим отравленным] питьем опоить решили.
Ёрюзмека [на пир] звать никто не решается,
[Вдруг] один из мальчиков, играющих на ныгыше в бабки⁶, сказал:
— Я схожу [и приглашу его].
Только вы мне за это голени-ноги курманлыка дадите⁷.
115 Они мальчику обещали исполнить [его просьбу].
Мальчик [пошел к] Ёрюзмеку и сказал: «Добрый день!
Нарты [тебя на пир] приглашают».
Ёрюзбек, разгневавшись на мальчика, швырнул в него посох⁸,
Мальчик подпрыгнул, и посох под ним пролетел.
120 Ёрюзбек вошел в дом и обо всем этом Сатанай поведал.
— Ты не знаешь, зачем меня нарты приглашают? — спросил он ее.
— Они задумали убить тебя, — ответила [она].
Сатанай [велела] изготовить медную трубку,
Проколов [Ёрюзмеку] горло, вдела туда один ее конец.
125 — [На пиру] не проходи на почетное место, на тюфяки садись,
А что дальше делать, сам увидишь, — сказала.
Ёрюзбек, сев на своего коня Колана*, на пир отправился.
В пути ему мальчик-посланец повстречался.
— Пойдем-ка, славный юноша, к приглашающим.
130 Садись на моего коня, поедем вместе, — сказал.
— А как я сяду? — спросил [мальчик].
— Вдень ногу в стремя и подай мне руку, — ответил [Ёрюзбек].
Мальчик сказал: «Я сам сяду». Разбежался [и, подпрыгнув],
сел позади [Ёрюзмека].
- Поехали они и на большой пир попали.
135 Ёрюзмеку [при встрече] большой почет и уважение оказали.
— Ёрюзбек, давай испытаем [силу нашего] оружия,
Посмотрим, чья стрела глубже вонзится, — сказали [нарты].

- В большом доме Аликовых в железный опорный столб
 Стали из луков [стрелы] метать.
- 140 Только стрела Ёрюзмека [в него] вонзилась.
 Никто не смог эту стрелу оттуда выдернуть.
 [Тогда] мальчик сказал: «Разрешите, и я попробую,
 Не могу дотянуться, а то я вытащил бы».
 [Подпрыгнув], выдернул стрелу юный джигит,
- 145 Разломал и в сторону [ее] швырнул.
 — Давайте-ка испытаем и наши мечи,— сказали [нарты]
 И у очага вертел воткнули.
 Среди собравшихся [зложелателей Ёрюзмека] и
 сын Рыжего Фука был.
- Ёрюзек сказал, к нему обратившись:
- 150 — Эй, собачье отродье, вот этот меч снес голову твоего отца,
 Задев его коренной зуб,
 Мой меч [тогда] зазубрился.
 [После этих слов] Ёрюзек, [размахнувшись],
 вертел на две части разрубил,
 Вытер свой меч и в ножны вложил.
- 155 Ёрюзмека на почетное место хотели посадить,
 Но он отказался и на тюфяки сел.
 [Нарты] сами хорошую бузу пьют,
 [А Ёрюзмеку] отравленную бузу дают.
 Ёрюзек же ее через трубку пропускает,
- 160 Буза из трубки на пол стекает.
 — Ёрюзек, опьянев, под себя мочится,
 [Давайте] теперь уьем [его],— сказали нарты,—
 Сначала заздравную чашу Злоязычному Гиляхсыртану дадим,
 Пусть он алгыш произнесет, а потом уьем,— [решили они].
- 165 Гиляхсыртан, взяв чашу, к очагу подошел:
 — Пусть кабанозубый свои клыки потеряет,
 Пусть вепрь с муравьями расстанется! — сказал [он]⁹.
 Ёрюзек [в ответ]: «О Аллах! Пусть вепрь свои клыки не теряет,
 Пусть вепрь [всегда] будет с муравьями!» — сказав,
- 170 С места вскочил, двери на засов закрыл
 И начал своим мечом [нартам] головы сносить.
 С криком: «Эй, [сейчас он всех] перебьет!» — мальчик о двери бился.
 Стену дома приподняв, [так в дом проник].
 Ёрюзек по пояс в крови был,
- 175 Желая выбраться, туда-сюда метался.
 Мальчик, подбежав, его на руки взял,
 Понес [к реке] и в воду его опустил.
 Кровь смыл, почистил [его одежду],
 На коня посадил и домой проводил.
- 180 Сатанай спросила Ёрюзмека:
 — Ну, что ты видел [на пиру]?
 — Ой, не говори, там был один храбрец,
 Среди нартов не было ему равных.
 — А ты хотел бы, чтобы он был твоим братом? — спросила Сатанай.
- 185 На это Ёрюзек ответил: «Нет,
 Если ты богаче его — он тебе брат,
 Если [же ты] бедняк — он тебе кровный враг».
 — А хотел бы ты иметь его сыном?
 — Конечно, но откуда мне такое счастье?
- 190 — Так знай: он твой сын —
 Опора твоей старости.

В дг лзости над нартами властвовал один человек по имени Рыжий Фук. Этот человек, обложив нартов данью, брал у них сорок бараньих боков в день. Хотя в стране нартов многие понимали, что это для них очень тяжелаг дань, но, боясь Фука, никто не отважился, да и не в силах был, прекратить это.

Однажды, когда нарты в очередной раз несли ему дань, Ёрюзбек выхватил свой меч и, крикнув: «Если понесете, убью!», не пустил людей к Фуку. В тот же день Рыжий Фук прислал к нартам гонца узнать, почему они не принесли ему дань. Нарты сказали: «Мы несли Рыжему Фуку дань, но Ёрюзбек вернул нас с полдороги».

Рыжий Фук, услышав это, разгневался и сказал:

— Вы все это сделали нарочно, сговорившись. Я не буду Рыжим Фуком, если теперь не сделаю так, чтобы ваши нивы перестали колоситься, а ваши жены прекратили рожать сыновей!

Вот так угрожая, Рыжий Фук разругался с нартами и переселился оттуда в труднодоступные места.

Не обратив внимания на угрозы Рыжего Фука, нарты засеяли много пашен и прекратили платить Фуку дань. Но пашни осенью не заколосились. Ёрюзбек пришел от этого в ярость и отправился к Фуку, сказав:

— Или умрет Фук, или умру я — вместе же нам не жить на свете!

Когда он пришел к Фуку домой, тот отдышал.

— Эй, добрый день, Рыжий Фук! — приветствовал его Ёрюзбек.

Фук ответил:

— Чтoб твой день безрадостным был, Ёрюзбек! Ты же властвуешь в [стране] нартов вместо меня, ну а теперь почему и здесь ты нарушаешь мой покой?

— Знай же, Рыжий Фук, я к тебе с добром пришел. Однако как же ты можешь в таком виде держать это окно? — спросил он у Фука¹.

Фук взглянул на окно, Ёрюзбек в это мгновение выхватил свой меч, ударил им по шее Рыжего Фука и срубил ему голову, как кочан капусты.

Когда Фук умер, Ёрюзбек вместо него стал главою нартов. Так он жил, управляя нартами. Когда прошло несколько лет после смерти Рыжего Фука, Ёрюзбек ввел в [стране нартов] новый обычай: каждый год, после уборки зерна, забивали четырех годовалого быка, которого откармливали в течение года. Быка резали для того, чтобы и в следующем году был богатый урожай. Этого [жертвенного] быка называли «кырк буга»².

Как Ёрюзбек ни старался делать хорошее [нартскому] народу, в его стране нашлось несколько человек, [недовольных им]. Они выбрали сына Фука Кайтмырзу своим предводителем и решили погубить Ёрюзбека.

Однажды Кайтмырза пришел со своими людьми и велел выкопать под самым почетным местом яму. Он аккуратнo, чтобы никто не заметил, прикрыл яму. Потом приготовил бузу, добавив в нее ослиный мозг³. Он решил убить Ёрюзбека, сбросив его в яму или опоив отравленной бузой в день, когда будут резать [жертвенного] быка — «кырк буга». Когда Кайтмырза все тщательно подготовил, он велел зарезать быка и пригласил в гости Ёрюзбека.

Ну а Ёрюзбек, говорят, тоже неглупый мужчина был. Догадываясь, [что против него задумали какое-то зло], он посоветовался со своей женой — обур Сатанай. Сатанай посоветовала мужу:

— Иди, однако, будь осторожен! Если станут подавать питье, не пей, пока они сами не попробуют. Не садись на то место, куда тебя будут приглашать, ешь только ту еду, которую они сами будут кушать.

Ёрюзбек взял свой меч и отправился в гости к сыну Фука Кайтмырзе. Кайтмырза приветливо встретил Ёрюзбека и хотел усадить его на место над ямой. Однако Ёрюзбек отказался и сел на другое место.

Когда ловушка с ямой не удалась, шапа * Кайтмырза Жантараз быстро вошел

в кладовку, вынес оттуда чашу, наполненную бузой, отравленной ослиным мозгом, и преподнес ее Ёрюзмеку. Но Ёрюзек отказался от чаши и сказал: «Сперва произнесите тост и отпейте сверху сами».

Жантараз, поняв, что и из этой [затеи] ничего не выйдет, отправился обратно в кладовку, вылил [отравленную] бузу, вернулся [к столу] с хорошей бузой и произнес тост:

— Вепрь появился среди нас,
Пусть он погибнет от ран!
Пусть вепрь [всегда] убегает,
А щенки пусть [всегда] будут его преследовать! ⁴

После алгыша Жантараз отпил из чаши и передал ее Ёрюзмеку.
— Что же, Жантараз, — начал Ёрюзек, — ты сейчас произнес алгыш,

Но пусть твои пожелания не сбудутся,
Пусть твои глаза обогрятся кровью,
Пусть немедля твоя смерть придет!
Пусть на твоей могиле ворона [каркает]!
Ну, а вепрь пусть [всегда] преследует,
А щенки пусть [всегда] убегают!

Потом он выпил бузу, вытащил из ножен свой меч, закрыл двери и перебил всех, кто находился в комнате.

Вдруг с потолка [из дымохода] спрыгнул какой-то мальчик и, подбежав к уставшему Ёрюзмеку, схватил его за руку.

— Что, утомился, Ёрюзек? — спросил [он] и вывел Ёрюзмека наружу.

Ёрюзек, поразившись его проворству и бесстрашию, подумав: «Убью-ка его, а то он потом, когда вырастет, осилит меня», несколько раз хватался за свой меч. Но пока Ёрюзек раздумывал, мальчик проводил его до дома. Он не стал заходить в дом, а мгновенно, как змея, ускользнул от него и исчез из виду.

Пораженный Ёрюзек, войдя в дом, сразу же рассказал Сатанай о мальчике. Сатанай, чтобы выведать, как относится ее муж к мальчику, спросила:

— Киши *, ты бы хотел, чтобы этот мальчик был твоим братом?

Ёрюзек ответил отрицательно. А во второй раз, когда она спросила: «А если бы он был твой сын?», Ёрюзек ответил: «Я был бы этому очень рад». И тогда Сатанай сказала Ёрюзмеку: «Так вот, он родился, когда ты был в походе. Я же отдала его на воспитание чужим людям, и он жил у них, пока не подрос». Ёрюзек, услышав это, очень обрадовался. А мальчик этот был Сосуруком.

16. САТАНАЙ СПАСАЕТ ЁРЮЗМЕКА ОТ ГИБЕЛИ

Сын Фука не погиб, среди нартов остался,
Ёрюзмека погубить он решил.

Нашел подобных себе, несколько [человек],
Решил погубить [его], ядом опоив.

5 Обур Сатанай ведала об этом
[И] Ёрюзмека предупредила.

Проколов ему горло, трубку вставила.
— Когда будешь пить бузу — лей в нее, — сказала.

Никто не осмелился пойти [пригласить] Ёрюзмека [на пир].
10 Сказал [тогда] юный Сосурук: «Я пойду,

Я позову тулпар* Ёрюзмека,
За это возьму уши и ноги [забитых] на пир [животных]».

[Пошел] и передал Ёрюзмеку приглашение нартов,
Алф Ёрюзмок на пир нартов пришел.

- 15 — Испытаем [друг друга] в стрельбе из лука,— предложил [он].
Во время состязаний [он] сильно [нартов] перепугал:

Во время стрельбы в железный столб Аликовых,
Только его стрела в него вонзилась.

- Никто [из нартов] не смог эту стрелу вытащить,
20 Юный же Сосурук выдернул [ее],
Переломил и отбросил в сторону.

Ёрюзмок сказал: «[Теперь] мечи испытаем».
Для этого [в землю] воткнули железный вертел.

- Сын Рыжего Фука был среди собравшихся,
25 Ёрюзмок, глядя на него, сказал:

— Этот меч снес голову Фука,
Мой меч зазубрился, задев его коренной зуб.

[Потом] Ёрюзмок разрубил надвое вертел,
Погладил меч и вложил [его] в ножны.

- 30 Ёрюзмека стали на почетное место приглашать,
Но он отказался сесть во главе [стола].

[Нарты] сами хорошую бузу пьют,
А отравленную — Ёрюзмеку подают.

- Бузу через трубку он пропускает,
35 Буза стекает и на земле лужи образует.

— Ёрюзмок, опьянев, под себя мочится,—
Сказали, и несколько [нартов] собрались [его] убить.

[Они] Злоязычного Гиляхсыртана позвали,
Ему заздравную чашу поднесли.

- 40 Гиляхсыртан такой алгыш произнес:
— Пусть выпадут зубы у кабанозубого,
Пусть кабанозубый с муравьями расстанется!

А Ёрюзмок так ответил:

- О Аллах, пусть у вепря зубы не выпадут,
45 Пусть вепрь с муравьями не расстанется!

С этими словами он крепко закрыл дверь на засов,
Взмахнув мечом, [собравшимся] головы снес.

Деу Ёрюзмок захлебнулся в человеческой крови,
Сосурук, увидев это, к дому устремился.

50 С криком: «Ох, истребил [всех]!» — стал в дверь ломиться,
[Ворвался туда], стену дома сокрушив.

Мальчик на руки Ёрюзмека взял,
Понес его к реке.

Смыл с него кровь, [одежду] вычистил,
55 Посадил на коня и домой проводил.

[Дома] обур Сатанай стала расспрашивать Ёрюзмека:
— Что произошло с тобой, что ты видел на пиру?

— О, оставь, был там один храбрец,
[Когда он] станет взрослым, не будет [ему] равных.

60 [Сатанай] спросила: «Ты хотел бы, чтобы он твоим братом был?»
— Нет. Когда ты сильнее — [он тебе] брат,
Если же ты слабее — [он тебе] кровный враг,— ответил [Ёрюзек].

— А хотел бы, чтобы [он] твоим сыном был? — спросила.
— Конечно, но откуда такое счастье? — ответил [Ёрюзек].

65 — Так знай же, он твой сын,
Камень, на который ты будешь опираться в старости ¹.

17. ЁРЮЗМЕК И СЫН ФУКА ЖАНПАРАЗ

Однажды Фук взял [с собой] несколько всадников и в путь отправился.
— [Давайте] поедем и угоним скот этого проклятого, поганого Ёрюзмека,—
сказал он.

Подъехав к Ёрюзмеку, они приветствовали его:

— Эй, овчар, да приумножится [твой скот]!

— Добро пожаловать, заходите [в кош]! — ответил Ёрюзек.

— Нет, ты, презренный, [недостойн того], чтобы мы были твоими гостями.
- Дай нам несколько баранов, и мы поедем [дальше].

— А что я могу вам дать? Ведь я пасу баранов аульчан. [В отаре] мне
принадлежит только один баран, вот его и забирайте,— сказал Ёрюзек.

— А ну, поймите,— сказал Фук, указав на барана, которого дал [Ёрюзек].
Посмотрев его метку ¹, он велел поймать из стада еще около десяти баранов с
такими же метками.

Ёрюзек попытался отобрать своих баранов у Фука. Но Фук одолел юного
Ёрюзмека. [Он] забрал баранов и уехал, огрев [Ёрюзмека] плетью.

После этого случая между ними началась вражда. [Вот] потому Ёрюзек
перестал пасти аульных баранов.

Однажды Ёрюзек пришел в аул. А по дороге он встретил много женщин,
которые несли в руках блюда, а на плечах высокие кувшины с бузой.

— Добрый день! Куда вы идете? — спросил [он].

— К Фуку идем,— ответили [они].

— А что это у вас?

— Буза, хычины *.

— А зачем вы [их] несете, что случилось? — спросил он.

— А что нам делать? Это ежедневная дань ему. Другого выхода у нас нет,—
ответили [женщины].

— Не надо [ему ничего давать], несите [все это] обратно [к себе].

— Да перейдут твои болезни к нам ², [давай лучше] отнесем [все это] к
тебе домой,— сказали женщины.

— Нет, пусть каждая из вас отнесет это обратно к себе,— велел Ёрюзмек.

Женщины разошлись по домам. В это время Фук закричал:

— Почему вы не принесли мне дань?!

[На это] женщины ответили:

— Ёрюзмек нам запретил [платить тебе дань].

Краснобородый Рыжий Фук,

Подчинив себе страну [нартов], над ними властвовал.

Его слово было законом [для них].

Фук, Ёрюзмека испугавшись, построил над небесами [другое]
небо и туда улетел.

5 Разгневавшись на Ёрюзмека, он нартов лишил дождей.

Тогда Ёрюзмек к Фуку [на небо] подняться решил.

Он [велел] старую пушку Аликовых подготовить,

Жерло прямо в небо направив,

Засыпать [в него] сто сах аяк³ пороха,

10 Сам же вместо ядра влез [в пушку].

Однако никто из нартов не отважился выстрелить из пушки.

И тогда Ёрюзмек попросил сына Фука Жанпараза:

— Я и твой отец — близкие друзья. Хочу навестить твоего отца, я только тебе доверяю выстрелить [себя] из пушки.

Сын Фука Жанпараз поверил [ему] и выстрелил из пушки.

Когда старая пушка Аликовых выстрелила, загудели небеса и горы, содрогнулась земля. Ёрюзмек полетел и попал прямо в гнездо Рыжего Фука. Он поздоровался с ним:

— Добрый день, краснобородый Рыжий Фук!

— [А] твой день пусть недобрым будет! Ты и на земле меня [в покое] не оставлял, ну, а здесь что ты от меня хочешь? — спросил [он].

— Вот что я от тебя хочу! — сказал Ёрюзмек и ударом [меча] снес Фуку голову.

И тут же над страной нартов прошел кровавый дождь. После него полил чистый дождь. На небе у Фука был орлиный кап. Ёрюзмек взял его, влез в него и слетел на землю.

Когда он вернулся с небес, сын Рыжего Фука, желая погубить его, так велел [нартам]: «Пусть каждый двор приготовит бузу и сыру*, мы должны [в честь Ёрюзмека] той устроить.

Весь народ собрался [на той]. Закололи [жертвенного быка] — кырк буга Аликовых. Этот бык был настолько громаден, что [в знойные дни] в его тени отдыхали сорок [коров и быков].

Люди на этом тое хотели отравить Ёрюзмека бузой, в которую положили змеиный яд. Они все подготовили, и осталось только пригласить Ёрюзмека на той. А Ёрюзмек жил далеко на окраине [аула].

— Я пойду и приглашу Ёрюзмека,— вызвался один лысый малкарчонок⁴.

Лысый малкарлы отправился в дорогу. Долго он искал [дом Ёрюзмека] и [вдруг] в тумане увидел запыленный курган, а на нем ветку дерева. Подошел [ближе] — [не ветка] это, а усы Ёрюзмека, курган же — сам Ёрюзмек. На нем волчья шуба, в руках железный посох величиной с чинару. [Увидев его], лысый мальчик немного оробел и, обронив:

— Тебя народ [на той] приглашает,— прошел мимо.

Ёрюзмек, разгневавшись, прогремел:

— Кто это отважился прийти ко мне? — и бросил ему вслед свой посох. Посох, ударившись о пятаку [мальчика], сломался надвое. Ёрюзмек, увидев, что посох переломился, воскликнул:

— Да, оказывается, он сильнее меня! — и пошел к Сатанай.

[Когда он поведал ей обо всем], она сказала:

— Ты не бойся, иди [на пир]. Через свой пищевод пропусти трубку, чтобы питье могло проходить через нее. И [тогда смело] пей [их] отравленную бузу.

Через некоторое время Ёрюзбек пришел на той. Когда пришел он, как велела Сатанай, сел на [тюфяки из] приданого Онгюлез (Онгюлез — сосватанная дочь хозяина дома, в котором проходил кровавый пир)⁵. Жанпараз, сын Фука, наполнил чашу питьем и подошел к Ёрюзбеку. Прежде чем подать питье, спросил с ухмылкой, указав на его меч:

— Ёрюзбек, посмотри, а что это у тебя на боку?

— Не надо, что бы это ни было, оставь его [в покое]. Это Зулпагар⁶,— ответил Ёрюзбек.

В это время рядом с ними находился и лысый [мальчик]-малкарчонок, позвавший Ёрюзбека [на той].

— Если я его вытащу [из ножен], он [без крови] назад не вернется,— предупредил Ёрюзбек.

— Да ладно, оставь, еще как вернется [в ножны] без крови, что он сделает? — настаивал Жанпараз.

Тогда Ёрюзбек вытащил [свой меч]. Когда он вынул [его, все] увидели на его лезвии зазубрину. Сын Фука Жанпараз спросил:

— Отчего он зазубрился?

Ёрюзбек, ответив:

— Мой меч зазубрился во время боя с твоим отцом — Рыжим Фуком, задев его коренные зубы из булата,— снес Жанпаразу голову.

[Потом] он начал рубить своих врагов, [находившихся] в этом помещении. Ёрюзбек [убил так много] своих врагов, что начал утопать в их крови.

В это время из-за дверей выглянул тот лысый мальчик. Увидев Ёрюзбека, он крикнул:

— Дай мне свою руку! — и вытащил его оттуда.

Выбравшись [наружу], весь испачканный кровью, Ёрюзбек отправился к своей жене Сатанай.

Вот так он один стал править страной нартов.

18. ЁРЮЗБЕК И ЕГО ВОЛЧЬЯ ШУБА

В одной нартской семье было пять братьев — Ёрюзбий, Эльбуздук, Таубий, Тауас, Карашауай. Они были сыновьями Алаугана¹. Здесь между Ынчытты и Ылгыбасом, на горе Кёрюк, говорят, [и сейчас] лежит ручная мельница Карашауая. Эти пять братьев враждовали с Ёрюзбеком. Они, чтобы убить его, так решили: «Давайте устроим той, пригласим Ёрюзбека, напоим его и убьем». По обычаю, его на той должен был пригласить старший из братьев — Ёрюзбий, но он был глухонемым, поэтому вместе с ним пошел и Карашауай, и они пригласили [Ёрюзбека на той].

В назначенный день устроили большой той. Ёрюзбек тоже приехал [туда]. Въехав во двор, он спешил и сам привязал своего коня. Ёрюзбека пригласили за стол. [Все] начали пить, есть, петь песни. А Ёрюзбек был очень искусным певцом. [Ёрюзбек за стол] сел, не сняв свою волчью шубу. Эта шуба [обладала таким свойством]: она давала ему знать обо всех [вражьих] кознях. И в этот раз она дала ему понять, что нарты задумали убить его². Но Ёрюзбек, ничего не говоря, [выжидал, чем все закончится], а сыру, которую ему преподносили, он [незаметно] сливал в свой рукав³.

Спустя некоторое время он предложил нартам: «Давайте теперь устроим конские игры».

[Пошли] и привели его коня. [А до этого], во время тоя, Ёрюзбий пошел и надрезал подпруги его коня так, чтобы они чуть-чуть держались. Ёрюзбек вскочил на своего коня и в начале игры осторожно [поскакал]. А когда его волчья шуба своими рукавами стала придерживать надрезанные места подпруги, он стал всю

скакать вверх-вниз, туда-сюда и показал всем великолепную игру на своем коне. При этом комья земли, вылетающие из-под копыт его коня, [были настолько велики], что испугали людей⁴. И тогда нарты, эти пять братьев, поняли, что они ничего не смогут с ним поделаться.

Приложение 4

КАК САТАНАЙ СПАСЛА СВОЕГО МУЖА

Очень уж рассердились соседи на нарда Тейюра⁽¹⁾ и жену его Сатанай, которая приходилась ему сестрою и была первая волшебница в крае. И решили они, так как силою справиться не могут, то хотя бы отравить его. Для этого устроили громадный пир. Котел повесили такой, что он едва-едва держался на сорока ушках, а в него положили вариться сорок быков. Бузы было приготовлено несколько сороков бочек. На пир пригласили и сына Пука, но вопрос в том: кто пойдет звать Тейюра? Никто не решается. Долго судили, спорили, но охотника не нашли. Вдруг является мальчик лет десяти, на тоненьких, как спички, ножках, с большой головой, на затылке которой косичка торчит, словно спичка, и говорит, что он согласен пойти и позвать Тейюра. Все удивились, но предложение приняли. Мальчик пошел и, увидев, что Тейюр сидит на крыльце своей сакли, пустил стрелу так, что та вонзилась в дерево как раз у самых ног Тейюра. Это рассердило последнего: он стал вынимать стрелу, но та не поддается; он стал выколачивать ее железной палкой с огромным набалдашником, которая была у него в руках, но и та не помогает; в это время подбегает мальчик, свободно вынимает стрелу и тут же передает приглашение на пир. Все это произошло так быстро, что Тейюр едва успел бросить вдогонку мальчику свою булаву, но та, ударившись о тонкие ноги беглеца, переломилась пополам.

Тогда взбешенный Тейюр пошел к своей жене Сатанай за советом. Сатанай посоветовала ему идти на пир, но так как его хотят отравить там бузой, то вставить в горло медную трубочку, через которую бы питье проливалось наружу. Она сама сделала это, и Тейюр отправился на пир.

Пир был громадный, Тейюра чествовали больше всех, но он во рту вливал бузу вместо горла в медную трубку и остался совершенно трезвым и неотравленным, так как буза была подносима ему с отравой. Последний тост был предложен сыном Пука, и он обратился к Тейюру со следующей речью: «Желаю, чтобы собаки были злы и кабаны обращались в бегство».

На что ему Тейюр отвечал:

— А я пожелаю, чтобы собаки бежали, а кабаны их преследовали.

Все были очень пьяны и, думая, что Тейюр охмелел тоже, решились приступить к делу. Сын Пука подошел к нему и, под видом приглашения лечь отдохнуть, стал просить, чтобы Тейюр отдал ему на сохранение свой меч. Тейюр долго не соглашался, но наконец-то вынул меч, и все заметили, что на лезвие его есть зазубрина. Обратились к нему с вопросом: что это значит?

Тогда Тейюр, обращаясь прямо к сыну Пука, сказал:

— Я о стальной зуб твоего отца испортил этот меч, и он помнит это; а ты, презренный, еще смеешь со своими соумышленниками посягать на него, так укажите ж его силу!!!

И он одним ударом перерубил котел с варившимися в нем тушами быков.

— Я знаю, что вы хотели со мною сделать, но я — муж Сатанай, которая больше вас знает. Вот вам отплата за ваш пир! Мой меч не обнажается без того, чтобы он не уничтожил врагов.

И он всех присутствующих перерубил на куски; успел спастись только один тонконогий мальчик, который по цепи котла успел вскарабкаться на балку сакли, а по ней — на чердак и там успел скрыться.

Тейюр пришел домой рассерженный, что ему не удалось убить последнего мальчугана. Рассказал все, как было, Сатанай, и та, успокоив его, сказала:

— Ты счастлив, что не убил этого мальчика, — он будет тебе полезен. Что бы ты хотел: чтобы он был тебе брат или сын?

— Нет, я брата не хочу, кровный враг всегда злее, чем посторонний, а пусть будет он моим сыном.

— Так узнай же, что он и есть твой сын, но я укрыла его от тебя и отдала на воспитание подземным духам².

Приложение 5

СОСРУКО¹

В это время, (когда родился Сосруко), Урызбек, глава нартов, находился на старости лет, и они начали высказывать недовольство, что во главе их находится старик. Наконец, они составили против него заговор с целью умертвить его и решили привести в исполнение свой замысел на пиру в доме Алиговых. В назначенный день заговорщики собрались все на пир. Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел о сорока ручках², положив в него сорок бугаев, то стали советовать, кого послать за Урызбеком, чтобы позвать его на пир. Никто из нартов не решался сходить за ним. Вдруг вышел какой-то мальчик с стоячим гребневидным хохлом на голове и тонкими, вертелоподобными ногами. Он пришел посмотреть на веселье нартов. Этот мальчик выскочил на середину и сказал:

— Если вы мне дадите ноги сорока бугаев, которые варятся в котле, то я схожу, позову Урызбека.

Нарты, вовсе не ожидавшие от этого мальчика такой смелости, сначала не обратили на него внимания, приняв его слова за шутку. Но мальчик повторил свой вызов еще раз, и нарты, видя, что тот говорит серьезно, тотчас согласились на предложение и послали его за Урызбеком. Мальчик скоро очутился у Урызбека, который сидел в волчьей шубе на дворе, и, подошедши к нему, сказал:

— Урызбек, меня послали к тебе нарты; они приглашают тебя на пир в дом Алиговых; хочешь — иди, а не хочешь — так не ходи; мне кажется, что они зовут тебя скорее на зло, чем на добро; но поступи по своему усмотрению.

На это Урызбек сказал:

— Неужели нарты не нашли лучшего посла, чем ты? — и, рассердившись, с ругательствами прогнал мальчика.

Но жена Урызбека, Сатаной, услышав разговор мальчика с мужем, выбежала из комнаты и крикнула мальчику, чтобы тот вернулся. Когда мальчик подошел к ней, она с лаской сказала ему, что Урызбек пойдет к нартам.

— Я его одену сейчас же, а ты пока выведи из конюшни его пегую лошадь, вычисти и оседлай ее.

Сказав это мальчику, она вместе с Урызбеком пошла в комнату и там сказала ему следующее:

— Нарты составили против тебя заговор и зовут тебя теперь с намерением убить; но ты несколько не опасайся и иди к ним, они тебе ничего не смогут сделать. Только предупреждаю тебя, когда ты приедешь к нартам и они все встанут и предложат тебе сесть на почетное место, ты этого не делай, а скажи, что, как старик, сядешь на пуховики, которые лежат на полке около стены. Затем тебе будут подносить всевозможные напитки, чтобы ты опьянел. Ты же пей только хорошие напитки, и то лишь столько, чтобы быть веселым. Остальные же напитки, которые будут тебе предлагать, пропускай через эту трубку в пуховики, чего нарты, наверно, не заметят.

И тут Сатаной пропустила чрез горло Урызбека медную трубку, конец которой выходил наружу, так что напитки могли выливаться в пуховики.

Урызбек согласился отправиться на пир, вышел из дому и, сев на свою пегую лошадь, оседланную мальчиком, поехал. После того как он немного отъехал, мальчик, шедший впереди его, предложил ему от скуки пускаться по

дороге стрелы: чья дальше улетит. Урызбек на это согласился и первый пустил свою стрелу; за ним пустил и мальчик. На некотором, не очень большом расстоянии Урызбек нашел свою стрелу; но стрелы мальчика не было. Урызбек, подсмеиваясь по этому поводу над мальчиком, сказал:

— Бедный ты, бедный! Отчего не вернешься назад и не поищешь там своей стрелы, ведь не улетела же она дальше моей. Право, лучше вернись и поищи ее назад, а то пропадет, пожалуй.

Мальчик на это отвечал:

— Пускай пропадет, что за важность; не стоит возвращаться из-за такой дряни!

Вскоре после этого они приехали в дом Алиговых, где около дверей собралась целая толпа народу, стараясь вынуть стрелу, вонзившуюся в перекладину над дверьми. Но как ни трудились, никто не мог вынуть стрелу. Когда Урызбек подъехал к этому месту, то мальчик, сопутствующий ему, подбежал к дверям и воскликнул:

— Да это моя стрела! — затем дернул и выдернул ее одной рукой.

Как только Урызбек вошел к пирующим нартам, они все встали с своих мест и предложили ему почетное место; но он отказался и сел на пуховики, лежавшие около стены.

«Эчки куйруклы карт барз»³, обязанность которого состояла в том, чтобы разнести чашу с напитками и приносить тосты, поднес Урызбеку чашу с напитком, заранее приготовленным из змей, лягушек и разных других гадов.

Но Урызбек преспокойно пропустил весь напиток через трубку в пуховики, показывая вид, будто пьет на самом деле. Сначала пили худшие напитки, а потом принялись за лучшие, которых Урызбек действительно отпивал немного, чтобы быть веселым. Так продолжалось несколько времени, и пуховики, наполняясь вином, поднимались все выше и выше. Когда нарты считали Урызбека уже опьяневшим, то, чтобы как-нибудь взять у него меч, начали его упрашивать показать им его знаменитый сырпын. На такую просьбу их Урызбек отвечал:

— Я должен вас предупредить, что мой сырпын имеет то свойство, что если раз выйдет из ножен, то уже не войдет обратно даром!

— Все равно, — сказал сын Пука, молодой Батыр-мырза, — какое бы свойство он там ни имел, нам в высшей степени желательно посмотреть на него.

Тогда Урызбек вынул свой сырпын и, не отдавая его в их руки, а держа за рукоятку, подносил его к каждому. Те удивлялись красоте оружия и говорили, что ни у кого нельзя найти такого железа; жаль только, что в одном месте на лезвии кусок отлетел.

— Да! — сказал Урызбек Батыр-мырзе, — это все чрез твоего поганого отца Пука: когда он, скрываясь от меня, улетел на небеса, то я, поднявшись туда, отрубил ему голову этим мечом, но задел при этом один его зуб, который был из стали; от этого и отлетел у сырпына кусок железа.

Произнося эти слова, он размахнулся и одним ударом перерубил цепь, на которой висел котел с варящимися сорока бугаями. Котел опрокинулся, и все находившееся в нем вылилось на пол. Дом наполнился кипящим взваром, а Урызбек начал рубить направо и налево и уложил на месте нескольких нартов; а иные просто задохлись. Сам Урызбек чуть было не сварился, да, разломав двери, вбежал к нему на помощь тот самый мальчик, который ходил за ним, и вытащил его оттуда на чистый воздух.

Урызбек, возвратившись домой целым от угрожавшей ему опасности благодаря неизвестному мальчику, рассказал своей жене Сатаной обо всем случившемся и о чудесном мальчике, избавившем его от смерти.

— Ах! — говорил Урызбек, — если бы этот...

— Что? если бы... — перебила его Сатаной, — ты, может быть, желал бы, чтобы этот мальчик был твоим братом?

— Эх! — ответил Урызбек, — что касается брата, то это — кровный враг.

— Ну, а что же? Может быть, ты желал бы, чтобы он был твоим сыном?

— Где мне дожить до такого счастья! — произнес Урызмек.

— Так поверь мне, — сказала Сатаной, — что этот мальчик — твой сын!

И Сатаной тут рассказала Урызмеку, как она воспитала этого мальчика. Неизвестный мальчик был молодой Сосруко, рожденный от камня и воспитанный джиннами.

19. ЁРЮЗМЕК И ОДНОГЛАЗЫЙ ЭМЕГЕН

Однажды Ёрюзмек пришел на ныгыш и сидел [там] печальный. [Нарты] на ныгыше заметили, что он чем-то обеспокоен, но не осмеливались спросить у него и говорили друг другу: «Почему-то Ёрюзмек грустен, что-то его беспокоит». [Но] о причине его печали так никто и не мог догадаться, и тогда решили узнать у него самого.

— Ёрюзмек, почему [ты] печален, не заболел ли ты? — спросил [его] Сибилчи.

— Стар я ныне стал, — сказал Ёрюзмек, — приближается час моей смерти. Но вот о чем я думаю: может, покуда я жив, вспомнить молодые годы и еще раз отправиться в поход?

— Хотя я стар, но я — нарт, — добавил Ёрюзмек, а на другой день отправился в путь.

Ходил он, бродил и встретился с одноглазым эмегеном — самым старшим из эмегенов. Тот пас коз.

— Добрый день, чийбыдыр *, — поздоровался [Ёрюзмек] с эмегеном.

— Эй, хитрец из рода человеческого, чего ты бродишь? — спросил эмеген Ёрюзмека.

— Нет, я не из тех хитрецов человеческого рода, о которых ты говоришь, — возразил [Ёрюзмек].

Затем эмеген сказал своему эркечу *: «Пригонишь [сам]. Не растеряй коз», — и вместе с Ёрюзмекком пошел в пещеру.

Эмеген продержал Ёрюзмека [в пещере] три дня, кормя его полусырым, тухлым мясом. На четвертый день, когда эмеген вернулся с отарой и хотел развести огонь, он увидел, что огонь погас.

— Сын человечесий, вы догадливы, разведи-ка огонь, — приказал эмеген.

— Во времена моей молодости, когда у нас, бывало, погаснет огонь, [мы] вырывали с корнем сосну и подносили [ее] к солнцу, чтобы зажечь. Или сбивали стрелой с неба звезду и от нее разводили огонь. Теперь я состарился и сделать все это мне не под силу, — ответил Ёрюзмек.

Потом, сказав: «Однако придумаем что-нибудь», — собрал ветки, взял и оторвал от скалы огромный кусок камня [величиной] со стог сена и ударил им о скалу. [От этого удара] посыпались искры и осветили мир, как молнии. Искры, которые улетели на небо, превратились в звезды, а от упавших на землю зажегся огонь.

Над огнем повесили котел.

— Пока мясо варится, Расскажи мне что-нибудь из жизни эмегенов, — просил Ёрюзмек эмегена.

— Мы, эмегены, — начал тот, — не умеем носить одежду, как вы. Живем мы в пещерах. Если кому-нибудь из нас нездоровится, делаем ему постель из веток и соломы, а подушку — из камня. Лечим [его] теплой человеческой кровью или бульоном из человеческого мяса. [Раньше] мы жили привольно. Ну, а теперь эти маленькие люди из человеческого рода уничтожают нас, скоро [совсем] истребят. В последние дни к нам приехали, назвавшись посланцами, [люди] из племени нартов, обманули нас, поссорили между собой, и мы поубивали друг друга. Теперь остался [из эмегенов] я один, [да и то] раненный. Я, видно, последний из эмегенов. Кроме меня, на земле не осталось ни одного эмегена. А сам я прожил много и много горя видел.

Потом Ёрюзмек спросил:

— Сколько лет живут эмегены?

— Около трехсот лет, — ответил эмеген, а потом и сам задал вопрос:

— А Ёрюзмек, [правда], был таким сильным и отважным, как [о нем] говорят?

— Нет, он не был таким уж храбрым и сильным.

Как только Ёрюзмек произнес это, эмеген заснул. Когда единственный его глаз стал огненно-красным, Ёрюзмек вонзил в него раскаленный вертел.

После этого эмеген в поисках Ёрюзмека до рассвета метался среди коз по пещере туда-сюда, пытаясь поймать [его]. Но [Ёрюзмек], прячась среди коз, не дал себя обнаружить. [Тогда] разъяренный эмеген сказал:

— Я еще в самом начале подозревал, что ты Ёрюзмек! Но я все равно найду тебя,— и стал выпускать коз по одной из пещеры, ощупывая [каждую] и пропуская их между ног.

Тогда Ёрюзмек поймал эркеча, зарезал [его], аккуратно содрал с него шкуру, влез в нее [и так] вышел из пещеры.

А эмеген, не зная, что Ёрюзмек выбрался из пещеры, завалил вход в нее огромной скалой.

Ну, а Ёрюзмек уже снаружи крикнул:

— Теперь попробуй, найди меня в пещере!

— Ну что же, сын рода человеческого, ты добился чего хотел! А теперь что ты еще надумал?— спросил эмеген.

Ёрюзмек ответил:

— Я вышел в поход, решив истребить всех эмегенов. Ты тоже говорил мне, что мечтаешь уничтожить род человеческий. Кто оказался верным своему слову, [теперь] ясно.

Эмеген попросил Ёрюзмека:

— У меня есть черный козел, зарежь его и смажь свои глаза его желчью. Если натрешь ею [глаза], будешь видеть [даже] то, что находится под землей. А чтобы я смазал свой глаз кровью сердца [козла], уходя, положи его сердце на шкуру так, чтобы я смог [его] найти.

Ёрюзмек положил на шкуру [козла] желчный пузырь, а сердце оставил себе. Эмеген подошел, взял со шкуры козла желчь и натер [ею] свой глаз. А она стала жечь [так], что боль дошла до [самого] мозга.

Когда [глаз] стало так [нестерпимо] жечь, эмеген, не зная, что делать, начал метаться, ударяясь то об одну, то о другую скалу.

— Ты сделал со мной все то, что мог, ты, наверное, самый коварный из рода человеческого!— сказал эмеген.— Если даже ты не убьешь меня, смерти мне не миновать. Но у меня есть к тебе еще одна просьба. Если ты один конец кишки козла, которого ты зарезал, привяжешь к своему поясу, а другой — к рогам черного козла, тогда мои животные выстроятся и сами пойдут за тобой.

Ёрюзмек сделал не так, как сказал эмеген, а привязал кишку козла к дереву. Оно стало трещать. Эмеген подумал, что этот звук исходит от Ёрюзмека, и побежал туда. Когда бежал, [он] ударился о скалу, свалился в пропасть и умер.

Так Ёрюзмек уничтожил род эмегенов и погнал их скот в нартские аулы.

20. НАРТ ЁРЮЗМЕК И ЭМЕГЕНЫ

Сын нартов Ёрюзмек среди нартов был первым во всем — в стрельбе, борьбе, разных состязаниях. Он был одним из известных нартов, не раз показал он свою храбрость и мужество.

О его силе и могучем телосложении знали как нарты, так и их враги — эмегены. Во время сражений с эмегенами Ёрюзмек много их уничтожил. Сын нартов Ёрюзмек никогда не возвращался из похода, не исполнив своих намерений. Разными способами он выходил невредимым из любого трудного положения. Поэтому слава Ёрюзмека росла среди нартов все больше и больше.

Часто вместе со своими друзьями-нартами или один он встречал эмегенов и [всегда] уничтожал их.

У Ёрюзмека и его друзей не было другого оружия, кроме лука. Ёрюзмек хорошо знал, что в стрельбе из лука эмегены не могут соперничать [с ним].

Ёрюзмек тяжело переживал те ночи и дни, когда ему не удавалось встретиться [и сразиться] с эмегенами.

Однажды в руки Ёрюзмеку впервые попало ружье¹, и он испытал его. Он, зная, что эмегены не имеют понятия о ружье, взял много патронов, чтобы хватило, если ему придется сразиться даже с большой группой врагов, закинул ружье за плечо и тайно от братьев и друзей-нартов один отправился в поход.

Шел он, шел и, миновав дремучий лес, вышел в долину. Там убил много диких коз. Оттуда поднялся на возвышенность, посмотрел вокруг [и], не обнаружив дороги, задержался там до вечера.

Когда наступила ночь, [Ёрюзмек] взял две палочки, потер их друг о друга, добыл огонь, приготовил из мяса шашлык, поел и лег спать. На следующий день на рассвете погасил огонь и спустился в другую широкую долину.

Ёрюзмек шел-шел по этой долине против течения реки и, когда солнце стало приближаться к закату, не снимая своего ружья, стал собирать дрова, чтобы развести огонь. В этот момент он услышал чье-то бормотание. Ёрюзмек отошел в сторону, притаился за огромным, как скала, камнем и стал высматривать того, кто бормотал.

Через некоторое время Ёрюзмек заметил старого трехглавого эмегена, который направлялся туда, где были его дрова.

«Что же он будет делать? Остановится здесь или уйдет, один он или есть у него спутники?» — думал Ёрюзмек.

[Тем временем] трехглавый эмеген, дойдя до дров, бросил дерево, которое нес, усталым голосом произнес: «Ох-ох-ох» — и опустился на землю.

Тут Ёрюзмек со словами: «Откуда ты знаешь Ох-ох-оха? Это я. Что случилось, бедняга? Чего тебе надо? Мое имя вспоминают только те, кому очень тяжело. Расскажи, что случилось?» — вышел из-за камня.

— Эй, сын человеческий! В эти края [еще] не ступала нога человека. Откуда ты взялся? А что у тебя в руках? — спросил эмеген.

Ёрюзмек обрадовался встрече с эмегеном, но от прямого ответа уклонился:

— Эй, друг, довольно задавать мне вопросы, лучше скажи, почему ты вспомнил мое имя? Если нуждаешься в чем-то — не стесняйся, не бойся меня.

Эмеген осмотрел ружье Ёрюзмека и вместо ответа опять спросил:

— Что это такое? — и показал на ружье.

— Оно, — ответил Ёрюзмек, — снимает усталость с уставшего, кто бы он ни был. Оно — средство, дающее возможность достать все то, чего захочешь, я — его хозяин, а зовут меня Ох-ох-ох. Я являюсь с ним к тому, кто произнес мое имя, и заставлю его прогрохотать один раз. При этом [тот], кто произнес мое имя, сперва теряет сознание [от его грохота], а затем приходит в себя и после этого, если он даже проживет тысячу лет, не будет стареть и уставать, не встретит никаких трудностей, а если и будут трудности, то он легко победит любого сильного противника, — и так проживет весь свой век. А называется оно «дырявым». Смотрю [я на тебя] и вижу, что ты с ним еще не знаком, поэтому ты и усташь и, сам этого не понимая, просишь меня о помощи. Если ты ослаб, скажи, я заставлю дырявого загрохотать [и сделаю тебя] сильным.

— Да, — сказал эмеген, — как ты говоришь, я и вправду уже дряхлый. Я живу триста лет, знаю много средств и способов, но о том, о чем ты рассказал, я [еще] не слышал. У меня есть два старших брата, и они и я накопили много добра, мы очень богаты. У нас по четыре сына. С тех пор как мы втроем вышли [в поход], чтобы обучить всему наших сыновей, прошло ровно сто лет. Поверь, конечно, наши силы уже на исходе. Если ты омолодишь нас и продлишь нам и нашим сыновьям жизнь, [мы] дадим [тебе] столько добра, что ты проживешь свой век, ни в чем не нуждаясь.

— Эй, друг, то, о чем я рассказал, ты неправильно понял. Я живу для того, чтобы помогать тем, кто вспоминает мое имя. Иначе бы я с тобой не встретился. Мне не нужно ваше богатство. Но где твои братья и где ваши сыновья? Если им приходится тяжело в походе, то почему они ни разу не произнесли моего

имени? Теперь, если ты их встретишь, расскажи им все, как есть. Но [запомни]: я встречаюсь не с группой и даже не с двумя [эмегенами], а только с одним,— сказал Ёрюзбек.

— Эй, Ох-ох-ох, даже за короткое время, что я беседовал с тобой, [я] отдохнул, и тело мое набрало силы. [Я] очень рад этому. Вот заставил бы ты этого дырявого прогрохотать один раз, снял бы с меня усталость, омолодил бы меня,— попросил эмеген.

— Если ты поверил тому, что я сказал, я сейчас же сниму твою усталость, верну тебе силы. После этого ты, даже сам не замечая этого, поспешишь туда, где вы живете. Вы, эмегены, рождены бороться до смерти, чтобы одерживать победу над своими врагами, особенно над нартами. Мне это известно. Нарты, узнав о вашем отсутствии, собрались вместе и идут сражаться с вами, и это мне тоже известно. Однако я не знаю, где вы живете, скажи [мне] об этом, а потом расскажи, по какой дороге ходят твои братья и ваши сыновья?— спросил Ёрюзбек.

— Ты ведь сам видел, что после долгого путешествия я пришел сюда усталым и измученным, скажу тебе честно, мы с братьями договорились встретиться здесь, но я пришел немного раньше, чтобы развести костер, они тоже скоро придут. Из мяса убитых нами на охоте оленей на костре, который я разведу, мы сделаем шашлык. Насытившись вдоволь, мы отправимся домой. Отсюда до нашего дома один день пути. Скоро они должны подойти. Ты теперь [прикажи] этому дырявому грохнуть на меня, омолоди [меня] и сделай так, чтобы я мог бодро ходить, и дай [мне] чего-нибудь поесть. Я вижу, у тебя много мяса,— попросил эмеген.

Ёрюзбек выстрелил один раз — эмеген сильно вздрогнул. Эмеген настолько поверил [в силу грохота], что [ему] показалось, будто он стал бодрее. Увидев, что [эмеген] в это поверил, Ёрюзбек сказал:

— По твоим словам, вас — пятнадцать эмегенов. Одним грохотом не обойдешься. Как я уже сказал, я не встречаюсь не только с группой, но даже с двумя [эмегенами]. Поэтому на, бери мясо, ешь, сколько хочешь, [каждого], кто сюда придет, накорми, кратко расскажи о нашей беседе и по одному направляй по той дороге, по какой я пойду. Услышав первый грохот, направь следующего туда, откуда донесется грохот.

Сказав все это, Ёрюзбек ушел.

К полудню Ёрюзбек добрался до назначенного места и расположился там. Уставшие эмегены к этому времени пришли туда, где был разведен костер. Каждый принес по пятнадцать оленей. [Они] стали хвалить эмегена, который пришел сюда первым:

— Да ты оказался сильнее нас: заготовил дрова, развел костер, убил оленей, приготовил мясо.

Старый эмеген сытно накормил своих спутников и поведал [им] про Ёрюзбека:

— Здесь я встретил одного человека, который сильнее, приветливее и намного умнее любого из нас, [и он] рассказал мне интересные вещи. [Это он] собрал дрова, развел костер и ушел, оставив мне много мяса, чтобы я мог накормить вас. А какой у него грохочущий дырявый! Он его [заставил] загрохотать только раз, а у меня [сразу] прошла усталость, сами видите: [я] стал другим. Теперь, как он велел, вы все по одному пойдете в ту сторону. Когда дойдете до условленного места, окликните: «Ох-ох-ох!»— он появится и заставит дырявого загрохотать.

После этого никто из нас не будет стареть и, сколько бы кто ни путешествовал, не будет уставать и исполнятся все его желания.

Старого эмегена все одобрили, все были довольны им и удивлены его подвижностью. [Они] послали к Ёрюзбеку одного из молодых эмегенов.

Дойдя до Ёрюзбека, он крикнул: «Ох-ох-ох!» Ёрюзбек вышел и тут же выпалил из ружья прямо в эмегена. Молодой эмеген был убит наповал. Эмегены, услышав выстрел, вздрогнули, им показалось, что их усталость прошла. Хотя

эмегены просили направлять их к Ёрюзмеку группами, старый эмеген посылал их по одному и последним остался сам. А Ёрюзек убивал подходивших по одному эмегенов. Ни один из них не вернулся обратно.

Когда пятнадцатый трехголовый эмеген остался один, он досыта наелся и направился туда, откуда доносился грохот ружья. Ёрюзек вышел ему навстречу и сказал:

— Оказывается, ты и вправду воспитывал и растил эмегенов так, как хотелось нам. Теперь твои братья, твои сыновья и племянники нашли свои места. Поверь, и ты найдешь свое место. Как видишь, я славно потрудился для вас и сделал все, что мог, не жалея сил. Поверь и ты, [что, если тебе будет нужно], я опять не пожалею сил, но тебя одного [я домой] не отпущу. Пойдем с тобой вместе, узнаем, благополучно ли вернулись домой твои спутники. Затем я посмотрю на ваше добро и, попрощавшись с тобой и с ними, уйду.

Когда [они] дошли до большой крепости эмегенов, их, конечно, там не было. Ёрюзек сделал вид, что удивлен этим, и спросил у эмегена:

— Слушай, а нет ли у вас друзей в этих местах или вдали отсюда? Может быть, твои товарищи пошли [к ним]?

— Нет,— ответил эмеген,— здесь поблизости эмегены не живут. Далеко от этих мест есть крепость других эмегенов — до нее можно добраться через десять дней и ночей пути.

От известных богатырей [нартов] до нас доходили слухи, что [те эмегены], делая набег [на их аулы], мешают... — начал говорить эмеген, но Ёрюзек [перебил] его:

— А из этих богатырей,— спросил он,— тебе приходилось видеть кого-нибудь?

— Да,— ответил трехглавый эмеген,— [я] видел многих из них, мне пришлось и сражаться с [ними]. У меня было девятнадцать братьев, которые были старше меня. Но нарты почти истребили наш род. По правде говоря, я не помню случая, чтобы мы одержали победу над этими богатырями. В конце концов здесь [из всех эмегенов] нас осталось три брата. Мы ходим на охоту очень редко и, если удастся убить дичь, едим мясо с удовольствием, а было время, когда мы ели человечье мясо. Теперь, как ты видишь, нас всего пятнадцать. Остальные эмегены погибли в сражениях с этими нартами.

После своего рассказа эмеген попросил:

— Пусть грохнет твой дырявый, посмотрю, как он грохочет.

Ёрюзек отскочил в сторону и сказал:

— Довольно брехать, теперь я узнал, что из вашего рода ты остался последним. Где находятся [оставшиеся в живых эмегены], я тоже найду, а где ваше богатство, я уже знаю,— и повернул на него ружье.

Старый эмеген задрожал от испуга [и весь покрылся потом], из его пота образовалось глубокое озеро. В этот момент подъехали Рачыкау и Сибилчи, разыскивавшие Ёрюзмека.

Ёрюзек поведал им обо всем. Затем они убили старого эмегена, погрузили все добро [эмегенов] на своих коней, повезли и раздали нартам. Немного отдохнув, они отправились в поход на поиски [тех эмегенов], о которых говорил старый эмеген. Вот так говорится в сказании.

21. КАК НАРТЫ УНИЧТОЖИЛИ ЭМЕГЕНОВ

[Долго] скакали нарты и до горы Кёсе * домчались,
[Там] увидели эмегенов, огромных, как курганы.

Нартские богатыри схватили луки,
Стали в них целиться.

- 5 Нартские богатыри [их] окружили,
Эмегены [же], скалы разрушив,

Каменные глыбы в нартов стали бросать,
[Но] нартские всадники [продолжали] их теснить.

Эмегены от злости камни кусали,
10 С горы Кёсе в бескрайние степи бежали.

Деу Ёрюзмек громко закричал:
— Уничтожайте эмегенов!

Нарт Ёрюзмек мечом размахивает,
Своим дыханием тучи разгоняет.

15 Его меч, как молния, сверкает,
Разит эмегенов одним ударом.

Его меч в сражении удлиняется,
Когда нужно, обратно складывается.

Алф Ёрюзмек девяносто дней сражался,
20 Все Тейри ему помогали.

Он всех эмегенов истребил.
После этого в стране нартов мир наступил.

22. ЕРЮЗМЕК И НОГАЙЧИК

[Однажды] Ногайчик к Ёрюзмеку приехал.
— Эй, кто есть в доме?— крикнул [он].

[На зов] сын Ёрюзмека вышел.
— Гостей принимаете?— спросил Ногайчик.

5 — Конечно, принимаем, сойди с коня!— сказал мальчик,—
Добро пожаловать, гость,— пригласил [он его в дом].

— Так я к вам в гости на год приехал,
Прими мое уважение вашему дому.

Каждый день я буду одного валуха съедать,
10 А мой конь в день будет копну [сена] съедать.

Мальчик в дом вернулся,
Про Ногайчика рассказал.

Нарт Ёрюзмек [сам] навстречу гостю вышел,
— Заходи, добро пожаловать!— сказал [он], обрадовавшись
гостю.

15 Он Ногайчика в дом пригласил,
Оружие его велел на крюк повесить.

И решил испытать, съест ли он столько, сколько говорил:
Валуха сварили, поставили перед ним.

А коню его копну сена задали.
20 — Посмотри, смогут ли съесть,— сказал [Ёрюзмек].

Ногайчик целого валуха съел,
А его мерин копну прикончил.

Так кормя, целый год содержал их Ёрюзек.
Однажды он к гостю зашел.

- 25 — Ну, как дела, не скучаешь?— спросил.
— Да чтоб тебе, негодному, эрик суу [пришлось] пить ¹,—
ответил гость.

— Ай, таланган! * Может, [ты] проголодался, гость?
Зачем сердиться? Что случилось с тобой?
В чем укоряешь хозяина?

- 30 — Я не за едой приехал
И не одежду просить присехал.
Я считал [тебя] батыром нартским, поэтому к тебе приехал.
Хотел в набег с тобой отправиться.

- Если так, конечно, гость мой, душа моя,
35 Поедем, против этого у меня не будет возражения.

[И] два батыра в набег отправились,
Они достигнуть цели спешили.

Долгой и трудной была их дорога,
Но батыры сильны и могучи ².

- 40 Дыхание их коней в туман превращалось,
А их копыта землю раздирали.

Два батыра долго скакали
[И] достигли стоянки, где можно было дать отдых коням.

- Нарт Ёрюзек сказал: «Теперь спешимся
45 И табуны из этих мест угоним».

Не согласился Ногайчик: «Нет!
Это все равно что лепешки у женщин украсть»,— сказал.

[Тогда] Ёрюзек сказал Ногайчику:
— Знакомые мне места уже кончились!

- 50 Ногайчик, ответив Ёрюзеку:
— Если так, то следуй за мной!—
Привел [его] к кошу табунщиков.

[Кош] был железной изгородью обнесен,
Ворота же так крепко заперты, что не отпереть.

- 55 Потом они посоветовались, как угнать [табун].
Ногайчик так Ёрюзеку сказал:

— Здесь живут три брата-эмегна,
У них есть жеребец, настигающий [даже] орла.

Если ты убьешь одного из эмегенов,
60 Тот жеребец второго доставит.

Когда же убьешь и второго [эмегена] — третьего доставит.
А когда убьешь и третьего, тот жеребец
Примчится и со ржанием к табуну пристанет.

Посмотрел Ногайчик на Ёрюзмека и сказал:
65 — Открой пошире ворота железной ограды!
Как ни старался Ёрюзбек, не смог открыть.

[Тогда] Ногайчик [так] ударил ногой по воротам,
Что засов отлетел в сторону.
Ногайчик к табуну подъехал.

70 — [А] теперь, Ёрюзбек, хочешь, табун выгоняй,
А хочешь, от ворот на дорогу его выводи.

Нарт Ёрюзбек остался у ворот стоять,
Ногайчик же стал табун выгонять.

Они табун быстро на дорогу вывели.
75 Вдруг ветер подул, дождь полил.

— Ага,— сказал Ногайчик,— [нас] противник догоняет.
Сейчас, Ёрюзбек, враг настигнет [нас].

У меня в тороках саван есть.
Если погибну, меня в этот саван заверни.

80 Привяжи [меня] к коню и отпусти [его].
А если не сумеешь этого сделать — похоронишь.

Этот ураганный ветер — дыхание вражеского коня,
[А] дождь — пена, летящая изо рта коня.
Одноглазый эмеген скачет на нем.

85 Если ты убьешь его, жеребец ускачет [назад]
И обратно с другим [эмегеном] примчится.
Так он будет делать до тех пор, [пока последнего эмегена
не убьем].

Потом [он] Ёрюзмека оставил дожидаться врага,
А сам во всю мочь погнал табун.

90 Ёрюзмеку же не под силу было остановить врага,
Не устоял он против ветра, [исходившего от] жеребца:

Налетел такой сильный ураган,
Что поднял Ёрюзмека и отнес [его] к табуну.

Ногайчик спросил: «Ага, Ёрюзбек, ты зачем прискакал?»

95 — Да вот, клянусь Тейри, когда налетел жеребец, как ураган,
Мой конь не смог на ногах устоять.

— Ну, если так, то не забудь мое завещание!
[Теперь] табун ты гони, а я врага подожду.

Сказав так, Ногайчик, стал приближающегося врага поджидать.
100 Метнув стрелу, он единственный глаз эмегена поразил.

Жеребец же спасся, обратно ускакал
[И] вскоре примчался со вторым эмегеном.
Эр* Ногайчик и его убил.

Жеребец и в третий раз ускакал,
105 Чтобы младшего эмегена доставить.

[Жеребец мчался], копытами выворачивая землю [вместе] с дерном,
Пена [из его рта] в дождь превращалась.

Своим дыханием [он] деревья валил.
Когда разъяренный эмеген примчался к Ногайчику,

110 Жестокий поединок начался.
Оба противника друг другу не уступали.

Гремя, [как гром], скрестили [они] мечи,
[А затем] стали друг в друга из луков стрелять.

[Одна] из стрел [Ногайчика] попала эмегену в глаз,
115 [А стрела эмегена] вонзилась в пуп Ногайчика.

Деу эмеген свалился [с жеребца],
А жеребец, заржав, к табуну присоединился.

Ногайчик сорвал с себя башлык
[И], выдернув стрелу, крепко обвязал свой живот.

120 Чуть живой помчался он к Ёрюзмеку,
Прискакав к нему, тут же умер.

Ёрюзмек его завещание выполнил:
[Труп Ногайчика] в саван завернул, к коню привязал и отпустил [его].

Оттуда нарт Ёрюзмек,
125 Погоняя табун, к себе домой поехал.

[Дома он] задумался: «Кто же был этот Ногайчик?
Обязательно узнаю, кто он был»,— сказал и в путь отправился.
Долго он странствовал, далеко уехал.

Как-то он к одному ветхому дому [подъехал] и вошел [туда].
130 Там одинокую старуху увидел,

— Добрый день!— поздоровался он,—
Кто ты? Почему ты одна?— ее спросил.

Старуха ответила: «У меня три сына было.
Эмегены нам ни воды, ни покоя не давали,
135 Поэтому [мои] сыновья с ними враждовали.

У них один жеребец был,
[Когда он скакал], его копыта земли не касались³.

[Мои] сыновья [долго] с эмегенами враждовали,
Ну и, конечно, эмегены [их] убили.

140 Не знаю, где старшие погибли,
А младшего [конь] мертвым принес.

[А] уезжал он на поиски батыра Ёрюзмека,
Надеясь на его помощь».

— Мать моя, я тот, кого Ёрюзмеком зовут!
145 — [Наконец-то] явился тот, кого я искала!

Старуха, жалуясь на свою участь, стала [его] обнимать,
Горько плача, стала [его] ласкать.

Ёрюзмека увидев, она просветлела,
Будто вернулись ее дети.

150 Ёрюзек же ее всем обеспечил,
А затем к себе домой вернулся.

23. КАК САТАНАЙ ПОБЕДИЛА ВОЙСКО ТЕМИР-КАПУ

Сатанай была женой нарта Ёрюзмека. Она была красивейшей из красивых, умнейшей из умных, мастерицей на все руки. Говорят, что ее воспитала главная вещунья нартской страны — женщина по имени Тохана.

До Сатанай женщины страны нартов не умели кроить и шить. Кроме того, нарты [раньше] ели мясо, пожарив его на костре. Сатанай [же] сделала казан и научила [их] варить мясо. Нарты ели [кукурузу, пшеницу, просо] в зернах, а она научила [их] молоть муку на ручной мельнице и выпекать хлеб.

Не было дня, чтобы Сатанай не научила [жителей] страны нартов чему-нибудь новому. Так, однажды, [говорят], Сатанай сделала ткацкий станок, [а также] веретено, шерстобитный лучок, чесалку и научила нартских женщин [обрабатывать шерсть].

Обур Сатанай знала язык [всех] трав, растений, деревьев, растущих на земле. Поэтому [она] делала [различные] лекарства из трав [и лечила] нартов. Она [даже] нашла растение, съев которое человек стал бы бессмертным, но она, говорят, не съела его сама и не дала [его] съесть никому из людей.

Однажды поздно вечером в страну нартов пришла недобрая весть. А Сатанай [уже] ведала об этом. Но никто [из нартов] не пришел и не попросил у нее совета, как быть.

Сатанай знала, что у нартского войска провизии достаточно, а мечей и луков маловато. А то, что [у них] с одеждой еще хуже, [она тоже] знала.

Еще больше рассердившись из-за того, что Ёрюзек не пришел и ничего ей [об этом] не сказал, она побежала к мастеру Дебету, который расплавлял железо, словно лёд и масло, и велела ему за одну ночь и один день сделать тысячу мечей, тысячу луков и двадцать тысяч стрел. «Только закали эти стрелы ядом», — сказала [она] Дебету. «Но я не знаю, что такое яд», — ответил Дебет. «Ну, тогда я сама найду яд, [а ты] не закаляй свое оружие, пока я не принесу его», — сказала Сатанай и поспешила на большую равнину.

На широкой равнине она собрала ядовитые травы и выжала из них сок.

Оттуда пошла к камышовому озеру, [что было] возле моря, поймала ядовитых змей, задушив [их], выдавила из них яд. Принесла яд и отдала кузнецу Дебету.

Дебет закалил выкованные мечи и стрелы в этом яде. Он сделал так, что даже от небольшой раны, нанесенной этими стрелами и мечами, человек должен был опухнуть, посинеть и умереть. То, что заказала Сатанай, Дебет изготовил за одну ночь и день.

Приготовив [оружие], Сатанай села шить одежду для [нартского] войска. За один день и одну ночь она сшила одежду для десяти тысяч воинов. [Потом] она понесла и раздала воинам Ёрюзмека [оружие и одежду].

Чтобы узнать, где Ёрюзек, [Сатанай] вытащила из черного сундука жек *, который достался ей от ее приемной матери — вещи колдуньи Тоханы. Положила его на землю и посмотрела в него. Увидела, что на востоке войско Темир-Капу выступило в поход [против нартов]. Тогда она повернула жек [в сторону] степей, [но] и там не увидела Ёрюзмека. И когда [она] стала смотреть, повернув его в горы, увидела, что он больной лежит в одной пещере. Увидев, что он беспомощен, послала [за ним] старшего сына. Старший сын на ветрокрылом коне [тотчас] доставил отца [домой]. Сатанай приготовила из целебных трав снадобья и, сказав: «Не выходи из дому, пока я не вернусь. Я сама поведу войско», оделась, взяла [оружие] и села на коня Ёрюзмека. Она приняла облик Ёрюзмека, крикнула в быргы * и собрала [нартское] войско. Потом сказала воинам:

— С востока на нас идет войско Темир-Капу. Если вы — настоящие сыны нартов, не пустите их в страну нартов! — и двинулась [с войском] навстречу врагу.

Сатанай, доехав со своим войском до реки Хазна, остановилась там на отдых. После повела войско дальше и остановилась на берегу реки Аргын.

На рассвете, перед восходом солнца, появилось войско Темир-Капу. Это были эмегены с шестью длиной в десять сажень. Они расщепили их концы и, вложив туда острые камни, превратили эти шести в орудия для метания камней. На спине [у каждого из них] был кожаный мешок, набитый камнями. Они шли, распространяя [вокруг] зловоние, выпучив свой единственный глаз на лбу.

Увидев нартское войско, [эмегены] издали начали метать из своих шестов камни, которые посыпались на нартов, словно каменный дождь. Нартское войско было в смятении: сколько [они] ни стреляли [в эмегенов] из луков, их стрелы [даже] не долетали до [врагов]. Тогда Сатанай приказала:

— Все, кроме отряда, который останется со мной, отступайте и соберитесь на берегу реки Хазна!

Нартские батыры отступили, Сатанай же вместе с оставшимися с ней воинами въехала в ущелье, покрытое лесом, и приказала разжечь костры и повесить над ними сто котлов. Когда в этих котлах сварили мясо и другую еду, велела положить туда ядовитые корни.

[Увидев издали эмегенов, Сатанай и нарты], чтобы обмануть их, стали делать вид, будто собираются сражаться с ними. Когда же эмегены приблизились к ним, они поскакали к берегу Хазны и присоединились к [своим] товарищам.

Войско Темир-Капу, [состоявшее] из эмегенов, увидев кипящие котлы, обрадовалось, что нашло пищу, и, забыв о войне, съело [все] и погибло.

Идущее за [эмегенами] войско Темир-Капу, [состоявшее уже] из людей, увидев погибшее войско эмегенов, остановилось, не решаясь вступать в борьбу с нартским войском. [И] в то время, когда они спорили между собой, Сатанай [посмотрела] в жек и поняла, что войско Темир-Капу боится [их]. Сатанай обо всем поведала воинам, и они бросились вслед [убегающему войску Темир-Капу]. Они долго преследовали его, пока не настигли.

Половину войска [они] уничтожили своим отравленным оружием, а оставшуюся половину взяли в плен, забрали все их награбленное добро и благополучно вернулись в страну нартов.

24. ЁРЮЗМЕК И БЕЛАЯ ОЛЕНУХА

Батыр Ёрюзмек отправился в путь, говорят.
После долгой езды он устал, утомился, говорят.
[Вдруг] на своем пути белую оленуху увидел, говорят.

5 Спешившись с Колана, хотел [ее] пристрелить, говорят.
[Но] та на гору взобралась, говорят.

Побежал [Ёрюзмек] за ней, прицелился, говорят.
[Но] оленуха на другой горе оказалась, говорят.

Так преследовал он ее, пока она в белой крепости не скрылась,
говорят.
Ёрюзмек, вбежав следом за ней, говорят,

10 Там удивительную ак бийче¹ увидел, говорят.

— Да будет твой день добрым!
— [А] твои дни и ночи пусть недобрыми будут!

Сегодня целый день ты не давал мне покоя, не дал мне поспать,—
сказала [она], говорят.
Потом накормила и напоила его, говорят.

15 — А [теперь] вставай и уходи! У меня очень злой муж,
Если он вернется, убьет тебя и меня,— сказала, говорят.

— Нет, я так не уйду! У меня на правой лопатке — кач^{*},
[Я должен быть верен] своей клятве — делить ложе со всеми
красивыми женщинами, которых я встречу.

Вдруг послышался страшный шум, говорят,
20 Выглянул [Ёрюзмек] и увидел громадного эмегена, говорят.

На лбу [у него] светился единственный глаз, говорят,
На плече его раскачивался дуб, вырванный с корнем, говорят,
Под мышкой у него кричал большой ветвисторогий олень,
говорят.

— Ак бийче, что же мне теперь делать? — спросил Ёрюзмек.
25 — Быстро спрячься под кроватью! — ответила ак бийче.

Эмеген в крепость вошел, говорят,
— У-уу-ф! Ас ийис, мус ийис! *
Эй, жена, кто здесь есть? — спросил, говорят.

— Нет [никого], киши, из ас-муса [ведь] ты возвращаешься,
30 Однако сюда забрел один из нартских сыновей, сказав, что
умирает от голода,
Увидев тебя, он побежал и спрятался под нашей кроватью,— сказала.

— Эй, сын нартов! Я не съем тебя,
Выйди сюда, дай взглянуть на себя,— сказал [эмеген].

Ёрюзмек вышел и перед эмегеном стал, говорят,

35 Эмеген, оглядев его, сказал громовым голосом:

— Я принес маленького козленка — освежуй его,
Одно маленькое деревцо принес — разруби его.
А я немного отдохну, пока сварится мясо.

Ёрюзмок быстро освеживал оленя, говорят,
40 Дерево разрубив, огонь развел, говорят.

Ёрюзмок сварил [мясо], сложил его в большое корыто, говорят,
Понес и поставил его перед эмегеном, говорят.

— Ну что же, возьми себе столько мяса, сколько ты съешь,—
сказал эмеген.

Ёрюзмок взял себе голень [оленя], говорят,
45 А остальное [мясо] ему оставил, говорят.

Покушав, эмеген и ак бийче, говорят,
Легли на кровать, говорят,
А Ёрюзмеку на полу постелили, говорят.

Этот гордый нарт глаз не смыкает, говорят,
50 Пути к спасению в уме перебирает, говорят.

Вдруг из-под одеяла высунулась нога ак бийче, говорят,
И осветила всю крепость, словно солнце, говорят.

— Эй, эмеген, сейчас все сгорим! — закричал Ёрюзмок, говорят.
— Не бойся, это так светится тело моей жены,—
сказал эмеген и опять захрапел, говорят.

55 Гордый Ёрюзмок всю ночь не спал, говорят.
Три раза ак бийче [во сне] ногу обнажала, говорят.
И каждый раз освещала всю крепость, словно солнце, говорят.

Ёрюзмок не мог уснуть, ворочался, говорят,
Эмегену не дал спокойно спать, говорят.

60 Эмеген разгневался, загремел, говорят:
— Не дал ты мне поспать — отдохнуть,— сказав, говорят,

Снял со спинки кровати войлочную плетть, говорят,
Сказав: «Стань охотничьей собакой, которая, кроме птиц на небе,
Могла бы догнать любого зверя на земле»,

65 Ударил ею лежащего Ёрюзмека, говорят.

Ёрюзмок заскулил и превратился в охотничью собаку, говорят,
А эмеген повел его и оставил среди своих охотничьих псов, говорят.

Жена Ёрюзмека, обур Сатанай, ведала об этом, говорят,
Обернувшись черной лисицей, она утром, говорят,
70 К крепости пришла, говорят.

Эмеген, увидев ее, своих охотничьих собак спустил, говорят.
Лисица побежала — псы за ней, говорят,
Но не смогли догнать и вернулись обратно, говорят.

А Ёрюзмек продолжал ее преследовать, говорят.
75 Вдруг убегающая лисица исчезла, говорят.

Сатанай, приняв свой человеческий облик, сказала:
— О гордый Ёрюзмек, какой у тебя бесславный конец!

Потом научила мужа, что делать:
— Когда вернешься [обратно], эмеген нальет в лоханку еду,—
сказала [она],—

80 А ты не ешь и опрокинь ее лапой,
Он начнет тебя бить, а ты завой, заскули.

И тогда его жена скажет: «Оставь беднягу, ведь он все-таки
человечий сын, злится, наверное».
И затем к тебе обратится: «Зайди в дом и ложись под кроватью!»

Когда они заснут, ты дотронься до войлочной плети на спинке кровати
85 И при этом скажи: «Великий Тейри! Сделай меня прежним
Ёрюзмеком!»

А как дальше поступать, сам догадаешься.

Ёрюзмек сделал все, как велела Сатанай, говорят,
И опять стал прежним Ёрюзмеком, говорят.

Потом ударил войлочной плетью эмегена, говорят,
90 Сказав: «Великий Тейри! Сделай его огромным меринном!»

Могучий эмеген заржал и превратился в мерина, говорят.
Так Ёрюзмек ему за все отомстил, говорят.

25. КАК ЁРЮЗМЕК ПОБЫВАЛ НА ТОЕ НАРТОВ • И НА ТОЕ ШАЙТАНОВ

Жена Ёрюзмекса Сатанай была обур. На свете не было такого дела, о котором бы она не знала, не ведала.

Однажды Ёрюзмекса [нарты] пригласили на бузу. В те времена у нартов [вот что] было заведено [на пирах]: они привозили тридцать арб колючек и, свалив их в одну кучу, танцевали на ней босыми ногами. Нарты должны были танцевать до тех пор, пока колючки не сотрутся в пыль. Потом они привозили тридцать арб речных камней. Сложив их вместе, они танцевали на этой груде камней, пока все камни не уходили в землю. Эти [танцы-состязания] они устраивали для того, чтобы испытать, кто из юношей настоящий нарт.

Когда Ёрюзмек из своего двора наблюдал за этими нартскими играми, его жена Сатанай сказала:

— Ты сейчас отправишься туда, когда ты туда придешь, они захотят спить тебя. Поэтому, чтобы питье стекало наружу, тебе вот сюда надо вставить трубочку.— И с этими словами его жена вставила ему в горло трубочку, чтобы напитки, которые он будет пить, стекали вниз.— Смотри, даже если [под тобой] будут образовываться лужи — бузу не глотай! — [предупредила] она.

Когда Ёрюзмек пришел на той, все встали, сказав: «Ёрюзмек пришел!» Они приветливо встретили его и преподнесли ему чашу с бузой. А в те времена в их чашу для напитков помещалось столько [питья], сколько в наше ведро¹.

Ёрюзмек не дал там себя опить. Они все пили до рассвета, а потом начали танцевать. И танцевали до тех пор, пока не превратили колючки в пыль.

После того, как Ёрюзмек избавился от этого тоя, он должен был пойти еще на один той.

— Ты сегодня вечером должен непременно прийти [на наш] той,— велели ему нарты.

Его жена Сатанай так сказала:

— Если ты не пойдешь туда, куда тебя приглашают, [нарты] осудят тебя, перестанут уважать и не будут считаться с тобой. Отправляйся [на пир], не бойся!

Ёрюзмек сел на своего Колана и поехал. Он еще не доехал до места, [где проводили той], а ему повстречались фазтоны и [группа людей]. Это был большой той с богатыми угощениями, с [множеством] гармоник. Это был той шайтанов.

Ёрюзмек, увидев [участников тоя], сразу же понял, что это шайтаны.

— Ёрюзмек едет, Ёрюзмек едет, мы должны [в его честь] танцы устроить! — сказали участники тоя и окружили его. Когда они сказали: «Привяжите его коня», Ёрюзмек, помня совет жены², сказал: «Я сам привяжу своего коня!» — и сам привязал его. Потом он вошел в круг танцующих шайтанов и пустился в абезек³, подхватив их девушку-гармонистку.

Когда начало светать, [шайтаны] собрались уходить.

— Ёрюзмек, отпусти девушку! — попросили [они].

— Нет, я не отпущу ее, мне она очень понравилась. Я хочу жениться на ней, [поэтому] я повезу ее к себе домой! — ответил [он]. Все ушли, и с ним осталась только эта девушка. Девушка попросила:

— Отпусти меня, ты погубишь меня, если не отпустишь.— Потом она протянула ему [одну] шапку, сказав:

— Возьми эту шапку, где бы ты ее ни надел — тебя не увидят ни шайтаны, ни твои враги.

Отдав [Ёрюзмеку] шапку, она ушла.

Говорят, что после этого случая, [заимев шапку-невидимку], Ёрюзмек всегда и везде был непобедим.

26. ЁРЮЗМЕК И ДЖИННЫ

Нартов сын батыр Ёрюзмек, говорят,
Нартов сын Ёрюзмек, говорят.

Ёрюзмек был главой нартов, говорят,
Ёрюзмек был главой нартов, говорят.

- 5 Ёрюзмек в детстве много бед испытал, говорят,
Много бед испытал, говорят.

Ёрюзмек в дорогу отправился, говорят,
К Мал-Хушту он поехал, говорят.

- Он долго скакал, говорят,
10 И до высоких гор доскакал, говорят.

С высоких гор, ой, он посмотрел,
И в большой долине свет костров увидел, говорят.

— И поехать нельзя,
И не поехать нельзя,— сказал.—

- 15 Если поеду — голову потеряю,
Если не поеду — честь [нарта] потеряю,— сказал.—

[Ведь] я на правой лопатке кач имею,— сказал,—
Я [ведь] дал клятву не проезжать мимо
Вот таких неведомых мне мест,— сказал.

20 Он помчался, говорят,
И до этих костров доскакал, говорят,
В этой большой долине большой той увидел, говорят.

— Как это не завернул бы [сюда] тот, кого Ёрюзмеком зовут? —
сказали [джинны].
— Едет тот, кого Ёрюзмеком зовут! — сказали.

25 Его густые брови, словно курпей, говорят,
На нем волчья шуба внакидку, говорят.

— Привяжите коня Ёрюзмека! — сказали,
— Привяжем коня Ёрюзмека! — ответили.

— Я своего коня сам привяжу,— сказал [Ёрюзек],—
30 И сам выберу девушку, [с которой буду танцевать],— сказал.

Он сам привязал своего коня, говорят,
[И среди девушек] сам дочь падишаха джиннов нашел,
говорят.

В одной большой долине с ней остался, говорят,
С ней играл-смеялся, говорят.

35 Все там сели, и застолье началось, говорят,
[Потом] все песни пели, говорят.
После все в голлу¹ кружились, говорят,

После этого Ёрюзек пошел к своему коню, говорят,
Потуже затянул ему подпруги, говорят.

40 На коня он вскочил, говорят,
И к танцующим очень близко подъехал, говорят.

Схватив дочь падишаха, говорят,
На своего коня закинул и поскакал, говорят.

На своем коне ее в нартскую страну привез, говорят,
45 Постеснявшись везти ее домой, в лесной пещере [с ней] жил,
[говорят].

Обур Сатанай ведала про это, говорят,
Обернувшись белой оленухой, она в лес пришла, говорят.

Ёрюзек долго ее преследовал и устал, говорят,
Ему спать захотелось, на ногах он еле держался, говорят,
50 Он упал и уснул в темном лесу, говорят.

А обур Сатанай туда на арбе подъехала, говорят,
Положила его в арбу и увезла [с собой], говорят.

27. НАРТ ЁРЮЗМЕК И ШАЙТАНЫ

Однажды батыр Ёрюзмек
[В пути] свадьбу шайтанов встретил.

Их тамада Ёрюзмеку:
— Присоединяйся к нам,— сказал.

- 5 — Иди [к нам],— настаивали и остальные,
Подошли и Ёрюзмека под руки взяли.

— [Только] кривых слов не произноси¹,— сказали,
[Только] в стороне свою волчью шубу оставь²,— сказали.

- Ёрюзмек не догадался, что они шайтаны,
10 Он их кривых ног и рогов не заметил³.

Ёрюзмек с шайтанами пляшет:
Скажут: «Направо» — в правую сторону танцует,

Скажут: «Налево» — в левую сторону танцует.
А одна красивая девушка настойчиво предлагает:

«Возьми меня [в жены]».

- 15 — Я съезжу домой и вернусь,—
Сказал батыр Ёрюзмек.—

Что-нибудь придумаю, [чтобы жениться],—
Сказал батыр Ёрюзмек.

- Так сказав, он домой собрался.
20 Но шайтаны не хотели его отпускать,
Ёрюзмек же не хотел оставаться.

— Не спросив у своей жены, не могу [жениться],— сказал.
Поклявшись вернуться к рассвету, [домой поскакал].

- [А] женой Ёрюзмека обур Сатанай была.
25 Ёрюзмек, [домой] в полночь прискакав,
В двери постучался.

Жена Ёрюзмека, обур Сатанай,
Открыла двери быстро.
— Добро пожаловать, заходи в дом,— сказала [она].

- 30 А Ёрюзмек: «Я не стану заходить в дом,
Я должен срочно обратно вернуться»,— сказал.

Обур Сатанай ведала, в чем дело:
— Заходи в дом, перекусишь и поедешь,— настаивала [она].

- Ёрюзмек в дом зашел, поел,
35 А Сатанай беседу затеяла.

Когда же [он] наружу вышел,
Увидел, что уже рассвет наступил.

Ёрюзмек в поисках шайтанов
Всю округу обскакал.

- 40 Опечаленный, домой вернулся.
Не разговаривает [с Сатанай], на месте не сидит.
Потом так жене говорит:

— Забери с собой все, что хочешь, и уходи из моего дома,
[Из-за] тебя я такую красивую девушку упустил!

- 45 Обур Сатанай [на это] ответила: «Что ж, я уйду,
Пожелание я исполню твое.

Однако [давай] сядем вместе, покушаем, выпьем
[И] расстанемся по-хорошему».

- Сели они [за стол], ели-пили,
50 [Сатанай, напоив] Ёрюзмека, усыпила [его].

Когда Ёрюзмек заснул,
Она велела положить его в арбу
И поехала, забрав его с собой.

- В пути [Ёрюзмек] проснулся.
55 — Эй, подожди, обур Сатанай,
Куда везешь меня? — спросил он.

А обур Сатанай [ответила]:
— Что хочешь — возьми и уходи, — велел ты,

- А для меня нет ничего дороже тебя,
60 [Поэтому] я еду в свой дом, забрав тебя.

— [Что ж], ты победила, — сказал Ёрюзмек, —
Немедленно вернемся домой.

Теперь такой глупости я не допущу,
Такой ошибки я больше себе не прощу.

- 65 Тут же вернулись они к себе домой,
Не стали расходиться, мирно зажили.

28. КАК САТАНАЙ ОБМАНУЛА ЁРЮЗМЕКА

Тот, кого Ёрюзмеком звали, узденем был, говорят,
[Он] много трудностей испытал, говорят.

На нем волчья шуба нараспашку, говорят,
Его усы подобны курпею, говорят.

- 5 [Однажды] батыр Ёрюзмек на своем Колане, говорят,
Ехал по большой степи, говорят.
В этой большой степи он огни костров увидел, говорят.

— Я не знаю, чтобы здесь жили люди.
Подъеду-ка я туда

- 10 И узнаю, кто они такие,
Посмотрю, что они [там] делают,— сказал.
- Домчался Ёрюзмек до этих костров, говорят.
«Чтоб вам сгинуть! Оказывается, это кривоногие,
Я, [кажется], на той шайтанов попал»,— подумал он, говорят.
- 15 — Да будут удачными ваши дела, негодные!
— Спасибо, добро пожаловать, Ёрюзмек!
- На тебе желпегей¹, если его в стороне не оставишь,
Ты нас здесь не найдешь,— сказали [шайтаны].
- Чтоб вам, негодным, сгинуть! Что может [вам]
сделать волчья шуба? — сказав,
- 20 Сбросил с себя шубу и в круг танцующих вступил, говорят.
- «Направо» скажут — в правую сторону танцует, говорят,
«Налево» скажут — в левую сторону танцует, говорят.
- Ёрюзмек на празднике шайтанов веселится, говорят,
Ему их гармонистка приглянулась, говорят.
- 25 — Ну, а теперь та, которую ты выбрал,— твоя,—
сказали [шайтаны],—
Забирай ее с собой,— сказали.
- Я ничего не делаю, не посоветовавшись с Сатанай,
Съезжу [к ней] и вернусь, получив ее благословение,—
сказал [Ёрюзмек].
- [Хорошо], мы тебя будем ждать до рассвета,
- 30 Если не вернешься к этому времени — нас здесь не найдешь,—
сказали шайтаны.
- Ёрюзмек к обур Сатанай отправился, говорят.
Жена Ёрюзмека, куртка Сатанай, говорят,
Быстро двери ему открыла, говорят.
- Я в дом заходить не стану,— сказал [Ёрюзмек],—
- 35 Мне только надо у тебя что-то спросить, послушай меня.
- А обур Сатанай обо всем уже ведала, говорят,
Она заставила Ёрюзмека в дом войти, говорят.
- Чтобы обмануть его, обур Сатанай, говорят,
Создала за окном звездное небо, говорят.
- 40 А сама до рассвета, говорят,
Кормила и поила Ёрюзмека, развлекала [его], говорят.
- Ёрюзмек [удивлялся]: «Какая длинная ночь!»,
на окно поглядывал, говорят.
Когда же наружу вышел, увидел, что рассвет давно наступил, говорят.
- Опечалившись, [он] в дом вернулся, говорят,
45 Своей обур жене так сказал, говорят:

— Из-за тебя я такой красавицы лишился,— сказал,—
А теперь возьми с собой что хочешь и уходи в свой
[родительский] дом,— сказал.

— Хорошо, я уйду,— согласилась Сатанай,—
Однако позволь мне собрать родственников и друзей,
50 Я хочу уйти, получив их благословение,— сказала, говорят.

Сатанай много бузы и пива приготовила, говорят,
Всех нартских жителей собрала, говорят.

Во время угощения, говорят,
Она [напоила] и усыпила Ёрюзмека, говорят.

55 Потом [попросила] в арбу его положить, говорят,
И поехала, забрав его с собой, говорят.

В дороге он проснулся, говорят.
— Эй, куртха Сатанай, что это такое?
Ты куда меня везешь? — спросил удивленно, говорят.

60 — Ведь ты велел: «Возьми что хочешь и уходи!» —
А для меня нет ничего дороже тебя,
Вот я и еду, с собой забрав тебя,— ответила [Сатанай].

— Возвращайся, возвращайся, победа твоя,— сказал Ёрюзмок,—
Я же больше не допущу глупости такой.

29. ЁРЮЗМЕК НА ТОЕ ШАЙТАНОВ

В стране нартов есть пять батыров,
Ори, орада!

А один из них — всем батырам батыр!
Ори, орада!

В пути они огни костров увидели.
Ори, орада!

— Поехали бы, [но ведь там] нет аула,
Ори, орада!

5 Завернули бы, [но ведь там] и коша нет.
Ори, орада!

Чтобы поехать туда,
Ори, орада!

Ёрюзмок, отважнее тебя нет.
Ори, орада!

[И] туда поскакал Ёрюзмок,
Ори, орада!

У него подзорная труба была.
Ори, орада!

10 Взял и в нее посмотрел:
Ори, орада!

«Оказывается, это кривоногие!»
Ори, орада!

К ним приблизился.
Ори, орада!

- Ой, ужас, ужас, Ёрюзмек,
Ори, орада!
Только без желпегея подходи ² [к нам], маржа *,
Ори, орада!
- 15 — А что это такое — желпегей?
Ори, орада!
Но они не решаются ответить,
Ори, орада!
[Наконец] один из них [отважился] и сказал:
Ори, орада!
— Шуба, что на тебе!
Ори, орада!
— Да чтоб вы пропали, негодные!
Ори, орада!
- 20 Что вам сделает волчья шкура?
Ори, орада!
[При этих словах] еще дальше отскочили [шайтаны].
Ори, орада!
[И тогда] шубу сбросил Ёрюзмек,
Ори, орада!
[К ним] присоединился Ёрюзмек.
Ори, орада!
— Отец твой был нашим верным другом,
Ори, орада!
- 25 Тебя тоже [нашим] другом признаем,
Ори, орада!
Если [наша] девушка нужна, дадим.
Ори, орада!
Пляшет [с шайтанами] Ёрюзмек.
Ори, орада!
Когда с одной из их девушек,
Ори, орада!
Танцевал [он],
Ори, орада!
- 30 Начало светать.
Ори, орада!
— Отпусти [ее], Ёрюзмек,— попросили [шайтаны].
Ори, орада!
Но он ее не отпускает.
Ори, орада!
Много красивых вещей ему показали.
Ори, орада!
— Все это золото тебе отдадим.
Ори, орада!
- 35 Только отпусти теперь девушку,— [умоляют].
Ори, орада!
[Но] не отпускает [ее] Ёрюзмек.
Ори, орада!
[Когда] рассвело, солнце взошло,
Ори, орада!
Он стал слышать только их голоса,
Ори, орада!
Самих же [шайтанов] не видит Ёрюзмек ³,
Ори, орада!

30. ЁРЮЗМЕК И ШАЙТАНЫ

- Бий нартов — нарт Ёрюзмек,
Ори-ори-рау!
Беззубый, старый Ёрюзмек,
Ори-ори-рау!
Ёрюзмек был узденем,
Ори-ори-рау!
Пояс у него был из меди,
Ори-ори-рау!
- 5 Штаны у него были из бязи,
Ори-ори-рау!
Ёрюзмек в одну темную ночь
[Сел на коня и] отправился в путь,
Ори-ори-рау!
Вдали увидел огонь,
Ори-ори-рау!
Направился к этому огню,
Ори-ори-рау!
- 10 Рыжий, со спиной мышиного цвета конь Ёрюзмека,
Ори-ори-рау!
Навострив уши, остановился,
Ори-ори-рау!
«Ах, негодный конь!» — сказав,
Сильно ударил его по бокам,
Ори-ори-рау!
Подъехал и увидел танцующих в кругу
- 15 На большом тое,
Ори-ори-рау!
— Ёрюзмек едет, Ёрюзмек едет! -- сказали [они],—
Ори-ори-рау! —
Откуда ты появился, нартский бий, нарт Ёрюзмек?
Подбежали к нему, помогли спешиться,
Ори-ори-рау!
Повели и привязали [его коня] к коновязи,
Ори-ори-рау!
- 20 — Проходи, проходи, проходи, будь гостем,— сказали,
Пригласили его танцевать,
Ори-ори-рау!
По обеим сторонам поставили двух красавиц,
Ори-ори-рау!
«Направо, направо!» скажут — он двигается вправо,
Ори-ори-рау!
«Налево, налево!» скажут — он двигается влево,
Ори-ори-рау!
- 25 После этого Ёрюзмека усадили,
Ори-ори-рау!
Вытащили из казана горячее мясо, положили перед ним,
Ори-ори-рау!
Только старый Ёрюзмек протянул руку и сказал «Бисмилля»*,
[Как] собравшийся народ исчез,
Ори-ори-рау!
Стоявшее перед ним горячее мясо превратилось в конский навоз,
Ори-ори-рау!
- 30 Железная коновязь, к которой был привязан его конь,
стала высохшим [старым] стеблем.
Ори-ори-рау!

ОРЮЗМЕК ¹

Однажды Орюзбек сделал набег на плоскость, к ногайцам. Там он отбил небольшой табун лошадей и гнал его домой. На ночь он сделал из хворосту баз, куда загнал лошадей на ночлег. Не успел он сам расположиться для отдыха поблизости этого база, как невдалеке заметил костер. Пошел он на свет костра. Здесь он увидел пляшущих чертей. Тогда он обнажает шашку и вступает в бой с нечистой силой. Он рубит направо и налево. Черти исчезают. Одержав таким образом победу, торжествующий Орюзбек возвратился к своему импровизированному ложу. Не успел он прилечь, как опять заметил пляшущих чертей вокруг костра. Тогда он подумал, что саблей чертей не изведешь, а надо придумать другие способы. Приблизившись к чертовской вакханалии, он был поражен красотой чертовок. Не долго думая, Орюзбек берет за руки двух чертовок, на́чинает с ними плясать и, увлекшись любовным соблазном преисподних красавиц, стал их прижимать к своей груди и целовать. Заметили это черти и предложили Орюзмеку жениться на одной из них, уверяя его, что она будет ему верна и будет жить в дружбе с его женой Сатанай.

Орюзбек с большим удовольствием согласился на предложение чертей и спросил их, что они возьмут в калым. Черти ответили, что в калым они возьмут три головы: первую — что под ним ходит (лошадь), вторую — что на голову надевают (шлем) и третью — что сбоку привешивается (сабля). Смекнул Орюзбек, что черти хотят его обезоружить и обессилить, чтобы легче закабалить его. Тогда он пускается на хитрость.

«Я согласен на ваше предложение, — говорит Орюзбек, — но дело вот в чем: на шлеме у меня изображение моего патрона, а дома у меня есть повелительница; без их совета я ничего не делаю, поэтому я должен поехать домой за советом; вы же скажите, где я вас найду?» — «Покуда роса не высохнет, мы здесь будем, а потом мы исчезнем, и нас не найдешь». Так ответили черти. Орюзбек, надеясь на быстроту коня, тотчас же прискакал домой.

Между тем жена Орюзбека, колдунья Сатанай ², уже все знала о приключениях его и решила принять меры, чтобы отвратить Орюзбека от облюбованной им чертовки. Ночью прискакал Орюзбек и, полагая, что дверь сакли затворена засовом, стал стучать в окно, чтобы Сатанай его впустила. «Что за нахал в таком пору ночи стучится? Как будто любовник к своей любовнице. Если хочешь войти, то на то есть дверь». Орюзбек вошел в саклю, и так как он был очень голоден, то Сатанай сытно накормила и напоила его; под влиянием этой сытости и усталости Орюзбек заснул. Тогда Сатанай напустила на него иллюзию, которая заключалась в том, что, как только просыпался Орюзбек, он видел на небе яркие звезды и думал, что, стало быть, еще ночь и к чертям успеет, а потому вновь засыпал. Когда же иллюзия была снята, Орюзбек увидел, что уже давно настал день, и о чертях нечего помышлять. Он страшно рассердился на свою колдунью-жену и от нее ушел бродить по белу свету.

Однажды в кузнице собрался праздный народ и рассуждал о причинах исчезновения Орюзбека. При этом говорили: неужели не найдется такой молодец, который бы снискал ласки Сатанай? Кузнец Улауган Дебетов стал хвастаться, что стоит ему только захотеть — и он будет иметь успех у этой колдуньи. Слушатели выразили сомнение. Тогда кузнец показал гостям фокус: он бросил сделанные им три складных ножичка, и они превратились в трех прекрасных юношей; затем этих юношей он опять превратил в ножи, которые положил к себе в карман.

«Итак, при помощи этих ножей я добыю от Сатанай всего, что мне будет угодно», — сказал кузнец.

Сказано — сделано. Улучив время, кузнец отправился в дом Сатанай. Она приняла его учтиво и хорошо угостила. Кузнец вынул из кармана три ножа,

раскрыл их и бросил; они превратились в красивых молодых людей, которые стали услуживать Сатанай. Сразу влюбившись в юношей, Сатанай стала просить кузнеца уступить их ей, взамен чего обещала дать ему драгоценные вещи. «Никаких драгоценных вещей мне не надо, я желаю твоих ласк, и если согласишься на это, то мои три молодца навсегда будут твоими». Сатанай согласилась, заранее задумав обмануть кузнеца.

У Сатанай была служанка. Сатанай-колдунья придала ей свой образ и приказала ей угождать кузнецу. Пришел кузнец, его встретила служанка в одеждах и в образе Сатанай. Милуясь с нею, кузнец как-то отплюнулся, и плевков его попал на стену; а известно, что у кузнецов все черно, поэтому попавший в стену плевков оставил черное пятно, которое не могло быть выведено никакими средствами.

Долго ли, коротко ли, Орюзмеку наконец надоело скитаться по белому свету. Он вернулся домой. Но и на этот раз ему не пришлось долго оставаться дома. Заприметив на стене спальни черное пятно, он заподозрил, что у жены-колдуньи есть любовник. Пошли опять упреки и ссоры, и в конце концов Орюзмек вновь покидает дом и жену для скитания в чужих странах.

Проходит некоторое время, и вдруг Сатанай получает от Орюзмека послание, в котором он просит сто однорогих быков и 400 кочкарей³. Сатанай догадалась, что Орюзмек требует войска. Она послала.

С этим войском Орюзмек отбил много добра в чужих странах, и с этим добром он вернулся домой и мирно зажил с колдуньей-женой.

Приложение 7

КНЯГИНЯ САТАНАЙ

Жили на свете два нарта — Сосрука и Доуат. Никогда они друг друга не видели, но много слышали о подвигах каждого. Однажды на охоте в лесу они встретились и были очень рады, что познакомились; устроили они себе из кож оленьих палатку и стали жить вместе, охотиться в окрестных лесах. Как-то Доуат завел речь о женщинах, говорил, что каждую женщину, как бы она честна ни была, можно соблазнить.

— Ты ошибаешься, Доуат,— сказал Сосрука,— правда, у всех женщин головы похожи на комья снега, облепившего весной бурьян, и верно, что против такого красавца, как ты, женщине трудно устоять. Но есть на свете только одна женщина; она умнее всех женщин, ее никто не сумеет соблазнить. Эта женщина — Сатанай-бийче, моя жена.

— Давай побьемся об заклад, что соблазню твою жену,— сказал Доуат.

— Хорошо,— сказал Сосрука,— я закладываю 9 дворов.

— А я 40 телушек и белого жеребца с золотистым хвостом.

Сосрука остался охотиться, а Доуат поехал в замок Сосрука.

Услышала княгиня — кто-то подъехал к замку; выбежала на двор, видит красавца Доуата.

— Я тебя принять не могу: нарт-бия¹ нет дома.

— Я это знаю,— сказал Доуат,— потому что я приехал прямо от него. А приехал я соблазнить тебя: мы с мужем твоим заклад заложили.

— Хорошо,— сказала Сатанай-бийче,— ты очень красив и мне нравишься. Но так стоять нам вдвоем зазорно: сейчас полдень, и нас могут заметить: обо мне разойдется дурная слава. Дождемся вечера, а пока побудь в кунацкой.

Просит Доуат зарезать ему барана на шашлык.

— Мы бы зарезали тебе барана,— велела сказать Доуату Сатанай-бийче,— да нарт-бия дома нет: некому зарезать.

Доуат сказал: «Мне не нужно мужчины, пришлите только годовалого барашка: сам зарежу».

Сатанай-бийче послала барана, а сама стала смотреть в щелку, что будет делать Доуат. Нарт вынул нож, бросил его об землю — явились два прислужника: один зарезал барана, другой шкуру содрал. Доуат ходил по кунацкой и казался таким высоким и красивым, что княгиня Сатанай вздохнула и сказала: «Нарт красив; всякая женщина полюбила бы его, а я не поддамся». Послала она к нему верную девушку сказать, чтобы ждал ее поздно вечером. Девушку эту она раздела, посадила в корыто, чисто-начисто вымыла, нарядила в свои драгоценные одежды. Когда стемнело, она опять послала ее к нарту, наказав исполнять все, что он ни прикажет. До рассвета пробыла девушка с нартом. Когда стало светать, она поднялась.

— Подожди, — сказал Доуат, — надо положить мне на тебя метку.

Взял он самоцветный, сам собою раскалявшийся камень и прижег ей ногу, затавил ее своим тавром: он считал ее за жену нарт-бия Сосруки.

Вернулся тогда Доуат к Сосруке в кош и сказал ему: «Постигло тебя горе великое, срам великий пал на твою голову: доселе непобедимый, опозорен ты навеки. Я соблазнил твою жену! Подавай теперь мои 9 дворов».

— Подожди еще, не спеши требовать, — сказал Сосрука, — надо доказательств.

Вернулся он домой; сам чернее ночи, не ест, не пьет, не говорит и не смотрит на жену, словно ее нет в доме. Ходил он будто мертвый. Ждала жена, когда же заговорит с ней нарт-бий — не дождалась; подошла к нему и стала спрашивать:

— Что ты так печален, муж мой? Десяносто лет мы прожили вместе с тобою в добром мире, а теперь ты гневаешься за что-то на меня.

— Кого только Доуат проклятый не обманывал! Нет! Не обмануть ему только моей жены, — думал я, — а ты поддалась ему!

— Не верь всякому, кто про меня дурное скажет. Впрочем, не смею я спорить с тобою, с князем нартов.

Опять Сосрука сказал: «Уйди с глаз долой: не могу тебя я видеть».

— Хорошо, — ласково отвечала княгиня Сатанай, — я скроюсь в тени, я уйду в места, где меня никто не увидит. Только позволь мне в последний раз напоить и накормить тебя из своих рук. После этого я скроюсь.

Он согласился. Она накормила его вкусными яствами, напоила его пьяными напитками: нарт-бий захмелел и уснул. Княгиня Сатанай собрала все свое добро и скрылась, ушла из замка со всею своею прислугою; внизу она переменяла свой костюм на мужской. Поселилась же она невдалеке от замка. Долго спал Сосрука. Наконец проснулся он и удивился: никого в замке не осталось, все ушли за княгиней. Вышел он на двор, видит — бежит марал; бросился он за ружьем — нет ружья. Взбежал он на чердак высокий, надел там лук без тетивы. Натянул вместо тетивы ремень, наложил стрелу и выстрелил: марал был ранен, но продолжал бежать. Бросился нарт вниз с чердака, побежал за маралом, а тот бежит-бежит да и споткнется; наконец, упал марал — издыхает, а нечем его прирезать: нет ножа у Сосруки. Огляделся он, видит: стоит женщина-хаджи *.

— Я тебе дам нож, — сказала хаджи, — только поклянись наперед, что исполнишь, о чем бы я тебя ни попросила.

Тогда Сосрука поклялся исполнить все, о чем бы хаджи его ни попросила. Хаджи дала ему тогда нож, и Сосрука прирезал марала.

— Чего ж ты желаешь от меня? — спросил тогда Сосрука.

— Я хочу, чтобы ты спал со мною.

Тогда нарт-бий удивился и сказал:

— Как это возможно: ведь ты духовное лицо, а я мужчина! Как тебе не совестно!

— Ты клялся, я требую!

— Нечего делать. Если ты требуешь, я должен исполнить свою клятву.

Тогда она приказала ему набросить на голову покрывало и так простоять несколько времени, а сама все с себя сняла и надела драгоценную княжескую одежду и сделалась Сатанай-бийче. Стоял-стоял Сосрука — надоело. Снял покрывало — видит: сидит перед ним княгиня Сатанай и смеется.

Сосрука удивился очень и сказал:

— Я, верно, с ума сошел.

Сатанай-бийче сказала:

— О муж мой, князь нартов! Как ты мог не поверить мне и так на меня рассердиться, что прогнал меня?! А сам ты что хотел сейчас сделать? Ты не поверил мне, что я не уступила коварному Доуату; поэтому пойдем домой, я тебе приведу прислужницу, которая была с ним и которую он затаврил.

Сосрука при всех осмотрел девушку и увидел на ноге у нее выжженное тавро Доуата. Позвал тогда он его к себе, осрамил при всех и взял с него заклад — 40 телушек и жеребца с золотистым хвостом. Так непобедимого нарта одурачила слабая женщина, двух богатырей победила хитроумная княгиня.

Приложение 8

СМЕРТЬ ОРЮЗМЕКА

Жил на свете пастух; до пояса он был человек, как и все, а ниже пояса был сотворен из свинца. Ему было предсказано, что он умрет, когда женится: свинцовая часть его тела тогда должна растопиться. Поэтому он тщательно избегал женщин: никогда не ходил по большим дорогам, выбирал все проселочные; ходил ночью, нигде не останавливался, не спал, даже не ложился. Жила недалеко от его аула красавица Шаулук Инджи. Она все не выходила замуж, так что в ауле стали говорить: «Орюзбек не женится, пока арукыз⁽¹⁾ (красавица) не выйдет замуж». А не выходила арукыз замуж еще и потому, что желала обладать несметными богатствами Орюзмека. Хотела она обмануть нарта, ибо была волшебница. Отправился однажды Орюзбек в путь-дорогу. Застала его вьюга, тьма покрыла свет. Заметает нарта; приходится умирать. Видит он: блестит огонек. «Все равно замерзну,— подумал Орюзбек,— изменю своему закону — зайду в дом и обогреюсь». Вошел он в приемную; там его ждали прислужники, а в кунацкой его встретили гости. Это был дом волшебницы-арукыз. Сама она не показывалась. Угощали Орюзмека, напоили допьяна, повели в спальню и уложили спать. В полночь он проснулся: почувствовал он, что лежит с ним женщина, она обнимала его. Испугался Орюзбек — отвернулся; женщина на другую сторону перепрыгнула и жметя к нему, целует его. Орюзбек опять отвернулся — она опять перепрыгнула. Сколько он ни бился — она не отставала. Замучила его — соблазнила. Растопилась нижняя часть тела Орюзмека, и в ту же ночь он там и умер, а волшебница-арукыз объявила себя его женою и стала всеми его стадами владеть.

III. СОСУРУК/СОСУРКА

31. САТАНАЙ И СОЗУК

На солнечном берегу большого Адила,¹
В красивой долине, говорят,

Ой, нартский пастух Созук, говорят,
Ой, нартский пастух Созук, говорят.

- 5 На солнечном берегу большого Адила, говорят,
Он пас пестроголовых баранов,

Он пас пестроголовых баранов.
Когда он, присев на белый камень, смотрел, говорят,

- 10 Красавицу Сатанай на другом берегу увидел, говорят,
Красавицу Сатанай на другом берегу увидел, говорят.

Ой, от вожделения чуть не умер, говорят,
Ой, от вожделения чуть не умер, говорят.

На солнечном берегу большого Адила, говорят,
На солнечном берегу большого Адила, говорят.

- 15 Семя Созука, как стрела, полетело, говорят,
И в камень состар², на котором Сатанай сидела, попало, говорят,
И в камень состар, на котором Сатанай сидела, попало, говорят.

А старый Созук так ей крикнул, говорят:

- Эй, бийче, этот камень состар возьми с собой! — сказал,
20 Этот камень состар возьми с собой! — сказал.

Сатанай-бийче сделала, как велел старый пастух, говорят,
Этот камень состар унесла она домой, говорят,
Этот камень состар унесла она домой, говорят.

- Этот камень [начал] звуки издавать, шевелиться, говорят,
25 И сердце бездетной Сатанай наполнилось счастьем, говорят,
И сердце бездетной Сатанай наполнилось счастьем, говорят.

Девять месяцев камень был беременным, говорят,
[Потом] камень раскололся и из него Сосурук родился, говорят,
[Потом] камень раскололся и из него Сосурук родился, говорят.

Судя по рассказам, дошедшим до нас от наших предков, нарты жили на берегах Кырк-суу * между Минги тау и Терк тау *. Они не ведали, что такое страх, и не боялись смерти. Того, кто умирал в битве с врагом, они считали родственником Тейри. [Верили], что Тейри Земли делает [так, чтобы] в его могиле зимой не было холодно, летом — жарко и там было светло. Могилу [геройски] погибшего нарты не забывали. Каждая нартская семья выделяла его долю от зарезанного животного и относила ее на его могилу. В течение же первых пяти лет [после его смерти] в хычауман ай² около его могилы резали жеребца и, разложив костер, варили мясо. Съев его мясо, танцевали, кружась вокруг могилы. [У этой могилы] клялись именами Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня быть смелыми и не отступать перед врагом.

[Вот в эти] времена нартов на берегу Эдиля стояла одна из их крепостей. Там жила женщина по имени Кырс-бийче, у которой [нарты] набирались мудрости³. С ней вместе жила девушка по имени Кюн-бийче, которая помогала ей по хозяйству. Эта девушка, взяв высокий кувшин, по утрам и вечерам ходила за водой.

Однажды под вечер, когда она пошла за водой, она увидела на другом берегу реки нартского пастуха, пасшего овец. Пастух тоже увидел Кюн-бийче. Кюн-бийче, поймав на себе пристальный взгляд пастуха, побежала и спряталась за большим камнем состар.

В ту же минуту семя пастуха полетело и попало в [этот] камень,
И в камне жизнь зародилась.
[Когда] Кюн-бийче, припозднившись, растрепанная,
Вернулась в крепость с водой,

Кырс-бийче спросила ее:

— Где ты ходила [до сих пор]? Почему растрепана ты? Что случилось?

И тогда Кюн-бийче рассказала все, что случилось с ней на берегу реки.

Кырс-бийче, у которой не было детей, тут же послала своих людей, и они принесли камень в ее крепость.

Камень [она велела] в темную, холодную комнату положить,
Девять месяцев и девять дней [она] ждала.
Камень постепенно увеличивался.

5 Когда же прошло девять месяцев и девять дней,
Он раскололся, и оттуда появился мальчик.

Кырс-бийче подстерегла [этот момент] и его приемной
матерью стала.

Отрезая его пуповину⁴, она так молила Тейри Неба, Тейри Земли,
Тейри Воды и Тейри Огня:

— Сделайте его настоящим нартом, пусть его не берут ни меч,
ни стрела⁵,

Пусть всегда побеждает он своих врагов!

Набрав воды из родников семи гор, прополоскала рот [малыша] и сказала: «[Когда вырастешь], охраняй нартов, живущих на склонах этих семи гор. Эти семь гор — твои матери, я прополоскала их молоком твой рот. Они будут во всем помогать тебе. Я прошу их покровительствовать тебе!»⁶

Сосурук родился из камня состар, улыбаясь,
Его брови [были изогнуты], как серпы, глаза, как утренняя звезда,
блестели.

- Его тогда сын Состара звали,
А имя это тогда вся Нарта, собравшись, ему дала.
5 Потом, со временем, [его] Сосуруком ⁷ стали называть.
Сосурук за девять дней выросстал настолько, [насколько другие
дети вырастают] за девять месяцев.
[Он был так силен], что плел плетни из железных ломов.
Из железных листов чабыры * сделал, надевал.
Он был умнее и сильнее других нартов.

33. СЫН СОЗУКА

Сосурук так родился. Его отца звали Созук. Этот Созук был придурковатым. Он брал угли и говорил, что это его бараны. [Разбросав угли] у каменной ограды, он делал вид, что пасет баранов.

Когда пошли и спросили у знахарей о нем, те ответили:

— Дайте ему семь старых баранов, одно нестреляющее ружье, одну нелающую собаку и сырые дрова и поселите его на распутье семи дорог.

Повезли его к распутью семи дорог и построили там хлев длиной в семь саженей. Дали ему семь старых баранов, нестреляющее ружье, нелающую собаку, сырые дрова и уехали.

Говорят, что, после того как он поселился там, все дела пошли у него на лад и он начал богатеть. У него там стало тысяча баранов.

Созук себе и двух собак [завел]. Одну звали Жетер ¹, другую — Тутар ². Созук очень хорошо играл на свирели. Он [иногда] развлекался тем, что, когда он играл на свирели, его собаки начинали танцевать: его собака по кличке Жетер танцевала за юношу, а его собака по кличке Тутар танцевала за девушку.

[Однажды] он пошел к берегу большой реки и увидел на ее противоположном берегу одну прекрасную женщину по имени обур Сатанай, которая занималась стиркой. Он не мог переправиться на другой берег и, сгорая от страсти, любовался ее красотой. Созук уже был в преклонном возрасте, но с женщинами у него никогда не было никакого общения. Говорят, что у того места, [где стирала] Сатанай, был большой камень. Как-то получилось так, что, несмотря на то что Созук был на другом берегу, камень от него забеременел.

Сатанай знала об этом, и, когда подошло время [камню] рожать, она привела с собой мастеров, захватив нужные инструменты. Когда мастера, обтесав камень, утончили его, она отправила их по домам и сама вынула из камня состар ребенка. Его Сосуруком потому и назвали, что он родился из камня состар. Этого мальчика Сатанай воспитала втайне от Ёрюзмека. А познакомила [их] потом, когда [Сосурук] стал большим.

34. КАК НАРТЫ НАШЛИ СОСУРУКА

Однажды, когда нарты возвращались из похода, на островке одной могучей реки [они] увидели маленького мальчика: на глазах нартов раскололся большой камень состар и этот мальчик появился из него.

Нарты остановились на этом месте, чтобы дать отдых коням. [Они] стали препираться друг с другом: «Ты поплыви к острову за мальчиком». — «Нет, ты». Наконец один из нартов решился [поплыть]. Его звали Ёрюзмеком. Привязали к поясу Ёрюзмека аркан и спустили [его] в реку.

Ёрюзбек доплыл до острова, снял аркан с пояса, привязал его к камню, а сам пошел к месту, где находился мальчик. Подошел он и увидел богатыря-младенца.

Ёрюзбек протянул мальчику указательный палец. Мальчик [тут же] схватил его палец. Ёрюзбек пытался вытащить свой палец, но никак не мог, и, чтобы освободиться от мальчика, [он так дернул руку], что вывихнул [палец]. [Ёрюзбек] вправил свой палец и доставил мальчика с острова к нартам.

Через месяц нарты доехали до своего аула. Весть о мальчике разошлась по всей нартской стране. Собрались [все] мудрые старики нартов и нарекли этого мальчика Сосуруком.

Кто знает, почему они так назвали [его]? Может потому, как говорил отец моего отца, что мальчик вышел из камня состар¹, а может, [это имя] имеет другое значение?²

Позвали мать Ёрюзмека, чтобы она дала [ему свою] грудь.

И с этого дня [Сосурука] стали считать младшим братом Ёрюзмека³. А его самого стали называть не [просто] Сосурук, а Нарт Сосурук.

Прошли годы. Нарт Сосурук вырос и начал участвовать в делах могучих нартов. Однажды [все] нартские аулы вышли на борьбу с эмегенами, которые всячески вредили нартам. В этом походе Нарт Сосурук показал себя как настоящий батыр.

Приложение I

СОСУРУКО¹

Жил некогда пастух по имени Соджук. Вот однажды он пас баранов на берегу реки Эдила и увидел на противоположной стороне прекрасную княгиню вещую Сатаной, которая мыла белье. Соджук прислонился к одному камню и любовался на ее ослепительно белые руки и соблазнился ее красотой. Вот на камне, к которому он прислонился, появился зародыш младенца. Вещая Сатаной и сама почувствовала это и была очень обрадована, потому что была бездетна. С величайшей заботой она начала высчитывать срок, когда ребенка можно будет вынуть из камня.

В течение этого времени Сатаной заказала кузнецу Деуету шестьдесят молотов. Когда наступил последний день срока, она, пригласив с собой шестьдесят молодых людей и захватив множество напитков, пошла к известному ей камню, на котором уже образовался большой нарост. Молодые люди немедленно принялись за дело: с большой осторожностью они обтесали нарост со всех сторон. Когда же Сатаной увидела, что остается очень тонкая оболочка, то во время отдыха напоила всех молодых людей, вследствие чего они скоро все заснули; затем она осторожно обтесала оставшуюся оболочку и без особого труда вынула ребенка с хохлом на голове наподобие гребня и ногами тонкими, как вертел. Сатаной отдала его на воспитание джиннам, которые закалили все его тело как сталь, исключая двух колен. Так рос ребенок по имени Сосуруко у духов, которые каждую ночь приносили его Сатаной, чтобы она видела его. Это продолжалось до тех пор, пока он не сделался большим.

35. КАК СОСУРУК ДОБЫЛ ОГОНЬ ДЛЯ НАРТОВ

В древние времена нарты зажигали огонь так: они вырывали с корнем огромное сухое дерево и поджигали его, поднеся к солнцу, или разводили костер, сбив стрелой с неба звезду.

Вот в те времена, в одну из суровых зим, все мужчины страны нартов отправились в поход.

Узнав, что в [стране] нартов остались только беспомощные старики, женщины и дети, эмегены напали на нартские аулы. Съев много людей и животных, они разрушили жилища [нартов] и ушли, потушив их очаги.

Когда нартские батыры вернулись из похода, они увидели, что в стране нартов нет огня и что оставшиеся в живых нарты умирают от холода.

Эмегены знали, что у нартов не осталось огня. И чтобы нарты не развели огонь от солнца или звезды, они своим жел кёрюком* подняли такой буран, что, казалось, он сметет [с лица земли] страну нартов.

И тогда нарты собрались на совет.

— У нас нет другого выхода, как украсть у эмегенов огонь,— сказала Сата-най-бийче,— а это, кроме юного Сосурука, никто не сможет сделать.

И тогда нарты Сосурук отправился в дорогу. Когда он доскакал до Куфских гор*, где жили эмегены, увидел дым, который валил из пещеры, где жил один из них.

Сосурук без страха въехал в эту пещеру эмегена. Въехал и увидел эмегена, который спал, свернувшись вокруг большого костра. Сосурук решил украсть огонь, не разбудив эмегена. Но когда Сосурук выхватил из костра [горящую] головню и хотел выскочить [наружу], с головни упал уголек и попал в единственный глаз эмегена. Эмеген проснулся и схватил Сосурука и его коня.

— Кто ты, что тут делаешь? — спросил он.

— Я из страны нартов, за огнем пришел,— ответил Сосурук.

— А ты знаешь нарта Сосурука? — спросил эмеген.

— Знаю,— ответил Сосурук.

— А игры его знаешь? — спросил эмеген.

— Конечно, знаю,— ответил Сосурук.

— Ну, тогда научи меня его играм.

Тогда Сосурук решил убить эмегена и так добыть огонь [для нартов].

Сосурук сказал эмегену:

— Дай мне большой лом. [Потом] встань под скалой и отбивай головой камни, которые я обрушу на тебя со скалы. Вот это и будет одной из игр Сосурука.

Сосурук взял железный лом, поднялся на скалу и стал сбрасывать оттуда вниз огромные камни. Эмеген же, [стоя внизу], все эти камни отбивал головой [с такой силой], что они перелетали через скалу. Это даже испугало Сосурука.

Сосурук, поняв, что так он не осилит [эмегена], придумал другую игру и сказал:

— Вторая игра — замораживание озера.

Эмеген залез в озеро. По мольбе Сосурука Тейри заморозил озеро так крепко, что эмеген не смог разломать его [лед]. Когда Сосурук понял, что эмеген не сможет оттуда выбраться, он спросил:

— Ну что, отрубить тебе голову? Нарт Сосурук — это я.

Эмеген ответил:

— Да еще когда ты, взяв у меня железный лом, поднимался на вершину скалы, чтобы обрушить на меня камни, я, глядя тебе вслед, заподозрил, что ты — Сосурук. Потому что я слышал, что у тебя ноги ниже колен кривые. Твой меч не возьмет мою говорящую голову. Пойди в мою пещеру, возьми мой меч, принеси и отруби ее им.

Сосурук вошел в пещеру эмегена и увидел его меч. «А может, [в этом мече] заключено какое-нибудь коварство [эмегена]?» — подумал Сосурук и не стал брать меч в руки, а дотронулся до него палкой. В ту же секунду меч, громко звякнув, отскочил и, перерубив железный опорный столб, упал на землю.

Тогда Сосурук взял меч в руки, пошел и снес эмегену голову.

Эмеген, перед тем как Сосурук отрубил ему голову, сказал:

— Ну, теперь ты, конечно, убьешь меня. Однако после того как снесешь мою голову, вытащи мой спинной мозг — он тебе пригодится везде и во всех твоих делах.

Сосурук вытащил спинной мозг [эмегена], но, подумав: «Зачем он мне это посоветовал? Может, это тоже очередное его коварство?», повесил [его] на ветку огромного дерева. Этот спинной мозг обвился вокруг дерева и, как меч, перерезал его. Конечно же, эмеген, зная об этом, хотел погубить Сосурука¹.

Сосурук, завладев пещерой эмегена, взял огонь, принес его в страну нартов и спас замерзающих нартов от смерти.

Через несколько дней он вместе с четырьмя нартами поехал в пещеру эмегена, забрал все его богатства и привез их нартам.

Нарты устроили большой той, на котором Сосуруку преподнесли чашу героя — Агуну² и в честь него стали петь эту песню:

Ойра, ойра, нартов сын Сосурук!
Ойра, ойра, нартский герой Сосурук!

Эмегена перехитрил и отнял у него огонь Сосурук,
Аулы нартов от бед спасает Сосурук.

5 Ойра, ойра, нартов сын Сосурук!
Ойра, ойра, нартский герой Сосурук!

Страну нартов без огня не оставил Сосурук!
Среди нартов самый отважный Сосурук.

Ойра, ойра, нартов сын Сосурук!
10 Ойра, ойра, нартский герой Сосурук!

Огонь принес и нартские аулы согрел Сосурук,
Нартские аулы от многих бед спас Сосурук.

Ойра, ойра, нартов сын Сосурук!
Ойра, ойра, нартский герой Сосурук!

36. СОСУРУК И ЭМЕГЕН

Нартские богатыри в поход вышли,
Они в дороге без огня, без тута остались.

И Сосурук в том отряде был.
— Огня добуду [и] вернусь! — сказал [он и] ускакал.

5 В [пути в] одной пещере свет заметил,
[Подъехав], спящего [в пещере] эмегена увидел.

Сидя на коне, потянулся за головней,
Искра [от нее] эмегену в глаз упала.

Сонный эмеген руку протянул,
10 Сосурука и его коня в руку взял.

Эмеген их в свой глаз закинул.
Как ни старался [Сосурук], оттуда выбраться не смог.

Деу эмеген, ничего не чувствуя, спит,
[Хотя] из его глаза искры сыплются.

15 Через некоторое время он проснулся [и] встал,
Всадника, что в глазу, вытащил.

[Эмеген] удивился: «Кто ты, откуда взялся?
И как ты попал в мой глаз?»

— Мы нарты,— сказал [Сосурук],— в путь отправились.
20 [В дороге] без огня остались, я огня взять приехал.

А ты схватил [меня] и в глаз положил
[И], пока не проснулся, в плену держал.

— Есть [ли] у вас [нарт] по имени Сосурук?
Знаешь ли [ты] его игры?— спросил эмеген.

25 — Как же, есть, хорошо знаю его
[И] много раз видел игры, в которые он играет.

— Тогда скажи, много ли у него игр?
— [По правде] сказать, игр [у него] очень много.
Но [из них] тебе нужны только три.

30 Вот одна: я на гору поднимался,
Разрушал громадные скалы и сбрасывал их оттуда.

А он у подножия [горы] эти скалы ждал,
Ударом головы обратно [через гору] перекидывал.

Эмеген: «Тогда давай скорее попробуем!» — сказал.

35 Нарт Сосурук на вершину горы поднялся.
Разрушив скалы, [стал] сбрасывать их на эмегена.

А он головой отбивал эти камни,
Не пропуская ни одного.

Камни, словно орлы,
40 Над головой Сосурука пролетали.

— Ну как,— спросил [эмеген],— играю ли я, как Сосурук?
— Как же,— ответил [Сосурук,— ты] даже лучше его играешь!

— Ну, а вторая игра какая?
— А эта [игра такова]: Сосурук шестьдесят сошников

45 В огонь кладет [и] докрасна накаляет,
[Потом] глотает их и обратно выбрасывает.

— И это мне подходит, собери [сошники], накали, приготовь,
Теперь и эту [игру] попробуем! — сказал эмеген.

Сосурук собрал сошники и накалил,

50 Затем эмегену велел глотать их.

Деу эмеген железные [сошники] проглотил,
Остудив [их в желудке], назад выбросил.

— Ах, какая это хорошая игра,
Мой холодный живот немного согрелся!

55 Ну, а третья какая игра? — спросил [эмеген].
— А это так,— сказал [Сосурук],— в заросшее камышом
озеро войдешь

Настолько, чтобы одна голова над водою была,
Остальное [тело] под водою будет.

- Там в зимнюю стужу пять дней пробудешь,
60 Когда озеро замерзнет, лед с камышом поднимешь.
[Вот] так Сосурук играет.
- Деу эмеген в заросшее камышом озеро погрузился,
[И] находился там столько, сколько велел [Сосурук].
- В зимнюю стужу озеро, заросшее камышом, замерзло.
65 [И] тогда эмеген стал поднимать [лед].
Лед на озере трещать начал.
- Тогда Сосурук испугался:
— Ошибся [я], еще пять дней нужно [вмерзать],—
- Сказал Сосурук и так обманул эмегена,
70 Глупый эмеген в это поверил.
- Нарт Сосурук камышинные метелки собрал
[И] трещины во льду заделал.
- Затем Сосурук попросил Тейри:
— Мороз пяти лет за пять дней ниспошли!
- 75 [И] наступил такой лютый, адский мороз,
[Что] озеро замерзло крепче камня.
- И тогда сказал [Сосурук]: «Ну-ка, эмеген, встряхнись!»
Попробовал [эмеген] встряхнуться, но не смог
В окаменевшем льду [даже] трещинки сделать.
- 80 — Ай, медет!* Сын человеческий, не могу справиться,
Эту игру Сосурука не могу осилить.
- Старый эмеген! Я — тот, кого зовут Сосуруком,
Теперь ударом [меча] твою голову снесу!
- Когда [еще] ты на гору поднимался, [я] заподозрил,
85 Что ты — Сосурук, тогда еще понял!
- Ах, как обидно! Теперь [ты] меня в живых не оставишь,
Но меч твой не возьмет эмегена.
- У меня под волосами [хранится] мой меч¹,
[Только] им сможешь обезглавить меня.
- 90 Сосурук подумал: «А не хитрит ли это подлое существо?»
[И] потянулся [к голове эмегена], взяв шест.
- [И тотчас] меч налетел на шест:
Где коснется — режет, отрубает и прочь отбрасывает.
- Так, обрубая [шест], до рук [Сосурука] добрался,
95 Тут Сосурук схватил [меч] за рукоять.
- Эмегена за волосы схватил
[И] голову [ему] снес, [потом] взял огонь и уехал.

37. ПЕСНЯ О НАРТЕ СОСУРУКЕ И ЭМЕГЕНЕ

Эй, нартские батыры в поход отправились, ой, отправились,
Они в пути без огня, без трута остались, ой, остались.

И Сосурук в том отряде был, ой, был.
— Огонь добыв, вернись,— сказал он и ускакал, ой, ускакал.

- 5 Эй, вдали [он] огонь костра увидел, ой, увидел,
Коня повернул и на огонь поскакал, ой, поскакал.

Не сходя с коня, горящую головню схватил, ой, схватил,
Коня повернул он [и] обратно помчался, ой, помчался.

- А эмеген проснулся и руку протянул, ой, протянул,
10 Скачущего нартского батыра вместе с конем схватил, ой, схватил.

Удивился: «Кто ты, откуда взялся, ой, взялся?
В мой дом как проник?»

— Мы — нартские батыры, в поход отправились, ой, отправились.
В дальней дороге без огня, без трута остались, ой, остались.

- 15 Издалека посмотрел и огонь костра я увидел, ой, увидел,
Без огня оставшись, огонь взять приехал, ой, приехал.

— Среди нартов есть ли [нарт] по имени Сосурук, ой, есть ли?
Из его игр какие ты знаешь, ой, знаешь?— спросил [эмеген].

- Конечно, есть, хорошо знаю его, ой, знаю,
20 Его самым интересным играм тебя научу, ой, научу.

Вот одна из игр: я на гору взбирался, ой, взбирался
[И] скалы на него сбрасывал, ой, сбрасывал.

А он у подножия [горы] эти скалы ждал, ой, ждал
[И] ударами головы обратно [их] отправлял, ой, отправлял.

- 25 — Давай тогда попробуем! — сказал эмеген, ой, сказал.
Нарт Сосурук на вершину горы поднялся, ой, поднялся.

Скалы вниз обрушил, ой, обрушил,
А эмеген головой отбивал [эти] камни, ой, камни,
Ни одному не дал на землю упасть, обратно их возвратил, ой,
возвратил.

- 30 Камни, словно орлы, на вершину горы взлетали, ой, взлетали
[И] над головой Сосурука пролетали, ой, пролетали.

[После] эмеген о другой игре Сосурука спросил, ой, спросил.
— А это,— сказал [Сосурук],— в зимнюю стужу в камышовое озеро
войдешь, ой, войдешь.
По горло [погрузившись], под водой пять дней пробудешь, ой,
пробудешь.

- 35 Когда озеро замерзнет, лед взломав, выйдешь, ой, выйдешь.
Деу эмеген в озеро вошел, ой, вошел.

Не выходя оттуда, пять дней и пять ночей простоял, ой, простоял,
Ударили морозы, камышовое озеро замерзло, ой, замерзло.

[И когда] дсу эмеген [хотел] встряхнуться, пошевелиться, не смог,
ой, не смог.

40 Крепкий лед взломать сил у него не хватало, ой, не хватало.

— Ой, нартов сын, в этот раз не могу, ой, не могу,
Эх, с этой игрой совсем не справлюсь, ой, не справлюсь!

— Ну что же, эмеген, Сосурук — это я, ой, это я.
Теперь голову [тебе] снесу, ой, снесу.

45 Эмегена по шее [мечом] ударил, ой, ударил
[И] голову [ему] снес, огонь взял [и к нартам] вернулся, ой,
вернулся.

38. ПЕСНЯ О СОСУРУКЕ

Нартские батыры с горы Гезам* выехали,
Нартские батыры, оставшись без огня, стали мерзнуть.

Сосурук сел на Каратора,
Сказав: «Постараюсь добыть огонь», — умчался.

5 Домчавшись до узкого ущелья,
Увидел свет костра, исходящий из другого ущелья.

Нартский батыр, подъехав туда,
Увидел спящего эмегена.
Схватив головню, он бросился прочь.

10 Но искра попала в глаз эмегена, [и он проснулся],
Пусть только бы мой враг слышал его речи:

— Нартов сын, как ты очутился на том месте, где я сплю?
Как ты отважился заехать в страну эмегенов?

Мы хотим уничтожить всех своих врагов в стране нартов,
15 Мы не успокоимся, пока не истребим все нартские аулы.

Мы выпьем их кровь,
Мы поработим их детей!
А Ёрюзмек — предводитель страны нартов?

— Да, Ёрюзмек — предводитель нартов!
20 Он — опора нартской страны!

— Мы [давно] изничтожили бы страну нартов,
Разрушили бы их жилища, потушили бы их очаги!

Но Тейри нам мешают,
Стране нартов они помогают.

25 Нашим врагам Тейри Неба помогает,
Он покровительствует стране нартов!

Человечий сын, а меч Сосурука остер?

— [Он] режет скалы, словно сало!

— Человечий сын, а острое ли копьё Сосурука?

30 — [Оно даже] скалы, словно сыр, протыкает.

— Человечий сын, а остры ли стрелы Сосурука?

— Его стрелы до звезд долетают,

Упав оттуда, крепости пробивают.

39. ПИЩЕВОД ЭМЕГЕНА

Давно, в очень древние времена, жили нарты и эмегены. Эмегены были огромного роста, а в ширину соответственно тоже были очень толстые. Они мало походили на людей, были уродливыми, глупыми, непонятливыми, от них [всегда] несло зловонием. Жили они в лесах, пещерах, питались травами, кореньями, поедали все живое без разбору.

А нарты были людьми. Если спросишь: «Какими [они] были людьми?», [ответу]: «Сильными, отважными, умными, находчивыми, большого роста. [Одним словом] — настоящими людьми». Они вели постоянную борьбу с негодными зловонными эмегенами из-за того, что те все время устраивали набеги на нартские аулы, пожирали их скотину, [крали] и съедали детей [нартов].

Однажды Сосуруку пришлось состязаться из-за огня с одним из эмегенов. Когда во время игр с эмегеном Сосурук вморозил его в озеро и хотел отрубить ему голову, эмеген сказал Сосуруку:

— Ты убьешь меня, однако; после того как убьешь, возьми мой пищевод и опояшься [им] — он тебе во многом пригодится.

Сосурук, после того как отрубил голову эмегену, который не смог выйти из-под льда, разрезал ему шею и вытащил пищевод. «И на что он может пригодиться?» — подумал Сосурук и перевязал им сперва дубы и чинары. Увидев, что этот пищевод валит [деревья], понес [его] Сатанай и рассказал [ей] обо всем.

[Выслушав], Сатанай сказала:

— Эй, Сосурук! Мы нашли то, что искали. Часть [этого пищевода] дадим кузнецу Дебету, чтобы он его добавлял в железо. Из этого железа получатся ядовитые острые мечи. А стрелы [из этого железа] пронзят горы, их яд будет мгновенно убивать врагов. Оставшуюся часть пищевода [разрежь] на куски величиной с палец и раздай нартам. Пусть они перед сражением один раз проведут по лезвию мечей, и тогда, во время боя, с них на врагов посыплются, словно молнии, искры, которые уничтожат их.

Сосурук [пошел и] раздал [нартам куски пищевода], как велела Сатанай. [На обратном пути] он остановился у одной крепости. Вытащив меч, [Сосурук] провел по его лезвию кусочком пищевода эмегена, который пришелся на его долю, и, размахнувшись, ударил по крепости. Меч, испуская молнии, разрубил крепость пополам. После этого Сосурук размахнулся и ударил [мечом] по кургану, в котором жили эмегены. С [курганом] произошло то же самое, что и с крепостью.

Потом он снял с шеи свой лук, смазал стрелу [кусочком] пищевода и метнул [ее] в одну гору. Стрела пробила гору и, загоревшись, упала в море. От яда этой стрелы в этом море почти вся рыба погибла.

Оружие, [выкованное] кузнецом Дебетом, было ядовитым, прочным и все-сокрушающим, потому что он закалял его этим пищеводом [эмегена].

40. ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ СОСУРУКА

Сосурук — нартский батыр!
Орира, орира, орира!
Сосурук — любимец нартвов!
Орира, орира, орира!

У кого золотое копьё?
Орира, орира, орира!
У кого стальной щит?
Орира, орира, орира!

5 Золотой шлем его блестит.
Орира, орира, орира!
Нарты, собирайтесь!
Орира, орира, орира!

Сосурук — могучий батыр!
Орира, орира, орира!
Сосурук — любимец нартвов!
Орира, орира, орира!

Сегодня у нартвов торжество,
Орира, орира, орира!
10 Приходите все на торжество!
Орира, орира, орира!

Сосурук — наш батыр,
Орира, орира, орира!
В его честь устроим пир!
Орира, орира, орира!

Приходите все,
Орира, орира, орира!
Сосурук огонь [нам] принес!
Орира, орира, орира!

41. СОСУРКА

В давние времена был смелый, любимый Аллахом человек по имени Сосурка. В те времена люди жили трудной, темной жизнью, всего боясь, остерегаясь. [Тогда] были такие существа, как эмегены, которые никому не давали покоя.

Кроме эмегенов в ту пору людей беспокоили и не давали [им] мирно жить и многие другие существа — сарыубеки*, алмосту.

В очень многих встречах побеждая их, Сосурка оказывал [людям] помощь. Не было человека, который бы не слышал о нем. Однажды [Сосурка] убил эмегена, приготовившегося съесть два-три аула.

По эту сторону Кумыша* был большой камень. То, что на этом камне были четкие следы [Сосурки] и его коня, я видел своими глазами. После того как мы там в [Средней] Азии пробыли столько лет и вернулись, этот камень вот таким, неизменившимся, остался. А теперь, в прошлом году, кто-то, наверно, из тех, кто строит дом, этот камень раздробил на мелкие части. И какой же это был злодей, если решил уничтожить такой ценный камень? Как будто не было других камней! Вот что я знаю о Сосурке.

Сосурка отправился в аул Карт-джурт. Пришел и стал жить там.

В это время разнесся слух об одном эмегене, который, расположившись вблизи аула, пожирал скот и людей. Не вытерпел Сосурка его издевательств над людьми, собрался [в дорогу], сказал:

— Я должен увидеть этого эмегена!

[Долго он] искал его и нашел у озера Хурла*.

— Эй, сын человеческий! — крикнул эмеген, увидев его.

— Кто ты? Как тебя зовут? — спросил Сосурка.

— Мое имя — Чолак Юнюс, — ответил эмеген. — А как твое имя?

— У меня нет имени. Я ищу тебя, чтобы испытать твою силу, — ответил Сосурка.

— [А] я долго искал человека по имени Сосурка. Я слышал, среди людей нет человека сильнее, чем он. Ты знаком с Сосуркой? — спросил эмеген.

— Знаю, очень хорошо знаю его.

— А [знаешь], какие у него игры?

— Одна игра у Сосурки такая: если вот с этой горы такой большой великан, как ты, скатит камень, он ждет у ее подножия, ударяет этот камень головой и отправляет его назад.

— И я смогу сделать так, что тут особенного?!

Сосурка поднялся на гору и выворотил наверху скалу. Чолак Юнюс [в это время] ждал внизу. Сосурка столкнул громадную скалу вниз. Эмеген ударил камень головой и отправил его обратно. Сосурка же еле спасся от его обломков.

— Я расскажу еще об одной игре Сосурки, — сказал Сосурка.

— Расскажи, расскажи, то, что он делает, и я смогу сделать! — похвастался эмеген.

— Сосурка докрасна накаляет девять железных сошников, открывает рот и заставляет бросить их ему в рот.

— Так делает Сосурка? Это же простое дело. Это я сделаю!

Чолак Юнюс раскалил на огне девять сошников и проглотил их, но с ним ничего не случилось.

Убедившись, что эмегена не так просто погубить, Сосурка задумался.

— У Сосурки есть и третья игра, ты, наверное, не сможешь это сделать, — сказал Сосурка.

— А ну, расскажи, я обязательно и это сделаю, — сказал Чолак Юнюс.

— Сосурка так делает: он погружается в озеро Хурла и, пока оно хорошо не замерзнет, не выходит оттуда. Когда же озеро покрывается крепким льдом, он ломает его и выходит.

— Хорошо, и это попробую [сделать], — сказал эмеген и залез в середину озера Хурла.

Сосурка взмолился и попросил [у бога] наслать мороз двух зим. Озеро Хурла покрылось льдом. Эмеген находился в озере Хурла семь дней и семь ночей.

— Ну, Чолак Юнюс, выходи теперь! — сказал ему Сосурка.

Эмеген, ударив лед головой, разбил и начал вылезать на поверхность.

— Эй, подожди-ка, Сосурка не так делал, я ошибся. Сосурка поднимал лед, клал под него деревья, камни, сено. Неси деревья, камни, сено и сложи все в озеро! — сказал Сосурка.

Эмеген пошел и принес деревья, камни, сено, положил [их] под лед и снова вошел в озеро. Еще девять дней и девять ночей находился он подо льдом. Сосурка вымолил [у бога] холод десяти зим. И вода замерзла так, что эмеген не смог выйти. Сосурка пришел и крикнул:

— Эй, Чолак Юнюс, пришло время, вставай!

Эмеген ударил головой лед. Но ничего не смог сделать со льдом.

— Еще раз ударь! — сказал Сосурка.

Второй раз ударил эмеген [головой] по льду. Лед треснул.

— Эй, давай еще раз ударь, — сказал Сосурка.

Третий раз ударил [головой] по льду эмеген. Разбив лед, он высунул из-подо льда свои головы... Но как ни старался эмеген, не смог вытащить из-подо льда туловище. Тогда, потеряв надежду выйти оттуда, сказал:

— Эй ты, хитрый человек, ты сделал со мной то, что хотел, да и сам ты не из обыкновенных людей, а Сосурка. Я слышал о тебе. И как я не узнал тебя по твоим икрам?! (У Сосурки на икрах не было мяса.) Что ты от меня хочешь, собрался убить меня?

— Ты прав, такой, как ты, приносящий горе народу, заслуживает смерти! — сказал Сосурка, взял свой меч и отрубил восемь неговорящих голов эмегена, а вот говорящую голову меч не брал, отскакивал.

Тогда эмеген сказал:

— Твой нож не осилит эту мою голову. Не мучай больше ни себя, ни меня. Лучше иди в мою пещеру, возьми из моего большого черного сундука мой черный меч и принеси его. Кроме этого меча, ничто не сможет перерубить мою шею.

Сосурка отправился [в пещеру эмегена]. Там он увидел, что сундук заставлен железным столбом. Сосурка [взял] шест и, потянувшись, открыл им сундук. Только открыл он крышку сундука, как сложенный в сундуке огромный меч вылетел и, ударив железный столб, разрезал [его] и упал на землю.

Сосурка принес меч и собрался отрубить эмегену голову, а тот говорит:

— [Когда убьешь меня], выпей ложку моей крови: она даст тебе силу. Из кишок моих сделай пояс и надень на себя. Если сделаешь так, моя сила перейдет к тебе.

Сосурка, отрубив эмегену голову, напоил его кровью собачку. Та тут же сдохла. Взял [Сосурка] кишки и обмотал [ими не себя, а] дерево. Дерево упало, перерезанное там, где были намотаны кишки.

— Да, действительно, была в тебе сила, — сказал [Сосурка] и изрезал их мечом на мелкие кусочки.

Таким образом Сосурка избавил свой народ от девятиглавого эмегена.

Вот так встретились на озере Хурла эмеген по имени Чолак Юнюс и Сосурка.

Приложение 2

СОСУРКА И ЭМЕГЕН ПЯТИГОЛОВЫЙ

Жил когда-то богатырь; звали его эмегеном Пятиголовым. Ел он так много, что в один обед всех карачасцев обедал. Услыхал про него знаменитый нарт Сосрука, услышал, что он в один обед всех карачаевцев обедает, и пошел к эмегену Пятиголовому. Увидел эмеген Сосрука и сказал ему: «Не знаешь ли ты человека [с] именем Сосрука? Не видел ли где его?»

— Я видел Сосрука и знаю его нартские забавы: не раз бывал очевидцем.

— Расскажи же мне, каковы его нартские забавы.

— Вот какой силач Сосрука, уж если ты хочешь знать о нем: бросает он в огонь железную палку, раскалится палка добела, тогда проглотит ее Сосрука и выпустит из себя, и ничего с ним не делается.

— Таковы-то забавы у Сосрука! Это пустяки! Разве это диковина? Я то же сделаю! — сказал эмеген Пятиголовый. Раскалил добела он железную палку, проглотил ее, выпустил из себя и остался жив.

— Я еще знаю забаву Сосрука, — сказал Сосрука.

— Какая же?

— На горе, на высокой скале живет у нас такой же богатырь, как ты, эмеген; бросает он оттуда огромные камни. Сосрука ждет внизу, под горою, и головою отбрасывает эти камни обратно на вершину. — Так сказал Сосрука эмегену.

— Покажи же, какой величины те камни.

Сосрука показал эмегену. Собрал эмеген на вершине груды огромных камней, сошел в долину, устался пятью головами и ждал. Полетели вниз камни, быстро бросал их один за другим Сосрука, но так же быстро эмеген отбрасывал их своими пятью головами и возвращал их на вершину горы.

И с помощью этой хитрости не мог Сосрука умертвить эмегена.

— И за такие-то подвиги Сосрука у вас прославили! Для меня эти камни сущие пустяки: будто вши кусают.

— У Сосрука есть еще третья забава: среди самой холодной зимы Сосрука выходит на середину большого озера и там ждет, пока это большое озеро не замерзнет; тогда он поднимает весь лед с озера и так идет.

— Хорошо, — сказал эмеген, — и я то же сделаю.

Полез он в озеро. Прошло пять дней, и замерзло озеро. Пришел тогда к нему Сосрука и сказал: «Теперь поднимай!»

Стал эмеген подниматься — лед стал трескаться. Сосрука закричал: «Стой! Стой! Я забыл еще одну его забаву».

— Все припомни — все я исполню, — сказал эмеген.

— Сосрука так делал: подымал лед, как ты сейчас, а под него соломы несколько стогов накладывал и ждал опять пять дней, пока все не замерзло.

Навез эмеген соломы, подложил под лед и ждал. Пришел на шестой день Сосрука.

— Теперь срок наступил: подымай!

Эмеген стал подыматься и не смог встать. И тянулся, и рвался, качался, напрягал все силы и не мог встать. Тогда эмеген сказал:

— Ты обманул меня: ты не простой человек, а ты сам и есть настоящий Сосрука. Чего ж ты хочешь от меня? Убить? Хитрец! Ты доконал меня, и теперь я убежден, что ты настоящий Сосрука и меня не помилуешь и не простишь и, не убивши, не выпустишь.

Обнажил Сосрука шашку и отрубил у эмегена четыре неговорящих головы, а пятую, говорящую, не смог отрубить.

— Не трудись понапрасну, не бей и не мучь ни себя, ни меня: не отрубить моей головы твоей шашке, а вот в замке (кала) моем ты найдешь сундук, огромный и черный; в нем лежит шашка моя богатырская. Достань ее, принеси сюда, и тогда ты отрубишь мою голову и прекратишь мои мучения. А когда отрубишь мне голову, разреши мой хребет, достань оттуда мозг и подпояшься им. Вот тебе мой совет, вот тебе мое завещание!

Пошел Сосрука к замку эмегена, вошел в башню, увидел сундук, огромный, черный; подошел к нему, но не стал открывать его голыми руками. Взял он длинную железную палку, приподнял этой палкой крышку тяжелую, и вылетела оттуда как пуля шашка эмегена сама собою, свистнула в воздухе и пополам рассекла железный столб, стоявший посреди палаты. Тут она упала. Подошел к ней Сосрука, хотел поднять — не смог: так была она велика и тяжела. Поволок он ее за собой. Эмеген думал, что шашка рассекла Сосрука надвое. Опечалился он, когда увидел, что Сосрука идет к нему невредимый и саблю волочит за собою. Подошел Сосрука к эмегену, поднял саблю с большим трудом, обеими руками, и отрубил эмегену последнюю голову. Рассек ему хребет, вынул мозг, отыскал огромную сосну в два обхвата толщиной и обмотал мозгом ствол: дерево тотчас упало, перерезанное на столько кусков, сколько раз он его обмотал. Так Сосрука освободил карачаевский народ от чудовища эмегена.

43. КАК СОСУРУК БОРОЛСЯ С ЭМЕГЕНАМИ

Нарты после долгого пути вышли на большую лесную поляну, на которой стояла трехъярусная крепость. Ворота крепости были железными, а стены такие толстые, что человек не смог бы их разрушить.

Предводитель нартов, близко подъехав к крепости, крикнул: «Эй, кто есть в крепости?»

Ворота крепости открылись. Оттуда выглянул громадный эмеген. Нарты признали в нем [одного из] эмегенов, угнавших скот нартов, и дали ему знать об этом. Через некоторое время появился еще один эмеген. Они посоветовались, потом, повернувшись к нартам, сказали:

— Ну хорошо, раз [мы угнали ваш скот], пусть выйдет сюда ваш глава, кто из нас победит в борьбе, тот и поставит свои условия.

После этого предводитель нартов начал снимать с себя доспехи, показывая, что согласен [на их условие] и готовится к предстоящей борьбе.

В воротах крепости опять появился старший из эмегенов.

Сосурук, разглядев его, быстро скинул свои доспехи и так обратился к главе нартов:

— Я думаю, что одолею этого эмегена, кроме того, ты стар¹, я [тоже] хочу испытать свою силу и ум в этом поединке.

Эмегены наблюдали за всем этим. Нартам очень понравилось решение нарта Сосурука, они все были на его стороне. [После этого] Сосурук повернулся к эмегенам и сказал:

— Вы недостойны того, чтобы наш почтенный глава боролся с вами, сперва поборитесь со мной, если же одолеете меня, в борьбу вступит [он].

Эмегены, [услышав это], дружно расхохотались. Однако возражать не стали. [Один] из эмегенов сказал:

— [Только у нас] одно условие: во время борьбы через каждые два часа каждый из нас может выпить столько воды, сколько захочет, и помыть лицо и руки. Каждому из нас [приготовлено] по бочке воды, они стоят в одной из комнат крепости. Я покажу.

— Хорошо, пусть будет так,— сказал Сосурук.

Эмегены ушли переодеваться.

В это время из крепости вышла одна красивая девушка и, подойдя к Сосуруку, сказала:

— Брат мой, я слушала ваш разговор [с эмегенами]. Я хочу помочь тебе, держись, не бойся [эмегена]. В первые два часа [борьбы] не жалея своих сил. Если перед вторым заходом борьбы захочешь пить, [эмеген укажет тебе на] бочку с левой стороны. Выпив оттуда, ты обессилеешь. [А сам он будет пить] из бочки справа, где находится вода, умножающая силы. Поэтому, когда вы будете бороться, я переставлю бочки, чтобы эмеген выпил из бочки [с обессиливающей водой].

Сказав это, девушка скрылась за дверьми, откуда появилась. Через некоторое время она опять вышла к нему и сказала:

— Запомни [еще, что], если [эмеген] не сможет одолеть тебя, [он применит] свой меч, который [даже] камень режет, а в бою удлиняется. Он в ножнах и лежит между двумя [этими] бочками.

Эмеген, переодевшись в одежду для борьбы, спустился [к Сосуруку]. Оба начали бороться во дворе крепости, [покрытом] травой. Пар от них поднимался к небу, красивую горную траву они превратили в черное месиво. [Через два часа] нарт Сосурук почти обессилел, а эмеген сидел на земле, и от него [аж] до самого неба поднимался пар. Через некоторое время они оба зашли в крепость попить воды.

Сосурук шел впереди, но эмеген опередил его и первым бросился в комнату, где была вода. Эмеген, наклонившись, пил воду из бочки справа, а нарт Сосурук пил из ковша, зачерпывая ее из бочки слева. Оба, напившись, передохнули. Эмеген выпил половину бочки, Сосурук же, наполнив ковш, пил воду как бы нехотя.

Эмеген, видя, как тот брезгливо пьет, испугался, что он уйдет, мало выпив. Однако Сосурук и не думал вставать, он пил свой сороковой ковш, думая про себя: «Ярабий*, интересно, прибавилось ли у меня сил хоть немножко?»

Немного поостыв, они оба [решили] выкупаться и залезли в теплый источник, [находящийся] возле крепости. Однако нарт Сосурук и не собирался купаться. Он все время думал о чудесном мече эмегена.

— Чем греться в теплой воде источника, я бы хотел выкупаться в проточной воде, разреши мне [пойти к реке],— попросил Сосурук у эмегена, когда у того голова и глаза были в пене.

— Иди, только быстро,— сказал эмеген.

Сосурук, выйдя из воды, поспешил к нартам, [взял у них] свой меч и, повесив [его на себя, подошел к] эмегену, стоявшему на страже у ворот [крепости]. Сказав, что хочет еще выпить воды, он зашел в комнату, где стояли [бочки] с водой.

Попивая воду из ковша, он вытащил свой меч и вложил его в ножны эмегена, а меч эмегена вложил в свои ножны. [Потом] быстро вышел, пошел к берегу реки и разделся, делая вид, что собирается купаться. Чтобы испытать меч эмегена, он ударил им булыжники: меч, словно мыло, разрубил эти камни. [Сосурук] тут же вернулся к эмегену. И они опять начали бороться.

Через несколько часов Сосурук одолел эмегена и уложил его на лопатки.

— Что ж,— сказал эмеген,— не спорю, ты победил в борьбе, теперь давай испытаем наши мечи. Если и здесь ты победишь, я дам тебе все то, что ты пожелаешь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, однако из крепости доносятся человеческие голоса, [скажи мне], кто [эти люди] и откуда [здесь появились]? Это во-первых. Во-вторых, позови их сейчас же сюда,— сказал Сосурук.

Эмеген передал приказ Сосурука эмегену-стражнику.

Немного погодя эмегены вывели всех [людей. Одних] они держали караушами*, других же откармливали, чтобы съесть.

[Вот] эмеген и Сосурук начали биться на мечях. Нарт Сосурук при каждом взмахе [меча] отсекал эмегену то волосы, то полы [его одежды], то рукав и [наконец] приставил свой меч к его горлу.

— Что же,— сказал эмеген,— я не пойму, что случилось сегодня с моим мечом. Да покарает тебя Аллах! Я дам тебе все, что ты захочешь, исполню все твои желания, [только] не убивай меня.

— Пусть и на этот раз будет по-твоему,— сказал Сосурук,— только я надену на тебя наручники и закую тебя в кандалы.

— Хорошо,— сказал эмеген.— Наручники [и кандалы висят] на левой [половине] ворот.

За ними послали одного из вышедших из крепости нартов. [Нарты] надели на эмегена наручники и заковали в кандалы. Благодаря Сосуруку [эмегены] отпустили своих пленников-нартов. Нарты, взяв с эмегенов слово, что те не будут нападать на их [аулы], вернулись в свою страну.

После [борьбы Сосурука с эмегеном] нарты считали Сосурука самым сильным и отважным и в жортууулы отправлялись только с ним. И впоследствии Сосурук много раз спасал нартов от эмегенов. Там, где у него не хватало сил, он многожды выручал нартов благодаря своим уму и отваге. Он ни ростом, ни внешностью не выделялся среди нартов. Единственное, что отличало его от остальных нартов,— это высокий свод стопы. [Он был настолько высок], что под ним [могли] проходить цыплята.

Сосурук во всем помогал людям. Даже над врагом он не чинил насилия. По отваге, доброте и справедливости не было ему равных.

А эмегены очень боялись нарта Сосурука. Большинство эмегенов знало его и ведало о нем все, однако не только одноголовые, но даже пятиголовые эмегены не могли победить его. А после того как в руки Сосурука попал удлиняющийся [в бою], режущий [даже] камни меч эмегенов, он стал вообще непобедимым для них.

44. СОСУРУК И ОДНОГЛАЗЫЙ ЭМЕГЕН — ПАСТУХ КОЗ

[Однажды] нарт Сосурук пришел к эмегену. Эмеген жил в пещере. Он принял Сосурука как гостя. В его честь он зарезал одну козу.

Утром эмеген встал и погнал [пастись] своих коз, а Сосурук остался в пещере. Поздно вечером он, когда пригнал коз, отодвинул в сторону громадную

каменную глыбу, которой утром закрыл вход в пещеру, и загнал коз. После опять закрыл [вход] этой же каменной глыбой.

Во вторую ночь они оба опять закололи козу, поели и легли спать. [Когда] наступило утро, Сосурук попросил эмегена разрешить ему уйти. На это эмеген сказал:

— Ты отсюда никуда не уйдешь! — и ушел со стадом, закрыв вход в пещеру огромной скалой. Сосурук до вечера сидел в пещере, размышляя, как спастись [от эмегена]. Вечером эмеген опять пригнал своих коз, загнал их в пещеру и опять заставил [вход] скалой.

— Ты ложись, поспи [немного]. Я сам зарежу и освежую козу, когда [мясо] сварится, я разбужу тебя,— сказал Сосурук эмегену и уложил его спать.

У эмегена был единственный глаз на лбу. Когда эмеген захрапел, Сосурук вытащил из костра [раскаленный] вертел с огромную чинару и воткнул его в [единственный] глаз эмегена. Тот, взревев, вскочил и до самого рассвета кидался из стороны в сторону, пытаясь поймать Сосурука. Однако он не смог его поймать; тогда он велел Сосуруку:

— Сам выгони коз [наружу].

Он решил, что, если не будет коз, [ему будет легче] поймать [Сосурука]. Эмеген, блуждая, отыскал вход [в пещеру], открыл его и начал по одной выпускать коз, ощупывая их спины. [Вдруг] он услышал [снаружи] голос Сосурука: «Сосурук, спрятавшись под брюхом козы, выбрался [из пещеры]».

[Когда] Сосурук дал эмегену о себе знать, эмеген, сказав:

— Сосурук, на, возьми это золотое кольцо с моего пальчика. Оно выручит тебя из любой беды,— швырнул ему кольцо.

Сосурук подобрал кольцо и надел на свой палец. Только он его надел, как оно принялось жужжать¹.

Сосурук побежал — эмеген бросился за ним следом.

Сосурук как ни пытался, не мог снять кольцо; когда же он обессилел [от долгого бега], отрезал себе палец вместе с кольцом и швырнул [его] на землю. Так Сосурук спасся от эмегена. Измученный же эмеген так и остался стоять на том месте, не зная, куда идти.

45. КАК НАРТ СОСУРУК ИСТРЕБИЛ ПАУКОВ-ЛЮДОЕДОВ

Во времена нартов были большие пауки [величиной] с корзину. Они обитали в краю Тызыл*, в местности под названием Кердеуюклю*. Там есть возвышенность Шаушюгют*. С обеих сторон этой крутой возвышенности были глубокие ущелья.

Вот там, на перекрестке дорог, в ущелье [и] жили пауки [величиной] с корзину. Они плели паутину [толщиной] с аркан, заманивали [в нее] проходящих мимо путников и, опутав, высасывали из них кровь. В этих глубоких ущельях вокруг Шаушюгюта до сих пор лежат кости и черепа людей, которых сожрали эти пауки.

Советчица нартов Сатанай прослышала, что там-то и там-то пауки [величиной] с корзину преграждают дороги людям, заманивают их в [свою] паутину и высасывают из них кровь. Услышав это, она рассказала обо всем Сосуруку.

Сосурук вместе [со своим] нартским войском отправился туда, где были пауки. Когда добрались, увидели в глубоком ущелье [сети] и [их] паутины. Пауки, заметив [нартов], бросились [на них]. Часть нартов погибла. Однако нарты одержали победу и истребили [всех] пауков.

Нарт Сосурук послал к Сатанай [гонца] с вестью, что они победили пауков. Сатанай пришла [туда] и увидела перебитых диковинных пауков [величиной] с корзину.

[По велению] Сатанай собрали паутину этих пауков, навьючили на коней и привезли в нартскую страну. Из этой паутины соткали холсты, [сшили] одежду нартскому войску. Одежда, сделанная из паутины этих пауков, не промокала. Она была [очень] прочная, в холод [в ней] было тепло, в жару

прохладно. [Нартов, одетых] в эту одежду, не брали ни стрелы, ни мечи. Эта одежда из паутины ослепительно блестела.

Однажды, когда нартское войско отправилось в поход, в пути оно встретило большую группу эмегенов. Эмегены, увидев [нартов], решили вступить с ними в борьбу. Однако блестящая одежда [на нартах] освещала ущелья, дороги, ослепляла [эмегенов], и они не выдержали, испугались и бросились бежать. [Нарты] стали преследовать эмегенов и загнали их в ущелье Шаушюгюта, где они истребили пауков. Глупые эмегены, [проголодавшись], съели убитых нартами пауков [и все] погибли.

С этого дня никто не видел эмегенов. «Вот так на земле исчезли эмегены», — говорил мне в детстве мой отец Наннак, когда рассказывал о нартах.

46. СОСУРКА И СЛЕПОЙ ВЕЛИКАН

Во времена нартов был богатырь по имени Сосурка. Сосурка не выносил насилия, защищал слабых. И на хитрости он был большой мастер. Был все время в пути, спасал людей, которые попадали в беду, помогал [им].

Однажды Сосурка, сев на коня, отправился в путь. Находился в пути довольно долго, ехал-ехал, на большой широкой поляне увидел большую белую скалу. Подошел близко, смотрит — это не скала, а человеческий тазобедренный сустав с дыркой посередине.

Сосурка очень удивился этому огромному, как скала, тазобедренному суставу. Сел на своего коня, прыгнул через отверстие человеческого тазобедренного сустава и оказался на другой стороне.

Потом немного дальше проехал, остановился у родника, попросил Тейри: «О Тейри, оживи эту кость и покажи мне!»

Когда он попросил Тейри, этот тазобедренный сустав исчез, а к Сосурке подошел огромный человек. Этот человек был слеп на оба глаза. Когда он вышел на [этот свет], удивился: «Тоба-тоба!» А Сосурка, удивляясь его большому росту (величине), немного испугался.

—Здесь есть человек? — спросил великан.

—Я есть! — ответил Сосурка.

—Тоба-тоба, ты человек? Что случилось со мной, куда [я] вышел? А что я умер, [я] не забыл, — сказал огромный человек.

—Ты вышел на [этот свет], я попросил Тейри, и он вывел тебя в этот мир.

Я тебя поднял, теперь у меня к тебе просьба. На мои вопросы дай ответы.

—Тогда спрашивай! — сказал огромный человек.

—В ваше время люди были такими огромными, как ты?

—Были и выше люди, я был человеком среднего роста! — сказал этот человек Сосурке.

—Тогда, в ваше время, люди сколько времени жили? — спросил Сосурка.

—Семьсот лет — восемьсот лет жили.

—Тогда, в ваше время, вы воевали?

—Да, воевали! — ответил огромный человек.

—А каким было ваше оружие? — спросил Сосурка.

—Я бы показал наше оружие, если бы рядом был лес, — сказал этот человек.

—По ту сторону от тебя лес, — сказал Сосурка.

Тогда этот человек наклонился и вырвал, как соломинку, огромное сосновое дерево.

—Вот каким было наше оружие!

Сосурка, удивившись, погладил бороду¹. Как так погладил, тот мужчина свалился в могилу, а тот тазобедренный сустав по-прежнему стал возвышаться [над землей].

Однажды Ёрюзмек вернулся из месячного похода, сказал, что ему немного нездоровится, и лег в постель. Сатаной охватила тревога, много разных снадобий приготовила [она], но ни одно не помогло.

— Отец твой заболел, не знаю, чем помочь, — пожаловалась она Сосуруку. А потом добавила:

— Есть лишь одно лекарство, которое может спасти ему жизнь. За морями, за горами, в большом дремучем лесу есть поляна. На этой поляне — дом из белого мрамора. В этом доме живет красивая девушка, а перед ее кроватью в золотом корыте плавают золотые рыбки. Вот если [Ёрюзмек] съест одну из рыбок, то он выздоровеет!

В тот же день Сосурук вместе с двумя братьями отправился в путь на поиски золотой рыбки. Все трое ехали-ехали и доехали до перепутья трех дорог. Сосурук поехал на юг, а два нарта на запад.

Сосурук долго ехал и доехал до какой-то ровной поляны посреди дремучего леса. Там [он] увидел большой табун. Неожиданно из леса появился человек. Сосурук рассказал ему, зачем он странствует. Тот человек поймал из табуна неказистого, облезлого жеребенка и дал [Сосуруку].

Сосурук сел на этого неказистого, облезлого жеребенка и, понукая, стегнул [его] плетью. Тогда неказистый жеребенок заговорил человеческим голосом.

— Эй, джигит, ты зря меня понукаешь и бьешь! Если ты сумеешь быть истинным мужчиной, то я буду достойным тебя конем!

Затем рожденный из камня состар Сосурук поблагодарил табунщика и, не понукая больше коня, поехал дальше. Продолжая свой путь, добрался он еще до одной поляны посреди дремучего леса. На той поляне у родника стоял домик, из которого вышел чернобородый мужчина.

[Сосурук] рассказал ему о том, что он ищет. Чернобородый так сказал:

— Ну что ж, я научу тебя. Но будь осторожен. Нас три брата. Младший живет в десяти криках от девушки, которую ты ищешь. От постоянной тревоги, причиняемой этой девушкой, борода [младшего брата] стала белой. Средний же брат находится на десять криков дальше от младшего брата, и борода его с проседью. Я же живу на расстоянии десяти криков от среднего брата, и, хотя я старший среди них, борода моя, [как видишь], пока черная. Теперь ты замени свою лошадь на мою. А ее заменишь на лошадь среднего, [а потом] на лошадь младшего. И когда будешь возвращаться назад, так же меняй коней, иначе [сгинешь], как те нарты, которые погибли от руки этой девушки. Будь осторожен. Девушка эта три дня и три ночи находится в походе, воюет. Затем три дня и три ночи спит в своей комнате беспробудным сном.

Сосурук исполнил [все] так, как научил чернобородый мужчина, и доехал до мраморной крепости, где находились золотые рыбки.

Сосурук привязал своего коня во дворе, [а сам] бесшумно вошел в крепость. В крепости он увидел спящую на кровати девушку удивительной красоты, освещающую [все вокруг], как солнце. Она спала на пуховиках. Ее золотые волосы рассыпались и свисали с кровати. А перед кроватью в корыте из золота в прозрачной воде плавали золотые рыбки.

Сосурук бесшумно подкрался, привязал волосы девушки к спинке кровати. Потом поймал одну из рыбок и спрятал ее за пазухой. Когда [он] поспешно выбежал, вскочил на коня и хотел уже выехать из крепости, девушка проснулась. [Вдруг] подул сильный ветер, казалось, что [он] сметет со своего пути и унесет деревья и горы. Камни, комья земли взлетели к небу. Девушка, громко крича:

— Эй, собачье отродье, тебе не удастся убежать! — бросилась за ним вдогонку.

Когда Сосурук сменил коня младшего брата на коня среднего, он начал [быстро] удаляться от девушки.

Когда девушка опять стала нагонять его, [Сосурук] сменил этого коня среднего брата на коня старшего. Проскакал на нем немного, вернул его старшему брату, а [сам] пересел на неказистого, облезлого жеребенка.

Чернобородый брат сказал Сосуруку:

— Напой своего коня водой из этого родника.

Через некоторое время, когда девушка стала нагонять [их], Сосурук упрекнул своего коня:

— Ай, хомух! * Ты же говорил: «Если ты сумеешь быть настоящим мужчиной, то я буду настоящим конем».

— Держись крепко, так, чтобы не упасть! Не робей. Держись за мою гриву! — ответил конь.

Когда девушка хотела схватить коня Сосурука за хвост, конь плавно оторвался от земли и оказался под облаками. Девушка осталась на земле. Неказистый жеребенок, разрывая белые облака, летел над дремучими лесами, морями, глубокими ущельями, горами и медленно опустился около одной пещеры.

Когда Сосурук отпустил коня пасти и прилег отдохнуть, туда подъехали его братья-нарты. Они стали спрашивать Сосурука. Он с радостью поведал им [о своих приключениях] и показал золотую рыбку. Братья Сосурука тайно решили убить его и забрать золотую рыбку.

— И долго еще этот незаконнорожденный будет позорить нас? Народ всегда считал нас отважными героями. И вот на тебе! Моложе всех нас, неизвестно от кого он родился, а наше достоинство хочет растоптать, — сказали они.

Один из них сказал:

— Нужно убить [его] и зарыть в землю².

— Нет! — возразил другой, — на земле нельзя [его] оставлять, лучше бросим в бездонную пропасть.

Они схватили Сосурука, отняли рыбку, а [самого] сбросили в пропасть. Хотели поймать и его коня, [но], когда подгоняли его к пещере, он взлетал на скалу над пещерой, а когда теснили на выступ скалы, прыгивал вниз. Как ни старались, [поймать] не смогли.

[А] Сосурук полетел [вниз], ударяясь [о выступы] то одной, то другой стены пропасти, срывая камни, царапая руки и лицо. Услышав гул, доносившийся из глубины [пропасти от падения Сосурука], братья очень обрадовались.

Под землей Сосурук шел-шел и вышел на какую-то поляну, там он увидел женщину. Она шла с двумя детьми: одного несла на руках, а другого торопила, говоря: «Давай поживее! Я же тебе говорю, чтобы ты [быстрее] шел, держись за мой подол».

Когда эта женщина подошла к брошенному в пропасть Сосуруку, спросила его, как [он] здесь очутился. Сосурук рассказал ей все, что с ним произошло. Женщина сказала:

— Видишь! Я иду и в страхе браню старшего мальчика. Слышишь стук рогов? Это [два] барана. Они бьются рогами. Когда они, сражаясь, приблизятся к тебе, ты ухватишься за рога белого барана. Если сумеешь так сделать, он подкинет тебя и выбросит на поверхность земли через дыру, в которую ты упал [сюда]. Ну, а если ухватишься за рог черного барана, тот толкнет [тебя], и ты очутишься в подземном мире — еще ниже этого³, — сказала женщина и ушла.

[Через некоторое время] бараны подошли к этому месту — они бились рогами. Сосурук кинулся [к ним], хотел ухватиться за рог белого барана, но ухватился за рог черного. Тот баран с силой подбросил нарта. Он долго летел и попал в другой подземный мир. Там он после долгого пути дошел до одного дома на окраине аула.

В этом доме жила женщина с двумя дочерьми. Сосурук рассказал [ей], откуда он сам и как попал сюда, сказал, что он из племени нартов. А когда попросил воды, мать двух дочерей ответила:

— Воды нет. Поэтому жителям аула грозит гибель. Истоком воды овладел девятиголовый эмеген, который отрезал воду и не пускает в аул ни одной капли. А если [кто отважится] подойти к нему, тут же съедает⁴. С ним никто не может справиться. Он съел так много людей, что скоро никого не оставит. Многие аулы уже уничтожены.

— Если так, анам *, ты сделай мне восемь топпанов⁵, — попросил Сосурук. Женщина стала [названной] матерью Сосурука, девушки — его сестрами. Нартскому батыру достали меч и лук. Прикрепили к правому плечу Сосурука четыре топпана, четыре — к левому. На все топпаны надели шапки. [Сосурук] наточил меч, сделал [его] очень острым, взял с собой лук, повесил через плечо, а стрелы уложил в колчан. Затем [он] отправился сражаться с эмегеном.

Вскоре он дошел до того места, где находился эмеген.

— Уф, ийис! Ас ийис! Мус ийис! — сказал эмеген и стал морщить губы и нос. Затем он немного приподнялся и увидел юношу.

— А-а-а-а, явился? Будем стрелы метать или будем бороться? — спросил [он].

— Сначала будем метать [стрелы], потом — бороться, — ответил рожденный из камня.

Они начали метать [стрелы]. Сосурук выпустил [стрелу] и снес одну голову эмегена с правого плеча. Эмеген метнул [стрелу] — сбил топпан джигита с правого плеча. Потом метнул стрелу Сосурук и снес эмегену голову с левого плеча. Эмеген метнул и снес один из топпанов с левого плеча Сосурука. Так, пуская стрелы, Сосурук снес все девять голов эмегена. Убив эмегена, он пустил воду в аул. Люди утолили жажду. И опять наступила мирная жизнь.

Жители аула собрались и в знак благодарности решили построить Сосуруку золотой дворец и отдать [ему] в жены самую красивую девушку.

Но Сосурук сказал:

— Мне ничего не надо. Мне не надо ни золота, ни серебра, я нарт, я хочу вернуться к своему народу. Дороже этого ничего для меня нет.

Народ хотел отблагодарить его. Собрались старцы и сказали Сосуруку:

— Там, в одном месте, одна орлица каждый год выводит птенцов. Но пока орлица находится в горах, дракон поедает орлят и уходит, разрушив гнездо. Если сумеешь спасти ее детенышей от этого дракона, то орлица исполнит все, что ты захочешь.

Сосурук захватил свои доспехи и отправился к гнезду орлицы. Орлята сначала испугались, но, когда поняли, что он не причинит им вреда, обрадовались и подружились с ним.

Вдруг всю землю охватила жара, листья на деревьях, травы свернулись, завяли и пожелтели. А через мгновение, изрыгая из пасти пламя, показался дракон. Орлята испугались, съезились и прижались [друг к другу]. А Сосурук взял в руки лук и приготовился стрелять. [Потом] он прицелился и пустил стрелу в грудь дракона. Дракон свился кольцом. Кровь его разлилась кругом и окутала все [туманом], словно пар от кипящей воды. Полуживого дракона Сосурук разрубил мечом. [Тогда] орлята позвали Сосурука в свое гнездо и стали ласкаться [к нему].

[И вдруг] на землю упала огромная тень, кругом потемнело, будто произошло затмение солнца.

— Что это? — с удивлением спросил нартский батыр у орлят.

— А это тень нашей матери, которая летит [сюда]. Крылья ее [при полете] не дают солнечным лучам пробиться на землю, закрывают путь, — ответили.

Вдруг пошел теплый ливневый дождь. Затем дождь перестал, и ярко засияло солнышко. Батыр еще раз спросил:

— А это что?

— Дождик — это слезы нашей матери. Она переживает за нас, думает, что нас тоже съел дракон, и плачет. А солнечный свет — это [она] радуется, надеясь заставить нас в живых.

Через некоторое время подул сильный ветер, из которого стали деревья качаться в разные стороны. Травы полегли на землю. Не качалось только то могучее дерево, на котором было гнездо орлицы.

— Наша мать, увидев тебя и сразу не поняв, что ты нас спас, может причинить тебе какой-нибудь вред, — сказали орлята и спрятали Сосурука под свои крылья.

Орлица прилетела и, увидев, что ее птенцы живы, обрадовалась и спросила у своих птенцов:

—[Я] каждый год выводила таких птенцов как вы. Но каждый год их поедал дракон. И на этот раз я не думала застать вас живыми. Как вы остались в живых? Кто вас спас? Я бы сделала тому, кто вас спас, все, что он пожелает.

—Нас спас вот этот человек, — ответили [птенцы] и, приподняв крылья, показали Сосурука.

Тогда орлица притянула юношу-героя под крыло и аузу бла жутуп, бурну бла чыггарды ⁶. Орлица это повторила несколько раз.

—Чем я могу отблагодарить тебя? — спросила [орлица] героя-нарта.

Сосурук рассказал о себе.

—Ну что же, — сказала орлица, — ты пойди [в аул], пусть зарежут [тебе] девять буйволов. Из шкур этих буйволов пусть сделают два бурдюка. Один бурдюк пусть наполнят кровью этих буйволов, а другой — их мясом. Эти бурдюки пусть установят на моей спине. А ты сядешь на мою шею и, когда я скажу «карк», — дашь [мне] мяса, а когда [скажу] «курк» — то глоток крови.

Сосурук вернулся в аул и передал людям то, что сказала орлица. Мясо и кровь [в бурдюках] погрузили на орлицу. Сосурук сел [на нее]. Все [подземные] жители были благодарны ему. Отправляя сына нартов в дорогу, они сказали:

—Доброго пути тебе! Твою доброту мы никогда не забудем!

Орлица, кружась, поднималась все выше и выше и скрылась из глаз. Вскоре она долетела до пропасти, откуда Сосурук попал [в подземный мир]. [Она] начала подниматься над пропастью.

[В пути] Сосурук давал ей то мясо, то кровь.

Когда до выхода на поверхность осталось совсем немного, орлица произнесла «карк». Но дать было нечего, мясо кончилось. Затем сказала «курк», а чтобы выпить, не оказалось ни кровинки. И тогда орлица стала опускаться вниз. Крылья [ее] ослабели. Потерпев немного, орлица еще раз сказала «карк». Тогда Сосурук отрезал от своей ноги кусок мякоти [и] дал орлице. Она, набравшись сил, взметнулась вверх.

Когда глаза стали различать земной солнечный свет, орлица крикнула «курк». Батыр дал ей испить крови, вытекавшей из раны на ноге. Так Сосурук долетел до того места, где он расстался со своими братьями-нартами. Здесь орлица сняла его со своей шеи и сказала:

—Тот кусочек мяса и глоток крови, которые ты дал мне в последний раз, были очень вкусными. Ну, а сам ты не разучился еще ходить по земле, а ну-ка, попробуй шагнуть!

Сосурук, хромая, сделал два шага. Орлица увидела рану нарта. Она отпрыгнула на раненую ногу юноши последний кусок мяса и глоток крови. Облизала и залечила рану.

—Ну, а теперь тебе здоровья, а мне спокойствия! — сказала орлица и улетела обратно ⁷.

[А] Сосурук много ли, мало ли шел и вышел к поляне перед пещерой. Его неказистый, облезлый жеребенок выбежал из леса, заржал и подошел к хозяину. Оба стали ласкать друг друга.

Когда Сосурук верхом на неказистом, облезлом жеребенке ехал в свой аул, у околицы встретил пастуха, который то плакал, то песни пел.

—Эй, юноша, да умножится [твое стадо]! — приветствовал [его] Сосурук.

—Эй, будь здоров! Будь гостем, — ответил юноша.

—Смотрю я на тебя и не пойму, почему ты то плачешь, то поешь. Скажи-ка, почему так делаешь?

—Самый младший из нартов нашего аула, но самый храбрый из них отправился искать золотую рыбку для своего больного отца и пропал. Сегодня вечером, моля великого Тейри о помощи, будут устраивать по нему поминки. Когда я думаю о том, что [на поминках] и мне достанется какой-нибудь кусочек [еды] — я пою, а плачу, жалея этого батыра, — ответил пастух.

— Не печалься из-за этого. Кто знает, может быть, он еще жив, вернется,— успокоил его Сосурук.

— Нет, его растерзали дикие звери, даже костей не оставили.

Рожденный из камня младший брат нартов прибыл в аул в тот момент, когда люди были в сборе и в казанах варилося мясо. Собравшиеся люди узнали Сосурука и обрадовались [его возвращению].

Ерюзмек подозвал к себе Сосурука и сказал:

— Ай, хомух! Опозорил ты имя нарта. Твои старшие братья добыли золотую рыбку и спасли меня от смерти, а ты вернулся, добыв этого неказистого, облезлого жеребенка.

— Отец, если [тебе] нужна правда, то золотую рыбку раздобыл я при помощи этого облезлого жеребенка. Что мне сделать, чтобы ты поверил в это? — сказал Сосурук и поведал, как было дело.

Для того чтобы узнать, кто из [них] прав, а кто не прав, обур Сатанай предложила:

— Образуйте круг и всех троих братьев-батыров посадите в середине этого круга. В руки каждому дайте по луку и стреле. Положите перед каждым по лопатке [животного]. Пусть все трое выстрелят из лука в небо.

Народ стал в круг, а в середину посадили юношей. Перед каждым из них положили по лопатке.

Стрела Сосурука, вернувшись, попала [прямо] в лопатку. Стрелы двух других попали: одному в плечо, другому в макушку. Тогда всем стало ясно, кто был прав, а кто виноват.

48. СОСУРУК В ИГРЕ С КОЛЕСОМ

Среди нартских батыров Сосурук был не очень сильным. Однако [он] был остроумным и находчивым батыром. Поэтому среди нартов были такие, кто недолюбливал Сосурука и искал повод, чтобы расправиться с ним.

[Однажды они] объявили: «Состоится игра с колесом, кто хочет, пусть придет к подножию горы Чынгыл»*.

Все нартские юноши, кто надеялся на свою силу, собрались там. Пригласили туда и Сосурука.

Игра была такой: с вершины горы Чынгыл нарты скатывали вниз очень тяжелое железное колесо диаметром в один кычырым, а чтобы обхватить его, у нартов не нашлось бы веревки такой длины. В это время один [из играющих], стоя у подножия горы, должен был ударить катившееся колесо сначала лбом, затем руками, а затем грудью и возвратит назад [на гору].

Когда началась игра, никто из юношей не отважился вступить в игру первым. [Сосурук], не зная их коварного замысла, первым вступил в игру.

Сыновья же той группы нартов, что хотела погубить Сосурука, поднялись на вершину горы. Подняли туда и колесо. Сосурук подошел к подножию горы, крепко уперся ногами в землю и стал лицом в ту сторону, откуда должно было катиться колесо.

С вершины [горы] покатали колесо. Оно катилось быстро, как стрела, несло, рассыпая искры, разрушая и разбивая скалы, превращая камни в пыль. Стоявший [у подножия] Сосурук ударом лба отправил колесо назад. Второй раз он вернул колесо, ударив его руками, в третий раз — ударом груди. Нарты были поражены этим.

Когда игры закончились, Сосурук по дороге [домой] нашел золотое кольцо, поднял его и положил в карман. Прийдя домой, он стал рассказывать о том, как одержал победу в игре.

— Лишь бы колесо не задело мои незакаленные колени, а так в этой игре меня никто не сможет победить.

Как только он это произнес, вспомнил о своей находке.

—Я сегодня нашел красивое кольцо. Посмотри-ка, — сказал он и полез в карман, желая показать [его] Сатанай.

—Нет, это не кольцо, ты нашел не кольцо, ты погибель нашел на свою голову, — сказала Сатанай Сосуруку. А затем [добавила]:

—Достань, покажи, [я] посмотрю, что это за кольцо?

Но когда Сосурук хотел достать и показать Сатанай [кольцо], его уже в кармане не оказалось. Это был обур¹.

Тогда Сатанай так сказала Сосуруку:

—Если ты опять пойдешь на игру нартов с колесом, оно отрежет тебе ноги.

—Я еще никогда не отступал, испугавшись опасности, — сказал Сосурук. — Если я отступлю от этого, [я] опозорю доброе имя нартского народа и мне придется завтра выходить на улицу, накрыв голову платком², — сказал.

Проведав, что уязвимым, слабым местом Сосурука были его колени, [нарты] снова пригласили Сосурука на игру с колесом. Нарты сказали, что теперь [колесо] нужно отбивать ударом колен.

В числе тех, кто катил колесо вниз, был и тот обур, [который] проник в карман Сосурука.

—Теперь катите колесо так, чтобы его удар пришелся по коленям, иначе [с ним] ничего не сделаете, потому что все остальное его тело из стали, — поучал он нартов.

Нартские юноши, катившие колесо, крикнули:

—Сосурук, теперь останови колесо ударом колен!

Колесо покатилося, разрушая скалы, превращая камни в песок, и, ударившись о колени Сосурука, перебило ему колени. Те, кто катил колесо, бросили [Сосурука] там и ушли.

[К тому месту] прилетел огромный орел. Сосурук попросил его:

—Полети к Сатанай и расскажи ей о том, что случилось со мной. Если это исполнишь, нарты будут тебя кормить любимой твоей едой и лелеять всю жизнь.

—Нет, не полечу, — ответил орел. — Или ты забыл, джигит Сосурук, как ты, когда убивал зверей в лесу, уносил всю добычу, не оставляя мне даже кусочка?

Вслед за ним прибежал заяц. Сосурук попросил [и] его:

—Зайчик, ты один из тех бедняг, которые всегда живут, боясь других зверей; сбегай и расскажи нартам, что я здесь нахожусь, лишенный ног, а я [потом] тебя буду оберегать от зверей.

—Нет, я боюсь. Догонит меня волк и съест, — ответил заяц и ускакал прочь.

Наконец прилетел голубь.

—Ты самый дорогой среди птиц, лети и сообщи Сатанай, что я без ног, — попросил Сосурук.

—Да, я часто садился на вашу яблоню, на которой растут золотые яблоки³, и стряхивал их на землю, но ты не разу не послал в меня стрелу. Я знаю, что ты — батыр Сосурук, — ответил голубь и быстрее ветра полетел к Сатанай и сказал:

—Поляна заполнилась кровью [Сосурука], и его кровью насыщаются птицы.

Куртха Сатанай быстро к Сосуруку прибежала.

Коснувшись [губами] его раненых колен,

Раздробленные кости колен срастила.

Затем забрала его с собой в нартский аул.

49. СОСУРУК И АКБИЛЕК

Кырс-бийче, став приемной матерью Сосурука¹, [воспитала] его храбрым, правдивым, терпеливым, научила бегать, стрелять, сражаться.

В ее ауле жила прекрасная девушка Акбилек².

О ее красоте говорила вся страна нартов. [Не только красивой,

- Но и могучей она была] — могла побороть [даже]
вола, схватив [его] за рога.
Акбилек была дочерью нартского пелиуана по имени Экижюрек,
5 Который один отправился на битву [с врагом]
И погиб [в неравном бою], убив сто человек.

Кырс-бийче женила Сосурука на Акбилек и сделала ее своей невесткой. Но говорят, что Сосурук не мог с ней жить, потому что он был сыном камня, а она — дочерью человека³.

Однажды Сосурук долго ездил.
Переплыв через реку Кырк-суу, которую никто не мог одолеть,

- Он очутился среди эмегенов,
10 Увидел эмегенов огромный табун [лошадей].

Перехитрив, эмегенов спойл,
Накормив их беленой, рассудка лишил.

Обезглавив семьдесят эмегенов,
Угнал их табун. [Когда] он к своей крепости приблизился,

- 15 Наступила ночь, а река бурной была.
В темноте [Сосурук] долго ходил, брода не находя.

[Услышав] ржание лошадей,
Акбилек поднялась на крышу крепости.
Обнажив свою руку, протянула [ее] в сторону реки.

- 20 Свет, исходящий от ее руки, осветил реку.
[Тогда] Сосурук брод отыскал.

И, переправив табун, загнал его в крепость.
Вот так они несколько лет прожили.

- А однажды Сосурук перед женой
25 Похвастался, какой он джигит.

Его же жена Акбилек решила проучить его.
«Ничего, я покажу тебе, кто ты есть на самом деле,
Поймешь тогда, что [все это делаешь благодаря мне]», —
подумала она.

- [На следующий день] Сосурук, как всегда, отправился в жортууул.
30 Когда он скот и табун лошадей
К берегу реки пригнал,

Акбилек, поднявшись на крышу крепости, оголила руку
И осветила ночную реку.

- [Когда] Сосурук, табун в реку загнав,
35 До середины реки доплыл,
Акбилек убрала свою руку.

Сразу наступила кромешная тьма,
И скот и табун, сбившись с переправы, утонули.

И Сосурук вместе с животными утонул,
40 [А его труп] только потом нашли.

После смерти Сосурука
Акбилек одна жила.
Однажды Акбилек встретила нарта Ёрюзмека.

А Ёрюзек женолюбивым был,
45 Он бесстрашным, мужественным нартом был,

В месяц хычауман * он [всегда] из дому выезжал,
В этот месяц он в жортууул отправлялся.

Как-то раз, [в месяц хычауман], когда он ехал,
Встретился с группой людей.

50 Там его настиг дождь,
Ёрюзек слез с коня.

Когда пошел дождь, [туда] подошла Акбилек,
[Она от дождя] под буркой Ёрюзмека спряталась.

[Говорят], что тогда Ёрюзек соблазнил Акбилек. Акбилек же после этого
рассердилась на Сосурука [за то, что он не жил с ней, как муж с женой],

Взяла лопату и оттуда прямо
55 К могиле Сосурука пошла.
В гневе стала [его могилу] раскидывать.

Но Ёрюзек пришел за ней следом и остановил ее.
Вот поэтому могила [Сосурука] двухглавой стала⁴.

50. СМЕРТЬ СОСУРУКА

Я слышал, что когда-то часть нартов жила в ущелье Баксана, в местности Эл Журт. Их предводителя звали Сосуруком. Сосурук был старшим сыном Алаугана¹. У него было одиннадцать братьев.

Говорят, эти двенадцать братьев враждовали друг с другом. А причиной тому было то, что они не могли решить, кто из двенадцати братьев самый сильный и смелый.

Младшим среди двенадцати братьев был Сибилчи. Этот Сибилчи считал, что он самый сильный и смелый среди них. Братьям было не по душе его бахвальство, и они говорили: «Оставь, [на свете] найдется [человек] посильнее и посмелее тебя».

Сибилчи это не очень нравилось, и он, рассердившись, решил рассорить братьев и начал хвалить каждого по отдельности. А больше всех он хвалил Ёрюзмека. Сказав [братьям]: «Какими бы джигитами вы ни были, вам все-таки далеко до Ёрюзмека», — он очень их обидел.

Его братьям, которые считали себя самыми сильными и смелыми, не понравилось, что Сибилчи особенно выделяет Ёрюзмека. «Ни Сибилчи, ни Ёрюзек ничем не отличаются от нас», — сказали они. Не помирившись, по-прежнему враждуя друг с другом, они прожили так еще некоторое время.

Когда [поняли они, что не смогут] жить в мире и согласии, они покинули Эл Журт и разошлись кто куда. Потом со временем они собрались в Теберде. Когда все двенадцать братьев поселились в Теберде, они так и не смогли ужиться. Теперь они не только словесно препирались друг с другом, но начали пускать в ход оружие. При этом в их вражду были вовлечены и люди, жившие там. Народ был очень встревожен этим.

На стороне их старшего брата, Сосурука, было больше людей. Поэтому братья и их сторонники, объединившись вместе, решили погубить Сосурука.

Сосурук, узнав об их намерении, причинил им столько зла, сколько мог, и, убежав от них, поднялся на одну скалу. Скала, на которую он поднялся, называлась Чууана*.

Разгневанный Сосурук вытащил свой меч и со скалы Чууана стал угрожать им. И когда он крикнул людям, стоявшим внизу: «Что, перебить вас всех до единого?», те его проклинали: «Да превратись ты в каменное изваяние до того, как начнешь нас уничтожать!» И Сосурук тут же превратился в каменное изваяние.

Судя по рассказам, это каменное изваяние и сейчас стоит в Теберде на вершине скалы Чууана.

IV. ДЕБЕТ — АЛАУГАН — КАРАШАУАЙ

51. ПЕСНЯ О НАРТСКОМ КУЗНЕЦЕ ДЕБЕТЕ

Эмегены с нартами враждовали,
Старались побольше им навредить,

Когда нартские батыры в жортууул отправлялись
И в домах одни беспомощные старики [и] женщины оставались,

5 [Эмегены] задерживали чистые реки, текущие с гор,
Нарушали покой нартских аулов.

Нартские сыны не допускают насилия,
Они уничтожают [эмегенов], не оставляют их в живых.

Не обделены мужеством деу нарты,
10 Кони же нартов выносливы, словно сталь.

Без числа [нарты] истребляют в битвах эмегенов —
И в долинах, и на высоких горных вершинах.

* * *

В ауле, на ныгыше, сидят старики —
Нарты, способные воду выжать даже из камня.

15 Аксакалы * думают, совет держат:
«Как истребить род эмегенов?»

Наконец пришли к такому решению:
— Нартские джигиты, завтра садитесь на коней и в путь отправ-
ляйтесь,

Найдите мастера кузнечных дел Дебета.

20 Пусть Дебет выкует нартам такой меч:
Весом — с зубра,

Длиной — длиннее горного ущелья,
А шириной — шире санной дороги.

На рассвете нарты в дорогу вышли,
25 Взялись они за очень нужное дело.

Они едут без остановки днем и ночью,
Хотя кони их устали и [сами они] проголодались.

Проехали они долгий, длинный путь,
Но Дебета, о котором говорили старики, не нашли.

30 В один из дней [нартские] юноши долго ехали,
Подъехав прямо к подножию Минги тау,

Остановились отдохнуть у реки.
Решили там переночевать.

Уставшие в дороге, голодные кони нартов
35 В путях пасутся в росистой траве.

Нарты, не спавшие много ночей,
В бурки завернувшись, спят.

Утром [снова] отправились в путь,
В поисках [Дебета] к одной пещере подъехали.

40 В той пещере они нарта увидели,
Увидев, приветствовали его.

Смотрят: руки его из железа,
А зубы даже камень могут разгрызть.

Десять его пальцев из самой крепкой стали и чугуна,
45 Кончик каждого пальца — ярко-желтый,
А это — Дебета бронзовые ногти.

В его железных руках была нартская сила,
Ему нипочем брать руками [горящие] головы.

Руки его не боятся горячего железа,
50 Раскаленное железо он может согнуть [голыми руками].

Когда он быстро шагает, дрожит земля,
Когда кулаком по железу бьет,

Искры, словно звезды, летят,
От грохота эмегены прочь убегают.

55 Кузнец был громадный:
Грудь у него — словно скала,

Даже у слона не увидишь такого огромного тела,
Шея его толстая — словно пень дуба.
А в работе он очень ловкий.

60 Положив железо в огонь, раскалил,
Взял в руки раскаленное железо.

Ударил [по нему] тяжелым кулаком —
[И] вытянулся, словно змея, острый меч.
Протянув [через горы], в море его окунул.

65 Меч закалился в воде,
Уже готов для испытания.

Кузнец встал подальше от нартов,
Испытал [меч], ударив по крутой вершине горы:

В мгновение вершина горы разлетелась.
70 Огромная гора раскололась надвое.

— Пусть будет этот меч подарком от меня нартам,
Пусть будет он молнией против ненавистных эмегенов! —

Сказал кузнец и подал оружие гостям,
Нартам руки пожимая крепко.

75 — Меч, выкованный кузнецом Дебетом, в наших руках,
Теперь никакой враг не встанет на нашем пути!

Да продлятся твои годы, Дебет! — сказав, нарты
Сели на коней и пустились в [обратный] путь.

* * *

[Тот], кого Дебетом зовут, — отец [всех] кузнецов,
80 Его крепость стояла среди этих гор.

Он железо плавил,
Нартов в железные кольчуги одевал.

Нарты его полюбили за мастерство.
Он делал стрелы для нартского войска,
85 Его стрелы камни и горы пробивали.

На земле [больше] не рождался кузнец, подобный Дебету:
Его щиты меч не брал.

Его мечи горы рассекали.
Дебет первым подковал коня,
90 После него стали люди [ковать лошадей].

[Дебет] нартскому войску коней подковал,
[Своим мастерством] он [нартов] радовал.

Он [первым] на земле добыл железо,
Нартскому миру он дал железо,
95 Народ [кузнечное дело] от него перенял.

52. АЛАУГАН — СЫН ДЕБЕТА

Пелиуан Алауган в пещере одной скалы живет,
Ой, так живет.
Диких зверей Апсаты [он], словно своих животных, ест,
Ой, так ест.
Мать Алаугана настоящим батыром родила,
Ой, так родила.
Он за стадом зубров погнался,
Ой, так погнался.

- 5 Схватил огромного зубра за ногу и задушил,
Ой, так задушил.
Убил без оружия, поднял и несет,
Ой, так убил.
Тушу целого зубра на спине несет,
Ой, так несет.
Он из лука всегда без промаха стреляет,
Ой, так стреляет.
Стрелы его вглубь наполовину уходят,
Ой, так уходят.
- 10 Поймав льва, словно барана перед стрижкой, связывает,
Ой, так связывает.
Ломая деревья, словно травинки, их перебирает.
Ой, так перебирает.
Он шубы из тигровых шкур носил,
Ой, так носил.
Свою жену-эмегеншу он очень любил,
Ой, так любил.
Мяса одного буйвола ему на ужин не хватает,
Ой, так не хватает.
- 15 Его глаза как у совы — ночью [даже] волосинку, [плывущую] в
реке, заметят,
Ой, так заметят.
От его руки много животных погибает,
Ой, так погибает.
Он, разрушив скалу, текущую реку останавливает,
Ой, так останавливает.
[И] в ней рыбу руками ловит,
Ой, так ловит.
Длинная борода [всю] его грудь закрывает,
Ой, так закрывает.
- 20 За оленями он быстрее, чем конь, гонится,
Ой, так гонится.
[Огромные] чинары он, словно траву, сминает,
Ой, так сминает.
Он олени стада безошибочно находит,
Ой, так находит.
Ой, а [ты], богатырь Алауган из рода нартов, таков:
Когда ты чихаешь, дрожат скалы, горы,
Ой, так дрожат.
- 25 Услышав [твое чиханье], эмегены в испуге на землю садятся,
Ой, так садятся.
Снежные лавины срываются и падают,
Ой, так падают.
Народ о тебе песни и сказки слагает,
Ой, так слагает.
Встретившись с эмегеном, ты с ним стал бороться,
Ой, так бороться.
Ты победил его и жену у него отобрал,
Ой, так отобрал!
- 30 А она тебе чудесного сына родила,
Ой, так родила.
Но жена-эмегенша твоего сына проглотила,

Ой, так проглотила.
Пусть [только] мой враг встретился бы в этот миг с Алауганом,
Ой, так встретился.
Пусть такой [несчастный] день настанет [только] для моего кров-
ного врага².
Ой, так кровного врага.

Алауган так плачет, что горы и камни [от жалости] содрогаются,
Ой, так содрогаются.
35 Жену-эмегеншу он избил так, что ее бока почернели,
Ой, так почернели.
Алауган боится, что прекратится его род,
Ой, так боится³.
Слезы по его длинной бороде катятся.
Ой, так катятся.

53. СЫНОВЬЯ ДЕБЕТА И ДОЧЕРИ ЭМЕГЕНШИ

В древние времена был один пелиуан по имени Дебет. Был он из [племени] нартов. Ходил в одиночку в походы в Темир-Капу на востоке [страны нартов] и к Ледяному морю * на север. Его конь [был такой огромный], что перешагивал через горы. Горы, словно кочки, доставали только до его брюха. Когда [Дебет] досажал до могучих рек или морей, чтобы перейти [их], конь из одной своей ноздри выпускал [холодный] ветер и делал на воде ледяной мост, [зиму] он мог превратить в весну: напустив из второй ноздри теплые туманы, топил льды, проливал дожди.

У нарта Дебета было девятнадцать сыновей. Он хотел женить своих сыновей, начиная [не со старшего], а с младшего, поэтому отправился с ними в дальнюю дорогу на поиски семьи с девятнадцатью дочерьми.

Долго-долго они ехали и добрались до одного аула эмегенов среди Куфских гор. Когда они въехали в аул, им повстречалась ведунья Байрымкыз. Они расспросили ее обо всем. Ведунья сказала Дебету:

— В конце аула в пещере живет одна семья из племени эмегенов, у них восемнадцать дочерей. Их мать ищет человека с восемнадцатью сыновьями, поэтому она [с радостью] примет тебя в гости. Однако эта семья выдает дочерей [только] по старшинству.

Нарт Дебет сказал на это:

— Да покарает тебя Аллах [за это неприятное известие]! Ведь я-то хочу женить [сыновей], начиная с младшего.

Глубоко задумавшись, поехал он оттуда [с сыновьями] искать эту семью. [Доехав] до пещеры, отец девятнадцати сыновей Дебет крикнул:

— Эй, есть кто-нибудь?

Вышла женщина-эмегенша. На лбу у нее чернел, как пещера, один глаз, в руках она держала железное веретено, огромное, как столб, прясло [веретена] было с мельничным жерновом, а на ее запястье была намотана железная кудель.

— Эй, сыны человечьи, зачем бродите, чего ищете? Заходите, — сказала она.

— Вот иду девушек в жены своим сыновьям, — ответил [Дебет].

— Что же, зайдите к нам, если вам понравятся, у меня есть восемнадцать дочерей. У каждой из них — по одной игре. При состязании, если выиграют твои сыновья, девушки будут их. Ну, а если проиграют — они станут для [каждой из] нас лакомыми кусочками. Немного подождите, я сейчас вернусь, — сказала [эмегенша] и скрылась в темной пещере.

[Вдруг] из пещеры, сотрясая скалы, выбежали восемнадцать девушек-эмегенш,

которые, как и их мать, были одноглазы, а губы у них свисали до грудей. Старшая из девушек-эмегенш помогла слезть с коня младшему [сыну Дебета] и увела с собой, другая [увела] следующего, и так они забрали [с собой] всех младших братьев Алаугана. Мать девушек-эмегенш наблюдала за всем этим, потом она двумя пальцами схватила Дебета [вместе с конем] и со словами: «А ты мой!» — положила их в карман и [ушла]. Алауган же на коне остался [один] у входа в пещеру.

Не зная дороги, он поехал в сторону высоких гор. По дороге ему повстречалась престарелая ведунья, и он обо всем рассказал ей:

— Эмегенша двумя пальцами схватила моего отца Дебета вместе с конем и положила в карман. А ее дочери увели с собой [в пещеру] моих восемнадцать братьев и их лошадей. Как же мне теперь спасти отца и братьев? — спросил [он ее].

— Тебе их уже не найти, сын человеческий. [Эмегенши] закрыли вход в пещеру скалами. Этот вход они открывают лишь один раз в десять лет. А открывают они пещеру в самое холодное время года для того, чтобы совершать набеги.

На вершине Минги тау есть один восьминогий двуглавый железнокопытный конь с ушами в одну пядь и [шириной] в шесть обхватов. Этот конь [настолько громаден], что, повернувшись к югу, утоляет жажду из Черного моря, а повернувшись к северу, пасется на альпийских лугах, оставляя после себя лишь черную землю. [Взмахом] хвоста он разгоняет туманы и тучи. Когда он мочится, по всей земле несутся потоки мочи, которые сносят мосты в теснинах. Вот если ты найдешь [и оседлаешь] этого коня, вооружишься булатным мечом предков нартов и, подкараулив [момент, когда открывается пещера], вступишь в бой [с эмегеншами], ты спасешь своего отца и братьев. Ну, а если не сможешь этого сделать, то [эмегенши], где бы ты ни был, при помощи своего жека¹ найдут тебя и тоже съедят.

— Ведунья Байрымкыз, где же мне найти коня и булатный меч? — спросил ее Алауган.

— Если ты сделаешь [все], как я велю, я помогу тебе найти их, — ответила [ведунья].

Когда Алауган поклялся сделать все, что она повелит, Байрымкыз сказала:

— Алауган, если ты женишься на моей дочери и, будучи моим зятем, станешь жить у нас, сделаю так, что ты найдешь и оседлаешь того коня, вооружишься тем мечом и освободишь своего отца и братьев.

И Алауган женился на дочери ведуньи Байрымкыз. Прожил Алауган с женой некоторое время. Однажды ночью, когда они спали, его жена встала и подошла к очагу. [Алауган же притворился спящим и наблюдал за ней]. Он заметил, что она тихонько приподняла очажный камень и вытащила оттуда кувшин. Затем она достала из кувшина что-то черное и натерла им глаза и голову. [Потом] осторожно вошла в чулан, вынесла оттуда кап * орла и влезла в него. Немного постояла, прислушалась и через дымоход взвилась к небу.

Алауган, воскликнув: «Что это за диво?», выбежал во двор и стал смотреть за летящей в небе женой, пока та не скрылась за облаками.

Очень удивившись всему этому, он вернулся и лег в постель.

Спустя некоторое время жена вернулась и тихонько легла у его изножья.

Когда рассвело, жена повесила над очагом котел, чтобы приготовить еду. Она положила в котел мясо, сварила его и подала матери и мужу. [Ее] мать с жадностью съела свою [долю]. Алауган же не стал есть, в его сердце закралось сомнение. «Это мясо совсем не похоже ни на одно мясо, которое я когда-либо ел», — подумал он и спросил у жены:

— У нас же не было свежего мяса, откуда это мясо?

— Соседи принесли ночью, когда ты спал,— ответила жена.— Ну, что ты все расспрашиваешь, ешь! Очень вкусное мясо,— прикрикнула она на мужа.

Алауган вынужден был откусить кусок [мяса]. Откусил и понял, что это самое вкусное мясо на свете, он никогда не ел такого вкусного мяса. Вдруг ему в нос ударил запах женского [грудного] молока. [В ужасе и гневе] Алауган вскочил, его лицо было мокро от слез, он схватил жену за горло и задушил ее. Потом он схватил свою тещу Байрымкыз.

Ведунья взмолилась:

— Алауган, не убивай меня! Я сделаю все, что ты захочешь.

— Хорошо,— сказал Алауган,— если ты научишь меня, как вызволить от эмегенш моего отца и братьев, я не убью тебя.

— Ну что же мне делать, да покарает тебя Аллах! В темном чулане находится кап орла Тауруса *. Во-первых, возьмешь его. Во-вторых, захвати с собой кнут, который спрятан над светильником. Его кнутовище сделано из дерева с горы Куф, а сам кнут — из кожи со спины семисотлетнего семиглавого эмегена. В-третьих, под очажным камнем находится черный кувшин. В нем хранится черный жир. Если ты натрешь этим жиром глаза и голову и влезешь в кап орла, он мгновенно доставит тебя туда, куда ты пожелаешь. В-четвертых, меч предков нартов, выкованный из железа с горы Налмас тау *, лежит в черном сундуке. Сундук сам открывается перед тобою. Меч этот во время боя удлиняется, [даже] скалы и горы он разрубает, словно курдючное сало. Этот меч носи под пяткой.

Когда ты поднимаешься в небо, тебе навстречу взлетит орлиное войско из трех тысяч человек. Они все набросятся на тебя, чтобы съесть. Тебе не одолеть их ни своей силой, ни своим мечом. Ступай, да в недобрый час, у меня под подушкой лежит хурджун * с золой из костей эмегенов. Это яд. Возьми его с собой. Когда ты встретишь орлов с воинами, развеешь перед ними золу, которая [тут же] превратится в дым и туман. И тогда орлы, ничего не видя перед собой, погибнут, разбившись о скалы.

После того как старая ведунья Байрымкыз научила Алаугана [всему, он отпустил ее].

Пошел, как она говорила, и вынес из темного чулана кап орла Тауруса. Взял спрятанный над светильником кнут, кнутовище которого было сделано из дерева с горы Куф тау. Достал из черного сундука меч предков нартов, выкованный из железа с Налмас тау, сложил его всемеро и положил себе под пятку. Вытащил из-под очажного камня кувшин с черным жиром и натер им себе глаза и голову. Потом взял хурджун [с золой], влез в кап орла и взлетел в небо.

Когда он взлетал, от частых [мощных] взмахов крыльев на земле [поднялся сильный ветер], который окутал всю землю пылью. В горах начался ураган.

В это время эмегенши были в пещере. И до них тоже долетел ураганный ветер, который сметал на своем пути деревья и камни. Мать эмегенш взяла свой волшебный рог и стала нюхать ветер. [Потом] она взяла свою подзорную трубу, оглядела из пещеры все вокруг и, разозлившись, так крикнула своим восемнадцати дочерям:

— С неба духом ас-муса несет. Скажите своим воинам, находящимся в пещерах, пусть они облачатся в свои орлиные капы и возьмут с собой побольше оружия. А мы возглавим наше войско и отправимся в дорогу. Я сама поведу вас всех.

Эмегенши заперли в пещере Дсбета и его сыновей, а сами со своим орлиным войском взлетели в небо.

Летели они, летели и заметили, что вдалеке навстречу им летит Алауган. Старая эмегенша крикнула своему орлиному войску:

— Налетайте на сына Дебета Алаугана, который летит в капе орла Тауруса!

Орлиное войско, поднимая взмахами своих крыльев страшный ветер над всей землей, кинулось навстречу Алаугану. Началась битва. Алауган стал сбивать их [огромными] крыльями [капа]. Когда устал, он вытащил свой меч и стал им размахивать и уничтожать их, но в это время предводительница орлиного войска — старая эмегенша — подлетела и, укусив за плечо, ранила его. Алауган стал слабеть и подумал, что ему уже не одолеть [эмегенш]. Вдруг он вспомнил о золе, которую дала ему ведунья Байрымкыз, [достал] и развеял ее по воздуху. И сразу же все небо заволочло дымом и туманом. Ослепнув, не зная, куда им лететь, эмегенши и их войско разбились о скалы.

Алауган же, спасшись от них, пошел к пещере, где находились его отец Дебет и братья. Придя, он увидел, что вход в пещеру заставлен огромной черной скалой. Он скинул с себя орлиный кап и, размахнувшись, ударил своим мечом скалу. Еще несколькими ударами он рассек ее на части и начал разрубать [эти каменные глыбы], как курдючное сало, на мелкие куски.

Когда он рубил скалу, от искр, вылетающих из-под его меча, загорелся лес, [растущий у пещеры]. Открыв вход в [пещеру], Алауган вошел туда, забрал своего отца и братьев и повез их в страну нартов.

54. КАК АЛАУГАН ПОЙМАЛ ЖЕРЕБЕНКА

Неподалеку от нартского аула было большое озеро. Из этого озера на рассвете выходили два жеребенка. Выходили, осматривались вокруг, потом входили в озеро, проплывали все озеро, а устав, ныряли назад.

Мужчинам в нартском ауле эти жеребята-тулпары * очень нравились, но они не знали, как их поймать, долго [об этом] думали. Однажды мужчины аула, все до единого, взяли по крепкому аркану и отправились на берег озера. Каждый выкопал яму и спрятался в ней. Алаугана в этот день не было в ауле. Перед тем как жеребята вышли [из озера], мужчины обмотали руки концами арканов, и, когда жеребята вышли из озера и стали осматриваться вокруг, мужчины нацелились и на шею им бросили арканы. Бросили, но ни один из них не смог заарканить жеребят — с тем и вернулись.

Алауган, услышав об этом, на другой день, в полдень, взял крепкий аркан, сплетенный из конских волос, и спрятался на берегу озера. Он расположился в яме и стал ждать, а когда пришло время, увидел, как из озера вышли гнедой и сивый жеребята. Алауган бросил аркан на коня, что шел впереди, но аркан попал на шею другого — сивого — коня.

Алауган потянул [аркан] изо всех сил и приблизил к себе жеребенка. Пока он тянул его к себе, толстый, сплетенный из конских волос аркан растянулся и стал тоненьким, как ниточка. [Едва] жеребенок оказался рядом, [Алауган] одной рукой схватил его за ухо, другой надел на него уздечку. Он повел жеребенка за уздечку, а когда пришел домой, надел на его спину седло, которое досталось ему от братьев. Крепко подтянув все три подпруги, [Алауган] взял в руки плеть и вскочил на жеребенка.

Жеребенок оказался необыкновенным: путь, который кони из их аула проходили за месяц, он преодолел за один шаг, а путь, который они преодолевали за год, проходил за один месяц.

А прыгал он на расстояние, которое обыкновенные кони проходили за полгода. Такой это был летучий [сивый] дюдюр — жеребенок, которого Алауган поймал в озере.

Пока [Алауган] не приучил к себе жеребенка, он как следует погонял его, потом вернулся домой. Жеребенка назвал Гемудой.

Люди нартского аула удивлялись и говорили вслух, чтобы слышал Алауган:

— Как этот дурень поймал [такого] жеребенка, как он оказался сильнее всех?!

— Я — мужчина! — ответил на это Алауган.

Соперничая с Алауганом, опять собрались все мужчины аула, чтобы поймать гнедого жеребенка, что остался в озере. Они взяли с собой арканы, спрятались на берегу озера и стали выслеживать [его], но гнедой жеребенок [больше] не вышел из озера.

55. КАК АЛАУГАН ПОХИТИЛ ЗОЛОТУЮ ШУБУ У ЭМЕГЕНОВ

Однажды Алауган сел на своего Гемуду со словами: «Поеду, развлекусь и приеду» — и отправился в путь. Ехал он, пока не наступили вечерние сумерки. Вдали заметил свет костра. «На этом голом месте не было ни аула, ни коша, о боже, что же это за свет?» — стал гадать Алауган.

Он не знал, что и подумать, а его конь Гемуда, на котором он сидел, сказал человеческим голосом:

— Там живут семь семиголовых эмегенов. Они положили в казан с сорока ушками пятилетнего быка, под ним разожгли сильный огонь, вот это и свет этого огня. У этих семи эмегенов есть золотая шуба. Это не просто золотая шуба, у этой шубы воротник поет, рукава бьют в ладоши, а полы танцуют... Если боишься, убегай подальше, если нет, подъедем к ним. Если будешь делать, что я тебе скажу, заберешь шубу и вернешься, если не [послушаешься], эмегены съедят тебя. Как только мы появимся, эмегены обрадуются: «У-у, Алауган, откуда ты появился? Проходи, проходи!» А старший скажет: «Привяжите коня гостя!» Тогда ты скажешь: «Конь у меня злой, как бы не наделал беды, может лягнуть задней ногой и передними ногами, даже может укусить, не прикасайтесь к коню!» Самый смелый из эмегенов подойдет и скажет: «Что может сделать нам этот жеребеночек?» Сказав так, он захочет взять у тебя поводья, а я быстро повернусь и изо всех сил ударю [его] копытом — увидишь, куда отлетит эмеген. Эмегены подумают, что он умер, и сбегутся к нему, тогда ты зачерпнешь их ведерным черпаком шорпу из кипящего казана и плеснешь на них, тогда они скажут: «Эй, Алауган, ты что, с ума сошел? Чуть не обварил [нас]» — и разбегутся, забыв про шубу. Если тогда сможешь схватить золотую шубу и быстро взобраться на меня, то ты спасешься. Если не сможешь, они затопчут тебя!

Алауган, вняв умному совету Гемуды, не испугался, подошел к эмегенам.

— Добрый вечер, древние старцы! — поздоровался Алауган с эмегенами.

— Спасибо, Алауган, сойди с коня, проходи! — сказали эмегены и переглянулись друг с другом. Алауган, сходя с коня, заметил казан с сорока ушками, в котором варилось мясо, о котором говорил его конь.

— Вставайте, привяжите коня гостя! — приказал тамада эмегенов.

— Эй, оставьте [его], это свирепый, скверный конь, он может изувечить вас! Он бьет и передними и задними ногами, мало того, он еще и кусается. Не трогайте, марджа, — попросил Алауган.

Тогда вышел вперед самый спесивый из эмегенов. Сказав: «Что может сделать этот жеребеночек?», — он вплотную приблизился к Гемуде. Тут конь ударил его копытом так, что эмеген далеко отлетел и растянулся на земле.

С криком: «Ой, неужели он убил его?» — эмегены бросились к нему.

Когда они побежали туда, Алауган большим черпаком [зачерпнул кипящую шорпу] и выплеснул на них. В этот момент золотая шуба вывалилась из потайного места и упала перед Алауганом.

Алауган вскочил на коня, схватил золотую шубу и, пока эмегены пришли в себя и бросились к нему, был таков.

Добравшись [он] домой, привязал своего коня в сарае, повесил золотую шубу

на самое почетное место в доме. Тотчас воротник золотой шубы заиграл на гармонике, рукава захлопали в ладоши, подол стал танцевать. Увидев сияние, которое излучала через окно золотая шуба, весь нартский аул, не исключая ни стариков, ни детей, — весь джамагат собрался у дома Алаугана.

— Что за чудо? — удивлялись они, разинув рты.

Алауган широко открыл свою дверь, чтобы все могли увидеть золотую шубу. Смотрят [нарты] — и что за чудо: у золотой шубы воротник издает музыку, рукава хлопают в ладоши, а подол танцует!

56. КАК АЛАУГАН ОСТАЛСЯ БЕЗ ЖЕНЫ

Алаугановых было девятнадцать братьев. Самый старший — Алауган. Все были неженатыми. Как-то юноши сказали отцу: «Найдите нам [такую] семью, где у одного отца и у одной матери было бы девятнадцать дочерей». В ауле, где они жили, такой семьи не было, поэтому их отец отправился в путь [на поиски].

Долго он ходил, но не нашел такой семьи. Когда он возвращался домой, на вершине холма увидел женщину. Поздоровался с ней, спросил:

— Не обессудь, но [скажи], чего ты ищешь?

— Зачем же я буду осуждать, когда ты в безвыходном положении? Я вышла в путь, у меня восемнадцать дочерей, я ищу восемнадцать юношей, чтобы они были сыновьями одной матери, одного отца.

— Вот и я в таком же положении, но у меня девятнадцать сыновей. Кто знает, пойду спрошу у сыновей. Если они согласятся, сделаю невестками восемнадцать твоих дочерей, — сказал [он] и пошел домой.

Дома он рассказал обо всем подробно. Все сыновья молчали, а самый младший сказал:

— Если Алауган останется [без жены], ничего не случится, а мы возьмем [в жены] этих восемнадцать девушек.

И отец и юноши не стали возражать. Поехали, привезли восемнадцать сестер, устроили большой той. А Алауган остался без жены.

57. АЛАУГАН И ЗИНЗИУАР

Алауган был сыном кузнеца Дебета, [жившего] на Минги тау. Уже в детстве было видно, что он станет пелиуаном. У него было два сердца, вместо ребер у него была сплошная кость¹. Он был широкоплеч, его запястья и голени были толстыми, словно бревна. [Он] наматывал на запястья железные ломы, словно прутья. [Во время игры] он метал речные валуны величиной со стог сена, вырывал с корнем огромные деревья. Зараз он съедл одного откормленного быка, два гыржына величиной с мельничные жернова и выпивал казан шорпы в девять ведер.

С Алауганом было девятнадцать братьев, он был старшим из них. Отец Алаугана женил своих сыновей, начиная с младшего. [Поэтому] Алауган долго жил без жены, и, когда он стал стареть, в народе, кого-нибудь проклиная, говорили: «Чтоб ты, как Алауган, без жены состарился!»

Услышав это, Алауган сказал: «Да, оказывается, я, сам того не зная, стал посмешищем в народе», — оседлал коня, взял оружие и поехал в сторону Куфских гор.

Ехал он долго-долго и, когда доехал до большой реки, увидел, что из одной огромной пещеры валит черный-пречерный дым, окутывая солнце и горы, словно туман. «Что за диво, видно, здесь есть что-то странное», — решил Алауган. Он

привязал коня у пещеры, взял меч, подкрался и заглянул в пещеру. Глядь: одна эмегенша, перекинув за спину [огромные] груди, держа сито, в котором могли бы бегать три коня, просеивала в каменное корыто муку, перемешанную с песком, отчего вокруг и поднялась пыль. Над дымным костром у нее кипел казан в сто ведер [воды].

[Алауган] стал [разглядывать] эмегеншу: рот ее был в одну сажень, нижняя губа свисала до грудей, на лбу у нее был один глаз, а на затылке ярко блестел, как утренняя звезда, другой глаз, величиной с человеческую голову. На красной, как медь, голове не было волос. Она была громадной, словно девять буйволов вместе. Руки и ноги ее были необъятной толщины. Ногти ее были длинными и острыми, как клюв орла.

Долго смотрел Алауган на это чудище, потом потихоньку подкрался и взял в рот грудь эмегенши. Эмегенша решила, что это села муха, и потянулась рукой. Когда же ее рука коснулась чего-то другого, она оглянулась. Смотрит: а это сын нартов Алауган.

— О дитя, неожиданно ты стал моим сыном², а так каким бы лакомым кусочком [ты был для меня]! — сказала [она].

Алауган ответил:

— О, если бы так же неожиданно у тебя была бы дочь и [ты], отдав [ее] мне, сделала бы меня своим зятем!

— Гость, ты, наверное, из племени нартов. Они [ведь] ненавидят нас. Однако, если тебе понравится, у меня есть одна красивая дочь, ее зовут Зинзиуар, пойдем, посмотришь, — сказала она и повела Алаугана в другую пещеру.

[Вход] в пещеру закрывала дверь из огромных досок. Эмегенша зашла первой и сказала:

— Дочь моя, я привела тебе мужчину из племени нартов, может, он тебе понравится. Постарайся понравиться ему.

Потом Алауган зашел в пещеру и увидел Зинзиуар. Зинзиуар была дочерью эмегенов, но, может, потому, что в роду ее отца были родственники из нартов³, она была немного симпатичнее других эмегенских женщин: глаза ее были огромными, как ковши, талия подобна стогу сена, живот — как [огромный] казан для варки бузы; руки, ноги — как столбы; голова [без единого] волоска была ярко-красной, словно раскаленная медь.

Несмотря на все это, Алауган решил жениться на ней из-за того, что она, [как и он], была богатыршей. Мать тоже согласилась отдать Зинзиуар за Алаугана.

[Только] мать и дочь поставили ему такие условия: чтобы [на завтрак, обед и ужин] ей давали один гыржын из проса величиной с мельничный жернов, одну тушу барана и три ведра бульона. Чтобы ей [каждый] месяц [шили обувь] из шкуры быка и шубу из оленьих и маралых шкур.

Договорившись с ними, Алауган, чтобы забрать невесту, уехал в свой нартский аул за дружками. Собрав двести самых отважных, смелых нартов и взяв с собой еду, питье, нужную утварь, он отправился [за невестой]. А невесту они хотели привезти на железной арбе, в которую запрягли девять лошадей из породы Гемуды и Генжетая. На случай, если они устанут, они взяли с собой еще девять лошадей.

Сам Алауган на Гемуде ехал впереди свадебного поезда. В руках он держал шест длиной в сто сажень. На этот шест вместо свадебного флага⁴ повесил чучела голов, похожие на головы эмегенов. А это [нарты] сделали для того, чтобы устроить эмегенов: и их, мол, ожидает такая же участь, если они причинят [нартам] зло.

Алауган со своими всадниками стодневный путь одолел за три дня. Эмегены к приезду нартов установили девятьсот девяносто девять котлов. В каждый котел они положили по три туши оленей и маралов, налили в каждый из них девяносто

девять ведер воды и сварили мясо, положив в каждый котел по ведру соли, добытой из моря на востоке.

Когда [Алауган и его] дружки подъехали к большой равнине эмегенов, эмегены помогли им спешиться и начали угощать их. Эмегены, налив в специальные котлы для сыра свои хмельные напитки, настоянные на конопле, чемерице и девясиле, принесли и поставили их перед нартами. Алауган же тайком от эмегенов дал понять нартам, что если они выпьют их напитки, то лишатся рассудка. [И тогда] нарты стали пить свою кара сыру*, которую привезли с собой в бурдюках. Они своей сырой стали угощать и эмегенов, но в их питье они специально, [чтобы лишить эмегенов рассудка], подливали молоко бесовок и настой азалии⁵. Выпив это, эмегены обезумели. Часть их разбежалась по лесу, а оставшиеся затеяли драку между собой.

Через некоторое время эмегены и нарты решили испытать друг друга в силе. Старший из эмегенов сказал:

— Сыны нартов, по нашим обычаям, сперва гости показывают, на что они способны.

Нарты не стали возражать. Они [тайком от эмегенов] взяли из арбы с провизией бурдюк с раствором извести, закопали его на вершине одного кургана и послали [на этот холм] самого младшего из нартов, сказав:

— Пойди и ударь по земле коленями так, чтобы ее жир наружу вышел.

Нарт поднялся [на холм], подпрыгнул и ударил коленями по бурдюку.

Из развязанного бурдюка, [сделанного] из шкуры зубра, с вершины кургана вниз полилась известковая вода. Эмегены, увидев это, стали просить:

— Эй, сыны нартов, покажите нам еще что-нибудь удивительное, [наподобие этого].

Нарты пошли к своей арбе с провизией, наполнили свои карманы ячменной мукой, потом взяли по белому камню и подошли к Алаугану и [эмегенам]. Алауган велел нартам:

— Ну что же, нартские юноши, возьмите эти белые камни, поднимитесь на вершину кургана. Там сожмите эти камни руками так, чтобы они превратились в порошок, подобный муке. После развейте его по ветру.

Трое нартских юношей поднялись [на курган] и стали бросать вниз муку из карманов.

Поглядев на все это, придурковатые эмегены испугались и сказали:

— Да-а-а, сыновья нартов могут ударом извлечь жир земли, сжав руками, превращают камни в муку, нам, оказывается, не под силу состязаться с ними.

[После] они приняли все условия нартов и стали готовить Зинзиуар в дорогу.

Они надели на Зинзиуар шубу из шкур ста маралов. На ноги надели башмаки, сделанные из шкуры зубра, на голову повязали платок из ста пятидесяти аршин полотна из конопли, в уши ей вдели серьги из рогов девятигодовалого тура, ее браслеты из бронзы были такие огромные, что через них мог пройти семилетний ребенок.

Когда дружки [Алаугана] поели и попили, они запрягли в железную арбу девять лошадей и посадили на нее невесту. [Тут же] железные колеса арбы ушли в землю, и кони не смогли [даже] сдвинуть [ее]. И только тогда, когда один из нартов в эту упряжку запряг и коня Генжетая, [арба] двинулась и [нарты] вышли в дорогу. В пути, когда они доезжали до рек, они переправлялись на другой берег, построив новые мосты. Вот таким образом привез Алауган свою жену к [нартам] на Минги тау.

58. КАК АЛАУГАН ЖЕНИЛСЯ НА ЭМЕГЕНШЕ

Однажды Алауган сел на Гемуду и отправился в путь. Шел-шел и вошел в лес. В лесу — огромный дом. А внутри дома — эмегенша. Женщина чесала шерсть, забросив обе груди за спину. Алауган подбежал со словами: «Ой, анай, анай» — и приложился губами к ее груди.

— Ой, дитя, дитя. Быстро я стала твоей матерью, а то бы я знала, что с тобой делать,— сказала эмегенша.

— Быстро я стал для тебя сыном, а то бы и я знал, что с тобой делать,— сказал Алауган.

На огне кипел большой казан с мясом. Когда мясо сварилось, женщина забеспокоилась, опасаясь, что мясо переварится, но не смогла снять казан.

— Кто снимет казан? — спросил Алауган.

— Мои сыновья.

— Я сниму.

— Сними.

Алауган снял с огня казан с мясом.

— Когда придут сыновья, они убьют тебя,— сказала эмегенша и спрятала Алаугана. К вечеру ее сыновья собрались в доме.

— Уф, пуф! Человеческий запах, человеческий запах! — закричали [они].

Мать ничего не сказала. Тогда они, повернувшись к очагу, спросили:

— Как ты сняла казан?

— У меня и кроме вас есть сын.

— А где он?

— Если вы дадите слово не трогать его, покажу.

— Даем, даем.

Женщина позвала Алаугана.

Сыновья эмегенши удивились и спросили:

— Что заставило тебя прийти к нам, что ты за человек?

— Извините, что я сам пришел сватом,— ответил Алауган,— я пришел просить руки вашей сестры.

Сыновья эмегенши пошептались и стали испытывать Алаугана в различных играх. После этого все они согласились отдать за него сестру.

Приложение 1

КАК ВОШЛО ЗЛО В НАРТОВСКИЙ РОД

Вы скажите мне, предвечные горы,
Тайну глав своих хранящие от века исполины,
Ты поведай мне, вод земных владыка,
Говорливый старик — полное неведомого море,—
Не свои вы мне тайны расскажите.
Вы откройте мне тайну чужую:
Как родилось зло среди чистых нартвов?
Злобу, зависть, черную измену
Кто занес, посеял в тот род беспорочный,
Что из сердца Тха великого родился?
Ревом волн мне отвечало море,
Мне в ответ вершины гор загрохотали:
«Впору нам беречь свои-то тайны,
Об чужих и знать нам нет охоты!
А спроси, старик, коль хочешь, ветра,
Он из края в край земли летает,

Знай, летает — все чужое знает».
— У старого нарта, у Девета Золотого
Девятнадцать сынов народилось
(Дочерей считать — не нартовское дело).
Как вступал молодец в мужской возраст,
По обычаю ему голову брили.
Надевали оружие, на коня садили,—
И теперь ведь у нас так же ведется...
Только вот какой еще был у нартов обычай:
Когда молодцу голову брили, наделяли оружием, на коня
садили —

В ту пору не его, а младшего брата женили.
— И выросли братья, сыновья Девета Золотого,
Все переженились, у них дети и внуки родились;
Лишь старшему, Алавгану, всё жениться пора не пришла,
Всё пора не пришла, хоть давно уж она и ушла.
Половина волос у нарта побелела,
Сетью старости лицо его покрылось,
Одиноким, сумрачным он бродит,
Словно зубр-одинец (?) заматерелый,
И в своем роду уж нет ему невесты.
Дразнят дети старика холостого:
«Слышно, нарт, ты прясть уж научился;
Ткать учись — без бабы сам стань бабой,
Чтобы голым щеголять не довелось!»
А большие, меж собою ссорясь,
«Счастье Алавгана» — как проклятье сулят.
Не стерпел Алавган такого поруганья,
И пошел старый сын к древнему Девету.
Войдя, шапку снял, перед постелью стал
И отцу поклонился, так речь держал:
«Отпусти меня, батюшка, на дальний Север ехать,
Избивать безбожных эмегенов.
Надо мною уж люди смеются,
Что я, дома сидя, просидел свою нартовскую удаль».
Сыну Алавгану так Девет ответил,
И был мудр тот ответ прозорливого старца:
«Коли едешь ты, сын, в наезд на эмегенов,
Заслужить коль хочешь перед Тха-владыкой,
Что, создав нас, крепко заповедал
Не щадить того проклятого отродья,—
Я на тебя дам мое благословенье,
Дам благословенье — а с ним все вооружение:
Шлем Бидасов, Царехову кольчугу
И сырпын, богатырскую шашку,—
Я для старшего в роде их сковал-сработал.
И коня я дам тебе — вщего Гемуду.
Скован конь тот мной из черной стали,
Оживлен Тха-владыки дуновением
И стоит — ждет хозяина — в глубоком подземелье...
Все я дам тебе. Ты же дай мне клятву,
Что из стороны безбожных эмегенов
Никого сюда не приведешь живого,—

Приведешь ты гибель нартовскому роду.
Дай мне клятву, сын. И клятву ту исполни,
Хоть меня, вернувшись, в живых уж не застанешь!»
И Алавган старику-отцу поклялся,
Отъезжая, дал ему крепкое нартовское слово,
Что из стороны безбожных эмегенов
Никого он к нартам не ввезет живого.
То не черная туча с гор несется
Над холодной степью, молнией блистая,
И не гром гремит сквозь завыванье бури —
То могучий нарт на коне своем вещем Гемуде
Беспощадно громит эмегенов.
Его шашка — сырпын, как молния, блещет,
Словно гром, гремят ее удары
Сквозь предсмертный вой и стон сраженных.
Поднялись в степи горы из трупов,
Разлились в ней реки — реки черной крови.
Вдаль, на страшный Север, в мертвые пустыни,
Обезумев, бегут живые эмегены,
А за ними, как день за ночью,
Неотступно идет и неизбежно
Мчится нарт Алавган на чалом Гемуде
И свистящим, ярко блещущим сырпыном
Рассекает на части отсталых.
У широкой реки, у славного Идиля,
Натянул нарт Гемуде поводья.
На ту сторону, в песчаные пустыни
Нет пути — кому жизнь надоела?..
Осадил коня. Глядь — в пещере под обрывом
Притаились трое великанов:
Старик с сыном прячут котел древний, закопченный,
Не велик котел и не мал: сорок быков в нем сварится;
С сорока котел медными ушками,
А старуха вход в пещеру зашивает;
Камень с камнем сшивает, иглой быстро тачает,—
А игла-то с вековую сосну...
Крикнул нарт на коня, из ножен шашку вырвал
И помчался вниз к прибрежной пещере.
Вдруг на середине той реки Идиля
Поднялась над водой голова девы-эмегены,—
Словно гром, гремят ее удары,
Точно угли, под ресницами очи сверкают...
«Слушай, нарт Алавган, не губи моих близких,—
Говорит ему та красавица-дива,—
Я к тебе, старику холостому, выйду,
Не побрезгаю твоею седою бороною,—
Так и быть, бери меня женою,
Хоть на свете нет меня красивее и стройнее!»
Ничего ей старый нарт не ответил,
Покосился на нее исподлобья
И смахнул, слегка лишь двинув шашкой,
С шеи голову сына-эмегена.
Из воды красавица по пояс показалась;

Словно тополь, ее стан высок и строен,
Белей горного снега ее тело,—
Она молит нарта, к нему руки простирая:
«Хоть отца-то с матерью оставь мне,
Нарт могучий. Пожалей их старость!
Погляди: иль я тебе не нравлюсь?
Где ты видел лучше грудь и шею,
Стан стройнее и круглее руки?
Эта грудь к тебе крепко прижмется,
Эти руки вокруг шеи твоей обовьются,
Вся твоей я буду!» Но нарт не поддался,
Оторвал насильно взор от искушенья
И, нахмутив брови, стиснув гневно зубы,
Старика-эмегена разрубил с размаха...
Застонала красавица, громко зарыдала
И, на камень из воды поднявшись,
Вся Алавгану показала.
«Господин мой, вот — я твоя рабыня,
Если мать хоть, старуху, пощадишь ты...
Если ж нет, я тотчас кинусь в воду:
Утонув, красоту свою рыбам отдам я,
Они все ж не холоднее тебя, камня!»
Закружилось все в глазах у Алавгана,
В голове его словно молоты забили,—
И рукою за грудь ухватившись,
Там, где сердце, что птичка, трепетало,—
Так промолвил старик языком иссохшим:
«Пусть живет. Пусть старуха уходит!
Только ты приди! Приди ко мне скорее».
Лишь сказал Алавган те речи,
Вдруг кольчуга грудь его сжала,
Его голову шлем отвернул от девицы,
И сырпын сам в руке на старуху поднялся,
А отцовский конь, вещий Гемуда,
Сильно в камень копытом ударив,
Ему молвил человеческой речью:
«Помни, нарт, ту великую клятву,
Что отцу ты дал перед отъездом...»
Но уже девица к берегу подходит,
На песок выходит, наготой блистая...
И презрел Алавган ту великую клятву...
Что он дал отцу, из дома уезжая,
Сломал старый нарт свое крепкое слово:
Эмегену-деву на руки хватает,
К груди прижимает, на коня сажает,
Чтоб везти ее в нартовскую землю,
Чтоб отродье безбожных эмегенов,
На беду, ввести в свой чистый дом женою.
На коня он с собой сажает эмегену.
Не сдержал того бремени Гемуда,
Словно лук, его стальной хребет согнулся,
Задрожали, подогнулись его ноги,
И промолвил конь речью людскою:

«Господин мой, сын безгрешного Девета,
А обоих вас нести мне не по силам!
Ты послушай, нарт, мое доброе слово:
Чем хребет мой сломать под эмегеней,
Ты меня нагрузи дорогой добычей —
Тем котлом с сорока медными ушками,
Что старик-эмеген в пещере спрятал.
В тот котел и мяса класть не надо:
Лишь водой налить да огонь разложить,—
Сорока быков наполнится он мясом,
И покуда в доме Алигата —
В доме старшего над нартами рода —
На святой цепи котел висит прикован,
Будет крепко племя славных нартов,
Да и голода мук не узнает».
Пока речь ту держал вещей Гемуда,
Эмегена не промолвила ни слова,
Только, злобно глазами сверкая
На него, скрипела белыми зубами.
А как смолк он, она так сказала
Алавгану, криво усмехнувшись:
«Все, бывало, муж давал за жену выкуп,
А теперь — жена дает за мужа!
Что ж, бери котел мой: без него-то,
Видно, нарт, жены ты не прокормишь!»
Принял нарт Алавган совет Гемуды,
Из пещеры котел чудесный вынул
И, взвалив его себе на плечи,
Словно раб, пошел, от бремени сгибаясь,
У ноги чаровницы-эмегены.
А красавица, с гордою усмешкой,
На коне, красуясь, госпожою едет...
Ой, спасибо тебе, милостливой смерти!
От чистого тьмой закрывшись,
Ты позор тот от него закрыла!

59. АЛАУГАН И ПЯТИГОЛОВАЯ ДЕВУШКА-ЭМЕГЕНША ¹

Нарт Алауган жил на берегу одного большого моря. В этом море были два [морских] коня. Никто из [нартов] не мог поймать их. Алауган взял с собой цепь и пошел к морю. Кони при виде человека бросились в море, а когда [Алауган] ушел, опять вышли на берег.

Однажды Алауган [подкараулил их] и, когда кони были на берегу, накинул на шею одного из них цепь. Поймал коня и повел к себе домой. [Приручил] и сделал его своим конем. Назвал его Гемудой. Люди были удивлены этим.

[Однажды] Алауган сел на своего коня и отправился искать себе жену. В пути, на одной лесной поляне, он увидел какое-то страшное существо. Испугавшись, он остановился. «Я же поклялся ничего не бояться и вот теперь нарушил свою клятву», — огорчился он. На что Гемуда сказал: «Не бойся — это пятиголовая эмегенша зашивает землю. Ты слезь с меня, подбеги и приложись губами к ее груди. После этого, как только она скажет: „Ой, дитя мое!“, ты скажи: „Ой, мать моя!“, а потом поведай ей о себе».

[Алауган слелал все так, как научил его Гемуда]. Когда эмегенша спросила

его: «Что ты здесь ищешь?», он ответил ей, что ищет себе жену. Эмегенша, сказав: «У меня есть две дочери. Выберешь себе ту, которая понравится», — повела его в свой дом. Алаугану ее дочери понравились.

Когда он, взяв одну из ее дочерей, собрался уезжать, подали угощение. Алауган съел немного буйволиного мяса. А девушка съела мясо целого буйвола. Алауган, увидев это, испугался, подумав: «Как же я ее прокормлю?». Он посадил ее на Гемуду и повез в свой аул.

Жители аула со словами: «Алауган жену себе везет» — вышли ему навстречу. Смотрят — а это пятиголовая эмегенша. Они повернулись и бросились бежать. Люди вернулись по своим домам, а [Алауган] привез жену домой.

Эмегенша съедала своих новорожденных детей. Огорченный этим, Алауган пошел и попросил у Сатанай совета. Та сказала: «Возьми одного щенка. Когда она родит ребенка, подбрось ей щенка, а ребенка заведи и спрячь где-нибудь. Когда малыш вырастет, он будет знаменитым на весь мир богатырем, которого будут называть сыном Алаугана и эмегенши».

Когда эмегенша родила [в очередной раз], Алауган подбросил ей щенка, забрал ребенка и, сказав ей: «Я ухожу, наверное, на неделю», — ушел в горы. В горах он поскользнулся и выронил мальчика в расщелину ледника. [Он очень переживал], после долгих раздумий он вернулся домой и убил свою жену-эмегеншу. С горя он отпустил пастись своего Гемуду, а сам сел и стал играть на кыл кобузе°.

А сын его [не умер], он рос в расщелине ледника, питаясь ледяными сосульками. [Когда немного подрос], он вылез из расщелины ледника, пришел в лес Шауешик и стал там жить. У него одежды не было, и он ходил голым, назвал же себя он Шауаем. Сделал себе лук [и стрелы], начал охотиться на зверей. Этим и кормился.

[Однажды] он оттуда пришел в аул. Дом же Алаугана был на окраине. Когда голый [мальчик] зашел в дом своего отца, тот спросил: «Кто ты такой? Почему ты голый?» — «Да вот, забрел сюда нечаянно, — ответил он. — Меня, когда я был маленьким, отец случайно уронил в расщелину льда, [и я там вырос]».

Когда он рассказал о себе, Алауган признал в нем своего сына. Обрадовался, одел его. Со временем из него вырос могучий, известный всему свету джигит, которого называли сын Алаугана — Карашауай.

60. АЛАУГАН И ДОЧЬ ЭМЕГЕНШИ

[В народе] бытует [проклятие]: «Чтоб тебе, как Алаугану, без жены состариться!» Алауган [из] нартов [был]. Он девять раз женился. Но ни одна из жен не могла жить с Алауганом, [потому что он был могучим исполином].

Его мать была мудрой женщиной. Она очень переживала, что Алауган остался без жены и без наследников. [Однажды] она позвала одного человека и попросила: «Пойди и узнай, почему мой сын сидит один, а [не на ныгыше], как все люди? Постарайся узнать, о чем он думает».

Этот мужчина пошел к Алаугану и спросил: «Можно сесть с тобой рядом?» Тот ответил: «Конечно, присаживайся, славный юноша». На вопрос пришедшего, думает ли он жениться, Алауган ответил: «Я не о женщинах думаю, а решаю, как избавить нартов от эмегенов».

Этот мужчина вернулся к матери Алаугана и сказал ей все, как ответил [ему Алауган]: «Твой сын и не собирается жениться. Он думает о том, как избавить нартов от эмегенов».

И тогда мать Алаугана пошла по аулу, собрала альчики и покрасила их сажей. Она созвала детей и, дав им эти альчики, сказала: «Дети, [пойдите и

поиграйте в альчики] около Алаугана. [Во время игры поссорьтесь и] и скажите: „Да чтоб тебе состариться, как Алаугану, без детей!“».

Дети во время игры [сделали вид, что] ссорятся, и сказали, как научила [мать Алаугана]: «Да чтоб тебе состариться, как Алаугану, без детей!» Сказанное очень задело гордого Алаугана. Со словами: «Какой позор! Я думаю, что я охраняю страну [нартов] от эмегенов, а оказывается, стал посмешищем [даже] для детей», — он вскочил с места и пошел домой.

Оседлав своего коня Гемуду, он взял свое оружие и, сказав: «В стране нартов нет женщины, которая могла бы со мной жить, женюсь я на [женщине из рода] эмегенов», — поехал в страну эмегенов.

В пути он издалека заметил какое-то существо, [огромное], подобно кургану. Присмотревшись, [он] увидел: какая-то эмегенша, закинув за спину груди, кетменем в сто саженой продырявив землю, пила жир земли.

Алауган осторожно подкрался и взял ее сосок в рот. Эмегенша оглянулась и сказала:

— Эх, [жалко], сын человеческий, [что] ты неожиданно стал моим ребенком. — [Потом] спросила: — Что ты ходишь?

— Хотя мы с вами враги, я хочу с вами породниться. Я решил жениться на девушке из [эмегенов].

Когда на это эмегенша сказала:

— Но я не очень доверяю вам, — Алауган ответил:

— Я клянусь Тейри Неба, Тейри Земли и Тейри Воды, которым я поклоняюсь, и еще я клянусь Тейри Огня, что я не держу на вас зла.

— А что, ты и Тейри Огня поклоняешься? А что это значит? — спросила [эмегенша].

— [В стране] нартов от пожара сгорел целый аул, и с тех пор мы знаем, что есть и Тейри Огня, — ответил [Алауган]. Потом спросил: — А много вас, [эмегенов]?

— Нас, эмегенов, раньше было много. Вот эти равнины и горы были полны эмегенами. А теперь нас очень мало осталось. [Страшный] ливень [смысл] почти все наши поселения. Нас стало мало, вот поэтому теперь вы расхрабрились и начали вести с нами борьбу. Ну да ладно, говорят же, [мужество] мужчины познается в битве, не обессудь¹, но та девушка, которую ты ищешь, находится в нашем доме.

Они оба отправились к эмегенше. Девушка-эмегенша была дома и жарила кукурузу. Когда ее мать крикнула: «Эй, дочь моя, прячься, я мужа тебе веду», — она побежала и, [нечаянно] ударив грудью, свалила стену дома.

Алауган [собрался ехать домой]. Когда он сел на Гемуду и посадил эмегеншу впереди себя, [от их тяжести] железные цепи, которые служили подпругами для его коня, разорвались. И тогда эмегенша со словами: «Эх вы, немощные нарты, и подпруги ваши [слабые], как лыко», — вытащила и дала ему три подпруги. Подпруги были сделаны из толстых [железных] колец, а сверху обернуты буйволиной кожей.

Оттуда Алауган со своей женой поехал в нартский аул.

В стране нартов устроили большой той. Нарты говорили:

— Алауган женился на эмегенше, мы породнились с эмегенами и, [наверное], теперь будем меньше враждовать с ними.

Эмегенша стала через каждые три месяца рожать по ребенку. Но всех своих детей она съедала. Тогда Алауган, чтобы обмануть ее и выкрасть у нее ребенка, сказал:

— Эй, жена, ты неправильно рожает, — и заставил ее рожать в дымоход. Когда его жена родила, он вместо ребенка в очаг подкинул козленка, а ребенка взял и убежал.

Он понес ребенка и спрятал его в одной из пещер горы Куф тау². Уходя, он положил ему в рот ледяную сосульку.

Когда он вернулся туда через месяц, увидел, что малыш вырос и стал словно трехлетний.

К следующему его приходу он [еще] порос и стал таким, что уже мог ездить на лошади. И тогда Алауган взял его с собой и привел в страну нартов. Он собрал нартов и сказал:

— Это мой сын.

Нартские старцы дали ему имя «Карашауай», и [все нарты] устроили большой той.

Говорят, когда Алауган очень состарился, он сказал [своему сыну]:

— Карашауай, как и я, [неустанно] борись с эмегенами, оберегай [от них] нартов, будь их защитником.

61. СЫН СТАРОГО АЛАУГАНА

Сыновья нартов — твои слуги, Тейри,

Дети нартов — твои дети, [Тейри].

Воротники их шуб — из черно-бурой лисы.

[У Дебета было] восемнадцать нартских сыновей-всадников,

5 А девятнадцатой была дочь, маржа.

Они женились не по старшинству,

А женились, [начиная] с младшего.

[Старший из них] — темноусый, кареглазый Алауган, говорят,

Всегда был верным своему слову, говорят.

10 Пока черед [жениться] дошел до бедняги Алаугана,

Он без жены состарился.

Обур Сатанай схитрить решила:

Много ребятишек собрала.

— Да возьму на себя ваши болезни,

15 В альчики играя, к ныгышу подойдите,

Возле Алаугана в альчики поиграйте.

И из-за альчиков вы так поспорьте:

«Ах, тот, кто у тебя взял альчик,

Тот пусть, как Алауган, без жены состарится!»

20 Сделайте так, чтобы [он это] услышал.

[А за это] — кому рубашку, кому штанишки [дам],

Разными подарками [я вас] одарю!

Собрались они и к ныгышу побежали,

Там из-за альчиков «ссору затеяли»:

25 — Ах, тот, кто из нас, этот альчик у тебя взял,

Пусть, как Алауган, без жены состарится! — [сказал один мальчик].

Бедный Алауган как это услышал:

— О, горе мне, несчастному, — сказал. —

Оказывается, [даже] для мальчишек я стал посмешищем! —

30 Вскочил [он с места] и направился домой.

Привел Гемуду и оседлал [его],

Быстро надел свои доспехи

И в путь отправился, маржа.

Когда он ехал по широкой степи,

35 Вдали, у горизонта, какие-то громады увидел.

Прямо к ним направился, маржа!

[Это были] эмегены, [они] заметили его.

- Ой, Аллах нам добычу послал!
 — Его конь — твой, а бурка — моя!
- 40 — Его рубашка — твоя, а штаны — мои! —
 [Так они стали] делить между собой [Алаугана].
 Один из старших [эмегенов] так сказал:
 — Э-э, вы еще молоды, не торопитесь!
 По такой широкой степи только настоящий [мужчина] разъезжает
 в одиночку.
- 45 Когда подъедет, дайте [ему] камень, испытайте [его].
 — Успешной вам работы, эй, чийбыдырла! * — [поздоровался Ала-
 уган].
- Спасибо, с приездом, нарт!
 Чего [ты] разъезжаешь, чего [ты] ищешь?
 Может, поиграешь с нами? — [сказав],
- 50 [Эмегены] Алаугану камень подали.
 Не снимая своих доспехов,
 [Он] как бы шутя [камень] швырнул
 И опередил эмегенов на восемнадцать ступней, говорят.
 А когда во второй раз черед до него дошел,
- 55 Он снял доспехи свои,
 Изловчился и так бросил камень,
 Что камень исчез между небом и землей.
 — Ой, горе нам, пропали мы!
 Нас, несчастных, уничтожит он! — [говорили друг другу эмегены].
- 60 — О гость наш, душа наша, — обратился [старый эмеген к Алаугану], —
 Ой, чего [ты] разъезжаешь, чего ищешь?
 — Почему я разъезжаю, что я ищу?
 К старости жениться надумал, ищу жену,
 Ой, длиннокосую, чернобровую.
- 65 — Ой, а у меня есть одна длиннотубая дочь,
 Если понравится, я ее отдам за тебя.
 — Ой, Аллах, Аллах, отчего же не понравится?
 И стали они договариваться.
 — А калым у вас какой? — [спросил Алауган].
- 70 — А калым наш [сейчас узнаешь].
 Трое [эмегенов] в дом вошли,
 Оттуда огромный котел вынесли.
 — Ой, нам все равно, [мясо] халал или харам!
 Вот этот котел наполни трижды [мясом], — [сказал старый эмеген].
- 75 [Алауган] вскочил на Гемуду, схватил котел и ускакал.
 [Дважды] привез, доверху наполнив, котел.
 В третий [же] раз котел остался ненаполненным.
 Девушка-эмегенша, увидев это:
 — Да чтоб Тейри уничтожил твой род!
- 80 [Разве] на берегу реки ты не видишь камни?
 Дополни котел этими камнями, — [научила].
 [После], договорившись обо всем [с эмегенами],
 [Алауган] взял девушку-эмегеншу и поехал [к себе].
 В стране нартов молва прошла:
- 85 — Ой, Алауган привез себе жену!
 Девушки, юноши со всей округи
 Пришли посмотреть на невесту-эмегеншу.

- Того, кто в ее отоу * входил, [она] съедала.
 Ой, и детей своих после рождения она стала глотать —
- 90 Ни одного в живых не оставляла.
 А обур Сатанай хитроумна, [она эмегеншу решила обмануть].
 — Ах, как плохо поступают нынешние снохи, — [сказала она], —
 В наше время мы не так [рожали].
 [Взобравшись] на крышу дома, мы рожали [через дымоходное от-
 верстие на очаг].
- 95 — И я смогу это сделать, — [сказала эмегенша].
 Эмегенша наверх взобралась,
 [Сев на] дымоходное отверстие, мальчика родила.
 [Когда он на очаг упал], обур Сатанай взяла щенка,
 Обсыпав золой, [вместо младенца его] в очаг подбросила.
- 100 Выкрала мальчика и убежала,
 Поднявшись на вершину горы,
 Сделала изо льда люльку [и] соску,
 Все устроила, оставила [там мальчика] и ушла.
 Имя же дала ему Карашауай.
- 105 Карашауай рос там один.
 [Когда] он подрос и стал большим,
 Сатанай сделала лук и дала [ему].
 Ни одну птицу [в небе он] не стал пропускать.
 Когда же Карашауай совсем возмужал,
- 110 [Он] пришел в страну нартов с обур Сатанай.
 Мать, [увидев их], бросилась [съесть его], маржа!
 Они стали биться-бороться.
 Он схватил свою мать и так бросил на землю,
 Что она по колени ушла в землю.
- 115 [Карашауай] взмахнул мечом и все ее головы [разом] снес.

62. СЫН АЛАУГАНА КАРАШАУАЙ

- У Дебета было девятнадцать сыновей,
 У Дебета было девятнадцать сыновей.
 Начиная с младшего, женили [братьев],
 А Алауган, бедняга, самый старший, ой, остался холостым,
- 5 Ой, без жены состарился.
 Его мать горевала:
 — Чтобы этот бедняга не остался бобылем,
 Что же мне сделать? — думала [она].
 [Однажды] пошла она на ныгыш и позвала детей.
- 10 Привела с собой мальчишек, дала каждому по кожаному мешку
 альчиков.
- Накормив их, так сказала, говорят:
 — Подойдите к Алаугану и сделайте вид, что играете.
 Пусть один из вас у другого выхватит альчик и так поклянется:
 «Ой, если этот альчик я взял, ой, если этот альчик я видел,
- 15 То пусть, как Алауган, состарюсь без жены!»
 Мальчишки побежали и стали в альчики играть, говорят.
 Попрятав альчики друг от друга, заспорили, [как велела мать
 Алаугана], говорят:
 — Ой, если этот альчик я взял, ой, если этот альчик я видел,
 То пусть я, как Алауган, состарюсь без жены, — сказал один мальчик.

- 20 Алауган, услышав это, говорят,
 Погнался за мальчишками, говорят,
 Бросил свой посох и ударил одного [из них] по ногам, говорят.
 Мальчишки убежали, говорят.
 Алауган же ушел оттуда, говорят.
- 25 А отец его Дебет был кузнецом, говорят,
 К нему в кузницу он направился.
 — Ой, отец, сделай мне меч
 Такой, чтоб [даже] железо рубил.
 Сделай мне сапоги из железа,
- 30 Еще сделай длинный посох, — попросил, говорят,
 [Потом] Алауган пошел домой, наелся, говорят,
 И опять вернулся в кузницу, говорят.
 Смотрит — меч уже готов, говорят,
 И посох его стоит в сторонке,
- 35 Сапоги тоже были готовы, говорят.
 Посох в руки взял, говорят.
 — А возьмет ли меч мой железо? — сказав, ударил [им] по наковальне,
 говорят,
 И наковальню надвое рассек, говорят.
 Оттуда он отправился в путь, поклявшись:
- 40 — Пока эта железная палка на сотрется до тутума *
 И мои железные сапоги не упадут с ног, износившись,
 Я не вернусь домой,
 Пока не женюсь!
 Долго он ездил, говорят,
- 45 Когда по одной большой степи ехал, говорят,
 Увидел одну эмегеншу, говорят.
 Ее иголка — чинара,
 Ее нитки — волосяной аркан.
 Она зашивала трещину земли, говорят,
- 50 Грудь свои закинув за спину, так работала [она], говорят.
 Алауган подкрался к ней незаметно, говорят,
 [И] сосок ее взял [в рот], говорят.
 — Кш, кш, чтобы Аллах тебя проклял!
 Это муха или комар? — сказав, притянула к себе Алаугана.
- 55 Эмегенша притянула и заглотнула Алаугана по пояс, говорят.
 Алауган стал бить ее коленями в живот и заставил вытащить себя обратно,
 говорят.
 — Аллах, Аллах, ты [неожиданно] стал моим сыном,
 А так каким лакомым кусочком был бы для меня! — сказала, говорят.
 — Ой, Аллах, Аллах, какой нежной матерью для меня [ты] стала!
- 60 Если бы не это, какой хороший удар нанес бы [я тебе] этим большим
 мечом! — сказал Алауган, говорят.
 — Зачем разъезжаешь, дитя мое, чего ищешь? — спросила эмегенша, говорят.
 — Жену себе ищу, — ответил [нарт], говорят.
 — Ой, если так, дитя мое,
 Если тебе понравится, есть одна дочь у меня, — сказала [эмегенша].
- 65 — Ну, если это так, что дальше будем делать? — спросил Алауган.
 — Вечером пойдем ко мне домой, если девушка приглянется, скажешь,
 А не понравится, [тоже] скажешь, — ответила, говорят.
 К вечеру они пришли в дом [эмегенши].
 Через некоторое время пришла и ее дочь.

- 70 Она принесла целого оленя и огромное высохшее дерево, говорят.
Это сухое дерево в огонь подбросили, говорят,
Сварили оленя и с огня сняли [котел].
Эмегенша и Алауган съели все мясо.
— А почему не дала мяса дочери? — спросил Алауган.
- 75 — Оставь, оставь, зачем девушке мясо?
Ей хватит и кости погрызть, — сказав,
Понесла и вывалила кости перед дочерью.
С хрустом та начала [их] грызть, говорят.
А тем временем рассвело, говорят.
- 80 Она его спросила, говорят:
— Ну, что скажешь? Понравилась ли моя дочь?
— Да, о дочери плохое не скажу.
А какой потребуешь калым? — спросил, говорят.
— А калым такой: у меня есть один котел,
- 85 Этот котел дважды наполни мясом, — сказала, говорят.
Он начал [охотиться], говорят,
Один раз наполнил котел, говорят,
А второй раз котел только до половины наполнил, говорят.
— Ой, мать моя, на большее не хватает у меня сил.
- 90 Теперь что повлишь, то и сделаю, — сказал Алауган, говорят.
— Ой, кто же дает калым полностью?
[Теперь] постарайся доставить невесту домой, — сказала [эмегенша], говорят.
Он оттуда вернулся домой, говорят,
И с друзьями возвратился к эмегенше, говорят.
- 95 Забрав девушку, [в дорогу] собрались, говорят.
У каждого, [кто сажал невесту] на коня впереди себя, говорят,
Ломался хребет коня [от ее тяжести], говорят,
— Ой, Аллах, Аллах, не губите их.
Садитесь на коней, а она пусть идет пешком! — сказал Алауган.
- 100 [Нарты] ехали на конях, погоняя ее впереди себя, говорят.
Когда же стали приближаться к своему аулу, говорят,
Посадили [ее] на Колана Ёрюзмека, говорят.
Ноги коня увязли глубоко в земле, ой.
Кое-как довели ее до дома [Алаугана], говорят,
- 105 Ах, повели и в углу за ширму посадили, говорят¹.
— Какую же он привез себе жену? — спрашивая,
Заходили юноши и девушки аула посмотреть, [но никто] обратно не выходил.
— Где мой сын? — спрашивая, один пришел, говорят,
— Где моя дочь? — спрашивая, другой пришел, говорят.
- 110 — Эй, да пропади ты пропадом, Алауган!
Эй, [он] привез эмегеншу, пожирающую всех,
И дает ей истреблять народ, — возмущались [нарты], говорят.
Алауган [тогда] взял железную булаву, говорят,
И начал бить [ею] свою жену, говорят.
- 115 От первого удара девушка выскочила [из эмегенши], говорят,
От второго удара юноша выскочил, говорят.
Их всех высвободил живыми, говорят,
Так этим все кончилось, говорят.
Ой, потом эмегенша начала рожать детей, говорят.
- 120 Но, родив, сразу же глотала [ребенка], говорят,
Но, родив, сразу же глотала [ребенка].
Мать [Алаугана], обур Батчалыу, сказала так:

- Нынешние невестки, чтоб их Тейри уничтожил, не то что раньше были.
Мы прежде через дымоходное отверстие [на очаг] рожали,
125 А нынешние в доме рожают.
Так она своей снохе-эмегенше сказала, говорят.
[Когда опять] подошло время эмегенше рожать, говорят,
[Она] взобралась на саклю и через дымоходное отверстие [на очаг] родила,
говорят.
- Как только она родила, Батчалыу ребенка взяла, говорят,
130 На его место подбросила щенка, говорят,
[И] убежала, забрав с собой ребенка, говорят.
А эмегенша, спрыгнув с крыши, прибежала, говорят,
И проглотила щенка, говорят.
Проглотила, а он оказался на вкус не таким, как другие ее дети, говорят.
- 135 — Ай, это она что-то натворила! — закричав,
За Батчалыу погналась, говорят.
Убегая, иголку, гребень, зеркало [и] наперсток взяла с собой Батчалыу,
говорят.
И когда эмегенша стала догонять [ее], она, бросив гребень, взмолилась:
— О Аллах, преврати это в железный лес!
- 140 И гребень превратился в железный лес, говорят.
Эмегенша долго пыталась пробраться [через этот железный лес], говорят,
Прогрызла железо и так выбралась оттуда, говорят,
И опять погналась и стала нагонять, говорят,
— О Аллах! А это преврати в железный частокол! — сказала [Батчалыу] и
бросила свою иголку —
- 145 Путь эмегенше преградил железный частокол, говорят.
Но [вскоре] эмегенша прогрызла и железный частокол, говорят.
Помчалась она за Батчалыу и снова начала догонять [ее], говорят.
— О Аллах! Преврати это в железную решетку,
Чтобы она не смогла пройти! — воскликнула [Батчалыу] и кинула свой
наперсток, говорят,
- 150 [Эмегенша] прогрызла и решетку, говорят,
И снова стала преследовать [Батчалыу]. Когда стала догонять ее, [Батчалыу],
сказав:
— О Аллах, чтобы скользили ее ноги,
Преврати это в ледяную гору, — бросила свое зеркало, говорят.
Эмегенша не смогла осилить ледяную гору и вернулась назад, говорят.
- 155 А Батчалыу отнесла ребенка, говорят,
К подножию одной скалы Минги тау, говорят.
Из льда сделала люльку, говорят,
Из льда сделав соску, дала [ребенку]
И ушла, оставив [его] там, говорят.
- 160 Потом сделала маленький лук, говорят,
И вернулась обратно, говорят.
Мальчик взял лук, говорят,
Стал ходить на охоту, говорят.
В ее следующий приход, когда [она собралась уходить], говорят,
- 165 Он за ней увязался, говорят.
— Ой, дитя мое, ты еще не совсем вырос,
Однако давай поборемся, если одолеешь меня, тогда возьму [тебя] с собой,
— сказала [Батчалыу]
- Схватились они, и он поборол свою бабушку, говорят.
После этого Батчалыу привела мальчика домой.

- 170 Когда эмегенша увидела мальчика, кинулась [на него], говорят.
 Стали они бороться, говорят,
 Начали друг друга [оземь] кидать, говорят.
 Когда мать бросала своего сына [оземь],
 С ним ничего не случалось, говорят.
- 175 Когда же сын бросал мать — она увязала [в земле] по щиколотки, говорят.
 Так они друг друга кидали, говорят,
 Пока Карашауай не вогнал мать по шею в землю, говорят.
 — А теперь что мне делать с тобой? — спросил.
 — Теперь делай что хочешь! — ответила, говорят.
- 180 Тогда [он] ударил и снес ей голову, говорят.

63. АЛАУГАН И ЕГО СЫН КАРАШАУАЙ

Очень давно, во времена нартов, жил один нарт по имени Дебет. У Дебета было девятнадцать сыновей. Когда его сыновья подросли, они поклялись: «Пока не найдем человека с девятнадцатью дочерьми — не женимся!» Так они прожили некоторое время не женившись. самого старшего из братьев звали Алауган.

Когда юноши все повзрослели и настало время им жениться, они все вместе отправились на поиски девятнадцати сестер. После долгих странствий и долгих поисков они прослышали, что в одном ауле у одного мужчины есть восемнадцать дочерей и один сын и отправились к нему.

Чтобы жениться на них, одному из братьев не хватает девушки — а у них клятва: всем жениться [только] на родных сестрах. Поэтому они не знали, как им быть. После долгих размышлений младший из юношей сказал:

— Я самый младший из вас, я [потом женюсь], а вы женитесь.

Алауган — старший из юношей, сказал:

— Нет, говорят, что первым напиток и жениться дают младшему.

Если не женитесь на них, навряд ли мы найдем [еще столько сестер]. И тогда мы нарушим нашу клятву, а из-за меня одного клятва не нарушится. Давайте, вы все женитесь, а мне вполне хватит, если я увижу ваше счастье, — подбодрил своих братьев.

После этого юноши пошли к отцу девушек и попросили их руки. Отец девушек дал свое согласие. Так женились восемнадцать сыновей Дебета, а Алауган остался неженатым.

Его отец и мать очень переживали, что их восемнадцать сыновей обзавелись семьями, а старший сын остался без жены. Они много раз просили его жениться, но он отказывался. Так прошло немало времени. Алауган состарился [без жены]. Когда он видел детей своих братьев, расстраивался, [что остался без детей], однако все равно не женился.

Однажды мать Алаугана позвала играющих детей и, раздав им разные подарки, попросила:

— Идите к ныгышу и начните около Алаугана играть в альчики. Потом как бы поссорьтесь, и [пусть один из вас] скажет: «Да остаюсь мне, как Алаугану, без жены, если я обманываю».

Мальчики побежали к ныгышу и начали около Алаугана играть в альчики. Когда один [мальчик] выиграл у другого, тот сказал:

— Ты не выиграл, [ты] нечестно играешь.

И тогда мальчик [громко], чтобы услышал Алауган, сказал:

— Да остаюсь мне, как Алаугану, без жены, если я не выиграл!

Услышав это, Алауган встал и пошел домой. Он горько размышлял: «Оказывается, уже надо мной даже дети насмеются. Чтобы не быть посмешищем

в народе, мне надо что-то для себя придумать». Вот так Алауган отправился на поиски жены.

Долго он ходил, но так и не нашел себе женщины по сердцу. Однажды, когда он шел, он увидел эмегеншу, которая железной иглой [величиной] с лом и нитками как канат зашивала трещины земли. Незаметно от эмегенши он подбежал и, сказав: «Анам, анам*», — прикоснулся ртом к груди эмегенши. [На это] эмегенша сказала:

— Как жаль, сын человеческий, что ты опередил меня и стал моим [названным], сыном, а так был бы для меня кусочком жира — смазать растрескавшиеся мои руки.

Потом она спросила:

— Что тебя носит по этим плохим дорогам?

Алауган сказал ей, что ищет себе жену. На это эмегенша сказала:

— У меня есть дочь, возьми ее.

У Алаугана не было другого выхода, и он, сказав:

— Хорошо, я женюсь на ней, — дал свое согласие.

Эмегенша привела Алаугана в свое жилище. Войдя в дом, она крикнула дочери:

— Чтоб из твоих глаз кровь закапала, прячься, жених идет !. Ее дочь побегала, оставляя на золе следы босых ног, и спряталась. Эмегенша посадила Алаугана и сказала:

— Чтобы жениться на [моей] дочери, ты должен [вместо калыма] дважды наполнить мясом мой казан.

Алауган [целый] год ходил на охоту и еле заполнил мясом этот казан один раз.

— А второй раз я его заполню после того, как отвезу твою дочь домой и женюсь на ней, — сказал он и уехал, забрав ее дочь.

Когда он, посадив девушку на коня впереди себя, [подъезжал к аулу], аульные дети с криком: «Алауган жену себе везет!» — побежали к нему навстречу. Девушка-эмегенша стала хватать детей и по одному глотать. Алауган, прикрикнув: «Эй, эй, погоди! Бийче так не поступает!», — еле остановил ее. Алауган привез девушку-эмегеншу домой и женился на ней.

Его жена, родив ребенка, сразу же глотала его. Алауган не знал, как ему быть. Однажды, когда подошло время [очередных] ее родов, Алауган позвал к себе жену Ёрюзмека обур Сатанай и попросил ее:

— Придумай что-нибудь, чтобы спасти ребенка.

Сатанай пошла к эмегенше и сказала:

— У нас бийче не в доме рожают, а рожают в дымоходное отверстие.

Когда эмегенша, [взобравшись на саклю], родила в дымоходное отверстие, Сатанай, [стоя внизу], поймала ребенка своим подолом, подбросила в золу [очага] щенка и ушла, завернув ребенка в подол. Эмегенша, спустившись, подбежала [к очагу] и проглотила щенка, находившегося там.

Алауган [унес] ребенка на Минги тау и оставил его под одним из его ледников, положив ему в рот конец сосульки, чтобы он сосал [ее вместо груди]. Когда он через год пришел туда посмотреть, [что с ребенком], увидел, что тот вырос и стал большим мальчиком. Алауган забрал мальчика домой. Его назвали Карашауам.

64. СЫН ЭМЕГЕНШИ ¹

С Алауганом не могла жить ни одна женщина, они все умирали. [И тогда] его молочная мать сказала:

— Женись-ка ты теперь на эмегенше.

Алауган в поисках жены поехал в одно ущелье, где жили эмегены. Там он увидел эмегенов, которые пахали землю.

— Зачем бродишь, Алауган? — спросили [они].

— Я приехал жениться на вашей [девушке], — ответил [Алауган].

— Что ж, у меня есть одна дочь, если понравится — забирай ее, — сказал один из эмегенов.

Алауган взял девушку-эмегеншу и повез ее в свой аул. Войдя в аул, она стала по дороге хватать детей и глотать их. [Увидев], что она съедает детей, ее поместили в подземелье.

Родив Алаугану ребенка, она тут же его съела. Когда она стала рожать второго, подкараулили и не дали [ей его] съесть. Молочная мать Алаугана выкрала младенца и назвала его Карашауаем.

— Я уже старая, не смогу его воспитать, отдай [его кому-нибудь] на воспитание, — сказала она Алаугану.

Алауган запеленал ребенка, понес и оставил его в одной пещере. Вернулся к своей молочной матери и сказал:

— Я отдал его на воспитание.

[Когда он] через пятнадцать дней пришел к ребенку, увидел розовощекого малыша, который лежал и сосал сосульку.

[Когда он] пришел [туда] через пять месяцев, увидел, что тот, сделав себе лук, охотится на оленей и питается [их мясом]. После этого он привел его домой и сказал [молочной матери]:

— Воспитатели отказались держать его.

И молочная мать [Алаугана] стала сама его воспитывать.

Однажды мальчик спустился в подземелье, где жила его мать. Там, увидев ее, он пришел к своей воспитательнице и спросил:

— Кто этот безобразный человек?

— Она — мать, тебя родившая, — ответила та.

— Мне не нужна такая мать, — сказал Карашауай и отрубил ей голову.

Когда мальчик подрос, он попросил:

— Отец, отдай мне свои доспехи и своего коня.

Отец посадил его на коня и, когда увидел, что он хороший всадник, сказал:

— Я уже стар. Пусть и доспехи и конь теперь будут твоими, — и отдал их своему сыну.

Разъезжая туда-сюда, Карашауай в скором времени стал известным всему свету [нартом] по имени Карашауай, сын Алаугана.

65. РОЖДЕНИЕ КАРАШАУАЯ

В древние времена жил один громадный человек по имени Алауган. Ему не везло с женщинами. Он три раза был женат. Но все три жены умерли. «Неужели я не смогу найти себе жену под стать?» — подумал он и, сев на своего коня Гемуду, отправился в дорогу. Из лошадей только этот конь мог выдержать на себе Алаугана.

Когда [Алауган] ехал вниз по одному ущелью, он увидел эмегеншу, которая зашивала трещины земли. Испугавшись за себя, он со словами:

— Ой, анам, анам, — обнял ее.

— Ох, как быстро ты стал моим сыном, а так я знала бы, что с тобой сделать! — сказала эмегенша.

— Ты тоже быстро стала моей матерью, а так и я знал бы, что с тобой сделать! — сказал Алауган.

— Дитя мое, что ты бродишь? — спросила эмегенша.

Алауган сказал, что ищет себе жену.

— Ну, тогда пошли ко мне, дитя мое, у меня есть три красивые дочери, выбери [себе] одну из них.

Когда [они] пришли в дом эмегенши, Алауган увидел трех девушек-эмегенш. Он побоялся уйти, [не взяв одну из дочерей-эмегенш], и взял [в жены] младшую.

Алауган [с женой] вернулся в свой аул. Со временем эта эмегенша родила ребенка. За то, что новорожденный был похож не на эмегена, а на человека, она втайне от Алаугана съела его. После этого эмегенша проглотила и одного из аульных детей. [Испугавшись, что она съест и других детей], весь народ аула переселился в другое место.

Через некоторое время эмегенша опять понесла. Когда подошло время ей рожать, Алауган стал думать: «Как же мне спасти ребенка, я так без наследников останусь», — стал искать выход, как спасти ребенка. Он пошел к одной старой ведунье и сказал:

— Может, ты придумаешь что-нибудь, чтобы помочь мне?

— Найди двух щенят и принеси мне, — сказала ведунья.

Алауган [пошел и] принес ей щенят. Ведунья положила их себе в передник и отправилась к эмегенше.

Когда она пришла, [увидела], что у эмегенши начались роды.

— Ах, дитя мое, бросили все тебя и помочь тебе некому? Я помогу тебе, [ведь] я и твоя мать — родственницы, — сказала ведунья и начала принимать роды.

Алаугану же она сказала:

— Спрячься за мной, стой и жди.

И он сделал так, как она велела.

Когда эмегенша родила, ведунья незаметно отдала ребенка Алаугану. Алауган, взяв его, убежал. После ведунья, сказав эмегенше:

— Ты щенят родила, — показала [их ей].

Эмегенша схватила и раздавила [щенят], а ведунья [тем временем] сбежала [от нее].

Алауган, взяв ребенка, пошел туда, куда переселились его аульчане.

— Возьмите его на воспитание, — просил он людей, но все отказывались, говоря: «Кто [отважится] быть воспитателем сына эмегенши?»

Когда Алаугану надоел плачущий ребенок, он от отчаяния понес и оставил его в расщелине ледника, решив: «Брошу его здесь, если умрет, возьму и похороню».

Через некоторое время Алауган [надумал] сходить туда. Издали он услышал звуки свирели. Подойдя близко, он услышал, как кто-то играет на свирели и поет:

— У бедняги Карашауая отец — Алауган, мать — эмегенша.

Подошел и увидел, что его младенец вырос и стал здоровым, упитанным мальчиком. Он то пил текущую талую воду, то пел свою песню. Алауган, воскликнув: «Да буду я жертвой за тебя!» — подбежал к [мальчику] и взял его на руки. Он понес его в аул и сшил ему одежду.

Мальчик подрост и начал играть с детьми. Однажды во время игры он ударил одного мальчика, и тот заплакал. Вероятно, у Карашауая, выросшего на воле, руки и ноги были намного больше, [чем у остальных детей], поэтому они стали его дразнить: «Эмегенское отродье».

Тогда Карашауай пошел к отцу и спросил:

— Где моя мать?

Алаугану не хотелось ему об этом говорить, но [мальчик] настоял, и он сказал:

— Твоя мать — эмегенша, она, [увидев тебя], сразу же съест, мы не можем пойти к ней.

После этого мальчик все время приставал к [отцу]:

— Давай сходим к матери.

В один из дней они пошли к ней. [По пути] мальчик предупредил Алаугана: — Будь бдителен. Если вдруг она проглотит мсня, я, [оказавшись у нее внутри], сильно сдавлю ей легкие и сердце. Когда она, крикнув: «Умираю», упадет, ты сразу же вспори [ей живот] и быстро вытащи мсня.

Мальчик, играя, вошел [в дом], эмегенша тут же с шумом проглотила его. Алауган, войдя [в дом], спросил ее:

— А мальчик где?

[Эмегенша], ответив: «[Только что], играя, наружу вышел», вдруг с криком: «О-ой, сердце», — скрючилась и упала. Алауган быстро вспорол ей [живот] и вытащил Карашауая живым и здоровым. Эмегенша [же] умерла. [После ее смерти] перекочевавшие аульчане [Алаугана] вернулись [в свои покинутые жилища].

66. ДЕТСТВО КАРАШАУАЯ

[Когда Алауган и его молочная мать Матчалыу выкрали у эмегенши ребенка Алаугана, они решили воспитывать его среди ледников Минги тау.]

Матчалыу сделала младенцу из льда люльку и поставила люльку под трещиной ледника так, чтобы тающая ледниковая водичка капала ребенку прямо в рот.

Когда у мальчика появились зубы, Матчалыу начала его кормить ядрышками фундука, грецких орехов и мясом горной индейки.

Прошли годы, [когда] сын Алаугана значительно подрос, Матчалыу сказала: «Сын мой, ты стал уже взрослым, покинь теперь ледники и познакомься с Нартской долиной. На пастбище из табуна выбери себе [коня] и садись, я [хочу] испытать, стал ли ты [настоящим] нартом».

Сын Алаугана взял большую уздечку и пошел к табуна. Из большого табуна поймал одного коня и сел [на него]. Сын Алаугана, ударив [коня] плетью, понесся по долине, [но не удержался] и упал с коня. Матчалыу подозвала юношу и сказала: «Ты еще не стал [настоящим] нартом, ты еще должен немножко пожить в ледниках».

Питаясь орехами и мясом диких животных, он еще год провел там. [Матчалыу опять испытала его]. Однако [и на этот раз она увидела], что [юный] джигит еще недостаточно окреп и возмужал.

Прошел еще один год. Матчалыу, чтобы испытать его [опять], сказала: «Сын мой, я хочу посмотреть, стал ли ты [настоящим] всадником». Сын Алаугана сел на коня и так стегнул его плетью, что несчастный конь прыгнул и перескочил [на другую сторону] Минги тау, даже копытом не задев его вершины. Перескакивая с одной горы на другую, [юноша] показал свое нартское богатство.

Матчалыу повела юношу с собой в страну нарттов. Нарты, обрадовавшись ему, вышли встречать джигита. Его мать — эмегенша, желая испытать сына, схватила его руку и изо всех сил сжала [ее]. Юноша, улыбнувшись, сказал: «Оставь, оставь, анам! Я не из тех, кто приседает от твоего рукопожатия, со мной не надо шутить».

Матчалыу, увидев это, сказала: «Сын мой, [теперь я вижу:] ты стал настоящим нартом, и я даю тебе имя сын Алаугана, непобедимый Карашауай» — и крепко обняла его.

67. НАРТ АЛАУГАН

В древние века был один громадный нарт по имени Генжоколаны Алауган. Он много раз женился, но ни одна женщина не могла с ним жить. Поэтому Алауган долгое время жил без жены.

Однажды он оседлал своего коня и отправился в дорогу. Когда он ехал мимо играющих детей, услышал, как [один ребенок, рассердившись на другого], крикнул:

— Да чтоб тебе, как Алаугану, состариться без жены!

Эти слова детей очень заделали Алаугана. Он долго думал и, сказав себе:

— Я слишком могуч для женщин из рода человеческого, женюсь-ка я на девушке-эмегенше, — отправился в страну эмегенов.

[Долго ехал] и нашел эмегенов в горах, в пещерах. Он начал с ними бороться, чтобы испугать их, стал показывать им свою силу: схватив, вырвал с корнем огромную чинару, руками быстро очистил ее от веток, натянул на нее волосяной аркан, [сделав лук], из дуба сделал стрелу. Вместо наконечника привязал к нему обгоревшую черную головню и, когда взошло солнце, метнул [стрелу] и попал прямо в солнце. Увидев это, перепуганные эмегены отдали ему в жены лучшую из девушек-эмегенш.

Когда Алауган привез ее к себе в аул, ее посадили за ширму и сделали келин^{*}. Чтобы посмотреть на жену Алаугана, пришли соседи и аульчане. Каждый, кто входил в комнату невесты посмотреть на нее, выходил оттуда искусанный. А когда она попыталась даже проглотить какого-то малыша, мать Алаугана вырвала его у нее изо рта и побила свою невестку. После этого невестка-эмегенша перестала трогать детей. Она не наедалась, поэтому каждую неделю стала рожать по ребенку и съедать его.

Мать Алаугана Гоммахан, когда увидела это, [решила обмануть свою невестку]. Однажды, когда эмегенша в очередной раз должна была родить, она завернула в подол щенят и стала караулить. Как только эмегенша родила, она подбросила щенят, а сама схватила ребенка и убежала. Боясь оставлять его дома, она понесла [мальчика] в горы и оставила в одной из расщелин ледника.

В это время Алауган был на охоте. Возвращаясь с охоты, он увидел в расщелине ледника ребенка. Он завернул его в шкуру зубра, принес и отдал своей матери Гоммахан.

Алауган еще не знал, что это его ребенок. Его мать сказала ему, что это его сын, и поведала ему, как выкрала и спрятала его [от эмегенши]. Они назвали мальчика Карашауаеи. Этот ребенок за день рос на столько, на сколько вырастают дети из рода человеческого за год.

Когда Карашауаеи исполнилось пять лет, Алауган поймал из табуна нартов коня и дал [сыну]. Коня звали Гемуда. Гемуда мог говорить человеческим голосом. Когда Карашауаеи в первый раз оседлал Гемуду, Гемуда дал ему такую клятву:

— Никогда никому, кроме тебя, не дам себя оседлать, [кроме тебя], ни одного человека не оставляю на своей спине.

Карашауаеи тоже поклялся ему:

— Я тоже, кроме тебя, не взгляну ни на одного другого коня, буду всегда любить только тебя.

В один из дней Карашауаеи сел на коня и отправился со своим отцом Алауганом на охоту. С охоты они вернулись, настреляв много оленей. Карашауаеи заметил, что они едят мясо, сварив его, а бабка Гоммахан в одну из комнат все время носит сырое мясо. «Что же в этой комнате такое, чего я не видел и не знаю?» — подумал он, пошел и стал подсматривать. Смотрит, а там такое чудовище, что человек испугается: на одной шее две головы, [на лбу] горит единственный глаз. Губы свисают до груди, а груди — до колен, [длинные] волосы волочатся по полу, словно балас^{*}, а зубы, как кабаньи клыки, торчат в разные стороны. Немного испугавшись, Карашауаеи вышел наружу и стал расспрашивать обо всем свою бабушку и отца.

— Я убью ее, — сказал он.

И хотя отец его стал уговаривать:
— [Не убивай], она ведь твоя мать и моя жена,
Он сказал:
— Я тебе найду другую жену,— и убил эмегеншу.

68. О ТОМ, КАК ЖЕНИЛСЯ АЛАУГАН

Сыны нартов — слуги Тейри,
Сыны нартов — славные люди.

У Золотого Деуэта [было] девятнадцать сыновей,
Из них старший — Алауган.

5 [Сыновья] Деуэта
Женились, начиная с младшего.

До Алаугана очередь дошла не скоро,
Да и сам Алауган не спешил.

10 Деу Алауган не находит [жену] под стать себе,
А обыкновенная женщина за него не идет.

Поэтому [он] живет неженатым.
Однажды он услышал проклятие аульчан:
— Чтоб ты, как и Алауган, без жены остался!

15 Услышав это проклятие,
«Ведь это большой позор!» — подумал [он].

Оседлал Гемуду старым седлом
И отправился в далекие [края] искать [себе] жену.

В пути один курган заметил,
А [это] не курган — эмегенша [была].

20 Подъехав, увидел удивительное зрелище,
Замср, не зная, что делать.

В руках [эмегенша] держала иголку [величиной] с бревно,
Нитка в иголке — словно аркан.

25 Во лбу ее светился единственный глаз,
От [ее] движений дрожала под ней земля.

Человек [никогда еще] не видел такого уroda:
Нагая, с обвисшим жирным животом,

С закинутыми за плечи грудями.
Она латала трещины земли:

30 Плотно сжав губы,
Сшивала землю иголкой величиной с бревно.

Алауган тихонько к ней приблизился
[И] незаметно коснулся губами ее груди.

35 Оглянулась эмегенша и, увидев нарта,
Так Алаугану сказала:

— Неожиданно ты стал моим сыном,
Коснувшись губами моей груди.

А так каким бы лакомым кусочком [ты] был!
На это Алауган так ответил ей:

40 — Если бы не почтение к груди твоей,
Как бы мы сразились хорошо!

После распросов эмегенши, Алауган поведал ей о себе.
Очень понравился эмегенше Алауган,
Пожелав сделать его своим зятем,

45 — У меня есть красивая дочь, женись на ней,— предложила [она].
И, обрадованная, в свою пещеру его привела.
— Дочь моя! Я нашла тебе мужа,— сказала [она].

Алауган был подобен кургану,
Он связывал [живых] зубров и так разделявал их.

50 Дочь эмегенши [ему под стать]: толстая, словно бревно,
Когда входила в дом, срывала дверные косяки.

Деу Алауган женился на девушке-эмегенше,
Посадил ее на [своего коня] Гемуду и отправился в [обратный] путь.

55 Бревноподобная девушка-эмегенша была [до того] тяжела,
[Что] прогибалась спину Гемуды,
Ноги [коня] по колено увязали в земле.

В нартских аулах еще не было невесты такой.
Дочь эмегенши стала снохой нартов.

[Но] как только рожала [ребенка], тут же проглатывала его.
60 Алауган [же] это сильно переживал.

Однажды [Алауган] печальный вернулся домой.
— Чем ты опечален? — спросила его жена.

Алауган на это ответил ей:
— Ты рожает не так, как наши женщины,
65 Родив сыновей, [ты] не радуешь меня.

Дети, рожденные тобой, не остаются в живых,
Не утешают сердца Алаугана.

Наши снохи [перед родами] залезают [на крышу сакли]

И рожают своих детей [через дымоходное отверстие].

- 70 [Когда] у эмегенши наступил день родов,
Она, сотрясая дом, взобралась на крышу,

А деу Алауган остался внизу:
Он ждал, когда ребенок упадет.

- 75 Задушив щенков, их в очаг вместо ребенка подбросил,
А сам, подхватив новорожденного,

Убежал [от эмегенши] и спрятал его на Минги тау,
Оставил [его] там, чтобы [он] рос, питаясь ледянными сосульками.

[А] эмегенша, спустившись с крыши, пошла
[И] проглотила щенков, думая, что это [ее] сын.

- 80 [Когда она поняла, что ее обманули], переполнившись злобой,
Стала вращать дом, словно веретено, сотрясая землю.

[А] Алауган радовался сыну,
Дал ему имя Карашауай.

- 85 [Он] знал, что сын его вырастет [настоящим] нартом.
Когда он вырос, нарт Алауган, дав [ему] кольчугу и меч,

Благословил и посадил на Гемуду,
— Нартскую страну охраняй! — сказал, отправляя его [в дорогу].

69. РОЖДЕНИЕ ШАУАЯ

В древние времена [жили] нарты, [они] настоящими героями были,
[Говорят], Алауган без жены состарился.

Все его жены умирали.
Дети на улице, в альчики играя,

- 5 [Поссорившись]: «Чтоб тебе, как Алаугану, без жены состариться!» —
сказали.

Алауган, услышав это, повернулся и ушел,
Сказав: «Какой это позор для меня!»

Алауган вернулся домой и в путь собрался,
Набросил на Гемуду ослиный потник, сверху ослиное седло положил.

- 10 Алауган поехал искать себе жену.
[В пути увидел] эмегеншу, которая, закинув груди за спину, трещины
земли зашивала

Иголкой с бревно и нитками-жантау¹.
[Он] тихо подкрался и [губами] ее груди коснулся.

Эмегенша обернулась и, увидев его, сказала:

- 15 — Эх, ты стал моим сыном,
А так каким лакомым кусочком был бы для меня!

Чего ты бродишь? — спросила [она].
— Я ищу себе жену,— ответил [Алауган].

- Эмегенша: «У меня есть жемчужнозубая, тонкостанная дочь,
20 Женись на ней»,— сказав, [Алаугана] к себе домой повела.
Придя, его прямо к дочери подвела.

[А дочь ее] на пороге стояла.
— Прячься, бесстыжая, я тебе жениха веду²! — крикнула эмегенша.

- Девушка, чтобы спрятаться от него, в дом заскочила,
25 Плечом задев, притолоку сорвала.

Ее зубы [широки и длинны], словно дверные доски³,
Талия ее, как бревно, [толстая].

Алауган, женившись на эмегенше, домой собрался,
Посадив ее на коня впереди себя, в страну нартов привез.

- 30 Эмегенша [Алаугану] много детей родила,
Но всех до одного проглотила.

Однажды Алауган [пришел] печальным.
— Чем ты опечален? — спросила жена.

- Тем, что ты рожаеть не так, как наши женщины,— ответил [он].
35 — А как у вас рожают женщины?

— Наши женщины, поставив на очаг таз, на крышу сакли взбираются.
[Потом] из дымоходного отверстия [в него] рожают.

[Когда] подошло время эмегенше рожать,
Она взобралась [на саклю] и на дымоход села.

- 40 Уходя [же, она на очаг] таз поставила.
[А] Алауган тем временем щенка подготовил.
Эмегенша родила, ребенок через дымоходное отверстие [в очаг] упал.

Алауган [тут же] щенка в таз подбросил и, ребенка забрав, ушел.
Выкрал ребенка и в расщелине ледника его спрятал,

- 45 Сделав так, чтобы в его рот капала [талая] вода.

Через некоторое время пришел посмотреть, [что с ним].
Увидел, что мальчик стал большим и, настреляв из лука диких животных,
Питается их [мясом].

- Взяв мальчика, он к себе домой пришел.
50 Жена его, [делая вид], что хочет [мальчика] подержать, схватила [его].

[Когда] она хотела его проглотить,
Он горло ей сдавил.

Она тут же мальчика изо рта вытащила
И больше [никогда] не трогала [его].

70. АЛАУГАН И ЭМЕГЕНША

Алауган был известным богатырем. Он долго не женился.
Однажды люди в ауле собрались и все разом попросили:

— Нельзя, чтобы ты не женился, если у тебя не будет сына, который после твоей смерти будет нашим тамадой, мы не сможем жить.

Тогда Алауган пошел и взял [в жены] дочь пятиголового эмегена.

— Идите, [я] привел келин, заведите ее в дом! — сказал [он].

Пошли люди, видят: стоит жеманно девушка-эмегенша. Что им оставалось делать — привели и оставили ее в доме Алаугана.

После этого эмегенша каждый год рожала по ребенку. Да что в том толку: каждого своего новорожденного она съедала. Вскоре она стала съедать не только своих детей, но и детей аульчан.

В ауле [долго это] терпели, но однажды люди собрались и сказали Алаугану:

— Если ты не уберешь свою жену, нам нет жизни.

— Если вы требуете, уберу, что мне остается делать, но еще немного потерпите, она скоро родит, может быть, на этот раз она родит такого мальчика, о котором вы говорили, — сказал Алауган и не тронул жену.

Сказав так, Алауган стал ждать день, когда его жена родит ребенка. Когда прошло девять месяцев и наступил день, когда женщина должна была родить, он вошел в чулан и спрятался [там].

Его жена родила мальчика с золотым чубом¹ и приготовилась его съесть, Алауган вбежал, выбил своим ножом ей зубы и отобрал сына.

Отобрал и повез его к своей молочной матери.

— Анам, спрячь его! — сказал и отдал [его] ей [на воспитание], а жену повез и оставил в лесу².

Приложение 2

РОЖДЕНИЕ ШЕВАЯ

За трудолюбивую жизнь, честность и веру в бога Девет был награжден девятнадцатью сыновьями-героями. По сложившемуся у этих поселенцев обычаю, каждому сыну, по достижении им совершеннолетия, следует брить голову и давать оружие, но жениться сыновья должны были в обратном порядке, т. е. сперва младший, потом предпоследний и т. д., так что старший, Алауган, должен был жениться последним. Действительно, обычай был исполнен свято, но вследствие этого, когда младшие братья уже имели свои семьи и были отцами, старший состарился и все еще не был женат. Таким образом, он сделался посмешищем всего народа, и очень часто даже мальчишки в его присутствии дразнили других холостяков, желая им такого же счастья, как Алаугану, т. е. просидеть на печи весь век неженатым.

Глубоко оскорбленный, герой наш решил отправиться на далекий Север и выбрать там такую невесту, которая бы вовсе не походила на соплеменных

женщин и была для них страшна. Алауган оседлал своего коня Гемуду и поехал на нем в страну великанов. Долго ли, коротко ли ехал он, только наконец Гемуда остановился, велел Алаугану идти пешком и дал все наставления, как обращаться с великанами, чтобы не быть съеденным. Старик пошел. Но на пути он вдруг встречает в земле такую трещину, что ее не в состоянии был бы перескочить и сам Гемуда, а невядалеке он увидел женщину таких исполинских размеров, что даже и воображение его было бы бессильно представить что-нибудь подобное. Женщина сидела и зашивала эту трещину, в руках ее была иголка более всякого самого высокого чинара, а вместо нитки служил канат, сплетенный из медных прутьев. Громадные груди великанши были перекинуты ею за спину. Наученный Гемудой, Алауган тихонько подобрался к великанше и стал сосать у ней груди, затем, всосав молока, он без страха предстал перед женщиной и сказал: «С этого момента я твой сын, отдаю себя под твое покровительство и прошу выбрать мне невесту». Как ни рассердилась великанша, но по закону страны должна была признать его за сына и сказала: «Будь же ты мне сыном вдвойне, женись на моей дочери и веди ее в свои горы».

Повенчавшись, Алауган с молодой женой тотчас отправился в путь и скоро достиг родного аула, но чтобы сделать сюрприз своим родным и односельчанам, он оставил жену в ближайшем лесу, а домой пришел один, но тотчас же заявил о своей женитьбе и просил всех с почетом встретить его молодую жену. Весь аул вышел навстречу, девушки шли впереди, пели песни и несли букеты цветов. Но какой же ужас объял всех, когда молодая, вместо всякого приветствия, стала хватать детей и тут же, на глазах родителей, пожирать их, угрожая тем же и отцам. Насилу Алауган мог укротить свою жену и ввести в приготовленные для нее покои, где и начался такой пир, какого еще не бывало с основания самого аула. Вскоре великанша сжилась с новой обстановкой и наконец почувствовала, что приходит время сделаться ей матерью. Действительно, она родила богатыря-сына, но тотчас же его съела. Отец и родные пришли в отчаяние, но делу уже нельзя было помочь, и Алауган стал только молиться, чтобы ему ниспослан был другой сын. Прошло время, сын родился, но мать опять его съела. В отчаянии Алауган обратился к волшебнице, и та, обещав, что будет у него сын, велела позвать ее к себе перед самыми родами жены-людоедки. Наступило время родов, волшебница пришла к Алаугану, велела ему разобрать крышу сакли, а в потолке сделать отверстие, на которое могла бы сесть родильница так, чтобы новорожденный упал прямо в саклю, не будучи замечен матерью. Все сделано по указанию волшебницы, и во время родов ребенок тотчас же был заменен щенком, которого великанша со страшной злобой отбросила от себя и принялась разыскивать младенца. Но по совету волшебницы дитя Шевай тотчас же был отвезен на вершину Эльбруса и положен там на пушистый снег в расселине вечных льдов. Укрытый таким образом, Шевай вначале сосал ледяные сосульки, вместо груди матери, но так как воды вершины Эльбруса владеют особой магической силой¹, то герой наш все-таки вырос на них и, устроив себе лук и стрелы, стал уже питаться охотой. Со временем из него вышел тот славный народ⁽²⁾ Шевай, о котором будет говориться в следующих песнях.

АЛАУГАН

Жил когда-то в одном ауле бедный крестьянин; был у него сын громадного роста, звали его Алауганом. Он мог сразу съесть целого быка, а хлеба столько, сколько могло выйти из 20 пудов муки. Бедняки-родители не могли прокормить такого обжору, пошли раз к обществу и стали просить у него помощи. Сельчане обратились за советом к одной столетней старухе. Посланные спросили: «Что нам делать с Алауганом? Он нас скоро объест, и у нас скоро не останется скота». Старуха отвечала: «Возьмите Алаугана, отведите его к морю: там ловится много рыбы, пусть он ловит рыбу и питается ею; никогда он не переловит всей». Послушались старухи: взяли Алаугана, повели к морю. Долго шли они. Алауган съел весь запас пищи, так что, когда показалось море, они чуть не умирали от голода. Увидали они, что может кончиться для них плохо: они сами попадут к Алаугану на обед; решили они тогда обмануть его.

— Каждый день, Алауган, с моря тебе будет доставляться пища. Повремени и смотри на море.

Сказав это, они незаметно скрылись и вернулись домой. Алауган послушался их и все время стоял и смотрел на море, ожидая с нетерпением пищи. На третий день видит он: скачут по морю три жеребца-тарпана — один вороной, другой белый, третий золотистый. Впереди себя они гнали великое множество рыбы; она в испуге бросалась на берег; некоторые рыбы были величиной с сосну. Наигравшись вдоволь, тарпаны умчались в море, а рыба издохла. Алауган тогда хорошо наелся. Проголодавшись и не видя тарпанов, Алауган подумал: «Если бы последовал я в море за тарпанами, я наловил бы рыбы вдоволь на долгое время». Стал он караулить тарпанов, он желал поймать сначала белого. Но не удалось ему поймать белого — поймал он золотистого. Конь сказал ему человеческим голосом: «Зачем я тебе, Алауган, нужен?» Алауган отвечал: «Господь меня создал для жизни, а я умираю от голода: вот я и поймал тебя; буду ездить на тебе и добывать себе пропитание». Тогда золотистый тарпан опять ему сказал: «Ты сумел меня поймать, как-то ты сумеешь на мне ездить и мною управлять! Я не конь, не тарпан для таких дураков, как ты, Алауган: я назначен для тех, кто хочет бежать из ада в рай. Не тебе владеть мной! Испытай-ка меня: отруби сейчас одну из моих четырех ног». Алауган отрубил. «Ты, конечно, держишь ее в руках?» — «Да, держу в руках». — «Посмотри на мои ноги». Посмотрел Алауган на ноги тарпана, видит: целы все ноги. «Вот ты отрубил мне ногу, да не отрубил. Посмотрим тепер, как-то ты меня привяжешь».

Привязал Алауган тарпана к большой ели крепко-накрепко. «Вот так буду тебя привязывать во время моих нартовских поездок», — сказал он. Рванул тарпан и с корнем вырвал 40-аршинную ель толщиной в 20 вершков. От такого страшного шума испугался Алауган и убежал в соседний лес. Но недолго он там пробыл: захотел есть и заплакал. Подбежал к нему тарпан, уже оседланный стальным седлом со стальными подпругами.

— Теперь я буду тебе служить, Алауган, а ты не сомневайся во мне и надейся на меня. Тебе не придется кормить меня: я питаюсь только железом, а если его нет, то нахожу в горах железную руду и грызу ее.

Сел тогда на тарпана Алауган и поехал в родной аул. Трудно было там жить Алаугану с его лошадью. Конь ему и говорит: «Отведи меня на вершину горы, Алауган; там я буду сам питаться, что найду; когда же тебе понадобится, ты позвени уздечкой над водой, и я тотчас же буду перед тобой».

(Далее рассказывается о желании Алаугана жениться, поисках за невестой, встрече с чудовищной женщиной-эмеген, путешествии в подземные чертоги,

увозе молодой эмеген[ши], приезде их в аул Алаугана, пожирании невестой Алаугана детей, вышедших им навстречу, и, наконец, о свадьбе Алаугана. Рассказ о женитьбе Алаугана напечатан в «Сборн. матер. для опис. местн. и плем. Кавк.», т. I, отд. II, с. 7—11; записанный же мною весьма немногим отличается от записи г. Урусбиева.)

Приложение 4

ГЕНДЖАКЕШАУАЙ¹

Жил когда-то нарт Алауган. Была у него жена-эмегена, такая сильная, что ни в чем муж не решался ей пересчитать и боялся ее. Детей у них не было, хотя они рождались ежегодно. Происходило это оттого, что жена Алаугана пожирала их тотчас после их рождения².

Так прошло несколько лет, и ни одного ребенка Алауган не мог спасти. Пошел он к старику очень древнему³ попросить совета. На ту пора жена Алаугана была тяжела. Старик ему сказал: «Пройдет 9 месяцев и 9 дней, и она родит сына, который будет сильнее тебя и матери. Ты его спаси таким образом: когда наступит время ей родить, пусть она сядет на трубу и так рождает, а ты будь внизу: подменишь ребенка щенком. Пусть она его и сожрет». Послушался Алауган старика, подменил ребенка щенком; а сам взял сына и поскакал к Минги-тау (Эльбрусу). Когда он несся над горою, конь под ним споткнулся, и Алауган уронил ребенка в глубокую трещину во льду⁴. Затосковал Алауган и не хотел даже домой возвращаться, хотел по свету развеять свое горе.

Скоро он приехал к какому-то народу. Там все стали удивляться росту и красоте нарта. Наконец вышел один из толпы и сказал: «Кто ты? За какой нуждой и откуда к нам приехал?» Отвечал им Алауган: «Было нас трое братьев; я был самый старший; был я женат, и сын у меня был. Но возненавидел народ всю нашу семью: взял я своего сына и бежал в горы. Когда ехал я через Минги-тау, упустил своего сына Генджакешауая в трещину во льду, что называется Буггый». Народу стало жаль нарта: решил он пойти на поиски, не смогут ли спасти нартова сына. Выбрали пятьдесят человек. Пошли они туда, где уронил Алауган сына, поставили там столб, построили шалаши и стали искать. Но не все 50 человек там работали: трое отстали и только на другой день стали догонять товарищей; увидели они столб, остановились и недоумевали, что бы это значило. Наклонились они над пропастью и увидели детскую голову и руки мальчика, который держал ледяные груди и сосал их. Стали они думать, что им делать. Выбрали шапа⁵ и послали его к народу с известием, что сын Алаугана нашелся и жив. Народ сказал шапа: «Если ты не обманываешь, то мы тебе с каждого семейства дадим по мере пшеницы; если же ты обманываешь — голову долой!» Шапа согласился. Тогда весь народ пошел к Минги-тау и там увидел поставленных над пропастью часовых. Там все увидели великана-ребенка, который в обеих руках держал ледяные груди и сосал их. Мальчик молчал: ему было только 6 месяцев. Принесли много ковров и теплой одежды, спустились в пропасть, подняли мальчика наверх; хотели понести, но не могли; хотел его поднять сам отец, но и тот не смог. Тогда решили оставить его на месте. Прошло 6 месяцев, народ снова собрался к Генджакешауаю. Алауган стал благодарить народ за помощь, за то, что спасли сына.

— Нет, не тебе, отец, надо благодарить народ, а пусть он тебя поблагодарит, — сказал Генджакешауай. Народ оскорбился.

— Потому пусть народ тебя поблагодарит, — продолжал нарт, — что он будет скоро мною избавлен от большого несчастья.

— Какое же несчастье может приключиться с нами? — сказал народ.

— Через пять лет у вас все реки должны высохнуть, а вы будете радоваться, если выпьете глоток из грязной лужи. Вот тебе, отец, рыбий глаз. Возьми его и лижи, и тогда у тебя сила увеличится,— так сказал Генджакешауай отцу и дал ему белый камень.

...«Змей теперь мне делает кибэ⁽⁶⁾ (кольчугу). Я надену ее, как подарок, на Махаре (местность), и тогда будет мне имя Генджакешауай (неизвестного значения). На вершине горы сидит двенадцатиголовый змей Сарубек, он-то и выпивает всю воду. Когда я был в трещине, я питался молоком Сарубек; теперь же Аллах меня послал, чтобы я своим мечом убил Сарубек,— тогда воды везде будет вдоволь». Так сказал Генджакешауай. Прошло 5 лет. Наступила засуха. Сарубек сушил землю. У нас и теперь говорят во время засухи: от дыхания Сарубек камни трескаются.

Генджакешауай отправился на гору и убил двенадцатиголового змея и всю страну освободил от засухи. Тогда Генджакешауай взял своего отца и вернулся на родину. Матери не оказалось дома. Стали они жить вдвоем и очень бедно: у Генджакешауая было только одна рубаха, черкеска и бурка. Отец подарил ему коня Гемуду. Сказал однажды Алауган сыну: «Есть у меня лошадь, сын; она теперь под землю в конюшне, а питается она там железной рудой. Это мой богатырский конь. Теперь его дарю тебе». Привел он Гемуду, а тот притворился дряхлым, хромым.

— Это не конь, а кляча,— сказал Генджакешауай,— и не мне на нем ездить.

Конь рассердился, взмахнул головой и ударил Генджакешауая: тот заплакал.

— Эх ты, сын прожорливого, что ты за наездник для меня, если плачешь! — Так сказал человеческим голосом Гемуда.— Куда ты хочешь ехать? Хочешь через море плыть, или лететь между небом и землей, или скакать через горы, реки, долины? Скажи только: «бисмилла!» — и ты будешь там, где хочешь!

— Я очень испугался,— сказал Генджакешауай,— ты меня поразил так, что не могу прийти в себя.

— Ну теперь,— сказал Гемуда,— поминай море, морское счастье, ударь меня и скажи: «бисмилла!»

Генджакешауай так и сделал. В один миг он очутился на морском берегу. Гемуда сказал: «Ты видишь другой берег? Я тебя туда перенесу, если хочешь». Конь бросился в море и поплыл. Хотел его Генджакешауай повернуть к берегу назад, но не мог, только коню рот до половины разорвал. Только среди моря конь сказал нарту: «Хочешь вернуться назад? Я тебя выведу на берег».

— Смерти не миновать,— сказал Генджакешауай,— да мне и стыдно вернуться домой и не совершить ни одного подвига. Не вернись назад! Плыви вперед!

Конь встряхнулся — Генджакешауай испугался: ему казалось, вот-вот он свалится в воду. Он стал раскаиваться: «Нет, лучше пешему идти, нежели по воде ездить. Вернись, пожалуйста, на берег: я хочу домой». Конь повернулся и быстро вынес Генджакешауая на берег. Слез нарт, посмотрел на рот коня: рот был цел. «Это наваждение было,— подумал он,— мне это все попритчилось. Отпущу-ка коню подпруги: пусть поест». Но не подпруги он увидел: с боков коня подымались огромные орлиные крылья; хотел Генджакешауай поправить нахвостник, смотрит: вместо хвоста — длинный рыбий хвост. Испугался Генджакешауай и сел на камень. Конь встряхнулся.

— Садись на меня,— сказал конь.

Генджакешауай сел. Конь взмахнул крыльями и полетел. Сильно махал он крыльями: море раздвоилось, и тогда Генджакешауай увидел двух других коней

— белого и вороного. Гемуда спросил: «Что ты видишь?» — «Я вижу то, о чем рассказывал мой отец».

— Не бойся! Зажмури глаза и спи крепким сном.

Летел Гемуда, как ветер, а Генджакешауай спал крепким сном. Слышит вдруг он во сне конское ржание. Открывает глаза и видит: целый табун коней несется на них; окружили и не пускают. Только что Генджакешауай хотел сосчитать коней, как Гемуда поднялся вверх и вынес его на берег. Генджакешауай отдохнул. Тогда подошел к нему Гемуда и сказал: «Садись на меня, ударь меня и скажи: „бисмилла!“» Генджакешауай так и сделал. В один миг он очутился на родине, в ауле, и с ним вместе весь табун морских коней.

Гемуда сказал: «Ты и я вскормлены одной матерью — водяною». Потом он сказал: «Вот тебе весь табун. Он твой, пользуйся им, продавай; пусть тебя минует всякая нужда. Когда же весь табун переведешь и у тебя будет надобность во мне, я явлюсь. Ты только возьми узду, думая обо мне, подойди к воде и позвени уздой: я тотчас явлюсь».

71. АЛАУГАН И ЕГО СЫН

У Схуртукова Тотурбия было девятнадцать сыновей. А отцом Тотурбия был кузнец Дебет¹. Среди этих юношей старшим был Алауган. Сыновей Тотурбия, после того как они женились, всех, [кроме Алаугана], убил Ёрюзбек². А Алаугана он не тронул, сказав: «Он стар и не женат, у него не будет наследников [продолжить род]».

Воспитательницей же Алаугана была обур Сатанай. Однажды, когда Алауган отправился на ныгыш [посидеть] со стариками, Сатанай обогнала его и, подойдя к играющим [около ныгыша] в бабки мальчикам, сказала:

— Я сделаю вам подарки, если вы, когда сюда подойдет Алауган, начнете спорить и [во время спора поклянетесь]: «Да чтоб мне, как Алаугану, без жены состариться!»

Когда Алауган дошел до мальчиков, они «заспорили» [и сказали то, что велела Сатанай]. Алауган, сказав: «Оказывается, я и для детей стал посмешищем», — вернулся домой. Он оседлал Гемуду и отправился на поиски жены.

Взбравшись на возвышенность, он увидел эмегеншу, которая чинила трещины земли. [Она работала], привязав свои груди за спину. Гемуда так научил Алаугана:

— Я подкрадусь [тихо] своим кошачьим шагом, а ты подойди и прикоснись [губами] к ее груди.

Алауган взял в рот грудь эмегенши, эмегенша притянула его к себе и сказала:

— Эх, стал ты моим сыном, а так каким лакомым кусочком был бы для меня.

А Алауган ответил [на это]:

— Ты тоже стала моей матерью, а так я одним ударом своего меча расправился бы с тобой.

[После] Алауган рассказал ей, что едет искать себе жену. Эмегенша сказала, что она выдаст за него свою дочь.

Когда она привела Алаугана [к себе] показать дочь, та была в жилище. Девушка-эмегенша, [когда ее мать возвращалась домой], открывала свой рот [на всю высоту двери], от притолки до порога. И в этот раз она сделала так, думая, что мать, [как обычно], принесла ей что-то съестное. Эмегенша же крикнула: «Я тебе мужа веду, уходи отсюда!» — прогнала ее в комнату. Убегая, она так сдавила зубами дверную коробку, что сплющила ее.

Алаугану девушка [эмегенша] понравилась. Эмегенша показала Алаугану один большой казан и сказала:

— Наполни его трижды мясом.

Алауган сел на Гемуду, [отправился на охоту] и наполнил казан [мясом] дважды. Третий раз наполнил до половины. Девушка сказала Алаугану:

— Наполни, налив из быстротекущей³.

[И] Алауган налил туда воды [из речки]. Назначив день, когда он заберет девушку-эмегеншу, он уехал домой.

Взяв с собой шестьдесят дружек и железную арбу, он поехал за девушкой. Когда дружки, желая посмотреть невесту, отправились [к ней] в комнату, [она на весь дверной проем раскрыла] свой рот, и все они очутились в ее пасти. Алауган ударил девушку-эмегеншу плетью по шее, и она отпрыгнула всех дружек обратно.

Девушку-эмегеншу вывели и посадили на арбу. [Она была настолько тяжела, что] арба развалилась, [а колеса] ушли [в землю]. Тогда Алауган схватил и посадил ее впереди себя на Гемуду. Гемуда поскакал, увязая в земле, то передними, то задними ногами.

Привезли ее в дом [Алаугана] и посадили за ширмой. Всех, кто заходил на нее посмотреть, она заглывала. Стали искать пропавших — не нашли. [И с тех пор, когда кто-то бесследно пропадал, в народе говорили]: «Пропал, как те, которые исчезли, зайдя за ширму».

Эмегенша стала рожать [Алаугану] мальчиков-близнецов и тут же их съедать. Сатанай, ведая об этом, сказала:

— [Она так проживет], пока не умрет Алауган, а потом начнет глотать людей и так уничтожит всех.

«Надо что-то придумать», — решила она [и, когда подошло время очередных родов] эмегенши, отправилась к ней.

— Пожилые снохи не чета молодым снохам. Раньше снохи рожали в дымоходное отверстие. А нынешние — дома, лежа рожают, — сказала она [эмегенше].

Эмегенша со словами: «Оказывается, я опозорилась» — полезла [на саклю] рожать в дымоходное отверстие. Когда младенец [через дымоходное отверстие] упал на очаг прямо в золу, Сатанай вместо него [туда] положила щенка и [убежала, забрав] малыша [с собой].

А эмегенша, родив второго сына, прибежала и проглотила его и щенка. Потом с криком: «Ой, эта подлая обур [убежала], сделав какую-то пакость!» — убежала [во двор].

Сатанай же понесла мальчика на Минги тау, сделала ему из льда люльку и ушла, положив ему в рот [вместо груди] сосульки.

Прошла неделя. Когда она, взяв с собой еду, пришла туда, увидела, что мальчик, выбравшись из люльки, сидел [рядом с ней]. Накормив его досыта, она ушла, привязав его к люльке веревками.

Когда пришла туда спустя неделю, увидела, что мальчик, разорвав веревки, выбрался из люльки и уже ходит. Накормив и напоив его, привязав его [к люльке] цепями, она ушла. Прошло пятнадцать дней. Когда пришла, [увидела], что он, разорвав цепи, опять выбрался из люльки. Этот ребенок рос удивительно быстро⁴.

Тогда Сатанай сказала [ему]:

— Давай поборемся.

Они начали бороться. Сатанай поборола его.

— Ты еще недостаточно окреп, — сказала [она] и, накормив [его], опять запеленала и, привязав [к люльке] цепями, ушла.

Когда она вернулась туда через месяц, [увидела, что мальчик опять выбрался из люльки], разорвав [цепи] на несколько частей. Они снова начали борьбу. Мальчик несколько раз поборол ее.

— Ну, теперь, [я вижу], ты стал [таким], как я хотела. Давай теперь спустимся в долину [к нартам],— сказала Сатанай и дала ему имя Карашауай.

Как только они спустились с Минги тау, эмегенша, увидев их, узнала сына и кинулась на Карашауая, чтобы съесть его, но Карашауай убил свою мать.

Алауган сказал Карашауаю:

— Я уже стар. Бери себе моего Гемуду. [Только] у него износились подпруги. Сделай себе [новые] подпруги.

Карашауай пошел к Дебету и сделал у него новые подпруги. А тогда как раз наступила пора, когда нарты устраивали свои скачки. [На этих скачках] кони Ёрюзмека, пробежав восьмидневный путь, взбирались на вершину Минги тау.

Перед началом скачек Карашауай сел на хромого Гемуду, поехал [к нартам] и попросил:

— Разрешите и мне участвовать в скачках.

Никто не признал его. Однако к скачкам [его] допустили.

До скачек [нарты] пустили [своих] коней пастись на одну большую поляну. Туда привел своего Гемуду и Карашауай. Гемуда за одну ночь съел всю траву и оголил поляну.

На следующий день нарты, оголившуюся поляну увидев, [удивились], забеспокоились и [всех] своих шестьдесят коней в загон вогнали.

Утром нарты на скачки отправились. Карашауай же остался там лежать. Через день после их отъезда он [помчался за ними] и догнал их.

Когда участники скачек, [поднявшись] на Минги тау, возвращались оттуда, ведунья нартов Мичилиу, [как всегда], послушала, [приложив ухо к земле], чтобы узнать, чей конь скачет первым. Послушав, она сказала:

— Я слышу [приближающийся] стук копыт коня Схуртуковых.

Ей не поверили, сказали:

— Да что ты, мы же, [кроме Алаугана], их всех истребили. Куда же [старому] Алаугану участвовать в скачках?

[В этот момент] Карашауай на Гемуде прискакал [первым к финишу], сказав: «Да будет добрым ваш день!», поздоровался с нартами. Они [в ответ] стали проклинать его и спросили:

— А мы решили, что уже уничтожили всех вас, а ты, проклятый, откуда взялся?

— Обидел, что ли, я вас, первым придя? — сказал Карашауай и, вернувшись обратно, приторочил коня Шырдана к седлу позади себя, а коня Ёрюзмека положил на своего коня перед собой и поднял их на Минги тау⁵.

[После этого] нарты стали очень бояться Карашауая и обеспокоенно переговаривались: «Нам не под силу убить его». Ведунья Мичилиу [успокоила их], сказав:

— Я придумаю что-нибудь.

— А что ты сделаешь? — спросили [ее] нарты.

— Давайте отдадим ему [в жены] прекрасную дочь Ёрюзмека; став [нашим] зятем, он не причинит нам вреда.

[Нарты] пригласили Карашауая. Мичилиу оставила девушку во дворе, а Карашауая завела в дом и стала его угощать. Она спросила его:

— Карашауай, ты почему не женишься?

— Если бы нашел [девушку по душе], женился бы,— ответил он.— А чья эта девушка во дворе?

— Девушка наша, если понравится, отдадим тебе [в жены],— сказала Мичилиу.

Девушка понравилась Карашауаю, и он породнился с нартами.

Дед Карашауая Дебет был искусным кузнецом. Когда нарты видели мастерски сделанную вещь, [они] говорили: «Это сделано руками Дебета!» А если попадались плохо сделанные вещи, говорили: «Как жалко, что эта вещь миновала рук Дебета!», выражая тем самым свое недовольство. Еще говорят, что Дебет положил начало кузнечному делу.

В пору старости Дебета Карашауай был уже подростком, но он еще не был знаком с дедом. Желая испытать силу [внука], Дебет пригласил его однажды к себе. Карашауай пришел к Дсбету в кузницу. Дебет дал ему в руки свой железный молот.

— На, ударь им по железу, что лежит на наковальне! Твой отец, Алауган, выковывал топор, дважды ударив этим молотом,— сказал.

Карашауай взял молот и слегка ударил [им] по железу на наковальне.

— Ударь посильнее! — сказал Дебет.

Карашауай размахнулся и ударил. Молот вошел в наковальню, а наковальня вошла в землю. С потолка кузницы посыпалась копоть. Ручка молота обломилась и осталась в руках [Карашауая]. Дебет испугался и хотел выбежать из кузницы.

— Куда же [ты] бежишь? — спросил Карашауай.

— Неужели не видишь, кузница рушится,— ответил тот.

— Нет, кузница не рушится, это молот вошел в наковальню, а наковальня — в землю,— успокоил [его Карашауай].

[Тогда] Дебет возвратился [в кузницу] и ласково обнял Карашауая. Богатырская сила юноши пришлась ему по душе.

— Теперь я поверил, что ты — сын Алаугана и что из тебя выйдет нартский пелиуан и ты прославишь наш род,— сказал.

В это время телом с курган деу Алауган подошел к ним, чтобы узнать мнение Дебета о сыне, и спросил:

— Ну что, отец, как считаешь, справился этот юноша с твоим поручением?

— О том, как он справился, спроси у молота и наковальни. Одно сломал, другое вогнал в землю, а меня так напугал, что я чуть не выбежал из кузницы! — сказал тот, глядя на мальчика.— Если ты сумеешь быть достойным отцом, то он будет достойным тебе сыном,— добавил он.

Довольный Алауган улыбнулся и спросил сына:

— Ты зачем так сделал?

— Сам не знаю. Сначала я ударил слегка. «Ударь посильнее», — потребовал [Дебет]. А когда я, чтобы угодить ему, ударил [посильнее], молот врезался в наковальню, наковальня вошла в землю, а рукоять молота осталась у меня в руках,— ответил Карашауай.

— Ай, хомух! Впредь ударяй осторожнее. Они нам еще будут нужны.

— Вот ты и познакомился со своим дедом, теперь ступай домой,— сказал [Алауган] и отправил [Карашауая к себе].

73. КАРАШАУАЙ И КУЗНЕЦ

Однажды Карашауай, сев на своего Гемуду, отправился в дорогу. Кто знает, сколько он ездил. Когда он доехал до одного болотистого места, Гемуда стал и не захотел дальше идти. Карашауай хлестнул [его] плетью, но Гемуда не хотел лезть в грязь. Он второй раз ударил так [сильно], что из мышц его задней ноги брызнула кровь. Гемуда перепрыгнул через болото и стал. Во время прыжка

его подпруги разорвались, и Карашауай вместе с седлом полетел в грязь. Он выбрался оттуда и, волоча седло, подошел к своему коню.

— Эй, сын человека, я тоже испытал тебя. И месяц не прошел, а ты нарушил свою клятву. Ты же поклялся, что не сделаешь ничего такого, что обидело бы меня. [А сам] хлестнул меня так, что из мышц моей задней ноги кровь брызнула. Я ведь знал, что, если прыгну, подпруги лопнут и ты упадешь, вот поэтому и не хотел дальше идти. А ты, вместо того чтобы посоветоваться со мной, ударил плетью. Я — животное, ты — человек. Ты не пожалел меня так, как я тебя...

Карашауай очень пожалел о сделанном и опечалился. Обняв Гемуду за шею, он поцеловал его. Потом, взвалил на себя седло и взяв Гемуду за повод, хотел пойти дальше. Но Гемуда не пошел [за ним].

— Иди, садись на меня! Ты еще молод, [поэтому] я прощаю тебя, давай помиримся,— молвил он.

Карашауай сел на неоседланного [коня] и поехал домой, держа седло в руках.

— Что случилось, почему ты так едешь? — спросил его Алауган. Карашауай рассказал ему обо всем.

— Ну, если так, оставь здесь и коня и седло, а сам ступай к Сатанай и ей тоже поведай об этом,— сказал [Алауган] и отправил [его к Сатанай].

Мудрая обур Сатанай уже ведала все о Карашауае. Она приветливо встретила и обласкала его и спросила:

— Храбрый сын нартов, что привело тебя ко мне, чем я тебе могу помочь?

Когда Карашауай поведал, зачем он пришел, она, сказав: «Ну, если так, славный юноша, ты подожди здесь, я сейчас приду»,— ушла [в другую комнату]. Там [она] помочилась в таз, слила мочу в кувшинчик, вышла и, подав его Карашауаю, сказала:

— Славный юноша, возьми этот кувшинчик и ступай к кузнецам, отдай его им и скажи: «Это прислала Сатанай, чтобы вы, закалив [его содержимым], сделали две [железные] подпруги».

Карашауай взял кувшинчик, пошел к кузнецам и сказал:

— Это прислала Сатанай, сказав: «Сделайте две подпруги и закалите этой [жидкостью]».

Кузнец взял железо для подпруги и положил в горн. Подмастерье раздул мехи. Накалив железо, [кузнец] вытащил его из огня. Карашауаю, который наблюдал за всем, не понравилось это. Он взял раскаленное железо голыми руками и согнул его. Железо переломилось, [и теперь] в каждой руке он держал по куску.

— Эй, юноша, что ты делаешь? Спятил, что ли? Ты же руки себе обожжешь! — кричал [испуганный] кузнец.

Карашауай, сказав:

— Будь твое железо достаточно раскалено, я, конечно, обжег бы себе руки, ну, [а сейчас] вы не раскалили его [как следует],— бросил обломки перед ним.

Кузнец и его подмастерье испуганно переглянулись. Они взяли другой [кусок] железа. Сильно раскалив, [выковали подпруги и] несколько раз закалили их «целебной водичкой» из кувшинчика. [Закончив, они] протянули [их] Карашауаю, сказав: «Посмотри-ка теперь». Карашауай взял подпруги. Когда он, крепко смотав, отпустил их, они сразу же размотались и выпрямились, словно прутья.

— Ну, спасибо вам, до свидания,— сказал [Карашауай] и ушел, забрав подпруги.

[Кузнецы] не отважились спросить его, кто он, и [молча] стояли, глядя ему вслед.

Гемуда — богатырский конь Карашауая. Его имя славилось не только среди нартских аулов, расположенных на берегу реки Кырк суу *, о нем знали все люди на земле.

Гемуда родился на вершине Минги тау
От жеребца Тейри Зимы
И кобылы Тейри Лета.
Эта кобыла жеребилась один раз в девять лет,

5 Гемуда был третьим ее жеребенком.
Первых двух жеребят [унес] и съел орел Анкар *,
А третьего жеребенка, подкараулив, забрал Карашауай
И дал ему имя Гемуда.

Гемуда трехногим, медноухим,
10 Булатнокопытным был.
Один его глаз видел все, что в небесах происходит,
Другой — даже ночью в рсках, в морях
Плывущую волосинку мог заметить.

Он, вытянув [голову] через Минги тау,
15 На альпийских лугах Переднего Кавказа пасся.
Он так часто терся шеей о вершину Минги тау, что сделал ее двуглавой.
Покончив с травой у подножия гор,
Он пасся на склонах Минги тау
И оголял [альпийские луга] Северного Кавказа.

20 Его навоза хватало удобрять все нартские пашни.
Когда он ржал, [от испуга] кобылицы раньше времени жеребились,
А яловые кобылицы становились жеребыми.
А жеребцы от испуга все перевелись.

Искры, летящие [из-под копыт] Гемуды при его беге,
25 [Улетев в] небо, в звезды превращались.
[Горячий] пар, исходящий из одной его ноздри, [зиму] в лето превращал,
А [холодный] пар из второй ноздри [лето] в зиму превращал.

75. КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

В век нартов жил нарт по имени Дебет. У него было девятнадцать сыновей. Он женил их, начиная с младшего.

А старшим среди его сыновей был Алауган. Пока дошла до него очередь жениться, он состарился. И в народе, когда кого-нибудь проклинали, говорили: «Да чтоб состариться тебе, как Алаугану, без жены!»

Алауган, услышав это, ушел [из аула], долго [искал себе жену] и вернулся, женившись на эмегенше. Эта эмегенша стала съедать своих новорожденных детей. Во время ее очередных родов обур Сатанай подкараулила и, выкрыв ребенка, убежала и спрятала его в ледниках Минги тау. А имя ему дала Карашауай. [Мальчик] вырос, питаясь ледяными сосульками. Вот поэтому его глаза даже в воде все видели, и плавал он в воде, как рыба. [И никакой мороз ему не был страшен]: когда он ходил с нартами в походы, он даже в лютые морозы кырк сууугу ¹ был стоек, как камень состар *.

Карашауай вырос за двенадцать месяцев и стал настоящим нартским батыром. Он взял лук и пошел на равнину. Там увидел одно озеро. В этом озере он поймал жеребенка, который родился от морских коней. Карашауай назвал его

Гемудой. Он привел его в страну нартов и вырастил его. Гемуда владел человеческой речью. Его копыта были крепкими, как железо, его глаза были навывкате и блестящими, как у рыб. Ресниц у него не было, в воде он оставался сухим, у него, как и у рыб, были жабры, и он в морях и озерах дышал через них.

76. КАРАШАУАЙ ИСПЫТЫВАЕТ ГЕМУДУ

Карашауай в одном озере поймал осиротевшего жеребенка, родившегося от морских лошадей, привел его к себе и стал ухаживать за ним. Каждый день он, подоив оленух, давал ему ведро их молока. В это молоко он добавлял пять соколиных яиц и один ковш молока эмегенш. Задавал ему горный овес, выросший на солнечном склоне Минги тау. Поил его бардой сыра, сделанного из ячменя, собранного в Нарт Бора, и крепкого хмеля, растущего на улице Хумалан.

Одну ночь он оставлял его среди ледников и приучал его спать среди льдов, вторую ночь он оставлял его в рсках [или] глубоких озерах. Днем привязывал его среди пустыни. [Так Карашауай] научил [своего коня] переносить [любой] зной, холод и ветер.

Старый отец [Карашауая] Алауган назвал его коня Гемудой. Карашауай, [когда Гемуда окреп], попросил [у отца] разрешения испытать его.

Пелиуан Карашауай нартов сын,
Никто не мог осилить его в борьбе.

Он многому научил Гемуду.
Привязав к нему курганы, стаскивал [их] на равнину.

- 5 [Однажды] Карашауай на Гемуде в путь отправился,
Чтобы не упасть, к седлу припал.

Долго скакали, в неоглядные дали уехали,
Достигнув крутой скалы, [Гемуда] грудью [ее] ударил.

- 10 Расколол крутую скалу на две части.
— Пусть это будет Черекским ущельем,— сказали.

От удара копыта [Гемуды] озеро Чирик-кёл образовалось¹.
Своим дыханием он вековые горы разрушил.

Теснина Чегема от его удара образовалась,
И засверкали на ней водопады.

- 15 Затем они поскакали к Тихтен тау.
Рассекли эту гору на две части, чтобы река могла течь.

Поднялись на гору, посмотрели на Минги тау,
Через нее решили перепрыгнуть.

- [Карашауай] наточил копыта Гемуды.
20 — Тейри Земли, помоги нам! — взмолились [они].

Одним прыжком Минги тау достигли.
Перепрыгнули через него на другую сторону.

[Потом] через вершину назад перепрыгнули,
Но [конь] задел копытом вершину, и образовалась седловина [Минги тау].

- 25 Карашауай был доволен Гемудой.
Чтобы напоить коня, набрал воды из нарзанных источников.

Погладил, почистил, вытер с него пот.
Сделал изо льда корыто, напоил его нарзаном.

- [Затем] они, [конь и нарт], посоветовались
30 И оттуда на Казман тау отправились.

Разогнали облака на Казман тау
И его скалы открыли.

Покорив все, решили отдохнуть,
Глядя с вершины [горы] на просторные дали.

- 35 [После] они разрушили склоны Казман тау.
Альпийскими травами накормил [Карашауай] своего Гемуду.

Челюсти Гемуды были прочнее стали,
Тверже чугуна были его копыта.

- Карашауай сел на Гемуду,
40 [Слившись] с седлом, прилип к его спине.

Гемуда собрался и прыгнул,
Он [полетел], изрыгая пламя.

Гемуда и нарт на восток поскакали,
Домчавшись до одного моря,

- 45 Увидели скачки на его берегу.
При их виде [участники скачек] помчались [прочь], а они бросились
вдогонку.

Когда [те] в море погрузились,
[Карашауай и Гемуда] поняли, что они сбежали, испугавшись их.

- Конь и нарт выехали в пустыню, отдохнули,
50 Задержались немного, обозревая все вокруг.

Увидели вдали горящие горы.
— Эти костры, видимо, развели джинны,— сказали.

Карашауай спросил: «Что теперь нам делать?
Как бы нам перескочить через эти костры, не сгорев?»

- 55 Гемуда ответил: «Послушай меня,
Поверь мне, я исполню все, что [ты] пожелаешь!»

— Эй, Гемуда мой,— сказал [Карашауай].— мы с тобой верные друзья,
Покуда ты жив, мы одолеем и [эту] огненную гору.

- Ты — конь земли, воды и воздуха ²,
60 Никто не сможет сравниться с тобой в выносливости!

[Когда] поскачем, я прильну [к тебе], словно твоя кожа,
Помни, что тебе нужно пройти через [этот] огонь.

Делая скачки в один чакырым ^{*},
Доставил [Гемуда] Карашауая к [пылающим] горам.

- 65 [Гемуда], направив на гору пар из своих ноздрей,
Горящие костры потушил, будто залил [их] водой.

Испытав коня, Карашауай к Алаугану вернулся.
[Пошел] и рассказал старому Дебету, [как он Гемуду испытывал].

Старый Дебет, [выслушав внука], так благословил его:
— Теперь ничто не грозит стране нартов.

- 70 Будь предводителем нартов в жортууулах,
Будь защитником нартских аулов!

77. ПЕСНЯ О КАРАШАУАЕ И ГЕМУДЕ

[Гемуда] родился весной, в месяц Тотура ¹.
[Он] больше всех Карашауая любил.

С рождения язык людей он знал,
К нему [все] Тейри были благосклонны.

- 5 [На земле] ни один зверь не мог догнать его,
На небе [ни одна] птица не могла обогнать его.

Из стали были копыта Гемуды,
Из чугуна были его челюсти.

- 10 От его шагов гора Казман тау дрожала,
Зубры ревели на горе Кёсе.

[Он] очень любил с горы на гору перескакивать
[И] разъезжать [с Карашауаем] по стране нартов.

[В те] древние времена он [первым] взобрался на Казман тау,
Он первым поднялся на Минги тау.

- 15 Стрелы не пробивали его шкуру,
Мечи не брали его тело.

Карашауай слился с седлом,
Чтоб не упасть, прильнул к Гемуде.

- 20 Долго скакали [они], далеко заехали,
Доскакав до огромной горы, [Гемуда] ударил ее грудью.

Расколов гору на две части,
— Пусть это будет Черекским ущельем!— сказали.

Голубые озера — следы копыт [Гемуды],
От его дыхания рушились вековые скалы.

25 В морях он, как рыба, плавал,
[В небесах] — среди звезд летал.

Он, [ударив] грудью, Чегемское ущелье открыл.
Оттуда [Карашауай и Гемуда] в горы Баксана поскакали.

Одним прыжком Минги тау достигли,
30 Перепрыгнули через него туда-сюда.

Копытами [Гемуда] вершину Минги тау задел
И сделал Минги тау двуглавым.

Карашауай был Гемуде рад,
Накормил его альпийскими травами.

35 [Потом] они на запад поскакали,
Там поглядели на волны большого Адиля.

Оттуда [они] в страну нартов вернулись
[И] обо всем поведали старому Дебету.

Все нарты были рады их отваге,
40 Радовались [появлению такого богатыря] в стране нартов.

78. ГЕМУДА КАРАШАУАЯ

[Говорят], что жены Алаугана умирали. Потом он женился на эмегенше.
[Однако] эта эмегенша, родив ребенка, тут же его съедала.

[Однажды] Алауган спросил одного старика:

— Что бы мне придумать, [как спасти ребенка]?

Старик так научил его:

— Как только [эмегенша] родит ребенка, подбрось под нее щенка, а ребенка заberi.

Алауган сделал так, как он сказал. Взяв Шауая¹, он убежал в ледяные горы.

Он положил Шауая в расщелину льда. Сказав:

— Аллах, помоги ему, преврати [воду этих сосулек] в материнское молоко, — он положил ребенка в рот сосульку и ушел [обратно]. И Шауай вырос в расщелине льда.

Когда Шауай вырос и пришел в страну нартов, Аллах послал ему Гемуду. Гемуда был бессмертным конем. Он живет [с того дня], когда была сотворена земля, и не стареет. Он и сейчас жив.

Гемуда при виде людей начинал хромать, скрывшись же от них, он скакал так, как желал Шауай.

[Однажды среди нартов] разгорелся спор. Одни говорили: «Колан Ёрюзмека самый быстрый [конь]», другие возражали: «[Нет], Гемуда летучей».

Чтобы разрешить спор, нарты устроили скачки от горы Алапа до Минги тау. Во время скачек у Гемуды разорвались подпруги. Карашауай вернулся назад,

сделал [у кузнеца] стальные подпруги и опять поскакал. Гемуда [быстро] догнал Колана, потом опередил его и первым пришел к Минги тау.

79. ПЕСНЯ О КАРАШАУАЕ

Сыны нартов — слуги Тейри,
Сыны нартов — славные люди.

У Золотого Дебета девятнадцать сыновей было.
«Давайте женимся не по старшинству,
5 [А] начиная с младшего», — [решили они].

Все они попереженились,
Лишь один Алауган без жены остался.

Он много раз женился,
Но ни одна из женщин жить с ним не смогла¹.

10 Вот поэтому Алауган неженатым ходит.
В народе врагу, участь его пророча: «Чтоб тебе, как Алаугану, без
жены остаться!» — стали говорить.

Алауган, услышав это, себе жену искать отправился
И оказался в стране эмегенов.

Рассказал о себе эмегенше,
15 Женившись на ее дочери, к себе вернулся.

Жена Алаугана [была настолько] громадна,
Что, заходя в его дом, сорвала дверные косяки.

Она много детей родила [Алаугану],
Но, родив, тут же съедала их.

20 [Однажды] ее свекровь, рассердившись, сказала:
— Да чтоб уничтожили Тейри нынешних снох за то, что они в
комнате рожают.

Мы раньше в дымоходное отверстие рожали².
Эмегенша [в очередной раз] родила [уже] в дымоходное отверстие.

Ее свекровь выкрала ребенка,
25 А вместо него щенка подбросила.

Ребенка понесли и в ледниках Минги тау оставили,
Пока он не набрался силы богатырской, воспитывали его от матери
втайне.

Карашауай очень быстро вырос и стал огромным пелиуаном,
Когда привели его домой, он в борьбе свою мать победил.

30 На Минги тау каждый год одна дикая кобыла жеребилась.
Но всех ее жеребят уносил и съедал один орел.

Карашауай подкараулил и забрал [очередного] жеребенка.
Дал ему имя Гемуда-алаша *.

- Гемуда [был настолько могуч], что рвал кожаные подпруги.
35 Тогда сделали ему у Дебета железные подпруги,

Закалили их в моче обур Сатанай
И лыком обмотали.

Карашауай ходит, желтую бурку накинув,
Гемуда-алаша, опустив уши, прихрамывает ³.

- 40 Об их отваге никто не ведал, лишь после большой скачки у
Схуртуковых,
Когда Гемуда, притворяясь хромым, обогнал всех коней, [узнали
об их геройстве].

Бий * гневно крикнул: «Откуда этот негодник появился?
Если бы не он, мои кони победили бы!»

- Карашауай в ответ засмеялся
45 [И] стал [по одному] привозить его коней на холке своего коня
и перед ним [бросать].

С этого дня народ узнал [Карашауая и Гемуду],
[Нарты] увидели, что они обладают неслыханной в веках богатырской
мощью.

80. КАРАШАУАЙ И НАРТЫ ¹

- Карашауай и Гемуда-алаша
На нартские скачки отправились.
Карашауай пошел и Ёрюзмека попросил:
— Да перейдут твои болезни ко мне, да буду жертвой за тебя!
5 Позволь и мне участвовать в скачках,— сказал.
— Вот уже три дня, как уехали [нарты],
Да и что тебе делать [на скачках] с хромым конем?
— Что же, и туда поскачу, глядя на их спины,
И оттуда прискачу, глядя на их спины.
10 На худой конец мне [за это], может, хоть рубашку дадут,—
настаивала Карашауай.
— Да я сам тебе дам эту рубашку,— [сказал Ёрюзбек].
— Прошу тебя, разреши [мне] себя испытать! — сказав,
Ой, Карашауай помчался, маржа!
Нарты уже возвращались обратно, когда он домчался туда.
15 На второй день он пустился за ними в обратный путь.
Гемуда-алаша стал их нагонять.
Впереди был всадник из Ёречикауовых на белом коне.
А [нарты] на ныгыше ждали [участников скачки].
— Всадник из Ёречикауовых на белом коне первым прискачет,—
сказал Ёрюзбек,—
20 Ой, да [ведь] белый конь Ёречикауовых других опережает,
— Цокот копыт скачущего впереди коня [мне не знаком], маржа,—

Сказал один слепой старец Ёрюзмеку,—
Это не белый конь Ёречикауовых,— возразил [он].
Гемуда мчался, обгоняя всех.

- 25 Когда Гемуда-алаша вырвался вперед,
Карашауай [на скаку] схватил белого коня Ёречикауовых
и кинул на холку [Гемуды],
Прискакал и бросил его перед [сидящими на] ныгыше.
Ай да Гемуда-алаша, ай да Карашауай!

81. КАРАШАУАЙ НА СКАЧКАХ

Нарты время от времени устраивали скачки. Однажды они решили устроить скачки на пятнадцать дней. Выставили отборных скакунов. В их числе были: пегий мерин Ёрюзмека, белый конь и сивый конь. Предсказывали, что победит один из этих трех коней.

Услышал [и] Карашауай об этих скачках и решил испытать Гемуду...

Участники скачек съехались на скакунах к месту, откуда начинались скачки. Резвые кони не стояли на месте и, фыркая, пританцовывали. Каждому участнику хотелось выиграть приз, чтобы потом, как победителю, посвататься к дочери Ёрюзмека — красавице Агунде.

Народу на том месте собралось очень много. Вот на кляче Гемуде подъехал туда зыккыл¹ Карашауай.

— Наконец-то явился [настоящий] участник скачек! Его [коня] не обгонит даже птица,— говорили с насмешкой некоторые нарты, а были и такие, кто возражал им:

— Эй, юноши, не смейтесь, быстрый конь не бывает стройным, [красивым].

— Разрешите и мне принять участие в скачках,— попросил Карашауай.

— Ой, бедняга, а ты что будешь делать? Останься, еще под ногами окажешься, раздавят,— смеялись, издеваясь [над ним].

Но Карашауая не смогла отговорить. [Он] пошел и попросил Ёрюзмека.

— Пусть едет, [он еще] молод, не обижайте [его], он поскачет как может,— сказал Ёрюзбек и разрешил.

Участники состязания отправились гурьбой к месту, [откуда должны были начаться] скачки, и скрылись из глаз. И Гемуда Карашауая, прихрамывая, согнувшись, поскакал за ними и тоже исчез за холмом.

— Ай, зауаллы! Ты посмотри, как скачет этот конь-кушжетер,— засмеялись ему вслед нарты².

Стоило Гемуде скрыться от людских взоров, он полетел, как ветер. Не показываясь участникам [скачек], [Гемуда] обошел их стороной и остановился, достигнув того места, откуда начинались скачки. Через некоторое время подъехали и другие участники. [Они все] очень удивились и спросили:

— Ого, юноша, как ты очутился здесь, ведь ты же отстал от нас [еще] там?

— Я скакал вслед за вами, не жалея сил, но вас не видел,— ответил [Карашауай] безразличным голосом.

— Мы ехали по широкой степи медленно, беседуя, а этот джигит, стараясь догнать [нас], наверное, поскакал по короткой дороге. Он загнал своего коня. Как же теперь обратный поскачет? — говорили [нарты] друг другу. Карашауай слышал [их] насмешки, но ничего не сказал.

Когда кони передохнули, [нарты] подтянули потуже подпруги и поскакали. На Карашауая [никто] не обратил внимания. Умчались, сказав: «Доберется когда-нибудь».

Карашауай же бросился вслед за ними. Догнал и обогнал, затем снова отстал. И второй раз догнал и обогнал [их]. Снова [нарочно] отстал. Так скакать он

продолжал еще некоторое время, в конце концов, оставил всех позади себя и прискакал [первым]. Все, обступив его, нетерпеливо спрашивали:

— Джигит, с какого места ты возвратился, разве ты не с ними поехал?

— Я и поехал с ними и вернулся с ними,— ответил [Карашауай].

— А где же они остались? — спросили его.

— [Они отстали], скоро подъедут,— ответил Карашауай.

Но [нарты] не поверили этому:

— [Он] не смог и вернулся с полпути,— сказали [они] и оставили его в покое.

Через некоторое время вдали показались [другие] участники скачек. Чтобы лучше видеть их, люди теснили друг друга. На финише белый конь на полкорпуса обогнал пегого мерина. Третьим пришел сивый конь.

Тут начались споры из-за приза. Одни настаивали, чтобы приз дали Карашауаю, а другие — всаднику на белом коне.

Хозяин белого коня стал доказывать:

— [Карашауай] и отсюда не с нами поехал, и оттуда не смог и вернулся с полпути.

Тогда спросили у участников скачки:

— Ездил ли [он с вами]?

Участники скачки не могли скрыть того, что [Карашауай] ездил с ними и обогнал их всех. Нехотя [они] рассказали все, как было.

[Но] хозяин белого коня настаивал:

— Мы не включали его в число участников, он сам присоединился [к нам]. Он не заслуживает этого приза.

Тогда Карашауай вскочил на Гемуду. Поднял белого коня, положил [его] на шею Гемуды. Несколько раз помял и бросил его перед хозяином. Собравшиеся захопала от удивления и закричали в один голос:

— Приз, приз, приз [Карашауаю]!

Но Карашауай отказался от приза:

— Я принимал участие на скачках не из-за приза, а просто так — хотел испытать нартов и развеять свою скуку. Не нужен мне ваш приз,— сказал он, сел на Гемуду и уехал.

Приложение 5

(ШЕВАЙ И ГЕМУДА)

Когда наш герой, Шевай, с вершины Эльбруса был приведен в аул и ему было уже около двенадцати лет, то отец подарил ему своего коня Гемуду. В это время у соседних народов их нарды¹ объявили, что устраивают скачку на призы и что тот, кто возьмет первый приз, может жениться на дочери первого нарда — Сосрука². Задумал ехать и Шевай; пошел к своему коню — вымыл, вычистил его, хорошо накормил и напоил и спрашивает: может ли он с ним участвовать в бегах? «Можно,— говорит Гемуда,— но, смотри, там кони будут хорошие, и мне придется скакать так, как я тебя не возил еще ни разу, и потому — усидишь ли ты?» — «Не бойся,— отвечал Шевай,— усажу, лишь бы только нам не посрамить свою честь». — «Ну, так закажи всю новую сбрую из буйволового кожи, чтобы была как можно прочнее, подпруги сделай стальные и, чтобы это не было заметно, прикрой их лыком, все равно как и всю сбрую обмотай мочалой». Шевай сделал все так, как сказал ему Гемуда, и отправился на скачки. Накануне назначенного дня он въехал в аул; Гемуда притворился хромой, разбитой клячей, а Шевай оделся как самый последний бедняк. Все

встретили их со смехом, и больше всех оскорбления пали на бедного Гемуду. Мальчишки забросали его грязью, подстегивали хворостинами и кололи под хвост кольями; путешественники все-таки достигли до Сосрука и, по обычаю страны, были приняты, как почетные гости. Настало время начинать скачки. Задача состояла в том, что получает приз тот, кто первый, по какой хочет дороге, доедет в течение двух недель до известного места, сделает там дневку и затем через две недели вернется первым к первоначальному пункту. Народа собралось множество. Сосрук выставил лучших своих коней, да и каждый из нардов имел знаменитого бегуна. Общий хохот раздался, когда к ряду наездников подъехал Шевай на своей кляче. Но отказать ему не могли. По данному знаку нарды отправились в путь; поковылял за ними и Гемуда, но как только наездники скрылись из виду: «Держись», — сказал Гемуда Шеваю и взвился под облака. Конечно, к означенному пункту первым приковылял на своей кляче Шевай, и хотя удивил всех нардов, но все-таки те подумали, что, может быть, он знал какую-нибудь ближайшую дорогу.

Дневку провели не без пира, а на другой день уговорились ехать всем по одной дороге.

Как сказано, так и сделано. Шевай поковылял за наездниками, но отстал от них на целых два дня. «Струсил, бедняга, — спрашивает Гемуду, — что ж, ведь мы эдак проиграем приз?» — «Не бойся! Но только теперь будь молодцом, усиди на мне, и тогда я буду всю жизнь служить [тебе] верой и правдой; а если свалишься, на меня не пеняй!» Действительно, конь взвился опять за облака, и седок едва-едва удержался на нем.

В назначенный день еще больше народу собралось ожидать приезда конкурентов. Вот уже видят вдали первого коня Сосрука, другой — его же — показывается на дороге, один за другим выезжают все нарды, а никто не замечает, как по сторонке дороги ковыляет на своем Гемуде Шевай и становится на назначенное место.

Вообразите себе удивление всех, когда первый подъехавший нард застал на призовом месте оборванного Шеваю на его убогой кляче. Но делать нечего: приз выигран — и Шевай сделался мужем дочери Сосрука.

82. КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА-АЛАША

Карашауай [и] Гемуда-алаша!
Оседлав Гемуду-алашу,
Отправиться в путь [я] решил.

Уши алаши [остры],
5 Челюсти — словно железные клещи,
Огонь высекают его копыта.

В горах алаша — словно сани.
На равнине — словно арба.

На алаше [я] в путь отправился.
10 [Когда] ехал я по большой степи,

В большой степи эмегенов [я] увидел.
И эмегены его заметили.

— Конь его — мой! — сказал один,
— [А] сам он — мой! — сказал другой,

15 — Седло его — мое! — сказал третий.

[Но] старый эмеген так сказал:

— По широкой степи [одиноким] всадник,
Не уверенный в себе,
Клянусь Тейри, не стал бы разъезжать!

20 [Карашауай] стегнул плетью [коня] и [к ним] подъехал.
Эмегены в игре состязались.

— [А] что у них за игра?

— [А] игра их — толкание камня.

— А камень их какой примерно?

25 — Как двумя волами
Влекомый стог сена.

— [А] тяжесть его какова примерно?

— [А] тяжесть его тяжелее чугуна.

Карашауай немного растерялся.

30 [Тут] Гемуда-алаша по-человечьи сказал:

— Чего же ты испугался, Карашауай?
Если ты не сможешь, я толкну!

Карашауай решил,
Алашу [он] расседлал.

35 — Принесите-ка [камень], попробую разок! — сказал.
Камень [ему] подали.

Карашауай приготовился,
Рукава засучил,
Полы за пояс подоткнул.

40 Как будто с трудом приподнял [камень],
Как будто напрягаясь, взял
И метнул вполсилы.

Эмегены шепчутся:

— Будь [он] проклят Аллахом!

45 — Я не очень удачно бросил!

Принесите-ка камень, [еще раз попробую], — сказал [Карашауай
эмегенам].

Один из эмегенов пошел,
Искал, но не нашел камень.

Карашауай сам пошел,
50 Ударил каблуком сапога

[И] из второго яруса земли¹
Выбил камень и принес.

Когда второй раз толкнул —
Забросил [его] в невидимую даль.

55 Эмегены [испуганно] перешептывались,
А старый эмеген так сказал:

— Все мы трое намного слабее [тебя]
И должны стать жертвой твоего меча!

— Один из вас пусть коня моего
60 Приведет,— сказал Карашауай,—

Другой пусть стремяна придержит,
Третий пусть посадит [меня] на коня.
— Спасибо, сын нартов! — сказал старый эмеген.

Один привел коня,
65 Другой стремяна придерживал,
Третий поднял и посадил на коня.

Карашауай стегнул коня плетью,
Конец его плетки
Одному глаз вышиб.

70 [Когда] Гемуда-алаша прыгнул,
Вылетевший из-под [его] копыт пласт земли
Снес другому голову².

— Просим тебя, сын нартов! — взмолились [эмегены],—
Не истребляй нас!

75 — Уезжай-ка! Счастливого [тебе] пути! — сказал старый эмеген.
И [Карашауай] отправился дальше.

* * *

На берегу Дона³, говорят,
Большие скачки начались.

Карашауай, чтоб поехать туда,
80 Гемуду стал готовить.

[Он] подъехал к подножию одной скалы,
[А] там жил один кузнец.

— Моему коню подпруги, маржа,
Сделай-ка из железа.

85 — Угля у меня нет,
И железа нет у меня,— сказал [кузнец].

— И железо я добуду,
И уголь я найду!

На берегу Дона, говорят,
90 Все нартские батыры
Собрались, большие скачки
Там идут,— сказал Карашауай [кузнецу].

— А какая награда на этих скачках?
— Дочь хана — Алтын-Кочхар.

95 — На этих скачках, [конечно], награда достанется
Рачыкау и [его] соловому коню.
Он побеждает на [всех] скачках,— [сказал кузнец].

Карашауай, чтобы поехать туда,
Положил железо в горн,
100 Угля подбросил.

Карашауай раздувал меха так [сильно],
Что разорвал их.

Уголь разметал
[И] железо [с горна] сбросил.

105 И [тогда] кузнец воскликнул:
— Да ты, [оказывается], не из тех юношей, над кем можно
подшутить!

Полегче раздувай меха!

[Когда кузнец] подруги закончил,
Карашауай отправился на скачки.

110 На берегу Дона, говорят,
Все нартские батыры собирались
И ждали тех, кто еще не подъехал.

На Карашауае его гебенек *,
Желтый гебенек внакидку.

115 [А] грива [его] коня в репейнике.

Вот так убогим прикинулся.
А батыры над ним смеются:

— А этому бедняге чего тут надо? — говорят.
Подозвав, стали [его] расспрашивать.

120 — Да я из коша приехал,— отвечал [он],—
Чтобы купить соли для скота,

Может, что и выиграю на этих скачках.
[Батыры] стали смеяться над ним.

Нартские батыры все до единого
125 Умчались, оставив [его].

[Когда] Карашауай отстал от всех,
Гемуда-алаша сказал [ему] так:

— Если [буду] достойным [тебя] конем, будешь ли достойным
наездником?

— Если будешь достойным конем, буду достойным наездником!

130 Поклявшись так, [они вдогонку] бросились,
Весь нартский народ смотрел [на скачки].

Карашауай стал нагонять,
[Он] мчался, обгоняя всех.

[А] Рачыкау на соловом коне
135 Был самым первым.

[На скаку] подхватил Шауай
И коня Рачыкау, и его самого.

Перекинул их поперек холки [Гемуды]
И прямо к ныгышу
140 [С ними] помчался.

Нарты думали, что это
Рачыкау мчится.

[Но] это оказался не Рачыкау,
[А] Гемуда-алаша и Карашауай.

145 Когда [они] примчались [к ныгышу],
Все были удивлены!

83. КАРАШАУАЙ

Карашауай, прослышав, что нарты собираются на скачки, сел на своего коня Гемуду и приехал к ним. Спрыгнув с коня, Карашауай выгнал его на свалку, [а сам] стал наблюдать, как нарты, подготавливаясь к скачкам, упражняются, перепрыгивая туда и обратно через [крыши] домов.

Он, завидуя [по-доброму], смотрел на Колана Ёрюзмека, на оленеголового солового коня Сосурука, на трехногого вороного Сибилчи¹, на гнедого скакуна Рачыкау.

[А тем временем] дети хохотали над его [клячей] Гемудой, у которого подпруги были из ивовой коры, а седелка из телячьей шкуры, и дергали его то за хвост, то за гриву.

Нарты отправились к месту скачек. А бежать они были должны от Тонгуз оруна до Гума. Карашауай поехал за нартами. «А ему-то что нужно?» — сказали нарты и стали смеяться над ним. На это Карашауай ответил: «Эй, нартские юноши, пригожусь хотя бы на то, чтобы [в пути] костер вам развести».

Так они доехали к месту Тонгуз орун, откуда начинались скачки. Оттуда они отправились в девятидневные скачки. Когда все кони поскакали, Гемуда начал брыкаться и сбросил с себя Карашауая. Встав на дыбы, он не давал себя поймать. Прежде чем поймать, [Карашауай] долго просил и умолял его. Сев на него, он арканом привязал свои ноги к Гемуде. Но [Гемуда] разорвал аркан и опять сбросил его. Тогда он обмазал ноги желимом* и так сел [на коня]. [Несмотря на то что] его ноги, [обмазанные желимом], крепко приклеились [к бокам коня], тот опять скинул его. И при этом он до крови разодрал свои ноги.

[Не зная, что ему делать], он сел и заплакал. И тогда Гемуда заговорил человеческим голосом:

— Не я виноват, а ты сам. Мы [ведь] поклялись с тобой, однако ты нарушил нашу клятву. Мы ведь дали слово быть верными друг другу. А ты позавидовал нартским коням. Этим ты нарушил нашу клятву, и нам нужно по-новому поклясться.

[И они снова поклялись быть верными друзьями.]

Прошло три дня, как нарти отправились на скачки. На четвертый день Карашауай сел на своего Гемуду и поскакал вдогонку.

Через некоторое время нарти, услышав позади себя грохочущий конский топот, стали оглядываться.

«Кто это может быть?» — говорили они встревоженно. [Нагнав], Карашауай приветствовал их:

— Добрый путь, нартские юноши! Ну, как ваши скачки?

Потом, гремя как гром, он обогнал их и, крикнув: «Счастливого [вам] возвращения!» — [ускакал прочь].

Несмотря на то что он на скачки отправился спустя три дня, к финишу примчался на три дня раньше [остальных участников]. А призом для победителя были девять юношей и девять девушек из пленников. Карашауай, выиграв приз, сказал:

— [Отдайте их] Ёрюзмеку, пусть это будет калымом за его дочь.

А так сказал потому, что он сватался к дочери Ёрюзмека.

84. НАРТ КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

Судя по рассказам, Алауган был спокойным, скромным человеком огромного [роста]. Кроме Карашауая, у него детей не было. Он очень любил своего единственного сына и радовался, видя, что маленький Карашауай растет настоящим богатырем.

Как-то однажды Алауган взял с собой Карашауая и повел его в подземелье, где находился Гемуда. Когда они открыли замок и вошли туда, он показал Гемуду и ушел, сказав:

— Вот мой конь, на котором я езжу. Если ты будешь настоящим мужчиной, он всегда будет для тебя достойным конем. Он будет понимать все, что ты скажешь, и делать все то, что ты велишь. С этого дня вы будете неразлучны, познакомьтесь друг с другом.

Карашауай, обрадовавшись, погладил Гемуду по спине. Обняв его за шею, сказал:

— Я никогда не обижу тебя. Буду любить тебя, как себя.

На это Гемуда ответил человеческим голосом:

— Если ты будешь настоящим мужчиной — я буду для тебя достойным конем. Так поклявшись, они стали верными друзьями.

Однажды Карашауай накинул Гемуде на спину рваный чепрак и положил старое седло. Затянув потуже засохшие подпруги, сел [на коня] и отправился в дорогу. Выехав из аула, он понесся, как ветер. Хвост Гемуды вытянулся, подобно хвостатой звезде, от топота его копыт содрогалась земля. [Он] мгновенно преодолел бескрайние степи. Испытав Гемуду на земле, [Карашауай] очутился у реки Адиль.

Когда он заехал в реку, глубина которой была девяносто девять сажен, а ширина девятьсот девяносто девять шагов, Гемуда по уши ушел в воду. Дробя копытами подводные камни, он перешел на другой берег.

Когда Гемуда второй раз зашел в реку, [чтобы вернуться обратно], река [от его движений] поднялась и вышла из берегов. Когда он вышел из воды, [Карашауай

увидел], что к Гемуде вода не пристала, он был совершенно сухой. Так он испытал [своего коня] и в воде.

Мало ли, много ли Карашауай ездил, кто его знает, и вот, когда он возвращался [домой], остановился, доехав до одного топкого места шириной в сорок шагов, по обе стороны которого высились огромные груды камней. Карашауай слез с Гемуды и отпустил его пастись, а сам, дивясь на громоздившиеся друг на друга величественные горы, отправился [осмотреть округу].

«Я Гемуду испытал и на суше, и в воде — он оказался достойным конем,— подумал Карашауай.— Ну, а теперь испытаю-ка я и себя»,— решил он и, схватив, поднял камень с копну. Его ноги по колено ушли в землю. Он швырнул камень на огромную грудку камней и превратил эти крепкие речные камни в пыль.

Потом Карашауай [вернулся и] сел на Гемуду, но Гемуда не захотел ехать по этой топкой местности. Тогда от хлестнул его плетью, но конь не шелохнулся. Второй раз он ударил [коня] так, что из мышц его ног брызнула кровь. Гемуда перепрыгнул [через эту топь] на другую сторону и остановился. Во время прыжка у него разорвались подпруги.

Карашауай отправился к Дебету и сделал у него из сплава бронзы и железа новое снаряжение своему коню. И подпруги, и другие кожаные принадлежности сбруи [Дебет] сделал из кожи морских животных. Вот поэтому снаряжение его коня было прочным и на суше, и в воде.

Карашауай, снарядив коня сбруей, сделанной Дебетом, собрался в дорогу. Его воспитательница обур Сатанай попросила его:

— Жаным *, если ты надумал отправиться в поход, сядь-ка на коня и поскачи туда-сюда, а я посмотрю, насколько конь и ты понимаете друг друга.

Карашауай, желая показать Сатанай, как его конь может прыгать и скакать, взял медную плетью длиной в девять сажень, сел на коня и хлестнул его [этой] плетью. И тогда Гемуда заржал и заговорил:

— Не бей меня,— сказал,—

Если ты будешь достойным мужчиной,
Я в море буду как рыба, обгоню [даже] рыб,
Грудью ударив, подводные скалы могу разбить.

5 В темном небе, как орел, могу летать.

Только на земле не могу быть таким же [быстрым], как Генжестай.
А в морях и озерах я ему первенства не уступлю.

[Ведь] Генжестай — из степных, а я — из морских коней.

Вот потому я — первый на воде,

10 А он в степи обгоняет всех коней.

[Молвив это], Гемуда к [подножию] Минги тау поднялся.

Перепрыгнул через него на другую сторону.

Его задние ноги задели его вершину и сделали [гору] двуглавой.

Потом оттуда обратно перепрыгнул.

Когда они вернулись к Сатанай, Гемуда поведал ей о себе:

— Видишь, если бы я, как и Генжестай, был из степных коней, я перепрыгнул бы через Минги тау, не задев его вершину. На суше я могу летать, как орел, на земле только Генжестай обгоняет меня, потому что он быстрее ветра.

Затем Карашауай сел на Гемуду, перепрыгнул через одну гору и оказался на берегу Черного моря. Там они стали плавать то на воде, то под водой. Вдруг Карашауай вспомнил, что Сатанай говорила, будто Схуртуковы устраивают скачки.

Подстегнув Гемуду, он погрузился на дно моря. Разыскивая дорогу, они долго плыли и встретились с водяными эмегенами¹. [Карашауай] спросил у них:

— Как проехать к Схуртуковым?

Эмегены ответили:

— Вот здесь, на дне моря, есть дыра, через которую можно попасть в море Хазар². На берегах этого моря и живут Схуртуковы. Однако [мы охраняем дыру и] не пропускаем [через нее] ни одно живое существо.

— А почему не пропускаете? — спросил Карашауай.

— [Схуртуковы] из племени нартов. Нас они называют водяными свиньями, водяными людьми. А увидев наших на берегу, убивают их, — ответили эмегены. Потом, сказав: «Ты тоже на них похож», — выпучили глаза и, широко раскрыв пасти, кинулись на него. Когда Карашауай собрался наброситься на них с мечом, Гемуда сказал:

— Ты не сможешь их мечом убить, у них нет мышц, все тело, кроме плавников, из кости, которую не пробивают стрелы и не берет меч. А блестящие их глаза тверже алмаза, внутренности же у них, как у рыб.

— Ну что же нам тогда делать?

Гемуда так научил его:

— Ты будь настоящим мужчиной, а я буду достойным тебя конем. Ты постарайся удержаться на мне и [ничего] не бойся. Я стану бегать по морю туда-сюда. Оно начнет волноваться, потемнеет и помутнеет. Когда [эмегены] перестанут хоть что-то видеть, мы быстро проскочим через эту [дыру] в море Хазар.

Через некоторое время Карашауай, хорошо укрепившись в седле, велел Гемуде:

— Скачи, скачи, разволнуй, раскачай море так, чтобы волны снесли в море берега и прибрежные скалы.

Гемуда, как велел Карашауай, начал скакать и прыгать по морю и по его дну туда-сюда. Когда море почернело, помутнело настолько, что под водой ничего не стало видно, Карашауай и Гемуда помчались к подземному водному пути, ведущему из Черного моря в море Хазар.

Гемуда, пробегая мимо водяных эмегенов, несколькими из них, оказавшимся под его копытами, выдал кишки.

После продолжительного пути они остановились у дыры, выходящей в другое море, и увидели, что она закрыта ледяной глыбой. Гемуда и Карашауай переглянулись, и тогда Гемуда сказал:

— Карашауай, я из морских коней, и ты видел, что я не забыл повадки морского коня, перешедшие мне от моих родителей, и выполнил на море свой долг. Ну, а теперь, если ты, как ты сам говоришь, настоящий богатырь, выросший в ледниках, и если ты нартский сын Алаугана, покажи свою силу — разломай, раскидай эту глыбу льда.

Карашауай попросил Гемуду:

— Гемуда, ты отойди в сторону, а потом поскачи, а я вытяну вперед ноги и ударю льдину пятками.

Гемуда, сказав:

— Карашауай, мы же договорились, что если ты будешь настоящим мужчиной, то я буду достойным тебя конем. Давай держись покрепче! -- отбежал в сторону, а потом бросился вперед. Карашауай ударом пяток расколол ледяную пробку. Разлетевшиеся от его удара льдины всплыли наверх.

От всего этого море Хазар разбушевалось и чуть не снесло нартские аулы Схуртуковых, расположенные на его берегах.

Нарты, сказав: «Что же это такое?» — удивлялись,

Они были обеспокоены.

Пошли к главной в их стране ведунье

Жанханий и, пригласив ее,

Попросили на камушках погадать³.

[Разложив камушки], она сказала: «Сегодня к нам из нартского аула, [Расположенного] на Минги тау, один летучий всадник прибудет.

Он уже в пути, скоро здесь будет.

Схуртуковы, узнав, что это какой-то необычайный гость, три дня готовились к своим состязаниям. Одна из игр была стрельба из лука: чья стрела пронзит огромную скалу и пройдет через нее. Вторая [игра] — толкание камня. А третья — трехдневные скачки по большой долине. Было решено отдать в жены лучшую из девушек аула Схуртуковых — прекрасную Агунду тому, кто победит в этих трех состязаниях.

Спустя некоторое время, то исчезая, то появляясь среди волн, туда подъехал Карашауай. Достигнув берега, он слез с коня и приветствовал собравшихся нартов Схуртуковых. Те поздоровались с ним и спросили:

— Нартов сын, зачем едешь, что ищешь?

Карашауай ответил:

— Меня к вам послал мой отец Алауган, чтобы я посмотрел и принял участие в ваших скачках, играх, на которых определяется самый сильный и отважный.

Схуртуковы, рассказав ему, какие у них игры и что ожидает победителя этих игр, отправились состязаться в стрельбе. Стали по очереди метать [стрелы] в черную скалу. Стрелы некоторых из них, вонзившись, уходили в скалу, но пробить ее так никто и не смог. В конце игры предложили и Карашауаю:

— Гость, может, и ты попробуешь?

Карашауай взял лук и пустил подряд три стрелы. [Пробив скалу], раскаленные стрелы вылетели с обратной стороны, словно искры.

Потом начали метать камни. В этой игре участвовало девяносто девять нартов. Самым последним камень метнул Карашауай, [толкнув камень дальше всех], он опередил их на девяносто девять шагов.

Третьей их игрой были скачки. А должны они были преодолеть расстояние, равное девяносто девяти дням пути.

Все нарты собрались к камню, откуда начинались скачки. От этого камня половина их пути проходила по морю. Участники скачек устремились вперед. Карашауай и Гемуда бросились вслед за ними. Гемуда одним прыжком опередил [их всех]. Пар, вырывающийся из его ноздрей, словно туман, окутал всю равнину, и скачущие за ним [нарты], не видя дороги, сбились с пути. Карашауай же, доскакав до морского берега, лег и спокойно поспал до их приезда.

Спустя довольно много времени нартские всадники доскакали до моря и, погрузившись в него, поплыли дальше. Гемуда и Карашауай поплыли за ними вслед и скрылись на их глазах под водой. Всадники Схуртуковых, увидев, как они исчезли под водой, обрадовались и стали насмехаться над ними:

— Скачки должны выиграть мы. Нарты с Минги тау могут нас обогнать только на суше, а в воде куда им до нас?

Они продолжали скачки, попеременно обгоняя друг друга. Они и не подозревали, что Гемуда и Карашауай плыли под водой. [Через некоторое время] те выплыли перед ними. Гемуда, плывя по поверхности моря, опять стал обгонять их, при этом

Брызги, летящие из-под его копыт,
На аулы Схуртуковых
Дождем выпали.
Пар, исходящий из его ноздрей,
Подобно туману, окутал их аулы.

Гемуда выплыл на берег первым, обогнав всех на девяносто девять тысяч

сажен. Когда Гемуда оттуда помчался [к финишу], в стране нартов началось землетрясение. Нарты спросили у главной своей ведуньи, что это, и она ответила:

— Этот туман — пар, вырывающийся из ноздрей Гемуды, этот тихий дождь — брызги, летящие из-под копыт Гемуды, а землетрясение — это он уже приближается сюда. От каждого его прыжка земля содрогается.

Гемуда и Карашауай, примчавшись к финишу, приветствовали нартских жителей аулов Схуртуковых и остановились поодаль.

Схуртуковы как за победителя выдали за него лучшую из своих девушек — [Агунду]. За его подвиги Схуртуковы сделали Карашауая своим предводителем.

85. БАТЫР КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

Мать нартов звали Сатанай, сыном Сатанай был Алауган¹. Алауган состарился без жены. Сатанай, не найдя другого выхода, [однажды] попросила [аульных] детей, играющих в альчики:

— Дети, когда Алауган будет проходить мимо вас, [сделайте вид, что вы] поссорились и спорите [из-за альчика. Пусть один из вас скажет]: «Чтоб мне, как Алаугану, состариться без жены и остаться без наследников, если этот альчик не мой».

Когда Алауган услышал это, он, рассердившись, пошел к своей матери Сатанай и сказал:

— Анам, я отправляюсь искать себе жену.

Когда он во всем снаряжении ехал по дороге, увидел огромную великаншу, которая строила дорогу. Он, боясь подходить к ней, приостановился, раздумывая, как ему быть. Потом решительно направился в ее сторону. Великанша работала, закинув свои груди за спину. Алауган, подбежав, прикоснулся губами к ее груди. Великанша, потянувшись назад, схватила и положила Алаугана в рот. Она чихнула, и Алауган выпал ей в руку. Она сказала:

— Ой, сын мой, неожиданно ты стал моим ребенком, а так каким лакомым кусочком был бы ты для меня.

На это Алауган ответил:

— Ой, анам, и ты неожиданно стала моей матерью, а так одним ударом [убил бы] тебя.

Потом великанша спросила:

— Сын человеческий, зачем ты бродишь?

— Я ищу себе жену, — ответил [Алауган].

— Пойдем ко мне, если тебе понравится, у меня есть дочь, — сказала эмегенша и пригласила его домой.

Дома она испекла семь [огромных], с мельничные жернова, гыржынов и положила их перед ним. Они [зарезали и] освежевали пятилетнего быка, сварили и съели его вдвоем. Кости же со словами: «Девушки очень любят грызть кости» — бросили в чулан. Дочь [великанши] в это время находилась там.

Утром девушку нарядили и отдали Алаугану. Алауган взял ее и привез к себе домой.

Эта великанша стала через каждые семь недель рожать по семь детей и тут же их съедать.

Ее свекровь Сатанай, [чтобы обмануть сноху и выкрасть ребенка], стала ругать ее:

— Ты [в сакле] на соломе, покрытой кошмой, рожает, это позор. Мы же в дымоходное отверстие рожали.

Прошло время, перед очередными родами сноха Сатанай, жена Алаугана, взобралась [на саклю]. Сатанай же, взяв щенка, стала ждать внизу у очага. Когда великанша родила и ребенок упал через дымоходное отверстие [вниз],

она подбросила [вместо него] щенка, взяла ребенка, унесла и спрятала [его]. А великанша прибежала и съела щенка.

Сатанай поставила люльку на вершине Минги тау и стала воспитывать ребенка там. Она [время от времени] поднималась на Минги тау [и навещала ребенка].

Там, [на вершине], был и один конь. Коня звали Гемуда. Этот конь выходил из глубокого озера, которое находилось на вершине Минги тау, пасся вокруг озера и снова погружался в озеро. Вода этого озера была целебной, говорили, что [человек], выпивший из этого озера, будет бессмертен и проживет до конца света.

Бабушка воспитала Шауая на вершине Минги тау. У Шауая была шапка-невидимка. А Гемуду он поймал и взял себе. Шауай знал язык Гемуды, а Гемуда мог говорить человеческим языком. Гемуда, когда хотел, мог принять облик невзрачного, шелудивого или богатырского коня. Шауай же мог принимать образы хромого старика, прекрасного [юноши], джигита².

[Однажды] Гемуда сказал Шауаю:

— Я могу превращаться и в красивого коня и принимать облик шелудивой клячи без гривы. Ты тоже принимай тот облик, который будет под стать моему. Надень свою шапку-невидимку, [и отправимся в дорогу]. Если ты будешь достойным всадником, и я буду тебе достойным конем.

Гемуда с Шауаем играючи перепрыгнули через Минги тау к Черному морю, оттуда перепрыгнули к Северному морю*. Когда [Шауай] перепрыгивал [через] Минги тау, он ударил своим мечом по его вершине и сделал его двуглавым. Дочь хана, увидев это, влюбилась в него.

В один из дней Гемуда сказал:

— Шауай, возьми свою шапку-невидимку, [и посдем к] кузнецу Дебету. Сделай у него седло и три стальные подпруги и садись [на меня]. Я [превращусь] в черногривого [скакуна], а ты стань статным богатырем. А теперь зажмурь глаза, я сейчас прыгну на расстояние, равное трем дням и трем ночам пути, и при этом земля подо мной сожмется.

Шауай, надев на Гемуду сделанные кузнецом Дебетом седло и подпруги, выехал на равнину. На этой равнине [он увидел] юношей, оспаривавших на скачках право жениться на дочери хана. [Увидев их], Гемуда превратился в шелудивого, безгривого коня, а Шауай — в хромого старика в желтой бурке.

Юноши отправились в трехдневные скачки. Шауай поскакал за участниками скачек и догнал [их]. На скачках он [намного] опередил их. Победив [их], он женился на дочери хана. Потом он и его конь приняли свой прежний вид.

86. ДРУЖИНА ЁРЮЗМЕКА И КАРАШАУАЙ

Карашауай — могучий сын Алаугана,
Вечные льды были [его] пищей и водой.

Он был богатырским сыном нартов.
[Огромная] дочь эмегенши, подобная бревну, [была его] матерью.

5 За три дня он вырастал [на столько, на сколько другие] — за три года.
[Он] ловил и свеживал белых маралов.

[Его] скрывали от матери, пока [он] не подрос,
Пока не повзрослел, не набрался богатырской силы.

Когда подростка Карашауая привели [с Минги тау] домой,

10 Он в богатырской борьбе победил свою мать.

[И тогда] Алауган понял, что может положиться на своего могучего сына, Понял, что [с его сыно. . .] не может сравниться в силе ни один человек, Ощупывая, он осмотрел грудь и тело [Карашауая].

В тот день, дав ему имя Карашауай,

15 Повел его к Гемуде.

— Если ты будешь [настоящим] нартом, он будет [достойным тебя] конем,— сказал.—

Познакомьтесь! — сказав, благословил [сына].

Познакомились [они], дали друг другу клятву:

— Если умереть, то вдвоем, если жить, то вместе! — сказали.

20 Испытали друг друга, опускаясь в воду и взбираясь на горы.

И, по равнинам разъезжая, они испытали друг друга.

Когда Гемуда напрягался, подпруги его не выдерживали:

Они рвались при резком движении [коня].

Тогда [Карашауай] заказал [для него] булатные подпруги,

25 Сатанай же, прочитав заклинание, закалила их.

Карашауай ездит, накинув на себя [ветхую] бурку,

А Гемуда прихрамывает, опустив уши.

Никто [из нартов] не подозревает об их силе,

При виде их не могут удержаться от смеха.

30 Не признавали их, пока они не обогнали всех

На больших скачках у Схуртуковых.

Когда Карашауай попросился поехать на скачки,

Осмеяли [его] и не захотели брать с собой.

Лишь один Ёрюзмек разрешил Карашауаю:

35 — [Только] будь осторожен, не окажись под ногами [коней]! — сказал.

Карашауай отправился позже всех,

А вернулся обратно первым, обогнав [других] на один чакырым.

Один [из участников], уверенный, что получит приз,

Когда проиграл, сказал: «А кто этот оборванец?

40 Ведь он не участник [скачек]», — стал возражать.

Эти слова привели Карашауая в ярость.

[Он] поднял на руки коня [этого] хвастуна

И, помяв [его], положил перед [хозяином].

— На, получай теперь и своего коня, и приз! — сказал он

45 И уехал неузнанным, не сказав о себе ничего.

* * *

Этот юноша-пелиуан родился от деу [эмегенши] и деу [нарта],
Он своей силой превосходил нартов.

При встрече со слабым он был приветлив,
А спесивых ставил на место.

50 Пелиуан Карашауай приветливым был,
Но злоязычных он не прощал.

Гемуду [он] получил в детстве,
Накинул на него старый потник.

Сердце юноши не знало страха,
55 [Он] не боялся никаких трудностей.

Однажды Карашауай попросил Ёрюзмека:
— Ты возьми и меня в поход,— сказал.

— Бедняжка, ты [еще] мал, не сможешь [идти в поход],
[Ты еще] молод, не сможешь ездить с нартами.

60 Нартский отряд, словно ураган, несется,
[Иногда] три-четыре дня они скачут без пищи и сна.

— Нет,— ответил [Карашауай],— хоть я и молод, я не отстану.
Я [постараюсь] исполнить все ваши поручения.

Товарищи [Ёрюзмека] не хотели брать его с собой,
65 [Они] не хотели, чтобы он ехал [в поход].

— Что же, собирайся, бедняжка, что случится с нами, то будет и с
тобой,
А если не сможешь, останешься на коше,— ответил [Ёрюзбек].

Отправились [нарты в поход], поднимая в воздухе ураган,
Ударами копыт [своих коней] сотрясая землю.

70 На виду [у людей] Гемуда прихрамывает,
Скроется из виду — словно сокол, летит.

Долго скакали [они] и выехали на какую-то поляну,
Немного отдохнули на [этой] лесной поляне.

Затем решили отправиться за добычей.
75 Карашауаю сказали: «Оставайся здесь!»

[После ухода нартов] Карашауай, словно лев, встрепенулся
И начал таскать огромные деревья.

80 Построил [он] кош, нарубил дров, развел костер

И поохотился: увидев несколько маралов,

[Он] перебил их всех.

Собрал, поднял их [и к стоянке принес].

Содрал с маралов шкуры,
85 Накрыл ими кош.

Поздно вечером нарты без добычи вернулись.

— Алан *, чей этот кош? — спросили.

— Вот в этом коше было несколько человек,

Когда я пришел, [они] спросили о вас.

90 И когда я рассказал им о вас,
[Они, испугавшись], убежали в лес,— ответил [Карашауай].

Поверили в это богатыри-нарты

И присвоили себе заслугу [Карашауая].

Не подумали, что все это Карашауай сделал,
95 Они [даже] предположить этого не могли.

На второй день [они] на другое место перебрались,

Карашауая, как прежде, [на коше] оставили.

[К тому времени], пока тулпар Карашауай [все] сделал, как вчера,
Закатилось солнце [и] наступила темнота.

100 Товарищи [его] опять без добычи вернулись,
Увидев кош из шкур маралов:

— А этот [кош] как ты нашел? — спросили.

Когда Карашауай [опять] обманул их, они [снова] поверили [ему].

А когда добавил: «Благодаря вашей славе я нашел и это!» —
105 [Нарты] еще больше поверили.

Так прошло несколько дней,

А затем Карашауай решил испытать [нартов]:

Как и раньше, он кош построил,

Приготовил все к вечеру.

110 Попросил Минги тау насрать такой сильный мороз, чтобы его не
могло перенести [ни одно] живое существо¹.
[Его] просьба была тут же исполнена:

Ударил лютый мороз, густой туман окутал землю,
Налетел ледяной буран.

Нарты приехали, пригнав нескольких коней,
115 Еле заметили свет костра.

При порывах бурана [они] сталкивались друг с другом,
Сбившись с дороги, не знали, куда ехать.

Карашауай, понаблюдав за всем этим со стороны:
— Сюда! Сюда! — закричал из-за огады.

- 120 Заледеневшие нарты примерзли к седлам,
Окоченев, не могут сойти [с коней].

Карашауай подбежал, расстегнул подпруги их [коней],
Стал заносить в кош [нартов] вместе с седлами.

- Погнал лошадей в загон,
125 Накормил нартов горячей пищей.

— Ну что, вы убедились, что я не слабее вас?
Неужели не под силу нартским джигитам такой мороз?!

Устыдились, молчали все [нарты],
Не глядя друг другу в глаза.

* * *

- 130 Карашауаю захотелось себя испытать.
На второй день он обратился к Ёрюзмеку:

— Позволь мне поездить,
Посмотреть на горы, степи, увидеть белый свет.

- Что же, бедняжка, поезжай, [ты ведь] скучаешь,
135 Поезди, но будь осторожен! [Ты еще] мал.

[Карашауай] повел своего Гемуду, [чтобы] оседлать его,
А он ленится, не хочет идти за ним следом.

Уши у Гемуды опущены,
Телом [он] тощ, ноги хромают.

- 140 Нарты не догадываются, что он так прикидывается.
— Как же [Карашауай] поедет на нем? — удивляются [они].

Деу Сосурук попросил Ёрюзмека:
— Ты дай юноше своего Колана.

- Карашауай на коня Ёрюзмека сел,
145 А свою клячу на поводу повел.

Отъехав [от коша], отпустил Гемуду.
И он помчался, словно орел в полете.

В мгновение он далекой земли достиг,
[Там] в одну долину большой табун согнал.

- 150 [Тех коней], какие получше, [Гемуду] искушал,

[Потом] табун Карашауаю пригнал.

— Ну, а теперь ты послушай меня! — [начал Гемуда],—
Возьми себе этих раненых коней!

Здоровых же коней нартам отдай,
155 [А] если спросят, скажи: «Их волки подрали».

— Хорошо,— сказал Карашауай и загон построил,
Пригнал табун и туда его загнал.

Затем поскакал и, сказав нартам:
— Есть один табун, посмотрите [его],— [обратно] вернулся.

160 [Нарты] подъехали и, увидев добычу:
— Ого, а это ведь большое богатство! — сказали.

[Они] не знали, что табун пригнал храбрый Карашауай.
[Когда] они решили угнать табун,

Карашауай попросил Ёрюзмека:
165 — Дай мою долю от табуна!

Товарищи [Ёрюзмека] не согласились:
— Получишь, когда пригоним в аул! — ответили.

Гордому Карашауаю не понравился такой ответ.
[Он] тут же Гемуду оседлал.

170 Оттуда помчался он в лес.
[Удивленно] смотрели [нарты] вслед юному оборванцу.

[Карашауай начал] валить чинары, как сухие стебли травы,
Построил из [них] еще один загон.

Затем он в [загон], где был табун, вошел
175 И начал перебрасывать [коней через ограду], словно овец.

Раненых коней себе забрал,
Здоровые остались его попутчикам.

Нартские батыры на чудеса [Карашауая] смотрят,
Молча выжидают, что он дальше будет делать.

180 — Ну, что ж,— сказал [Карашауай],— [я] табун на две части разделил,
Израненных коней себе взял.

А этих здоровых коней вам оставил.
Может, кто недоволен этим? — спросил.

[После] он взял свою долю [коней],
185 Погнал [их] и скрылся из глаз.

Нарты не знали, кто это был.

— Нельзя отпускать [его], не узнав, кто он,— сказали.

Два раза [за ним] гонцов посылали,
Но они без ответа вернулись.

190 Тогда Ёрюзек сам поехал.

— Эй, джигит! — окликнул [он] и, говоря ласковые слова, догнал [его].—

Юноша, скажи, кто ты, [я] хочу знать,
Клянусь, отдам тебе [в жены] свою дочь Агунду!

195 Карашауай обернулся к нему и ответил,
— Мой ответ тебе будет такой:

Мой отец — Алауган, сын нарта Дебета,
Моя мать — дочь эмегенши.

Я рос в ледяной трещине Минги тау,
Не имея молока, [я] ледяные сосульки сосал.

200 Так ответил [он] Ёрюзеку.

— Пусть и этот табун будет твой,— сказал он и помчался [дальше].

87. ШАУАЙ И РАЧЫКАУ¹

Когда Шауай, не взяв из [угнанного им] табуна своей доли, ехал домой, [он] увидел впереди себя стремительно несущегося всадника. Комья земли из-под копыт этого всадника взлетали над его головой, словно галочья стая. Этот всадник был Рачыкау.

Когда он поравнялся с Шауаем, приветствовал его:

— Добрый путь, славный юноша!

— Спасибо,— ответил Шауай.

— Откуда ты едешь?

— Да вот из Нарты еду.

— Говорят, что Ёрюзек, Сосурук и Сибилчи табун [из джортууула] пригнали, что ты об этом слышал?

— Да, они пригнали табун и сейчас делят его,— ответил Шауай.

Шауай в руках держал наручники. Он, показав их [Рачыкау], спросил:

— Я эту железку на дороге нашел, ты не знаешь, что это такое?

— А это наручники, которые надевают на руки таким мальчикам, как ты, и увозят их [в плен], закинув на шею коня.

— А как они надеваются? Ради бога, попробуй их надеть на мои руки.

— Юноша славный, вот так это делается,— сказал Рачыкау и [надел их на Шауая].

— А я смогу? Давай попробую,— сказал Шауай и надел наручники на Рачыкау. Потом он поднял его и, положив ничком на подушку седла, спустил его ноги под брюхо коня и крепко перевязал их. Закинув уздечку его коня на луку седла, он стегнул плеткой несколько раз коня по крупу и погнал его впереди себя.

Он привез Рачыкау Ёрюзеку и, сказав:

— Ёрюзек, получи от меня еще и пленника,— [ускакал прочь].

Ёрюзек быстро снял Рачыкау с коня. Освободил ему руки. Разъяренный Рачыкау решил догнать Шауая.

- Это куда ты собрался, Рачыкау? — спросил его Ёрюзбек.
- Я должен догнать и убить это собачье отродье, — ответил Рачыкау.
- Оставь, Рачыкау! Никто, кроме Аллаха, не справится с ним, [ведь] во время джортууула и табун [тоже] угнал он, [а не мы], — сказал Ёрюзбек и не пустил Рачыкау.

Приложение 6

ШАУАЙ

Золотой Деует имел девятнадцать сыновей. Следуя вновь заведенному им обычаю, братья женились по очереди, начиная с младшего, а оружие надевали по старшинству, т. е. кому скорее наступало совершеннолетие. Старшего из них звали Алауган. Пока дошла до него очередь жениться, он незаметно для самого себя успел уже состариться.

У нартов по поводу этого сложилась даже поговорка, употреблявшаяся в смысле поношения: «Дай бог тебе остаться без жены, как Алаугану!» Последний, впрочем, и не подозревал о существовании такой поговорки.

Но вот однажды, находясь на общественных играх, он невольно обратил внимание на двух рассорившихся мальчиков, которые, играя в альчики, заспорили о выигрыше.

— Я выиграл этот альчик, — говорил один.

— А нет, не ты, а я, пожалуйста, не спорь! — говорил другой.

— Нет, врешь: не ты, я выиграл! — кричал первый.

— Пусть я останусь без жены, как Алауган, если я вру!

На Алаугана, все время наблюдавшего ссору мальчиков, так подействовали последние слова, что он поднялся с своего места и ушел домой печальный, понуриив голову. Теперь только узнал Алауган, что он состарился без жены, и состарился до того, что стал посмешищем даже у детей.

— Если уж так, — сказал сам себе Алауган, — то я женюсь во что бы то ни стало! — и немедленно начал собираться в отъезд для отыскания себе невесты.

Он вывел свою лошадь Гемуду, которая обладала способностью говорить человеческим голосом и принимать вид всякого другого животного и которую до этого времени он держал в подземелье, кормя железными опилками.

Оседлав коня и надев на себя оружие, Алауган выехал из нартских селений. Долго ехал он по красивым нартским землям и наконец завидел вдали какое-то черное пятно, которое, по мере приближения его, постепенно все увеличивалось.

Когда Алауган подъехал к нему на довольно близкое расстояние, то глазам его представилась громадной величины женщина — эмегена с откинутыми назад через плечо персями: она зачиняла трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка — как аркан.

При виде такой громадины Алауган совершенно оробел и не знал, на что решиться. «Если пуститься бегом, — рассуждал он, то эмегена догонит и, наверно, убьет, а не бежать и подойти к ней — страшно». Думал, думал, и наконец решился на потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ее перси себе в рот и таким образом сразу стать ее молочным сыном.

Так он и сделал. Эмегена быстро обернула голову и, увидев Алаугана, проговорила:

— Ах, как жаль, что ты так скоро сделался моим ребенком, а то был бы для меня сладким кусочком... Алауган, желая показать себя не трусом, ответил ей на это: «Ах, как жаль, что ты так скоро сделалась мне матерью, а то послушила бы отличной пробой для моего сырпына».

Затем эмегена спросила у Алаугана о том, куда и зачем он едет. Тот рассказал ей, что он до старости оставался холостым, а теперь едет отыскивать себе невесту.

— Ах, как это кстати! Я тоже вышла из дому как раз для того, чтобы найти жениха для своей единственной прекрасной дочери; вот, право, какое счастливое совпадение! Пойдем к ней: увидев ее, ты, конечно, полюбишь ее!

Бедный Алауган с досады кусал себе губы, но делать было нечего, из опасения за свою жизнь он должен был волей-неволей согласиться на предложение эмежены, и они вместе отправились к ней домой. Вскоре пришли они к громадной скале, в которой была большая пещера, заложённая тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго шли они, то опускаясь, то поднимаясь, по тесным проходам; наконец Алауган увидел впереди мерцающий огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крик: «Слышу людской запах, вот-то будет славная закуска!» Это был голос эмегениной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она привела ей жениха. Каково же было изумление Алаугана, когда он увидел громадную и страшно уродливую деву: зубы у ней были так велики, что нижние клыки доставали до носа, а верхние опускались ниже подбородка. Увидев ее, Алауган сильно опечалился. «Вот тебе на! — думал он.— Хотел похвалиться перед нартами своей женитьбой, и приходится вот взять такую уродину!» Но делать было нечего, и он сидел опечаленным.

Сварив целого бугая, эмежены дали Алаугану несколько кусков мяса, а остальное все съели сами. После ужина все улеглись спать.

Попутру Алауган взял свою невесту, посадил ее на лошадь, а сам сел позади нее. Едва отъехали несколько шагов, как у Гемуды согнулась спина от тяжести, а живот опустился чуть не до земли. Вследствие этого Алаугану пришлось слезть и, ведя лошадь за узду, идти впереди. Долго ли, коротко ли ехали таким образом, наконец завидели они нартские селения. Алауган остановился и, обратившись к невесте, сказал: «У нас, нартов, такой обычай, что когда невеста подъезжает к селению, то навстречу ей выходят женщины и девушки, и невеста, слезши с лошади, уже вместе со всеми ими входит в селение¹. Поэтому я должен теперь пойти вперед и дать знать нартам, а ты пока побудь здесь».

Оставив свою невесту, Алауган пошел домой и объявил, что он женился, и просил женщин и девушек выйти навстречу жене его. Это известие мигом разнеслось по всем нартским селениям, и все с удивлением возглашали: «Алауган женился! Алауган женился!» Собрались молодые люди верхами, женщины и дети, и пестрой толпой двинулись навстречу невесте Алаугана. Но каково же было удивление и испуг всех, когда они увидали ужасную эмегену и когда она тут же принялась глотать детей, из любопытства подходивших близко к ней, одного за другим! Невольно у всех вырвалось восклицание: «Так вот эта самая и есть жена Алаугана!»

Кос-как, уже не подпуская близко детей, привели ее наконец в дом Алаугана; так он и зажил с женой. Когда же эмегена сделалась беременной, то Алауган и его родные пришли в ужасное беспокойство, потому что у нартов издавна существовало убеждение, что эмежены съедают первого своего ребенка, и они боялись, чтобы не съела своего ребенка и жена Алаугана. Не зная, как предотвратить беду, Алауган обратился за советом к вещи Сатаной.

Последняя дала ему такой совет: «Когда наступит время родов, то скажите эмегене, что-де у нас существует обычай, требующий, чтобы женщины во время родов становились на трубе так, чтобы новорожденный мог упасть вовнутрь дома, на очаг. А ты, — сказала она Алаугану, — приготовь к этому времени свою Гемуду и, как только жена твоя родит, возьми ребенка и увези куда-нибудь подальше; а для матери приготовь двух щенков и, прежде чем она спустится с

кровли, подбрось их на шесток. Сойдя с крыши, она направится к очагу, чтобы съесть своего ребенка, и вместо него, ничего не подозревая, съест щенков».

Следуя в точности этому совету, когда наступил срок родов, посадили эмегену на трубу, и она родила мальчика, которого Алауган тотчас же взял и увез, а вместо ребенка положили, как сказано, двух щенков. Эмегена, спустившись с крыши, вошла в дом и, схватив щенков, мигом проглотила их. Между тем Алауган привез ребенка к горе Эльбрус и положил его в трещину ледника. «Пусть эта трещина будет люлькой, а жизнь ребенка я поручаю охранять вам, тысячи салымщиков Мингитауа (Эльбруса)!» ².

Произнеся эту просьбу, Алауган положил младенца в трещину ледника и возвратился домой. Через неделю ему захотелось посмотреть на своего сына; поехал он к Эльбрусу и видит: его ребенок лежит в трещине и сосет ледяные сосульки. Алауган не трогал его и оставил в таком положении до следующего приезда.

Приехав опять через месяц, Алауган был очень удивлен, увидев, что сын его за это короткое время так вырос, что, сделав из деревянных прутьев и травы солтанжи ³, охотился за птицами и оленями и даже из шкур последних приготовил себе кой-какую одежду. Завидев отца, мальчик прицелился в него солтанжией, но Алауган, быстро подбежав к нему, схватил и насильно привел его домой.

Мальчику дали имя Шауай; он рос очень скоро. Алауган подвел Шауая к матери и сказал: «Видишь ли, вот какой молодец вышел из твоего ребенка, которого ты хотела съесть, да хорошо, что я тогда увез его от тебя». Осмотрев мальчика, она схватила его и начала ласкать, обнимать; но при этом как-то вышло, что голова мальчика попала к ней в рот.

Мальчик в одно мгновение схватил мать за горло и сдавил его с такой силой, что эмегена тотчас выпустила его голову.

Видя, что, несмотря на свой еще очень нежный возраст, Шауай обладает нечеловеческой силой, Алауган показал ему все свое добро и, между прочим, сводил его в подземелье, где находился конь его Гемуда, причем рассказал ему о чудесных свойствах коня, именно, что он понимает человеческую речь и сам может говорить, что он может принимать вид всякого животного и пр.

— ...Пусть с этого часа Гемуда будет твоею лошадью! — закончил Алауган.

Увидев друг друга, Шауай и Гемуда тут же произнесли клятву в том, что они пребудут всегда верными один другому. Шауай сказал: «Клянусь во всю свою жизнь ни разу не обратить внимания ни на другую лошадь, кроме тебя, и никакую другую не предпочту тебе!»

— Клянусь, — ответила Гемуда, — что никогда, во всю жизнь, не пожелаю себе другого всадника, кроме одного тебя!

После этого Шауай с отцом вернулись домой. Но вот через несколько времени разнесся слух о том, что храбрые нарты собираются на джортуул. Как только узнал об этом Шауай, немедленно же пристал к отцу своему с просьбой — позволить и ему поехать с нартами, чтобы набраться храбрости и ловкости в джигитовке.

— Ничего ведь не приобрету я, ведя жизнь между женщинами! — так закончил Шауай свою просьбу.

Отец скоро согласился исполнить эту просьбу своего сына, и Шауай начал собираться в путь. Нарты перед джортуулами собирались у Урызмекка и уже оттуда отправлялись в странствования под его предводительством. Шауай оделся в оборванное платье и, сев на Гемуду, принявшую на этот раз вид некрасивого хромого «маштака» (*), выехал из дому и направился к Урызмекку. По пути он завернул в нартский ком ⁴, чтобы немного закусить.

Когда Шауай поел кое-чего, пастухи начали просить его поскорее уезжать,

так как, говорили они, скоро придет со скотом нартский бугай и, как только увидит его хромого клячу, непременно распорет ей рогами живот.

Но Шауай отвечал, что он поедет не раньше, как подует свежий ветерок и сделается немного прохладнее.

Пастухи всячески пытались уговорить его ехать, но он отвечал шутками на все их предостережения и под разными предложениями дождался вечера. Когда скот начал собираться со всех сторон, бугай отделился от стада и с грозным ревом, топая о землю ногами и разбрасывая комья земли во все стороны, с заносчивой отвагой мчался к Гемуде, привязанной к дереву близ коша. Пастухи, смотря на это зрелище, хлопали в ладоши и хохотали, говоря Шауаю:

— Посмотри, посмотри на свою клячу, как она сейчас взлетит на воздух, потом треснется оземь и разобьется на куски!

— Посмотрим! — отвечал Шауай, — пусть будет что будет.

Бугай тем временем подбегал к Гемуде все ближе и ближе. Все ожидали, что вот сейчас, поддев на рога, бугай подбросит в воздух клячу Гемуду. Не тут-то было: в то мгновение, когда он грозно взмахнул рогами, кляча Гемуда с такой силой ударила его в лоб задними ногами, что копыта вонзились в его череп, и бугай повалился, как глыба сырой земли. Шауай тут выскочил из кома, мигом сел на Гемуду и, хлопнув плетью, исчез вдали. Пастухи притихли и с разинутыми ртами глядели вслед удалявшемуся Шауаю, лошадь которого, уж вовсе не хромая, неслась, как стрела.

После этого Шауай без приключений приехал к Урызмеку, у которого нарты уже собрались и готовы были к джортуулу.

Оборванный Шауай слез с своей хромою клячи у кунацкой⁵ и в тот же день, не долго думая, приступил к своему делу. Выбрав удобную минуту, он подошел к Урызмеку и начал так:

— Урызбек! Я слышал, что нарты, с тобою во главе, скоро отправляются на джортуул, приехал просить тебя позволить и мне поехать с ними. Я сын бедной, одинокой старушки и очень беден; я буду всюду следовать за нартами и прислуживать им во всем; на местах, где они будут останавливаться, я буду строить кош и стеречь в нем вещи нартов; буду готовить им пищу, мыть посуду — одним словом, буду делать все, что прикажут нарты: буду нести какую угодно службу. За мои труды со временем вы уделите мне какую-нибудь ничтожную часть из того, что приобретут нарты, собственно, для моей матери-старушки, терпящей крайнюю бедность.

Услышав такую просьбу от оборванного молодого Шауая и окинув его с ног до головы своим взором, Урызбек сказал с состраданием:

— Ах, бедный юноша! Тебе трудно ездить с нартами: сам ты еще очень молод и не имеешь лошади, кроме этой хромою клячи; а нарты ездят шибко и подолгу, перенося многие трудности, которых ты не в состоянии будешь переносить; им приходится иногда продолжительное время ездить без пищи и питья, в сильные морозы и жару. Ты не перенесешь лишений во время джортуулов; должен будешь остаться где-нибудь на дороге и пропадешь ты, бедняга, ни за что. Лучше тебе остаться здесь; я дам тебе кое-что, и ты, не трудясь, можешь поехать к своей матери и привезти ей мой подарок.

— Ай аурунг алаим⁶, — ответил Шауай, — если ты желаешь добра моей матери и мне, то я прошу: позволь мне ехать вместе с нартами! Почему? — ты согласишься, — вот что я скажу: подаяния, которое ты дашь мне теперь, хватит только на короткое время, а прожив его, чем потом я буду содержать себя и мою бедную старушку-мать? Нет, мне не доставит особенной выгоды то, чего ты желаешь мне, по-видимому, от души. А побывав на джортууле, я научусь переносить всякие трудности, страдания, посмотрю, как мужественные люди идут навстречу всяким опасностям, приобрету опытность и не буду даром поль-

зоваться чужим добром, как это ты предлагаешь мне теперь: я научусь сам добывать кусок хлеба. Итак, если ты хочешь оказать мне добро, то позволь мне поехать вместе с нартами!

Слова Шауая так понравились Урызмеку, что он тотчас, не говоря больше ни слова, изъявил свое согласие взять его, когда нарты выступят на джортуул.

В день отъезда нарты собрались у Урызмека — в их числе были Сосруко, Рачикау, Ширдан, Сибильчи и др. — и после небольших приготовлений выступили из селения.

Никто и внимания не обратил на Шауая, который пустился в путь, когда уже нарты скрылись из виду. Когда он уселся на свою хромую Гемуду, то обратил на себя внимание всех детей, находившихся на улице.

Окружив его Гемуду, с длинными хворостинами в руках, они начали подшучивать над лошадей и им самим. Один засовывает хворостину в уши Гемуды, другой под живот, третий начинает бить ее и т. д. Вследствие этого Гемуда начала брыкаться и этим вызвала сперва смех, а потом громкий хохот детей.

Шауай бьет Гемуду плетью, желая поскорее вырваться из толпы и ускакать; но Гемуда, вместо того чтобы идти вперед, упрямится и пятится назад, к дому Урызмека. Упрямество Гемуды возрастало с каждым ударом; но мальчишки принялись немилосердно бить ее хворостинами и наконец-таки вывели ее за ворота. Отовсюду слышались восклицания:

— Вот так наездник нартский!.. Да он не догонит теперь нартов и вернется, вероятно, назад.

Отъехав немного, Гемуда опять упрямится, пересиливает Шауая и несет назад, обратно в селение...

— Держите, не пускайте, не пускайте! — кричат все, хохоча; мальчишки весело приступают опять к Гемуде с хворостинами и, вновь избив ее, выводят далеко вон из селения.

Пока Шауай ехал в виду мальчиков, Гемуда подвигалась медленно и хромая, но, как только они скрылись из виду, она, приняв свой настоящий вид, полетела, как ветер, и мигом догнала нартов; приближаясь к ним, она опять начала хромать и опять превратилась в некрасивого маштака. Нарты совсем было забыли про своего шапа⁷ Шауая, и, увидев его, Урызмок с удивлением спросил:

— Каким образом ты, бедный, догнал нас на своей кляче? Мы, кажется, тоже ехали не совсем тихо.

— Ай ауруунг алаим, Урызмок! — ответил Шауай. — Измучил я совсем моего маштака, колотил изо всех сил по обоим бокам и насилу-то догнал вас.

— Отлично, отлично, милейший, что ты не отстал от нас! — сказал Урызмок. Гемуда же, вся в поту, с опущенными книзу ушами, своим жалким видом убеждала нартов в справедливости слов Шауая.

Долго ли, коротко ли они ехали таким образом, но, подъехав к одному месту, нарты нашли нужным остановиться. Все послезали с лошадей, снимали вещи свои и сложили в кучу. После короткого совещания они опять сели на лошадей и, поручив Шауая выбрать удобное место для постройки коша, сами отправились на добычу. Шауая было сказано также, чтобы он развел огонь и ждал их возвращения.

Как только нарты удалились, Шауай приступил к исполнению того, что было ему поручено. Он сломал несколько деревьев и, найдя в лесу поляну, скоро построил хороший кош и развел в нем огонь.

Затем сел на Гемуду и, как стрела, полетел в лес на охоту. Ему пришлось недолго искать дичи: тотчас он выследил огромное стадо оленей, ворвался в его середину, ударами дубины повалил несколько из них и привез на Гемуде к тому месту, где построил кош. Мигом, как подобает удальцу, он снял с них шкуры, положил в котел половину мяса, а из остального сделал шашлыки и

расставил их вокруг очага со всех сторон. Приготовив все таким образом, Шауай посиживал, поджидая возвращения нартских молодцов.

Наступил вечер. Нарты возвращались с джортуула усталые и совершенно с пустыми руками. При виде же коша, покрытого оленьими шкурами, дымящегося котла над огнем и жарящихся вокруг очага шашлыков они были приятно удивлены и спросили:

— Чей это кош? Откуда и каким образом ты достал столько добра?

— Нарты! — сказал Шауай. — Все это досталось мне на ваше счастье. Когда вы, оставив меня, уехали, я начал искать места, удобного для постройки коша, и нечаянно во время поисков наткнулся на готовый кош, в котором сидело несколько человек и было много убитых оленей и готовых шашлыков. Увидев меня, они пригласили зайти в кош, на что я, конечно, согласился. После закуски они с участием начали расспрашивать меня, откуда и каким образом один и притом такой молодой, попал я в такую глушь. Я ответил, что я шапа нартов, которые отправились на джортуул, а меня оставили для постройки коша.

Затем попросили меня назвать имена нескольких нартов, и, как только мною были произнесены имена Урызмека, Сосруко, Рачикау и др., они все до единого вскочили и разбежались, оставив мне все, что теперь вы видите. Видите, нарты, — докончил Шауай, — что все это дано вам вашим счастьем, вашей славой и силой.

Нарты легко поверили словам Шауая; эти гордецы и подумать не могли, чтобы все это мог сделать оборванец Шауай с его клячей Гемудой.

— Уж если самим нам не удалось ничего достать, — думали они, — то Шауаю и подавно ничего не удалось бы сделать!

Как бы то ни было, но нарты были чрезвычайно обрадованы такой находкой и с мыслью, что все это — их счастье, живо начали угощаться вкусными шашлыками.

Насытившись вдоволь, усталые нарты легли спать. На следующее утро они переехали на другое место и, оставив Шауая для постройки коша, сами опять отправились на джортуул. Шауай, выбрав удобное место, построил кош, набил опять оленей и приготовил из них пищу еще лучше, чем прежде. Нарты же, еще более усталые и утомленные и опять без всякой добычи, поздно вечером возвращались в кош. Глазам их опять представилось зрелище, подобное вчерашнему, т. е. кош, покрытый оленьими шкурами, развешанная по деревьям оленьина, жарящиеся вокруг костра шашлыки; посреди такого довольства посиживает Шауай, а в стороне бродит его кляча Гемуда. Шауай рассказал им ту же самую историю, что и вчера, и нарты, ничего не подозревая, поверили вполне его словам. Так продолжалось три дня, и самодовольные гордецы-нарты были уверены, что всем этим они обязаны своему счастью, славе и силе.

На четвертый день нарты опять поехали на джортуул. На этот раз их слуга, оставшись один, поддался раздумью и ясно понял, что если так вести дела и дальше, то гордые, чванные нарты, ничего не поняв, так и будут продолжать думать, что все дается им их счастьем, славой и силой, и решил раскрыть им глаза, чтобы они узнали наконец его силу и свое ничтожество. Обратясь к салымщикам Эльбруса, Шауай произнес следующую молитву:

— Тысячи салымщиков Эльбруса! Прошу вас послать боран (бурю), холод, чтобы испытать и проучить этих гордых, чванных нартов!

И вот поднялась страшная буря, настал холод... Шауай, без всякого теплого платья, на холоду, как ни в чем не бывало, построил кош, развел большой костер, набил оленей — словом, приготовил все нужное и, сев около костра, поджидал нартов. Но уже был вечер, а они все не возвращались: холод был страшный. Наступила ночь... Вдруг он слышит конский топот: он сразу догадался, что едут нарты; но, притворясь, будто ни о чем не знает, взял громадную дубину и, когда нарты подъехали близко, закричал:

— Кто смеет сюда идти? Это кош храбрых нартов; я никого не пущу сюда без их позволения, а кто подъедет, того уложу на месте!

От его громкого голоса лошади нартов остановились, а сами они от холода околели до того, что не могли ни слова произнести, ни править своими лошадьми; бороды у них были покрыты ледяными сосульками, и они казались седобородыми стариками. В таком положении Шауай заставил их стоять некоторое время и пристально осматривал их, будто не узнавая. Наконец он как будто признал Урызмека и, как бы в испуге, громко воскликнул:

— Да это, кажется, пегая лошадь Урызмека! Ах, что я наделал!

Произнося это, он подбежал к Урызмеку и, схватив за узду его лошадь, привел к огню. Урызбек не мог ни говорить, ни слезть с лошади, так как ноги его замерзли и пристали к седлу. Тогда Шауай, несмеленно отвязав подпругу, снял Урызмека вместе с седлом с лошади и положил его около костра. Других же, просто хватая как попало, кого за ноги, кого за руки, сбрасывал с лошадей и рассаживал вокруг огня. Нарты были до того изнурены, до того измерзли, что сидели как неживые.

Шауай наскоро угостил их вкусным шашлыком; прибавил дров в огонь, а нарты все еще ничего не говорили и только посматривали то друг на друга, то на Шауая, который в глазах их стал кем-то иным. В первый раз явилась у нартов мысль о том, что это не простой смертный, но никто не высказал своей догадки, и все они сидели печальные, молча. Шауай воспользовался этим состоянием нартов и обратился к ним с просьбой, чтобы они позволили ему пасти в эту ночь лошадей, так как сами очень устали.

— Только,— сказал Шауай, обращаясь к Урызмеку,— дай ты мне своего пегого коня, чтобы я мог ночью скорее подъезжать к огню отогреваться; иначе, пока доеду до огня на хромой кляче, пожалуй, замерзну.

— Ах ты бедняга! — сказал Урызбек,— ведь у тебя нет никакого теплого платья, и ты пропадешь в такой холод. Можешь, конечно, ехать и на моей пегой, лишь бы только ты остался целым: лошадь мне не дороже тебя!

Шауай скорехонько собрался, сел на пегую Урызмека и, взяв Гемуду за уздцы, погнал остальных лошадей вперед и исчез в темноте. Отъехав в сторону, Шауай оставил нартских лошадей, сам сел на Гемуду, а пегого коня взял за узду и поскакал все по одному направлению.

Пегий конь Урызмека насилу поспевал за Гемудой, которая неслась, как ветер.

Шауай скоро переправился через Эдиль и там, по ту сторону реки, встретил бесчисленный табун коней. Тут Гемуда человеческим голосом сказала Шауаю:

— Ты слезай с меня и сядь на пегую; а я погоню весь этот табун назад.— Шауай так и сделал.

Гемуда, освободившись, бросилась на табун с ужасным ржаньем и, поворотив его в одну сторону, загнала весь табун в реку Эдиль. Табун переплыл на другую сторону. Шауай, переправившись за ним на Гемуде, потом опять сел на пегую, а Гемуду отпустил, чтобы загоняла табун; Гемуда тут перекусала и поранила самых лучших и красивых лошадей в табуне.

— Это я сделала с той целью,— сказала она Шауаю,— чтобы, когда нарты будут производить дележ и тебе, как слуге, дадут самых худых, пораненных лошадей,— то на самом деле ты получишь не худших, а, напротив, самых лучших лошадей.

Таким образом, в ту же ночь перед рассветом Шауай подскочил с табуном к нартскому кошу. Нарты, услышав конский топот, в испуге, сонные повыскакивали, думая, что на них нагрянуло какое-нибудь войско. Но Шауай подошел к ним, чтоб их успокоить, и сказал:

— Когда я пас ваших лошадей, вдруг увидел, что стая волков гонит большой

табун лошадей; как только волки заметили меня, тотчас же все разбежались в стороны, а табун присоединился к нашим лошадям. Гул, который вы услышали и который так встревожил вас, был не что иное, как топот их копыт.— Нарты очень обрадовались этому и в веселом расположении духа легли опять спать.

Утром нарты увидели громадный табун, в котором некоторые лошади были поранены, и поверили, что раны эти произошли, как уверял Шауай, от укусов волков. Это обстоятельство совершенно убедило нартов в справедливости выдуманного Шауаем рассказа.

— Все это — наше ырыксы⁸, — говорили они, — не пришлось нам много трудиться!

Нарты после этого уже отдумали продолжать джортуул и решили возвратиться домой подобру-поздорову.

Шауай задумал тут расстаться с нартами; поэтому он обратился к ним с такими словами:

— Путь мой, храбрые нарты, будет другой: мне пора возвратиться к своей бедной матери-старушке. Если бы вы дали мне за мои труды хоть вот тех лошадей, которых поранили волки, то я был бы очень доволен и поехал бы своей дорогой; мне незачем тащиться до нартских селений.

Но на такую его речь нарты отвечали уклончиво, указывая на то, что нет места, удобного для дележа, и что они исполнят его желание, когда приедут на то место, где обыкновенно совершают дележ.

Услышав такой ответ, Шауай потерял терпение и закричал:

— Если так, то я сам постараюсь отделить свою часть!

И тут же, на глазах нартов, оседлал свою Гемуду, которая на этот раз приняла свой настоящий вид, подтянул металлические подпруги, обложенные ивовой корой — чтобы не было заметно металла.— и, сев на нее верхом, направился к табуну. В один миг он вырвал несколько деревьев, построил большую перегородку полукругом, куда и вогнал весь табун. Затем, посмотрев на нартов и пересчитав их, построил тут же несколько других меньших загоронок, или отделений. Все это делал он, сидя верхом на Гемуде. Когда же были готовы все загородки, он вошел в середину табуна и, хватая лошадей как попадетса, одну за ноги, другую за шею, начал поочередно бросать их во все отделения. В одно же отделение он загнал исключительно раненых лошадей. Таким образом Шауай разделил весь табун по числу душ на несколько гуртов так, чтобы в каждом гурте было по одинаковому числу как хороших, так и дурных лошадей.

Окончив дележ, он объявил нартам, что берет себе, как шапа, только одних раненых лошадей, и затем «До приятного свидания!» — погнал своих лошадей вперед и скоро исчез вдали.

В течение всех этих распоряжков нарты смотрели с разинутыми от удивления ртами на Шауая, не проронив ни одного слова. Они опомнились только тогда, когда Шауая уже и след простыл. Теперь им ясно стало, кто был строителем всех этих загадочных кошей, крытых оленьими шкурами, и жирных шашлыков, и откуда взялся табун. Но, несмотря на то, они все разом закричали, что неизвестный молодой человек унизил их, осрамил, а они отпустили его, даже не узнавши, кто он такой.

— Нужно непременно, чтобы кто-нибудь из нас погнался за ним и спросил бы его от имени всех нартов, кто он такой, как его имя и фамилия, — говорили они между собою.

Решив таким образом, они послали в погоню Сибильчи. Этот, догнав Шауая, спросил его, от имени всех нартов, кто он такой. Но вместо ответа Шауай повернул свою лошадь назад и, накинувшись на Сибильчи с ругательствами и

отстегав его плетью, прогнал назад к нартам; своего же имени не сказал ему. Сибильчи, возвратясь, рассказал нартам все, что случилось.

Вторично был послан в погоню Ширдан, с которым Шауай поступил еще позорнее.

Наконец, решил ехать сам Урызбек, говоря, что он ни за что не отпустит своего гостя, не узнавши, кто он такой. Измучив своего пегого коня, Урызбек наконец завидел впереди Шауая и закричал ему издали:

— Куда ты так спешишь, дорогой мой гость? Даю тебе слово: если ты скажешь мне, кто ты такой, то я выдам за тебя мою прекрасную дочь Агунду без калыма. Неужели, наконец, не остановишься ради мой седой бороды?

Услышав это, Шауай остановился и проговорил: «Отец мой — Алауган, а мать — Эмегена; я вырос в трещине Эльбрусского ледника, а зовут меня Кенжокаев—Кара-Шауай».

— Ты обещался сейчас,— продолжал Шауай,— выдать за меня твою дочь Агунду, но я не хочу взять ее без калыма; поэтому возьми теперь же всех этих лошадей: пусть они будут частью моего калыма.

Сказав это, он ударил свою лошадь плетью и ускакал, оставив всех своих лошадей старику Урызбеку. Этот же последний, взяв лошадей, возвратился к нартам и рассказал им обо всем случившемся. После этого нарты направились к месту дележа: там они разделили лошадей и потом разъехались по домам. На другой день после приезда домой Урызбек рассказал жене своей Сатаной о джигите Шауае и о своем обещании выдать за него дочь свою Агунду.

— Этот Шауай,— добавил Урызбек,— может приехать к нам во всякое время и при этом будет стараться, чтобы не быть узнанным. Поэтому ты должна теперь прилагать все заботы, чтобы принимать как можно лучше всякого гостя, какой только к нам явится, кто бы он ни был — богатый или бедный, оборванный или роскошно одетый.

С этого дня Сатаной действительно старалась принимать и угощать как можно лучше всякого приезжего гостя. В таких заботах прошло несколько лет. Шауай все-таки не являлся. В течение этого времени опустели кладовые Сатаной, и она уже потеряла всякую надежду иметь зятя. Вот в таком разочарованном и несколько обидном положении Сатаной сидела раз с Агундой за работой в отоу⁹. Заходит к ним в это время какой-то молодой человек, очень бедно одетый, и, сделав приветствие, садится около очага. Сатаной не обратила на него особого внимания и, положив перед ним кусок хлеба с обедками мяса, спокойно продолжала свою работу. Молодой же человек после еды увидел висящую на стене балалайку Урызбека (который удивительно хорошо играл) и, не говоря ни слова, снял ее со стены и заиграл и запел звучным голосом.

Между прочим он пел:

— Ах, как хорошо и красиво устроен этот отоу, да жаль только, что труба немного крива!..

Услышав это, Сатаной отвечала:

— Это ничего, молодой человек, хотя труба и крива, но дым выходит очень прямо¹⁰.

Сатаной тут же догадалась, что имеет дело с храбрым Шауаем, и тотчас выслала дочь свою в другую комнату.

Но, к крайнему огорчению хозяйки, Шауай тоже исчез из отоу и скрылся куда-то; его начали везде разыскивать, но не могли нигде найти, даже ничего не могли разузнать о нем. В недоумении все спрашивали друг у друга:

— Шайтан он или человек?

А Урызбек и Сатаной с тех пор потеряли всякую надежду выдать свою дочь за этого загадочного жениха.

- Шауай в дорогу решил отправиться,
 Набросил на Гемуду ослиный потник, ослиное седло надел.
 Сев на Гемуду, поехал [по дороге],
 При каждом шаге [Гемуды] лохмотья его колыхались.
- 15 Подъехав к нартскому пастуху, приветствовал его: «Да приумножится
 [твой скот!]»
- Да чтоб тебе сгинуть! У меня и так столько [скота],
 Что не могу за ним усмотреть! — ответил [пастух].
 — Ой, умираю от жажды, напои [меня] айраном *,
 Аурууунгу алайым! ¹ — попросил Шауай.
- 10 — Видит Аллах, я бы тебя не айраном напоил,
 А огрел бы палкой для котла ².
 А таких [оборванцев], как ты, айраном не пою,— сказал [пастух].
 — А что это за черная громадина в середине стада,
 Аурууунгу алайым? — спросил [Шауай].
- 15 — Это и есть огромный черный бык Схуртуковых, о котором [все]
 говорят.
- В длину он — три сажени,
 В толщину — десять обхватов,
 [А] ширина его лба — одна сажень.
 В его тени [могут] сто коров отдыхать.
- 20 Ёрюзек, Сосурук и Сибилчи всю зиму
 До лета хорошо откармливают своих коней,
 А летом [приезжают сюда] состязаться в перепрыгивании через этого быка.
 Когда Колан Ёрюзмека, поднатужившись, прыгает, он свои передние ноги
 На спину быка кладет.
- 25 Сосурук же, схватив [быка] за передние ноги, рывком
 Приподнимает [их] с земли.
 — Давай-ка, аурууунгу алайым, к нему подойдем.
 — Ах ты собачье отродье, разве к нему
 Такие оборванцы, как ты, подходят? Видит Аллах,
- 30 [Как бы я хотел] огреть тебя палкой для казана!
 Конь Шауая на людях прихрамывал,
 Скрывшись из виду, он [мог] за один день
 Вокруг земли обежать.
 Алаша [Шауая], прихрамывая, к быку подошел.
- 35 Карашауай, ударив ногами [по бокам] своего коня, [легко], словно
 через порог,
 Перепрыгнул через быка на другую сторону.
 Повернул [коня] и обратно перепрыгнул.
 Потом, спрыгнув с коня,
 Схватил быка за ноги и, размахнувшись, [так] ударил о землю,
- 40 Что [тот] по лопатки ушел в землю.
 — Ой, чтоб отсох мой язык, с каким страшным человеком я связался,—
 сказал пастух
- И, взяв [в руки] палку для казана,
 Бросился бежать вниз по ущелью.
 Шауай, оставшись сам по себе,
- 40 Зашел в кош и, [вдоволь] напившись айрана, утолил свою жажду.
 Вечером Шауай пустил телят к коровам.
 [Потом], отлучив их от [коров], он сказал: «Гемуда, ты волен делать
 с коровами все, что хочешь».

- Гемуда отгрыз [всем] коровам хвосты.
 Потом погнал их и в одну глубокую балку загнал.
- 50 Шауай [собрал все] коровьи хвосты и в землю их повтыкал.
 После сел на коня и, словно ветер, оттуда умчался.
 Когда на второй день пастух, озираясь по сторонам, подошел к тому месту,
- Увидел торчащие из земли коровьи хвосты.
 — Интересно, они под землю, что ли, ушли? — сказал он
- 55 И до вечера копал двор стойбища,
 Вечером куцы коровы [в кош] вернулись.
 Увидев их, пастух воскликнул: «Ох, чтоб мой язык отсох,
 С каким страшным человеком я связался!»

89. О НАРТЕ КАРАШАУАЕ

В древние времена был один пелиуан, которому не было равных. За всю его жизнь никто не отважился тронуть его. А он, несмотря на свое богатство, ни к кому не применял насилия. Он был спокойным, приветливым человеком. Его отцом был нарт Алауган, а матерью — эмегенша. Он [в младенчестве] питался не материнским молоком, как другие дети. Как только мать родила его, отец понес его и оставил среди ледников. Говорят, что он вырос там, питаясь сосульками.

[Он очень быстро рос]. В месячном возрасте он уже начал ходить на охоту. Свалив деревья, он делал из них луки, а из трав — тетиву и охотился на маралов. В два месяца он смог [в борьбе] одолеть своих родителей.

У Карашауая был конь, который обладал человеческим разумом. Этот конь мог сделать все, что [Карашауай] желал. Юноша и его конь, обладавший человеческим разумом, поклялись любить друг друга и быть верными [друзьями].

Карашауай время от времени садился на своего коня и разъезжал по нартским аулам. А конь его на людях [принимал вид] хромой [клячи], скрывшись же из виду, как ветер, летел.

Однажды Карашауай сел на своего коня и отправился к родичам своей матери — эмегенам.

После долгого пути он доехал до незнакомых ему мест. Там он увидел девять эмегенов, которые играли в колташ*. Эмегены, увидев его, обрадовались. Один из них сказал: «[Будет чем позабавиться], одним ударом я его раздавлю», другой: «Будет [нашим] пленником», — сказал, а третий возразил: «Сегодня ночью [мы из него] наваристый бульон сделаем». Но старший остановил их словами: «Погодите, сперва испытаем его в толкании колташа, а потом решим, [что с ним делать]».

Карашауай, подъехав к эмегенам, усмехаясь, сказал:

— Эй, аман арыкла! Да будет [ваша] работа успешной! — и встал между ними.

— О, спасибо, сын человечесий! А ну, возьми-ка и метни разок колташ! — ответили эмегены.

— Ой, аман арыкла, толкайте вы, ну, а когда очередь дойдет до меня, и я метну, — сказал [Карашауай] и отпустил своего коня пастись.

Колташ же их был из свинца, а величиной — со стог сена. Когда очередь дошла до Карашауая, он метнул [колташ] на девять шагов дальше, чем эмегены.

Когда Карашауай во второй раз метнул, этот [колташ из] свинца величиной со стог, пролетев со свистом, упал и скрылся под землей.

— Ой, аман арыкла, а ну-ка, вытащите колташ из-под земли и принесите сюда, я попробую третий раз [сго] метнуть.

Эмегены в ответ стали хвалить его и подбрасывать вверх. Уж очень испугались

одноглазые деу эмегены пелиуана нарта Карашауая. Они окружили его. Один [из них] предлагал: «Женись на моей сестре и будь моим зятем», другой сказал: «[Нет], мою дочь возьми». Карашауай же от всего отказался и уехал, показав эмегенам свою богатырскую мощь.

90. КАРАШАУАЙ И ЮНОША

[Однажды] Карашауай отправился в жортууул. В пути ему встретился один вооруженный юноша. Поздоровавшись, он расспросил Карашауая, [кто он]. [Узнав, что он Карашауай], сказал:

— Славный юноша, я давно хотел встретиться с тобой. Как хорошо, что именно сегодня я повстречался с тобой.

Дальше они поехали вместе. Когда они доехали до [разрушенных] загонов для табунов лошадей, юноша спросил Карашауая:

— Что это такое?

— Это [были] загоны эмегенов, но я, [как видишь], разломал их.

Они проехали это место, и, когда вдаль увидели крепость и [недалеко от нее] огромный табун, этот юноша сказал Карашауаю:

— Из-за того что в этот раз [в жортууул] с тобой отправился и я, давай поведем туда, куда захочу я.

Доехав до крепости, они решили угнать табун. Юноша попросил [Карашауая]:

— Давай я пойду и убью эмегена — хозяина этого табуна. Если же он начнет меня одолевать, я позову тебя.

Карашауаю это не понравилось, но возражать он не стал.

Юноша зашел в крепость. Они с эмегеном начали сражаться. Когда эмеген стал побеждать юношу, тот позвал Карашауая. Карашауай примчался и мечом снес эмегену голову.

— В этом табуне есть один златохвостый жеребец, — сказал юноша. — Это очень трудно, но нужно поймать этого жеребца — тогда весь табун пойдет за ним.

Карашауай [на это] ответил:

— Надо, чтобы мой вислоухий соловый конь подрался с ним.

Когда они подъехали к табуну, жеребец кинулся к ним. [Тогда] Карашауай отпустил своего коня, и они начали драться. После продолжительной борьбы конь Карашауая подмял под себя жеребца. Карашауай подскочил и накинуд на него недоуздок.

Когда он сел на коня и поехал, [держа жеребца на поводу], весь табун пошел за ним.

Когда они выехали на дорогу, Карашауай сказал юноше:

— А ну, оглянись-ка [назад, что-нибудь там видишь?]

Юноша оглянулся и увидел скачущего на коне эмегена. Он остался сразиться с ним.

«Если крикну: „Эй, Карашауай!“ — придешь мне на помощь», — сказал он.

Эмеген, подскакав к юноше, перегородил ему дорогу и крикнул:

— [Будем] биться или бороться?!

— Выбирай сам, — ответил юноша.

Эмеген сказал:

— [Настоящие] мужчины борются. И мы тоже будем бороться.

И они начали бороться. Когда эмеген начал одолевать юношу, тот позвал Карашауая.

Эмеген стал бороться с Карашауаем. Они много раз бросали друг друга и вгоняли в землю. В конце концов Карашауай ударил [мечом] и снес эмегену голову.

Юноша побежал и, отвязав от тороков фляжку, наполнил ее кровью эмегена. [После набрал] крови в ковш и выпил ее. [Увидев это], Карашауай спросил юношу:

— Ты, такой прекрасный юноша, как мог выпить эту поганую кровь [эмегена]? [На это] юноша ответил:

— Извини, Карашауай, но я не юноша, а девушка, — и снял с себя шапку. Показав ему свои густые, длинные волосы, она сказала:

— У меня было четыре брата. Их всех убили вот эти эмегены. А я поклялась, что, убив, выпью их кровь и так отомщу [за братьев]. Вот почему я выпила [кровь]. Я тоже умру. Еще никто не оставался в живых, выпив кровь эмегена. После своего рассказа девушка попросила Карашауая:

— Подтянув хорошо подпруги моего коня, накинь уздечку на его голову и отпусти его, стегнув плеткой по крупу. Он знает, куда ему идти.

[Сказав это], девушка умерла. Карашауай похоронил ее и, сделав все, как она просила, отпустил ее коня. [А сам] поехал дальше, гоня впереди себя табун.

91. АГУНДА И КАРАШАУАЙ

Дочь нарта Ёрюзмека Агунду, славившуюся своей красотой на весь мир, сватали многие нартские джигиты. Они устраивали из-за нее большие скачки. Чтобы показать свое мужество, соперничая друг с другом, нарты отправлялись и в опасные походы. Состязались в борьбе, прыжках, метании камня.

К Агунде сватался и богатый гордец Шырдан, владевший неисчислимыми стадами. Однако прекрасной Агунде, [даже] внутри яйца искавшей волосинку¹, никто из них не нравился.

Нартские джигиты ходили разряженные. Они не подозревали о богатырской силе Карашауая. Из-за его ветхой одежды и худой конской сбруи нарты не обращали на него внимания.

Мать Агунды — билгич * Сатанай — ведала о богатырской силе Карашауая. Она хотела выдать за Карашауая свою прекрасную дочь Агунду и сделать его своим зятем. Но она не решалась сказать об этом открыто и выжидала подходящего момента. Она хотела познакомить его со своей дочерью, чтобы узнать его намерения.

Карашауай великолепно играл на свирели. У него была свирель из слоновой кости. В один из дней он оделся как нищий и стал ходить по нартским аулам, играя на свирели. Когда он играл на свирели, люди слушали, не отрывая [от него] глаз, затаив дыхание. Они не догадывались, кто он. Приняв его за нищего, подавали ему милостыню, но он отказывался брать.

Так ходил, бродил он и [наконец] пришел в аул, где жила Агунда. Там он, играя на свирели, собрал вокруг себя всех жителей [аула].

Нарты с восхищением слушали его игру. Со всех сторон девушки преподнесли ему много подарков. Но он не взял ни один из них. В это время только одна Сатанай знала, что это Карашауай.

Сатанай срочно позвала Агунду домой.

— Этот музыкант — Карашауай. Наведи порядок в комнате и пригласи его в дом. Посидите вместе. Познакомься с ним! Приготовь хорошее угощение, угости его, а потом узнай, о чем он думает! — сказала она дочери.

Агунда, услышав все это, обрадовалась. Тотчас она убрала комнату. Нарядившись, она послала человека пригласить Карашауая в гости.

Приглашенный пришел и поздоровался с Агундой.

Свою свирель он положил на подоконник, а сам сел на табуретку у дверей.

— Гость, пройди и садись на почетное место, — сказала Агунда. Но Карашауай отказался.

Слуга сварил тушу барана и принес ее целиком на огромном подносе. Карашауай съел все мясо, ничего не оставил. Потом сказал:

— Я хочу пить, принесите чего-нибудь попить.

Агунда, желая сама подать ему напиться, набрала из бочки бузу Ёрюзмека годичной выдержки и преподнесла гоппан * [Карашауаю].

— Принеси еще,— сказал Карашауай. Она принесла еще. Выпив, попросил еще, она опять принесла. Так он выпил всю бочку бузы.

— А больше нет? Я не напился,— сказал он.

— Оставшуюся бузу я сохраняю для твоего следующего прихода,— ответила Агунда.

— Да, говорят: «Асырагъан — артха асыу»². Ты будешь хорошей хозяйкой. Спасибо! — сказал Карашауай.

После угощения началась беседа.

— Гость, ты, наверное, так же хорошо поешь, как и играешь на свирели, спой что-нибудь, я бы хотела послушать твое пение,— попросила его Агунда.

— Нет, я не умею петь. То, что я хочу сказать в песне, поведаю тебе на свирели:

Дом твоего отца — хороший дом,
Однако полы в нем неровные.
И крыша умело покрыта,
Но труба поставлена криво.

5 Дверь хороша, слов нет,
Только немного покосилась и узка.
Есть и окна,
Только поставлены они криво.

На замечания Карашауаи Агунда ответила так:

— Хотя труба кривая,
10 Дым выходит прямо.
Хотя полы неровные,
Кто ходит [по ним], не падает.

Хотя дверь покосилась,
Гости и другие люди заходят в дом.
15 Хотя окна поставлены неправильно,
Они хорошо пропускают солнечный свет.

После ответа Агунды Карашауай вскочил с места. Он взял свою свирель и сказал:

— Пусть всегда будет довольство в вашем доме! Спасибо, — попрощался, сел на Гемуду и уехал.

Сатанай позвала Агунду.

— Чем все кончилось, что он тебе сказал? — спросила она.

Агунда повторила его слова и свой ответ. И тогда Сатанай, расстроившись, сказала:

— Да, мы неправильно поступили: по обычаю, в знак уважения к гостю мы должны были подойти к нему сами и поздороваться с ним. Вот почему он сказал: «Полы неровные». Мы не смогли утолить жажду даже одного гостя, поэтому он сказал: «Труба кривая». Мы пригласили его в гости не из его дома, как это полагается по обычаю, а пригласили, когда он был гостем нашего аула. Поэтому

он сказал: «Дверь дома покосилась и узка». А сказав: «Окна поставлены криво», — намекнул, что вы не будете жить одной семьей.

После этого Сатанай потеряла всякую надежду, что Карашауай будет ее зятем.

92. СВИРЕЛЬ КАРАШАУАЯ

Карашауай, облачившись в нищенские лохмотья и взяв свою костяную свирель, стал ходить по нартским аулам. Когда он играл на этой свирели, [даже] птицы и звери в лесах, замерев, слушали его. Прекрасную игру его свирели услышали и нарты.

Нарты не догадались, что этот великолепно играющий на свирели [человек — Карашауай]. Они все были удивлены и очарованы его игрой.

— Пойди и узнай, кто он? — сказали они Сибилчи.

Гость так ответил Сибилчи:

— Моя мать — ледник, я вскормлен его молоком, в железной люльке я рос. А отец мой — нарт Алауган.

Когда Сибилчи вернулся и передал нартам его ответ, те очень удивились.

— Откуда у льда молоко, разве лед имеет детей? Что это за человек, наверное, он не к добру здесь, — сказали [они].

Дочь Ёрюзмекса, услышав звуки свирели, остолбенела, застыла на месте. Она послала к нему одного из своих людей, сказав:

— Пойди и приведи этого оборванца, играющего на свирели.

Этот человек пошел и сказал ему:

— Тебя дочь Ёрюзмекса зовет.

Когда Карашауай пришел, девушка сказала:

— Если ты так искусно играешь на свирели, то, наверное, и поешь хорошо, спой, пожалуйста.

— Я не умею петь, ты прислушайся внимательно к моей игре на свирели и тогда поймешь, о чем я играю.

И он так сыграл на свирели:

— Труба [этого] дома криво [сделана], а окна не с той стороны поставлены.

Девушка поняла то, что он сказал, и так на это ответила:

— Несмотря на то что труба дома кривая, дым правильно выходит [из нее], и окна хорошо освещают комнату, несмотря на то что они вставлены не с той стороны.

Карашауай понравился ответ девушки. Потом он сказал:

— Я пить хочу.

Девушка вынесла ему бузу Ёрюзмекса годичной выдержки. Карашауай, [поняв, что он понравился дочери Ёрюзмекса], вернулся домой.

93. НАРТ КАРАШАУАЙ ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРИ МОГУЩЕСТВЕННОГО ПАДИШАХА

Однажды весной, когда нарты готовились к пахоте, Карашауай и Гемуда подъехали к кузнице Дебета.

— Этот юноша нам кажется очень сильным, ну-ка дадим мы ему молот предков нартов, — сказали Дебету нарты, находившиеся в кузнице.

Они, решив подшутить над Карашауаем, показали ему на молот, стоявший за дверью кузницы, и были уверены, что тот не сможет его даже приподнять.

Молот в длину был десять сажень, а в ширину был в десять обхватов. А рукоять его была из железа.

Когда Шауай поднял молот и ударил им [по железу на наковальне], он и железо и наковальню стер в порошок. Нарты [от испуга] выбежали наружу, а Дебет спросил Шауая:

— О Аллах! Ты зачем так пугаешь людей?

— Ты не сделал мне медные подпруги такими, как я хотел, они непрочные,— ответил Шауай.

— Я сделал так, как сумел. Скажи, какие ты хочешь, и я сделаю такие,— сказал Дебет.

— Сделай мне такие подпруги, чтобы они в ширину были три карыша *, а толщиной в один обхват,— попросил [Карашауай].

Дебет начал ковать такие [подпруги], какие хотел Карашауай.

А нарты [тем временем] говорили о Карашауае:

— Да и сам он не такой уж могучий, мы больше его. [Интересно], куда он путь держит?

Однако расспросить его [обо всем] они не отважились.

— Может, он захочет погубить нас всех. Как жаль, что среди нас сейчас нет ни нарта Ёрюзмека, ни хитроумного Сосурука, а то они поговорили бы с ним,— сокрушались нарты.

Посоветовались они и решили:

— Позовем их обоих,— и послали за Ёрюзском и Сосуруком. Те пришли и спросили:

— Зачем вы нас позвали?

Нарты ответили:

— [Сюда] приехал один юноша, которого мы не знаем... — и дальше поведали обо всем, что случилось [в кузне].— Вас же мы вызвали для того, чтобы вы разузнали у него, зачем он сюда приехал.

— Ну что же, идемте, познакомьте и нас с ним,— сказал Ёрюзек.

— Так нельзя поступать,— возразил Сосурук [Ёрюзеку],— он гость, и поэтому это будет неуважением к нему, если мы вызовем его к себе. Ты побудь здесь, а я пойду и постараюсь получить у него какой-нибудь ответ.

Он вошел в кузницу [вслед за нартами] и приветствовал:

— Да будут удачными ваши дела, аланы!

Потом он обратился к нартам:

— У вас, оказывается, гость, которого я не знаю, познакомьте меня с ним.

— Да мы сами никак не отважимся с ним познакомиться,— ответили нарты.

И тогда Шауай спросил удивленно:

— О Аллах! Говорят, что гость смиреннее овцы, я же не людоед, что же вы так меня испугались?

На это нарты ответили:

— Нас испугал этот железный молот, стоящий за дверью.

— А что, разве вы до сих пор не видели молот предков нартов? Почему вы его боитесь? — спросил их Сосурук.

— Да мы не молота боимся. Этот юноша такое здесь сделал, что мы испугались.

— Ну что же он такого сделал вам, поведайте и мне об этом,— попросил [их] Сосурук.

— Когда он ударил [этим] молотом [по наковальне], и наковальня и железо превратились в золу. А мы от [страха] выбежали наружу,— сказали нарты.

Хитроумный Сосурук [на это] молвил:

— Да вы, наверное, плохо приняли гостя, плохо смотрели и за его конем. Вот потому, видимо, он был на вас сердит.

— Его коня мы пустили к лучшему нашему сену, а его самого готовимся угощать,— сказали [нарты].

— Ну что же, сперва нужно гостя хорошо угостить и только потом вести расспросы,— сказал Сосурук.

[Когда гостя] накормили, Сосурук спросил:

— Славный юноша, говорят: «Аманла хапар сора билмей эдиле, ахшыла да хапар айтмай эдиле»¹, скажи что ты бродишь, чего ищешь?

— Я еду свататься к дочери всемогущего падишаха, поэтому ищу себе дружек,— ответил Карашауай.

На это нарты сказали:

— Ну что ж, сейчас здесь находятся все отважные [нарты], которых ты ищешь.

— Так кого же вы мне дадите [в дружки], кого считаете [среди вас] настоящими батырами? — спросил Карашауай.

— Отважнее Ёрюзмека и Сосурука среди нас нет,— ответили нарты.

— Если так, я их беру в дружки,— сказал Карашауай.— Кроме них я хочу взять дружек и из эмегенов.

Карашауай взял с собой Ёрюзмека и Сосурука и отправился в дорогу. Ехали они втроем, ехали и доехали до моста Гамар. Шауай оставил Ёрюзмека и Сосурука за большим камнем и сказал им:

— Я сам пойду к эмегенам.

Когда он перешел через мост Гамар, [увидел], что эмегены состязались в метании камня. А камнем для метания у них служила большая скала. Эту скалу они перебрасывали из одной [горной] теснины в другую. На месте ее падения [зеленая] земля вся чернела, будто там прошли отары овец.

Когда Карашауай шел по мосту Гамар, эмегены заметили его и стали препираться друг с другом:

— Я его съем, — сказал один.

— Нет, я,— заспорил другой.

Старший из них, девятиголовый эмеген, сказал:

— Не спешите, уж слишком вы быстры. Вы еще не знаете, а может, он и есть Карашауай.

— Да он, кажется, небольшой, он маленького [роста],— возразили эмегены.

— А он и не большой, а маленький,— сказал девятиголовый эмеген.

— Ну, тогда испытаем его силу в метании камня,— решили эмегены.

Шауай перешел через мост и приветствовал эмегенов:

— Да будет удачна ваша работа, чыйбыдыры!

— Спасибо, добро пожаловать, сын человеческий, откуда ты явился? — спросили [его] эмегены.

— Какая у вас интересная игра,— сказал Карашауай.

— Ну что же, и тебе дадим толкнуть [наш] камень,— сказали эмегены и подали ему скалу. Карашауай перебросил скалу из одной теснины в другую. Она полетела и упала намного дальше того места, куда добрасывали эмегены.

— Когда я бросал, камень немного перекосило. Принесите-ка мне его, [я еще раз метну]! — крикнул Шауай [эмегенам].

Скалу принесли и снова дали ему в руки.

Когда он собрался второй раз бросить камень, так обратился к эмегенам:

— Теперь смотрите внимательно за полетом камня.

Эмегены [стояли и молча] наблюдали за ним. [Карашауай] метнул скалу в небо. Через некоторое время скала прилетела и упала прямо между эмегенами. Эмегены разбежались и попрятались [кто куда].

— О Аллах! Как вы сильно перепугались, чего разбежались?! — крикнул он [им].

— Теперь мы знаем, что ты Карашауай. Нас всех погубить, что ли, решил? Скажи, что тебе нужно, и мы сделаем [это],— попросили эмегены.

— Я всего-навсего хочу взять кого-нибудь из вас в дружки, больше ничем вас не обременю,— успокоил [их Карашауай].

Оттуда Карашауай вместе со своими друзьями — Ёрюзмеком, Сосуруком и девятиголовым эмегеном — отправился дальше.

Когда до замка всемогущего падишаха оставалось расстояние, равное одному выстрелу, они стали решать:

— Кто же из нас пойдет и известит падишаха о нашем приходе?

Шауай сказал:

— Я [ведь] хочу породниться со всемогущим падишахом, поэтому мне самому не подобает идти к нему первым,— и продолжил, обратившись к Сосуруку: — Сосурук, из нас всех ты более находчивый и речистый, может, ты пойдешь?

— В таком деле не бывает без потерь, что же, несмотря ни на что, пойду я,— сказал Сосурук и отправился к всемогущему падишаху.

Шел он, шел, и, когда приблизился к замку падишаха, ему повстречался какой-то бедный мальчик. Он облачился в его рваную одежку, а на него надел свои вещи. Потом пошел и спрятался возле замка.

Всемогущему падишаху доложили:

— Возле замка спрятался какой-то маленький мальчик и ни с кем не хочет разговаривать.

— Приведите этого неизвестного [мальчика] сюда,— приказал падишах.

Сосурук пришел и робко остановился за дверью.

— Ты зачем прячешься, кого боишься? — спросил его падишах.

— За мной [по дороге] погнались какие-то существа. Куда мне было бежать? Поймали,— начал свой рассказ Сосурук.— Сердце мое чуть не разорвалось [от испуга], и я еле спросил: «Чего вы от меня хотите?» Они ответили мне: «Не бойся, славный юноша, мы хотим тебя послать по одному делу. Это недалеко отсюда». Они показали мне этот белый замок и сказали, чтобы я пришел сюда и сказал вам, что они идут к вам в гости. Они пригрозили мне, что снесут мне голову, если я этого не сделаю. О, если эти [существа], которых я видел, придут сюда, и вам несдобровать, покажите, где мне можно спрятаться? — обратился он к падишаху.

Всемогущий падишах [на это] сказал:

— Славный юноша, возвращайся обратно и передай им:

«Если вы считаете себя самыми сильными, мы думаем, что мы тоже не хуже вас!»

Сосурук вернулся [к своим] и передал им слова падишаха. И тогда дружки подъехали к замку.

— Гости приехали,— доложили всемогущему падишаху.

— Узнайте, что им нужно? — велел падишах своим людям.

— Мы хотим породниться с всемогущим падишахом, приехали свататься к его дочери,— ответили [нарты].

— Что же, я не против тех, кто хочет со мной породниться,— сказал падишах.— Но у меня есть три задачи. Если вы выполните их, я породнюсь с вами.

На это Шауай ответил:

— Мы целый год ехали, чтобы породниться с тобой. Какими бы трудными ни были твои задачи, мы попытаемся их выполнить. Что же, назови нам свои три трудные задачи.

[И] всемогущий падишах [перечислил свои задачи]:

— [Первая]: У меня есть медная печь, до утра просидите в ней. [Вторая]: У меня есть кодунья, побегите с ней наперегонки и победите ее. И третья: У меня есть один бык — одолейте его.

Дружки [Карашауая] на это [все] ответили:

— Выполним.

Сосурук же при этом глубоко вздохнул.

— Ты почему вздыхаешь, Сосурук? — спросил его Шауай.

— А вы понимаете, что все эти задачи почти невыполнимы? — ответил Сосурук. — Разве вы не знаете, что такое раскаленная медь?

— Знаем, но что ты имеешь в виду? — спросил [его] Шауай.

— А то, что [печь хана] — это комната из меди. Эту комнату раскалят докрасна и нас всех соберут туда, вот только как мы это выдержим? — пояснил Сосурук.

— Друзья, что вы [об этом] думаете? Кто из вас может решить эту задачу? — обратился Шауай [к своим попутчикам].

Девятиголовый эмеген на это ответил:

— Если вода остудит жар [комнаты], то я в рот могу набрать столько воды, что море обмелеет.

Тогда Сосурук сказал:

— Пойди к морю, набери в рот воды [и принеси ее сюда], — и отправил девятиголового [к морю].

Тот пришел к морю и набрал в рот столько воды, что море обмелело. [Эмеген] вернулся, залил и заполнил раскаленную комнату водой. Через две секунды вся вода испарилась, и тогда Карашауай вошел в [комнату] и, сказав:

— О ледяные сосульки, вскормившие меня, помогите мне², — дунул.

Тут же в четырех углах комнаты образовались глыбы льда. После этого в эту медную комнату вошли дружки Шауая. Ледяные глыбы таяли и все больше и больше остужали комнату.

Всемогущий хан сказал своим людям:

— Пойдите и посмотрите на гостей.

Те вернулись и доложили:

— Гости сидят [в медной комнате] и пируют.

— Да как бы они смогли до сих пор просидеть в моей [раскаленной] печи? — закричал падишах и в ярости снес голову одному из своих слуг.

Через некоторое время он послал [к гостям] другого слугу. Тот пошел, разузнал все, вернулся и, в страхе встав поодаль, сказал:

— Если и мне не верите, сами проверьте.

Всемогущий падишах постеснялся сам идти к гостям. Посмотрев с крыши замка, увидел, что гости живы и здоровы.

— Что же, первую задачу они решили. Ну, теперь пусть обгонят мою колдунью, — сказал он и отправил на состязание свою колдунью. А нарты состязаться с ней послали Ёрюзмека.

А тот, кого звали Ёрюзмеком, на скалах олененогим был,

В беседах неустанным был.

Тот, кого звали Ёрюзмеком, узденем был,

Он много трудностей испытал,

5 Его пояс из меди был.

Он отправился с колдуньей состязаться [в беге],

А колдунья решила [Ёрюзмека] обмануть.

В хурджуне у колдуньи фляжка была,

[Когда бежали], колдунья сказала:

10 — Пусть дочь падишаха не выйдет замуж,

Пусть и Карашауай без жены останется!

[Что нам до них]. Давай покушаем, попьем,

Под руки взявшись, не спеша пойдем

И к падишаху вместе придем.

15 Посмотрим, что они [тогда] будут делать?!

- Колдунья Ёрюзмека сырой напоила,
 [Уложила], под ухо ему пустую фляжку положила,
 Усыпила и бросилась бежать.
 Вот так колдунья [Ёрюзмека] обманула.
- 20 Сосурук был дальнозорким,
 Даже на дне морском мог песчинки сосчитать. [Он издали видел все это].
- Эй, Шауай, колдунья Ёрюзмека усыпила.
 Добившись своего, она нам очень навредила.
 Тот, кого Сосуруком звали, метким был стрелком.
- 25 [В храбрости] не уступил бы на земле
 Ни одному человеку.
 Сосурук метнул [стрелу] из своего большого лука
 И в фляжку под ухом Ёрюзмека попал.
 Ёрюзмок, проснувшись, вскочил,
- 30 Один раз прыгнул — не догнал колдунью,
 Второй раз прыгнул — поравнялся с ней.
 [В пути] колдунья в грязи увязла,
 Ёрюзмок первым пришел.
 На вопрос всемогущего падишаха:
- 35 — Где же моя колдунья осталась?
 Так Ёрюзмок ответил:
 — Дороги [у вас] очень трудные,
 Ваша колдунья увязла в грязи.
 — Да, с двумя задачами вы справились.
- 40 Поймайте теперь [моего] быка,— сказал падишах.
 Бык с ревом выскочил из подземелья,
 Карашауай, схватив его за рога, свалил.
 Карашауай быку шею свернул
 И к ногам падишаха его бросил.
- 45 Потом [Карашауай и] дружки уехали, забрав дочь падишаха.

94. ХИТРОСТЬ КАРАШАУАЯ

Карашауай очень любил ходить в походы в одиночку. Однажды он встал утром рано и пришел к своему отцу Алаугану.

— Отец,— сказал он,— ты меня младенцем оставил среди горных ледников, и я вырос там, питаюсь то ледяными сосульками, то молоком белой оленухи. С тех пор прошло много времени. Мне еще ни разу не привелось не только быть знакомым, но даже видеть кого-нибудь из соплеменников моей матери. Я не знаю, где они живут, не знаю дорогу к ним. Мой дедушка Дебет мне сказал, что ты бывал в тех местах. Если бы ты разрешил, я бы [поехал] и познакомился бы с родичами своей матери.

— Эй, сын мой, я не против твоей поездки туда. Однако те места безлюдны. Там [стоят] горы, [покрытые] густым лесом, [в горах множество] узких и глубоких ущелий и балок. Вот в этой местности есть единственная долина под названием Элхур. Там живут род эмегенов и драконы. [Даже] среди нартов мало кто знает те места. Дорога туда очень и очень трудная. Если ты уже решил ехать — будь осторожен! Если попадешься в руки эмегенов, навряд ли они пожалеют тебя,— сказал Алауган.

Карашауай был благодарен отцу, [что тот отпустил его], и на радостях вывел Гемуду из подземелья, вычистил и накормил его железными опилками. Наточив свой меч и подготовив свой лук, он собрал еду в хурджун.

На следующий день, на рассвете, он отправился в дорогу. Долго ли он ехал, кто знает. [В пути] Гемуда перескочил через несколько бурных рек. Когда они выехали в одну долину, «Наверное, это и есть долина Элхур, о которой говорил отец», — подумал [Карашауай].

Внимательно осмотревшись, он увидел посреди этой долины три кургана.

Карашауай, поближе подъехав к этим кочующим курганам, видит, что это не курганы, а три громадных эмегена. Приблизившись [к ним], он разглядел, что они, вырвав с корнем чинару, всю колотят друг друга. Увидев нарта, они прекратили драку. Эмегены обрадовались и в один голос воскликнули: «Эх, к нам забава пришла!»

Карашауай, не слезая с коня, приветствовал их:

— Бог помочь, уставшие чийбыдыры! — И спросил: — Что заставляет вас проливать свою кровь на этой прекрасной поляне, обагрив [даже] воду текущих [по ней] рек?

Эмегены сказали:

— Сын человечесий, мы — братья. В наследство от отца нам достались три вещи, одна дороже другой. Мы начали спорить и ссориться, не зная, как их поделить. Затем договорились разрешить наш спор при помощи колташа: мы решили, что самую дорогую из этих вещей отдадим тому, кто метнет колташ дальше всех. Каждый из нас бросил его по три раза, но никто из нас не победил.

Сказав это, они показали ему камень величиной со стог, который находился довольно далеко от того места, где они стояли.

— Что это за такие дорогие вещи, из-за которых вы так враждуете и не можете их поделить? — спросил Карашауай.

— Одна из них — волшебная шапка. Надевший эту шапку даже в самую темную ночь видит то, что происходит на небе, на земле, на дне морском, в густом лесу, в горных ущельях. Если на эмегенов кто-то хочет напасть, она заранее предупреждает об этом.

— А какова же вторая вещь? — спросил нарт.

— Вторая [вещь] — жантау, — ответил средний брат, — человек, обладающий им, всю жизнь проживет, не зная нужды. Если, держа его за один конец, бросишь во всю длину, то к тебе сбегутся все дикие животные округи. Когда туры, олени соберутся, бери и стреляй из лука сколько хочешь. Сколько бы ты ни убил — все твои.

— Что ж, эта вещь тоже хорошая. Я и про нее узнал. А третья что? — спросил Карашауай.

Младший из эмегенов ответил:

— Это войлочная плетъ. Если перевязать ею даже самый большой груз-[богатство] и приказать: «Отнеси туда-то» — она немедленно исполнит.

Карашауай, выслушав эмегенов, сказал:

— Я, чтобы вы были довольны, разрешу ваш спор. Как вы мне сказали, в метании колташа никто из вас не победил. А теперь вы побегите наперегонки. Кто придет первым — из этих трех вещей выберет ту, которую захочет, кто придет вторым — выберет одну из [оставшихся] двух, а последнему достанется третья вещь.

Сказав это, он отправил эмегенов бежать на расстояние, равное трем дням пути.

Когда они скрылись из глаз, Карашауай взял эти [три] вещи, вскочил на Гемуду и, проскакав вокруг долины Элхур, [отправился в страну нартов].

В пути он, держа жантау за один конец, бросил его на землю и поволок [за собой]. Тут же собралось множество диких животных. Настреляв их, он перевязал их войлочной плетью и приказал: «Отнеси [в страну] нартов!» Нарты в честь его возвращения устроили большой той.

95. КАК КАРАШАУАЙ РАССТАЛСЯ С ГЕМУДОЙ

О Карашауае и Гемуде существует очень много хапаров *, пересказать все — очнь трудно. Они вдвоем совершили множество подвигов и в конце поехали к подножию Минги тау. Там Гемуда сказал: «Я теперь отсюда должен подняться на вершину Минги тау — такова воля Аллаха. А ты, Карашауай, возвращайся обратно и живи как хочешь». Они оба, плача, попрощались, и Гемуда улетел.

Вершина Минги тау — двуглава. Говорят, ее такой сделал Гемуда, задев копытом, [когда перескакивал через нее]. Еще говорят, что на вершине Минги тау когда-то был родничок. А теперь этого родничка там нет. [Так вот], по обеим сторонам этого родничка росла трава.

Пока Гемуда щипал траву на одной стороне, подрастала [трава] на другой. Он очень долгое время [жил на вершине Минги тау]. Кормом ему служила эта трава, а воду он пил из родничка. Говорят, что тот, кто пил воду оттуда, никогда не старел. Вот так Гемуда очень долго находился там, а потом один Аллах знает, что с ним случилось, Гемуды уже нет там. Теперь ведь много людей поднимается на [Минги тау]. Это — последний хапар о Карашауае и Гемуде.

96. РОДНИК КАРАШАУАЯ

Сын Алаугана Карашауай жил на вершине Минги тау. [Он] выкопал в седловине Минги тау [яму], и оттуда забил чистый, прозрачный ключ. Вот это и есть родник, который называют «Родник Минги тау, дающий бессмертие».

Карашауай, разломав ледники Минги тау, раскалывал лед на мелкие куски и ел их вместо хлеба, а запивал [этой] родниковой водой. Вот так он жил.

И сейчас, когда видят долгожителя, говорят: «Наверное, он пил воду [из родника] Минги тау». Птицы и сегодня летают к бессмертной воде и пьют ее. Ведь им в отличие от человека очень просто подняться на вершину горы. Вероятно, поэтому они так долго живут.

97. КАРАШАУАЙ НЕ УМЕР, ОН ЖИВ ¹

По рассказам стариков, Карашауай вместе со своими нартскими друзьями

Во многих походах бывал,
Много испытаний перенес.
С эмегенами не раз сражался
И всегда возвращался с победой над ними.

5 По своей доброте и храбрости
Среди нартов одним из лучших
Нартов он считался.
Из любого трудного положения
Он выходил победителем.

10 Хотя эмегены намного сильнее нартов были,
Он всегда их побеждал.
Постоянно враждуя с ними,
Он истребил их всех.

Он сражался и с другими врагами, которые нападали на нартские земли.

Рассказывают, однажды к нартам прискакал гонец с вестью, что с юга на нартские земли напал враг. Все нарты поднялись на борьбу с ним. Карашауай тоже был среди них.

Когда поехали на поиски врага, Карашауай отстал от своих товарищей. Ехал

он, ехал и в горах Доммайлы заметил похожее на галочью стаю бесчисленное множество каких-то существ. Когда приблизился к ним, увидел, что это были те враги, о которых говорили.

Началось сражение между ними и Карашауаем. Большинство из них он истребил, остальные бросились бежать, а он начал их преследовать.

Когда он скакал за ними, Гемуда прыгал с одной горы на другую. Когда он перескакивал на другую гору, он наступил передней ногой на большой плоский черный камень. Гемуда был настолько громадным и тяжелым, что его передняя нога ушла в камень. Когда он вытащил оттуда ногу, на камне остался след его копыта, и поэтому этот камень стали называть «Камень Гемуды Карашауая». Он и сейчас лежит в местности Доммайлы.

Карашауай догнал врагов, уничтожил их всех и оттуда поехал в сторону Минги тау.

Говорят, что Карашауай и Гемуда не умерли, они живы. Судя по рассказам, они живут в окрестностях Минги тау. Ну, а если вы спросите: «Почему Карашауай поехал именно туда?» — Да потому, что, когда он был младенцем, ледяные сосульки были для него материнской грудью и он вырос, питаясь ими. Ведь говорят, где бы человек ни был и ни скитался, к старости его тянет в те места, где он вырос.

Рассказывают, что на вершине Минги тау, среди расщелин ледников, есть родник с целебной водой. В летний зной вокруг него вырастает сочная зеленая трава. И в это время Гемуда приходит к этому роднику, пьет оттуда воду и несколько дней пасется вокруг него. А когда уходит оттуда, берет воду и поит целебной водой и Карашауая. Вот поэтому они не стареют и не умирают и поныне живут в окрестностях Минги тау.

V. НАРТСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НЕСКОЛЬКИМ ГЕРОЯМ

98. ТРИ НАРТА И ТРИ ЭМЕГЕНА

В давние времена было три брата-нарта.
Один из них, нарт Сосурук, жил на горе Коштан *.
Второй нарт родился на горе Дых тау *.
Его звали Карашауай.
5 Третьего нарта звали пелиуан Ёрюзбек,
А родился он на горе Тихтеннген.

На южной стороне горы Коштан жил двуглавый эмеген по имени Желбыдыр¹. На южном склоне Дых тау жил трехглавый эмеген. Его звали Менгиреу Ючлеме². За горой Тихтеннген жил третий эмеген. Он был четырехглавым, и звали его Тёртлеме³.

Нарт Сосурук и эмеген Желбыдыр враждовали друг с другом. Желбыдыр же был названным другом Тейри Ветра. Поэтому он всегда, когда хотел, насылал [на нартов] из-за горы Коштан ураганный ветер. [Летом] сравнивал с землей нартские нивы и травы на пастбищах, а зимой сметал почву с полей, оставляя один песок и камни. Этим он совсем замучил нартов. У нартов [горы Коштан] начался голод. Они остались без хлеба, а их скот — без сена.

Нарты собрались на совет. [Долго думали, но] не пришли ни к какому решению и тогда позвали Сатанай, попросили у нее совета. Она сказала:

— Победить Желбыдыра будет очень трудно — ведь он приятель Тейри Ветра. В месяц Тотура * он пойдет к Тейри просить ветер, а к Апсаты — животных. Он у Тейри Ветра возьмет жел кёрюк *, подует в него и [опять] пошлет на наши горы буран. И опять развеет почву с полей, чтобы наши посевы не взошли, и [опять] разрушит наши дома. Когда он проголодается, пойдет к Апсаты, и, если тот не выделит ему долю из своих животных, он жел кёрюком поднимет в горах страшный буран, и от бескормицы погибнут [все] животные Апсаты. Поэтому к тому времени вы должны подогнать к его пещере несколько [диких и домашних] животных и сказать:

— Это нарты послали тебе в подарок.

[Потом Сатанай научила их, как победить эмегена.]

Нарты договорились отправить к Желбыдыру Сосурука.

Сосурук [решил] взять с собой семерых нартских юношей. Он [убил] оленя, зубра, тура, быка, кабана, буйвола, медведя и снял с них [целиком] шкуры. Затем Сосурук сказал им то, чему научила его Сатанай:

— Мы сейчас отправимся в поход. А путь наш [лежит] через гору Коштан к Желбыдыру, [который живет] на южном склоне горы. Пусть каждый возьмет с собой меч и лук. Когда дойдем до владений Желбыдыра, влезьте в те шкуры, которые я вам дал, и издавайте звуки, как эти звери, а я пойду дальше, как бы погоняя вас. Желбыдыр, увидев нас, [кинется] и обязательно кого-то из вас проглотит, поэтому захватите с собой какой-нибудь яд или усыпляющее снадобье и сразу, как он проглотит, насыпьте его ему в желудок или в сердце.

После этого [нарты] взяли с собой все, как сказал Сосурук, и отправились в поход.

Шли они долго-долго и перевалили на южный склон горы Коштан. В это

время дул такой сильный ветер, что они с большим трудом прошли через перевал. Нарты поняли, что это ветер, который насылает Желбыдыр с помощью жел кёрюка Тейри Ветра — он знал, что настало время, когда земля оттаивает и нарты начинают готовиться к пахоте.

— Если мы не поспешим и не погубим Желбыдыра, он оставит нас без крова и земли,— сказали нарты и быстро добрались до владений [эмегена]. Как и договаривались, все семь нартских юношей надели [приготовленные Сосуруком] шкуры зверей и животных. Когда Сосурук, словно пастух, погнал [их] к пещере, где жил эмеген, он заметил, что Желбыдыр, [расположившись] на вершине горы Коштан, дул в жел кёрюк и насылал на страну нартов [буран]. Сосурук долго думал, [как быть], и, не зная, что делать, приуныл. Затем он повернулся в сторону Желбыдыра, который на весь мир насылал ветер с вершины Коштан, и так заиграл на свирели:

— Я — посланник нарта Сосурука,
[Он] прислал твою долю из своих животных.
Сам он заболел неизлечимой болезнью,
А страну нартов спалил суховой.

Услышав игру на свирели, Желбыдыр со страшным шумом стал приближаться к пещере, покачивая в разные стороны своими двумя головами. При виде [пригнанных] разных «зверей» у него даже слюни потекли. Заметив Сосурука, он спросил:

— Откуда ты, человечешко? Куда гонишь этих [крохотных], как муравьи, животных?

— Друг Тейри Ветра, я — посланец нартов. Твой ветер разрушил наши аулы, наши пашни [больше] не колосятся. Своим ветром ты развеял сено, и наш скотдохнет от голода. Этих зверушек глава нартов взял у Апсаты в долг и прислал тебе в подарок, а дань тебе [нарты] пришлют осенью, когда животные будут жирными.

Вот так, беседуя, погоняя животных, они оба вошли в пещеру Желбыдыра. Как только вошли в пещеру, Желбыдыр взял громадную скалу и закрыл ею вход в пещеру, чтобы никто не смог [из нее] выйти.

Когда наступил вечер и в пещере стало совсем темно, эмеген зажег единственный глаз на лбу своей правой головы и осветил пещеру ярко-зеленым светом.

Потянулся, взял [в одном углу] пещеры пять огромных сосновых деревьев и; положив их в очаг, развел большущий костер. Поставил на огонь котел, в который могло поместиться мясо пяти быков.

Потом пошел в глубь пещеры, вытащил оттуда человеческий, лошадиный и ослиный трупы и погрузил их в котел. Затем повернулся к Сосуруку и спросил его:

— Сын человечий, [так] зачем ты ходишь-бродишь? Почему несет человечьим духом от этих зверушек?

— [Я же сказал, что] меня к тебе прислали нарты. Весной ведь животные [всегда] бывают тощими. А человеческим духом несет от медведя. Однако из них у медведя самое вкусное мясо. [Перед тем как мне идти сюда], у нартов был большой спор: «У какого животного мясо самое вкусное?» Вот поэтому они прислали тебе по одному из животных. «Пусть [Желбыдыр] попробует их, и чье мясо понравится ему больше, таких животных мы и пришлем ему в дань осенью, когда они будут жирными»,— сказали нарты, посылая [их тебе].

Нарты просят тебя вот о чем: «Не насылай своим жел кёрюком ветер, не разрушай наши аулы, не разгоняй своим ветром дождевые облака».

Желбыдыр разгневался и спросил:

— А где Сосурук?

— Он заболел страшной, неизлечимой болезнью. Он лежит, а его тело издает такие звуки, [будто] скулят собачьи и волчьи щенята, он скоро умрет,— ответил Сосурук.

— Ты вари мясо, а я съем того, от кого несет человеческим духом,— сказал Желбыдыр и проглотил нартского юношу, облаченного в шкуру медведя. Через некоторое время он проглотил и «оленя».

— Я чуть-чуть утолил голод, а теперь немного посплю,— сказал он и завалился на спину. Через некоторое время он начал судорожно биться и кричать:

— Ой, умираю [от страшной боли] в желудке и сердце.

Его глаз, который видел [только] ночью и освещал пещеру ярко-зеленым светом, потух. Увидев, что эмегену плохо, нартские юноши сбросили с себя шкуры, окружили эмегена, вытащили свои мечи и луки и убили его. Чтобы вызволить своих товарищей, они вспороли ему живот. Долго искали и наконец одного нашли в сердечной жиле, а другого, после долгих поисков, обнаружили в ноздре [эмегена] и вытащили оттуда живым и невредимым.

Когда рассвело, они оглядели пещеру: одна ее сторона белела от обглоданных человеческих костей и останков животных, а у входа, в грязи, валялось множество золотого и серебряного боевого оружия.

По велению Сосурука его нартские друзья собрали все оружие. [Потом], решив: «Пойдем и поведем стране нартов, что мы убили Желбыдыра», [они собрались] отправиться в [обратный] путь. Однако, как ни старались, они не смогли [даже] сдвинуть скалу, поставленную Желбыдыром [у входа в пещеру]. Не зная, что делать, нарты несколько дней промучились в пещере от голода.

Как-то однажды снаружи донеслись какие-то звуки. [Нарты] услышали, что это эмегены говорят на своем эмегенском языке:

— Маф-таф-уф-к ф.

Один из нартских юношей знал язык эмегенов. Этот юноша перевел их разговор нартам:

— Они говорят: «Где же тот, кто дует в жел кёрюк?»

Разговаривая [между собой], эмегены подняли скалу, [закрывавшую] вход в пещеру, и отбросили ее в сторону. Открыв вход, эмегены вошли в пещеру. Когда они увидели мертвого Желбыдыра, закричали:

— Здесь пахнет человеческим духом! — и бросились обыскивать пещеру. И тогда нарты метнули из луков [стрелы] и ослепили эмегенов, у которых у каждого было по одному глазу во лбу.

На одного эмегена они погрузили золотое и серебряное оружие [Желбыдыра]. На второго эмегена сели сами, сделав из железных цепей поводья.

Когда они приехали домой и рассказали нартам обо всем, что с ними было, [нарты] в их честь устроили большой той. В это время к ним прискакал из Дых тау гонец от Карашауая с недоброй вестью. Услышав от гонца, что [Карашауая нужна помощь], все нарты собрались на совет.

* * *

Нарты горы Коштан собрались на поляне глубокого ущелья, покрытого лесом, как просил через гонца Карашауай. Глава нартов горы Коштан Сосурук велел освеживать им много животных и положить их вариться в семьдесят семь котлов. В каждом котле варилось мясо семидесяти семи животных. По его велению двух слепых эмегенов, которых они привели с горы Коштан, тоже зарезали и сварили отдельно в одном большом котле.

[Сосурук] велел, чтобы каждый нартский юноша из его дружины съел по куску мяса [этих эмегенов]. [Далес] он сказал:

— Выпейте по два глотка бульона [из мяса эмегенов], тогда даже в самые [лютые морозы] не будете мерзнуть; пусть каждый из вас нальет немного их крови в один из своих газырей — и вы всегда будете метко стрелять. Кости [эмегенов] не выбрасывайте, из них на каждого из вас выйдет по десять стрел. Сделайте их и положите в свои колчаны. Эти стрелы пробьют даже камень.

Смажьте свои глаза жиром из их глазниц. Тогда один ваш глаз ночью будет видеть [даже] волосинку, плывущую в реке; если вы посмотрите в небо — увидите [даже] то, что происходит на Полярной звезде; если вы посмотрите на землю — увидите все, что творится под землей.

Второй же ваш глаз не будет слепнуть от [самого яркого] солнца,
Не будет бояться [лютых] морозов,
Ночью не будет знать сна,
А ваши стрелы всегда будут ложиться в цель.
5 А из кожи эмегенов сделайте [себе] чабыры.
Они [нипочем] ни порвутся,
Не развалятся в горах и на льду не будут скользить,
Когда войдете [в них] в реку или в море — не утонете.

[Сосурук], подготовив таким образом множество воинов, отправился с ними на помощь к нарту Карашауаю, который сражался на Дых тау с эмегенами.

После долгого пути Сосурук остановил [своих] воинов в теснине Дых тау и отправил к Карашауаю гонца со словами: «Нартское войско пришло [на помощь]».

[Вскоре] гонец вернулся с такой новостью:

— Карашауай с эмегеном Ючлеме сражается за горой Дых тау. С тех пор как он туда ушел, прошло довольно много времени. И с тех пор ни от него, ни от его войска нет никаких вестей.

Тогда Сосурук сказал одному из своих воинов:

— Намажь-ка как следует свои глаза жиром [из глазницы] эмегена, посмотри и скажи мне, что происходит за горой Дых тау. Воин смазал глаза жиром из глазницы эмегена, глянул [за гору] и увидел, что за Дых тау идет кровавая битва.

— За Дых тау идет кровавая битва, — сказал он [Сосуруку].

— Посмотри-ка хорошенько, кто кого побеждает? — приказал [Сосурук].

Этот воин [долго] и внимательно глядел и [наконец] сказал:

— Эмегены сделали из дубовых деревьев костер и бросили туда Карашауая. Костер такой огромный, что от [его жара] на обратной стороне Дых тау растаяли ледники и оголились скалы и камни. Бурые потоки воды от этих [тающих] ледников [несутся] и сметают [на своем пути] камни и деревья.

[Эмегены] разбили войско Карашауая, а [оставшихся в живых воинов] загоняют в пещеру. Карашауая же в этот пылающий костер закинули из дорбасына*. Однако он не горит в огне, а закаляется и становится твердым как сталь.

Сосурук, [услышав это], сразу же подготовил своих воинов, и они отправились за Дых тау. Сосурук ехал на своем коне Дулдуре. Дулдур родился от сестры коня Гемуды. Дулдур, [как и Гемуда], когда хотел, мог стать трехногим и шестиногим, когда нужно было, говорил человеческим языком. От силы его ржания молодые жеребцы подыхали, кобылицы жеребились до срока, а яловые кобылицы становились жеребыми. В длину [Дулдур] был девять аршин, в высоту — пять аршин, а уши его были в один карыш.

Сосурук мчался впереди войска. Доскакали до Дых тау, переночевали под [его] ледниками. До утра [ни один из них] не замерз и [даже] не продрог. Когда оттуда выехали и добрались до перевала, наступила ночная темь. [Тогда]

они закрыли свои глаза, видевшие днем, и, широко открыв глаза, которые видели ночью, перевалили через гору и дошли до одной большой реки. И через нее перешли, [благодаря чабырам из кожи эмегена], никто не утонул и [даже] не промок. Днем наступила [страшная] жара, но благодаря жиру эмегена им не было жарко. [Вот так, не боясь ни жары], ни холода, они дошли до границ владений [эмегена] Ючлеме. Сосурук приказал своим воинам:

— Смажьте свои стрелы кровью эмегенов, свои глаза и мечи натрите [их] жиром и приготовьтесь [к сражению].

Воины [Сосурука] сделали все так, как он сказал. [Потом] Сосурук велел им стрелять в Полярную звезду — ни один не промахнулся. Велел рубить мечами дубы, чинары, скалы — они разрубили [их легко], как мыло, как курдючное сало. Велел развести костры и бросить в них воинов — огонь их не взял. После этого Сосурук сказал:

— Вот теперь мое войско готово, — и отправился сражаться с [эмегеном] Ючлеме.

Они промчались через много дремучих лесов, ущелий и, доскакав до скал, где жил Менгиреу Ючлеме, увидели там пещеру. Перед пещерой пылал огромный, словно гора, костер. Посередине костра они заметили нарта, который, [как ни в чем не бывало], смотрел по сторонам и смеялся. Около костра возился трехглавый эмеген, поддерживая огонь.

Сосурук сказал своим воинам:

— Я пойду первым и поздороваюсь с Менгиреу Ючлеме. Однако он [ведь] глухой, кто знает, может, он ничего не поймет и бросится на меня. Если он кинется на меня, не бойтесь, я разом снесу ему все три головы, выхвачу Карашауая из огня, посажу позади себя на коня [и поскачу прочь]. В это время воины Ючлеме бросятся за мной, вот тогда и вы тоже бросайтесь на его войско. Пусть половина из вас возьмется за мечи, а другая — прольет стрелы дождем.

Сказав это, Сосурук сел на своего коня Дулдур и поехал прямо к костру. По дороге Дулдур молвил:

— Ты сойди с меня и оставь меня здесь, я не дам никому себя поймать. Если же ты подъедешь к Ючлеме на мне, я сразу же умру от его смрада и дыхания.

Сосурук сделал так, как просил Дулдур, и [пошел к костру сам], но, как он ни старался, не смог приблизиться к эмегену из-за [страшной] жары пылающего костра. Тогда Карашауай, стоявший посередине костра, дунул и превратил пылающий костер в ярко-красный ледник. [Потом] сам растаял и вышел из [ледника] стальным человеком.

А Менгиреу Ючлеме, когда увидел Сосурука, закрыл глаза, открыл все три свои пасти и сказал:

— В какой из моих ртов ты хочешь войти? [Жалко, что] тебя хватит мне только на один зуб.

И тогда Сосурук размахнулся мечом и разом снес ему все три головы. Увидев, как Ючлеме с хрипом упал замертво, эмегены, раскрыв пасти, бросились вперед, хватая и швыряя в [нартов] камни. Воины Сосурука вступили с ними в бой. Три дня и три ночи без еды и сна сражались они.

Во время битвы, из-за того что Карашауай был ростом меньше других нартов, эмегены кидались на него и по очереди глотали его. А он кому из них замораживал все внутренности, кому прожигал сердце или желудок и выходил наружу целым и невредимым.

Войско Сосурука разбило эмегенов и вызволило из пещеры воинов-нартов с Дых тау. И нарты, живущие на южной стороне Дых тау, вернулись живыми и невредимыми в свои аулы.

Когда прошло несколько лет, [эмеген] Тёртлеме, живущий на горе Тихтенген, напал на аулы пелиуана Ёрюзмека. В это время пелиуан Ёрюзек со своим нартским отрядом был в походе. Среди нартов не нашли никого, кто сообщил бы ему эту весть. Тогда жна Ёрюзмека, обур Сатанай, при помощи жека дала ему знать о случившейся беде: когда в походе пелиуан Ёрюзек лег спать, ему приснилось, что над его страной кружит голодное воронье, а по земле всюду несутся потоки [грязной] воды и что Тейри Земли побежден. Проснувшись утром, он сказал своим воинам:

— Мне приснился сон, от которого ноет мое сердце и мутится разум. На нашу страну обрушился гнев Тейри Неба. Аулы наши полонил враг, мы должны вернуться назад.

И [он] отправился со своим войском в обратный путь. [В пути] сначала к ним присоединился Сосурук [со своим войском], а потом и Карашауай с войском. Все они собрались на равнине Бештамак.

Желая испытать воинов,
Они свои стрелы в небо метнули.
Стрелы упали с неба окровавленными.
Метнули свои стрелы в землю,

5 Стрелы вылетели с другой стороны земли
Чистыми, блестя, как серебро.

[И тогда нарты] обрадовались и решили:

— [Окровавленные стрелы говорят, что] мы ранили на небе Тейри эмегенов⁴, теперь он ветром не будет разгонять дождевые тучи и пойдут дожди. А раз [из земли] стрелы вышли чистыми — значит, Тейри Земли жив и земля опять зазеленеет.

Из Бештамака пелиуан Ёрюзек с войском отправился в свою страну. Долго мчались они, а когда доскакали до аула Ёрюзмека, он у ныгыша соскочил с коня. Оглядел все кругом, но ни единой души не заметил. Видит только: дымоходы не дымят, очаги остались без людей, улицы без детей, отоу без невесток, сараи без скота, тока и пашни без стогов. И тогда он вспомнил свой сон, от которого у него заняло сердце и помутился разум.

Он оставил воинов у Камня Бердибия, а сам, осматривая все кругом, пошел к Камню нартов, [стоявшему] в начале аула. Увидел, что на Камне нартов сидит, повернувшись в противоположную сторону, белошеяя ворона и зловеще каркает. Разгневавшись, он побсжал в свою крепость. Осмотрел [ее], но нигде не нашел прекрасную Сатанай. У него [от гнева] потемнело в глазах, когда он увидел привязанную к засову крепости часть ее золотых волос. Он понял, что на его страну напали эмегены, которые одних съели, а других забрали с собой.

Он быстро возвратился к воинам и отправился с ними в ту сторону, куда, повернувшись, каркала ворона. Долго скакали [они] и остановились у подножия одной большой горы. Наступила такая кромешная тьма, что ни зги не видно. Тогда [нарты] смазали свои глаза жиром тех [двух] убитых ими эмегенов. Их глаза [после этого] заблестели, как утренняя звезда, и, как солнце, осветили их путь.

В пути воины обессилели от голода и не могли идти дальше. Нарт Ёрюзек, увидев, что воины голодны и [они] в безвыходном положении, обратился с мольбой к богу нартов — Тейри Земли. Он смазал свои глаза жиром эмегена и посмотрел, [что происходит] под землей. Увидел, что Тейри Земли лежит и спит глубоко под землей. Тогда он взял рог, [в который когда кричали, было очень далеко слышно], и прокричал в него Тейри Земли:

— Наши воины голодны. Для наших вьючных животных нет травы, и они, обессилев от голода, не могут идти дальше. Тейри эмегенов, заслонив от нас свет солнца и луны, задерживает нас в пути. Помогите нам, дайте нам пищу, мы низко кланяемся тебе!

Тейри Земли так ответил из-под земли:

— Пусть каждый твой воин метнет в небо по одной стреле. Если стрелы упадут окровавленными — снова появится луна, наступит рассвет, взойдет солнце и прольется дождь. Тогда [знайте], что умер Тейри эмегенов. [После этого] я тоже смягчу землю и выпущу [на волю] травы, сделаю тучными нивы, дам вам со своих деревьев плоды. Дам вам и животных [из стад] Апсаты: мясо их съедите, а из шкур воины сделают [одежду]. После этого вы отправляйтесь к своим врагам, [вы] победите их. На все это [вам] понадобится десять дней.

После этих слов Ёрюзек приказал своему нартскому войску отдыхать на этом месте десять дней. В эту ночь они уснули, а на рассвете все метнули в небо по одной стреле. Все стрелы упали вниз окровавленными. И по стрелам они поняли, что убили Тейри эмегенов. Сперва все небо покраснело, будто окрасилось кровью, после этого пошел кровавый дождь. Через некоторое время небо загрохотало и земля понесла: деревья зацвели и начали плодоносить, нивы зазеленели и заколосились, травы взошли, и [они] накопили сена. Стада Апсаты стали тучными. Наевшись их мяса и выпив бульон, [нарты] из их шкур сшили себе одежду и обувь.

После этого пелиуан Ёрюзек укрепил на небе иголку и сказал:

— Кто попадет [в игольное ушко], тот вместо меня станет предводителем нартов.

Воины Карашауая, Сосурука и Ёрюзек начали состязание. Но никто не смог попасть [в цель]. В конце, [когда очередь дошла до Ёрюзек], Ёрюзек метнул [стрелу] и сбил иголку.

— Тебе и быть главой,— сказали [нарты].

[Потом нарты] запаслись едой, питьем, одеждой и отправились в страну Тёртлеме, который разорил нартские аулы. Когда после долгого пути остановились на перевале Тихтенген в местечке Бий кач^{*}, трое нартов, [Ёрюзек, Сосурук и Карашауай], поспорили, чья стрела пробьет гору Тихтенген. Стрела Сосурука, пробив гору, вылетела с обратной стороны, пронеслась [дальше] и вонзилась в самый зоркий глаз Тёртлеме, который, сидя перед [своей] пещерой, грелся на солнце.

[Этот] глаз его стал очень плохо видеть. Из остальных трех его глаз один видел ночью, другой — зимой, а третий был незрячий — просто блестел.

Вторым стрелу метнул Карашауай. Его стрела пробила гору, но не вылетела оттуда: на обратной стороне горы торчал лишь ее конец.

Третьим стрелял Ёрюзек, но его стрела была из меди, поэтому она, даже не долетев до середины горы, согнулась. В этом состязании первенство досталось Сосуруку.

Оттуда нарты поехали дальше и добрались до владений Тёртлеме. Пелиуан Ёрюзек послал к нему одного из воинов со словами: «Сыны нартов со своими воинами пришли сразиться с тобой, если ты смелый, готовься к встрече с нами».

Тот пришел к Тёртлеме и сказал:

— Я посланец [нартов].

— Что ж, человеческий сын, пришел так пришел. Однако вчера мне в глаз вонзилась какая-то колючка, и я вижу все как в тумане. Среди вас нет знахаря, чтобы вылечить мой глаз? — спросил эмеген.

Потом отправил посланца, сказав:

— Моих воинов на этой неделе здесь не будет, они строят загон для животных и людей, которых мы пригнали из страны нартов. В наших горах

камни нетвердые, поэтому половина моих воинов ушла на Минги тау за камнями. Пусть ваше войско подождет, пока они вернуться. А если вы будете против, у меня есть три богатыря, вот и посостязайтесь с ними, пока не вернуться мои воины.

Посланец вернулся и все поведал сынам нартов. Ёрюзбек, Сосурук и Карашауай сказали воинам:

— Ну, если так, вы пока оставайтесь здесь, а мы втроем пойдем и посмотрим их игры, испытаем их богатырство,— и отправились к Тёртлеме.

Тёртлеме приветствовал [их] и пригласил пелиуана Ёрюзмекса, Сосурука и Карашауая в гости. После того как накормил и напоил их, позвал своих трех богатырей. Потом Тёртлеме, не отрывая руки от пораненного стрелой [Сосурука] глаза, повел их всех к месту состязаний.

— Сыны нартов, со стрельбы начнем или с борьбы? — спросил он их.

— Хочешь, будем стреляться, а хочешь — будем бороться,— ответили они.

Решили [сначала] бороться.

Первым вышел Ёрюзбек. Ёрюзбек был подпоясан цепью, на нем был панцирь, на руках у него были рукавицы. Тёртлеме, как и [Ёрюзбек], был облачен в железные доспехи. [Они] начали бороться. Сначала эмеген поднял Ёрюзмекса и бросил наземь — тот по колени ушел в землю. Во второй раз Ёрюзбек схватил и бросил эмегена так, что тот по пояс ушел в землю. Потом эмеген бросил Ёрюзмекса и тоже вогнал его в землю по пояс. В очередной раз Ёрюзбек, перед тем как бросить эмегена, попросил Тейри Земли помочь ему. Тейри Земли, чтобы помочь нарту, сделал землю мягкой, словно тесто, и эмеген по все свои четыре шеи ушел в землю. Тут же Тейри Земли [сделал] землю твердой как камень и сдавил эмегена так, что у него из ртов и носов пошла кровь и он умер.

Остальные эмегены, увидев [такую] богатырскую мощь Ёрюзмекса, [очень] испугались.

— Если этот способен на такое, то те двое, которых они оставили на потом, когда покажут свои игры, из нас никого не оставят [в живых],— решили они и стали во всем повиноваться нартам. Они вернули нартам угнанных [ими] людей и животных.

Три нарта, [Ёрюзбек, Сосурук и Карашауай], передали людей и животных своим воинам, отправили их в обратный путь, а сами задержались там. Они уничтожили всех оставшихся эмегенов и после этого тоже вернулись в страну нартов.

99. ЁРЮЗБЕК И СОСУРУК

Однажды во время беседы Ёрюзмекса и Сосурука о храбрости и трусости Ёрюзбек сказал Сосуруку:

— Как может человек чего-то бояться в этом мире? Я очень удивляюсь этому. Интересно, что это такое — «испуг»?

Эти слова глубоко запали в душу Сосурука, [но он ничего не ответил]. Когда прошло некоторое время, Сосурук предложил [ему]:

— Ёрюзбек, давай отправимся в жортууул.

Они взяли с собой еще шестерых нартов и восьмером отправились в ту сторону, где садится солнце. Просхав [много] ущелий, балок, они добрались до одной реки.

Когда Ёрюзбек, спрыгнув с коня, припал к воде и понюхал ее, он услышал запах эмегенского мяса. Опустив палец в реку, он попробовал воду на вкус. Капля с пальца набила оскомину, и у него пожелтел язык. Ёрюзбек поведал своим попутчикам о запахе и действии воды. И тогда Сосурук сказал:

— Эй, Ёрюзбек, [ведь] в верховьях реки эмегены живут. Они всегда загрязняют

в реке воду, мочатся [в реку], чтобы нарты не могли пить из нее, а если бы и выпили, чтобы заболели. Ни нам, ни нашим коням нельзя пить эту воду. Если ее выпьют наши кони — они ослепнут, а если мы сами выпьем — проказой заболеем. Эмегены не только мясо животных и человека кушают. Они едят и ядовитых змей, и лягушек. Если они в свою еду не добавляют чемерицу, то для них эта еда — не еда. Нам нельзя загонять коней в реку, [чтобы переплыть на ту сторону]. Мы продолжим путь по этому берегу. Я знаю, где находятся пещеры, в которых живут эмегены. Мы переберемся [через реку], проехав выше [этих пещер].

После долгого [пути], под вечер, они доехали до одной темной пещеры, в которой жили эмегены. Там было девять эмегенов.

— Добрый день, мудрыс, сообразительные, расчетливые [эмегены], — приветствовал их Сосурук.

— Спасибо, добро пожаловать, хитрые сыны человечьи! — ответили [те].

В эту ночь эмегены накормили нартов каким-то протухшим мясом. Утром, завалив вход в пещеру громадной скалой, чтобы нарты не смогли выбраться [наружу], разбрелись по лесу. Вечером вернулись в пещеру и принесли по одному убитому дикому зверю. Старший из эмегенов так обратился к нартам:

— Ну что же, сыны человечьи, сегодня вы должны нас угощать. По нашим обычаям, одну ночь мы должны угощать, а другую — вы, — заявил он.

И тогда нарты вынуждены были заколоть одного из своих коней.

Одну ночь угощали эмегены, другую ночь — нарты. Так продолжалось до тех пор, пока у нартов остался один пегий конь. Этот пегий конь был конем Ёрюзмека. Этот конь был известный всей стране нартов стальнокопытый, с железными челюстями, с ушами [длинной] в один карыш, ветроподобный Генжетай, обладающий человеческим разумом. Ёрюзбек души в нем не чаял.

Сосурук сказал Ёрюзмеку:

— Теперь как не заколоть твоего пегого [коня], если у нас не осталось других коней?

Тот возразил:

— Нет, пусть лучше меня зарежут, чем его.

Эмегены, услышав это, сказали:

— Хорошо, тогда тебя зарежем. Мы человечье мясо любим больше [конины]. Вот уже месяц, как мы не ели человечьего мяса.

Они положили [Ёрюзмека] на большой плоский камень и связали. Один из эмегенов взял ярко-красный нож из меди длиной в три локтя, другой — точильный камень, и они начали точить этот нож.

Сосурук [сидел], глубоко задумавшись. Потом он так заявил эмегенам:

— Эй, мудрые и расчетливые, не спешите, ночь длинна, успеем и поесть и попить. Ведь мы посланцы нартской страны. [Они нас прислали к вам с делом]. Вы не спрашиваете: «Зачем вы к нам приехали?» — вот мы и не сказали, [почему мы у вас].

— Ну что же, расскажите нам, зачем вас к нам послали, — сказали эмегены, посмотрев на Сосурука.

— В стране нартов, — начал Сосурук, — вышел спор, что было изготовлено раньше: наковальня, молоток или щипцы. Из-за этого пошла вражда [между нартами]. Споры, вражда не прекращаются. Теперь, если вы зарежете [Ёрюзмека], то кто передаст нартам ваш [правильный] ответ — [ведь] среди нас он самый разумный и толковый.

[Когда Сосурук закончил говорить], эмегены, хлопая в ладоши и топая ногами, разразились диким, громоподобным хохотом, сотрясая скалы и горы. Старший эмеген сказал:

— Как же эти дураки не знают, что щипцы старше?

— Наш тамада, ты не прав, — возразил второй эмеген, — молоток старше. Другой эмеген сказал:

— Вы шутите или от души все это говорите? Почему вы не понимаете, что самый старший среди них — наковальня?

Их спор перешел в драку. Они начали драться.

Во время драки они задели и свалили скалу, закрывавшую вход в пещеру. Вырвав с корнем чинары, растущие около пещеры, они стали избивать друг друга ими и, [продолжая драться], спустились в ущелье.

[В пещере остался только] один очень старый эмеген с гноющимися глазами. [Нарты] запрягли его в огромную железную телегу эмегенов, сели в нее и поехали в страну нартов.

Когда они вернулись [домой], Сосурук спросил Ёрюзмека:

— Ёрюзек, ну, теперь ты понял, что такое страх?

— Как не понять, на себе испытал, — ответил Ёрюзек.

— Ну, если так, впредь не говори: «Я не знаю, что такое страх, сильнее меня [никого] нет, и никому меня не одолеть», — сказал Сосурук.

100. СОСУРУК И СИБИЛЧИ

Давно, в древние времена, были два брата-нарта. Одного звали Сибилчи, другого — Сосурук. Их знали во всех нартских аулах.

Однажды Сибилчи попросил:

— Сосурук, ты всегда ходишь в жортуул, путешествуешь, возьми меня с собой, научи мужеству, смелости и стойкости.

— Ты прав, хорошо, — согласился Сосурук.

Однажды [он] взял с собой девятерых [нартов], среди которых был и Сибилчи, и отправился в путь.

Проехали [они] через дремучие леса, переплыли много рек и подъехали к большому черному холму, от которого исходило зловоние. Сосурук со своим нартским отрядом направился прямо к этому холму. Подъехали [они] и видят, что это вовсе не холм, а эмеген, у которого волосы на спине и на груди — словно колючие кустарники, усы — как куст шиповника, над носом — два глаза: один — видящий ночью, другой — днем; рот в длину — пять сажен, зубы — как железные ломы; от дыхания его дерева качались. Сосурук подъехал близко и поздоровался с этим могучим эмегеном. Тот ответил на приветствие и пригласил Сосурука с друзьями в гости. Для девятерых гостей [эмеген] подвесил [над огнем] девять котлов. В каждый котел [он] положил по туше зубра, огромного, как курган. К тому времени, когда мясо почти сварилось, с охоты вернулись и другие эмегены с убитыми маралами, оленями и зубрами. Они тоже поздоровались с нартами.

Нарты и эмегены, рассказывая друг другу различные хапары, таурухи*, провели здесь девять ночей. На десятую ночь эмегены сказали:

— Эй, нартские сыны, теперь пришла ваша очередь угощать нас, в эту ночь вы должны устроить конаклык .

— Ну, если бы мы были у себя в родном ауле, мы зарезали бы своих животных, а здесь у нас нет ничего, — ответил Сосурук.

Тогда старший из эмегенов сказал:

— А у вас же есть кони, зарежьте одного, конина — вкусное мясо, нам годится любое мясо, — и заставил заколоть одного из их коней. Так, один вечер ужин готовили эмегены, другой — нарты, пока нарты не перерезали всех своих коней.

Когда у нартов не осталось коней, старший из них — Сосурук — задумался, как им быть дальше.

А эмегены настаивали:

— Быстрее, торопитесь, подошла ваша очередь угощать нас мясом.

— Да что же нам делать? Коней уже съели, нам нечего больше резать, — сказал Сосурук.

— Ну, если нет коней, мы едим и человеческое мясо, оно еще вкуснее, — заявили эмегены.

Тогда нарты посоветовались и, указав на Сибилчи, сказали: «Вот его зарежьте».

Тамада эмегенов, ворча, встал с места. Он пошел в ближайшую пещеру [и] принес нож из красной меди длиною в пять пядей, шириною в три карыша и стал точить его на точильном камне.

А два эмегена схватили Сибилчи, потащили к камню, на котором резали скот, и связали ему руки и ноги ремнями из шкуры буйвола.

В это время Сосурук наблюдал за Сибилчи, не испугался ли он, а потом спросил на языке нартов:

— Сибилчи, ты очень боишься? Не надо так сильно бояться!

— Как же не бояться, если тебе связали руки и ноги, положили на убойный камень и точат нож?! — ответил Сибилчи.

— Ты же говорил, что ничего не боишься. Больше не говори так, — сказал Сосурук.

Пока они разговаривали, эмеген направился к камню. Сосурук повернулся к эмегену и сказал:

— Эй вы, умные, мудрые [эмегены], погодите, ночи длинные, мясо сварится, покушаете, наедитесь. Умные, рассудительные, мы пришли к вам с делом, но вы не спрашиваете [о цели нашего прихода], вот мы и молчим.

Тут эмегены заспорили: одни требовали зарезать Сибилчи и только потом выслушать [Сосурука], другие настаивали сперва выслушать его. Все же согласились сначала послушать и разрешили Сосуруку говорить.

Сосурук сказал:

— Да вот, был у нас один пастух. Взялся он пасти три тысячи овец жителей аула. Однажды, когда он пас овец на склонах Минги тау, черные тучи заволокли все небо. Небо потемнело, засверкали молнии, загредел гром, сотрясая горы, содрогая землю.

После этого пошел сильный дождь с градом — о таком не говорится ни в хапарах, ни в таурухах. В это время пастух, чтобы спасти овец аульчан от града, загнал отару под бороду козла-вожака и сам спрятался там же.

Был бык, который пил воду из ледников на вершинах гор, а хвостом отгонял мух в степи, бык был такой огромный, что с трудом умещался в ущелье.

Когда этот бык, лежа на одном из склонов Минги тау, жевал жвачку, прилетел черный орел, схватил его, полетел и, сев между рогами козла-вожака, принялся клевать свою жертву. В это время пастух захотел узнать, перестал ли град, и взглянул на небо, тут ему в глаз попала соринка. До вечера пастух тер себе глаз. Вечером он пригнал отару домой. Загнав отару [в овчарню], пришел домой и обратился к матери:

— Мать, сегодня мне в глаз попала соринка, посмотри и проведи по глазу языком.

— Нет, в вечернее время водить языком по глазу плохая примета. Ты лучше сходи к известной в нашем ауле знахарке по имени — Сандырак, она что-нибудь придумает, — ответила мать и послала сына [к этой женщине].

Пастух явился к знахарке нартов Сандырак. Она осмотрела глаз пастуха и увидела в нем что-то наподобие белого хребта, похожее на снежные хребты Куфских гор и белую заснеженную равнину.

Девяносто девять человек с железными ломками, лопатами и метлами вошли

в глаз пастуха. Они долго возились и с огромным трудом вытащили из глаза лопатку [животного] и выбросили ее на [землю].

Утром какой-то мальчишка, выгоняя телят, наткнулся на лопатку, поднял ее и отбросил в сторону. Прошло много времени, на этой лопатке постепенно оседала пыль, земля, и [она] заросла травой. Со временем на ней обосновался большой аул. Прошло много сотен лет. Однажды жители аула заметили, что двери и окна их домов каждую ночь поворачиваются в другую сторону. Страх и тревога охватили жителей. Одни говорили, что это делают эмегены, другие утверждали, что все это происходит из-за землетрясения.

Наконец вокруг аула выставили охотников и дозорных. Однажды [они] заметили, что ночью прибежала лиса и начала грызть белый круглый камень, торчащий из обрыва на краю аула. Дозорные пустили стрелы и убили лису.

Собравшись всем аулом, содрали шкуру с одного бока лисы. Снять [шкуру] с другого бока, как ни старались, не смогли, так как им не под силу было перевернуть лису. И ушли они, не содрав вторую половину шкуры лисы.

Содранной половины [шкуры] лисы хватило всем мужчинам аула на шапки. Как-то однажды женщина из соседнего аула гнала утром коров и телят на выпас, крутя свое веретено, и наткнулась на труп лисы, у которой шкура была снята только с одного бока.

«Почему ушли, не содрав вторую половину?» — удивилась она и, веретеном повернув лису на другой бок, сняла оставшуюся половину шкуры. «Может, этого хватит на отделку шапки моего сына?» — подумала она и понесла [шкуру] домой.

Женщина выделала половину лисьей шкуры. После выделки, как [она] ни старалась, половины шкуры не хватило [даже] на отделку шапки ее сына.

[И вот] среди нартов пошли споры, кто больше: бык, орел, козел-вожак, женщина или ее веретено, лиса или половина шкуры, которой хватило на шапки всем мужчинам аула, или голова сына женщины?

[Никто не может] доказать, [что больше], из-за этого нарты передрались между собой и, [пожалуй], поубивают друг друга.

Вот поэтому старейшины и решили: «Идите к эмегенам, они очень умные, и только они могут разрешить спор», — [так] сказав, они послали нас. [Но] вы не спрашивали, и поэтому мы молчали до сих пор, — сказал Сосурук.

Тогда эмегены, насупив брови, посмотрели друг на друга. Начались споры. «Этот больше, тот больше», — утверждал каждый. Спор разгорался, и началась драка. [Это] все происходило в одной из пещер Куфских гор. Чтобы нарты не сбежали, эмегены завалили выход из пещеры огромным камнем. Во время драки кто-то из эмегенов случайно задел ногой этот большой камень, он откатился от входа в пещеру, и эмегены выбежали из пещеры.

Тут они стали вырывать деревья с корнями и, нанося ими удары друг другу, приблизились к самому краю пропасти и свалились в глубокое ущелье.

Тем временем нарты, захватив все богатство эмегенов, спокойно ушли в свой аул.

101. СИБИЛЬЧИ

Ой, нарты вышли [в путь-дорогу] радостные,

Полакомившись барсучьим мясом,

Встали и отправились в путь.

Дошли до стада коров.

5 Не было здесь пастуха,

Кто их пасет, не знают.

До вечера коровы паслись,

- [Вечером] к пещере [стадо] направилось.
Оставив своих спутников,
10 Со словами: «Аланы, посмотрю:
Если живут там люди,
Нас в гости примут», —
Ушел в кош Сибильчи.
Вышел [ему навстречу] эмеген.
- 15 На лбу один глаз [горит].
Было льстивым каждое слово его.
[Он] завел [Сибильчи] в пещеру,
Закрыв вход скалой,
Развел костер,
- 20 Нашел железный вертел
С острым, как гвоздь, концом.
«Тейри послал, — сказал, — человеческий шашлык!»
Когда вертел стал ярко-красным,
Эмеген повернулся, чтобы подложить дров [в костер],
- 25 Сибильчи схватил раскаленный вертел.
И вонзил в [единственный] глаз эмегена.
Эмеген ослеп.
До утра метался [эмеген] по пещере в поисках [нарта],
А Сибильчи уже не боялся эмегена,
- 30 Но выйти из пещеры не мог.
Как теперь ему отодвинуть скалу?
Наступило утро. Когда солнце взошло,
Коровы стали мычать.
Эмеген немножко отодвинул скалу,
- 35 Каждую корову выпускал, ощупав.
Сибильчи остался внутри [пещеры].
Эмеген опять стал его искать.
Когда наступили вечерние сумерки,
Он костер развел.
- 40 Сибильчи бесшумно
Положил в огонь тот же вертел,
Вертел стал ярко-красным.
[Когда] эмеген приоткрыл дверь, [чтобы стадо впустить],
Сибильчи, подкравшись сзади,
- 45 Воткнул [в него] раскаленный вертел.
Бросив скалу, эмеген к Сибильчи кинулся.
[А тот], нацелившись, вонзил [вертел в его ослепший] глаз и
выбежал наружу.
- Он очень боялся,
Что эмеген догонит его.
- 50 Бежал так, что дух перехватывало.
До своих спутников добежал,
Изнемогая от голода и жажды.
Из этого ущелья [нарты] ушли
[И] добрались до места, где ночевали [накануне].
- 55 Их костер давно потух.
Они разворошили золу
И достали сваренное в желудке мясо¹.
Оно было доведенным до готовности
Так, чтобы человек с удовольствием [его] съел.

- 60 Не дождавшись утра, [нарты] в дорогу отправились.
Измучившись от быстрой езды,
Добрались до высушенной [ими] медвежатины.
Половину ее съели птицы.
[Нарты] подобрали то, что осталось.
- 65 Пожарили сушеное мясо [и посла].
Чабыры их порвались, износились.
Они замочили высохшую медвежью шкуру,
Сделали [из нее] меховые чабыры.
Отдохнув там один день,
- 70 Уставшими, измученными
Возвратились в свой нартский аул.
Увидели живым-здоровым [нартский] народ.

Приложение I

(НАРТЫ И ВЕЛИКАНЫ)

Буйная кровь девятнадцати братьев-богатырей не позволяла им долго засиживаться дома. И вот собрались они в наезд. Поехали, ездили долго и наконец забрались в такой дремучий лес, что из него нет никакой возможности выбраться. Долго бедствовали надры; наконец однажды один из них, вскарабкавшись на вершину самого высокого чинара, заметил невдалеке дымок, явный признак человеческого жилья. Братья отправились по этому направлению и действительно скоро достигли великолепного, но по своим громадным размерам чудовищного замка. Они взошли в него, в комнатах так было все исполински велико, что поразило их: на очаге на вертеле остался целый олень; ковши, наполненные вином, вмещали в себе более ведра каждый; но хозяев нарды не нашли, хотя и обыскали весь замок. Как истые богатыри, они, долго не задумываясь, тотчас же вступили в права хозяев и с голоду отдали честь всем напиткам и яствам, которые только нашлись в замке. Отдохнули, опять подкрепились, но вечером, когда уже собирались лечь спать, они услышали страшный шум, как будто бы целое стадо буйволов бежало прямо к их замку. Действительно, в комнаты к ним вошли владельцы замка — великаны. Каждый из них нес за спиною по оленю или буйволу и на плечах по целому чинару, вырванному с корнем (для топлива).

— А! Здравствуйте, гости дорогие! Очень рады вашему приезду и благодарим, что вы, следуя нашему закону, сами распорядились устроиться в нашем замке; теперь мы вас считаем за своих гостей, и все, что есть у нас, должно быть к вашим услугам.

Сначала струсил было нарды, но затем, видя гостеприимство хозяев, они ободрились и зажили на славу. Каждый день с вечера, когда придут великаны и принесут свою добычу с охоты, у них идет пир горой, а на день великаны, отправляясь на охоту, их запирают. Так прошло девятнадцать дней, на двадцатый великаны приходят с охоты с пустыми руками. «Нечего есть, охота не удалась, — говорят они. — Ну, гости дорогие, мы вас угощали, а теперь оплатите же и вы за наше гостеприимство».

Котел уже повешен, вода кипит в нем... Братья переглянулись, поняли, в чем дело.

— Как вы хотите? Мы ли выберем, или вы сами бросите жребий? — спрашивали великаны.

Посоветовались братья и решили, что надо начинать с самого младшего.

Младший разделся, лег около очага и уже один из великанов занес нож, чтобы резать его, как предпоследний брат (самый хитрый из всех) обратился к великанам с такой речью:

— Собраты! Мы вот все время, пользуясь вашим гостеприимством, только пировали с вами, а о деле, по которому мы приехали к вам, еще не сказали вам ни слова. Мы — послы от нашего народа, который, будучи наслышан о вашей мудрости, прислал нас затем, чтобы вы разрешили наш спор.

Все великаны тотчас же обратили внимание на речь нарда, и тот, который уже занес нож на свою жертву, тоже оставил ее и присоединился к прочим, чтобы выслушать речь нарда.

— Дело вот в чем: далеко от нас, на Волге, пасся огромный бык, такой большой, что он с одного берега реки мог щипать траву на другом; но однажды прилетел орел, схватил и унес этого быка в горы с тем, чтобы позавтракать им; долетел он и сел, думая, что на скалу, а вместо того — на рог козла и стал есть свою добычу. Козел даже и не почувствовал, что на его роге обедает орел. Погода в это время была дождливая, и пастух, пасший коз, скрывался под бородой козла, но как-то нечаянно, желая взглянуть, не разъяснивает ли, он раздвинул бороду козла и взглянул на небо. В это время ему попала какая-то соринка в глаз. Как ни бился пастух, ничего не может поделать; должен был пойти домой и просить свою мать, чтобы та вылизала ему языком соринку из глаза. Мать сделала это и, конечно, соринку бросила. Впоследствии оказалось, что соринка эта была лопатка нашего быка, которую уронил орел во время своего завтрака. Прошло много лет, кость покрылась землею, люди обработали эту землю и поселились на ней целым аулом.

Долго ли, коротко ли жили они, но вдруг стали замечать, что у них делается по ночам нечто вроде землетрясений и, кроме того, аул их каждую ночь поворачивается, так что если вчера где был восток, то сегодня уже на этом месте юг, дальше запад и т. д. Возмутился народ, собрали сходку, судили, рядили и в конце концов постановили, чтобы на ночь ставить караул. Как сказано, так и сделано, и в первую же ночь караульные заметили, что к ним подходит громадная лисица и что-то роется и теребит под землею. Оказалось, что она нашла лопатку быка, которую мать пастуха выбросила вместо соринки. Что делать? Порешили всем миром подстеречь лисицу и убить ее.

Вооружился стар и млад, охотники на ночь засели и действительно убили лисицу. Наутро стали сдирать с нее шкуру. Один бок содрали, порезали, и оказалось, что на все село хватит каждому на хорошую шапку. Поделили. Другой бок остается в чистых барышах и продать можно. Но чтобы снять шкуру, лисицу нужно перевернуть. Весь аул маялся, маялся целый день и не мог даже с места стронуть эту тушу, но вдруг приходит какая-то старуха, посмотрела, посмотрела и веретенком совершенно легко перевернула лисицу. «А, — говорит, — да из этой шкуры на полшапки хватит моему сыну». Содрала шкуру и ушла.

Вот теперь, мудрые великаны, наши одноземцы, не умея сами решить дела, а наслышавшись о вашей мудрости, и послали нас к вам, просить вас, чтобы вы разрешили вопрос: кто был больше и сильнее? бык ли, орел ли, козел ли, пастух, мать пастуха, лисица, старуха или ее сын? Мы ждем ответа от вашей мудрости.

Великаны призадумались. Каждый из них был особого мнения, и между ними завязался спор: один отстаивал свое, другой — свое, образовались партии, а как всегда в такого рода спорах бывает, страсти разгорелись, и дело дошло до драки. Помещение не позволяло развернуться исполинским силам, и они выбежали в поле. А нарды между тем, воспользовавшись этим, выбежали из замка, вскочили на своих летучих коней и все благополучно прибыли домой.

ЭМЕГЕНЫ

Однажды три нартских богатыря, Урызбек, Сосуко и Гиляхсыртан Злоязычный, отправились на охоту по непроходимым кавказским лесам, где было множество всяких зверей. Но на этот раз как-то им не посчастливилось и охота их была неудачная. Пробродив целый день безуспешно и сильно утомившись, они должны были с пустыми желудками остановиться на ночлег. Осматриваясь во все стороны, к большому своему удовольствию, они увидели недалеко зарево горящего костра и решили отправиться туда, чтобы воспользоваться хоть чужим гостеприимством и чем-нибудь подкрепить свои упавшие силы. Подъехав к горящему костру, они, к ужасу своему, увидели двух громаднейших эмегенов, сидевших около огня и пожиривших своими огромными зубами оленя в сыром виде; в стороне же лежало еще немалое количество убитых оленей.

При виде таких чудовищ нарты оробели, не зная, на что решиться. Однако уйти было уже поздно, так как они сами были замечены ими. Тогда нарты, чтобы не обнаружить перед эмегенами своей трусливости, смело подъехали к ним и, проговорив обычное приветствие, объявили себя их гостями. Обрадованные эмегены предложили им слезть с лошадей и разместиться вокруг огня. Затем, исполняя священный долг гостеприимства, они зажарили им самого жирного оленя.

Удивленные таким оборотом дела, нарты ободрились и, отлично поужинав, спокойно улеглись спать. На другое утро эмегены объявили своим гостям, что, по их давно заведенному порядку, всякий заезжий гость должен безотлучно находиться у них не менее трех дней. Поэтому, во уважение к своим законам, они требовали от нартов беспрекословного во всем повиновения себе и грозили, что накажут смертью того из них, кто попытается уйти отсюда.

Нарты хорошо сознавали свое бессилие перед этими грозными великанами и потому волей-неволей должны были покориться своей судьбе и в бездействии провести три дня в гостях у чудовищ. В течение первых двух дней эмегены с большим усердием угощали своих кунаков, но на третий сказали им:

— По нашим мудрым законам мы окончили свое двухдневное угощение; теперь законы наши предписывают гостям в свою очередь угощать премудрых эмегенов¹. А так как с вами ничего нет, кроме ваших безобразнейших лошадей, то мы сначала примемся за них, а затем, пожалуй, очередь дойдет и до их глупых хозяев.

Сказавши это, они тотчас же с жадностью набросились на лошадей и, связавши их как ягнят, стали пожирать живьем. Терзая их своими крепкими, как сталь, зубами, они с ног до головы обагрились кровью, отчего стали еще более безобразными и ужасными.

Управившись с лошадьми, они было хотели уже полакомиться самым излюбленным для них блюдом — человеческим мясом, для чего уже связали самого младшего из нартов — Гиляхсыртана; но его товарищи, видя и свою неизбежную гибель и пользуясь несообразительностью и глупостью своих врагов, пустились на хитрость как последнее средство для своего спасения.

— Благоразумнейшие и мудрейшие эмегены! — сказали они. — Мы приехали к вам по одному важному делу, не объявляли же вам о нем потому, что вы нас не спрашивали.

Эмегены, польщенные словами нартов, вдруг остановились и обратились в слух, приказав им рассказать, в чем состоит их важное дело.

Урызбек, как старший из нартов, начал так:

— У нас между нартами издавна остаются нерешенными три вопроса, которые

производят постоянные ссоры и драки между нами. Чтобы положить конец всем этим несогласиям, нас послали к вам, как мудрейшим из всех живущих на земле, просить решить их и тем водворить в среде нартов мир и согласие. В этих вопросах заключаются следующие три вещи: молоток, долото и угольные щипцы. Что из этих трех вещей первым изобретено и появилось в свет?

Эмегены на минуту призадумались. Потом один из них, поднявши голову, с торжеством сказал:

— Глупы вы и ваши собраты! Первым изобретен молоток!

Второй же, чтобы не уступить первенства своему товарищу и показать перед нартами свою мудрость, назвал долото. Вследствие этого у них завязался сильный спор, перешедший потом в страшную драку, причем они ожесточились до того, что начали вырывать с корнями громадные деревья и награждать ударами друг друга, забыв в своей ярости все окружавшее.

Между тем наши хитрецы, пользуясь ожесточенной борьбой чудовищ, развязали своего товарища и скрылись в дремучем лесу, оставив далеко за собою страшный шум и треск вековых деревьев, ломавшихся в сильных руках эмегенов, и нечеловеческий визг их самих, по глупости оспаривавших силою друг у друга первенство в мудрости.

Приложение 3

КТО СИЛЬНЕЕ?

Однажды четверо нартов, Шабельчи, Рачкау, Гиляхстан и Сосруко, поехали на лошадях в лес. Завидели они, что из чащи лесной поднимаются к небу клубы дыма, и захотелось им узнать, кто живет в этом лесу. Направились они к тому месту, откуда был виден дым. Подъезжают они к громадной пещере и видят — четыре эмегена греются около костра.

— Здравствуйте, эмегены! — проговорили нарты.

— А, здравствуйте, охотники! — весело отвечали эмегены. — Просим вас пожаловать к нам в гости. — И эмегены поспешили окружить нартов.

Не по душе было нартам приглашение эмегенов, но они приняли его: все равно убежать от них им не представлялось никакой возможности. Въехали нарты в пещеру, слезли с лошадей, а эмегены завалили вход в нее скалами. Пригласили эмегены гостей садиться на камни, расставленные около одной из стен пещеры. Шабельчи, Рачкау и Гиляхстан сели на камни и не могли встать с них, точно приросли к ним. Только один Сосруко не садился, как эмегены его ни упрашивали: он ссылался на то, что он моложе всех и сидеть в присутствии старших ему, по обычаю, нельзя¹. Зарезали эмегены большого козла, зажарили и угостили гостей. Закусили гости и улеглись спать; легли и хозяева.

Наутро эмегены говорят нартам:

— Мы вас угощали, — теперь вы угощайте нас. Будем чередоваться: один день мы будем вас угощать, а другой — вы нас.

Нечего было делать нартам: зарезали они лошадь и угостили эмегенов, а на следующий день эмегены — их.

В очень короткое время поели эмегены лошадей нартов и говорят им:

— Так как лошадей у вас нет, а без пищи мы не можем быть, то режьте одного из своих товарищей и угощайте нас.

И, не дождавшись, когда нарты зарежут одного из своих товарищей, эмегены схватили Шабельчи и приготовились резать его. Тогда Сосруко сказал им:

— Обождите немного, эмегены. Я должен вам сказать, что зашли мы к вам не случайно. Нас послали к вам нарты, чтобы вы разрешили один вопрос.

Слушайте внимательно. Был у нас такой большой бугай, что задними ногами стоял в море, а передними на лугу. Прилетел орел, схватил этого бугая и унес его вверх. («Боишься ли ты, Шабельчи?» — спросил Сосуруко, давая этим знать своему товарищу, чтобы тот не опасался за свою участь.) Пасся в степи козел; принес орел бугая и положил на рога этому козлу; козел, не чувствуя тяжести на рогах, по-прежнему спокойно продолжал щипать траву. Пошел дождь, и пастух укрылся от него под бородой козла. Начал орел есть бугая и уронил ляжку его, которая попала прямо в глаз пастуху. Пастух же подумал, что в его глаз попала маленькая соринка. Пришел он домой и попросил двух своих товарищей вымести из глаза эту соринку. («Боишься ли ты, Шабельчи?» — опять спросил Сосуруко своего товарища.) Взяли товарищи метлу и лопату и выбросили из глаза пастуха ляжку бугая, которая от падения глубоко закопалась в землю. Со временем на этой ляжке поселился аул нартов.

Однажды ночью пробралась лисица к этому аулу, раскопала землю и потащила ляжку бугая, от чего половина аула опрокинулась, сакли разрушились, и много нартов погибло под их развалинами. Всполошились уцелевшие нарты и кинулись в погоню за лисицей, догнали и убили ее. Сняли они с одного бока лисицы шкуру и из нее в течение года всем родившимся детям шили шапки. Другой же бок лисицы оставался неободраным, потому что лисица была так громадна, что все нарты не могли перевернуть ее. Однажды одна женщина выгнала в степь пастись теленка и увидела труп лисицы.

— Надо содрать шкуру с этой лисицы, из нее я шапку сошью для своего сына, — подумала эта женщина и веретеном повернула лисицу на другой бок и сняла с нее шкуру. Но этой шкуры не хватило на шапку ее сыну. («Боишься ли ты, Шабельчи?»)

С тех пор нарты собираются вместе и никак не могут решить, кто сильнее: бугай, орел, козел, пастух, лисица, женщина или ее сын? Вот они и поручили нам попросить вас разрешить их спор. Решите его, если можете! — закончил речь Сосуруко.

Заспорили между собой эмегены: один говорил, что сильнее всех бугай, другой — козел, третий — лисица, четвертый — женщина. Спорили-спорили, затеяли между собой драку, в которой и поубивали друг друга камнями. Нарты же, забрав из пещеры эмегенов все их имущество, благополучно возвратились домой.

102. КАК НАРТЫ СПАСЛИСЬ ОТ ЭМЕГЕНОВ

Однажды нарты Ёрюзмек, Сосурук, Алауган и Ногайчык каким-то образом оказались пленниками эмегенов. Те бросили их в глубокую яму и, чтобы они не смогли сбежать, огородили ее. Три дня и три ночи просидели нарты без воды и пищи в этой яме. На четвертый день Ёрюзмек сказал:

— Что же нам теперь придумать? Только обманув эмегенов, мы сможем выбраться из этой ямы. Но эмегены [моим словам] не поверят. Я много крови им попортил. На многих из них я испытал остроту своего копыя.

— И мне они не поверят, — сказал Сосурук. — Я на шеях многих из них испытал остроту своего меча. Много раз я добывал у них для нартов огонь, много раз по осени угонял их скот.

— Я тоже не могу сказать, что они мне поверят. Я ведь брал в жены и потом оставлял многих их девушек. Часто ходил на охоту в места, где они охотятся. [Встретив кого-нибудь из них], я уходил, привязав его к дереву, — сказал Алауган.

Последний из них — Ногайчык — так сказал:

— А я, [кажется], что-то придумал. Если эмегены мне поверят, по-моему, мы сможем спастись.

— Говори, говори!— закричали нарты.
— Все, что нужно, я скажу нашим врагам,— ответил Ногайчык.
— Нет, ты сперва нам Расскажи, сперва мы тебя послушаем,— возразил Ёрюзбек.

— Ну хорошо, слушайте,— начал Ногайчык.— [Эмегены] очень любят звуки кобуза, свирели и харса¹. Мы должны выбраться отсюда и устроить им той. А что нам дальше делать, мы потом вместе что-нибудь придумаем.

Эмегены согласились посмотреть на той нартов и вытащили их из ямы.

Алауган быстро из тростника сделал себе свирель. Ёрюзбек, взяв волосы из хвостов черных жеребцов, смастерил себе кыл кобуз². [Когда они начали играть], Сосурук взял два камня и стал стучать ими харс, [а Ногайчык пустился в пляс]. Эмегенам настолько понравилась пляска Ногайчыка, что они сами стали хлопать в ладоши.

Старший [же из эмегенов] сказал: «Накормите их». [Нарты послаи и снова начали той.]

Когда стемнело, туда подошли шайтаны и, присоединившись к их пляскам, стали очень красиво танцевать. Эмегены так громко хлопали, что казалось — это гром гремит.

Ёрюзбек, оставив в стороне свой кыл кобуз, вошел в середину [танцующих] шайтанов и, подхватив одну красивую бесовку, [пустился с ней в пляс]. Танцуя, он поведал ей обо всем и попросил [ее] помочь им. Она была [не только] красивая, но и мудрая бесовка. Пообещав им помочь, она предупредила:

— Только вы до самого утра не прекращайте свой той.

Ближе к рассвету шайтаны приняли облик Ёрюзбека, Сосурука, Алаугана и Ногайчыка и стали продолжать той дальше.

А нарты тем временем вошли в реку, протекавшую рядом, переплыли ее и [так] спаслись [от эмегенов].

На рассвете и шайтаны исчезли оттуда. Эмегены [от злости] стали драться и убивать друг друга. Но искать нартов они не отважились.

103. НА ОХОТЕ

Трое нартских батыров отправились на лисью охоту, говорят.

Они все вооружились и [отправились], говорят.

Старший из них — большеглазый Ёрюзбек, говорят.

Средний — не всегда верный своему слову Сибилчи был, говорят.

5 А младший — железнотелый Сосурук, говорят.

Все трое на лисью охоту пошли, говорят.

Черной лисицы искали [они] след, говорят.

Место, где она спит ночью, стерегли, говорят.

Дорогу, где она ходит, сторожили, говорят.

10 Дорогу, где она ходит, стерегли, говорят.

Уступы скал — места, где она ходит, говорят.

Ступенчатые скалы — места, где она ночью спит, говорят.

Горные ущелья — места, где она ходит, говорят.

Нарты скакали, искали, говорят.

15 [И] на след черной лисицы напали, говорят.

До вечерних сумерек искали, говорят.

Долго искали, запозднились, говорят.

Ночь наступила, темно стало, говорят.

В темноте не виден след лисицы, говорят.

20 Куда и как идти, [они] не знают, говорят.

Но темнота не пугает нартских батыров, говорят.

- Дальняя дорога их не утомила, говорят.
Ночью решили там остаться, говорят.
Не сомкнув глаз, встретили [они] рассвет, говорят.
- 25 Их тюфяк — горные камни, говорят,
Их одеяло — белые облака, говорят.
Луки [они] повесили на выступы скалы, говорят.
Их сердца сейчас тревожит [только] черная лисица, говорят.
Не могут заснуть джигиты, [с нетерпением] рассвета ждут, говорят.
- 30 [На рассвете] не спеша еще раз осмотрели [они] всю округу, говорят.
Наконец на [одном] утесе заметили черную лисицу, говорят.
Все трое, не жалея сил, погнались за ней, говорят.
Все трое одновременно натянули луки, говорят.
Все трое одновременно в глаз [лисицы] прицелились и пустили стрелы,
говорят.
- 35 Потом подбежали к черной лисице, говорят.
[Все] трое свои стрелы увидели в лисьем глазу, говорят.
Быстро содрали с нее шкуру, говорят.
И тут же нарты начали спорить, говорят.
Так и не поделив [шкуру], вернулись в страну нартов, говорят.
- 40 Разделить шкуру [они] доверили билгич Сатанай, говорят.
— Спорить из-за шкуры на одну шапку не к лицу [нартам], — говорит, —
Из-за нее нельзя переступить нартский обычай, — говорит, —
Лисью шкуру отдайте в общее добро нартов, — говорит, —
И спор между вами закончим на этом, — говорит.
- 45 [Так] эта дорогая [шкура] ¹ досталась всем нартам, говорят.
И три брата остались довольными этим [решением], говорят.

104. НАРТ РАЧЫКАУ

Нартские [пастухи], перегоняя скот [нартов] на летние пастбища, остановились на берегу Адилья.

Кырс-бийче* и две ее служанки с кувшинами приходили к [другому берегу] Адилья за водой. Нартский пастух Ёребаш сказал своим товарищам:

— Кто из вас сможет переплыть на ту сторону [реки] и, побыв с одной из служанок Кырс-бийче, вернется обратно, тому я подарю триста валухов.

Юноша, который на год нанялся к Ёребашу пастухом, надул два бурдюка, взял их под мышки и бросился в Адиль. Переплыв на другой берег, он спрятался. Когда туда подошла одна из девушек — служанок Кырс-бийче, он выскочил и поймал ее. Сделав свое мужское дело, он переплыл [обратно] к Ёребашу.

Когда девушка — служанка Кырс-бийче вернулась, Кырс-бийче спросила ее:

— Эй, негодная девушка, почему ты вся растрепанная?

— Ой, бийче, с одной стороны луна,

С другой стороны солнце меня осветили.

На мой подол пастушья собака помочилась, — ответила служанка.

Потом эта служанка стала считать дни и месяцы и родила мальчика. Испугавшись Кырс-бийче, она завернула его в мелте*, положила в сундучок и бросила в Адиль.

Бадинат, сын Шубадина, рыбаком был. Бадинат, сын Шубадина, выловил из реки [этот] сундучок. Когда он и его товарищи стали делить улов, те сказали:

— А сундучок пусть будет твоим, отнеси домой, пригодится твоей бездетной жене иголки, нитки класть.

Принес он [сундучок] домой, [открыл] — а там хорошенький младенец.

«Вот и послал нам Тейри счастье!» — обрадовались они [с женой]. Потом они решили о ребенке никому не говорить. Жена же его, обмотав свой живот тряпками, дала всем знать, что она ждет ребенка. Через некоторое время всех облетела новость: «Жена нарта Бадината сына родила». Мальчику дали имя Рачыкау.

Рачыкау вырос и стал большим. Однажды он попросил у своего отца Бадината: «Позволь мне постранствовать». Отец не хотел его отпускать, но он уехал.

Служанка Кырс-бийче, когда увидела, как он ехал [на коне], пришла и сказала:

— Ох, бийче, по долине едет один всадник,
Комья, летящие из-под копыт [его коня],
Над [всадником, словно] птицы, пролетая,
На землю падают.

5 Под брюхом [коня] за цы скачут.

Дыхание коня, в ветер превратившись,
Деревья, леса валит.

Бийче так ее научила:

— Если это так, пойди и подожди, пока он подъедет. Когда он скажет: «Добрый день», ты ответь: «Спасибо, здравствуй, добро пожаловать! Завернешь

[к нам, будут тебе] мои алгыши, не завернешь — [будут тебе] мои каргыши. Пусть и те и другие сбудутся!»

Рачыкау сказал служанке:

— Я заеду к вам, если вы дадите мне напиться.

Вынесли и подали ему большую чашу с сырой. Осушив ее, он сказал:

— Если бы вы мне дали еще одну [чашу сыры], я бы слегка утолил свою жажду.

Кырс-бийче на это сказала:

— Если теперь мы ему дадим вторую чашу сыры, он один, словно целое стойбище, объест нас. Не давайте, скажите, что [больше] нету.

И ему не дали второй чаши [с сырой]. Рачыкау, проехав их, отправился к нартам.

В пути он встретил трех эмегенов, которые состязались в толкании камня.

— Эй, сын человеческий, иди к нам. Вот возьми и [ты тоже попробуй] толкни, — сказали они и протянули ему камень величиной со стог.

— Разве это камень? — сказал [Рачыкау] и, схватив огромную скалу, [так] швырнул ее, что она перелетела на другую сторону гор.

Покинув их, Рачыкау въехал в аул нартов. Там он увидел, что нарты остались без еды, воды, детей и скота. Нарты пожаловались ему:

— Эмегены захватили истоки наших [рек]. Они оставили нас без нив, скота и детей. Семиглавый эмеген перегородил нашу реку. Он не дает нам воду для питья и полива [пашен]. Чтобы получить воду, мы должны давать ему [каждый] день одного ребенка, одного коня и одну корову [или быка]. От его бормотания и храпа мы не можем спать. Когда он испражняется, наши жилища рушатся. От грохота, который он при этом издает, горы гудят. От его зловония весь мир содрогается.

Рачыкау, услышав жалобы нартов, наточил свой меч. [Потом], на небо взглянув, у Тейри Неба, на землю посмотрев, у Тейри Земли, к реке подойдя, у Матери воды помощи попросил и отправился [вверх] по берегу высохшей реки, дно которой было покрыто черным песком.

Шел он, шел и увидел, как из расщелены одной большой скалы вытекает вода. Внимательно приглядевшись, увидел семиглавого эмегена, который лежал, заполнив всю теснину, и, по очереди прикладываясь своими семью головами к этой расщелине, выпивал всю воду.

И эмеген заметил идущего [Рачыкау]. Он сердито зарычал:

— Сын человеческий, ты зачем пришел без дани?

И тогда нартов сын Рачыкау сказал:

— Эй, семиглавый эмеген, народ, как людоед, уничтожающий, убирайся отсюда.

— Нет, не уйду! — отказался эмеген.

— Ну что — будем стреляться или бороться? — спросил Рачыкау.

— Хочешь — стреляй, хочешь — борись! — сказал эмеген и начал стрелять по Рачыкау. Стрела эмегена пробила шапку Рачыкау. Рачыкау выстрелил вторым. Его стрела вонзилась в единственный глаз [эмегена] на одной из его голов. Бросив стреляться, они начали бороться. Эмеген схватил и так швырнул Рачыкау, что тот по колени ушел в землю. Когда Рачыкау, подняв, бросил эмегена, тот по пояс ушел в землю. После эмеген бросил Рачыкау — и он в землю по грудь ушел. Когда наступила очередь Рачыкау, он изо всех сил ударил эмегена — и тот по шейные позвонки [всех своих семи голов] ушел в землю и не смог выбраться. [Рачыкау] одним ударом своего меча снес ему все семь голов.

Семь дней и семь ночей по руслу реки несся бурный кровавый поток, а после чистая вода потекла, которая очень обрадовала страну нартов.

105. НАРТСКИЙ ПАСТУХ СОЗУККУ
И БЁДЕНЕ

- Эй, в стране нартов жил Созукку,
Нартским пастухом был Созукку,
Эй, очень щедрым был Созукку.
Семь лет батрачил Созукку,
- 5 За эти семь лет баранов заработал Созукку.
Эй, на распутье семи дорог свой кош поставил Созукку,
Когда прошло семь лет, своих баранов сосчитал Созукку.
Эй, семь тысяч [голов] насчитал Созукку,
Эй, оттуда к берегу Адыла переселился Созукку.
- 10 [Когда] на берегу Адыла семьсот загонов построив,
Новый приплод овец получал Созукку,
Из нартского аула одна служанка,
Держа в руках два медных кумгана *,
Воду не из родников [возле аула] стала брать,
- 15 А к Адылу начала ходить.
Эй, она [с противоположного берега] пастухам рукой махала
и очень их этим злила.
Эй, в один из дождливых дней,
Когда пастухи в коше пускали ягнят к [овцам],
Эй, эта девушка с двумя медными кумганами
- 20 Опять к берегу Адыла пришла и стала пастухам рукой махать.
Эй, Созукку, девушку увидев, так сказал:
— Эй, эту девушку я каждый день вижу.
Эй, не зная, что делать, от злости умираю.
Эй, кто [из вас] Адыл переплывет,
- 25 Эй, кто [из вас], девушку поймав,
Сделает так, чтобы она больше сюда не возвращалась,
Эй, тому, выбрав из стада, сто годовалых [баранов] дам.
Эй, что бы ни пообещал Созукку, никто [из пастухов] не отважился
Адыл переплыть.
- И тогда сидевший поодаль
- 30 Один плешивый мальчик, попивая айран, сказал:
— Эй, Созукку! Если бы ты сто годовалых [баранов] мне дал,
Я бы разбушевавшийся Адыл переплыл,
Эй, и сделал бы с девушкой то, что ты просишь.
— Эй,— ответил Созукку,— ты слишком юн, Бёдене,
- 35 Эй, ты не сможешь Адыл переплыть и девушке ты не сможешь вреда
причинить.
— Эй, Созукку! Если не смогу переплыть — увидишь,
А если переплыву — отдашь [мне] сто годовалых [баранов].
Эй, Бёдене, в Адыл бросившись,
На другой его берег с большим трудом переплыл.
- 40 Эту девушку на берегу Адыла настигнув,
Сделал то, что нужно было, и обратно вернулся.
А служанка набрала воды и к Кырс-бийче отправилась.
Кырс-бийче: «Эй, бесстыжая,
Ты где так долго задержалась?» — спросила.
- 45 — Ах, бийче, [когда] я утром
В комнате для гостей постель гостя убирала,
Когда одну [половину] двери туда открыла, другую сюда открыла,
В меня солнечный луч проник,

- А мой подол пастуший пес обмочил.
- 50 Служанка понесла.
Подошел срок, и [она] красивого мальчика родила.
Хорошо обмотала его мелте, в вату завернула,
В сундучок [положила] и в Адыл его бросила.
Жена старшего сына нартов Чюмедия бездетной была, говорят,
- 55 Когда он шел по берегу реки, говорят,
Орлиный клетот услышал, говорят.
Удилище свое в Адыл бросив,
Чюмедий сундучок вытащил, говорят.
Открыл — внутри малыш с горящими глазами, говорят.
- 60 Ничего не сказав [о нем] своим сотоварищам [по рыбной ловле],
Крышку сундучка закрыл, говорят.
Своим сотоварищам так сказал, говорят:
— Сундучок я себе заберу, пригодится моей старой жене нитки, иголки
класть.

Рыжий Чюмедий пришел домой и сказал жене:

— Жена, [посмотри], ты, не утруждая себя, сына заимела. Обвяжи свой живот тряпьем и объяви всем, что ты понесла. Они отправили в страну нартов счастливую весть: «Жена Чюмедия понесла». Не успела до нартов первая счастливая весть дойти, как следом вторая весть прилетела: «Жена Чюмедия сына родила». Все были очень удивлены.

Ребенку дали имя Рачыкау. Он подрост и начал играть с детьми в альчики. Когда он выигрывал у мальчиков их альчики и они начинали его просить: «Именем твоего отца Чюмедия заклинаем, верни наши альчики», он отвечал: «Я их выиграл, клянусь своим отцом Бёдене, я не отдам вам их».

106. РЫБАК БЁДЕНЕ И РАЧЫКАУ

Во времена нартов жил человек по имени Рыбак Бёдене — мужчина, у которого не было ни семьи, никого. Рыбак Бёдене ловил удочкой рыбу на берегу реки Терек. Ловить рыбу Бёдене всегда ходил с одним и тем же напарником — юношей-ездовым. С утра до обеда Рыбак Бёдене удочкой добывал полную арбу рыбы, его напарник складывал ее на арбу и увозил домой.

Еще в том месте, где Рыбак Бёдене ловил рыбу, на берегу Терека, жили девять братьев. У них была единственная сестра. Не было в мире ничего, чтобы они не приносили своей сестре, они так сильно ее любили, что поили ее молоком дичи. И девушка была как солнечный луч, удивительным существом.

И вот однажды пошел Рыбак Бёдене к месту напротив [того] дома, где жила эта девушка, чтобы ловить удочкой рыбу.

Закинул он свою удочку и стал ловить рыбу напротив этого дома. Удивленная девушка послала свою служанку:

— Иди и приведи ко мне этого человека. Тот, кто посчитал себя смелее моих братьев, не побоялся, пришел сюда и ловит рыбу, пусть принесет все, что поймал!

Пошла служанка к Рыбаку Бёдене и сказала, чтобы он взял то, что поймал, и пошел к бийче.

— У твоей бийче не хватит богатства, это такая дорогая штука! — пошутил Рыбак Бёдене и отослал [служанку].

— Тобаста *, я узнаю все же, что это такое, на что у меня не хватит богатства! Иди принеси то, что поймал этот человек! — сказала бийче той же служанке.

Не захотел рыбак отдать то, что он поймал. Опять [служанка] пошла, опять [рыбак] не захотел [отдать].

— Пусть бийче,— сказал рыбак,— отдаст мне тьюме *, кямар *. Отдаст — пойду сам, понесу и покажу.

Пошла служанка и передала бийче, что сказал рыбак.

— Позови его, отдам все, что он просит,— сказала бийче.

— Сначала принеси их сюда,— сказал Рыбак Бёдене.

Тогда служанка пошла, принесла самые приметные вещи этой девушки — тьюме, кямар — и отдала Бёдене.

Рыбак Бёдене понес четыре-пять рыбин и, нанизав их на рогатину, пожарил докрасна (а форель бывает вкусной). Девушка с удовольствием съела. Съела и спросила Рыбака Бёдене:

— Как ты не побоялся моих братьев и пришел сюда ловить рыбу?

Рыбак Бёдене сказал девушке:

— Ты думала, что нет человека смелее твоих братьев, но я смелее их. Выходи за меня замуж.

Девушка разглядела в нем действительно смелого человека. Известная всем единственная сестра девяти братьев взяла и стала женой Рыбака Бёдене.

Братья ее рассердились за то, что их сестра, которую они так баловали, [без их согласия] стала женой рыбака, и прокляли девушку. Самого старшего из девяти братьев звали Соджук. Его сердце так сильно болело из-за поступка сестры (говорят, что в мире не было [человека] умнее его), что [он] сошел с ума. После этого, забыв о сестре, братья стали искать ему лекарство. На свете не осталось места, где бы они не побывали.

А Соджук, встав рано утром, сделав из белых камней белых овец, из черных камней черных овец, играл ими до вечера. Из мелких камешков он делал ягнят и заставлял их сосать «овец».

Наконец братья стали искать и нашли одну карт куртху.

— С чем он играет? — спросила их карт куртха.

— Вот так и так,— рассказали братья.

Карт куртха сказала им:

— На берегу Терека сделайте семь загонов, чтобы в них могли вместиться семь тысяч овец. Постройте так же кош, сложите туда провизию на десять лет. Подбросьте щенка, который еще не умеет лаять, мальчика, который только начал разговаривать, лет десять вы туда не ходите. И еще в эти загоны бросьте по шесть овец и по одному хорошему барану... Пусть Соджук проживет там сам десять лет... Пока ребенок и щенок будут расти, набираться ума, и к нему будет возвращаться ум.

Сделали все так, как сказала карт куртха. Сплели [плетни для] семи загонов, сделали кош, натаскали еды. Бросили туда щенка, не умеющего лаять, и мальчика, только начавшего разговаривать. Отвели туда Соджука и ушли.

Через десять лет собрались и пошли [туда]. Верно или неверно сказала эта женщина? Произошло ли это чудо?

Пошли — навстречу им выбежала злая собака. Собака встала перед ними и не пускала их ни в кош, ни назад. Потом из коша вышел красивый, рослый мальчик. Он привязал собаку.

Вошли: Соджук заметно пришел в себя, в загонах полно овец, все в порядке. Жившие в коше не знали, что надо было отделить яловых от обьягнвившихся овец — яловые и обьягнвившиеся [находились] вместе.

Юноши отделили яловых от обьягнвившихся [овец]. После этого в тот же день, когда [братья] находились [там], Соджук погнал яловых [овец] пастись в местность Кайын башы в верховье Терека. И сам ушел за ними, и собака [ушла] вместе с ним.

В то время в верховье Терска, если идти вверх от коша Соджука, жили нарты. Говорят, у жены одного нарта было шестьдесят служанок. Одну из них нартская женщина послала по воду. Когда она пошла по воду, за ней побежала ее собачка.

Как только псы, заметив собачку, окружили ее, пес Соджука с криком-воем разогнал других псов и остался наедине с собачкой. Увидев это, Соджук переплыл реку, схватил служанку и унес. После этого все разошлись.

Нартская женщина была прозорливой. Эта хитроумная женщина уже знала, что произошло между Соджуком и ее служанкой.

Служанка понесла от Соджука. Через некоторое время она родила удивительного ребеночка. Но [она] не знала, где держать ребенка. Не зная, что делать, пошла и бросила [его] в реку. Бросила в воду со словами:

— О Аллах, создавший меня, сделай так, чтобы этот ребенок попался на удочку Рыбака Бёдене!

Но [сначала] она напоила [ребенка] молозивом, положила в сундучок и [тогда только] бросила в воду Терска.

Сундучок плыл-плыл и к вечеру зацепился за удочку Рыбака Бёдене.

— Ярабий, что-то есть! — сказал [Бёдене], дернул — сундучок! Быстро открыл и посмотрел — ребенок. Обрадовался Бёдене и сказал:

— Аллах-создатель, что я хорошего тебе сделал? Я взял [в жены] единственную сестру девяти братьев, а она оказалась бесплодной... Думая, что исчезнет мой род, я убивался. И вот смотри, Аллах дал мне ребенка.

Он прижал ребенка [к себе], отнес его домой и рассказал обо всем жене. Он был очень рад.

Жена сказала:

— Да, это радость, но и головная боль!

Мальчика назвали Рачыкау. Женщина не знала, что ребенок родился от ее брата. Растили его, растили, он рос с каждым днем и скоро стал довольно большим. Не только его ровесники, но и [дети] постарше, объединившись, не могли с ним сравниться в силе, победить [его]. Таким сильным ребенком был Рачыкау.

И вот однажды он до слез обидел сына одной злоязычной женщины, и она сказала:

— Почему довел до слез моего сына, ты, которого нашли в воде?

Только она так сказала, Рачыкау пошел к матери:

— Мама, умираю с голода, покорми меня чем-нибудь!

— Что ты будешь есть? — спросила мать.

— Приготовь мне жареной кукурузы, — попросил [он].

Тогда мать поджарила кукурузу и поставила в фарфоровой тарелке перед мальчиком.

— Нет, не делай так, возьми и покорми меня из своих рук, — сказал сын.

Как только мать взяла в руку кукурузу и протянула ему, он сжал руку матери (курмач * бывает горячим, терпеть трудно).

— Скажи правду, где меня нашли? — спросил мальчик.

— Отец нашел тебя, новорожденного, в воде, — ответила женщина.

— У отца есть конь, седло?

— Есть! Вон трехногий пестрый конь.

[Мальчик] поцеловал мать, обласкал, чтобы не обиделась за то, что обжег ее горячей кукурузой.

— Скажи отцу, что я пойду вверх по реке, посмотрю на свет. Если мне суждено вернуться, вернусь. Посмотрю и на тех, у кого не нашлось для меня места и кто бросил меня в воду. Не беспокойтесь, — сказал мальчик.

Отправился он в путь, как и сказал. Когда [Бёдене] приехал на арбе, жена сказала Бёдене:

— А-а, когда я сказала, что ребенок, не рожденный нами,— это головная боль, [ты] не согласился... Сын взял твоего коня и твоё седло и ушел.

— Не бойся, он вернется! — сказал Бёдене.— Орленок ищет гнездо, откуда вылетел, сын настоящего мужчины охраняет очаг, где он вырос. Если мы сумели сделать из него человека, вернется в дом, где вырос, если воспитали плохим [человеком], останется там, где насытился. Но все же [скажи], куда [он] ушел.

— Вот туда ушел! — показала женщина.

После этого погнался, говорят, Рыбак Бёдене за сыном.

Догнал [он его] на рассвете. Смотрит: мальчик, [несмотря] на утреннюю прохладу, спит. Говорят, что его дыхание подняло Рыбака Бёдене вверх. И тогда Бёдене понял и то, что это не простой ребенок и что этот мальчик не будет жить во дворе такого простого мужчины-рыбака, как он, и то, что он рожден для героических дел. Его беспокоило, что он слишком рано, [еще совсем ребенком], отправился в путь. Разбудил [он его] с мыслью не отпускать из дому, пока не повзрослеет.

Проснулся Рачыкау и грустно вздохнул:

— Отец, ты пришел, чтобы отобрать своего коня и своё седло?

Бёдене, поняв по голосу, что [мальчик] не вернется, пока не попутешествует, пока не увидит мир, сказал:

— Нет, я пришел не для того, чтобы отобрать коня и седло. Я постарел, кто знает, увидимся еще или нет. Я пришел для того, чтобы дать тебе наказ и проститься. Ты идешь к нартам, идешь туда, где водится [хмельное] питье. Того, кто скажет: «Иди чего-нибудь поешь»,— не сторонись, к тому, кто скажет: «Заходи, будь гостем, поешь-попей»,— не ходи, не обманывайся.

— Хорошо! — сказал Рачыкау.

Помчался [он] к нартам. Жена того нарта, что была провидицей, знала, что он придет, и собрала нартов. Вышла, говорят, женщина навстречу Рачыкау.

— Заходи, сыночек, заходи домой! Прошу Аллахом, у меня есть готовая еда, поешь и пойдешь! — сказала [она].

Мальчик вспомнил завет отца и завернул к ним.

Завернул и видит: собрались нарты, около сорока-шестидесяти человек. Началось застолье. Подали чаши с бузой. У нартов был обычай: человеческие качества, силу пришедшего гостя испытывали питьем. Они, недооценив мальчика, захотели пошутить над ним и дали ему огромный гоппан сыра.

Не смея сказать «нет» старшим, Рачыкау быстро выпил сыра и сказал:

— Хорошее, только мало!

Заметив, что сыра не подействовала на него, что он сильный человек, эта женщина и ее муж решили усыновить его.

— Будь нашим сыном и погости у нас, отдохни перед дальней дорогой. Чтобы наша душа была твоей жертвой, мы будем относиться к тебе не хуже, чем к родному сыну,— попросили они вдвоем.

Мальчик не мог огорчить их, сказав «нет», он сказал «да» и некоторое время жил у них. Он, рассчитывая на свою огромную физическую силу и ум, стал вести себя [слишком] самоуверенно.

Настало время, когда он не давал слова сказать старшим.

Эта его привычка некоторым не нравилась, но они ничего не говорили ему.

Каким-то образом стало известно, что он родился от служанки, но никто ему об этом ничего не сказал.

В этом нартском ауле был один злоязычный человек по имени Злоязычный Гилястырхан, и благопожелания, и проклятия его исполнялись. [Однажды], когда

он с кем-то стал грубо разговаривать, Рачыкау оборвал его. Рассердившись и на него, Злоязычный Гиляstyrхан сказал:

— Является сюда всякий, родившийся от служанки, и ставит из себя кого-то, слова нам не дает [сказать]!

Услышав это, Рачыкау рассердился и погнался за Гиляstyrханом. Этот догонял, тот убегал, [и так] добежали они до крепости Злоязычного Гиляstyrхана.

[Гиляstyrхан] вбежал в крепость, все двери и окна позакрывал, а Рачыкау не смог найти ни двери, ни окна, чтобы войти.

Тут у Рачыкау остановилось дыхание, он растянулся перед дверью [на улице]. Без еды, без воды лежал там полных три месяца, никто не мог определить, мертв ли, жив ли он.

— Выходи, [он] умер! — крикнули Злоязычному Гиляstyrхану слуги.

— Ой, он не умер, разрежьте его пятку, если мозг посинел, то выйду, — сказал Злоязычный Гиляstyrхан.

— Почему ты не веришь нам?! У него [уже] тело сгнило, — ответили слуги.

Злоязычный Гиляstyrхан спустился из своей крепости, подошел близко к трупу Рачыкау и только стал снимать с него кольчугу, как Рачыкау ожил, вскочил и вытащил свою саблю.

А Злоязычный Гиляstyrхан побежал по направлению к своей крепости.

Рачыкау бросился за Злоязычным Гиляstyrханом, и, когда Гиляstyrхан стал входить в дверь, Рачыкау ударил его саблей и отсек ему макушку. Но все же Злоязычный Гиляstyrхан спасся бегством.

— Молния ударила, молния ударила, молния ударила! — закричал Злоязычный Гиляstyrхан.

Рачыкау, услышав эти слова Злоязычного Гиляstyrхана, сказал:

— Если у меня нет такой силы, как у молнии, я тут же умру! — сказав так, упал и тут же умер.

А Злоязычный Гиляstyrхан на то место головы, которое было отсечено саблей, сделал заплатку из меди. Говорят, что после этого он жил еще много лет.

Приложение I

РАЧИКАУ

Некогда Бёдене, русский переселенец, пришел к нартам; те радушно его приняли и выдали за него невесту без калыма. Бёдене поселился в ауле Кинте и занимался исключительно рыболовством. Когда он ходил на ловлю, его всегда сопровождали собаки «ызчи-самырла»¹ и за ним тащился всегда обоз в сорок повозок. В руках он постоянно держал медный крючок.

Одна княгиня имела сорок служанок и одну из них очень любила. Эта служанка вставала рано и каждый день ходила за водой к Джаным суйлары⁽²⁾ (к водам Джаным). Однажды она, по обыкновению, рано утром пошла за водой. Но тогда уже были короткие дни зимы, и воды оказались замерзшими; поэтому служанка принуждена была отправиться за водой к Эдилю-реке. Следом за ней бежала собачка Канчик. Со всех сторон к последней начали приставать другие собаки, и набралось их сорок собак. Окружив Канчика, они кидались на него; но Канчик, ошетинясь и скрежеща зубами, бросался на них и разгонял их в стороны. Служанка заметила это и промолвила:

— Отдать бы вас всех волкам на съеденье! Не стыдно ли: всех вас одолевает один Канчик. Впрочем, — прибавила она, — если бы и ко мне начал приставать немилый мне мужчина, то и я так же прогнала бы его.

Бёдене, ловивший в это время рыбу, слышал ее слова и подумал: «Посмотрим, правду ли говоришь ты или нет; не будь я Бёдене, если не испытаю тебя!» С этим намерением он стал поджидать, когда служанка, почерпнув воды, будет возвращаться назад. И вот, когда она приблизилась к Бёдене, тот подошел к ней, говоря:

— Дай мне напиться, хорошая девушка! — и схватил ее. В завязавшейся между ними борьбе победил, однако ж, Бёдене. Служанка возвратилась домой на этот раз позднее обыкновенного, и княгиня, увидев ее, сказала сердито:

— Я тебя зарежу и внутренности твои отдам Канчику; вся ты переменялась с лица и с распущенными волосами, — где ты шаталась так долго?

— Ай, ауруунг алаим, моя княгиня! ⁽³⁾ Я расскажу все, что со мною случилось... Утром я пошла за водой к Джаным суйлары; но они замерзли, и я принуждена была идти к реке Эдилю. Только что я ступила на лед, чтобы достать воды, как лед подо мною проломился, и я провалилась в воду, из которой с трудом могла выбраться. Вот отчего так долго замешкалась я и переменялась в лице.

Спустя некоторое время после этого служанка забеременела. Узнав об этом, княгиня накинулась на нее.

— Я тебя зарежу, — говорила она, — и внутренности твои отдам аульним собакам, если ты не скажешь, от кого забеременела.

— Во мне, право, княгиня, нет того, что ты подозреваешь, — отвечала служанка. — Несколько дней тому назад я пошла убирать постели в кунацкой после отъезда гостей. Там я скинула шаровары и стала искать в них в... В это самое время на живот мне упал солнечный луч, от этого я и стала беременеть; а больше со мной ничего не случилось.

Так оправдывалась служанка. Но приблизилось и время родов, и служанка, боясь княгини, пошла в кустарники и там родила хорошенького мальчика. Затем она заказала у известного кузнеца Деуета самый крепкий железный ящик и внутренность его выложила ватой. Накормив хорошенько своего ребенка молоком, она положила его в ящик и отнесла к Эдилю. Постояв здесь на берегу несколько времени, любуясь своим ребенком, она сказала:

— Бог, который послал мне тебя, да пошлет тебя к отцу твоему Бёдене! — бросила ящик в реку и ушла домой.

Как нарочно, в этот самый день рыболов Бёдене ловил рыбу в Эдилье. Приблизившись к тому месту, куда служанка бросила ящик, Бёдене, конечно, ничего не зная, опустил свои медные крючья в воду, и они зацепились за что-то тяжелое. Потянув, Бёдене вытащил ящик, открыл его и увидел внутри заснувшего под плеск воды красивого малютку, мальчика. Он чрезвычайно обрадовался такой находке, потому что не имел детей: тотчас же побежал к своим товарищам рыболовам и попросил у них позволения отправиться домой, под предлогом нездоровья.

Придя домой, он в радости рассказал о находке жене и велел ей притвориться больной, а через несколько времени объявить, что без особенного труда и мучения она родила сына.

Жена Бёдене так и сделала. После мнимых родов соседние женщины говорили между собой:

— Я тебе говорила, что она беременная, а ты все не хотела со мной согласиться, утверждая, что у ней только ожирение.

Как только сделалось известно, что жена Бёдене родила, со всех сторон начали приводить кто баранов, кто коз, чтобы зарезать их в честь такого события, так как жену Бёдене считали каратоном ⁴.

Бёдене же, в свою очередь, наварил пива и других напитков, собрал нартов,

чтобы угостить их и дать имя новорожденному. И дано было младенцу имя Рачикау.

Рачикау рос скоро и сделался славным нартом; вести про его джигитство разнеслись по всем нартским селениям. Услышал про него и храбрый нарт Сосруко, живший на плоскости.

Рачикау, жившему в горах, также доводилось слышать о геройских подвигах Сосруко. И эти два лица, не видавшие друг друга, сделались заочно друзьями.

Они всегда клялись именем друг друга. Сосруко постоянно говорил:

— Да не умрет в горах Рачикау!

Рачикау же наоборот:

— Да не умрет на плоскости Сосруко!

Живя таким образом, молодой Рачикау попросил наконец позволения у отца своего Бёдене поехать повидаться с другом своим Сосруко и вообще посмотреть на свет. Но когда отец не хотел исполнить его просьбы, то он задумал было уехать тайком. Узнавши об этом, отец позвал его к себе и сказал:

— Если уж ты не хочешь оставаться дома, по крайней мере не заезжай к Схуртуковым.

Обрадовавшись позволению отца, Рачикау, без долгих сборов, приготовился выехать из дому.

Через несколько дней молодой Рачикау подъезжал к тому селению, в котором жил глава нартов Урызек с женой своей вещей Сатаной. Служанка последней, Кюлюмхан, идя за водой, увидела едущего всадника и, вернувшись назад, сказала, обращаясь к Сатаной:

— Благодаря вашему величию и силе я имела возможность видеть много славных наездников, но такого, как сегодня, я никогда не видала: впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны; у него спереди светит солнце, а сзади луна; под лошадью прыгают белые зайцы. Такого чуда я никогда не видала.

Вещая Сатаной, услышав это, сейчас же догадалась, в чем дело, и сказала служанке:

— Я слышала, что Шубадиев Рачикау считается самым блестящим и лучшим наездником: вероятно, всадник, про которого говоришь ты, и есть он самый, друг нашего Сосруко. То, что тебе показалось облаком, — это пар из ноздрей его лошади; вороны — это комья грязи, летящие вверх из-под копыт его лошади; звезды — это искры, вылетающие из его трубки; светящее спереди солнце — его кюбе⁵; а луна сзади — такыя⁶; наконец, зайцы, прыгающие, по-твоему, под лошадью, — не что иное, как широкий шелковый конец его плети. Теперь ты должна идти поджидать его на дороге, а то иначе, пожалуй, он и не заедет к нам. Когда он приблизится к тебе, то вежливо скажет: «Добрый день!» — и проедет дальше. А ты ответь ему: «Да будет счастлива твоя жизнь!» — и потом сейчас же прибавь: «Что так скоро едешь, добрый молодец: убегаешь ли от кого или за кем гонишься? Мы-де живем на дороге и для приезжающего и отъезжающего любим приготовить еду, утолить его жажду и голод. Дом этот Схуртуковых; заезжай, а там и отправишься дальше в добрый час!» Если только ты так скажешь, он вернется, а иначе — нет.

Служанка Кюлюмхан, выслушав и запомнив слова госпожи, вышла на дорогу и, когда Рачикау подъехал, сказала ему все так, как велела ей вещая Сатаной. Рачикау, действительно, заехал к Схуртуковым. Он въехал во двор, слез с лошади и вошел в кунацкую, где двое слуг сняли с него стрелу и повесили на железный гвоздь. Но стрела была до того тяжела, что гвоздь переломился, и стрела упала на землю. Тогда Рачикау воткнул свой гебох⁷ в землю и повесил на него стрелу.

Сатаной велела сделать из целых четырех мешков муки один хлеб, разделила

его на четыре части и, положив на круглый треножный стол, послала к гостю в кунацкую. Трое слуг принесли туда же в огромном тенчке⁸ питье. Стол поставили перед Рачикау, а тенчек дали ему в руки и сказали: «Это обыденная еда твоего друга Сосруко».

Рачикау выпил разом все питье из тенческа, который едва могли поднять трое слуг, и сказал: «Ах, если бы я выпил еще тенчек, то, пожалуй, утолил бы свою жажду».

Четыре куска хлеба он съел в четыре приема.

Пока Рачикау закусывал, Сатаной послала гонца к нартам, собравшимся в доме Алиговых, сказать, что к ним придет Рачикау. После закуски Рачикау, севши на лошадь, направился к пирующим нартам. На дороге он увидел одного человека, который только что окончил работу новой арбы и, с топором в руке, надевши шапку набекрень, важно и самодовольно стоял около арбы, хвастливо озираясь вокруг. Подъехавши к нему, Рачикау спросил:

— Добрый молодец, где тут пируют нарты? Хозяин новой арбы, небрежно указав ему концом топорика в одну сторону, сказал:

— Вот там.

Это взбесило Рачикау, и он, поднявши новую арбу, так ударил ее о землю, что она разлетелась в щепки. Владелец арбы, пораженный этим, ничего не сказал и, почесывая затылок, пошел к обломкам арбы, которою так недавно гордился; а виновник всего далеко уже скрылся из виду.

Наконец Рачикау приехал к дому Алиговых. Сторожом у ворот стоял Злоязычный Гиляхсыртан, который ни за что не хотел впустить Рачикау. Но этот три раза ударил плетью свою лошадь, и она мигом перепрыгнула через забор и очутилась во дворе. Рачикау слез с лошади и, воткнув своей гебох в землю, повесил на нем свою тяжелую стрелу одним мизинцем. Когда же он вошел в дом к пирующим нартам, его приняли очень вежливо и, как гостя, посадили на почетное место.

После обычных приветствий нарты продолжали прерванную беседу. Они считались своими подвигами. Каждый из них рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок «агуна», который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывавшим, был правдив, то после рассказа этот бочонок сам собой наполнялся и три раза переливался через край. Когда дошла очередь до Рачикау, то и он рассказал свой подвиг; по окончании его рассказа бочонок три раза наполнился и три раза через край перелилось из него питье.

После всего этого нарты принялись за танцы. Первый начал Сосруко. Он велел привезти на девяти арбах круглых речных камней, разбросал их по полу и затем танцевал на этих камнях до тех пор, пока не обратил их в песок. Окончив танцы, он спросил нартов кому передать элию⁹. Те велели передать ее другу его Рачикау.

Этот последний велел привезти девять арб чигона¹⁰. Когда это было сделано, Рачикау снял с себя чувяки и танцевал босиком, пока не обратил чигона в золу. По окончании он тоже спросил, кому может передать элию. Нарты назначили элию Злоязычному Гиляхсыртану. Но Гиляхсыртан, услышав это, поспешил отказаться, сказав:

— Пусть лучше я умру, чем приму от него элию.

Рачикау на это ответил:

— Чего я больше всего боялся, то пришлось мне теперь услышать: не могу больше оставаться здесь! — Сказав это, он вышел во двор. Хотя нарты успокаивали его и просили остаться, но он не захотел и, сев на свою лошадь, выехал со двора.

После его отъезда нарты все накиннулись на Гиляхсыртана и начали бранить его за то, что он оскорбил их гостя.

— Мы переносили от тебя,— говорили они,— всякие ругательства и колкости, терпели их; за что же ты не оставил в покое нашего гостя? Хоть бы на этот раз придержал ты свой язык! — Наконец довели Гиляхсыртана до того, что он принужден был сказать:

— Если вы вернете его, то за оскорбление, которое я нанес ему, я выдам за него свою сестру, белозубую Агунду.

Тут друг Рачикау, Сосруко, пустился за ним в погоню. Когда Сосруко издали увидел скачущего Рачикау, то закричал ему вслед:

— Рожденный у нартов, воспитанный в Кинте, друг мой, Рачикау, куда ты скачешь так скоро? — После этих слов Рачикау остановился, и Сосруко еще прибавил: — Атны джарлылыгыын эр алады: кызыны джарлылыгыын ким алады? ¹¹.

Он рассказал Рачикау все то, что случилось после его ухода, и Рачикау согласился вернуться.

Таким образом, они приехали назад вместе. Но тут вышла еще большая неприятность. Злоязычный Гиляхсыртан отказался от своих слов и опять оскорбил Рачикау, говоря:

— Лучше провалиться сквозь землю, чем выдать свою сестру за него.

Сказав это и боясь Рачикау, он убежал и скрылся в замке Чуана ¹². Сосруко и Рачикау погнались за ним. Но так как внутри замка трудно было войти, то Рачикау решил ждать около дверей с намерением убить его, как только он спустится оттуда. В течение трех месяцев он стоял около дверей как вкопанный; но на четвертый повалился на землю с своей лошадей, и тело его начало уже гнить.

Служанки Гиляхсыртана, спускавшиеся из замка и ходившие за водой, по возвращении говорили Злоязычному, что Рачикау умер и тело его уже подверглось гниению и что следовало бы взять прекрасный панцирь, который был на нем. Но Гиляхсыртан все-таки не соглашался выйти, говоря: «Надует колдун!» Служанки опять ему передают:

— Из колец панциря выглядывают черноголовые черви: неужели и теперь не веришь? Сними хоть его панцирь, а то, пожалуй, еще кто-нибудь чужой возьмет.

Наконец Гиляхсыртан согласился спуститься. Он подошел к труп Рачикау и со словами:

— Лежи теперь, паршивый! — хотел снять панцирь. Но в это время, к ужасу Гиляхсыртана, Рачикау ожил, вскочил с земли и, схватив свой меч, сказал:

— Ну, куда ты уйдешь теперь от меня?

Гиляхсыртан пустился бежать по направлению к дверям своего замка. Рачикау же, надеясь, что не упустит своего врага, хотя и бежал за ним, но не очень быстро и только тогда опомнился, когда Злоязычный уже приближался к дверям. Тут Рачикау размахнулся мечом и отсек Гиляхсыртану полчерепа.

Злоязычный Гиляхсыртан, чтобы никто не знал о случившемся, вбежавши в замок, начал кричать, что его ударила молния и что надобно скорее петь «чоппа» ¹³. Услышав это, Рачикау сказал:

— Ну, если у меня нет столько силы, сколько у молнии, то пусть я здесь же умру!

Он упал и тут же скончался. Злоязычный Гиляхсыртан после этого происшествия еще очень долго жил, сделав из меди другую половину черепа. Но вот однажды он отправился в путь во время сильной жары, и медная половина его черепа до такой степени накалилась, что Злоязычный Гиляхсыртан умер в ужасных мучениях ¹⁴.

СОСУК

Сосук был таков человек: он из древесных углей баранов делал, а золу превращал в соль и ею баранов кормил. Он был храбр и мужествен, но свою храбрость и мужество никому не выказывал. Ночью он отправлялся вдаль, разбивал таборы, забирал казну и наутро уже был дома (все это были мечты Сосука). Днем же Сосук лежал, растянувшись на солнце, и малые и большие прохожие над ним смеялись, называя его круглым дураком.

Родные Сосука, полагая, что он с ума сошел, пригласили в свой дом аульных знахарей и знахарок для совета, как поступить с сумасшедшим. Знахари и знахарки сказали: на перекрестке семи дорог выстроить конюшню, поселить там Сосука и дать ему семь баранов. Родные так и сделали.

Через семь лет Сосук приобрел семь тысяч баранов, с которыми явился в общество. С этого времени не только никто не осмеливался называть Сосука дураком, но к нему все относились с большим уважением. Таков был Сосук.

107. ЁРЕЧЫКАУ

Сын Шубадина Ёречыкау — из племени нартов,
Среди нартов он был настоящим богатырем,

Свои усы он, как перевясла, закручивал,
Своих врагов он, подобно молнии, достигал [и убивал],

5 — Ох-ох,— сказали [нарты],— [к нам едет] удивительный всадник,
К нам едет настоящий нарт.

Справа от него — солнце светит,
Слева от него — зайцы прыгают.

То, что зайцами показалось,—
10 Конец его шелковой плети.
То, что солнечным диском показалось,— [блестящая] кольчуга
на нем.

Перед его конем низкий туман стелется,
В том тумане галки летают.

То, что туманом я назвал,—
15 Пар, вырывающийся из ноздрей [его коня].

То, что галками я назвал,—
Ископыт [его коня].

— Удачи вам, славные сыны нартов!
— Спасибо, добро пожаловать, джигит хороший!

20 Железные ломы подставив, сойти [с коня] помогли.
Он слез, согнув железные ломы.

Коня его повели, к железной коновязи привязали,

Тот начал железную коновязь расшатывать.

— Ой, негодные, вы что его силу испытываете?!

25 Посох мой в землю воткните и к нему его привяжите.

Когда его доспехи на крюк повесили,
[Крюк их не выдержал], и они со звоном на землю упали.

— Что бы зарезать в честь гостя? — сказали.
Девять [юношей] к нартскому табуна отправились.

30 Яловую кобылицу, поймав, привели,
Освежевав, [все] мясо в большой казан положили.

Все [мясо] до последнего кусочка он съел,
Закончив есть, пояс немного расслабил.

Девяносто юношей в дом вошли
35 И кувшин с двумя ручками внесли.

Разом осушив нартский кувшин, «Ох-ох», — сказал и, опрокинув
его, [нартам] подал.
Девять юношей пустой кувшин обратно поволокли.

Покончив с едой, он на коня своего вскочил.
Его кунак, схватив его коня за голову, сказал:

40 — Ты сейчас [мясо] одной кобылицы съел,
Выпил содержимое кувшина, который принесли девяносто юно-
шей.

Сойди [с коня], пусть пройдет немного времени,
Не мучай коня, не бери грех на душу.

— Грех будет на коне, ибо его тяжесть передастся земле, —
сказал.

45 Мечом взмахнув, «Не подходите ко мне!», — крикнул.

Он на коне, подобно крепости, возвышался,
[Голову] к небу задрал, потянулся, позевывая.

Хлестнув коня, он [в сторону гор помчался],
Всех врагов той округи пугая.

50 [Его конь] ударом груди рассек горные теснины,
От дыхания [коня] ледники [начали] таять.

Эти воды бурными реками потекли
И синие моря заполнили.

[При беге] копыта коня в землю уходили.

55 Куски дерна, вылетающие из-под его копыт, до небес долетали.

Рачыкау сел на коня [и] отправился в путь.
— В нартский аул отправился! — говорили ему вслед.

Ох-ох, увидели [нарты] чудо-всадника:
— Едет к нам, — говорили, — один нартский джигит.

- 5 Он весь блестит, как водопад под солнцем,
А вокруг него зайцы играют.

Ветер от его коня разгоняет туман.
А в тумане галки летают.

- То, что [нам показалось] водопадом, — это его железная кольчуга.
10 То, что кажется надвигающейся морской волной, — это его могучее тело.

То, что кажется [нам] зайцами, — это конец его плети.
Едет нартский сын, землю содрогая.

То, что [нам] кажется туманом, — это пар [из ноздрей коня],
А галки — [это] комья земли, летящие из-под [конских копыт].

- 15 — Добрый день! Эй, нартские сыны! — сказал [Рачыкау].
В этот миг ураганный ветер обрушил [на нартгов] комья земли¹.

— Ой, будь здоров, с приездом, будь гостем, алан,
Не проезжай, не захав к нам, эй, отважный юноша!

- Заедешь [в гости] — будут тебе добрые здравицы,
20 Ну, а если проедешь — будут тебе проклятия.

— По обычаю, нельзя не захавать.
Нельзя нарушать обычай нартгов.

[Нарты] взяли коня [Рачыкау] за уздечку.
Когда Рачыкау спешился, треснули камни под его ногами².

- 25 Один юноша привязал коня к железной коновязи,
[Но] конь выдернул железную коновязь из земли.

— Юноша, если ты хочешь испытать моего коня,
Пусти его в конюшню, он никуда не уйдет.

- Сбрую повесили на крюк,
30 Крюк сломался, и [она] упала на землю.

— Эй, гость, твое седло тяжелее коня.
Когда оно давит, не появляются ли раны [на спине] коня?

— Если седло коня моего не будет тяжелым,
Его копыта не будут касаться земли.

35 Девять юношей отправились в табун,
Привели яловую нсобъезженную кобылицу.

Разделали [ее], всю тушу положили в казан,
Сварили, сняли котел с огня.

Рачыкау все мясо съел,
40 Обглоданные кости на землю бросил.

Девять юношей на кухню отправились,
Огромный кувшин бузы принесли.

[Рачыкау] кувшин за кувшином осушает,
— Вы не осуждайте [меня], пить хочется,— говорит.

45 Тот кувшин [даже] без бузы — ноша для троих,
А с бузой был едва под силу девятерым.

Рачыкау съел [мясо целой] кобылицы, выпил бузу,
Потом попрощался и уезжать собрался.

Хозяин взялся за уздечку коня [Рачыкау],
50 Он решил сказать [гостю], о чем подумал.

— Ты,— говорит,— съел целую кобылу,
Выпил два [огромных] кувшина бузы.

Не настигнет ли [тебя] кара за муки коня твоего?
Ложись, отдохни немного, послушайся меня!

55 — Если земля выдержит коня, то конь повезет меня,
Счастливо оставаться, от души благодарю тебя!

В мгновение ока на коня вскочил.
Копыта коня в землю ушли.

Не разбирая дороги, полетел Рачыкау через горы, реки,
60 Как стрела, [и] скрылся из глаз.

109. ЁРЕЧЫКАУ И КАРАШАУАЙ

Карашауай и Ёречыкау не были знакомы друг с другом. «Я не я, если не познакомлюсь с Ёречыкау»,— сказал [Карашауай] и отправился в дорогу. Когда Карашауай вышел в дорогу, и Ёречыкау выехал на его поиски. В пути они повстречались у одного моста и приветствовали друг друга.

Они разговорились и выяснили, что Карашауай выехал на поиски батыра степей Ёречыкау, а Ёречыкау выехал на поиски батыра гор Карашауая.

Тогда Ёречыкау сказал:

— Батыр степей — Ёречыкау — это я.

— А батыр гор — я,— ответил [Карашауай].

— Ну, если так, то мы оба с тобой батыры, ты в горах, я — в степи,— сказал Ёречыкау.

Потом он [решил испытать себя и Карашауая и] сказал:

— Будем стреляться или бороться?

Они начали с толкания камня. [Сперва] бросил Ёречыкау, потом толкнул Карашауай. Однако Карашауай опередил Ёречыкау, толкнув камень на полтора шага дальше.

Когда начали бороться, Ёречыкау сразу же проиграл. Во время дальнейших состязаний Карашауай связал Ёречыкау по рукам и ногам и привязал его к своему коню. Чтобы [еще больше показать свою мощь Ёречыкау] и чтобы он поведал об этом другим, Карашауай вытащил [из ножен] свой меч и ударил им по огромному камню. Его меч этот огромный, как стог сена, камень рассек на две части.

Карашауай приторочил Ёречыкау к [седлу] и отправился к себе домой. [Доехав], он привязал коня к коновязи, а сам вошел в дом. Зайдя в дом, он, используя свое умение напускать холод, сделал так, чтобы на улице наступила стужа, и заморозил Ёречыкау. Потом он сказал обур Мичиуан :

— Я привез тебе одно существо, похожее на человека, он будет помогать тебе рубить дрова, разводить огонь.

Когда Мичиуан пошла и, развязав [Ёречыкау], разглядела его, она очень рассердилась и сказала Карашауаю:

— Карашауай, что это такое, он ведь [тоже] мой молочный сын. Я вот соберу твоих родичей-эмегенов [и велю им] избить тебя.

Потом Мичиуан пошла и привела десять эмегенов. Когда они дошли до места, где Карашауай рассек своим мечом камень, туда подъехал и Карашауай.

Эмегены [состязались] в толкании камня.

— Удачи вам, стадо эмегенов! — приветствовал [он] их.

— Спасибо, добро пожаловать, слабый сын человеческий! — ответили они. Потом они протянули Карашауаю камень со стог [сена], тяжелей чугуна и свинца, и сказали: «[На, и ты] толкни».

Карашауай взял камень и так толкнул, что перебросил его через гору и опередил их всех.

Эмегенам не понравилось, что Карашауай победил их, и они начали с ним сражаться. Карашауай схватил свой булатный меч, сделанный из железной руды Куфс-их гор, и перебил всех эмегенов. Его меч [в бою] удлинялся от места, где встает солнце, до места, где оно садится.

[После боя] Карашауай поехал туда, где жил Ёречыкау. Когда он [пришел в его дом], теща Ёречыкау дала ему прикоснуться губами к своей груди и сказала:

— С этого дня, Карашауай, я делаю тебя [своим названным сыном] и побратимом моего сына Ёречыкау.

110. МЕСТЬ КАРАШАУАЯ

Во времена нартов не было на Кавказе человека сильнее Рачыкау. А сам он жил где-то вот в этих окрестностях. Со временем на Кавказе появился еще один [такой же], как он, сильный, мощный человек. Он много слышал о [Рачыкау] и в какой-то день, решив его убить, отправился в дорогу. Зная, что он не сможет одолеть [Рачыкау] в честной борьбе, он подстерег его и в момент, когда тот совершал намаз¹, подкрался к нему сзади и убил его ударом кинжала. Сказав: «Ну вот, теперь я самый сильный на Кавказе»², — он уехал к себе.

Прошло [некоторое время], и он услышал, что на Кавказе появился очень сильный человек по имени Карашауай. «Да, теперь [мне] нужно и его убить», — подумал он, собрался и отправился к [Карашауаю]. Приехал, но не застал его [дома]. Когда расспросил людей, те сказали: «Он на два месяца куда-то уехал, раньше этого времени [он] не вернется». «Ну, хорошо, если он настоящий

мужчина, если он на самом деле такой мужественный, [как о нем говорят], то он обязательно будет искать своего человека», — сказал он сам себе и, схватив табунщика [Карашауая], перекинул его поперек холки своего коня, повез с собой, убил его, а труп бросил в воду.

Мало ли, много ли Карашауая не было, [кто знает]. Когда он вернулся, он спросил: «А где мой табунщик?» Люди ответили: «Один человек, кинув его поперек холки своего коня, увез с собой». «Я не мужчина, если не найду его!» — сказал Карашауай и уехал на его [поиски].

Долго он ездил, но нигде [того человека] не нашел.

[Однажды] приехал [он] и остался на ночь вот здесь, где стоят надгробные памятники. Укладываясь спать, он сказал, [обратившись] к одной из могил: «Сегодня ночью я вместе с Тейри твои гости».

Когда он заснул, ему приснилось, что кто-то крикнул: «Эй, Рачыкау!» — и на этот зов другой голос спросил: «Чего [тебе надо]?»

«Тебя нарты пригласили, [они] ждут тебя», — ответил [первый голос]. «Сегодня у меня [ночуют] Тейри и гость, я не могу этой ночью пойти к ним», — сказал [второй голос].

Когда третий раз его позвали, сказали: «Приходи туда вместе с гостем». И они пошли туда. Когда они пришли, все нарты сидели в одной комнате. Старшие нарты [сидели за столом], ели и пили. [Их] не стали приглашать к столу, а только каждый выделил им часть [еды] из своей доли, и они поели это все прямо у порога.

Насевшись и развеявшись, они вернулись обратно. «Видел? — спросил его во сне прежний [голос], — вот здесь такой обычай. Ты ищешь своего табунщика. А его там-то и там-то [убил] один человек и, разрубив, бросил в озеро.

Если ты справишь по нему поминки и поставишь ему надгробие, как это полагается по обычаю, я в твой следующий приезд скажу тебе имя убийцы и научу, как ему отомстить. А до этого я тебе ничего не скажу. Да, было бы очень хорошо, если бы ты сделал поминки и по Рачыкау: не жалея, от всей души зарезал бы еще одного барана [и раздал бы людям его мясо] и одну корзину локумов*.

Проснувшись, [Карашауай] поехал и в том месте, о котором говорил [голос] в его сне, он нашел то озеро и вытащил из него изрубленный труп своего табунщика. Похоронив его по обычаю, он устроил по нему поминки и сделал надгробие. Потом он и для Рачыкау заколол барана и, приготовив еду, раздал [ее] людям.

Вернувшись [на кладбище], он опять лег спать у той же могилы, сказав: «Я вместе с Тейри твой гость». Во сне он опять услышал голос: «Иди, нарты ждут тебя». Он не соглашался [идти]. На третий раз голос сказал: «Возьми и гостя с собой». [И они] пошли.

В предыдущую ночь, когда они приветствовали [нартов], ни один из них даже не привстал. В этот же раз, когда они поздоровались, все эти старики встретили их стоя и посадили их на самые почетные места. Если в предыдущую ночь они выделили им часть [еды] из своей доли, то в эту ночь их всех угощал Рачыкау.

Когда они [оба] вернулись обратно, этот голос сказал: «Видел? До сегодняшнего дня я кормился их подаванием. А той поминальной еды, которую ты раздал [людям], устроив и мои поминки, мне вполне хватит на этом свете, потому что ты это сделал от всей души, не жалея всего этого. Вот здесь такой обычай.

Теперь ты поезжай в тот аул, где живет этот человек. Продай своего коня и вместо своих одежд надень старые лохмотья. Утром выйди на улицу и стой там [на виду]. Когда утром этот человек выйдет на улицу, заложив руки за спину, все люди, и мужчины и женщины, с криком побегут от него прочь. А

он каждого, кого настигнет, будет сбивать с ног ударом пятки. Когда он, подскочив к тебе, спросит: „А ты что стоишь?“ — ты ответь: „Я в работники пришел наниматься“. На его вопрос: „А на что ты сгодишься?“ — ответь: „Табунщиком буду!“ И он тебя приставит к своему табуну. Если ты ему понравишься, он тебя своим сотоварищем сделает. Ну, а что дальше делать, ты сам догадаешься. Убьешь его [только] его же мечом, но больше одного удара не наноси».

Карашауай пошел и встал на улице, как ему велел [голос во сне]. Вышел и этот человек, заложив руки за спину. Когда люди бросились бежать, он побежал за ними следом и стал сбивать с ног всех, кого настигал. Подскочив к Карашауаю, он спросил: «Зачем ты пришел? На что ты сгодишься?» — «Хочу устроиться табунщиком или конюхом», — ответил [Карашауай].

[Он] повел и приставил его к своему табуну. И тот проработал у него около месяца. Этот человек подумал: «Клянусь Тейри, он сможет быть моим сотоварищем, если я его буду брать с собой» — и взял его к себе, решив, что он будет ему прислуживать [в дороге] и выполнять все его мелкие поручения.

Однажды они запаслись провизией, сели на коней и посхали. Когда они доехали до одного аула, [этот человек] оставил Карашауая в сарае, который стоял на окраине аула, а сам отправился в аул. Из аула послышались шум, крики [людей]. Через некоторое время этот человек вернулся. Перед ним на его коне сидела какая-то девушка. Подъехав, он снял ее [с коня]. Девушка, крикнув: «Ты истребил весь наш род. Пусть же Аллах [за это] уничтожит и твой род!» — стала громко рыдать. Не обращая на нее внимания, он велел Карашауаю: «Возьми нашу провизию, давай покушаем». Они оба посла. Потом этот человек сказал: «Я немного посплю, а ты не доверяй этой девушке и постереги ее». — «Хорошо», — ответил Карашауай.

Девушка находилась около того мужчины. А Карашауай стоял поодаль. Когда [мужчина] уснул, девушка глазами дала понять, что она подаст Карашауаю меч [спящего], если тот убьет его. [Карашауай также молча] выразил свое согласие.

Когда Карашауай ударил этого человека его мечом, тот моментально вскочил и крикнул: «Да чтоб [по воле] Аллаха перевелась вся твоя семья! Ударь еще раз, дай мне умереть без мук!» На это Карашауай ответил: «Мой отец завещал [мне] не наносить [врагу] больше одного удара». — «Ох, проклятый, оказывается, ты был на могиле Рачыкау и видел его!» — крикнул [мужчина] и умер. А Карашауай повез девушку обратно в ее аул.

III. КАК ЖЕНИЛСЯ ЁРЕЧЫКАУ

Ёречыкау был исполином. И его конь был очень огромным — он был величиной с курган. [Однажды Ёречыкау] в пути встретил большую свадьбу. Участники свадьбы не пригласили его [ни к своему застолью], ни на свои пляски. После такого их поведения он подстегнул коня и въехал в середину свадьбы. Поняв, что он не уйдет, не получив от них свою застольную долю, ему вынесли нартскую чашу объемом в сто больших аяк, наполнив ее бузой и сырой, [и подали] девять туш зубров, зажаренных целиком.

Надев поводья коня на левую руку, он взял чашу и мясо в руки. Он съел мясо в два приема и разом осушил чашу, вмещающую сто аяк питья. Вернув обратно чашу, он сказал: «Этого мне недостаточно».

И тогда хозяин дома сказал, [рассердившись]: «[Почему это] все бродяги должны приходить и оставаться здесь?». Услышав эти слова, [Ёречыкау] сказал: «Я буду не я, если здесь останусь, эти оскорбительные слова убили меня» — и уехал оттуда.

Хозяйка дома, услышав о его отъезде, сказала: «Сегодня свадьба моей старшей дочери. Тому, кто сможет вернуть Ёрчыкау обратно, я подарю десять вьюков золота и отдам за него без калыма свою младшую дочь».

[Вызвался] один джигит. Он помчался в погоню за Ёрчыкау. Когда он скакал за ним, ему навстречу вышла одна ведунья. Когда [он ей обо всем] рассказал, ведунья так его научила: «Когда ты его настигнешь, скажи ему: „Вернешься [обратно] — будут тебе мои алгыши, не вернешься — будут тебе мои каргыши“».

Когда [юноша] нагнал его и сказал ему эти слова, Ёрчыкау ответил: «Да пусть сгинет тот, кто научил тебя этому!»

Когда они вернулись обратно, хозяйка большого дома свою младшую дочь выдала замуж за джигита, вернувшего [Ёрчыкау], а среднюю дочь отдала Ёрчыкау.

112. ШЫРДАН И НЁГЕР

Нёгер был хитроумный мужчина. Днем, надев [на себя] рваную одежду, он валялся в багушах¹, а ночью [крал] и продавал в рабство детей. Шырдан не ведал об этих его делах. Увидев его рваную одежду, он с презрением посмотрел на него и сказал: «Беспомощный бедняк». [А] богатству нарта Шырдана не было ни начала ни конца. У него было бесчисленное множество скота, соковищ, земли. Сам же он был коварным, чванливым, хвастливым человеком.

Он очень любил спорить и, когда выигрывал, лишний раз показывал свое превосходство.

Однажды Шырдан пошел к нартам. Он собрал весь нартский народ и сказал:

— Я пришел поспорить с вами.

— Ну что же, скажи, на что [ты] хочешь поспорить, [а мы] послушаем,— ответили [нарты].

— Я сделаю мишенью своего сына. Вы [же] соберите всех [своих] охотников. Пусть они стреляют [в него] с рассвета, как только глаза начнут различать мишень, до [самого] вечера, пока глаза [уже] не будут видеть мишени. Тому, кто убьет его, [я] прощу смерть сына. Но если [они] не смогут убить [моего сына], каждый охотник даст мне по пять малолетних пленников. Стрелять будете только ему в лоб. Если не сможете убить юношу, вечером он сам придет сюда. А если убьете, то к тому месту, где он будет находиться, не подойдет никто, кроме меня.

На это [его] решение все ответили: «Хорошо».

На том месте, где сын должен был стоять как мишень, Шырдан [приказал] вырыть яму. [По его приказу] нарисовали во весь рост портрет его сына. На рассвете, взяв с собой сына и его портрет, [Шырдан] пошел [туда]. Сына он посадил за портретом, [а] портрет поставил перед мальчиком.

[Он] втайне закончил все [свои] хитрые дела, потом стал ждать охотников. Охотники собрались, Шырдан сказал: «Начинайте стрелять!» С утра до вечера стреляли они, но не смогли убить [мальчика].

Нёгер незаметно для других подсмотрел из багуша и увидел, что сын Шырдана сидит за портретом на корточках. [Он] обеспокоился.

«Охотники не смогли убить мальчика,— подумал он. — Теперь, если Шырдан уйдет, забрав малолетних пленников, мне [ведь] ничего не останется. Теперь и я пойду и тоже метну свою стрелу».

Пришел [он] и сказал:

— Шырдан, если бы ты разрешил, я бы тоже стрельнул один раз.

— О-о, бедняга! Да ты можешь стрелять хоть сто раз! Если даже не убьешь, я не возьму с тебя ничего,— самоуверенно, с издевкой произнес [Шырдан] и засмеялся.

Нёгер метнул стрелу и убил юношу.

У Шырдана насупились брови и потемнело лицо. Но он ничего не мог сказать. Виновником беды был он сам. Ведь он не думал, что такое может произойти.

Народ [постепенно] разошелся. А Шырдан, взяв тело своего сына, пошел домой.

Шырдан не мог остановиться на этом. Похоронив сына, он поклялся отомстить за его кровь. Чтобы убить Нёгера, он пошел к тому месту, где тот [обычно] лежал, но не нашел [его]. Когда он ходил вокруг, оглядывая [все] в поисках Шырдана, увидел мчащегося всадника. Незаметно он проследил, куда проскакал всадник: всадник поехал и исчез в землянке. Коня [он] оставил в землянке, а сам вышел [оттуда], переодевшись в рваную одежду, пошел и лег в багуш.

Когда Шырдан увидел [все] это, он не отважился убить [Нёгера] и решил: «Нёгер, оказывается, не тот Нёгер, как я думал. Его нельзя убить в открытую. Теперь я должен отомстить ему по-другому за кровь сына».

В полдень он пришел к тому месту, где лежал Нёгер. И начал свой разговор так:

— О гяур* Нёгер, собака Нёгер.

Да чтоб ты, Нёгер, в аду пас свиней! ²

Нёгер, я узнал, что ты настоящий мужчина,

И поэтому к тебе пришел.

5 Когда наступает день, ты валяешься в багушах,

Когда наступает ночь, ты малолетних пленников продаешь.

Вдоволь ты не наедаешься,

И коня по душе ты не находишь.

Нёгер, не подозревая о коварстве Шырдана, сказал:

10 — Научи меня, что мне делать?

— Ты теперь вот что должен делать,

Если сделаешь, как я скажу, это тебе поможет:

У Индиевых есть один породистый белый конь —

На земле нет ничего красивее его.

15 [Никто] не может догнать его — ни на земле, ни на небе,

Даже сокол не может его обогнать.

[Он] находится в стальной крепости, обнесенной девятью
стенами,

Корм [ему задают] в золотом корыте.

За девятью замками [находится он],

20 Девять стрелков белого коня стерегут.

Девять собак его стерегут

И девять петухов его стерегут.

— Шырдан, что же [мне] делать?

Как украсть белого коня?

25 — Вот что ты должен сделать, Нёгер:

Сперва пойдешь к петухам.

Для [петухов] возьми с собой просо.

Петухи, увидев тебя, начнут кукарекать

И хлопать крыльями, [но], если рассыплешь [перед ними]
просо,

30 Они набросятся на него и успокоятся.

Оттуда пойдешь к собакам.

Собаки, увидев тебя, Нёгер,

Начнут лаять.

Если дашь девяти собакам девять куриных голов,

35 Они завиляют хвостами и перестанут [лаять].

Если собаки не будут лаять, никто не проснется.

— А что мне делать с замками, Шырдан?

— Вот что ты сделаешь:

- [Ведь] твоя сестра — красавица Агунда —
сноха Индиевых,
- 40 Ключи [от замков] находятся у Агунды.
Нёгер, когда ты пойдешь к Агунде,
Будь [очень] печален.
А что ответить на [ее] вопрос, сам догадаешься.
Нёгер пошел прямо к Агунде
- 45 [И] притворился печальным.
[Тогда] Агунда спросила Нёгера:
— Нёгер, что случилось с тобой сегодня?
Да пусть все твои болезни перейдут ко мне, не голоден [ли ты], не замерз ли?
— Я [не голоден], не замерз,— ответил [Нёгер],—
- 50 Когда наступает утро, я лежу в багушах,
Когда наступает вечер, пленными детьми торгую,
[А] деньги тебе приношу.
[Я для себя] настоящего коня не нахожу,
Ты, Агунда, знаешь об этом.
- 55 У Индиевых есть красивый белый конь —
Ни в небе, ни на земле [никто] не может догнать его.
Ключи от [крепости, где он находится], — в твоих руках,
А ты скрывала от меня,—
Вот потому я обижен на тебя.
- 60 Агунда начала причитать:
— Нёгер, кто сказал тебе это?
Кто навлек беду на мою голову?
В этом деле, Нёгер, погубят тебя,
И останусь я горевать по тебе.
- 65 Нёгер взял ключи
И отправился прямо [туда, где находился] белый конь.
Вначале [он] к петухам пошел,
Рассыпал он просо [перед петухами],
Накинулись они [на просо] и успокоились.
- 70 Пройдя [их], дошел до собак.
Собаки, увидев Нёгера,
Начали лаять.
Когда он дал девяти собакам девять куриных голов,
Собаки завилияли хвостами и перестали [лаять].
- 75 А без лая собак никто не проснулся.
Все замки открыл Нёгер,
И добрался Нёгер до белого коня:
Перед ним [стояло] золотое корыто [с кормом],
Рядом висело его седло.
- 80 Около него войлочная плеть,
Нёгер коня оседлал,
Войлочную плеть взял.
Все замки закрыл.
Агунде ключи отдал.
- 85 — Даже после моей смерти
Пусть это дело между нами останется,— сказал [и на коня вскочил].
[Конь], прыгнув, подобно грому с молниями прогрохотал
И скрылся из глаз, как летящая звезда.

113. ЖЁНГЕР, ШЫРДАН
И ЗЛОЯЗЫЧНЫЙ ГИЛЯСТАН ¹

.....
Наступила полночь,
Жёнгер до белого коня добрался.

-
Жёнгер белого коня оседлал,
Войлочную плеть взял,
5 Все замки Жёнгер закрыл,
Вскочив на коня, оттуда ускакал
И к Агунде ключи привез.
С наступлением утра
Конюх пришел
10 И у Агунды ключи взял.
Когда [в конюшню] отправился: стража, замки на месте,
А двери открыл — белого коня нет.
Он бросился оттуда
И дал об этом знать всей нартской [стране].
15 Все нарты туда собрались —
Они были очень удивлены:
Замки, стража на месте —
А белого коня нет.
Зятем Индиевых
20 Злоязычный Гилястан был.
Гилястан на поиски коня отправился.
Год прошел,
[Но] ничего он [о коне] не узнал.
Осень наступила.
25 Нарты, быка кырк буга* заколов,
В большом доме Аликовых собрались.
Туда к нартам и Шырдан пришел.
Гилястан подошел к нему.
— Шырдан, — начал он, —
30 У Индиевых белый конь пропал.
Прошел год, но я так ничего и не узнал [о нем].
— Гилястан, — сказал [Шырдан], —
Я вот только сейчас от тебя узнал об этом.
Однако каждый вечер
35 Железный мост гудит.
Этот [шум] похож на стук копыт белого коня.
Свой лук потуже натяни.
Если ты того, кто сделал все, о чем ты мне поведал,
И увел белого коня,
40 Живым отпустишь, он и тебе
Причинит зло, — сказал.
Гилястан свой лук подготовил
И на [одной стороне] моста обосновался.
Наступила полночь.
45 С правой стороны к мосту
Белый конь приблизился.
Когда [он на мост] въехал,
[Гилястан во всадника] стрелу метнул,
Всадник с белого коня слетел.

- 50 По кличке подозвав,
 Гилястан белого коня поймал.
 Повел и Индиевым его отдал.
 На рассвете он, сказав: «Кто же это был?» — [труп] [оглядел]
 И увидел, что это Жёнгер.
- 55 Жёнгер же был молочным братом Гилястана.
 — Ох! — воскликнул Гилястан, —
 Шырдан [сделал так, что] я собственный глаз съел².
 Если я не отомщу Шырдану за это,
 Я [не достоин буду] жить в [стране] нартов, —
 сказал он. —
- 60 Ведь Жёнгер убил сына Шырдана,
 Вот и отомстил ему за это Шырдан.
 Прошел и этот год.
 На следующий год, когда нарты, заколов быка кырк буга,
 В большом доме Аликовых собрались,
- 65 Шырдан опять приехал к нартам.
 Гилястан тайком сел на коня Шырдана,
 Не трогая его поводыев, он подстегнул коня,
 И конь доставил Гилястана к дому Шырдана.
 — Эй! — крикнул он, дверь отворилась,
- 70 Гилястан в этот дом вошел.
 — Меня Шырдан прислал. Он сказал:
 «Пусть котел с сорока ушками
 Водой наполнят.
 Ты тоже помоги им,
- 75 Чтобы [к моему приходу] вода в котле с сорока
 ушками закипела.
 Все, что нужно, я сам привезу.
 Я сегодня для нартов угощение устрою».
 Котел с сорока ушками [над очагом] повесили,
 Водой его наполнили.
- 80 Гилястан огонь развел.
 Когда вода в котле закипела,
 Гилястан схватил и в казан
 Жену Шырдана бросил,
 Следом и дочь Шырдана бросил,
- 85 Потом и служанку Шырдана бросил.
 Хорошо огонь раздув,
 Сел на коня Шырдана
 И к нартам вернулся.
 В большом доме Аликовых
- 90 [Пошел] и сел в темном углу.
 Что он куда-то ездил и вернулся,
 Никто не заметил.
 [Нарты] съели [мясо] быка кырк буга,
 Выпили все напитки.
- 95 И у Тейри попросили помощи и покровительства.
 Когда рассвет наступил и солнце взошло,
 Шырдан сел на коня своего.
 Сел и поехал домой.
 — Хей! — крикнул он. — Хей! — крикнул он,
- 100 Но никто не вышел.

- Когда в дом вошел,
 Котел с сорока ушками на огне увидел.
 А в доме никого нет.
 Взяв калак³, в котел опустил.
- 105 Волосы жены вытащив,
 Понял все, что случилось.
 К нартам вернулся
 И, собрав их, сказал:
 — У меня вся семья погибла.
- 110 Теперь мне незачем жить на свете.
 [Потом] сам себя убил.
 Вот после этого случая появилась
 Пословица: «Все козни хитреца на его же голову
 достаются».

114. АГУНДА И ШЫРДАН

Молва о красоте дочери Ёрюзмека Агунде разошлась по всей нартской земле, и все только об этом и говорили. Золотые волосы Агунды доходили до пят. Ее черные глаза [блестели], словно солнечные лучи после дождя. Любое дело, за которое она бралась, она выполняла очень быстро и хорошо.

Утром, когда она со своим медным кувшином отправлялась за водой, [люди] не могли налюбоваться ее легкой походкой, красивым станом и прекрасным ее лицом, подобным светлой луне на ночном [небе]. Много нартских юношей добивались ее руки, посылали к ней сватов, но она всем им отказывала.

Агунду сватал и хитроумный Шырдан. Он обещал дать за нее в калым тысячу лошадей, тысячу коров и быков, тысячу баранов и сто возов с добром. Но Агунда и его отвергла. И тогда Шырдан решил схитрить.

Он собрал нартов и объявил: «Я сделаю своего сына мишенью. Кто сможет попасть и убить его, с тем ничего не сделаю, я обещаю. Если же его [никто] не сможет убить, тогда вы отдадите за меня Агунду». Нартские юноши собрались, проверили свои луки и приготовились к стрельбе по мишени.

Шырдан [же к этому времени] велел нарисовать портрет своего сына и выкопать очень далеко от места, где находились нарты, большую глубокую яму. А сына он так научил: «Когда начнут стрелять, спустись в яму и подними над собой [свой] портрет. [Когда] нарты метнут в портрет свои стрелы, выйди из ямы и крикни: «Вы не смогли попасть в меня!»

Три дня стреляли нартские юноши по мишени [Шырдана]. Когда они кончили стрелять, сын [Шырдана] вылез из ямы и крикнул: «Я жив, никто не смог убить меня!» Нартские юноши [молча] переглянулись, они были очень огорчены и переживали, что теперь Агунда достанется Шырдану.

Вдруг там появился Сибилчи. Он так научил опечаленных нартских юношей: «Вы стреляйте в сына Шырдана, когда он крикнет: „Вы не попали в меня!“» [И тогда] юноши попросили Шырдана: «[Позволь] нам метнуть еще по разу». Он согласился.

Когда его сын крикнул: «Не попали!» — они стрельнули и убили его. Шырдан и сына своего погубил, и на Агунде не смог жениться.

115. ЖЁНГЕР И ЗЛОЯЗЫЧНЫЙ ГИЛЯХСЫРТАН

В давние времена среди нартов был один нарт [по имени] Жёнгер. По ночам он ездил на лошадях, быстрых, как ветер, а днем он лез в багуш, ссылаясь на то, что у него ревматизм. Не было бед, которых бы он не причинил, не было

вреда, которого бы он не нанес, не было места, где бы он не побывал. Узнав о таких его проделках, Злоязычный Гиляхсыртан приехал на коне к этому багушу и стал там джигитовать на коне. Тогда Жёнгер рассердился и спросил Гиляхсыртана:

— Я больной, почему ты скачешь на коне по моему багушу?!

Гиляхсыртан сказал:

— Не будь я Гиляхсыртаном, если я не узнаю, болен ты или здоров, у собаки — собачьи выходки, мусор — всегда мусор. Если ты [настоящий] человек, отправляйся добыть белого жеребца Жетиевых.

Тогда Жёнгер сказал:

— У Жетиевых семь братьев, кроме одной ночи на пятницу, каждую ночь они седлают жеребца [по очереди] семь раз. Как же я его украду? Он находится за семью укреплениями, его охраняют семь сторожей и семь собак. Как же я смогу его угнать?

На это Злоязычный Гиляхсыртан ответил:

— Если твоя сестра Гоша очень захочет, то она научит тебя, как украсть жеребца.

[После этого] Жёнгер, опираясь на костыли, прихрамывая, отправился к своей сестре Гоше.

Когда Гоша увидела его, спросила:

— Что с тобой случилось, зачем ты пришел?

— Да что мне делать, [я] пришел спросить, как [мне] украсть белого жеребца Жетиевых, — ответил тот.

Гоша ответила:

— Если одним выстрелом убьешь сразу семь уток, тогда я скажу, как украсть [этого] жеребца.

Тогда Жёнгер взял свой лук с булатными стрелами и отправился к колючим кустарникам. Там одним выстрелом он убил семь уток. Забрал их и вернулся [к сестре]. Сестра Гоша ощипала уток, приготовила их, а потом сказала брату:

— Жёнгер, пойдешь [к Жетиевым] и незаметно для сторожевых собак выкопашь яму. Яму нужно выкопать в ночь на пятницу. В другие ночи с жеребца не снимают седло.

Жёнгер сделал так, как она велела, и в ночь на пятницу выкопал глубокую яму. После этого он незаметно подошел к сторожевым собакам, дал каждой из них отраву, и они все подошли. [Затем] пошел [и] убил семерых сторожей, поломал семь укреплений, подошел к жеребцу, привязанному к железному столбу, отвязал его и вывел [наружу].

На рассвете Жетиевы вышли во двор. Смотрят: все собаки подошли, сторожа мертвы, укрепления разрушены и белого жеребца нет.

Загоревали Жетиевы. Поклялись [они отомстить] и отправились [все] семеро по семи [разным] сторонам [на поиски жеребца].

Семеро братьев семь лет искали по всему белому свету своего жеребца, но вернулись, [так и] не найдя [его]. От долгого хождения стерлись железные наконечники их палок и сбились пальцы на ногах.

Злоязычный Гиляхсыртан знал, что Жетиевы вернулись без [своего коня]. Он явился к Жетиевым и спросил:

— Что вы делаете?

Те ответили:

— Что мы можем поделать? Белого жеребца украли, видимо, его увел не-земной человек.

В ответ на это Злоязычный Гиляхсыртан сказал:

— Эй вы, негодники, его увели земные люди, только вы не знаете [кто]! Все семеро идите ночью, спрячьтесь под нартским мостом и держите наготове

луки.— Еще Злоязычный Гиляхсыртан добавил:— Вы запомните, сегодня ночью Жёнгер будет перегонять через этот мост табун златогривых, меднокопытных лошадей.

[И правда], глубокой ночью Жёнгер начал перегонять табун через этот мост. Как только последние лошади перешли мост, братья Жетиевы, по команде, пустили стрелы в Жёнгера. Жёнгер упал с белого жеребца. Братья Жетиевы подбежали к нему, хотели изрубить его, но не смогли сделать этого — ни нож, ни меч не брали его. [Они] хотели бросить его в реку, но не смогли [даже] сдвинуть с места. Не понимая, в чем дело, Жетиевы сказали:

— Видно, Гиляхсыртан заставил нас убить святого, лучше было бы, если бы мы не видели и не делали этого.— Сказав так, они забрали жеребца и уехали.

К утру весть [об этом] распространилась [всюду], и к этому месту начали собираться со всех сторон люди. Как ни пытались собравшиеся поднять труп Жёнгера, не смогли. Затем туда подъехал Злоязычный Гиляхсыртан и обратился к собравшимся:

— Вы не знаете его?

Когда люди ответили: «Не знаем» — он сказал:

— Если не знаете его, соберите сюда всех людей без исключения, начиная от грудных младенцев и кончая стариками.

Собрали всех людей, как он сказал. Тогда Гиляхсыртан спросил:

— Кто еще остался?

— Жёнгер, наверное, находится в багуше, кроме него, собрались все,— ответили ему.

— Если так, то сходите, приведите и его тоже,— приказал Гиляхсыртан.

Несколько [человек] из собравшихся пошли к багушу, вернулись обратно и сказали:

— Жёнгера там нет.

— Да, жамауат*, если его там нет, значит, перед нами лежит тело Жёнгера,— сказал Гиляхсыртан.

Люди [еще раз] попытались поднять труп, но не смогли даже сдвинуть [его]. Тогда Гиляхсыртан сказал:

— Сходите и приведите его сестру Гошу, после ее плача и причитаний вы, наверное, сможете поднять тело Жёнгера.

Люди пошли и привели Гошу. Она как пришла, стала рыдать и причитать, после чего [люди] подняли тело Жёнгера и унесли.

Потом брат Жёнгера Турту узнал, что в гибели его брата виноват Гиляхсыртан. И он решил отомстить ему.

Наступил праздник нартов, и они собрались выпить медовую бузу, которую настаивали в течение года. Когда началось празднество, брат Жёнгера Турту сказал, обращаясь к нартам:

— Разрешите закрыть двери и окна, чтобы никого не выпускать отсюда и никого не впускать сюда.

Обязанность охранять входную дверь [он] взял на себя.

[Обычно] Злоязычный Гиляхсыртан ездил по нартским аулам верхом на куцехвостой лошади, за лошадью следовала собака, тоже без хвоста.

Брат Жёнгера у двери оставил вместо себя своего друга, забрал свое оружие, сел на коня Злоязычного Гиляхсыртана и выехал на ту дорогу, по которой обычно ездил [Гиляхсыртан].

В пути он сказал коню:

— Повези меня по той дороге, по которой ты ходишь туда, где ты живешь.

Конь поскакал и, добравшись до одного красивого кургана, остановился. Когда [он] человеческим голосом крикнул: «Курган, откройся!» — [бугор раздвинулся],

и появилась дверь. [Турту], въехав внутрь, увидел там жену и двух сыновей Злоязычного Гиляхсыртана. Заметив их испуганный вид, Турту сказал им:

— Не бойтесь, меня прислал Гиляхсыртан. Он сказал: «Я виноват перед своей семьей, так как я держу ее все время взаперти. У меня есть один валух, ты зарежь его, жена пусть приготовит еду и питье. [Я] приведу с собой нартов»,— вот все, что он передал,— сказал.

Брат Жёнгера зарезал валуха, повесил котел с водой над костром. Пока вода закипала, он медленно свеживал валуха. [Когда вода закипела], он убил жену и сыновей [Гиляхсыртана], разрубил их на части, бросил [в кипящий] котел. Потом вернулся к нартам.

Злоязычный Гиляхсыртан все это чувствовал и беспокоился, и, как только нарты закончили свое пиршество, он сразу поскакал домой. Увидев свою жену и детей в котле, [от горя] он сам, его лошадь и собака, словно ветер, улетели в небо. «Если посмотрите на луну: на ней и поныне видны очертания коня, собаки и его самого»,— говорят старики.

VIII. ЧЮЕРДИ

116. НАРТ БОРА-БАТЫР И ЧЮЕЛДИ

В те времена, когда нарты и эмегены враждовали, они нападали друг на друга и целыми группами и в одиночку.

Тогда у одного богатыря по имени Бора-батыр было шестьдесят драконов, которые охраняли [его крепость от] эмегенов. Этих эмегенов было шестьдесят. Они боялись драконов, не нападали на крепость и выжидали удобного момента.

Бора-батыр был одним из бийев нартов. У него был табунщик по имени Чюелди, который тоже был из нартов.

Однажды у табунщика Чюелди погас огонь. Увидев вдали отблески огня, он отправился туда. Один шаг его коня равнялся месяцу пути, а прыжок — году пути.

Этот табунщик в поисках огня подъехал к крепости, откуда исходил свет. «Эй, кто здесь есть?» — крикнул он. [А в крепости жили эмегены. Когда они его пригласили к себе], он насчитал шестьдесят пятиглавых эмегенов. На огромном костре кипели шестьдесят котлов. В каждом из них варилось по одному быку.

Когда мясо сварилось, каждый эмеген взял по котлу. [Некоторые из них], заглотив свою долю, но не насытившись, старались выкрасть мясо у других.

— А почему бы вам варить мясо не в шестидесяти котлах, а в одном большом и есть всем вместе из одного котла?— спросил их Чюелди.

Старший из эмегенов ответил:

— Эй, славный юноша, даже один из нас сможет съесть все шестьдесят быков, мы ведь очень много едим. Мы не можем делать так, как ты советуешь. Ты же видишь, даже когда доля каждого из нас определена, мы хватаем [мясо из чужого котла].

Тогда табунщик Чюелди из нартов опять спросил:

— А когда вы варите [мясо], вы кладете туда соль?

— А что такое «соль»? Мы не знаем, что это такое,— ответили [эмегены]. И тогда, пораженный их обжорством, испуганный Чюелди, желая спастись от них, сказал:

— Эй, курганы-мудрецы¹, если я вам принесу соль и вы станете добавлять ее в вашу еду, то вы не будете есть так много. Вам достаточно будет мяса [всего] одного большого котла.

После Чюелди попросил у этих эмегенов огня. Взяв огонь, он отправился к себе, испуганно оглядываясь назад.

Добравшись до своего табуна, он развел костер. На второй день, хоть он и очень боялся, решил: «Не буду обманщиком»,— взял соль и отправился к эмегенам.

Поздоровавшись с ними, он сказал:

— Заколите одного быка.

Когда эмегены по его велению сварили этого быка, положив в котел всю соль, он сказал:

— А-ну покушайте.

Они все вместе не смогли съесть быка и даже Чюелди выделили долю. Эмегены были очень удивлены. Поблагодарив Чюелди, они посоветовались друг с другом и решили впредь пользоваться [солью].

Конечно, они вначале хотели его съесть, но, после того как благодаря Чюелди узнали о неведомой ранее для них соли, они раздумали это делать и сказали

друг другу: «Давайте используем его для того, чтобы напасть на крепость Бора-батыра» — и так обратились к Чюелди:

— Ты, конечно, из рода людей, но, несмотря на это, будь нашим другом, мы ничем тебя не обидим, только помоги нам.

— Наверяд ли вам понадобятся моя сила или мои советы, вы ведь сами курганы силы и мудрости². Однако, [если я смогу], я сделаю все, что в моих силах,— сказал Чюелди.

— Ну, если так,— сказали эмегены,— нас [всего] шестьдесят эмегенов. Сын нартов Бора-батыр очень богат, у него много добра. Наш старший велел нам ограбить его и убить. Через двадцать дней мы нападём [на его крепость]. [Крепость] Бора-батыра шестьдесят драконов охраняют на земле и сто желмауузов* на небе. Мы боимся их, помоги нам одолеть Бора-батыра.

Хотя Чюелди сам был из нартов, ему пришлось испытать из-за Бора-батыра много бед, поэтому он тоже был зол на него. А к тому же он, возгордившись тем, что эмегены не тронули его, да еще и посчитали его таким мудрым, подумал: «Я же должен был когда-нибудь испытать себя [в борьбе] с сыном нартов Бора-батыром и с эмегенами. Сил у меня хватит, да и конь мой могуч. Один раз сделаю так, как хотят эмегены, и посмотрю [что получится] — мое счастье, если они не причинят мне вреда, ну, а потом и Бора-батыр будет в моих руках».

Попрощавшись с эмегенами, он отправился [к крепости]. Его коню [стоило] сделать несколько шагов, как он уже был около драконов. Уничтожив их всех, [Чюелди] на второй день встретился с желмауузами, истребил и их и, [оставившись] во дворе Бора-батыра, позвал его.

Бора-батыр, услышав человеческий голос, был очень удивлен. «Без разрешения никогда никто не входил сюда. Интересно, кто этот человек, который смог пройти через столько драконов и желмауузов?» — подумал он и, побоявшись выходить во двор, выглянул в окно.

— Кто ты, как ты сюда проник? — спросил он.

— Ну, а почему бы сюда не зайти? Ведь ты тоже человек. Хотя ты — нарт, ты не живешь так, как другие нарты. Да и над нартами чинишь насилие. Ты не защищаешь нартов от эмегенов, даже не думаешь их защитить. Вот поэтому я, попросив у Тейри силу богатырскую, убил оберегавших тебя на земле шестьдесят драконов, уничтожил и сто [твоих] желмауузов на небе и пришел сюда поговорить с тобой. Ты должен знать, что нарты недовольны тобой, хотя ты считаешься [одним] из знаменитых нартов! Говори, что ты решил.

— Ну что же,— сказал сын нартов Бора-батыр,— ты правильно меня укоряешь. Каюсь, я, конечно же, был не прав. Вот если бы ты теперь смог уничтожить и шестьдесят эмегенов, которые уже несколько лет готовятся убить меня и истребить всех нартов на земле, тебе был бы благодарен весь [род] нартов. Ты видишь, я уже стар. У меня есть единственная дочь. Если ты уничтожишь эмегенов, я выдам свою дочь за тебя и ты станешь главой [нартов] вместо меня.

— Ну что же, попробую,— сказал Чюелди и отправился обратно.

— Ну что? Ты придумал, как нам уничтожить сына нартов Бора-батыра? — спросили его эмегены.

— Вы что думаете, так легко справиться с Бора-батыром? Я все же найду способ [уничтожить его]. Если вы мне верите, проявите терпение, я сделаю так, чтобы вы через два-три дня смогли ограбить Бора-батыра, я же теперь на вашей стороне. Однако вы должны поклясться, что, после того как победите Бора-батыра, не тронете, не съедите меня,— сказал [Чюелди].

Эмегены поклялись, [что не тронут его]. Они усыновили его и, сказав: «Мы будем ждать тебя три дня», — отпустили его назад.

За эти три дня Чюелди женился на дочери Бора-батыра и стал его зятем.

На третий день вечером сел он на своего коня и поехал к эмегенам. Истребив их всех до единого, он собрал все их богатство, накопленное ими за всю их жизнь, и, подъехав к месту, куда Бора-батыр собрал весь народ округи, положил все это богатство перед Бора-батыром.

— Это — мой зять, — сказал нарт Бора-батыр. — Я, наверное, обижал вас [иногда]. Простите меня, старого. Мой зять Чюелди будет достоин вас. Он сможет защитить вас от врагов. И ему и вам нужно объединиться. Забудьте гордыню, будьте дружны — ни один враг не одолеет вас. И тогда до конца света будет процветать племя нартов. [Если же вы не будете вместе], то вас ждет неминуемая гибель³.

Вот так Чюелди стал предводителем нартов вместо Бора-батыра⁴, говорится в сказании.

117. ЧЮЕЛДИ

Кубу и Губу жили во времена нартов. Отцы у них были из рода людей, а матери у обоих были из племени нартов, живших на горе Тихтеннген. А нарты этой горы хотя и не были очень могучи, зато славились своей хитростью, способностью выйти из любого положения. Они оба, [Кубу и Губу], жили в местности Куб*.

Нарт Кубу был очень богатым. У него было так много коней, что эти бесчисленные табуны [зеленые] склоны гор превращали в черные. Он сам был очень щедрым человеком и врагом тех, кто причинял людям зло. А Губу был конокрадом. Он был очень зловредным и чинил над людьми насилие.

Однажды Губу решил угнать табун Кубу. Приехав к табуну, он метнул в Кубу свою стрелу. Стрела, вонзившись в глаз [Кубу], вылетела, пробив ему затылок. Кубу умер, а Губу уехал, забрав [из табуна] понравившихся ему коней.

Хотя Кубу умер, после него остался малолетний сын. Его звали Чюелди. После смерти отца мать Чюелди Сарасан отдала его на воспитание одному из своих нартских братьев, живших на горе Тихтеннген, — нарту по имени Курша. И он воспитывался у него до пятнадцати лет. [Курша] стал всему обучать [Чюелди]: он брал его с собой на охоту в темные, недоступные места и показывал [различных] зверей; учил, как одолевать ледники и расщелины ледников; привязывая его арканом, научил лазать по скалам; стрелять из лука. И еще многому другому он научил его. Однако Курша сам не умел плавать и не смог этому научить Чюелди. А потому через большие реки Чюелди мог перебираться только с помощью волосяного аркана.

Перед едой [Курша] заставлял [Чюелди] много бегать. Он заставлял его поднимать тяжелые камни. Приучил есть недоваренное мясо и отказывать себе в сне. Чтобы его глаза хорошо видели, давал ему есть черную смородину¹, чтобы он слышал даже малейший шорох, смазывал [ему уши] жиром фазана и перепелки², а в ушные раковины вложил специальные слуховые рога.

[Вот так жил] Чюелди, пока ему не исполнилось пятнадцать лет.

После Курша привел [Чюелди] и отдал его матери Сарасан. Мать с радостью приняла его.

Сын у матери спросил: «А ты кто?»

— Ты — мой сын, я — мать, родившая тебя, — ответила она.

— Ну, если это так, кто мой отец, где он?

— Ой, сын мой, он очень давно умер от болезни. Что о нем спрашивать, он теперь никогда сюда не вернется.

— Нет, анам, ты почему от меня скрываешь? Я слышал, что моего отца убил один человек. Что-нибудь осталось [от отца в наследство]?

Но мать ничего не хотела говорить. И тогда Чюелди схватил ее за запястье и сунул ее руку в кипящий жирный бульон.

— Не скажешь, не скажешь? Если не скажешь, я сварю тебя вместе с этим кипящим мясом,— пригрозил он.

И тогда его мать воскликнула:

— Да пусть покарает Тейри того, кто сказал тебе это! Отпусти, я все расскажу тебе. Твой отец был очень богат,— начала она.— Его заклятым врагом был Губу. Твоего отца он убил. Меч, лук, солтанжия* и конь твоего отца хранятся в одной из пещер горы Куркур*.

Чюелди оттуда сразу же отправился к горе Куркур. Там он встретил нарта Бора, и тот пригласил его в гости. В честь гостя [Бора] заколол трехгодовалого барана. Накормив и напоив [Чюелди], нарт Бора спросил:

— Славный юноша, зачем ты бродишь, что ищешь?

Юноша рассказал ему об убийце своего отца и о том, что он вышел на поиски коня и снаряжения отца.

— Так, значит, ты сын нартов. А кто тебя воспитал? Ты не знаешь нарта по имени Курша?— спросил его нарт Бора.

— Знаю. Он мой аталык*, он воспитал меня,— ответил Чюелди.

— Ну, тогда я знаю эту пещеру,— сказал Бора.— А ну, раскрой-ка пошире свои глаза и посмотри туда. Вон там, далеко среди гор, видишь тот черный камень? [Вот за этим камнем] в пещере находятся конь, солтанжия, лук и другое снаряжение твоего отца.

Увидев все это своими глазами, он потом приложился своими слуховыми рогами к земле и прислушался. И услышал, как конь копытом стучит по земле. Оттуда он пошел к пещере.

Отбросив в сторону черный плоский камень, закрывавший вход в пещеру, он вошел внутрь. Зашел и видит: стоит конь, у одной стены пещеры — солтанжия, лук, возле них — меч отца, а на его эфесе он увидел изображения льва и тигра. Чюелди повесил на шею лук и солтанжию. Потом, взяв меч отца, три раза поцеловал его лезвие и, три раза поклонившись Тейри Неба, три раза поклонившись Тейри Земли, попросил [их]:

— Пусть я буду таким же бесстрашным и могучим, как лев и тигр.

Потом он решил сесть на коня, но сколько ни пытался, конь не подпускал его к себе. [Чюелди], сказав:

— Ну, как это я не смогу сесть на коня, на которого мог садиться мой отец? — схватил его за уши, одним прыжком, как лев, впрыгнул на его спину. Стегнув плетью, выскочил из пещеры.

Перелетая из ущелья в ущелье, как птица, он домчался до моста одной бурной реки, который охранял эмеген. Эмеген не стал пропускать его через мост. Тогда [Чюелди] выхватил меч своего отца и им

Стоящего на мосту деу эмегена ударил,
Эмегена, прямо по макушке ударив, надвое разрубил.

Его меч рассек эмегена и мост перерубил, и все они полетели в воду.

Конь Чюелди доплыл с ним до другого берега. Оттуда они помчались по равнине. Когда [Чюелди] скакал, из-под копыт его коня вылетали куски дерна и казалось, что позади него вьется черная галочья стая. В пути он встретил одного юношу. Когда они поздоровались, [Чюелди] спросил:

- Ты не знаешь, где находится табун Губу — убийцы моего отца Кубу?
— Он, заполнив семь ущелий, пасется около Чууана, — ответил [юноша].

Чюелди дальше поскакал и табун нашел,
С криком он [в табун] свой шелковый аркан бросил.

Табун, испугавшись звука ударившегося о землю аркана, бросился [бежать] вниз. Однако от табуна отделился один конь и поскакал в обратную сторону, [Чюелди] погнался за ним, но не смог догнать и вернуть его назад. Потом он погнался табун дальше и доехал опять до той реки и [до того] места, где [раньше] был мост.

Глядит: построен [новый] мост. Перила и сваи моста не из дерева, а из бронзы и чугуна. Подходы же к мосту охраняли два эмегена. В руках они держали по чинаре, вырванной с корнями. На лбу у каждого блестел, как черное стекло, один глаз величиной с кулак. Кривые их ногти [были остры], как когти орла. Изо рта у них в разные стороны торчали клыки, подобные клыкам вепря. А уши у них были маленькими и волосатыми, точь-в-точь как уши летучей мыши.

Подъехав [к мосту], Чюелди поздоровался:

— Добрый день, мудрые стражи моста!

— Нартов сын, сын человеческий, чтобы путь твой недобрым был! Не приходи к нам. Пусть и табун твой там стоит, да и тебя самого мы не пропустим, — заявили эмегены.

Тогда между Чюелди и эмегенами завязался жестокий бой. Эмегены кинулись на Чюелди с чинарами, вырванными с корнями, и, вспугнув его табун, отогнали его назад. Они сражались с утра до самого вечера. Так прошел у них и второй день. На третий день Чюелди со словами: «Я не буду настоящим нартом, если дам им одолеть себя» — бросился на них. Эмегены с чинарами, а он с мечом очень долго бились. Потом Чюелди, сказав эмегенам: «Я не буду сыном Кубу и Сарасан — дочери нартов, если одним ударом не сваляю вас», — так ударил [мечом] одного из эмегенов, что и чинару в его руках, и его самого перерубил надвое.

Второй эмеген, увидев, как упал его товарищ, бросился бежать по мосту, раскачивая его. [Чюелди нагнал его.] Он с мечом, а эмеген с чинарой опять начали биться. Когда Чюелди в сердцах изо всех сил ударил [эмегена], то и [эмегена], и дерево в его руках, и мост из чугуна и бронзы рассек пополам — и все это полетело вниз в воду.

Чюелди с табуном переплыл на другой берег и погнался дальше. Вдруг через его голову стали, как ястребы, перелетать куски дерна, камни и падать на [бегущий впереди него] табун. Когда он, подумав: «Ярабий, чтобы это могло быть?», — оглянулся назад, увидел скачущего за ним всадника на том коне, который убежал, [когда он угонял табун].

Это был Губу, который, убив отца Чюелди, угнал его табун. Чюелди [быстро] отогнал табун в сторону, а сам со своим конем [взобрался] на высокий курган [и, подготовившись к встрече врага], натянул свой солтанжия.

[Когда подъехал Губу], они начали метать друг в друга стрелы. Стрелы из лука Губу, вонзившись в курган, пробивали его до середины. А стрелы, пущенные Чюелди из солтанжия, пробив курган с одной стороны, искрясь, вылетали с другой.

Два дня и две ночи метали они друг в друга стрелы из лука и солтанжия, но оба были целы и невредимы. Тогда они начали сражаться на мечях. Три дня без еды и питья они вели сражение. И тогда Чюелди стал молить Тейри Земли и Тейри Неба, чтобы они помогли ему, из последних сил он размахнулся

и ударил Губу по макушке. [Удар был настолько мощным], что меч, пройдя через Губу, рассек надвое и курган. Раздвоенный мечом Чюерди курган и сейчас стоит около Чууана.

118. НАРТ ЧЮЕРДИ И ДОЧЬ ЁРЮЗМЕКА

В давние времена жил один нарт по имени Чюерди. После смерти его отца [нарты] перестали признавать его своим. Тогда он убежал к братьям матери. Его дяди, для того чтобы никто не смог одолеть его, сделали тилсим * и привязали его железной проволокой к его запястью.

Когда Сибилчи и Ёрюзбек стали притеснять и преследовать Чюерди, братья его матери сказали: «Пойди к табуну и выбери себе коня, потом забирай свою мать и уезжай отсюда [куда-нибудь подальше]».

Он отправился к табуну и, бросая аркан, по очереди стал ловить коней, так как ни один из [пойманых] не выдерживал его [веса]: когда он [на них садился], их спины настолько прогибались, что они животами касались земли. Наконец он поймал рыжую шелудивую лошаденку. Когда он и ее испытал, ее спина не прогнулась. Подумав: «Наверное, она мне подойдет», — он взял ее себе.

Оседлав лошаденку, он забрал мать и отправился в дорогу. После долгого пути они выехали к какой-то крепости.

Нарт Чюерди, к крепости [подъехав], крикнул.

Оттуда одноглазый эмеген вышел.

Нарт Чюерди, взмахнув мечом, эмегену голову снес.

За ним [из крепости] второй эмеген вышел.

5 Чюерди и ему голову снес.

Потом третий эмеген появился,

А его он не стал убивать, а живьем в яму бросил.

Крепость от эмегенов освободив,

Он с матерью там поселился и охотником стал.

10 Однажды нарт Чюерди ушел на охоту.

Его мать [случайно] взобралась на каменную глыбу над ямой, где сидел эмеген. Услышав стоны, доносившиеся из ямы, «Что бы это могло быть?» — подумала женщина. И в этот миг эмеген из ямы крикнул:

— Если ты сможешь мне выйти отсюда, я стану твоим сыном.

— Да чтоб ты стал жертвой за моего сына! Мне не нужен сын, — сказала женщина.

Тогда из ямы донеслось: «Мужем твоим буду».

Женщина подумала и спросила:

— А как [мне тебя] вытащить?

На это эмеген ответил женщине:

— В подземелье [крепости] есть железный лом, попробуй им.

Женщина принесла лом и вытащила [из ямы] раненого эмегена. Они [с того дня] стали мужем и женой. К возвращению Чюерди с охоты эмеген прятался, [и Чюерди ни о чем не ведал].

Со временем женщина забеременела. Однажды, когда Чюерди в очередной раз возвращался с охоты, неся на одном плече убитого зубра, а на другом плече целую чинару, он нашел на дороге ребенка, завернутого в кору [дерева]. Он принес его домой (а этого ребенка, когда он ушел на охоту, родила его мать и [нарочно] подбросила на дорогу, по которой он обычно возвращался) и со словами: «Воспитай его» — отдал [малыша] матери. Его мать с радостью взяла ребенка. Прошло много времени, мальчик вырос и стал большим.

Эмегену же надоело все время прятаться от Чюерди. И он задумал с помощью жены убить его. Они посоветовались, и эмеген сказал жене:

— Сделай хычины и положи в их начинку яд.

Женщина стала печь хычины: половину из них она сделала с отравленной начинкой, а половину с хорошей мясной начинкой. Юноша, догадавшись об этом, когда мать вышла наружу, взял и поменял местами хычины, пекущиеся [в очаге].

Когда хычины были уже готовы, мать накормила его [теми, которые считала] отравленными. Увидев, что Чюерди остался жив, они поняли, что он съел неотравленные хычины, а им остались отравленные, и не стали их есть.

После этого они придумали другой способ, как погубить юношу: мать Чюерди, притворившись больной, сказала:

— Сын мой, я больна, и мне нужно снадобье. Оно находится у одного эмегена. [Этот эмеген настолько громаден и могуч], что его дыхание, [превратившись] в туман, солнечные лучи [на землю] не пропускает. Голос его грому подобен. От его голоса горы звенят, от его шагов земля содрогается. Он живет там-то, там-то. Отправляйся туда. Твое счастье, если вернешься живым.

Юноша, снарядившись, сел на своего коня и выехал в дорогу. После долгого пути он добрался [до крепости] эмегена и зашел в комнату, где хранились снадобья. Вошел и увидел, что эмегена там нет. Но там находилась девушка, прекрасная, как солнце и луна. Девушка сказала:

— Эй, сын человеческий, откуда ты, как ты здесь очутился? Скорей беги отсюда, а то сейчас, заволакивая небо тучами, сотрясая землю, придет эмеген и тут же проглотит тебя.

Юноша спросил девушку:

— А ты кто, что ты тут делаешь?

Девушка ответила:

— Однажды, когда я с подружками отправилась гулять, с неба медленно опустилась черная туча, она схватила и унесла меня. Принесла и бросила меня в эту комнату. Каждое утро эмеген, уходя на охоту, так хвастается передо мной: «Ты — дочь Ёрюзмека, завоевавшего весь мир, посмотрим, что он со мной сможет сделать?»

Юноша, сказав: «Пошли [со мной]», — вывел девушку наружу. И тут же, заستا небесный свет, прилетело что-то. Потом с неба на землю опустилась туча. Смотрит — а это эмеген. Эмеген, крикнув: «Эй, сын человеческий, что, проглотить тебя?», — разинул свою пасть. «Не надо меня приглашать, я сам пойду и осмотрю твой рот», — сказал юноша и, подойдя к нему, выхватил свой меч и одним ударом снес ему голову. Кровь, бившая из шеи эмегена, обагрила небо, подобно алой туче. Чюерди взял девушку и отправился оттуда в обратный путь.

По дороге они встретились с небольшой группой всадников. Это были Сибилчи, Ёрюзек, Сосурук и несколько других нартов. Увидев девушку, они воскликнули: «Это он, что ли, тебя похитил?» — схватили Чюерди и собрались убить его. Тогда девушка сказала:

— Отец, не убивай его, он спас меня, — и рассказала им всю свою историю. Потом она добавила: — Он ведь убил эмегена, которого даже вы не могли осилить.

На это Ёрюзек сказал [Чюерди]:

— Если это так, то пусть теперь моя дочь будет твоей, забирай [ее себе].

Юноша ответил:

— Спасибо, нарт Ёрюзек, но моя мать больна и лежит в постели. Я должен ехать к ней.

И тогда девушка надела на руку юноши свое золотое кольцо, а юноша, надев на ее палец свою золотую печатку, сказал:

— Мы найдем друг друга,— и поехал к себе.

Нарт Чюерди приехал домой живым и здоровым и дал матери снадобья, которые взял в доме эмегена. Ей пришлось сказать, что она уже поправилась, и встать с постели.

Когда нарт Чюерди ушел на охоту, эмеген сказал жене:

— Теперь ты [как бы в шутку] поборись со своим сыном. Он постесняется побороть тебя и даст повалить себя на землю. Вот тогда я выскочу из своего укрытия, навалюсь на него и задушу.

Во время борьбы, когда юноша упал, они сняли с него тилсим, привязанный железной проволокой к его запястью, самого не стали убивать, а прогнали, сказав: «Уходи [куда хочешь]».

Нарт Чюерди оттуда отправился к дочери Ёрюзмека, подарившей ему свое кольцо. Он подошел к ее дому, выдав себя за нищего. В это время из дома вышла одна девочка и отправилась за водой. Когда она вернулась с водой, Чюерди остановил ее и попросил: «Дай мне напиться из твоего кумгана». Когда девочка подала ему кумган, юноша стал пить воду не из носика, а прямо из горлышка и бросил туда кольцо девушки, которое он [до этого] положил себе в рот.

Через некоторое время, когда дочь Ёрюзмека мыла голову, [из кумгана] выпало кольцо. Она схватила его и спросила девочку:

— Кого ты встретила [по пути за водой]?

Девочка сказала, что из горлышка кумгана пил воду один человек, и описала, какой он.

— Пойди найди его и приведи сюда,— сказала ей [девушка].

Девочка [пошла] и привела юношу в комнату девушки. Они, увидев друг друга, обнялись и заплакали. Рассказали друг другу, [что с ними произошло со дня их разлуки].

Отец девушки, нарт Ёрюзек, услышав о приходе [Чюерди, пригласил его] и выдал за него свою дочь, соблюдая все законы, [принятые у них]. Прошло некоторое время. Через какой-то срок и Ёрюзек узнал о том насилии, [которое учинили над Чюерди его мать и эмеген].

Однажды [Чюерди], сказав: «Как же я оставлю [ненаказанными] свою мать и эмегена?»,— собрался в дорогу. Нарт Сосурук, Ёрюзек и Сибилчи сказали: — Возьми нас с собой. Он же сможет осилить и проглотить тебя.

Но он отказался брать их с собой и уехал один.

Подъехав к крепости матери и эмегена, [Чюерди] вошел внутрь. Притворившись нищим, попросил подаяния. А они, рассердившись, сказали: «Да чтоб тебе ослепнуть, что мы можем тебе дать?» Чюерди, увидев висевшие на стене свой тилсим, нож и меч, попросил: «Продайте мне эту железную проволоку с тилсимом». Купив, он привязал его к своему запястью. Потом спросил: «А меч не продадите?» Сторговавшись, он купил у них и свой меч.

Когда он привязал свой тилсим к запястью, к нему опять вернулась его богатырская мощь. Крикнув матери и ее мужу эмегену: «Я — Чюерди!»,— он снес им головы. Потом забрал с собой своего маленького брата и уехал оттуда. Так отважный пелиуан Чюерди — зять нарта Ёрюзмека, Сосурука и Сибилчи — остался [среди нартов].

119. ЧЮЕРДИ

В давние времена один из аулов, где жили нарты-гурты, постигло несчастье, и [люди] покинули его. В ауле была беременная женщина, и она не могла бежать. Для нее [нарты] вырыли большую яму, положили туда еду и питье, спрятали ее там и ушли.

Перед уходом оставили женщине и оружие, сказав: «Отдашь его, если родится сын!» Через некоторое время после того, как они покинули аул, женщина родила сына, а назвала его Чюерди.

Когда мальчик подрос, мать отдала ему оружие, оставленное [нартами].

Чюерди [вырос и] стал замечательным охотником. Он ходил на охоту, убивал диких животных. Мать и он сам этим жили.

Однажды, возвращаясь с охоты, в одном большом [дремучем] лесу он увидел замок, осмотрел его. Он подумал: «Если бы перебраться сюда вместе с матерью, отсюда мне было бы ближе ходить на охоту...»

Только он так подумал, как к нему подбежал эмеген и стал его душить. Долго они боролись. Чюерди победил эмегена, бросил его в большую глубокую яму и закрыл ее сверху большим камнем. Через несколько дней, забрав с собой мать, он поселился в этом замке.

После этого Чюерди [по-прежнему] ходил на охоту. Мать возилась дома и делала все, что нужно для сына. Так они и жили.

Однажды женщина услышала чье-то бормотание. Подошла близко к месту, откуда слышался этот звук, хорошенько [все] осмотрела и увидела яму, прикрытую большим камнем, а в яме — эмегена. Эмеген, заметив ее, попросил:

— Вытащи меня отсюда, буду твоим отцом!

— Да будь ты жертвой вместо моего отца!

— Буду твоей матерью!

— Да будь ты жертвой вместо моей матери!

— Буду твоим братом!

— Да будь ты жертвой вместо моего брата!

— Буду главой твоего дома, [мужем]!

Женщина замолчала, потом спросила:

— А как мне тебя вытащить?

— В черном сундуке есть аркан, принеси его, сделай отверстие у края камня, опусти аркан мне.

Женщина сделала, как он сказал. Эмеген выбил головой камень и выбрался [наверх]. [Тайком они] долго вместе живут. В то время, когда Чюерди должен вернуться с охоты, мать прячет эмегена, а когда он уходит, эмеген может свободно находиться в доме.

Через некоторое время Чюерди догадался [о происшедшем], но ничего не сказал. Когда прошло около года, женщина родила ребенка, назвала его Аллах-берди.

Чюерди очень горевал, хотел даже бросить мать и уйти, но не смог. «Что делать, как ни говори, [ни кляни], она [мне] мать, кормила меня своим молоком», — думал он и продолжал жить [дома].

Однажды эмеген сказал своей жене:

— Если ты не убьешь своего сына, я не буду жить с тобой!

— А как я убью?

— Положи в еду яд и накорми [его], тогда он умрет.

К этому времени мальчик подрос. Он услышал их разговор и тайно рассказал о нем Чюерди.

Женщина приготовила хычины, положив в них яд, и поставила перед Чюерди.

— Кушай, наверное, ты голоден, ты [ведь] вернулся с дороги уставшим, — сказала [она].

— Нет, мать, я не голоден, голодны мои собаки! — сказал он и бросил [хычины] своим собакам. Они понюхали хычины и не стали их есть.

— Мать, как человек может есть то, что не едят собаки?

Когда не получилось так, как они задумали, женщина спросила у эмегена:

— А что теперь будем делать?

— Сшей ему тесную одежду и надень на него, сделай ему и пару кожаных чарыков. Когда он наденет все это, я брошусь к нему и задушю его. В это время ты насыплешь на пол просо,— сказал эмеген.

Когда женщина все приготовила и надела на сына, эмеген бросился на него и стал его душить. Только он стал душить юношу, женщина насыпала на пол просо. Чюерди поскользнулся и упал.

— Беги за ножом, что находится в черном сундуке! — сказал эмеген женщине. Когда женщина принесла нож, Аллахберди сказал, что он сам ударит, взял нож из рук матери, воткнул его в шею эмегена, снес ему голову. Чюерди встал, взял нож из рук мальчика и только замахнулся на мать, как младший сын встал перед матерью. Чюерди замешкался, не смог ударить мать. После этого старший брат дал младшему свинцовую пулю и сказал:

— Если я умру, из этой пули потечет кровь. Если будет течь молоко, будь с матерью, если появится кровь, отправляйся искать меня... Я больше не могу смотреть в глаза такой матери.

Сказав так, Чюерди ушел. После долгого пути он остановился на одном высоком плоскогорье, внимательно посмотрел на все четыре стороны. Издали долетел слабый звук. Прислушавшись, он пошел в ту сторону, откуда доносился этот звук. Дошел [и увидел]: под плоскогорьем большая пещера, в ней возле трупа сидит девушка и плачет.

— Почему ты плачешь, что случилось?— спросил Чюерди.

— У меня семь братьев, они воюют с эмегенами, а с этим ты видишь, что они сделали! — ответила девушка.

— Где они воюют?

Девушка объяснила. Чюерди направился к ним.

— Оставь, они могут и тебе навредить,— сказала девушка. Но юноша не остановился. Шел он, шел и увидел вдали две группы людей. Одна группа была побольше, другая поменьше. Чюерди пошел и присоединился к меньшей группе. Поздоровался, сел. Когда пришло время, все встали и отправились в путь. В этот день они покончили с довольно большим количеством эмегенов. Юноша был умелым воином. На второй день, очистив местность от эмегенов, они вернулись и пришли к той девушке. Юноша хотел уйти, долго не задерживаясь там.

— Женись на нашей сестре! — настаивают братья [девушки], Чюерди не говорит на это «нет».

После женитьбы ночью в постели его жена стала вздыхать.

— Что вздыхаешь, что случилось?

Женщина не хотела отвечать. Муж настоял, в конце концов заставил ее сказать.

— Теперь [только] в одном месте остался один из [эмегенов], если бы и его не стало, нам было бы спокойно...

— Где он?

Женщина, как знала, постаралась объяснить. Утром юноша сел на коня и отправился в путь. Долго он ехал и доехал до края одного ущелья. Наверху этого ущелья увидел он замок. Это был тот замок, о котором говорила девушка. Он направился к этому замку. Он еще не успел доехать до замка, как его схватил эмеген.

— Стрельба или борьба?

— Борьба,— ответил Чюерди.

Эмеген ударил и вбил юношу в землю до того места, где завязывают ноги. Чюерди ударил, вбил [эмегена] в землю чуть выше щиколоток. Эмеген ударил — вбил его до коленей, юноша ударил — вбил до ремешков ногами. Так эмеген вбил юношу в землю по шею.

Когда он уже хотел снести ему голову, дочь эмегена упростила его не делать этого.

Аллахберди сжал пулю, [оставленную братом], и вместе с молоком выступила кровь. Он сказал матери, что уходит искать брата. Прошел он много дорог и вышел на одно плоскогорье. Под этим плоскогорьем слышит [чей-то] разговор. Когда спустился, увидел в пещере красивую девушку, которая то плакала, то успокаивалась.

— Почему ты печальная?— спросил [он].

Девушка рассказала о том, как ее братья боролись с эмегенами, как появился один юноша-смелчак, [который] присоединился к ее братьям и покончил с эмегенами. Но остался один эмеген, [юноша] ушел бороться с ним и долго не возвращается. «Мои братья отдали меня за него замуж»,— рассказала она обо всем подробно.

— Да ты, оказывается, моя невестка, если это мой брат! — сказал парень.

После этого он, долго не задерживаясь, отправился туда, куда ушел Чюерди. Как сказала ему девушка, он направился к ущелью, куда ушел его брат. Когда он увидел замок эмегена, подумал, что здесь, наверное, находится его брат, живой или мертвый, и поспешил туда. Тут выскочил эмеген и бросился к нему. Стали они бросать друг друга оземь. Эмеген поднял его и бросил наземь — тот ушел в землю ниже коленей. Аллахберди вогнал эмегена в землю выше коленей. Сражаясь таким образом с эмегеном, он вогнал его в землю [по шею].

— [Скажи], куда ты дел моего брата? Если не скажешь, отрублю тебе голову,— сказав так, встал над ним.

— Не лишай меня головы,— попросил эмеген и показал место, где находился его брат.

Аллахберди быстро побежал и вытащил своего брата, после этого вернулся и снес голову эмегену. Когда братья, радостные, стали уходить, дочь эмегена крикнула:

— Почему вы оставляете меня здесь?

Чюерди повернулся к ней и сказал:

— Я никогда не забуду твою доброту ко мне, но ты дочь эмегена, как я могу повести тебя к людям?

— Нет, я не дочь эмегена! Он украл меня ребенком и принес меня в этот замок, сегодня мне исполняется шестнадцать лет, сегодня он хотел жениться на мне. Теперь я свободна, эмеген умер, этот замок теперь ваш,— сказала она.

Аллахберди вернулся назад, женился на этой девушке, а Чюерди поехал и привез [туда] свою жену.

IX. АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ

120. АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ

Ачемезовых было девять нартских батыров.

Когда наступала ночь, девятеро входили в девять крепостей,

Когда наступал день, девятеро садились на девять породистых коней.

Девятеро пошли [по отдельности] на девять битв с Кубу.

- 5 Из всего их рода осталась одна беременная женщина.

[Эта] беременная женщина сына родила,
Бабушка [его] в золотую люльку положила.

Глаза мальчика черные, словно смородинки,
Мать кладет его каждый день в новую люльку.

- 10 В три месяца [все] люльки стали ему малы,
В семь месяцев он взял в руки альчики.

Когда он выходит на лед, выигрывает все альчики,
Семимесячный мальчик играет, как семилетний.

Однажды [он] вышел на ныгыш, стал с детьми играть в альчики.

- 15 Ачемез у лысого мальчика-сироты [все] альчики выиграл.

Солнце зашло, ночь наступила, его мать за ним не идет.
Он альчики лысого мальчика не отдаст.

И мальчик-сирота, заплакав, к [своей] матери пошел.
Та прибежала рассерженная [и сказала Ачемезу]:

- 20 — Разбогател бы ты, собачье отродье, не альчиками, а чем-нибудь другим.
Будь мужчиной не перед моим сыном, [а] перед убийцей [своего отца]!

Вытащил он альчики, [их] женщине бросил,
Рыдая, в сердцах лег на лед.

Мать стала разыскивать [его] и на льду нашла.

- 25 Подняла сына и насильно домой его привела.

— Что случилось с тобой, дитя? Открой свою тайну!
Может, ты поел бы чего-нибудь? Ты скажи матери!

— Мать моя, живот болит, пожарь мне кукурузы!
Подай мне ее горячей, не остужай.

- 30 Пожарила мать кукурузу, подала в тарелке,
— Сама покорми [меня]! — попросил сын свою мать.

Женщина взяла в руку горячую кукурузу,

И в тот же миг сын крепко сжал [ее] руку.

— Что ты делаешь, дитя [мое]? Опомнись, ради бога!
35 Что сделала [твоя] бедная мать — скажи мне!

— Каюсь, но и ты обо всем мне поведай.
Скажи, кто уничтожил род моего отца?

— Гнедой табун твоего отца ушел на большой Адиль,
А род твоего отца истребил Кубу.

40 Ну, а та бесстыжая женщина пусть не увидит свадьбы своего сына!
Пусть к тому, кто тебе это сказал, не будет уважения в народе!

— Сохранилась могила [моего] отца или нет?
В хозяйстве моего отца конь, оружие, доспехи были?

— Могила твоего отца сохранилась.
45 [В подземелье] под камнем в тысячу гёренке * были у [него] конь и оружие.

Твой отец, Ачемез, ежедневно выезжал на битву
И этот камень в тысячу гёренке поднимал вместе с девятью мужчинами.

Опечаленный мальчик, вздыхая, пошел к могиле отца,
Одной рукой поднял камень, весивший тысячу гёренке.

50 Когда вошел в конюшню, оружие увидел,
«Если бы удалось [мне] сесть на гнедого жеребца!» — подумал [он] и
посмотрел на его спину.

Его мать от удивления стала молиться.
Конь, на которого сел [Ачемез], сказал человеческим голосом:

— Если не будешь [меня] кормить отборной пшеницей, другой корм меня
не насытит.

55 Если не поймаетшь другого коня из табуна, не дам тебе усидеть на своей спине!

— Анам, если [я] сяду на жеребца и поскачу в степь,
Если буду разыскивать [наш] табун, в какой степи найду [его]?

— Чтобы найти [наш] табун, пойди по берегу реки Адиль,
Возьми с собой костяную узду для лова лошадей.

60 [Ни один] человек [даже] на спор не пойдет во владения Тотура.
[Там ты] встанешь на кочку, что находится среди высокого камыша.

Когда табун начнет выходить, считаешь и больших и маленьких [коней],
Погремишь уздечкой [и] посмотришь, какой [конь] подойдет.

Пошел [Ачемез] через высокий камыш к бурому холму.

65 Неказистый двухгодовалый облезлый жеребенок трижды подбегал [к нему]
и трижды просовывал голову в уздечку.

— Если прогонишь и в четвертый раз, уйду в бескрайние степи,— [про-
молвил жеребенок],—
Если ты будешь смелым наездником, то и я буду настоящим конем!

[Ачемез] надел [на него] костяную уздечку и забрал с собой.
В течение года кормил [его] отборной пшеницей.

- 70 Когда жеребенок стал настоящим конем, взял [Ачемез] оружие,
Привязал к седлу казан с желимом .

Снарядился, двинулся в путь, направился к большому Адилю.
Он переночевал около табуна [своего] отца одну ночь.

- Сварил желим вместе с песком, обмазал им своего коня.
75 Избил и разогнал стражников и подъехал к большому Адилю.

[Ачемез] обезглавил девять всадников, приставленных Кубу [к табуну],
И подъехал к жеребцу, пасшему табун.

Когда он расседлал [своего] породистого коня, тот бросился к табуну.
Белый жеребец Кубы укусил коня [Ачемеза] за круп, [обмазанный желимом
с песком],

- 80 Но из-за песка он не смог искусать коня, только сам изнемог.
И тогда Ачемез, сын Ачея, подошел к жеребцу.

Сегодня он увидел, что нет равных по силе его коню,
Понял, что, если поведет белого жеребца на поводу, весь табун пойдет
за ним.

- Сел на своего коня и повел на поводу белого жеребца,
85 Уехал, гоня впереди себя весь табун Кубы.

Ачемез с табунном убийцы Кубу к [своему] табуну подъехал.
Сделал сто стрел для лука, взял [их] с собой.

[К Кубу] гонец прискакал и сказал: «Кубу, твой табун угнали!»
Кубу оседлал своего черного Борака и сел на него.

Он понял, что у Ачея остался наследник.
Подъехав к [своему] врагу: «Откуда и чей ты сын?»— спросил.

Разглядев его, увидел, что он еще юн.
Кубу разделил на две части [свою] провизию, половину отдал Ачемезу,
сыну Ачея.

- Кубу сказал: «И еду и оружие мы поделим поровну.
95 Победит тот, кто сильнее, а это [мы] узнаем в бою...»

Кубу не хотел бороться, он хотел стреляться.
Сегодня здесь в мальчика вонзилось сто стрел.

Тело Ачемеза покрылось стрелами.

Зашло солнце, и стало совсем темно,

- 100 Когда стемнело, Кубу решил [домой] поехать:
[Он] знал — если у своей жены-целительницы не полегчает, [ему] не
остаться в живых.

Ночью, [когда он] примчался домой,
Его жена взяла волшебный черный оселок и вылечила его.

Так они три дня упорно бились.

- 105 В сироту Ачемеза триста стрел вонзилось.

От этих сражений [и] Кубу устал, изнемог.
Бросил [он] юношу за седло и повез [к себе] домой.

В эти дни, когда Кубу возвращался домой, весь покрытый стрелами,
— Кто это столько дней воюет с тобой? — удивлялась [его] жена.

- 110 — Белый [мой] табун — до единого коня — ушел к реке Адиль,
[Оказывается], из потомства Ачея остался еще один, [это он табун угнал].

Когда мы встретились с Ачемезом, стали стреляться из луков.
Пойди и посмотри на того, с кем я боролся, я [привез его труп и] бросил
его у дверей.

Жена Кубу вытащила черный оселок и подала [его] Кубу.

- 115 Изможденный старый Кубу лег на кровать.

Когда Кубу лег на кровать, [он радостно] засмеялся про себя.
Когда Кубу уснул, женщина пошла и посмотрела на мальчика.

Приложив ухо [к груди Ачемеза], она поняла, что он еще жив.
Положила юношу в таз, искупала [его], провела черным оселком,

- 120 Юноша ожил и встал на ноги
И тут же схватил меч.

— Зачем ты взял меч? Одумайся! Ей-богу,
Убить спящего — позор для мужчины! Окликни Кубу!

- Кубу! — громко крикнул [Ачемез]. [Когда] Кубу поднялся с места,
125 Ачемез взял меч и снес ему голову.

Так Ачемез, сын Ачея, [отомстил за кровь своего отца].
[Он] забрал все богатство Кубу и уехал на большой Адиль.

121. АЧЕМЕЗ И КУБУ

Ачеевы в Ташлы Сырте жили, говорят.
Их было шестьдесят всадников, говорят.
Всех их шестьдесят человек убил тот, кого звали Кубу, говорят.
Из этого рода [только] один мальчик остался по имени Ачемез, сын Ачея,
говорят.

- 5 [Однажды] Ачemez, сын Ачея, выиграл у одного мальчика все альчики, говорят. Тот мальчик в слезах пошел к своей матери.
— Ачemez, сын Ачея, выиграл [все] мои альчики! — сказал.
Мать [мальчика] пришла к Ачемезу, сыну Ачея:
— Ты бы показывал свое мужество не перед моим сыночком, а перед тем, кто убил твоего отца! — сказала.
- 10 Сын Ачея вернул мальчику альчики, пришел к своей матери и сказал:
— Ой, мать моя, болит у меня живот!
— Что мне делать, дитя мое, чего ты желаешь? — спросила [мать].
— Ой, мать моя, если бы ты пожарила кукурузы, я поел бы немного [горячей кукурузы], — ответил [он].
[Его] мать пожарила кукурузы и подала в стеклянной тарелке, говорят.
- 15 — Ой, мать моя, ты думаешь, у меня стеклянная душа? — сказал он.
Мать подала [ему кукурузу] в деревянной чаше.
— Ой, мать моя, ты думаешь, у меня деревянная душа? — сказал он.
— Ой, душа моя, свет очей моих, что мне делать, в чем [же тебе] подать?
— спросила она.
— Ой, мать моя, если бы ты подержала горячую кукурузу в руке, я поел бы немного, — ответил [он].
- 20 Как только мать взяла горячую кукурузу, он крепко сжал [ее] руку.
Тут мать: «Что ты делаешь, дитя мое? Разве в стране нартов нет женщины, кроме меня? — сказала, —
Отпусти руку, [ведь] обожжет!» — сказала.
— Если не назовешь убийцу отца, не отпущу, — сказал.
— Отпусти руку, жжет. Пусть участь [твоего] отца постигнет того, кто об этом сказал тебе!
- 25 [А] род твсего отца истребил некий Кубу, паук-кровопийца.
— Где конь моего отца, его седло, оружие? — спросил Ачemez.
— И его коня, и оружие я дам тебе, — сказала она, — только ты не борись с Кубу!
— Нет, мать моя, я не успокоюсь, пока не отомщу за кровь отца, — сказал.
- 30 Когда мать поняла, что [сын] не послушает ее, [она] так сказала Ачемезу:
— [Ну что же], дитя мое, возьми побольше оружия, и доброго [тебе] пути, — сказала, говорят. —
Все [мужчины] из твоего рода выезжали на бой на этом коне.
Запомни, когда выедешь из аула, делай все, как посоветует твой конь, — наказала она.
И только Ачemez выехал из аула, конь, [что был] под ним, заговорил человеческим голосом, говорят:
— Ой, Ачemez, сын Ачея, запомни то, что я скажу, — сказал. —
- 35 [Сейчас] мы проедем по железному мосту, что перед нами, — сказал, говорят, —
Когда ступим на железный мост, Кубу проснется от грохота и выйдет, — сказал. —
Впереди сторож Кубу — черный гриф, — сказал. —
Если при встрече мы упустим [его], — сказал, —
Если ты не сможешь застрелить этого черного грифа, [он] полетит к Кубу и даст ему знать [о нас], — сказал. —
- 40 [А] если застрелишь грифа, мы сможем проехать на пастбище Кубу, — сказал.
— На пастбище я остановлюсь на высоком кургане, — сказал, —
На [этом] кургане ты выкопай в свой рост три ямы, — сказал. —
[Потом] снимешь с меня седло, обмажешь меня клеем и натрешь песком, — сказал. —

- У Кубу есть златохвостый рыжий жеребец, который стережет [его] табун,—
сказал.—
- 45 Когда я стану на виду, [он] примчится и начнет со мною грызться,— сказал.—
И когда он на мне будет клей с песком кусать, я буду кусать его самого
и свалю [его], обессиленного,— сказал.—
Ты же подбеги, прыгая из одной ямы в другую, и садись [на него],—
сказал.—
- А я в это время угоню табун Кубу!— сказал.
Ачемез [без шума] проехал железный мост, и Кубу не проснулся, говорят.
- 50 Проехал [мост] и добрался до черного грифа, говорят.
Только черный гриф взлетел, [Ачемез] выстрелил и убил [его], говорят.
На высоком кургане [он] выкопал три ямы, говорят.
Потом он своего коня обмазал клеем и песком, говорят.
На виду у златохвостого рыжего жеребца его конь встал и заржал, говорят.
- 55 [Жеребец] прискакал и напал на него, говорят.
— Когда рыжий жеребец кусал клей на моем коне,
Мой конь стал рвать [его самого],
Так он лишил сил рыжего жеребца и свалил [его], говорят.
И тогда [я] оседлал [его] и вскочил на него,
- 60 А мой жеребец погнал табун Кубу.
Когда я ехал по дороге, навстречу мне выехал Кубу и спросил:
— Мальчик, ты не видел табун? — спросил [он меня].
— Табун ушел вон туда,— сказал я и указал не туда.
Встретил [меня Кубу] во второй раз и спросил:
- 65 — Мальчик, не видел коней?
— Я опять указал не ту дорогу: «Только что вон туда прошли»,— сказал.
[Когда] в третий раз подъехал ко мне Кубу, [он] спросил: «Кто же ты —
шайтан или джинн?»
— Я не шайтан и не джинн, а Ачемез, сын Ачея,— сказал я.
— Если так — стреляться [нам] или бороться? — спросил [Кубу].
- 70 — Бороться — дело бабье, будем стреляться! — сказал я.
Ачемез, сын Ачея, допоздна сражался и получил много ран, говорят.
— Если ты мужчина, утром будешь здесь! — сказал Кубу.
А Ачемез: «Прихвати стрел не только для себя» — сказал, говорят.
Юный Ачемез, истекая кровью, без пищи, без огня всю ночь на морозе
пролежал, говорят.
- 75 От прикосновения руки жены Кубу [любые] раны заживали, говорят.
Жена Кубу, знахарка Аймаек, исцелила мужу [все раны], говорят.
Кубу приехал утром и, высыпав стрелы на бурку:
— Давай теперь поделим пополам, возьми свою долю! — сказал, говорят.
И опять [они] бились до вечера, говорят.
- 80 Когда Ачемез упал, истекая кровью, говорят,
Кубу подъехал, положил Ачемеза за седло, привез домой и бросил в
глубокую яму, говорят.
Своей жене Кубу сказал так, говорят:
— Я бился с шестьюдесятью мужчинами из рода Ачеевых, но ни с одним
не было так трудно, как с этим,— сказал.
Жена перевязала раны Кубу, накормила его и спать уложила, говорят.
- 85 Как только Кубу заснул, его жена пошла посмотреть на Ачемеза, говорят.
Промыла [она] раны Ачемеза теплой водой, перевязала и вылечила [его],
говорают.
Увидев, что Ачемез очнулся, сказала: «Славный юноша, твой враг спит,
делай с ним что хочешь!»

- Ачемез, сын Ачея, ударил мечом и снес Кубу голову, говорят.
 — Теперь, хочешь, сестрой тебе буду, хочешь — матерью буду, [только] не оставляй меня здесь,— сказала, говорят.
- 90 — У меня есть и мать и сестра,— ответил Ачемез, говорят.
 Если согласишься, сделаю тебя снохой своей матери,— сказал.
 — Хоть собакой вели мне стать, что бы ты ни повелел, все сделаю,— сказала Аймёлек, говорят.
 — Ну, если так, я поеду в свой аул и дам знать своей матери [о тебе],— сказал Ачемез, говорят.
 — Я старалась спасти тебя, не жалея жизни,— сказала, говорят.
- 95 — Если [я] тебя обману, да будет проклято для меня молоко моей матери и прольется [моя] кровь! — сказал, говорят.
 Ачемез приехал в свой аул, рассказал всем, что с ним было, говорят.
 Все нарты собрались и пошли к дому Кубу, говорят.
 Табуны, скот Кубу пригнали в аул нартов Ташлы Сырт, говорят.
 Ачея сын Ачемез собрал весь аул, скот и все добро раздал людям, говорят.
- 100 — А мать Ачемеца девять дней [подряд] устраивала жертвоприношения и свадебные пиры и сделала Аймёлек своей невесткой, говорят.
 После этого Ачеевы снова большим родом стали, говорят.

122. СЫН АЧЕЯ И ХУБУН

Ачей и Хубун душа в душу жили,
 Ачей и Хубун [со временем] стали врагами из-за одного табуна в Карачае.

Ачей поехал и табун Хубуна угнал,
 В пути [из табуна] один жеребец убежал, он не смог его, проклятого, вернуть.

- 5 Жеребец [к Хубуну поскакал], увидев его, Хубун понял, что табун угнали.
 Сел на коня и за табуном погнался.

Долго преследовал табун, настигнув:
 — Будем стреляться или бороться? — спросил [Ачея].

- Борьба, драка — это удел женщин,
 10 Если ты мужчина — давай стреляться!

Когда Ачей пустил [свою стрелу], Хубун подпрыгнул
 И стрелу между ног пропустил.

Когда Хубун метнул, его стрела вонзилась [прямо] в пуп [Ачея].
 [Убив Ачея, Хубун] истребил и всех мужчин его рода.

- 15 А беременным женщинам [их рода] он животы вспорол.
 — Из этого проклятого рода никого не оставил! — сказал и домой уехал.

А жена Ачея [ребенка ждала] — еще с незаметным животом она в доме отца была.

Она родила ребенка и на воспитание кормилице отдала.

В отличие от других детей, он рос не по дням, а по часам.

- 20 Однажды он сына безобразной рыжей женщины [обидел, и тот] заплакал.

Эта женщина мальчику: «Да чтоб твои покойники [на том свете] в собак превратились!

Если ты такой джигит, почему не отомстишь тому, кто уничтожил род твоего отца?» — сказала.

Мальчик, услышав эти слова, остолбенел.

Отправился домой и стал плакать, крича: «Ой, болею, умираю!»

25 — Да чтоб стать мне жертвой за тебя, единственный мой сын, что тебе поможет, что бы ты покушал?

— Живот у меня болит, пожарь мне кукурузу.

Его мать быстро кукурузу пожарила и в тарелке ему подала.

— Неужели ты оцениваешь меня лишь во столько, во сколько тарелку? — сказал [мальчик] и не стал кушать.

[Тогда] его мать взяла в горсть горячую кукурузу и мальчику подала.

30 [Он], схватив, сжал ее руку и спросил:

— Где [люди из] рода моего отца?

— Да, чтоб сгинул, [как они], тот, кто это тебе сказал! Жжет, отпусти! — вскрикнула [она].

Мальчик: «Не отпущу, пока не скажешь», — ответил.

— Клянусь Аллахом, скажу, только отпусти, — сказала она, заплакав.

35 И поведала ему обо всем как было.

— А где снаряжение моего отца? — спросил [ее сын].

— Конь твоего отца — в подземелье, он там живет, питаясь железом.

Снаряжение же его в черном сундуке.

Мальчик попросил свою мать: «Приготовь мне еды на неделю».

40 [Потом] мальчик снарядился, сел на коня и в дорогу отправился, говорят.

Мальчик табун Хубуна стал угонять,

[Но одного] жеребца [из табуна], сколько ни пытался, не смог удержать.

Увидев жеребца, Хубун понял, что табун угнали.

Оседлав коня, Хубун за табуном погнался.

45 В ущелье Хубун с одним мальчиком встретился,

Мальчик голышом в песке играл.

— Мальчик, ты не видел, куда табун угнали? — спросил [его].

— Вот по этому ущелью угнали, — сказал [он] и указал неправильную дорогу.

Хубун помчался по ущелью, но, не найдя табун, обратно вернулся.

50 — Мальчик, табун не по этой [дороге] угнали, — сказал.

— Ой, я ошибся, вот сюда езжай, — сказал [мальчик] и [опять] направил его по неверному пути.

[Хубун], проскакав и по этому ущелью, ни с чем вернулся.

— Да чтоб век твой был недолог! Ты почему обманываешь меня? Может, ты из проклятого рода? — спросил.

— Да, я из этого рода, — сказав, [мальчик]

55 [К бою] приготовился, он уже заранее снарядился.

Хубун спросил: «Мальчик, будем стреляться или бороться?»
Мальчик потребовал: «Если ты мужчина, давай стреляться!»

В тот день до вечера они, не жалея сил, сражались.
Вечером Хубун домой к своей красавице-[жене] Боюнчак уехал.

60 Боюнчак до утра ему различные снадобья готовила,
Хубуну все раны исцелила.

А мальчик вечером, когда взошла луна, встряхнулся,
Стрелы с себя сбросив, раны себе исцелил.

На рассвете они опять в бой вступили,
65 До вечера без передышки сражались.

Вечером Хубун к Боюнчак уехал.
Боюнчак сделала снадобья и опять его исцелила.

А мальчик при появлении луны снова встряхнулся.
Стрелы с себя сбросив, раны себе исцелил.

70 И на третий день [они] до вечера стрелялись.
Когда мальчик понял, что больше не выдержит,
Он на спину упал и мертвым прикинулся.

Хубун [к нему] подошел и, сказав: «Оказывается, умер»,— его за ногу
К хвосту своего коня привязал и домой приволок.

75 — Вот еще он оставался из этого проклятого рода,— сказал он Боюнчак
И во дворе мальчика бросил.

— Так ты три дня с этим мальчиком, что ли, воюешь? —
Пристыдила Боюнчак Хубуна
И ушла, положив мальчика за дверью.

80 Ночью Хубун, испугавшись, проснулся, говорят,
И так Боюнчак крикнул, говорят:

— [Во сне] этот гяур мне голову отрубил, где мой меч?!

— Да чтоб тебе погибнуть от его руки, трус! [Как ты можешь] ребенка
бояться? — сказала Боюнчак.—
Ключи под матрасом, а меч твой в сундуке,— сказала Боюнчак.

Когда они уснули, мальчик встал, взял из-под тюфяка ключи, вытащил из сундука меч и отрубил Хубуну голову. Налил в бутылку немного его крови, положил в артмак * голову [Хубуна] и, изменив голос, [голосом Хубуна] разбудил Боюнчак: «Алан, вставай, [ничего] не может быть хуже того, что с нами случилось».

Боюнчак торопливо пошла за ним. По дороге Боюнчак спросила: «Ты кто? Твой голос мне не знаком». Мальчик показал ей голову Хубуна в артмаке и, пригрозив мечом, сказал: «Следуй за мной без шума».

На рассвете они добрались до его дома. «Вот твоя невестка»,— сказал он

матери, указав на Боюнчак. Потом он бросил к ногам [матери] голову Хубуна и дал ей в руки его кровь [в бутылке].

123. АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ, И ТЮКЛЕСХАН

Старший [у них] — Кобалбатыр,
Средний [у них] — Ачыбатыр,
Самый младший у них — Кичибатыр.

Они все трое, как один, богатыри!

5 Ой, однажды зимою, рано, затемно [еще], они поднялись и выехали в поход.
[В дороге] встретили одного человека.
Тут же схватили этого человека.
Когда узнали, кто [он] и откуда,
Обрадовались: «Ой, как быстро Аллах послал нам добычу!»

10 Сбрили начисто ему усы [и] бороду.
Ой, [с собой] забрали и продали [его] ногайцу-табунщику.
Ой, оттуда [они] поскакали дальше и переправились через большую реку.
Переправившись через большую реку,
Встретили бесчисленный табун.

15 — Ой, Аллах, Аллах, чей же этот огромный табун? — спросили [табунщика].
— Ой, будьте здоровы, добро пожаловать, добрые люди! — ответил табунщик.

— Кому принадлежит этот огромный табун? — спрашивают опять.

— Это табун Тюклесхана, — ответил табунщик.

— Как хорошо, [он же] нам доводится родственником, — сказали. —

20 Мы поедem дальше, [а] наши кони устали, одолжи нам коней, — попросили [они его].

— Ой, Аллах, Аллах, если бы каждому проезжающему

Я одалживал коней,

Я бы не пас этот огромный табун! — ответил он.

— А если не дашь, мы и сами сумеем взять! — сказали.

25 С шумом и криком они погнали этот огромный табун.

[Окружив его] с трех сторон, погнали они [его].

Ой, гнали [они], гнали и добрались до развилки трех дорог,

И каждый из них поехал своей дорогой.

[А тем временем] табунщик, плача-рыдая, к Тюклесхану побежал.

30 Тюклесхан оседлал своего шестиногого коня

И в погоню собрался.

Когда [он] примчался к развилке трех дорог,

— Куда так спешишь? — спросил [его] Ачыбатыр.

— Не знаю, кто угнал мой табун, — ответил Тюклесхан.

35 — [Его] погнали вон в ту сторону, — сказал и указал не ту дорогу, говорят.

Тюклесхан скакал [по той дороге], пока не надоело, говорят.

Он обратно вернулся и сказал [Ачыбатыру]:

— Да обманет тебя Аллах, зачем [ты] обманул меня?!

— [А-а], вот в эту сторону погнали [табун], — сказал и опять показал не ту дорогу.

40 Пока не надоело, скакал и по этой [дороге]

И оттуда вернулся ни с чем.

— Да обманет тебя Аллах, да проклянет тебя Тейри, зачем ты обманываешь меня?! — воскликнул.

— А табун твой угнал я, — сказал Ачыбатыр.

— Что ж, выбирай, будем стреляться или бороться! — сказал [Тюклесхан].

- 45 — Разве мы женщины, чтобы бороться? — ответил [Ачыбатыр].
На двух курганах они встали, говорят,
И стали стрелять друг в друга.
[И] убил там Тюклесхан Ачыбатыра.
Потом погнался по третьей дороге.
- 50 И двух братьев Ачыбатыра Тюклесхан там настиг
И тут же обоих разом убил.
И погнался обратно свой табун.
Ачыбатыра родич — батыр Насран,
Чтобы отомстить за их смерть, собрал воинов и приехал [в аул братьев].
- 55 — Кто может сам — пусть присоединится [к нам],
Кто может — пусть придут вдвоем,
Кто может — пусть придут втроем,
А кто не может — пусть хоть погорюет [о них]!
[Воины] собрались, отправились [в путь].
- 60 Подъехали к одной могучей реке,
[Но] не смогли переправиться [через нее] и ходили по берегу вверх-вниз.
А жена Ачыбатыра осталась тяжелой.
Тяжелой осталась и сына родила.
Собрались [нарти] и дали ему имя.
- 65 Ачемезом, сыном Ачея, назвали, говорят.
Этот маленький батыр рос быстро, говорят.
Однажды, [когда] ему перевалило за двенадцать лет, говорят,
[Когда он] добро и зло стал уже различать,
[Он к своей] матери, плача-рыдая, пришел.
- 70 Мать его спросила:
— Ой, что случилось, почему [ты] плачешь, проголодался, что ли?
— Да, я немного голоден!
— Что будешь есть, что приготовить?
— Если бы пожарила кукурузу, я бы ее поел!
- 75 Пожарила она кукурузу и подала ему в тарелке.
— Поддай [кукурузу] в руках, вырастивших меня!
Когда [горячую кукурузу мать] подала в руке, он [ее] руку крепко сжал.
Это очень обидело [его] мать.
— Ах, да не сбудутся твои мечты! — [сказала она].
- 80 — Ой, мать [моя], хочу спросить тебя об одном
И, пока не ответишь, не отпущу твою руку! — сказал [он].
— Да, если только я знаю, то отвечу!
— Был ли отец у меня или не было его?
— Почему же не было у тебя отца, был у тебя отец, но [он] умер.
- 85 — Если он был настоящим мужчиной,
[Разве у него] не было оружия и коня?
— Его конь и оружие находятся в подземелье, — ответила [его мать].
Ачемез отправился туда, где находился конь его отца.
[Он] вытащил увязшего по брюхо в навозе коня.
- 90 Забрал оружие, доспехи, седло, [другое] снаряжение.
Оседлав, вскочил на коня и поскакал вверх-вниз.
— Мать моя, ну, а дальше что мне делать? — спросил он.
И тогда мать рассказала [ему] о судьбе [его] отца и о войнах батыра
Насрана.
- Нахлобучил Ачемез башлык отца и отправился в путь [к Насрану].
- 95 Примчался к берегу той могучей реки, где стояло войско.
Ачемез подъехал близко к войску

- И увидел, что оно мучается от голода.
 Побродил [он] в лесу, настрелял много оленей,
 Чтобы [мяса] хватило всему войску.
- 100 Когда предстал перед Насраном,
 Батыр Насран долго смотрел на него и воскликнул:
 — Ой, Аллах, Аллах, откуда ты взялся, чей ты сын?!
 [А] этот мальчик спросил его так:
 — Твоего родича как звали?
- 105 — Мой родич был Ачы,— ответил [Насран].
 — А была ли у него жена?
 — И жена у него была.
 — Так вот, я — сын ее [и Ачы],— сказал.
 Насран обрадовался, расцеловал, обласкал [его].
- 110 [После] Ачемез подъехал к пятидесяти воинам Тюклесхана, [стерегущим его табун],
 И уничтожил их в отместку Тюклесхану за смерть своего отца.
 [Потом] к бесчисленному табуну [Тюклесхана] подсказал
 И табун этот начал угонять.
 Он погнал табун к развилке трех дорог,
- 115 [А] мальчик-табунщик, рыдая, побежал к Тюклесхану.
 — Ой, что случилось, что с тобой? — спросил Тюклесхан.
 — Опять угнали твой табун! — ответил [табунщик].
 — Так ведь я их всех уничтожил, кто же теперь смог угнать [табун]? —
 удивился он.—
- Но сегодня такой день, когда я не выезжаю! — сказал.
- 120 [На следующий день] он спозаранку оседлал [своего] шестиногого скакуна
 И собрался в погоню.
 Примчался к развилке трех дорог.
 [А] Ачемез поджидал его там.
 — Куда ты так мчишься? — спросил Ачемез,—
- 125 Это я угнал [твой] табун.
 Хочешь — будем стреляться, хочешь — будем бороться,— предложил он.
 — Будем стреляться! — сказал Тюклесхан.—
 Мы не женщины, чтобы бороться!
 [И они] начали стрелять друг в друга.
- 130 Долго они бились-сражались,
 [И] решил Ачемез схитрить:
 Притворился мертвым и распростерся на земле.
 [Тогда] Тюклесхан погнал свой табун обратно, привязав мальчика к
 хвосту своего коня.
- Приехал и бросил [его] во дворе, сам же лег [и] заснул.
- 135 Ой, когда он спал, ему приснилось, что мальчик ожил.
 — Сходи-ка [туда и] посмотри! — сказал [он своей] жене.
 [Она] пошла и увидела, что мальчик жив.
 — Нет, нет, это [тебе] показалось!
 Лежит он, оскалив зубы,— сказала жена.
- 140 Тюклесхана стрелы не брали.
 Он мог погибнуть только от [своего] меча, говорят.
 [Когда] в дверях комнаты появился мальчик,
 Ой, Тюклесхан [в ужасе] вскочил:
 — Жена, юноша ожил! — закричал [он].
- 145 [Ачемез] заметил у изголовья кровати меч.
 Он подскочил и схватил этот меч
 И немедля обезглавил Тюклесхана!

Тут же разрубил [его] и бросил в яму.
Погоняя табун, он вернулся к стану воинов.
150 Построил загоны и раздал коней воинам,
А оставшуюся часть отдал бию Насрану.

124. АЧЕМЕЗ И ХУБУН

Ачей и Хубун были друзьями, жили они в двух разных ущельях. У них было много табунов.

Однажды табун Хубуна появился у ограды Ачея. Жена Ачея с проклятием прогнала табун Хубуна. После этого два верных друга стали врагами. Так они и жили, пока однажды Хубун не присоединил табун Ачея к своему и не угнал. Об этом сразу же узнал Ачей. Он [тотчас] оседлал рыжего, со спиной мышиного цвета коня, вооружился и пустился догонять Хубуна. На второй день он проскал то место, где сходились семь дорог у семи холмов. Догнав [Хубуна], крикнул:

— Эй, ты угоняешь мой скот как враг или шутишь [по-дружески]?!
— Угоняю как враг, — ответил Хубун, не останавливаясь.

— Если так, стреляться будем или бороться?! — закричал Ачей.

— Стреляются женщины. Мы должны были бороться, но сегодня у меня нет времени бороться — будем стреляться, — сказал Хубун.

— Тогда стреляй! — сказал Ачей.

— Нет, ты стреляй, — сказал Хубун, и тогда Ачей пустил стрелу, целясь ему в пуп. Хубун подпрыгнул и пропустил стрелу между ног. А Хубун пустил стрелу, целясь [Ачею] в лоб. Ачей хотел сделать так, как сделал Хубун, подпрыгнул, а стрела попала прямо в его пуп. Но Ачей не упал с коня, [потому что] ухватился за его гриву. Конь повернул назад и пришел к его дому. [Ачей] загнал коня в сарай и вошел в дом. Но хоть и добрался Ачей домой живым, в тот же день он умер. Жена Ачея осталась беременной. Она родила сына, и назвала его Ачемезом.

Когда Ачемез подрос, пошел с детьми на лед поиграть, здесь он довел до слез одного мальчика. Мальчик пошел к матери [и пожаловался]. Мать с проклятиями набросилась на Ачемеза:

— Ты бы не с ним боролся, а с тем, кто убил твоего отца, если ты такой сильный!

— Тогда скажи, кто убил моего отца! — сказал Ачемез (Ачемез не знал, что его отца убил человек).

— Зачем я буду говорить, спроси мать, она скажет, — ответила женщина.

Ачемез приходит к матери.

— Мама, кажется, я заболел, — сказал он и лег.

— Что ты будешь есть, что у тебя болит? — спросила мать и прижала его к себе.

— Ничего не хочу, но если ты приготовишь жареную кукурузу и покормишь меня своими руками, может быть, я и посм.

Мать быстро пожарила кукурузу и поставила перед ним.

— Покорми меня из своих рук, — попросил сын.

Как только мать взяла в руку кукурузу, [сын] сжал ее руку:

— У меня есть вопрос, если ты не ответишь на него, не отпускай [руку]! — сказал мальчик.

— Ты обжег мне руку, отпусти, я отвечу, — поклялась мать.

Тогда сын отпустил руку матери.

— Спрашивай, что ты хочешь [узнать]?

— Кто убил моего отца?

— Твоего отца убил мужчина по имени Хубун. Я сказала бы тебе об этом, но хотела, чтобы ты стал немного старше.

— Что мне осталось от отца?

— Рыжий жеребец со спиной мышинного цвета в железном сарае стоит и ест железо, и навоз у него железный. На чердаке есть его стрела и нож.

Сын вместе с матерью тщательно осмотрел все и нашел, что лук нуждается в исправлении. Он взял его и отправился к кузнецу. Кузнец делал топор. Юноша попросил кузнеца:

— Поправь мой лук.

Кузнец не сразу ответил юноше. Продолжая работать над топором, он сказал ему:

— Бей по топору.

Юноша спросил:

— Каким молотом бить?

— Большой молот ты не сумеешь поднять, бей маленьким, — ответил кузнец.

Юноша ударил большим молотом — топор и наковальня ушли в землю.

— Тоба, тоба *, ты, оказывается, из нашего рода! — удивился кузнец и, быстро исправив лук, отдал его юноше.

Радуюсь луку, юноша вернулся домой. Пришел и видит: несколько человек пытаются поднять камень, который поставил перед конем раненый Ачей. Ачез [сам] поднял камень, отбросил его в сторону и вывел коня из сарая. Оседлал коня, сел на него, поездил немножко туда-сюда, потом взял оружие и отправился в путь. А мать не унимаясь плакала. Так и осталась мать в слезах, а Ачез сел на коня и уехал.

По пути, завернув в одно зимнее стойбище, он спешился, снял с коня седло, надел на него уздечку, накрылся буркой и уснул.

Через некоторое время его разбудил какой-то человек, который сказал ему так:

— Тебя зовет хозяин зимнего стойбища, а я охраняю это стойбище.

Ачез пошел без всякого страха и стеснения. Хозяин зимнего стойбища, как только увидел его, обнял его и заплакал. И кто это был? Это был брат его отца — Ёрюзек. Ачеза он узнал по коню.

Здесь начался той, три дня не убирался тепси *. А когда той закончился, Ёрюзек стал расспрашивать [его]. А Ачез подробно рассказывать.

— Я направился к Хубуну, который убил моего отца, — сказал он.

— Э-э-э, юноша, это очень хитрый человек, вряд ли ты его осилишь. Оставь его, несколько лет подождем еще! — сказал Ёрюзек юноше [Ачезу]. Но тот не согласился. Опять Ёрюзек сказал:

— Ты еще молод, а я стар, не осилим!

Но юноша не согласился:

— Нет, Ёрюзек, я не могу не идти.

— В таком случае, — сказал Ёрюзек, — я не могу отпустить тебя одного.

Пойдем вдвоем.

Сказав так, Ёрюзек стал его попутчиком. Отправились они вдвоем. Едут-едут, и, когда досхали до места, где расходились семь дорог, конь Ачеза сказал человеческим голосом;

— Вы обмотайте меня семь раз мелте, я буду драться с жеребцом Хубуна. Если я поставлю его на колени, на его голову накиньте недоуздок. Куда [жеребец] пойдет, туда направится и табун Хубуна.

Только они успели обмотать коня мелте, как примчался к ним жеребец. Тут же [жеребцы] стали драться. Когда рыжий жеребец со спиной мышинного цвета содрал с другого кожу, тот жеребец содрал с него мелте. Через некоторое время, как и говорил рыжий жеребец со спиной мышинного цвета, он поставил на колени

другого жеребца. Тогда Ачемез подбежал и быстро накинул на его голову недоуздок. Отдав и своего коня, и жеребца Ёрюзмеку, сказал:

— Ты теперь захвати оба табуна лошадей и возвращайся.

Сказав так, он вернул Ёрюзмека обратно [домой]. Табун отправился вслед за жеребцами.

Сам Ачемез остался там. Он забавлялся, делая из золы холмики, когда примчался Хубун.

— Мальчик, ты не видел табун лошадей, который шел в ту сторону? — спросил он быстро.

— Они ушли вон в то ущелье, — ответил он.

Хубун быстро поднялся на вершину ущелья, но ничего не увидел и возвратился.

— Не обманывай, говори правду! — крикнул он.

— Я никогда не обманываю, но ущелья так похожи, я, наверное, ошибаюсь, посмотри еще вон в том ущелье, — каждый раз Ачемез говорил так, заставив Хубуна проложить дорогу к девяти ущельям. К этому времени Ёрюзмок был уже далеко. В конце концов Хубун вернулся и закричал:

— Мальчик, ты обманул меня, да я тебе за это внутренности отобью!

Ачемез уверенно шагнул к нему.

— Это я угнал табун, делай что хочешь, — сказал [он].

— Стрельба или борьба?! — закричал Хубун, чуть не лопнув от злости.

— Что хочешь, то и будет! — ответил юный [Ачемез].

Встали они возле двух холмов и стали пускать стрелы. Так они воюют пять дней. Каждый вечер Хубун ведет юношу к себе домой, делает своим гостем. Утром вместе возвращаются и начинают стрелять. Оба в день пускают по сто стрел, ни одна не падает на землю, все вонзаются в их тела. Хубун не выдерживает ста стрел. Его жена каждый день лечит его [различными] снадобьями и отправляет [на бой] здоровым. А Ачемез, не выдержав пятисот стрел, которые вонзились в него за пять дней, потерял сознание. Хубун, сказав: «Так будет со всеми вами», — привязал его к хвосту лошади и бросил в одном из ущелий. После этого он ушел к себе.

Служанка Хубуна однажды проходила в том [ущелье] и увидела Ачемеза. Вернувшись домой, она рассказала об этом жене Хубуна. Они пошли, взяли юношу, принесли его домой, уложили в постель. Бийче приготовила такие же снадобья, какие она готовила для Хубуна, и оживила юношу. Он открыл глаза и сказал:

— Если Хубун меня убьет и сто раз, я не оставлю его в живых.

Бийче удивилась:

— Почему? Ты его не сможешь убить, оставь это, лучше послушай меня. Если ты возьмешь меня в жены на всю жизнь, тогда ты действительно сможешь убить его, — сказала она.

Ачемез пообещал бийче, [что женится на ней], а бийче научила его:

— Над дверью у Хубуна есть большой нож, только он может лишить его жизни. Как только ты отправишься к нему, он уже будет знать об этом. Но я пристыжу его, не дам ему встать. Если ты сможешь взять в руки большой нож, этого будет достаточно.

Вечером приходит Хубун, жена обхаживает его и укладывает спать. Через некоторое время Хубун соскочил с кровати.

— Что случилось, напугал ты меня до смерти! — сказала бийче.

— Мне показалось, что в кунацкой раздевается юноша.

— Ай, из-за этого ты так напугал меня? Как он может прийти, когда он лежит в ущелье мертвый? Служанка перетасила его в другое место, — сказала бийче.

Таким образом она несколько раз укладывала мужа спать, а он вскакивал. В это время юноша подошел к двери, взял большой нож и вошел в дом. Хубун закричал, но тут же умолк.

Захватив с собой бийче и богатства [Хубуна], Ачемез явился к Ёрюзмеку. Ёрюзек целую неделю не убирал тепси. После этого Ачемез стал собираться домой, Ёрюзек вышел его провожать.

Ачемез сказал жене [Хубуна]:

— Я не возьму тебя с собой! Если спросишь почему, [ответу]: ты дала мне возможность убить своего мужа, с которым прожила жизнь, посчитав меня более сильным. В другой раз ты и со мной можешь поступить так же. Лучше оставайся здесь, помогай по дому брату моего отца — Ёрюзмеку.

С этими словами он отправился в путь.

125. АЧЕМЕЗ И ТЮКЛЕШ¹

Среди нартов был мужчина по имени Ачемей, сын Ачея. В той округе, где он жил, жил и один эмеген. Этого эмегена звали Тюклеш. Тюклеш часто делал набеги и угонял скот Ачемея, а Ачемей всегда настигал его и отбивал скот обратно. Однажды при очередном их столкновении Тюклеш убил Ачемея.

Прошло много времени после его гибели, маленький сын Ачемея Ачемез вырос и стал большим. Однажды он во время игры с детьми подрался со своими товарищами. И они сказали ему:

— Ты бы не с нами, а с убийцей своего отца подрался.

Когда опечаленный мальчик пришел домой, его мать спросила:

— Что [с тобой] случилось?

Мальчик рассказал ей то, что с ним случилось, и попросил сказать ему, кто убийца его отца. Когда мать обо всем ему поведала, он спросил:

— А не осталось ли от моего отца какое-нибудь оружие?

Мать ответила:

— Лук твоего отца с заржавевшими [стрелами] и белый конь твоего отца находятся в подземелье.

Ачемез очистил [от ржавчины] стрелы отца. Когда он вывел коня и почистил его, тот заговорил человеческим голосом:

— Я три раза поднимусь с тобой к небу и три раза опущусь на землю, если ты при этом не упадешь с меня, я буду для тебя [настоящим] конем, а ты для меня — [настоящим] всадником.

Конь три раза поднял юношу к небу и три раза опустил на землю, но Ачемез не свалился с коня, и конь стал [верно служить] ему.

Через некоторое время Тюклеш опять сделал набег и угнал табун коней. Ачемез сел на своего белого коня и нагнал Тюклеша, которого, [кроме его отца], никто до него не мог догнать. И тогда Тюклеш спросил:

— [Будем] стреляться или бороться?

— Как я буду бороться с тобой, таким огромным, как скала, давай стреляться.

Они оба поднялись на два [противоположных] кургана и начали метать [друг в друга стрелы]. Тюклеша стрелы не брали. Его смерть не от стрел была. Ачемез вонзил в Тюклеша так много стрел, что он весь был утыкан ими, но оставался жив. Стрела [же] Тюклеша попала в лоб Ачемеза, и Ачемез умер. Тюклеш привязал труп Ачемеза к хвосту своего коня и приволок его домой.

Жена Тюклеша спросила его:

— Откуда на тебе столько ран от стрел? Наверное, ты вел бой с большим войском?

На это Тюклеш сказал жене:

— Я и в глаза не видел большого войска, а эти раны мне нанес мальчик, у которого чуб как гвоздик, а ножки [тоненькие], подобно шилу. Не знаю, что это за существо, я не встречал такого человека, который бы мог так неистово сражаться.

— А куда ты дел труп мальчика? — спросила жена.

Тюклеш ответил:

— Я приволок его, как собаку, вон валяется во дворе.

Его жена вышла во двор и поразилась, увидев прекрасный облик Ачемеца. Когда она подошла к нему и со словами: «Да чтоб постигла твоя участь того, кто убил такого прекрасного, как ты» — провела по его лицу [рукой], Ачемез тут же ожил. После того как он ожил, женщина сказала ему:

— Тюклеша можно убить только перочинным ножом, который находится в черном сундуке. Сейчас эмген лег спать. Можешь делать с ним все, что захочешь.

Женщина вытащила из сундука перочинный нож и дала его Ачемезу. Он этим перочинным ножом перерезал Тюклешу горло. Когда он перерезал ему горло, ему на ногу попала капля крови эмгена. От этой капли крови у него до щиколотки отсохла нога. Но жена [эмгена] сделала снадобье и вылечила его. [После этого] Ачемез сказал ей:

— Я в долгу перед тобой за все то доброе, что ты мне сделала,— и женился на ней. Вот так Ачемез отомстил эмгену за смерть своего отца.

Приложение 1

АЧИМЕЗ И ХУБУН

На реке Терек, в местности, называемой Насыран, жил один из нартских богатырей по имени Ачи, а на левом берегу реки Кубани, близ укрепления Хумаринского, жил Хубун.

У Ачи было шесть взрослых храбрых сыновей, которые в разное время были убиты Хубуном. Лишившись своих детей, Ачи решил отомстить кровожадному Хубуну. С этой целью он отправился в его владения и, улучив удобное время, угнал его громаднейший табун лошадей.

Хубун бросился за ним в погоню, догнал его при устье Джегуты, правого притока реки Кубани, и здесь у них завязалась борьба, продолжавшаяся три дня и три ночи. Наконец Хубуну удалось победить своего противника. Тогда, убивши Ачи, Хубун привязал его к хвосту его же буланого коня и пустил этого коня на свободу. Верный конь притащил своего хозяина прямо домой.

Увидев Ачи убитым, старший брат его, по имени Насыран, возымел сильное желание отомстить убийце за его смерть.

Собравши своих верных нартских богатырей, в числе которых находились Сосуруко, Рачикау и др., Насыран отправился во владения Хубуна, но, дойдя до того места, где Джегута впадает в Кубань, должен был остановиться, потому что не мог переправиться через реку, находившуюся в то время в сильном разливе. Делать было нечего, и Насыран расположился здесь лагерем, чтобы выждать более благоприятное время. Так он здесь простоял довольно долго, ограничиваясь только небольшими набегами на врагов.

А между тем в это самое время жена Ачи родила сына Ачимеза, который через неделю стал уже ходить, а через две, к удивлению всех, уже участвовал в играх детей. Однажды, играя с товарищами, Ачимез услышал от них упреки, что его отец убит и остается неотмщенным, а сам он, обладая такую силою, играет на улице и нисколько не думает о мести.

Ачимез до сих пор ничего этого не знал. Услыхав от товарищей об убийстве отца, он стал задумчив и все хотел знать, кто такой был убийца, но мать его, считая его слишком молодым, чтобы отомстить за смерть отца, не решалась сказать ему, что Ачи убит Хубуном. Видя упорство матери, Ачимез стал сове-

товаться с своими товарищами, каким образом выпытать от нее, кто был убийцею его отца.

Один из товарищей посоветовал ему попросить у матери горячей халвы¹ и при этом поступить следующим образом:

— Если она будет тебе давать на подносе,— сказал он,— ты не бери, а попроси, чтобы она подала тебе ее прямо из рук; тогда ты сожми ей руку с халвою. Ей будет очень больно, и от боли она непременно откроет тебе, кто был убийца твоего отца.

Ачимез все так и сделал и действительно узнал, как и от кого погиб его отец. Тогда он решился во что бы то ни стало немедля исполнить священный долг мести. Но у него не было ни лошади, ни оружия. Тогда он обратился к матери:

— Не осталось ли от отца надежной лошади и оружия? — спросил он.

— Да,— отвечала она,— остались три любимые его лошади и оружие в черном сундуке, но не тебе только поймать и ездить на тех лошадях и носить то тяжелое вооружение.

Ачимез не обратил внимания на последнее замечание матери, а бросился в поле, поймал отцовского буланого коня, оседлал его (а конь все посматривал на него с недоверием), сел на него и три раза ударил его своею крепкою плетью. Конь при этом три раза поднялся к небу и три раза опустился на землю, но, чувствуя на себе крепкого седока, сделался покорным, как овечка, и сказал: «Никто еще на мне не ездил, кроме твоего отца, но клянусь, что я буду тебе служить так же верно, как и ему, потому что ты стоишь его».

После этого Ачимез и конь его поклялись друг другу в верности, и Ачимез, надев на себя тяжелое вооружение своего отца, отправился на Кубань исполнить задуманную месть. К вечеру он добрался до Кубани, верстах в трех выше того места, где находился отряд его дяди, и, несмотря на сильный разлив воды, переправился на левый берег реки, разложил здесь большой костер и расположился на ночлег. В отряде Насырана скоро заметили костер и подумали: не явился ли сюда Хубун? Поэтому решено было непременно узнать, кто там и зачем. Но так как охотника добровольно исполнить это решение не было, то предводители решили между собою бросить жребий, кому отправиться к костру, чтобы узнать, кто там; жребий пал на Насырана. Не без страха кое-как переправился он через Кубань и робко приблизился к костру; здесь с удивлением он увидел буланого коня покойного своего брата, а возле огня сидел мальчик. После обычного приветствия Насыран спросил его:

— Кто ты такой? Где взял ты эту лошадь и зачем здесь?

— Я сын Ачи,— ответил мальчик,— а лошадь — моего отца. Я приехал отомстить тому, кто убил его.

Насыран знал, что у его брата не было ни одного сына, когда сам он отправился в поход, жена же его была действительно в то время беременною; но он поверил словам мальчика только тогда, когда узнал от него время его рождения. Тогда, после обычного родственного приветствия, Насыран взял его к своим храбрым нартам. Увидев Ачимеза и узнав от Насырана, кто он такой и зачем явился сюда, нарты сказали:

— Ты еще так мал, что не можешь переносить тех лишений, которые нам приходится испытывать в нашей боевой жизни. Напрасно ты сюда заехал.

— Ничего,— отвечал Ачимез,— я как-нибудь все снесу. Вы будете воевать, а я буду в вашем лагере присматривать за вашим имуществом, ночью же пасти ваших лошадей. Одним словом, я буду вашим шапою².

Сказавши это, он пожелал нартам покойной ночи, а сам погнал их лошадей на пастьбу. Пригнав их в безопасное место, он оставил их там, а сам отправился отыскивать табуны Хубуна. Табуны эти паслись при впадении Теберды в Кубань, и Ачимез скоро нашел их здесь. Подъехав к одному табуну, он крикнул громким,

повелительным голосом, и огромный табун Хубуна, повинувшись чудесному голосу Ачимеза, последовал за ним к лагерю спокойно спавших нартов. Сильный топот лошадей разбудил их. Страшно переполошившись, они схватились было за оружие, думая, что бежит к ним войско Хубуна, но Ачимез успокоил их, сказавши, что это они слышат гул пригнанного к ним Хубунова табуна; при этом он советовал им как можно скорее с этой значительной добычей возвращаться домой.

— А то если Хубун, спохватившись, нагонит вас, — сказал он им, — то почему знать, на чьей еще стороне останется победа.

Выпроводивши нартов, Ачимез воротился назад и остановился на одной возвышенности наблюдать за действиями Хубуна. Последний с беспокойством отыскивал своих лошадей, но их нигде не было видно. Тогда, заметивши Ачимеза, Хубун спросил его, не видел ли он здесь где-нибудь его табуна. Ачимез отвечал, что видел, как какие-то неизвестные ему люди прогнали чей-то табун в ту сторону, и при этом указал совсем не туда, куда действительно нарты угнали лошадей, а в противоположную сторону, и вызвался даже сам сопутствовать Хубуну и указывать ему дорогу. Через несколько времени они выехали на гору, близ того места, где теперь находится станица Карданикская. Здесь Ачимез, остановивши Хубуна, сказал:

— Стой, не езди напрасно! Я обманул тебя: я угнал твоих лошадей и отправил их с моими нартами в свои владения на Терек.

Хубун от изумления остановился как вкопанный и, выпучивши свои от гнева налившиеся кровью глаза, сказал:

— Как ты смел, щенок, меня, старика, обманывать и угонять мое трудами нажитое добро? Да я тебе все внутренности вымотаю и отдам собакам на съедение!

— Да, я смел и имею на то полное право, — сказал Ачимез, — потому что я сын Ачи, погибшего от твоих, уже прежде запятнанных кровью моих шести братьев рук. Я приехал рассчитаться с тобою за них. Теперь посмотрим, кто останется побежденным: щенок или старая собака.

Тут у них закипела ожесточенная битва, продолжавшаяся целый день.

Ачимез, видя, что силою ему ничего не поделаться с своим закаленным в битвах врагом, пустился на хитрости: вдруг упал на землю и притворился мертвым. Хубун, считая его убитым, подошел к нему, но, не найдя на нем ни одной смертельной раны, с состраданием сказал: «Бедный мальчик, ты умер от страха и усталости!» Затем, взявши его к себе на седло, отправился с ним домой и там, с помощью своей жены, положил его на ночь в одном сарае.

Когда в доме Хубуна все стихло и погрузилось в сон, Ачимез тихонько вышел из своего убежища, осмотрелся кругом и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, незаметным образом вошел в спальню Хубуна, взял висевший на стене его меч и отсек ему голову. Потом, уговоривши еще очень молодую и редкой красоты жену Хубуна быть его женой, забрал все его богатство и подданных и возвратился на свою родину, где сделался богатым и сильным властителем и вождем храбрых нартов.

Приложение 2

БОГАТЫРЬ ЕЦЕМЕЙ, СЫН ЕЦЕЯ

В один прекрасный майский день около мельницы играли дети в альчики.

— Эх вы, игроки! — вдруг чей-то незнакомый голос раздался за ними, — да разве такими камешками можно в альчики попасть!

Дети в смущении оглянулись назад: пред ними с недовольным видом стоял мальчик лет десяти. То был Ецемей, наследник их князя, убитого где-то в

дальней стороне. Окинув любопытным взором пришельца, дети продолжали свою игру. Вдруг Ецемей схватил стоящий вблизи жернов и пустил им прямо в ряд альчинок: от большой тяжести жернова они обратились в порошок.

Дети, бросив на богатыря испуганный взгляд, со слезами на глазах пустились бежать к матери в мельницу.

— Мама, мама,— сказали они,— злой Ецемей не дает нам играть и жерновом разбил наши альчики.

— Вот я ему покажу, как обижать моих детей! — сказала мать, выходя из мельницы.— Ах ты грубиян,— закричала она на Ецедея,— зачем поломал альчики у моих детей? Уж не хотел ли ты этим показать им свою силу? Да если ты уж такой силач, то пробовал бы свою силу на Кубе, убийце твоего отца!

Услышав эти слова, Ецемей покраснел и, опустив голову, пошел задумчиво домой. «Сколько раз,— идя по дороге, думал он про себя,— я спрашивал мать, где погиб мой бедный отец, и она никогда не отвечала мне; теперь я узнал это, но от кого — от простой бабы, которая даже упрекнула меня в том, что я не отомстил за отца».

Пришедши домой, он со слезами на глазах бросился на шею матери.

— Что с тобой, мой милый сынок? — спросила заботливо мать, глядя по его щеке рукой.

— Я хочу есть; сжарь мне кукурузы,— притворно сказал Ецемей.

Мать исполнила его желание и подала ему на тарелке горячей кукурузы; но тот сказал: «Ты все твердишь, что крепко любишь меня, но отчего ты не даешь мне кукурузу из собственной руки!»

Мать, насыпав кукурузы в горсть, с улыбкой протянула сыну руку. Ецемей, схватив руку, так сильно пожал ее, что мать покраснела от боли и стыда и, вырывая руку, с гневом крикнула на сына:

— Ах ты гадкий сын! Не мог найти, кому бы, кроме меня, пожалеть руку?

— Пока ты не скажешь, кто убил моего отца, где его доспехи и конь лихой, я не выпущу твоей руки,— сказал сын.

— Милый мой сын! — нежно воскликнула мать, догадавшись, в чем дело,— рано тебе знать о горькой участи твоего отца, но если ты так сильно желаешь знать об этом, то слушай: твой отец убит злодеем Кубой, а отомстить за его смерть поехала с дружиной наша молодая княжна — сестра твоего отца. Уезжая, она просила меня послать к ней на помощь и тебя, когда ты вырастешь и почувствуешь силу исполнить свой священный долг, но пока ты, как ребенок, еще слаб и помощи оказать ей не можешь.

— Мать моя, не обижай меня такими словами,— тихо возразил ей Ецемей,— я не ребенок и не слаб; я чувствую полную силу отомстить Кубе за смерть моего отца; мне стыдно и больно слушать упреки по этому поводу из уст глупых баб. Скажи же, где доспехи и добрый конь отца?

— Там, за железными дверями, под высокой нашей башней,— неохотно сказала мать.

Сын живо очутился у дверей и сильной рукой сорвал их с петель. Пред ним в темноте и сырости стоял, сверкая глазами, добрый конь, который от сильного голода и томительной жажды прогрыз семь слоев земной коры; с тех пор как лишился хозяина, он никого к себе не подпускал и не принимал ни пищи, ни воды. Увидя у дверей пришельца, конь сердито кинулся на него, но Ецемей смелою рукой схватил его за гриву и спокойно вывел на свет. Затем он поит, купает и кормит его.

На другой день утром, на рассвете, богатырь пошел к матери прощаться:

— Дорогая мать, священный долг требует отомстить за отца, и я оставляю тебя; ты поменьше думай обо мне и моли Аллаха, чтобы он даровал мне мужество и силу и помог победить злодея Кубу!

Мать, обливаясь горькими слезами, бросилась обнимать сына, рыдая:

— Милый мой сын, рано ты берешься за отцовский завет! Что будет со мной, несчастной, когда ты погибнешь от руки неверного Кубы?..— И многое другое причитывала мать, но сын недолго ее слушал: вырвавшись из ее объятий, он смело вскочил на коня и ударил его плетью.

Взвился конь на дыбы, забесновался и заметался, как пораженный стрелой, не подчиняясь воле смелого седока. Напрасно богатырь старался успокоить разгоряченного коня: он, сердито грызя удила, то рвался, то метался, то прыгал, то, как вихрь, летел вперед без памяти. Вскипела кровь у лихого наездника: в сильном гневе он дернул узду коня и нажал ему ребра ногами. Алая кровь потекла по бокам разгоряченного коня, и белою пеной покрылась его узда. Присмирел ретивый конь и, подчиняясь седоку, быстро помчался в путь.

Долго ли, коротко ли он ехал, неизвестно, но к вечеру одного дня наш герой на верном коне въехал в темный лес. Подъехав к небольшой поляне, Ецемей слезает с коня и, пустив его на траву, стал заботиться об ужине и ночлеге. Повернулся направо — настрелял туров и оленей, повернулся налево — набил коз и баранов. Затем на скорую руку построил шалаш, покрыл его шкурами оленей и стал крутить на палке перед костром тушу целого оленя. Когда поджаривалось мясо, он посыпал его пахучей солью, и аппетитный запах жареного мяса распространился по всей окрестности. Едва он отведал вкусного мяса, как подошли к нему два незнакомых витязя. Наш богатырь проворно поднялся и уступил гостям место. Они робко сели у огня и устремили удивленные взоры на хозяина. «Что за диво,— каждый думал про себя,— парень, кажется, небольшой, а поднимает одной рукой тушу целого оленя!»

Ецемей их кормит, поит и наконец спрашивает:

— Гости дорогие, какая судьба привела вас сюда; вы, может быть, обитатели этой страны или, как и я, находитесь в пути и зашли ко мне отдохнуть?

— Мы посланы княжной Ецеевой, едущей отомстить могучему Кубе за смерть своего брата,— ответствовали те,— теперь будет десять лет, как она ждет своего племянника, не имея возможности перейти через многоводную реку. Ныне же, услыша запах жареного мяса из леса, она нам сказала, что запах идет как будто от той соли, которую имеют одни Ецеевы; чтоб в этом убедиться, мы пришли сюда и, увидя шалаш, решили войти в него.

— Да, не ошиблась сестра моего отца,— сказал гордо Ецемей,— я приехал сюда оказать ей слабую помощь свою.

Гости обрадовались и, поклонившись князю в пояс, предложили ему теперь же выехать из леса к ожидающей его княжне. Тот на это согласился и велел подвести себе коня. Витязи коня ему подвели, и вскоре все трое выехали из леса. Вдали виднелась прекрасная долина. Среди той долины, под тенью ветвистого дерева были раскинута шатры княжны Ецеевой. Сюда направились они, и, когда стали приближаться к шатрам, один витязь, обратясь к Ецею, сказал:

— О твоём приезде я должен доложить княжне,— и поскакал быстро вперед.

Услышав, что приехал давножданый гость дорогой, княжна радостно бросилась к нему навстречу.

— Хотя ждала тебя я давно,— сказала ему она,— но не думала так рано увидеться с тобой! Какую же помощь ты можешь оказать мне теперь?

— Это я покажу тебе на деле,— ответил гордо Ецемей,— а пока вот что скажу: завтра на заре я уеду отсюда, ты же, пока не возвращусь сюда, жди меня здесь с войском своим. И только одного я прошу: не мешать мне ни в чем и во всем полагаться на меня!

— Конечно, если ты берешь все дело на себя, я не стану мешать тебе ни

в чем, — сказала ему сестра отца, — недаром говорят, что у женщин волос длинен, да ум короток: мы ошибаемся часто и в самых простых делах, а здесь дело мужское и не нашего ума — делай ты как хочешь: я во всем полагаюсь на тебя.

Утром Ецемей садится на своего коня и снова пускается в путь. Достигши крутого берега огромной реки, он дернул за узду коня, и конь мгновенно очутился в мутных волнах. Но недолго он боролся с бурными волнами и живо очутился на другом берегу. Тут седок пустил коню удила, и конь, почуя волю господина, понес его во весь опор: поля, леса, горы, долины, ручьи, реки, стремнины — все только мелькнуло пред ним. И долго верный конь без усталости скакал; наконец к вечеру одного дня он прискакал в область Кубы. Смелый седок, сдвинув шапку сердито на лоб, кипел жадной предстоящей мести и с обнаженной шашкой в руке грозно бросился на стражу табунов Кубы. Те мигом окружили его и обнажили свои сабли; но, увы, в последний раз они их обнажили: наш герой отважный, махая шашкой влево и вправо, смелою рукою сносил им с плеч головы долой; в одну минуту овладел он бесчисленными табунами Кубы и погнал их обратно к себе. Подъезжая к знакомой реке, Ецемей думал про себя: «Неужели только с этой добычей мне обратно ехать с сестрой моего отца; это было бы похоже не на победу, а на бегство робкого мальчишки от преследования Кубы. Нет, этому не бывать; пусть лучше сестра отца гонит домой табуны злодея, а ответ за них я сам отдам ему».

Так думая, Ецемей перегнал табуны через реку и выстрелом из ружья дал об этом знать своим. В минуту воины окружили табуны и поздравили богатыря с победой.

— Да, ты верно сдержал данное слово, — сказала княжна, обнимая радостно Ецеменя, — ты на деле показал мне силу свою. Теперь без войны, но со славой пора нам возвратиться домой!

— Пора, но не мне, — молвил, смеясь, Ецемей, — ты приехала раньше и поэтому уезжай раньше меня.

— Что же ты будешь делать здесь после нас? — спросила изумленная княжна.

— Поеду еще разорять Кубу, — сказал грозно Ецемей, — а ты, пока нет погони за табунами, гони их с войском домой.

Сестра отца грустно собралась в путь и, прощаясь, сказала сыну брата:

— Знаю, опасной славы ты ищешь себе, но уговорить тебя я не в силах!

Проводив тетку за лес, богатырь возвратился назад и, перешедши реку, пустился с конем снова в путь. К полудню одного дня герой остановился отдохнуть у зеленого холма. Здесь он слез с коня и, сняв седло, пустил его на волю. Затем, положив седло под голову, он ложится на холм отдохнуть и скоро засыпает богатырским сном. Вдруг слышит он сквозь сон ржанье верного коня. Очнувшись, он проворно поднялся на ноги и посмотрел внимательно на коня. Верный конь, подняв вперед чуткие уши и устремив вдаль умные свои глаза, стоял как вкопанный.

— Что он там видит? — подумал богатырь и стал внимательно вглядываться в темную даль.

И видит: далеко, как бы в тумане, в том месте, где небо соединяется с землей, летит какая-то точка, летит и постепенно увеличивается. Вот различает богатырь и голову, и ноги; еще мгновение — и он видит вдали всадника. Но что за конь бежит под ним: на шести ногах он скачет, как черный ворон летит, пыль столбом вздымает, из ноздрей пар валит; под ним земля тяжело дышит, на лбу звезда горит, в глазах огонь блестит, по бокам зайцы играют, из-под ног чайки вылетают! Прискакал конь и у холма остановился.

— Эй, мальчик,— обратился к Ецею сидевший на коне богатырь,— не видал ли ты, кто прогнал здесь мои табуны?

— Да, я видел,— сказал Ецмей,— вот туда один человек вчера их погнал,— и указал пальцем на север. Пустился всадник в путь, а Ецмей, провсжая его глазами, думал про себя: лети, лети, наездник ты безумный; не скоро ты возвратишь свои табуны.

Но всадник скоро прискакал назад.

— Ах ты презренный мальчишка! — закричал он на нашего богатыря,— смеешь ты обманывать меня!

— Виноват,— сказал Ецмей,— от страха указал я тебе путь не в ту сторону; помнится, табуны угнали по той долине,— и указал ему путь на запад. Пустился опять по указанной дороге всадник.

— Негодный мальчишка, ты опять вздумал шутить надо мной! — возвратившись через некоторое время, закричал на Ецею всадник,— теперь тебе не избежать моих плетей!

— Помилуй,— сказал Ецмей,— ты так сердито обращаешься со мной, что я от сильного испуга совсем теряюсь и неверно указываю путь. Теперь я помню хорошо, что табуны твои угнали на восток; если пустишься туда, уж верно без табунов не возвратишься.

— Последний раз поскачу я туда и, если обнаружится твой обман, я с тебя, мальчуган, голову сорву,— грозно сказал Куба и живо поскакал на восток.

Вдоволь насытившись своими проказами, Ецмей самодовольно осматривал свое оружие.

— Погиб ты, юноша надменный! — прискакав в третий раз, вскричал Куба,— знаешь, над кем ты вздумал шутить? Кто стоит пред тобой и что теперь ожидает тебя, нахала? Скажи, как смел ты издеваться надо мной? Кто побудил тебя сыграть со мной такую шутку? Не тот ли, кто угнал мои табуны и оставил здесь тебя, чтобы ты, обманывая меня, дал ему время с ними скрыться? Отвечай же: жизнь твоя у меня в руках!

— Пока я ее тебе не отдал,— смеясь, отвечал наш богатырь противнику,— но признаюсь, это я угнал твои табуны и, чтобы показать, насколько твои угрозы страшны мне, я сам заставил тебя три раза скакать понапрасну. Если желательно тебе узнать, кто тебя так сильно огорчил, то знай: я сын Ецева и приехал отомстить за смерть своего отца!

— Теперь все ясно мне,— сказал Куба, бросив презрительный взгляд на своего противника,— ну, стрельба или борьба?

— Борются бабы у нас,— насмешливо отвечал Ецмей. Отъехав на ружейный выстрел, Куба молча слезает с коня и подымается на соседний холм. Ецмей, повинувшись обычаю старины, проворно вытащил винтовку из чехла и первым выстрелил из нее.

— Теперь уж очередь моя,— язвительно сказал раненый противник,— чернотволку полuzарядом заряджу и тебя, мальчугана, одним выстрелом уложу.

И, зарядив тотчас заветную чернотволку, он нетерпеливою рукою придал курок и попал молодому герою в правый бок; но не смутился этим Ецмей и вторым выстрелом ранил Кубу в левое плечо. И закипела между ними битва. В дыму очутились противники: как гром, их ружья гремят, и пули из них по очереди летят, как звезды, мерцают огни, учащаясь от выстрелов борцов. Неизвестно, как долго продолжалась бы битва, если бы к вечеру не истощился у них порох.

— Пора нам отдохнуть,— сказал Куба,— я поеду домой и возьму пороху и провизии.

— Конечно, это нам необходимо,— одобрительно сказал Ецмей и лег на спину отдохнуть.

С трудом севши на коня, пустился Куба домой. Прискакав в полночь во двор, он слез с коня и, опираясь на ружье, вошел в комнату.

— Эй, жена,— закричал он у порога,— иди скорей и избавь меня от мучительной боли и тяжести пуль!

Живо подбсжала к нему жена и, уложив его на разостланный ковер, стала своим полотенцем тереть по телу его. Как град, сыпались на ковер свинцовые пули из тела израненного Кубы.

— С каким это большим войском сегодня вел ты борьбу! — заметила Кубе жена.

— Нет,— ответил он, легко вздохнувши,— сегодня не с войском я боролся, а получил столько пуль от десятилетнего мальчика.

Как только наступило утро, Куба уж был на месте битвы и, закусив с противником, по обычаю, разделил пополам пули и порох.

— Пора нам снова взяться за дело,— сказал он Ецемею.

— Я готов,— спокойно ответил тот.

И снова битва закипела; к вечеру она опять прекратилась; обремененный пулями Ецемя, Куба снова пустился домой. Наш же герой, израненный тяжелыми пулями, еле двигал своими членами, но был готов стоять до конца.

Прошла мучительная ночь. Куба, прискакав, разделил с Ецемяем порох и пули и снова вступил с ним в битву.

Вот наконец настала и третья ночь. Куба, прискакав по-прежнему домой и получив при помощи жены исцеление, стал в раздумье ходить по комнате.

— Не раз я воевал с целым войском и воевал на поединках, но никогда я не встречал такого противника,— думал молча Куба,— он еще молод, не возмужал, но кто из смертных согласился бы вступить с ним в бой, когда он достигнет своего совершеннолетия?

Утром, прискакав в четвертый раз на место битвы, Куба нашел своего противника лежащим на холме без дыхания.

— Черностволка не изменила мне,— со злым восторгом, глядя на убитого, сказал он,— она ему раздробила все члены.

Сняв с него доспехи, он привязал к хвосту коня онемелый труп и с этою добычей пустился шагом в обратный путь, ведя под уздцы коня своего противника. К ночи он достиг своего дома и, слезая с коня, обратился к своей жене:

— Вот с кем я дрался целых три дня,— сказал он и насмешливо указал на охладевший труп юноши.

— Какого ты несчастного младенца убил,— заметила с жалостью жена,— не стыдно было тебе на такого маленького ребенка поднимать свое ружье?

— На вид он маленький, но на деле удаленький,— ответил ей муж,— теперь уж ночь; не знаю, что мне делать с ним, но я не засну спокойно ночью, если не поставлю над ним караул.

— Неужели этот ребенок так сильно напугал тебя, что над безжизненным трупом его хочешь поставить караул? — с презрением сказала жена.

— Это уж дело мое,— сердито возразил ей муж, и, поставив над трупом нашего героя целый отряд воинов, он пошел с женой почивать в покой.

Скоро он погрузился в глубокий сон. Но жена не смыкала очей: милый образ прекрасного юноши все носился в ее воображении. «Пойду потру его полотенцем, и, если удастся мне ему возвратить жизнь, пусть скорее уйдет от злодея-мужа»,— подумала она про себя и, привстав с кровати и осторожно сойдя с постели, незаметно подошла к воинам.

— Муж мой сегодня нездоров,— она сказала им,— и напрасно он заставил вас караулить; идите с богом по домам.

Воины молча ей поклонились и тотчас удалились. Она с трепетом подошла

к телу юноши и стала тереть его полотенцем. Как град, с каждым прикосновением чудесного полотенца сыпались пули. Мгновенно дрожь пробежала по холодному телу юноши, и он открыл глаза. Спасительница стыдливо побежала в комнату к мужу, а наш герой осторожно пошел за нею.

— Ой, идет мой враг,— вдруг сквозь сон сказал Куба, вздрогнув.

— Спит он вечным сном под присмотром твоих воинов,— сказала ему жена, и успокоенный Куба снова заснул.

А Ецемей между тем приближался все ближе и ближе.

— Ох, он здесь,— задрожав от страха, проворчал опять Куба.

— Никого здесь нет,— успокоила его жена,— а если он здесь, то ничего тебе не может сделать: там в огромном сундуке лежат двадцать сундучков, вложенных один в другой, и в последнем, двадцатом сундучке лежит тот Черный нож, который один грозит тебе смертью.

И вторично погрузился в сон глубокий Куба. Услышав слова своей спасительницы, Ецемей осторожно подошел к кровати, тихонько вытащил ключи и проворно достал роковой нож. Затем стал он подходить к Кубе, а последний, чувствуя приближение его, задрожал от страха и что-то хотел сказать, но быстрый удар мгновенно поразил его в шею, и покатила голова сурового Кубы.

Потом Ецемей, осторожно вытащив обезглавленный труп из теплого ложа, влез туда сам так тихо, что жены не разбудил. Как только запели первые петухи, пробудился от сладкого сна Ецемей.

— Эй, жена, вставай же скорее и собирай все в дорогу,— голосом Кубы сказал он,— к утру нам нужно покинуть сей край: наша область окружена вражьими войсками,— а сам между тем, одевшись в доспехи и заперши в сундучки кровавый нож, вышел оседлать своего коня.

Жена, ничего не зная о случившемся и принимая Ецеменя за мужа, стала укладывать все вещи. К утру дом Кубы был покинут навсегда. Переезжая через реку и увидя отражение мнимого мужа в воде, жена сказала Ецемя:

— Каким ты маленьким кажешься в воде, а прежде ты был вдвое больше.

— Маленький топор большое дерево рубит,— ответил ей насмешливо Ецемей.

Удивленно повернулась она к нему и, увидя себя в руках юноши, недавно спасенного ею самой, она покраснела от стыда и подумала: «Как же это я вернула его к жизни, но не заметила вчера, что он сделал с мужем моим?»

Дошедши до темного леса, Ецемей слезает проворно с коня и осторожно снимает пленную жену. Затем, обращаясь к рабам, велел разбить шатры, а сам, взявши ружье, отправился в чащу леса поохотиться. Весело проведши ночь, наш молодой герой поутру снова тронулся в путь.

Уже время клонилось к полудню, когда он очутился в области Сосрука. Нарт Сосрук сам вышел к нему навстречу и, поздравив его с победою, стал просить, по обычаю страны, подорожного выкупа.

— Возьми навьюченных золотом лошадей, и в придачу дарю тебе своих пленных рабов,— сказал добродушно Ецемей.

— Не надо мне твоих лошадей, навьюченных золотом, и в рабах я не нуждаюсь,— ответил гордо Сосрук,— отдай ты мне только жену Кубы.

— Уж больно ты дерзок! — с презрением возразил ему Ецемей,— с чем же мне возвратиться домой, если я ее тебе уступлю! И не рождался еще у Ецемеевых такой трус, который отдал бы встречному свою жену.

— Тогда я выставлю против тебя, юноша, своих воинов,— отвечал ему Сосрук,— и пусть победа решит, кому владеть женой.

— На это я согласен,— смело сказал Ецемей и, слезая с коня, велел отойти своим в сторону.

Сосрук, выступив против героя, стал с ним сражаться с целым своим войском. С каждым выстрелом наш удалой молодец укладывал на месте по одному воину. Наконец, изнемогая от ран в неравном бою, обратился он к Сосруку:

— Я умираю, исполни последнюю просьбу мою, если она не пугает тебя: поставь в ряд все войско свое и сам отстранись в сторону.

С надменной гордостью Сосрук исполнил просьбу героя, а Ецемей последним своим выстрелом оставил всех воинов Сосрука без ушей с одной стороны. Затем он обратился к жене и бросил прощальный взгляд на нее. Та побежала с целительным полотенцем на помощь к нему, но мудрая мать Сосрука, обращаясь к сыну, сказала:

— Не допускай, мой сын, жене Ецемея приблизиться к нему и поспеши скорее снести ему голову с плеч.

Сосрук бегом пустился к умирающему и, перегнав его жену, отсек герою голову мечом, но увя — с плохой победой остался Сосрук: с ушами храбрых воинов он честь и славу свою потерял и стал служить посмешищем для всех. Но верный сын отца, исполнив священный долг свой, погиб в неравном бою, и долго-долго сохранится в предании память об его славных подвигах.

Х. РАЗРОЗНЕННЬЕ СКАЗАНИЯ

126. НАРТЫ-СИБИЛЫ¹

В старину, во времена нартов, у подножия Минги тау была пещера Накут-Дорбун, в которой мог поместиться аул. В ней хранились золото, железо, драгоценные камни, бронза нартов. Пещера радовала глаз сиянием [этих драгоценностей].

Нарты сами пользовались богатствами этой пещеры. Нартские мастера, построив в пещере мастерскую, ковали из железа и бронзы оружие для нартов, а из драгоценных камней для нартских — сибильских — девушек делали различные украшения.

Охранять богатства пещеры Накут-Дорбун нарты доверили самому умному из нартов — старому Дебеку. А сами, поднявшись выше, на склоне Минги тау построили крепость из гранита Кала-Тау и жили в ней.

В те времена в местности Тарык жил безбородый Бурунчук, который господствовал над всеми.

Безбородый Бурунчук услышал о Накут-Дорбуне от всеслышащего, всевидящего, всезнающего, шестнадцатилетнего, восьмиглазого, восьмиголового огнедышащего Джельмаууза и с завистью подумал, что если бы он завладел этим богатством, то господствовал бы над всей землей. Не зная, как отобрать его у нартов, он решил склонить на свою сторону старого Дебека, послал к нему тайно от нартов посланцев с просьбой подчиниться ему, дабы потом они вдвоем господствовали бы над всем миром. Но, уйдя в Накут-Дорбун, посланцы назад не возвращались, и это бесило Бурунчука. Он отправлял все новых и новых посланцев, но никто из них не возвращался. Тогда он вызвал Джельмаууза и посоветовался [с ним], как уничтожить нартов и завладеть Накут-Дорбуном в стране нартов.

Безбородого Бурунчука никто не знал — ни откуда он родом, ни откуда пришел.

Хотя его никто не знал, он заставлял своего огнедышащего Джельмаууза проникать во все сто слоев земли, а огнедышащий захочет — пойдет по земле, захочет — поплывет по воде, захочет — полетит по небу. Он все слышит, все видит, а его никто не видит. Как вихрь, он пронесется всюду. Места, которые ему не по нутру, сжигает, что услышит или увидит — передает безбородому Бурунчуку. И вот поэтому тот живет, господствуя над всеми.

Безбородый Бурунчук намеревался сделать то же самое с нартами-сибилами, потому-то и вызвал [огнедышащего]. А Джельмаууз сказал ему так:

— Нарты-сибилы, о которых ты говоришь, несгораемые, нерасплавливаемые, бессмертные [батыры]. Чтобы узнать тайну их несокрушимости, давай пошлем к ним трехголового огнедышащего из моего племени. Пусть он пойдет к ним и узнает о них все. Если ему удастся, он уничтожит нартов-сибилов. А если это окажется ему не под силу, он возвратится и поведает нам обо всем.

Бурунчук одобрил слова деу Джельмаууза. И трехглавый огнедышащий собрался к нартам-сибилам на Минги тау, взлетел и скрылся из глаз. Он полетел над облаками, плывущими над Минги тау, и опустился на его вершину.

Прежде чем начать борьбу, оглядел все земли нартов, понаблюдал за местом обитания нартов-сибилов в Конуш-Джурте, за большой крепостью Кала-Тау. Узнал, кто такие нарты-сибилы. И [только] тогда решил, не мешкая, показать

[нартам] свою храбрость. Подготавливаясь к битве с нартами, он начал срывать глыбы льда и катить их в разные стороны. Он хотел укрепить то место, где он опустился. Сорванная им оледенелая гранитная глыба покатила вниз, наполняя грохотом горы и ущелья. Ударяясь о скалы, грохоча, она пролетела мимо нартского Конуш-Джурта рядом с Кала тау и упала поперек Уллу Кама.

Нарты-сибилы, веселившиеся на свадьбе нарта Сибилчи, услышав грохот, от которого содрогалась земля, спокойно вышли [из крепости] Кала-Тау и, взглянув на вершину Минги тау, увидели готовившегося к битве трехголового [дракона]. [Тогда] они обратились за советом к Сибилчи.

Исполин, самый смелый среди отважных нартов, нарт Сибилчи взял свой трехзарядный лук и пустил из него три стрелы в сторону Минги тау, прицелившись в головы трехголового [дракона]. Только огнедышащий собрался изрыгнуть огонь [на нартов], как три стрелы влетели в его три раскрытые пасти и глубоко вонзились в нёба. Крик огнедышащего пробудил весь мир. Его труп покатился с вершины Минги тау в Конуш-Джурт.

Нарт Сибилчи вскрыл внутренности Джельмаууза, вырезал огнедышащие бронхи [дракона], высушил, перемешал с серой и сделал куу*, чтобы нарты, когда нужно, имели огонь, чтобы они могли пускать огненные стрелы.

Услышав пробудивший весь мир крик-стон трехголового, безбородый Бурунчук и [семиголовый огнедышащий] дракон задумали безжалостно уничтожить нартов-сибилов и для этого позвали сто трехголовых огнедышащих. Они сказали им: «Испепелите нартов-сибилов и свалите на них Минги тау».

Сто огнедышащих [драконов], гремя, как гром, полетели, угрожая нартам: «Окружим землю нартов-сибилов и сожжем ее и, чтобы не распространялся запас гари, свалим на нее Минги тау!»

Деу нарты-сибилы, готовые к схватке, вышли все, от мала до велика. Среди них была и жена батыра нарта Сибилчи красавица Кюнкыз, которая провела в его отоу всего два дня. Она светила, как солнце, обогревала землю нартов, придавала нартам силу, бодрость. Джельмауузы же, как только увидели Кюнкыз, ослепли от ее [лучезарной] красоты. У них отнялись языки, задрожали сердца, остолбенеv, они не смогли тронуться с места.

А нарты, натерев [наконечники стрел] трuтом, сделанным из бронхов огнедышащего, убитого нартом Сибилчи, метнули их и сожгли остолбенеvших сто Джельмауузов трехзарядными огненными стрелами. На Минги тау те места, где они сгорели, превратились в проплешины, и сегодня, говорят, на тех местах ни снег не держится, ни трава не прорастает.

Бурунчук и всесильный Джельмаууз, верившие в возвращение ста огнедышащих с победой, ждали-ждали, [наконец] терпение их иссякло, невоготу им стало, и они послали Байчы:

— Поди-ка посмотри, что случилось!

Байчы пошел, посмотрел с Минги тау вниз, увидел, что у нартов той, веселье в честь победы, увидел и то, что огнедышащие сгорели и превратились в золу. Быстро вернувшись назад, он рассказал обо всем увиденном Бурунчуку и все-сильному огнедышащему. Услышав эту горестную весть, Бурунчук стал мучиться, страдать душой. Джельмауузу было еще больней. Посоветовавшись, найдя еще один способ, [как уничтожить нартов, они] успокоили свои сердца. Они сказали тому же Байчы:

— Пойди крикни с вершины Минги тау им вниз так: «Правитель, [господин] того края земли, где садится солнце, который посылал огнедышащих, пошлет их еще. Пока же он этого не сделал, идите [в его края] биться с ним, если вы действительно нарты». Если они туда пойдут, то, возможно, не возвратятся, и мы станем хозяевами алмазной страны.

И Байчы, не мешкая, на рассвете пришел к нартам-сибилам, стал кричать,

передавая слова хитрого Бурунгука, и, разбудив спавших после большого тоя нартов, заставил их слушать себя. Сильные, смелые, не поддававшиеся обычно никаким соблазнам, неустрашимые нарты-сибилы вняли тревожным словам Байчы. Они обязали нарта Дебека охранять страну, а сами отправились искать безбородого Бурунгука:

- Нарт Сибилчи возглавляет сей поход,
Нарты-сибилы вышли в поход.
До края земли добрались они победно
И остановились, так как дальше не было земли.
- 5 Они, осев там на полгода,
Жили там, [искали] и не находили безбородого Бурунгука.
Глядя, как солнце садилось в воду,
Они опять искали, надеясь [его] найти.
А в один из дней священное Солнце перед заходом
- 10 Нарту Сибилчи сообщило радостную весть и погрузилось [в воду].
Нарты-сибилы [от Селнца] узнали, что у Сибилчи родился сын,
И рассвет позвал их в дорогу...

Безбородый [же] Бурунгука, услышав о том, что нарты-сибилы ушли туда, где садится солнце, очень обрадовался и сказал шестнадцатилетнему, восьмиглазому, восьмиголовому огнедышащему Джельмауузу:

— Собирайся, я сам поеду туда! — и, сев на Джельмаууза, полетел и приземлился перед Накут-Дорбуном. А Джельмауузу он сказал:

— А ты расположись на вершине Минги тау и смотри, как бы оставшееся в этой стране нартское племя не предприняло против нас что-либо!

А сам он пошел к Дебеку, охраняющему двери Накут-Дорбуна, и потребовал:

— Открой дверь и впусти меня туда, теперь Накут-Дорбун мой! Я — повелитель Бурунгука, осмотрю алмазы, золото и другие богатства пещеры.

Нарт Дебек, не возразив ему ни в чем, открыл дверь Накут-Дорбуна, впустил туда Бурунгука и закрыл крепко-накрепко вход пещеры. Удивленный богатствами Накут-Дорбуна, Бурунгука, забыв обо всем, бродил в пещере, осматривая ее, но через некоторое время, опомнившись, кинулся к выходу. Поняв, что не сможет выйти, он засвистел своим длинным носом так, что его свист услышал сидящий на вершине Минги тау всеслышащий, все сильный Джельмаууз. Он заревел на всю вселенную, стал грозить, что проглотит все живое и сожжет всю нартскую страну, и потребовал, чтобы господина всего мира Бурунгука освободили и чтобы выполняли его повеление. Сообщив [всем], что теперь [Бурунгука] — владетель Накут-Дорбуна, он, гремя, ниспослал [на нартов] огонь, сжег некоторые [их] земли и навел страх. [Тогда]

Родившийся у Сибилчи,
[Еще] сосущий грудь матери,
Крепкий мальчик-нарт
Встал на ноги.

Душераздирающий голос Джельмаууза оглушил его, и он, обозлившись, потянулся и, [став] огромным, сильным нартом, вскочил на ноги. Он сказал матери, красавице Кюнкыз:

— Матушка, мне бы сделать себе оружие! Он натянул восьмизарядного лука тетиву. Наконечники стрел были из воспламеняющегося трута. Он вышел из Кала-Тау. Мать вышла за ним.

Они увидели на вершине Минги тау Джельмаууза, который, сердито срывая

глыбы скал, сделал вершину Минги тау двуглавой. Красавица Кюнкыз, направив свой свет, заставила огнедышащего Джельмаууза остолбенеть и остудила его огненное дыхание. А ее сын-нарт метнул в него восемь стрел из восьмизарядного лука. Джельмаууз, которого пронзили ядовитые горящие стрелы, опух и лопнул.

А Минги тау, говорят, с того времени стал двуглавым.

Нарты-сибилы вскачь, рысцой, добрались до Сибилты *.

А в Сибилте к своему поселению, к Минги тау, пришли

И, увидев седловину горы, узнали, почему это случилось.

С весельем, тоем в Кала-Тау вошли

5 И новорожденного сына Сибилчи, названного Ёрюзмеком,

За день выросшего и ставшего нартом-силачом, увидели.

Бурунгук, узнав про Ёрюзмека,

Просил Ёрюзмека даровать ему жизнь.

Обещая за это отдать ему страну Тарык,

10 Пытался раздобыть его сердце,

Но Ёрюзбек не ответил на его просьбу.

Безбородый Бурунгук опять стал умолять его, обещая выдать за него чудеснейшую в мире красавицу Аргу, спрятанную в Тарыкских горах, в пещере Бугоулу.

Ёрюзбек с небольшой частью нартов-сибилов направился в Тарыкские горы. Он освободил жившую в пещере Бугоулу, не видевшую солнца красавицу Аргу и, женившись на ней, стал предводителем нартов-сибилов.

А безбородого Бурунгука нарты-сибилы, чтобы он насытился алмазами, оставили живым в Накут-Дорбуне и заставляли работать в мастерской. Основание крепости нартов Кала-Тау в Конуш-Джурте, говорят, сохранилось до сих пор.

127. ПЕСНЯ О БОЛАТ-ХЫМЫЧЕ

Я расскажу вам про Болат-Хымыча,

Уой, уорайда.

Ширина его плеч —

Уой, уорайда —

Семь сажен.

Ширина его талии —

Уой, уорайда —

5 Два обхвата,

Уой, уорайда.

У него две жены-красавицы,

Уой, уорайда.

Они [ему] бурку делают,

Уой, уорайда.

Когда он будет ездить на коне,

Уой уорайда,

В этой бурке [ему не страшна будет непогода].

10 [Бурка, которую они валяют]¹, весит один пуд,

Уой, уорайда.

Из шерсти ста [баранов],

Уой, уорайда,

Они делают [эту бурку],

Уой, уорайда.

Они валяют шерсть-[бурку],

- Уой, уорайда,
И поют «Инай»².
- 15 В это время Хымыч прилег [отдохнуть],
Уой, уорайда.
Они решили, что он уснул,
Уой, уорайда.
— Если Хымыч оставит нас,
Уой, уорайда,
Он к аварскому хану поедет,
Уой, уорайда,
И женится на дочери аварского хана,
Уой, уорайда.
- 20 Его будут [сопровождать] сто всадников,
Уой, уорайда,
[И] сто возов с тканями,
Уой, уорайда.
Наверное, был гордым мужчиной [Хымыч],
Уой, уорайда.
Он с места вскочил,
Уой, уорайда.
— Да не буду я Хымычем,
Уой, уорайда,
- 25 Если не поеду к аварскому хану,
Уой, уорайда,
И не женюсь на дочери хана,—
Уой, уорайда.
Он собрался и уехал,
Уой, уорайда.
К аварскому хану приехал,
Уой, уорайда,
[А] там состязались, стреляя по мишени,
Уой, уорайда.
- 30 [Аварский хан] за победителя должен был дочку выдать,
Уой, уорайда.
Поверх зеркала иглу воткнув,
Уой, уорайда,
Они [в иглу] стреляют,
Уой, уорайда,
Но никто не может в мишень попасть,
Уой, уорайда.
Болат-Хымыч пустил [свою стрелу],
Уой, уорайда,
- 35 И пополам иголку перебил,
Уой, уорайда.
Сто всадников, [Хымыч и дочь хана],
Уой, уорайда,
В дорогу отправились,
Уой, уорайда.
Когда возы [с тканями],
Уой, уорайда,
Стали во двор Хымыча въезжать,
Уой, уорайда,
- 40 Его жены их обратно повернули,

- Уой, уорайда.
 — Это [не принадлежит] нашему Хымычу,
 Уой, уорайда,
 Они принадлежат другому, но не Хымычу,—
 Уой, уорайда.—
 Так сказав, они телеги [назад] повернули,
 Уой, уорайда.
 В этот момент,
 Уой, уорайда,
 45 Болат-Хымыч подъехал,
 Уой, уорайда.
 — Это ты их повернула,— сказала одна из них,
 Уой, уорайда.
 — Нет, ты сама их повернула,— возразила другая,
 Уой, уорайда.
 Одна схватила дверной засов,
 Уой, уорайда,
 Другая лопату схватила,
 Уой, уорайда,
 50 И друг другу головы они разбили,
 Уой, уорайда.

Приложение 1

СЫНОВЬЯ ДЕВЕТА — ГУ И ЦЕХНИ

Старому нарту Девету Золотому —
 На почет старику, на крепость его дому —
 Даровал Тха великий 19 сынов.
 19 сыновей, удалых голов,
 Всемогущих нартов, славных удальцов.
 Старшему сыну, Алавгану,— после всех жениться,
 Про него и слово пусть после говорится...
 А скажу-ка я про первое горе, что на человека пало:
 Про несчастную долю молодцов Гу и Цехни,
 Сыновей Девета, по Алавгане старших.
 Ой вы, славные молодцы, вы, нарты лихие!
 По вас плакала земля, плакали камни и пески сухие:
 Первая тут людская кровь пролилася,
 Тут на друга-брата родная рука поднялася.

Гу, второй сын Девета, пас отцовское стадо;
 Цехни — третий — ходил со стрелами и с луком,
 По горам ходил, по лесам бродил,
 Птиц, зверей бил; старика-отца дичиной кормил.
 Раз, за общей едой, у семейного огня стал Цехни похваляться.
 Похваляться стал и над братом смеяться:
 «Эх, и зорек же мой глаз, верны мои стрелы:
 На седьмой горе я нынче оленя заприметил,
 А с шестой — и стрелой его отметил.
 Вот тебе бы, брат Гу, да за зверем пойти,
 Ты, должно быть, у стада-то сидючи

Да вокруг себя на овец лишь гляючи,
И подслеповат стал, и на слух не без изъяна.
Эй, гляди, украдут у тебя лучшего барана!»
На ту шутку старший брат меньшому ласково ответил:
«Ох ты, сокол мой зоркий, волк мой быстроногий,
Уж куда мне, убогому,— да с тобой равняться!
Мое дело спокойное: где тут вору взяться».

Темной ночью, сквозь чащу кустов
Цехни к стаду ползет;
Он змеей ползет — ветки не двинет, стебля не качнет.
«И потешусь же я завтра над братом,
Как он хватится искать своих баранов!»
А пастух привычный, Гу не дремлет, не спит,
У костра сидит — чутким ухом стадо сторожит.
Ему чудится шорох. Где шорох — он не знает;
Хоть не знает, а разумом смекает:
«Это мой брат Цехни к стаду подползает!
Хочет он надо мной, над старшим, посмеяться.
Дай-ка сам я над ним подшучу — заставлю испугаться».
И, вскочивши, крикнул Гу — словно гром грянул,
От того богатырского крика скалы песком разлетались.
И, свой лук натянувши, пустил черную стрелу без прицела;
Понеслась стрела, словно буря, взвыла, заревела.
А нартовскому кличу, вою черной стрелы
Чей-то стон протяжный ответил из челы¹.
На колени себе головой положивши,
Держит Гу холодеющее тело:
Насквозь братнина грудь оперенной стрелой пробита,
И ключом на ранах светло-алая кровь — словно пена, вскипает...
Нет у слез у нартов, голоса для плача,
Им, железногрудым, не дал Тха и речи,
Чтоб печаль и горе высказать словами.
А по милом брате, по любимом друге тяжело Гу тоскует.
К его телу холодному всей грудью припал, припал и горюет:
Нет слез, нету слов, тяжело сердце бьется.
Заплакать бы, зарыдать бы — иль грудь разорвется.
И владыка богов, Тха великий, всемогущий,
Его горю исход положил, дал волю оплакивать брата:
Обратил он Гу в белую чайку.
В быстрокрылую чайку морскую с светло-алою грудью —
Как была его грудь алой братниной кровью залита —
И с тех пор над волнами красногрудая чайка летает,
Одиноко летает — по убитом брате жалобно рыдает.

Приложение 2

СОЗАР ГЕЗОХОВ¹

Гезоховых было 60 всадников. Они от болезни все вымерли, осталась одна беременная женщина. Она была дочерью Индилая и женою одного из Гезоховых. От нее родившийся Созар был как вытянутое золото. Аксак-Темир² его в кровные

емчеки ⁽³⁾ взял, и он при нем день-деньской рос. Живя таким образом, Созар сделался всадником и в дружбе с товарищами присягу дал.

Однажды Созар обратился к своему емчекскому отцу с такою речью: «Не осталось ли от моего отца какое домашнее имущество, оружие и принадлежности к нему?»

Емчекский отец, открыв черный сундук, показал Созару отцовское оружие и принадлежности к нему.

— Теперь возьми эту уздечку и отправься к скачечному кургану, — так сказал емчекский отец Созару. — Если этой уздечкой позвонишь, то все оставшиеся вашего завода лошади прибегут к тебе. Из них какая первая прибежит и мордой коснется уздечки, ту, глядя и лаская, сбереги для себя и прими присягу, что ее ты не будешь отчуждать. Она тебе будет служить как брат и твоим недругам будет непримиримым врагом.

Созар взял уздечку, отправился к скачечному кургану и, как сказал емчекский отец, уздечкой позвонил; тогда из колючего кустарника на звон уздечки выбежало несколько лошадей, и одна из них, молодой жеребенок с темной шерстью, впереди всех на ружейный выстрел примчалась к Созару и на свою морду надела уздечку.

«Я тебя не возьму, пусть тебя растерзают волки». Сказав это, Созар ударил жеребенка и отогнал его от себя. Когда же Созар вновь позвонил уздечкой, то и на этот раз тот же жеребенок впереди на два выстрела от других лошадей опять примчался к Созару.

«Хотя этот жеребенок мне не нравится, но, по-видимому, он обладает хорошими качествами». Сказав это, Созар погладил жеребенка, надел уздечку и оседлал его. Когда на жеребенка надели уздечку, он сделался двухлетним; когда оседлали, он превратился в трехлетнего; когда же Созар сел на него и ударил плетью, он превратился в четырехлетнего, три дня прожил, седьмой год пошел ему. Подчинив, погладив, Созар сделал его статным конем и не сбывать его присягу дал.

После всего этого конь заговорил человеческим голосом: «Если ты достойный сын Гезоха, то будь доблестным всадником, а я буду верным твоим конем. У Елия на берегу Эдыля есть несметное количество лошадей, отправимся туда и их пригоним. Если мы их с верхней стороны Нарозина пригоним, то нартского князя Темир-Чокка молния убьет, и тем совершишь кровную месть за своего отца. Он много зла сделал твоему отцу. На Эдыле есть большой медный мост. Если мы от этого моста уйдем незаметно для Елия, то благополучно пройдем. Если он нас приметит, то живыми нас не пропустит. Сторожем у Елия черный орел. Увидевши нас, он даст знать Елии. Если ты достойный всадник, то я не оплошаю, только ты разогрей меня дубовой палкой от ярма, и я перепрыгну через мост».

Созар вскочил на коня, два раза ударил его плетью, и конь мигом очутился около моста. Здесь Созар спрыгнул с лошади, подтянул подпруги, снова сел и дубовой палкой от ярма стал разжигать коня, приговаривая: «Чух, чух!..»

Конь прыгнул и на два выстрела очутился впереди моста и вместе с тем всеми четырьмя ногами врезался в землю. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, конь со всех своих сил прыгнул вверх, и от копыт полетели большие комья земли, которые, ударяясь о медный мост, произвели страшный шум. Сторож Елии, черный орел, проснувшись от этого шума, полетел дать знать.

«Ой, плохо, Созар. Если ты достойный сын Гезоха, то положи ружье на луку седла и убей орла; если же ты этого не сделаешь, то наши пашни сожнутся другими». Созар оказался достойным сыном Гезоха: он выстрелил и поразил орла в крыло. Орел свалился на землю.

«Бог нас избавил от опасного врага. Теперь угоним табун Елии». Так сказала

лошадь. Сказав это, конь три раза повалялся по песку и три раза по клею и сделался толстым, как гора Бештау.

«В табуне есть белый жеребец с золотистым хвостом. Он питается песком и клеем. Увидев нас, он начнет со мною бороться. Я его тело разгрызу, и если он от этого ослабеет, то мы его убьем, но если я ослабею, то ты, как достойный сын отца, взнуздай его и оседлай. Когда на него сядешь и поедешь, то за тобой весь табун пойдет». Как сказала лошадь, так и сбылось. Когда Созар подъехал к табуну, от него отделился белый жеребец с золотистым хвостом, который сейчас же вступил в бой с Созаровым конем. После некоторой борьбы жеребец стал одолевать; тогда доблестный Созар схватил жеребца за золотистый хвост, накинул на него узду, оседлал, крепче подтянул подпруги, вскочил в седло и крепко уселся на жеребце. Рассерженный жеребец три раза подпрыгивал почти до неба и опускался на землю, желая сбросить седока, но Созар крепко сидел.

«Ты достойный всадник, я буду тебе достойным конем», — так сказал жеребец.

«На берегу Эдыля есть медное корыто, из которого мы пьем целебную воду. Если это корыто сумеешь привязать к моему хвосту, то весь табун за нами пойдет».

Как сказал жеребец, так и сделал Созар: привязал к золотому хвосту медное корыто, и по звону его весь табун Елии за ним пошел.

Созар табун погнал с верхней стороны Нарозина; в это время сверкнула молния, ударил оглушительный гром, и этой молнией кровник Созара, нартский князь Темир-Чокка, был убит.

Созар Гезохов с табунном волшебника Елии явился к своему емчекскому отцу, зажил богато и прославился своею храбростью.

128. ОТКУДА ПОЯВИЛИСЬ АЛМОСТУ

Алмосту жили в древности. Сейчас их почти не осталось. «Они — помесь нартов и эмегенов», — слышал я от своего отца Кочхара. У нартов был один богатырь по имени Алауган. В народе говорят, что ни одна нартская женщина не могла с ним жить, и он женился на девушке из рода эмегенов.

Выйдя замуж за Алаугана, она каждые два месяца рожала по два-четыре ребенка и тут же их глотала.

Однажды [нарты] обманули жену Алаугана и заставили [ее] во время родов [взобраться на крышу сакли] и рожать оттуда в дымоходное отверстие. Когда трое новорожденных упали на очаг, одна из нартских женщин схватила их и побежала в сторону Минги тау. Устав, она оставила двух из них у дороги, а третьего спрятала в ледниках Минги тау.

Тех же двух малышей унесла волчица, она выкормила [их] своим молоком и вырастила их среди волков. Вот так от детей, вскормленных волками, пошли алмосту — [существа] громадного роста, длинноволосые, [с телом], покрытым густыми волосами. Они не умели разговаривать, но зато понимали язык людей. Им было все равно — тепло или холодно. Они не разбирали — пища сырая или вареная. Обитали они на стойбищах, в темных пещерах, в старых, темных, грязных местах, где не было людей, питались их объедками и отбросами.

В древности наши предки из-за уважения к [памяти] нартов, прежде чем начать есть, в первую очередь выделяли из своих котлов долю алмосту. Ее оставляли у порога, или в углу сарая, или в дыре каменной ограды. Алмосту приходили и съедали эту пищу. Насытившись, они произносили алгыш, если еда им нравилась:

Пусть продолжение твоего рода будет вечным, как Полярная звезда,
Пусть твой Тейри всегда будет посылать тебе множество лучших зверей
Апсаты!

Если же кто-нибудь не выделял им долю еды, они сердились и проклинали [его] так:

Пусть в твоём дворе не будет скотины, [будешь бедняком],
Пусть твоя могила останется без надгробного камня.

Говорят, что алгыши и каргыши алмосту непременно сбывались.

В тех местах, где обитают алмосту, никогда не встречаются шайтаны. И вот почему: шайтанов могут видеть только алмосту и еще волки. Алмосту, зная, что шайтаны [всегда] стараются навредить людям, прогоняют их. А волки, когда бесовки рожают, выкрадывают их новорожденных, уносят их куда-нибудь и съедают.

129. ОБ ЭМЕГЕНАХ

Вот что я слышал от отца об эмегенах. Это были какие-то странные существа, которые жили очень-очень давно. Они были громадными, сильными, походили чем-то на людей и на змей, а чем-то и на медведей. [Они были нескольких видов.]

Первые из них имели по пять-шесть хвостов, были длинными, как змеи, но толстыми. Выше пояса они походили на людей; кожа их блестела, как змеиная чешуя. Шеи у них были длинные; и имели они от двух до пяти голов. Голова их ничем не отличалась от головы лошака, а глаза, зубы, языки были как у змей.

Вторые были величиной со средний курган, страшные, безобразные, от них несло зловонием. Их глаза, рты, щеки были похожи на лягушачьи; они ходили, как люди, на двух ногах. Тело их было покрыто волосами, а сильно растрескавшаяся кожа была вся в струпьях. Они жили на северной стороне, в болотах, в пещерах и были ненасытными и [всеядными]: ели коренья, плоды, мясо. Были неразумными, но умели немножко говорить.

Третьи были шести-семипалые, ногти их были острыми, как у барсука, а ноги были похожи на медвежьи лапы. Они тоже ходили на двух ногах. Тело их было покрыто длинной, как у козла, шерстью. Головы их были огромными, с тыкву. Они были узколобыми, безносыми, имели по одному глазу, который по ночам блестел, подобно Венере, а днем был ярко-красным и гноился.

Рот у них был до ушей, верхние клыки доходили до подбородка, а нижние клыки — до скул.

Эти эмегены вели очень жестокую борьбу с племенем нартов. Из еды больше всего они любили человеческое и ослиное мясо. Они в десять раз были сильнее нартов. Да что толку — они были глупы и неповоротливы. Насытившись, они засыпали и спали целую неделю, а проснувшись, бродили в поисках пищи [и ели] двадцать дней [подряд].

Этот вид эмегенов совсем не переносил холод. Поэтому зимой они в своих подземных берлогах впадали в пятимесячную спячку. К весне они выползали [из своих берлог] худыми и обессиленными и поедали весеннюю траву.

Судя по хапарам, большинство эмегенов уничтожили нарты. А те немногие, оставшиеся в живых, то там, то здесь, говорят, стали поедать друг друга, а потом и вовсе погибли от голода.

130. ВОЛКИ И СОБАКИ

В древности волки и собаки были дружны.

Их потом врагами нарты и эмегены сделали:

Собаки были на стороне нартов, а волки с эмегенами были.

Когда все эмегены были истреблены, волки бездомными стали,

А когда нарты погибли, собаки к людям пришли.

XI. ПЕСНИ НАРТОВ

131. МОЛЕНИЕ НАРТОВ ТЕЙРИ ¹

- Тейри! Я, нартов сын,— твой раб!
Тейри Воды сотворил из воды мою кровь,
Тейри Неба даровал мне мою душу,
Тейри Земли едой насыщает —
5 [Он] животных Апсаты дает свежевать.
В нартах течет твоя кровь, Тейри,
Нарты — часть твоей плоти.
Кланяюсь [тебе], согнувшись, как ивовый прутик,
[Имя твое] «Тейри» произношу всегда с благоговением!

Это моление. Моление-испрошение нартов, [с которым] они обращались к Тейри. А нарты были почтенные, благородные батыры. Они истребили на земле [род] эмегенов, а потом исчезли куда-то с лица земли ².

132. УМАЙ-БИЙЧЕ

- Нартов сыны — слуги Тейри.
Нартов сыны — бесстрашные джигиты.
Нартов сыны — дети волчицы.
Больше всех они чтят Умай-бийче.
5 А Умай-бийче — дочь Тейри.
А Умай-бийче — диво дивное:
Она — в образе белой оленухи,
Ее бег [подобен] полету звезды,
Ее рога подобны месяцу,
10 Ее глаза — как утренняя звезда.
Трехногая, дивная Умай,
Трехногая белая оленуха Умай.

133. ЭЛИЯ

- Глядя на небо, нартские батыры поют «Элия».
Обрати на нас свой взор и послушай, к тебе обращаемся, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!
В стране нартов все до единого собрались, Элия!
Народ жаждет [тебе] поклониться, покажись же, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!
5 В Хурс-Халы и той не в радость без тебя, Элия!
Без тебя нет удачи на охоте на зубров, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Без тебя кто нам ночью осветит наш путь, Элия?
Без тебя кто же ночью в поход отправится, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Без тебя кто ночью отважится стрелу выпустить, Элия?
10 Без тебя кто сумеет в цель попасть, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

- Без тебя и вкусная сыра не пьется, Элия!
 [Когда] не видим тебя, ночь кажется бесконечной, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Наши старики и умирая чтут тебя, Элия,
 Прося благословения, к тебе обратившись, умирают, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- 15 [Вместе] с Тейри на небесах живешь ты, Элия,
 Вместе с нартами шашлыки из зубра ешь ты, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Все нарты склонили головы, повернувшись к тебе, Элия,
 Все радуемся, [когда] видим тебя, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- В стране нартов давно идет война, Элия,
 20 Кони устают, что нам делать, Элия?
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Нарты непрерывно стрелы пускают, Элия,
 Стрелы [на врагов] градом сыплются, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Они свистят, словно крылья орла [при полете], Элия,
 Они летят и пронзают вражеские кольчуги, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- 25 Нартские копья [даже] скалы пробивают, Элия,
 Нартские мечи вражеские головы рубят, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Прогремишь, не сверкнешь ли ты молнией, Элия?
 Войска врага не развеешь ли [ты], словно пух, Элия?
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- К тебе обратившись, силу, мощь просим, Элия,
 30 Кроме тебя, никого не можем так чтить, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Страну нартов враги задумали спалить, Элия,
 Народ страны нартов в тревоге, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- Из Адиль-Су враг идет на нас, Элия,
 Без тебя сможем ли остановить его, Элия?
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
- 35 На вершине горы нарты крепости строят, Элия,
 Нартские крепости [непобедимы], словно Дых тау, стоят, Элия!
 Элия, Элия, Элия!
 Элия, Элия, Элия!

Нарты сегодня в битву вступили, Элия,

А [дома их] жены ждут, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Нартские богатыри вернутся ли [домой] с битвы, Элия?

40 В стране нартов наступит ли мир, покой, Элия?

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Черный ворон будет попутчиком [нам], Элия,

[Добрую] весть сообщить отправится к тебе, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

134. ВОЛШЕБНАЯ ПАЛКА НАРТОВ

Очень давно жили нарты. Их предводителем был нарт Дебет. Он был кузнec. [Он первым] добыл из камней железо, [а также] знал язык трав.

В те времена у нартов была одна палка красного цвета. Ее сделал Дебет.

Эмегены ненавидели эту палку. И вот почему: эмегены не переносили запаха, исходящего от нее, и убегали прочь. По рассказам, которые я слышала, эта палка сеяла между эмегенами [какую-то] болезнь. Она была для них ядом, а для нартов — лекарством.

[Однажды нарты], вооружившись этой палкой, вышли на борьбу с эмегенами. [Говорят], что [все] эмегены погибли от этой ядовитой палки. Нарты, когда шли на борьбу с эмегенами, так обращались к палке:

Красная палка, ядовитая палка!

Эмегена с ног свали, палка,

Пусть [его] душа вылетит, как только ты дотронешься [до него]!

Яд [своей] выпускай, как только к эмегену приблизишься.

5 Ты — палка, [ниспосланная нам] Тейри нартов!

[Ты] — копыто быстрого коня,

[Ты] — щека старого марала¹.

Эмегены, пусть смерть унесет вас [всех],

Пусть ваш род исчезнет!

10 Пусть нартские аулы от вас отдохнут,

Пусть ваш род исчезнет!

Красная палка, бей, палка,

Эмегенов уничтожай, палка!

У нартов был и алгыш в честь этой палки:

Красная палка, благословенная палка,

15 Для [своей] нартской страны благословенная палка,

Нартским аулам помогающая палка!

Все страшные болезни [ты] уничтожаешь,

В трудностях [нартской стране ты] помогаешь!

Врагов нартов ты истребляешь!

20 [Сделай так, чтобы] эмегены с верховий рек исчезли!

Ты — нашим великим Тейри ниспосланная палка,

[Ты] — радость нартской страны,

[Ты] от всех болезней излечиваешь,

[Ты] — палка жизни, тебя от всей души любим,

25 Ты — гордость нартского народа!

135. ИЗ НАРТСКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ ¹

- Тюйюш — тюйюш, тюйюше ²,
В углу — нартский твой шекел ³.
Кто на него посягнет, пусть на того обрушатся беды,
Пусть он от нартского меча погибнет,
5 Пусть у него в доме все умрут ⁴!
[В твоём же доме пусть] тутай куш запоет ⁵,
Пусть в твоём дворе будет играть будущий нарт! ⁶

136. ПЕСНЯ НАРТОВ,
ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ ИЗ ПОХОДА

А ну-ка, оглядите страну нартвов издаиска.
[Все ли там благополучно], видите ли вы [там] большие празд-
днества? ¹

- Аланы, а мы из похода возвращаемся,
На скаку приветствуем встречных,
5 [А] в разговорах [с ними] мы доброжелательны.

[Наши кони] мягко ступают ²,
А когда нужно — они быстры, как белки.

- Мы не боимся никаких трудностей,
Нас в пути даже ураган не остановит.
10 В бою мы неутомимы.

Кнатовища наших плетей — из таволги,
Тетива наших луков — из турьей шкуры.

Наши чабыры — из шкуры сарыуека,
Луки наших седел — из осины.

- 15 Это мы, нарты, через Сары Арку перевалили.
Это мы [голыми руками] ловим диких зверей и свежем их,
словно баранов.

Мы — верные друзья ³.
Слабому оказываем братскую помощь.

- Мы мчимся, словно птицы,
20 Четырехдневный путь за день преодолеваем.

Никому не причиняем насилия ⁴,
А с врагами [мы беспощадны] — ударом сбиваем их с верблюдов ⁵.

Запозднившись, мы ночуем на скальных террасах,
[Состязаемся], пуская стрелы в небо.

- 25 Нарты захода солнца ждут,
В [нартскую] страну они не спеша въезжают,
Без [благословения] тамады они о своих подвигах не расска-
зывают.

137. ПЕСНЯ НАРТСКИХ ОХОТНИКОВ
НА ЗУБРА

Из аула Схуртуковых [мы] выехали,
Ойра, рирара ой!
Нарт Ёрюзмек — наш предводитель,
Ойра, рирара ой!
Его смелое сердце [и в нашей] крови,
Ойра, рирара ой!
[Мы такие же] гордые, как и он,
Ойра, рирара ой!

- 5 До снежных гор мы доскачем,
Ойра, рирара ой!
Зубров, убив, мы привезем,
Ойра, рирара ой!

Элия пусть будет силу нам дающий! ¹
Ойра, рирара ой!
Черный ворон пусть будет [счастливую] дорогу нам дающий! ²
Ойра, рирара ой!

- Земля под копытами нартских коней содрогается,
Ойра, рирара ой!
10 В звездное небо они взвиваются,
Ойра, рирара ой!

Над головами нашими Элии крыло,
Ойра, рирара ой!
Пусть нартов [путь] освещает оно.
Ойра, рирара ой!

[Наши] нартские крепости гордо стоят,
Ойра, рирара ой!
Нартских жителей от врагов охраняют.
Ойра, рирара ой!

- 15 Стрелы нартов [даже] кольчуги пронзают,
Ойра, рирара ой!
Мечи нартов камни разрубают.
Ойра, рирара ой!

Во время охоты на зубра конь недоедает,
Ойра, рирара ой!
Во время охоты на зубра передышки не бывает!
Ойра, рирара ой!

- Копыта пегого [коня] земли не касаются,
Ойра, рирара ой!
20 Копыта пегого на земле следов не оставляют,
Ойра, рирара ой!

На склонах Чууана из луков постреляем,
Ойра, рирара ой!
На берегу Адыла [отдохнем] и сыру поьем,
Ойра, рирара ой!

XII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ С ЗЕМЛИ НАРТСКОГО ПЛЕМЕНИ

138. ГИБЕЛЬ НАРТОВ И ЭМЕГЕНОВ

Между Минги тау и Казман тау
На берегах Кырк суу жило

Нартское племя, слуги великого Тейри,
Питаясь дикими плодами и животными Апсаты.

- 5 Свои земли с востока до запада
Нартские батыры охраняли.

Держа наготове мечи и луки,
Нартские аулы от эмегенов оберегали.

- 10 [Однажды] эмегены захватили истоки Кырк суу,
[И] в стране нартвов засуха наступила.

Нарты Кырк суу, разгневавшись,
Поднялись все на борьбу с эмегенами.

Нарт Дебет раздул мехи,
Чтобы добыть железо, много камней расплавил.

- 15 Он знал, что нужно нартскому войску,—
Выковал и дал оружие нартскому войску.

Эмегены вышли из дремучих лесов
И бросились на нартское войско.

- 20 Нартское войско выступило им навстречу,
Спрятав пищу в гранитной крепости.

Эмегены деревья [с корнями] вырывали,
Их гноящиеся глаза плохо видели нартвов.

[Они в них] деревья с корнями швыряли,
Берега [реки] обрушив, [землю] с водой, словно кутью,
мешали.

- 25 Нартские воины все темные леса обошли
И [всех] безобразных эмегенов истребили.

[Они] очистили [долину] Кырк суу от эмегенов.
На трупы [эмегенов] слеталось воронье — предвестники
беды.

Эмегены в червивые курганы превратились.
30 Вот из них и появились [на свете] оводы и мухи.
От этих зловредных эмегенов они появились.

От гниющих [трупов] эмегенов зловонием несло,
В нартских аулах [от этого] мор начался.

Нарты поднялись со своих земель,
35 [Они] на восток и на запад бежали
И утонули в тех местах, бросившись в моря.

[Долины] Кырк суу опустели, остались без хозяев.
На этих землях [потом] иноверцы поселились.

139. НАРТЫ И ЭМЕГЕНЫ

В очень древние времена жили нартты. Они были храбрыми батырами. Нартты жили попеременно с эмегенами в долинах Кырк суу, текущих с гор Ырхыз, Эки башлы и Казман тау.

Эмегены были сильными, громадными, безобразными и очень глупыми. [Они были всеядны]: ели змей, лягушек, диких зверей, коренья и лесные плоды. А самой любимой едой у них было человеческое мясо. Проголодавшись, они с грохотом сорок дней без сна, [без отдыха] рыскали по лесу в поисках пищи. [Если не находили еду], они пожирали друг друга, а также нападали на нартские аулы. Насытившись, они засыпали и, несмотря на дождь, ветер или жару, три месяца спали. Разрушив берега и перегородив реки, они залезали в воду и всячески загрязняли реки и этим очень досаждали нарттам и мучили [их].

В те времена периодически наступали три года, когда прекращались дожди и наступала засуха. Эти три года назывались «Белыми годами». В эти годы в нартских аулах и у эмегенов наступал голод. Изголодавшиеся эмегены нападали на нартские аулы и приносили им много бед.

Однажды, [в очередные белые годы], нартские воины, чтобы спасти нартскую страну от голода, разделились на две части и отправились на восток и запад. А защищать нартские аулы от эмегенов они оставили очень опытного, но старого нарта Батырбаза. У Батырбаза было большое войско. [У них] было много стрел, однако [наконечники] у одних были из твердого кремня, у других — из мягкой бронзы. А тетиву луков они сделали из зубриных сухожилий.

Толпы огромных, курганоподобных эмегенов, сотрясая землю и горы, начали беспорядочно нападать на нартские аулы. Батырбаз направил вслед за [ушедшими в поход] нарттами гонца со словами: «Эмегены [нападают] и пожирают в нартских аулах детей, стариков и животных». Однажды [войско Батырбаза] и эмегены встретились в темном лесу, и между ними началась ожесточенная битва. Они очень долго сражались. Когда обезумевшие от голода эмегены, схватив деревья и камни, стали теснить нартов, те начали метать в них стрелы, но их стрелы если и попадали в эмегенов, то или гнулись, или отскакивали обратно.

И тогда нарт Батырбаз передал в [нартские] аулы, чтобы они повесили котлы для мяса [над кострами], наполнив их водой. В кипящие котлы отваров из чемерицы он велел положить вместо соли — медный купорос, серу и азалию. [Нартты] оставили кипящие котлы на дороге, по которой шли [эмегены], а сами убежали обратно. Обезумевшие, голодные эмегены с криком: «Вот и еду мы

нашли!», отталкивая друг друга, бросились к котлам, в каждом из которых [кипело] по сто ведер отвара. Выпив сто котлов «шорпы», эмегены сказали: «Ох-ох, а теперь немножко отдохнем» — и разбрелись по большой солнечной долине и разлеглись поспать.

Спустя некоторое время у них разболелись животы, они начали поносить. У них не только животы разболелись, но и закружилась голова, так как они были очень одурманены [этим «бульоном»]. Одуревшие эмегены начали избивать и убивать друг друга. [У оставшихся в живых] эмегенов стала синеть кожа и выпадать волосы. Среди них начался мор, и они все погибли.

К этому времени, услышав о борьбе [воинов нарта Батырбаза] с эмегенами, туда [на подмогу] прискакали с востока и запада нартские войска. Приехав, они увидели, что многие нартские аулы разграблены и разгромлены, что эмегены съели очень много нартских женщин и детей. Разъяренные нарты, сказав: «Разве [это называется что] вы нас ели, вот так надо есть!», — сделали из [убитых] эмегенов шашлыки и съели.

Через несколько дней трупы эмегенов стали разлагаться и смердеть на весь мир. От этого в нартской стране начался страшный мор. [У заболевшего] начинал болеть живот, кружиться голова, и он через три дня погибал.

Нарты, живущие в горах Ырхыз, Эки башлы, Казман тау, поднялись со своих мест и бежали. Одна их часть бежала на восток, к морю Хазна, а другая часть — на запад, к морю Азау. Достигнув их берегов, [обезумевшие] нарты бросились в эти моря и [утонули].

Когда они бежали, они разрушали все на своем пути и ели все, что им попадалось. До этого же нарты никогда не причиняли никому насилия и другим не позволяли этого делать. Вот так нарты покинули свою землю и все погибли [от этого мора], слышал я от своего деда Исхака.

140. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ПО НАРТАМ

В очень древние времена
Около Минги тау,
Ойта, ой, орира!

Нарты жили,
Еду свою в горах добывая.
Ойта, ой, орира!

5 В дни, когда [у них] мор начался,
Они с Минги тау бежали.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Друг друга убивая,
Все [на своем пути] разрушая,
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Они к горе Алф пришли
10 В поисках снадобья [от мора].
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Свои мечи о точильный камень наточив,
Взмолились: «Тейри Солнца, исцели нас!»
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

[Но] Тейри Солнца не помог им:
Не прекратился мор среди нартов.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

15 [И] оттуда нарты ушли.
Шли они, шли и до одной пещеры дошли.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Из этой пещеры искры вылетали,
Дым, выходящий оттуда, день в ночь превращал.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Зарыдали [нарты], умоляя Тейри Неба [помочь им],
20 И к Тейри Огня они с мольбой воззвали.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Тейри Неба не помог нартам,
Тейри Огня не помог им.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Мор унес всех нартов,
Остались без всадников нартские кони.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

25 Нарты погибли, исчезли с земли из-за этого мора,
А таурухи [о них] от наших дедов до нас дошли.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

141. ЗОЛОТОЙ КОВШ НАРТОВ

Время нартов было счастливым временем для человечества. Жившие на Кавказе не трогали ни диких, ни домашних животных, трава круглый год была свежей и зеленой, болезней не было, людей не кусали, не мучили насекомые. Красивые, отважные, благородные, трудолюбивые нарты никому не причиняли зла. Они [чутко] охраняли свои земли и скотину, своих родных.

Владелец несметных богатств Иблис, который причинял [людям] столько зла¹, сколько мог, давно жаждал разгромить страну нартов. Он насылал на них черные тучи, которые [засыпали их снегом], он метал в них огненные стрелы небесных молний. Насылал на них то бураны, то лютые морозы, то жару. Однако он не смог одолеть нартов. Нарты из всего этого выходили победителями.

Когда он, наслав засуху, выжигал пашни, леса, травы, нарты орошали свои земли, выкопав каналы. На зиму заготовливали для скота сено впрок. Во время наводнений жили в пещерах, на случай мороза у них всегда горел огонь в очагах.

Нартам во всем помогал [волшебный] золотой ковш. Тому, кто пил воду из этого ковша, он давал силу, мужество и мудрость. Ковш с водой сам поднимался ко рту правдивого, [хорошего] человека, а обманщиков, [нечестных] он даже близко к себе не подпускал. Молва о чудесном ковше разносилась по всему свету. Многие пытались заполучить его. Много врагов из чужих стран, напав [на нартов], сотрясали их ущелья топотом своих коней, пускали в ход свои мечи и стрелы. Как только враг нападал на нартов, они, оставив свои сохи, бросив все свои дела, брались за оружие и вступали в борьбу.

Желающих завладеть золотым ковшем не уменьшалось, поэтому не было конца и краю войнам [на нартской земле].

И вот, чтобы спрятать ковш от чужих так, чтобы никто из них не смог его найти, нарты решили построить крепость на вершине крутой скалы, расположенной у истоков реки Амгата. [Нарты построили крепость]. В эту крепость взбирались по лестнице. А место, где находилась эта лестница, днем и ночью, не смыкая глаз, охраняли стражники.

Нарты решили поселить в крепости девушку по имени Ай². [В крепости] девушка спрятала золотой ковш в сундук. Ночью она спала на этом сундуке, а днем, сидя на нем, пряла золотое руно златошерстного барана [нартов]. Девушка этими золотыми нитками вышивала фамильные тамги нартов на их праздничной одежде.

Девушка с сундука вставала только для того, чтобы помыть в реке шерсть. В крепости, кроме Ай, не было женщин, и поэтому она очень скучала. Так она прожила [в этой крепости] много лет.

Весть о крепости, куда не ступала нога [чужого] человека, облетела весь свет. Охотников заиметь чудесный ковш уже не стало. В [нартских] горах наступил покой. Один только коварный, ненасытный Иблис во что бы то ни стало хотел завладеть этим ковшем.

Однажды Ай спустилась к [реке] Амгата и начала мыть шерсть. В это время Иблис шел по берегу реки. Заметив [Ай], он подошел к ней поближе и, спрятавшись за камнем, не отрывая глаз, долго смотрел на прекрасную девушку. Девушка ему очень понравилась. Он сперва подумал: «Может, умыкнуть ее». Потом решил: «Нет, сперва нужно сделать так, чтобы она полюбила меня. Если это случится, то через нее я завоюю и золотой ковш».

Придя к такому решению, Иблис ударился о камень и в одно мгновение превратился в прекрасного юношу. Ай, увидев его, испугалась, хотела убежать и позвать стражников. Но «юноша» заговорил с ней. Она, увидев его доброжелательность и учтивость, не ушла и выслушала его.

Уходя, она намекнула [«юноше»], что ежедневно в полдень приходит сюда стирать шерсть или белье.

Начиная с этого дня Иблис в образе красивого юноши приходил и встречался с девушкой на берегу реки. В скором времени он стал говорить девушке о своей любви. Ай сперва не обращала внимания на его слова, но постепенно стала прислушиваться к ним, а со временем это ей стало так нравиться, что она даже боялась, что он прекратит [эти речи]. Не успев с ним расстаться, она с нетерпением ждала новой встречи. Ай чуть свет выходила во двор крепости и с нетерпением ждала, когда появится «прекрасный юноша».

Однажды, когда они встретились, «юноша» сказал, что не сможет прийти [к реке] днем и что он вечером будет ее ждать внизу [у скалы, где стоит крепость]. Ай ответила ему, что в это время ее там не будет, потому что вечером, перед заходом солнца, лестницу поднимают наверх, а ворота крепости закрывают.

«Ничего, — успокоил ее „юноша“, — ты выйди к крепостной стене и опусти вниз свои косы, и я взберусь [к тебе] по ним». Девушка послушалась его, и, когда в крепости стало тихо, она [вышла] и опустила свои косы вниз. Иблис, вырезав из орешника палочки, воткнул их между косами и, как по лестнице, взобрался наверх. Он вместе с Ай зашел в комнату, где она прятала золотой ковш. «Юноша» сказал ей, что он очень хочет выпить из золотого ковша. Ай поднесла ему чудесную воду нартов. Иблис, выпив воду и приняв свой настоящий вид, засунул ковш за пояс. Схватив девушку, он спрыгнул с крепостной стены, вскочил на своего крылатого богатырского коня и умчался.

Пока стражники поняли, в чем дело, и оседлали своих коней, Иблис был уже далеко. Его богатырский конь не оставил даже следов. К счастью, в руках у Ай осталось немного золотой шерсти, и вот, чтобы нарты нашли ее по следу, она всю дорогу отрывала маленькие кусочки и бросала их за собой.

Эти [кусочки] золотого руна златошерстного барана [нартов], сверкая, указывали путь, [тянущийся] с земли до небес. Кроме слепых, не осталось никого, кто бы [этот путь] не увидел.

Но кони нартов не могли летать, и могучие [нарты] остались на земле.

Они стали пускать [в небо] стрелы, однако стрелы не попали в Иблиса. Они, воткнувшись в небесную твердь, откололи от нее куски, которые, упав на землю, превратились в ярко-синие озера.

[Нарты] метали [вслед] Иблису и огненные стрелы, но они все упали на землю, даже не долетев до небес.

Ай горько оплакивала свою несчастную участь. Иблис хотел жениться на ней. Девушка же, решив, что ей лучше умереть, чем согласиться на это, бросилась [со скалы] вниз, в глубокое ущелье. Но Иблис не дал ей упасть. Он подхватил девушку и превратил ее в луну.

А ковш Иблис спрятал на небе. Золотой ковш находится в середине неба, в семи днях пути на коне от Большой Медведицы.

Нарты, оставшись без золотого ковша, потеряли свою силу. Иблис посеял между ними жадность, лень и коварство. Нарты старались не поддаваться всему этому, но не выдержали. Каждый из них старался всеми правдами и неправдами забрать себе побольше земли и скота. Поэтому между ними появились отчужденность и вражда. Враждуя друг с другом, они обессилели, и многие из них погибли. А некоторые из них превратились в горы. Их имена известны и поныне. Это — Машук, Минги тау, Мусса-Ачытара, Тегин, Казбек, Ушта.

Судя по рассказам стариков, у самой красивой горянки родится богатырский сын. Он извлечет из-под разрушенных стен крепости Амгата³ лук нартов и собьет с небес [тот] золотой ковш. Говорят, что, когда он упадет на землю, люди выпьют из него воду нартов и опять будут понимать друг друга и будут жить в мире и согласии.

142. ВОСКРЕСЕНИЕ НАРТОВ

Судя по хапарам, дошедшим [до нас], воскресение нартов начинается [ночью], когда аулы, люди засыпают. Это знак беды. Он бывает тогда, когда народ ожидает какое-нибудь несчастье, бедствие.

Это души деу нартов, живших в древние времена. Они вели постоянную борьбу с дикими насильниками эмегенами. Я слышал, что [племя] нартов погибло от мора, распространившегося от разлагавшихся трупов эмегенов. И вот теперь они смотрят на нас из мира мертвых, и, когда нас ожидает какое-нибудь несчастье, [их души], обратившись в орлов, ворон и в разных зверей,

Крича и воя, над ночными аулами проносятся
И [так] оповещают людей о надвигающейся беде.
Это — священные души отважных нартов.

143. КАК НАРТЫ ПОКИНУЛИ ЗЕМЛЮ

Давно, в древние века, жили нартские батыры. Они были сильными, храбрыми и всегда вели борьбу с эмегенами. Жили они между Минги тау и Казман тау на берегах Кырк суу. И в темных чащах, и в горах вели [они] борьбу с безобразными, глупыми эмегенами, не прощали им малейшего насилия.

Однажды нарты оседлали коней и сели на [них].
Нарт Ёрюзмек [свою] нартскую дружину кликнул,
Юношей к отваге призвал.

- Они переплыли Кырк суу,
5 Помчались и достигли Большого Дыха.

На Большом Дыхе, въехав в нартские аулы,
Увидели: [все] дыхские нарты истреблены.

Нарт Ёрюзмек не находит никого из [здешних] нартов, чтобы
спросить о случившемся.
От гнева [он] не может ни есть, ни пить.

- 10 Бросил [он] аркан на вершину Большого Дыха.
Аркан зацепился за скалу на его вершине.
По этому аркану [он] на вершину [Дыха] взобрался.

Осмотрев [все кругом], к Минги тау повернулся.
В сторону Минги тау в турбин¹ крикнул:

- 15 — Вставай, нартский народ!

Эмегены нартские аулы уничтожили,
Проглотили их людей и скот,

Погубили дыхские аулы,
В нартских аулах черную смерть посеяли.

- 20 Угнали их скот и спрятали в темных лесах.

[Потом Ёрюзмек] на восток, на Казман тау посмотрел.
Осмотрев все внимательно,

Поведал [нартам Казман тау] о делах на Большом Дыхе:
— Эмегены уничтожили нартские аулы!

- 25 Соберите всех жителей Казман тау,
Весь учхун кадариш² и провизию в кожаные мешки соберите.

Днем на открытые места не выходите,
По ночам на дорогах костры не разводите.

- [Пусть] не прокаркает над вами ворон — [предвестник беды],
30 Пусть Тейри Земли не призовет ваши души под землю!

Нарты Минги тау и Казман тау поднялись на борьбу [с эмегенами],
Забрали всех коней из табунов.

Нартское войско [разделилось] на тюмени и выступило,
Оно заполнило ущелья Большого Дыха, словно туман.

- 35 Нарт Ёрюзмек с вершины Большого Дыха крикнул:
— Толпы эмегенов, напав на Дых,

Погубили дыхские аулы.

Мы — нартские жители — собрались все сюда.

Эй, батыры, сыны нартов!

40 Рожденные от Тейри Неба, гордые его слуги, вставайте!

Пусть эмегены [навсегда] исчезнут с лица земли!

Пусть это всегда помнят сыны нартов!

Говоря это, нарт Ёрюзмек мечом взмахивал,

От его дыхания тучи развеивались.

45 Своим мечом он горы разрубал.

От ярости глаза его ничего не видели.

Своим мечом в исступлении он горы разрубил,

Их [разрубленные] куски в курганы превратились.

[От ударов] его меча на небе молнии сверкали,

50 От его крика и дыхания туманы рассеивались.

Пасмурные дни в солнечные превращались.

С [вершины] Большого Дыха слетел [он] вниз, словно орел,

Быстро подскакал к своей нартской дружине.

Чтобы уничтожить эмегенов, [нарты]

55 [В темных лесах] искали их следы, держа мечи наготове.

[Они шли], вырубая деревья на своем пути.

Одним ударом [они] валили деревья.

От меча Ёрюзмека сыплются искры,

[Они] весь мир, словно молнии, освещают.

60 От крика [Ёрюзмека] горы и скалы дрожат,

Беременные женщины до срока разрешаются, гнезда [птиц] рушатся.

Долго мчались [нарты]; доскакав до Куфских гор,

Курганоподобных эмегенов увидели.

Нартские батыры за луки схватились,

65 Половина из них на своих коней вскочила.

В это время эмегены ели шашлыки,

Приготовленные из человеческого мяса.

[Эмегены] на своем пути пожирали все живое,

В нартских аулах они сеяли мор.

70 Вырыв мертвецов из могил,

Делали шашлыки из них.

Вот так всегда жили эмегены.

Нартские батыры [эмегенов] окружили,
[В ярости] эмегены стали скалы рушить.

- 75 Хватали курганы и на нартов бросали,
От злости эмегены камни кусали.

Нарт Ёрюзмек, [повернувшись] направо и налево, громко крикнул:
— Уничтожайте эмегенов!

- 80 Во время боя его меч молнии высекал,
Он валил эмегенов одним ударом.

Его меч [в бою] на несколько саженей удлинялся,
Гору Кёсе его меч разрушил.

Ёрюзмек [со своим войском] все леса избородил,
Убил [всех] эмегенов, истребил весь [их род].

- 85 Девяносто дней сражался с [ними] нарт Ёрюзмек,
Ему помогли [одолеть эмегенов] Тейри Неба и Тейри Земли.

Потоки крови обагрили гору Кёсе,
[Даже] солнце потускнело [от этого].

- 90 Нарты, истребив [всех] эмегенов, поехали [домой].
Долго [они] скакали и уперлись в ледники горы Кёсе,

Нарт Ёрюзмек отправился дорогу осмотреть.
Въехав со своей дружиной в одно сосновое ущелье,

Увидел [какое-то существо], которое лежало, заполнив все ущелье.
[Оно] стало ломать деревья и бросать в них.

- 95 Это была старая бабка эмегенов,
Глубокие ущелья были ее крепостью.

Туманы над горой Кёсе были ее дыханием,
Гора Кёсе служила ей подушкой.

- 100 Правое свое ухо она под себя вместо тюфяка стелила,
Левым своим ухом она, как одеялом, укрывалась.

Она ела все, приправив нартским мясом.
Говорят, она была самой скверной среди эмегенов.

Через каждые три месяца [она] по сто эмегенов рожала,
Проголодавшись, половину из них глотала,

- 105 Некоторых [из них] бросала в ущелья, покрытые лесом.
В нартских аулах [она] проглотила много людей.

Единственный глаз [ее] ночью светился, как месяц,
Слюна от ее чиханья выпадала летними дождями.

Нарт Ёрюзмек, увидев ее,
110 Пустил стрелу и мечом ударил.

Стрела вонзилась в [ее] горящий глаз.
Она была [на земле] самой последней [из рода] эмегенов.

Вот так истребили [нарты] эмегенов.
И наступило спокойствие в роду людей.

[Когда нарты истребили на земле эмегенов, они решили покинуть землю].

115 Нарты [собрались], сели на коней-ветры,
Взлетели в небо и рассеялись [там].

Пешие [же нарты] в чрево земли ушли,
Под землей они Тейри Земли увидели.

[И] под землей у них оказались враги.
120 [И] вот, когда они сражаются с ними, содрогаются земля и горы.

[А] Ёрюзмек отыскал на небе Мать неба,
Немного побеседовал с ней.

Мать неба встретила [его, как дорогого] гостя,
[Свою] грудь-ветер в рот ему вложив, [усыновила].

125 Ёрюзмек [названным] сыном Матери неба стал,
Он и сейчас там живет со своими [нартскими] всадниками,
Небо и землю охраняя от нечистой силы.

Гром — это крик [Ёрюзмека],
Туманы — его дыхание,

130 Дождь — это [его] пот.
Молнии — это [его] огненный аркан, который он бросает на врагов.
[Иногда] аркан, сорвавшись, достигает и земли.

Когда [Ёрюзмек] рубит врагов своим мечом,
И тогда на небе бывают молнии.

Вот так на земле не стало нартов, говорили старики, рассказы которых я слушал на ныгыше.

144. ДЕБЕТ — НЕБЕСНЫЙ КУЗНЕЦ

Осенью в оба месяца абустола¹ бывает звездопад. [Падающие звезды] — это искры, летящие от железа, которое кует нартский кузнец — пелиуан Дебет.

Были времена, когда на небе не было звезд. В те давние времена ночи были очень темны. Такие темные ночи называли «асууат кечеле»². В те века на земле жили сыны нартов, [они] охотились на львов и тигров, сражались с эмегенами, агач киши, алмасты. [Они] испытывали свою силу, ломая деревья, [круша] скалы, поднимая огромные камни.

Среди нартов пелиуаном слыл нарт по имени Дебет. Он понимал язык всего, что его окружало. Судя по рассказам, нарт Дебет, посоветовавшись с нартами,

ушел в Карамурские горы * Там он собрал различные камни и стал руками разламывать и испытывать их, и, когда он сдал один темный тяжелый блестящий камень, из него потекли железные капли. Тейри Солнца [помог] Дебету и сделал железные камни мягкими, как тесто.

Дебет вернулся обратно в страну нартов и поведал им об этом. После этого нарты по его велению собрали и принесли эти железные камни. Потом он выкопал яму и руками стал выжимать в нее железо из этих камней. Из этого железа смастерил он высокую наковальню, чтобы ковать железо, и один шар. Этот шар стал его молотом. [Увидев] двух змей, которые сплелись в поединке, он выковал щипцы [наподобие этих двух змей], для того чтобы держать [ими] железо. Из шкуры зубра он сделал мехи, разжег из угля сильный огонь. Он расплавил на огне камни, отделил от них железо и потом каждый день ковал для нартов мечи, стрелы для луков, секиры.

В день он делал [для нартского войска] по сто мечей. Их он закалял в роднике с красной водой, бьющем из горы. Этот родник назывался Бора шаудан.

Когда Дебет [начал] ковать железо, искры, сыпавшиеся [из-под его молота], взлетели в небо и превратились в звезды. И ночи асууат стали светлыми.

Говорят, что, когда Дебет снабдил нартов на земле всем, что им было нужно из железа, и у нартов не стало для него работы, он, сказав: «Я не смогу жить на земле без работы», — сделал железную арбу с крыльями, [сел на нее] и улетел на небо. Говорят, он и сейчас там живет и работает кузнецом у солнечных и небесных людей. На небе, как и на земле, он кует железо. Когда он кует железо, искры летят на землю — это мы называем звездопадом. Дебет не умер, [он] — небесный кузнец.

145. КАК НАРТЫ И САТАНАЙ ПЕРЕСЕЛИЛИСЬ НА НЕБО

Сатанай — мать нартов. В мире еще никто не родился красивее, умнее ее. Она научила всех [нартов] мудрости и этикету. Сатанай ведала о всех делах, которые были, есть и будут [на земле нартов]. Родители Сатанай — Солнце и Луна, она родилась на небе. Говорят, что Тейри Земли взял ее на воспитание, попросив [ее] у Тейри [Неба]. А некоторые говорят:

— Нет, ее Желмаууз украл. Поэтому происходят затмения Луны и Солнца. Когда Солнце вспоминает Сатанай, оно так начинает палить, что выжигает весь мир, иссушает реки, обмельчает моря.

А когда Луна [горюет по Сатанай], бывают лунные затмения, и тогда льют ливневые дожди, отчего реки выходят из берегов и бывают наводнения.

На земле Сатанай воспитала Суу анасы. Она очень любила Сатанай и сама ухаживала за ней. Говорят, она дала ей имя Сатанай. Когда маленькая дочь Солнца и Луны плакала, вспомнив их, Суу анасы давала ей поиграть свои красивые драгоценные камушки. Сатанай больше всего любила играть красными камушками — кораллами. Вот поэтому Суу анасы назвала ее Сатанай¹.

Сатанай, сбежав от Желмаууза, пришла в страну нартов и вышла замуж за самого смелого и сильного среди нартов — батыра Ёрюзмека.

Очень долгое время Сатанай была советчицей нартов. На земле нарты все время боролись со своими врагами. Они истребили эмегенов, которые не давали [покоя] нартам. Они уничтожили и зловредных драконов. И вот в конце концов, когда нарты уничтожили всех своих врагов, по велению Тейри Неба они сели на орлинокрылых коней-ветры и улетели на небеса. Вот поэтому на земле не стало нартов.

После переселения нартов на небо Сатанай осталась на земле с другими, ненартскими, народами. Жизнь [без нартов] была не мила Сатанай. Однако

Сатанай многому научила людей. Она дала им зёрна и научила их делать хлеб и бузу. Она дала им кремни и научила их высекать огонь. Она научила женщин гадать на фасоли, а мужчин — на бараньей лопатке.

Потом Сатанай обратилась с мольбой к Тейри Неба, Тейри Земли и Тейри Воды:

— Теперь на земле нет никакого насилия и нужды, возьмите меня из этого мира, где нет нартов!

После этого однажды ночью во сне она услышала голос:

— Поднимись в горы, где находится святилище нартов. Тейри Неба спустит тебе с неба аркан и поднимет тебя к себе на небеса.

Обур Сатанай, как велели ей во сне, поднялась на вершину горы, где было святилище [нартов]. Там увидела свисающий [с неба] аркан, к концу которого было привязано что-то похожее на орлиное гнездо. [Сатанай] немедленно села в него. Как только [она] села, аркан поднял ее на небеса. Сатанай и сейчас жива и живет на небесах и является советчицей нартов, которые летают там на конях с орлиными крыльями.

С.-А. Урусбиев

СКАЗАНИЯ О НАРТСКИХ БОГАТЫРЯХ У ТАТАР-ГОРЦЕВ
ПЯТИГОРСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(Несколько слов от собирателя и переводчика)

В горах Пятигорского округа Терской области живет племя татарского или монгольского происхождения, населяющее несколько аулов; оно говорит татарским языком. На плоскости же этого округа живут кабардинцы, язык которых не имеет никакого сходства с языком означенного татарского племени.

Долгое время обращаясь в среде последнего и сам принадлежа к нему по своему происхождению, я задался мыслью записать устные предания, сохраняющиеся у этого народа от глубокой древности. В числе таких преданий первое место принадлежит сказаниям о нартских богатырях; это богатырский эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени. Подобные сказания сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности. Конечно, переходя из уст одного поколения к другому, они претерпевали некоторые изменения в частностях, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти.

До сих пор как самое название «нарты», так и смысл этих глубоко поэтических сказаний о них остаются неразъясненными. Тем не менее некоторые поговорки, употребляемые в настоящее время татарами-горцами и кабардинцами, хотя немногими, но яркими чертами намечают образ нарта. «Он храбр, хитер, силен — он молодец, как нарт», — говорят о каком-нибудь благородном уздене, «Он строен, статен, как нарт», — говорят горцы про человека, отличающегося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившегося подвигами благородства, бесстрашия и силы. Таким образом, название *н а р т* в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним «удалого доброго молодца». Равным образом и сказания, записанные мною, гласят, что нарты были народ огромного роста и необъятной силы, народ, закаленный в перенесении трудностей и лишений. Они проводили жизнь свою главным образом в искании опасностей и приключений, в набегах с целью добычи, а также в особых странствованиях, называвшихся джортуулами. Отправляясь на подвиги, они говорили: «Ах, если бы нам довелось поголодать и встретиться с затруднениями и опасностями!» Все, что доставалось без особенного труда, не соединялось с опасностями, было им противно; они искали таких приключений, в которых им можно было бы во всю ширь выказать свою удаль и силу.

Наряду с нартами предания упоминают о великанах-эмегенах, отличавшихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью, у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой благодаря своему умственному превосходству нарты всегда оставались победителями, несмотря на то что эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо, и, когда попадал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук.

В свободное от джортуулов время нарты устраивали увеселительные собрания,

Обложка сборника «Материалы для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, 1881, вып. 1)

на которых предавались богатырским играм и танцам. Собранія их всегда происходили в доме Алиговых, у которых постоянно висел над огнем большой котел, вмещавший в себе мясо сорока бугаев.

Местом действия нартов служила по преимуществу Кубанская область и вообще весь Северный Кавказ до реки Волги, которая очень часто упоминается в этих сказаніях под именем Эдила, через который нарты переплавлялись иногда с целью набегов на своих врагов и угона к себе их табунов. Памятников, свидетельствующих о существованіи нартов, в Кубанской области очень много. Мне рассказывали очевидцы, что при впадении реки Теберды в Кубань, близ Хумаринскаго укрепления, находится на одной высокой скале большой замок, носящий и поныне названіе «Чуана». По преданіям, в нем некогда жил нарт Гиляхсыртан Злоязычный. На левом берегу Теберды также есть другой замок — «Сынты», по красоте превосходящий «Чуана».

Близ Чуана лежит большой камень, называемый камнем нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко въехал на этот камень на своей лошади, и она оставила на камне следы своих копыт. Там же виднеются следы собаки, которая

ОГЛАВЛЕНИЕ И ОТДѢЛА.

Сказанія о нартскихъ богатыряхъ у татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа
Терской области.

страницъ.

Нѣсколько словъ отъ собирателя и переводчика, ученика	
Владикавказ. реальн. училища, <i>С. Урусбиева</i>	
I. Урызмень.	1
II. Шауай.	7
III. Рачикау	27
IV. Сосруко	37

Татарскія пословицы, поговорки, загадки и имена женщинъ.—Записаны въ
г. Эривани учит. приготов. кл. Эриван. прогимназии,
Ст. П. Зелинскимъ.

I. Пословицы и поговорки	43
II. Загадки	55
III. Имена женщинъ	60

Оглавление II отдела сборника «Материалы для описания местностей и
племен Кавказа» (Тифлис, 1881, вып. 1)

тоже взшла на камень, и даже мочи лошади Сосруко. Все это подтверждает, что главное местопребываніе нартов было в Кубанской области, на Северном Кавказе, откуда они во время своих воинских странствованій доходили даже до Эдила.

Вот имена тех нартов, про которых сложены песни у горцев: Урызмень, Сосруко, Шауай, Ширдан, Хмыч, Батрез, Рачикау, Сибильчи, Гиляхсыртан Злоязычный, Деуст, Алауган. Каждому из этих нартов посвящена особая песня; мотивы песен довольно однообразны. Но с течением времени песни эти постепенно приходят в упадок, и в настоящее время певцов, поющих их с умением, очень мало, можно сказать, почти совсем нет. Они по преимуществу пелись знаменитыми в свое время в Кабарде бродячими певцами-постами, называвшимися гегуако⁽¹⁾.

Эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраніях, битвах, разных увеселеніях и плясках, погребальных и иных процессіях, вообще искали всегда какого-нибудь народнаго сборища. Здесь-то они и пели свои песни о временах, давно минувших, или воспевали какіе-либо важные современные событія, прославляли современныхъ героев. Таким образом, гегуако были баянами (певцами) роднаго племени и заменяли в свое время письменную литературу. Как странствующие певцы, они сами разносили свои произведенія по Кабарде. Так, собирався народ в пон² для решения каких-нибудь общественныхъ вопросов на каком-нибудь открытом, возвышенномъ месте за аулом, молодые люди показывали здесь свое искусство в джигитованіи, борьбѣ и разныхъ играхъ, а пожилые люди занимались разсужденіями об общественныхъ делах: непременно появлялись тут и гегуако. Они зорко следили за всемъ происходящимъ здесь, и если замечали

между молодыми людьми особенно выдающихся своим удалством и ловкостью в джигитовании, то старались поощрить их похвалой, разнося весть о них по всем аулам — ближним и дальним — и прославляя их доблесть в своих песнях. Обращал ли кто на себя общее внимание мудрыми советами и речами в народном собрании, гегуако немедленно слагал песнь, которую и пел тут же в присутствии собравшихся. Но горе было тем, которые запятнали себя злым делом или обнаружили вредные намерения: неподкупная, как совесть, песнь гегуако навлекла на них позор и всеобщее осуждение.

Умирал ли человек, уважаемый за мудрость и храбрость, народ собирался к его могиле, приглашал нескольких гегуако и просил их сложить песнь про умершего на память потомству, чтобы и грядущие поколения славили его имя и доблестную жизнь.

В таких случаях один из гегуако брался воспеть одну сторону деятельности умершего, другой — другую и т. д. После этого гегуако на некоторое время удалялись от света в безлюдные, уединенные места и, ведя там самую тихую жизнь, слагали свои песни. По истечении некоторого времени они объявляли об окончании своей работы, и тогда народ стекался со всех сторон на определенное место, куда являлись и гегуако. Обыкновенно в том месте, где проходили гегуако, замечалось некоторое движение: один поправлял свою папаху, другой кинжал, третий газыри — словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте. Один из гегуако всходил на возвышенное место среди толпы и пропевал сначала только голосовой мотив песни, ударяя при этом харсом; все с нетерпением ждали минуты, когда он начнет петь саму песню. Настроив свой голос под харс, первый гегуако пропевал свое произведение, за ним пел другой — и так до последнего.

Толпа внимала, затаив дыхание; только в перерывах можно было расслышать шепот: «Откуда они берут такие чудные слова?» По окончании пения раздавался взрыв восторженных криков и начинался пир; угощение народа и награждение певцов-поэтов. Родственники умершего дарили им платье, лошадь, оружие и проч. Гегуако жили исключительно подобными подаяниями.

Они также сопровождали воинов в походы и воспевали подвиги их на поле брани, в своих песнях являясь раздатчиками наград доблестным героям и карателями трусов. Во время битв они располагались на каком-нибудь закрытом месте, откуда было удобно наблюдать не только за общим ходом дела, но и за действиями отдельных воинов, и внимательно наблюдали: кто идет впереди всех, храбрее сражается, как умирает тот или другой пораженный воин, — и песни их скоро извещали всех остающихся дома об исходе битвы и подвигах храбрых воинов.

Из сказанного видно, что гегуако в свое время имели громадное значение в среде своего народа и приносили большую пользу. В своих свободных песнях они, как древние пророки, восхваляли добродетель и карали порок и проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни. Понимая или, лучше, чувствуя пользу, приносимую гегуако, народ уважал и любил их и обеспечивал им неприкосновенность и полную свободу; они могли смело говорить во всеуслышание обо всем и обо всех, предавать всенародному порицанию и осмеянию все, что они признавали того достойным. Заходила ли речь о знатном князе или о нищем бедняке, гегуако с суровым беспристрастием высказывал правду. Демонстрацией того, какими любовью и уважением пользовались гегуако у народа, служит уже то, что родители, даже из знатных князей, замечая в своих детях особенные духовные способности, отправляли их на воспитание к гегуако, у которых молодые люди и проводили по несколько лет.

Ни одно пиршество, ни одно народное собрание не обходилось без гегуако, и при них каждый старался держать себя чинно, как бы боясь попасть им на замечание; голосу их все привыкли придавать важное значение.

Но с распространением магометанской религии гегуако впадают в нсмилость у мулл. Имамы начинают их преследовать, находя их дело грешным, противным новой религии. Приведу здесь один разговор, который может характеризовать отношения между гегуако и муллами.

Обратившись к гегуако, мулла говорит:

— Ты — человек, находящийся вне религии; ты вреден для общества; таких, как ты, нужно гнать и убивать.

— Нет, не меня надобно преследовать, а скорее тебя. Это ты находишься вне всякой религии, вне всего честного и доброго. Твое дело только грабить, обирать народ. Ты с нетерпением ждешь той минуты, когда мы теряем какого-нибудь человека, в особенности знатного и богатого, чтобы после смерти его завладеть какою-нибудь его дорогой вещью. Ты человек наименее вредный, ты грабитель и обманщик. А я живу честным трудом и приношу посильную пользу народу. Я одним словом своим из труса делаю храбрца, защитника свободы своего народа; вора превращаю в честного человека. На мои глаза не смеет показаться мошенник; я — противник всего бесчестного и нехорошего.

— Скажи мне, что ты считаешь основанием религии? — спрашивает мулла.

— Я? По моему мнению, основанием религии должно служить просяное зерно...

Смысл последних слов гегуако будет понятен, если мы примем во внимание, что просо в той местности составляет одно из распространеннейших хлебных растений, и до сих пор употребляемое в пищу в виде каши, а в старину оно господствовало, так как тогда не сеяли никаких других хлебных растений, кроме проса и нартух³. Вследствие преследований со стороны представителей магометанской религии, а равно и многих других причин певцы-гегуако постепенно начали сходить со сцены и в конце концов совершенно исчезли. Последний из них, по имени Таяир, заслуживший всеобщую известность, умер в Малой Кабарде в 50-х годах настоящего столетия. Песни гегуако, заключающие в себе сказания о нартах, кажутся на первый взгляд не имеющими между собою ничего общего, но при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить внутренней связи между ними, как бы между частями одной эпической поэмы. Уже не далеко то время, уже наступает оно, когда и эта старая поэма будет изглажена из народной памяти. Всему положен свой предел⁴.

Сел. Урусбиево

1879 г.

Примечания

(1 С.-А. Урусбиев в своем Предисловии (СМОМПК. 1881, вып. 1), назвав исполнителей нартских песен «гегуако», имел в виду не только кабардинских, как считают некоторые исследователи, но и балкарских певцов. А называет он их кабардинским «гегуако», а не балкарским «жырчы» только потому, что до этой публикации русский читатель (на которого была рассчитана его работа) исполнителей народных песен знал как «гегуако».)

Это подтверждается последующими публикациями. Так, у С. И. Танеева читаем: «У горских татар (у балкарцев.— Т. X.) есть люди, специально занимающиеся игрой на инструментах и пением и живущие своим искусством. Они называются „гегуако“» [74, с. 95]. (В тексте слово «джортуул» правильно: «жортуул».)

А Н. М. Дрягин в одной из своих работ писал: «...мне пришлось наблюдать в 1925 г. трех гегуако в (балкарском.— Т. X.) ауле Урусбиево и четырех — в ауле Шалушка (Большая Кабарда)» [74, с. 20].)

² по н — сбор народа.

³ на р т у х — пища нартов. (Правильно: «нартух».)

⁴ Сказания эти записаны со слов жителей Урусбиевского аула: Исмаила Мисостова, Бислана Джапуева, Кумы Джапуевой (слепой девушки), Магомета Тилова, Чабакчи Согтаева, Джуртубаева, Биляка Аюова, Хуссина Абдулова, Маила Этезова — жителя аула Курхужана и Али-мурзы Балкарова — жителя аула Чегем.

А. И. Рахаев

О МУЗЫКЕ НАРТСКОГО ЭПОСА БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

Эпические повествования о богатырях-нартах бесспорно и по праву считаются общекавказским культурным наследием, возникшим и сформировавшимся в русле взаимопроникновения и взаимообогащения эпических фольклорных традиций различных автохтонных этносов. Идея о гетерогенности ядра нартского эпоса была высказана, как известно, еще Вс. Ф. Миллером¹, и дальнейшее развитие нартоведения как подлинной науки полностью подтвердило правильность этого положения². Многие кавказские народы, в том числе балкарцы и карачаевцы, внесли немалый вклад в процесс созидания и формирования «эпических нартских сказаний, и это объясняет черты глубокого своеобразия и самобытности»³ каждой национальной формы проявления Нартиады.

За десятилетия исследования эпического нартского наследия учеными собрано и обобщено большое количество текстового материала по различным национальным версиям «Нартов», создано немало монографий и отдельных статей, освещающих широкий круг проблем нартоведения, вопросы генезиса и развития эпоса, динамику эпоса как в целом, так и на уровне отдельных сюжетов и образов, вопросы типологии и поэтики сказаний и др.

Однако историко-этнографический и литературоведческий аспекты исследования при всех полученных ими серьезных выводах оставили вне поля зрения наиболее существенное и специфическое для «Нартов», как, впрочем, и для всех мировых эпосов, качество — синкретическую, песенно-инструментально-сказовую природу их возникновения и последующего бытования. И зачастую в научной литературе о нартском эпосе либо вообще не упоминается о музыкальной стороне сказаний, либо сообщаются весьма поверхностные сведения о «манере» их исполнения. Даже наиболее пространные высказывания о традициях и бытовании нартского эпоса не идут дальше чисто внешнего описания общих, формальных особенностей.

Сказанное касается всего нартоведения в целом, если понимать проблему как системное, комплексное исследование нартского эпического наследия. А состояние науки таково, что основной упор в нартоведении и сегодня делается именно на поэтическую и историческую стороны эпоса, хотя в живом народном бытовании «Нарты» звучат в своей традиционной музыкально-песенно-сказовой форме. Причин для такого подхода было и есть немало, но в конце концов положение дошло до парадокса: стало в известной мере традицией говорить о нартском эпосе как о памятнике устного народно-поэтического творчества, оставляя как бы в стороне или лишь вскользь упоминая, что ранее, мол, некоторые эпизоды эпоса пелись. Подобное состояние тем более прискорбно в то время, когда национальными фольклористическими школами накоплен и обобщен богатейший музыкальный полевой материал по «Нартам», увидел свет второй том антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», полностью посвященный нартским пшинатлям (песням)⁴, готовится к изданию второй том «Антологии народной музыки балкарцев и карачаевцев», вобравший в себя песенные нартские повествования; когда в отдельных изданиях представлены образцы музыкального воплощения осетинского нартского эпоса, нартских сказаний вайнахов, абхазов.

Но осознание необходимости системного исследования нартского эпоса уже дает свои результаты, и появление отдельных статей и работ⁵ в этом направлении

говорит о несомненной перспективности подобного метода, хотя этномузыкологическое осмысление нартского эпоса находится пока на уровне национальных версий и вопросы музыкальной типологии еще не встают перед исследователями.

Особую ценность в этом плане представляют первые нотные образцы трех напевов балкаро-карачаевских нартских песен (нарт жырла), записанных в числе двадцати разножанровых мелодий «горских татар» летом 1885 г. в Урусбиевском ауле (ныне сел. Верхний Баксан Баксанского района КБР) С. И. Танеевым от князя Исмаила Мырзакуловича Урусбиева, а также аналитические заметки композитора по поводу услышанной музыки⁶. Лаконичная и вместе с тем глубокая и обобщающая характеристика балкарского народного мелоса, данная С. И. Танеевым, действительно является «блестящим образцом того, как очень немногими словами можно сказать очень многое»⁷. Карачаево-балкарские нартские песни представлены в нотных записях композитора, сопровождающихся его же комментариями, в следующем порядке:

... № 4. Урузмак (из нартских песен).— (Ёрюзмек. В книге «Памяти С. И. Танеева» искаженное «Урузмак».— А. Р.). Оба голоса на кобузе.

Урузмак, простой человек нартского народа, восстал против пришельца — князя Пука (Къзыл Фук.— А. Р.), прогнал его и был выбран народным главою много столетий назад.

... № 17. Нартская песня.— О сыновьях Давида (Дебета.— А. Р.): Шауай и Алауган (в книге «Памяти С. И. Танеева» искаженное «Алаучань».— А. Р.). Оба голоса на кобузе.

... № 18. Из нартских.— Песня матери Давида — Ахбиченью (Акъ Бийчени кюйю — Кюй Белой Княгини.— А. Р.).

Добавим, что В. М. Беляев в статье ошибочно причисляет к нартским песню № 15, «Песня Рачкаувых»⁸, введенный, вероятно, в заблуждение ее названием (Рачкау — один из героев карачаево-балкарского нартского эпоса, но в данном случае, следуя за пометкой композитора «см. у Ковалевского», речь идет об историко-героической песне, посвященной чегемским братьям Рачкауовым)⁹.

Но не только танеевский пример столетней давности свидетельствует о широком бытовании именно песенно-сказовых нартских повествований в Балкарии. Изначальный синтез музыки, вокала, декламации, стиха, даже актерского мастерства (исполнение нартских песен — настоящий «театр одного актера») отмечал в свое время и первый собиратель балкарских нартских сказаний — Сафар-Али Исмаилович Урусбиев¹⁰.

Ни в коей мере не умаляя достоинств историко-филологических работ по карачаево-балкарскому нартскому эпосу, следует все же со всей определенностью сказать, что весь опыт полевой собирательской деятельности убеждает в живом бытовании эпоса не только в форме поэтических или прозаических сказаний, но и как феномена музыкального, в форме песен, «художественная ценность которых не уступает достоинствам народных эпосов»¹¹.

Хотя ранее в Балкарии и Карачае и существовал общественный институт народных певцов, сами сказители (жырчы), несомненно отличавшиеся незаурядным музыкально-поэтическим даром, не были исполнителями лишь собственно традиционных эпических повествований, подобно киргизским манасчи или якутским олонхосутам. И во времена первых записей балкаро-карачаевского фольклора, и сегодня жырчы одинаково мастерски исполняют произведения различных жанров — от «Нартов» и архаических обрядовых песен до произведений, в которых нашла свое отражение современная действительность. Подобный универсализм жырчы весьма показателен для музыкально-песенной традиции Балкарии и Карачая, а также для адыгских джегуако, в то время как в Осетии, например, «в противоположность песням нартские сказания не принадлежат к категории общедоступных, массово-обиходных жанров»¹², т. е. являются жанром избранных.

Музыкальная стилистика балкаро-карачаевских нартских песен как жанра живого и обусловленного внутренней динамикой вобрала к сегодняшнему дню наиболее характерные черты и особенности от истоков обрядово-приуроченной

архаики до средств выразительности и экспрессии историко-героического эпоса. Но сказанное отнюдь не отрицает сугубо собственно «нартских» признаков мелодики, важнейшими из которых являются напевная декламационность с элементами речитации, размеренная повторность основной (характерной для каждого данного напева) ритмоинтонационной формулы-ячейки.

Песенный нартский эпос — чисто мужская фольклорная традиция, хотя бытует и женская песня-оплакивание¹³, повествующая о гибели нартвов и конце нартского рода. Некоторая неоднородность музыкальной стилистики обусловила разнообразие форм музицирования нартских песен, реализующихся в следующих структурных типах:

1) монодический;

2) монодический в сопровождении ударного инструмента рода трещотки «харс» (аналогичен по типологии и функции адыгскому «пхачич», осетинскому «карцганак», абхазскому «аинкья», абазинскому «пхарчак»¹⁴) или ритмизирующего хлопанья в ладоши;

3) монодический с неизменным музыкальным рефреном на «сыбызгы» (духовой инструмент рода продольной флейты из стебля зонтичного растения, позднее — из части ружейного ствола: полая, открытая с обеих сторон-трубка с тремя игровыми отверстиями; аналогичен по типологии и способу звукоизвлечения адыгскому «бжами» и «къамыл», осетинскому «уадынз»¹⁵, казахскому «сыбызгы», башкирскому «чибизга» и «курай», киргизскому «чоор», алтайскому «шоор»¹⁶);

4) сольно-групповой в антифонном сочетании вокальных партий солиста-запевалы (жыр башчы) и группового хора-сопровождения (эжиу)¹⁷ (часто в сопровождении ударного инструмента харс);

5) сольно-групповой в стреттном сочетании вокальных партий.

Приведенная классификация структурных типов свидетельствует об известном многообразии музыкальной стилистики песен нартского эпоса, реализующемся как в монодической культуре, так и в различных формах народной полифонии.

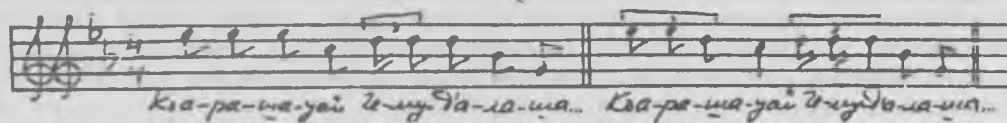
В эпической музыкальной практике различных народов известен феномен «приспособляемости» определенного эпического напева к разнообразной эпической тематике, и зачастую «каждый сказитель имеет один или несколько (обычно не более двух-трех) напевов, с которыми он исполняет любые сказания эпоса»¹⁸. То есть этот «излюбленный обиходный напев, на который он исполняет стихотворные строфы различных эпических сказаний»¹⁹, является универсальным для той или иной национальной фольклорной эпической традиции.

Для балкаро-карачаевского же песенного нартского эпоса, построенного по принципу циклизации повествований вокруг главных героев, отличительной чертой музыкального стиля является семантическая закреплённость определенных напевов за определенными циклами, связанными с определенными героями эпоса. И лишённые «достаточных оснований... утверждения... о существовании для каждого из героев эпоса специальных напевов»²⁰ в Осетии, например, на материале песенного нартского эпоса Балкарии и Карачая обретают значение научно зафиксированного факта. Особенно важно, что семантическая закреплённость напева за определенным эпическим циклом (значит, и героем) выявляется не только на уровне единичного полевого исполнения отдельным сказителем разных по мелодике песен о разных героях эпоса, но и — что еще существеннее — при аналитическом сопоставлении вариантов песни об одном герое в различных сказительских интерпретациях, отдаленных пространством и временем и не связанных между собой сказительской преемственностью, однако объединенных одним напевом (естественно, отмеченным индивидуальностью того или иного сказителя). Подобная закреплённость определенного напева за определенным героем в карачаево-балкарских песнях нартского эпоса еще более утверждается специфическими, по большей части характерными именно для данного песенного цикла музыкальными структурными типами, о которых шла речь выше.

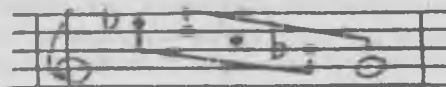
Так, для песенных циклов о «старших» нартских героях (Дебет, Сатанай, Сосурук, Ёрюзбек) в основном характерна реализация напевов в монодическом

типе интонирования. И лишь в части песен о герое Ёрюзмеке начинает появляться сольно-групповая структура, в которой вокал запевалы и сопровождения звучат антифоном, сопровождаемые ритмизирующим началом харса. Именно эта музыкальная структура стала типичной для цикла песен о нарте Алаугане, о нарте Созуке, о Тюклесхане и Ачемезе, но в последующем цикле о герое Карашауае представлена лишь эпизодически, так как большинство песен цикла о Карашауае и его боевом коне Гемуде реализовано уже в музыкальной структуре более высокого порядка — сольно-групповой в стреттном сочетании вокала запевалы и эжиу. Примечательно, что песня из цикла «младших» нартов («Шырдан и Нёгер») продолжает эту традицию, но по музыкальному языку и основным средствам выразительности типологически приближается уже к музыкальной стилистике историко-героического песнетворчества.

Но как бы ни были важны сами по себе структурные типы изложения, главной остается мелодика песенных циклов о том или ином герое эпоса, напев, закрепленный за определенным действующим лицом. Так, мелодическим инвариантом песен цикла о Карашауае является довольно развернутая ритмоинтонационная формула:

и т. п., в основе лада которой лежит скрещивание, «сцепление» ангемитонного квинтового ряда и диатонического кварттового

с общим устоем у нижнего рубежа ангемитонного ряда.

Картина аналогична и в других песенных циклах (Ёрюзбек, Алауган, Ачемез и Тюклесхан), основывающихся на присущих только им напевах.

Но все же внутри самих песенных циклов динамика «циклического» напева-инварианта бывает далеко не однородной. Так, в отдельных песнях определенного цикла архитектура самого «циклического» напева как в смысле мелодического контура, так и в смысле метроритмическом действительно является инвариантом, т. е. при повторном и последующих проведениях напева с другим текстом в его мелодико-ритмической структуре не возникает особых изменений, вариационных отклонений или же они единичны и не затрагивают фундаментальных музыкальных характеристик данного напева. Подобные напевы структурно и логически завершены, лаконичны, однострочны или строфичны, и форма нартических песен выступает как многократное повторение напева-мелострофы с разным текстом. В данном случае склад поэтического текста лишен определенной метрики, не укладывается в определенную систему ударности, и разделение текста на песенные строфы возможно лишь в сочетании с ритмикой мелострофы, т. е. отсутствие внутренней речевой пульсации текста восполняется ритмической пульсацией напева. И нередкое несоответствие друг другу строф текста, их неравнослоговость не вызывают особых изменений в мелодическом контуре и внутренней архитектонике напева, при всем том, что силлабика балкаро-карачаевских песен предполагает отсутствие внутрислоговых распевов и — обязательно — один музыкальный тон должен приходиться на один слог поэтического текста. А так как в напеве на каждый слог и приходится один тон, то текстовая неравнослоговость нивелируется либо дроблением соответствующей по времени музыкальной доли на ряд более мелких длительностей, либо, наоборот, заполнением ритмоинтонационных «пустот» мелострофы слиянием более мелких в один долговременный звук, либо вводом сказителем асемантических восклицаний или традиционных словесных формул («дейме», «дейди», «жаным», «харип»

и т. п.). Сказанное относится к напевам песенных циклов об Алаугане, Карашауае, некоторым песням цикла о рождении нартских героев (Дебет, Сатанай), песням цикла о других нартских героях (Созук, Ширдан и Жёнгер), песням цикла о гибели нартского рода.

Но в отдельных циклах основные напевы в процессе их развертывания в последующих проведениях с новым поэтическим текстом обнаруживают тенденцию не только к варьированию ритмики и отдельных звуковысотных показателей внутри одной мелострофы, оставаясь инвариантом на уровне лада. В подобных напевах значительную степень изменения претерпевает также интонационно-мелодический склад, нередко варьируется интервальный состав, некоторые элементы первоначально проведенного напева получают большую или меньшую степень развития, но все это на общей тематической и ладовой основе, опорой которой является характерная ритмоинтонационная формула, повторяемая сказителем в различных звуковысотных и метроритмических сопоставлениях, что производит впечатление свободного развертывания, и форма вытекает в конечном счете из импровизационной природы народного варьирования. Подобная динамика присуща напевам цикла о рождении героев («Дебет-батыр»), цикла об Ёрюзмеке («Ёрюзек и краснобородый Фук»), цикла о Сосуруке («Сосурук и эмеген»).

Исходя из изложенного, может возникнуть впечатление некоторой статичности и однообразия в развертывании того или иного эпического песенного повествования. Несмотря на квазиимпровизационность, произведение, храня отпечаток породившей его собственно импровизации, обладает и образной логикой, и конструктивной закономерностью, и каждый певец-сказитель, неукоснительно следуя в русле традиции, всегда имеет возможность для развития скрытых элементов музыкальной мысли, внося в традиционный мелос отпечаток своей индивидуальности. Это может быть и акцентирование, и подчеркивание концовки мелостроф различными по продолжительности ферматами, и своеобразное тембральное окрашивание элементов мелодики, и оригинальные приемы глиссандирования, и умелое использование динамических оттенков в кульминационные моменты повествования, особенно подчеркивающих патетику происходящего.

Собственно музыкальные же характеристики мелоса карачаево-балкарских нартских песен определяются следующими показателями:

1. Основы мелодической линии коренятся в динамических свойствах регистровых подъемов и спадов (и в этом — глубокая связь мелодики с речевым интонированием), и основным принципом направленности мелодики является нисходящее движение (явление, отмеченное Л. А. Мазелем²¹). Ведущим принципом организации напева, построенного в диатонических октавных, септимовых и секстовых ладах, является характерная ритмоинтонационная формула (ангемитонный квинтовый ряд из четырех звуков, образующих малую терцию и две большие секунды с устоем у нижнего рубежа малой терции), «скрещенная» зачастую в амбитусе этих ладов с квартовым или квинтовым диатоническим (доминирование таких интонаций при известном лаконизме напева, развивающегося строго диатонически, указывает на речитационную природу мелоса). Основной устой, как правило, располагается у нижнего рубежа диатонического ряда, что указывает на монотоничность ладовой структуры.

2. Ритмика весьма разнообразна и причудлива вследствие декламационно-речитативного характера мелодической линии и ряда указанных причин, но все же удается выявить в каждом цикле песен отдельные конкретные ритмоформулы, характерные для ритмики данного песенного цикла. Так, для цикла об Ёрюзмеке показательно активное движение ровными восьмыми, т. е. «наличие постоянного повествовательного пульса, одномерного, не допускающего ненормативных стяжений метрического времени (дуолей, триолей и т. п.)»²². Для других же циклов наиболее показательным является ритмическое последование — триоль и последующая четверть (или же две восьмые) — циклы о Карашауае, Сосуруке.

3. Формы кадансов, имеющих подчас решающее значение для смысла музыкальной речи, довольно многообразны, но наиболее отчетливо проявляется один

вид — уже знакомый нам ангемитонный квинтовый или квартовый ряд из малой терции и секунд с устоем у крайнего рубежа малой терции. Существенно, что подобные кадансы в русской песенности определены Ф. А. Рубцовым как «повествующие, утверждающие»²³ и подобная характеристика также укладывается в семантику исследуемых песен.

4. Одним из первостепенных формообразующих стимулов в развитии напева в целом и общей структуры песен вообще является принцип повторности в различных его вариантах (секвентная повторность, варьирующая повторность, повторность ритмическая) как на уровне отдельной мелодистрофы, так и всего напева в целом.

Песенный нартский эпос Балкарии и Карачая — выдающееся культурное наследие — находится лишь в начальной стадии своего научного осмысления, поэтому наша статья не может претендовать на всеобъемлющее и окончательное освещение всех проблем его важнейшей и неотъемлемой части — музыки. И дальнейшее системное исследование эпического музыкального наследия в русле общекавказского музыкального нартоведения призвано полнее раскрыть неповторимые красоты этого величественного памятника человеческого гения.

Примечания

- ¹ Миллер В. Ф. Кавказско-русские параллели. — Этнографическое обозрение. 1891, № 4, с. 20.
- ² Гарданов В. К. Абаев: Нартовский эпос. — СЭ. 1947, № 2; Чичеров В. И. Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний осетин. — ИАН СССР, ОЛЯ. 1952. т. 2, вып. 5; Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса. — Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957; Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа. — Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969; Петросян А. А. Решенные и нерешенные вопросы нартоведения. — Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969; Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, и др.
- ³ Нартский эпос: Материалы Всесоюзного совещания 19—20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957, с. 29.
- ⁴ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е. В. Гиппиуса. Сост. В. Х. Барагунов, З. П. Кардангушев. В 5-ти т. Т. 2. М., 1981.
- ⁵ Цхурбаева К. Г. О напевах осетинских нартских сказаний. — Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969; Рахаев А. И. Балкаро-карачаевский песенный эпос и его значение в музыкальной культуре народа. Автореф. канд. дис. Л., 1982; он же. Нартский эпос как жанр музыкального фольклора Кабардино-Балкарии. — Музыка эпоса. Под ред. И. И. Земцовского. М., 1985.
- ⁶ Танеев С. И. О музыке горских татар. — ВЕ. 1886, т. 1, кн. 1, с. 94—98.
- ⁷ Беляев В. М. По поводу записей музыки кавказских горцев С. И. Танеева. — Памяти С. И. Танеева. М.—Л., 1947. Здесь же опубликована статья С. И. Танеева и 20 нотных образцов музыкальных записей.
- ⁸ Там же, с. 123.
- ⁹ Рахаев А. И. К вопросу изучения записей народных песен и статьи «О музыке горских татар» С. И. Танеева. — Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1985, с. 139—140.
- ¹⁰ Урусбиев С.-А. И. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. — СМОМПК. 1881, вып. I, отд. 2, с. 4—6.
- ¹¹ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. с. 132.
- ¹² Цхурбаева К. Г. О напевах осетинских нартских сказаний, с. 474.
- ¹³ Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 102/3(п).
- ¹⁴ Хашиба И. М. Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1979.
- ¹⁵ Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963. с. 103—105.
- ¹⁶ Музыкальные инструменты народов СССР в фондах Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки. М., 1977.
- ¹⁷ Рахаев А. И. Архаическое музыкальное искусство Балкарии и Карачая. — Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Под ред. Е. В. Гиппиуса. Сост. А. И. Рахаев и Х. Х. Малкондуев. Т. 1 (в печати).
- ¹⁸ Цхурбаева К. Г. О напевах осетинских нартских сказаний, с. 475.
- ¹⁹ Атлианова Л. О башкирских эпических напевах. — Башкирский народный эпос. М., 1977; см. также: Добровольский Б. М., Коргузалов В. В. Музыкальные особенности русского эпоса. — Былины: Русский музыкальный эпос. М., 1981, с. 31.
- ²⁰ Цхурбаева К. Г. О напевах осетинских нартских сказаний.
- ²¹ Мазель Л. А. О мелодии. М., 1952; он же. Строение музыкальных произведений. М., 1979.
- ²² Добровольский Б. М., Коргузалов В. В. Музыкальные особенности русского эпоса, с. 27.
- ²³ Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. М.—Л., 1973, с. 97.

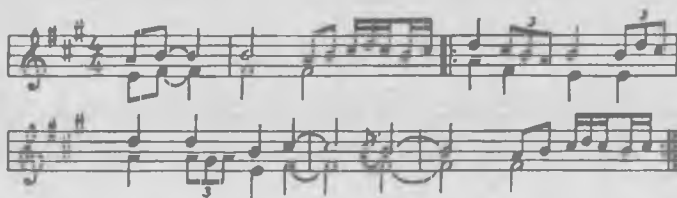
НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ *

Из записей С. И. Танеева (1885, Урусбиевский аул)

«№ 4. Урузмак (из нартских песен). Оба голоса на кобзуе. Урузмак, простой человек нартского народа, восстал против пришельца — князя Пука, прогнал его и был выбран народом главою. Много столетий назад».

«№ 17. Нартская песня (о сыновьях Давида [Дебета.— А. Р.]): Шауай и Алаучан. Оба голоса на кобзуе».

«№ 18. Песня матери Давида — Ахбичекью (Ак Бийче.— А. Р.). Из нартских».

* Нотная графика И. Г. Абрамова.

Нотные записи из музыкального фонда КБНИИФЭ

Сатанай [кас. 103/2. Исп. Абдулла Гергоков (р. 1898), пос. Беляя Речка (КБР), звукозапись Х. Х. Малкондуева]

$\text{♩} = 80$

1. Эй, Кюн-дю, Тей-ри, Са-та-най-ны а-та-сы,
ой, а-лай, а-та-сы, ой!

Detailed description: The musical score for 'Сатанай' is written in a single system with two staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of two sharps (F# and C#), and a 4/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 80. The melody features a 5+5 fingering in the first measure, followed by eighth and sixteenth notes, and a triplet of eighth notes. The second staff continues the melody with a triplet of eighth notes and ends with a double bar line.

Ёрюзмек и Сатанай [кас. 39/5. Исп. Шагабан Биттиров (р. 1889), с. Герпегеж (КБР), звукозапись А. З. Холаева]

$\text{♩} = 160$

1. Ё-рюз-мек де-ге-нинг а ёз-ден-ди, дей-ди,
кёп кы-йын-лык-ла да тез-ген-ди, дей-ди.

Detailed description: The musical score for 'Ёрюзмек и Сатанай' is written in a single system with two staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of two sharps, and a 4/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 160. The melody consists of eighth and sixteenth notes, with a triplet of eighth notes. The second staff continues the melody with a triplet of eighth notes and ends with a double bar line.

Сосурук и эмеген [кас. № 64/9. Исп. Ахмат Аппаев (р. 1904), пос. Чегем-1 (КБР), звукозапись Х. Х. Малкондуева]

$\text{♩} = 76$

1. Эй, нарт ба-тыр-ла-ры да жор-ту-ул-гъа чык-ды-ла,
ой, чык-ды-ла,
А-ла да жол-да от-суз, кьуу-суз, кьал-ды-ла,
ой, кьал-ды-ла.

Detailed description: The musical score for 'Сосурук и эмеген' is written in a single system with two staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of two sharps, and a 4/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 76. The melody features a 7+3 fingering in the first measure, followed by eighth and sixteenth notes, and triplets of eighth notes. The second staff continues the melody with a triplet of eighth notes and ends with a double bar line. The third staff continues with a triplet of eighth notes and ends with a double bar line. The fourth staff continues with a triplet of eighth notes and ends with a double bar line.

Песня об Алаугане. [кас. 80/8. Исп. Абдулла Гергоков (р. 1898),
пос. Белая Речка (КБР), звукозапись Х. Х. Малкондуева]

$\text{♩} = 84$

1. Де-бет-ге туу-ду да он то-гъуз у-лан-да,

Де-бет-ге туу-ду да он то-гъуз у-лан.

О - ри, о - ра - да, о - ра - да, рай - да,

О - рай - да, ри - рау а, ри - ра - ра!

Песня о Карашауае [кас. № 69 п/1. Исп. Канишаубий Журтубаев
(р. 1896), С. Былым (КБР), звукозапись Ж. Ж. Залиханова и
А. И. Рахаева (1981)]

$\text{♩} = 94$ Жыр башчы (запевала)

1. Ба - ра , жор - та кет - ди Ша - уай ,
Эжиу (все)

Ой, о =

эрт - ден - лик - де жет - ди Ша - уай .

Ой, о!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив КБНИИФЭ — Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики.
- Архив КЧНИИ — Архив Карачаево-Черкесского НИИ.
- ВЕ — Вестник Европы. М.
- ГЛМ — Государственный литературный музей.
- Джетегейли... — Джетегейли-джети джудуа. Черкесск, 1985.
- ДЗЕД — Дебет Златоликий и его друзья. Балкаро-карачаевский наргский эпос. Нальчик, 1973.
- ЖС — Живая старина. СПб.
- ЗИАП — Записки Императорской Академии наук. СПб.
- ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск.
- ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. М.— Л.
- ИКОИРГО — Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. СПб.
- ИОЛИКО — Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар.
- ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского НИИ. Дауджикау, Орджоникидзе.
- КБР — Кабардино-Балкарская Республика.
- КБФ — Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.
- КМФ — Къарачай-малкъар фольклор. Черкесск, 1987.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- КФ — Къарачай фольклор. Микоян-Шахар, 1940.
- МИБДЛФ — Материалы и исследования балкарской диалектологии, лексики и фольклора. Нальчик, 1962.
- МКХПЧ — Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары. Нальчик, 1988.
- МПА — Малкъар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959.
- Нартла — Нартла. Малкъар-къарачай нарт таурухла. Нальчик, 1966.
- ОРФ СОНИИ — Отдел рукописного фонда Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
- СИ — Советское искусство. М.
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
- ССК — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
- СТ — Советская тюркология. Баку.
- СЭ — Советская этнография. М.— Л., М.
- ТЗС — Труды по знаковым системам. Тарту.
- ТИЯМ — Труды института языка и мышления. Л.
- ТС — Терский сборник. Владикавказ.
- УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик.
- Ф. ф. — Фольклорный фонд
- ЭО — Этнографическое обозрение. М.

КОММЕНТАРИИ

I. ПОЯВЛЕНИЕ НА ЗЕМЛЕ НАРТОВ. РОЖДЕНИЕ НАРТСКИХ ГЕРОЕВ

1. ТЕЙРИ И НАРТЫ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 4, балк. Исп. Жамилят Геграева (р. 1883), с. В. Чегем (КБР), 1974, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: МКХПЧ, с. 25—26.

Данное сказание уникально тем, что в нем нашли широкое отражение различные мифологические и религиозные представления древних балкарцев и карачаевцев.

¹ *Мир сирот* — Мир мертвых.

² *Кайнар Тейри*. — «Кайнар» букв. «кипящий»; «бурлящий».

³ *Харрала*. — Среди эпических текстов балкарцев и карачаевцев только в данном сказании традиционных врагов нартвов — многоголовых чудовищ эмегенов — называют «харрала». Это слово, как и слово «эмеген», восходит к тюрко-монгольскому миру (об этом см. в Предисловии к настоящему изданию). У балкарцев и карачаевцев, как и у многих тюркских и монгольских народов, «кара (хара)» помимо определения «черный» широко употребляется в значении «темный», «злой», «враждебный».

2. РОЖДЕНИЕ НАРТСКОГО КУЗНЕЦА ДЕБЕТА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 4, балк. Исп. Мухаммат Махараев (р. 1877), с. В. Чегем (КБР), 1958, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: Нартла, с. 131—134; МКХПЧ, с. 26—28; ДЗЕД, с. 83—85.

Эта нартская песня — одно из специфических и уникальных произведений нартского эпоса балкарцев и карачаевцев. В общекавказской Нартиаде лишь в балкаро-карачаевской версии зафиксирован мотив космического брака, и только у них бытуют нартские сказания и песни, посвященные кузнецу нартвов.

В а р и а н т ы : «Рождение Дебета». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 103/8 (п). Звукозапись Х. Х. Малкондуева и А. И. Рахаева в с. Булунгу (1983) с голоса Каита Жабелова (р. 1884). «Песня о Дебете». Там же, кас. № 6/1. Звукозапись Х. Х. Малкондуева в с. Яникой (1985), с голоса Х. Кегенчиева (р. 1898)

Приложение I

Про первого нарта Девета Золотого **

ГЛМ, фонд Миллера, ф. 2, оп. 144, инв. № 11, с. 2—3. Опул.: КБФ. 1983, с. 420—421.

¹ «... Девета Золотого. — «Золотой» — постоянный эпитет этого персонажа.)

² Тха — верховное божество в языческом пантеоне адыгских народов.)

³ Эльбрус.

⁴ Казбек.

* Читатель заметит, что разные сюжеты представлены во многих случаях небольшим числом вариантов. Это объясняется не малой их распространенностью, а условиями фиксации эпических произведений.

Вернувшись в родные места в 1957 г. фольклористы, занимавшиеся сбором эпоса, обращали внимание прежде всего на новые сюжеты, а варианты просто фиксировали, не записывая подробно, а чаще, по их же словам, они не делали и этого.

То, что число нартских сказаний, записанных в Карачае в послереволюционные годы, значительно меньше, чем в Балкарии, объясняется объективными причинами. В Балкарии благодаря самоотверженной и целеустремленной работе С. О. Шахмурзаева, С. А. Отарова, А. Соттаева, А. Бозиева, А. Холаева работа по сбору фольклорно-этнографического материала возобновилась сразу после возвращения балкарского народа из мест депортации. В Карачае же в силу ряда объективных и субъективных причин эту работу начали намного позднее. Первая же фольклорная экспедиция КБНИИФЭ в Карачай была организована лишь в 1965 г.

**Здесь и далее в текстах и примечаниях к приложениям дополнения Т. М. Хаджиевой приводятся в угловых скобках.

(О том, как воинственное племя нартов поселилось у подножия Эльбруса)

ВЕ. 1879, кн. 8, Песнь 1, с. 701. Публ. и коммент. П. Острякова; КБФ. 1983, с. 48.

¹ Данное сказание — часть из «Песни 1». Вторую ее часть см. в цикле «Дебет — Алауган — Карашауай» под названием «Рождение Шевай».)

² Горцы положительно убеждены, что Ноев ковчег остановился на Эльбрусе. Одни указывают на впадину между двумя вершинами горы как место, через которое прошел ковчег, а другие более основательно ссылаются на то, что одному из горцев, восходившему на вершину, удалось найти обрубок как бы обделанного дерева, и обрубок этот до сих пор хранится у них как святыня.

3. РОЖДЕНИЕ ДЕУЭТ-БАТЫРА

Архив КБПИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 21/3. Звукозапись С. О. Шахмурзаева с голоса Муссы Эттеева, с. В. Чегем (КБР), 1974.

¹ *Когда по небу летел...* — О способности Деуэта (Дебета) летать говорится лишь в сказаниях, где он выступает сыном салымчы.

Варианты: «Ё р ю з м е к и Д а у у р б и й». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Айтеков Жашыу, с. В. Чегем (КБР), 1959, зап. С. Отаров.

4. ПРЕКРАСНАЯ САТАНАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 4, балк. Исп. Хашим Малкондуев (р. 1897), с. В. Чегем (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: Нартла, с. 28—31; МКХПЧ, с. 28—29; ДЗЕД, с. 24—26.

¹ Одно из уникальных, самобытных сказаний балкарцев и карачаевцев. Бытует как нартская песня. *...Золотые ее волосы...* — Здесь указание на то, что у Сатанай золотые волосы — не метафора. В народном представлении она как дочь Солнца на самом деле златоволоса. О том, что у нее были золотые волосы, упоминается и в сказании «Три нарта и три эмегена».

² *Размалевав лицо...* — Сатанай это делает, чтобы скрыть свою светящуюся, лучезарную красоту. ³ *...Его единственный глаз видеть перестал.* — В Нартиаде об ослепляющем действии лучезарной красоты Сатанай говорится только в балкаро-карачаевской версии.

⁴ *Втайне [от всех] ведунья ее вырастила.* — Не только в данной нартской песне, но и в сказании «Как Сатанай победила войско Темир-Капу» указывается, что воспитательницей Сатанай является ведунья нартов.

Варианты: «Р о ж д е н и е С а т а н а й». Звукозапись Х. Х. Малкондуева с голоса Абдуллы Гергокова (р. 1898), пос. Белая речка (КБР), 1979 г. Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. 103/2 (п).

5. ДЕБЕТ И ЁРЮЗМЕК

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 9/7 (п). Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева (1968) в с. Н. Чегем (КБР) с голоса Юсупа Беплаева (р. 1913).

Данный отрывок нартской песни уникален не только упоминанием о том, что Ёрюзбек вскормлен волчицей, но и тем, что, согласно этому эпическому тексту, отец девятнадцати сыновей, нартский кузнец Дебет выступает прародителем и предводителем нартского племени, юный же Ёрюзбек усыновлен им.

6. РОЖДЕНИЕ ЁРЮЗМЕКА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 4, балк. Исп. Амий Башиев (р. 1873), с. Кичмалка (КБР), 1965 г., зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: МКХПЧ, с. 29—30.

Ни в одной из национальных версий Нартиады не зафиксировано сказания на сюжет о рождении Ёрюзмека из хвостатой звезды — метеорита.

¹ В других национальных версиях Нартиады мотив оружия из небесной руды встречается в осетинском сказании «Меч нарта Ахсара».

7. КАК ЁРЮЗМЕК ПРИШЕЛ К НАРТАМ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. Мухаммат Махараев (р. 1877), с. В. Чегем (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: МКХПЧ, с. 101.

¹ Данное сказание — фрагмент сказания «Три нарта и три эмегена» (см.: У цикл наст. изд.). Оно уникально тем, что здесь дается подробное описание богатырского детства Ёрюзмека, который, согласно сказанию, сирота и случайно попал в страну нартов.

II. ЁРЮЗМЕК И САТАНАЙ

8. КАК ЁРЮЗМЕК СРАЖАЛСЯ НА НЕБЕ С ФУКОМ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Хамзат Биттиров (р. 1867), с. Герпегеж (КБР), 1967, зап. А. З. Холаев.

¹ *После этого в Нижнем ауле соберитесь* — Балкарские аулы делились на две части: тот, что на склоне горы, — верхний, в низине — нижний.

² *Из-под земли воздушный бурдюк изалеките*. — В других вариантах Ёрюзмека выстреливают из пушки. Публикуемый мотив древнее.

³ *...И нартский обычай восстановится...* — Имеется в виду, что нарты перестанут платить дань, не будут подчиняться Фуку.

9. ЁРЮЗМЕК И КРАСНОБОРОДЫЙ РЫЖИЙ ФУК

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, балк. Исп. Дауут Малкондуев (р. 1886), с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: МПА, 1959, с. 25—29; Нартла, с. 23—27.

¹ *...с глазами [большими], как у барана...* — У балкарцев и карачаевцев сравнение глаз героя (геррини) с глазами барана, как и у многих тюркских народов, является традиционным.

² *Ёрюзбек — нартский уздень...* — «Уздень» — здесь в значении «предводитель», «глава». Один из постоянных эпитетов балкаро-карачаевского Ёрюзмека.

³ *...Ростом с курган...* — Одной из особенностей балкаро-карачаевского Ёрюзмека является то, что в их эпосе он предстает могучим нартом-исполином.

⁴ *...Фук был жинли...* — В современном карачаево-балкарском языке «жинли» — «бесноватый, сумасшедший, сумасброд». Здесь в значении «был связан с какими-то сверхъестественными силами», «обладал сверхъестественными силами». И в дореволюционных публикациях Фук изображается злым всемогущим божеством, волшебником.

⁵ *...Да перейдут твои болезни ко мне...* — Здесь в значении «прошу тебя».

10. ЁРЮЗМЕК УБИВАЕТ РЫЖЕГО ФУКА

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 64/7, балк. Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Ахмата Алпаева (р. 1904), пос. Чегем-I (КБР), 1978.

Букв. «язык птиц знал». В карачаево-балкарском языке выражение «кьаргьаны-кьузгьунну тилин билген» означает «много знающий», «мудрый».

11. ЁРЮЗМЕК, СЫН СХУРТУКА, И ФУК

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Жашыу Айтеков (р. 1879), с. В. Чегем (КБР), 1959, зап. А. Ю. Бозиев.

¹ *...сделал желим топ...* — Здесь «желим» в значении «резина»; «топ» в значении «мяч». Вероятно, речь идет о воздушном шаре.

² *В горах он ловок и проворен...* — Букв. «В горах он на птичьих ногах (лапках)».

³ *...На тёрё — криспоречив и безустанен...* — Букв. «На тёрё — с медными челюстями».

Приложение 1

Орюзбек

ТС. VI, 1903, с. 267—268. Публ. Н. П. Тульчинского; КБФ, 1983, с. 235—236.

¹ Все дореволюционные публикации балкаро-карачаевского нартского эпоса на русском языке, за исключением этой нартской песни, имеют прозаическую форму.

² *...Много труда перенес...* — Неточный перевод. Во всех вариантах нартских песен об Ёрюзмеке, бытующих в балкаро-карачаевской среде, поется: «Много трудностей [испытаний] перенес».

³ *...Лулями камни пробивал.* — Неточный перевод. В оригинале: «Его стрелы камни пробивают».

⁴ *...В скалах — на птичьих ногах...* — См. примеч. 2 к тексту 11.)

Приложение 2

Урызбек

СМОМПК. 1881, I, с. 1—6. Публ. и коммент. С.-А. Урусбиева; КБФ, 1983, с. 61—64.

¹ *Ай кюнюн яман еосу...* — Правильно: «Ай, кюнюнг аман болсун». — «Ах, чтоб твой день был недобрый (несчастливым)».)

² Нарты считали Сатаной ведуньей, т.е. приписывали ей знание прошедшего, настоящего и будущего, и всегда в важных делах искали ее советов.

Орюзмек

ТС, VI, 1903, с. 296—298. Публ. и коммент. Н. П. Тульчинского; КБФ, 1983, с. 258—259.

¹ Переведена с горского (балкарского) из тетради Науруза Урусбиева.

² Правильно: на «ныгыше».)

³ В карачаево-балкарском языке *кочкар* (*кочхар*) — «баран», «баран-производитель».)

⁴ «Тёре» то же самое, как наше новгородское вече.

⁵ В карачаево-балкарском языке слова «мяч» и «пушка» — омонимы (*mon*). В данном сказании перевод слова «топ» как «мяч» неправильно: по смыслу, а также в большинстве вариантов этого сказания стреляли из пушки.)

12. ЁРЮЗМЕК И ВЕДУНЬИ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 5/7. Звукозапись и запись текста с магнитофона Х. Х. Малкондуева с голоса А. Г. Аппаева (р. 1904), пос. Чегем-1 (КБР), 1990.

Этнографический и фольклорный материал, которым мы располагаем, дает нам основание говорить о том, что у предков балкарцев и карачаевцев рысь относилась к почитаемым диким зверям. Ее функции амбивалентны: она выступает и как носитель доброго начала (так, ее когти служили оберегом от нечистой силы) и как существо, связанное с потусторонним миром (например, если человек долго и мучительно умирал, перед его глазами махали рысей лапой), а в охотничьей обрядовой поэзии рысь выступает одним из врагов Апсаты (вероятно, это связано с тем, что она часто нападает на оленей, ланей, диких коз и т.д., покровителем которых и является Апсаты).

¹ ...*приземлился во дворе небесной крепости...*— Здесь сказителем пропущен эпизод о том, как Ёрюзмека из пушки выстрелили в небо — традиционный для всех вариантов сказаний на сюжет о борьбе Ёрюзмека с Фуком.

² *А волков он не тронул, и волки его не тронули.*— Это еще один реликт почитания предками балкарцев и карачаевцев волка. Согласно же вариантам сказаний о рождении Ёрюзмека, он вскормлен молоком волчицы. В эпосе постоянный атрибут Ёрюзмека — волчья шуба.

³ Спецификой данного сказания является то, что здесь Фук сам имеет орлиные крылья.

13. О БОРЬБЕ ЁРЮЗМЕКА И ФУКА

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 64/7. Звукозапись и запись текста с магнитофона Х. Х. Малкондуева с голоса А. Г. Аппаева (р. 1904), пос. Чегем-1 (КБР), 1990.

¹ В эпосе мотив замораживания противника традиционно используется в вариантах сказаний на сюжет о добычании Сосуруком огня.

² ...*если его мечом пользовался чужой — меч убивал того самого.*— Только в данном сказании меч Ёрюзмека обладает этим свойством.

14. ЁРЮЗМЕК И РЫЖИЙ ФУК

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. А. Отаров.

¹ ...*на свое почетное место сел.*— На ныгыше глава (бий) общины имел специально для него отведенное место.

² Во всех других вариантах на этот сюжет Фук проклинает нартов или сам насыляет на их страну засуху. Здесь же обращение его к Аллаху, вероятно, более позднее явление.

³ ...*аурууунгу алайым!* — Букв. «Чтобы я взял твою болезнь». Здесь употреблено как обращение «дорогой мой», «душа моя».

⁴ ...*Сделала коня-ветер и плеть-ветер...*— Только в данном сказании говорится о том, что их сделала Сатанай. В других вариантах лишь указывается, что она послала к нему коня-ветер.

⁵ ...*хыйла курманлык.*— *Хыйла* — букв. «хитрость», «уловка», *курманлык* — «пир», «торжество», «угощение». Здесь употреблено в значении «пир с западной».

⁶ ...*один из мальчиков, играющих на ныгыше...*— В балкарских и карачаевских аулах дети (мальчики) обычно играли около ныгыша.

⁷ Как и у многих тюркоязычных народов, балкарцы и карачаевцы ноги забитых животных дают детям.

⁸ ...*разгневавшись на мальчика, швырнул в него посох...*— Почти во всех вариантах данного сказания говорится, что Ёрюзмек швыряет свой посох, разгневавшись на нартов за то, что они приглашают его на пир через мальчика. Здесь, вероятно, сказитель забыл это оговорить.

Иносказательный тост. Здесь под *вепрем* подразумевается Ёрюзмек, а под муравьями — нарты. Во всех вариантах на тему «пир с западной» этот иносказательный тост традиционен. Если нартов отождествляют с муравьями, щенками и т.д., то Ёрюзмека — только с *вепрем* (ср. в «Джангаре» Джангар и его богатыри постоянно сравниваются с *вепрями*.— Джангар. М., 1990, с. 233, 237, 249.

15. ЁРЮЗМЕК И КАЙТМЫРЗА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Алий Эттеев (р. 1909), с. Н. Чегем (КБР), 1958, зап. А. Ульбашев. Опул.: МКХПЧ, с. 35—39.

¹ Здесь Ёрюзек прибегает к хитрости, чтобы отвлечь внимание Фука.

² «кырк буга» — сказитель это переводит как «осенний бык».

³ ...добавив... ослиный мозг.— Предки балкарцев и карачаевцев, как и некоторые другие кавказские народы, считали, что ослиный мозг действует на человека, как яд, что он может привести к психическому расстройству или к какой-нибудь неизлечимой болезни.

⁴ Иносказательный тост. См. примеч. 9 к тексту 14.

16. САТАНАЙ СПАСАЕТ ЁРЮЗМЕКА ОТ ГИБЕЛИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Дауут Малкондуев (р. 1886), с. Яникой (КБР), 1959, зап. С. А. Отаров. Опул.: МПА, с. 28—29; Нартла, с. 32—34.

¹ ...Камень, на который ты будешь опираться в старости.— То есть сын будет заботиться об Ёрюземе, когда он будет беспомощным стариком.

17. ЁРЮЗМЕК И СЫН ФУКА ЖАНПАРАЗ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1959, зап. С. Отаров.

¹ *Посмотрев его метку...*— В аулах каждый владелец домашнего скота имеет свою метку. Эти метки делают, или надрезая ухо животного или ставя тавро.

² *Да перейдут твои болезни к нам...*— Здесь в значении: «Просим тебя».

³ *Сах аяк.*— По словам информатора, чаша (аяк) емкостью до 8 кг для измерения сыпучих веществ.

⁴ ...лысый... малкарчонок.— Имеется в виду житель Черекского ущелья*. Указание же на то, что мальчик-малкарчонок лысый (паршивый) — использование традиционного для эпоса балкарцев и карачаевцев приема «предварительной недооценки героя».

⁵ В скобках пояснение сказителя.

⁶ *Зулпагар* — «так называется меч Ёрюзмека»,— пояснил сказитель. «Зулпагар», возможно, от Зулфикар — магического меча халифа Али.

18. ЁРЮЗМЕК И ЕГО ВОЛЧЬЯ ШУБА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Локман Мокаев (р. 1884), с. Бабугент (КБР), 1972, зап. А. М. Теппеев.

¹ Это нетипично. Традиционно Алауган имеет единственного сына — Карашауая.

² Постоянный атрибут Ёрюзмека — волчья шуба, которую он носит внакидку, только в данном сказании наделена волшебными свойствами. В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев традиционно функция помощницы, советчицы и провидицы во всех делах Ёрюзмека принадлежит Сатанай.

³ Во всех остальных вариантах сказаний на сюжет «пир с западной» Ёрюзек питье сливает в трубочку, вставленную Сатанай в его горло.

⁴ Имеется в виду, что они боялись, как бы эти комья не упали на них.

Приложение 4

Как Сатанай спасла своего мужа

ВЕ. 1879, кн. 8, с. 705—707. Публ. П. Острякова; КБФ, с. 51—53.

(1 В публикации П. Острякова Ёрюзек выступает под именем Тейюра.)

(2 В балкаро-карачаевском нартском эпосе во всех вариантах сказания на сюжет «пир с западной» сыном Сатанай, воспитанным подземными духами, является Сосурук. Здесь же имя его не называется.)

Приложение 5

Сосуруко

СМОМПК. 1881, I, с. 37—42. Публ. и коммент. С.-А. Урусбиева; КБФ, с. 83—86.

(¹ См. примеч. 1 к приложению I из цикла III Сосурук/Сосурка.)

² Котел с сорока ушками.

³ Козлинохвостый старый барз — должность виночерпия. (Правильно «Эчки кьуйрукьлу кьарт».)

19. ЁРЮЗМЕК И ОДНОГЛАЗЫЙ ЭМЕГЕН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Мурадин Османов (р. 1920), с. Гунделен (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: Нартла, с. 58—62; ДЗЕД, с. 38—41.

Сказание представляет собою оригинальное сочетание нескольких сюжетов о встречах нартов с великанами — «Нарт в пещере великана»; «Что было первым — долото, щипцы или молоток?», «Кто больше?» и «Кишка великана перерезает дерево».

Сказания на три первых сюжета обычно бытуют самостоятельно. Четвертый же сюжет традиционно связан со сказанием о борьбе Сосурука с великаном за огонь.

20. НАРТ ЁРЮЗМЕК И ЭМЕГЕНЫ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, карач. Исп. Рамазан Аджиев (р. 1890), с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. С. Б. Настаев. Опувл.: Нартла, с. 35—42; ДЗЕД, с. 47—52.

¹ Введение в сказание ружья и пуль — явно позднее включение в балкаро-карачаевский эпос.

21. КАК НАРТЫ УНИЧТОЖИЛИ ЭМЕГЕНОВ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 8/2 (п.). Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Каита Жабелова (р. 1884), с. Булунгу (КБР), 1983.

22. ЁРЮЗМЕК И НОГАЙЧИК

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Дауут Малкондуев, сел. Яникой (КБР); 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: МПА, с. 30—33; Нартла, с. 66—71; ДЗЕД, с. 42—47.

¹ *Да чтоб тебе, негодному, эрик суу пришлось пить...* — проклятие. «Эрик суу» — раствор для дубления кожи.

² В оригинале букв. «руками даже железо разорвут».

³ *...копыта земли не касались.* — Здесь имеется в виду быстрота бега коня.

Варианты: «Ё р ю з м е к и Н о г а й ч и к». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Ахмат Чепкенчиев (р. 1868), с. Гунделен (КБР), 1958, зап. М. Б. Кудает; «Ё р ю з м е к и Н о г а й ч и к». Там же, балк. Исп. Хамзат Биттиров, с. Герпегеж (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

23. КАК САТАНАЙ ПОБЕДИЛА ВОЙСКО ТЕМИР-КАПУ.

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Мухаммат Махараев, сел. В. Чегем (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: МКХПЧ, с. 42—44.

Данное сказание в Нартиаде зафиксировано только в балкаро-карачаевской среде.

24. ЁРЮЗМЕК И БЕЛАЯ ОЛЕНУХА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Гитче Текаев (р. 1899), с. Хасанья (КБР), 1983, зап. Т. М. Хаджиева. Опувл.: МКХПЧ, с. 40—42.

¹ *Ак бийче.* — Здесь, «ак» (букв. «белая») имеет значение «красивая», «прекрасная», «бийче» — в значении «госпожа», «княгиня».

Вариант: «Ё р ю з м е к и б е л ы й м а р а л». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. Отаров.

25. КАК ЁРЮЗМЕК ПОБЫВАЛ НА ТОЕ НАРТОВ И НА ТОЕ ШАЙТАНОВ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 40. Звукозапись А. З. Холаева и Т. М. Хаджиевой с голоса Т. Жанибекова, с. В. Балкария (КБР), 1974, зап. текста Х. Х. Малкондуева.

¹ *...в их чашу... помещалось... сколько в наше ведро.* — Пояснение сказителя.

² *...помня совет жены.* — Судя по этим словам, Сатанай, отправляя Ёрюзмека на второй той, предупредила его и о встрече с тоем шайтанов. Наверное, сказитель забыл это или пропустил во время своего рассказа.

³ *Абезек* — круговой парный танец, в котором парень ведет девушку, взяв ее под руку.

26. ЁРЮЗМЕК И ДЖИННЫ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Мазан Уянов, с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. С. Шахмурзаев.

¹ Голлу — название обряда и круговой песни-пляски в честь балкаро-карачаевского языческого божества Голлу. Со временем этот обряд и танец утратили свое первоначальное значение, и голлу стали исполнять во время свадеб и на других празднествах.

27. НАРТ ЁРЮЗМЕК И ШАЙТАНЫ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Жашыгу Айтеков (р. 1879), с. В. Чегем (КБР), 1959, зап. А. Ю. Бозиев. Опул.: Нартла, с. 49—51; ДЗЕД, с. 29—31.

¹ *...кривых слов не произноси...* — Вероятно, имеется в виду магическая формула «бисмилляхи», т.е. «именем Аллаха». Балкарцы и карацевцы, как и другие мусульмане, верили, что нечистая сила исчезает при произнесении этого слова (ср. у христиан крестное знамение).

² *...в стороне свою волчью шубу оставь...* — У балкарцев и карацевцев в прошлом бытовало поверье, что волки уничтожают детенышей чертей и поэтому нечистая сила очень боится волков и всего, что с ними связано.

³ *...Он их кривых ног и рогов не заметил* — Предки балкарцев и карацевцев считали, что шайтаны были кривоногими и рогатыми.

28. КАК САТАНАЙ ОБМАНУЛА ЁРЮЗМЕКА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 5, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. А. Отаров. Опул.: МКХПЧ, 38—40.

¹ *...желлегей*. — Букв. «то, что внакидку (нараспашку)». Шайтаны до того боятся волков, что даже волчью шубу Ёрюзмека табуируют.

29. ЁРЮЗМЕК НА ТОЕ ШАЙТАНОВ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 6/7. Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Шамшюдина Бегиева (р. 1915), пос. Хасанья (КБР), 1983.

¹ *...это кривоногие!* — См. примеч. 3 к тексту 27.

² *Только без желлегей подходи...* — См. примеч. 1 к тексту 28.

³ *Когда рассвело... Он стал слышать только их голоса... Самих же [шайтанов] не видит...* — У балкарцев и карацевцев существовало поверье, будто шайтаны видны только ночью, а днем они незримы и можно услышать только их голоса.

30. ЁРЮЗМЕК И ШАЙТАНЫ

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Шамаил Хачиров, с. Даусуз (Карачай), 1959, зап. Х. Казалиев.

Варианты: «Ёрюзбек и бесы». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 4/3. Звукозапись М. Ч. Журтубаева и А. И. Рахаева с голоса Исхака Хочуева (р. 1897), пос. Советское (КБР), 1984; «Ёрюзбек на свадьбе у шайтанов». Там же, кас. № 54, п/6. Звукозапись Р. К. Отаровой и Т. М. Хаджиевой с голоса Махмуда Гузоева (р. 1900), с. В. Жемтала (КБР), 1980; «Как Сатанай спасла Ёрюзмека от шайтанов». Там же, кас. № 39/5. Звукозапись А. З. Холаева с голоса Шагабана Биттирова (р. 1889), с. Герпегеж (КБР), 1980; «Ёрюзбек, Сатанай и шайтаны». Там же, кас. № 80, п/8. Звукозапись и запись текста Х. Малкондуева с голоса Абдуллы Гергокова (р. 1898), пос. Белая речка (КБР), 1981.

Приложение 6

Орюзбек

ТС. 1903, VI. Публ. и коммент. Н. П. Тульчинского; КБФ, с. 259—261.

¹ Записана в Хуламе.

² Орюзбек и Сатанай фигурируют в сказаниях о нартах у дигорцев (См. «Осетинские этюды» Вс. Миллера. Ч. I).

³ К о ч к а р — выложенный баран. (Правильно: баран-производитель.)

Приложение 7

Княгиня Сатанай

СМОМПК. 1898, XXV, с. 87—91. Публ. и коммент. А. Н. Дьячкова-Тарасова, карач. Исп. Хасан Алиев, 77 лет; КБФ, с. 184—186.

Князь нартов Сосрука считается главой нартов; иногда его заменяет Орюзбек. (В балкаро-карачевском эпосе традиционно главой нартов и мужем Сатанай является Ёрюзбек.)

Варианты: «Даут и Сосурка». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6. карач. Исп. Саламгери Семенов (р. 1880), с. Н. Теберда (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; «Рождение Сосурки». Там же, карач. Исп. Умар Кёккёзович Алиев (р. 1877), с. Сары-Тюз (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; «Ёрюзмек и Тауас». Там же, балк. «Ёрюзмек и Дэуэ-батыр». Там же.

Приложение 8

Смерть Орюзмека

СМОМПК. 1898, XXV, с. 82—83. Публ. А. Н. Дьячкова-Тарасова, карач. Исп. Хасан Алиев, 77 лет; КБФ, с. 181—182.

(¹ Правильно: «ариу кыз».)

III. СОСУРУК/СОСУРКА

31. САТАНАЙ И СОЗУК

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 6/10. Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Шамшюдина Бегиева (р. 1915), пос. Хасанья (КБР), 1985.

¹ В балкар-карачаевском эпосе почти во всех вариантах о рождении Сосурука встреча нартского пастуха Созука (Соджука, Созуку) с Сатанай происходит на берегу реки Адиля (Эдиль, Этиль, Идиль). Это слово, как и у многих тюркских народов, у балкарцев употребляется в двух значениях: а) большая река; б) название Волги.

² В сказаниях на этот сюжет всегда указывается, что камень, из которого родился Сосурук, был «состар» (балк.), «сослан» (карач.). «Состар (сослан)» — в карачаево-балкарском языке имеет два значения: 1. Гранит. 2. Большой речной валун.

32. РОЖДЕНИЕ СОСУРУКА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Амиь Башиев (р. 1873), с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 31—32.

¹ Сравнительный анализ, проведенный нами над данным текстом, показал, что мотив о встрече прислуги княгини с нартским пастухом привнесен сюда из вариантов сказаний о рождении Рачькау (цикл Бёдене — Рачькау). Это, а также имя княгини — Кырс-бийче, бесспорно, ошибка сказителя, так как в балкар-карачаевском эпосе, как и в других национальных версиях, традиционно в роли матери, воспитательницы и воспитательницы Сосурука выступает Сатанай. Здесь, несомненно, Кырс-бийче — это Сатанай, один из постоянных эпитетов которой в балкар-карачаевском эпосе — «каратон» («бездетная»).

² ...Хычауман (Хычууман, Хычаман) ай... — По народному календарю балкарцев и карачаевцев так называется месяц май. Древние балкарцы и карачаевцы многие свои обряды и праздники проводили в весенние месяцы.

³ ...у которой [нарты] набирались мудрости. — Это еще одно подтверждение тому, что сказитель по ошибке назвал Сатанай «Кырс бийче», так как в эпосе балкарцев и карачаевцев традиционно нарты и Ёрюзмек набирались (учились) мудрости у Сатанай.

⁴ Отрезая его пуповину... — О наличии у рожденного из камня Сосурука пуповины в балкар-карачаевском эпосе говорится только в этом варианте, у других же носителей Нартиады этот мотив до сих пор не зафиксирован.

⁵ В данном сказании мотив закалки новорожденного заменен мотивом заклинания, чтобы Сосурука не брали ни меч, ни стрелы.

⁶ Мотив «семи гор» в других национальных версиях нами не обнаружен.

⁷ По словам С. О. Шахмурзаева, записавшего данный вариант сказания, сказитель произносил имя героя не «Сосурук», а «Сосурлук», где «сос» — сокращенное «состар» («гранит»; «большой валун») и «урлук» («семя», «порода», «потомство»).

33. СЫН СОЗУКА

Архив КБНИИФЭ. Балкарск. фонотека, кас. № 59 п. Звукозапись Т. М. Хаджиевой с голоса Хусей Хожаева, с. В. Балкария (КБР), 1974. Текст с магнитофона выписал Х. Х. Малкондуев.

¹ Жетер — букв. «настигающий», «догоняющий».

² Тутар — букв. «хватающий».

34. КАК НАРТЫ НАШЛИ СОСУРУКА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Мажит Жарашуев (р. 1920), с. Булунгу (КБР), 1965, зап. А. З. Холаевым. Оpubл.: МКХПЧ, с. 32.

Сюжет сказания отличается значительным своеобразием — такого описания появления Сосурука нет ни в других вариантах балкаро-карачаевского эпоса, ни в сказаниях других народов Кавказа.

Данное сказание — единственный вариант, в котором Сатанай не принимает участия в рождении Сосурука.

¹ ...мальчик вышел из камня состар... — См. примеч. 2 к тексту 31.

² ...может, [это имя] имеет другое значение. — Пояснение сказителя.

³ ...Сосурука стали считать младшим братом Ёрюзмекка. — У балкарцев и карачаевцев, как и у других кавказских народов, человек, коснувшийся губами груди женщины, становится ее приемным сыном.

Приложение 1

Сосуруко

СМОМПК. 1881, I, отд. II, с. 37—38. Публ. и коммент. С.-А. Урусбиева; КБФ, с. 83—84.

¹ Из данной публикации С. Урусбиева мы поместили в настоящий цикл о Сосуруке только фрагмент о его рождении, а основную часть этого сказания на сюжет «пир с западной» мы включили в цикл «Ёрюзмек и Сатанай».)

Варианты «Рождение Сосурки». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, карач. Исп. Умар Алиев (р. 1877), с. Сары-Тюз (Карачай), 1965, зап. Суюнчев; «Как родился Сосурка». Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Абугали Узденов (р. 1897), с. Сары-Тюз (Карачай), 1978, зап. Р. Ортабаева.

35. КАК СОСУРУК ДОБЫЛ ОГОНЬ ДЛЯ НАРТОВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Амий Башиев, с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 45—47.

Сюжет данного сказания во многом отличен от сказаний других носителей Нартиады о добывании Сосуруком огня:

а) Сосурук добывает огонь не замерзающим в походе нартским богатырям, а всему племени нартов;

б) многоголовость эмегена;

в) той нартов и величальная песня в честь Сосурука.

¹ Конечно же, эмеген, зная об этом, хотел погубить Сосурука — Реплика сказителя.

² ...Сосуруку преподнесли чашу героя — Агуну... — Если в балкаро-карачаевском эпосе в цикле Рачыкауа, а в других национальных версиях в цикле Батраза герой получает волшебную чашу (бочонок) нартов только после рассказов о своих подвигах, то здесь эту чашу нарты сами преподносят герою.

36. СОСУРУК И ЭМЕГЕН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яниккой, 1958, зап. С. А. Отаров. Оpubл.: МПА, с. 28—29; Нартла, с. 84—87.

¹ Традиционно меч эмегена хранится в его пещере (замке) в черном сундуке.

Варианты: «Нарт Сосурук». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Атлы Тебердиев (р. 1866), с. Каменка (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев; «Сосурук». Оpubл.: МИБДЛФ, с. 63—64; «Сосурук». Там же, с. 104—107.

37. ПЕСНЯ О НАРТЕ СОСУРУКЕ И ЭМЕГЕНЕ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 64/9. Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Ахмата Аппаева (р. 1904), пос. Чегем-1, 1978.

38. ПЕСНЯ О СОСУРУКЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Алий Эттеев (р. 1909), с. II. Чегем (КБР), 1984, зап. Х. Х. Малкондуев.

К сожалению, сказитель не помнит всю песню. Данный текст представляет собой лишь часть нартской песни на сюжет о добывании Сосуруком огня. Он уникален тем, что здесь, в отличие от других вариантов на данный сюжет, дается диалог Сосурука и эмегена об извечной борьбе эмегенов с нартами.

39. ПИЩЕВОД ЭМЕГЕНА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Алий Узденов (р. 1890), с. В. Баксан (КБР) 1973, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 47—48.

Сказание на данный сюжет зафиксировано только в балкаро-карачаевской среде.

40. ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ СОСУРУКА

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 7/7 (п). Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Каншаубия Журтубаева (р. 1896), с. Былым, 1985.

41. СОСУРКА

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Унух Байрамуков, с. Сарытюз (Карачай), 1959, зап. Р. Борлакова.

42. СОСУРКА И ЭМЕГЕН

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Магомет Крымшамхалов (р. 1916), с. Кызыл-Уруп (Карачай), 1982, зап. Р. А.-К. Ортабаева.

Варианты: «Сосурка и эмеген», карач. Оpubл.: КФ, с. 14—16; «Сосурук и пятиголовый эмеген». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Нюржан Бозиева (р. 1929), с. Хабаз (КБР), 1959, зап. А. Бозиев.

Приложение 2

Сосрука и эмеген Пятиголовый

СМОМПК. 1898, XXV, с. 72—75, карач. Исп. Будуйн Джанкёзов, 63 года, аул Карт-джурт. Публ. А. Н. Дьячкова-Тарасова; КБФ, с. 175—177.

43. КАК СОСУРУК БОРОЛСЯ С ЭМЕГЕНАМИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. М. Ю. Бозиев, с. Хабаз (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: Нартла, с. 111—116.

В других национальных версиях сказания на данный сюжет нами не обнаружено.

— *Ты стар...* — Здесь Сосурук имеет в виду не только физическую старость главы нартов, но и то, что он в своей жизни много испытал и повидал.

44. СОСУРУК

И ОДНОГЛАЗЫЙ ЭМЕГЕН — ПАСТУХ КОЗ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Мусарбий Толгуров (р. 1889), с. Былым (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 49—50.

Традиционно сказания на данный сюжет в эпосе балкарцев и карачаевцев связаны с именем Ёрюзмека.

Мотив «жужжащее кольцо» и «отрубленный палец» в сказаниях об ослеплении циклопа у других носителей Нартиады нами не обнаружен.

45. КАК НАРТ СОСУРУК

ИСТРЕБИЛ ПАУКОВ-ЛЮДОЕДОВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. Исп. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Харун Отаров (р. 1895), с. Бедик (КБР), 1973, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 52—53.

Следует отметить уникальность этого сказания. Ни у одного из народов — носителей нартского эпоса такое сказание не зафиксировано — по крайней мере не опубликовано.

46. СОСУРКА И СЛЕПОЙ ВЕЛИКАН

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Хаджи-Умар Черкесов (90 лет), сов. «Юбилейный», 1970, зап. Р. А.-К. Ортабаева. Оpubл.: КМФ, с. 27—28.

— *...погладил бороду.* — Имеется в виду один из жестов в мусульманской молитве (намазе).

47. СОСУРУК ПОД ЗЕМЛЕЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Хамзат Биттиров (р. 1867), с. Герпегеж (КБР), 22—1—1965, зап. А. З. Холаев. Оpubл.: Нартла, с. 88—100, ДЗЕД, с. 68—76.

В отличие от сказки, где трудные задачи ставятся герою с заведомой целью — погубить его, здесь Сосурку посылают за золотой рыбкой действительно в надежде вылечить отца эпического героя.

² Традиционный для волшебной сказки эпизод, когда старшие братья решают погубить младшего и присвоить его подвиги, здесь органически связывается с эпическим контекстом — братья решают погубить Сосурука якобы за то, что он приемыш нартов и т.д.

³ По представлению древних балкарцев и карачаевцев, земля была семислойной, а небо имело семь сфер.

⁴ В отличие от волшебной сказки, где говорится о том, что эмеген требует человеческую жертву за то, что даст воды, здесь он просто съедает всякого, кто приблизится к реке.

⁵ ...*сделай мне восемь топпанов...*— Топпан — чучело, искусственная голова, сделанная из войлока или тряпья.

⁶ ...*аузу бла жутуп бурну бла чыггарды*.— Букв. «глота я ртом, выпускала через нос» — выражение любви, признательности, глубокой благодарности.

⁷ В данном сказании орлица, как и белый баран, служит средством коммуникации между подземным и средним мирами.

48. СОСУРУК В ИГРЕ С КОЛЕСОМ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Мурзабек Малкондуев (р. 1880), с. Кенже (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев. Опул.: Нартла, с. 100—103.

В отличие от других национальных версий Нартиады в данном сказании Сосурук не умирает после того, как колесо перерезает ему колени, его исцеляет Сатанай.

¹ *Обур* — здесь в значении оборотень, колдун.

² ...*мне придется завтра выходить на улицу, накрыв голову платком...*— Имеется в виду, что он тогда уподобится женщине. Выражение свидетельствует о нерешительности, трусости мужчины.

³ В балкаро-карачаевском эпосе только в этом сказании говорится о яблоне с золотыми яблоками.

49. СОСУРУК И АКБИЛЕК

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Амий Башиев, с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

Это сказание является продолжением сказания «Рождение Сосурука» (№ 32), которое мы включили в варианты сказаний на сюжет о его рождении.

¹ *Кырс-бийче, став приемной матерью Сосурука...*— см. примеч. 1 к сказанию 32.

² *Акбилек*.— «Ак» — букв. «белый», «билек» — «рука».

³ ...*не мог с ней жить...*— Имеется в виду, что Сосурук в силу своей каменной природы не мог быть ее мужем.

⁴ *Вот поэтому его могила двуглавой стала*.— По свидетельству С. О. Шахмурзаева, записавшего данное сказание, сказитель говорил ему, что Сосурук был похоронен на вершине Эльбруса и что двуглавой гора стала после этого поступка Акбилек. -

50. СМЕРТЬ СОСУРУКА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 6, балк. Исп. Омар Хаджиев (р. 1888), с. В. Баксан (КБР), 1965, зап. С. Настаев. Опул.: МКХП, с. 53—54.

Сосурук был старшим сыном Алаугана.— В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев это единственное сказание, в котором отец Карашауая — Алауган выступает отцом двенадцати сыновей, а Сосурук — его старшим сыном. Вероятно, это ошибка сказителя.

IV. ДЕБЕТ — АЛАУГАН — КАРАШАУАЙ

51. ПЕСНЯ О НАРТСКОМ КУЗНЕЦЕ ДЕБЕТЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Хазмат Биттиров, с. Герпегеж, 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: МКХПЧ, с. 55—57.

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев Дебет выступает не только первопредком и предводителем нартского племени, но и первым кузнецом на земле.

52. АЛАУГАН — СЫН ДЕБЕТА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Алий Эттеев (р. 1909), с. Н. Чегем (КБР), 1965, зап. А. Ульбашев. Опул.: МКХПЧ, с. 62—63.

Встретившись с эмегеном... жену у него отобрал... — Упоминание о том, что Алауган отобрал у побежденного эмегена его жену, уникально. В других случаях его женитьба описывается по-иному (см. следующие сказания о женитьбе Алаугана).

² Пусть такой [несчастный] день настанет [только] для моего кровного врага.— Проклятие.

³ Опасение Алаугана, что его род может прекратиться, устойчиво подчеркивается и в других вариантах сказания.

53. СЫНОВЬЯ ДЕБЕТА И ДОЧЕРИ ЭМЕГЕНШИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Абдурахман Шахмурзаев, с. Хушто-Сырт (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опубл.: МКХПЧ, с. 58—62.

¹ Ж е к — это, по словам сказителя, какой-то волшебный предмет, при помощи которого эмегены могли по воздуху притянуть и поймать того человека, которого хотели, где бы он ни находился (см. Глоссарий). В современном карачаево-балкарском языке слово «жек» употребляется в значении «нечистая сила».

54. КАК АЛАУГАН ПОЙМАЛ ЖЕРЕБЕНКА

Архив КЧНИИ. Ф. ф. карач. Исп. Хамзат Узденов, с. Терезе (Карачай), 1985, зап. Р. Ортабаева.

55. КАК АЛАУГАН ПОХИТИЛ ЗОЛОТУЮ ШУБУ У ЭМЕГЕНОВ

Архив КЧНИИ. Ф. ф. карач. Исп. Абугали Узденов, с. Терезе (Карачай), 1985, зап. Р. Ортабаева.

В других национальных версиях Нартиады мотив волшебной шубы встречается в осетинском сказании «Амзор, сын Урызмага» (Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2, с. 375).

56. КАК АЛАУГАН ОСТАЛСЯ БЕЗ ЖЕНЫ

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Магомет Алботов (р. 1880), с. Ташкёпюр (Карачай), 1969, зап. Р. Ортабаева.

57. АЛАУГАН И ЗИНЗИУАР

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Сотта Гуртуев (р. 1881), с. Герпегеж (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

¹ У него было два сердца, вместо ребер у него была сплошная кость.— В фольклоре балкарцев и карачаевцев это формула, выражающая богатство, исключительность героя.

² У предков балкарцев и карачаевцев, как и у других горцев, человек, коснувшийся губами груди женщины, становился ее названным сыном.

³ ...в роду ее отца были родственники из нартов...— В эпосе балкарцев и карачаевцев это единственное сказание, в котором говорится, что до Алаугана кто-то из нартов имел брачные связи с племенем эмегенов.

⁴ ...вместо свадебного флага...— У балкарцев и карачаевцев одним из обязательных атрибутов свадебного поезда являются свадебные «флаги», которые делают из красивых платков, покрывал.

⁵ Раньше это действительно были флаги с тамгами родов жениха и невесты.

⁶ Предки балкарско-карачаевцев приписывали молоку бесовок отравляющие и одурманивающие свойства. Этими свойствами, по их представлению, обладал и настой азалии.

58. КАК АЛАУГАН ЖЕНИЛСЯ НА ЭМЕГЕНШЕ

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Магомет Алботов, с. Ташкёпюр (Карачай), 1969, зап. Р. Ортабаева.

В отличие от других вариантов на сюжет о женитьбе Алаугана на эмегенше, здесь его теща имеет и сыновей.

Приложение 1

Как вошло зло в нартовский род

ГЛМ. Фонд Миллера, ф. 2, оп. 144, инв. № 11, с. 2—3, балк. Опубл.: КБФ, с. 420—421.

59. АЛАУГАН И ПЯТИГОЛОВАЯ ДЕВУШКА-ЭМЕГЕНША

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Адамей Салпагаров (р. 1905), с. В. Учкулан (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев.

¹ Из данного сказания публикуется та часть, где речь идет о рождении Алаугана и рождении Карашауая.

60. АЛАУГАН И ДОЧЬ ЭМЕГЕНШИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Шамшют Кулиев (р. 1884), пос. Чегем-I (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

...не обессуди, но та девушка, которую ты ищешь, находится в нашем доме.— У балкарцев и карачаевцев, как и у других кавказских народов, считалось неприличным предлагать свою дочь кому-нибудь в жены.

...спрятал его в одной из пещер Куф тау.— Это нетипично. Почти во всех вариантах о рождении Карашауая его прячут на Эльбурсе.

61. СЫН СТАРОГО АЛАУГАНА

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 6/3 (п). Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Гитче Текаева (р. 1899), пос. Хасанья (КБР), 1983.

...нам все равно, [мясо] халал или харам.— «Халал» — здесь в значении «мясо прирезанного освежеванного животного», «харам» — в значении «падаль», «мясо издохшего животного», т. е. эмегены едят все без разбору.

62. СЫН АЛАУГАНА КАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 80/8 (п). Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Абдуллы Гергокова (р. 1898), пос. Белая Речка (КБР), 1981.

...и в углу за ширму посадили, говорят.— У балкарцев и карачаевцев невеста до свадебного обряда «баш ау алью» — «снятие платка» (торжественный показ невесты родственникам мужа), когда в комнату новобрачных входил кто-нибудь из старших, скрывалась в углу комнаты за специальной ширмой.

63. АЛАУГАН И ЕГО СЫН КАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Габа Гулиев (р. 1884), с. В. Баксан (КБР), 1959, зап. А. Ю. Бозиев.

...прячься, жених идет.— У балкарцев и карачаевцев девушка во время смотрин, пока ее не пригласят, находится в другой комнате.

64. СЫН ЭМЕГЕНШИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Каражаш Эрикген, с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев.

Публикуется та часть сказания, где повествуется о женитьбе Алаугана и рождении Карашауая.

65. РОЖДЕНИЕ КАРАШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Магомет Джанататаев (р. 1901), с. Н. Теберда (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев.

Публикуется часть, которая повествует о женитьбе Алаугана и рождении Карашауая.

Варианты: «Как Карашауай вернул нартов в старый аул». Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Хамзат Узденов, с. Терезе (Карачай), 1985, зап. Р. Ортабаева. Опубл.: КМФ, с. 35—37; «Алауган». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Мухаммат Махараев, 1958, зап. Ульбашев.

66. ДЕТСТВО КАРАШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Зейтун Улаков (р. 1919), с. Гунделен (КБР), 1968, зап. С. О. Шахмурзаев.

67. НАРТ АЛАУГАН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Мухаммат-Алий Байрамуков (р. 1925), с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опубл.: МКХПЧ, с. 64—65.

Публикуется та часть сказания, где речь идет о женитьбе Алаугана и рождении Карашауая.

68. О ТОМ, КАК ЖЕНИЛСЯ АЛАУГАН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1959, зап. С. А. Отаров. Опубл.: МПА, с. 37—39; Нартла, с. 144—147; ДЗЕД.

69. РОЖДЕНИЕ ШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой, 1958, зап. С. А. Отаров.

¹...жантау.— Широкие ремни из шкур быка или коровы для привязывания различных грузов.

²Прячься... я тебе женихаведу.— См. примеч. 1 к тексту 63.

³Двери в саклях обычно были двустворчатыми, причем каждая половина двери делалась из цельной (чаще чинаровой) доски.

70. АЛАУГАН И ЭМЕГЕНША

Архив КЧНИИ. Ф. ф., карач. Исп. Зекерья Кубанов, с. Кумыш (Карачай), 1959, зап. М. Батчаев.

¹...родила мальчика с золотым чубом... — Это единственное сказание, в котором говорится о золотом чубе новорожденного Карашауая.

²...жену повез и оставил в лесу.— Этот эпизод нетипичен для балкаро-карачаевского эпоса и встречается только в данном сказании.

Приложение 2

Рождение Шевай

ВЕ. 1879, кн. 8. Песнь 1, с. 702—703. Публ. и коммент. П. Острякова; КБФ, с. 48—50.

¹Горцы и теперь убеждены, что на вершине Эльбруса есть озерко с водою бессмертия, так что кто постоянно будет пить только эту воду, тот не умрет никогда, в подтверждение чего они приводят долголетнюю жизнь орлов и воронов, будто бы постоянно пьющих воду из озерка, а смерть их объясняют случайностью, заставляющей птиц напиться другой воды.

< П. Остряков в своей публикации нартов именует «нардами».>

Приложение 3

Алауган

СМОМПК. 1898, XXV, с. 75—79, карач. Исп. Будуйан Джанкёзов, 63 года, аул Карт-джурт. Публ. А. Н. Дьячкова-Тарасова; КБФ, с. 177—178.

Приложение 4

Генджакешауай

СМОМПК. 1898, XXV, с. 78—82, карач. Исп. Будуйан Джанкёзов, 63 года, аул Карт-джурт. Публ. и коммент. А. Н. Дьячкова-Тарасова; КБФ, с. 178—181.

¹У горских татар (у балкарцев.— Т. Х.) Пятигорского округа — Кенджокаев — Кара-Шауай.

²В записи г. Урусбиева этот факт опущен.

³У г. Урусбиева — к княгине Сатанай.

⁴Положил в трещину во льду и поручил горным духам охранять ребенка.

⁵Посланец, прислужник.

< Правильно: «кюбе».>

Вариант: «К а р а ш а у а й у б и в а е т д р а к о н а». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 66/1. Звукозапись А. З. Холаева с голоса Абусалама Бозиева (р. 1900), пос. Хасанья (КБР), 1980.

71. АЛАУГАН И ЕГО СЫН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Хамзат Биттиров (р. 1867), с. Герпегеж (КБР), 1965, зап. А. Холаев.

¹Традиционно отцом девятнадцати сыновей, в том числе Алаугана, является кузнец Дебет. И в дореволюционных публикациях, и в сказаниях, зафиксированных с 1958 г., Ерюзбек сам из рода Схуртуковых.

²Это единственное сказание, где встречается данный мотив.

³...из быстротекущей.— Имеется в виду река.

⁴Этот ребенок рос удивительно быстро.— Реплика сказителя.

⁵Карашауай так делает, чтобы лишний раз показать нартам свое физическое превосходство.

Варианты: «А л а у г а н». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Мухаммат Махараев, с. В. Чегем (КБР), 1958, зап. И. Ульбашев; «А л а у г а н и К а р а ш а у а й». Там же, балк. Исп. Габа Гулиев (р. 1884), с. В. Баксан (КБР), 1959, зап. А. Бозиев; «П р о А л а у г а н а».

Там же, балк. Исп. Махмут Башиев (р. 1883), с. Бабугент (КБР), 1965, зап. С. Б. Настаев; «Спасение престарелого отца». Там же, балк. Исп. Асланбек Урчуков (р. 1881), с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев; «Алауган». Там же, карач. Исп. Магомед Джантатаев, с. Н. Теберда (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; «Женитьба Алаугана на эмегенше». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 90/1. Звукозапись с голоса Каншаубия Гажонова (р. 1903) Р. К. Отаровой, пос. Советское, 1980; «Алауган». Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Хамзат Узденов, с. Терезе (Карачай), 1985, зап. Р. А.-К. Ортабасва.

72. ДЕБЕТ И КАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Махараев, с. В. Чегем (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: Нартла, с. 148—150; ДЗЕД, с. 101—102.

В Нартиаде встреча Карашауая с дедом и испытание Карашауая Дебетом в кузнице зафиксированы только в балкаро-карачаевском эпосе.

Из данного сказания мы публикуем только ту часть, где повествуется о знакомстве Карашауая с Дебетом.

Варианты: «Мать Карашауая была великаншей». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Сахай Холамханов (р. 1900), с. Бызынги (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев; «Карашауай и Дебет». Там же, балк. Исп. Махмут Башиев (р. 1883), с. Бабугент (КБР), 1965, зап. С. Б. Настаев; «Шауай и Гемуда-алаша». Там же, балк. Исп. Исмаил Исхакович Казиев (р. 1883), с. В. Жемтала (КБР), 1958, зап. А. Бозиев.

73. КАРАШАУАЙ И КУЗНЕЦ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яником (КБР), 1958, зап. С. А. Отарова.

74. ГЕМУДА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Амий Башиев, с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

Одной из особенностей балкаро-карачаевского эпоса является наличие в нем песен и сказаний, посвященных богатырскому коню Карашауая — Гемуде.

75. КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Хамзат Биттиров (р. 1867), с. Герпегеж (КБР), зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: МКХПЧ, с. 91—92.

...кырк суузу...— Так балкарцы и карачаевцы называют сорок самых холодных дней зимы.

76. КАРАШАУАЙ ИСПЫТЫВАЕТ ГЕМУДУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев (прозаическая часть) и Мухаммат Махараев, зап. С. А. Отаров и С. О. Шахмурзаев.

Расколлот крутую скалу...Пусть это будет Черекским ущельем... От удара копыта [Гемуды] озеро Чирик-кёл образовалось.— У балкарцев и карачаевцев, как и у других носителей Нартиады, происхождение разных топонимов связывается с именами героев нартского эпоса.

... Ты — конь земли, воды и воздуха...— Карашауай имеет в виду не только то, что Гемуде нет на свете равных среди коней, но и то, что Гемуда, как морской конь, может ходить по морскому дну и может летать.

77. ПЕСНЯ О КАРАШАУАЕ И ГЕМУДЕ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. 8/1 (п). Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Каита Жабелова (р. 1884), с. Булунгу (КБР), 1983. Опул.: МКХПЧ с. 92—93.

... месяц Тотура.— Покровителю волков и охотников — Тотуру в народном календаре балкарцев были посвящены два месяца — март (Тотурну ал айы) и апрель (Тотурну арт айы).

78. ГЕМУДА КАРАШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Ахмат Чепкенчиев, с. Гунделен (КБР), 1958, зап. М. Кудаяев.

Сказитель не оговорил, что Алауган назвал своего сына Шауаем.

79. ПЕСНЯ О КАРАШАУАЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Алий Эттеев, с. Н. Чегем (КБР), 1958, зап. А. Ульбашев.

¹...ни одна из женщин жить с ним не смогла.— Алауган был нартом-исполином, а нарские женщины были ростом как обычные люди.

²Здесь пропущен момент, указывающий на то, что свекровь говорит это эмегенше, чтобы обмануть ее и выкрасть новорожденного, пока эмегенша спустится с крыши.

³Обмотав железные подпруги лыком и придав себе и Гемуде невзрачный, жалкий вид, Карашауай скрывает от окружающих свое богатство.

80. КАРАШАУАЙ И НАРТЫ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 6/3 (п). Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Гитче Текаева (р. 1899), пос. Хасанья (КБР), 1983.

¹Данное сказание — продолжение сказания 61 («Сын старого Алаугана»).

81. КАРАШАУАЙ НА СКАЧКАХ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. К. Настаев (р. 1885), с. В. Балкария (КБР), зап. 1965, С. Настаев. Опул.: Нартла, с. 159—162; ДЗЕД, с. 101—105.

¹Зыккыл — букв. «оборванец».

²Ай зауаллы! Ты посмотри, как скачет этот конь-кушжетер, — засмеялись...нарты.— «Ай зауаллы» — здесь в значении «ой, могучий»; «конь-кушжетер» — букв. «конь, догоняющий орла».

В сказаниях на этот сюжет устойчиво сохраняется мотив предварительной недооценки героя и его коня. Обычно Карашауай характеризуется как жалкий оборванец, а его конь — как неказистая кляча.

Это подчеркивается и насмешками окружающих.

Варианты: «К а р а ш а у а й н а с к а ч к а х». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Габа Гулиев (р. 1884), с. В. Баксан (КБР), 1959, зап. С. Б. Настаев; «Ш а у а й и Г е м у д а». Там же, балк. Исп. Исмаил Казиев (р. 1883), с. В. Жемтала (КБР), 1959, зап. А. Ю. Бозиев; «П е л и у а н К а р а ш а у а й». Там же, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яником (КБР), 1958, зап. С. А. Отаров; «К а р а ш а у а й п о б е ж д а е т н а с к а ч к а х». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 59/1. Звукозапись А. М. Теппеева с голоса Рамазана Атабиева (р. 1891), с. Бабугент (КБР), 1972.

Приложение 5

(Шевай и Гемуда)

ВЕ. 1879, кн. 8, с. 704—705. Публ. П. Острякова; КБФ, с. 50—51.

¹...нарды...— Так именует П. Остряков эпических героев балкарско-карачаевских «Нартов».

²Это нетипично для эпоса балкарцев и карачаевцев; во всех других вариантах на этот сюжет (в том числе и в варианте С.-А. Урусбиева) Карашауай женится на дочери Еркюмека или сватается к ней.)

82. КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА-АЛАША

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 6/4 (п). Звукозапись и запись текста Х. Х. Малкондуева с голоса Шамшюдина Бегиева (р. 1915), пос. Хасанья (КБР), 1984.

¹...из второго яруса земли...— По представлению предков балкарцев и карачаевцев, земля была семислойной.

²В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев, как и у многих других народов, при перечислении различных достоинств богатырского коня героя всегда дается гиперболическое описание бега или прыжков коня, когда из-под его копыт вылетают, словно птицы, вывороченные комья земли. Здесь ископать Гемуды настолько велика, что она даже сносит голову эмегену.

³На берегу Дона...— Упоминание берега Дона нетипично для балкарско-карачаевского эпоса. Обычно местом эпических действий является Адиль (Эдиль, Идиль).

Вариант: «К а р а ш а у а й и к у з н е ц». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Мазан Атабиев (р. 1903), с. Бабугент, 1965, зап. С. Б. Настаев.

83. КАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Габа Гулиев (р. 1884 с.), В. Баксан (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

¹...на трехногого вороного Сибилчи... — На трехногость Гемуды указывается во многих сказаниях, а о том, что вороной Сибилчи трехног, говорится только в данном сказании.

Варианты: «Сын Алаугана Карашауай». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Ибрагим Айбазов, с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев; «Алауган и пятиголовая эмегенша». Там же, карач. Исп. Адамей Салпагаров (р. 1905), с. В. Учкулан (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев; «Карашауай и нарт Ёрюзбек». Там же, карач. Исп. М. А. Байрамкулов (р. 1925), с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев; «Алауган». Там же, карач. Исп. Бадтал Коркмазов, с. Ильич (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; «Про Алаугана». Там же, бак. Исп. Байчо Хуламханов (р. 1860), с. Безенги (КБР), 1965, зап. С. Б. Настаев; «Мать Карашауая была великаншей». Там же, балк. Исп. Сахай Холамханов, с. Бызынги (КБР), 1959, зап. С. Шахмурзаев; «Как Карашауай победил на скачках». Там же, балк. Исп. Тамук Гузиев (р. 1895), с. Ташлы-Тала (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

84. НАРТ КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. О. Шахмурзаев.

...встретились с водяными эмегенами. — Водяные эмегены в нартском эпосе зафиксированы лишь в балкаро-карачаевской версии.

...море Хазар — По словам сказителя, это Каспийское море.

...на камушках погадать. — Одно из традиционных гаданий балкарцев и карачаевцев, на камушках, фасоли и кукурузе, которое бытует до настоящего времени.

85. БАТЫР КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Байчо Хуламханов (р. 1860), с. Бызынги (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев.

¹ Это единственное сказание, где Алауган выступает сыном Сатанай.

² В других национальных версиях Нартиады мотив оборотничества Карашауая нами не обнаружен.

86. ДРУЖИНА ЁРЮЗМЕКА И КАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: МПА, с. 39—43; Нартла, с. 163—173; ДЗЕД, с. 101—106.

Обычно Карашауай одерживает верх над зазнавшимися нартами благодаря своей богатырской силе.

В эпосе балкарцев и карачаевцев традиционным является и то, что Карашауаю подвластна стихия холода. Если в данном сказании Карашауай, для того чтобы наслать холод на нартов, обращается к Эльбрусу, то в других вариантах или он делает это сам, или по его просьбе холод напускает Тейри (Аллах). Так как варианты этих сказаний во многом повторяют друг друга, мы их не включили в настоящей том. Ниже мы даем небольшой отрывок из сказания «Карашауай и Ёрюзбек», в котором обращение Карашауая к Тейри наслать холод значительно отличается от других вариантов: «Къарашауай ючгол бир садакъ окъну чыгырып, Тейриден былай айтып тиледи: „Уллу Тейри! Сен бюгон, Ёрюзбек жыйныны бла жукъ эталмазча, къабышырча, бир сууукъ эт!“ — деп, садакъ окъну къаты къысып тиледи да, кёкге атды». — «Карашауай вытачил стрелу с треугольным [наконечником] и, крепко сжав ее, взмолился: „Великий Тейри! Нашли такой [лютый] мороз, чтобы Ёрюзбек и его дружина, оконченев, [вернулись из похода] без добычи!“» [Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Мухаммат-Алий Байрамуков (р. 1925), с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев].

Варианты: «Алауган и пятиголовая эмегенша». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Адамей Салпагаров (р. 1905), аул В. Учкулан (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев; «Алауган». Там же, карач. Исп. Бадтал Коркмазов, с. Ильич (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; «Сын Алаугана Карашауай». Там же, карач. Исп. Эрикген Каражаш, с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев, Х. И. Суюнчев; «Генджакешауай». Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Магомет Алботов, с. Ташкёпюр (Карачай), 1969, зап. Р.А.- К. Ортабаева; «Сын Алаугана». Там же. Исп. Зекерья Кубанов, с. Кумыш (Карачай), 1959, зап. М. Батчаев.

87. ШАУАЙ И РАЧЫКАУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. О. Шахмурзаев.

Начало данного сказания во многом повторяет предыдущее сказание «Дружина Ёрюзмекса и

Карашауай». Поэтому мы публикуем только ту часть, где повествуется о встрече Шауая и Рачыкау. Варианты: «А лауган и пятиголовая эмегенша». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Адамей Салпагаров, с. В. Учкулан (Карачай), 1965, зап. А. З. Холаев; «А лауган и Карашауай». Там же, карач. Исп. Топай Шаманов (р. 1871), с. Красный Октябрь (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев.

Приложение 6

Шауай

СМОМПК. 1881, I, с. 7—26. Запись, публ. и коммент. С.-А. Урусбиева; КБФ, с. 64—77.

¹ Обычай, существующий у горцев до настоящего времени.

² ...тысячи салымщиков Мингитауа (Эльбруса)! — Салымщики, вероятно, в значении «духи».)

³ Род стрел. (Правильно: разновидность лука.)

⁴ Хутор. (Правильно: «кош». — Здесь в значении «пастушеская стоянка».)

⁵ Кунацкая — дом (комната) для приема гостей.

⁶ — Ай ауруунг алайм... — Да возьму я твою болезнь; да перейдет твоя болезнь ко мне! (Правильно: — Ай ауруунгу алайым.)

⁷ Слуга.

⁸ Счастье.

⁹ Женская половина дома.

¹⁰ Нужно здесь заметить, что, по преданию, у Агунды глаза были немного искоса; молодой человек, заметив это, делал намек на ее счет. Сатаной, догадавшись об этом, и дала такой ответ.

88. ДЖИГИТ ШАУАЙ И ГЕМУДА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. Отаров. Опувл.: МКХПЧ, с. 89—90.

¹ Ауруунгу алайым! — Букв. «Да перейдут твои болезни ко мне!» Здесь в значении «Прошу тебя».

² ...палкой для котла. — Имеется в виду палка, обычно железная, на которую подвешивали котел.

Варианты: «Карашауай и пастух». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Карамырза Атаев (р. 1875), с. Гунделен (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев; «Карашауай и Казанбаш». Там же, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. Отаров.

89. О НАРТЕ КАРАШАУАЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. О. Шахмурзаев.

¹ ...аман арыкла... — Здесь в значении «негодные заморыши», пренебрежительное, ироничное обращение Карашауая к эмегенам.

Варианты: «Шауай и эмегены». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. Отаров; «Из сказаний о Карашауае». Там же, балк. Исп. Мазан Атабиев (р. 1903), с. Бабугент, 1965 (КБР), зап. С. Б. Настаев; «Карашауай и эмегены». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 69 п/1. Звукозапись Ж. Ж. Залиханова и А. И. Рахаева с голоса Каншаубия Журтубаева, пос. Быллым (КБР), 1981; «Нарт Карашауай и эмегены». Там же, кас. № 58 п/6. Звукозапись Р. К. Отаровой и Т. М. Хаджиевой с голоса Хусея Хозаева, с. В. Балкария (КБР), 1980; «Как Карашауай победил нартов». Там же, кас. № 89 п/1. Звукозапись Р. К. Отаровой и Т. М. Хаджиевой с голоса Карамая Бозиева (р. 1900), пос. Хасанья (КБР), 1981; «Карашауай и эмегены». Там же, кас. № 4/5. Звукозапись М. Ч. Журтубаева и А. И. Рахаева с голоса Кайсара Бозиева (р. 1900), пос. Хасанья (КБР), 1984.

90. КАРАШАУАЙ И ЮНОША

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, карач. Исп. Магомед Чотчаев (р. 1910), с. Учкулан (Карачай), зап. Х. И. Суюнчев. Опувл.: Нартла, с. 200—203.

91. АГУНДА И КАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Опувл.: Нартла, с. 188—193; ДЗЕД, с. 112—115.

¹ ...[даже] *внутри яйца искавшей волосинку*... — То есть Агунда была очень требовательная, капризная.

² «Асырагъан — артха асыу». Погов. «Сбереженное потом будет подспорьем [пригодится]».

92. СВИРЕЛЬ КАРАШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Дауут Малкондуев, с. Яникой (КБР), 1958, зап. С. А. Отаров. Оpubл.: МКХПЧ, с. 91.

93. НАРТ КАРАШАУАЙ ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРИ МОГУЩЕСТВЕННОГО ПАДИШАХА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Адилгерий Болатов (р. 1885), с. В. Баксан (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 82—87.

...«Аманла ханар сора билмей эдиле, ахшыла да ханар айтмай эдиле»... — Букв. «Плохие ни о чем не расспрашивали, а хорошие ничего не рассказывали». У горцев по этикету гость, пока его не спросят, ничего не говорил ни о себе, ни о цели своего прихода.

² В балкарско-карачаевском эпосе, когда Карашауаю нужно вызвать холод, он в большинстве вариантов обращается к Эльбрусу, к его ледяным сосулькам, вскормившим его, или к духам Эльбруса. Вероятно, это связано не только с тем, что у предков балкарцев и карачаевцев Эльбрус был символом стихии холода, но и с тем, что Карашауай, как воспитанник Эльбруса, пользуется его покровительством и помощью.

Варианты: «Женить ба Карашауая на дочери падишаха». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Аллахберды Кадыров (р. 1907), пос. Советское (КБР), 1965, зап. Настаев: «Карашауай женится на дочери падишаха». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 46/4. Звукозапись А. З. Холаева с голоса Хамида Тогузаева (р. 1881), с. Бабугент (КБР), 1981.

94. ХИТРОСТЬ КАРАШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Ами́й Башиев, с. Кичмалка (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

Вариант: «Карашауай». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. Карамырза Атаев (р. 1875), с. Гунделен (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев.

95. КАК КАРАШАУАЙ РАССТАЛСЯ С ГЕМУДОЙ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 81 (к). Звукозапись Т. М. Хаджиевой с голоса Бекболата Хочуева, пос. Кенже (КБР), 1974. Запись текста с магнитофона Х. Х. Малкондуева.

96. РОДНИК КАРАШАУАЯ

Перепечатка сказания из книги «Джетегейле — джети джулдуз». Черкесск, 1985, с. 22.

97. КАРАШАУАЙ НЕ УМЕР, ОН ЖИВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 7, балк. Исп. И. Ульбашев (р. 1914), г. Нальчик, 1968, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 94.

¹ Только в эпосе балкарцев и карачаевцев зафиксирован данный сюжет о бессмертии Карашауая и его богатырского коня.

V. НАРТСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НЕСКОЛЬКИМ ГЕРОЯМ

98. ТРИ НАРТА И ТРИ ЭМЕГЕНА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. Мухаммат Махараев, с. В. Чегем, 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 95—105.

¹ Желбыдыр — букв. «ветер-брюхо».

² Менциреу Ючлеме — Трехглавый глупец.

³ Тёртлеме — Четырехглавый.

⁴ Тейри эмегенов. — По представлениям древних балкарцев и карачаевцев, не только нарты, но и эмегены имели своего бога.

99. ЁРЮЗМЕК И СОСУРУК

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. Саид Кудаев (р. 1880), с. Булунгу (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

100. СОСУРУК И СИБИЛЧИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. С. Рахаев (р. 1878), с. Безенги, 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: Нартла, с. 58—64; ДЗЕД, с. 58—62.

101. СИБИЛЬЧИ

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Хусеин Гочияев, с. Первомайское (Карачай), 1982, зап. Р. А.-К. Ортабаева.

¹ Балкарские и карачаевские пастухи (охотники), если у них с собой не было никакой посуды, мясо варили в желудке зарезанного (убитого) ими животного.

Приложение 1

(Нарты и великаны)

ВЕ. 1879, кн. 8, с. 707—709. Публ. П. Острякова; КБФ, с. 53—55.

Приложение 2

Эмегены

СМОМПК. 1883, III, с. 145—147. Публ. и коммент. М. Алейникова; КБФ, с. 91—93.

¹ Эмегены обладали громаднейшею силой, но были в высшей степени глупы, несообразительны. Тем не менее они любили называть себя премудрыми, считали все остальное безобразнейшим и глупым.

Приложение 3

Кто сильнее?

СМОМПК. 1903, XXXII, с. 1—3. Публ. Е. З. Баранова; КБФ, с. 187—189.

¹ В прошлом у горских народов на празднествах или в угощениях в честь гостей младшие по возрасту не сидели за одним столом со старшими.

Варианты: «Сосурук и Сибилчи». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. Харун Гулиев (р. 1909), пос. Эльбрус (КБР), 1958, зап. Ю. А. Бозиев; «Нарты и эмегены». Там же, балк. Исп. Ахмат Чепкенчиев (р. 1868), с. Гунделен, 1958, зап. М. Б. Кудаев; «Ёрюз-мек, Сосурук, Рачикау и Сибилчи в гостях у эмегенов». Там же, балк. Исп. Габа Гулиев, с. В. Баксан, 1959, зап. А. Ю. Бозиев; «Алауган». Там же, карач. Исп. Магомед Джантатаев (р. 1901), с. Н. Теберда (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; «Сосурук а». Там же, карач. Исп. Магомед Чотчаев (р. 1910), с. Учкулан (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев; № 8. Нартовские предания. — МИБДЛФ. с. 46—49.

102. КАК НАРТЫ СПАСЛИСЬ ОТ ЭМЕГЕНОВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. Хамут Мизиев (р. 1892), с. Булунгу (КБР), 1979, зап. Х. Х. Малкондуев.

Данное сказание оригинально тем, что в нем нарты спасаются от своих врагов, прибегнув к помощи шайтанов. В других национальных версиях Нартиады этот мотив нами не обнаружен.

¹ Харс — хлопки в ладоши в такт музыке во время национальных танцев. В ладоши хлопают почти все участники тоя. Музыканты же используют специальный ударный инструмент — «харс калак».

103. НА ОХОТЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 8, балк. Исп. Мухтар Мокаев (р. 1905), с. Чегем I (КБР), 1968, зап. А. З. Холаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 105—106.

¹ ...эта дорогая шкура... — По представлению древних балкарцев и карачаевцев, шкура черной лисицы приносила счастье и богатство ее обладателю, а также была оберегом от всех несчастий и демонических сил.

VI. БЁДЕНЕ — РАЧЫКАУ

104. НАРТ РАЧЫКАУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. Мухаммат Хутуев (р. 1880), с. Гунделен, 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

105. НАРТСКИЙ ПАСТУХ СОЗУККУ И БЁДЕНЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. Ахмат Чепкенчиев с. Гунделен (КБР), 1958, зап. С. О. Шахмурзаев.

106. РЫБАК БЁДЕНЕ И РАЧЫКАУ

Архив КЧНИИ. Ф. ф., карач. Исп. Хусей Караев, с. Ташкёпюр (Карачай), 1970, зап. Р. Ортабаева.

Приложение 1

Рачикау

СМОПК. 1881, I, с. 27—36. Публ. и коммент. С.-А. Урусбиева; КБФ, с. 77—83.

¹ Ыз — след, с а м ы р л а — собаки особой породы, вероятно водолазы.

² {Правильно: «суулары».)}

³ {Правильно: «Аурууунгу алайым».)}

⁴ {К а р а т о н. — } Бесплодная женщина.

⁵ {К ю б е. — } Панцирь.

⁶ {Т а к ы я. — } Шлем.

⁷ {Г е б о х. — } Железная палица.

⁸ {Т е н ч е к. — } Большая чаша, употребляемая на пирах {Правильно: тепшек.}

⁹ {...кому передать элию. — } Танцор, кончив свой танец, должен подойти к кому-нибудь из присутствующих и, отвесив поклон, пригласить его танцевать. Этот обычай и называется «элия».

¹⁰ {Ч и г о н а. — } Колючий кустарник {Правильно: «чыгана».}

¹¹ «Бедность лошади берет муж: кто же возьмет бедность девушки?»

¹² {...в замке Чуана. — } Этот замок находится на Кубани; сохранился до настоящего времени.

¹³ {...петь «чоппа». — } По преданию, нарты, когда кого-нибудь поражала молния, пели всегда какую-то песню «чоппа». {Чоппа — полифункциональное божество древних балкарцев и карачаевцев. Фольклорные и этнографические материалы, которыми мы располагаем, говорят о том, что Чоппа являлся у них и божеством грома и молнии.}

¹⁴ По уверению горцев, медный череп Гиляхсыртана сохраняется до настоящего времени в одной пещере в Кубанской области.

Мне приходилось встречать лиц, утверждавших, что они сами видели этот череп.

Приложение 2

Сосук

ТС. 1903, VI, с. 196. Публ. Н. П. Тульчинского; КБФ, с. 258.

107. ЁРЧЫКАУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. Хамзат Кадыров (р. 1889), пос. Советское (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев.

108. ПЕСНЯ О РАЧЫКАУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. Х. Кадыров, пос. Советское (КБР), 1959, зап. С. Настаев. Опувл.: Нартла, с. 218—221; ДЗЕД, с. 124.

¹ В этот миг ураганный ветер обрушил [на нартов] комья земли. — Здесь имеются в виду ветер от дыхания коня и его ископыть.

² ...треснули камни под его ногами. — Камни треснули от тяжести Рачыкау.

109. ЁРЕЧЫКАУ И ҚАРАШАУАЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. Мустафа Азаматов (р. 1896), с. Быллым (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

¹ В цикле Карашауая его восприемницей, воспитательницей выступают то Сатанаи, то мать Алаугана. В данном же сказании не указывается, что обур Мичиуан его бабушка. Она выступает здесь воспитательницей Карашауая. Традиционно же Карашауай воспитывался, питаясь ледяными сосульками Эльбруса.

110. МЕСТЬ КАРАШАУАЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. А. Беккиев, с. Кенже (КБР), 1985, зап. М. Ч. Журтубаев.

¹ ...совершал намаз... — Намаз — мусульманская молитва. В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев нарты традиционно поклоняются и молятся языческим божествам (в основном Тейри). В данном же сказании упоминание мусульманского намаза, вероятно, более позднее наследие.

² «Ну вот, теперь я самый сильный на Кавказе»... — В тексте букв. «Ага, теперь Кавказ мне остался!»

111. КАК ЖЕНИЛСЯ ЁРЕЧЫКАУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 9, балк. Исп. Мустафа Азаматов, с. Быллым (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев.

VII. ШЫРДАН И НЁГЕР

112. ШЫРДАН И НЁГЕР

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 10, балк. Исп. Алий Эттеев, с. Н. Чегем (КБР), 1959, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: МПА, с. 59—61; Нартла, с. 227—230; ДЗЕД, с. 138—141; МКХПЧ, с. 122—125.

¹ ...он валялся в багушах... — Багуш — мусорная яма, свалка, навоз.

² Да чтоб ты, Нёгер, в аду пас свиней! — Проклятие.

113. ЖЁНГЕР, ШЫРДАН И ЗЛОЯЗЫЧНЫЙ ГИЛЯСТАН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 10, балк. Исп. Алий Эттеев (р. 1909), с. Н. Чегем (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев.

¹ В начале этого сказания повествуется о том, как Шырдан, поспорив с нартами, сделал своего сына мишенью для них и Жёнгер убил его. Шырдан, чтобы отомстить ему за сына, с целью погубить его учит, как выкрасть белого коня Индиевых. Так как эта часть сказания во многом повторяет предыдущий вариант на этот сюжет («Шырдан и Нёгер»), мы публикуем сказание начиная с момента, когда Жёнгер (Нёгер) добрался до места, где спрятан белый конь Индиевых.

² ...Шырдан [сделал так, что] я собственный глаз съел. — Здесь в значении «сам себе причинил горе- [несчастье]», став убийцей своего молочного брата.

³ К а л а к — деревянная лопаточка для перемешивания еды во время ее приготовления.

114. АГУНДА И ШЫРДАН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 10, балк. Исп. Музарбек Малкондуев (р. 1880), с. Кенже (КБР), 1965, зап. А. З. Холаев. Опул.: МКХПЧ, с. 125—126.

115. ЖЁНГЕР И ЗЛОЯЗЫЧНЫЙ ГИЛЯХСЫРТАН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 10, карач. Исп. Бадтал Коркмазов (р. 1884), с. Ильич (Карачай), 1965, зап. С. О. Шахмурзаев. Опул.: Нартла, с. 222—226; ДЗЕД, с. 134—138.

Варианты: «Шырдан и Нёгер». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 10, балк. Исп. не указан, зап. С. Б. Настаев; «Злоязычный Гиляхсыртан». Архив КЧПИИ. Ф. ф., карач. Исп. Кокай Бостанов, с. Ильич (Карачай), 1963, зап. С. Гочияева.

VIII. ЧЮЕРДИ

116. НАРТ БОРА-БАТЫР И ЧЮЕЛДИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 11, карач. Исп. Мотай Хапаев (р. 1898), с. Н. Мара (Карачай), 1965, зап. Настаев.

¹ В оригинале: *акъыллы тѣбеле*. — Букв. «мудрые курганы», «курганы мудрости».

² В оригинале: *...сиз акъыллы, кючлю тѣбелесиз*. — Букв. «...вы — курганы мудрости и силы» или «вы мудрые, сильные курганы».

³ В оригинале: *Алай болмаса, кѣзюгюз сокъур, къулагъыгъыз сангырау, къолугъуз чолакъ, бутугъуз акъсакъ болурла*. — Букв. «А если не так будете [жить], то глаза ваши будут слепы, уши — глухи, руки — беспалы, ноги — хромы».

⁴ Традиционно в эпосе балкарцев и карачаевцев предводителем нартов является Ёрюзбек.

117. ЧЮЕЛДИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 11, балк. Исп. Сотта Гуртуев (р. 1881), с. Герпегеж (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмураев.

¹ У балкарцев и карачаевцев существовало поверье, что если ребенка кормить черной смородиной, то у него будет острое зрение.

² В народе считали, что у фазана и перепелки очень тонкий слух и это их качество передается тем, кому смажут уши их жиром.

118. НАРТ ЧЮЕРДИ И ДОЧЬ ЁРЮЗМЕКА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 11, балк. Исп. Дауут Жансуев (р. 1891), с. Хустос-Сырт (КБР), 1965, зап. С. О. Шахмураев.

119. ЧЮЕРДИ

Архив КЧНИИ. Ф. ф., карач. Исп. Юсуп Байрамуков (р. 1911), с. Пригородное (Карачай), 1979, зап. Р. Ортабаева.

Вариант: «О борьбе нарта Аллахберды и Чюйерди с эмегенами». Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 11, карач. Исп. Зекерия Байкулов (р. 1900), Курорт Теберда (Карачай), 1965, зап. С. Б. Настаев.

IX. АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ

120. АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 12, балк. Исп. Кубадий Акаев (р. 1907), с. Лашкута (КБР), 1959, зап. М. Кудаев. Опул.: МКХПЧ, с. 107—110.

121. АЧЕМЕЗ И КУБУ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 64/3. Звукозапись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Ахмата Аппаева (р. 1904), пос. Чегем-1 (КБР), 1978.

122. СЫН АЧЕЯ И ХУБУН

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 12, карач. Исп. Сосланбек Чапаров (р. 1924), с. Ташкѣпюр (Карачай), 1965, зап. Х. И. Суюнчев.

123. АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ, И ТЮКЛЕСХАН

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 93 п/1, балк. Звукозапись Р. К. Отаровой и Т. М. Хаджиевой с голоса Гитче Текаева (р. 1899), пос. Хасанья, 1981. Песню с магнитной ленты записал Х. Х. Малкондуев.

¹ Но сегодня такой день, когда я не выезжаю... — У балкарцев и карачаевцев каждый род имел свои счастливые и несчастливые дни недели.

124. АЧЕМЕЗ И ХУБУН

Архив КЧНИИ. Ф. ф., карач. Исп. Юсуп Байрамуков, с. Пригородное (Карачай), 1979, зап. Р. Ортабаева.

125. АЧЕМЕЗ И ТЮКЛЕШ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 12, балк. Исп. Исмаил Казиев (р. 1863), с. В. Жемтала (КРБ), 1959, зап. А. Ю. Бозиев.

¹ Данное сказание оригинально тем, что в нем, в отличие от других вариантов на этот сюжет, убийцей отца юного мстителя Ачемеца выступает не человек, а эмеген.

Приложение 1

Ачимез и Хубун

СМОМПК. 1883, III, с. 139—144; Публ. и коммент. М. Алейникова; КБФ, с. 88—91.

¹ Х а л в а — месииво, состоящее из меда, пшена, толченых орехов и муки.

² Ш а п а — слуга.

Приложение 2

Богатырь Ецемей, сын Ецея

СМОМПК. 1896, XXI, с. 76—88. Публ. А. Боташева; КБФ, с. 123—131.

Варианты: «Месть Ачемеца Кубу». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 64/3. Звукозапись Х. Х. Малкондуева с голоса Ахмата Аппаева (р. 1904), пос. Чегем-I, 1978; «Месть Ачемеца Тюклесхану». Там же, кас. № 65/12. Звукозапись А. И. Рахаева с голоса Махмуда Гузоева (р. 1916), Нальчик, 1982.

Х. РАЗРОЗНЕННЫЕ СКАЗАНИЯ

126. НАРТЫ-СИБИЛЫ

Архив КЧНИИ. Ф. ф. Исп. Назир Хасанов (р. 1934), г. Черкесск, 1979, зап. Р. А.-К. Ортабаева.

¹ В данном сказании Сибилчи выступает в роли Ёрюзмека, а его жена Кюнкыз («солнечная девушка», «дочь солнца») — в роли Сатанай.

127. ПЕСНЯ О БОЛАТ-ХЫМЫЧЕ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 11. Звукозапись Т. Биттировой с голоса Каншаубия Журтубаева, с. Быллым (КБР), 1981.

¹ [Бурка, которую они валяют]... — Во время изготовления бурки ее, как и другие войлочные изделия, обычно заворачивали в циновку и катали до готовности.

² ...И поют «Инай». — Во время тканья и обработки домашнего полотна или валяния циновки с каким-либо войлочным изделием балкарки и карачаевки пели песню «Инай» («Онай», «Анай»). Подробно об этом см. Предисловие к настоящему изданию.

Приложение 1

Сыновья Девета — Гу и Цехни

ГЛМ, фонд Миллера, ф. 2, оп. 144, инв. № 11, с. 4—7, балк. Опубл.: КБФ, с. 421—424.

¹ Ч е л ы — заросль колючих кустарников.

Приложение 2

Созар Гезохов

ТС. 1903, VI, с. 301—304, балк. Публ. и коммент. И. И. Тульчинского; КБФ, с. 262—264.

¹ Сказка переведена с горского, (балкарского), языка из тетради Науруза Исмаиловича Урусбиева.

² А к с а к - Т е м и р — один из популярных волшебников из нартов.

³ Е м ч е к (правильно: «э м ч е к») — термин института аталычества — «воспитанник».)

128. ОТКУДА ПОЯВИЛИСЬ АЛМОСТУ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 13, балк. Исп. Харун Отаров, с. Бедик (КБР), 1973, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 149—150.

129. ОБ ЭМЕГЕНАХ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 13, карач. Исп. Кёккез Аджиев (р. 1907), с. Усть-Джегута (Карачай), 1969, зап. С. О. Шахмурзаев.

130. ВОЛКИ И СОБАКИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 13, балк. Исп. Гыжай Ахматова (р. 1888), с. Жанхотеко (КБР), 1973, зап. С. О. Шахмурзаев.

XI. ПЕСНИ НАРТОВ

131. МОЛЕНИЕ НАРТОВ ТЕЙРИ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 14, балк. Исп. Балдан Геграева (р. 1867), с. В. Черем (КБР), 1969, зап. С. О. Шахмурзаев.

По словам сказительницы, этот текст лишь небольшой фрагмент моления. Она помнит только его начало.

Они истребили на земле [род] эмегенов, а потом исчезли куда-то с лица земли. — Пояснение сказительницы.

132. УМАЙ-БИЙЧЕ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 14, балк. Исп. Мизиев Аслангерий (р. 1896), с. Булунгу (КБР), 1978, зап. Х. Х. Малкондуев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 146—147.

Данный текст являет собой небольшой фрагмент из гимнической песни в честь Умай-бийче.

133. ЭЛИЯ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 66/2. Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Хамида Тогузаева (р. 1881), с. Бабугент, 1978. Оpubл.: МКХПЧ, с. 147—148.

Вариант: «Э л и я». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 8/13. Звукозапись Х. Х. Малкондуева с голоса Муталифа Макитова (р. 1916), с. Булунгу (КБР), 1979.

134. ВОЛШЕБНАЯ ПАЛКА НАРТОВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 14. Исп. М. Кипкеева (р. 1911), с. Муху (Карачай), 1968, зап. С. О. Шахмурзаев. Оpubл.: МКХПЧ, с. 148—149.

¹ [Ты] — копыто быстрого коня, [Ты] — щетка старого марала. — Сказитель не смог объяснить смысл этих сравнений.

135. ИЗ НАРТСКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 14, балк. Исп. Балдан Геграева, с. В. Черем (КБР), 1969, зап. С. О. Шахмурзаев.

Этот небольшой текст представляет собой лишь маленькую часть алгыша (благопожелания), который, по словам сказительницы, произносился во время какого-либо торжества в нартском доме.

Здесь мы наблюдаем характерное для жанра алгышей явление — наличие в них и другого архаического жанра балкарско-карачаевского фольклора — каргышей (проклятий), которые в контексте благопожелания адресуются врагам и недоброжелателям хозяев дома или общины.

² *Тююш — туююш, туююшде* — Букв. «Бой, бой, в бою...». Сказительница не смогла объяснить смысл этих слов. Нам кажется, что эта строка используется для рифмы, т. е. ее последнее слово «туююшде», рифмуясь со словом «мююшде» второй строчки, образует двустипхию. В тюркском стихосложении, как известно, такое явление встречается довольно часто.

³ *Шекел* — в современном караево-балкарском языке букв. «вид», «облик», «подобие». У древних балкарцев это слово, по утверждению сказительницы и С. О. Шахмураева, употреблялось в значении «идол», «фетиш», «икона».

⁴ *...Пусть у него в доме все умрут!* — Букв. «Пусть у врага закроются двери».
⁵ [*В твоём же доме пусть тутай куш запоет...*] — По словам сказительницы и С. О. Шахмураева, «тутай куш» — «попугай». Здесь так выражено пожелание, чтобы в доме было счастье, богатство, благоденствие во всем.

⁶ *...Пусть в твоём доме будет играть будущий нарт!* — Пожелание адресату алгыша иметь наследников.

136. ПЕСНЯ НАРТОВ, ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ ИЗ ПОХОДА

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 14, балк. Исп. Жабо Жабоев (р. 1880), с. Бызынги, 1970, зап. Д. М. Таумураев. Опул.: МКХПЧ, с. 146.

¹ *...видите ли вы [там] большие празднества?* — Имеется в виду, что если люди веселятся, значит, в отсутствие ушедших в поход в стране нартвов ничего плохого не произошло.

² [*Наши кони*] *мягко ступают...* — Букв. «Поступь наша мягка, как вата».

³ *Мы — верные друзья.* — Букв. «Мы храним в сердцах верность дружбе».

⁴ *Никому не причиняем насилия...* — Букв. «С коней не сбрасываем их хозяев».

⁵ *...сбиваем их с верблюдов.* — Сказатель не смог объяснить, почему враги на верблюдах.

137. ПЕСНЯ НАРТСКИХ ОХОТНИКОВ НА ЗУБРА

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 8/13, балк. Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Муталифа Макитова (р. 1916), с. Булунгу, 1979.

¹ *Элия пусть будет силу нам дающий!* — Божество молнии и грома Элия был и покровителем нартских охотников и воинов.

² *Черный ворон пусть будет [счастливую] дорожку нам дающий!* — Черный ворон был одним из почитаемых птиц древних балкарцев и карацевцев.

ХII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ С ЗЕМЛИ НАРТСКОГО ПЛЕМЕНИ

138. ГИБЕЛЬ НАРТОВ И ЭМЕГЕНОВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 15, балк. Исп. Жашыу Айтеков, с. В. Чегем (КБР), 1960, зап. С. О. Шахмураев. Опул.: МКХПЧ, с. 153—154.

139. НАРТЫ И ЭМЕГЕНЫ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 15, балк. Исп. Жашыу Айтеков, с. В. Чегем (КБР), 1968, зап. С. О. Шахмураев. Опул.: МКХПЧ, с. 151—153.

140. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ПО НАРТАМ

Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. № 64/18. Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Зулейхи Кулиевой (р. 1928), пос. Чегем-I, 1981.

Вариант: «Г и б е л ь н а р т о в». Архив КБНИИФЭ. Балкарская фонотека, кас. 8/4 (п). Звукозапись и запись песни Х. Х. Малкондуева с голоса Ахмата Аппаева (р. 1904), пос. Чегем-I, 1985.

141. ЗОЛОТОЙ КОВШ НАРТОВ

Перепечатка с публикации «Узоры жизни». Сборник отрывков из исторических преданий, легенд и воспоминаний старшего поколения. Сост. Байрамкулов А. М., Узденов А. А., Байрамукова Х. Б., Пензиков Ю. А. Черкесск, 1988, с. 248—252.

¹...Иблис, который причинял [людям] столько зла... — Нам кажется, что здесь Иблисом (Иблис — дьявол, демон, сатана) назван традиционный враг нартов — Фук (Пук).

²А й — букв. «луна».

³...из-под разрушенных стен крепости Амгата... — Вероятно, сказитель назвал крепость так потому, что она, согласно сказанию, стояла у истоков реки Амгата.

142. ВОСКРЕСЕНИЕ НАРТОВ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 15, балк. Исп. Жашыу Айтеков, с. В. Чегем (КБР), 1960, зап. С. О. Шахмурзаев.

143. КАК НАРТЫ ПОКИНУЛИ ЗЕМЛЮ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 15, балк. Исп. Юсуп Геграев (р. 1878), с. Чегем (КБР), 1967, зап. С. О. Шахмурзаев. Оубл.: МКХПЧ, с. 154—157.

¹Турбин — вид рупора.

²Учхункадариш — «Учхун» — букв. «искра»; значение слова «кадариш» утрачено; возможно, речь идет о труте.

144. ДЕБЕТ — НЕБЕСНЫЙ КУЗНЕЦ

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 15, балк. Исп. Масхут Шахмурзаев (р. 1887), с. Янкой (КБР), 1974, зап. С. О. Шахмурзаев. Оубл.: МКХПЧ, с. 57—58.

Это одно из уникальных сказаний балкарцев и карачаевцев, посвященных нартскому кузнецу. Здесь появление звезд на небе и звездопад связаны с его именем.

¹...оба месяца абустола... — по народному календарю балкарцев и карачаевцев — это ноябрь (абустолну ал айы) и декабрь (абустолну арт айы).

²...темные ночи называли «асуат кечеле». — Сам сказитель говорит о том, что выражение «асуат кечеле» употреблялось в значении «очень темные ночи», когда «ни зги не видно».

145. КАК НАРТЫ И САТАНАЙ ПЕРЕСЕЛИЛИСЬ НА НЕБО

Архив КБНИИФЭ. Ф. ф. 13, оп. 1, д. 15, балк. Исп. Хаммагер Шахмурзаева, зап. С. О. Шахмурзаев. Оубл.: МКХПЧ, с. 157—158.

¹Сатанай... любила играть красными камушками — кораллами. Вот поэтому Суу анасы назвала ее Сатанай. — Др.-тюрк. «сата» — «коралл». Очень старые сказители коралл называют не «маржан», как в современном карачаево-балкарском языке, а говорят — «сата».

ГЛОССАРИЙ

Агач киши — лесной человек. По представлениям балкарцев и карачаевцев, все его тело было покрыто волосами, а из груди у него торчал острый костяной топор, которым он убивал своих врагов.

Агуна — волшебный бочонок (чаша) нартов.

адет — обычай, традиция, обряд.

Адиль, Адыл, Идиль, Эдил — 1) Волга; 2) большая река.

Ай — нартская красавица.

Ай, медет! — возглас сожаления, обиды, досады.

Аймёлек — жена Кубу.

айран — кислое молоко.

Ай, таланган! — обращение при выражении недовольства.

Ай, хомух! — обращение: «Эх, ты!», «Эх ты, слабак!»

Акбилек — жена Сосурука.

аксакал — мудрый, почтенный старик.

алан — обращение балкарцев и карачаевцев друг к другу.

Аллахберди — брат Чюсерди.

Алауган, Улауган — старший сын Дебета, отец Карашауя.

алаша — 1) мерин; 2) кляча.

алгыш — благопожелание, тост, здравица.

Аликовы, Алиговы — один из нартских родов, в доме Алиговых проходят различные собрания и пиры нартов. Этот род является и хранителем нартских ценностей: бочонок Агуна; котел с сорока ушками; пушка, из которой выстреливают Еркузмека в небо.

алмосту, алмасты — демонологическое существо. Чаще в образе уродливой женщины с длинными волосами.

Алтын Кочхар — нартская красавица.

алф, алп — богатырь, исполин, силач.

Алф тау — эпический топоним.

Амгата — топоним в Карачае.

альчик — игральная кость, бабка.

ана, анай — мать.

анам — обращение к матери.

Анкар — огромный сказочно-мифологический орел.

Апсаты — языческое божество охоты, покровитель диких животных.

артмак — дорожная сума.

ас-мус ийис; ас ийис, мус ийис — слова, выражающие реакцию эмегенов на присутствие нартов.

аталык — термин института атальчества — воспитатель.

ахырзаман — светопреставление.

Ачеевы, Ачемезовы — род Ачемеза, сына Ачея.

Ачемез, сын Ачея — один из нартских героев.

Ачыбатыр — дядя Ачемеза.

аяк — здесь в значении «чаша», «кубок».

Бабугент — балкарское село в КБР.

багуш — мусорная яма, свалка.

Байрымкыз — ведунья, тёща Алаугана.

Байчы — враг нартов.

Баксан, Баксанское ущелье — топонимы в КБР.

балас — волокуша для перевозки сена.

балата — раствор для дубления кожи.

батман — мера веса от 2 до 11 пудов.

Батчальу, Гоммахан, Матчальу — мать Алаугана.

Батырбаз — один из эпизодических персонажей эпоса.

баштак — незаконнорожденный.

Безбородый Бурунчук — враг нартов.

белги — знак, мета.

Бёдене, Шубадин, Бадинат — отец Рачыкау.

бий — 1) бог, всевышний; 2) правитель, князь; 3) господин.

Бий кач — топоним в Чегемском ущелье КБР.

бийче — 1) богиня, хозяйка; 2) госпожа, княгиня; 3) хозяйка дома.

билгич — 1) ясновидящий, предсказатель, вещун; 2) знахарь.

бисмилля — сокращенная мусульманская формула «бисми-лляхи-р-рахмани-р-рахим», которую балкарцы и карачаевцы, как и все мусульмане, произносят перед началом любого дела.

Болат-Хымыч — один из нартских героев.

Бора, Бора-батыр — эпизодический персонаж эпоса.

Борак — кличка коня кровника Ачемеца.

Боюнчак — жена кровника Ачемеца — Хубуна.

быргы — вид рупора.

гебенек — войлочная накидка с капюшоном.

гебох — копье.

гёген — сосуд для воды.

Гезам тау — эпический топоним.

Гемуда — конь Карашауая.

Генжетай — кличка богатырского коня.

Генжоковы, Кенжокаевы — один из родов нартов.

гёренке — *устар.* единица меры веса, около фунта.

гоппан — большая деревянная чаша.

Гоша — сестра Нёгера.

Гу — сын Дебета.

Губу — кровник Ачемеца.

гыржын — хлеб, чурек из ячменной, кукурузной или пшеничной муки.

гяур — 1) иноверец; 2) хитрый, бессовестный человек.

Дебек — один из эпизодических персонажей эпоса.

Дебет, Деует, Девет, Деуэт — нартский кузнец. Отец Алаугана.

деу — исполин, великан, огромный, громадный.

джамагат — община, народ, общество.

Джегута — топоним в Карачае.

желмаууз, желмаууз — демоническое существо, людоедка. В эпосе и сказках часто употребляется в значении «дракон»

Джёнгер — см. Жёнгер.

Джетиевы, Жетиевы — один из нартских родов.

джортууул, жортууул — 1) подход; 2) набег.

Доммайлы — топонимы в Балкарии и Карачае.

Донгат — топоним в Чегемском ущелье КБР.

дорбасын — приспособление для метания камней.

Дых тау — гора в КБР.

дюлдюр, Дулдур — в фольклоре синоним богатырского коня; кличка коня Сосурука.

ёзден — 1) уздень, князь, знать; 2) благородный, учтивый, вежливый; в эпосе употребляется в значении «глава», «предводитель».

Ерюзмек, Орюзмек, Орузмек, Урызмек — один из главных героев эпоса, муж Сатанай.

Жампараз, Батыр-Мырза — сын Фука.

Жанболат — нартский охотник.

жантау — ремень для привязывания различных грузов.

Жанханий — ведунья нартов.

жаным — обращение: «душа моя».

жек — 1) волшебное зеркало; 2) один из волшебных предметов эмегенов; 3) нечистая сила.

Желбыдыр — имя двуглавого эмегена.

желим — клей. В сказках и эпосе он обладает волшебными свойствами.

жел кёрюк — букв. «мехи-ветер». Один из волшебных предметов нартского эпоса. При его помощи эмегены насылают на страну нартов ураганные ветры.

Жел Тейри — бог Ветра.

Жёнгер — нартский герой.

Жер Тейри — бог Земли.

Жигер — эпизодический герой эпоса.

Зинзиуар — имя жены-эмегенши Алаугана.

Злоязычный Гиляхсыртан — эпизодический нартский герой.

Зулпагар — меч Ёрюзмекса.

Иблис — демон, дьявол.

Индиевы — один из нартских родов.

Казман тау — Казбек

Кала тау — эпический топоним.

Камень Бердибия — культовый камень в Чегемском ущелье.

Камень нартов — культовый камень в Чегемском ущелье.

Канчиел — эпический топоним.

кап — шкура животного (оперение птицы), снятая чулком.

Капчагай — топоним в Чегемском ущелье.

Карамур — эпический топоним.

карауаш — 1) домашняя рабыня, служанка; 2) холоп.

Карашауай, Шауай, Шевай, Генджакешауай — один из главных нартских героев. Сын Алаугана.

каргыш — проклятие.

карт куртха — ведунья, знахарка.

карыш — мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим пальцем и мизинцем.

Каф, Куф, Куфские горы — эпический топоним.

кач — 1) крест; 2) образ, икона.

Кач кешене — топоним в Чегемском ущелье.

Кёк Тейри — бог Неба.

келин — сноха, невестка.

Кердеуюклю — топоним в КБР.

Кёрюкле — топоним в КБР.

Кёсе тау — эпический топоним.

Кичибатыр — дядя Ачемеца.

киши — 1) человек, мужчина; 2) обращение балкарских и карачаевских женщин к мужу.

Кобалбатыр — дядя Ачемеца.

кобуз — национальный музыкальный инструмент, гармоника.

Колан — кличка богатырского коня Ерюзмеса.

колташ — 1) состязание в толкании камня; 2) камень для толкания.

конаклык — гостеприимство; угощение в честь гостя.

Конуш-Джурт — топоним в Карачае.

Коштан тау — гора в КБР.

Куб — эпический топоним.

Кубань — река на Северном Кавказе.

Кубу, Губу, Хубун, Тюклесхан — кровник Ачемеца.

кумган — металлический кувшин с узким горлышком.

Кумыш — топоним в Карачае.

Куркур тау, Куркурские горы — эпический топоним.

курманлык — 1) жертвенное животное; 2) жертвоприношение; 3) пир, торжество, угощение.

курмач — жареная кукуруза.

курпей — мерлушка, смушка.

куртха — ведунья, вещунья.

Курша — дядя Чюелди.

куу — трут, фитиль.

кыбыла — 1) направление в сторону Мекки; 2) Юг (сторона света).

кыл кобуз — национальный музыкальный инструмент.

кырк буга — жертвенный бык.

Кырк суу — эпический топоним.

Кырс-бийче — женский персонаж нартских сказаний. Иногда выступает в роли Сатанай.

кычырым см. чакырым.

Кюлюмхан — служанка Сатанай.

Кюнкыз — букв. «солнечная девушка». Так называется Сатанай в сказании «Нарты-сибины».

Кюн Тейри — бог Солнца.

кямар — серебряный пояс в национальном женском костюме.

Ледяное море — эпический топоним.

лёкум, локум — кусок теста, обжаренный в масле.

марджа, маржа — 1) форма обращения, выражающая призыв, побуждение; 2) зарок.

маштак — кляча; мерин.

Машук — гора близ Пятигорска.

мелте — ткань, пропитанная воском.

месяц Тотура — в народном календаре балкарцев покровителю волков и охотников Тотуру были посвящены март (Тотурну ал айы) и май (Тотурну арт айы).

милдеу — частица, небольшая доля.

Минги тау — Эльбрус.

Мичилиу — ведунья нартов.

Мусса-Ачитара — топоним в Карачае.
Мырза — эпизодический персонаж эпоса.

Накут-Дорбун — эпический топоним.
Налмаз тау — эпический топоним.
Нарт Бора — топоним в КБР.
нарт-гурт — арх. народ нартов.
Нарт уя — Долинск — курортная зона Нальчика.

Насран бий — дядя Ачемеца.
Нижний Чегем — балкарское село в Чегемском ущелье КБР.
Ногайчык, Ногайчик — нартский герой.
ныгыш — 1) место в ауле, где собираются для совета, решения каких-либо дел; 2) место для проведения досуга.

обур — 1) вещей, мудрый, сообразительный человек; 2) оборотень, ведьма, колдунья.
оджак, ожак — очаг; дымоходное отверстие в сакле.
ойра — слово-рефрен в народных песнях.
орайда — 1) свадебная песня; 2) песенный рефрен.
От Тейри — бог Огня.
отоу — 1) женская половина дома; 2) комната для новобрачных; 3) комната для гостей.

пелиуан — силач, богатырь.

Рачыкау, Рачикау, Ерчыкау — нартский герой-исполин.

салым — приветствие.
салымчы — ангелы, небожители.
Сандырак — нартская знахарка.
Сарасан — мать Чюерди.
Сары-Арка — эпический топоним.
Сарыкулак — меч Карашауая.
сарыуек, сарыубек — 1) мифический огнедышащий дракон; 2) крокодил.
Сатанай, Сатанай-бийче, Сатаной — главная героиня нартского эпоса, жена Ёрюзмека.
Северное море — эпический топоним.
Сибилта — страна нартов.
Сибилчи — нартский герой.
Созар Гезохов — нартский герой.
Созукку, Созук, Соджук, Сосук — нартский пастух, отец Сосурука.
солтанжия — разновидность лука (оруж.).
состар — 1) гранит; 2) речной валун.
Суу анасы — мать Воды.
Суу Желмаууз — имя бога Моря (Воды).
Суу Тейри — бог Воды.
Схуртук Схуртуков — отец Ёрюзмека.
Схуртуковы, Усхуртуковы — один из нартских родов. Из Схуртуковых — Ёрюзек.
сыра, кара сыра — хмельной напиток, пиво.
сырпын — меч.
сырыйна — свирель, флейта.

тамада, тамата — 1) старший по возрасту; 2) глава, распорядитель пира, тамада; распорядитель.
тарпан — 1) волшебный морской крылатый конь; 2) породистый скакун.
Тарык — эпический топоним.
Таурус — см. Анкар.
таурух — легенда, сказание.
Ташлы-Сырт — топоним в КБР.
Тегин — топоним в Карачае.
Тейри — верховное божество в языческом пантеоне балкарцев и карачаевцев.
Тейри эмегенов — бог эмегенов.
Тейюр — в публикации П. Острякова Ёрюзек выступает под этим именем.
Темир-Капу, Темир-Кафу — 1) топоним в КБР; 2) устар. Дербент; 3) имя врага нартов.
Темир Чокка — кровник Созара Гезохова.
тепси — низкий столик на трех ножках.
тепшек — 1) блюдо; 2) поднос.
тёр — почетное место.
тёре — 1) народное собрание; 2) суд; 3) обычай, закон.
Терек — река на Северном Кавказе.
Терк тау — гора в верховье реки Терек.

Тёртлеме — букв. «четырёхглавый». Имя эмегена.
Тихтеннген, Тихтен тау — гора в КБР.
тоба, тобаста — 1) исповедь, рассказание; 2) зарок, клятва; междом. «боже мой», «о боже».
Тогузбаш — букв. «девятigliавый», имя эмегена.
той — 1) пир, свадьба, праздник, веселье; 2) национальные танцы.
Тонгуз орун — топоним в КБР.
Тотур — языческое божество охотников, покровитель волков.
Тотурбий Схуртуков — сын Дебета.
Тохана — ведунья страны нартов, воспитательница Сатанай.
тулпар — 1) могучий, храбрый богатырь, силач; 2) сказочно-эпический крылатый конь.
Турту — брат Джёнгера.
тутум — мера длины, равная ширине ладони.
Тызыл — топоним в КБР.
тойме — 1) в женском национальном костюме серебряный нагрудник; 2) пуговица.
Тюкlesh — эмеген, кровник Ачемеза.
томен — 1) бесчисленное множество; 2) десять тысяч.
уздень — см. ёзден.
Улту Кам — топоним в Карачае.
Ушта — гора в Карачае.

Фук, Краснобородый рыжий Фук, Пук — враг нартов.

хаджи, хажи — 1) человек, совершивший хадж; 2) духовное лицо.
хапар — известие, новость; рассказ.
хурджун, хуржун — 1) мешочек, сумка; 2) карман.
Хурла — озеро в Карачае.
Хурс-Халы — топоним в КБР.
хычын — круглый пирог (лепешка с начинкой).

Цехни — сын Дебета.

чабыр — обувь из сыромятной кожи.
чакырым, кычырым — 1) расстояние, равное слышимости крика; 2) верста, километр.
чарыки — 1) галоши из сыромятной кожи, надеваемые на чабыры; 2) тапочки.
Чегем, Чегемское ущелье — топонимы в КБР.
Черекское ущелье — название одного из ущелий в КБР.
чийбыдыр — сырое брюхо; толстопузый. Пренебрежительное обращение нартов к эмегенам.
Чирик кёл — Голубые озера в КБР.
Чууана — 1) святилище нартов; 2) топоним в Карачае.
Чынгъл тау — эпический топоним.
Чюерди, Чюелди — один из нартских героев.
Чюмедий — нартский рыбак, воспитатель Рачыкау.

шайтаны — бесы, черти, нечистая сила.
шапа — 1) прислуга; 2) человек, обслуживающий застолье.
Шаулух Инджи — нартская красавица, соблазнительница Ерюзмека.
Шаушюгот — топоним в КБР.
шорпа — бульон, суп.
Шубадиевы — род нартов. Из Шубадиевых — Рачыкау.
Шырдан — один из эпизодических нартских героев.

Ылгыбас, Ылгыбасын — топоним в КБР.
Ыркыз — топоним в КБР.

Эки башлы — букв. «двуглавыи», Эльбрус.
Экижюрек — отец Акбилек.
Элия, Елия — 1) божество грома и молнии; 2) покровитель нартских воинов.
Элхур — эпический топоним.
эмегены — враги нартов. Многоголовые великаны-людоеды.
эр — здесь [настоящий] мужчина.
эркеч — козел, вожак стада.

Ючлеме — букв. «трехглавыи», имя эмегена.

ярабий, арабий, арабин — 1) восклицание в значении «господи»; 2) частица, выражающая интерес, желание узнать, сомнения.

SUMMARY

The M. Gorki World Literature Institute of the Russian Academy of Science is collaborating with the other scientific centres in publication of folklore works from the rich epic legacy of the peoples of East Europe and Asia.

This volume of the *Epos of the Peoples of Eurasia* series is the first bilingual academic edition of Narts Epos of the Balkar and Karachai peoples. It includes epic texts, written one hundred years ago. The main place in the edition is given to the Nart's songs and legends from the archives of Kabardino-Balkar Research Institute of History, Philology and Economy and Karachai-Cherkes Research Institute. Most of them are put into scientific use for the first time.

The book incorporates an introductory article by T. M. Khadzhieva, which elucidates originality of the Karachai-Balkar version of Narts Epos and its poetics; articles by S. A. Urusbiev "A Few Words of a Collector and Translator", about epic texts published by him in 1881, and A. I. Rakhaev, about Narts' songs (with music supplement), original texts of twelve epic cycles with its Russian translation, a commentary to them, and a glossary.

The edition is prepared by scholars from the A. M. Gorki Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, and Kabardino-Balkar Research Institute of History, Philology and Economy under the KBR Council of Ministers.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
<i>Т. М. Хаджиева</i> Нартский эпос балкарцев и карачаевцев	8
ТЕКСТЫ	
I. Нартланы жаратылгъанлары	68
1. Тейриле бла нартла	68
2. Нарт темирчи Дебетни туугъаны	68
3. Деуэт-Батырны туугъаны	70
4. Ариу Сатанай	71
5. Дебет бла Ёрюзмек	73
6. Ёрюзмекни туугъаны	74
7. Ёрюзмек нартлагъа келеди	74
II. Ёрюзмек бла Сатанай	76
8. Ёрюзмекни кёкде Фук бла сермешгенини юсюнден	76
9. Ёрюзмек бла кына сакъаллы Кызыл Фук	78
10. Ёрюзмек Кызыл Фукну ёлтюреди	81
11. Усхуртук улу Ёрюзмек бла Фук	83
12. Ёрюзмек бла кьуртхала	85
13. Ёрюзмек бла Фукну кюрешлери	86
14. Ёрюзмек бла Кызыл Фук	86
15. Ёрюзмек бла Къайтмырза	90
16. Сатанай Ёрюзмекни ёлжюмден кьутхарады	91
17. Ёрюзмек бла Фук улу Жанпараз	93
18. Ёрюзмек бла аны берю тону	95
19. Ёрюзмек бла жангыз кёзлю эмеген	95
20. Нарт Ёрюзмек бла эмегенле	97
21. Нартла эмегенлени кырадыла	100
22. Ёрюзмек бла Ногъайчыкь	101
23. Сатанай Темир-Къапуну аскерин хорлайды	104
24. Ёрюзмек бла акь марал	106
25. Ёрюзмек нартла тоюнда бла шайтанла тоюнда	108
26. Ёрюзмек бла жинле	109
27. Нарт Ёрюзмек бла шайтанла	111
28. Сатанай Ёрюзмекни къалай алдагъанды	112
29. Ёрюзмек шайтанланы тоюнда	114
30. Ёрюзмек бла шайтанла	115
III. Сосурукь/Сосуркъа	117
31. Созук бла Сатанай	117
32. Сосурукьну туугъаны	118
33. Созукну жашы	119
34. Нартла Сосурукьну къалай тапхандыла	119
35. Сосурукь нартлагъа от келтиреди	120
36. Сосурукь бла эмеген	121
37. Нарт Сосурукьну бла эмегенни жыры	124
38. Сосурукьну жыры	125
39. Эмегенни енгечи	126
40. Сосурукьгъа махтау жыр	127
41. Сосуркъа	127
42. Сосуркъа бла эмеген	128
43. Сосурукь эмегенле бла тутушады	129
44. Нарт Сосурукь бла жангыз кёзлю эчкичи эмеген	131
45. Нарт Сосурукь адам ашаучу губуланы кырады	132
46. Сосуркъа бла сокьур мазаллы адам	132
47. Сосурукь жер тюбюнде	133
48. Сосурукь чарх оюнда	138
49. Сосурукь бла Акьбилек	139
50. Сосурукьну ёлгени	141

IV. Дебет — Алауган — Къарашауай	142
51. Нарт темирчи Дебетни жыры	142
52. Дебет улу Алауган	144
53. Дебетни жашлары бла эмеген къатынны къызлары	146
54. Алауган тайны къалай тутханыны юсюнден	149
55. Алауган алтын тонну эмегенден къалай урлагъанды	149
56. Алауганны къатынсыз къалгъаны	151
57. Алауган бла Зинзиуар	151
58. Алауган эмеген къатын алады	154
59. Алауган бла беш башлы эмеген къыз	154
60. Алауган бла эмеген къатынны къызы	155
61. Къарт Алауганны жашы	156
62. Алауганны жашы Къарашауай	159
63. Алауган бла аны жашы Къарашауай	162
64. Эмеген къатынны жашы	164
65. Къарашауайны туугъаны	164
66. Къарашауайны сабийлиги	166
67. Нарт Алауган	167
68. Алауган къалай къатын алды	168
69. Шаууайны туугъаны	170
70. Алауган бла эмеген къатын	171
71. Алауган бла жашы	172
72. Дебет бла Къарашауай	174
73. Къарашауай бла темирчи	175
74. Гемуда	176
75. Къарашауай бла Гемуда	176
76. Къарашауай Гемуданы сынайды	177
77. Къарашауай бла Гемуданы жырлары	179
78. Къарашауайны Гемудасы	180
79. Къарашауайны жыры	181
80. Къарашауай бла нартла	182
81. Къарашауай чариште	183
82. Къарашауай бла Гемуда алаша	184
83. Къарашауай	188
84. Нарт Къарашауай бла Гемуда	189
85. Батыр Къарашауай бла Гемуда	192
86. Ёрюзмекни жыйыны бла Къарашауай	193
87. Шауай бла Рачыкъау	199
88. Жигит Шауай бла Гемуда	200
89. Нарт Къарашауайны юсюнден	201
90. Къарашауай бла бир жаш	202
91. Агунда бла Къарашауай	203
92. Къарашауайны сыбызгъысы	205
93. Нарт Къарашауай хункер патчахны къызын алады	205
94. Къарашауайны хыйласы	210
95. Къарашауай Гемудадан къалай айырылгъанды	211
96. Къарашауайны къара сууу	211
97. Къарашауай сауду, ёлмегенди	212
V. Эки-юч нарт батыр бла байламлы таурухла бла жырла	213
98. Юч нарт бла юч эмеген	213
99. Ёрюзмек бла Сосурукъ	219
100. Сосурукъ бла Сибилчи	221
101. Сибилчи	223
102. Нартла эмегенледен къалай къутулгъандыла	225
103. Ууда	226
VI. Бёдене — Рачыкъау	227
104. Нарт Рачыкъау	227
105. Нартны къойчусу Созукку бла Бёдене	228
106. Нарт Бёдене	230
107. Ёречыкъау	234
108. Рачыкъауну юсюнден жыр	235
109. Ёречыкъау бла Къарашауай	237
110. Къарашауайны дерти	238

111. Ёречыкѡану кѡатын алыуу	240
VII. Шырдан бла Нёер	241
112. Шырдан бла Нёер	241
113. Жёнгер бла Шырдан, эм Аман тилли Гилястан	243
114. Агунда бла Шырдан	246
115. Жёнгер бла Ачы тилли Гиляхсыртан	246
VIII. Чюерди	249
116. Нарт улу Бора-Батыр бла Чюелди	249
117. Чюелди	251
118. Нарт Чюерди бла Ёрюзмекни кѡызы	253
119. Чюерди	256
IX. Ачей улу Ачез	259
120. Ачей улу Ачез	259
121. Ачез бла Кѡубу	262
122. Ачейны жашы бла Хубун	265
123. Ачей улу Ачез бла Тюклесхан	267
124. Ачез бла Хубун	270
125. Ачез бла Тюклеш	273
X. Жыйымдыкѡ таурухла	275
126. Сибил нартла	275
127. Болат-Хымычны жыры	278
128. Алмостула кѡайдан чыкѡдыла	280
129. Эмегенлени юсюнден	281
130. Бёрюле бла итле	282
XI. Нартланы жырлары.	283
131. Нартланы Тейриге табынган алгынлары	283
132. Умай-бийче	283
133. Элия	283
134. Нартланы таяклары	285
135. Нартланы алгыншыларындан	286
136. Жортуулдан кѡайытыу	286
137. Доммай ууда	287
XII. Нартланы жерден кетгенлери	289
138. Нартла бла эмегенлени кѡырылганларыны юсюнден	289
139. Нартла бла эмегенле	290
140. Нарт кюй	291
141. Алтын чолпу	292
142. Нарт кѡопхан	294
143. Нартла жерден кѡалай кетгендиле	294
144. Дебет кёкде темирчи болуп турады	298
145. Нартла бла Сатанайны жерден кёкге учханларыны юсюнден таурух	299

I. Начало нартов. Рождение нартских героев	302
1. Тейри и нарты	302
2. Рождение нартского кузнеца Дебета	302
<i>Приложение 1.</i> Про первого нарта Девета Золотого	304
<i>Приложение 2.</i> (О том, как воинственное племя нартов посе- лилось у подножия Эльбруса)	305
3. Рождение Деуэт-батыра	305
4. Прекрасная Сатанай	306
5. Дебет и Ерюзмек	308
6. Рождение Ерюзмека	308
7. Как Ерюзмек пришел к нартам	309
II. Ерюзмек и Сатанай	311
8. Как Ерюзмек сражался на небе с Фуком	311
9. Ерюзмек и краснобородый Рыжий Фук	313
10. Ерюзмек убивает Рыжего Фука	316
11. Ерюзмек, сын Схуртука, и Фук	318
<i>Приложение 1.</i> Ерюзмек	320
<i>Приложение 2.</i> Урызмек	320
<i>Приложение 3.</i> Орюзмек	323
12. Ерюзмек и ведуньи	324
13. О борьбе Ерюзмека и Фука	324
14. Ерюзмек и Рыжий Фук	325
15. Ерюзмек и Кайтмырза	329
16. Сатанай спасает Ерюзмека от гибели	330
17. Ерюзмек и сын Фука Жанпараз	332
18. Ерюзмек и его волчья шуба	334
<i>Приложение 4.</i> Как Сатанай спасла своего мужа	335
<i>Приложение 5.</i> Сосруко	336
19. Ерюзмек и одноглазый эмеген	338
20. Нарт Ерюзмек и эмегены	339
21. Как нарты уничтожили эмегенов	342
22. Ерюзмек и Ногайчик	343
23. Как Сатанай победила войско Темир-Капу	347
24. Ерюзмек и белая оленуха	349
25. Как Ерюзмек побывал на тое нартов и на тое шайтанов	351
26. Ерюзмек и джинны	352
27. Нарт Ерюзмек и шайтаны	354
28. Как Сатанай обманула Ерюзмека	355
29. Ерюзмек на тое шайтанов	357
30. Ерюзмек и шайтаны	359
<i>Приложение 6.</i> Орюзмек	360
<i>Приложение 7.</i> Княгиня Сатанай	361
<i>Приложение 8.</i> Смерть Орюзмека	363
III. Сосурук/Сосурка	364
31. Сатанай и Созук	364
32. Рождение Сосурука	365
33. Сын Созука	366
34. Как нарты нашли Сосурука	366
<i>Приложение 1.</i> Сосруко	367
35. Как Сосурук добыл огонь для нартов	367
36. Сосурук и эмеген	369
37. Песня о нарте Сосуруке и эмегене	372
38. Песня о Сосуруке	373
39. Пищеvod эмегена	374
40. Песня в честь Сосурука	375
41. Сосурка	375
42. Сосурка и эмеген	376
<i>Приложение 2.</i> Сосурка и эмеген Пятиголовый	377
43. Как Сосурук боролся с эмегенами	378
44. Сосурук и одноглазый эмеген — пастух коз	380
45. Как нарт Сосурук истребил пауков-людоедов	381
46. Сосурка и слепой великан	382
47. Сосурук под землей	383
48. Сосурук в игре с колесом	387
49. Сосурук и Акбилек	388
50. Смерть Сосурука	390

IV. Дебет — Алауган — Карашауай	392
51. Песня о нартском кузнеце Дебете	392
52. Алауган — сын Дебета	394
53. Сыновья Дебета и дочери эмегенши	396
54. Как Алауган поймал жеребенка	399
55. Как Алауган похитил золотую шубу у эмегенов	400
56. Как Алауган остался без жены	401
57. Алауган и Зинзиуар	401
58. Как Алауган женился на эмегенше	403
<i>Приложение 1. Как вошло зло в нартровский род</i>	404
59. Алауган и пятиголовая девушка-эмегенша	408
60. Алауган и дочь эмегенши	409
61. Сын старого Алаугана	411
62. Сын Алаугана Карашауай	413
63. Алауган и его сын Карашауай	417
64. Сын эмегенши	418
65. Рождение Карашауая	419
66. Детство Карашауая	421
67. Нарт Алауган	421
68. О том, как женился Алауган	423
69. Рождение Шауая	425
70. Алауган и эмегенша	427
<i>Приложение 2. Рождение Шевая</i>	427
<i>Приложение 3. Алауган</i>	429
<i>Приложение 4. Генджакешауай</i>	430
71. Алауган и его сын	432
72. Дебет и Карашауай	435
73. Карашауай и кузнец	435
74. Гемуда	437
75. Карашауай и Гемуда	437
76. Карашауай испытывает Гемуду	438
77. Песня о Карашауае и Гемуде	440
78. Гемуда Карашауая	441
79. Песня о Карашауае	442
80. Карашауай и нарты	443
81. Карашауай на скачках	444
<i>Приложение 5. (Шевай и Гемуда)</i>	445
82. Карашауай и Гемуда-алаша	446
83. Карашауай	450
84. Нарт Карашауай и Гемуда	451
85. Батыр Карашауай и Гемуда	455
86. Дружина Ерюзмека и Карашауай	456
87. Шауай и Рачыкау	462
<i>Приложение 6. Шауай</i>	463
88. Джигит Шауай и Гемуда	472
89. О нарте Карашауае	473
90. Карашауай и юноша	474
91. Агунда и Карашауай	475
92. Свирель Карашауая	477
93. Нарт Карашауай женится на дочери могущественного падишаха	477
94. Хитрость Карашауая	482
95. Как Карашауай расстался с Гемудой	484
96. Родник Карашауая	484
97. Карашауай не умер, он жив	484
V. Нартские песни и сказания, посвященные нескольким героям	486
98. Три нарты и три эмегена	486
99. Ерюзбек и Сосурук	493
100. Сосурук и Сибильчи	495
101. Сибильчи	497
<i>Приложение 1. (Нарты и великаны)</i>	499
<i>Приложение 2. Эмегены</i>	501
<i>Приложение 3. Кто сильнее?</i>	502
102. Как нарты спаслись от эмегенов	503
103. На охоте	504

VI. Бёдене — Рачыкау	506
104. Нарт Рачыкау	506
105. Нартский пастух Созукку и Бёдене	508
106. Рыбак Бёдене и Рачыкау	509
<i>Приложение 1. Рачыкау</i>	513
<i>Приложение 2. Сосук</i>	518
107. Ёречыкау	518
108. Песня о Рачыкау	520
109. Ёречыкау и Карашауай	521
110. Месть Карашауая	522
111. Как женился Ёречыкау	524
VII. Шырдан и Нёгер	526
112. Шырдан и Нёгер	526
113. Жёнгер, Шырдан и Злоязычный Гилястан	529
114. Агунда и Шырдан	531
115. Жёнгер и Злоязычный Гиляхсыртан	531
VIII. Чюерди	535
116. Нарт Бора-батыр и Чюелди	535
117. Чюелди	537
118. Нарт Чюерди и дочь Ёрюзмека	540
119. Чюерди	542
IX. Ачемез, сын Ачя	546
120. Ачемез, сын Ачя	546
121. Ачемез и Кубу	549
122. Сын Ачя и Хубун	552
123. Ачемез, сын Ачя, и Тюклесхан	555
124. Ачемез и Хубун	558
125. Ачемез и Тюкlesh	561
<i>Приложение 1. Ачемез и Хубун</i>	562
<i>Приложение 2. Богатырь Ецемей, сын Еця</i>	564
X. Разрозненные сказания	572
126. Нарты-сибилы	572
127. Песня о Болат-Хымыче	575
<i>Приложение 1. Сыновья Девета — Гу и Цехни</i>	577
<i>Приложение 2. Созар Гезохов</i>	578
128. Откуда появились алмосту	580
129. Об эмегенах	581
130. Волки и собаки	581
XI. Песни нартов	582
131. Моление нартов Тейри	582
132. Умай-бийче	582
133. Элия	582
134. Волшебная палка нартов	584
135. Из нартских благопожеланий	585
136. Песня нартов, возвращающихся из похода	585
137. Песня нартских охотников на зубра	586
XII. Исчезновение с земли нартского племени	587
138. Гибель нартов и эмегенов	587
139. Нарты и эмегены	588
140. Песня-плач по нартам	589
141. Золотой ковш нартов	590
142. Воскресение нартов	592
143. Как нарты покинули землю	592
144. Дебет — небесный кузнец	596
145. Как нарты и Сатанай переселились на небо	597

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>С.-А. Урусбиев.</i> Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. (Несколько слов от собирателя и переводчика)	600
<i>А. И. Рахаев.</i> О музыке нартского эпоса Балкарии и Карачая	605
Нотные приложения	611
Список сокращений	615
Комментарии	616
Глоссарий	643
Summary	648

Документальное научное издание

НАРТЫ
Героический эпос балкарцев
и карачаевцев

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А.М.Горького РАН

Заведующая редакцией *В.Д.Подберезская*

Редактор *А.А.Янгаева*

Младший редактор *Г.А.Бурова*

Художник *Л.С.Эрман*

Художественный редактор *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *Г.А.Никитина*

Корректоры *А.А.Артамонова, Л.В.Хохлова*

ИБ № 17022

Сдано в набор 18.11.92

Подписано к печати 29.11.93 г.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная

Гарнитура таймс. Печать офсетная

Усл. п.л. 53,3. Усл. кр.-отт. 53,3

Уч.-изд.л. 60,23. Тираж 9400 экз.

Изд. № 7221. Зак. 3877. «С»-1

ВО «Наука»

Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Московская типография № 2 РАН
121099, Шубинский пер., 6

Д о п о л н е н и я к к о м м е н т а р и я м

Сказания №№ 1; 23; 60; 63; 67; 71; 83; 117; 145 публикуются с сокращениями.